№ 5
май
2026 г.

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

LAW and MANAGEMENT

scientific and legal journal

Ежемесячный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам гражданского, административного права,судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, а также правовому мониторингу гражданского законодательства в России и мире

Monthly analytical scientific and legal journal on topical issues of civil, administrative law, judicial power, law enforcement and human rights activities, as well as legal monitoring of civil legislation in Russia and the world

Председатель редакционного совета:
доктор юридических наук, профессор
Василий Васильевич Гущин
Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор
Светлана Анатольевна Иванова
Заместитель главного редактора:
доктор юридических наук, доцент
Марат Селирович Шайхуллин
Заместитель главного редактора по научному развитию:
Руслан Гандалоев
кандидат политических наук, доцент
Корректор:
Вера Ивановна Козлова
Компьютерная верстка и дизайн:
Марина Владимировна Горячева

Chairman of the Editorial Board:
doctor of law sciences, professor
Vasily Vasilievich Gushchin
Editor-in-Chief:
doctor of law sciences, professor
Svetlana Anatolyevna Ivanova
Deputy Editor-in-Chief:
doctor of law sciences, associate professor
Marat Selyovich Shaikhullin
Deputy Editor-in-Chief for Scientific Development:
Ruslan Gandaloev
candidate of Political Science, Associate Professor
Corrector:
Vera Ivanovna Kozlova
Computer layout and design:
Marina Vladimirovna Goryacheva

Учредитель и издатель:
Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-84981, ПИ № ФС77-46150 от 12 августа 2011 г.)
Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Адрес редакции (для писем): 111397,
г. Москва, Зеленый проспект, 22-302.
Home page: www.law.law-books.ru
E-mail: mail@law-books.ru

Founder and Publisher:
Publishing house «YURKOMPANI»

Registered with the Federal Supervision Service in communications, information technology and mass communications (EL Media Registration Certificate No. FS 77-84981, PN FS77-46150 dated August 12, 2011)
Included in the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and registered with the Scientific Electronic library e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Editorial address (for letters): 111397, Moscow,Green Avenue, 22-302.
Home page: www.law.law-books.ru
E-mail: mail@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Право и управление» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

When using published materials, the link to the magazine “Right and Control” is mandatory. Materials published in the journal can be placed in electronic legal databases and reference systems. All manuscripts sent are subject to mandatory review. The author of the manuscript is informed of the decision. The editorial opinion may not coincide with the opinion of the author.

Индекс подписки в каталоге «Пресса России» и «Библиотечном каталоге»: 46148

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **В.В. Гущин** – доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин
Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Заместитель Председателя: **Р.М. Мырзалимов** - доктор юридических наук,
советник Председателя Верховного Суда Кыргызской Республики,
профессор кафедры административного права юридического факультета
Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына

Е.В. Богданов - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

А.П. Галоганов - доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.П. Камышанский - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Российского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В.В. Комарова - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Российской Федерации Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В.В. Сангаджиев - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Ткачев - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

О.В. Химичева - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя

Л.А. Тхабисимова - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

EDITORIAL BOARD

Chairman: **V.V. Gushchin** - Doctor of Law, Professor, Department of Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property

Deputy Chairman: **R.M. Myrzalimov** - Doctor of Law, Advisor to the Chairman of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic, Professor, Department of Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University

E.V. Bogdanov - Scientific Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law, Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia

A.P. Haloganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.P. Kamyshansky - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Kuban State Agrarian University, Head of the Department of Civil Law and Process of the Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Russian, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

V.V. Komarova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)

V.V. Sangadzhiev - Academic Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the RUDN Law Institute

V.N. Tkachev - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

O.V. Khimicheva - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikotya

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Consti ¬ Tutsionnaya and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political and Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Иванова - председатель, главный редактор, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН.

М.С. Шайхуллин - первый заместитель главного редактора, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем прав

Научная специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Е.Г. Багреева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

А.И. Глушков - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Л.Ю. Грудцына - доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

И.В. Дойников - доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Р.А. Каламкарян - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

А.Н. Левушкин - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

Т.А. Сошникова - доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Г.Г. Шинкарецкая - доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

М.Д. Давитадзе - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Открытого гуманитарно-экономического университета

М.М. Дикажев - доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

Ю.В. Николаева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев - кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

В.Е. Усанов - доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова

Е.Н. Щербак - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета

Н.Д. Эриашвили - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

Э.Г. Юзиханова - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России

EDITORIAL BOARD

S.A. Ivanova - Chairman, Editor-in-Chief, Doctor of Law, Professor,
Deputy First Vice-Rector for Academic and Methodological Work,
Professor of the Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, expert of the Russian Academy of Sciences.

M.S. Shaikhullin - First Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Rights Problems

Scientific specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences

E.G. Bagreeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation"

A.I. Glushkov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Law, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Academy of Intellectual Property," Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)," Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

I.V. Doinikov - Doctor of Law, Professor, Moscow City University of Management, Moscow Government

A.A. Dorskaya - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

R.A. Kalamkaryan - Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the International Legal Research Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Law of the Peoples' Friendship University of Russia

A.N. Levushkin - Doctor of Law, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice

T.A. Soshnikova - Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and Social Branches of Law, Moscow University of the Humanities

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Department of International and Integration Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

G.G. Shinkaretskaya - Doctor of Law, Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Scientific specialty: 5.1.4. Criminal Law Sciences

M.D. Davitadze - Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo Branch, Head of the Department of Criminal Law and Process of the Open Humanitarian and Economic University

M.M. Dikazhev - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Ingush State University

Yu.V. Nikolaeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation

G.B. Pronchev - Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Senior Researcher, Federal Research Center of Chemical Physics named after N.N. Semenov of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Russia, Moscow

V.E. Usanov - Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University Economics named after G.V. Plekhanov

E.N. Shcherbak - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Financial Law, Russian State University for the Humanities

N.D. Eriashvili - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

E.G. Yuzikhanova - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Preliminary Investigation, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Содержание:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Виноградова Е.В. * На перекрестке конституционных основ: фискальный суверенитет и социальная уязвимость в системе налогообложения самозанятых 17
Майстренко Г.А. * Государственно-правовая база по противодействию коррупции в России 23
Брик А.Д. * Совершенствование правого регулирования экономической деятельности муниципальных образований Российской Федерации 29
Зарифова В.Б., Селюкова А.А. * Международные стандарты информационной безопасности: от глобального сотрудничества к национальной практике 34
Агаджанов А.А., Магденко А.Д. * Международное сотрудничество в сфере противодействия коррупции: современные реалии 40
Калугин В.И.* Разграничение допуска иностранного капитала и реализации инвестиционного участия: частноправовой подход 45
Тутуков А.Ю., Манамс Н.А.* Актуальные вопросы противодействия терроризму в Российской Федерации 50
Гаджиэменов Б.А. * Кибертерроризм как новая угроза: особенности, каналы распространения и меры противодействия 53
Рудов Д.Н., Сергеев В.В. * Сравнительно-правой анализ законодательства Российской Федерации и республики Никарагуа, регулирующее производство предварительного расследования по преступлениям в сфере транспортной безопасности 59

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Кружевникова А.А., Тарасова М.С. * Проблема правового статуса лиц, рождённых вследствие постмортальной репродукции, как субъектов наследственного права 65
Чередников А.Н. * Искусственное изменение подсудности путем заявления требований, вытекающих из закона о защите прав потребителей 70
Устюгова Е.В. * Особенности рассмотрения гражданских дел в сфере защиты прав потребителей и их влияние на конкурентный рынок России 74
Терещенко Ю.В. * Конституционно-правовые основы управления общественными организациями в Российской Федерации 78

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Зохрабян Р.П. * Зарубежный опыт формирования модели института референдума при решении вопросов о самоопределении народов 84
Логинова Е.Ю. * Концепция согласия в праве международных договоров: теоретические основания и пределы применения 89

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Величкин Г.В. * Основные модели правового регулирования наследования корпоративных прав . . . 94
Матвеева Е.В., Лисецкий Н.С., Моисеенко М.И. * Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом: поиск субъекта ответственности 101

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Шестак В.А., Савенков Д.С. * Прокурорский надзор за реализацией государственной политики импортозамещения в сфере производства вооружения и специальной техники: теоретические и практические аспекты 106

ПРАВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Ратников Д.А. * К вопросу о необходимости учета публичного интереса при установлении судами заинтересованности по статье 1486 ГК РФ 111
Устюгова Е.В. * Злоупотребление правом в законодательстве Российской Федерации 116

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО

Усмонзода Р.Р., Возженикова О.С., Машекуашева М.Х. * Особенности внедрения зарубежного опыта и цифровизация системы образования МВД России 122
Смирнова О.М., Щербаков В.А., Карданова Л.Д. * Формирование антикоррупционной правовой культуры студентов-медиков, обучающихся на языке-посреднике 128

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Капустинский А.А. * Особенности нарушения авторских прав в сети Интернет на примере музыкальных произведений 133
Оганова Н.В. * Правовые вызовы коммерциализации результатов научной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта: сравнительно-правовой анализ законодательства России, КНР и США 138

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Лошкарёва Е.А. * Отграничение брачного договора от смежных договорных конструкций 143
Шарий А.И. * Ипотечное жилье как объект семейных споров: проблемы раздела долга и обращения взыскания при расторжении брака 147
Асланов М.А., Бекмурзинова К.К. * Проблемы участия органов опеки и попечительства в делах, возникающих из семейных правоотношений, и пути их решения 153
Асмандиярова Н.Р., Гарифуллина Р.Р. * Вопросы противодействия семейному насилию в Российской Федерации 157

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Брезгунова П.А. * Применение принципа публичного порядка в арбитражном процессе: защита суверенитета и публичных интересов государства 162
Устюгова Е.В. * Особенности взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами, в порядке ст. 395 ГПК РФ после выплаты, присуждённых судом денежных средств 168
Антипина А.А. * Значение применения нейросетевых технологий в рамках судебных портретных экспертиз для противодействия преступлениям 172
Матвеева Е.В., Моисеенко М.И. * Проблемы и перспективы правового регулирования электронных доказательств 175
Гришуткин Е.А. * К вопросу об использовании систем видеоконференц-связи и веб-конференции в гражданском процессе 184
Фетисова О.В. * Процессуальные особенности разрешения судами ходатайств об установлении предварительных мер защиты в спорах о детях (по материалам судебной практики и с учетом опыта работы органов опеки и попечительства) 189
Хорошавин М.Ю. * Оспаривание сделок несостоятельного должника по приобретению цифровой валюты: вопросы судебной практики 197

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА

Абидов Р.Р. * О некоторых особенностях формирования личности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: комплексное рассмотрение общества, системы и личности 202
Думнов С.Н. * Правовые аспекты служебных обязанностей сотрудников полиции 205
Стороженко Е.В., Черных В.В. * Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный применением огнестрельного оружия сотрудником полиции: проблемы разграничения законного административного принуждения и деликтной ответственности 209
Таков А.З. * Профессиональная деформация и эмоциональное выгорание сотрудников органов внутренних дел в условиях цифровой трансформации преступности 214
Жамборов А.А., Машекуашева М.Х. * Некоторые элементы психологической подготовки стрелка – сотрудника ОВД 217

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Шувалов А.П., Гречаный С.А. * О некоторых вопросах анализа и прогнозирования преступности на современном этапе 222
Полякова Ю.Е. * Уголовно-правовая характеристика возрастной невменяемости 226
Малаев А.Х. * Преступность как сложный социальный феномен: противодействие с участием не только государства, но и общества 231
Ибрагимов И.Р. * Уголовная ответственность юридических лиц: зарубежный опыт и перспективы развития 234
Кучинаев Р.Р. * Профилактика и превенция: анализ систем профилактики в России и за рубежом, смещение акцента с наказания на предупреждение преступления 240
Канокова Л.Ю., Котельников Н.С. * Поведенческие признаки и мировоззренческие установки личности, вероятностно готовой примкнуть к террористической деятельности 243
Полякова Ю.Е. * Ограниченная вменяемость как уголовно-правовая категория 246

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Ковалев О.Г. * Нормативно-правовое регулирование права поступления на службу в уголовно-исполнительной системе 250
Красинская Е.С. * Формирование навыков антикоррупционного поведения сотрудников ОВД по предотвращению несанкционированного предоставления служебной информации гражданам 256

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Майстренко Г.А. * Дропперство в системе преступлений против порядка безналичных расчетов: уголовно-правовая квалификация и процессуальное доказывание 260
Гарифуллина Р.Ф., Хакимова Э.Р. * Криминологическая характеристика террористической и экстремистской преступности 267
Рахманова Е.Н. * Эволюция ответственности за жестокое обращение с животными в современном росийском уголовном законодательстве 271
Симагина Н.А. * Современное состояние и тенденции женской преступности в Российской Федерации 275
Журтов А.Б. * Профилактика преступности - как инвестиция в безопасное будущее 280
Арутюнян С. * Особенности расследования преступлений несовершеннолетних 283
Темежников А.К. * Преступность в контексте внешней миграции: криминологический анализ 289
Хамурзов А.Т. * Актуальные проблемы в современном регулировании преступности в сети «Интернет» 295
Зарифова В.Б., Селюкова А.А. * Информационная безопасность нации: международные нормы и сравнительный анализ ответственности за киберпреступления 298
Полякова Ю.Е. * Вменяемость как обязательный признак субъекта преступления 303
Кодзов Т.Н., Ершов Д.А. * Социальные сети как фактор криминогенного влияния: криминологический анализ российских реалий 310
Ведищев А.С., Созинов Е.В., Медведев Н.А. * Установление уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации: аргументы за и против 314
Аминов И.Р., Трусов С.В. * О совершенствовании борьбы с преступлениями террористической и экстремистской направленности 318

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Омелин В.Н. * Некоторые вопросы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе 322
Ковалев О.Г., Мельникова О.В. * Влияние цифрового права на формирование правовой культуры осужденных молодежного возраста, отбывающих наказание без изоляции от общества 327
Чураков Д.С. * К вопросу о понятии цифровых технологий, применяемых на досудебных стадиях уголовного судопроизводства 333
Ларин Э.Н. * Благородна ли «ложь во спасение» или как свидетельский иммунитет помогает предотвращению ложных показаний в ходе уголовного судопроизводства 338
Кузнецов Д.М. * Целесообразность наличия института присяжных заседателей 347
Ковалев О.Г. * Обеспечение личной безопасности осужденных к принудительным работам 351

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Самохин С.И. * Административно-правовые аспекты использования технических средств (на примере квадрокоптеров) в ОВД Российской Федерации 357
Каменская К.С. * Административно-процессуальные особенности лицензирования медицинской деятельности в России и Китае 362
Шестак В.А., Политов Г.К. * Административно-правовой статус граждан Российской Федерации на территориях максимального уровня реагирования 367

МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО

Смирнова О.М., Карданова Л.Д. * Развитие правовой политики государства в регулировании создания программ искусственного интеллекта в здравоохранении 373
Юсиф-Зада А.-А. И. оглы * Органы и ткани человека в системе объектов гражданского права 376
Шеметова А.Д. * Эпидемиологические аспекты безопасности детского здоровья: риски заражения глистной инфекцией и пробелы законодательства в содержании придомовой территории 382
Обидов М. * Роль искусственного интеллекта в развитии международного регулирования здравоохранения 390

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Шатверян Н.Г., Пшеничная М.А. * Проблемы правового регулирования труда и социальной адаптации ветеранов специальной военной операции 393

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Лысак В.В. * Разумность искусственного интеллекта 399
Дубень А.К. * Отдельные аспекты историографии информационного права 407
Семенов А.А., Гончар В.В. * Программное обеспечение для машинного обучения: архитектура, форматы и проблемы совместимости 412
Березенко Е.В., Кузнецов А.В., Чижов И.А. * Правовые риски использования цифровых технологий в деятельности полиции 423
Бажанов С.А. * Алгоритмическая оценка риска рецидива при условно-досрочном освобождении: возможности и пределы применения искусственного интеллекта в российской уголовно-исполнительной и судебной практике 428
Семенов А.А., Аветисян К.Р. * Оптимизация вычислений в нейронных сетях: алгоритмы, программные и аппаратные решения 435
Петрухин К.И. * Свободное использование в эпоху развития цифровых технологий 446

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Исмаков Е.В. * Обязательное страхование продуктовой ответственности производителя системы автономного вождения как новый вид страхования в Российской Федерации 453
Венгеровский Е.Л., Некрасов М.Р. * Оспаривание сделок санируемых кредитных организаций . . . 460
Минасян Г.Н. * Возникновение права собственности на автомобиль с момента регистрации как особый способ защиты вещных прав 467
Семенова К.Э., Терентьева С.А. * Изучение энергоэффективных ЦОД в условиях экстремального климата Республики Саха (Якутия) 472

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Васиян Р.И. * Актуальные проблемы законодательства Российской Федерации в сфере цифровой трансформации и цифровизации экономики и основные направления его совершенствования 480
Васильева Е.Г., Хачак Б.Н., Шадже А.М. * Действительный размер налоговых обязательств: допустимые границы налоговой оптимизации и уголовно-правовые запреты в Российской Федерации 486

ДИСКУССИЯ

Мыктыбаев Т.Д. * Приемы триз-педагогики в преподавании налогового права 500
Хлапотин Ю.Н. * Система формирования правосознания у студентов творческих вузов. Часть 1. . . 504
Прошина М.В. * Основные принципы регулирования торговых отношений в исламском торговом праве 508
Гречаный С.А., Рощин Е.В. * О некоторых вопросах правового воспитания в современной России . . 518
Антипина А.А. * Искусственные возрастные изменения как фактор технологии исследования признаков внешнего облика человека, зафиксированного в объективных отображениях, относящихся к разным возрастным периодам 522

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Фиалковская Е.В. * Понятие архива и правовые основы организации деятельности архивов 526
Шаутаева Г.Х., Печников Г.А., Шапиро И.М. * Диалектика К. Маркса в вопросе о правоотношениях 530
Панин Ю.И., Бирмамитова С.А. * История и современное состояние отечественного частного сыска: от дореволюционных традиций до административно-правового регулирования в Российской Федерации 537

Contents:

POLICY AND LAW

Vinogradova E.V. * At the crossroads of constitutional foundations: fiscal sovereignty and social vulnerability in the tax system for the self-employed 17
Maistrenko G.A. * The state legal framework for countering corruption in Russia 23
Brik A.D. * Improving legal regulation of economic activities of municipal entities in the Russian Federation 29
Zarifova V.B., Selyukova A.A. * International information security standards: from global cooperation to national practice 34
Agadzhanov A.A., Magdenko A.D. * International cooperation in the field of corruption prevention: modern realities 40
Kalugin V.I. * Separation of foreign capital admission and implementation of investment participation: a private law approach 45
Tutukov A.Yu., Manams N.A. * Current issues of countering terrorism in the Russian Federation 50
Gadzhiemenov B.A. * Cyberterrorism as a new threat: features, distribution channels and countermeasures 53
Rudov D.N., Sergeev V.V. * A comparative legal analysis of the legislation of the Russian Federation and the republic of Nicaragua regulating the preliminary investigation of crimes in the field of transport security . . . 59

HUMAN RIGHTS AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES

Kruzhevnikova A.A., Tarasova M.S. * The problem of the legal status of persons born as a result of postmortem reproduction as subjects of inheritance law 65
Cherednikov A.N. * Artificial change of jurisdiction by asserting caims arising from the consumer protection law 70
Ustyugova E.V. * Features of consideration of civil cases in the field of consumer protection and their impact on the competitive market in Russia 74
Tereshchenko Yu.V. * Constitutional and legal foundations for the governance of public organizations in the Russian Federation 78

INTERNATIONAL LAW

Zohrabyan R.P. * Foreign experience in developing a referendum model for resolving issues of self-determination of peoples 84
Loginova E.Yu. * Consent in the law of treaties: theoretical foundations and limits of application 89

CIVIL LAW THEORY

Velichkin G.V. * The main models of legal regulation of inheritance of corporate rights 94
Matveeva E.V., Lisetsky N.S., Moiseenko M.I. * Civil liability for damage caused by artificial intelligence: search for the subject of liability 101

PROSECUTORIAL SUPERVISION

Shestak V.A., Savenkov D.S. * Prosecutor's office supervision of the implementation of state import substitution policy in the production of weapons and specialized equipment: theoretical and practical aspects . . . 106

LAW AND ENFORCEMENT

Ratnikov D.A. * On the need to consider the public interest when courts determine standing under article 1486 of the civil code of the Russian Federation 111
Ustyugova E.V. * Abuse of law in the legislation of the Russian Federation 116

EDUCATION AND LAW

Usmonzoda R.R., Vozzhenikova O.S., Mashekuasheva M.Kh. * Features of the introduction of foreign experience and digitalization of the education system of the ministry of internal affairs of Russia 122
Smirnova O.M., Shcherbakov V.A., Kardanova L.D. * Formation of anti-corruption legal culture in medical students studying through a mediator language 128

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Kapustinsky A.A. * Features of copyright infringement on the internet using music as an example 133

Oganova N.V. * Legal challenges to the commercialization of scientific results created using artificial intelligence: a comparative legal analysis of Russian, Chinese, and US legislation 138

FAMILY LAW

Loshkareva E.A. * Demarcation of prenuptial agreement from related contractual structures 143
Shariy A.I. * Mortgaged housing as an object of family disputes: problems of debt division and foreclosure upon divorce 147
Aslanov M.A., Bekmurzinova K.K. * Problems of participation of guardianship and trusteeship authorities in cases arising from family legal relations and ways to resolving them 153
Asmandiyarova N.R., Garifullina R.R. * Issues of countering domestic violence in Russian Federation . . 157

JUDICIAL POWER AND PROCEEDINGS

Brezgunova P.A. * Application of the public order principle in arbitration proceedings: protection of sovereignty and public interests of the state 162
Ustyugova E.V. * Peculiarities of recovery of interest for use of other people's funds, in accordance with art. 395 code of civil procedure of the Russian Federation after payment of funds awarded by the court 168
Antipina A.A. * The importance of using neural network technologies in the framework of forensic portrait examinations to counteract crimes 172
Matveeva E.V., Moiseenko M.I. * Problems and prospects of legal regulation of electronic evidence 175
Grishutkin E.A. * On the use of videoconferencing and web conferencing systems in civil proceedings . . . 184
Fetisova O.V. * Procedural features of court resolution of petitions for the establishment of preliminary protective measures in disputes concerning children (based on court practice and taking into account the experience of guardianship and trusteeship authorities) 189
Khoroshavin M.Yu. * Challenging transactions of an insolvent debtor involving digital currency: issues of judicial practice 197

LAW ENFORCEMENT AND ADVOCACY

Abidov R.R. * On some aspects of the development of the personality of a Russian law enforcement officer: a comprehensive examination of society, the system, and the individual 202
Dumnov S.N. * Legal aspects of the duty of police officers 205
Storozhenko E.V., Chernykh V.V. * Civil liability for damage caused by the use of a firearms by a police officer: problems of distinguishing between legal administrative coercion and tortious liability 209
Takov A.Z. * Professional deformation and emotional burnout of law enforcement officers in the context of the digital transformation of crime 214
Zhamborov A.A., Mashekuasheva M.Kh. * Some elements of psychological training of a shooter – a police officer 217

CRIMINAL LAW THEORY

Shuvalov A.P., Grechany S.A. * On some issues of crime analysis and forecasting at the present stage . . 222
Polyakova Yu.E. * Criminal law characteristics of age-related insanity 226
Malayev A.Kh. * Crime as a complex social phenomenon: response involving not only the state but also society 231
Ibrahimov I.R. * Criminal liability of legal entities: foreign experience and development prospects 234
Kuchinaev R.R. * Prevention and prevention: analysis of prevention systems in Russia and abroad, shifting the focus from punishment to crime prevention 240
Kanokova L.Yu., Kotelnikov N.S. * Behavioural indicators and worldview attitudes of an individual probabilistically prone to joining terrorist activities 243
Polyakova Yu.E. * Limited sanity as a criminal law category 246

CONTROL THEORY

Kovalev O.G. * Regulatory and legal regulation of the right to enter the service in the penal system 250
Krasinskaya E.S. * Forming anti-corruption skills of police officers to prevent unsanctioned distribution of official information to citizens 256

CRIME AND PUNISHMENT

Maistrenko G.A. * Dropper activity in the system of crimes against cashless payments: criminal-law qualification and procedural proof 260
Garifullina R.F., Khakimova E.R. * Criminological characteristics of terrorist and extremist crime 267
Rakhmanova E.N. * The evolution of liability for animal cruelty in contemporary russian criminal legislation 271
Simagina N.A. * The current state and trends of female crime in the Russian Federation 275

Zhurtov A.B. * Crime prevention - as an investment in a safe future 280
Harutyunyan S. * Features of the investigation of juvenile crimes 283
Temezhnikov A.K. * Crime in the context of external migration: a criminological analysis 289
Khamurzov A.T. * Current issues in modern crime regulation on the Internet 295
Zarifova V.B., Selyukova A.A. * Information security of the nation: international norms and comparative analysis of responsibility for cybercrimes 298
Polyakova Yu.E. * Sanity as an obligatory sign of the subject of the crime 303
Kodzov T.N., Ershov D.A. * Social networks as a factor of criminogenic influence: criminological analysis of russian realities 310
Vedishchev A.S., Sozinov E.V., Medvedev N.A. * Establishing criminal liability for legal entities in the Russian Federation: pros and cons 314
Aminov I.R., Trusov S.V. * On improving the fight against crimes of terrorist and extremist orientation . . . 318

CRIMINAL PROCEDURE

Omelin V.N. * Some issues of legal regulation of operational and search activities in the criminal execution system 322
Kovalev O.G., Melnikova O.V. * Impact of digital law on the formation of the legal culture of convicts of youth age serving sentences without isolation from society 327
Churakov D. * On the issue of the concept of digital technologies used at the pre-trial stages of criminal proceedings 333
Larin E.N. * Is a “saving lie” noble, or how witness immunity helps prevent false testimony in criminal proceedings 338
Kuznetsov D.M. * Feasibility of the existence of the institute of jurors 347
Kovalev O.G. * Ensuring the personal safety of those sentenced to forced labor 351

ADMINISTRATIVE LAW

Samokhin S.I. * Administrative and legal aspects of using technical means in the internal affairs bodies of the Russian Federation (on the example of quadrocopters) 357
Kamenskaya K.S. * Administrative and procedural features of licensing medical activities in Russia and China 362
Shestak V.A., Politov G.K. * The administrative and legal status of citizens of the Russian Federation in the territories of the maximum response level 367

MEDICAL LAW

Smirnova O.M., Kardanova L.D. * Development of state legal policy in regulating the development of artificial intelligence programs in healthcare 373
Yusif-Zada A.-A. I. ogly * Human organs and tissues in the system of objects of civil law 376
Shemetova A.D. * Epidemiological aspects of child health safety: the risks of infection with geohelminthiasis and legislative gaps in the maintenance of the house territory 382
Obidov M. * The role of artificial intelligence in the development of international healthcare regulation 390

EMPLOYMENT LAW

Shatveryan N.G., Pshenichnaya M.A. * Problems of legal regulation of labor and social adaptation of veterans of a special military operation 393

DIGITAL LAW

Lysak V.V. * Rationality of artificial intelligence 399
Duben A.K. * Selected aspects of information law historiography 407
Semenov A.A., Gonchar V.V. * Machine learning software: architecture, formats, and compatibility issues 412
Berezenko E.V., Kuznetsov A.V., Chizhov I.A. * Legal risks of using digital technologies in police activities 423
Bazhanov S.A. * Algorithmic recidivism risk assessment in parole decisions: possibilities and limits of artificial intelligence in russian penal and judicial practice 428
Semenov A.A., Avetisyan K.R. * Optimizing computations in neural networks: algorithms, software, and hardware solutions 435
Petruhin K.I. * Free use in the age of digital technology 446

CIVIL LAW ISSUES

Ismakov E.V. * Compulsory product liability insurance of the manufacturer of the autonomous driving system as a new type of insurance in the Russian Federation 453

Vengerovsky E.L., Nekrasov M.R. * Avoidance of transactions of credit institutions under sanation (resolution) 460
Minasyan G.N. * The emergence of ownership of a car from the moment of registration as a special method of protecting property rights 467
Semenova K.E., Terentyeva S.A. * A study of energy-efficient data centers in the extreme climate of the republic of Sakha (Yakutia) 472

ECONOMICS AND LAW

Vasiyan R.I. * Current problems of the legislation of the Russian Federation in the sphere of digital transformation and digitalization of the economy and the main directions for its improvement 480
Vasilyeva E.G., Khachak B.N., Shadzhe A.M. * The actual size of tax obligations: permissible boundaries for tax optimization and criminal prohibitions in the Russian Federation 486

DISCUSSION

Myktybaev T.D. * Triz-based pedagogy techniques in teaching tax law 500
Khlapotin Yu.N. * The system of teaching intellectual property law to students of creative universities: methodology and practice 504
Proshina M.V. * The basic principles of regulation of trade relations in Islamic trade law 508
Grechany S.A., Roshchin E.V. * On some issues of legal education in modern Russia 518
Antipina A.A. * Artificial age-related changes as a factor in the technology of studying the signs of a person's appearance, recorded in objective representations related to different age periods 522

HISTORICAL ARCHIVE

Fialkovskaya E.V. * The concept of archives and the legal basis for the organization of archives 526
Shautaeva G.Kh., Pechnikov G.A., Shapiro I.M. * K. Marx's dialectic on legal relations 530
Panin Yu.I., Birmamitova S.A. * The history and current state of domestic private investigation: from pre-revolutionary traditions to administrative legal regulation in the Russian Federation 537

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-17-22

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора
конституционного права и конституционной юстиции
Института государства и права РАН,
e-mail: evsfrf@gmail.com

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ: ФИСКАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И СОЦИАЛЬНАЯ УЯЗВИМОСТЬ В СИСТЕМЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ САМОЗАНЯТЫХ

Аннотация. *В статье анализируется российский экспериментальный налоговый режим «налог на профессиональный доход» в контексте баланса его влияния на фискальную политику современной России социальных гарантий самозанятых граждан. Цель настоящей статьи заключается в выявлении пробелов правового регулирования, контекстно предопределяющих проблемы правоприменения в сфере налогообложения. Анализируются правовая неопределенность статуса самозанятых, риски переквалификации гражданско-правовых договоров в трудовые, а также проблемы учёта профессиональных расходов, обусловливающие полноценные социальные гарантии самозанятых в Российской Федерации. Обосновывается вывод о необходимости выработки сбалансированного подхода, позволяющего обеспечить реализацию фискальных интересов государства без ущемления прав и законных интересов самозанятых граждан.*

Ключевые слова: *баланс конституционно-значимых ценностей, фискальный суверенитет, налог на профессиональный доход, самозанятые, социальная уязвимость, налоговый эксперимент, правовые пробелы.*

VINOGRADOVA Elena Valeryevna,
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher, Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice
at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

AT THE CROSSROADS OF CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS: FISCAL SOVEREIGNTY AND SOCIAL VULNERABILITY IN THE TAX SYSTEM FOR THE SELF-EMPLOYED

Annotation. *This article analyzes the Russian experimental tax regime "tax on professional income" in the context of its balanced impact on fiscal policy in modern Russia and the social guarantees for self-employed citizens. The purpose of this article is to identify gaps in legal regulation that contextually determine the challenges of law enforcement in the area of taxation. It analyzes the legal uncertainty of the status of the self-employed, the risks of reclassifying civil contracts as employment contracts, and the challenges of accounting for professional expenses, which determine the full social guarantees for the self-employed in the Russian Federation. The conclusion is substantiated by the need to develop a balanced approach that ensures the realization of the state's fiscal interests without infringing on the rights and legitimate interests of self-employed citizens.*

Key words: *balance of constitutionally significant values, fiscal sovereignty, professional income tax, self-employed, social vulnerability, tax experiment, legal gaps.*

Эксперимент по введению специального налогового режима, стартовавший в России в 2019 г., в связи с появлением налога на профессиональный доход, за прошедшие семь

лет позволяет говоритть о формировании специфического налогового института. За семь лет существования налога на профессиональный доход от пилотного проекта в четырёх регионах он был распространен на всю страну, и превратился в один из ключевых инструментов легализации теневого сектора экономики. По данным Федеральной налоговой службы по итогам 2025 г, количество самозанятых легализовавших свой доход достигло 15,427 млн человек, увеличившись за год на 26,8%. Совокупный доход плательщиков с момента запуска режима приблизился к 10 трлн рублей. Эти цифры убедительно свидетельствуют о востребованности данного налогового механизма и его положительном фискальном эффекте.

Вместе с тем стремительное развитие сектора самозанятости обнажило целый комплекс системных проблем, требующих научного осмысления и законодательного разрешения. Отсутствие единого легального определения понятия «самозанятый» в российском законодательстве порождает правовую неопределённость и затрудняет правоприменение. Противоречивость правового статуса самозанятых, балансирующих на грани между физическими лицами, индивидуальными предпринимателями и наёмными работниками, создаёт почву для злоупотреблений как со стороны недобросовестных налогоплательщиков, так и со стороны работодателей, стремящихся под видом гражданско-правовых отношений уклониться от уплаты страховых взносов и предоставления работникам трудовых гарантий.

В этом контексте особую остроту приобретает проблема социальной уязвимости самозанятых. Освобождение от обязательной уплаты страховых взносов, будучи ключевым фактором низкой налоговой нагрузки, одновременно лишает их права на оплачиваемый больничный, декретные выплаты и формирование полноценного страхового стажа для пенсии. В 2026 г. законодатель предпринял шаги к решению этой проблемы, запустив эксперимент по добровольному социальному страхованию самозанятых, однако данный механизм носит ограниченный и добровольный характер, что не позволяет говорить о системном преодолении социальной незащищённости данной категории граждан.

Проблема налогообложения самозанятых граждан возникла в России достаточно давно. До введения режима «налог на профессиональный доход» миллионы людей, самостоятельно оказывавших услуги (репетиторы, няни, ремонтники, дизайнеры, программисты и др.), находились в правовом и налоговом вакууме. Формально их доходы подлежали обложению налогом на доходы физических лиц (НДФЛ) по ставке 13%. Следует обратить внимание на то, что попытки наведения порядка в этой сфере, начались в формате усиления контрольно-надзорнх процедур, ужесточения административной и уголовной ответственности. В частности, при систематическом извлечении дохода без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя их деятельность могла быть признана незаконным предпринимательством со всеми вытекающими административными и даже уголовными последствиями. При этом, исследователи указывали, что публично-правовая ответственность, как составляющая государственного (административного) принуждения, является частью «…механизма публичного управления в целом, как категории процессуального (процедурного) свойства, как явления, противостоящего мерам поощрения и стимулирования» [1].

Одной из попыток легализовать этот сектор можно считать, введение в 2017 г. специального режима «налог на профессиональный доход» для самозанятых, носящий заявительный характер и распространявшийся лишь на ограниченный круг профессий (няни, репетиторы, домработницы, сиделки, а также производители сельхозпродукции для личных нужд). Этот механизм не пользовался популярностью. Он требовал личной явки в налоговый орган и не решал проблему простоты учёта доходов. К 2018 году, по оценкам Минфина и ФНС, в тени оставалось от 15 до 20 млн экономически активных граждан, получавших неофициальные доходы от оказания услуг.

С целью кардинального перелома ситуации Правительство РФ инициировало разработку принципиально нового подхода. В июле 2018 г. первый вице-премьер - глава Минфина Антон Силуанов впервые публично анонсировал концепцию «налога для самозанятых» с нулевой отчётностью и ставками 4% и 6%. Ключевая идея заключалась в том, чтобы сделать легализацию настолько простой и выгодной, что уход от налогов потеряет экономический смысл.

Законодательная база была оперативно сформирована: соответствующий Федеральный закон [2] который был принят Государственной Думой 15 ноября 2018 г., одобрен Советом Федерации 23 ноября и подписан Президентом РФ 27 ноября того же года.

Эксперимент стартовал 1 января 2019 г. в четырёх пилотных регионах: Москве, Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан. Срок эксперимента был установлен до 31 декабря 2028 г., что позволяло гибко корректировать параметры режима с учётом правоприменительной практики. Именно эта «экспериментальная» природа предопределила как стремительный успех (число плательщиков превысило 14 млн человек к концу 2025 года) этого экспериментального режима, так и многие сохраняющи-

еся до сих пор правовые лакуны - от социальной незащищённости самозанятых до рисков переквалификации их договоров в трудовые. Исследователи указывают, что в этом вопросе «…четко просматривается связь прав и свобод человека и гражданина в сфере трудовых отношений, с одной стороны, и экономики — с другой» [3].

Стремительное распространение экспериментального налогового режима выявило ряд системных проблем, противоречия в правоприменительной практике, отсутствие единообразных подходов со стороны судов и налоговых органов, а также законодательные пробелы, порождающие риски злоупотреблений и неопределённость правового статуса самозанятых. Потребовалась еще одна масштабная налоговая реформа, проведённая в 2024–2025 гг., которая внесла существенные изменения в регулирование не только самозанятых, но и индивидуальных предпринимателей, применяющих иные налоговые режимы.

Летом 2024 г. Государственной Думой были приняты два базовых закона от 12.07.2024 № 176-ФЗ и от 08.08.2024 № 259-ФЗ, которые существенно изменили параметры налоговой системы. Ключевым нововведением стало введение пятиступенчатой шкалы НДФЛ, что в равной степени затрагивает интересы индивидуальных предпринимателей на общей системе налогообложения. Кроме того, с 2025 г. компании и ИП, применяющие УСН, признаны плательщиками НДС (с возможностью освобождения от уплаты при определённых условиях), а налог на прибыль увеличен до 25%.

Говоря об изменениях в правовом статусе самозанятых, следует сказать, что с 2025 года произошёл ряд важных изменений в регулировании. Во-первых, повышен годовой лимит дохода для применения спецрежима — с 2,4 млн до 3 млн рублей, что позволило большему числу налогоплательщиков сохранить право на его использование. Во-вторых, расширен перечень разрешённых видов деятельности: включены консультационные услуги в сфере IT, доставка товаров, услуги агротуризма.

Особого внимания заслуживает изменение порядка перехода со специального налогового режима на иные. Если ранее самозанятые, утратившие право на его применение (ввиду превышения лимита доходов или иных оснований), могли перейти только на УСН или ЕСХН, то с 2025 г. им доступны также ПСН и АУСН. Данная новелла решает проблему «налоговой ловушки», когда бывшие самозанятые оказывались в ситуации правовой неопределённости без возможности выбора оптимального режима налогообложения.

С 1 марта 2025 г. самозанятые включены в круг хозяйствующих субъектов в рамках Федерального закона «О защите конкуренции», что упростило для них получение региональных и муниципальных преференций. Одновременно введена обязанность для самозанятых со статусом индивидуальных предпринимателей представлять статистическую отчётность в Росстат (данные собираются автоматически из административных источников), а также расширен перечень субъектов, обязанных сдавать отчётность в органы государственной статистики.

Несмотря на положительную динамику развития института самозанятости, действующее законодательство содержит ряд существенных пробелов, требующих устранения. Анализ ключевых законодательных новелл последнего времени, позволяет говорить о наличии пробелов в правовом регулировании, предопределяющих системные проблемы правоприменения в сфере налогообложения самозанятых.

Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал правовую позицию в которой указал, что институт самозанятости получил отражение в ряде законов и подзаконных актов, где самозанятые обычно определяются как физические лица – плательщики НПД, при этом, как правило, без отнесения к ним индивидуальных предпринимателей. Таким образом, на практике понятие самозанятых сужается до лиц, применяющих НПД, но не обладающих статусом индивидуальных предпринимателей, что не вполне соответствует букве Федерального закона № 422-ФЗ, допускающего к НПД и индивидуальных предпринимателей.

Стремительной появление института самозанятости, предопределило отсутствие чёткого и универсального определения понятия самозанятый в отечественном законодательстве. Термин «самозанятый» используется в нормативных актах непоследовательно и зачастую упоминается лишь в подзаконных актах или разъяснениях.

Юридическое сообщество указывает на необходимость выработки единого подхода к определению и статуса самозанятых. В научной литературе подчеркивается [4-7], что нужен базовый легальный дефиниционный критерий самозанятого, применимый во всех отраслях законодательства. Предлагается законодательно закрепить единое понятие самозанятого гражданина, которое можно было бы использовать согласованно в налоговом, гражданском, трудовом, социальном законодательстве. Пока же категория самозанятых не является унифицированной и остается фрагментарной. Формально существует несколько пересекающихся режимов: физические лица, оказывающие бытовые услуги с уведо-

мительной постановкой на учет (без уплаты налогов до 2019 г.), плательщики налога на профессиональный доход, то есть самозанятые в узком смысле, индивидуальные предприниматели, работающие без сотрудников, которые с точки зрения страховых взносов тоже иногда именуются самозанятыми. После завершения «налоговых каникул» для первой группы предполагалось, что эти лица перейдут на НПД, однако характер их деятельности (исключительно бытовые услуги) всё равно выделяет их в особую подкатегорию. Таким образом, сейчас понятие самозанятый является собирательным и неоднородным, что затрудняет разграничение статусов.

Практическое последствие указанной неопределенности – это фактические сложности и для правоприменителей и для граждан. На форумах и открытых площадках часто можно увидеть картину, что физическому лицу трудно принять решение: регистрироваться ли ему в качестве ИП либо становиться на учет как самозанятый, а также менять свой статус при изменении характера деятельности. В совокупностью с частым изменением законодательства часть граждан предпочитает либо не регистрировать свою деятельность официально, либо не начинать ее в целом, что и в первом, и втором случаях негативно влияет на поступления в соответствующие бюджеты. Также терминология «самозанятый» нередко воспринимается неоднозначно – как отмечают исследователи, это скорее экономико-социологическое понятие, которое юридически должно быть наполнено конкретным содержанием.

Пока в законодательстве не установлено конкретных критериев, часть вопросов решается через разъяснения Минфина России, Федеральной налоговой службы и судебную практику. Однако единообразия по данному вопросу недостаточно.

Большие проблемы существуют в аспекте социальной незащищённости самозанятых. Освобождение плательщиков от уплаты страховых взносов (как на обязательное пенсионное, так и на обязательное медицинское страхование) снижает текущую налоговую нагрузку, но имеет долгосрочные негативные последствия. В страховой стаж, необходимый для назначения страховой пенсии по старости, не засчитывается период работы в специальном налоговом режиме, что ставит под угрозу пенсионное обеспечение самозанятых в будущем. Добровольная уплата страховых взносов сегодня осуществляется лишь 3% от общего числа плательщиков налога на профессиональный доход, что свидетельствует о необходимости законодательного стимулирования формирования пенсионных прав самозанятых.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что экспериментальный режим налога на профессиональный доход, продемонстрировав несомненную эффективность в качестве инструмента легализации теневой занятости и пополнения бюджетов всех уровней, вместе с тем выявил фундаментальное противоречие между фискальным суверенитетом государства и социальной уязвимостью плательщиков. С одной стороны, государство, заинтересованное в максимизации налоговых поступлений и расширении налоговой базы, создаёт максимально либеральные условия для регистрации и ведения деятельности самозанятыми (низкие ставки, отсутствие отчётности, простой порядок регистрации). С другой стороны, упрощённый режим сознательно выстроен таким образом, что плательщики налога на профессиональный доход практически полностью исключены из системы социальной защиты и государственных гарантий.

Законодательные новеллы 2025–2026 гг., включая введение добровольного социального страхования, расширение перечня доступных при переходе с налога на профессиональный доход режимов налогообложения и усиление контроля за подменой трудовых отношений, свидетельствуют о стремлении законодателя исправить наиболее очевидные перекосы правового регулирования. Однако, как показывает анализ судебной практики и экспертных оценок, принятые меры носят преимущественно точечный и «латающий» характер, не затрагивая системных оснований проблемы.

К числу наиболее существенных пробелов, требующих незамедлительного законодательного решения, относится отсутствие единого легального определения правового статуса самозанятого в отраслевом законодательстве и невозможность учёта профессиональных расходов при исчислении налоговой базы по налогу на профессиональный доход, а также высокие риски переквалификации договоров с самозанятыми в трудовые, обусловленные не столько злоумышленными действиями заказчиков, сколько самой гибридной природой данного правового института.

Ограниченный (добровольный) характер социального страхования, оставляющий большинство самозанятых без каких-либо гарантий на случай утраты трудоспособности, потенциально несет в себе риски утраты доверия к закону и действиям государства. Этот принцип Конституционный Суд Российской Федерации впервые сформулировал в 2001 г. В одном из постановлений [8] он обозначил необходимость сохранения разумной стабильности правового регулирования, и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм. С

целью поддержать доверие к действиям государства, были предложены разные меры, одной из которых предлагалось для адаптации к изменениям правового регулирования, установить переходный период. «Институциализация принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства потребовала сформулировать ожидаемые последствия его применения» [9]. В частности, предлагалось уделить внимание предсказуемости законодательной политики, для обеспечения возможности участникам правоотношений предвидеть последствия своего поведения. В дальнейшем Конституционный суд связал реализацию этого принципа с необходимостью восстановления нарушенного права на возмещение вреда и восполнение потерь от несвоевременного обеспечения этого права [10]. В дальнейшем решения органа конституционного контроля дополнили эту систему такими основаниями поддержания доверия, как уверенность в неизменности официально признанного правового статуса, и возможности реализации прав, создание механизмов, компенсирующих неблагоприятные последствия вследствие изменений правового регулирования [11-14].

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется выработка моделей интеграции самозанятых в общую систему обязательного социального страхования с сохранением стимулов к легальной деятельности, а также разработка критериев отграничения подлинной самозанятости от «зависимой» самозанятости, позволяющих минимизировать риски злоупотреблений со стороны недобросовестных работодателей без создания избыточных барьеров для добросовестных участников рынка.

Список литературы:

[1] Плигин В.Н. Актуальные вопросы административной ответственности: аспекты безопасности // Вопросы безопасности. 2024. № 4. С. 5.

[2] Федеральный закон № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/ (дата обращения: 14.05.2026).

[3] Гришковец А.А. Административная ответственность за правонарушения в сфере труда: теория, современное состояние и перспективы развития в свете предстоящего принятия нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6. № 3 (23). С. 160.

[4] Жукова Ю.Д., Подмаркова А.С. Самозанятые граждане: правовая квалификация деятельности и перспективы формирования специального режима // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. С 49–79.

[5] Михалёв А.А. Самозанятость в региональном аспекте: проблемы регулирования социально-правового статуса // Теория и практика общественного развития. 2026. № 1. С. 120-127.

[6] Макарова Л. А., Невзгодина Е. Л. Правовой статус самозанятых граждан // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 4. С. 39-49.

[7] Митрахович А. Самозанятость и способы минимизации налогообложения // Трудовое право. 2020. № 11. С. 5-12.

[8] Постановление КС РФ от 25 мая 2001 г. №8-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31809/ (дата обращения: 14.05.2026).

[9] Виноградова Е.В. Влияние конституционного принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства на формирование конституционной модели современной России // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2 (182). С.19.

[10] Постановление КС РФ от 20 декабря 2010 г. № 21-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108261/ (дата обращения: 14.05.2026).

[11] Постановление КС РФ от 23 апреля 2004 г. № 9–П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47603/ (дата обращения: 14.05.2026).

[12] Постановление КС РФ от 14 мая 2014 г. № 9-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146399/ (дата обращения: 14.05.2026).

[13] Определение КС РФ от 4 декабря 2007г. № 947-О-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_74857/ (дата обращения: 14.05.2026).

[14] Определение КС РФ от 3 февраля 2010 г. № 136-О-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98566/ (дата обращения: 14.05.2026).

References:

[1] Pligin V.N. Current issues of administrative liability: security aspects // Security issues. 2024. No. 4. P. 5.

[2] Federal Law No. 422-FZ “On conducting an experiment to establish a special tax regime “Tax on professional income” dated November 27, 2018 // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/ (date of access: May 14, 2026).

[3] Grishkovets A.A. Administrative liability for offenses in the labor sphere: theory, current state and development prospects in light of the upcoming adoption of the new Code of the Russian Federation on Administrative Offenses // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research. 2020. Vol. 6. No. 3 (23). P. 160.

[4] Zhukova Yu.D., Podmarkova A.S. Self-employed citizens: legal qualification of activities and prospects for forming a special regime // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. No. 4. P. 49–79.

[5] Mikhalev A.A. Self-employment in the regional aspect: problems of regulating the socio-legal status // Theory and practice of social development. 2026. No. 1. P. 120–127.

[6] Makarova L.A., Nevzgodina E.L. Legal status of self-employed citizens // Bulletin of Omsk University. Series "Law". 2021. Vol. 18, No. 4. P. 39–49.

[7] Mitrakhovich A. Self-employment and Methods of Minimizing Taxation // Labor Law. 2020. No. 11. pp. 5-12.

[8] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 25, 2001 No. 8-P // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31809/ (date of access: 14.05.2026).

[9] Vinogradova E.V. The Influence of the Constitutional Principle of Maintaining Citizens' Trust in the Law and State Actions on the Formation of the Constitutional Model of Modern Russia // Law and State: Theory and Practice. 2020. No. 2 (182). p. 19.

[10] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 20, 2010 No. 21-P // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108261/ (accessed: 14.05.2026).

[11] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 23, 2004 No. 9-P. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47603/ (accessed: 14.05.2026).

[12] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 14, 2014 No. 9-P. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146399/ (accessed: 14.05.2026).

[13] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 4, 2007, No. 947-O-P. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_74857/ (date of access: May 14, 2026).

[14] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 3, 2010, No. 136-O-P. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98566/ (date of access: May 14, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-23-28

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук,
ORCID - 0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ БАЗА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ В РОССИИ

Аннотация. *В материалах статьи рассматривается правовая база, направленная на борьбу с одним из негативных явлением в обществе – коррупционные преступления. Автор в статье проводит частично анализ причин проявления коррупции и на основе этого производится анализ созданной законодательной базы в стране по борьбе с ней, во всех частях власти в стране от высших эшелонов до муниципальных. В материалах статьи раскрываются положения официальных документов по борьбе с коррупцией. Одной из важнейших задач при реализации противодействий коррупции является задача по коренному перелому общественного сознания, формированию в обществе атмосферы жесткого неприятия коррупции.*

Ключевые слова: *коррупция, закон, борьба, правоохранительные органы, взятка, государственная служба.*

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,
senior researcher of the PKU
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

THE STATE LEGAL FRAMEWORK FOR COUNTERING CORRUPTION IN RUSSIA

Annotation. *The article examines the legal framework aimed at combating one of the negative phenomena in society – corruption crimes. The author partially analyzes the causes of corruption and, based on this, analyzes the existing legal framework in the country for combating corruption, from the highest levels of government to municipal authorities. The article also provides an overview of official documents related to the fight against corruption. One of the most important tasks in combating corruption is to fundamentally change public consciousness and create an atmosphere of strong opposition to corruption.*

Key words: *corruption, law, struggle, law enforcement agencies, bribery, public service.*

Борьба с коррупцией имеет длительную историю, как в нашей стране, так и за рубежом. Как социальное явление коррупция существует с древних времен и, подобно вирусу, распространилась на все человечество, отравив сознание людей. «Сегодня мы видим, как коррупция подрывает доверие к финансовой системе, к политике, к правительствам и даже к спорту. Схемы и механизмы мошенничества и коррупции стали более изощренными», – заявил вице-президент Управления по борьбе с мошенничеством, коррупцией и корпоративными нарушениями Всемирного банка Леонард Маккарти в своем видеообращении к симпозиуму ICAC в Гонконге [11]. В 2003 г была проведена сессия Организации Объединенных Наций, на которой была принята Конвенция ООН против коррупции [2]. По данной проблеме проведено достаточно много исследований, как в научном, так и в историческом плане. В данной статье мы сделаем попытку исследовать одно из важнейших направлений борьбы с коррупцией – это правовые основы противодействия коррупции. Коррупция является одной из серьезнейших угроз национальной безопасности страны, и неслучайно борьба с ней определена в качестве приоритетного направления деятельности всех правоохранительных органов, в том числе Следственного комитета Российской Федерации (далее также – Следственный комитет (СК).

Стратегическими документами, которыми руководствуется Следственный комитет и на основе которых в настоящее время не только развивается законодательная база противодействия коррупции, но и вырабатывается антикоррупционная позиция в обществе, являются Указ

Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 года №815 «О мерах по противодействию коррупции», а также Федеральный закон от 25 декабря 2008 года №273-ФЗ «О противодействии коррупции» [8].

Научным сообществом и общественными организациями выработаны институциональные причины коррупции, которыми на их взгляд являются:

– недостаточна правовая база по борьбе с коррупцией;

–общая неготовность правоохранительных органов к борьбе и предотвращению нарушений в данной области;

– закрытость работы органов государственной власти;

– усложненная система отчетности;

– непрозрачность системы законотворчества;

–устаревшая кадровая политика государства, допускающая возможность роста по службе, независимо от существующих результатов работы и профессиональной пригодности служащих.

Однако, наибольшее количество причин коррупции берут свое начало в обществе и таким образом являются частью системы социальных отношений.

Примером может служить опрос проведенный среди жителей г. Москва в 2020 г. Результаты опроса, проведенного «Левада-центром» среди москвичей, показывают о том, насколько развита коррупция в городе и кому жители в основном дают взятки. По результатам опроса около 28,6% респондентов признались в решении своих проблем при помощи взяток с работниками здравоохранения, 20,3% – с сотрудниками ГИБДД, 14,5% - с сотрудниками государственных учреждений, 7,4% - работниками детских садов, 7,1% - представителями вузов, 6,7% - представителями средних школ. О том, что в Москве взяточничество и коррупция имеется больше, чем в других населенных пунктах России, ответило 57% респондентов, причем около 30% опрошенных ответили «значительно больше» [4]. Жители г. Москва настолько привыкли к данному явлению, что большинство из них считает коррупцию привычным, само собой разумеющимся явлением, но неизбежным злом, с которым никто по-настоящему не борется, а поэтому к нему можно только подстроиться.

В то же время почти 30 % респондентов сообщили о том, что они были вынуждены дать взятку, чтобы получить услугу, которая полагается им по закону. Около 7% опрошенных, столкнувшись с вымогательством взятки, и посчитали необходимым обжаловать такое поведение государственных служащих [5].

Рассматривая вопросы борьбы с коррупцией, мы можем констатировать, что правовую базу противодействия коррупции составляют:

– Конституция Российской Федерации [1];

– федеральные конституционные законы;

– общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации;

– Федеральный закон от 25 декабря 2008 года N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [8] и другие федеральные законы;

– нормативные правовые акты Президента Российской Федерации;

– нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации;

– нормативные правовые акты иных федеральных органов государственной власти;

– нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации;

– муниципальные правовые акты.

С 2008 г., как отмечается руководством страны, представителями общественных организаций и научным сообществом, в России в основном создана законодательная база противодействия коррупции, приняты соответствующие организационные меры по предупреждению коррупции и активизирована деятельность правоохранительных органов по борьбе с ней.

По словам Президента РФ В.В. Путина, в рамках борьбы с коррупцией, будет продолжено совершенствование российского законодательства. Следствием данных высказываний является то, что 29 июня 2018 г. был подписан Указ Президента РФ № 378 “О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 - 2020 годы” [9] в котором была утверждена национальная стратегия противодействия коррупции. В дальнейшем эти меры совершенствовались, об этом раскрывалось на основе анализа материалов в СМИ, что **Национальный план противодействия коррупции на 2025–2028 годы был подготовлен, но в открытом доступе не опубликован.** На момент ноября 2024 года сообщалось, что такой план ещё не утверждён. На основе сказанного можно сделать вывод, что **в России не существует единого национального плана противодействия коррупции на 2025–2028 годы в общефедеральном масштабе.** Однако в различных государственных органах и корпорациях утверждены ведомственные планы по противодействию коррупции на этот период. Они разработаны в соответствии с Национальной стратегией противодействия коррупции, утверждённой Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 года №460, и Федеральным законом от 25 декабря 2008 года №273-ФЗ «О противодействии коррупции». Например:

1. План противодействия коррупции Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор). Утверждён приказом от 24 декабря 2024 года №2479. Включает мероприятия по минимизации коррупционных рисков, например выделение функций с предпосылками для коррупции и оценку коррупционных рисков при реализации функций Рособрнадзора.

2. План противодействия коррупции в Вооружённых Силах Российской Федерации. Утверждён приказом Министра обороны от 3 апреля 2025 года №214. План комплексный, включает четыре основных раздела: повышение эффективности механизмов урегулирования конфликта интересов, выявление и систематизация причин коррупции, взаимодействие с институтами гражданского общества, мероприятия с учётом специфики деятельности Минобороны.

3. План Государственной фельдъегерской службы Российской Федерации. Утверждён приказом от 17 декабря 2024 года №334.

4. План Министерства транспорта Российской Федерации по противодействию коррупции. Утверждён приказом от 9 декабря 2024 года №431.

5. План Государственной корпорации «Ростех». Утверждён приказом от 28 июля 2025 года №93.

Эти планы разрабатываются в соответствии с Федеральным законом от 25 декабря 2008 года №273-ФЗ «О противодействии коррупции» и Национальной стратегией противодействия коррупции, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 года №460, а также Указ Президента Российской Федерации от 6 октября 2025 года №709 «О дополнительных мерах по противодействию коррупции» также может влиять на антикоррупционную политику в стране.

Данные положения являются общим программными документами, положения которых направлены на устранение коренных причин коррупции в обществе и должны последовательно конкретизироваться с учетом требований времени в национальном плане противодействия коррупции на соответствующий период.

В национальном плане противодействия коррупции определяется:

– совершенствование системы запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции

–обеспечение единообразного применения законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции в целях повышения эффективности механизмов предотвращения и урегулирования конфликта интересов;

– совершенствование мер по противодействию коррупции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд и в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических и физических лиц.

Несмотря на множество принимаемых и реализуемых государственных программ, общество по-прежнему ждет более эффективных результатов в противодействии этому злу. Как отметил Президент РФ В.В. Путин, что все-таки результаты в борьбе с коррупцией есть и если мы постоянно будем эту точку долбить, будем работать в этом направлении, эффективность будет повышаться. И наоборот, если ничего не делать, ничего об этом не говорить, будет только хуже. Борьба с коррупцией и в правоохранительной системе, в системе правосудия, должны стать более эффективными.

В своем выступлении на расширенной коллегии Генеральной прокуратуры РФ, которая состоялась в марте 2023 г., В.В. Путин отметил – жду от вас большей отдачи на таком важном участке, как борьба с преступностью и коррупцией. Прокуратура – главный координатор правоохранительных органов в этой работе, и нужно продолжать вести её системно и последовательно. [3]. Вопросы коррупционного характера постоянно находится во внимании В.В. Путина, что подтвердилось в выступлении на расширенной коллегии МВД России в марте 2026 г. «Президент потребовал бескомпромиссной борьбы с коррупцией. Он призвал жёстко реагировать на подобные проявления вне зависимости от статуса фигурантов [10].

Несмотря на предпринимаемые государством и обществом меры, коррупция по-прежнему серьезно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и модернизации национальной экономики. Она вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж страны на международной арене и правомерно рассматривается внутри страны, как одна из угроз безопасности государства. Так, ставя задачи прокурорам, в качестве одной из ключевых задач для будущей работы, В.В. Путин обозначил необходимость контроля над расходованием средств, выделенных на национальные проекты [2].

Результативность проведения антикоррупционной политики зависит от правильности расстановки приоритетов и определения этапов её реализации, т.е. от выбора стратегии.

Одной из важнейших задач при реализации противодействий коррупции является задача по

коренному перелому общественного сознания, формированию в обществе атмосферы жесткого неприятия коррупции. Решение этой задачи обеспечивается, прежде всего, путем планомерного повышения правовой культуры населения, достижения максимальной прозрачности процедур предоставления государственных услуг, а также постоянной адресной профилактической работой во всех государственных и муниципальных органах.

Следственный комитет Российской Федерации как государственный орган, осуществляющий в соответствии с законодательством полномочия в сфере уголовного судопроизводства, также анализирует работу по расследованию преступлений коррупционной направленности по итогам 2025 года. По данным МВД, в 2025 году в России зарегистрировано около 35 тыс. преступлений коррупционной направленности — на 14% больше, чем годом ранее. Непосредственно взяточничества касаются 18590 нарушений. Это получение взятки, ее дача или посредничество.

Удельный вес преступлений коррупционной направленности от общего количества зарегистрированных преступлений, также увеличился и составил 1,5% [5]. За первые 10 месяцев 2025 г. общее число преступлений в России снизилось, но число коррупционных преступлений, напротив, выросло. Согласно опубликованному в конце ноября отчету Главного информационно-аналитического центра МВД, правоохранительные органы выявили 38 473 коррупционных преступления, что на 12,4% больше, чем за аналогичный период 2024 г. (тогда было выявлено 34 200 таких эпизодов).

Из сборника по состоянию преступности следует, что с января по октябрь 2025 г. в стране зарегистрировано 1,5 млн. преступлений, что на 6,3% меньше, чем годом ранее. Наибольшее количество зарегистрированных коррупционных преступлений связано со взяточничеством.

Принимая во внимание высокую латентность коррупционных сделок, следует отметить, что официальная статистика не в полной мере отражает истинные масштабы коррупции в стране, в действительности они значительно выше. Комментируя результаты прокурорских проверок, ряд авторов констатируют, что органы государственной власти и управления поражены коррупцией в огромных масштабах. Незаконные действия чиновников разного уровня охватили широкий спектр отношений, регулируемых законодательством о государственной и муниципальной службах, собственности, бюджете, закупках для государственных нужд. Повсеместно выявлялись факты незаконного участия служащих в коммерческой деятельности, владения долями и пакетами акций, занятия оплачиваемых должностей в хозяйствующих структурах, не представление положенных по закону деклараций. Примеры о взятках в силовых структурам освещаются в средствах СМИ. Такими примерами являются ряд заместителей МО с огромными наличными денежными средствами, сотрудники ФСБ, главы администраций населенных пунктов с изъятым миллиардным имуществом и т.д. [5]. В 2025 году в России к ответственности привлекли 70 тысяч лиц, обвиненных в коррупционных преступлениях. Об этом заявил генеральный прокурор Александр Гуцан на пленарном заседании Совета Федерации 15 апреля 2026 г. «В общей сложности органами прокуратуры пресечено 150 тысяч нарушений антикоррупционного законодательства, — рассказал Гуцан. — К разным видам ответственности привлечено 70 тысяч виновных лиц, в том числе 953 государственных служащих освобождено от должности в связи с утратой доверия» [12].

ФСИН России, как орган государственной власти, осуществляет системную, управленческую, профилактическую деятельность в органах и учреждениях пенитенциарной системы, направленная на последовательное осуществлении мер контроля, направленных на минимизацию коррупционных проявлений в УИС. При этом свой негативный вклад в «развитие» данного явления вносит и коррупционная преступность сотрудников ФСИН России, что отрицательно влияет на авторитет и престиж службы в данном федеральном органе исполнительной власти. В 2021 г. в пенитенциарной системе России в отношении сотрудников ФСИН России было возбуждено 466 (аналогичный период прошлого года -479) уголовных дел [7].

Огромное значение в противодействии коррупции ведомства приобретает профилактика коррупционных правонарушений, так как борьба не может сводиться лишь к наказанию виновных за уже совершённые ими противоправные деяния. По нашему мнению, в практику борьбы с коррупцией необходимо внедрять ряд упреждающих мер. Одним из направлений упреждающих мер является профилактика коррупции в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы и одним из элементов данной профилактики является доведение и изучения законодательной базы, в том числе и ведомственной, в вопросах борьбы с коррупцией. Так, с сотрудниками, в системе служебной подготовки в учреждениях изучаются федеральные законы, ведомственные правовые акты антикоррупционной политики, рассматриваются положительные и отрицательные факты проявления коррупционных ситуаций. Руководство ФСИН России вопросам борьбы с коррупцией уделяется достаточно большое внимание. Так директором ФСИН Рос-

сии был подписан «План противодействия коррупции Федеральной службы исполнения наказаний на 2025 - 2028 годы» (утв. ФСИН России 20.12.2024) (ред. от 16.02.2026).

В НИИ ФСИН России также проводятся занятия по данному направлению. Так в рамках служебной подготовки с сотрудниками и работниками института проводятся занятия с доведением руководящих документов коррупционной направленности под роспись.

Президент Российской Федерации, в своих выступлениях постоянно обращает внимание на проблему коррупции в стране и требует продолжать бороться с коррупцией. Он подчеркивает, что уголовные нормы должны жестко действовать, когда речь идет о правах, жизни и здоровье граждан. Но Уголовный кодекс «должен перестать быть инструментом разбирательств между юридическими лицами» [6].

Выступая перед парламентариями, Президент отметил, что вся система государственной службы должна быть перестроена по принципам эффективности и нацеленности на результат. По его словам, в течение шести лет практически все государственные услуги необходимо перевести в режим реального времени с использованием дистанционных сервисов, а документооборот между государственными структурами — на цифровые формы. Президент высказал мнение, что цифровизация работы властей позволит повысить прозрачность и бороться с коррупцией и при этом глава государства заявил, что не может не отметить: подавляющее большинство людей, работающих в системе управления государством, — порядочные, честные и нацеленные на результат люди.

Таким образом проанализировав количественный и качественный состав проблем по борьбе с коррупцией, можно утверждать, что несмотря на задействованные антикоррупционные политические механизмы, ситуация к лучшему в нашей стране существенно пока не изменилась. Только комплексное осуществление политических, правовых, организационных и экономических мероприятий с учетом анализа статистических данных дадут реальную возможность значительного снижения уровня коррупции в нашей стране.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (в ред. от 21. 07.2014) // Российская газета. 1993. 25 дек.

[2] Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции была принята 31 октября 2003 года на пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Документ вступил в силу 14 декабря 2005 года. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121140/ (дата обращения: 26.04.2026).

[3] Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры 15.03.2023 г. // Администрация Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70678 (дата обращения: 26.04.2026).

[4] Макаров А.А., Чупров В.М. Административно-правовые и экономические проблемы противодействия коррупции в органах власти и управления // Административное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 50.

[5] Опрос проводился осенью 2020 г. среди 1002 человек в возрасте от 18 лет и старше.

[6] Официальный сайт Следственного комитета. URL: https://sledcom.ru/ (дата обращения: 26.04.2026).

[7] Специальное заседание СПЧ по теме «Открытость и законность – главные гарантии уважения человеческого достоинства в учреждениях уголовно-исполнительной системы».19 сентября 2018 года. // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. URL: https://www.president-sovet.ru/presscenter/news/spch_provel_spetszasedanie_otkrytost_i_zakonnost_glavnye_garantii_uvazheniya_chelovecheskogo_dostoin/ (дата обращения: 26.04.2026).

[8] Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 28.12.2017)»О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ», 29.12.2008, N 52 (ч. 1), ст. 6228

[9] Указ Президента РФ от 29.06.2018 N 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 - 2020 годы». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301352/ (дата обращения: 26.04.2026).

[10] Выступление В.В. Путина на расширенной коллегии МВД России в марте 2026 г. // Администрация Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70678 (дата обращения: 26.04.2026).

[11] Маккарти Л. Стенограмма выступления «Переворачивая страницу: новый свод правил». // Официальный сайт Всемирного Банка. 2015. 11 мая. URL: https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/speech/2015/05/11/turning-page-new-rule-book (дата обращения: 26.04.2026).

[12] Выступление генерального прокурора Александра Гуцан на пленарном заседании Совета Федерации 15 апреля 2026 г. // iz.ru. URL: https://iz.ru/2080156/2026-04-15/gutcan-vystupil-s-dokladom-na-zasedanii-soveta-federatcii-glavnoe (дата обращения: 26.04.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended on July 21, 2014) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25.

[2] United Nations Convention against Corruption. The United Nations Convention against Corruption was adopted on October 31, 2003, at the plenary meeting of the 58th session of the UN General Assembly. The document entered into force on December 14, 2005. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121140/ (date accessed: April 26, 2026).

[3] Expanded meeting of the board of the Prosecutor General's Office, March 15, 2023 // Administration of the President of the Russian Federation. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70678 (accessed: 26.04.2026).

[4] Makarov A.A., Chuprov V.M. Administrative, legal and economic problems of combating corruption in government and administrative bodies // Administrative and municipal law. 2013. No. 6. P. 50.

[5] The survey was conducted in the fall of 2020 among 1,002 people aged 18 and older.

[6] Official website of the Investigative Committee. URL: https://sledcom.ru/ (accessed: 26.04.2026).

[7] Special meeting of the Human Rights Council on the topic "Openness and legality are the main guarantees of respect for human dignity in institutions of the penal system." September 19, 2018. // Council under the President of the Russian Federation for the Development of Civil Society and Human Rights. URL: https://www.president-sovet.ru/press-center/news/spch_provel_spetszasedanie_otkrytost_i_zakonnost_glavnye_garantii_uvazheniya_chelovecheskogo_dostoin/ (accessed: 26.04.2026).

[8] Federal Law of 25.12.2008 N 273-FZ (as amended on 28.12.2017) "On Combating Corruption" // Collected Legislation of the Russian Federation, 29.12.2008, N 52 (Part 1), Art. 6228

[9] Decree of the President of the Russian Federation of 29.06.2018 N 378 "On the National Anti-Corruption Plan for 2018-2020". // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301352/ (date accessed: 26.04.2026).

[10] Speech by V.V. Putin at the expanded board of the Ministry of Internal Affairs of Russia in March 2026 // Administration of the President of the Russian Federation. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70678 (accessed on April 26, 2026).

[11] McCarthy, L. Transcript of the speech "Turning the Page: A New Rulebook." // Official website of the World Bank. 2015. May 11. URL: https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/speech/2015/05/11/turning-page-new-rule-book (accessed on April 26, 2026).

[12] Speech by Prosecutor General Alexander Gutsan at the plenary session of the Federation Council on April 15, 2026 // iz.ru. URL: https://iz.ru/2080156/2026-04-15/gutcan-vystupil-s-dokladom-na-zasedanii-soveta-federatcii-glavnoe (date of access: 26.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-29-33

БРИК Анна Дмитриевна,
Кандидат юридических наук, доцент,
Кафедра иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет»,
п. Персиановский, Российская Федерация,
e-mail: brickad@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматривается правовое регулирование экономической деятельности местного самоуправления РФ, в частности, такие механизмы, как местные налоги, государственно-частное, муниципально-частное партнёрства. Распределение муниципальных образований по видам оказывает значительное влияние на объём бюджетных полномочий, формирующих финансовую основу местного самоуправления. Действующим законодательством РФ установлен базовый набор полномочий муниципалитетов всех видов, среди которых необходимо выделить основные, а именно: установление процедур составления и рассмотрения проекта местного бюджета, установление и исполнение его расходных обязательств, управление муниципальной задолженностью, включая привлечение различных форм заимствований (бюджетное, коммерческое кредитование и др.), предоставление муниципальных гарантий, а также дополнительные полномочия, возникающие в связи с правовым статусом муниципального образования: муниципальный район, городской округ с внутригородским делением. Законодатель наделил указанные виды муниципалитетов дополнительными полномочиями, касающимися организации межбюджетного взаимодействия, распределения налоговых доходов. Автором обоснованы предложения по диверсификации параметров распределения налоговых сборов в бюджетную систему РФ, заключающиеся в нормативном увеличении долей налоговых сборов, поступающих в местные бюджеты. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных в работе результатов в правовом регулировании экономической деятельности муниципалитетов РФ, межбюджетных отношений, а также в образовательных целях при изучении учебных курсов, касающихся управления муниципальной собственностью, бюджетных, налоговых прав, полномочий органов местного самоуправления.*

Ключевые слова: *местное самоуправление, правовое регулирование, налоги и сборы, полномочия, распределение, муниципальное образование, бюджет.*

BRIK Anna Dmitrievna,
Candidate of Law, Associate Professor Department
of Foreign Languages and Social Sciences and Humanities
Don State Agrarian University, Persianovsky, Russian Federation

IMPROVING LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES OF MUNICIPAL ENTITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article examines the legal regulation of economic activities of local governments in the Russian Federation, in particular mechanisms such as local taxes, public-private partnerships, and municipal-private partnerships. The distribution of municipalities by type significantly influences the scope of budgetary powers, which form the financial basis of local government. Current Russian legislation establishes a basic set of powers for municipalities of all types, among which the key ones are: establishing procedures for drafting and reviewing local budgets, establishing and fulfilling their expenditure obligations, managing municipal debt, including raising various forms of borrowing (budget and commercial lending, etc.), providing municipal guarantees, as well as additional powers arising from the legal status of the municipality: municipal district, urban district with intra-city division. Legislators have granted these types of municipalities additional powers related to organizing interbudgetary cooperation and distributing tax revenues. The author substanti-*

ates proposals to diversify the parameters for distributing tax revenues within the Russian budget system, which consist of a normative increase in the share of tax revenues going to local budgets. The practical significance of this study lies in the potential use of the findings in legal regulation of the economic activities of Russian municipalities, interbudgetary relations, and for educational purposes in courses on municipal property management, budgetary and tax rights, and the powers of local governments.

Key words: *local government, legal regulation, taxes and fees, powers, distribution, municipal formation, budget.*

Введение

Достижение целевых ориентиров документов стратегического планирования РФ подразумевает, в том числе, активизацию усилий экспертного, научного сообществ по разработке концептуально-теоретических подходов и административно-правовых, организационно-экономических инструментов, механизмов повышения эффективности деятельность органов местного самоуправления, что, в свою очередь, актуализирует аналитику проблем экономического обеспечения деятельности местного самоуправления. Конституцией РФ установлена независимость местного самоуправления от государственной власти, определены полномочия, сфера ответственности местного самоуправления. Внегосударственный конституционный статус органов местного самоуправления, при одновременной встроенности в систему публичной власти РФ, неизбежно порождает противоречия, связанные с распределением ресурсов (прежде всего, финансовых) между уровнями бюджетной системы РФ, регулированием пропорций налоговых поступлений и т. п., что требует надлежащей научной интерпретации, учитывающей последние изменения в налоговом, бюджетном законодательстве. Вышеуказанные обстоятельства в полной мере аргументируют актуальность тематики исследования.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных в работе результатов в правовом регулировании экономической деятельности муниципалитетов РФ, межбюджетных отношений, а также в образовательных целях при изучении учебных курсов, касающихся управления муниципальной собственностью, бюджетных, налоговых прав, полномочий органов местного самоуправления.

Материалы и методы

Информационную базу статьи составляют законодательные и нормативные правовые акты РФ, регламентирующие экономическую деятельность местного самоуправления, результаты научных исследований, посвящённые данной проблеме. Применение таких методов научного познания, как анализ, синтез, дедукция, компаративистика обеспечивает высокий уровень достоверности итоговых результатов и выводов.

Результаты и обсуждение

Исследование конституционно-правовых основ местного самоуправления РФ, трансформации законодательного распределения властных полномочий между уровнями управления представлено в научных трудах Аминева Р. Ф. [1], Суходольского Г. М. [2], Панферкиной И. С., Колесниковой Д. В., Гурбановой Д. Т. [3]. Указанные авторы отмечают сформировывавшуюся с начала 2000-х гг устойчивую тенденцию постепенной централизации полномочий и ресурсов на федеральном уровне государственного управления, что, в условиях социальной-экономической, культурной, географической дифференциации РФ создаёт риски ненадлежащего учёта факторов, детерминирующих местную специфику вследствие чего снижается качество принимаемых управленческих решений. В научных работах Кускашева Д. В. [4], Ревунова Р. В. [5] представлена аналитика современных организационно-правовых форматов взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления. Исследователи Лейба И. П., Павлов Н. В., Очаковский В. А. [6], Фисенко Е. Е. [7] акцентируют внимание на правовом регулировании экономической деятельности местного самоуправления, в том числе местном бюджете, как основном инструменте реализации конституционных полномочий муниципалитета по решению вопросов местного значения. Региональное правотворчество в контексте развития экономических основ местного самоуправления интерпретируют Новиков А. О., Вольфсон Э. Н. [8], Шор И. М. [9], Зайдуллин Р. Р. [10].

Отдавая долг уважения вышеуказанным учёным за бесспорный вклад в исследование правовой основы экономики местного самоуправления РФ, необходимо отметить, что ряд вопросов, касающихся законодательного регулирования взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в бюджетном процессе, распределения поступлений налогов между уровнями бюджетной системы нуждается в дополнительной научной интерпретации, учитывающей комплекс целевых ориентиров, зафиксированных в документах стратегического планирования РФ на средне- и долгосрочную перспективу, законодательные новеллы, практику высших судов РФ.

На современном этапе местное самоуправление представляет собой наиболее близкий гражданам уровень власти, оказывающий непосредственное влияние на показатели, характеризующие качество жизни. В связи с указанными обстоятельствами, формирование условий, в том числе правовых, надлежащего финансового обеспечения деятельности местного самоуправления является одной из важнейших задач развития Российской Федерации.

Экономическая основа местного самоуправления РФ сформирована Конституцией РФ, законодательными, нормативными правовыми актами, определяющими, регулирующими отношения, возникающие:

- в связи с формированием, использованием муниципальной собственности, хозяйственной деятельностью органов местного самоуправления, муниципальных юридических лиц;
- управлением финансами муниципального образования, в том числе организацией бюджетного процесса, разработкой и реализацией муниципальных программ социально-экономического развития, софинансированием реализации мероприятий госпрограмм социально-экономического развития (федеральных, региональных) в интересах граждан, проживающих в данном муниципалитете.

Конституция РФ устанавливает базовые принципы экономической самостоятельности местного самоуправления. Статья 12 гарантирует самостоятельность местного самоуправления в пределах своих полномочий относительно органов госвласти, статья 130 гарантирует муниципалитетам право владения, пользования, распоряжения муниципальной собственностью, статья 132 наделяет органы местного самоуправления муниципальных образований налоговыми, бюджетными полномочиями в устанавливаемых законом пределах [11]. Налоговый кодекс РФ [12] (статья 15) устанавливает в РФ следующие местные налоги и сборы:

- земельный налог;
- налог на имущество;
- торговый сбор;
- туристический налог.

Органы местного самоуправления осуществляют собственное нормотворчество и правовое регулирование налогообложения в пределах установленных федеральным законодателем.

Подобная взаимосвязь создаёт правовые условия активизации инвестиционной деятельности на муниципальном уровне, что способствует развитию экономической основы местного самоуправления. В установленной законом системе правоотношений сторону публичного партнёра представляет глава муниципального образования либо установленный орган муниципального управления, сторону частного партнёра – инвестор или группа инвесторов, заинтересованных в реализации конкретного проекта. Предусмотренный Законом о ГЧП/МЧП порядок отбор проектов к реализации осуществляется с использованием конкурентных процедур, что позволяет обеспечить, во-первых, максимизацию социально-экономического эффекта, возникающего вследствие реализации МЧП-проекта, во-вторых, снижает коррупционные риски. Закон о ГЧП/МЧП также предусматривает механизм привлечения к ответственности недобросовестного публичного или частного партнёра в случае нарушения им своих обязательств. За период действия Закона о ГЧП/МЧП муниципальные образования РФ накопили позитивный опыт правоприменения в указанной сфере.

Экономическая основа местного самоуправления представляет собой комплексное понятие, выражающееся в том, что государство, гарантируя самостоятельность местного самоуправления в установленных законом пределах, обязуется сформировать экономические предпосылки его эффективного функционирования, в том числе устанавливая (в ряде случаев – делегируя) в отношении органов местного самоуправления налоговые, бюджетные, имущественные распорядительные и иные полномочия. В данном контексте органы государственной власти РФ, субъектов РФ устанавливают правовые форматы передачи:

- отдельных государственных полномочий вместе с денежными средствами федерального и региональных бюджетов, необходимых для их реализации;
- объектов, находящихся в госсобственности в муниципальную собственность.

Примером практической реализации указанного правового механизма является реформа муниципального здравоохранения, осуществляемая в Российской Федерации с 2023 г. В ходе реформы в регионах РФ происходит передача муниципальных учреждений здравоохранения в ведение профильных государственных органов субъектов РФ. Подобный переход сопровождается изменением порядка финансирования указанных учреждений; местные бюджеты прекращают расходовать денежные средства, финансовое обеспечение осуществляется за счёт денежных средств бюджетов субъектов РФ. В тоже время, в ведении муниципальных образований остаются вопросы, связанные с участием в осуществлении охраны здоровья граждан (например, участие в просветительских мероприятиях,

касающихся здравоохранения, профилактике заболеваемости граждан, проживающих в муниципалитете, пропаганде донорства крови и т. п.).

Заключение

В завершение сформулируем следующие основные выводы:

- Распределение муниципальных образований по видам оказывает значительное влияние на объём бюджетных полномочий, формирующих финансовую основу местного самоуправления. Действующим законодательством РФ установлен базовый набор полномочий муниципалитетов всех видов, среди которых необходимо выделить основные, а именно: установление процедур составления и рассмотрения проекта местного бюджета, установление и исполнение его расходных обязательств, управление муниципальной задолженностью, включая привлечение различных форм заимствований (бюджетное, коммерческое кредитование и др.), предоставление муниципальных гарантий, а также дополнительные полномочия, возникающие в связи с правовым статусом муниципального образования: муниципальный район, городской округ с внутригородским делением. Законодатель наделил указанные виды муниципалитетов дополнительными полномочиями, касающимися организации межбюджетного взаимодействия, распределения налоговых доходов.
- В целях повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления, нами предлагаются следующие административно-правовые мероприятия:
- корректировка статьи 395 Налогового кодекса РФ в части расширения прав органов местного самоуправления по введению налоговой льготы в форме освобождения от уплаты земельного налога в отношении объектов налогообложения, находящихся в оперативном управлении (хозяйственном ведении) муниципальных организаций.
- корректировка пропорций распределения налоговых доходов между уровнями бюджетной системы РФ, в частности, увеличение доли, зачисляемой в доход местных бюджетов по таким налогам, как: налог на добавленную стоимость с 0 % до 10 %, налог на добычу полезных ископаемых с 0 % до 3 %, налог на прибыль организаций с 0 % до 12 %.

К преимуществам предлагаемого изменения бюджетного законодательства необходимо отнести следующие обстоятельства:

- законодательное установление доли местных бюджетов в крупнейших по объёму сборов налогах РФ, взимаемых в том числе в юрисдикциях соответствующих муниципалитетов, формирует у органов местного самоуправления дополнительную мотивацию по созданию необходимых для эффективного развития бизнеса организационно-правовых, административных условий, способствующих расширению количества налогоплательщиков и увеличению налоговой базы;
- сокращается потребность муниципальных образований в получении межбюджетных трансфертов из вышестоящих уровней бюджетной системы РФ;
- снижаются административные издержки, связанные с организацией процедур предоставления межбюджетных трансфертов между уровнями бюджетной системы РФ: сокращается документооборот между должностными лицами налоговой службы, федерального казначейства финансовых подразделений муниципальных образований и другими участниками бюджетного процесса;
- снижается потребность муниципальных образований в софинансировании реализации проектов, связанных с благоустройством, модернизацией дорожно-транспортной инфраструктуры и т. п. за счёт денежных средств региональных и федерального бюджетов;
- снижается потребность муниципальных образований в привлечении финансовых ресурсов посредством кредитования, что способствует стабилизации местных бюджетов, снижает расходы, связанные с обслуживанием муниципального долга.

Список литературы:

[1] Аминев Р. Ф. Конституционные основы правового регулирования экономической основы местного самоуправления / Аминев Р. Ф. // В сборнике: Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях. сборник научных статей. Москва, 2019. С. 25-29.

[2] Суходольский Г. М. Конституционно-правовые основы взаимодействия государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации: опыт системного исследования / Суходольский Г. М. // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 3 (28). С. 20-30.

[3] Панферкина И. С. Организационно-правовые основы функционирования органов местного самоуправления с настоящими поправками в Конституцию РФ / Панферкина И. С., Колесникова Д. В., Гурбанова Д. Т. // Научный альманах. 2020. №12-2 (74). С. 141-144.

[4] Кускашев Д. В. К вопросу о формировании и развитии организационно-правовых основ

местного самоуправления в России / Кускашев Д. В. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2019. № 11. С. 118-121.

[5] Ревунов Р. В. Конституционно-правовые основы экономики местного самоуправления / В сборнике: Актуальные проблемы публичного права: эволюция, современные тенденции и зарубежный опыт. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2025. С. 180-183.

[6] Лейба И. П. Бюджет муниципального образования как ключевой элемент экономических основ местного самоуправления (муниципально-правовой аспект) / Лейба И. П., Павлов Н. В., Очаковский В. А. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 7. С. 94-97.

[7] Фисенко Е. Е. Финансово-экономическая основа местного самоуправления в РФ / Фисенко Е. Е. // Вопросы гуманитарных наук. - 2018. - № 6 (99). - С. 20-24.

[8] Новиков А. О. Проблемы экономических основ местного самоуправления (на примере Кемеровской области) / Новиков А. О., Вольфсон Э. Н. // В книге: учим управлять и учимся управлять. Шестой сборник научных статей. Кемерово, 2020. С. 109-114.

[9] Шор И. М. Практика применения концессионных соглашений и соглашений о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве (на примере Волгоградской области) / Шор И. М. / Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2023. № 4. С. 233-241.

[10] Зайдуллин Р. Р. Реализация проекта муниципально-частного партнерства в Республике Башкортостан (на примере городского округа город Сибай Республики Башкортостан) / Зайдуллин Р. Р. / Экономика и социум. 2023. № 12-1 (115). С. 1099-1102.

[11] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)

[12] Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ), 31.07.1998 г. №146-ФЗ

References:

[1] Aminev R.F. Constitutional foundations of legal regulation of the economic basis of local self-government/Aminev R.F.//In the collection: Modern research in the humanitarian and natural sciences. collection of scientific articles. Moscow, 2019. S. 25-29.

[2] Sukhodolsky G. M. Constitutional and legal foundations of interaction between state power and local self-government in the Russian Federation: experience in system research/Sukhodolsky G. M.// Municipality: economics and management. 2019. № 3 (28). S. 20-30.

[3] Panferkina I. S. Organizational and legal foundations of the functioning of local self-government bodies with these amendments to the Constitution of the Russian Federation/Panferkina I. S., Kolesnikova D. V., Gurbanova D. T.//Scientific almanac. 2020. №12-2 (74). S. 141-144.

[4] Kuskashev D.V. On the formation and development of the organizational and legal foundations of local self-government in Russia/Kuskashev D.V.// Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2019. № 11. S. 118-121.

[5] Revunov R.V. Constitutional and legal foundations of the economy of local self-government/In the collection: Actual problems of public law: evolution, modern trends and foreign experience. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation of faculty, graduate students and students. Simferopol, 2025. S. 180-183.

[6] Leiba I.P. Municipal budget as a key element of the economic foundations of local self-government (municipal legal aspect)/Leiba I.P., Pavlov N.V., Ochakovsky V.A.//Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. № 7. S. 94-97.

[7] E. E. Fisenko. Financial and economic basis of local self-government in the Russian Federation/E. E. Fisenko//Issues of the humanities. - 2018. - № 6 (99). - S. 20-24.

[8] Novikov A.O. Problems of the economic foundations of local self-government (on the example of the Kemerovo region)/Novikov A.O., Wolfson E.N.//In the book: we teach to manage and learn to manage. Sixth collection of scientific articles. Kemerovo, 2020. S. 109-114.

[9] Shor I.M. Practice of the use of concession agreements and agreements on public-private (municipal-private) partnership (on the example of the Volgograd region)/Shor I.M./Bulletin of the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov. 2023. № 4. S. 233-241.

[10] R.R. Zaydullin. Implementation of a municipal-private partnership project in the Republic of Bashkortostan (using the example of the urban district of the city of Sibay of the Republic of Bashkortostan)/R.R. Zaydullin/Economics and Society. 2023. № 12-1 (115). S. 1099-1102.

[11] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote in 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020)

[12] Tax Code of the Russian Federation (Tax Code of the Russian Federation), 31.07.1998 No. 146-FZ.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-34-39

ЗАРИФОВА Вероника Баходуровна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации Россия, Москва, магистр,
e-mail: nika.zarifova@yandex.ru

СЕЛЮКОВА Арина Андреевна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации Россия, Москва, магистр
e-mail: seluykovaa@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОТ ГЛОБАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА К НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию системы международных стандартов информационной безопасности в их взаимодействии с национальными правовыми режимами. Автор прослеживает эволюцию нормативного регулирования в сфере международной информационной безопасности (МИБ). Рассматриваются ключевые институциональные площадки выработки международных стандартов: Группа правительственных экспертов ООН (ГПЭ) и Рабочая группа открытого состава (РГОС). Особое внимание уделено сравнительному анализу национальных доктринальных документов (России, Казахстана, Беларуси, Вьетнама) в контексте их соответствия или отступления от международных ориентиров. Исследование выявляет устойчивое противоречие между стремлением к универсализации норм МИБ и суверенным правом государств на самостоятельное регулирование национального информационного пространства. Сделан вывод о постепенном складывании «мягкого» нормативного слоя в международном киберправе при сохраняющемся отсутствии юридически обязывающего универсального договора.*

Ключевые слова: *международная информационная безопасность, кибербезопасность, национальные стратегии, международное право, Конвенция о киберпреступности, информационное пространство.*

ZARIFOVA Veronika Bahodurovna,
Financial University under the Government of the Russian Federation Russia, Moscow
Master's degree

SELYUKOVA Arina Andreevna,
Financial University under the Government of the Russian Federation Russia, Moscow
Master's degree

INTERNATIONAL INFORMATION SECURITY STANDARDS: FROM GLOBAL COOPERATION TO NATIONAL PRACTICE

Annotation. *The article is devoted to the study of the system of international information security standards in their interaction with national legal regimes. The author traces the evolution of regulatory regulation in the field of international information security (IIB). The key institutional platforms for the development of international standards are considered: the UN Group of Governmental Experts (GGE) and the Open-ended Working Group (OEWG). Special attention is paid to the comparative analysis of national doctrinal documents (Russia, Kazakhstan, Belarus, Vietnam) in the context of their compliance or deviation from international guidelines. The study reveals a persistent contradiction between the desire for the universalization*

of the IIB norms and the sovereign right of states to independently regulate the national information space. The conclusion is drawn about the gradual formation of a "soft" regulatory layer in international cyber law, while the continued absence of a legally binding universal treaty.

Key words: *international information security, cybersecurity, national strategies, international law, Convention on Cybercrime, information space.*

Введение.

Переход человечества в цифровую эпоху породил угрозы, которых международное право прежде не знало. Государства, корпорации, отдельные граждане оказались уязвимы перед атаками, не признающими государственных границ. Именно эта реальность поставила перед юридическим сообществом вопрос, не имеющий пока убедительного ответа: как урегулировать поведение субъектов международного права в глобальном информационном пространстве?

Международная информационная безопасность – состояние глобального информационного пространства, при котором обеспечивается поддержание мира, безопасности и стабильности на основе общепризнанных принципов международного права и равноправного партнёрства. Формулировка кажется исчерпывающей, пока не начинаешь анализировать конкретные механизмы её реализации. Здесь и обнаруживается ключевая проблема: механизмы существуют, но их обязательная сила вызывает серьёзные сомнения.

Ещё в конце 1990-х годов Россия первой обозначила в рамках ООН «триаду» угроз, сопряжённых с использованием информационно-коммуникационных технологий, – военно-политических, криминальных и террористических. С тех пор международное сообщество ведёт переговоры, вырабатывает рекомендации, принимает резолюции. Универсальный юридически обязывающий договор по МИБ так и не появился. Вместо него возникла многоуровневая, нередко противоречивая система стандартов, рекомендаций и двусторонних соглашений.

Изучение этой системы – не академическое упражнение. Как справедливо подчёркивает А.К. Дубень, «особое внимание уделено интеграционному объединению» [1], поскольку именно через призму региональных структур – ШОС, БРИКС, СНГ, ОДКБ – государства ищут практические механизмы совместного реагирования на угрозы информационной безопасности. Между тем П.В. Агапов точно замечает: решение проблемы МИБ «не может быть достигнуто силами одного государства», что превращает международное сотрудничество из опции в необходимость [2].

Цель настоящего исследования – выявить и систематизировать закономерности формирования международных стандартов информационной безопасности, оценить эффективность их имплементации в национальных правовых системах и определить перспективы выработки универсального юридически обязывающего режима МИБ.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

1. проследить эволюцию нормативного регулирования МИБ в системе ООН начиная с 1998 года;
2. охарактеризовать институциональные площадки, на которых вырабатываются международные стандарты в сфере кибербезопасности;
3. провести сравнительный анализ национальных доктринальных документов ряда государств в контексте их взаимодействия с международными нормами;
4. определить перспективы и препятствия на пути к созданию универсального договора по МИБ.

Методологическую основу исследования составляет диалектический подход к анализу международно-правовых отношений. Применялись общенаучные методы – индукция, дедукция, синтез и системный анализ. Среди специально-юридических методов использовались формально-юридический метод, необходимый для оценки нормативного материала; сравнительно-правовой, позволивший сопоставить законодательство различных государств; а также методы контент-анализа – при изучении международных резолюций, докладов экспертных групп и двусторонних соглашений.

1. Генезис международно-правового регулирования МИБ: от «триады» к конвенции

Отправная точка современного международно-правового регулирования МИБ – 1998 год. Именно тогда Россия внесла в Первый комитет Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции, в котором впервые была обозначена «триада» угроз, связанных с ИКТ: военно-политическое использование технологий, преступные цели и терроризм. Резолюция A/RES/53/70 была принята 4 декабря 1998 года – и с этого момента проблема МИБ не исчезает с повестки ГА ООН ни разу.

Значимость инициативы трудно переоценить. Россия фактически сформулировала понятийный аппарат нарождавшейся отрасли: «информационное пространство», «информаци-

онное оружие», «критически важные структуры» – термины появились в докладе Генерального секретаря ООН от 10 июля 2000 года именно в том виде, в каком их предложила российская сторона.

Реакция западных партнёров, однако, оказалась сдержанной. На протяжении почти двенадцати лет после 1999 года вопрос о выработке принципов МИБ в резолюциях ГА ООН не ставился в явном виде – прежде всего потому, что США не желали брать на себя обязательства, способные ограничить военный потенциал в киберпространстве. Как констатируют Н. Ю. Жуковская, Е. В. Калинина и А. М. Радолин, «государства-лидеры технологического развития не стремятся брать на себя обязательства по ограничению собственного господства в инфосфере» [3]. Вывод остаётся актуальным и сегодня.

Перелом наметился в 2010-х годах. В итоговых докладах Группы правительственных экспертов 2010, 2013 и 2015 годов, принятых консенсусом, закреплялись базовые принципы сотрудничества государств в области МИБ. Прорывным стал доклад 2015 года: 11 добровольных норм ответственного поведения государств в информационном пространстве вошли в свод рекомендованных ООН правил, закреплённых в резолюции ГА № 73/27.

Добровольность – принципиальное слово. Нормы не являлись обязывающими. Международное право ещё не выработало инструментов принуждения к их соблюдению. Но сам факт консенсусного принятия означал: государства признали наличие общего интереса в мирном использовании ИКТ.

Работа последней ГПЭ (2018–2021) оказалась безрезультатной: «участники разошлись во взглядах на применимость международного права к действиям государств в инфопространстве». Именно тогда Россия выступила с инициативой создания принципиально новой площадки – Рабочей группы открытого состава (РГОС), к участию в которой приглашаются все 193 государства – члена ООН. Первый состав РГОС завершил работу в марте 2021 года, и итоговый доклад был принят консенсусом. Практическим достижением РГОС стало учреждение межправительственного реестра контактных пунктов по обмену информацией о компьютерных атаках – механизма скромного, но вполне реального.

На этом фоне принятие в декабре 2024 года резолюцией 79/243 ГА ООН Конвенции ООН против киберпреступности выглядит подлинным прорывом – первым универсальным договором в сфере МИБ за всю историю обсуждений. Конвенция направлена на укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, а также на обмен электронными доказательствами по серьёзным уголовным делам. Б. В. Сангаджиев и К. В. Сангаджиева справедливо усматривают в появлении подобных инструментов подтверждение тезиса о том, что «решение проблемы обеспечения информационной безопасности не может быть достигнуто силами одного государства» [4].

2. Институциональная архитектура: кто вырабатывает стандарты?

Архитектура международного регулирования МИБ многоуровнева. На универсальном уровне ключевую роль играют ГА ООН и её профильные структуры. Международный союз электросвязи (МСЭ) (специализированное учреждение ООН с 1947 года) внедряет обязательные и добровольные стандарты в области электросвязи. К началу 2023 года МСЭ принял свыше 1 тыс. Рекомендаций Сектора радиосвязи, 40 из которых обязательны для государств-членов. Вместе с тем в последние годы МСЭ всё сильнее втягивается в орбиту политического противостояния западных и незападных государств, что снижает его потенциал как нейтральной технической площадки.

На региональном уровне выделяется Европейское агентство по сетевой и информационной безопасности (ENISA), занимающееся разработкой превентивных мер, поддержкой совместного реагирования на трансграничные инциденты и содействием в создании систем кибербезопасности государств – членов ЕС. Директива ЕС о безопасности сетей и информационных систем (NIS Directive) установила требования к защите критической инфраструктуры, обязав государства-члены принимать конкретные меры по защите информационных систем.

Особое место в системе региональных механизмов занимают интеграционные объединения с участием России. В рамках ОДКБ ещё в 2017 году вступило в силу Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения информационной безопасности, нацеленное на выработку практических механизмов совместного реагирования на угрозы. А. К. Дубень констатирует: «информационная безопасность каждого государства формирует общую безопасность и непосредственно влияет на состояние коллективной безопасности» [1]. Логика прослеживается и в документах СНГ – с 2013 года в рамках Содружества действует соглашение в области обеспечения информационной безопасности, а современные международные программы в сфере кибербезопасности содержат базовые положения, выработанные именно в соглашениях СНГ.

Двусторонние соглашения образуют отдельный пласт нормативного регулирования. К настоящему времени подписано более 20 соглашений о сотрудничестве в области МИБ. Их совокупная роль – не только правовое обеспечение информационной безопасности, но и унификация технических стандартов при создании и эксплуатации интегрированных информационных систем. Как справедливо заключает А. К. Дубень, «международное сотрудничество в рамках исследуемого вопроса основано на принципе социальной ответственности» [1], а взаимодействие осуществляется в целях восполнения пробелов в нормативном регулировании киберсреды.

3. Национальные стратегии

Государства разрабатывают национальные стратегии информационной безопасности, воспринимая международные стандарты через призму собственных политических приоритетов. Сравнение доктринальных документов ряда государств позволяет выявить как общие тенденции, так и принципиальные различия в подходах.

Российская Доктрина информационной безопасности 2016 года определяет стратегические цели и основные направления обеспечения МИБ через призму национальных приоритетов. Три ключевых направления – противодействие использованию ИКТ для пропаганды экстремизма, защита критической информационной инфраструктуры и пресечение деятельности, наносящей ущерб национальной безопасности, – прямо корреспондируют с «триадой» угроз, сформулированной Россией ещё в 1998 году.

Опыт Казахстана заслуживает отдельного внимания. Согласно Концепции кибербезопасности республики, «деятельность публичных органов в первую очередь направлена на автоматизацию и цифровизацию государственных услуг» [5]. Казахстан – одна из немногих стран, располагающих специализированным Центром мониторинга безопасности, выявляющим кибератаки и уязвимости критических объектов. Информационная доктрина 2023 года закрепила обеспечение безопасности единого информационного пространства в числе базовых приоритетов государственной политики.

Республика Беларусь пошла по пути формирования Концепции информационной безопасности, в которой государство выступает гарантом защиты информационных прав граждан. Характерная черта белорусского подхода – акцент на смарт-проектировании решений по безопасности объектов компьютерной инфраструктуры и развитии аудита государственных систем на основе собственных стандартов. В 2023 году в рамках Союзного государства была утверждена совместная Концепция информационной безопасности, предусматривающая защиту цифрового и информационного пространства Беларуси и России. Концепция закладывает основы согласованной политики и выработки мер по совершенствованию систем обеспечения информационной безопасности обоих государств.

Показателен случай Вьетнама. До 2019 года страна не располагала комплексным нормативным актом в сфере кибербезопасности. Принятый Закон о кибербезопасности вызвал критику со стороны США и Канады – в частности, посольство США указывало, что закон может привести к большим проблемам для будущего обеспечения кибербезопасности. При этом, как обращает внимание А.В. Минбалеев, вьетнамская система обеспечения информационной безопасности уже используется рядом государств при формировании национальных систем кибербезопасности, определяя «эффективный способ обеспечения критически важных информационных ресурсов от кибератак» [6]. Противоречие между западной критикой и практической востребованностью вьетнамской модели весьма показательно: оно обнажает политическое измерение, неотделимое от якобы технических споров о стандартах.

Сравнительный анализ выявляет устойчивую закономерность, которую фиксируют Б. В. Сангаджиев и К. В. Сангаджиева: в России акцент делается на государственном контроле и регулировании, тогда как в США и ЕС значительное внимание уделяется сотрудничеству с частным сектором и международными организациями. Различие в подходах – не просто технический вопрос: оно отражает принципиально разные концепции суверенитета в информационном пространстве.

4. Противоречия в системе МИБ

Барьер на пути к универсальному соглашению по МИБ носит не технический, а политический характер. Три проекта конвенции ООН об обеспечении МИБ, внесённых Россией в 2011, 2021 и 2023 годах, раз за разом встречали сопротивление западных государств.

Н. Ю. Жуковская, Е. В. Калинина и А. М. Радолин называют три узловых противоречия, препятствующих консенсусу. Первое – вопрос о запрете использования ИКТ в военно-политических целях: «Вашингтон неизменно отвергает любые обязательства, способные ограничить его потенциал в киберпространстве» [3]. Второе – проблема атрибуции кибератак: отсутствие согласованной методологии позволяет государствам уклоняться от ответственности, прикрывая операции «под чужим флагом». Третье – разногласия в толковании базовых терминов: понятия

«информационное оружие», «информационная война», «критически важные структуры» трактуются государствами по-разному.

К этим трём следует добавить четвёртое противоречие, не менее существенное: несовпадение взглядов на роль государства в управлении интернетом. Отказ США подписать на саммите в Дубаи (2012) договор о праве государств на участие в управлении сетью – наглядное тому подтверждение.

Противоречия сохраняются. Начатая 24 февраля 2022 года специальная военная операция России на Украине резко сузила переговорное пространство: она «положила конец возможности взаимодействия с США и их западными партнёрами по выработке договорённости в сфере МИБ» [3], констатируют Н. Ю. Жуковская, Е. В. Калинина и А. М. Радолин. С другой стороны, именно в этот период резко возросло число кибератак на российскую критическую инфраструктуру, что лишний раз подтверждает: информационное противостояние стало неотъемлемой частью современных геополитических конфликтов.

Ю.В. Косов точно формулирует суть проблемы: «глобальные информационные системы – новая сфера для столкновения национальных интересов – потребовали от органов государственного управления инновационных подходов к противодействию угрозам информационной безопасности» [7]. Инновационных подходов требует и международное право – но выработать их в условиях глубокого геополитического раскола крайне сложно.

5. Мягкое право как временное решение и его пределы

В отсутствие обязывающего универсального договора международное сообщество выстраивает систему МИБ на основе инструментов «мягкого права»: добровольных норм, руководящих принципов, рекомендаций и резолюций. Итоговый доклад РГОС 2021 года, принятый консенсусом всех 193 государств, – наглядное воплощение этой логики.

Потенциал «мягкого права» не следует недооценивать. Нормы, изначально лишённые обязательной силы, нередко получают её со временем: достаточно вспомнить, как рекомендательные акты в области прав человека постепенно приобретали статус обычных норм международного права. Те же процессы (пусть и медленнее) идут в сфере МИБ. Добровольные нормы ответственного поведения государств, закреплённые в докладах ГПЭ и резолюциях ГА ООН, получают признание в дипломатических, политических и академических кругах.

Вместе с тем пределы «мягкого права» очевидны. Ни одно государство не обязано соблюдать добровольные нормы, если политическая конъюнктура складывается иначе. Атрибуция кибератак по-прежнему остаётся предметом политических манипуляций. Механизмов ответственности нет. И.А. Горбунов прямо указывает: «трансграничный характер угроз информационной безопасности формирует неоспоримую потребность в консолидации сил различных стран для противодействия таким угрозам» [8] – но именно эта консолидация остаётся недостижимой без юридически обязывающих инструментов.

Заключение

Международные стандарты информационной безопасности сложились как разветвлённая, многоуровневая система – и остаются принципиально незавершёнными. Двадцать шесть лет переговоров в рамках ООН дали ощутимые результаты: согласованную терминологию, добровольные нормы ответственного поведения государств, институциональные площадки для диалога, наконец – первую универсальную конвенцию против киберпреступности. Всё это – реальные достижения.

Но ключевой задачи – выработки юридически обязывающего универсального договора по МИБ – мировое сообщество не решило. Причины носят не технический, а политический характер: государства, располагающие наибольшим потенциалом в киберпространстве, не заинтересованы в самоограничении.

На национальном уровне государства движутся в сторону более детального доктринального оформления своей политики в сфере информационной безопасности. Россия, Казахстан, Беларусь, Вьетнам – при всём различии конкретных подходов – следуют общей логике: информационная безопасность рассматривается как стратегическое направление обеспечения национальной безопасности. Эта тенденция устойчива и, по всей видимости, необратима.

Перспективы развития МИБ определяются двумя конкурирующими векторами. С одной стороны – нарастающая взаимозависимость государств в информационном пространстве создаёт объективные стимулы к сотрудничеству: ни одна страна не застрахована от кибератак, а их последствия давно вышли за рамки отдельных государств. С другой – геополитическое противостояние, в котором информационные технологии занимают всё более заметное место, подталкивает к фрагментации глобального информационного пространства.

Выход из этого противоречия – постепенное наращивание обязательного нормативного слоя: сначала на уровне региональных соглашений, затем – через трансформацию добровольных норм в обычное международное право. Путь долгий. Но альтернативы – регулирование киберпространства как «пространства без права» – международное сообщество позволить себе не может.

Список литературы:

[1] Дубень А. К. Международные аспекты информационной безопасности России в условиях глобализации // Образование и право. – 2023. – №. 11. – С. 75-79.

[2] Агапов П. В., Ефремова М. А. Международно-правовые основы обеспечения информационной безопасности участников содружества независимых государств // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – №. 1 (31). – С. 176-182.

[3] Жуковская Н. Ю., Калинина Е. В., Радолин А. М. Формирование правовых основ обеспечения международной информационной безопасности в формате ООН: этапы и результаты // Международное право и международные организации. – 2024. – №. 4. – С. 74-86.

[4] Сангаджиев Б. В., Сангаджиева К. В. Международно-правовые основы обеспечения информационной безопасности // Образование и право. – 2024. – №. 8. – С. 23-27.

[5] Алиаскаров Р. Ж. Проблемы обеспечения информационной безопасности республики Казахстан в современных условиях // Universum: экономика и юриспруденция. – 2025. – Т. 1. – №. 4 (126). – С. 57-61.

[6] Минбалеев А.В. Правовое обеспечение кибербезопасности во Вьетнаме // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. – 2019. – № 1 (31). – С. 64-68.

[7] Косов Ю.В. Информационная безопасность и международное право II Управленческое консультирование. – 2016. – №3 (87). – С. 209-211.

[8] Горбунов И.А. Информационная безопасность: международно-правовые аспекты ее обеспечения // Международное право. – 2024. – №1. – С. 29-38.

References:

[1] Duben A.K. International aspects of information security of Russia in the context of globalization//Education and law. – 2023. – №. 11. - S. 75-79.

[2] Agapov P.V., Efremova M.A. International legal framework for ensuring information security of members of the Commonwealth of Independent States//Legal science and law enforcement practice. – 2015. – №. 1 (31). - S. 176-182.

[3] Zhukovskaya N. Yu., Kalinina E. V., Radolin A. M. Formation of the legal framework for ensuring international information security in the UN format: stages and results//International law and international organizations. – 2024. – №. 4. - S. 74-86.

[4] Sangadzhiev B.V., Sangadzhieva K.V. International legal framework for ensuring information security//Education and law. – 2024. – №. 8. - S. 23-27.

[5] Aliaskarov R. Zh. Problems of ensuring information security of the Republic of Kazakhstan in modern conditions//Universum: economics and jurisprudence. – 2025. - VOL. 1. – №. 4 (126). - S. 57-61.

[6] Minbaleev A.V. Legal support of cybersecurity in Vietnam//Bulletin of the Ural Federal District. Security in the information sphere. – 2019. – № 1 (31). - S. 64-68.

[7] Kosov Yu.V. Information Security and International Law II Management Consulting. – 2016. – №3 (87). - S. 209-211.

[8] Gorbunov I.A. Information security: international legal aspects of its provision//International law. – 2024. – №1. - S. 29-38.

www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-40-44

АГАДЖАНОВ Андрей Азатович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин,
Российский государственный университет правосудия
(Уральский филиал), г. Челябинск,
e-mail: aagadzhanov@list.ru

МАГДЕНКО Александр Дмитриевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры права и правового обеспечения
физкультурно-спортивной деятельности,
Уральский государственный университет физической культуры,
г. Челябинск,
e-mail: dozent0760@mail.ru.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

Аннотация. *В настоящей статье рассмотрены актуальные вопросы международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции. Исследуется генезис и современное состояние международного механизма по борьбе с коррупционными проявлениями, а также его влияние на национальные механизмы в указанной проблематике. Проведён анализ и определены перспективы дальнейшего развития сотрудничества Российской Федерации в рамках международного сообщества в области противодействия коррупции. Обосновывается мнение о необходимости использования инновационных средств и методов в антикоррупционной деятельности международного сообщества и нашего государства, в частности таких, как искусственный интеллект и цифровая трансформация.*

Ключевые слова: *коррупция, международное право, ООН, региональные организации, искусственный интеллект, цифровая трансформация*.

AGADZHANOV Andrey Azatovich,
candidate of law, associate professor,
associate professor of the Department of General
Theoretical Legal Disciplines, Ural Branch,
Russian State University of Justice named after M. V. Lebedev

MAGDENKO Alexander Dmitrievich,
candidate of law, associate professor,
associate professor of the Department
of Law and Legal Support for Physical Culture and Sports,
Ural State University of Physical Education

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF CORRUPTION PREVENTION: MODERN REALITIES

Annotation. *This article discusses current issues of international cooperation in the field of anti-corruption. It examines the genesis and current state of the international mechanism for combating corruption, as well as its impact on national mechanisms in this area. The article analyzes and identifies prospects for further development of cooperation between the Russian Federation and the international community in the field of anti-corruption. The author argues for the need to use innovative tools and methods in the anti-corruption activities of the international community and our country, such as artificial intelligence and digital transformation*.

Key words: *corruption, international law, the United Nations, regional organizations, artificial intelligence, and digital transformation*.

В настоящее время международное право, а также деятельность универсальных международных организаций в силу глобальных конфронтационных процессов не могут выполнять те задачи и функции, которые возложены на них соответствующими международными документами. Политическая, экономическая, военная, культурологическая и иные виды конфронтаций, наблюдающиеся в сфере международных отношений на глобальном уровне требуют реакции международного сообщества, а также совершенствования механизма международно-правового регулирования, поиска новых форм и способов сотрудничества в различных сферах международного общения, значения которого и важность для субъектов международного права трудно переоценить. Одним из важнейших направлений этого сотрудничества продолжает оставаться взаимодействие государств в области противодействия коррупции. Для Российской Федерации в настоящее время необходимость поиска новых форм международного сотрудничества в области противодействия коррупции обусловлена также такими факторами как выходом нашей страны из Совета Европы, прекращением взаимоотношений с неправительственной организацией Transparency International, и иными причинами, вытекающими из обозначенных ранее нарративов. Также актуальность настоящего исследования детерминируется внедрением в практику международно-правового регулирования таких феноменов как искусственный интеллект и цифровизация, которые уже широко используются, в том числе, в сфере противодействия коррупции на международном и национальном уровнях.

Коррупция в целом, как социальное явление, имеет достаточно глубокие корни. По мнению многих ученых, исследовавших это негативное проявление, коррупция зарождается практически одновременно с появлением первых государств в истории человечества, когда начинает формироваться публичная власть, не совпадающая с населением, и формируется государственный аппарат. Поэтому её можно поэтому считать объективной категорией, присущей в той или иной степени любому государственному образованию на любом этапе исторического развития. Коррупция же как международно-правовая категория появляется значительно позже, поскольку для этого должны были существовать определенные предпосылки и причины. К ним можно отнести сложившуюся к этому времени общность государств, наличие экономических и политических связей между ними, а также наличие международных межправительственных организаций, способных идентифицировать проявления международной коррупции и организовать механизм противодействия. Считаем, что немаловажную роль в распространении коррупции как уже международного явления, сыграли получившие значительное распространение в 19 веке транснациональные корпорации, способствовавшие процессу глобализации и расширению социально-экономических связей между государствами в планетарном масштабе. Постепенно международное сообщество начинает осознавать деструктивность и преступный характер коррупции, понимая, что бороться с ней необходимо не только на внутригосударственном уровне, но и на международном, причем первые международные антикоррупционные акты появились лишь во второй половине прошлого столетия, хотя необходимость в них, по нашему мнению, уже объективно существовала к тому моменту.

В настоящее время «мировым сообществом выработано множество форм и методов противодействия и борьбы с коррупционными проявлениями в различных сферах общественной жизни» [1, с. 15], а также существует значительное количество международно-правовых документов, содержащих меры по профилактике и противодействию коррупции. Первые антикоррупционные международные акты попытались, в том числе, и сформулировать определения самой коррупции, хотя можно и сейчас утверждать, что единого понятия коррупции международном праве пока не существует. Следует отметить, что большинство документов, содержащих международные антикоррупционные стандарты, создано под эгидой Организации Объединенных Наций, взявшей на себя функцию основного творца по формированию международного антикоррупционного законодательства.

Первым актом в данной сфере можно считать Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, который был принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года, в котором впервые на международном уровне было закреплено понятие коррупции. В седьмой статье документа утверждается, что «должностные лица по поддержанию правопорядка не совершают какие-либо акты коррупции. Они также всемерно препятствуют любым таким актам и борются с ними». В кодексе формулируется достаточно узкое понимание коррупции, которое сводится в основном к подкупу или продажности должностных лиц по поддержанию правопорядка. Следует отметить, что данный документ относится к так называемому «мягкому» международному праву, то есть не имеет жесткой обязательности исполнения и механизма контроля, хотя его значение для дальнейшего развития антикоррупционных норм сложно пере-

оценить. Более поздние международно-правовые документы уже более широко определяют понимание коррупции. Так, например, Справочный документ ООН о международной борьбе с коррупцией от 13 апреля 1995 года трактует её как «злоупотребление государственной властью для получения выгод в личных целях». Здесь уже расширено понимание субъекта коррупционного деяния, под которым понимается лицо, осуществляющее полномочия в сфере государственной власти.

В дальнейшем начинается закрепление антикоррупционных норм уже в договорной форме, которая в отличие от норм так называемого «мягкого права», предполагает обязательность их соблюдения в соответствии с Принципом добросовестного исполнения международных обязательств, а также определенные механизмы контроля за их исполнением. В 1999 году вступила в силу Конвенция ООН по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций, к которой Россия присоединяется в 2012 году. Далее в ООН принимается Конвенция против транснациональной организованной преступности, утвержденная резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года, которая вступила в силу 29 сентября 2003 года. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию Федеральным законом от 26 апреля 2004 года, который запустил процесс имплементации положений Конвенции в российское законодательство. Данная Конвенция регламентирует международное сотрудничество в области противодействия транснациональной преступности в целом, но в ней также значительное внимание уделено борьбе с коррупцией (главы 8 и 9). Так в главе 9 утверждается, что каждое государство-участник «принимает меры для обеспечения эффективных действий его органов в области предупреждения и выявления коррупции среди публичных должностных лиц и наказания за нее, в том числе путем предоставления таким органам достаточной независимости для воспрепятствования неправомерному влиянию на их действия». Конвенция также определяет и формы сотрудничества государств в данной сфере, такие как выдача, передача осужденных лиц, конфискация и иные виды правовой помощи.

Конвенция против транснациональной организованной преступности сыграла и играет сейчас важную роль в регулировании международного сотрудничества в области противодействия коррупции, но требовался специальный международно-правовой антикоррупционный документ в договорной форме. В 2003 году такой документ появляется. Им становится Конвенция ООН против коррупции, принятая на пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 31 октября 2003 года и вступившая в силу 14 декабря 2005 года. Россия ратифицировала Конвенцию 8 марта 2006 года без каких-либо оговорок, но с рядом заявлений, не влияющих в целом на обязательность всех положений Конвенции для государства. Однако ряд статей пока не имплементированы в правовую систему нашего государства, в частности, это касается, в первую очередь, статьи 20, по проблеме имплементации которой до сих пор не утихают дискуссии в политической и юридической сфере. Для улучшения сотрудничества государств-участников этого универсального соглашения учреждена постоянно действующая Конференция, секретарское обслуживание которой обеспечивается Генеральным секретарем ООН, который предоставляет необходимую информацию государствам-участникам, а также обеспечивает координацию их деятельности по реализации положений Конвенции. В этом документе консолидированы необходимые для противодействия коррупции на международном и национальном уровне меры, которые при должном уровне сотрудничества и национально-правовой имплементации действительно могут быть достаточно эффективными. Организации международного сотрудничества по реализации обозначенных во второй главе документа мер посвящена целая глава, в которой значительное внимание уделено правовой помощи и совместным действиям акторов.

Примером регионального сотрудничества по противодействию коррупции является участие нашего государства в деятельности Совета Европы. В рамках этой организации 27 января 1999 года была принята Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, направленная на «координацию мер по борьбе с коррупцией, укрепление международного сотрудничества в уголовно-правовой сфере и согласование квалификации коррупционных правонарушений как уголовно наказуемых деяний». Она была ратифицирована Российской Федерацией 26 июля 2006 года и вступила в силу для России 1 февраля 2007 года. Конвенция сыграла большую роль в формировании уголовно-правовых мер противодействия коррупции в российском законодательстве. Положения Конвенции были восприняты Федеральным законом «О противодействии коррупции» от 25.12.2008, статья 4 которого так и называется «Международное сотрудничество Российской Федерации в области противодействия коррупции». Конвенция конкретизировала и детализировала некоторые положения Конвенции ООН для регионального применения в рамках Совета Европы. В сентябре 2022 года Рос-

сийская Федерация вышла окончательно из Совета Европы, а с 1 июля 2023 года действие Конвенции прекращено в отношениях Российской Федерации с другими участниками этого регионального соглашения. Но несмотря на прекращение действия Конвенции необходимо отметить, что её положения во многом способствовали формированию действующего российского антикоррупционного законодательства.

Одновременно с прекращением сотрудничества России в данной области в рамках Совета Европы оно прекратилось и в отношении группы государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО), которая была создана Советом в 1999 году и предназначена для оказания помощи странам-участницам в борьбе с коррупцией. Эта организация устанавливает антикоррупционные стандарты деятельности государств по противодействию коррупции и контролирует соответствие практики этим стандартам. Группа помогает обнаружить недостатки в национальной антикоррупционной политике и предлагает необходимые законодательные или оперативные меры.

Изменился статус нашего государства и в других организациях глобального международного механизма по противодействию коррупции. С 2014 г. представители России не участвуют в ежегодных заседаниях Организации экономического и социального развития (ОЭСР), поскольку 12 марта 2014 г. Совет ОЭСР принял решение о временной приостановке переговорного процесса с Россией в связи с событиями на Украине. Вместе с тем, несмотря на временное приостановление рассмотрения российской заявки, Россия сохраняет официальный статус присоединяющейся страны и продолжает участие в рабочих органах ОЭСР на экспертном уровне. Также приостановлено уже в 2023 году на неопределенное время членство России в Группе разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ). Прекращено сотрудничество России и с неправительственной организацией Transparency International, главной задачей которой является исследование коррупции по всему миру и публикация результатов исследований в виде Барометра мировой коррупции и Индекса восприятия коррупции. Как справедливо отмечают многие ученые, также «ввиду политических и экономических реалий усложнился процесс взаимодействия РФ с Интерполом [2, с. 270]».

Объективно учитывая сложившееся состояние уровня международного сотрудничества России по борьбе с коррупцией нашему государству необходимо искать новые векторы взаимодействия на глобальном и региональном уровнях. Одним из направлений такого взаимодействия в настоящий момент является Содружество независимых государств (СНГ), участники которого исторически тесно связаны с нашей страной экономическими, культурными и иными гранями взаимодействия. В деятельности этой региональной организации также уделяется определенное внимание вопросам противодействия коррупции. Так, в 2008 году на пленарном заседании Межпарламентская ассамблея стран-участников СНГ приняла Модельный закон о противодействии коррупции который призван способствовать унификации антикоррупционного законодательства в государствах, входящих в состав организации. В марте 2022 года Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Распоряжение о подписании Соглашения о сотрудничестве государств — участников СНГ в противодействии коррупции. Кроме этого, по нашему мнению, России необходимо развивать двустороннее сотрудничество в данной сфере. Примером такого сотрудничества является Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о повышении эффективности в сфере борьбы с коррупцией, вступившее в силу 31 июля 2014 года. Есть мнение в научной среде о возможности создания Евразийской антикоррупционной стратегии в рамках ЕАЭС [3, с. 155].

Также особенностью современного этапа международного воздействия на общественные отношения является использование новейших методов и технологий, таких как искусственный интеллект (ИИ) и правовую цифровизацию. В международном праве, в том числе и в сфере борьбы с коррупцией, ИИ используется для автоматизации рутинных задач, связанных с обработкой юридической информации, составлением документов и анализом правовых норм, может анализировать тексты международных договоров, выявлять ключевые положения, сравнивать их с нормами национального законодательства и международного права. ИИ автоматически генерирует проекты международных соглашений, резолюций и иных актов на основе шаблонов и введенных данных, помогает государствам и иным акторам оценить вероятность успеха в международных спорах. ИИ отслеживает изменения в международном праве и национальных законодательствах, уведомляя юристов о новых нормах. Его широко используют для защиты данных в международных организациях, таких, например, как Интерпол или Всемирная торговая организация (ВТО), применяя также для отражения кибератак. Использование ИИ и иных технологий в сфере противодействия коррупции обеспечивают прозрачность проведения денежных, и связанных с ними операций, что содействует выявлению и предупреждению коррупционных

правонарушений на национальном и межгосударственном уровнях. Так, FATF в целях предупреждения отмывания денег ввела трёхуровневую систему оценки рисков (базовый, расширенный и усиленный контроль), которая может предусматривать применение искусственного интеллекта для анализа транзакций и особые требования к денежным операциям.

Можно резюмировать, что международное сотрудничество государств на мировом уровне в сфере противодействия коррупции осуществляется в целом под эгидой ООН, международные акты которой должны быть имплементированы в национальные правовые и организационные механизмы. Кроме этого, осуществляется взаимодействие в рамках региональных организаций и двусторонних контактов, которые приобретают сейчас особенную роль для нашего государства. Немаловажную роль в качестве определенного общественного контроля сейчас играют и международные неправительственные организации. Несомненно, что на современном этапе очень важным представляется использование с целью противодействия коррупции возможностей искусственного интеллекта, цифровой трансформации и иных инновационных технологий, которые уже прочно входят в механизм противодействия коррупции на глобальном и национальном уровнях.

Список литературы:

[1] Кушелев С.В. Понятие коррупции в международном праве - Вестник волгоградской академии МВД России № 2, 2012, С.15-22.

[2] Ивашкин Н.С. Международно-правовые основы борьбы с коррупцией в международном праве // Закон и право № 4. 2024. С. 269-274.

[3] Каширина А.А., Морозов А. Н. Международно-правовое регулирование борьбы с коррупцией: уровни взаимодействия и потенциал развития / Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России № 2 (42), 2018. С.148-154.

References:

[1] Kushelev S.V. The concept of corruption in international law - Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 2, 2012, S.15-22.

[2] Ivashkin N.S. International legal framework for combating corruption in international law//Law and Law No. 4. 2024. PP. 269-274.

[3] Kashirina A.A., Morozov A.N. International legal regulation of the fight against corruption: levels of interaction and development potential/Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 2 (42), 2018. P.148-154.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-45-49

КАЛУГИН Вадим Иванович,
аспирант, ОУП ВО АТИСО,
кафедра гражданского права и процесса,
e-mail: vadimklgn@yandex.ru

Научный руководитель:
ШАГИЕВА Розалина Васильевна,
Доктор юридических наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ДОПУСКА ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА И РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННОГО УЧАСТИЯ: ЧАСТНОПРАВОВОЙ ПОДХОД

Аннотация. *В статье рассматривается разграничение стадии допуска иностранного капитала и стадии последующей реализации инвестиционного участия. Автор обосновывает, что публично-правовой контроль необходим на входе в чувствительные сферы экономики, однако после допуска инвестора его положение должно оцениваться прежде всего через гражданско-правовые и корпоративные инструменты. Такой подход позволяет сохранить баланс публичного интереса и частноправовой природы прямых иностранных инвестиций.*

Ключевые слова: *прямые иностранные инвестиции, иностранный инвестор, инвестиционное участие, гражданское право, корпоративное право, публичный интерес, частный интерес, инвестиционный контроль, правовая определенность, предпринимательский риск.*

Источник финансирования: *исследование выполнено без внешнего финансирования.*

KALUGIN Vadim Ivanovich,
postgraduate student, EITU HPE ALSR,
Department of Civil Law and Procedure

Scientific supervisor:
SHAGIEVA Rozalina V.,
Doctor of Law, Professor

SEPARATION OF FOREIGN CAPITAL ADMISSION AND IMPLEMENTATION OF INVESTMENT PARTICIPATION: A PRIVATE LAW APPROACH

Annotation. *The article analyzes the distinction between admission of foreign capital and the subsequent exercise of investment participation. The author argues that public-law control may be justified at the entry stage, especially in strategic sectors, but should not replace civil-law and corporate mechanisms after the investor has entered business circulation. This approach helps preserve legal certainty and the private-law nature of foreign direct investment***.**

Key words: *foreign direct investment, foreign investor, investment participation, civil law, corporate law, public interest, private interest, investment control, legal certainty, entrepreneurial risk.*

Прямые иностранные инвестиции в российском праве обычно оказываются между двумя логиками. Первая — публичная: государство должно понимать, кто входит в стратегически значимые отрасли, какие активы получает инвестор и не возникает ли риск для безопасности. Вторая — частноправовая: если инвестор уже вошел в проект, он становится участником оборота, заключает договоры, получает корпоративные права, несет предпринимательский риск и защищает свой интерес обычными гражданско-правовыми средствами.

Проблема начинается там, где эти две логики смешиваются. Когда ограничения допуска иностранного капитала механически переносятся на уже возникшие корпоративные отношения, инвестиционное участие становится нестабильным. Инвестор вроде бы допущен в проект, но в любой момент может столкнуться с тем, что его управленческие права, доступ к информации или возможность распоряжаться долей начинают зависеть не от закона и договора, а от неопределенного публичного усмотрения.

В научной литературе справедливо отмечается, что гражданское право держится на автономии воли, равенстве участников и имущественной самостоятельности [1; 6]. Инвестиционные отношения не выпадают из этой конструкции. Да, они связаны с публичным интересом. Но само участие инвестора в обществе, его права голоса, корпоративные соглашения, опционы, распределение прибыли и убытков остаются частью частноправового механизма. Поэтому вопрос состоит не в том, нужен ли государственный контроль. Он нужен. Вопрос в другом: где он должен заканчиваться и как не разрушить гражданско-правовую основу проекта.

Цель статьи — показать, что разграничение стадии допуска иностранного капитала и стадии реализации инвестиционного участия имеет самостоятельное значение для квалификации прямых иностранных инвестиций. Для этого необходимо определить содержание каждой стадии, показать риски их смешения, выделить критерии допустимого публичного вмешательства и объяснить, почему именно гражданско-правовые инструменты должны оставаться основной формой реализации инвестиционного участия.

Методологически работа опирается на формально-юридический, системный, функциональный и сравнительно-правовой методы. Формально-юридический метод позволяет разделить нормы допуска и нормы реализации корпоративных прав. Системный метод нужен для анализа связи публичного и частного начал. Функциональный подход помогает оценивать не название сделки, а ее реальное назначение в инвестиционном проекте. Сравнительно-правовой анализ важен потому, что похожие проблемы возникают и в других юрисдикциях, где иностранный капитал допускается при сохранении обычных корпоративных механизмов.

В регулировании прямых иностранных инвестиций целесообразно различать две стадии. Первая — стадия допуска иностранного капитала. На этом этапе государство решает, может ли конкретный инвестор войти в определенную сферу экономики, приобрести долю, получить влияние на хозяйственное общество или участвовать в проекте, имеющем стратегическое значение. Здесь публичный интерес проявляется наиболее заметно. Государство вправе проверять структуру владения, источник капитала, конечных бенефициаров, характер актива и возможные последствия сделки.

Вторая стадия начинается после того, как инвестор получил возможность участвовать в гражданском обороте. На этом этапе главный вопрос уже не в том, можно ли допустить капитал, а в том, как реализуются возникшие права и обязанности. Инвестор голосует, участвует в распределении прибыли, получает информацию, заключает корпоративные соглашения, несет риск убытков и может отвечать за недобросовестное поведение. Эти отношения по своему содержанию являются гражданско-правовыми и корпоративными.

Если эти стадии не разделять, возникает подмена правовой логики. Публичный контроль, задуманный как фильтр на входе, начинает работать как постоянный инструмент изменения уже сложившихся частных прав. В результате участник формально сохраняет статус инвестора, но фактически теряет возможность влиять на проект или защищать свой интерес. Для прямых иностранных инвестиций это особенно болезненно: их смысл как раз в устойчивом участии в предпринимательской деятельности, а не в разовом перечислении денег.

Поэтому публичный контроль лучше рассматривать как внешний контур инвестиционных отношений. Он может ограничить вход в чувствительную сферу, поставить условия, потребовать раскрытия информации или согласования сделки. Но после допуска инвестора центр регулирования должен смещаться к гражданскому и корпоративному праву. Иначе инвестиционная модель превращается в нестабильную административную конструкцию, где договоры и корпоративные права существуют только условно.

Такой подход согласуется с современным пониманием прямых иностранных инвестиций. В доктрине они все чаще рассматриваются не как простое движение капитала, а как форма длительного участия в бизнесе [5; 8]. Инвестор отличается от кредитора тем, что не просто ждет возврата суммы с процентами. Он принимает риск проекта, получает возможность влиять на управление и зависит от экономического результата общества. Эта связь с предпринимательским риском и управлением делает ПИИ именно частноправовым явлением.

Публичный интерес в сфере иностранных инвестиций нельзя игнорировать. Иностранный капитал может быть связан с доступом к технологиям, инфраструктуре, персональным дан-

ным, природным ресурсам или стратегической информации. Государство вправе учитывать эти обстоятельства. Более того, отсутствие контроля в чувствительных сферах выглядело бы не свободой рынка, а отказом от защиты публичного интереса.

Но из этого не следует, что публичный интерес должен подменять собой частное право. Более точной представляется модель, при которой государство задает рамки, а участники внутри этих рамок используют договорные и корпоративные инструменты. Государство может установить предельную долю участия, требование согласования сделки, запрет на доступ к отдельным сведениям. Однако способ голосования, порядок согласования решений, условия выхода из проекта, ответственность сторон и распределение риска должны оформляться через частноправовые механизмы.

Договорное право как раз приспособлено к распределению рисков. Брагинский и Витрянский показывали, что договор не только фиксирует обмен, но и организует поведение сторон на будущее [3]. В инвестиционном проекте это особенно важно. Здесь редко бывает одна простая сделка. Обычно стороны используют набор документов: договор приобретения доли, корпоративное соглашение, опцион, заем с возможной конвертацией, соглашение о конфиденциальности, условия о заверениях и ответственности. Только вместе они показывают, как устроено участие инвестора.

Корпоративное право выполняет сходную функцию. Через органы управления, порядок голосования, кворум, права вето, доступ к информации и корпоративные соглашения можно настроить степень влияния инвестора. В этом смысле корпоративные инструменты не угрожают публичному интересу сами по себе. Они позволяют сделать участие прозрачным и заранее понятным. Опаснее обратная ситуация, когда фактическое влияние существует неформально, а юридическая конструкция не позволяет его увидеть и оценить.

Праву здесь лучше не бороться с частноправовыми формами, а использовать их. Если нужно ограничить доступ к чувствительной информации, это можно закрепить в корпоративных документах и режиме конфиденциальности. Если государству важно предотвратить неконтролируемое изменение структуры владения, стороны могут использовать запрет на отчуждение доли без согласия, условия о раскрытии конечного контроля, опционы обратного выкупа. Если риск связан с утратой стратегического контроля, можно предусмотреть специальные механизмы голосования по ключевым вопросам. Все это остается частным правом, но частным правом, которое учитывает публичный контекст.

Для практики важно определить, где проходит граница между допустимым публичным воздействием и вмешательством, которое разрушает частноправовую природу инвестиционного участия. На мой взгляд, здесь можно использовать несколько критериев.

Первый критерий — стадийность. Нужно установить, на каком этапе вводится ограничение: до входа инвестора в проект или уже после возникновения корпоративных и договорных прав. На стадии допуска государственное усмотрение объективно шире. После допуска оно должно быть уже, потому что инвестор не просто подал заявку, а стал участником гражданского оборота и приобрел защищаемые права.

Второй критерий — сохранение реального содержания корпоративного членства. Если инвестор приобрел долю или акции, за ним должен оставаться необходимый минимум прав: получать информацию, участвовать в управлении, защищать свое участие от размывания, обращаться в суд. Ограничение, которое оставляет за инвестором только формальное владение без реального участия, по существу меняет природу инвестиции. Такая конструкция будет работать без устойчивых судебных ориентиров плохо, а в инвестиционных спорах суды часто сталкиваются не с простой ситуацией, а с набором взаимосвязанных договоров: приобретением доли, корпоративным соглашением, заемным или конвертируемым финансированием, условиями об ответственности. Если рассматривать каждый документ отдельно, можно легко потерять смысл всей сделки.

Третий критерий — соразмерность. Ограничение должно отвечать реальной публичной цели и быть пригодным для ее достижения. Если риск связан с доступом к стратегической информации, нет необходимости автоматически блокировать все управленческие права инвестора. Если проблема состоит в изменении конечного контроля, разумнее регулировать раскрытие и согласование сделок с долями, а не лишать инвестора права на прибыль или судебную защиту. Соразмерность здесь не абстрактная формула, а вполне рабочий инструмент юридической настройки.

Четвертый критерий — добросовестность поведения участников. Иностранный инвестор не вправе прикрываться частноправовой автономией, если фактически обходит специальные правила допуска, скрывает контроль или дробит участие между аффилированными лицами. Но и публичные органы, а также российские контра-

генты не должны использовать инвестиционные ограничения как удобный способ вытеснить инвестора из проекта. Для гражданского права принципиально важно, что добросовестность связывает не только частных лиц, но и всю логику правоприменения [1; 6].

Пятый критерий — функциональная квалификация. Суду недостаточно увидеть название договора или размер доли. Нужно понять, какую роль инвестор реально играет в проекте: несет ли предпринимательский риск, влияет ли на управление, зависит ли его доход от результатов бизнеса, как связаны между собой договоры. Если корпоративный договор закрепляет право вето по стратегическим вопросам, это не обязательно означает попытку обойти закон. Иногда это обычный способ защитить инвестиционный интерес. Если же заем фактически дает инвестору контроль без раскрытия такого влияния, его нельзя оценивать как обычное внешнее финансирование.

Даже хорошая норма не решит проблему, если суды не выработают устойчивые ориентиры. В инвестиционных спорах перед судом часто оказывается не один договор, а целая связка документов. Формально они могут выглядеть по-разному, но экономически работать как единая инвестиционная модель. Поэтому особенно важен подход, при котором инвестиционный проект оценивается не по отдельным фразам договора, а как целостная конструкция.

Судебная практика могла бы двигаться именно в сторону функциональной оценки. Суду важно спрашивать не только о том, как назван договор, но и о том, какую задачу он выполняет в проекте. Если заем встроен в механизм последующего вхождения в капитал, его нельзя автоматически считать обычным внешним финансированием. Если корпоративное соглашение закрепляет специальные механизмы согласования, это не всегда означает недопустимую подмену органов общества. Возможно, речь идет о нормальной защите инвестиционного интереса. Если инвестор получает миноритарный пакет, но через договоры и технологии фактически влияет на бизнес, этот факт также должен быть юридически видимым.

Для повышения правовой определенности полезны разъяснения высших судебных инстанций. В них можно было бы закрепить несколько ориентиров. Во-первых, различать стадию допуска иностранного капитала и стадию реализации инвестиционного участия. Во-вторых, признавать допустимость публичных ограничений только при сохранении существа корпоративных и договорных прав инвестора. В-третьих, оценивать инвестиционные сделки функционально, с учетом предпринимательского риска, управленческого влияния и связи договоров между собой. В-четвертых, исходить из того, что публичный интерес не освобождает стороны от требований добросовестности.

Такой подход был бы полезен не только иностранным инвесторам. Российские компании получили бы более понятные правила структурирования проектов. Государство — более точные инструменты контроля, без чрезмерного давления на гражданский оборот. Суды — критерии, позволяющие не сводить сложный инвестиционный спор к спору о названии договора. В итоге правовая система выигрывает не потому, что снимает все ограничения, а потому, что делает их предсказуемыми.

Баланс публичных и частных интересов не стоит понимать как механическое деление отношений на «государственную» и «частную» части. Реальная задача сложнее: публичная цель должна быть встроена в частноправовую форму так, чтобы не уничтожить ее содержание. Именно в этом проявляется практическая ценность разграничения допуска и реализации инвестиционного участия.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что разграничение стадии допуска иностранного капитала и стадии реализации инвестиционного участия имеет самостоятельное значение для гражданско-правовой квалификации прямых иностранных инвестиций. На стадии допуска государство вправе применять специальные публично-правовые фильтры, особенно если речь идет о стратегических активах или чувствительных секторах экономики. Но после того как инвестор вошел в гражданский оборот, его положение должно определяться преимущественно нормами гражданского и корпоративного права.

Публичный интерес при этом не исчезает. Он сохраняется, но должен реализовываться через понятные и соразмерные формы: договорные условия, корпоративные соглашения, механизмы раскрытия информации, ограничения доступа к отдельным сведениям, специальные правила голосования. Такой подход не ослабляет государственный контроль. Напротив, он делает его более точным и менее разрушительным для инвестиционного проекта.

Главный риск состоит в том, что публично-правовое регулирование может выйти за пределы стадии допуска и начать произвольно менять уже возникшие корпоративные и договорные права инвестора. В этом случае прямые иностранные инвестиции теряют свое частноправовое содержание и превращаются в нестабильную административную конструкцию. Поэтому

для правоприменения важны критерии стадийности, сохранения реального содержания корпоративного членства, соразмерности, добросовестности и функциональной квалификации.

Именно функциональный подход позволяет оценивать не оболочку сделки, а ее фактическое содержание: принимает ли инвестор предпринимательский риск, влияет ли на управление, как распределяются права и обязанности, какую роль играют связанные договоры. Такой подход способен повысить правовую определенность, защитить добросовестных участников и одновременно сохранить возможность государства контролировать действительно значимые риски.

Список литературы:

[1] Алексеев С. С. Общая теория права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Велби : Проспект, 2008. 576 с.

[2] Богуславский М. М. Международное частное право : учебник. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. 672 с.

[3] Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. М. : Статут, 2011. 847 с.

[4] Доронина Н. Г., Семилютина Н. Г. Международное частное право и инвестиции : монография. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ : Контракт, 2012. 272 с.

[5] Майфат А. В. Инвестирование: способы, риски, субъекты : монография. М. : Статут, 2020. 176 с.

[6] Российское гражданское право : учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2011. 958 с.

[7] Корпоративное право : учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. М. : Статут, 2019. 735 с.

[8] Muchlinski P. T. Multinational Enterprises and the Law. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2021. 912 p.

[9] Sornarajah M. The International Law on Foreign Investment. 5th ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. 661 p.

[10] OECD Benchmark Definition of Foreign Direct Investment. 4th ed. Paris : OECD Publishing, 2008. 250 p.

References:

[1] Alekseev S. S. General theory of law: textbook. 2nd ed., Revised and add. M.: Welby: Prospect, 2008. 576 p.

[2] Boguslavsky M. M. International private law: textbook. 7th ed., Revised and add. M.: Norm: INFRA-M, 2020. 672 p.

[3] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book One: General Provisions. 3rd ed., erased M.: Statute, 2011. 847 pp.

[4] Doronina N. G., Semilyutina N. G. International private law and investment: monograph. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Contract, 2012. 272 pp.

[5] Mayfat A.V. Investing: methods, risks, subjects: monograph. M.: Statute, 2020. 176 s.

[6] Russian civil law: textbook: in 2 vols. I: General part. Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights/resp. ed. E.A. Sukhanov. M.: Statute, 2011. 958 p.

[7] Corporate Law: Textbook/Rev. ed. I.S. Shitkin. M.: Statute, 2019. 735 p.

[8] Muchlinski P. T. Multinational Enterprises and the Law. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2021. 912 p.

[9] Sornarajah M. The International Law on Foreign Investment. 5th ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. 661 p.

[10] OECD Benchmark Definition of Foreign Direct Investment. 4th ed. Paris : OECD Publishing, 2008. 250 p.

www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-50-52

ТУТУКОВ Альберт Юрьевич,
доцент кафедры деятельности
органов внутренних дел в особых условиях
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
к.ю.н,
e-mail: mail@law-books.ru

МАНАМС Наталья Анатольевна,
преподаватель кафедры административного права и
административной деятельности ОВД Омской академии
МВД России,
майор полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В данной статье исследован современный опыт контртеррористической деятельности, сформированный на территории российского государства. Несмотря на то, что антитеррористической деятельности уделяется пристальное внимание в последние годы, основные направления данного функционирования нуждаются в критическом анализе на предмет эффективности применяемых мер и дальнейшего совершенствования. Уделено особое внимание профилактике терроризма и обеспечению антитеррористической защищенности объектов/территорий. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что в условиях интенсификации террористических угроз принципиальное значение приобретает использование всего потенциала субъектного состава контртеррористической деятельности.*

Ключевые слова: *терроризм, идеология насилия, профилактика, предупреждение, антитеррористическая защищенность.*

TUTUKOV Albert Yuryevich,
Associate Professor, Department of Activities
of Internal Affairs Agencies in Special Conditions,
North Caucasus Institute for Advanced Training (branch)
of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
PhD in Law

MANAMS Natalia Anatolyevna,
Lecturer, Department of Administrative Law and
Administrative Activities of the Internal Affairs Directorate,
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Major

CURRENT ISSUES OF COUNTERING TERRORISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article examines the current counter-terrorism practices in Russia. Despite the significant attention paid to counter-terrorism in recent years, the main areas of these activities require critical analysis for the effectiveness of the measures applied and for further improvement. Particular attention is paid to terrorism prevention and ensuring the anti-terrorist security of facilities/territories. Based on the analysis, it is concluded that, given the intensification of terrorist threats, utilizing the full potential of counter-terrorism actors is crucial*.

Key words: *terrorism, ideology of violence, prevention, warning, anti-terrorist security.*

Терроризм является глобальной проблемой современности, которая в значительной степени актуализируется на территории российского государства в современных реалиях. Актуальность выбранной проблематики наглядно подчеркивается статистическими данными МВД России, согласно которым в январе – декабре 2025 года зарегистрировано 5920 преступлений террористического характера, что на 59,4% больше показателей 2024 года [4].

В современной правовой литературе встречается множество исследований, посвященных вопросам борьбы с террористическими проявлениями и их современной интенсификации. В большинстве своем уделяется внимание профилактике идеологии терроризма среди молодежи [2, с. 300], а также отмечается перспективность совершенствования контртеррористической деятельности в условиях повсеместной информатизации и цифровизации с учетом возникающих вызовов и угроз [1, с. 309]. Данные вопросы, безусловно, имеет важное прикладное значение, однако они далеко не в полной мере учитывают современные масштабы распространения террористических идей и взглядов на территории российского государства, а также состояние контртеррористического функционирования, реализуемого различными субъектами, начиная от органов государственной власти и местного самоуправления и заканчивая институтами гражданского общества.

Как отмечалось ранее, в качестве основы эффективной борьбы с терроризмом видится необходимым выделить профилактику и предупреждение. В действующем контртеррористическом законодательстве данные понятия рассматриваются как целое и его часть, и в общем данная деятельность ориентирована на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению террористических актов. Однако на наш взгляд профилактика и предупреждение терроризма – это гораздо более широкое и многоаспектное функционирование, которое должно быть ориентировано на формирование устойчивой неприязни в российском обществе к насильственным методам решения любых конфликтов.

Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024 - 2028 годы содержит четкое регулирование вопросов, связанных с профилактикой идеологии терроризма [3].

В современных реалиях, связанных с интенсификацией террористических угроз, также наглядно проявляется количественный рост числа профилактических мероприятий, что далеко не всегда положительно влияет на их результативность.

Важно отметить, что в последние годы также расширяется практика реализации НКО грантовых проектов антитеррористической направленности. В настоящее время существует множество федеральных и региональных грантовых конкурсов, где-либо есть соответствующие специализированные направления, либо контртеррористическая тематика может рассматриваться в рамках гражданского общества в целом, или развития духовно-нравственных ценностей и гражданского/патриотического воспитания. Вовлеченность НКО в указанное функционирование представляется наиболее приоритетным, поскольку общественные организации во многом наиболее детально понимают проблемы, существующие на конкретных территориях. Кроме того, многие НКО состоят из представителей молодежи, что в целом корреспондирует необходимости современного переосмысления вопросов противодействия терроризму через призму восприятия молодым поколением. Те же профилактические мероприятия, разработанные и реализованные активной молодежью способны гораздо результативнее реализовываться в обществе за счет четкого понимания специфики мировосприятия и потребностей к формату их проведения.

В рамках представленного исследования видится необходимым подчеркнуть также актуальность соблюдения законодательных требований, предусмотренных в части обеспечения антитеррористической защищенности объектов/территорий [5]. Обратим внимание на то, что российский законодатель не разграничивает актуальность обеспечения антитеррористической защищенности в зависимости от объектов – она одинаково важна как для зданий/сооружений, так для открытых территорий.

Заслуживает поддержки позиция российского законодательства в части конкретизации требований к антитеррористической защищенности в отдельных постановлениях Правительства РФ с учетом специфики функционирования различных объектов/территорий, которых принято к настоящему моменту более 40 штук. Многообразие указанных актов также представляется оправданным, поскольку в рамках единых требований невозможно определить эффективные модели препятствующих действий и механизмов минимизации негативных последствий. Конкретизация соответствующих требований необходима для эффективной контрольно-надзорной деятельности в указанной сфере, поскольку детализируются проверяемые аспекты, подлежащие обязательному соблюдению со стороны собственников.

Главной проблемой в данном вопросе является фрагментарная эффективность работы с

собственниками/владельцами объектов/территорий, которые несмотря на наличие четко установленных законодательных требований допускают их игнорирование. Практика привлечения к административной ответственности по ст. 20.30 КоАП РФ весьма многообразна. Именно от эффективности антитеррористической защищенности объектов/территорий напрямую зависят существующие риски преступных посягательств, а в ситуациях, когда соответствующие законодательные требования соблюдаются формально или частично – данные риски значительно повышаются. Справедливым представляется введение с 2023 года уголовной ответственности за нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) при условии неоднократного привлечения к административной ответственности за аналогичные деяния (ст. 217.3 УК РФ).

Несмотря на то, что в последние годы вопросам контрольно-надзорной деятельности в указанной сфере уделяется пристальное внимание, проблема формальности и фрагментарности данной деятельности также актуальна. В настоящее время подобные проверки чаще проводятся именно при введении в эксплуатацию конкретных территорий/объектов, что напрямую связано с соответствующими законодательными требованиями, в том числе к составлению паспортов их безопасности как обязательно элемента дальнейшего функционирования. Однако дальнейшие проверки проводятся, как правило, в запланированном формате, что позволяет собственникам объектов/территорий организовать показательные механизмы обеспечения антитеррористической защищенности. Впоследствии, подобные механизмы могут применяться крайне фрагментарно, что значительно усиливает риски соответствующих нарушений.

Таким образом, на основе проведенного исследования следует сделать вывод о том, что к настоящему моменту на законодательном уровне сформирован весь необходимый объем правового регулирования противодействия терроризму, однако на практике существует острая необходимость совершенствования применяемых мер. Применяемые контртеррористические меры подлежат регулярной оценке на предмет эффективности в целях дальнейшего совершенствования и исключения количественного и формального характера их организации и осуществления. В условиях интенсификации террористических угроз принципиальное значение приобретает использование всего потенциала субъектного состава контртеррористической деятельности. В данном контексте перспективной видится активизация вовлеченности в контртеррористическую деятельность представителей молодежи, в том числе посредством грантовой деятельности.

Особое внимание необходимо также уделять соблюдению законодательных требований по обеспечению антитеррористической защищенности объектов/территорий, поскольку от эффективности их реализации во многом зависит уязвимость к террористическим проявлениям. В данной сфере перспективным представляется дальнейшее инженерно-техническое переоснащение объектов/территорий, а также адресная профилактическая работа с их собственниками/владельцами.

Список литературы:

[1] Ахъядов, Э. С. М. Противодействие терроризму в информационной сфере / Э. С. М. Ахъядов // Аграрное и земельное право. 2025. № 6. С. 309-311.

[2] Канунникова, Н. Г. К вопросу об организации профилактики экстремизма и терроризма в молодежной среде / Н. Г. Канунникова // Право и управление. 2025. № 7. С. 298-301.

[3] Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024 - 2028 годы (утв. Президентом РФ 30.12.2023 № Пр-2610). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

[4] Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2025 года. URL: https://media.mvd.ru/files/application/16902466 (дата обращения: 01.04.2026).

[5] Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

References:

[1] Akhyadov, E. S. M. Countering terrorism in the information sphere/E. S. M. Akhyadov//Agrarian and land law. 2025. № 6. PP. 309-311.

[2] Kanunnikova, N. G. On the issue of organizing the prevention of extremism and terrorism among young people/N. G. Kanunnikova//Law and management. 2025. № 7. S. 298-301.

[3] A comprehensive plan to counter the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2024-2028 (approved by President of the Russian Federation 30.12.2023 No. Pr-2610). The document was not published. Access from SPS “Consultant Plus.”

[4] The state of crime in the Russian Federation in January - December 2025. URL: https://media.mvd.ru/files/application/16902466 (access date: 01.04.2026).

[5] Federal Law of 06.03.2006 No. 35-FZ “On Countering Terrorism” (as amended by 28.02.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 11. Art. 1146.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-53-58

ГАДЖИЭМЕНОВ Багавдиншайих Абдулкадирович,
кандидат юридических наук, доцент,
руководитель НИЦ по изучению правовых проблем
противодействия экстремизму, терроризму и коррупции
Юридического института Дагестанского государственного университета,
доцент кафедры уголовного права и криминологии, старший советник юстиции,
Заслуженный юрист Республики Дагестан,
член правления ДРОО «Поддержка курса Главы Республики Дагестан»,
e-mail: mail@law-books.ru

КИБЕРТЕРРОРИЗМ КАК НОВАЯ УГРОЗА: ОСОБЕННОСТИ, КАНАЛЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу кибертерроризма как качественно новой и стремительно эволюционирующей угрозы национальной и международной безопасности. Автором выявлены и проанализированы ключевые особенности кибертерроризма, среди которых: анонимность, дистанционность, низкая себестоимость атаки при потенциально высоком деструктивном эффекте, сложность атрибуции, а также мультипликативный пропагандистский эффект. Детально рассмотрены основные каналы распространения данной угрозы в современном киберпространстве – от открытых социальных сетей до закрытых сегментов даркнета и мессенджеров. На основе критического анализа доктринальных позиций ведущих российских и зарубежных исследователей, а также актуального состояния отечественного законодательства, обоснован комплексный подход к противодействию кибертерроризму. Предлагаются конкретные меры правового, организационно-технического и международно-правового характера, формулируются предложения по совершенствованию уголовного законодательства.*

Ключевые слова: *кибертерроризм, информационная безопасность, киберпространство, каналы распространения, даркнет, социальные сети, противодействие терроризму, уголовное законодательство, критическая информационная инфраструктура.*

GADZHIEMENOV Bagavdinshaiykh Abdulkadirovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Research
Center for the Study of Legal Problems of Countering Extremism,
Terrorism and Corruption, Law Institute, Dagestan State University,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
Senior Counselor of Justice, Honored Lawyer of the Republic of Dagestan,
Board Member of the Dagestan Regional Public Organization
“Support for the Course of the Head of the Republic of Dagestan”

CYBERTERRORISM AS A NEW THREAT: FEATURES, DISTRIBUTION CHANNELS AND COUNTERMEASURES

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive analysis of cyberterrorism as a qualitatively new and rapidly evolving threat to national and international security. The author identifies and analyzes the key features of cyberterrorism, including anonymity, remoteness, low cost of an attack with a potentially high destructive effect, the difficulty of attribution, and a multiplier propaganda effect. The main channels for the spread of this threat in modern cyberspace are examined in detail – from open social networks to closed segments of the darknet and messengers. Based on a critical analysis of the doctrinal positions of leading Russian and foreign researchers, as well as the current state of domestic legislation, a comprehensive approach to countering cyberterrorism is substantiated. Specific measures of a legal, organizational-technical and international legal nature are proposed, and proposals for improving criminal legislation are formulated.*

Key words: *cyberterrorism, information security, cyberspace, distribution channels, darknet, social networks, countering terrorism, criminal law, critical information infrastructure.*

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, выступая фундаментом современного «цифрового общества», сформировало принципиально новую среду для реализации как законных, так и противоправных интересов. Киберпространство, лишенное государственных границ и во многом свободное от традиционных форм социального контроля, стало ареной острого противостояния, в котором все более заметное место занимает кибертерроризм – гибридное явление, соединившее разрушительную идеологию терроризма с колоссальным потенциалом информационных технологий. Актуальность глубокого научного осмысления данного феномена обусловлена целым рядом тревожных тенденций. Во-первых, налицо экспоненциальный рост числа и изощренности атак на объекты критической информационной инфраструктуры (КИИ): по данным экспертов, только за 2025 год количество инцидентов с использованием программ-вымогателей увеличилось на 15%, причем значительная их часть уже не укладывается в рамки обычной киберпреступности, обнаруживая явные признаки диверсионной и политической мотивации [8]. Во-вторых, транснациональные террористические организации превратили цифровую среду в основной инструмент пропаганды, вербовки, финансирования и координации, что качественно повысило их живучесть и оперативные возможности. В-третьих, мировая практика демонстрирует все более активное вовлечение прогосударственных хакерских группировок в гибридные конфликты, размывающих грань между кибершпионажем, диверсией и собственно актами кибертерроризма. Несмотря на очевидную остроту проблемы, в юридической науке и правоприменительной практике до сих пор не выработано единого подхода к дефиниции «кибертерроризм», что существенно затрудняет как законотворческую деятельность, так и практическое противодействие этой угрозе.

Формирование эффективной государственной политики противодействия любой угрозе неразрывно связано с ее точной терминологической фиксацией. Однако именно в отношении кибертерроризма как в отечественной, так и в зарубежной науке сложился широкий плюрализм мнений, обусловленный многогранностью самого феномена. Анализ доктрины позволяет выделить два магистральных подхода: узкий (строгий) и широкий. Сторонники узкого подхода, у истоков которого стояли такие исследователи, как Д. Деннинг и М. Поллит, а в российской науке его отчасти разделяет В. А. Мазуров, стремятся отграничить кибертерроризм от смежных явлений. С их точки зрения, кибертерроризм – это непременно атака именно на компьютерные системы, сети и обрабатываемую в них информацию, которая создает реальную опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких общественно опасных последствий, осуществляемая для устрашения населения или воздействия на органы власти [3, с. 149]. Достоинством данного подхода является высокая степень формальной определенности, позволяющая минимизировать риски расширительного толкования. Вместе с тем, он оставляет за рамками целый пласт террористической активности, которая хотя и не сопряжена с непосредственным разрушительным воздействием на киберфизические системы, но является неотъемлемой частью террористической деятельности – пропаганду, радикализацию, рекрутинг, сбор финансовых средств.

Данный пробел восполняется представителями широкого подхода, который в российской науке активно разрабатывается Л. А. Бураевой, Б. А. Тарчоковым, А. А. Шпаком. Эти ученые исходят из того, что кибертерроризм охватывает любое использование киберпространства в целях, свойственных терроризму, будь то непосредственные атаки на инфраструктуру или же обеспечивающая деятельность. Как справедливо подчеркивает Л. А. Бураева, возможности глобальной сети «все чаще используются террористическими группировками не только для совершения хакерских кибератак, но и для устрашения общества, проведения антиобщественной пропаганды, вербовки, распространения планов возможных террористических атак, в разведывательных целях» [1, с. 147]. Действительно, современные реалии таковы, что виртуальная ячейка, члены которой никогда не встречались в физическом мире, может спланировать и осуществить реальный теракт, а пропагандистский ролик, распространенный через соцсети, способен радикализировать сознание человека и подтолкнуть его к преступным действиям. Следовательно, ценность широкого подхода заключается в его прагматизме и нацеленности на охват всего спектра угроз, хотя его критики и высказывают обоснованные опасения относительно размывания границ состава преступления.

Наиболее взвешенной и пригодной для целей законотворчества представляется попытка синтеза, предложенная Д. В. Пучковым, который определяет «кибертерроризм как «противоправное использование информационно-коммуникативных технологий в отношении компьютерной информации, компьютерных систем и сетей в критических сегментах государства и в частном секторе, которые создают опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба или наступления иных общественно опасных последствий, с целью нагнетания страха

и напряженности, а равно воздействия на органы власти по политическим или иным, свойственным идеологии терроризма, мотивам» [4, с. 385]. Именно такой подход, акцентирующий внимание на объекте, целях и мотивах деяния, позволяет непротиворечиво вписать кибертерроризм в систему уголовно-правовых запретов и отграничить его от киберпреступности, хактивизма и кибершпионажа. С учетом этого, мы полностью разделяем позицию А. И. Диденко, что «в авангарде борьбы с кибертерроризмом должно быть уголовное право» [2, с. 92], однако отправной точкой здесь должно стать не доктринальное толкование, а четкая легальная дефиниция, закрепленная в федеральном законе. Лишь на этом фундаменте можно выстроить логичную и непротиворечивую систему мер противодействия.

Закономерным следствием неоднородности подходов к определению является и отсутствие в науке и практике единой системы свойств, которые бы всесторонне характеризовали кибертерроризм как угрозу нового типа. Проведенный в рамках настоящей работы анализ позволяет выделить и детально обосновать несколько ключевых особенностей, совокупность которых придает данному явлению качественную новизну. Первой и, пожалуй, системообразующей особенностью выступает абсолютная анонимность и дистанционность. В отличие от традиционного терроризма, где исполнитель физически присутствует на месте преступления, кибертеррорист может находиться в тысячах километров от объекта атаки, в юрисдикции другого государства, используя цепочки прокси-серверов, VPN-сервисы и зашифрованные каналы связи. Это не просто затрудняет идентификацию злоумышленника, а в корне подрывает один из базовых принципов уголовного права – принцип неотвратимости наказания. Как точно замечено в литературе, «киберпространство не имеет границ, что позволяет террористам действовать вне национальной юрисдикции» [1, с. 151], а следовательно, и вне досягаемости для национальных правоохранительных систем без сложных и долгосрочных международных процедур. Вторая особенность – беспрецедентная асимметрия между затратами на атаку и ее потенциальным ущербом. Если подготовка и проведение классического теракта, как правило, требует значительного финансирования, логистики и человеческого ресурса, то разрушительная кибератака может быть осуществлена одним человеком или небольшой группой при минимальных затратах на оборудование и программное обеспечение. При этом ущерб для экономики и общества может достигать астрономических сумм. Согласно прогнозам экспертов, глобальный ущерб от киберпреступности, в которую органично встроена и кибертеррористическая деятельность, в 2026 году может достичь 11,9 трлн долларов [9]. Эта пугающая экономика делает кибертерроризм крайне привлекательным инструментом для асимметричного давления на государства. Третья особенность, тесно связанная с первой, – это колоссальная сложность атрибуции, то есть установления не только конкретного исполнителя, но и источника атаки, заказчика, его политической или государственной принадлежности. Современные технологии позволяют фальсифицировать цифровые следы, имитировать деятельность одной группировки от имени другой, оставляя реальных организаторов в тени. Данное обстоятельство превращает кибертерроризм в идеальное орудие ведения гибридных войн, когда агрессор, оставаясь формально непричастным, может наносить критический урон противнику, дестабилизируя его финансовую систему, энергетику и транспорт. Четвертая особенность, кардинально меняющая природу устрашения, – мультипликативный пропагандистский эффект. Кибертеррорист, в отличие от террориста традиционного, не зависит от СМИ как посредника для распространения информации о своих действиях. Он самостоятельно, напрямую, в режиме реального времени может донести информацию об успешной атаке до многомиллионной аудитории, сопроводив ее собственными комментариями и угрозами, что многократно усиливает психологический эффект и создает в обществе атмосферу паники и недоверия к государственным институтам. Пятой особенностью является перманентная технологическая эволюция инструментария атак, напоминающая гонку вооружений. Киберпреступные и террористические группы активно заимствуют новейшие достижения в области искусственного интеллекта, квантовых вычислений и, что особенно опасно, используют бизнес-модель «вредоносное ПО как услуга» (Malware-as-a-Service), делая сложнейший инструментарий доступным даже для непрофессионалов. Это ведет к постоянному сокращению времени между появлением уязвимости и ее использованием в атаках, требуя от государства и бизнеса столь же быстрой реакции. Наконец, шестой, часто недооцениваемой особенностью, является изощренная эксплуатация «человеческого фактора». Как показывают исследования, подавляющее большинство успешных атак на защищенные системы начинается не со взлома сложных алгоритмов шифрования, а с использования методов социальной инженерии, фишинга и психологических манипуляций в отношении конкретных сотрудников [5, с. 44]. Таким образом, самым уязвимым звеном любой, даже самой технологически совершенной системы защиты, остается человек, что выводит проблему кибертерроризма далеко за пределы

сугубо технических вопросов и делает ее комплексной социальной и правовой проблемой.

Понимание указанных особенностей невозможно без детального анализа той цифровой экосистемы, в которой зарождается, вызревает и реализуется кибертеррористическая угроза. Данная экосистема имеет ярко выраженный многоуровневый характер, и каждый из ее уровней выполняет свои специфические задачи в общей преступной стратегии. Первый, самый доступный уровень – поверхностный веб – является основным плацдармом для пропаганды и вербовки. Социальные сети, видеохостинги, новостные агрегаторы используются террористическими группами для распространения радикального контента, адресованного максимально широкой аудитории. Несмотря на все усилия администраций цифровых платформ по модерации, радикалы постоянно совершенствуют методы обхода блокировок, используя эзопов язык, «однодневные» аккаунты, закрытые сообщества и прямые трансляции. Здесь происходит первичная радикализация, выявление потенциальных сторонников и их мягкое вовлечение в орбиту террористической деятельности. Второй, более глубокий уровень – глубинный веб – служит целям защищенной коммуникации и координации. На этом уровне царит культ шифрованной связи, и ключевую роль здесь играют мессенджеры со сквозным шифрованием, в первую очередь Telegram. Как верно констатирует А. А. Шпак, с помощью данного инструмента «преступники могут общаться, вербовать соучастников, обучать их, создавать так называемые спящие ячейки террористических группировок» [6, с. 89]. Технология шифрования создает практически непреодолимые правовые и технические препятствия для правоохранительных органов, делая перехват сообщений невозможным без физического доступа к устройству одного из участников переписки, что на порядок усложняет и замедляет оперативно-розыскную деятельность. Наконец, третий, самый глубокий и скрытый уровень – теневой веб, или даркнет, – представляет собой своего рода «черный рынок» и штаб-квартиру киберпреступного мира. Доступный только через специализированное программное обеспечение, он обеспечивает практически полную анонимность. Именно даркнет, по обоснованному мнению экспертов, стал «рассадником киберпреступлений со стороны негосударственных субъектов» [7]. Здесь функционируют анонимные торговые площадки, где можно приобрести оружие, наркотики, вредоносное ПО, базы украденных данных, а также нанять хакеров для совершения целевых атак. Террористические организации используют даркнет для сбора пожертвований в криптовалюте, безопасного общения без риска деанонимизации и детального планирования будущих операций. Именно этот сегмент, в силу своей децентрализации и опоры на самые передовые технологии анонимизации, представляет наибольшую сложность для оперативного мониторинга и является основным источником наиболее опасных киберугроз.

Многоуровневый и комплексный характер описанной угрозы однозначно свидетельствует, что эффективное противодействие кибертерроризму не может быть сведено к реализации какой-то одной, пусть даже самой совершенной меры. Только системный, строго сбалансированный подход, гармонично сочетающий правовые, организационно-технические, идеологические и международные инструменты, способен дать адекватный ответ на этот вызов. В этом контексте отправной точкой должно стать кардинальное совершенствование национального законодательства. В настоящее время российское право, несмотря на наличие целого ряда норм в Уголовном кодексе РФ (ст. 205, 272, 273, 274.1 и др.), не содержит ни легальной дефиниции кибертерроризма, ни специального состава преступления. На практике это приводит к тому, что общественно опасные деяния, обладающие всеми признаками акта кибертерроризма, квалифицируются либо как совокупность общих террористических и компьютерных преступлений, либо как диверсия, что не отражает их истинной сущности и не позволяет применять адекватный комплекс профилактических мер. Хотя, как отмечается в литературе, существующая система норм и позволяет привлекать злоумышленников к ответственности [2, с. 93], подобная практика «лоскутной» квалификации противоречит принципу законности, усложняет статистический учет и не создает понятных правовых ориентиров для общества.

В этой связи представляется настоятельно необходимым реализовать ряд конкретных законодательных шагов. Во-первых, следует внести изменения в базовый Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ, дополнив его понятийный аппарат определением кибертерроризма, основанным на синтезе широкого и узкого подходов. Во-вторых, и это является логическим завершением первого шага, следует рассмотреть вопрос о введении в главу 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности» самостоятельной статьи «Совершение акта кибертерроризма». В диспозиции данной нормы необходимо отразить все сущностные признаки деяния, включая цель устрашения населения и воздействия на органы власти, а также особый предмет посягательства – критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации. Подобная новелла

позволит систематизировать судебную практику, точно отграничить данное преступление от смежных составов и, что не менее важно, запустит механизм включения субъектов, привлекаемых к ответственности по данной статье, в соответствующие реестры и списки, даст правовые основания для применения в их отношении специальных мер профилактики. В-третьих, заслуживает пристального внимания и поддержки предложение Д. В. Пучкова о необходимости дополнения ст. 274.1 УК РФ особо квалифицирующим признаком и дачи соответствующих разъяснений на уровне Постановления Пленума Верховного Суда РФ [4, с. 389]. В-четвертых, в русле актуальных законодательных трендов логичной выглядит инициатива о нормативном приравнивании ряда особо опасных киберпреступлений к террористической деятельности в контексте применения профилактических мер. Это откроет дорогу для использования в отношении киберпреступников всего арсенала средств, предусмотренных антитеррористическим законодательством, от постановки на профилактический учет до контроля за их цифровыми транзакциями.

Однако было бы глубоким заблуждением полагать, что одними лишь правовыми запретами можно решить проблему, коренящуюся в технической и социальной сферах. Не менее важен блок организационно-технических мер, который должен базироваться на принципе системности и непрерывности. Ключевым здесь является дальнейшее развитие и укрепление государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак. Необходимо обеспечить не просто ее формальную работоспособность, а реальную интеграцию с информационными системами всех субъектов КИИ, внедрение автоматизированных алгоритмов обмена данными о выявленных угрозах и уязвимостях в режиме реального времени. В этом контексте огромное значение приобретает выстраивание доверительных и оперативных каналов взаимодействия между государственными регуляторами (ФСБ России, ФСТЭК России) и частными операторами, владеющими значительной частью КИИ. Без налаженного государственно-частного партнерства, основанного на взаимной заинтересованности и защищенности передаваемой информации, система раннего предупреждения будет неполной. Кроме того, в условиях беспрецедентного санкционного давления императивом выживания становится форсированное импортозамещение в области программного и аппаратного обеспечения для нужд КИИ, причем не простое копирование зарубежных решений, а создание собственных, изначально ориентированных на максимальную кибербезопасность и свободных от уязвимостей и «закладок». Наконец, констатируя эксплуатацию «человеческого фактора» как одну из главных уязвимостей, необходимо поставить на системную основу работу по повышению цифровой грамотности всех слоев населения и формированию жесткой культуры «кибергигиены» у сотрудников организаций. Регулярные тренинги, симуляции фишинговых атак и четкие регламенты поведения в цифровой среде должны стать неотъемлемой частью корпоративной культуры.

Однако все вышеперечисленные меры национального уровня будут иметь лишь ограниченный эффект без активного международного сотрудничества. Кибертерроризм – угроза заведомо трансграничная, не признающая суверенитетов, и борьба с ней невозможна в одиночку. Российская Федерация традиционно выступает за верховенство международного права и выработку универсальных механизмов под эгидой ООН. В настоящее время ключевыми площадками для такого взаимодействия являются ШОС, БРИКС и ОДКБ. В рамках ШОС ведется постоянная и последовательная работа по адаптации антитеррористических стратегий к новым цифровым реалиям, включая кибертерроризм и киберэкстремизм [10, с. 48]. На повестке дня стоят следующие первоочередные задачи: инициирование разработки под эгидой ООН всеобъемлющей конвенции по противодействию использованию ИКТ в преступных целях, которая содержала бы четкое определение кибертерроризма, обязательства государств по криминализации соответствующих деяний и процессуальные механизмы взаимной правовой помощи. Параллельно необходимо расширять практику заключения двусторонних и многосторонних соглашений о сотрудничестве в области оперативного обмена информацией, проведения совместных следственных действий и экстрадиции. При этом крайне важно в ходе международного нормотворчества не допустить крена в сторону тотальной слежки и нарушения фундаментальных прав и свобод человека, соблюдая разумный баланс между требованиями безопасности и принципами открытости и свободы интернета.

Резюмируя изложенное, можно с уверенностью констатировать, что кибертерроризм предстает перед нами как сложный, многомерный социотехнический феномен, бросающий фундаментальный вызов всей архитектуре международной и национальной безопасности. Его уникальные свойства – от абсолютной анонимности до беспрецедентной асимметрии ущерба – в корне меняют правила игры, делая малоэффективными многие традиционные подходы. Анализ экосистемы угрозы наглядно показывает, что

зона бесконтрольности сжимается: от поверхностного веба для пропаганды до глубоко эшелонированного даркнета для наиболее опасных деяний. Единственно возможным ответом на этот вызов является научно обоснованная, системная и бескомпромиссная стратегия, фундаментом которой должны стать: 1) безотлагательная имплементация в уголовное и антитеррористическое законодательство Российской Федерации легального понятия и самостоятельного состава акта кибертерроризма; 2) построение технологически суверенной и непрерывно совершенствуемой системы защиты критической информационной инфраструктуры; 3) институционализация эффективного государственно-частного партнерства и многоуровневой системы подготовки кадров и киберпросвещения населения; 4) активизация усилий по созданию глобальной международно-правовой базы, построенной на принципах уважения суверенитета и неотвратимости наказания для всех участников кибертеррористической деятельности. Только консолидированные действия государства, научного сообщества, бизнеса и институтов гражданского общества способны обуздать эту новую угрозу и поставить надежный заслон на пути превращения цифрового мира в пространство хаоса и насилия.

Список литературы:

[1] Бураева Л. А. Кибертерроризм как новая и наиболее опасная форма терроризма // Юридический вестник ДГУ. – 2020. – Т. 34, № 2. – С. 145–152.

[2] Диденко А. И. Понятие и место кибертерроризма в уголовном праве России // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – № 4. – С. 90–94.

[3] Мазуров В. А. Кибертерроризм: понятие, проблемы противодействия // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2021. – № 1. – С. 148–151.

[4] Пучков Д. В. Кибертерроризм как новая угроза // Виктимология. – 2021. – Т. 8, № 4. – С. 382–390.

[5] Тарчоков Б. А. К вопросу о понятии кибертерроризма и некоторых способах противодействия // Вестник СевКавГТИ. – 2023. – № 2. – С. 42–46.

[6] Шпак А. А. К вопросу о противодействии информационному терроризму (на примере мессенджера Telegram) // Сибирский юридический вестник. – 2024. – № 3 (106). – С. 88–92.

[7] Даркнет как фактор террористической деятельности // CRSS.uz. – 2024. – 4 июля. – URL: https://crss.uz/2024/07/04/darknet-kak-faktor-terroristicheskoj-deyatelnosti/ (дата обращения: 26.05.2026).

[8] F6 назвала главные киберугрозы в 2026 году // РБК Компании. – 2026. – 2 февр. – URL: https://companies.rbc.ru/news/rl8XAjqQ3J/f6-nazvala-glavnyie-kiberugrozyi-v-2026-godu/ (дата обращения: 26.05.2026).

[9] F6 опубликовала ежегодный аналитический отчёт о киберпреступлениях в России и Белоруссии // itsec.ru. – 2026. – 2 февр. – URL: https://www.itsec.ru/news/f6-opublikovala-ezhegodniy-analiticheskiy-otchiot-o-kiberprestupleniyah-v-rossii-i-belorusii (дата обращения: 26.05.2026).

[10] Низамов М. Кибертерроризм как современная угроза безопасности: вызовы и меры противодействия // Евразийский журнал международного права. – 2026. – Т. 17, № 1. – С. 43–51.

References:

[1] Buraeva L. A. Cyberterrorism as a new and most dangerous form of terrorism//Legal Bulletin of DSU. – 2020. - T. 34, NO. 2. - S. 145-152.

[2] Didenko A.I. The concept and place of cyber terrorism in the criminal law of Russia//Gaps in Russian legislation. – 2022. – № 4. - S. 90-94.

[3] Mazurov V. A. Cyberterrorism: concept, problems of counteraction//Actual problems of combating crimes and other offenses. – 2021. – № 1. - S. 148-151.

[4] Puchkov D.V. Cyberterrorism as a new threat//Victimology. – 2021. - T. 8, NO. 4. - S. 382-390.

[5] Tarchokov B. A. On the question of the concept of cyber terrorism and some methods of counteraction//Bulletin of SevKavGTI. – 2023. – № 2. - S. 42-46.

[6] Shpak A. A. On the issue of countering information terrorism (using the example of the Telegram messenger)//Siberian Legal Bulletin. – 2024. – № 3 (106). - S. 88-92.

[7] Darknet as a factor in terrorist activities// CRSS.uz. – 2024. - July 4. – URL: https://crss.uz/2024/07/04/darknet-kak-faktor-terroristich-eskoj-deyatelnosti/ (дата обращения: 26.05.2026).

[8] F6 named the main cyber threats in 2026// RBC Company. – 2026. - Feb. 2 – URL: https://companies.rbc.ru/news/rl8XAjqQ3J/f6-nazvala-glavnyie-kiberugrozyi-v-2026-godu/ (дата обращения: 26.05.2026).

[9] F6 has published an annual analytical report on cybercrimes in Russia and Belarus// itsec.ru. – 2026. - Feb. 2 – URL: https://www.itsec.ru/news/f6-opublikovala-ezhegodniy-analiticheskiy-otchiot-o-kiberprestupleniyah-v-rossii-i-belorusii (дата обращения: 26.05.2026).

[10] Nizamov M. Cyberterrorism as a modern security threat: challenges and countermeasures// Eurasian Journal of International Law. – 2026. - T. 17, NO. 1. - S. 43-51.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-59-64

РУДОВ Д.Н.,
кандидат юридических наук,
доцент заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина,
e-mail: mail@law-books.ru

СЕРГЕЕВ В.В.,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры огневой подготовки
Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина,
e-mail: mail@law-books.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ НИКАРАГУА, РЕГУЛИРУЮЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. *В центре внимания настоящей работы находится сопоставительный анализ правовых норм, действующих в Российской Федерации и Республике Никарагуа, которые устанавливают процедуру досудебного производства по уголовным делам, связанным с нарушениями в сфере транспортной безопасности [1].*

Особое место в исследовании отведено раскрытию смыслового наполнения понятия «безопасность на транспорте» [2] в контексте правовой оценки противоправных действий, а также его влияния на оформление следственной документации на первоначальных этапах расследования. Проводится анализ определения «транспортное средство», при этом делается вывод о влиянии социально-экономического положения Республики Никарагуа на законодательное закрепление понятия «транспортное средство».

Особое внимание уделяется сопоставлению общих основ предварительного расследования (включая его формы) в контексте существенных расхождений в законодательствах двух стран. Определено, что никарагуанское законодательство [3] является более универсальным, поскольку предусматривает единую форму расследования, осуществляемую исключительно Национальной полицией Республики Никарагуа.

В завершающей части исследования подводятся итоги рассмотрения специальных правовых актов, которые устанавливают алгоритм осуществления процессуальных действий на объектах инфраструктуры, при этом делается вывод о влиянии местонахождения Республики Никарагуа [4] на уголовно-процессуальное законодательство в части закрепления территориальных обозначений.

Ключевые слова: *предварительное расследование, транспортное средство, транспортная безопасность, обыск транспортного средства, формы расследования, процессуальные документы.*

RUDOV D.N.,
Candidate of Law, Associate Professor,
Deputy Head of the Department of Criminal Procedure Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin

SERGEEV V.V.,
Candidate of Legal Sciences Deputy Head of Fire Training Department
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilina

A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF NICARAGUA REGULATING THE PRELIMINARY INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF TRANSPORT SECURITY

Annotation. *This article provides a comparative analysis of the regulations of the Russian Federation and the Republic of Nicaragua governing the preliminary investigation of crimes related to transportation security [1].*

The paper examines the term "transport security" in relation to the classification of unlawful acts [2] and the drafting of procedural documents during the preliminary investigation.

The definition of "vehicle" is analyzed, and a conclusion is reached regarding the influence of the socio-economic situation of the Republic of Nicaragua on the legislative definition of the concept.

Particular attention is paid to comparing the general principles of preliminary investigation (including its forms) in the context of significant discrepancies in the legislation of the two countries. It is determined that Nicaraguan legislation [3] is more universal, as it provides for a single form of investigation, carried out exclusively by the National Police of the Republic of Nicaragua.

In conclusion, the work analyzes special rules governing the procedure for conducting individual investigative actions at infrastructure facilities, and draws a conclusion about the influence of the location of the Republic of Nicaragua [4] on criminal procedural legislation in terms of securing territorial designations.

Key words: *preliminary investigation, vehicle, transport security, vehicle search, investigation forms, procedural documents.*

Введение

Расследование преступлений в сфере транспортной безопасности в Российской Федерации и Республике Никарагуа имеет ряд ключевых особенностей. Дифференциация проявляется преимущественно в области действия специализированных правовых актов, особенно тех, что касаются организации и проведения процессуальных действий. Изучение соответствующей законодательной базы выступает необходимым условием для формирования практических рекомендаций, направленных на оптимизацию отечественного уголовного судопроизводства.

Цель исследования заключается в проведении компаративного исследования процессуальных норм двух государств, определяющих порядок досудебного производства по уголовным делам, связанным с обеспечением защищенности транспортной сферы.

В рамках достижения поставленной цели предполагается решить следующую задачу: осуществить комплексный анализ теоретических положений уголовно-процессуального законодательства РФ и Республики Никарагуа, которыми регламентируется ход предварительного расследования по делам указанной категории.

Исходная гипотеза исследования базируется на предположении о наличии значительных расхождений между российским и никарагуанским процессуальным законодательством в части регулирования вопросов транспортной безопасности.

Методологическую основу работы составили общетеоретические приемы научного познания, включая методы сравнительного анализа и дедуктивного умозаключения. Помимо этого, в статье задействован инструментарий сравнительно-правового анализа, примененный к изучению актуальных образцов правоприменительной практики.

Результаты обсуждения

Начать анализ законодательства, по нашему мнению, целесообразно с общих положений, закрепляющих основные понятия, используемые при расследовании преступлений в сфере транспортной безопасности.

В частности, в российском законодательстве понятие транспортной безопасности закреплено в статье 1 ФЗ от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности». Согласно закону, под транспортной безопасностью понимается состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства. Исходя из определения и его места в структуре законодательства, мы видим, что указанное определение является универсальным и содержит расширительное толкование в других нормах.

Вместе с тем в статье 7 «Обеспечение транспортной безопасности» Закона Республики Никарагуа «Об организации, функциях, карьере и специальном режиме социального обеспечения сотрудников Национальной полиции Республики

Никарагуа» от 26.06.2014 № 872, который по предмету своего регулирования схож с Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»,закреплено, что обеспечение транспортной безопасности является функцией и полномочием Национальной полиции [5], призванными гарантировать жизнь, безопасность и неприкосновенность граждан, являющихся участниками дорожной сети государства. Кроме того, конструкция данной статьи включает в себя положения, касающиеся обеспечения транспортной безопасности, в частности следующие функции:

1. Осуществлять наблюдение и оперативное регулирование дорожного движения.
2. Предупреждать и расследовать дорожно-транспортные происшествия.
3. Организовывать и руководить обучением безопасности дорожного движения для водителей, пешеходов и других пользователей наземных путей сообщения.

Как мы видим в законодательстве Республики Никарагуа, определяя позиции «Транспортной безопасности», законодатель закрепил основные функции транспортной полиции при осуществлении транспортной безопасности, при этом, как и в законодательстве Российской Федерации, ряд позиций содержатся в других нормативно-правовых актах.

Необходимо также отметить, что законодательство Российской Федерации закрепляет именно определение «транспортная безопасность», при этом в законодательстве Республики Никарагуа используется определение «обеспечение транспортной безопасности», которое включает в себя различные полномочия сотрудников правоохранительных органов, указанные в соответствии со спецификой совершаемых правонарушений[6].

Обратимся к рассмотрению следующей базовой категории, имеющей принципиальное значение для уголовно-правовой оценки деяний в исследуемой сфере. Речь идет о понятии «транспортное средство», без уяснения содержания которого невозможна надлежащая квалификация преступных посягательств на транспортную безопасность.

В законодательстве Российской Федерации дефиниция транспортного средства закреплена в статье 2 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» от 10.12.1995 № 196-ФЗ, где под таковым понимается устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или установленного на нем оборудования.

Для целей сравнительно-правового анализа представляет интерес подход никарагуанского законодателя к определению смежных понятий. В Законе Республики Никарагуа «О режиме передвижения транспортных средств и нарушениях правил дорожного движения» (Ley N°. 431, Ley para el Régimen de Circulación Vehicular e Infracciones de Tránsito) отсутствует идентичная российскому аналогу формулировка. Однако статья 48 указанного нормативного акта, озаглавленная «Транспортное средство», содержит отсылочные нормы к основным понятиям, от 26.06.2002 № 431, где закреплено, что транспортное средство — это средство с механическим приводом или без него, которое предназначено для перевозки пассажиров, багажа, неподвижных предметов и (или) животных.

Анализ приведенных определений позволяет сделать вывод, что законодательство Российской Федерации и Республики Никарагуа содержит схожие в целом формулировки понятия «транспортное средство», различия между которыми обусловлены социально-экономической спецификой этих стран. Так в законодательстве Республики Никарагуа указывается на возможность перемещения с помощью транспортных средств животных, что связано с преобладающим в экономике аграрным сектором. Вместе с тем в законодательстве Российской Федерации определение «транспортного средства» более «универсально».

Исследование процессуальных особенностей расследования преступлений против транспортной безопасности в двух государствах требует сопоставления существующих моделей досудебного производства [7]. Российская модель, закрепленная в Уголовно-процессуальном кодексе, характеризуется бинарной структурой: статья 150 УПК РФ разграничивает предварительное следствие и дознание как две самостоятельные формы расследования. Дополнительную регламентацию вносит статья 151 УПК РФ, определяющая подследственность уголовных дел, то есть устанавливающая, какой именно орган — следователь или дознаватель конкретного ведомства — уполномочен осуществлять производство по делам о преступлениях в транспортной сфере [8].

Принципиально иной подход демонстрирует законодатель Никарагуа. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Никарагуа (Закон № 641 от 13 ноября 2007 года) отсутствует характерное для российской системы деление на следствие и дознание. Вместо этого статья 228, озаглавленная «Расследование», определяет не формы, а скорее стадии и участников процессуальной деятельности.

Согласно содержанию указанной нормы, функция непосредственного раскрытия престу-

плений и проверки обстоятельств предполагаемых противоправных деяний возлагается на Национальную полицию Никарагуа. Именно этот орган уполномочен производить комплекс необходимых следственных мероприятий. Результаты проведенной работы оформляются в виде специализированного документа — полицейского отчета, который впоследствии направляется в органы прокуратуры для дальнейшего процессуального решения.

Законодатель Никарагуа предъявляет четкие требования к содержанию такого отчета. В обязательном порядке документ должен включать следующие сведения:

1. Персональные данные и местонахождение подозреваемых лиц, потерпевших, свидетелей, а также привлекаемых к делу экспертов или специалистов.
2. Описание материальных следов преступления (вещественных доказательств) с указанием их предполагаемой связи с расследуемым событием и места обнаружения (при наличии такой информации).
3. Систематизированное изложение хода и результатов процессуальных действий, выстроенное в логической и хронологической последовательности.
4. Приложения в виде копий процессуальных документов, имеющих значение для установления обстоятельств дела: заключений экспертов, протоколов допросов, схем, фотоснимков и иных материалов.

Таким образом, если российское законодательство делает акцент на разграничении форм расследования по субъекту и процедуре, то никарагуанская модель сосредоточена на четкой регламентации результатов первоначального этапа расследования, проводимого полицией, и порядке их передачи в прокуратуру.

Анализ конструкции данной статьи позволяет сделать вывод, что она объединяет в себе элементы нескольких статей УПК РФ, регламентирующих завершение предварительного расследования с передачей уголовного дела в суд вместе с обвинительным актом, обвинительным постановлением либо обвинительным заключением.

Исходя из конструкции указанной статьи, мы можем сделать вывод о том, что она включает в себя ряд элементов статей УПК РФ, которые предусматривают окончание предварительного расследования путем направления уголовного дела в суд с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением).

Существенное различие между уголовно-процессуальным кодексом РФ и Республики Никарагуа заключается в том, что уголовно-процессуальное законодательство Никарагуа, в отличие от российского, закрепляет лишь одну форму предварительного расследования.

Еще одним важным отличием общих положений расследования преступлений в сфере транспортной безопасности является то, что в Российской Федерации производство по уголовным делам в сфере транспортной безопасности может осуществляться различными правоохранительными органами (Следственный комитет РФ, МВД России и т.д.), при этом в Республике Никарагуа производство по уголовным делам в сфере обеспечения транспортной безопасности осуществляет только Национальная полиция Республики Никарагуа.

Наиболее четко различия законодательства Российской Федерации и Республики Никарагуа проявляются при анализе законодательной регламентации следственных действий, производство которых осуществляется в рамках предварительного расследования по уголовным делам в сфере транспортной безопасности[10].

Особого внимания при сравнительном анализе заслуживают положения статьи 239 Уголовно-процессуального кодекса Республики Никарагуа, носящей название «Обыск транспортных средств, морских и воздушных судов». Данная норма целиком посвящена регламентации процессуальных действий сотрудников правоприменительных органов в отношении различных видов транспорта.

Содержательно статья устанавливает, что Национальная полиция Никарагуа наделяется правом производства обыска автомобилей, а также морских и воздушных судов независимо от волеизъявления их водителя, пилота либо собственника. Юридическим основанием для данного действия служат либо прямое указание, либо наличие обоснованных подозрений, свидетельствующих о возможной причастности объекта к совершению преступного деяния.

Принципиальное значение в конструкции данной нормы приобретают два взаимосвязанных аспекта. Первый из них закрепляет презумпцию принудительности данного следственного действия: согласие управомоченных лиц (водителя, пилота, владельца) не является обязательным условием для его проведения. Второй аспект касается оснований такого обыска, которые могут носить как нормативный, так и фактические характер.

В нормах законодательства РФ, регламентирующих деятельность по производству процес-

суальных действий на объектах транспортной инфраструктуры, указанная выше норма отсутствует, что, по нашему мнению, сужает возможности деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации.

Второй важной отличительной частью статьи 239 УПК Республики Никарагуа является указание на возможность проведения обыска именно на морском судне (нет указания на речные суда). Данная позиция связана с особенностью административно-территориального нахождения Республики Никарагуа, в частности между Атлантическим океаном и Тихим океаном.

В свою очередь, в законодательстве Российской Федерации, регламентирующем производство предварительного расследования на объектах транспортной инфраструктуры, отсутствуют указания на какие-либо географические позиции.

Заключение

Таким образом, необходимо констатировать, что законодательство Российской Федерации, регламентирующее предварительное расследование в сфере транспортной безопасности, существенно отличается от законодательства Республики Никарагуа.

Можно выделить следующие ключевые критерии различий:

1. Российское законодательство в данной сфере отличается универсальностью, однако в ряде случаев оно нуждается в расширительном толковании.
2. Законодательство Республики Никарагуа учитывает географическое положение страны.
3. Законодательство Республики Никарагуа также принимает во внимание социально-экономическое положение государства.

Список литературы:

[1] Васюков В.Ф., Чаплыгина В.Н. Зарубежный опыт правового регулирования эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств (краткий обзор) // Современная наука. 2023. № 3. С. 16.

[2] Уголовный кодекс Республики Никарагуа: закон Республики Никарагуа от 13 ноября 2007 г. №641, с изменениями, внесенными законом Республики Никарагуа № 952 [es.] [Электронный ресурс]. URL: https://www.asamblea.gob.ni.

[3] Суров О.А., Земцова С.И., Тонкоглас А.В. Противодействие транснациональной организованной преступности в отдельных государствах Центральной Америки: аналитический обзор // СибЮИ МВД России, Красноярск, 2021. С. 123.

[4] Рикардо М. Мата и Мартин. Информационная преступность и уголовное право [es.] // EditorialJuridica. С. 56.

[5] Чаплыгина В.Н., Попова М.В. Проблемные аспекты расследования трансграничных коррупционных преступлений. В сборнике: Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Материалы Международной научно-практической конференции. Тула, 2024. С. 240-243.

[6] Васюков В.Ф., Чаплыгина В.Н. Использование данных информационных систем транспортных средств при расследовании преступлений // Безопасность дорожного движения. 2024. № 2. С. 56.

[7] Чаплыгина В.Н., Москвичев А.А. Современный контекст феномена PERSONA NON GRATA // Современное общество и право. 2021. № 6 (55). С. 3-11.

[8] Чаплыгина В.Н., Плетникова М.С. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: генезис в современном уголовном процессе // Правоохранительные органы: теория и практика. 2021. № 2 (41). С. 30-33.

[9] Руис Ф.С.А. История развития уголовного судопроизводства Республики Никарагуа. В сборнике: Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: Проблемы и перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2022. С. 656.

[10] Гордеева Е.Н., Карденас М.П.Э. Принципы принятия управленческих решений в Национальной полиции Никарагуа // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 105-1. С. 73.

References:

[1] Vasyukov V.F., Chaplygina V.N. Foreign experience in the legal regulation of the operation of highly automated vehicles (brief review)//Modern science. 2023. № 3. S. 16.

[2] Penal Code of the Republic of Nicaragua: Law of the Republic of Nicaragua No. 641 dated 13 November 2007, as amended by Law of the Republic of Nicaragua No. 952 [es.] [Electronic resource]. URL: https://www.asamblea.gob.ni.

[3] Surov O.A., Zemtsova S.I., Tonkoglas A.V. Countering transnational organized crime in individual states of Central America: an analytical review// SibYuI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, 2021. S. 123.

[4] Ricardo M. Mata and Martin. Information crime and criminal law [es.]//EditorialJuridica. S. 56.

[5] Chaplygina V.N., Popova M.V. Problematic aspects of the investigation of cross-border corruption crimes. In the collection: Actual problems of

combating crimes and other offenses. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Tula, 2024. S. 240-243.

[6] Vasyukov V.F., Chaplygina V.N. Use of vehicle information systems data in crime investigation// Road safety. 2024. № 2. S. 56.

[7] Chaplygina V.N., Moskvichev A.A. The modern context of the PERSONA NON GRATA phenomenon//Modern society and law. 2021. № 6 (55). S. 3-11.

[8] Chaplygina V.N., Pletnikova M.S. Termination of a criminal case and criminal prosecution: genesis in modern criminal proceedings//Law enforcement: theory and practice. 2021. № 2 (41). S. 30-33.

[9] Ruiz F.S.A. History of the development of criminal proceedings in the Republic of Nicaragua. In the collection: Criminal proceedings of Russia and foreign countries: Problems and development prospects. Materials of the international scientific-practical conference. St. Petersburg, 2022. P. 656.

[10] Gordeeva E.N., Cardenas M.P.E. Principles of management decision-making in the National Police of Nicaragua//Trends in the development of science and education. 2024. № 105-1. S. 73.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-65-69

КРУЖЕВНИКОВА Анна Андреевна,
канд. полит. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail a.kruzhevnikova@yandex.ru

ТАРАСОВА Марина Сергеевна,
студент, Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail: tarasova-marinatarasowa@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЦ, РОЖДЁННЫХ ВСЛЕДСТВИЕ ПОСТМОРТАЛЬНОЙ РЕПРОДУКЦИИ, КАК СУБЪЕКТОВ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА

Аннотация. *Статья посвящена исследованию правового статуса лиц, рождённых в результате постмортальной репродукции, как субъектов наследственного права. Авторы анализируют пробелы и коллизии российского законодательства, не предусматривающего наследственных прав для детей, зачатых после смерти наследодателя с использованием криоконсервированного генетического материала. Рассматриваются ключевые проблемы: буквальное толкование ст. 1116 ГК РФ, неопределённость сроков принятия наследства, сложности установления происхождения и отсутствие унифицированного порядка выражения воли умершего на посмертное использование биоматериала. На основе анализа отечественной и зарубежной практики, а также позиции Конституционного Суда РФ, предлагаются направления законодательных изменений, включая введение временной фиксации прав, обязательное уведомление нотариуса и механизм юридической фикции для включения таких детей в круг наследников.*

Ключевые слова: *правовое регулирование биотехнологий, постмортальная репродукция, наследственное право, дети, зачатые после смерти наследодателя, семейное право, вспомогательные репродуктивные технологии, юридическая фикция, наследование.*

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта СПбГАСУ на 2026 год.

KRUZHEVNIKOVA Anna Andreevna,
cand. polite. sciences, Associate Professor,
Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering,
Saint Petersburg, Russia

TARASOVA Marina Sergeevna,
Student, Saint Pyotrsburg State University
of Architecture and Civil Engineering,
Saint Petersburg, Russia

THE PROBLEM OF THE LEGAL STATUS OF PERSONS BORN AS A RESULT OF POSTMORTEM REPRODUCTION AS SUBJECTS OF INHERITANCE LAW

Annotation. *The article is devoted to the study of the legal status of persons born as a result of postmortem reproduction as subjects of inheritance law. The authors analyze the gaps and conflicts in Russian legislation, which does not provide for inheritance rights for children conceived after the death of the testator using cryopreserved genetic material. Key issues are examined: the literal interpretation of Art. 1116 of the Civil Code of the Russian Federation, the uncertainty of inheritance acceptance periods, the complexity of establishing origin, and the lack of a unified procedure for expressing the deceased's will regarding posthumous use of biomaterial. Based on the analysis of domestic and foreign practice, as well as the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, directions for legislative changes are proposed, including the introduction of temporary fixation of rights, mandatory notification of a notary, and a mechanism of legal fiction for including such children in the circle of heirs.*

Key words: *legal regulation of biotechnologies, postmortem reproduction, inheritance law, children conceived after the death of the testator, family law, assisted reproductive technologies, legal fiction, inheritance.*

Вспомогательные репродуктивные технологии поставили перед правовой наукой вопросы, немыслимые ещё полвека назад. Зачатие ребёнка с использованием криоконсервированного генетического материала умершего лица — и, что принципиально для цивилистики, наследственно-правовой статус такого ребёнка — относятся к числу наиболее острых. Российское законодательство, рассчитанное на естественное зачатие, обнаруживает здесь системный пробел, масштаб которого стал очевиден после принятия Конституционным Судом РФ Постановления от 11.02.2025 № 6-П по делу М.Ю. Щаниковой [1].

Статья 1116 ГК РФ допускает к наследованию лиц, «зачатых при жизни наследодателя и родившихся живыми после открытия наследства». Буквальное прочтение этой нормы, восходящей к римскому nasciturus pro iam nato habetur, исключает из круга наследников детей, зачатых уже после смерти. Между тем практика криоконсервации, распространённая в том числе среди семей военнослужащих, делает подобные случаи отнюдь не единичными. Алейникова В.В. характеризует эту ситуацию как столкновение «архаичной модели наследственного статуса насцитуруса» с постгеномной медицинской реальностью [2, с. 138].

Цель статьи — проанализировать правовой статус лиц, рождённых в результате постмортальной репродукции, в контексте действующего наследственного законодательства России, выявить коллизии и предложить пути их разрешения с учётом зарубежного опыта и позиции Конституционного Суда.

Фабула дела, послужившего основанием для обращения в Конституционный Суд, достаточно известна. В 2016 году Мария Щаникова криоконсервировала половые клетки супруга, скончавшегося в том же году. Рождение близнецов посредством ЭКО произошло спустя более 300 дней после смерти — то есть за пределами презумпции отцовства по п. 2 ст. 48 Семейного кодекса РФ. Отцовство установили в судебном порядке, однако пенсионный орган отказал в назначении пенсии по потере кормильца: дети, по его логике, не находились и не могли находиться на иждивении покойного [1].

Конституционный Суд признал положения частей 1 и 3 статьи 10 ФЗ «О страховых пенсиях» неконституционными в той мере, в какой они лишают «постмортальных» детей права на пенсионное обеспечение. Суд зафиксировал, что законодатель «принципиально не выразил легального отношения» к постмортальной репродукции и что зачатие при постмортальной репродукции de facto не ограничено во времени [1]. Этот тезис представляет наибольший интерес для наследственного права: существующая конструкция сроков принятия наследства утрачивает работоспособность. Кондрашев А.А. подчёркивает, что постановление далеко выходит за рамки пенсионного спора [3].

Дроздов П. подчёркивает, что постановление порождает обязанность федерального законодателя внести изменения не только в пенсионное, но и в гражданское, семейное, медицинское законодательство [4, с. 87].

Может ли лицо, не зачатое при жизни наследодателя, быть субъектом наследственного правопреемства? Статья 17 ГК РФ связывает возникновение правоспособности с моментом рождения; статья 1116 формулирует исключение — зачатый, но ещё не родившийся ребёнок охраняется как потенциальный наследник, однако лишь при условии зачатия при жизни наследодателя.

Бурмистрова Е.В. выделяет два конкурирующих доктринальных подхода [5]. Первый, восходящий к работам Е.А. Суханова, трактует правоспособность как неотделимую от существования живого человека: эмбрион (тем более криоконсервированный) — объект, а не субъект гражданского права. Второй подход, развиваемый Молодяковым А.М. [6], предлагает рассматривать кри-

оэмбрионы как потенциальных бенефициариев наследственных правоотношений — субъектов sui generis, нуждающихся в специальном регулировании.

Позиция Молодякова уязвима: криоконсервация гамет не тождественна наличию эмбриона. Филимонов А.А. указывает на различие между оплодотворением (получением эмбриона in vitro) и зачатием (наступлением беременности) [7, с. 42]: зачатие при постмортальной репродукции заведомо не может произойти при жизни наследодателя.

Саркисян В.В. рассматривает проблему через концепцию постмортемных интересов и приходит к выводу, что действующее право фактически отрицает за умершим юридически значимые репродуктивные интересы [8]. Если признать наличие у наследодателя легитимного интереса в посмертном продолжении рода, то отказ в наследственных правах его ребёнку выглядит внутренне непоследовательно.

Первая коллизия лежит на поверхности: буквальное толкование ст. 1116 ГК РФ требует зачатия «при жизни наследодателя», а при постмортальной репродукции это условие невыполнимо по определению. Бурмистрова Е.В. приходит к однозначному выводу — без изменения текста закона включение таких детей в круг наследников невозможно, поскольку наследственное право не допускает аналогии при определении круга наследников [9, с. 25].

Не менее острой является проблема сроков. Статья 1154 ГК РФ отводит на принятие наследства шесть месяцев, ст. 1166 — обязывает приостановить раздел до рождения зачатого наследника. Если криоматериал может храниться десятилетиями, потенциальный наследник способен «появиться» через 5, 10, 20 лет. Молодяков А.М. квалифицирует это как феномен «вечно лежачего наследства», блокирующего права прочих наследников [6]. Долинская В.В. добавляет, что такая неопределённость подрывает базовый принцип правовой определённости, обеспечивающий стабильность имущественного оборота [10].

Коллизия с установлением происхождения обусловлена тем, что 300-дневная презумпция отцовства (п. 2 ст. 48 СК РФ) заведомо не покрывает случаи постмортальной репродукции. Единственный путь — судебное установление отцовства. В деле Щаниковой суд установил отцовство, однако это индивидуальное решение, не создавшее общего правила [1], и каждая такая семья вынуждена проходить отдельный судебный процесс.

Проблема согласия умершего — ещё одна ключевая коллизия. Статья 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» требует обоюдного информированного согласия на ВРТ, но норм о посмертном использовании биоматериала не содержит. Дроздов П. фиксирует, что стандартные формы согласия при ЭКО обычно не включают пункта о постмортальном использовании [4, с. 89]. В деле Щаниковой КС учёл наличие договора с клиникой, предусматривавшего право пережившего супруга на распоряжение криоматериалом, однако такая договорная практика не унифицирована.

При использовании суррогатного материнства с криоэмбрионами число потенциальных наследников невозможно определить заранее. Молодяков А.М. указывает, что это делает невозможным обозначение криоэмбриона в завещании и ограничивает постмортальных детей статусом наследников исключительно по закону [6].

Сравнительно-правовой анализ выявляет три модели. Запретительную реализуют Германия (§ 4(1)(3) Embryonenschutzgesetz) и Франция (ст. L. 2141-2 Code de la santé publique). Характерно, что французский биоэтический закон 2021 года сохранил запрет постмортальной репродукции — Бурмистрова Е.В. называет это «нормативным парадоксом» [5]. ЕСПЧ в деле Baret & Caballero v. France (2023) признал такой запрет совместимым со ст. 8 Конвенции.

Разрешительно-ограничительная модель представлена Испанией: ст. 9 Ley 14/2006 допускает постмортальную репродукцию при письменном согласии с 12-месячным лимитом, ребёнок получает полный наследственный статус. В Великобритании Human Fertilisation and Embryology Act 1990 требует письменного согласия, однако наследственных прав постмортальные дети не получают. Либеральная модель Израиля устанавливает презумпцию согласия; допускается даже «посмертное дедовство». Алейникова В.В. подчёркивает, что израильская модель отражает специфический социокультурный контекст [2, с. 149].

В США единого подхода нет. Uniform Probate Code (§ 2-120) требует согласия и устанавливает временные пределы: эмбрион — in utero не позднее 36 месяцев, рождение — не позднее 45 месяцев после смерти. Нормы штатов существенно расходятся: от двухлетнего срока в Калифорнии до полного отказа в наследственных правах во Флориде.

Российская практика по данной категории дел крайне скудна, но демонстрирует определённый вектор. Помимо дела Щаниковой, Химкинский городской суд (декабрь 2024) обязал Социальный фонд назначить пенсию по потере кормильца ребёнку, рождённому почти через год после смерти отца [1]. Суд г. Уфы (2024–2025) обя-

зал клинику провести ЭКО вдове с использованием биоматериала погибшего мужа.

Зарубежная практика богаче. Французское дело Parpalaix c. CECOS (1984) сформировало доктрину «намерения донора». В США ключевым остаётся Woodward v. Commissioner of Social Security (2002, Массачусетс) с трёхступенчатым тестом: генетическое родство, согласие умершего, соблюдение временных пределов. Британские дела Jennings v. HFEA [2022] и EF v. HFEA [2024] обозначили сдвиг от формального к содержательному пониманию согласия — что Бурмистрова Е.В. расценивает как принципиальный поворот [9, с. 26].

Постановление КС РФ № 6-П создаёт для законодателя обязанность. Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд предложений.

Статью 1116 ГК РФ необходимо дополнить нормой, допускающей к наследованию ребёнка наследодателя, зачатого после его смерти при соблюдении установленных условий. Кондрашев А.А. настаивает на одновременном внесении изменений в ГК РФ, Семейный кодекс, ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» и ФЗ «О страховых пенсиях» [3].

Параллельно требуется установить жёсткий временной лимит. Молодяков А.М. предлагает однолетний срок [6], Бурмистрова Е.В. склоняется к двухлетнему [5]. Компромиссным представляется срок не более двух лет с момента смерти наследодателя с возможностью однократного судебного продления.

Центральный элемент реформы — нормативное закрепление форм выражения воли наследодателя на посмертное использование генетического материала. Кондрашев А.А. предлагает закрытый перечень: нотариально удостоверенное заявление, условие в завещании, информированное согласие в медицинской организации [3]. Требование к форме должно быть строгим, но разумным — британский опыт (дела Blood, Jennings), служит предостережением.

Молодяков А.М. предлагает обязать пережившего супруга уведомить нотариуса, ведущего наследственное дело, о наличии криоматериала и о намерении его использовать [6]. Такой механизм обеспечит баланс между правами будущего ребёнка и законными интересами иных наследников. Без подобного уведомления остальные наследники рискуют столкнуться с появлением нового правопреемника уже после раздела имущества, что чревато оспариванием ранее совершённых сделок.

Инструментом включения постмортальных детей в число наследников могла бы стать юридическая фикция — по аналогии с фикцией правоспособности насцитуруса (ст. 1116 ГК РФ). Ребёнок, рождённый в установленный срок при доказанном согласии наследодателя, считался бы зачатым при его жизни для целей наследования. Конструкция фикции должна сопровождаться механизмом защиты прав добросовестных наследников — через институт дополнительного раздела наследственного имущества (ст. 1165 ГК РФ).

Постмортальная репродукция поставила перед российским правом задачу, которую невозможно решить интерпретацией действующих норм. Постановление КС РФ от 11.02.2025 № 6-П перевело проблему в плоскость законодательного императива.

Сравнительно-правовой анализ свидетельствует: наиболее сбалансированной является испанская модель, сочетающая требование письменного согласия, временной лимит и полное признание наследственных прав. Реформа предполагает одновременное изменение ГК РФ, Семейного кодекса, законодательства об охране здоровья и о страховых пенсиях — с установлением единой системы условий: письменное согласие наследодателя, жёсткий временной лимит, обязательное уведомление нотариуса и механизм юридической фикции для включения постмортальных детей в круг наследников по закону. Промедление с принятием таких изменений лишь усилит правовую неопределённость в отношениях, затрагивающих наиболее уязвимых участников — детей.

Список литературы:

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона “О страховых пенсиях” в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой» // Российская газета. 2025. 26 февраля.

[2] Алейникова В.В. Постмортальные дети в семейном и наследственном праве: «Быть или не быть, вот в чём вопрос...» // Закон. 2023. № 4. С. 137–157.

[3] Кондрашев А.А. Постмортальное применение репродуктивных технологий в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 11. С. 31–36.

[4] Дроздов, П. П. Правовое регулирование посмертной репродукции: статус эмбриона и пределы волеизъявления потенциальных родителей / П. П. Дроздов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2025. – № 4(84). – С. 243-250. – DOI 10.26456/vtpravo/2025.4.243.

[5] Бурмистрова Е.В. Особенности правового регулирования посмертных репродуктивных программ в России // Современное право. 2024. № 4. С. 56–62.

[6] Молодяков, А. М. Правовое регулирование постмортальной репродукции в России: аспекты наследственных прав / А. М. Молодяков // Вестник науки. – 2025. – Т. 3, № 1(82). – С. 370-376.

[7] Филимонов А.А. Основные правовые проблемы постмортальной репродукции в РФ // Гражданское право. 2023. № 4. С. 40–44.

[8] Саркисян В.В. Постмортемные интересы: правовые основы и виды // Наследственное право. 2024. № 4. С. 18–23.

[9] Бурмистрова Е.В. Особенности наследования детьми, зачатыми и рождёнными в результате реализации посмертных репродуктивных программ // Юридический мир. 2024. № 9. С. 24–27.

[10] Долинская В.В. Специфика правового статуса несовершеннолетних как наследников // Цивилист. 2024. № 4. С. 33–39.

[11] Бурмистрова Е.В. Сроки реализации посмертной репродукции в Российской Федерации // Материалы LVIII международной научно-практической конференции «Российская наука в современном мире». М., 2023. С. 44–48.

[12] Шелютто М.Л. Дети, зачатые после смерти родителя: установление происхождения и наследственные права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. Т. 2. № 4. С. 56–63.

References:

[1] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.02.2025 No. 6-P “In the case of checking the constitutionality of parts 1 and 3 of Article 10 of the Federal Law “On Insurance Pensions” in connection with the complaint of citizen M.Yu. Shchanikova “//Rossiyskaya Gazeta. 2025. February 26.

[2] Aleinikova V.V. Postmortal children in family and hereditary law: “To be or not to be, that’s the question... “//Law. 2023. № 4. S. 137-157.

[3] Kondrashev A.A. Postmortal application of reproductive technologies in Russia//State power and local self-government. 2025. № 11. S. 31-36.

[4] Drozdov, P.P. Legal regulation of posthumous reproduction: the status of the embryo and the limits of the will of potential parents/P.P. Drozdov// Bulletin of Tver State University. Series: Right. – 2025. – № 4(84). - S. 243-250. – DOI 10.26456/vtpravo/2025.4.243.

[5] E.V. Burmistrova. Features of legal regulation of posthumous reproductive programs in Russia//Modern law. 2024. № 4. S. 56-62.

[6] Molodyakov, A. M. Legal regulation of postmortal reproduction in Russia: aspects of hereditary rights/A. M. Molodyakov//Bulletin of Science. – 2025. - T. 3, NO. 1 (82). - S. 370-376.

[7] Filimonov A.A. The main legal problems of postmortal reproduction in the Russian Federation// Civil law. 2023. № 4. S. 40-44.

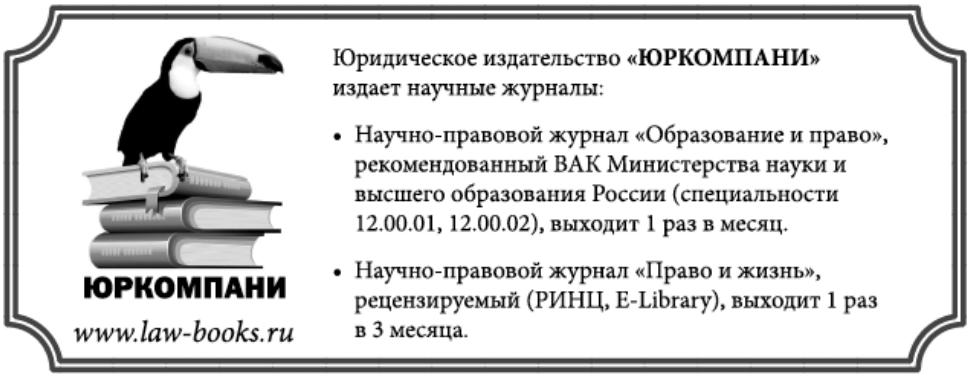
[8] Sargsyan V.V. Post-mortem interests: legal foundations and types//Hereditary law. 2024. № 4. S. 18-23.

[9] E.V. Burmistrova. Peculiarities of inheritance by children conceived and born as a result of the implementation of posthumous reproductive programs//Legal World. 2024. № 9. S. 24-27.

[10] Dolinskaya V.V. Specifics of the legal status of minors as heirs//Civilist. 2024. № 4. S. 33-39.

[11] E.V. Burmistrova. Terms of implementation of posthumous reproduction in the Russian Federation//Materials of the LVIII International Scientific and Practical Conference “Russian Science in the Modern World.” M., 2023. S. 44-48.

[12] Shelutto ML Children conceived after the death of a parent: establishment of origin and hereditary rights//Journal of Foreign Law and Comparative Law. 2016. VOL. 2. № 4. S. 56-63.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-70-73

ЧЕРЕДНИКОВ Александр Николаевич,
юрисконсульт ООО «Бизнес-Право» (г. Новосибирск),
e-mail: Alexandr_Cherednikov@mail.ru

ИСКУССТВЕННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ПОДСУДНОСТИ ПУТЕМ ЗАЯВЛЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ЗАКОНА О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Аннотация. *В настоящей статье рассмотрена ситуация, когда физическое лицо искусственно меняет подсудность спора путем позиционирования себя в качестве потребителя и заявляя в качестве ответчика – организация, которая не является обязанным по иску лицом. Автором сделан вывод о том, что такие действия являются злоупотреблением правом и нарушают права лица, к кому адресованы требования, на рассмотрение дела тем судом, к подсудности которого оно отнесено. На стадии возбуждения гражданского дела суды должны пресекать подобные действия лица, обращающегося с иском.*

Ключевые слова: *Закон о защите прав потребителей, потребитель, альтернативная подсудность, гражданский процесс, злоупотребление правом*.

CHEREDNIKOV Alexander Nikolaevich,
Legal Adviser of Business Law LLC (Novosibirsk)

ARTIFICIAL CHANGE OF JURISDICTION BY ASSERTING CAIMS ARISING FROM THE CONSUMER PROTECTION LAW

Annotation. *This article examines the situation where an individual artificially changes the jurisdiction of a dispute. The author concludes that such actions constitute an abuse of rights and violate the rights of the party to whom the claims are addressed, specifically, the right to have the case heard by the court that has proper jurisdiction. At the stage of initiating a civil case, courts should prevent such actions by the plaintiff.*

Key words: *consumer protection law, consumer, alternative jurisdiction, civil procedure, abuse of rights.*

Право на судебную защиту закреплено статьей 46 Конституцией Российской Федерации. В целях реализации данного права предусмотрена корреспондирующая обязанность государства обеспечить существенными, рациональными и недискриминационными возможностями доступа к правосудию [8]. В соответствии с частью 1 статьи 47 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Это означает, что государство, гарантируя соблюдение правил подсудности, при обращении в судебные органы, связывает данный институт с конституционными положениями, гарантирующими основные права и свободы человека и гражданина.

Под подсудностью следует понимать правовой институт (совокупность норм права), регулирующий относимость подведомственных судам дел к ведению конкретного суда судебной системы. Проще говоря, подсудность устанавливает, какой именно суд уполномочен рассматривать дело в качестве суда первой инстанции. Не вдаваясь в подробности об имеющихся в науке подходах по определению правовой природы подсудности и ее видах, рассмотрим подробнее альтернативную подсудность в контексте правил для предъявления исков о защите прав потребителей.

Российское законодательство предоставляет гражданам-потребителям значительные преимущества по сравнению с их контрагентами, которые, будучи профессиональными участниками розничного рынка, обладают большими материальными и организационными возможностями, а следовательно, являются более сильными субъектами гражданского оборота, чем потребители [9]. Для последних установлены целый ряд разного рода преимуществ и привилегий, включая весьма широкий выбор для обращения в суд.

В частности, такие требования могут быть предъявлены в суд по месту жительства или месту пребывания истца либо по месту заключения или месту исполнения договора [10]. Если иск к организации вытекает из деятельности ее филиала или представительства, он может быть предъявлен в суд по месту нахождения ее филиала или представительства [11]. Законом о защите прав потребителей предусмотрено, что иски о защите прав потребителей могут быть предъявлены по выбору истца в суд по месту: нахождения организации, а если ответчиком является индивидуальный предприниматель - его жительства; жительства или пребывания истца; заключения или исполнения договора [12]. В силу части 10 статьи 29 ГПК РФ выбор между несколькими судами, которым в силу данной статьи подсудно дело, принадлежит истцу (потребителю).

Таким образом, потребителю предоставлено право самостоятельного определения оптимальных условий для защиты нарушенных или оспоренных гражданских прав, выбирая суд для обращения с иском. Одновременно с этим, такое является предпосылкой для возникновения злоупотреблений правом со стороны потребителей.

На этот счет очень точно высказывалась Г.А. Ожегова: «...максимальный уровень защиты, который закон обеспечил потребителю, не только гарантирует справедливое разрешение конфликтных ситуаций, но в равной степени создает почву для злоупотреблений ... чем больше прав предоставляет закон, тем шире возможности для манипулирования им со стороны недобросовестных граждан» [6].

Рассмотрев закрепленные законом правила о возможности обращения с исковыми заявления о защите прав потребителей, возникают вполне логичные вопросы: кого следует считать потребителем, а кого нет? При каких обстоятельствах Закон о защите прав потребителей подлежит применению?

Ответы на данные вопросы отражены в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», согласно которому при рассмотрении гражданских дел судам следует учитывать, что отношения, одной из сторон которых выступает гражданин, использующий, приобретающий, заказывающий либо имеющий намерение приобрести или заказать товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних, бытовых и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, а другой - организация либо индивидуальный предприниматель (изготовитель, исполнитель, продавец, импортер), осуществляющие продажу товаров, выполнение работ, оказание услуг, являются отношениями, регулируемыми Гражданским кодексом Российской Федерации, Законом Российской Федерации от 7 февраля 1992 года N 2300-1 «О защите прав потребителей», другими федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Таким образом, для разрешения вопроса о том, подлежит ли применению к определенной ситуации нормативно-правовое регулирование Закона о защите прав потребителей, необходимо одновременное наличие двух критериев: характер спора и субъектного состава.

На первый взгляд кажется, что каких-либо вопросов в части правильного определения подсудности дела, которое должно быть рассмотрено тем судом, к подсудности которого оно отнесено, возникнуть не должно. При этом хотелось бы проанализировать следующую ситуацию, возникшую на практике.

Между сторонами заключен договор купли-продажи транспортного средства, с одной стороны физическое лицо (покупатель), с другой – тоже физическое лицо (продавец, не осуществляющий предпринимательскую деятельность). При этом от имени физического лица – продавца договор заключило юридическое лицо, действующее на основании агентского договора (в качестве агента), соответственно, физическое лицо-продавец выступает в отношениях с юридическим лицом в качестве принципала.

Хотелось бы отметить, что если агент на основании агентского договора совершит сделку с третьим лицом, то права и обязанности возникают непосредственно у принципала [13], то есть в нашем случае права и обязанности по договору купли-продажи возникли именно у физического лица-покупателя.

Спустя полтора года после покупки автомобиля покупатель обращается с иском одновременно к физическому лицу-продавцу и юридическому лицу-агенту с требованиями, связанными с качеством проданной машины и вытекающими из Закона о защите прав потребителей (неустойка, штраф, компенсация морального вреда). Иск был подан по месту жительства истца (покупателя) со ссылкой статью 29 ГПК РФ и статью 17 Закона о защите прав потребителей.

В ходе судебного разбирательства было установлено следующее. Покупатель использовал спорное транспортное средство в качестве такси согласно представленным в материалы дела записи в реестре ФГИС «Такси», а также письменными пояснениями истца, который утверждал, что автомобиль использовался и используется в личных целях, периодически в качестве такси. Кроме того, истец является плательщиком налога на профессиональный доход.

С учетом данных обстоятельств, ответчиком-физическим лицом (продавцом) было заключено ходатайство о передаче дела на рассмотрение другого суда, к подсудности которого оно отнесено.

Судом было отказано в удовлетворении данного ходатайства со ссылкой на то, что одним из ответчиков является юридическое лицо, выступающее в гражданском обороте в качестве профессионального участника рынка продаж автомобилей, а истец, действующий в качестве потребителя, воспользовался своим правом выбора между несколькими судами, в связи с чем, по мнению суда, иск основан на положениях Закона о защите прав потребителя и предъявлено с соблюдением правил подсудности, оснований для передачи гражданского дела в другой суд не имеется.

На наш взгляд, такая позиция суда поощряет недобросовестное поведение истца, который «искусственно» меняет подсудность спора и лишает ответчика (продавца) права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

В указанной ситуации положения закона о защите прав потребителей не подлежат применению, так как одновременно отсутствуют два обязательных критерия: характер спора и субъектный состав.

Во-первых, очевидно выпадает субъектный состав, потому что в рассматриваемой ситуации участвуют, с одной стороны, истец (физическое лицо-покупатель), который не является потребителем, поскольку приобретенный автомобиль, не используется последним исключительно для личных, семейных, домашних, бытовых и иных нужд, с другой - ответчик (физическое лицо-продавец) не зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя.

Помимо физического лица-продавца истец предъявляет требования к еще одному ответчику-юридическому лицу (агенту). Именно данное обстоятельство и позволяет истцу злоупотребить своими процессуальными правами, обращаясь с иском по своему месту жительства, ссылаясь на Закон о защите прав потребителей и правила об альтернативной подсудности.

Как было указано выше, между физическим лицом-продавцом (принципалом) и юридическим лицом (агентом) был заключен агентский договор. С учетом данных обстоятельств, правоприменительная практика неоднократно высказывалась о том, что исходя из предмета договора (услуги, связанные с продажей транспортного средства, совершаемые от имени и за счет принципала; оплата исполнителю услуги агентского вознаграждения), права и обязанности продавца по данному договору возникают у физического лица-продавца, который не ведет предпринимательскую деятельность, выступает в роли физического лица, в связи с чем, заключение договора купли-продажи между двумя физическими лицами не порождает возникновения спора о защите прав потребителя [14].

Во-вторых, характер спора. В рассматриваемом случае спорный автомобиль используется истцом в качестве такси, то есть фактически последний осуществляет предпринимательскую деятельность.

Отсюда следует, что дело изначально было принято к производству с нарушением правил подсудности.

Одновременно с этим, сложившаяся судебная практика говорит о том, что при разрешении процессуального вопроса о подсудности спора, выводы суда о том, что правоотношения сторон не регулируются положениями Закона о защите прав потребителей, является преждевременным, поскольку вопрос квалификации возникших спорных правоотношений разрешается судом при рассмотрении дела по существу. Суды мотивируют данный вывод тем, что обратное приведет к тому, что при разрешении процессуального вопроса о подсудности, суд, по сути, предрешает вывод о возникших правоотношениях сторон, и вывод о законе, который должен быть применен по данному делу, и как следствие об обоснованности требований, тогда как в соответствии с частью 1 статьи 196 ГПК РФ только при разрешении требований по существу суд самостоятельно определяет применимые к установленным фактическим обстоятельствам нормы права, по итогам оценки и исследования доказательств по делу [15].

Насколько применим данный вывод вышестоящих судов к нашему рассматриваемому спору, где потребитель как таковой отсутствует, а спор ведется в отношении имущества, используемого в предпринимательской деятельности?

Очевидно, что на стадии возбуждения гражданского дела суды должны пресекать любые попытки искусственного создания оснований для предъявления иска с отступлением от общих правил подсудности. В ином случае происходит совершение фундаментальной судебной ошибки, которая подлежит исправлению уже вышестоящим судом на основании пункта 56 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 N 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» - принятое судом первой инстанции решение, при наличии нарушения правил подсудности, подлежит отмене. Однако такое «восстановление» прав определенно не отвечает требованиям процессуальной экономии.

Вместе с тем, с целью соблюдения баланса интересов сторон, принципов равноправия и состязательности, считаем, что суды должны пресекать действия по искусственному изменению правил подсудности еще при разрешении вопроса о принятии иска к производству.

Список литературы:

[1] Богдан В.В. Недобросовестные условия в договорах с участием потребителей: модернизация законодательства и развитие судебной практики // Цивилист. 2023. N 3. С. 49 - 56.

[2] Бычков А. Суды о защите прав потребителей // Юридический справочник руководителя. 2023. N 12. С. 39 - 47.

[3] Вавилин Е.В., Волос А.А., Суровов С.Б. Принцип защиты слабой стороны в правоотношении в гражданском праве и гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2016. N 6. С. 170 - 186.

[4] Воронов А.Ф., Зайченко Е.В. Передача дела по подсудности: общее и частное // Вестник гражданского процесса. 2023. N 3. С. 43 - 62.

[5] Латыпов Д.Н. Защита гражданских прав в Российской Федерации: монография. Москва: Статут, 2023. 248 с.

[6] Ожегова Г.А. К понятию «потребительский экстремизм» // Юрист. 2014. N 14. С. 15 - 19.

[7] Олимова Р.М., Халилова Р.Р. Процессуальные особенности рассмотрения дел о защите прав потребителей в суде: судебная практика и проблемные аспекты // Современное право. 2025. N 8. С. 119 - 121.

[8] Савищев П.В. Альтернативная подсудность в аспекте обеспечения принципов гражданского процесса // Вестник гражданского процесса. 2022. N 5. С. 167 - 189.

[9] Усольцев Е.Ю. Злоупотребление правом со стороны потребителя: постановка проблемы и поиск ее решения // Юрист. 2021. N 4. С. 41 - 45.

[10] Часть 7 статьи 29 ГПК РФ.

[11] Часть 2 статьи 29 ГПК РФ.

[12] Пункт 2 статьи 17 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года N 2300-1 «О защите прав потребителей».

[13] Пункт 1 статьи 1005 ГК РФ.

[14] Например, апелляционное определение Алтайского краевого суда от 16.05.2023 по делу N 33-4066/2023 (УИД 22RS0065-02-2022-001208-92).

[15] Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 25.09.2025 N 88-7561/2025 (УИД 25RS0004-01-2025-001301-62); определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.05.2025 N 88-11920/2025 (УИД 64RS0045-01-2024-007461-49); определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 03.04.2025 по делу N 88-8077/2025 (УИД 61RS0036-01-2024-003099-10).

References:

[1] Bogdan V.V. Unfair conditions in contracts with the participation of consumers: modernization of legislation and development of judicial practice// Civilist. 2023. N 3. S. 49-56.

[2] Bychkov A. Consumer Protection Courts// Legal Handbook of the Head. 2023. N 12. S. 39-47.

[3] Vavilin E.V., Volos A.A., Surovov S.B. The principle of protecting the weak side in legal relations in civil law and civil proceedings//Bulletin of civil proceedings. 2016. N 6. S. 170-186.

[4] Voronov A.F., Zaichenko E.V. Transfer of the case by jurisdiction: general and private//Bulletin of the civil process. 2023. N 3. S. 43-62.

[5] D.N. Latypov. Protection of civil rights in the Russian Federation: monograph. Moscow: Statute, 2023. 248 pp.

[6] Ozhegova G.A. To the concept of “consumer extremism “//Lawyer. 2014. N 14. S. 15-19.

[7] Olimova R.M., Khalilova R.R. Procedural features of the consideration of consumer protection cases in court: judicial practice and problematic aspects//Modern law. 2025. N 8. S. 119-121.

[8] Savishchev P.V. Alternative jurisdiction in terms of ensuring the principles of civil procedure// Bulletin of Civil Procedure. 2022. N 5. S. 167-189.

[9] Usoltsev E.Yu. Abuse of the right on the part of the consumer: formulation of the problem and the search for its solution//Lawyer. 2021. N 4. S. 41-45.

[10] Part 7 of Article 29 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation.

[11] Part 2 of Article 29 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation.

[12] Clause 2 of Article 17 of the Law of the Russian Federation of February 7, 1992 N 2300-1 “On Protection of Consumer Rights.”

[13] Clause 1 of Article 1005 of the Civil Code of the Russian Federation.

[14] For example, the appeal ruling of the Altai Regional Court of 16.05.2023 in case No. 33-4066/2023 (UID 22RS0065-02-2022-001208-92).

[15] Determination of the Ninth Court of Cassation of General Jurisdiction of 25.09.2025 No. 88-7561/2025 (UID 25RS0004-01-2025-001301-62); determination of the First Cassation Court of General Jurisdiction of 16.05.2025 N 88-11920/2025 (UID 64RS0045-01-2024-007461-49); determination of the Fourth Court of Cassation of General Jurisdiction of 03.04.2025 in case No. 88-8077/2025 (UID 61RS0036-01-2024-003099-10).

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-74-77

УСТЮГОВА Елена Викторовна,
к.э.н., доцент кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства:
Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия», Москва, Россия,
e-mail: e.v.ustugova @mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КОНКУРЕНТНЫЙ РЫНОК РОССИИ

Аннотация. *Данная статья представляет собой практическое руководство по защите прав потребителей в ходе судебных разбирательств. В ней подробно рассматриваются ключевые процессуальные и материальные правовые аспекты, с которыми сталкиваются потребители при подаче иска.*

Ключевые слова: *Закон о защите прав потребителей; защита прав потребителей, судебный иск; подсудность, потребитель; изготовитель, исполнитель, продавец; неустойка (пеня), возмещение убытков, компенсация морального вреда, претензионный порядок, недопустимые условия договора, штраф, правоотношения потребитель-продавец/исполнитель, нарушение сроков выполнения работ (оказания услуг), недостатки товара (работы, услуги).*

USTYUGOVA Elena Viktorovna,
PhD, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Business and Civil Procedure Autonomous non-profit organization of higher education "Moscow university "Synergy", Moscow, Russia

FEATURES OF CONSIDERATION OF CIVIL CASES IN THE FIELD OF CONSUMER PROTECTION AND THEIR IMPACT ON THE COMPETITIVE MARKET IN RUSSIA

Annotation. *This article provides a practical guide on consumer rights protection through legal proceedings. It delves into the key procedural and substantive legal aspects that consumers face when filing a lawsuit*.

Key words: *Consumer Protection Law; consumer protection, lawsuit; jurisdiction, consumer; manufacturer, contractor, seller; penalty (forfeit), compensation for damages, compensation for moral damage, claims procedure, unacceptable terms of contract, fine, consumer-seller/contractor legal relations, violation of deadlines for performance of work (provision of services), defects in goods (work, services).*

Конкуренция и правила работы рынка сбыта тесно связаны с механизмом защиты потребительского рынка – Законом о защите прав потребителей.

Сегодня при выборе товара или услуги покупатели сперва изучают информацию о продукте и производителе. Человек хочет приобрести что-то у надёжного продавца, который не нарушает его прав. Отсюда закономерный итог: успех на рынке ждёт тот товар или ту услугу, за которыми стоит компания с хорошей репутацией и положительными отзывами.

Статья поможет потребителям разобраться, как действовать в суде для защиты своих прав. Каждый из нас регулярно выступает в роли потребителя – и нередко сталкивается с нарушениями со стороны производителей или поставщиков услуг. Такие случаи напрямую влияют на конкурентоспособность товаров и услуг.

Обращение в суд – не первый шаг в защите прав. Сначала нужно исчерпать иные способы восстановления нарушенных прав. Прежде чем подавать иск, потребитель обязан направить претензию: закон предусматривает обязательный претензионный порядок для дел по Закону о защите прав потребителей.

После решения судиться возникает вопрос: как определить подсудность иска? Чтобы отве-

тить на него, уточним, какие отношения регулирует Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» (в редакции от 7 июля 2025 г.).

Закон охватывает отношения между:

– потребителями и изготовителями;
– потребителями и исполнителями;
– потребителями и импортёрами;
– потребителями и продавцами;
– потребителями и владельцами агрегаторов информации о товарах (услугах) – при продаже товаров, выполнении работ или оказании услуг.

Потребитель – это гражданин, который:

– намерен заказать или приобрести товары (работы, услуги);
– заказывает или приобретает их;
– использует приобретённые товары (работы, услуги).

Такое определение дано в преамбуле Закона РФ «О защите прав потребителей». Договор между исполнителем и пользователем не обязателен для применения закона: он действует и в иных правоотношениях между сторонами.

Категория иска – защита прав потребителей. Подсудность таких дел истец выбирает сам, согласно ст. 17 п. 2 Закона РФ «О защите прав потребителей».

Иски о защите прав потребителей можно подать в суд по месту:

– нахождения организации (или жительства индивидуального предпринимателя – если он ответчик);
– жительства или пребывания истца;
– заключения или исполнения договора.

Согласно п. 3 ст. 17 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (в редакции от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» («Судебная защита прав потребителей»), потребители и иные истцы по искам о нарушении их прав освобождаются от уплаты государственной пошлины – это закреплено в законодательстве РФ о налогах и сборах.

При расчёте цены иска не учитывают судебные расходы и возмещение морального вреда. Если сумма требований не превышает 10 000 рублей, дело может быть рассмотрено мировым судом. Истец вправе выбрать суд по месту своего жительства, нахождения ответчика или месту совершения правонарушения.

Мировые суды компетентны в делах с суммой иска до 50 000 или 100 000 рублей. Для споров о защите прав потребителей действует повышенный лимит – 100 000 рублей. При определении цены иска судья учитывает только убытки, связанные с нарушенным правом: штрафы и компенсации в расчёт не входят.

Перейдём к первому вопросу об определении истца по иску о защите прав потребителей.

По п. 2 ст. 14 Закона о защите прав потребителей требовать возмещения вреда из-за недостатков товара, работы или услуги может любой потерпевший – даже если он не заключал договор с продавцом или исполнителем.

Статьи 1095 ГК РФ и 14 Закона о защите прав потребителей устанавливают: вред жизни, здоровью или имуществу потребителя из-за конструктивных, производственных, рецептурных или иных недостатков товара (работы, услуги) возмещается в полном объёме. При этом вина причинителя вреда не обязательна для наступления ответственности.

Статья 28 Закона регулирует последствия нарушения сроков выполнения работ или оказания услуг. Если исполнитель не соблюдает сроки (начала, окончания или промежуточные), либо становится ясно, что работа не будет выполнена вовремя, потребитель вправе:

– потребовать полного возмещения убытков из-за нарушения сроков;
– получить неустойку (пеню) – 3 % от цены работы (услуги) за каждый день просрочки (или за каждый час, если срок определён в часах).

Если цена работы (услуги) не прописана в договоре, расчёт ведётся от общей цены заказа. Договор может предусматривать более высокий размер неустойки.

Размер неустойки определяют по цене работы (услуги) либо по общей цене заказа – на момент:

– добровольного удовлетворения требования потребителя;
– вынесения судебного решения (если требование не удовлетворили добровольно).

Общие положения об ответственности за нарушение прав потребителей закреплены в ст. 13 Закона «О защите прав потребителей». Продавец, изготовитель или исполнитель несёт ответственность, в том числе в форме уплаты неустойки (пени).

Ст. 330 ГК РФ определяет неустойку как денежную сумму (штраф, пеню), которую должник обязан выплатить кредитору при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства – например, при просрочке. Кредитору не нужно доказывать убытки для взыскания неустойки.

Убытки (ст. 15 ГК РФ) – это расходы на восстановление нарушенного права, утрата или повреждение имущества (реальный ущерб). Ключевое отличие от неустойки: для взыскания убытков потребитель обязан подтвердить сам факт их наступления и указать размер в денежном выражении.

П. 2 ст. 13 Закона «О защите прав потребителей» устанавливает: убытки возмещаются в

полном объёме сверх неустойки. Это усиливает защиту потребителя и вводит для продавца (исполнителя) дополнительные меры ответственности.

Важные положения ст. 13 Закона:

1. Продавец не освобождается от исполнения обязанностей перед потребителем после выплаты неустойки или возмещения убытков – он обязан выполнить свои обязательства в натуре.
2. Изготовитель, исполнитель, продавец, уполномоченная организация, индивидуальный предприниматель или импортёр несут ответственность за нарушение прав потребителя в соответствии с законом или договором.
3. Убытки возмещаются в полной сумме сверх неустойки, если иное не предусмотрено законом.
4. Выплата неустойки и возмещение убытков не отменяют исполнения обязательств в натуре.
5. Ответчик освобождается от ответственности, если докажет, что нарушение произошло из-за непреодолимой силы или по иным основаниям, установленным законом.
6. Требования об уплате неустойки должны быть удовлетворены добровольно.
7. Если суд удовлетворяет требования потребителя, с ответчика взыскивается штраф – 50 % от суммы, присуждённой в пользу потребителя, за несоблюдение добровольного порядка удовлетворения требований.

Статья 29. Закона РФ «О защите прав потребителей» Права потребителя при обнаружении недостатков выполненной работы (оказанной услуги).

Если потребитель обнаружил существенные недостатки работы или услуги, он вправе потребовать от исполнителя их безвозмездного устранения. Для этого нужно доказать: недостатки возникли до принятия результата работы (услуги) либо по причинам, появившимся до этого момента.

Срок предъявления такого требования:

– в пределах срока службы результата работы (услуги);
– либо в течение 10 лет со дня принятия результата потребителем – если срок службы не установлен;
– при этом недостатки должны быть выявлены не позднее 2 лет (для недвижимого имущества – 5 лет) после принятия результата работы (услуги).
– Если исполнитель не устранил недостатки в течение 20 дней после получения требования либо дефект оказался неустранимым, потребитель может выбрать один из вариантов:
– уменьшить цену за выполненную работу (оказанную услугу);
– получить возмещение расходов на устранение недостатков – своими силами или с привлечением третьих лиц;
– отказаться от договора и потребовать возмещения убытков.

На основе этих правил несложно определить, кто будет ответчиком по иску.

Перейдём ко второму вопросу: как правоустанавливающий договор влияет на рассмотрение дела и вынесение решения.

Решение принимает только суд – опираясь на внутреннее убеждение. Другие участники процесса могут лишь анализировать нормы права, значимые для дела. Договор между исполнителем и потребителем не обязателен для применения Закона о защите прав потребителей: закон действует и в иных правоотношениях между сторонами.

Статья 16. Недопустимые условия договора, ущемляющие права потребителя

Условия договора, нарушающие нормы международных договоров РФ, Закона о защите прав потребителей и иных нормативных актов, считаются недопустимыми и ничтожными. Если такие условия причинили убытки потребителю, продавец (изготовитель, исполнитель, импортёр, владелец агрегатора) обязан их возместить в полном объёме (ст. 13 Закона). Требование о возмещении убытков нужно удовлетворить в течение 10 дней после его предъявления.

Недопустимые условия включают:

– право продавца на односторонний отказ или изменение условий договора (предмета, цены, срока и т.д.), если это не разрешено законом;
– ограничение права потребителя выбирать территориальную подсудность споров (п. 2 ст. 17 Закона);
– штрафные санкции или иные препятствия для реализации прав по ст. 32 Закона;
– исключение или ограничение ответственности продавца за неисполнение обязательств без законных оснований;
– условие о приобретении одних товаров (работ, услуг) только вместе с другими, если это не предусмотрено законом;
– выполнение платных дополнительных работ (услуг) без согласия потребителя;
– ограничение права на выбор способа и формы оплаты (ст. 16.1 Закона);
– основания досрочного расторжения договора по инициативе продавца, не предусмотренные законом;
– уменьшение размера законной неустойки;
– ограничение выбора требований при продаже товаров (выполнении работ, оказании

услуг) ненадлежащего качества (п. 1 ст. 18 и п. 1 ст. 29 Закона);
- обязательный досудебный порядок рассмотрения споров, если он не установлен законом;
- обязанность потребителя доказывать обстоятельства, бремя доказывания которых на него не возложено;
- ограничения в средствах и способах защиты прав;
- зависимость удовлетворения требований о недостатках от условий, не связанных с этими недостатками;
- иные условия, нарушающие законодательство РФ и международные договоры.

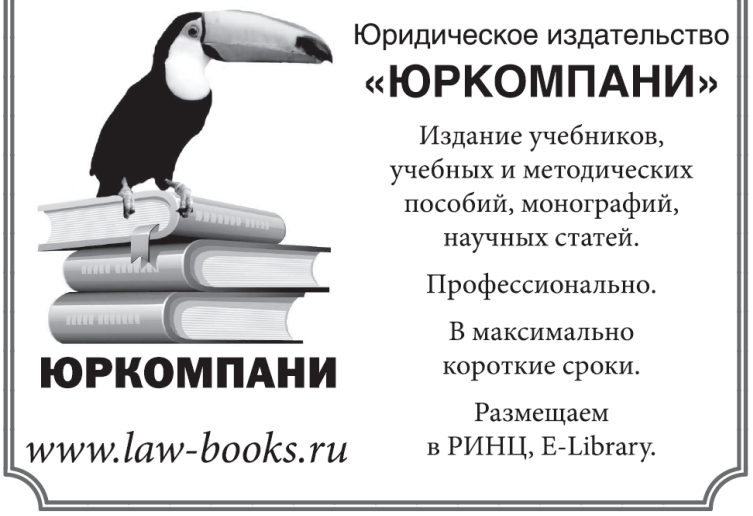
Рассмотрим третий вопрос – порядок компенсации морального вреда.

По ст. 15 Закона РФ № 2300-1 (в редакции от 08.08.2024) моральный вред, причинённый потребителю из-за нарушения его прав, компенсируется при наличии вины причинителя. Размер компенсации определяет суд – он не зависит от возмещения имущественного вреда. Компенсация морального вреда предоставляется независимо от возмещения убытков и имущественного ущерба.

Практика показывает: размер присуждаемых компенсаций морального вреда в российских судах часто оказывается невысоким. Даже при наличии доказательств морально-нравственных страданий суд может не признать их значимыми – исходя из внутреннего убеждения и сложившейся практики.

Завершим разбор вопросов, возникающих при подаче иска о защите прав потребителей, рассмотрением п. 6 ст. 13 Закона «О защите прав потребителей». Если суд удовлетворяет законные требования потребителя, с исполнителя взыскивается штраф – 50 % от суммы, присуждённой в пользу потребителя, за несоблюдение добровольного порядка удовлетворения требований.

В статье проанализированы практические аспекты исков о защите прав потребителей. Анализ судебной практики показывает: истцы всё активнее отстаивают свои права. В ближайшие годы интерес к этой теме может вырасти ещё сильнее.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-78-83

ТЕРЕЩЕНКО Юлия Владимировна,
заместитель руководителя
АНО «Научно-аналитический центр исследований
историко-правовых основ державности»,
г. Калининград, Россия,
e-mail: tuv@mail.com

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу конституционно-правовых основ управления общественными организациями в Российской Федерации. Исследуются ключевые положения Конституции РФ, система федерального законодательства и правовые позиции Конституционного Суда РФ, определяющие правовой статус, принципы функционирования и процедуры управления общественными объединениями. Особое внимание уделяется вопросам регистрации, внутреннего управления, государственного контроля, а также актуальным правовым режимам, включая статус организаций, выполняющих функции иностранного агента. Анализируются современные изменения законодательства, вступающие в силу в 2025–2026 годах, и формулируются направления совершенствования правового регулирования.*

Ключевые слова: *общественные организации, конституционно-правовые основы, право на объединение, гражданское общество, управление, государственная регистрация, Конституционный Суд РФ, иностранные агенты.*

TERESHCHENKO Yulia Vladimirovna,
Deputy Director of the
ANO "Scientific and Analytical Center
for the Study of the Historical and
Legal Foundations of Statehood",
Kaliningrad, Russia

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS FOR THE GOVERNANCE OF PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of the constitutional and legal foundations for the governance of public organizations in the Russian Federation. It examines the key provisions of the Constitution of the Russian Federation, the federal legislative system, and the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation that define the legal status, operating principles, and governance procedures of public associations. Particular attention is paid to issues of registration, internal governance, state control, and current legal regimes, including the status of organizations acting as foreign agents. Current legislative changes coming into force in 2025–2026 are analyzed, and areas for improving legal regulation are outlined.*

Key words: *public organizations, constitutional and legal foundations, right to association, civil society, management, state registration, Constitutional Court of the Russian Federation, foreign agents.*

Общественные организации как институциональное выражение гражданского общества играют ключевую роль в реализации конституционных прав граждан, выражении их интересов и взаимодействии с государством. В условиях современной России, характеризующейся динамичным развитием законодательства о некоммерческих организациях и усилением контроля за их деятельностью, комплексный анализ конституционно-правовых основ управления

общественными объединениями приобретает особую актуальность как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

Цель настоящей статьи - систематизировать конституционно-правовые нормы, регулирующие создание, деятельность и управление общественными организациями в России, выявить основные проблемы правоприменения и обозначить тенденции развития законодательства.

История некоммерческих организаций (НКО) в России имеет глубокие корни. Первые шаги в институциональном оформлении некоммерческого сектора были связаны с благотворительностью и меценатством. В 1765 году было создано «Императорское Вольное Экономическое общество» - первая общественная организация в истории страны. В советский период негосударственные инициативы оказались под жестким партийным контролем. Современная история российских НКО с 1991 года, когда официально НКО появились как «третий сектор»[1]. В середине 1990-х годов была сформирована ключевая правовая база, эти годы стали периодом бурного становления и количественного роста некоммерческих организаций, и в этот период сектор активно поддерживался международными фондами. В 2000-е годы начался «золотой век» и расцвет НКО. В стране стремительно росло их количество, а у многих лидеров сектора появился искренний энтузиазм и желание менять мир к лучшему.

Значимым событием для сектора стало создание Общественной палаты РФ в 2005 году, которая стала площадкой для диалога между властью, бизнесом и некоммерческими организациями. Важным рубежом в истории стал 2012 год, когда был принят закон, обязывающий НКО, получающие иностранное финансирование и занимающиеся политической деятельностью, регистрироваться в качестве «иностранных агентов». Сегодня НКО являются важнейшими партнерами государства в решении социальных задач.

Фундаментальной конституционной гарантией, лежащей в основе функционирования общественных организаций, является статья 30 Конституции Российской Федерации [1]. Согласно ее положениям, каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов; при этом свобода деятельности общественных объединений гарантируется, а принуждение к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем запрещается.

Не менее значимой являются положения статьи 13 Конституции, которые гарантируют идеологическое многообразие и равенство общественных объединений перед законом. Часть 5 статьи 13 содержит важнейший запрет: запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РФ, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Эти положения создают конституционные пределы реализации права на объединение и одновременно служат основанием для государственного контроля за деятельностью общественных организаций.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих правовых позициях неоднократно подчеркивал фундаментальное значение права на объединение. В частности, в Определении от 29 октября 2024 г. № 2700-О Суд указал, что право каждого на объединение, как следует из статьи 30 во взаимосвязи со статьями 17 (часть 1) и 29 (части 1 и 3) Конституции РФ, относится к базовым ценностям общества и государства, основанным на принципах господства права и демократии. Данная правовая позиция подтверждает, что институт общественных объединений рассматривается не просто как средство реализации частных интересов, но и как неотъемлемый элемент конституционного строя.

Конституционные нормы получают развитие в обширной системе федерального законодательства [2]. Центральное место в ней занимает Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», который определяет понятие общественного объединения, его организационно-правовые формы, порядок создания, реорганизации и ликвидации, права и обязанности членов, а также основы управления.

Важнейшим законодательным актом является также Гражданский кодекс РФ, который в статье 123.4–123.6 закрепляет основные положения об общественных организациях как одной из форм некоммерческих корпоративных организаций. ГК РФ определяет общественную организацию как добровольное объединение граждан, объединившихся в установленном законом порядке на основе общности их интересов для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей, для представления и защиты общих интересов и достижения иных не противоречащих закону целей.

К числу специальных законов, регулирующих отдельные виды общественных объедине-

[1] 31 мая 1991 года, когда были утверждены Основы гражданского законодательства.

ний, относятся Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях», а также законодательство о профессиональных союзах, религиозных объединениях и иных специализированных формах некоммерческих организаций.

Следует отметить, что законодательство об общественных объединениях находится в состоянии постоянного обновления. В 2025 году вступили в силу существенные изменения, внесенные Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 313-ФЗ, которым предусмотрена унификация отчетности некоммерческих организаций и оптимизация порядка ее предоставления. Эти изменения направлены на снижение административной нагрузки на общественные организации при одновременном повышении прозрачности их деятельности.

Важнейшим элементом правового управления общественными организациями выступает институт государственной регистрации. Создание общественного объединения, его реорганизация и ликвидация подлежат государственной регистрации в Министерстве юстиции РФ и его территориальных органах. Данный порядок выполняет не только учетную функцию, но и функцию легитимации, позволяя государству удостовериться в соответствии целей и деятельности общественного объединения требованиям закона.

Значительные изменения в регистрационные процедуры были внесены с 1 января 2025 года. Согласно Приказу Минюста России от 05.06.2024 № 180, некоммерческие организации (за исключением политических партий) в течение 30 дней со дня их государственной регистрации обязаны разместить устав на информационном ресурсе Минюста посредством личного кабинета некоммерческой организации. Данное требование направлено на создание единого открытого реестра учредительных документов НКО, что повышает транспарентность их деятельности.

Помимо этого, с 1 сентября 2025 года НКО обязаны подавать отчетность в электронном виде с помощью Информационного портала Минюста России, для чего каждой организации необходимо иметь личный кабинет в соответствующем разделе информационного ресурса. Переход к электронному документообороту и централизованной системе отчетности упрощает процедуры взаимодействия с уполномоченным органом, но одновременно требует от общественных организаций повышенной дисциплины в соблюдении установленных сроков и форматов.

Уточнен также порядок выдачи разрешения на включение в наименование НКО слова «Россия»: сокращен срок предоставления такого разрешения (с 42 рабочих дней до 28), сокращен срок принятия Минюстом решения об отзыве выданного разрешения (с 42 рабочих дней до 7), а также оптимизированы иные процедурные сроки.

Законодательство закрепляет демократические принципы управления внутри общественных организаций. Высшим руководящим органом общественной организации является общее собрание ее членов (съезд, конференция). Исключительная компетенция высшего органа включает: изменение устава, определение приоритетных направлений деятельности, избрание постоянно действующего руководящего органа (правления, совета) и ревизионной комиссии, а также решение вопросов о реорганизации и ликвидации организации.

Важной гарантией деятельности общественных объединений является право членов и участников свободно выходить из организации, а также право не быть принужденными к вступлению в какое-либо объединение, что прямо закреплено в части 2 статьи 30 Конституции РФ. Учредителями, членами и участниками общественных объединений могут быть граждане, достигшие 18 лет, и юридические лица - общественные объединения.

Вместе с тем, государство осуществляет контроль за соответствием деятельности общественных объединений их уставным целям. Полномочия Правительства Российской Федерации в области взаимодействия с институтами гражданского общества включают: принятие мер по поддержке институтов гражданского общества (в том числе некоммерческих организаций), обеспечение их участия в выработке и проведении государственной политики, а также взаимодействие с общественными объединениями и религиозными организациями. Статья 20 Федерального закона «О некоммерческих организациях» также предусматривает право государственных органов на осуществление контроля за деятельностью НКО, включая проверки соблюдения законодательства и уставных требований.

Конституционный Суд РФ, рассматривая вопросы правового статуса общественных организаций, в Определении от 27 марта 2025 г. № 771-О отказал в принятии жалобы на положения части первой статьи 20 «Устав общественного объединения» и статьи 28 «Права и обязанности общественного объединения», признав их соответствующими Конституции РФ. Данное определение подтверждает конституционность действующего законодательного регулирования прав и обязанностей общественных объединений [3].

Правовая система России предусматривает ряд ограничений деятельности общественных организаций, которые направлены на защиту конституционного строя, безопасности государства и прав граждан. К их числу относятся, прежде всего, положения части 5 статьи 13 Конституции РФ, запрещающие создание и деятельность общественных объединений, ставящих под угрозу основы конституционного строя и государственную безопасность.

Особый правовой режим установлен для общественных организаций, выполняющих функции «иностранного агента». Конституционный Суд РФ в Постановлении 2014 года признал соответствующими Конституции нормы законодательства об общественных организациях — «иностранных агентах», уточнив при этом порядок их применения. Согласно позиции Суда, «иностранными агентами» следует считать организации, получающие средства из-за границы и на эти деньги осуществляющие политическую деятельность на территории России.

Конституционный Суд подчеркнул также важную правовую позицию: признание конкретных НКО выполняющими функции иностранного агента не означает указания на исходящую от данных организаций угрозу государственным и общественным институтам. Данное уточнение имеет существенное значение, поскольку предотвращает необоснованную стигматизацию общественных организаций и подчеркивает, что статус «иностранного агента» является, прежде всего, правовым режимом отчетности и контроля, а не обвинением в противоправной деятельности.

В 2025 году законодательство об иностранных агентах было существенно ужесточено. С 1 сентября 2025 года вступили в силу два федеральных закона, направленные на усиление защиты страны. В частности, запрещается осуществление иностранными агентами любой преподавательской и просветительской деятельности, а организациям-иноагентам — образовательной деятельности. Кроме того, закон исключает возможность регистрации иностранных агентов-некоммерческих организаций в реестре социально ориентированных НКО.

Федеральным законом также устанавливается запрет для иностранных агентов входить в органы управления государственных корпораций. Устанавливается запрет на получение муниципальной финансовой помощи иностранными агентами и ужесточается ответственность за нарушение требований законодательства об иностранных агентах. Ранее такие ограничения действовали только в отношении несовершеннолетних, тогда как с 2025 года они распространяются на все виды образовательной и просветительской деятельности. Эти вопросы становятся предметом научных исследований многих авторов [4; 5].

Важным аспектом конституционно-правового статуса общественных организаций является их право на участие в управлении делами государства. Конституция РФ в статье 32 закрепляет право граждан участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, что в полной мере относится и к коллективным формам представительства через общественные объединения.

В последние годы на законодательном уровне закрепляются механизмы, обеспечивающие участие общественных организаций в выработке и реализации государственной политики. Постановление Правительства РФ от 14 ноября 2025 г. № 1795 уточняет правила принятия решения о признании социально ориентированной некоммерческой организации исполнителем общественно полезных услуг, а также ведения соответствующего реестра. Принятие указанных подзаконных актов создает правовую основу для вовлечения общественных организаций в выполнение государственных функций в социальной сфере.

Выездное совещание по вопросам взаимодействия органов публичной власти с институтами гражданского общества, состоявшееся в 2025 году, отметило, что вклад гражданского общества в этот процесс получил особое отражение в основополагающем законе — Конституции РФ. В фокусе особого внимания государства в последние годы находится системная работа по поддержке участников специальной военной операции и ветеранов боевых действий, а также членов их семей, что подтверждает важную социальную роль общественных организаций.

Несмотря на развитую законодательную базу, правовое регулирование управления общественными организациями в России сталкивается с рядом проблем. К их числу относятся: сложность и бюрократизированность процедур регистрации и отчетности для небольших общественных организаций; правовая неопределенность в разграничении понятий «политическая деятельность» и «общественная деятельность», что особенно важно в контексте применения законодательства об иностранных агентах; отсутствие единой судебной практики по вопросам ликвидации общественных объединений по основаниям, связанным с нарушением законодательства [6].

Конституционный Суд РФ в 2025 году отказался рассматривать жалобу Сахаровского центра, ликвидированного в 2023 году, обосновав свой отказ отсутствием оснований для принятия жалобы к рассмотрению. Данный случай иллю-

стрирует сохраняющуюся проблему правовой защиты общественных организаций при применении к ним мер государственного принуждения.

В целях исключения правовой неопределенности Минюст России разрабатывает информационные письма (материалы) с пояснениями о применении норм ГК РФ к общественным фондам, органам общественной самодеятельности, общественным учреждениям и некоммерческим партнерствам. Это должно способствовать единообразному толкованию законодательства и снижению числа правовых споров.

Перспективным направлением развития законодательства является создание комплексной системы поддержки деятельности институтов и структур гражданского общества, ориентированной на конечные социальные результаты. Соответствующая концепция разрабатывается при участии Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ).

В заключении, следует отметить, что конституционно-правовые основы управления общественными организациями в России представляют собой сложную и многоуровневую систему, в центре которой находится конституционное право на объединение (ст. 30 Конституции РФ), дополненное запретами и ограничениями (ст. 13). Анализ действующего законодательства и практики его применения позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, российское законодательство закрепляет широкие возможности для создания и функционирования общественных организаций различных организационно-правовых форм, что создает условия для развития институтов гражданского общества.

Во-вторых, государство осуществляет эффективный контроль за деятельностью общественных организаций через институты государственной регистрации, обязательной отчетности и проверок со стороны уполномоченных органов. В 2025–2026 годах этот контроль существенно усилился за счет внедрения обязательного размещения уставов на информационном ресурсе Минюста, перехода на электронную отчетность и ужесточения требований к организациям, выполняющим функции иностранного агента.

В-третьих, законодательство об общественных организациях находится в состоянии динамичного развития, что проявляется в регулярном принятии новых законов и подзаконных актов, направленных как на поддержку социально ориентированных НКО, так и на усиление контроля за отдельными категориями организаций. Особого внимания заслуживает правовой режим «иностранных агентов», который продолжает ужесточаться, одновременно получая конституционно-правовую оценку со стороны Конституционного Суда РФ.

В-четвертых, существуют нерешенные проблемы в правовом регулировании управления общественными организациями, включая сложность регистрационных процедур, правовую неопределенность ряда ключевых понятий и недостаточную защиту прав общественных организаций при применении к ним мер государственного принуждения.

Дальнейшее совершенствование конституционно-правовых основ управления общественными организациями должно идти по пути упрощения административных процедур для добросовестных организаций, четкого законодательного определения критериев оценки деятельности общественных объединений и создания эффективных механизмов судебной защиты их прав, что в конечном итоге будет способствовать как развитию гражданского общества, так и обеспечению государственной безопасности в их сбалансированном единстве.

Список литературы

[1] Виноградова Е.В. К вопросу о государственной политике в сфере стратегического управления и организационно-проектной деятельности // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. №2. С.123-128.

[2] Квашонкин А.В. Юридические основы деятельности НКО в Российской Федерации: история и проблемы законодательства / А. В. Квашонкин // Вестник МГУ. Серия 21. Управление (государство и общество). 2005. № 4. С. 43.

[3] Виноградова Е.В., Виноградова П.А. (монография) Укрепление конституционных гарантий поправками 2020 года в Конституцию Российской Федерации - М.: Эдипус, 2020. 200 с.

[4] Корнейчук Б.В. Проблема идентификации НКО «иностранных агентов»: институциональный аспект / Б.В. Корнейчук // НИУ ВШЭ. URL: https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/zkcveq03dp/100251612.pdf (дата обращения: 19.03.2026).

[5] Рябченко О.Н. Посягательства на субъекты управленческой деятельности РФ в системе преступлений против порядка управления (по материалам гл. 32 УК РФ) // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2025. Т. 35, вып. 4. С. 731-740.

[6] Ульянова И.В. Институционально-правовые инструменты трансформации правового поля деятельности некоммерческих организаций // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. С. 246-250.

References:

[1] Vinogradova E.V. On the Issue of Public Policy in the Sphere of Strategic Management and Organizational-Project Activities // Legal Policy and Legal Life. 2022. No. 2. Pp. 123-128.

[2] Kvashonkin A.V. Legal Foundations of NPO Activities in the Russian Federation: History and Problems of Legislation / A.V. Kvashonkin // Bulletin of Moscow State University. Series 21. Management (State and Society). 2005. No. 4. P. 43.

[3] Vinogradova E.V., Vinogradova P.A. (monograph) Strengthening Constitutional Guarantees by the 2020 Amendments to the Constitution of the Russian Federation - Moscow: Edipus, 2020. 200 p.

[4] Korneichuk B.V. The Problem of Identifying NPOs as "Foreign Agents": Institutional Aspect / B.V. Korneichuk // HSE University. URL: https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/zkcveq03dp/100251612.pdf (accessed: 19.03.2026).

[5] Ryabchenko O.N. Encroachments on Subjects of Administrative Activity of the Russian Federation in the System of Crimes against Administrative Order (Based on Chapter 32 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Vestn. Udmurt University. Series: Economics and Law. 2025. Vol. 35, issue 4. Pp. 731-740.

[6] Ulyanova I.V. Institutional and Legal Instruments for Transforming the Legal Field of Activities of Non-Commercial Organizations // Scientific Notes of OSU. Series: Humanitarian and Social Sciences. 2014. No. 4. Pp. 246-250.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-84-88

ЗОХРАБЯН Рафаэль Петросович,
преподаватель кафедры конституционного и международного права ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: mail@law-books.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕЛИ ИНСТИТУТА РЕФЕРЕНДУМА ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ О САМООПРЕДЕЛЕНИИ НАРОДОВ

Аннотация. *Право народов на самоопределение — основополагающий принцип Устава Организации Объединенных Нации, о котором договорились страны для поддержания мирового порядка. Анализ конституционного законодательства Российской Федерации позволяет выделить две характерные особенности. Во-первых, установлен запрет на любые действия, приводящие к изменению территориальной целостности России (запрет на внешнее самоопределение). Во-вторых, подробно регламентирован механизм образования в составе Российской Федерации нового субъекта, неотъемлемой стадией которого является проведение референдума в заинтересованных субъектах по вопросу образования нового субъекта.*

Ключевые слова: *право народа на самоопределение, институт референдума, конституция, федеративное устройство, Декларация о принципах международного права.*

ZOHRABYAN Rafael Petrosovich,
Lecturer,
Department of Constitutional and International Law
VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

FOREIGN EXPERIENCE IN DEVELOPING A REFERENDUM MODEL FOR RESOLVING ISSUES OF SELF-DETERMINATION OF PEOPLES

Annotation. *The right of peoples to self-determination is a fundamental principle of the United Nations Charter, agreed upon by countries to maintain world order. An analysis of the constitutional legislation of the Russian Federation reveals two characteristic features. First, it prohibits any actions that alter Russia's territorial integrity (a ban on external self-determination). Second, it regulates in detail the mechanism for the formation of a new constituent entity within the Russian Federation, an integral stage of which is the holding of a referendum in interested constituent entities on the issue of the formation of the new constituent entity.*

Key words: *right of peoples to self-determination, referendum institution, constitution, federal structure, Declaration on Principles of International Law.*

Наиболее частный в мировой практике способ реализации права на самоопределение — проведение референдума. Однако если еще в середине прошлого века в мировом сообществе придерживались позиции о праве народов на самоопределение как о праве колониальных стран и народов для обретения ими независимости, о чем свидетельствуют положения Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам [1], то в современном обществе в историческом и политическом контекстах интерпретация данного права меняется в сторону мнения о необходимости гарантирования права на самоопределение всем народам. Это вызывает определенные трудности в современном правовом пространстве. До сих

пор в мировой практике не выработали единых подходов механизма проведения референдума при решении вопросов о самоопределении народов, которые могли бы неоспоримо признаваться во всем мировом сообществе.

Вместе с тем, существуют положительные примеры реализации права на самоопределение посредством референдума в зарубежных странах, которые можно было бы использовать в качестве основы для создания единой модели института применительно к законодательству нашей страны. Поэтому представляется актуальным рассмотреть перспективные направления использования зарубежного опыта (на конкретных примерах) в формировании российской модели института референдума при решении вопросов о самоопределении народов.

Право народов на самоопределение — основополагающий принцип Устава Организации Объединенных Нации, о котором договорились страны для поддержания мирового порядка. Для реализации указанного принципа странами была принята Декларация о принципах международного права, где отразили общие положения международного характера о праве народов на самоопределение. Так закреплено, что все народы имеют право на самостоятельное определение своего политического статуса и основных направлений экономического, социального и культурного развития, а каждое государство обязано оказывать содействие в реализации данного права. В качестве форм реализации права на самоопределения обозначены следующие: создание отдельного суверенного государства, присоединение к суверенному государству, объединение с суверенным государством или установление иного политического статуса. В положениях Декларации о принципах международного права прямо зафиксировано, что все закрепленные правила не должны быть истолкованы как правила, позволяющие правомерно нарушить и прекратить государственную целостность суверенной страны.

Однако следует отметить, что основным мотивом содействия государствами в реализации данного права рассматриваемый документ называет борьбу с колониальным периодом. Территория может сохранять колониальный статус только до момента реализации народом своего права на самоопределение. Указанный аспект подчеркивает основную направленность положений Декларации именно на самоопределение народов, проживающих в колониях. Реалии настоящего политического мира, в которых народы, основываясь на принципах демократии, принимают решения о новом политическом статусе, отличном от статуса своего государства и нарушающем его территориальную целостность, подчеркивают необходимость регулирования механизма проведения референдума в целях реализации права на самоопределение новыми, более актуальными и подробными правовыми нормами.

Исследование проблем легализации новых государств и выработка в связи с этим новых правовых позиций представляется важнейшей задачей для мирового сообщества в связи с тем, что противоречия между колониальными принципами самоопределения и индивидуальными правами человека могут привести к конфликтам.

В отношении регулирования права на самоопределение в России следует отметить, что оно упоминается в ст. 5 Конституции Российской Федерации в качестве основополагающих аспектов федеративного устройства. Причем отдельно отмечена недопустимость любых действий, которые были бы направлены на отчуждение части территории страны (кроме делимитации, демаркации, редемаркации по отношению с сопредельными государствами). Толкование данного положения позволяет сделать вывод о прямом запрете по законодательству Российской Федерации любых действий, которые бы привели к уменьшению территории страны. Указанным действием в числе прочих также можно считать и реализацию права на самоопределение, если посредством референдума отдельного народа страны будет принято решение о создании отдельного суверенного государства или о присоединении к другому государству, — внешнее самоопределение.

Кроме того, следует отметить, что в конституционном законодательстве Российской Федерации процедура референдума предусмотрена для принятия народом решения об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта, то есть границы всей территории страны не меняются, изменению подлежат границы отдельных (заинтересованных) субъектов. Данные действия можно считать реализацией права на внутреннее самоопределение народа.

Анализ конституционного законодательства Российской Федерации позволяет выделить две характерные особенности. Во-первых, установлен запрет на любые действия, приводящие к изменению территориальной целостности России (запрет на внешнее самоопределение). Во-вторых, подробно регламентирован механизм образования в составе Российской Федерации нового субъекта, неотъемлемой стадией которого является проведение референдума в заинтересованных субъектах по вопросу образования нового субъекта.

Говоря о международной практике современности по вопросу реализации права на само-

определение путем сепаратизма, следует выделить два общепринятых обстоятельства:

– конституционное закрепление право народа на отделение (выход из государства);
– наличие факта конфликта между государством и народом (геноцид, дискриминация по какому-либо признаку и другие).

Первое обстоятельство характерно для государств, во владении которых находились колонии, и было принято решение о деколонизации таких территорий.

Историческим примером проведения референдума на самоопределение народа путем сепарации является Республика Крым. Однако следует заметить, что многими ведущими державами результаты данного референдума и последующее присоединение Республики Крым к Российской Федерации признаются нелегитимным. Главная называемая причина — отсутствие положений, предоставляющих право на самоопределение, в конституции Украины, а также невнимание к обстоятельствам притеснения местного населения [2].

В противовес — в истории есть примеры, когда Организацией Объединенных Наций аргумент наличия конституционных положений на право самоопределения, наоборот, не берется во внимание, объясняя это международным характером реализации права на самоопределение, которое и не должно регулироваться внутренним законодательством стран. Так, при признании правомерности Декларации о независимости Косово, принятой пятью из пятнадцати членов Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, Международным Судом Организации Объединенных Наций положения Конституции Сербии во внимание не принимались, а сам факт признания независимости территории назвали исключительной ситуацией, которая не может рассматриваться в мировой практике в качестве прецедента.

Упомянутая противоположность мнений в мировом сообществе считается среди исследователей актуальной проблемой применения мировыми державами «двойных стандартов» по вопросам признания правомерности результатов референдумов о самоопределении путем сепарации, что следует считать еще одним актуальным поводом для начала формирования модели института референдума при решении вопросов о самоопределении народов, прежде всего на международном уровне, и внедрение такой модели затем в правовой порядок Российской Федерации.

В качестве ориентира для формирования института референдума о самоопределении предлагается к рассмотрению опыт Великобритании. Следует отметить, что Великобритания является примером той страны, где наиболее важные государственные вопросы решались именно с помощью референдума.

Так, помимо референдума о независимости Шотландии в 2014 г., на референдум выносились вопросы вступления Великобритании в Европейский Союз (1975), вопросы о необходимости продолжения членства Великобритании в Европейском Союзе (2016), а также вопрос об изменении системы голосования (2011). Такая позиция страны о необходимости вынесения существенных вопросов на обсуждение с народом позволяет говорить о большой проработанности порядка проведения референдума.

В рамках оценивания перспектив использования зарубежного опыта для формирования модели института референдума в нашей стране интерес представляет подробное рассмотрение опыта проведения референдума о самоопределении Шотландии.

Вопросы о независимости Шотландии от Великобритании в истории поднимаются уже длительное время. Для Шотландии еще в прошлом веке был одобрен особый статус с повышенными возможностями государственной самостоятельности и правом формировать собственный парламент, но в составе Великобритании. Однако если ранее экономическое состояние Шотландии во многом зависело от английской торговли, то сегодня Шотландия представляет собой устойчивый и самостоятельный для собственного обеспечения субъект. Кроме того, на ее территории содержится большинство природных ресурсов всей Великобритании [3]. Именно по этим причинам уже на протяжении длительного времени Шотландская национальная партия (далее — партия) борется за суверенитет Шотландии и освобождение от влияния британского менталитета.

Примечателен тот факт, что после выхода Великобритании из состава Европейского союза, в Шотландии вновь стали поднимать вопрос о независимости территории по причине желания большей части населения Шотландии (62 %) остаться в качестве члена Европейского союза. Партией Шотландии были предприняты попытки инициирования повторного референдума о независимости территории, однако Великобритания отказала. Неправомерность проведения референдума о самоопределении в Шотландии без согласия на то Великобритании была подтверждена в 2022 г. Верховным судом Великобритании, который отнес вопрос о независимости Шотландии к числу «зарезервированных» вопросов, относящихся к исключительной компетенции Великобритании [4].

Референдум о независимости Шотландии 2014 г. является примером реализации права на самоопределение народа, происходящей по одобрению суверенного государства и с его участием. Указанный пример, во-первых, иллюстрирует состоятельность такого способа реализации права на самоопределение, как референдум; во-вторых, демонстрирует возможность и эффективность обеспечения суверенным государством условий для реализации народом права на самоопределение без кровопролитных конфликтов; в-третьих, показывает возможность разрешения спорных моментов, касающихся правил реализации права на самоопределение, внутренними судебными органами суверенного государства [5].

Кроме того, важно обратить внимание на достаточный для подготовки процедуры проведения референдума, а также для принятия взвешенного решения народом срок — от времени определения условий проведения референдума до факта его непосредственного проведения прошло два года.

Тем самым на основании рассмотренного положительного опыта разрешения вопросов о самоопределении Шотландии в Великобритании путем референдума, предлагается выделить три условия, которые целесообразно заложить в фундамент модели института референдума на самоопределение народа в порядке Российской Федерации.

1. Указанный порядок характерен только для случаев мирного разрешения вопросов самоопределения.
2. Необходимо одобрение суверенного государства на проведение референдума на самоопределение народа. Наиболее эффективным представляется заключение соглашения между государством и народом, желающим реализовать свое право на самоопределение таким образом, в котором необходимо отразить основные положения о порядке, условиях и сроках проведения референдума.
3. Достаточный срок для подготовки референдума и принятия решения по вопросу, выносимому на референдум.

Одним из препятствующих аспектов на пути к формированию эффективной модели института референдума на самоопределение народа может стать стремление государств к сохранению своей территориальной целостности. В большинстве случаев суверенные государства не одобряют возможность принятия решения о сепарации своего народа, которое может стать последствием реализации права на самоопределение, так как для суверенного государства это риск нарушения его территориальной целостности [6].

В рамках рассмотрения вопросов о соотношении принципа территориальной целостности и права народов на самоопределение и их взаимном соотношении друг с другом, некоторые исследователи высказывают мнение о необходимости конкретизации на уровне внутреннего законодательства государств сущности права на самоопределение, которое должно включать в себя права, гарантирующие самостоятельность народов по всем вопросам, за исключением политической независимости [7]. Действительно, предоставление народу права на самоопределение с возможностью обретения политической независимости может быть эффективным инструментом только в развитом обществе, ориентированном на соблюдение прав и свобод каждого человека и отстраненным от территориальных, политических амбиций. Исходя из этого, необходимо осуществлять формирование модели института референдума на самоопределение поэтапно и последовательно.

Список литературы:

[1] Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам (принята 14.12.1960 Резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН) // Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на пятнадцатой сессии. Т. 1. 20 сентября — 20 декабря 1960 г. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятнадцатая сессия. Дополнение № 16 (A/4684). Нью-Йорк : ООН, 1961. С. 74–75.

[2] Grant T. D. Annexation of Crimea // American Journal of International Law. 2015. P. 68–95.

[3] Aroney N. Reserved Matters, Legislative Purpose and the Referendum on Scottish Independence // Public Law. University of Queensland TC Beirne School of Law Research, 2014. Paper No. 13-04.

[4] Judgment the Supreme Court given on 23 November 2022 (judgment reference by the Lord Advocate of devolution issues under paragraph 34 of Schedule 6 to the Scotland Act 1998).

[5] Tierney S. Legal Issues Surrounding the Referendum on Independence for Scotland // European Constitutional Law Review. 2013. Issue 34. P. 2–29.

[6] Клименко О. А., Мирзоев А. К., Третьяков И. Л. Государственный суверенитет и его обеспечение: некоторые размышления о принципах // Мир политики и социологии. 2017. № 5. С. 101–130.

[7] Тиунчик И. В. Проблемы самоопределения народов: общепризнанные международные политико-правовые нормы и российская модель : дис. ... канд. полит. наук. М., 2012. 230 с.

References:

[1] Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples (adopted on December 14, 1960 by Resolution 1514 (XV) of the UN General Assembly) // Resolutions adopted by the General Assembly at the fifteenth session. Vol. 1. September 20 - December 20, 1960 General Assembly. Official reports. Fifteenth session. Supplement No. 16 (A/4684). New York: UN, 1961. pp. 74–75.

[2] Grant T. D. Annexation of Crimea // American Journal of International Law. 2015. P. 68–95.

[3] Aroney N. Reserved Matters, Legislative Purpose and the Referendum on Scottish Independence // Public Law. University of Queensland TC Beirne School of Law Research, 2014. Paper No. 13-04.

[4] Judgment the Supreme Court given on 23 November 2022 (judgment reference by the Lord Advocate of devolution issues under paragraph 34 of Schedule 6 to the Scotland Act 1998).

[5] Tierney S. Legal Issues Surrounding the Referendum on Independence for Scotland // European Constitutional Law Review. 2013. Issue 34. P. 2–29.

[6] Klimenko O. A., Mirzoev A. K., Tretyakov I. L. State sovereignty and its provision: some reflections on the principles // World of Politics and Sociology. 2017. No. 5. pp. 101–130.

[7] Tiunchik I.V. Problems of self-determination of peoples: generally accepted international political and legal norms and the Russian model: dis. ...cand. watered Sci. M., 2012. 230 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-89-93

ЛОГИНОВА Екатерина Юрьевна,
студентка 4 курса Международно-правового факультета
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»,
e-mail: ekatlog2004@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ СОГЛАСИЯ В ПРАВЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена критическому анализу концепции согласия в праве международных договоров. Рассматривается соотношение формальных процедур выражения согласия, закрепленных в Венской конвенции 1969 года, и действительной воли государств-участников. Особое внимание уделяется проблемам толкования международных договоров, определению оснований недействительности согласия и научным дискуссиям вокруг расширительного понимания экономического и политического принуждения.*

Ключевые слова: *согласие, право международных договоров, Венская конвенция, волеизъявление, принуждение, толкование договоров, согласование воль, недействительность договоров.*

LOGINOVA Ekaterina Yurievna,
4th year student Faculty of International Law,
Federal State Autonomous Educational
Institution of Higher Education
“Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”

CONSENT IN THE LAW OF TREATIES: THEORETICAL FOUNDATIONS AND LIMITS OF APPLICATION

Annotation. *The article provides a critical analysis of the concept of consent in the law of treaties. It examines the correlation between the formal procedures for expressing consent established by the 1969 Vienna Convention and the actual will of the participating states. Particular attention is given to the issues of treaty interpretation, the identification of grounds for the invalidity of consent, and the academic discourse surrounding a broader understanding of economic and political coercion. Ultimately, the study emphasizes that the international legal system is founded on the principle of legal equality, and the factual asymmetry of the parties does not, in itself, constitute a defect of consent.*

Key words: *consent, law of treaties, Vienna Convention, expression of will, coercion, treaty interpretation, coordination of wills, invalidity of treaties.*

Понятие согласия как объекта международно-правового исследования может быть охарактеризовано с нескольких теоретических позиций. Согласие выступает условием нормотворчества в международном праве, составляющим фундамент создания, признания и действия международно-правовых норм. На основе согласия выстраиваются отношения между субъектами международного права и обеспечивается функционирование норм международного права (далее: МП), что обусловливает значительный интерес к данной категории. Вместе с тем, несмотря на устойчивое внимание доктрины к указанной проблематике, существуют различные и порой взаимоисключающие подходы к пониманию согласия. Следует отметить, что наличие различных доктринальных позиций не затрагивает практического функционирования согласия в международном праве. Однако постепенная эволюция международной практики, в свою оче-

редь, создает базу для изменений в понимании такой категории, как согласие, со стороны некоторых школ международного права, что влечёт за собой дискуссии относительно содержания и границ данного понятия. Наряду с этим предпринимаются попытки заново оценить или полностью пересмотреть уже существующие и вполне устоявшиеся нормы МП.

Таким образом, Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года (далее – «Конвенция» или «ВКМД») формализовала согласие посредством установления конкретных процедур и правил, однако в настоящий момент рядом ученых ставится вопрос о соотношении юридического факта «согласия» с действительной волей участников договора. Указанный вопрос приобретает особую остроту в контексте толкования договоров и определения оснований недействительности согласия на их заключение, а также при оценке форм давления, не охваченных конвенционным перечнем пороков воли.

Настоящая статья посвящена критическому анализу понятия «согласие» в праве международных договоров. Целью работы является исследование природы согласия в международном праве и рассмотрение различных доктринальных позиций в отношении оценки такой категории.

Формализация согласия в Венской конвенции

Венская конвенция представляет собой кодифицированную систему норм, регулирующих порядок заключения, действия и прекращения международных договоров. Ключевое место в порядке заключения международного договора занимает выражение согласия государства на обязательность договора. Однако между формальными процедурами выражения согласия (подписание, ратификация, присоединение) и реальной волей участников существует значительная дистанция.

В рамках Венской конвенции волеизъявление государства получило дополнительное формальное выражение посредством установления конкретных процедур и правил. Иными словами, согласие в контексте Конвенции представляет собой не волеизъявление как таковое, а *процедуру*. Данный тезис подтверждается анализом положений Конвенции, регулирующих толкование договоров и основания недействительности согласия.

На первый взгляд может показаться, что юридическое значение согласия не тождественно реальному волеизъявлению и что система Венской конвенции, устанавливая согласие через форму (подписание, ратификацию, присоединение), создаёт дистанцию между фактом воли и юридическим фактом «согласия». Однако такое прочтение Конвенции является упрощённым: статьи 48–53 содержат развёрнутую систему оснований недействительности, обращённых именно к содержанию и условиям формирования воли — обман, подкуп, принуждение представителя, принуждение государства, противоречие нормам jus cogens. Это свидетельствует о том, что Конвенция отнюдь не сводит согласие к чистой форме. Тем не менее определённое расхождение между формой и содержанием согласия существует: согласие, данное под давлением, которое не квалифицируется как угроза силой или её применение в смысле статьи 52 ВКМД, формально остаётся действительным. Утверждение о данном расхождении находит широкую поддержку со стороны отечественной доктрины МП. Теория «согласования воль» Г.И. Тункина исходила из того, что юридическое согласие неотделимо от реального содержания воли, а потому любая деформация воли, в том числе экономическим или политическим давлением, подрывает действительность договора, даже если формальная процедура соблюдена [1; 2]. Данная позиция, является главенствующей как в отечественной доктрине, так и в международной практике. В то же время следует отметить, что советская делегация на Венской конференции 1968–1969 гг. настаивала на расширительном толковании понятия «принуждение», включающем экономическое и политическое воздействие. И хотя эта позиция не была закреплена в тексте Конвенции, она нашла отражение в Декларации о запрещении военного, политического или экономического принуждения при заключении договоров, приложенной к Заключительному акту Конференции.

Таким образом, то обстоятельство, что критерии разграничения давления и принуждения остаются дискуссионными, свидетельствует об определенной незавершённости нормативного закрепления согласия [3]. Юридическая действительность согласия, данного в условиях существенного неравенства сторон, при формальном соблюдении процедуры и отсутствии принуждения в узком смысле статьи 52 Конвенции, является, не постоянным свойством системы, а конкретно-историческим несовершенством. Оно отражает отсутствие всеобъемлющего характера регулирования международного права. Этот вывод подтверждается тем, что МП располагает инструментами, компенсирующими определенные пробелы. Принципы суверенного равенства государств, добросовестности и недопустимости злоупотребления правом образуют нормативные рамки, в пределах которых формально действительное, но, по существу, несвободное согласие может быть оспорено. Более того, развитие международного права в сфере ответственности за принуждение, действие норм jus cogens свиде-

тельствуют о том, что правопорядок движется в направлении, обозначенном теорией согласования воль.

Общепринятая позиция заключается в том, что толкование договоров согласно ст. 31 ВКМД характеризуется как основанное на «обычном значении» терминов, а не на первоначальных намерениях сторон, и, в свою очередь, обращение к подготовительным материалам (ст. 32 ВКМД) является лишь вспомогательным средством. Несмотря на это некоторые ученые, такие как, М. Крейвэн высказывают мнение о том, что толкование должно строиться на «действительных» намерениях сторон. Тем самым данная позиция противопоставляет намерение сторон (субъективную волю) объективному стандарту толкования. Идея Крейвэна перекликается с позицией Х. Лаутерпахта, который последовательно отстаивал приоритет намерений сторон, подлежащих установлению с помощью совокупности всех средств толкования, включая travaux préparatoires. Это мнение было сформировано еще в процессе разработки ВКМД.

Толкование, акцент которого значительно смещен на «первоначальные намерения сторон» представляется спорным. Во-первых, ст. 31 закрепляет единое правило толкования, включающее наряду с обычным значением также требования добросовестности, учёта объекта и цели договора, а согласно п. 4 той же статьи прямо допускает специальное значение термина, «если установлено, что участники имели такое намерение». Это свидетельствует о невозможности полного исключения воли сторон из процесса толкования.

Во-вторых, как последовательно подчёркивалось в отечественной доктрине (Г.И. Тункин, А.Н. Талалаев, И.И. Лукашук), международный договор представляет собой акт согласования воль суверенных государств, что само по себе не исключает их субъективную волю и не может привести к навязыванию обязательств, на которые государства согласия не давали. То есть именно намерение сторон, оформленное в текст договора, имеет принципиально важное значение. Представляется неверным обесценивать процедуру ради того, чтобы попытаться вычленить «чистое» намерение стороны, — подобный подход тяготеет к радикальному субъективизму.

Также следует отметить то, что Конвенция допускает привлечение подготовительных материалов (travaux préparatoires) даже тогда, когда результат толкования по статье 31 представляется вполне ясным и непротиворечивым [4]. Функция подготовительных материалов в этом случае состоит не в том, чтобы восполнить пробел или устранить противоречие, а в том, чтобы дополнительно удостовериться: выявленное значение нормы действительно соответствует тому, на что стороны давали своё согласие в ходе переговорного процесса. Тем самым ВКМД подтверждает, что текст договора не является единственным и исчерпывающим средством для установления подлинной воли участников: согласие государств формируется в процессе переговоров, и материалы, фиксирующие этот процесс, могут служить легитимным средством проверки достигнутого результата [5; 6].

Более того, противопоставление таких категорий как «действительное намерение сторон» и «обычное значение терминов» при толковании международно-правовых договоров методологически не совсем некорректно. Статья 31 закрепляет принцип добросовестного толкования, из которого логически выводимы и текстуальный, и телеологический подходы — они не противоречат друг другу, а сосуществуют в рамках единого правила [7]. При этом толкование по «обычному значению» термина представляет собой не исключение намерений сторон, а форму обращения к ним. Исходя из обычного значения термина, толкователь презюмирует, что именно такое значение стороны и намеревались вложить; если же стороны желали придать термину специальное значение, как уже было сказано выше, они фиксируют это отдельно (п. 4 ст. 31), что подтверждается и практикой самой ВКМД. Далее, квалификация текста и объекта договора как «объективных» величин, противостоящих «субъективной» воле, смешивает категории разного порядка: текст является результатом субъективного волеизъявления. Объект и цель не возникают объективно, а формулируются сторонами. Таким образом, мнимое противопоставление в данном контексте лишено оснований. Наконец, следует разграничивать формирование воли и толкование выраженной воли — это разные категории, и их смешение приводит к тому, что проблемы возникновения согласия необоснованно переносятся в плоскость толкования, тогда как ст. 31 ВКМД регулирует именно второй процесс, не претендуя на исчерпывающее описание первого.

Возвращаясь к тезису о вытеснении субъективной воли объективным стандартом, необходимо отметить, что в современной практике вопрос сводится, скорее, к проблеме чрезмерного текстуализма [8] и подчеркивается опасность сведения толкования к буквальному прочтению текста в отрыве от реальной воли субъектов [9]. Более того, как показывает решение МС ООН по делу о проекте Габчиково - Надьмарош (1997), договорная норма не является «застывшей» — она получает развитие в процессе применения [10], что было бы невозможно, если бы толкование действительно исчерпывалось механическим установлением «обычного значения» в

момент заключения договора [11]. Иными словами, утверждение о приоритете объективного стандарта над субъективной волей не только упрощает содержание ст. 31 ВКМД, но и не находит последовательной поддержки в судебной практике, на которую оно опирается.

Также необходимо повторно отметить, что принуждение признаётся основанием недействительности только в узко определённых формах: принуждение представителя государства (ст. 51) или принуждение государства посредством угрозы силой или её применения (ст. 52), тогда как иные формы давления — экономическое, политическое, дипломатическое — формально не закреплены Конвенцией в качестве пороков согласия [12]. Однако данный тезис нуждается в существенных оговорках: Декларация о запрещении военного, политического и экономического принуждения при заключении договоров, приложенная к Заключительному акту Венской конференции 1969 года, хотя и не имеет обязательной силы, отражает opinio juris значительной части государств (прежде всего развивающихся) о недопустимости экономического принуждения и свидетельствует о незавершённости нормативного консенсуса по этому вопросу. Современная доктрина (Дж. Кроуфорд, М. Коскенниеми) всё активнее подвергает сомнению разграничение между военным и экономическим принуждением, указывая, что в условиях глобальной взаимозависимости экономические санкции и кондициональность финансовой помощи могут подрывать свободу согласия не менее эффективно, чем угроза силой [13], а узкое толкование ст. 52 отражает не столько логику права, сколько расстановку сил на момент кодификации [14; 15]. Таким образом, представители современной западной школы, оценивая ст. 51–52 ВКМД, нередко констатируют, что конвенционный перечень форм принуждения исчерпывающе отражает «действующее позитивное право, как оно есть сейчас» (lex lata), но игнорирует устойчивую тенденцию de lege ferenda — то есть тенденцию в плане того, каким право должно развиваться — к расширительному пониманию принуждения, включающему экономическое и политическое давление [1; 16].

Таким образом, узкое толкование ст. 52 ВКМД представляется несколько спорным. Подобная постановка вопроса уязвима по целому ряду оснований. Во-первых, ВКМД является процедурным инструментом, фиксирующим юридические формы согласия, а не исчерпывающий «кодекс» условий формирования государственной воли; требовать от Конвенции регулирования всей совокупности обстоятельств, в которых воля возникает, значит предъявлять к ней требования, выходящие за пределы её предмета. В данной связи А.Н. Талалаев указывает, что без текстуальной формы невозможно выражение воли сторон. Но в то же время избыточная детализированность Конвенции повлечет подрыв стабильности системы международного права, так как слабые государства при любом удобном случае будут ссылаться на размытые критерии. Во-вторых, фактическое неравенство государств — экономическое, географическое, военное — есть данность международных отношений, а не порок согласия: слабое государство, заключающее договор с сильным, преследует собственные интересы (гарантии безопасности, инвестиции, доступ к ресурсам), выражает тем самым свою волю, пусть и сформированную в условиях асимметрии. В-третьих, международное право основано на принципе юридического, а не фактического равенства: экономическое давление может быть оценено как недобросовестное, однако не следует забывать, что ВКМД — источник правовых норма, а не морально-этических. Наконец, само разграничение lex lata и de lege ferenda в данном контексте подтверждает, что расширительное понимание принуждения остаётся «пожеланием», не имеющим нормативного закрепления, и его представление рядом авторов в качестве «устойчивой тенденции развития современного МП» не меняет действующего правового положения. Международное право основано на принципе юридического равенства государств, и фактическая асимметрия сторон, сколь бы значительной она ни была, сама по себе не составляет порока согласия. Признание обратного неизбежно поставило бы под сомнение стабильность всей системы международных договорных обязательств.

Список литературы:

[1] Тункин Г. И. Теория международного права. – М. : Зерцало, 2000. – 416 с.

[2] Лангстрём А. Россия в переходный период: эволюция международно-правовых доктрин. Сравнительный анализ учебников «Международное право» под ред. Г. И. Тункина (1982) и под ред. Ю. М. Колосова и В. И. Кузнецова (1995) // Московский журнал международного права. 2021. С. 202-235.

[3] Villiger M. E. Commentary on the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. Leiden ; Boston : Martinus Nijhoff Publishers / Brill, 2009. 1093 p.

[4] Mortenson J. D. The Travaux of Travaux: Is the Vienna Convention Hostile to Drafting History? // American Journal of International Law (AJIL). 2013. Vol. 107. P. 780-822.

[5] Yee S. Notes on the International Court of Justice (Part 6) — The Fourth Use of Travaux Préparatoires in the LaGrand Case: To Prove the

Non-preclusion of an Interpretation // Chinese Journal of International Law. 2017. Vol. 16, no. 2. P. 351-365.

[6] Draft conclusions on subsequent agreements and subsequent practice in relation to the interpretation of treaties, with commentaries / International Law Commission (ILC). 2018. 102 p.

[7] Daillier P., Forteau M., Pellet A. Droit international public. 8th ed. Paris : LGDJ, 2009. 1709 p.

[8] Judgment of 2 February 2018 (Maritime Delimitation in the Caribbean Sea and the Pacific Ocean (Costa Rica v. Nicaragua) and Boundary in the Northern Part of Isla Portillos (Costa Rica v. Nicaragua)) // I.C.J. Reports. 2018.

[9] McRae P. The Search for Meaning: Continuing Problems with the Interpretation of Treaties. 2002. P. 209-260.

[10] The Effect of the Passage of Time on the Interpretation of Treaties // Leiden Journal of International Law. 2011. P. 201-222.

[11] Case Concerning the Gabčíkovo–Nagymaros Project (Hungary/Slovakia) // International Law Reports. 2000. Vol. 116.

[12] The Vienna Convention on the Law of Treaties: Declaration on the Prohibition of Military, Political or Economic Coercion in the Conclusion of Treaties // Oxford Commentary on the Vienna Convention on the Law of Treaties. Oxford : Oxford University Press, 2025. 31 p.

[13] The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary / ed. by O. Corten et al. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2025. (Oxford Commentaries on International Law). P. 898-903.

[14] Crawford J. Brownlie's Principles of Public International Law. 9th ed. Oxford : Oxford University Press, 2019. 785 p.

[15] Bâli A. Weapons Against the Weak: International Law and the Political Economy of Coercion. [S. l.], 2024.

[16] Batinga J. Economic Coercion and the Evolving Interpretation of the Use of Force: Economic Coercion and the Evolving Interpretation of Article 2(4) // Wisconsin International Law Journal. 2024. Vol. 41, no. 2.

References:

[1] Tunkin, G. I. Theory of International Law. Moscow: Zertsalo, 2000, 416 p.

[2] Langström, A. Russia in Transition: The Evolution of International Legal Doctrines. A Comparative Analysis of the Textbooks "International Law" edited by G. I. Tunkin (1982) and edited by Yu. M. Kolosov and V. I. Kuznetsov (1995) // Moscow Journal of International Law. 2021, pp. 202-235.

[3] Villiger, M. E. Commentary on the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers / Brill, 2009, 1093 p.

[4] Mortenson J. D. The Travaux of Travaux: Is the Vienna Convention Hostile to Drafting History? // American Journal of International Law (AJIL). 2013. Vol. 107. P. 780-822.

[5] Yee S. Notes on the International Court of Justice (Part 6) - The Fourth Use of Travaux Préparatoires in the LaGrand Case: To Prove the Non-preclusion of an Interpretation // Chinese Journal of International Law. 2017. Vol. 16, no. 2. P. 351-365.

[6] Draft conclusions on subsequent agreements and subsequent practice in relation to the interpretation of treaties, with commentaries / International Law Commission (ILC). 2018. 102 p.

[7] Daillier P., Forteau M., Pellet A. Droit international public. 8th ed. Paris: LGDJ, 2009. 1709 p.

[8] Judgment of 2 February 2018 (Maritime Delimitation in the Caribbean Sea and the Pacific Ocean (Costa Rica v. Nicaragua) and Boundary in the Northern Part of Isla Portillos (Costa Rica v. Nicaragua)) // I.C.J. Reports. 2018.

[9] McRae P. The Search for Meaning: Continuing Problems with the Interpretation of Treaties. 2002. P. 209-260.

[10] The Effect of the Passage of Time on the Interpretation of Treaties // Leiden Journal of International Law. 2011. P. 201-222.

[11] Case Concerning the Gabčíkovo–Nagymaros Project (Hungary/Slovakia) // International Law Reports. 2000. Vol. 116.

[12] The Vienna Convention on the Law of Treaties: Declaration on the Prohibition of Military, Political or Economic Coercion in the Conclusion of Treaties // Oxford Commentary on the Vienna Convention on the Law of Treaties. Oxford: Oxford University Press, 2025. 31 p.

[13] The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary / ed. by O. Corten et al. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2025. (Oxford Commentaries on International Law). P. 898-903.

[14] Crawford J. Brownlie's Principles of Public International Law. 9th ed. Oxford: Oxford University Press, 2019. 785 p.

[15] Bâli A. Weapons Against the Weak: International Law and the Political Economy of Coercion. [S. l.], 2024.

[16] Batinga J. Economic Coercion and the Evolving Interpretation of the Use of Force: Economic Coercion and the Evolving Interpretation of Article 2(4) // Wisconsin International Law Journal. 2024. Vol. 41, no. 2.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-94-100

ВЕЛИЧКИН Георгий Викторович,
аспирант, Московский городской педагогический университет, Россия,
SPIN-код автора: 4159-1888,
РИНЦ AuthorID: 1190461,
e-mail: VelichkinGV@mgpu.ru

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАСЛЕДОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ

Аннотация. *Целью данной работы является проведение сравнительно-правового анализа законодательства Российской Федерации и зарубежных стран в сфере наследования корпоративных прав. В российском законодательстве на сегодняшний день остается ряд нерешенных теоретических проблем в области механизма наследования корпоративных прав, которые непосредственно влияют на практику применения правовых норм. Существующие формулировки установленные законодателем процедуры вступления преемников в наследство умершего участника организации остаются дискуссионными. В попытке угнаться за решением частно-практических проблем многие ученые не обращаются к главным источникам этих проблем. Одной из главных таких проблем является систематизация знаний, которые мы в последующем используем для формирования правильного восприятия и уяснения смысла правовых норм. Однако, пренебрежение к систематизации получаемой информации, тем более о праве нарушает координацию не только правового института или отрасли, но и правовой системы государства в целом. Для решения данной проблемы необходимо воспользоваться существующими научными методами и обратиться к законодательствам зарубежных стран для поиска ответов и оптимизации процесса наследования в юридических лицах. Сравнительно-правовой анализ законодательств различных государств о наследовании корпоративных прав позволяет выявить существенные различия в подходах к регулированию данных отношений. Результатом данного исследования являются авторские предложения по систематизации подходов в виде новой классификации моделей правового регулирования наследования корпоративных прав. Данная работа способствует лучшему пониманию проблем наследования корпоративных прав в России на основе опыта зарубежных законодательств.*

Ключевые слова: *корпоративные права, наследование, процедура согласия, механизм наследования.*

VELICHKIN Georgiy V.,
postgraduate student,
Moscow City Pedagogical University

THE MAIN MODELS OF LEGAL REGULATION OF INHERITANCE OF CORPORATE RIGHTS

Annotation. *The purpose of this work is to conduct a comparative legal analysis of the legislation of the Russian Federation and foreign countries in the field of inheritance of corporate rights. Today, there are a number of unresolved theoretical problems in the field of the mechanism of inheritance of corporate rights in Russian legislation, which directly affect the practice of applying legal norms. In particular, when inheriting the corporate rights of a deceased participant in a commercial organization, the charter may provide for the mandatory consent of all remaining participants to join the heir as a full member. One of the main problems is the systematization of knowledge, which we subsequently use to form a correct perception and understanding of the meaning of legal norms. However, neglecting to systematize the information received, especially about the law, violates the coordination of not only a legal institution or industry, but also the legal system of the state*

as a whole. According to the Soviet and Russian philosopher A.L. Subbotin. scientific, naturally implemented systematization is not only a statement of achieved knowledge, but also an important prerequisite for its further development. To solve this problem, it is necessary to use existing scientific methods and refer to the laws of foreign countries to find answers and optimize the inheritance process in legal entities. A comparative legal analysis of the laws of various states on the inheritance of corporate rights reveals significant differences in approaches to regulating these relations. The result of this research is the author's proposals for the systematization of approaches in the form of a new classification of models of legal regulation of inheritance of corporate rights. This work contributes to a better understanding of the problems of inheritance of corporate rights in Russia based on the experience of foreign legislation.

Key words: *corporate rights, inheritance, consent procedure, inheritance mechanism.*

Введение

Наследование корпоративных прав как правовой институт занимает особое место в законодательствах многих государств мира. Особенности этого института проявляются не только в том, что преемники могут наследовать от умершего наследодателя особый объект наследственной массы – долю, споры о юридической природе которой не утихают до сих пор, но и в том, что область общественных отношений, которая урегулирована данным правовым институтом находится на периферии гражданского, корпоративного, наследственного и предпринимательского права. Это создает определенные сложности в восприятии и усвоении смысла многих правовых норм, которые уже сегодня существуют и действуют на практике между правовыми субъектами.

На сегодняшний день в российском законодательстве существует механизм необходимого согласия от членов организации на вступление наследником в наследование корпоративных прав и получение статуса полноправного члена [3, с. 102]. Этот механизм может устанавливаться на основании норм специальных законов, а также уставами отдельных организаций. Данный механизм имеет свои особенности, которые выражаются не только в особенностях национальной правовой системы, но и в фундаментальных расхождениях в понимании природы корпоративных прав, соотношения частных и корпоративных интересов, роли личного элемента в корпоративных отношениях. По этой причине в целях данного исследования нужно обратиться к опыту зарубежных законодателей для проведения сравнительно-правового анализа норм правового регулирования, которые используются в зарубежных странах. На основании полученных результатов станет возможным классифицировать модели наследования, для более точной структуризации механизма наследования корпоративных прав в России.

Результаты исследования

Юридическая наука гласит, что право не может и не должно регулировать все общественные отношения и все социальные связи людей [8, с. 122]. В процессе взаимодействия субъекты осуществляют свои правомочия посредством юридических актов, с целью порождения определенных правовых последствий. Одной из особой разновидности юридического акта является согласие.

Согласие представляет собой разновидность гражданско-правового юридического акта, поскольку оно имеет правовое значение для отношений гражданского оборота и в процессе юридической квалификации разрешительного волеизъявления учитываются способ его совершения, волевое содержание и хозяйственная цель [4, с. 9]. Обычно согласие требуется при совершении сделок, которые должны совершаться с соблюдением требований закона.

По российскому закону, согласно ст. 1176 ГК РФ если уставом или иным юридическим актом после смерти одного из участников для наследования корпоративных прав предусмотрено получение необходимого согласия от оставшихся членов хозяйственной организации, то наследник не может их унаследовать, а может рассчитывать только на получение справедливой компенсации его доли в уставном капитале организации.

С целью необходимой систематизации и изучения механизма наследования корпоративных прав необходимо обратиться к законодательствам зарубежных стран, чтобы выяснить, имеет ли данный механизм наследования разночтения или какие-либо особенности его реализации и применения норм для успешного наследования корпоративных прав.

Континентальная диспозитивно-ограничительная модель

Обращаясь к классическому разделению государств на различные системы права, мы апеллируем к нескольким крупным блокам государств с целью поиска ответов на поставленные вопросы. В данных блоках, в первую очередь стоит рассмотреть страны континентальной системы права, такие как Франция, Германия.

Во французском законодательстве, как и в российском наследники умершего члена органи-

зации могут наследовать корпоративные права в составе акций акционерных обществ (Société Anonyme, SA), в качестве доли складочного капитала в товариществах (Société en nom collectif) или в виде доли в обществах с ограниченной ответственностью (Société à Responsabilité Limitée, SARL).

Согласно ст. L223-13 Коммерческого кодекса Франции доли в компаниях могут свободно передаваться по наследству и могут свободно передаваться между супругами, а также между восходящими и нисходящими родственниками.

В статье L222-8 Коммерческого кодекса Франции указано, что доли членов общества с ограниченной ответственностью могут быть переданы третьим лицам, не входящим в компанию, только с согласия всех участников общества с ограниченной ответственностью, владеющих капиталом.

Для акционерных обществ (Société Anonyme, SA) нормы французского Коммерческого кодекса в статье L228-23 устанавливают режим свободной передачи акций. Акции являются оборотными ценными бумагами (valeurs mobilières), их наследование осуществляется без каких-либо ограничений. Для публичных акционерных обществ уставные ограничения на передачу акций запрещены.

Гражданский кодекс Франции в статье 1870 устанавливает для гражданско-правовых товариществ (société civile) целью которых, является эксплуатация торгового предприятия или сельскохозяйственного предприятия установлено правило наследования, при котором любой наследник, в том числе и супруг может свободно стать участником такого товарищества, если иное правило не закреплено уставом товарищества. Наследники, которые не стали участниками товарищества, имеют право лишь на получение стоимости долей участия своего наследодателя.

Для полных товариществ (société en nom collectif) во Франции Коммерческий кодекс устанавливает более строгий механизм наследования корпоративных прав. Общее правило гласит, что если имеется факт смерти одного из участников товарищества, то такое товарищество прекращает свою деятельность. Но уставом общества может быть предусмотрена норма, которая разрешает товариществу продолжить свою деятельность в лице оставшихся его членов.

Французское законодательство содержит четкие нормы, которые мы можем охарактеризовать как дифференцирующие правовой режим механизма регулирования передачи долей третьим лицам. Наследники умершего участника общества, который имел долю в уставном капитале по отношению к членам юридического лица, представляются третьими лицами. Участники и наследники не были связаны никакими коммерческими, корпоративными либо иными правоотношениями как между собой, так и по поводу деятельности хозяйственного общества.

В немецком законодательстве правовые нормы о передаче долей, акций содержится в нескольких нормативно-правовых актах. Так, в разделе 15 Закона об Обществах с ограниченной ответственностью (Gesellschaft mit beschränkter Haftung, GmbH) устанавливается общее правило о возможности передачи долей компании по наследству. Но пунктом третьим данного раздела устанавливается правило, которое отличает немецкое законодательство от российского своей строгой определенностью. Согласно данному пункту, передача долей осуществляется путем заключение договора, который должен быть удостоверен в нотариальной форме. В пункте 4 предусмотрены дополнительные ограничения, которые могут быть установлены уставом, в частности требование об обязательном получении согласия на наследование доли от остальных участников компании.

То есть, в обществах с ограниченной ответственностью (GmbH) наследование долей осуществляется путем заключения нотариального договора с наследником о передаче доли умершего участника общества. С одной стороны данной сделки выступают наследник(и) умершего участника, а с другой участники в лице компании, согласующие передачу доли. Дополнительно уставом организации может устанавливаться необходимость наследнику получить согласие на заключение договора о передаче доли. Соответственно, по праву Германии в обществах с ограниченной ответственностью (GmbH) наследование ограничивается императивным правилом заключением договора с участниками общества, с дополнительным ограничением в виде указания на получение согласия на передачу долей наследникам.

Законом Германии об акционерных обществах Aktiengesellschaft (AktG) регулируется порядок деятельность акционерных обществ, но не содержит специальных норм о наследовании акций акционерами, которые бы устанавливали различные ограничения. Акции переходят к наследникам в порядке универсального правопреемства, устав общества не может содержать ограничений на наследование. То есть акции по закону Германии имеют режим свободного наследования.

Особо важной представляется правовая позиция Федерального конституционного суда Германии (Bundesverfassungsgericht), которая подтверждает недопустимость отступления от

основного положения конституции указанном в ст. 14 Основного закона Федеральной Республики Германии. Исходя из этой позиции допускаются уставные ограничения и законодательные уточнения процедуры наследования, однако эти ограничения не могут являться приоритетными по отношению к установленной гарантии наследования в конституции. Если устав предусматривает необходимость согласия участников и такое согласие не получено, наследник имеет право на выплату справедливой компенсации, определяемой на основе рыночной стоимости доли.

Англо-американская либеральная модель

В странах англо-саксонской системы права модель правового регулирования наследования корпоративных прав основана на нормах диспозитивного характера и либерального подхода к установлению системы взаимоотношений между субъектами наследственного и корпоративного права. В Великобритании и США модель правового регулирования корпоративных прав основывается на приоритете частной собственности и свободы наследования. Корпоративные права рассматриваются преимущественно как обычное имущество, переход которого по наследству не должен существенно ограничиваться корпоративными интересами.

В США правовое регулирование наследования корпоративных прав, впрочем, как и регулирование многих других правоотношений ставится в зависимость от положений законодательства того или иного штата [9]. Это обусловлено федеративной формой государственного устройства США, где штаты обладают ограниченной юридической и политической самостоятельностью, в частности в формировании нормативных предписаний. О неоднородности правовой базы США, направленную на регулирование корпоративных правоотношений писал в своей работе «Правовая система США» У. Бернам, который подчеркивал, что правовой статус субъектов предпринимательской деятельности регулируется в основном нормами права штатов, за исключением некоторых аспектов, которые регламентируются нормами федерального права [7, с. 1].

Например, на уровне штатов регулируется деятельность обществ с ограниченной ответственностью (Limited Liability Company, LLC). В штате Нью-Йорк в разделе 606 статьи 6 главы 34 закона LLC вопрос о выходе участника из общества регулируется на уровне корпоративного (операционного) договора, в котором перечисляются случаи, по которым участник имеет возможность выйти из состава участников общества. Общее правило наследования корпоративных прав изложено в разделе 604 ст. 6 данного закона, которое гласит, что правопреемник доли в членстве может вступить в организацию, но для этого требуется необходимое письменное согласие или голосование по данному вопросу большинства заинтересованных участников, если операционным соглашением не установлено иное.

В комментарии к разделу 502 ст. 5 Модельного закона США об обществах с ограниченной ответственностью (UNIFORM LIMITED LIABILITY COMPANY ACT) содержится похожее правило выстраивания системы взаимоотношений оставшихся участников общества с потенциальным наследником умершего члена. В нем говорится: передача доли участия в обществе от одного участника к «незнакомцу» не приводит к установлению доверительных отношений этого незнакомца с остальными участниками и при отсутствии согласия остальных партнеров «незнакомец остается незнакомцем» без каких-либо прав на управление или даже информацию. Этот раздел является ядром положений закона, отражающих и защищающих этот принцип. А права участника общества с ограниченной ответственностью подразделяются на экономические права и права на управления.

Принципиально важным является то, что ограничения на наследование рассматриваются как исключение, требующее специального обоснования. Операционное соглашение может предусматривать ограничения, но они не должны противоречить публичному порядку и основным правам наследников. Судебная практика штатов демонстрирует restrictive approach к толкованию ограничительных условий. То есть операционное соглашение в США фактически является главным документом, который может устанавливать или отменять ограничения, указанные в законе [10].

В Великобритании наследование корпоративных прав регулируется документом Companies Act от 2006 года. Данный закон объединяет в себе практически все аспекты регулирования деятельности компаний. Причем его действие распространяется на Северную Ирландию, установив общий правовой режим для компаний Великобритании и Северной Ирландии. Нормы о порядке наследования корпоративных прав содержаться в части 21 в разделе 773. Согласно разделу 773 для передачи акций по наследству необходимо оформить документ о передаче акций или иного интереса умершего участника, которое может быть оформлено через представителя (executors или administrators). В следующем 774 разделе указан случай если участник оставил завещание передать акции конкретному наследнику, где в данном случае такому наследнику или его представителю необходимо предоставить установленный законом документ-подтверждение, которые принимаются оставшимися членами организации. Стоит отметить, что закон не содержит кон-

кретную норму о необходимости получения согласия для наследника у оставшихся членов компании. Устав компании (articles of association) может содержать преимущественные права других акционеров на приобретение акций (pre-emption rights), однако полное исключение наследования не допускается.

Законодательное регулирование наследования корпоративных прав в России содержится в нескольких нормативно-правовых актах. Главным и связующим актом является Гражданский кодекс РФ, в котором скомпилированы нормы наследственного и корпоративного характера. Ст. 1176 ГК РФ регулирует наследование прав, связанных с участием в хозяйственных товариществах, обществах и производственных кооперативах. В соответствии с данной статьей по общему правилу наследование корпоративных прав подразумевает переход к наследнику доли от умершего члена организации. Но уставом может быть предусмотрено необходимость получения согласия на переход доли к новому лицу, а также на переход прав по этой доле. То есть механизм подразумевает два варианта. Первый и он же общий – наследование корпоративных прав происходит в общем порядке, как и наследование любого другого имущества. И второй он же специальный – наследование корпоративных прав происходит только после получения необходимого согласия, предусмотренного уставом конкретной организации.

Необходимо учесть, что модель правового наследования корпоративных прав содержится не только в нормах ГК РФ, но и в нормах специального законодательства. В п.8 ст. 21 Федерального закона «Об Обществах с ограниченной ответственностью» механизм необходимого согласия дублируется на подобии нормы из ГК РФ. Согласие считается полученным, если всеми участниками общества в течение тридцати дней или иного определенного уставом срока со дня получения соответствующего обращения обществом в общество представлены письменные заявления о согласии на переход доли к наследнику (наследникам) либо в течение этого же срока не представлены письменные заявления об отказе от дачи такого согласия. В то же время, согласно Федеральному закону «Об акционерных обществах», для публичных акционерных обществ механизм изменяется и необходимость согласия от оставшихся акционеров уже не требуется. [2, с. 834] Об этом говориться в ст. 7 вышеназванного закона. То есть, фактически данным законом устанавливается принцип свободного наследования акций. Для непубличных акционерных обществ сохраняется механизм необходимого согласия как в обществах с ограниченной ответственностью.

Выводы

Несложно заметить, что российское регулирование по своей структуре схоже с регулированием в странах континентальной правовой системы, но особенности данного регулирования заключаются в следующем.

Во-первых, законодательное устройство механизма наследования корпоративных прав осуществляется смешанным способом регулирования. В отличие от Германии и Франции, в которых преимущественно регулирование осуществляется на основе укрупненных нормативно-правовых актов – кодексов в России данные правовые нормы наглядно дифференцируются. В Гражданском кодексе РФ содержатся основные положения порядка наследования корпоративных прав, а в федеральных законах содержатся специальные положения регулирования конкретно для каждой организационно-правовой формы юридического лица.

Во-вторых, система регулирования наследования корпоративных прав в России ставится в зависимость от организационно-правовой формы. Российской законодатель не выработал общего механизма наследования для каждого юридического лица.

В-третьих, российское законодательство устанавливает определенный срок для дачи необходимого согласия наследнику на переход доли в уставном капитале – в течение 30 дней со дня обращения наследника (п.8 ст. 21 ФЗ «Об ООО»), что придает механизму наследования большую определенность.

В-четвертых, по российскому закону, в отличие от большинства исследованных стран прописан порядок определения действительной стоимости доли, подлежащей выплате при отказе в согласии наследнику, устанавливая, что она определяется на основании данных бухгалтерской отчетности общества за последний период.

В то же время данные особенности российского законодательства концептуально не выносят его за рамки стран континентальной системы права.

Разграничение диспозитивно-ограничительной модели от англо-американской начинается с философско-правового критерия, который не всегда можно заметить на поверхности правовых норм. В основе англо-американской модели лежит концепция абсолютного права собственности (absolute ownership), согласно которой модель правового регулирования выстраивается с позиции максимально широких правомочий по распоряжению своим имуществом, в том числе долей в уставном капитале организации. Это видно из законодательств Великобритании и некоторых штатов США. При этом возможные

ограничения не рассматриваются как первостепенные и главные в процедуре наследования корпоративных прав.

Континентальная модель наследования корпоративных прав исходит из баланса частных и коллективных интересов. Между наследниками и участниками юридического лица законодатель ищет компромисс путем принятия соответствующих правовых норм, установив модель с различными путями регулирования с целью достижения справедливого исхода.

Критерий личного элемента. Согласно данному критерию, рассматриваемые правовые модели отличаются степенью учета личности-участника в корпорации. Для англо-американской модели регулирования наследования корпоративных прав роль личности как индивидуального элемента в конкретном наследственном деле имеет минимальное значение. Это выражается в отсутствии различных подходов к регулированию в конкретной организационно-правовой форме. Вне зависимости от степени личного участия в той или иной организации для порядка наследования это не является главным показателем.

Для континентальной ограничительно-диспозитивной модели роль участника имеет существенное значение для выстраивания модели правового регулирования наследования. Это видно из анализа правовых норм, которые регулируют процедуру наследования в различных организационно-правовых формах. Например, для обществ с ограниченной ответственностью и для кооперативов и товариществ роль личности безусловно важна в достижении уставных целей общества.

Критерий императивности. В данном критерии выражается различие в подходах к регулированию процедуры наследования корпоративных прав. В англо-американской модели правового регулирования законодатель придает большее значение договорному регулированию корпоративных отношений в юридическом лице, которые в том числе затрагивают вопросы наследования доли уставного капитала организации.

Таким образом, на основе функционального сравнительно-правового анализа законодательства России, Германии, Франции, США и Великобритании, подкреплённого анализом судебной практики, представляется обоснованным выделение двух моделей правового регулирования наследования корпоративных прав — англо-американской (проприетарной) и континентальной (дифференцированно-корпоративной), — различающихся по пяти критериям: (1) квалификация объекта наследственного правопреемства; (2) значение личного элемента (intuitu personae); (3) степень дифференциации правового режима по организационно-правовым формам; (4) соотношение императивного и диспозитивного начал; (5) механизм защиты имущественных интересов наследника при ограничении его допуска в корпорацию. Каждая модель включает национальные варианты, отражающие специфику правовой традиции и экономических условий соответствующих стран.

Российское правовое регулирование формирует самостоятельный вариант континентальной модели, отличающийся от германского и французского вариантов по шести параметрам: специально-законодательный подход; отсутствие дифференциации по степени родства наследника; нормативная привязка компенсации к балансовой стоимости доли с корректировкой через судебную практику; конститутивный характер записи в реестре при наследовании акций; отсутствие нормативно закреплённого срока для рассмотрения вопроса о согласии на допуск наследника в ООО; допустимость принятия наследника в члены производственного кооператива.

Предложенная типология восполняет пробел в российской цивилистической доктрине, где сравнительно-правовые исследования корпоративного права не выделяли специфику наследственного правопреемства в качестве самостоятельного классификационного основания. Типология позволяет системно объяснить различия в правовом регулировании наследования корпоративных прав в различных юрисдикциях, определить место российского права в системе мировых подходов и выявить направления его совершенствования на основе опыта стран, принадлежащих к той же модели.

Список литературы:

[1] Белых В.С. Особенности и общие тенденции развития англо-саксонской и континентальной правовых систем // Право и государство. 2016. № 2 (71). С. 60-64.

[2] Белова Н.Ю. Наследование акций по российскому законодательству // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 37. С. 833-840.

[3] Величкин Г.В. Наследственный договор как способ наследования корпоративных прав // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 4 (56). С. 99-106.

[4] Касаткин С.Н. Согласие в гражданском праве РФ : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Касаткин Сергей Николаевич; [Место защиты: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ]. Нижний Новгород. 2014. С. 26.

[5] Лушникова Е.Ю. Понятие и правовая природа наследования корпоративных прав // Научный электронный журнал «Сфера науки» 2025. № 4. С. 56-60.

[6] Субботин А. Л. Классификация. М., ИФ РАН, 2001. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 10.12.2011. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/3794

[7] Хлопотин Н.К. Основы системы нормативного регулирования корпоративных правоотношений в США // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 6. С. 1-8.

[8] Шавеко Н.А. К вопросу о соотношении понятий права и морали // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2023. № 1. С. 114-126.

[9] Англо-американское законодательство о корпорациях. URL: https://ozlib.com/883239/pravo/anglo_amerikanskoe_zakonodatelstvo_korporatsiyah

[10] Operating agreement для компании LLC в США. URL: https://www.internationalwealth.info/offshore-business-abroad/operating-agreement-dlja-kompanii-llc-v-ssha-chto-sleduet-vkljuchit/

References:

[1] Belykh V.S. Features and general trends in the development of Anglo-Saxon and continental legal systems//Law and state. 2016. № 2 (71). S. 60-64.

[2] N.Yu. Belova. Inheritance of shares under Russian law//Innovations. Science. Education. 2021. № 37. S. 833-840.

[3] Velichkin G.V. Inheritance contract as a way to inherit corporate rights//Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2024. № 4 (56). S. 99-106.

[4] Kasatkin S.N. Consent in civil law of the Russian Federation: abstract dis.... Candidate of Law: 12.00.03/Kasatkin Sergey Nikolaevich; [Place of defense: Ros. acad. nar. households and state. services under the President of the Russian Federation]. Nizhny Novgorod. 2014. S. 26.

[5] Lushnikova E.Yu. The concept and legal nature of inheritance of corporate rights//Scientific electronic journal “Sphere of Science” 2025. № 4. S. 56-60.

[6] Subbotin A. L. Classification. M., IF RAS, 2001 .//Electronic publication: Center for Humanitarian Technologies. 10.12.2011. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/3794

[7] Khlopotin N.K. Fundamentals of the system of regulatory regulation of corporate legal relations in the USA//Actual problems of the humanities and natural sciences. 2010. № 6. S. 1-8.

[8] Shaveko N.A. To the question of the relationship between the concepts of law and morality// NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right. 2023. № 1. S. 114-126.

[9] Anglo-American Corporation Law. URL: https://ozlib.com/883239/pravo/anglo_amerikanskoe_zakonodatelstvo_korporatsiyah

[10] Operating agreement for LLC in the USA. URL: https://www.internationalwealth.info/offshore-business-abroad/operating-agreement-dlja-kompanii-llc-v-ssha-chto-sleduet-vkljuchit/

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-101-105

МАТВЕЕВА Екатерина Владимировна,
студентка, Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС России
им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
e-mail: katya_matveeva_2006@mail.ru

ЛИСЕЦКИЙ Никита Станиславович,
студент, Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС России
им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
e-mail: lisnik190506@gmail.com

МОИСЕЕНКО Михаил Иванович,
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного права и процесса,
Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС России
им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
e-mail: mmimi1963@mail.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ: ПОИСК СУБЪЕКТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. *В статье исследуются современные вызовы гражданско-правовой ответственности, возникающие при причинении вреда искусственным интеллектом (ИИ). Проведен глубокий анализ природы ИИ как объекта правоотношений, изложены исторические предпосылки и отечественные научные корни вопроса, обозначены проблемные аспекты в сфере правового регулирования вреда, причиненного данными технологиями. На примере зарубежного и российского законодательства, а также существующей доктрины, предлагаются собственные варианты поиска субъектов ответственности, подчеркивается необходимость выработки баланса инноваций и юридической определенности, а также формулируются направления для развития нормативной базы, которые позволят минимизировать или компенсировать риски негативных последствий для участников гражданских правоотношений.*

Ключевые слова: *гражданско-правовая ответственность, искусственный интеллект, вред, субъект ответственности, робототехника, правовое регулирование, цифровые риски*.

MATVEEVA Ekaterina Vladimirovna,
student, St. Petersburg University of the State Fire Service
EMERCOM of Russia named after Hero of the Russian Federation,
Army General E.N. Zinichev

LISETSKY Nikita Stanislavovich,
student, St. Petersburg University of the State Fire Service
of the EMERCOM of Russia named after Hero of the Russian Federation,
Army General E.N. Zinichev

MOISEENKO Mikhail Ivanovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Administrative Law and Process,
St. Petersburg University of the State Fire Service
of the EMERCOM of Russia named after Hero of the Russian Federation,
Army General E.N. Zinichev

CIVIL LIABILITY FOR DAMAGE CAUSED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE: SEARCH FOR THE SUBJECT OF LIABILITY

Annotation. *The article examines contemporary challenges of civil liability arising from harm caused by artificial intelligence (AI). It provides a deep analysis of the nature of AI as an object of legal relations, outlines the historical background and domestic scientific roots of the issue, and identifies problematic aspects in the legal regulation of harm caused by these technologies. Drawing on examples from foreign and Russian legislation, as well as existing doctrine, the article proposes own options for identifying subjects of responsibility. It emphasizes the need to strike a balance between innovation and legal certainty, and formulates directions for the development of the regulatory framework that will minimize or compensate the risks of negative consequences for participants in civil legal relations.*

Key words: *civil liability, artificial intelligence, harm, subject of responsibility, robotics, legal regulation, digital risks.*

Развитие технологий искусственного интеллекта как нового этапа научно-технического прогресса затрагивает все сферы жизни современного общества: экономику, медицину, образование, государственное управление, сферу безопасности, военное дело. Однако широкомасштабное и стремительное внедрение ИИ в гражданский оборот порождает принципиально новые юридические проблемы, в том числе в вопросах гражданско-правовой ответственности за вред, причинённый такими системами. Серьезность данной проблематики обусловлена тем, что интеллектуальные системы способны действовать автономно, порой непредсказуемо, вне непосредственного контроля со стороны человека, что ставит под вопрос реализацию принципа неотвратимости ответственности за причиненный вред и поиска надлежащего субъекта такого обязательства.

Вопросы ответственности приобретает особую актуальность на фоне цифровизации базовых отраслей экономики, появления в праве новых объектных и субъектных конструкций, а также появления новых вызовов и угроз, затрагивающих частные и публичные интересы. Истоки исследуемой тематики в отечественной науке восходят к фундаментальным работам В.Н. Пушкина, Д.А. Поспелова, А.Н. Колмогорова — ученых, которые в середине XX века заложили основы советской кибернетики и теории искусственного интеллекта, понимая сложность взаимодействия человека и интеллектуализированных машин. Сегодня эти научные изыскания прочно интегрируются в междисциплинарную повестку правовой науки, где вопросы реального внедрения ИИ требуют не только накопления эмпирического материала, но и поиска новых теоретических и прикладных решений [1].

Еще несколько десятилетий назад искусственный интеллект находился на границе научного прогноза и фантастики. В начале XXI века ситуация изменилась: ИИ вошёл в повседневную жизнь, стал заменять или дополнять принятие решений человеком, выполнять сложные когнитивные операции и действовать без постоянного контроля со стороны пользователей, собственников, администраторов или государства. Переход от обычного программного обеспечения к самообучающимся и автономным системам привёл к тому, что сегодня речь идёт уже не только о косвенной роли ИИ в причинении вреда, но и о его самостоятельных решениях, непредсказуемых последствиях и необходимости выработки механизмов возмещения ущерба.

В научных и нормативных документах, включая Национальную стратегию развития искусственного интеллекта в РФ на период до 2030 года, ИИ определяется как комплекс технологических решений, имитирующих когнитивные функции человека, включая способность к обучению и принятию решений без заранее заданного алгоритма. Следовательно, влияние на окружающий мир становится результатом не только заложенных человеком инструкций, но и автономных вычислительных процессов, причинно-следственная связь которых с наступившим вредом часто оказывается неочевидной.

Изменился и спектр рисков гражданского оборота. Если раньше ответственность в сфере информационных технологий в основном связывалась с некачественным программным обеспечением или нарушением пользовательских соглашений, то теперь автономность алгоритмов требует новых подходов к определению причинителя вреда и механизма компенсации [2].

В отечественной науке истоки обсуждения этих проблем относятся к 1960–80-м гг. Советские учёные, в том числе В.Н. Пушкин, Д.А. Поспелов и А.Н. Колмогоров, исследовали взаимодействие человеческой когниции и машинных алгоритмов. Уже тогда отмечалось, что самостоятельность машинных решений требует особых юридических мер. С позиций гражданского права ключевой вопрос формулировался так: если вред причинён не человеком, на кого возлагать обязанность по его возмещению? По мере развития

технологий — от автоматизированной обработки информации до самообучающихся нейросетей — эта проблема лишь усложнялась.

Современные исследователи признают, что традиционные категории субъектности и ответственности уже не вполне соответствуют вызовам эпохи ИИ. Современный ИИ представляет собой сложную инфраструктурную систему, включающую аппаратные и программные компоненты, базы данных и механизмы удалённого управления. Когда такая система причиняет имущественный, личный или иной вред, классические подходы деликтного права начинают давать сбои. ИИ, действующий на основе вероятностной логики, способен приводить к последствиям, которые непредсказуемы ни для разработчика, ни для пользователя, ни для регулятора [3].

Дополнительную сложность создаёт проблема «чёрного ящика» — алгоритмической непрозрачности современных систем ИИ. Это затрудняет расследование причин ущерба и ставит под сомнение возможность доказать вину конкретного лица или организации.

В российском праве вопрос ответственности в основном регулируется институтом деликтной ответственности (ст. 1064 ГК РФ и др.). По общему правилу вред возмещает либо непосредственный причинитель, либо лицо, управляющее источником повышенной опасности; в некоторых случаях ответственность возможна и без вины. Однако ИИ не является субъектом права и не обладает дееспособностью, а его автономность усложняет связь между действиями человека и причинённым вредом. Поэтому на практике ответственность может возлагаться на разработчика, если вред вызван дефектом системы, на собственника или пользователя устройства, на оператора, обслуживающего систему, а в отдельных случаях — на лицо, использовавшее её с нарушением установленных правил [4].

Эти подходы, однако, сталкиваются с рядом объективных трудностей. Во первых, сложность экспертизы причинно-следственной связи, во вторых — сложности разграничения степени вины и доли ответственности участников процесса создания и эксплуатации искусственного интеллекта. Более того, существует вероятность наступления ситуации, в которой ни одно из указанных лиц не проявило реальной вины. Следовательно, возникает вопрос об объективной (абсолютной) ответственности или же о необходимости формирования специального компенсационного фонда/страхования подобных рисков.

В последние годы в правовой доктрине появляется идея «субъектности» искусственного интеллекта. Согласно данной позиции, системы ИИ могут рассматриваться в качестве особых квази субъектов права с ограниченной или функциональной правоспособностью (в частности, в части возникновения спец¬обязательств по возмещению вреда). Этот подход видится весьма перспективным для ряда правовых систем в долгосрочной перспективе, однако сегодня он встречает объективные возражения, связанные с осмыслением юридических оснований субъектности (воля, сознание, способность к ответственности, правовая интеграция в общественный договор и др.).

На данном этапе (и по российскому, и по доминирующему зарубежному праву) ИИ не признаётся субъектом гражданского права, не может выступать стороной сделки, ответчиком в суде или самостоятельно возмещать ущерб. Однако постановка данной правовой проблемы открывает путь к постепенному формированию гибридных моделей ответственности [5].

В мировой практике регулирование ответственности за вред, причинённый искусственным интеллектом, носит фрагментарный и несистемный характер, что отражает отсутствие единого подхода к этой сложной правовой проблеме. В странах Европейского Союза действует резолюция Европарламента 2020/20112(INL), в которой впервые была выдвинута идея присвоения определённым автономным и высокотехнологичным системам статуса «электронной личности». Это позволило бы рассматривать такие системы как самостоятельных субъектов, обладающих определёнными обязанностями и частично — правами, однако на практике данная концепция пока не получила окончательного правового закрепления и остаётся на уровне теоретических предложений. Вместо революционных шагов по признанию электронных лиц, в качестве основного инструмента регулирования сейчас предлагается внедрение обязательного страхования гражданской ответственности, аналогичного действующей системе автогражданского страхования (ОСАГО), чтобы компенсировать вред, который может быть причинён автономными системами.

В США вопросы ответственности за вред от ИИ регулируются преимущественно судебными прецедентами и обычным правом. Разработаны презумпции, которые упрощают установление виновника: если беспилотный автомобиль сбивает пешехода, чаще всего ответственность ложится на владельца или производителя (особенно при наличии конструктивного дефекта или недостатков эксплуатации). Однако решения принимаются индивидуально по каждому делу, что подчеркивает отсутствие четкой законодательной базы.

В Китае в условиях высокой цифровизации государство контролирует цифровую среду, требует обязательной идентификации участников и жёстко регулирует ответственность конечного

пользователя за взаимодействие с ИИ [6]. Такой подход позволяет эффективно отслеживать технологии и управлять рисками, но может снижать мотивацию к инновациям из-за строгих требований.

Опыт разных стран показывает, что не существует единого подхода к определению ответственного за риски ИИ. Ведутся споры, кто должен выступать «глубоким карманом», способным компенсировать ущерб при массовом внедрении умных систем. Формирование комплексных правил — задача для государств и правового сообщества.

По Указу Президента РФ № 490 от 10.10.2019, ИИ — это самообучающаяся система, что расширяет источники возможного вреда. Концепция регулирования ИИ и робототехники (Распоряжение Правительства РФ № 2129-р от 19.08.2020) выделяет важные проблемы: баланс между защитой данных и их использованием, идентификация, страхование рисков, новые формы контроля.

Пока судебная и законодательная практика не выработала единообразной процедуры по определению ответственного лица за вред ИИ; рекомендуется дифференцированный подход с учетом конкретных обстоятельств [7]. Поскольку системы ИИ работают на принципах машинного обучения и могут вести себя непредсказуемо, возникает дискуссия о справедливости ответственности разработчика.

Российские исследователи предлагают рассматривать ИИ как источник повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ), но в отличие от обычных механизмов, риск исходит не только от техники, но и от автономного кода. Ответственность по аналогии применяется временно, до принятия специального регулирования.

Исследователи согласны, что гражданско-правовая ответственность может быть возложена на разных субъектов в зависимости от характера и причин вреда. Если вред вызван дефектом программы либо недобросовестностью при разработке, ответственность несёт разработчик [8], по аналогии с производителями товаров. Компания-владелец или интегратор ИИ отвечает в случае нарушений стандартов или инструкций, а также за нарушение процедур по обращению с технологиями [9].

Отдельно выделяются случаи, когда вина лежит на пользователе — при нарушении инструкций или передаче управления лицам, неспособным обеспечить безопасность. Также к ответственности могут быть привлечены третьи лица за незаконное вмешательство (например, при киберпреступлениях) [10].

В ряде случаев ответственность несёт государство, если ущерб возник из-за недостатков законодательства или ошибок в сертификации и лицензировании. Наиболее разумен дифференцированный подход с возможным привлечением страхования или компенсационных фондов, если виновника установить невозможно.

Для совершенствования российского законодательства предлагается:

1. Ввести уникальные идентификаторы для ИИ.
2. Обязательное уведомление пользователя о взаимодействии с ИИ.
3. Создание реестра систем ИИ с данными о разработчиках и владельцах.
4. Введение обязательного страхования гражданской ответственности.
5. Формирование компенсационного фонда.
6. Запрет самостоятельного изменения базовых настроек ИИ и обеспечение механизмов экстренного отключения.
7. Ответственность за эксплуатацию незарегистрированных систем ИИ.
8. Контроль и аудит операций ИИ (с применением блокчейна и др.).
9. Презумпция ответственности владельца или введение абсолютной ответственности для особо опасных ИИ.

Гражданско-правовая ответственность в условиях цифровизации получает новое звучание, выступая не только гарантом удовлетворения имущественных притязаний потерпевших, но и инструментом формирования доверия к новым технологиям. Избыточное регулирование способно замедлить инновации, но недостаточное — привести к кризису социальной стабильности и потере инвестиционной привлекательности сектора [11].

Юридическое регулирование должно не только наделять субъектов ответственности правами и обязанностями, но и формировать прозрачные правила игры, повышающие превентивную защищённость граждан и организаций. Необходимость постоянного диалога между законодателем, бизнесом и экспертным сообществом представляется краеугольным камнем устойчивых деликтных механизмов в цифровую эпоху.

Вопрос гражданско-правовой ответственности за вред, причинённый искусственным интеллектом, выходит за пределы технической или инженерной проблематики, становясь принципиальным вызовом всей системе частного права. Прогресс требует не только новой рефлексии, но и пересмотра некоторых базовых понятий: субъектности, вины, риска, социальной защиты. В сегодняшних условиях классические конструкции деликтного права и система специального регулирования источников повышенной опасности лишь частично компенсируют пробелы, оставляя множество вопросов для дальнейших исследований и законотворчества.

Концепция дифференцированной ответственности с одновременным внедрением иден-

тификационных и страховых механизмов, а также новаций в процессе регистрации, аудита и правового контроля операций ИИ, позволит обществу с наименьшими потерями адаптироваться к цифровой трансформации.

Формирование сбалансированного регулирования возможно лишь при условии глубокого междисциплинарного диалога: юристы, разработчики, бизнес, государственные институты и граждане должны совместно определять рамки дозволенного, защищая интересы личности в цифровой среде. Российская и мировая научная школа обладают для этого необходимым фундаментом и потенциалом для адаптации старых и выработки новых норм гражданского оборота в эпоху искусственного интеллекта.

Список литературы:

[1] Белых В.С. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права / В.С. Белых, М.О. Болобонова // Юрист. - 2020. - № 1. - С. 5-14.

[2] Архиереев Н.В. Положительные и отрицательные аспекты искусственного интеллекта. Правовая оценка / Н.В. Архиереев // Уфимский гуманитарный научный форум. - 2021. - № 4 (8). - С. 159-172.

[3] Минбалеев А.В. Проблемы гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав в процессе цифрового профилирования граждан / А.В. Минбалеев // Гражданское право. - 2022. - № 2. - С. 9-11.

[4] Архиереев Николай Викторович о гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный при использовании искусственного интеллекта // Правовое государство: теория и практика. 2024. №3 (77). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti-za-vred-prichinennyy-pri-ispolzovanii-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 22.03.2026).

[5] Левченко Алина Игоревна гражданско-правовая ответственность за причинение вреда искусственным интеллектом // Уральский журнал правовых исследований. 2022. №2 (19). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-otvetstvennost-za-prichinenie-vreda-iskusstvennym-intellektom (дата обращения: 22.03.2026).

[6] Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомирова, С.Б. Намба. – М.: Проспект, 2019. – 240 с.

[7] Мельничук М.А., Ченцова Д.В. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Закон и право. 2020. N 6. С. 66-68.

[8] Апостолова Н.Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. N 1. С. 112-119.

[9] Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020. – 90 с.

[10] Попова Н.Ф. Основные направления развития правового регулирования использования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники в сфере гражданских правоотношений // Современное право. 2021. N 10. С. 69-73.

[11] Чем опасно внедрение технологий с искусственным интеллектом. Рядом с нами появились электронные личности // Российская газета. 2020. N 18(8072).

References:

[1] Belykh V.S. Concept, meaning and trends in the development of digital law/V.S. Belykh, M.O. Bolobonova//Lawyer. - 2020. - № 1. - S. 5-14.

[2] Bishop N.V. Positive and negative aspects of artificial intelligence. Legal assessment/N.V. Bishops//Ufa Humanitarian Scientific Forum. - 2021. - № 4 (8). - S. 159-172.

[3] A.V. Minbaleev. Problems of civil protection of personal non-property rights in the process of digital profiling of citizens/A.V. Minbaleev//Civil law. - 2022. - № 2. - S. 9-11.

[4] Nikolay V. Ponyopev on civil liability for harm caused by the use of artificial intelligence//Legal State: Theory and Practice. 2024. №3 (77). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti-za-vred-prichinennyy-pri-ispolzovanii-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 22.03.2026).

[5] Levchenko Alina Igorevna civil liability for causing harm by artificial intelligence//Ural Journal of Legal Research. 2022. №2 (19). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-otvetstvennost-za-prichinenie-vreda-iskusstvennym-intellektom (дата обращения: 22.03.2026).

[6] Legal concept of robotization: monograph/ rev. ed. Yu.A. Tikhomirova, S.B. Namba. - M.: Prospect, 2019. - 240 s.

[7] Melnichuk MA, Chentsova D.V. Civil Liability of Artificial Intelligence//Law and Law. 2020. N 6. S. 66-68.

[8] Apostolova N.N. Responsibility for harm caused by artificial intelligence//North Caucasian Legal Bulletin. 2021. N 1. S. 112-119.

[9] I.A. Filipova. Legal regulation of artificial intelligence: a textbook. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2020. - 90 s.

[10] Popova N.F. The main directions of development of legal regulation of the use of artificial intelligence, robots and robotics objects in the field of civil legal relations//Modern law. 2021. N 10. S. 69-73.

[11] Why artificial intelligence technology is dangerous. Electronic personalities appeared next to us//Rossiyskaya Gazeta. 2020. N 18(8072).

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-106-110

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
e-mail: viktor_shestak@mail.ru

САВЕНКОВ Дмитрий Сергеевич,
старший помощник военного прокурора
231 военной прокуратуры гарнизона,
старший лейтенант юстиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА РЕАЛИЗАЦИЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА ВООРУЖЕНИЯ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕХНИКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты прокурорского надзора за реализацией государственной политики импортозамещения в сфере производства вооружения, военной и специальной техники. Авторы проводят комплексный анализ сущности и содержания прокурорского надзора за реализацией политики импортозамещения в сфере производства вооружения и специальной техники, а также в выявлении актуальных проблем и перспектив совершенствования надзорной деятельности.*

Ключевые слова: *прокурорский надзор, импортозамещение, гособоронзаказ, результаты интеллектуальной деятельности.*

SHESTAK Viktor Anatolyevich,
Professor of the Criminology Department of the A. Sukharev
Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Doctor of Juridical Science,
Associate Professor

SAVENKOV Dmitry Sergeevich,
Senior Assistant to the Military Prosecutor of the
231st Military Prosecutor's Office of the garrison,
Senior Lieutenant of Justice

PROSECUTOR'S OFFICE SUPERVISION OF THE IMPLEMENTATION OF STATE IMPORT SUBSTITUTION POLICY IN THE PRODUCTION OF WEAPONS AND SPECIALIZED EQUIPMENT: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Annotation. *The article discusses changes in the criminal procedural legislation of the Russian Federation that occurred at the end of 2018 regarding the seizure and use of electronic storage media.*

Key words: *prosecutor's supervision, import substitution, state defense orders, weapons and military equipment, results of intellectual activity, defense-industrial complex, government procurement.*

В сложившихся международных условиях необходимость реализации государственной экономической политики импортозамещения обусловлена, прежде всего, введением экономических санкций и ограничений на поставки высокотехнологичной продукции. Наиболее значимой сферой применения политики импортозамещения является оборонная промышленность, поскольку производство вооружений, военной и специальной техники неразрывно связано с обеспечением национальной безопасности и оборонного потенциала государства. Основным целями импортозамещения являются снижение зависимости экономики от иностранных товаров, технологий и компонентов, а также развитие отечественного производства. Такая политика призвана обеспечить государству возможность поддерживать устойчивость своего оборонного потенциала и снизить риски, связанные с перебоями в поставках критически важных компонентов.

В этой связи импортозамещение в оборонно-промышленном комплексе следует рассматривать как совокупность мер организационного, экономического и правового характера, направленных на создание конкурентоспособных отечественных образцов вооружения и специальной техники, соответствующих современным требованиям и стандартам. Ключевым условием успешного импортозамещения является формирование устойчивой технологической базы, развитие научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также обеспечение правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности. Результаты научно-технической деятельности и интеллектуальная собственность выступают основой технологического суверенитета, поскольку позволяют закрепить права государства на критически важные разработки и предотвратить их незаконное использование.

Правовое регулирование данной сферы осуществляется, в том числе, нормами гражданского законодательства. Согласно положениям части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закрепляется перечень объектов интеллектуальной собственности, включая изобретения, полезные модели, промышленные образцы, программы для ЭВМ, базы данных и иные результаты интеллектуальной деятельности [2]. Особое значение имеют положения гражданского законодательства, регулирующие патентоспособность объектов, а также существующие ограничения на патентование. В частности, в части 4 статьи 1349 ГК РФ, определен перечень непатентоспособные объектов, а также критерии, при наличии которых объекты не могут быть признаны патентоспособными [2]. Следовательно, импортозамещение в оборонном секторе представляет собой многогранное явление, охватывающее не только производственный и экономический процесс, но и правовую категорию, тесно связанную со сферой защиты интеллектуальной собственности.

В свою очередь, прокуратура Российской Федерации, выполняя свои функции по надзору за исполнением законов, обеспечивает соблюдение нормативных требований при реализации государственных программ и контрактов в оборонной промышленности. Она также реализует задачи по надзору за эффективным использованием бюджетных средств, а также по предотвращению случаев коррупции и нарушений прав субъектов хозяйственной деятельности. В этой связи прокурорский надзор представляет собой вид деятельности органов прокуратуры, направленный на проверку соблюдения Конституции Российской Федерации и исполнения действующих на территории Российской Федерации законов [1]. В условиях реализации политики импортозамещения прокурорский надзор выступает важным государственным инструментом. Он направлен на обеспечение законности при выполнении государственного оборонного заказа, реализации государственных контрактов, проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, производстве и поставке продукции военного назначения. Его важность обусловлена высокой степенью общественной значимости отношений в сфере оборонной промышленности, поскольку любые нарушения законодательства в данной сфере могут повлечь снижение уровня обороноспособности, нецелевое расходование бюджетных средств, а также утрату прав Российской Федерации на результаты научно-технической деятельности [13].

Прокурорский надзор в сфере импортозамещения охватывает широкий круг правоотношений, включающих бюджетное финансирование, государственные закупки, техническое регулирование, защиту интеллектуальной собственности и экспортный контроль. Значительное внимание уделяется надзору за соблюдением законодательства при осуществлении государственных закупок, поскольку именно контрактная система выступает основным механизмом обеспечения оборонных нужд государства. В рамках данного направления прокуроры проверяют законность проведения закупочных процедур, соблюдение требований к участникам закупок, обоснованность выбора поставщика, а также соответствие условий государственных контрактов требованиям законодательства. Наряду с этим осуществляется и надзор за целевым и эффективным использованием бюджетных средств. Существенные объемы бюджетных ассигнований, выделяемых на импортозамещение в оборонной

сфере, требуют постоянного внимания со стороны органов прокуратуры. Надзорные мероприятия направлены на предупреждение хищений, злоупотреблений, нецелевого расходования средств и завышения стоимости работ. В то же время, не менее значимым является надзор за соблюдением законодательства о лицензировании и сертификации. Производство вооружения и специальной техники предполагает строгие требования безопасности и качества, в связи с чем, прокуроры уделяют особое внимание вопросам лицензирования предприятий, соблюдения установленных стандартов, а также законности проведения сертификационных процедур.

Отдельное место в системе надзора занимает обеспечение соблюдения законодательства об охране результатов интеллектуальной деятельности. Одним из ключевых элементов импортозамещения является создание новых технологий и разработок, требующих правовой охраны. Государственная политика в данной сфере направлена на закрепление прав Российской Федерации на результаты интеллектуальной деятельности, созданные за счет бюджетных средств. Правовое регулирование управления принадлежащими Российской Федерации правами на результаты интеллектуальной деятельности осуществляется на основании постановления Правительства Российской Федерации от 29.12.2021 № 2550 [11]. Государственный учет результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения осуществляется путем ведения единого реестра в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 07.10.2021 № 1705 [10]. Кроме того, важное значение имеет постановление Правительства Российской Федерации от 26.04.2012 № 402, регулирующее вопросы контроля и надзора в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности [9].

Практика свидетельствует, что при реализации государственной политики импортозамещения в оборонной сфере выявляется значительное количество нарушений, связанных с ненадлежащим учетом результатов интеллектуальной деятельности, сокрытием результатов интеллектуальной деятельности и неправомерным распределением прав на них. Наиболее распространенными являются низкая эффективность выявления результатов интеллектуальной деятельности, способных к правовой охране, сокрытие предприятиями созданных разработок с целью закрепления исключительных прав за собой, ненадлежащий контроль военных представительств за исполнением контрактов в части проведения патентных исследований, несвоевременное принятие государственными заказчиками решений о правовой охране результатов интеллектуальной деятельности, неуплата патентных пошлин, что приводит к утрате правовой охраны, занижение доли Российской Федерации в исключительных правах, а также непостановка результатов интеллектуальной деятельности на балансовый учет как нематериальных активов.

Проведение патентных исследований должно предусматриваться техническими заданиями и тактико-техническими заданиями в соответствии с ГОСТ Р 15.011-96 [12]. Нарушение таких требований свидетельствует о ненадлежащем исполнении государственных контрактов и создает риск утраты результатов научно-технической деятельности. Важным элементом прокурорского надзора является также проверка деятельности военных представительств Министерства обороны Российской Федерации, которые в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 11.08.1995 № 804 осуществляют контроль разработки, производства и поставок продукции военного назначения [8].

Прокурорская проверка в рассматриваемой сфере должна включать анализ документации государственных заказчиков, подрядчиков и военных представительств. Проверочные мероприятия, как правило, касаются изучения положений государственных контрактов с целью обеспечения прав Российской Федерации на создаваемую интеллектуальную собственность. Данная деятельность также включает анализ соблюдения требований к проведению патентных поисков, проверку регистрации созданной интеллектуальной собственности и внесения сведений в единый реестр, оценку законности заключения лицензионных договоров (в том числе в случаях использования интеллектуальной собственности третьих лиц), а также анализ процесса отражения интеллектуальной собственности на балансовом учете. При выявлении нарушений прокурор вправе применить меры реагирования, предусмотренные Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», а также реализовать полномочия, предусмотренные процессуальным законодательством, включая право на обращение в суд [3].

Таким образом, обеспечение законности оборонной промышленности требует прокурорского надзора за реализацией государственной политики импортозамещения в сфере производства вооружений и специальной техники. Эффективность импортозамещения зависит от соблюдения законодательства при выполнении государственных контрактов, целевого использования бюджетных средств, обеспечения качества

военной продукции и защиты интеллектуальной собственности. Особое значение имеют прокурорский надзор за государственной регистрацией объектов интеллектуальной собственности, правовой защитой патентов, заключением лицензионных соглашений и распределением доли прав Российской Федерации на результаты научно-технической деятельности. В этой связи, прокурорский надзор является важнейшим механизмом защиты технологического суверенитета государства, предотвращения утраты значимых разработок и повышения эффективности расходов оборонной промышленности.

Список источников:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изм. и доп.) // Российская газета. 25.12.1993.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.

[3] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

[4] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7600.

[5] Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 23. Ст. 2750.

[6] Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

[7] Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228.

[8] Постановление Правительства Российской Федерации от 11 августа 1995 г. № 804 «О военных представительствах Министерства обороны Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 34. Ст. 3455.

[9] Постановление Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2012 г. № 402 «О государственном контроле (надзоре) в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2421.

[10] Постановление Правительства Российской Федерации от 07 октября 2021 г. № 1705 «О государственном учете результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 42. Ст. 7142.

[11] Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2021 г. № 2550 «О государственном управлении правами Российской Федерации на результаты интеллектуальной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 1 (ч. II). Ст. 254.

[12] ГОСТ Р 15.011-96. Система разработки и постановки продукции на производство. Патентные исследования. Основные положения. — Введ. 01.01.1997. — М.: Госстандарт России, 1996.

[13] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 02 ноября 2018 г. № 723 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере оборонно-промышленного комплекса» (в ред. действующей на момент обращения). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310708/ (дата обращения: 18.03.2026).

[14] Винокуров Ю.Е. Прокуратура Российской Федерации: учебник. — М.: Норма, 2020. 498 с.

[15] Бессонов А.В. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебник. — М.: Юрайт, 2021.

[16] Козлов А.В. Государственный оборонный заказ: правовое регулирование и контроль: учебное пособие. — М.: Проспект, 2022.

[17] Лопатин В.Н. Импортозамещение как фактор обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации // Государство и право. — 2020. — № 8. — С. 45–52.

[18] Суханов Е.А. Государственное регулирование экономики и промышленная политика: правовые аспекты // Журнал Российского права. — 2021. — № 4. — С. 27–35.

[19] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.02.2026).

[20] Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru (дата обращения: 12.02.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended and supplemented) // Rossiyskaya Gazeta. December 25, 1993.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of December 18, 2006 No. 230-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (Part I). Art. 5496.

[3] Federal Law of January 17, 1992 No. 2202-1 “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation” // Vedomosti SND i VS RF. 1992. No. 8. Art. 366.

[4] Federal Law of December 29, 2012 No. 275-FZ “On State Defense Order” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (Part I). Art. 7600.

[5] Federal Law of May 31, 1996 No. 61-FZ “On Defense” // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 23. Art. 2750.

[6] Federal Law of April 5, 2013 No. 44-FZ “On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services to Meet State and Municipal Needs” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 14. Art. 1652.

[7] Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ “On Combating Corruption” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52 (Part I). Art. 6228.

[8] Resolution of the Government of the Russian Federation of August 11, 1995 No. 804 “On Military Representative Offices of the Ministry of Defense of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 34. Art. 3455.

[9] Resolution of the Government of the Russian Federation of April 26, 2012 No. 402 “On State Control (Supervision) in the Sphere of Legal Protection and Use of the Results of Intellectual Activity” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 19. Art. 2421.

[10] Resolution of the Government of the Russian Federation of October 7, 2021 No. 1705 “On state registration of the results of research, development, and technological work for military, special, and dual purposes” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 42. Art. 7142.

[11] Resolution of the Government of the Russian Federation of December 29, 2021 No. 2550 “On state management of the rights of the Russian Federation to the results of intellectual activity” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 1 (Part II). Art. 254.

[12] GOST R 15.011-96. System for the development and launch of products into production. Patent research. Basic provisions. — Introduced on January 1, 1997. — M.: Gosstandart of Russia, 1996.

[13] Order of the Prosecutor General of the Russian Federation of November 2, 2018 No. 723 “On the Organization of Prosecutor’s Supervision over the Implementation of Laws in the Defense-Industrial Complex” (as amended at the time of access). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310708/ (accessed: March 18, 2026).

[14] Vinokurov Yu.E. The Prosecutor’s Office of the Russian Federation: textbook. — M.: Norma, 2020. 498 p.

[15] Bessonov A.V. Prosecutor’s Supervision in the Russian Federation: textbook. — M.: Yurait, 2021.

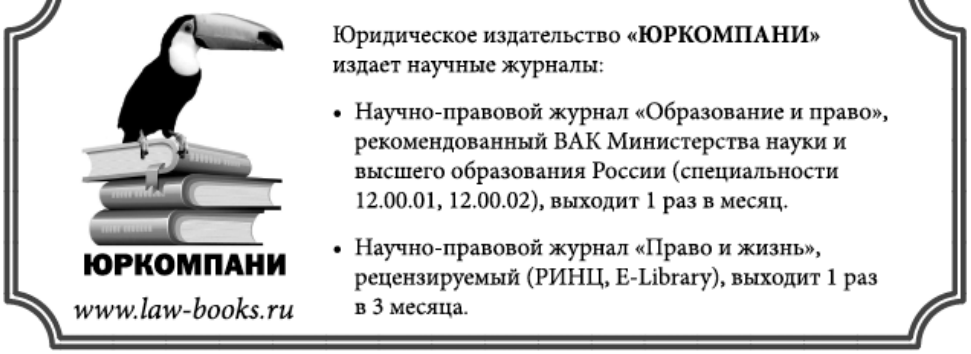
[16] Kozlov A.V. State Defense Order: Legal Regulation and Control: study guide. — M.: Prospect, 2022.

[17] Lopatin V.N. Import Substitution as a Factor in Ensuring the Technological Sovereignty of the Russian Federation // State and Law. — 2020. — No. 8. — Pp. 45–52.

[18] Sukhanov E.A. State Regulation of the Economy and Industrial Policy: Legal Aspects // Journal of Russian Law. — 2021. — No. 4. — Pp. 27–35.

[19] Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru (accessed: 12.02.2026).

[20] Official Website of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation. URL: https://epp.genproc.gov.ru (accessed: 12.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-111-115

РАТНИКОВ Дмитрий Александрович,
Аспирант ФГБОУ РГАИС, Кафедра патентного права и правовой охраны средств индивидуализации,
e-mail: dima.ratnikov@mail.ru

Научный руководитель:
РЕВИНСКИЙ Олег Витальевич,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ УЧЕТА ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ СУДАМИ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ ПО СТАТЬЕ 1486 ГК РФ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию института досрочного прекращения правовой охраны товарного знака вследствие неиспользования и проблеме определения заинтересованности лица, обращающегося с соответствующим иском. Анализируются положения российского законодательства и судебной практики, регулирующие критерии признания заинтересованности. Автор обосновывает частно-публичную природу интереса в подобных спорах и приходит к выводу о необходимости более широкого толкования заинтересованности истца при отсутствии злоупотребления правом. Сделан вывод о том, что такой подход позволит эффективнее достигать основной цели института — проверки фактического использования товарного знака.*

Ключевые слова: *досрочное прекращение правовой охраны товарного знака; неиспользование товарного знака; заинтересованное лицо; заинтересованность, частный интерес; публичный интерес; частно-публичный интерес; средства индивидуализации; товарный знак.*

RATNIKOV Dmitry Aleksandrovich,
Postgraduate Student, Russian State Academy of Intellectual Property, Department of Patent Law and Legal Protection of Means of Individualization

Scientific supervisor:
REVINSKY Oleg V.,
PhD in Law, Associate Professor

ON THE NEED TO CONSIDER THE PUBLIC INTEREST WHEN COURTS DETERMINE STANDING UNDER ARTICLE 1486 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines the institution of early termination of trademark legal protection due to non-use and the issue of determining the standing of a person filing the relevant claim. The author analyzes the provisions of Russian legislation and judicial practice governing the criteria for recognizing such standing. The article substantiates the private-public nature of the interest involved in these disputes and concludes that a broader interpretation of the claimant's standing is necessary in the absence of abuse of rights. It is concluded that this approach would more effectively achieve the main purpose of the institution — verification of the actual use of a trademark in civil commerce.*

Key words: *early termination of trademark legal protection; non-use of a trademark; interested party; legal interest; private interest; public interest; private-public interest; means of individualization; trademark.*

Товарный знак как средство индивидуализации товаров и услуг выполняет важную функцию при обращении товаров в гражданском обороте – позволяет отличать товары и услуги одних производителей от товаров и услуг иных производителей.

Э.П. Гаврилов отмечает, что «товарный знак представляет собой наиболее широко распространенное и самое важное средство индивидуализации товаров, работ и услуг. Он является в то же время средством индивидуализации участников гражданского оборота, в основном коммерческого» [1].

Зарегистрировав обозначение в качестве товарного знака лицо получает исключительное право, позволяющее ему использовать товарный знак любым не запрещенным законом образом, а также препятствовать использованию тождественных и сходных до степени смешения обозначений иным лицам в отношении однородных товаров и услуг.

Вместе с тем сохранение исключительного права на товарный знак ставится в зависимость от его фактического использования правообладателем.

Обязанность использования товарного знака хоть непосредственно не установлена какой-либо нормой, однако вытекает из системного толкования статей 1484 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и 1486 ГК РФ, а также подтверждается судебной практикой [5].

О.В. Ревинский и И.П. Оленичев также отмечают, что именно «именно с обязанностью использования товарного знака связывается сохранение исключительного права на него» [2].

Мерой ответственности за неиспользование товарного знака выступает предусмотренная статьей 1486 ГК РФ возможность его досрочного прекращения, вследствие неиспользования непрерывно в течение 3-х лет.

В соответствии с положениями указанной статьи, лицо, полагающее, что товарный знак не используется правообладателем непрерывно в течение 3-х лет, направляет правообладателю предложение произвести отчуждение исключительного права на товарный знак, либо самостоятельно досрочно прекратить его правовую охрану в отношении всех или части товаров и услуг (далее – предложение заинтересованного лица).

В случае, если правообладатель в течение 2-х месяцев не выполнит требования, содержащиеся в предложении заинтересованного лица, последнее вправе обратиться в суд с иском о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования.

При рассмотрении дел о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием, бремя доказывания распределяется следующим образом: истец обязан доказать, что является заинтересованным лицом в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака, правообладателем которого является ответчик (пункт 1 статьи 1486 ГК РФ, статья 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ)), тогда как на последнем лежит бремя доказывания использования спорного товарного знака в трехлетний период, предшествующий направлению предложения заинтересованного лица (пункт 3 статьи 1486 ГК РФ, статья 65 АПК РФ).

Вместе с тем необходимо отметить, что как неоднократно отмечалось в судебной практике, отсутствие заинтересованности является самостоятельным основанием для отказа в исковых требованиях [6].

Таким образом, в отечественной судебной практике установление заинтересованности истца является ключевым моментом для перехода к рассмотрению вопроса использования товарного знака.

Указанная особенность вытекает из того факта, что в Российской Федерации процесс досрочного прекращения правовой охраны товарного знака вследствие неиспользования подразумевает необходимость доказывания субъективной заинтересованности в таком прекращении лицом, подавшим иск и, таким образом, рассматривается прежде всего как частный интерес конкретного лица.

Это, в том числе, следует из пункта 42 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015 (далее – Обзор), где отмечено, что интересант должен доказать именно свою заинтересованность в прекращении правовой охраны спорного товарного знака.

Субъективный характер интереса в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака неоднократно отмечался и Судом по интеллектуальным правам. Например, в Постановлении президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.05.2021 по делу № СИП-1131/2020, суд отмечает, что «заинтересованность конкретного лица в досрочном прекращении права на товарный знак носит субъективный характер и в этом качестве не может перейти к иному лицу…» [7].

В отечественном законодательстве понятие заинтересованного лица не раскрывается, а признаки, которыми должен обладать интересант вырабатываются судебной практикой.

В настоящее время ключевые позиции высших судебных инстанций, разъясняющие, какими признаками должно обладать заинтересованное

лицо, содержатся в Обзоре и Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление №10).

Так, в пункте 40 Обзора отмечается, что для признания лица заинтересованным необходимо, чтобы оно имело реальное намерение использовать спорный товарный знак в отношении однородных товаров.

Согласно пункту 165 Постановления №10, «для признания осуществляющего предпринимательскую деятельность лица заинтересованным в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования необходимо, чтобы совокупность обстоятельств дела свидетельствовала о том, что направленность интереса истца заключается в последующем использовании им в отношении однородных товаров тождественного или сходного до степени смешения со спорным товарным знаком обозначения с обеспечением его правовой охраны в качестве средства индивидуализации либо без такового»

Верховный суд РФ в своем Определении от 06.10.2025 по делу № СИП-1077/2023 устанавливает дополнительное требование для возможности признания истца заинтересованным лицом, отмечая, что такое использование помимо прочего, не должно нарушать права третьих лиц [8].

С учетом анализа судебной практики можно выделить три наиболее распространенных основания, обуславливающих обращение заинтересованного лица в суд с исковым заявление о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием:

1. Заинтересованность по общему порядку, т.е. обусловленное совокупностью обстоятельств, связанных с осуществлением однородной деятельности в отношении однородных со спорным товарным знаком товаров и услуг, и намерением использовать сходное с товарным знаком обозначение
2. Заинтересованность в связи с потенциальным размытием средств индивидуализации истца. Это возможно, когда наличие товарного знака ответчика способно размывать товарный знак и/или фирменное наименование истца, которые он использует в гражданском обороте для индивидуализации при осуществлении своей деятельности.
3. Заинтересованность в связи с наличием между сторонами спора о защите исключительного права или иного спора;

Вместе с тем безотносительно конкретного основания заинтересованности, суд оценивает прежде всего направленность субъективного интереса истца по дальнейшему использованию сходного обозначения при осуществлении однородной деятельности, которая, в то же время не должна нарушать права третьих лиц.

В случае, если истец не сможет доказать свою заинтересованность в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием, то в исковых требованиях ему будет отказано, а исследование использования/неиспользования товарного знака судом проводиться не будет, что по мнению автора, противоречит главной цели рассматриваемого института – установление факта использования товарного знака в гражданском обороте.

Представляется, что существующих подход к оценке заинтересованности лица, обратившегося с исковым заявлением в суд, применяемый в настоящее время судами, является слишком узким и не учитывает публичные интересы, которые могут затрагиваться существующим товарным знаком, фактически не используемым правообладателем. Говоря о публичном элементе интереса в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака необходимо отметить следующее.

Во-первых, само по себе наличие в отечественном законодательстве института досрочного прекращения правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием говорит о том, что государство не видит причины в сохранении исключительного права в отношении товарных знаков, переставших выполнять свою главную – индивидуализирующую функцию.

Во-вторых, при неиспользовании товарных знаков затрагиваются общественные интересы, а именно имеющие социальное значение интересы группы лиц – физических и юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Интересы таких лиц проявляются в необходимости свободного выбора обозначения для маркировки своих товаров и (или) услуг при ведении коммерческой деятельности. При наличии товарного знака, лишь формально зарезервированного за конкретным правообладателем, у участников гражданского оборота при ведении бизнеса ограничивается выбор привлекательных, с точки зрения маркетинга, обозначений, которые можно беспрепятственно использовать в своей коммерческой деятельности.

В-третьих, общественный интерес также выражается в использовании обозначений при ведении предпринимательской деятельности без риска предъявления исков о нарушении исключительного права на товарный знак, который фактически правообладателем не используется.

Здесь необходимо отметить как минимум два показательных случая, первый – в случае

регистрации на себя товарных знаков так называемыми «патентными троллями» и последующее предъявление ими исков лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность с целью запрета использования обозначений; второй – предъявление исков со стороны иностранных правообладателей, которые по своей инициативе не используют товарные знаки в Российской Федерации, но тем не менее предъявляют иски о защите исключительных прав, в том числе, в случае, если речь идет о запрете исключительного права в связи с параллельным импортном.

По мнению автора, наличие в рассматриваемом охраняемом интересе публичной составляющей говорит о частно-публичной природе интереса в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием, что обуславливает необходимость в максимально широком толковании заинтересованности лица, подавшего иск.

В рамках отечественного законодательства есть примеры, когда заинтересованность толкуется подобным образом.

Например, согласно подпункту 1 пункту 2 статьи 1512 ГК РФ, предоставление правовой охраны товарному знаку может быть оспорено и признано недействительным полностью или частично в течение всего срока действия исключительного права на товарный знак, в том числе, если при предоставлении правовой охраны товарному знаку ошибочно не были применены абсолютные основания для отказа в регистрации товарного знака. Например, если товарный знак не обладает различительной способностью (пункт 1 статьи 1483 ГК РФ), является ложным или способным вводить потребителей в заблуждение относительно вида, свойств, назначения, производителя товара или лица, оказывающего услуги (подпункт 1 пункта 3 статьи 1483 ГК РФ) или противоречит общественным интересам (подпункт 2 пункта 3 статьи 1483 ГК РФ).

Необходимо отметить, что указанные выше основания направлены на охрану публичных интересов, на что неоднократно указывалось в судебной практике [9] и юридической доктрине [3].

Например, А.Ю. Беликова отмечает, что «публичный интерес абсолютных критериев явствует из самого свойства товарного знака – условности: он должен быть узнаваем; для общества, потребителей – различим, и ему присуща символичность, ограничивающая использование официальных обозначений» [4].

При этом в статье 1513 ГК РФ отмечено, что заявление об оспаривании товарного знака по вышеуказанному основанию должно быть подано заинтересованным лицом.

Таким образом мы видим, что критерий заинтересованности в Российской Федерации применяется, в том числе и к нормам, направленным на защиту публичных интересов.

При этом интерес вызывает то, какими признаками должно обладать заинтересованное лицо, если речь идет о защите публичного интереса.

Так, Верховным Судом Российской Федерации также было отмечено, что если норма направлена на охрану публичного интереса, то заинтересованность лица должна толковаться максимально широко и требование интересанта должно быть надлежащим образом рассмотрено, поскольку такое требование направлено на недопущение монополизации товарного знака [10].

Таким образом можно заметить, что заинтересованность лица, подающего заявление в защиту публичного интереса, толкуется широко и подлежит обязательной проверке, что по сути приближает такое толкование у возможности подачи заявления любым лицом.

Принимая во внимание изложенное, абсолютно нелогичным кажется применение судами «узкого» подхода к определению заинтересованности при рассмотрении дел о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие неиспользования, принимая во внимание частно-публичный характер такого интереса.

Представляется, что широкое толкование заинтересованности наиболее соответствует целям охраны частно-публичного интереса в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака.

Если из действий лица, подавшего заявление о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием явно не следует злоупотребление правом, то лицо следует признать заинтересованным в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака.

Такой подход позволит охранять как частные интересы отдельных интересантов, поскольку законность их субъективных интересов будет презюмироваться, так и публичные интересы государства и общества, поскольку первичной целью станет исследование использования товарного знака в гражданском обороте, а не определение заинтересованности подавшего иск лица.

В то же время применение такого подхода оставит возможность для признания действий лиц, обратившихся в суд из недобросовестных побуждений злоупотреблением правом.

Список литературы:

[1] Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Э. П. Гаврилов, В. И. Еременко. - Москва : Экзамен, 2009. - 973 с.

[2] Оленичев И.П., Ревинский О.В. Развитие правоприменительной практики досрочного прекращения правовой охраны товарных знаков вследствие их неиспользования [Электронный ресурс] // Право и управление. 2024. №1. С. 386. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-pravoprimenitelnoy-praktiki-dosrochnogo-prekrascheniya-pravovoy-ohrany-tovarnyh-znakov-vsledstvie-ih-neispolzovaniya (дата обращения: 18.01.2026).

[3] Панкова М.Е. Функции и критерии охраноспособности товарного знака в Российской Федерации // Армия и общество. 2011. №4 (28). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-i-kriterii-ohranosposobnosti-tovarnogo-znaka-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 13.03.2026)

[4] Беликова А.Ю. Критерии охраноспособности товарных знаков в аспекте научных и законодательных подходов // Журнал Суда по интеллектуальным правам, № 20, июнь 2018 г., С. 54-57

[5] Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 01.03.2011 № 14503/10 и от 17.09.2013 № 5793/13 [Электронный ресурс] //СПС «КонсультантПлюс»

[6] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.10.2025 по делу № СИП-1077/2023 [Электронный ресурс] //СПС «КонсультантПлюс»

[7] Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.05.2021 по делу № СИП-1131/2020 [Электронный ресурс] //СПС «КонсультантПлюс»

[8] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.10.2025 № 300-ЭС25-2343 по делу № СИП-1077/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[9] Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 03.12.2025 по делу № СИП-58/2024 [Электронный ресурс] //СПС «КонсультантПлюс»

[10] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.11.2020 № 300-ЭС20-12511 по делу № СИП-819/2018 // СПС «КонсультантПлюс»

References:

[1] Commentary on part four of the Civil Code of the Russian Federation (itemized)/E.P. Gavrilov, V.I. Eremenko. - Moscow: Exam, 2009. - 973 s.

[2] Olenichev I.P., Revinsky O.V. Development of law enforcement practice of early termination of legal protection of trademarks due to their non-use [Electronic resource]//Law and management. 2024. №1. S. 386. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-pravoprimenitelnoy-praktiki-dosrochnogo-prekrascheniya-pravovoy-ohrany-tovarnyh-znakov-vsledstvie-ih-neispolzovaniya (дата обращения: 18.01.2026).

[3] Pankova M.E. Functions and criteria for the protection of a trademark in the Russian Federation// Army and society. 2011. №4 (28). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-i-kriterii-ohranosposobnosti-tovarnogo-znaka-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 13.03.2026)

[4] A.Yu. Belikova. Criteria for the Protection of Trademarks in Terms of Scientific and Legislative Approaches//Journal of the Court for Intellectual Rights, No. 20, June 2018, pp. 54-57

[5] Decree of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 01.03.2011 No. 14503/10 and dated 17.09.2013 No. 5793/13 [Electronic resource]//SPS “ConsultantPlus”

[6] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 06.10.2025 in case No. SIP-1077/2023 [Electronic Resource]//SPS “ConsultantPlus”

[7] Ruling of the Presidium of the Intellectual Property Court of 28.05.2021 in case No. SIP-1131/2020 [Electronic resource]//SPS “ConsultantPlus”

[8] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 06.10.2025 No. 300-ES25-2343 in case No. SIP-1077/2023 [Electronic Resource]//SPS ConsultantPlus.

[9] Ruling of the Presidium of the Intellectual Property Court of 03.12.2025 in case No. SIP-58/2024 [Electronic resource]//SPS “ConsultantPlus”

[10] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 11.11.2020 No. 300-ES20-12511 in case No. SIP-819/2018//SPS «ConsultantPlus»

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-116-121

УСТЮГОВА Елена Викторовна,
к.э.н., доцент кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства Негосударственного образовательного частного учреждения высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия,
e-mail: e.v.ustugova@mail.ru

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Введение: Данное исследование посвящено изучению такого явления как злоупотребление правом в гражданском праве. В статье приведён анализ существующих подходов к понятию «злоупотребление правом», приведены различные подходы учёных к формированию понятийного аппарата в этом вопросе. Рассматриваются виды злоупотребления правом в гражданском судопроизводстве. Цель: Целью данной работы является исследование злоупотребление правом в гражданском праве как явления. Задачами выступают: анализ гражданского и гражданско-процессуального законодательства и изучение возможности его применения в защите и восстановлении гражданских прав, возникающих вследствие злоупотребления правом в гражданском праве. Методы: В работе используются методы: научного анализа и классификации материалов. Теоретической базой для написания работы являются: непосредственно исследуемый ГПК РФ, ГК РФ и материалы гражданских дел, а также иные нормативно-правовые акты Российской Федерации. Результаты: В результате проведения исследования автор закрепляет изначальную позицию о сущности и природе злоупотребления правом, важности анализа этого явления для возможности искоренения данного явления для защиты и восстановления нарушенных гражданских прав. Выводы: Злоупотребление правом, к сожалению, присутствует в современном гражданском праве и влечёт за собой крайне неблагоприятные последствия затрагивающие интересы не только государственных и муниципальных органов, но и интересы российских граждан и всего общества в целом. Искоренения данного явления послужит строительству правового государства.*

Ключевые слова: *злоупотребления правом, злоупотребления полномочиями, правовые злоупотребления, последствия злоупотреблениями.*

USTYUGOVA Elena V.,
Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Business and Civil Litigation, Non-State Educational Private Institution of Higher Education "Moscow Financial-Industrial University 'Synergy', Moscow, Russia,

ABUSE OF LAW IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *Introduction: This study is devoted to the study of the phenomenon of abuse of law in civil law. The article provides an analysis of existing approaches to the concept of "abuse of law", various approaches of scientists to the formation of a conceptual framework in this matter. The types of abuse of law in civil proceedings are considered. Purpose: The purpose of this work is to study the abuse of law in civil law as a phenomenon. The objectives are: the analysis of civil and civil procedure legislation and the study of the possibility of its application in the protection and restoration of civil rights arising from the abuse of law in civil law. Methods: The following methods are used in the work: scientific analysis and classification of materials. The theoretical basis for writing the work are: the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the Civil*

Code of the Russian Federation and the materials of civil cases, as well as other normative legal acts of the Russian Federation. Results: As a result of the research, the author establishes the initial position on the essence and nature of abuse of law, the importance of analyzing this phenomenon for the possibility of eradicating this phenomenon in order to protect and restore violated civil rights. Conclusions: Abuse of law, unfortunately, is present in modern civil law and entails extremely adverse consequences affecting not only the interests of state and municipal bodies, but also the interests of Russian citizens and society as a whole. The eradication of this phenomenon will serve to build a rule-of-law state.

Key words: *abuse of law, abuse of authority, legal abuse, consequences of abuse.*

Рассматривая понятие злоупотребление правом согласно российскому законодательству, следует оценить наметившиеся тенденции этого явления. Злоупотребление правом является вопросом требующим особой проработки в рамках изучения гражданско- правовой отрасли права. Правовое регулирование этого явления через конкретизацию данного определения и внесения изменений в гражданский кодекс, в котором будет чётко очерчен его контур, является весьма актуальным вопросом, которому сейчас не уделено достаточное внимание, но который на сегодняшний день требует детальной проработки. В настоящее время в действующем российском законодательстве отсутствуют четкое определение явления злоупотребление правом и не предложены конкретные методы борьбы с этим явлением.

Сегодня проблема злоупотребления правом – это серьёзная угроза, стоящая перед нашим обществом, который носит глобальный характер. Стоит заметить, что эта угроза стоит не только перед российским обществом, но и характерен для правовых систем множества государств. Безусловно злоупотребление правом представляется характерным явлением присущим всем, даже самым совершенным законодательным пространствам. Для любой правовой системы, будь то российская или американская правовая система, характерна необходимость противодействия недобросовестным действиям, извращающим суть права как таковую. Зачастую злоупотребление правом может выражаться в использовании прав для причинения вреда или для циничного обхода закона, что напрямую противоречит принципам добросовестности и справедливости, которые закреплены в Гражданском кодексе Российской Федерации.

Для проведения детального анализа проявления явления злоупотребления правом в современном российском обществе следует обратиться к сложившемуся опыту по данному вопросу у других государств. Преследуя эту цель, мы разберём данный вопрос на примере стран с развитыми правовыми традициями таких как– Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции. Выборка данных стран для анализа тенденций развития такого явления как злоупотребление правом и методов борьбы с ним, обусловлена многовековым опытом борьбы этих стран с данным явлением.

Согласно статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав [1]. Но, данное определение не может отразить в полном объёме всю суть данного многогранного явления. В ранее упомянутой статье 10 не содержится ни четкого описания признаков состава злоупотребления правом, ни границ осуществления субъективных прав, а также нет перечисления разновидностей данного явления и не предусмотрены правовые последствия для лиц, злоупотребляющих правом.

Давайте проанализируем сущность явления злоупотребления правом и рассмотрим, как этому явлению давали оценку в древние века. Следует отметить, что злоупотребление правом не является современным понятием. делались еще в древние века. Оценку ему давали даже ученые эпохи Античности. Римский юрист Ульпиан утверждал, что «обход закона имеет место, когда закон, хотя и не желает, чтобы что-либо было совершено, однако и не запрещает совершения этого» [9]. В тот же период учёными было предложено разграничить понятия «обход права» и «нарушение права»: «поступает против закона тот, кто совершает запрещенное законом; поступает в обход закона тот, кто, сохраняя букву закона, искажает его смысл» [9].

В современном мире сущность злоупотребления правом рассматривается учеными по-разному: как вид правонарушения, как акт правомерного поведения человека и как самостоятельный вид правового поведения человека. Но несмотря на то, что нет единого подхода в правовой оценке явления злоупотребления, ученые-цивилисты выделяют такие черты злоупотребления правом как:

1. Недобросовестное исполнение прав.
2. Действия не запрещены законом, однако происходят в обход закона.
3. Действия происходят с намерением причинить вред другому лицу.

Раскрывая суть данного понятия –злоупотребление правом следует отметить, что это такое явление, приносящее вред обществу, при котором осуществление субъективных правомерных гражданских прав, приводит к явно несправедливому результату.

Нормой права при оценке явления злоупотребления правом служит ч. 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации. Согласно данной норме запрещается осуществление прав и свобод, если это влечет за собой нарушение прав и свобод других граждан.

Анализируя исследуемое явление в современной российском праве, следует выделить следующие концепции понимания злоупотребления правом:

1. Злоупотребление правом, как разновидность правомерного поведения человека;
2. Злоупотребление правом, как вид противоправного действия, правонарушения;
3. Злоупотребление правом как самостоятельная юридическая категория;

Рассматривая данные концепции следует привести общие признаки, характерные для злоупотребления правом. К ним можно отнести:

1. Злоупотребление правом – деяние, заключающееся в реализации своих субъективных прав (правомерно либо неправомерно).
2. Вред, причиняемый такими действиями в любой форме.
3. Умышленный характер действий.

На основании вышеперечисленных характерных черт выделим следующие критерии злоупотребления правом:

– умысел;
– добросовестность;
– справедливость;
– солидарность;

Соответственно, если более детально подойти к изучению данного вопроса приведём классификацию по видам злоупотребления правом:

– с извлечением прибыли;
– с причинением вреда третьим лицам;
– связанные с нарушением прав контрагентов [12].

Тем не менее, наиболее предпочтительным в наше время является разграничение злоупотребления правом на четыре основных формы (вида): действия исключительно с намерением причинить вред другому лицу (шикана); действия в обход закона; реализация своего права с целью ограничения конкуренции; иные способы, связанные со злоупотреблением правом.

В статье 10 Гражданского кодекса законодатель раскрывает такую форму злоупотребления правом как шикана (от нем. Chichane – бессмысленный спор), которая закреплена в законодательстве как совершение действий, направленных исключительно на причинение вреда правам других субъектов.

Шикана является разновидностью злоупотребления правом которая может быть реализована при корпоративных правоотношениях, где характерны случаи нарушения прав лицами, обладающими привилегированным положением по отношении к другим.

Рассмотрим следующую форму злоупотребления правом, ей является «обход закона с противоправной целью» под этой формой злоупотребления следует понимать реализацию субъективных гражданских прав по реализации гражданско-правовой нормы с целью, которая формально не предусматривалась в норме, однако не противоречащая ей [7].

С одной стороны, ряд ученых считают, что данный термин имеет смысл как «умышленное изменение понимания закона для достижения приоритетного действия одного или нескольких положения перед другим или вовсе бездействия одного или нескольких законных предписаний [6]».

Ряд российских учёных выдвигают теорию, согласно которой «обход закона» понимается как реализация лицами своих субъективных гражданских прав, таким образом, при котором действие одного положения нормы права применяется, а действие другого неприменимо [16].

Рассматривая все вариации на тему злоупотребления правом следует также отметить, в качестве отдельной формы злоупотребление доминирующим положением на рынке.

Законодательно, но не напрямую, сущность злоупотребления доминирующим положением на рынке раскрывается во втором абзаце пункта 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации. Более того, в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.03.2021 г. «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» определяется формулировка и ситуации, в которых действия будут квалифицироваться как «злоупотребление доминирующим положением на рынке», к которым относятся:

1. Препятствование, ущемление конкурентоспособности на конкретном рынке;
2. Нанесение вреда другим лицам, которые являются конкурентами для злоупотребляющего участника, которое в том числе может принести прибыль от данных действий;
3. Деятельность иного рода, ущемляющая права и законные интересы лиц, участвующих в рынке [2].

При детальном изучении данного вопроса приходим к выводу, что в правовой доктрине Российской Федерации при многообразии форм и видов злоупотребления правом, нет классификации такого явления как злоупотребление правом, а также нет критериев его оценки и норм права для определения наказания за различные виды злоупотребления правом [17]. Представляется целесообразным усовершенствовать существующую российскую правовую систему, в том числе и судебную, чтобы сделать её более эффективной. Как часто в народе употребляют выражение «Закон – что дышло: куда повернёшь – туда и вышло» – устойчивое сочетание (поговорка). Современному обществу просто необходимы изменения в законодательство и тогда, данное выражение будет просто обречено на вымирание, как более не актуальное. Ведь мы законодательно будем защищены от злоупотребления правом в судебной системе и это отсечёт множество не правосудных решений, которые в настоящее время получили широкое распространение, когда по одному и тому же вопросу в одном и том же суде принимаются диаметрально противоположные решения. Поясняя свои решения судьи обычно как под копирку ссылаются на не прецедентное право и свои внутренние убеждение, как правило, даже не подкрепляя их нормами права.

Можно привести множество примеров по данному поводу. Например, случай по делу Долиной, где три судебные инстанции приняли не правосудное решение, злоупотребив своим правом и не боясь при этом последствий, ведь по российскому законодательству они пока не предусмотрены. Это приводит к тому, что судьи зачастую позволяют себе выносить за ведомо не правосудные решения, пользуясь отсутствием наказания, закреплённого в законе, работая по принципу «я художник я так вижу у меня статус и на народ можно внимания не обращать», ведь по сути судье ничего серьёзного не грозит.

Можно привести другой пример, когда судья выносит решение по иску к застройщику, где она- судья признаёт, что авария произошла по вине застройщика, но далее отмечает, что согласно её внутренним убеждениям платить ничего не должен. Рассматривая данный случай хочется отметить, что застройщик обвинил истца в злоупотреблении правом. В соответствии с разъяснениями, Определения Верховного Суда РФ № 32-КГ14-17 от 03.02.2015, злоупотребление правом имеет место, когда субъект поступает вопреки норме, предоставляющей ему соответствующее право, а также не соотносит поведение с интересами общества и государства, не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность. При этом истец-потерпевшая сторона, которая реализуют свои субъективные права в пределах осуществления гражданских прав. А факт самого обращения в суд за защитой своих законных прав и уточнённые исковые заявления, которые подавались по причине затянувшегося рассмотрения данного иска на период более 3 лет, не могут рассматриваться как злоупотребление правом. В данном случае вина застройщика доказана и признана судом первой инстанции, но судья полностью отказала в компенсации всех видов ущерба, причинённого потребителю, включая затраты на аренду квартиры на период проведения ремонтных работ, вопреки нормам Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей», ссылаясь на свои внутренние убеждения и факт подачи истцом уточнённых исковых заявлений. Следует отметить, что в данном случае имеет место быть злоупотребление право, но не со стороны истца, а со стороны судьи, вынесшей судебное решение вопреки нормам права и здравому смыслу.

И таких примеров тьма. Лурье по делу Долиной просто повезло, что дело приобрело резонанс, а сколько дел, про которые общество не узнает и Верховный суд РФ в таком случае вообще не запросит дело для рассмотрения.

Теперь проанализируем способы борьбы со злоупотреблением правом:

1. Отказ в защите нарушенного права.

Согласно п. 2 ст. 10 ГК РФ, если суд установит факт злоупотребления правом, он имеет право отказать лицу, совершившему злоупотребление в защите его права. Данный подход ссылается на то, что правовая защита не должна предоставляться лицу, использующему право вопреки его предназначению. На практике оно означает следующее- в том случае если суд приходит к выводу, что истец злоупотребляет своим правом, например, с целью причинить вред ответчику, иск может быть оставлен без удовлетворения.

2. Признание недействительными сделок и иных юридически значимых действий, совершенных с нарушением добросовестности и разумности.

Согласно ст. 168 ГК РФ сделка, совершенная с нарушением требования закона, может быть признана недействительной, если такое нарушение прямо указано в законе. При злоупотреблении правом правило применяется, когда нарушение закона носит характер злоупотребления, например, при заключении сделки с целью причинения вреда другому лицу или обхода закона.

Здесь следует проанализировать нормы права, заключенные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений

раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». В этом документе подробно рассматривается понятие злоупотребления правом, а также предлагаются конкретные примеры ситуаций, в которых действия сторон могут быть квалифицированы как злоупотребление.

В результате проведённого нами анализа данного вопроса представляется целесообразным предложить следующие варианты решения такой глобальной проблемы, как злоупотребление правом:

1. Внести корректировки в действующее законодательство РФ, в частности, в статью 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая должна будет полностью не только раскрыть сущность данного явления, но и классифицировать данное явление по видам и формам.
2. Внести отдельные статьи в Гражданский кодекс и возможно и в другие источники права, которые будут регламентировать защиту граждан от того или иного вида злоупотребления правом. Например- гарантировать гражданам право на защиту от злоупотребление правом со стороны властных лиц в первую очередь судей и закрепить право на вынесение правосудных решений. Ведь, как уже было отмечено ранее, злоупотребление правом в гражданском праве может быть представлено множеством видов и форм, каждая из которых обладает своими специфическим характерными чертами и требует конкретного решения.

В российской практике судопроизводств злоупотреблению правом не уделяется должного внимания, но развитие правой системы и современная трансформация нашего общества неизбежно приведёт к восполнению пробелов в российском законодательстве по вопросам злоупотребления правом, что вероятно послужит отправной точкой в борьбе с явлением, которое в последнее время получает всё большее распространение, но пока не в полной мере оценено законодателем.

Представляется необходимым на современном этапе развития нормотворческих инициатив уделить особое внимание такому сложному явлению как злоупотребление правом, закрепив законодательно классификацию данного явления, которая бы раскрывала всю палитру и разнообразие форм злоупотребления правом и содержало бы в себе все последствия применения подобных злоупотреблений.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (статьи 1 - 453) (с изменениями на 28 июня 2022 года) (редакция, действующая с 1 января 2023 года) Кодекс РФ от 30.11.1994 N 51-ФЗ.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 5. - 2021.

[3] Определение Верховного Суда РФ от 3 декабря 2014 г. № 8202-ПЭК14 «Об отказе в передаче надзорной жалобы в Президиум Верховного Суда Российской Федерации» // (электронный ресурс): https://www.garant.ru. - (Дата обращения: 16.08.2024).

[4] Алексеева, М. И. Злоупотребление правом в гражданском праве России / М. И. Алексеева. – М.: Юрайт, 2019. – 320 с.

[5] Агарков, М.М. Гражданское и торговое право: источники, категории, институты, конструкции. Педагогическое наследие в 3 кн. Книга 1: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / М. М. Агарков; составитель В. А. Белов. - М.: Издательство Юрайт, 2019. - С. 337

[6] Белозерцева, В.В. Действия в обход закона / В. В. Белозерцева, Т. А. Трифонова // Актуальные вопросы теории и практики применения гражданского законодательства: материалы региональной конференции. - 2018. - С. 261.

[7] Вронская, М.В. Обход закона» в гражданском праве: форма злоупотребления правом или самостоятельная юридическая конструкция // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. - № 3. - 2015.

[8] Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 124-127

[9] Дигесты Юстиниана: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. А. Л. Кофанов. М.: Статут, 2004.С. 112.

[10] Ивнева Е. В., Кавшбая Л. Л. Формы злоупотребления правом: общеправовые и отраслевые аспекты. – СГУ. 2022. С. 5-6.

[11] Мусарский С.В. Основные взгляды на сущность злоупотребления правом в зарубежном и отечественном гражданском праве. – М.: Зерцало-М, 2022. – С. 147.

[12] Маликов Е.Ю. Правовая природа злоупотреблений субъективным гражданским правом. Автореф. диссертации. к.ю.н. / Маликов Е. Ю. - М., 2010. - С. 17.

[13] Одегнал Е.А. Злоупотребление правом как явление правовой действительности: автореферат диссертации к.ю.н. / Одегнал Е.А.: - Ставрополь, 2009. - С. 19.

[14] Сергеев А.В. Преддоговорная ответственность: основания для защиты интересов стороны, пострадавшей от недобросовестного ведения переговоров / А.Сергеев, Т.Терещенко // Корпоративный юрист. – 2010. – № 11. – С. 26-31.

[15] Тарасов, И. П. Французская правовая система: историко-правовой анализ / И. П. Тарасов. – СПб.: Питер, 2020. – 360 с.

[16] Зубарева Д.А. Обход закона: правовая квалификация / Д. А. Зубарева // Вопросы российской юстиции. - 2019. - № 3. - С. 387-397

[17] Богатырев Д.В. Основания и механизмы преодоления злоупотребления правом в досудебном уголовном производстве: диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.4. / Богатырев Дионисий Валерьевич; [Место защиты: ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»; Диссовет Д 203.019.XX (03.2.006.05)]. - Москва, 2023. - 255 с.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) (Articles 1-453) (as amended on June 28, 2022) (as amended on January 1, 2023) Code of the Russian Federation of 30.11.1994 N 51-FZ.

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 4, 2021 No. 2 “On some issues arising in connection with the application of antimonopoly legislation by the courts “//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - № 5. - 2021.

[3] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 3, 2014 No. 8202-PEK14 “On refusal to transfer a supervisory complaint to the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation “//(electronic resource): https://www.garant.ru. - (Accessed: 16.08.2024).

[4] Alekseeva, M. I. Abuse of law in civil law of Russia/M. I. Alekseeva. - M.: Yurayt, 2019. - 320 s.

[5] Agarkov, M.M. Civil and commercial law: sources, categories, institutes, constructions. Pedagogical heritage in 3 books. Book 1: textbook for undergraduate and graduate studies/M. M. Agarkov; compiled by V. A. Belov. - M.: Yuright Publishing House, 2019. - S. 337

[6] Belozertseva, V.V. Actions bypassing the law/V.V. Belozertseva, T.A. Trifonova//Current issues of the theory and practice of the application of civil law: materials of the regional conference. - 2018. - S. 261.

[7] Vronskaya, M.V. Bypassing the law” in civil law: a form of abuse of law or an independent legal structure//Territory of new opportunities. VSUES Bulletin. - № 3. - 2015.

[8] Gribanov V.P. Exercise and protection of civil rights. M., 2000. P. 124-127

[9] Digests of Justinian: in the 2 of vol. 1/rev. ed. A. L. Kofanov. M.: Statute, 2004.S. 112.

[10] Ivneva E.V., Kavshbaya L. L. Forms of abuse of law: general legal and sectoral aspects. - MSP. 2022. S. 5-6.

[11] Musarsky S.V. Basic views on the essence of abuse of law in foreign and domestic civil law. - M.: Zerzalo-M, 2022. - S. 147.

[12] Malikov E.Yu. The legal nature of abuses of subjective civil law. Autoref. dissertations. Ph.D./ Malikov E. Yu. - M., 2010. - S. 17.

[13] Odegnal E.A. Abuse of law as a phenomenon of legal reality: abstract of the dissertation of Ph.D./Odegnal E.A.: - Stavropol, 2009. - S. 19.

[14] Sergeev A.V. Pre-contractual liability: grounds for protecting the interests of the party affected by unfair negotiation/A.Sergeev, T.Tereshchenko//Corporate lawyer. – 2010. – № 11. - S. 26-31.

[15] Tarasov, I.P. French legal system: historical and legal analysis/I.P. Tarasov. - St. Petersburg: Peter, 2020. - 360 s.

[16] D.A. Zubareva. Bypassing the law: legal qualifications/D.A. Zubareva//Issues of Russian justice. - 2019. - № 3. - S. 387-397

[17] Bogatyrev D.V. Grounds and mechanisms for overcoming abuse of law in pre-trial criminal proceedings: dissertation... Candidate of Law: 5.1.4 ./ Bogatyrev Dionisy Valerievich; [Place of protection: FGKOU HE “Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikotya”; Dissertation Council D 203.019. XX (03.2.006.05)]. - Moscow, 2023. - 255 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-122-127

УСМОНЗОДА Рахим Рахмон,
Слушатель 2-го факультета
Академии управления МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ВОЗЖЕНИКОВА Ольга Сергеевна,
кандидат психологических наук,
профессор кафедры психологии, педагогики и
организации работы с кадрами,
Академия управления МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

МАШЕКУАШЕВА Маргарита Хасанбиевна,
Доцент кафедры ГиГПД
Северо-Кавказского университета (филиал)
Краснодарского МВД РФ,
кандидат психологических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА И ЦИФРОВИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ МВД РОССИИ

Аннотация. *Внедрение международной практики в сферу образования позволяет повышать эффективность и точнее выстраивать профессиональную подготовку специалистов. Заимствование зарубежного опыта должно происходить с опорой на научные принципы. Эффективное внедрение информационных технологий в систему образования МВД России требует выстраивания устойчивого механизма обратной связи между образовательными организациями и оперативной практикой. Исследование особенностей образовательных технологий и методик профессионального обучения в ведущих полицейских академиях мира показывает, что ключевой ресурс повышения качества подготовки связан с реалистичным тренингом и выстраиванием устойчивой связи между теоретическим содержанием и практической деятельностью.*

Ключевые слова: *система образования, цифровизация, зарубежный опыт подготовки кадров.*

USMONZODA Rahim Rahmon,
Student of the 2nd faculty of the Academy
of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

VOZZHENIKOVA Olga Sergeevna,
Candidate of Psychological Sciences,
Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and
Organization of Work with Personnel, Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

MASHEKUASHEVA Margarita Khasanbievna,
Associate Professor of the Department of GIPD
of the North Caucasus University (branch)
of the Krasnodar Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
candidate of psychological sciences

FEATURES OF THE INTRODUCTION OF FOREIGN EXPERIENCE AND DIGITALIZATION OF THE EDUCATION SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Annotation. *The introduction of international practice in the field of education makes it possible to increase efficiency and more accurately build professional training for specialists. Borrowing foreign experience should be based on scientific principles. Effective implementation of information technologies in the education system of the Ministry of Internal Affairs of Russia requires building a stable feedback mechanism between educational organizations and operational practice. A study of the features of educational technologies and methods of vocational training in the leading police academies of the world shows that the key resource for improving the quality of training is associated with realistic training and building a stable connection between theoretical content and practical activities.*

Key words: *education system, digitalization, foreign training experience*.

Внедрение международной практики в сферу образования не является универсальным решением для отечественных образовательных задач, но в ней нередко содержатся рациональные элементы, позволяющие повышать эффективность и точнее выстраивать профессиональную подготовку специалистов в нашем государстве, в том числе в правоохранительной сфере.

Заимствование иностранного опыта может выполнять несколько функций. В одних случаях это помогает сравнивать и объективнее оценивать собственные подходы, в других - закрывает пробелы теории и практики, а иногда становится опорной точкой для разработки новых образовательных технологий уже на отечественной основе.

Важно и то, что зарубежные системы способны предложить не только отдельные приёмы, методы и технологии обучения, но и иную логику построения подготовки и её научного анализа.

Опираясь на опыт применения зарубежных наработок в учебном процессе и в служебной подготовке практических работников, можно обозначить ряд принципов, которые помогают осмыслять иностранный материал и превращать его в работающий элемент отечественной подготовки [5]. Очевидно, что иностранная практика не будет работать сама по себе, пока не станет органической частью более сложной системы - отечественного опыта. Именно он выступает рамкой, внутри которой заимствование может занять место как одна из составляющих, а не как замена всей конструкции.

Для практического применения принцип системности дополняется принципом определения реальных границ опыта. Необходимо уточнить, что именно представляет собой рассматриваемая практика. Это может быть уровень стратегии, когда речь идет о комплексе решений и организации борьбы с широким кругом угроз. Это может быть уровень тактики, когда решается конкретная профессиональная задача, например обучение определенному виду действий. Наконец, это может быть уровень техники, то есть отдельного действия.

Отдельного внимания заслуживает принцип двойной адаптации. Иностранный опыт нельзя переносить в неизменном виде, он требует адаптации к новым условиям. Вместе с тем практика показывает, что нередко требуется и обратное движение - изменение некоторых отечественных организационных и методических условий под выбранный опыт. Без этого он остается внешней оболочкой. Примером служит дистанционное обучение. Перенос материалов в электронный вид еще не создает дистанционный формат как систему. Его ядро - регулярная двусторонняя связь обучающего и обучаемого, готовность преподавателя к работе в таком режиме и наличие у обучающегося обеспеченного инструментария самостоятельной работы. Если эти условия не созданы, результатом становится лишь электронная версия заочного обучения [4, с. 44].

Отдельно следует выделить принцип неизбежности доказательности. В качестве возможного продолжения этого принципа можно рассматривать сопричастность, когда в анализ, оценку и адаптацию вовлекаются те, кто будет использовать опыт в реальной работе или обучении [4, с. 44].

Наконец, уместно обозначить принцип разумного не использования иностранного опыта. Зарубежная практика остается лишь одним из средств решения задач.

Подготовка кадров для органов внутренних дел традиционно осуществляется и в ведомственных образовательных организациях, и в территориальных органах внутренних дел. В ведомственном сегменте речь идёт об основных программах среднего, среднего профессионального и высшего образования, о профессиональном обучении граждан, впервые принимаемых на службу, а также о дополнительном профессиональном образовании. В территориальных орга-

нах заметную роль играют профессиональная служебная и физическая подготовка, ориентированные на текущие задачи подразделений [2]. Требование к образовательным технологиям здесь предельно практичное: они должны помогать формировать сотрудника полиции, способного решать оперативно служебные задачи высокой сложности на уверенном профессиональном уровне.

Подготовка кадров в этом смысле выступает как особый вид информационного производства, которое разворачивается в информационной среде. Сначала система пережила этап компьютеризации, затем информатизации, а сейчас все чаще речь идет о цифровизации и цифровой трансформации, и эти термины нередко смешиваются, хотя их смысл различается [3].

Опросы преподавателей ведомственных образовательных организаций, педагогов центров профессиональной подготовки, руководителей учебных групп и самих обучающихся сотрудников выявляют ряд препятствий на пути к цифровой зрелости профессионального обучения. На первом плане находятся пробелы правового регулирования и дефицит единой концептуальной рамки, из за чего трудно заранее задать направления и измеримые результаты преобразований. Существенной проблемой выступает и цифровой разрыв между участниками учебного процесса: цифровые компетенции и доступ к цифровым средствам распределены неравномерно, поэтому часть преподавателей и руководителей учебных групп не использует возможности современных образовательных решений в полном объеме, а часть обучающихся сотрудников не обладает достаточной подготовкой, чтобы эффективно включаться в цифровые форматы.

Серьезное значение имеет материально техническая база: дефицит автоматизированных рабочих мест, недостаток интерактивных тренажеров и тиров для моделирования ситуаций применения оружия, ограниченные возможности симуляторов, а также проблемы качества интернет соединения и пропускной способности сетевой инфраструктуры. При этом важно учитывать, что само по себе насыщение организаций техникой не приводит автоматически к цифровой трансформации, если не меняются содержание подготовки, методика, формы занятий и способы оценки результатов. Так же проблемой становится недостаток современных учебно-методических материалов и программных решений для деловых игр и обучающих сценариев, где материал усваивается через практику и моделирование. Наконец, цифровое развитие неизбежно повышает требования к кибербезопасности и приводит к необходимости дополнительных организационных мер и затрат.

Практический вывод состоит в том, что дальнейшее развитие подготовки кадров для органов внутренних дел целесообразно строить как сочетание обновления содержания и методики обучения с целевым внедрением цифровых инструментов, а также расширением программ подготовки специалистов по противодействию интернет-технологий преступлениям и программ повышения квалификации для сотрудников, отвечающих за цифровую трансформацию в подразделениях. Цифровые изменения, закреплённые в государственных стратегических документах, всё заметнее перестраивают не только экономику, но и саму логику подготовки специалистов, включая ведомственное высшее образование.

В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы обозначены цели, задачи и меры государственной политики в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, ориентированной на развитие информационного общества, становление цифровой экономики и обеспечение национальных интересов [1]. Из этого следует, что информатизация стала фактором преобразования ключевых социальных институтов, прежде всего образования. Для системы высшего образования, включая вузы МВД России, это выражается в развитии информационно образовательной среды и расширении практик электронного обучения.

Инновационные электронные образовательные технологии целесообразно рассматривать как ядро электронного обучения, поскольку именно они задают способы работы с учебным содержанием и определяют результат.

В вузах системы МВД элементы такой инновационной активности постепенно закрепились и в методическом обеспечении, и в технологическом оснащении учебного процесса, а дополнительный импульс этому направлению придали условия пандемии COVID 19, когда потребовалось сохранять практико-ориентированный характер подготовки при ограничениях очного взаимодействия. Показательно, что на разных направлениях подготовки вузы искали не универсальное решение, а сочетали несколько рабочих сценариев.

Например, в Волгоградской академии МВД России апробировали организационные решения, при которых задания и материалы для контрольных экспертиз и практикумов размещались на внутреннем портале, часть объектов исследования курсанты подготавливали самостоятельно,

а в отдельных случаях преподаватель выполнял операции с объектом у себя, действуя по командам обучающегося, который проговаривал последовательность действий и тем самым отрабатывал алгоритм работы, приближая ситуацию к реальной процедуре. Другая линия цифровых инструментов связана с виртуальной и дополненной реальностью, которые особенно востребованы там, где важно воспроизвести место происшествия, пространственную обстановку и динамику действий.

В Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя технологии виртуальной реальности используются как среда, создаваемая программными и техническими средствами и воспринимаемая человеком через зрение, слух и иные каналы [3, с.75]. Практическая ценность такого решения проявляется в том, что обучающийся получает возможность рассматривать смоделированную обстановку с разных точек и высот, быстро менять позицию наблюдения и работать с пространством как с учебным объектом, не ограничиваясь плоской схемой. При выборе и применении таких устройств приходится учитывать качество изображения, длительность комфортной работы и степень интерактивности, то есть возможность взаимодействовать с объектами в виртуальной среде. Дополненная реальность применяется как режим, когда на экране мобильного устройства реальный фон совмещается с виртуальными элементами, что позволяет подкреплять объяснение наглядными слоями информации.

Отдельного внимания заслуживает опыт, связанный с созданием авторских автоматизированных систем обучения. В Воронежском институте МВД России разработан комплекс, ориентированный на работу с мобильными устройствами и позволяющий поддерживать широкий спектр методических решений, от анализа процессуальных текстов с применением инструментов обработки естественного языка до совместной работы обучающихся над документом в режиме виртуальной доски [6, с. 58]. Система использует сценарные задания, в том числе в виде нелинейных квестов, что приближает учебную задачу к логике правоприменительной деятельности, а также включает сервисы распознавания речи и синтеза, когда необходимо проверять навыки ведения вербального контакта в профессионально значимых ситуациях и др.

Цифровая трансформация учебной среды особенно отчётливо проявляется в тех видах подготовки, где решающее значение имеет тренировка действий в условиях риска и неопределённости, поэтому логично связать электронные технологии с задачами тактико-специальной подготовки. Такая подготовка представляет собой системный процесс формирования у сотрудников органов внутренних дел набора профессиональных знаний и навыков, необходимых для выполнения оперативных задач в условиях повышенной опасности и нестабильной обстановки. Здесь первичны не объём теоретических сведений сам по себе, а способность применять алгоритмы действий в меняющихся условиях, включая взаимодействие с правонарушителями, реагирование на чрезвычайные ситуации и выполнение задач в сложной среде. Отдельные компоненты подготовки включают работу с тактической топографией, освоение средств индивидуальной защиты, специального оборудования и оружия, а также тренировки, где важны скорость принятия решения и устойчивость поведения под давлением.

Важное место в этой системе занимает физическая готовность, поскольку она обеспечивает выносливость и реакцию в экстремальных эпизодах службы, и психологическая устойчивость, позволяющая сохранять управляемость действий при стрессовой нагрузке. Дополняет картину управленческий компонент, когда обучающиеся осваивают координацию действий группы и рациональное использование ресурсов при проведении специальных мероприятий. На фоне усложнения криминогенной обстановки, развития информационной преступности и усиления террористических рисков требования к профессиональному уровню сотрудников возрастают, что делает вопрос качества тактико-специальной подготовки не учебным, а непосредственно служебным [7, с.128].

Эффективное внедрение информационных технологий в систему образования МВД России требует выстраивания устойчивого механизма обратной связи между образовательными организациями и оперативной практикой, чтобы учебные программы отражали реальные тенденции службы, а также системного обновления методик через сценарное моделирование, интерактивные тренажёры и использование виртуальной и дополненной реальности для отработки решений в условиях, близких к служебным. Отдельным направлением становится повышение квалификации преподавателей и инструкторов, поскольку эффективность технологий определяется не только наличием оборудования, но и тем, насколько педагогический состав владеет современными методическими решениями и способен переводить цифровые инструменты в осмысленную учебную задачу.

Логичным организационным шагом выглядит развитие центров имитационного обучения, где мультимедийные платформы и интерактивное оборудование позволяют воспроизводить широкий спектр служебных ситуаций с высокой степенью реалистичности, от стандартных патрульных эпизодов до сложных тактических операций. В такой среде обучающийся тренирует не только технику, но и умение анализировать обстановку, принимать решение при дефиците времени и выдерживать психологическую нагрузку, получая обратную связь по качеству действий. Чтобы такие центры стали не разрозненными инициативами, а элементом системы, важно обеспечить правовое и организационное сопровождение, включая унификацию требований к инфраструктуре и методикам, ускорение внедрения образовательных инноваций и возможность оперативной корректировки программ под изменения служебной практики. Существенное значение имеет и согласованная работа образовательных организаций МВД, оперативных подразделений и научных учреждений, поскольку именно в таком контуре быстрее формируются и проверяются методики, обеспечивается обмен практическими кейсами и уточняется запрос к техническому оснащению.

Практический результат такого подхода проявится тогда, когда цифровые решения будут встроены в учебные программы как инструмент регулярной отработки профессиональных действий, а не как эпизодическая демонстрация, что позволит выпускнику уверенно переносить тренировочный опыт в реальные служебные ситуации.

Исследование особенностей образовательных технологий и методик профессионального обучения в ведущих полицейских академиях мира показало, что ключевой ресурс повышения качества подготовки связан с реалистичным тренингом и выстраиванием устойчивой связи между теоретическим содержанием и практической деятельностью. Зарубежный опыт демонстрирует эффективность сценарного подхода, моделирования ситуаций, регулярной тренировки коммуникации и принятия решений в условиях неопределённости, а также активного использования технических средств обучения. При этом выявлено, что даже при близости функций полиции в разных государствах содержание программ существенно различается из-за национальных стандартов, организационных задач и ресурсных условий. Следовательно, адаптация должна учитывать не только методику, но и контекст - от правовой базы до организационной культуры и материально технических возможностей.

Существенным фактором остаётся необходимость повышения методической культуры и актуализации компетенций преподавательского и инструкторского состава, поскольку именно педагог транслирует обучающимся образ профессионального поведения и стандарты деятельности органов внутренних дел.

Список литературы:

[1] Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» / Собрание законодательства РФ. - 2017. № 20. Ст. 2901.

[2] Байдаев М.М. Подготовка кадров для органов внутренних дел Российской Федерации в условиях цифровой трансформации // Прикладная психология и педагогика. 2022. № 4. С. 205-206

[3] Горелов С.А., Ломакин В.В., Сапов А. В. Специальная подготовка сотрудников ОВД в особых условиях как элемент профессиональной подготовки // Перспективы науки. -2024. № 7 (178). С. 75.

[4] Киреева О. В. Адаптация зарубежного образовательного опыта в системе профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов: педагогические и психологические аспекты // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2024. № 3 (98). С. 44.

[5] Международный педагогический опыт как инструмент модернизации профессионального образования МВД России // Педагогическая наука и практика. - 2025. - № 1. С. 58-59.

[6] Разбегаев П.В. К вопросу о внедрении инновационного программного обеспечения в процессе подготовки сотрудников МВД России // Право и образование. - 2023. - № 1. С. 58.

[7] Черменев Д.А., Бордачев А.Ю. Особенности организации проведения практических занятий по тактико-специальной подготовке с курсантами образовательных организаций МВД России // Научный компонент. - 2022. № 1 (13). С. 128.

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030 “/Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2017. № 20. Art. 2901.

[2] Baidaev M.M. Training for the internal affairs bodies of the Russian Federation in the context of digital transformation//Applied psychology and pedagogy. 2022. № 4. P. 205-206

[3] Gorelov S.A., Lomakin V.V., Sapov A.V. Special training of police officers in special conditions as an element of professional training//Prospects for science. -2024. № 7 (178). S. 75.

[4] Kireeva O. V. Adaptation of foreign educational experience in the system of professional training of law enforcement officers: pedagogical and psychological aspects//Psychopedagogy in law enforcement agencies. - 2024. № 3 (98). S. 44.

[5] International pedagogical experience as a tool for the modernization of professional education of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Pedagogical science and practice. - 2025. - № 1. S. 58-59.

[6] Razbegaev P.V. On the introduction of innovative software in the process of training employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Law and Education. - 2023. - № 1. S. 58.

[7] Chermenev D.A., Bordachev A.Yu. Peculiarities of the organization of practical classes on tactical and special training with cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Scientific component. - 2022. № 1 (13). S. 128.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-128-132

СМИРНОВА Ольга Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры биомедэтики, медицинского права и истории медицины Казанского государственного медицинского университета, e-mail: smirnova_olga06@mail.ru

ЩЕРБАКОВ Владимир Александрович,
старший преподаватель кафедры биомедэтики, медицинского права и истории медицины Казанского государственного медицинского университета, e-mail: vladimir.shcherbakov@inbox.ru

КАРДАНОВА Лейла Дадашевна,
кандидат медицинских наук, доцент, заведующая кафедрой гигиены и экологии здоровья Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова, e-mail: leilakardanova@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ НА ЯЗЫКЕ-ПОСРЕДНИКЕ

Аннотация. *Духовно-нравственные ценности сегодня являются объектом пристального внимания учёных не только гуманитарных, но и естественно-научных специальностей, так как в условиях интенсивного распространения деструктивных (разрушающих) идеологем очень важно консолидировать молодёжь на основе созидательных ценностных ориентиров. Этот процесс приобрёл особую значимость после проведения в июле 2025 г. саммита БРИКС. Он положил начало процессу выработки общих подходов в осмыслении междисциплинарного понятия «традиционные ценности». Изменения, коснувшиеся воспитательного процесса высших учебных заведений Российской Федерации, свидетельствуют о том, что духовно-нравственное единство образовательного пространства формирует и универсальную систему правовых основ антикоррупционной правовой культуры. Образовательный процесс в высших учебных заведениях медицинского профиля Российской Федерации включает изучение этико-правовых дисциплин не только российскими, но и иностранными студентами, обучающимися на языке-посреднике. Освоение особенностей законодательства о противодействии коррупции как международного, так и национального – неотъемлемая часть современного обучения в медицинском вузе. Поэтому система традиционных ценностей, объединяющая представителей стран БРИКС, служит основой для формирования антикоррупционной правовой культуры иностранных студентов-медиков, которые в будущем сами будут формировать и определять идеологические стратегии развития здравоохранения как в своём государстве, так и на международном уровне.*

Ключевые слова: *правовая культура, антикоррупционная правовая культура, традиционные ценности, честность, ответственность, правосознание.*

SMIRNOVA Olga Mikhailovna,
Candidate of Legal Sciences (PhD in Law), associate professor of the department of biomedical ethics, medical law and history of medicine, Kazan State Medical University

SHCHERBAKOV Vladimir Alexandrovich,
senior teacher of the department of biomedical ethics, medical law and history of medicine, Kazan State Medical University

KARDANOVA Leila Dadashevna,
candidate of medical sciences (PhD), associate professor,
head of the department of hygiene and health ecology,
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

FORMATION OF ANTI-CORRUPTION LEGAL CULTURE IN MEDICAL STUDENTS STUDYING THROUGH A MEDIATOR LANGUAGE

Annotation. *Spiritual and moral values are currently the focus of close attention from scholars not only in the humanities but also in the natural sciences, since in the context of the intensive spread of destructive (corrosive) ideologies, it is crucial to consolidate young people around constructive value orientations. This process gained particular significance after the BRICS Summit held in July 2025. The Summit initiated the development of common approaches to understanding the interdisciplinary concept of "traditional values." The changes affecting the educational process in higher education institutions of the Russian Federation indicate that the spiritual and moral unity of the educational space also forms a universal system of legal foundations for an anti-corruption legal culture. The educational process in Russian medical higher education institutions includes the study of ethical and legal disciplines not only by Russian students but also by international students studying through a mediator language. Mastering the specifics of both international and national anti-corruption legislation is an integral part of modern medical education. Therefore, the system of traditional values that unites representatives of the BRICS countries serves as a foundation for developing an anti-corruption legal culture among international medical students, who will themselves, in the future, shape and define the ideological strategies for the development of healthcare both in their own countries and at the international level.*

Key words: *legal culture, anti-corruption legal culture, traditional values, honesty, responsibility, legal consciousness.*

В сентябре 2025 г. на втором саммите БРИКС «Традиционные ценности», прошедшем в Бразилии, был утверждён список общих ценностей народов стран БРИКС. Он включает в себя 12 ключевых ценностей, в том числе социальную справедливость, ответственность перед будущими поколениями, гуманизм, взаимное уважение, солидарность, культуру честности. (Данный список формировался на основе ценностей, которые транслировали писатели стран БРИКС в произведениях, представленных на данном саммите в рамках литературного конкурса, ведь именно художественная литература на уровне мифологем всегда отражает парадигму смыслов общества в целом).

В условиях когнитивной войны (войны смыслов) осмысление фундаментальных нравственных принципов показывает, что в глобальном мире, объединённом информационно-коммуникационными технологиями, которые способствуют мгновенному распространению информации, культурно-исторические ценности приобретают фундаментальное значение в борьбе с деструктивными идеологемами.

Правовая культура, являясь частью духовной культуры общества, формирует правовые ценности на основе культурно-исторических норм поведения. Поэтому традиционные ценности БРИКС, сформулированные в 2025 г., можно сегодня положить в основу нарратива смыслов правовой культуры стран БРИКС, в числе которых Россия, Индия и Иран.

В юридической науке есть несколько подходов к объёму содержания данного понятия. Они отражены в работах С.С. Алексеева, Т.В. Синюковой, В. Н. Карташова, Л.А. Петручак, А.Б. Венгерова [1 – 5].

Любому обществу необходимо иметь нормативную парадигму, создающую устойчивость развития, что достигается только через систему законодательных норм, принятых государством. К ним можно отнести нормы-принципы, лежащие в основе борьбы с коррупцией, сформулированные в международных правовых актах и в национальных законодательствах.

Коррупция – это одна из наиболее важных и острых социальных проблем на современном этапе мирового развития, которая несёт множество угроз для общественного благополучия и может привести к самым разным последствиям для государства, общества и личности. Особенно актуальной проблема коррупции, а равно и вопросы формирования антикоррупционной правовой культуры, становятся в современных условиях нарастающих социально-экономических угроз, вызванных трансформацией государственного устройства. Ключевую роль в процессе развития негативного отношения к коррупцион-

ным проявлениям играет формирование правовой культуры, способствующей антикоррупционному (нетерпимому) поведению.

Сфера здравоохранения и медицины – сфера жизни, в которой ценой коррупционного правонарушения (преступления) становится здоровье и жизнь человека. Поэтому так важно в образовательном процессе студентов-медиков формировать негативное отношение к поведению, способствующему противоправным деяниям, в том числе коррупционного характера.

Российское медицинское образование по-прежнему является одним из самых востребованных на мировом рынке образовательных услуг. На сегодняшний день больше всего студентов, приезжающих в высшие учебные заведения РФ из Индии и Ирана, – это студенты медицинских вузов [17,18]. Их интеграция в российское культурное пространство происходит через изучение законодательства страны обучения.

Учебный процесс обязательно включает формирование антикоррупционной правовой культуры. И здесь становится принципиально важным духовно-нравственный фундамент, на основе которого можно формировать правосознание студента-медика. Являясь носителями разных культур, осваивая правовые основы правомерного поведения в Российской Федерации, они должны опираться на знания в области права, полученные уже в процессе обучения, воспитания в своей стране.

Анализ нормативно-правовой базы Ирана и Индии [6 – 11] показал, что обе страны имеют развитое антикоррупционное законодательство. Вместе с тем для Ирана характерен комплексный подход, сочетающий административные и уголовные меры, с особым акцентом на религиозно-этические нормы шариата. А в Индии ключевым вектором является обеспечение прозрачности деятельности государственного аппарата через законодательство о праве на информацию и защите информаторов. Следовательно, для интеграции данных студентов в российское правовое пространство важно опираться не столько на законодательные нормы, сколько на единую систему нравственных ценностей. Что же может их объединить?

Для ответа на этот вопрос в марте 2026 г. было проведено анкетирование студентов Казанского государственного медицинского университета, обучающихся на языке-посреднике. Общее количество опрошенных составило 100 человек (50 – из Индии, 50 – из Ирана).

Для исследования уровня антикоррупционной правовой культуры студентов были сформулированы вопросы, которые опираются на ключевые положения понятия правовой культуры. Важно было отразить уровень взаимоотношений (ценностный аспект) сквозь призму правовой нормы, которая сформировалась на основе духовных ценностей, укоренившихся в обществах Индии и Ирана.

Данные проведённого анкетирования показали, что студенты из Исламской Республики Иран и Республики Индия, обучающиеся на языке-посреднике, имеют представление о законодательстве, которое регулирует противодействие коррупции в их странах. Опрошенные респонденты знакомы с антикоррупционным законодательством своего государства: 82% иранцев и 50% индийцев знакомы в общих чертах.

На вопрос о мерах формирования правовой культуры человека, большинство опрошенных студентов (55% иранцев и 40% индийцев) отмечают, что основным механизмом формирования правовой культуры человека является воспитание в семье нравственного поведения. По мнению 36% иранцев, важную роль играет специальное обучение с акцентом не только на правовых нормах, но и на нормах нравственности. Но только 30% индийцев отмечают, что одним из механизмов формирования правовой культуры человека является получение правовых знаний.

На вопрос «Считаете ли Вы, что ядром нравственности являются традиционные ценности – честность, совесть, ответственность?» ответы были следующими: «да» ответили 73% иранских студентов и 100% студентов из Индии.

Большая часть респондентов (55% иранцев, 70% индийцев) на вопрос «Какие из приведенных мер по предупреждению коррупции наиболее эффективны, по Вашему мнению?» отметили, что эффективной мерой по противодействию коррупции является воспитание нравственности (нетерпимости к коррупции) на основе традиционных ценностей (55% – индийцев, 70% иранцев).

На вопрос «Как Вы считаете, достаточно ли внимания уделяется вопросам этики в противодействии коррупции в профессиональной подготовке медицинских работников?, большинство иранских студентов (73%) сочли скорее недостаточным, тогда как большинство индийских студентов (80%) считают, что в целом достаточно (40% скорее достаточно, чем нет и 40% вполне достаточно).

Данный вектор исследования подтвердил наличие общей системы фундаментальных ценностей у представителей Индии и Ирана (членов БРИКС): честь, совесть, достоинство. Данные ценностные основания лежат и в основе воспитания антикоррупционной правовой культуры, и соответственно, антикоррупционного правосознания, основанного на правовых знаниях о противодействии коррупции в РФ. Вместе с тем есть

и потенциал для совершенствования механизмов получения знаний в соответствующей области права на занятиях по дисциплине «Правовые и этические основы в медицинской деятельности».

В ходе проведённого исследования установлено, что проблема формирования антикоррупционной правовой культуры обладает высокой актуальностью в контексте глобальных вызовов и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей, что подтверждается как российскими стратегическими документами [13], так и позицией стран БРИКС.

На основании проведённого анализа можно предложить следующие возможные меры формирования антикоррупционной правовой культуры у студентов-медиков, обучающихся на языке-посреднике:

интеграция в учебные курсы модулей, посвящённых сравнительному анализу антикоррупционного законодательства стран, из которых приехали данные студенты, с целью поиска общего объединяющего начала;

активное использование потенциала организации дискуссий, круглых столов и культурных мероприятий, направленных на обсуждение традиционных ценностей (таких как честность, ответственность) в качестве основы антикоррупционного поведения будущего врача;

разработка и внедрение специальных тренингов на языке-посреднике, фокусирующихся на этических дилеммах в медицине и формировании у студентов, обучающихся на языке-посреднике, личной нетерпимости к коррупционным проявлениям.

Таким образом, формирование антикоррупционной правовой культуры у иностранных студентов-медиков является комплексной задачей, успешное решение которой зависит от учета национально-культурных особенностей правосознания, активного использования воспитательного потенциала образовательной среды и целенаправленной работы по интеграции этико-правовых компонентов в процесс профессиональной подготовки. Реализация предложенных мер будет способствовать не только повышению правовой культуры студентов, но и укреплению их нравственных ориентиров, что является залогом их будущей добросовестной профессиональной деятельности в любой стране мира.

Список литературы:

[1] Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2-х т. – М.: Юридическая литература, 1981. – Т. 1. – С. 21.

[2] Синюкова Т.В. Правовая культура: понятие, структура, соотношение национального и общечеловеческого // Правовая культура, 2009. – №2 (7). – С. 6-17

[3] Карташов В.Н., Баумова М.Г. Правовая культура: понятие, структура, функции: монография / В.Н. Карташов, М.Г. Баумова. – Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 2008. – 200 с.

[4] Петручак Л.А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование: автореферат доктора юридических наук: 12.00.01 – М., 2012. – С. 14

[5] Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник / А.Б. Венгеров. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2019. – 607 с.

[6] Закон Исламской Республики Иран «О повышении административной дисциплины и противодействии коррупции». URL: http://rc.majlis.ir (на перс. языке) (дата обращения: 15.04.2026)

[7] Инструкция «О реализации положений статьи 26 Закона «О повышении административной дисциплины и противодействии коррупции»». (дата обращения: 11.09.2025)

[8] Закон Исламской Республики Иран «О расследовании административных правонарушений». (дата обращения: 15.04.2026)

[9] Закон Исламской Республики Иран «Об исламских уголовных наказаниях». (дата обращения: 15.04.2026)

[10] Закон Исламской Республики Иран «Об усилении ответственности за получение взятки, растрату и мошенничество». (на перс. языке)

[11] Balasubrahmanyam V. Jurisdiction // Essays on the Indian Penal Code: published on the centenary of the Indian Penal Code / ed. by S. Govindarajulu. Bombay, 1962.

[12] Абрамов Б.Д. Особенности индийской модели развития: опыт и перспективы. Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 5.

[13] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

References:

[1] Alekseev S.S. General theory of law: course in 2 vols. - M.: Legal literature, 1981. - VOL. 1. - S. 21.

[2] Sinyukova T.V. Legal culture: concept, structure, ratio of national and universal//Legal culture, 2009. – №2 (7). - S. 6-17

[3] Kartashov V.N., Baumova M.G. Legal culture: concept, structure, functions: monograph/V.N. Kartashov, M.G. Baumova. - Yaroslavl: Yaroslavl state. un-t, 2008. - 200 s.

[4] Petruchak L.A. The legal culture of modern Russia: theoretical and legal research: abstract of a doctor of legal sciences: 12.00.01 - M., 2012. - S. 14

[5] Vengerov A.B. Theory of State and Law: Textbook/A.B. Vengerov. - M.: Publishing and Trading Corporation “Dashkov and Co.,” 2019. - 607 s.

[6] The Law of the Islamic Republic of Iran “On Increasing Administrative Discipline and Combating Corruption.” URL: http://rc.majlis.ir (per pers. language) (accessed on: 15.04.2026)

[7] Instruction “On the implementation of the provisions of Article 26 of the Law “On Increasing Administrative Discipline and Combating Corruption.”” (accessed on: 11.09.2025)

[8] Law of the Islamic Republic of Iran “On Investigation of Administrative Offenses.” (accessed on: 15.04.2026)

[9] Islamic Republic of Iran Law “On Islamic Criminal Penalties.” (accessed on: 15.04.2026)

[10] Law of the Islamic Republic of Iran “On Strengthening Liability for Bribery, Embezzlement and Fraud.” (per pers. language)

[11] Balasubrahmanyam V. Jurisdiction // Essays on the Indian Penal Code: published on the centenary of the Indian Penal Code / ed. by S. Govindarajulu. Bombay, 1962.

[12] B.D. Abramov. Features of the Indian development model: experience and prospects. World economy and international relations. 2020. T. 64. № 5.

[13] Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 “On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values.”

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-133-137

КАПУСТИНСКИЙ А.А.,
Студент 4-го курса бакалавриата
Российского Государственного Университета
Правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: alexeykapustinski@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ НА ПРИМЕРЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Аннотация. *В статье исследуются теоретические и практические проблемы правовой охраны музыкальных произведений как объектов авторского права в Российской Федерации. Отмечается отсутствие легального определения музыкального произведения в Гражданском кодексе РФ, что порождает множество доктринальных подходов.*

Рассматриваются ключевые условия охраноспособности музыкальных произведений: творческий характер (с учетом презумпции, закрепленной Постановлением Пленумов ВС и ВАС №5/29) и объективная форма выражения (нотная запись, звуко- или видеозапись, публичное исполнение). Отдельное внимание уделяется структурным элементам музыки – мелодии, ритму и гармонии, а также дискуссии о возможности самостоятельной охраны мелодии как части произведения.

Основной проблематикой статьи выступает незаконное распространение музыкальных произведений в сети Интернет. Автор выделяет две формы нарушений: «потребительское пиратство» (незаконное скачивание) и массовое размещение контента на нелегальных сайтах. В качестве решений предлагается популяризация открытых лицензий, повышение правосознания граждан, введение обязательного депонирования, а также изменение правовой природы компенсации – перевод ее из права правообладателя в обязанность суда. Делается вывод, что наиболее эффективной мерой защиты является создание доступных и удобных легальных условий для использования музыкальных произведений, что снижает спрос на нелегальный контент.

Ключевые слова: *музыкальное произведение, авторское право, объективная форма выражения, творческий характер произведения, сеть Интернет, потребительское пиратство, защита авторских прав, открытая лицензия, депонирование, компенсация за нарушение исключительных прав.*

KAPUSTINSKY A.A.,
4th year undergraduate student
of the Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedeva

FEATURES OF COPYRIGHT INFRINGEMENT ON THE INTERNET USING MUSIC AS AN EXAMPLE

Annotation. *The article examines theoretical and practical problems of legal protection of musical works as objects of copyright in the Russian Federation. There is a lack of legal definition of a musical work in the Civil Code of the Russian Federation, which gives rise to many doctrinal approaches.*

The key conditions for the protection of musical works are considered: creative character (taking into account the presumption enshrined in the Resolution of the Plenums of the Armed Forces and the Supreme Arbitration Court No. 5/29) and an objective form of expression (musical notation, sound or video recording, public performance). Special attention is paid to the structural elements of music - melody, rhythm and harmony, as well as discussions about the possibility of independent protection of melody as part of the work.

The main problem of the article is the illegal distribution of musical works on the Internet. The author identifies two forms of violations: "consumer piracy" (illegal downloading) and mass posting of content on illegal sites. As solutions, it is proposed to popularize open licenses, increase the legal awareness of citizens, introduce mandatory deposit, as well as change the legal nature of compensation - transferring it from the right holder to the court. It is concluded that the most effective protection measure is to create accessible and convenient legal conditions for the use of musical works, which reduces the demand for illegal content.

Key words: *musical work, copyright, objective form of expression, creative nature of the work, Internet, consumer piracy, copyright protection, open license, deposit, compensation for violation of exclusive rights.*

Введение

Актуальность темы исследования. Музыкальные произведения занимают одно из центральных мест в системе объектов авторского права. Ежедневно в сети Интернет публикуются миллионы новых композиций, а оборот легального музыкального контента исчисляется миллиардами долларов. Вместе с тем, несмотря на широкую распространенность данного объекта, российское законодательство не содержит легального определения понятия «музыкальное произведение». Статья 1259 Гражданского кодекса РФ лишь относит его к числу охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, но не раскрывает сущностных признаков. Это порождает доктринальные споры и затрудняет правоприменительную практику, особенно в сфере защиты прав авторов в цифровой среде. Кроме того, стремительное развитие музыкальных онлайн-платформ (Яндекс Музыка, Apple Music, Spotify) и одновременный рост нелегального распространения контента обостряют необходимость выработки эффективных механизмов противодействия нарушениям. Вопросы творческого характера, объективной формы выражения, а также охраноспособности отдельных элементов музыкального произведения (мелодии, ритма, гармонии) требуют комплексного анализа с учетом современных реалий.

Степень научной разработанности проблемы. Отдельные аспекты правовой охраны музыкальных произведений рассматривались в трудах В.И. Серебровского, П.Г. Дадаяна, В.С. Илларионова, Н.В. Иванова. Однако комплексных исследований, посвященных одновременно теоретическим дефинициям и практическим проблемам защиты музыкального контента в сети Интернет, на сегодняшний день недостаточно.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей статьи является анализ правовой природы музыкального произведения как объекта авторского права и выработка предложений по совершенствованию механизмов защиты прав авторов в сети Интернет. Для достижения цели поставлены следующие задачи: обобщить доктринальные подходы к определению понятия «музыкальное произведение»; выделить критерии его охраноспособности; выявить основные формы незаконного распространения музыкального контента в цифровой среде; предложить меры по повышению эффективности защиты авторских прав.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с созданием, использованием и охраной музыкальных произведений. Предметом являются нормы российского и международного права, судебная практика, доктринальные положения.

I. Отсутствие легального определения музыкального произведения в законодательстве РФ.

Пункт 1 статьи 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации относит музыкальные произведения к объектам авторского права, однако легальное определение данного понятия в Кодексе не закреплено. Отсутствие нормативной дефиниции может быть обусловлено изменчивостью рассматриваемой категории, вследствие чего конкретное определение способно привести к несоответствиям в правоприменительной практике. Указанная изменчивость связана прежде всего со способами создания ритма, мелодии и гармонии.

Существует и иная точка зрения. Так, В.С. Илларионов [5] полагает, что законодатель не фиксирует определение музыкального произведения, поскольку «понятие музыкального произведения давно сложилось и поэтому его применение не вызывает проблем».

II. Доктринальные подходы к определению музыкального произведения.

Несмотря на отсутствие легальной дефиниции, в науке предпринимались многочисленные попытки выработки понятия музыкального произведения.

В.И. Серебровский [10] определял музыкальное произведение как «совокупность идей, мыслей, образов, получивших в результате творческой деятельности автора свое выражение в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения».

П.Г. Дадаян [1] характеризовал его как «произведение искусства, являющееся результатом

творческой (интеллектуальной) деятельности автора, которое становится полноценным объектом авторского права в случае своего внешнего выражения в какой-либо объективной форме, воспринимаемым не только автором, но и другими физическими лицами, и состоящее из совокупности звуковых колебаний, организованных в определенном автором или исполнителем порядке по высоте и по времени».

Представляется обоснованным согласиться с позицией Н.В. Иванов [4], согласно которой «музыкальное произведение представляет собой совокупность идей и образов, получивших в результате творческого процесса отражения человеком реальной действительности свое выражение в форме организованных по высоте и по времени звуковых последований».

III. Условия охраноспособности музыкального произведения.

Несмотря на доктринальную неопределенность, рассматриваемый объект авторского права должен соответствовать ряду формальных критериев. Анализ статей 1257 и 1259 ГК РФ позволяет выделить два обязательных условия: произведение должно являться результатом творческой деятельности и быть выраженным в объективной форме. Аналогичные требования содержатся в Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 года, которая закрепляет необходимость обладания произведением оригинальностью и творческим характером.

Понятие творческого характера, как и дефиниция музыкального произведения, не имеет четкого легального толкования. Согласно толковому словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, творчество представляет собой «создание новых по замыслу культурных или материальных ценностей». Исходя из этого, творческий характер музыкального произведения заключается в уникальности, неповторимости и новизне полученного результата.

Высшие судебные инстанции России также обращались к творческому критерию. В Постановлении Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.03.2009 №5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» закреплено, что «отсутствие новизны, уникальности и оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не являться объектом авторского права». Тем самым судебная практика устанавливает презумпцию творческого характера произведения, пока не доказано иное.

IV. Объективная форма выражения.

Вторым необходимым условием охраноспособности является объективная форма выражения. Для музыкального произведения к таким формам относятся: нотная запись, звуковая запись, видеозапись, а также публичное исполнение (ст. 1259 ГК РФ). Публичное исполнение понимается как исполнение произведения в месте, открытом для свободного доступа неопределенного круга лиц. Ключевым признаком выступает публичность, то есть исполнение осуществляется в присутствии лиц, не относящихся к обычному окружению автора.

Таким образом, основными критериями охраноспособности музыкального произведения признаются творческий характер и объективная форма выражения.

Структурные элементы музыкального произведения и их правовая охрана. Специалисты в области музыки выделяют следующие составляющие музыкального произведения.

Мелодия – завершенная одноголосная последовательность звуков, являющаяся основой музыкального произведения.

Ритм – течение длительностей, разделенное либо не разделенное на регулярные (периодические) временные отрезки.

Гармония – сочетание различных, но согласующихся между собой одновременно воспроизводимых звуков.

Длительное время в науке существовала дискуссия относительно возможности признания мелодии самостоятельным объектом авторского права. Одни ученые полагали, что мелодия не может рассматриваться как независимый объект ввиду ее неразрывной связи с ритмом и гармонией. Другие, напротив, настаивали на самостоятельном правовом значении мелодии.

Указанный спор был разрешен законодателем, так, пункт 7 статьи 1257 ГК РФ теперь закрепляет, что авторские права распространяются не только на произведение в целом, но и на все его части, если по своему характеру они могут быть признаны самостоятельным результатом интеллектуальной деятельности.

V. Распространение музыкальных произведений в сети Интернет и проблемы нарушения авторских прав.

В настоящее время основной площадкой для распространения и продвижения музыкальных произведений выступает сеть Интернет. Музыкальная индустрия отличается высоким разнообразием, вследствие чего значительный объем музыкального контента размещается в сети. Деятельность музыкантов и исполнителей сопряжена с публикацией своих произведений на специализированных платформах (Яндекс

Музыка, Apple Music, Spotify Music, Mixcloud и др.). Артисты размещают контент через посредников – дистрибьюторов, которые заключают договоры с музыкальными площадками на поставку треков и альбомов. Подобная схема удобна для всех участников: музыканты освобождаются от необходимости самостоятельного заключения договоров с множеством сервисов, дистрибьюторы получают вознаграждение, площадки обеспечиваются контентом и извлекают прибыль от продажи подписок, а потребители за умеренную плату получают доступ к прослушиванию большого числа произведений.

В Российской Федерации существуют две основные проблемы нарушения авторских прав на музыкальные произведения в сети Интернет.

Первая проблема – «потребительское пиратство». Речь идет о незаконном скачивании музыкальных произведений рядовыми пользователями. Данная проблема преимущественно связана с уровнем правосознания граждан. Согласно мировым рейтингам, Российская Федерация занимает 24-е место по объему нелегального скачивания музыки (лидирующие позиции принадлежат США, Великобритании и Италии). Нелегальное прослушивание и скачивание наносит убытки правообладателям, которые могли бы получить доход от официальных площадок. В последние годы ситуация в России улучшилась, что объясняется невысокой стоимостью подписок, удобством легальных сервисов и предоставлением неограниченного доступа к музыкальному контенту.

Вторая проблема – незаконное непосредственное распространение музыкальных произведений путем их размещения на различных сайтах. Обращение в Московский городской суд с соответствующим заявлением в данном случае не представляется эффективным, поскольку распространение контента носит массовый, «вирусный» характер.

VI. Меры по противодействию нелегальному распространению и пути решения проблемы.

Решение проблемы автор видит в создании условий, при которых скачивание музыкальных произведений утратит экономическую целесообразность и необходимость.

Так, для обеспечения таких условий, по мнению автора требуется:

1. Легализация распространения музыкальных произведений путем популяризации открытой лицензии и информирования авторов о возможности добровольного использования их произведений.
2. Повышение уровня правосознания граждан посредством формирования понимания существования как имущественных, так и личных неимущественных прав.
3. Создание упрощенного порядка восстановления нарушенного права для всех видов объектов интеллектуальной собственности, включая музыкальные произведения.
4. Введение обязательного депонирования музыкальных произведений.

Проблема защиты авторских прав на музыкальные произведения, несмотря на ее распространенность, является разрешимой. Развитие легальных музыкальных сервисов, предоставляющих доступ к неограниченному количеству произведений разных жанров по доступной цене, снижает потребность пользователей в обращении к нелегальным сайтам.

Законодательство РФ предусматривает ограниченный круг способов восстановления нарушенного права: досудебное урегулирование спора; обращение в суд с требованием о блокировке доступа к контенту; право взыскания компенсации. Однако главная причина широкого распространения нелегального контента, по мнению автора, заключается в отсутствии реальной ответственности за нарушение прав интеллектуальных собственников.

В связи с изложенным предлагается перевести компенсацию за использование исключительных прав из категории права правообладателя в категорию обязанности суда.

Выводы по результатам исследования.

На примере музыкальных и аудиовизуальных произведений рассмотрена проблема нелегального распространения результатов интеллектуальной деятельности в сети Интернет. Аудиовизуальное произведение определяется как «произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком) и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств». Музыкальное произведение представляет собой совокупность идей и образов, получивших в результате творческого процесса отражения человеком реальной действительности свое выражение в форме организованных по высоте и по времени звуковых последований.

Наиболее перспективным способом легального распространения интеллектуальной собственности признается открытая лицензия. Основная мера защиты результатов интеллектуальной деятельности от незаконного распространения заключается в создании таких условий использования, при которых необходимость в нелегальном получении контента отсутствует.

Список литературы:

[1] Дадаян, П.Г. Теоретико-правовой анализ термина «музыкальное произведение» по законодательству РФ// Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2013. №2.

[2] Дашян, М.С. Авторское право: абсурд и гениальность: монография / М.С. Дашян. — М.: Волтерс-Клувер, 2011. — 632 с.

[3] Дозорцев, В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей / Исследовательский центр частного права / В.А. Дзорцев. — М.: Статут, 2005. — 416 с.

[4] Иванов, Н.В. Скачать кино законно / И. Иванов // ЭЖ-ЮРИСТ. - 2011. - №10.

[5] Илларионов, В.С. Авторские права на музыкальные произведения, распространенные в сети Интернет: автореф. дисс. к.ю.н.: 12.00.03. – Москва, 2013. – 32 с.

[6] Калятин, В.О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права) / В.О. Калятин. - М.: Норма, 2000. 289с.

[7] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвертой) (постатейный): в 2 т. Т.1/ С.А. Горленко, В.О. Калятин, Л.Л. Кирий [и др.]; отв. Ред. Л.А. Трахтенгерц. 2-еп изд.// СПС «КонсультантПлюс»

[8] Лацинская М. Кому помогают блокировки // Газета.ru , 15 июля 2016 г. [Электронный ре-сурс]. Режим доступа:

[9] Нуруллаев, Р. Т. Информационный посредник как субъект информационного права: диссертация кандидата юридических наук : 12.00.00 / Нуруллаев Руслан Тимурович; [Место защиты: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»]. - Москва, 2018. - 236 с.

[10] Серебровский, В.И. Вопросы советского авторского права. Изд-во АН СССР, 1956г., С. 3

References:

[1] Dadayan, P.G. Theoretical and legal analysis of the term “musical work” under the legislation of the Russian Federation//Intellectual property. Copyright and related rights. – 2013. №2.

[2] Dashyan, M.S. Copyright: Absurdity and Genius: Monograph/M.S. Dashyan. - M.: Wolters-Kluver, 2011. - 632 s.

[3] Dozortsev, V. A. Intellectual rights: Concept. System. Codification tasks. Collection of articles/ Research Center for Private Law/V.A. Dzortsev. - M.: Statute, 2005. - 416 s.

[4] Ivanov, N.V. It is legal to download a movie/I. Ivanov//EZh-LAWYER. - 2011. - №10.

[5] Illarionov, V.S. Copyright for musical works distributed on the Internet: author. diss. Ph.D.: 12.00.03. - Moscow, 2013. - 32 s.

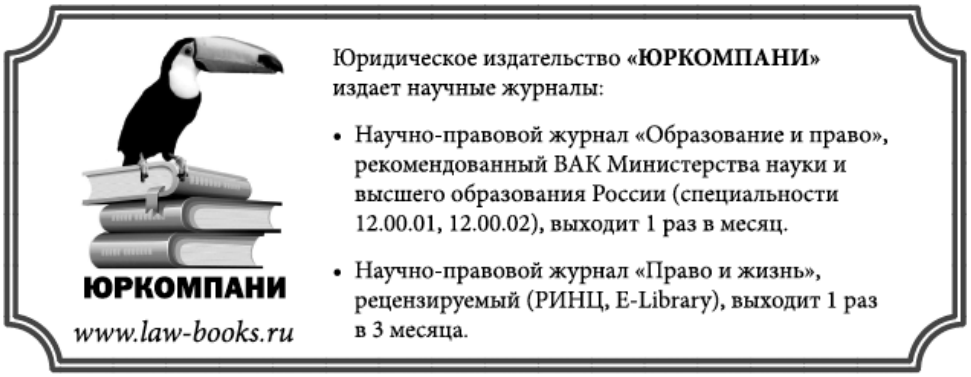
[6] Kalyatin, V.O. Intellectual Property (Exclusive Rights)/V.O. Kalyatin. - M.: Norma, 2000. 289s.

[7] Commentary to the Civil Code of the Russian Federation (part four) (itemized): in 2 volumes T.1/ S.A. Gorlenko, V.O. Kalyatin, L.L. Kiriy [et al.]; resp. Ed. L.A. Trachtengerz. 2nd ed .//SPS “ConsultantPlus”

[8] Latsinskaya M. Who is helped by locks// Газета.ru, July 15, 2016. [Electronic re-source]. Access mode:

[9] Nurullaev, R. T. Information intermediary as a subject of information law: dissertation of the candidate of legal sciences: 12.00.00/Nurullaev Ruslan Timurovich; [Place of protection: National Research University “Higher School of Economics”]. - Moscow, 2018. - 236 s.

[10] Serebrovsky, V.I. Soviet copyright issues. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1956, P. 3.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-138-142

ОГАНОВА Н.В.,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОЗДАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ, КНР И США

Аннотация. *В условиях экспоненциального роста применения систем искусственного интеллекта (ИИ) в научно-исследовательской деятельности возникает фундаментальная правовая коллизия между классическими антропоцентричными концепциями интеллектуальной собственности и новым технологическим укладом.*

Целью исследования является сравнительно-правовой анализ подходов к определению правообладателя и режима правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности (РИД), созданных с существенным участием ИИ, в контексте их последующей коммерциализации в Российской Федерации, Китайской Народной Республике и Соединенных Штатах Америки.

Научная новизна работы заключается в комплексном межотраслевом рассмотрении проблемы через призму авторского и патентного права, договорных моделей коммерциализации, а также вопросов деликтной ответственности.

Методология исследования основана на применении сравнительно-правового, формально-юридического и системного методов, а также метода правового моделирования.

В результате анализа выявлено, что, несмотря на наличие «правового вакуума» в отношении статуса РИД, созданных автономно ИИ, во всех трех юрисдикциях, их регуляторные ответы гетерогенны: США и РФ последовательно придерживаются антропоцентричной парадигмы, отказывая ИИ в правосубъектности, тогда как КНР демонстрирует гибкий инструментальный подход, ориентированный на стимулирование национальной индустрии.

Автором обоснован вывод о том, что для эффективной коммерциализации российских разработок необходима адаптация гражданского законодательства, включая закрепление презумпции правообладания за лицом, организовавшим использование ИИ, и развитие специальных договорных конструкций.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, коммерциализация, результаты интеллектуальной деятельности, правообладатель, патентное право, авторское право, сравнительное правоведение, правовое регулирование ИИ, трансфер технологий.*

OGANOVA N.V.,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

LEGAL CHALLENGES TO THE COMMERCIALIZATION OF SCIENTIFIC RESULTS CREATED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF RUSSIAN, CHINESE, AND US LEGISLATION

Annotation. *With the exponential growth of artificial intelligence (AI) systems in scientific research, a fundamental legal conflict arises between classical anthropocentric concepts of intellectual property and the new technological paradigm.*

The purpose of this study is a comparative legal analysis of approaches to determining the copyright holder and the legal protection regime for intellectual property (IP) created with significant AI involvement, in the context of their subsequent commercialization in the Russian Federation, the People's Republic of China, and the United States of America.

The scientific novelty of this study lies in its comprehensive, cross-sectoral examination of the issue through the lens of copyright and patent law, contractual commercialization models, and tort liability issues.

The research methodology is based on comparative legal, formal legal, and systemic methods, as well as legal modeling.

The analysis revealed that, despite the existence of a "legal vacuum" regarding the status of IP created autonomously by AI in all three jurisdictions, their regulatory responses are heterogeneous: the United States and Russia consistently adhere to an anthropocentric paradigm, denying AI legal personality, while China demonstrates a flexible, instrumental approach aimed at stimulating the domestic industry.

The author substantiates the conclusion that the effective commercialization of Russian developments requires the adaptation of civil legislation, including the recognition of the presumption of ownership by the party organizing the use of AI and the development of specialized contractual structures.

Key words: *artificial intelligence, intellectual property, commercialization, intellectual property, rights holder, patent law, copyright, comparative law, legal regulation of AI, technology transfer.*

Стремительная диффузия технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) в научно-исследовательскую деятельность порождает революционные изменения в эпистемологии и методологии генерации знаний.

Современные системы ИИ демонстрируют способность не только решать сугубо вычислительные задачи, но и формулировать научные гипотезы, моделировать эксперименты, синтезировать новые химические соединения и генерировать программный код.

Данное обстоятельство стирает грань между инструментом исследования и его квазисубъектом, ставя перед правом фундаментальный вопрос об идентификации правообладателя результата, созданного машиной.

Неопределенность правового статуса подобных РИД является ключевым барьером, блокирующим инвестиции и заключение лицензионных соглашений [1].

Гражданское законодательство РФ уже сейчас содержит предпосылки для неоднозначного толкования. Согласно п. 1 ст. 1259 ГК РФ, перечень объектов авторских прав не является исчерпывающим, однако ключевым критерием охраноспособности выступает творческий характер труда человека [5].

Как разъясняется в судебной практике, «само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права» (п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10).

Однако п. 5 ст. 1259 ГК РФ прямо исключает из-под охраны идеи, концепции и методы, что создает серую зону для результатов, генерируемых алгоритмами.

Аналогичная коллизия наблюдается и в патентном праве: согласно п. 5 ст. 1350 ГК РФ, открытия, научные теории и математические методы не относятся к изобретениям, а программам для ЭВМ предоставляется охрана лишь как литературным произведениям. Авторами подобных объектов de facto уже сейчас выступает ИИ, однако отсутствие прямого регулирования оставляет данную сферу без эффективных механизмов защиты.

Целью настоящего исследования является выявление правовых пробелов и коллизий в регулировании создания и использования РИД, созданных с применением ИИ, в законодательстве России, КНР и США, а также разработка на этой основе предложений по совершенствованию российского правового поля.

Методологический каркас исследования составляет сочетание классических и современных правовых методов.

Сравнительно-правовой метод применен для синхронного анализа подходов РФ, КНР и США к регулированию статуса РИД, созданных ИИ.

Формально-юридический метод использован при толковании норм ГК РФ, патентного законодательства США (Title 35 U.S. Code) и законодательства КНР.

Системный метод позволил рассмотреть проблему в межотраслевом контексте, установив взаимосвязи между институтами авторского права, патентного права и договорного регулирования. Также применялись методы правового моделирования для разработки предложений de lege ferenda (закон, каким он должен быть).

Сравнительно-правовой анализ позволяет выделить три магистральных подхода к решению проблемы правообладания.

Первый — антропоцентричный подход, доминирующий в западном правовом дискурсе. Он постулирует, что правообладателем может быть исключительно физическое лицо, чьим творческим трудом создан результат.

Если вклад человека признается недостаточным (субъект лишь инициировал процесс), результат объявляется общественным достоянием.

Именно этой позиции последовательно придерживаются Ведомство по патентам и товарным знакам США (USPTO) и Европейское патентное ведомство (ЕПО), отказывая в регистрации изобретений, где в качестве изобретателя указан ИИ (см. дело о проектах DABUS) [2, с. 49].

Второй — инструментальный подход, ориентированный на защиту инвестиций и организации процесса. В его рамках правообладателем признается лицо (физическое или юридическое), которое инвестировало ресурсы в создание, обучение и применение ИИ, организовало его работу и несет сопряженные с этим риски. Данный подход представляет наибольшую прагматическую ценность для целей коммерциализации, поскольку создает ясного и правоспособного субъекта оборота.

Третий — радикальный подход, предполагающий наделение продвинутых систем ИИ статусом «электронного лица» с возможностью первоначального обладания правами.

На текущий момент ни одна юрисдикция не имплементировала эту модель в позитивное право ввиду ее философско-правовой спорности и сложности реализации механизмов ответственности [7, с. 210].

Законодательство РФ не содержит специальных норм о РИД, созданных ИИ. Применяются общие положения части четвертой ГК РФ.

Статья 1228 ГК РФ императивно закрепляет антропоцентричную парадигму, признавая автором исключительно гражданина, творческим трудом которого создан результат.

В патентном праве (ст. 1347 ГК РФ) изобретателем может быть указано только физическое лицо. Если ИИ самостоятельно, без творческого вклада человека, предложил патентоспособное техническое решение, оно не может быть запатентовано.

В авторском праве (ст. 1257 ГК РФ) результат, сгенерированный ИИ по формальному алгоритму без вмешательства человека, не признается объектом авторского права.

Таким образом, возникает фундаментальная проблема для коммерциализации: если вклад человека минимален (например, он лишь задал исходные параметры), полученный результат является неохраноспособным, что создает риск оспаривания сделок или признания актива ничтожным.

Подход США концептуально схож с российским, однако дифференцируется за счет развитой судебной практики и доктрины «work made for hire».

Патентное законодательство (Title 35 U.S. Code) требует, чтобы изобретателем (inventor) было физическое лицо. В прецедентных делах 2019–2022 гг. по заявкам системы DABUS федеральные суды последовательно подтвердили, что машина не может быть изобретателем [3, с. 161].

Бюро по авторским правам США (U.S. Copyright Office) также четко указывает, что охрана предоставляется только произведениям человека.

Отличие от РФ состоит в том, что доктрина «работы по найму» и развитые договорные механизмы позволяют компаниям более эффективно закреплять права на результаты, полученные сотрудниками с использованием корпоративных ИИ-систем.

Однако проблема результатов, созданных автономно ИИ, остается нерешенной и в этой юрисдикции.

Китайская Народная Республика (КНР) демонстрирует наиболее гибкий и прагматичный подход, ориентированный на опережающее развитие индустрии ИИ.

Формально нормы Закона об авторском праве и Патентного закона КНР также базируются на антропоцентричной модели, однако правоприменительная практика эволюционирует в сторону инструментального подхода.

Знаковым стал прецедент 2019 года, когда суд Шэньчжэня по делу о статье, сгенерированной ИИ, признал авторские права за компанией-разработчиком ИИ, аргументировав это инвестициями и организацией процесса [10, p. 78].

Кроме того, введение в августе 2023 года «Временных мер управления генеративным ИИ» создало первую в мире систему регулирования для ИИ-генераторов, обеспечив бизнесу правовую определенность для коммерциализации [6, с. 79].

Китайское ведомство по интеллектуальной собственности (CNIPA) также активно использует ИИ для ускорения экспертизы заявок и тестирует блокчейн-системы для фиксации авторства. Все это делает правовую среду КНР предсказуемой для инвесторов: компания, инвестирующая в ИИ, с высокой долей вероятности будет признана правообладателем генерируемых результатов, что упрощает привлечение финансирования.

Далее рассмотрим практические аспекты и риски коммерциализации.

Анализ эмпирических данных показывает, что лидирующие позиции КНР в коммерциализации ИИ-решений во многом обусловлены целенаправленной государственной стратегией «AI for Science» и функционированием пилотных зон (Шэньчжэнь, Шанхай) с упрощенными процедурами pre-market approval для ИИ-медицины и быстрой передачи технологий [8, с. 152].

Все это привело к ощутимым результатам в области коммерциализации РИД.

Так, компания «Insilico Medicine» (базируется в Гонконге и имеет R&D в Шанхае) в 2024 году начала клинические испытания второго препарата, полностью разработанного с помощью ИИ (первый в мире подобный случай). Их платформа использует генеративные adversarial networks (GAN) для создания молекул-кандидатов.

В свою очередь, Huawei Cloud и Китайская академия наук создали платформу для скрининга новых материалов для аккумуляторов и полупроводников. В 2023 году с её помощью было запатентовано несколько новых композитов с сокращением времени разработки на 70%.

В Китае активно тестируют систему на блокчейне для фиксации авторства и траектории разработки ИИ-проектов. Это помогает в спорных ситуациях и повышает доверие инвесторов.

А Китайское ведомство по ИС (CNIPA) использует ИИ для ускорения экспертизы заявок в области ИИ-технологий.

В России тоже уже сейчас появляются результаты в области коммерциализации РИД.

По итогам первого полугодия 2025 года финансовый эффект для Сбера от внедрения генеративного искусственного интеллекта в свои процессы составил почти 30 млрд руб.

В конце 2025 года Сбер представил новую линейку моделей Kandinsky 5.0 для генерации изображений и видео, которые также появились в открытом доступе. В компании отметили, что новая линейка нейросетевых моделей стала крупнейшим open-source проектом Европы.

Указом Президента РФ от 15.02.2024 №124 — обновлена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года.

Главная задача стратегии — обеспечить технологический суверенитет и встроить ИИ в ключевые сферы. Стратегия фокусируется на формировании условий, при которых ИИ становится повседневным и масштабируемым инструментом, доступным для бизнеса, исследователей и государства.

Для сравнения: в России, согласно исследованиям НИУ ВШЭ, лишь 5,2 % организаций производят товары и услуги с элементами ИИ, а общий объем реализованных ИИ-решений в 2023 г. составил 32,4 млрд руб. (0,7 % от общего объема отгрузки), причем доминируют услуги (82,7 %), тогда как на собственно первичные ИИ-модули приходится лишь 1,0 %.

Неопределенность правового режима порождает следующие ключевые риски:

- во-первых, риск неохраноспособности, при котором инвестор не может быть уверен, что приобретаемый актив защищен законом;

- во-вторых, риск оспаривания прав со стороны программистов, обучавших ИИ;

- в-третьих, проблема распределения доходов, затрудняющая заключение лицензионных договоров.

В этих условиях основная нагрузка ложится на договорное право. Участники оборота вынуждены детально прописывать в соглашениях о разработке и лицензировании положения, идентифицирующие круг результатов, созданных с использованием ИИ, определяющие момент перехода прав и разграничивающие ответственность за использование нелегальных данных для обучения. В частности, это следующие положения:

1) какие результаты признаются созданными с использованием ИИ;
2) кто и при каких условиях становится правообладателем;
3) порядок распределения доходов от коммерциализации;
4) разграничение ответственности за возможные нарушения прав третьих лиц (например, если ИИ при создании результата использовал нелегально полученные данные).

Сравнительный анализ показывает, что Россия, как и США, занимает консервативные антропоцентрические позиции, что в условиях глобальной технологической конкуренции создает риски отставания.

Для стимулирования коммерциализации РИД, созданных с применением ИИ, необходима адаптация законодательства по модели, близкой к китайской, но с учетом российской правовой традиции:

1. Законодательное закрепление презумпции правообладания. Предлагается ввести в ГК РФ норму, согласно которой правообладателем РИД, созданного с использованием ИИ, признается лицо, организовавшее его применение для творческой или изобретательской деятельности, при условии несения им рисков и осуществления значительных инвестиций. Данная презумпция должна применяться в случаях, когда специфический творческий вклад человека не может быть персонифицирован.

2. Введение специального режима охраны. Целесообразно ввести уведомительную регистрацию подобных РИД в Роспатенте по модели

«sui generis», что повысит правовую определенность и облегчит бремя доказывания в суде.

3. Развитие договорных конструкций. Необходима разработка типовых договорных моделей (лицензионный договор, договор об отчуждении исключительного права на технологии, созданные ИИ), которые снизят транзакционные издержки участников рынка.

Реализация этих предложений позволит перейти от догоняющего регулирования к опережающему, создав благоприятные условия для интеграции российских разработок в глобальную инновационную экономику.

Список литературы:

[1] Абашкин В.Л., Ковалева Г.Г. Распространение искусственного интеллекта в отраслях экономики и социальной сферы // НИУ ВШЭ. URL: https://issek.hse.ru/news/1091369132.html (дата обращения: 05.01.2026).

[2] Астапенко П. Сравнительный анализ правового регулирования искусственного интеллекта в России, Китае, США и Европейском Союзе // Закон и право. — 2025. — № 6. — С. 47–54.

[3] Базаркина Д.Ю., Пашенцев Е.Н., Михалевич Е.А. Регулирование рисков, связанных со злонамеренным использованием искусственного интеллекта в США, ЕС и Китае // Современная Европа. — 2024. — № 6 (127). — С. 156–167.

[4] Белоусов А.А. Регулирование генеративного искусственного интеллекта в иностранных юрисдикциях и России: сравнительно-правовой анализ // Юридические исследования. — 2025. — № 7. — С. 13–28.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (1 ч.). — Ст. 5496.

[6] Касихин Л. Правовое регулирование искусственного интеллекта в Китае // Закон и власть. — 2025. — № 6. — С. 77–81.

[7] Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2018. — 420 с.

[8] Солоненко Д.Ю. Правовое регулирование искусственного интеллекта в России и Китае: сравнительный анализ // Право и политика. — 2026. — № 2. — С. 144–155.

[9] Федеральный закон от 08.07.2024 № 169-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 29. — Ст. 4112.

[10] Zhang G. The Rise of Artificial Intelligence and the Legal Protection of AI-Generated Works: A Chinese Perspective // Journal of World Intellectual Property. — 2023. — Vol. 26 (1). — P. 75–95.

[11] Ethics Guidelines for Trustworthy AI, Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China, 2022.

References:

[1] Abashkin V.L., Kovaleva G.G. Spread of Artificial Intelligence in the Economic and Social Sectors // HSE University. URL: https://issek.hse.ru/news/1091369132.html (accessed: 05.01.2026).

[2] Astapenko P. Comparative Analysis of Legal Regulation of Artificial Intelligence in Russia, China, the USA, and the European Union // Law and Right. - 2025. - No. 6. - Pp. 47-54.

[3] Bazarkina D.Yu., Pashentsev E.N., Mikhalevich E.A. Regulation of Risks Associated with Malicious Use of Artificial Intelligence in the USA, EU, and China // Modern Europe. - 2024. - No. 6 (127). - Pp. 156-167.

[4] Belousov A.A. Regulation of Generative Artificial Intelligence in Foreign Jurisdictions and Russia: A Comparative Legal Analysis // Legal Research. — 2025. — No. 7. — Pp. 13–28.

[5] Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 28.04.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2006. — No. 52 (Part 1). — Art. 5496.

[6] Kasikhin L. Legal Regulation of Artificial Intelligence in China // Law and Power. — 2025. — No. 6. — Pp. 77–81.

[7] Morhat P.M. Legal capacity of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law issues: dis. ... Doctor of Law. - Moscow, 2018. - 420 p.

[8] Solonenko D.Yu. Legal regulation of artificial intelligence in Russia and China: a comparative analysis // Law and Politics. - 2026. - No. 2. - Pp. 144-155.

[9] Federal Law of 08.07.2024 No. 169-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations in the Russian Federation"" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2024. - No. 29. - Art. 4112.

[10] Zhang G. The Rise of Artificial Intelligence and the Legal Protection of AI-Generated Works: A Chinese Perspective // Journal of World Intellectual Property. — 2023. — Vol. 26(1). — P. 75–95.

[11] Ethics Guidelines for Trustworthy AI, Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China, 2022.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-143-146
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.

ЛОШКАРЁВА Елизавета Александровна,
Студентка ДВФУ г. Владивосток,
e-mail: mail@law-books.ru

ОТГРАНИЧЕНИЕ БРАЧНОГО ДОГОВОРА ОТ СМЕЖНЫХ ДОГОВОРНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Аннотация. *В работе рассматриваются характерные черты брачного договора и проводится его сопоставление со смежными конструкциями — через анализ того, кто может быть стороной договора, что составляет его предмет, каково содержание, когда он заключается и какие последствия порождает. Сложность брачного договора состоит в том, что на практике он нередко конкурирует с иными формами оформления имущественных отношений супругов — соглашениями о разделе, договорами дарения, различными смешанными конструкциями. Границы между ними размыты, а законодательство пока не даёт исчерпывающих ориентиров для разграничения.*

Ключевые слова: *брачный договор, имущественные отношения супругов, соглашение о разделе имущества, алиментное соглашение, правовое регулирование.*

LOSHKAREVA Elizaveta Aleksandrovna,
Student FEFU Vladivostok

DEMARCATION OF PRENUPTIAL AGREEMENT FROM RELATED CONTRACTUAL STRUCTURES

Annotation. *The paper examines the characteristic features of a marriage contract and compares it with related constructions through an analysis of who can be a party to the contract, what is its subject matter, what is its content, when it is concluded and what consequences it generates. The complexity of the marriage contract lies in the fact that in practice it often competes with other forms of registration of property relations between spouses — division agreements, donation agreements, various mixed constructions. The boundaries between them are blurred, and the legislation does not yet provide comprehensive guidelines for differentiation*.

Key words: *prenuptial agreement, marital property relations, property sharing agreement, alimony agreement, legal regulation.*

Брачный договор представляет собой соглашение между лицами, вступающими в брак, или уже состоящими в нём супругами, и касается он исключительно имущественной стороны: кому что принадлежит, кто за что отвечает, и что произойдёт с собственностью, если брак всё же распадётся. Оформляется такой договор только письменно и заверяется у нотариуса, что само по себе говорит об особом правовом весе подобного документа и о том, что интересы обеих сторон здесь действительно нуждаются в защите.

Договор способен охватывать не только то имущество, которое уже есть у супругов на момент его подписания, но и то, что появится у них в будущем. Это делает его инструментом достаточно гибким, например, урегулировать права на квартиру, которую пара только планирует купить. Такая «перспективность» требует от сторон определённой предусмотрительности: договор, составленный наспех или без учёта возможных изменений в жизни, рискует оказаться неполным [3, с. 202].

Разграничение брачного договора и иных договорных конструкций, регулирующих имущественные отношения супругов, проводится по нескольким критериям — субъектному составу, предмету, содержанию, моменту заключения и правовым последствиям. По правовой природе на брачный договор похоже соглашение о разделе имущества, хотя между этими двумя институтами различия весьма существенны.

Так, брачный договор вправе заключить как лица, только вступающие в брак, так и уже состо-

ящие в нём супруги. Соглашение о разделе имущества доступно лишь супругам или бывшим супругам — то есть тем, кто уже находится или находился в зарегистрированном браке. Разница техническая, однако на практике она определяет саму возможность использования того или иного инструмента.

Момент заключения тоже различается. Брачный договор может быть подписан до государственной регистрации брака или в любой момент его существования. Соглашение о разделе имущества заключается либо в период брака, либо после его прекращения, то есть оно всегда привязано к уже сложившимся отношениям, что принципиально меняет характер документа.

Предмет регулирования. Брачный договор распространяется как на имущество, которое уже есть у сторон, так и на то, которое может появиться в будущем. Соглашение о разделе имущества направлено исключительно на распределение того имущества, что существует на момент его заключения. Отсюда и разная функция этих инструментов: первый планирует имущественный режим, второй его фиксирует. [5, с. 246-247].

Брачный договор позволяет установить совместную, долевую или раздельную собственность, причём применительно как ко всему имуществу в целом, так и к отдельным его видам. Соглашение о разделе имущества лишь оформляет переход от совместной собственности к долевой или раздельной, не предполагая столь широкой вариативности режимов.

Содержательное различие между двумя этими инструментами тоже весьма существенно. Брачный договор по своей природе комплексен: он охватывает взаимное содержание супругов, участие каждого из них в общих доходах, распределение семейных расходов и решает вопрос об имуществе на случай развода. Соглашение о разделе устроено иначе. Его предмет строго ограничен: только распределение имущественных объектов между сторонами, без выхода за пределы этой задачи. Прочие аспекты имущественных отношений оно не регулирует. Отсюда следует, что брачный договор представляет собой значительно более широкий по охвату инструмент выстраивания имущественных отношений между супругами [1, с. 11].

Похожие критерии разграничения работают и тогда, когда брачный договор сопоставляется с соглашением об определении долей в общем имуществе. Это соглашение, конкретизирует права супругов применительно к уже существующему имуществу, путём установления долей в праве общей собственности. Будущие имущественные отношения оно не затрагивает, и уж тем более не охватывает такие вещи, как взаимное содержание сторон или порядок распределения расходов. Назначение подобного соглашения сводится к одному – перевести режим совместной собственности в долевой.

Среди смежных договорных конструкций соглашение об уплате алиментов заслуживает отдельного разбора потому, что его нередко смешивают с брачным договором, хотя различия между ними весьма существенны. Начать стоит с субъектного состава: брачный договор допускается заключить ещё до регистрации брака, тогда как алиментное соглашение возможно исключительно между супругами или бывшими супругами.

По целевой направленности конструкции тоже расходятся. Брачный договор охватывает имущественные отношения в их совокупности — режим собственности, порядок раздела, взаимные обязательства. Алиментное соглашение, устроено иначе: оно решает одну задачу – обеспечить материальное содержание нуждающегося лица при наличии предусмотренных законом обстоятельств.

Еще одно значимое отличие связано с юридической силой. После нотариального удостоверения алиментное соглашение приобретает силу исполнительного документа это означает, что принудительное взыскание становится возможным без судебного разбирательства. Брачный договор, при всей его диспозитивности, таким свойством не наделён. Объясняется это именно широтой его регулирования: чем больше усмотрения сторон, тем меньше оснований для автоматического принуждения [2, с. 235-236].

Содержательные различия между этими двумя инструментами тоже весьма показательны. Брачный договор способен включать положения о взаимном содержании супругов, однако такие условия играют вспомогательную роль потому, что они не образуют его смысловое ядро. Алиментное соглашение устроено иначе: всё его содержание сводится именно к обязательствам по уплате алиментов, причём фиксируются размер, порядок и способы исполнения.

Отдельного внимания заслуживает ситуация, когда брачный договор между супругами посвящён исключительно алиментным обязательствам. Возникает вполне реальная квалификационная проблема: такой документ рискует быть признан алиментным соглашением со всеми вытекающими правовыми последствиями, которые из этого статуса следуют. Разграничить их в подобных случаях действительно непросто, и правоприменительная практика здесь не всегда однородна.

Различия между брачным договором и смежными соглашениями заключается и в том,

как они изменяются и прекращают действие. Брачный договор допускает корректировку по взаимному согласию супругов или через суд, а расторжение брака, как правило, его прекращает, если только в тексте договора не предусмотрены обязательства, рассчитанные уже на период после развода. А алиментное соглашение, прекращается и изменяется по специальным, учитывающим природу алиментных обязательств правилам.

Разграничить брачный договор и смежные с ним конструкции на практике непросто. Все эти соглашения так или иначе регулируют имущественные отношения между супругами или бывшими супругами, и эта функциональная близость закономерно порождает путаницу. Однако при внимательном анализе различия обнаруживаются довольно отчётливо: субъектный состав, предмет, содержание, момент заключения и правовые последствия у каждой из конструкций свои. Именно это и даёт основания рассматривать их как самостоятельные правовые институты, а не как варианты одного и того же механизма [4, с. 153].

В действующее семейном законодательстве немало пробелов. На практике это выражается в заключении соглашений, которые по содержанию фактически дублируют друг друга. Правовая определённость снижается, почва для споров появляется там, где её могло и не быть.

Соглашение о разделе имущества касается только уже существующих объектов, на будущие отношения супругов оно не распространяется, и в этом его принципиальное отличие от брачного договора. Договор об определении долей решает, по сути, одну задачу: преобразовать режим собственности. Ничего сверх этого он не регулирует. Что касается алиментного соглашения, его сфера действия ограничена обязательствами по содержанию, зато юридические последствия здесь весьма ощутимы — такое соглашение допускает принудительное исполнение, что само по себе немаловажно.

Для преодоления обозначенных проблем стоит пересмотреть саму систему договорного регулирования имущественных отношений между супругами. Брачному договору разумно отвести приоритетное место как универсальному инструменту, охватывающему весь спектр имущественных вопросов в период брака, — алиментные обязательства здесь составляют обоснованное исключение.

Соглашения о разделе имущества и об определении долей, до сих пор требуют законодательного регулирования: их предметы пересекаются, а правоприменительная практика нередко трактует их взаимозаменяемо. Более чёткая нормативная регламентация каждого из этих инструментов позволила бы устранить дублирование и снять накопившуюся неопределённость.

Отдельного внимания заслуживает разграничение брачного договора и алиментного соглашения потому, что на уровне закона оно по-прежнему остаётся недостаточным. Между тем эти конструкции различаются и по субъектному составу, и по содержанию, и по юридической силе, что само по себе требует самостоятельного нормативного закрепления для каждой из них [6, с. 196].

Правовая грамотность граждан играет здесь не меньшую роль, чем качество самого законодательства. Когда люди плохо понимают, чем брачный договор отличается от смежных соглашений, ошибки при заключении сделок практически неизбежны и споры не заставляют себя ждать. Разграничить брачный договор и близкие ему конструкции на практике получится только тогда, когда совершенствование правового регулирования идёт рука об руку с реальным ростом правосознания участников семейных отношений. Именно такое сочетание способно обеспечить устойчивость гражданского оборота и действенную защиту имущественных интересов супругов.

Таким образом, брачный договор как правовой институт вызывает устойчивый интерес потому, что его природа не укладывается в стандартные договорные схемы. Из проведённого анализа следует вывод о необходимости корректировки действующего регулирования. Речь идёт о повышении правовой определённости в части квалификации договорных форм и устранении дублирования, которое ведёт к непоследовательному правоприменению. Без этого имущественные отношения супругов останутся зоной повышенной правовой неопределённости — со всеми вытекающими рисками для участников таких отношений.

Список литературы:

[1] Афанасьева К. А. О достоинствах и недостатках брачного договора // Современное состояние и перспективы развития современной науки. – 2023. – С. 10-16.

[2] Договор в гражданском праве: современное развитие традиционных цивилистических институтов : Сборник статей Международного круглого стола, посвященного 70-летию со дня рождения заслуженного работника образования Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора В. Н. Годунова, Минск, 07 февраля 2024 года. – Минск: Республиканский институт высшей школы, 2024. – 490 с.

[3] Задонских Д. А. Практика применения брачного договора в Российской Федерации //IV Международная научная конференция по междисциплинарным исследованиям: сборник статей. Екатеринбург: ООО «Институт цифровой экономики и права», 2023.–601 с. – 2023. – С. 202.

[4] Мамедов К. К. Отличие брачного договора от иных соглашений, предусмотренных семейным законодательством //Инновационная наука. – 2025. – №. 4-1. – С. 152-154.

[5] Прохоренкова И. А., Афонина О. С. Правовое регулирование брачного договора //Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – №. 12-2 (111). – С. 245-249.

[6] Челпанов И. М. Наследственный договор как наименование для смежных договорных конструкций //Вопросы российской юстиции. – 2025. – №. 38. – С. 193-202.

References:

[1] Afanasyeva K. A. On the advantages and disadvantages of a marriage contract//The current state and prospects for the development of modern science. – 2023. - S. 10-16.

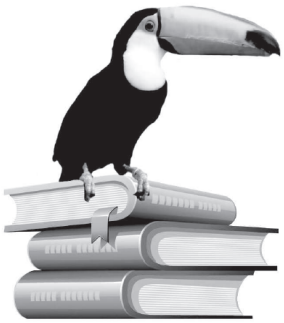
[2] Contract in civil law: modern development of traditional civil institutions: Collection of articles of the International Round Table dedicated to the 70th anniversary of the birth of the Honored Education Worker of the Republic of Belarus, Doctor of Law, Professor V. N. Godunov, Minsk, February 07, 2024. - Minsk: Republican Institute of Higher Education, 2024. - 490 s.

[3] Zadonskikh D.A. Practice of applying a marriage contract in the Russian Federation//IV International Scientific Conference on Interdisciplinary Research: a collection of articles. Yekaterinburg: Institute of Digital Economics and Law LLC, 2023.-601 p. - 2023. - S. 202.

[4] Mammadov K. K. The difference between the marriage contract and other agreements provided for by family law//Innovative science. – 2025. – №. 4-1. - S. 152-154.

[5] Prokhorenkova I.A., Afonina O.S. Legal regulation of the marriage contract//International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2025. – №. 12-2 (111). - S. 245-249.

[6] Chelpanov I. M. Hereditary contract as a name for related contractual structures//Issues of Russian justice. – 2025. – №. 38. - S. 193-202.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-147-152

ШАРИЙ Александр Иванович,
студент 4 курса Юридического факультета,
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, Россия, г. Москва,
e-mail: ShariyAlex11@gmail.com

Научный руководитель:
БЕЛОУСОВ Андрей Леонидович,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры правового регулирования
экономической деятельности Юридического факультета,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ИПОТЕЧНОЕ ЖИЛЬЕ КАК ОБЪЕКТ СЕМЕЙНЫХ СПОРОВ: ПРОБЛЕМЫ РАЗДЕЛА ДОЛГА И ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ ПРИ РАСТОРЖЕНИИ БРАКА

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы правового режима жилого помещения, приобретенного супругами с использованием ипотечного кредита, при расторжении брака и разделе общего имущества. Актуальность темы обусловлена тем, что ипотечное обязательство обычно сохраняется значительно дольше брака, а спор о квартире одновременно затрагивает интересы бывших супругов, банка-залогодержателя и, в ряде случаев, несовершеннолетних детей. Автор анализирует соотношение семейно-правовых норм о совместной собственности супругов и гражданско-правовых правил о залоге, переводе долга и сохранении ипотеки при переходе права собственности. Обосновывается вывод о том, что судебный раздел ипотечного жилья не должен отождествляться с изменением кредитного договора: между супругами может быть распределено экономическое бремя платежей, однако обязательство перед банком сохраняет первоначальную конструкцию до получения согласия кредитора. Отдельное внимание уделяется ситуациям приобретения жилья до брака, погашения кредита за счет общих средств, использования средств материнского капитала, а также обращению взыскания на единственное ипотечное жилье. Предлагается рассматривать такие споры поэтапно: сначала определять правовой режим жилья и источники его приобретения, затем распределять внутренние обязательства супругов и только после этого оценивать последствия залога и возможного взыскания.*

Ключевые слова: *ипотека, ипотечное жилье, раздел имущества супругов, общий долг супругов, залог, обращение взыскания, расторжение брака, материнский капитал, права детей, банк-залогодержатель.*

SHARIY Aleksandr Ivanovich,
4th-year student of the Faculty of Law,
Financial University under the Government
of the Russian Federation, Russia, Moscow

Scientific supervisor:
BELOUSOV Andrey Leonidovich,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Legal Regulation
of Economic Activity, Faculty of Law, Financial University
under the Government of the Russian Federation

MORTGAGED HOUSING AS AN OBJECT OF FAMILY DISPUTES: PROBLEMS OF DEBT DIVISION AND FORECLOSURE UPON DIVORCE

Annotation. *The article examines the legal issues arising when residential property acquired by spouses with the use of a mortgage loan becomes the subject of a family dispute upon divorce. The relevance of the topic is determined by the long-term nature of mortgage obligations and by the fact that a dispute over such property simultaneously affects the interests of former spouses, the mortgage creditor and, in some cases, minor children. The article analyzes the correlation between family-law rules on joint marital property and civil-law rules on pledge, transfer of debt and preservation of mortgage upon transfer of ownership. The author argues that judicial division of mortgaged housing should not be equated with an amendment of the loan agreement: the court may distribute the economic burden of payments between the spouses, but the obligation towards the bank remains unchanged until the creditor agrees otherwise. Special attention is paid to housing acquired before marriage, repayment of a loan from common family funds, the use of maternity capital, and foreclosure on the only mortgaged dwelling. The author proposes a step-by-step approach to resolving such disputes: first, determine the property regime and sources of acquisition; then allocate internal obligations between spouses; and finally assess the consequences of pledge and possible foreclosure.*

Key words: *mortgage, mortgaged housing, division of marital property, common debt of spouses, pledge, foreclosure, divorce, maternity capital, rights of children, mortgage creditor.*

Введение

Ипотечное кредитование стало одним из основных способов приобретения жилья для российских семей. В отличие от обычной купли-продажи недвижимости, ипотечная сделка создаёт длительное и многослойное правоотношение: супруги получают право собственности на жилое помещение, банк приобретает статус кредитора и залогодержателя, а само жилье становится обеспечением исполнения денежного обязательства. Пока брак сохраняется, указанная конструкция обычно воспринимается участниками как единый семейный проект. Однако при расторжении брака возникает вопрос о том, можно ли разделить не только квартиру, но и связанный с ней долг.

Сложность рассматриваемой категории споров состоит в том, что семейное право регулирует внутренние имущественные отношения супругов, а ипотека подчиняется правилам гражданского законодательства о залоге и обязательствах. Поэтому решение суда о разделе общего имущества не всегда совпадает с интересами банка и не всегда способно изменить кредитный договор. В научной литературе справедливо отмечается, что ипотечная квартира отличается от иного общего имущества тем, что её правовой режим зависит не только от момента приобретения и источника оплаты, но и от сохранения залога в пользу третьего лица [2; 6; 7].

Актуальность темы усиливается социальной значимостью жилья. Для бывших супругов спор о квартире часто означает не только распределение актива, но и определение дальнейшего места проживания, порядка несения платежей, возможности сохранить жилье для детей. Для банка же ключевое значение имеет не семейный конфликт, а сохранение обеспечения и надлежащее исполнение кредитного обязательства. Именно столкновение этих интересов формирует основную проблему раздела ипотечного жилья при разводе.

Цель, задачи и методы исследования

Цель статьи заключается в выявлении основных правовых проблем, возникающих при разделе ипотечного жилья и ипотечного долга супругов при расторжении брака, а также в определении пределов обращения взыскания на такое жилье.

Для достижения указанной цели решаются следующие задачи: определить правовую природу ипотечного жилья как объекта семейного спора; раскрыть критерии отнесения ипотечной квартиры к общему или личному имуществу супругов; проанализировать порядок распределения ипотечного долга между бывшими супругами; показать значение согласия банка при изменении обязательства; рассмотреть особенности защиты прав детей и последствия использования средств материнского капитала; определить пределы обращения взыскания на заложенное жилое помещение.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Формально-юридический метод использован при анализе положений Семейного кодекса Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и законодательства об ипотеке. Системный метод позволяет рассмотреть ипотечное жилье одновременно как объект права собственности, предмет залога и элемент семейного имущественного баланса. Сравнительно-правовой подход применяется при сопоставлении внутренних отношений супругов и внешнего обязательственного отношения с банком.

Правовой режим ипотечного жилья как общего имущества супругов

Исходной точкой анализа является общее правило семейного законодательства: имуще-

ство, нажитое супругами во время брака, относится к их совместной собственности, если брачным договором не установлен иной режим. Данное правило распространяется и на жилое помещение, приобретённое за счёт кредитных средств, поскольку источник финансирования в виде банковского кредита сам по себе не исключает вещь из состава общего имущества. Как отмечается в учебной литературе, законный режим имущества супругов строится на презумпции общности приобретённого в браке имущества, а отступление от этой презумпции требует специальных оснований [1; 4].

При этом ипотечное жилье не является обычным объектом совместной собственности. Во-первых, на момент раздела кредит чаще всего не погашен, а значит, экономическая ценность квартиры должна оцениваться с учётом остатка долга. Во-вторых, квартира обременена залогом, который сохраняется независимо от внутрисемейного конфликта. В-третьих, банк как залогодержатель не является участником семейных отношений, но его права непосредственно затрагиваются результатом раздела. Поэтому суд не может рассматривать ипотечную квартиру только как актив, игнорируя связанный с ней пассив.

Если квартира приобретена в период брака и платежи по кредиту производились из общих доходов супругов, она, как правило, подлежит разделу как совместно нажитое имущество. Однако возможны исключения. Например, если первоначальный взнос внесён за счёт личных средств одного супруга, полученных до брака, по наследству или в дар, данный вклад может учитываться при определении долей либо при взыскании компенсации. В таких делах значение имеет не только дата заключения договора купли-продажи, но и происхождение средств, направленных на приобретение и последующее погашение кредита.

Иная ситуация складывается, если ипотечное жилье приобретено одним из супругов до регистрации брака. Сам факт последующего погашения кредита в браке не превращает квартиру автоматически в совместную собственность. Однако платежи, произведённые из общих средств супругов, могут породить право второго супруга на компенсацию соответствующей части вложений. Следовательно, предмет спора в подобных случаях должен формулироваться точнее: не всегда речь идет о разделе права собственности на квартиру; иногда спор касается возврата части общих семейных средств, направленных на погашение личного обязательства одного супруга.

Раздел ипотечного долга: внутренние и внешние обязательства

Наиболее проблемным элементом является раздел ипотечного долга. В семейном праве действует правило, согласно которому общие долги супругов при разделе общего имущества распределяются пропорционально присуждённым долям. В доктрине обращается внимание, что обязательственные права и обязанности супругов не всегда прямо названы в составе общего имущества, однако фактически они влияют на реальный имущественный баланс семьи [8]. Это особенно очевидно применительно к ипотеке: квартира имеет ценность лишь с учётом того, какая часть кредита уже погашена и какая сумма ещё подлежит выплате.

Вместе с тем распределение долга между супругами не означает автоматического изменения обязательства перед банком. В отношениях супругов суд может определить, что каждый из них должен нести расходы по погашению кредита в определённой доле. Но в отношениях с банком состав заёмщиков, созаемщиков и поручителей сохраняется таким, каким он установлен кредитным договором. Перевод долга или освобождение одного из супругов от обязанности перед кредитором возможны только при соблюдении правил гражданского законодательства и, как правило, с согласия банка.

Эта разница между внутренним и внешним уровнем обязательства имеет принципиальное значение. Если после развода один супруг фактически оплачивает кредит полностью, он может требовать от другого компенсации соответствующей части произведённых платежей, если долг признан общим. Однако такое требование обращено к бывшему супругу, а не к банку. Банк вправе требовать исполнения кредитного договора в том объёме и от тех лиц, которые указаны в договоре. Поэтому судебный раздел долга не должен подменять собой изменение кредитного договора.

На практике именно смешение двух уровней ответственности приводит к ошибочным ожиданиям сторон. Бывшие супруги нередко полагают, что после решения суда каждый отвечает перед банком только за половину кредита. Однако для банка подобное решение не всегда имеет преобразующее значение. В литературе по ипотечным спорам указывается, что без согласия кредитора раздел долга может нарушить его интересы, поскольку меняет оценку платёжеспособности должников и характер ответственности [6; 7]. Поэтому более корректным является подход, при котором суд распределяет между супру-

гами экономическое бремя, но не вмешивается в структуру обязательства перед кредитором сверх пределов закона.

Варианты разрешения спора о заложенной квартире

В зависимости от фактических обстоятельств можно выделить несколько правовых моделей разрешения спора об ипотечном жилье. Первая модель состоит в сохранении за каждым супругом доли в праве собственности и пропорциональном распределении между ними расходов по кредиту. Этот вариант наиболее близок к общему принципу равенства долей, но он сохраняет зависимость бывших супругов друг от друга и от банка до полного погашения кредита.

Вторая модель предполагает передачу квартиры одному супругу с выплатой компенсации другому. Она применима, когда один из супругов фактически проживает в квартире, несёт платежи и способен обслуживать кредит. Однако реализация такой модели требует согласования с банком, если необходимо вывести другого супруга из состава заёмщиков или изменить условия кредитного договора. Без согласия банка суд не должен возлагать на кредитора обязанность принять вместо прежней модели новую.

Третья модель состоит в продаже ипотечного жилья с согласия банка, погашении остатка задолженности и разделе оставшихся денежных средств. Данный способ экономически рационален, когда бывшие супруги не могут совместно обслуживать кредит или ни один из них не способен принять обязательство на себя. Его недостаток заключается в том, что продажа заложенного имущества требует участия банка, а рыночные условия не всегда позволяют реализовать квартиру без потерь.

Четвёртая модель связана с брачным договором или соглашением о разделе имущества. Предварительное договорное регулирование позволяет супругам заранее определить, кому принадлежит жилье, кто несёт платежи и как выплачивается компенсация. Однако и здесь действует общий предел: соглашение супругов не должно ухудшать положение кредитора и не может само по себе заменить согласие банка на изменение должника. Поэтому договорные инструменты наиболее эффективны тогда, когда они согласованы до возникновения конфликта и учитывают условия ипотечного договора.

Ипотека, дети и материнский капитал

Особую сложность имеют споры, в которых при приобретении или погашении ипотечного жилья использовались средства материнского капитала. Такие средства имеют целевое назначение и не могут рассматриваться как обычный общий доход супругов. Их использование на улучшение жилищных условий связано с обязанностью оформить жилое помещение в общую собственность родителей и детей. Поэтому при разделе квартиры суд должен учитывать не только интересы супругов, но и самостоятельные имущественные права несовершеннолетних.

Если доли детей уже выделены, они не входят в состав имущества, подлежащего разделу между супругами. Если же доли не были выделены до развода, суду необходимо учитывать обязанность их последующего определения. В научных работах по вопросам материнского капитала подчёркивается, что спор о таком жилье не может быть разрешён исключительно через равенство долей супругов, поскольку часть имущественного результата принадлежит детям в силу специального назначения государственной поддержки [3].

Использование средств материнского капитала не отменяет ипотеку и не прекращает залог. Однако оно меняет структуру участников имущественного отношения. Появление детских долей усложняет продажу квартиры, последующее обращение взыскания и заключение соглашений между бывшими супругами. В таких случаях любое распоряжение жильём должно оцениваться с учётом требований законодательства о защите прав несовершеннолетних и позиции органов опеки и попечительства.

Наличие детей также может учитываться при определении долей супругов. Семейное законодательство допускает отступление от начала равенства долей в интересах несовершеннолетних детей или заслуживающего внимания интереса одного из супругов. Однако такое отступление не должно пониматься как способ устранить залог или ограничить права банка. Суд вправе изменить внутренний имущественный баланс супругов, но не вправе лишить залогодержателя обеспечения, если обязательство не исполнено.

Обращение взыскания на ипотечное жилье после расторжения брака

Обращение взыскания на ипотечное жилье является крайней стадией конфликта, когда кредитное обязательство не исполняется надлежащим образом. По общему правилу залогодержатель вправе получить удовлетворение из стоимости предмета залога. В семейном споре это означает, что развод, раздел имущества и даже проживание в квартире одного из бывших супругов с детьми не прекращают ипотеку. Залог следует за вещью и сохраняется при изменении состава собственников.

Особое значение имеет вопрос о единственном жилье. Гражданское процессуальное законодательство устанавливает исполнительский

иммунитет для единственного пригодного для проживания жилого помещения, однако этот иммунитет не является абсолютным применительно к жилью, являющемуся предметом ипотеки. В литературе по правовому регулированию ипотеки справедливо отмечается, что обращение взыскания на заложенное жилое помещение основано на заранее принятом собственником риске использования жилья в качестве обеспечения [5].

Вместе с тем допустимость обращения взыскания не означает отсутствия социальных гарантий. Суд должен проверять размер задолженности, соразмерность требований, способ реализации имущества и соблюдение процедурных требований. Если спор затрагивает права детей, значение приобретают обстоятельства фактического проживания, наличие иного жилья, возможность сохранения баланса интересов должника и кредитора. Однако эти обстоятельства обычно влияют на процедуру и последствия взыскания, а не на само существование залога.

После реализации ипотечного жилья прекращается не только право собственности бывших супругов, но и фактическая возможность использования этого объекта как семейного жилья. Поэтому в бракоразводных спорах особенно важно не доводить ситуацию до просрочки и взыскания. Чем раньше супруги определяют, кто и в каком объёме несёт платежи, тем выше вероятность сохранения квартиры либо её добровольной реализации на более выгодных условиях. Иначе семейный спор переходит в плоскость принудительного исполнения, где приоритет получает защита прав кредитора.

Результаты и обсуждение

Проведённый анализ позволяет выделить несколько результатов. Во-первых, ипотечное жилье при разводе следует рассматривать как комплексный объект, объединяющий вещное право, обязательство и залог. Ошибка возникает тогда, когда суд или стороны анализируют только право собственности, не учитывая обеспечительное право банка.

Во-вторых, раздел ипотечной квартиры и раздел ипотечного долга имеют различную правовую природу. Раздел квартиры направлен на определение долей или передачу объекта одному супругу. Раздел долга направлен на распределение внутреннего экономического бремени между супругами. Но изменение состава должников перед банком требует отдельного гражданско-правового основания.

В-третьих, интересы детей и использование средств материнского капитала усиливают публично-правовой элемент спора. В такой ситуации квартира перестаёт быть только объектом имущественного конфликта супругов. Суд должен учитывать самостоятельные права детей, а также то, что доли, связанные с материнским капиталом, не могут произвольно перераспределяться между родителями.

В-четвёртых, обращение взыскания на ипотечное жилье показывает пределы семейно-правовой защиты. Семейное законодательство может перераспределить имущество и долги между бывшими супругами, но не отменяет последствий нарушения кредитного договора. Поэтому эффективная защита участников спора должна строиться не на отрицании прав банка, а на своевременном согласовании устойчивой модели исполнения обязательства.

Заключение

Ипотечное жилье при расторжении брака является одним из наиболее сложных объектов семейных споров. Его специфика состоит в том, что квартира одновременно выступает семейным жильём, объектом права собственности, предметом залога и экономическим результатом исполнения долгосрочного кредитного обязательства. Поэтому применение только общих правил о равенстве долей супругов не обеспечивает полного и справедливого разрешения спора.

Основной вывод заключается в необходимости разграничивать внутренние отношения бывших супругов и внешнее отношение с банком. Во внутренних отношениях суд может определить доли, взыскать компенсацию, распределить расходы по ипотеке и учесть интересы детей. Во внешнем отношении кредитор сохраняет права, вытекающие из кредитного договора и ипотеки, пока они не изменены по правилам гражданского законодательства. Такое разграничение позволяет избежать ошибочного представления о том, что развод автоматически делит долг перед банком.

Наиболее обоснованным представляется поэтапный подход к разрешению спора. На первом этапе устанавливается правовой режим жилья и источники его приобретения. На втором этапе определяется, является ли долг общим и в каком объёме каждый супруг должен участвовать в его погашении. На третьем этапе оцениваются права банка как залогодержателя и возможность изменения кредитного обязательства. На четвёртом этапе учитываются права детей, в том числе при использовании средств материнского капитала. Только такая последовательность позволяет обеспечить баланс интересов супругов, несовершеннолетних и кредитора.

Практическое значение данной темы состоит в том, что ипотечный спор лучше преду-

преждать заранее: путём брачного договора, соглашения о разделе имущества, согласования условий с банком и добросовестного распределения платёжной нагрузки. Если же конфликт уже возник, суд должен исходить из того, что ипотека не исчезает вследствие развода, а залог продолжает обеспечивать обязательство до его надлежащего прекращения.

Список литературы:

[1] Антокольская М.В. Семейное право: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 432 с.

[2] Белоусов А.Л. Тенденции развития правового регулирования системы ипотечного жилищного кредитования // Правовые вопросы недвижимости. 2013. № 2. С. 7–9.

[3] Исаева К.А. Разделение материнского капитала в делах о разделе совместно нажитого имущества супругов // Молодой ученый. 2017. № 14 (148). С. 517–519.

[4] Кузнецова И.М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. М.: Проспект, 2020. 360 с.

[5] Пестова К.А. Правовая природа обращения взыскания на единственное пригодное для постоянного проживания заложенное жилое помещение // Право и управление. 2022. № 11. С. 40–45.

[6] Рогожкина К.А. Ипотечное имущество: раздел при расторжении брака // Молодой ученый. 2017. № 11 (145). С. 366–368.

[7] Солоненкова Т.А. Проблемы раздела имущества супругов, обремененного ипотекой // Молодой ученый. 2022. № 40 (435). С. 139–141.

[8] Чефранова Е.А. Обязательственные права и обязанности в составе общего имущества супругов // Юридический мир. 2007. № 4. С. 34–35.

[9] Чеснокова Ю.Н. Особенности прекращения брака при наличии ипотеки // Молодой ученый. 2024. № 25 (524). С. 270–272.

References:

[1] Antokolskaya M.V. Family law: textbook. M.: Norm: INFRA-M, 2020. 432 p.

[2] Belousov A.L. Trends in the development of legal regulation of the housing mortgage lending system//Legal issues of real estate. 2013. № 2. S. 7-9.

[3] Isaeva K.A. Division of maternity capital in cases of division of jointly acquired property of spouses//Young scientist. 2017. № 14 (148). S. 517-519.

[4] I.M. Kuznetsova. Commentary to the Family Code of the Russian Federation. M.: Prospect, 2020. 360 s.

[5] Pestova K.A. Legal nature of foreclosure on the only residential premises suitable for permanent residence//Law and management. 2022. № 11. S. 40-45.

[6] Rogozhkina K.A. Mortgage property: section upon divorce//Young scientist. 2017. № 11 (145). S. 366-368.

[7] Solonenkova T.A. Problems of division of property of spouses burdened with a mortgage// Young scientist. 2022. № 40 (435). S. 139-141.

[8] E.A. Čefranova. Binding Rights and Obligations as Part of Common Property of Spouses//Legal World. 2007. № 4. S. 34-35.

[9] Chesnokova Yu.N. Features of termination of marriage in the presence of a mortgage//Young scientist. 2024. № 25 (524). S. 270-272.

www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-153-156

АСЛАНОВ Марат Амурович,
преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, майор полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

БЕКМУРЗИНОВА Камила Кайратовна,
Преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Омской академии МВД России, майор полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В ДЕЛАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ, И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В представленной статье проанализированы практические аспекты участия органов опеки и попечительства в делах, возникающих из семейных правоотношений, выявлены существующие проблемы. Сформулированы предложения по решению выявленных проблем, которые предполагают совершенствование организационно-правовых механизмов функционирования данных органов как в рамках их непосредственной деятельности, так и в части процессуального участия в делах, возникающих из семейных правоотношений. Решение выявленных проблем положительно отразится на разрешении возникающих семейных споров, а также повысит уровень защищенности прав и законных интересов несовершеннолетних лиц.*

Ключевые слова: *органы опеки и попечительства; участие в делах, возникающих из семейных правоотношений; защита прав несовершеннолетних лиц.*

ASLANOV Marat Amurovich,
Lecturer in the Department of Law Enforcement Organization at the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

BEKMURZINOVA Kamila Kairatovna,
Lecturer, Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Directorate, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

PROBLEMS OF PARTICIPATION OF GUARDIANSHIP AND TRUSTEESHIP AUTHORITIES IN CASES ARISING FROM FAMILY LEGAL RELATIONS AND WAYS TO RESOLVING THEM

Annotation. *This article analyzes the practical aspects of guardianship and trusteeship authorities' involvement in cases arising from family legal relationships and identifies existing problems. Proposals for addressing these issues are formulated, which involve improving the organizational and legal mechanisms for the functioning of these authorities, both within their direct activities and in terms of procedural participation in cases arising from family legal relationships. Resolving these issues will positively impact the resolution of family disputes and enhance the protection of the rights and legitimate interests of minors.*

Key words: *guardianship and trusteeship authorities; involvement in cases arising from family legal relationships; protection of the rights of minors*.

Органы опеки и попечительства в различных формах участвуют в делах, возникающих из семейных правоотношений. Учитывая, что основной функционал данных органов непосредственно связан с обеспечением и защитой прав детей, их неэффективная деятельность способна создавать существенные угрозы для реализации интересов несовершеннолетних лиц. Наиболее существенными, на наш взгляд являются следующие проблемы:

1) формальный подход органов опеки и попечительства к участию в делах, возникающих из семейных правоотношений. Как отмечалось ранее, действующее законодательство предусматривает ситуации, когда данные органы предоставляют заключение. Однако помимо данных ситуаций, есть и иные, где подобная процессуальная обязанность на органы опеки и попечительства не возлагается, в связи с чем их участие реализуется на усмотрение конкретных сотрудников.

Указанная проблема формального подхода проявляется одновременно в трех различных аспектах. Первый связан с неявкой в суд представителей соответствующих органов или же ходатайства о рассмотрении дел в их отсутствие. Неявка в суд представителей органов опеки и попечительства приводит на практике к ситуациям с переносами слушаний, что в целом затягивает сроки рассмотрения дел и создает угрозы нарушения прав и законных интересов несовершеннолетних. При неполном и недостаточно мотивированном заключении, суду необходимо заслушать пояснения и разъяснения от лиц, предоставивших заключение, а при неявке это не представляется возможным [1, с. 243].

Второй аспект рассматриваемой проблемы связан с тем, что формальный подход может проявляться и в качестве исполнения возложенных на органы опеки и попечительства обязанностей. С одной стороны, качество в данном случае во многом зависит от профессионализма и квалификации сотрудников компетентных органов, которые далеко не всегда обладают необходимыми знаниями и навыками, в том числе в сфере юриспруденции, для принятия мотивированного решения, отраженного в соответствующем заключении. С другой стороны, на практике достаточно часто возникают ситуации, когда сотрудники органов опеки и попечительства, обладающие необходимыми знаниями и навыками, недостаточно подробно разбираются в сложившейся правовой ситуации и принимают ошибочные решения. Подобные ситуации создают наибольшие угрозы законным интересам несовершеннолетних лиц, когда речь идет об имущественных спорах [3].

Третий аспект формального подхода органов опеки и попечительства заключается в том, что указанный орган предоставляет в суд необходимое заключение, но оно либо не содержит исследования фактических обстоятельств, либо отсутствует четкий вывод по существу спора. Так, например, органы опеки и попечительства часто не просто ходатайствуют о рассмотрении дела в их отсутствии, но и в заключении указывают на принятие решения, например, о месте проживания несовершеннолетних, на усмотрение суда, что в целом лишает суд необходимой правовой оценки фактических обстоятельств дела со стороны компетентных органов [2].

2) привлечение судами органов опеки и попечительства в дела, касающиеся воспитания детей, в качестве третьих лиц. Несмотря на то, что вопросы, связанные с правовым статусом органов опеки и попечительства в гражданском процессе получили свое детальное разъяснение, в том числе в ряде постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации разных лет, до сих пор в судебной практике встречаются ситуации, когда суды привлекают их не как государственный орган, наделенный соответствующими полномочиями по совершению необходимых процессуальных действий (предоставление заключения), а как третьих лиц, что противоречит процессуальным нормам. Подобные проблемы обнаруживаются при рассмотрении дела в апелляционной или кассационной инстанции, что приводит в итоге к отмене судебных актов нижестоящих инстанций и направлении материалов в суд первой инстанции для разрешения вопроса, касающегося принятия искового заявления к производству.

3) спорные моменты реализации процедуры немедленного отобрания детей при непосредственной угрозе их жизни или здоровью. Важно отметить, что на практике возникает множество дискуссионных вопросов в отношении оценки конкретных обстоятельств, в которых оказывается приемный ребенок в приемной семье, как угрожающих его жизни и здоровью. В данном контексте следует отметить, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» содержит определенные

разъяснения [5]. При этом, характер и степень опасности определяется в каждом конкретном случае с учетом возраста, состояния здоровья ребенка, а также иных обстоятельств.

На практике применение анализируемой процедуры одинаково актуально вне зависимости от наличия или отсутствия кровного родства и принципиальное значение приобретает именно основания для незамедлительного отобрания ребенка, которые достаточно противоречиво оцениваются органами опеки и попечительства. Так, достаточно широкое распространение получила практика отобрание нескольких приемных детей из семей, где возникали конфликты между приемными родителями и детьми и последние в качестве выхода из ситуации выбирали жалобу в орган опеки и попечительства [4]. В данном случае речь не идет о чрезвычайных обстоятельствах, которые представляют реальную угрозу жизни и здоровью приемного ребенка, а скорее демонстрируется возможность использования процедуры отобрания детей в целях манипуляций конкретными ситуациями, как со стороны членов приемной семьи, так и от третьих лиц. Все это наглядно демонстрирует уязвимость действующего порядка немедленного отобрания детей.

Процедура немедленного отобрания детей при непосредственной угрозе их жизни или здоровью имеет важнейшее значение для обеспечения и прав и законных интересов, поскольку достаточно часто встречается практика жестокого обращения с детьми, в которой далеко не всегда оперативно реагируют компетентные органы. Проблема в том, что сами дети, да и окружающие их лица пытаются скрыть подобные ситуации, не задумываясь о развитии несовершеннолетних лиц. У данной ситуации есть и обратная сторона, когда такую процедуру третьи лица специально инициируют в целях создания препятствий для стабильного функционирования семьи по каким-то своим мотивам. И в таких ситуациях многое зависит от компетентности и добросовестности выполнения должностных полномочий сотрудниками органов опеки и попечительства. Если они проводят свои проверочные мероприятия формально, не разбираясь в ситуации, то, конечно, многие обстоятельства можно расценивать как угрозы жизни и здоровью детей, и, наоборот, халатностью с их стороны может быть не придания необходимого значения возникающим сигналам об обстановке в конкретной семье. Данные ситуации наиболее остро проявляются в семьях с приемными детьми, когда родители берут в семью приемных детей в том числе в целях повышения уровня своего материального благополучия и не только не осуществляют возложенные на них обязанности, но и создают реальные угрозы жизни и здоровью приемных детей.

На наш взгляд любая ситуация, связанная с процедурой немедленного отобрания детей при непосредственной угрозе их жизни или здоровью, должна рассматриваться судом и не только в части лишения родительских прав, но и в контексте реализации самой процедуры. Безусловно, если обстоятельства не требуют отлагательств, ребенок должен быть немедленно помещен в специальное учреждение или передан под защиту родственников, но во всех иных ситуациях, когда в целом нет критических обстоятельств – видится необходимым рассматривать этот вопрос через суд. Подобное перераспределение полномочий позволит сократить количество решений, выносимых органами опеки и попечительства исключительно исходя из их субъективного усмотрения в совокупности с формальным подходом к реализации полномочий.

Учитывая уязвимость данной категории населения, даже в ситуациях, когда у детей есть их законные представители и они осуществляют свои полномочия, от эффективности функционирования органов опеки и попечительства, в том числе в рамках судебных разбирательств и предоставления всех необходимых материалов для разрешения споров в суде по существу, во многом зависит обеспечение законных интересов несовершеннолетних лиц. Решение выявленных проблем положительно повлияет на эффективность функционирования органов исполнительной власти, а, следовательно, повысит уровень защищенности прав детей.

Список литературы:

[1] Аблятипова, Н.А. Проблемы участия органов опеки и попечительства в судебных спорах при раздельном проживании родителей / Н. А. Аблятипова, Д. С. Цыганова // Вопросы развития государства и права: теория, история и практика: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации), Симферополь, 09 ноября 2022 года / Ред.-сост. В.Г. Тур. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. С. 240-248.

[2] Апелляционное определение Московского городского суда от 26.05.2021 по делу № 33-21136/2021. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Россий-

ской Федерации от 18.02.2020 № 41-КГ19-50. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] Под Екатеринбургом у многодетной мамы забрали двоих приемных детей после ссоры со старшей дочерью из-за телефона // Комсомольская права. URL: https://www.ural.kp.ru/daily/27439/4640944/ (дата обращения: 10.10.2025).

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

References:

[1] Ablyatipova, N.A. Problems of participation of guardianship and guardianship authorities in judicial disputes during separation of parents/N.A. Ablyatipova, D.S. Tsyganova//Issues of state development and law: theory, history and practice: Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (on the 100th anniversary of the Supreme Court of the Russian Federation), Simferopol, 09 November 2022/ Rev. V.G. Tour. Simferopol: Limited Liability Company "Publishing House "Arial," 2023. S. 240-248.

[2] Appeal ruling of the Moscow City Court of 26.05.2021 in case No. 33-21136/2021. The document was not published. Access from SPS "ConsultantPlus."

[3] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.02.2020 No. 41-KG19-50. The document was not published. Access from SPS "ConsultantPlus."

[4] Near Yekaterinburg, a mother with many children was taken away from two adopted children after a quarrel with her eldest daughter over the phone//Komsomolskaya Prava. URL: https://www.ural.kp.ru/daily/27439/4640944/ (access date: 10.10.2025).

[5] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 14.11.2017 No. 44 "On the practice of the application of legislation by the courts in resolving disputes related to the protection of the rights and legitimate interests of the child in case of an immediate threat to his life or health, as well as in case of restriction or deprivation of parental rights "//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 1.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-157-161

АСМАНДИЯРОВА Н.Р.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и административного права
ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы
и управления при Главе Республики Башкортостан,
e-mail: mail@law-books.ru

ГАРИФУЛЛИНА Р.Ф.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России,
полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СЕМЕЙНОМУ НАСИЛИЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются основные уголовно-правовые и иные средства борьбы с семейным насилием, анализируются проблемы их применения и оценивается эффективность существующей системы правовой защиты. В настоящей статье последовательно анализируются уголовно-правовые и иные средства противодействия семейному насилию, выявляются проблемы их применения и даётся оценка эффективности действующей системы правовой защиты.*

Ключевые слова: *семейное насилие, правовые основы противодействия, насильственные преступления, уголовное законодательство, предупреждение преступлений.*

ASMANDIYAROVA N.R.,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law
State Educational Institution of Higher Education
“Bashkir Academy of Public Administration and Management
under the Head of the Republic of Bashkortostan”

GARIFULLINA R.F.,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Criminal Law and Criminology, Ufa Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel

ISSUES OF COUNTERING DOMESTIC VIOLENCE IN RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines the main criminal law and other means of combating family violence, analyzes the problems of their application and evaluates the effectiveness of the existing legal protection system. This article consistently analyzes criminal law and other means of countering family violence, identifies the problems of their use and assesses the effectiveness of the current legal protection system.*

Key words: *family violence, legal basis of counteraction, violent crime, criminal law, crime prevention.*

Семейно-бытовое насилие относится к числу социальных проблем, системное решение которых в Российской Федерации отсутствует. Согласно данным официальной статистики и результатам криминологических исследований, ежегодно регистрируется около 600 тысяч заявлений, связанных с конфликтами между родственниками или лицами, ведущими совместное

хозяйство. По оценкам экспертов, реальное число случаев семейного насилия превышает официальные показатели в 2–3 раза в силу высокой латентности данного вида правонарушений. Авторами проанализированы статистические данные и сделан вывод, что от 40 до 50 процентов пострадавших не обращаются в правоохранительные органы. Причинами называются страх мести со стороны агрессора, экономическая зависимость, а также устойчивое общественное представление о приватности внутрисемейных конфликтов. При этом российское законодательство не содержит легального определения понятия «домашнее насилие». Существующие правовые нормы фрагментарно распределены между Уголовным кодексом РФ, Кодексом об административных правонарушениях, Федеральным законом «О полиции» и иными актами. В настоящей статье последовательно анализируются уголовно-правовые и иные средства противодействия семейному насилию, выявляются проблемы их применения и даётся оценка эффективности действующей системы правовой защиты.

Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит отдельной статьи, устанавливающей ответственность за семейное насилие как за самостоятельный состав преступления [2]. Правоприменитель использует совокупность норм, квалифицирующих насильственные действия в зависимости от степени тяжести и наступивших последствий: статья 116 (побои), статья 115 (умышленное причинение лёгкого вреда здоровью), статья 117 (истязание), статья 119 (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью), статья 112 (умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести), статья 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью). На основе обобщения судебной практики за 2023–2024 годы по Приволжскому федеральному округу (проанализировано около 200 приговоров) можно выделить конститутивные признаки деяния, квалифицируемого как семейно-бытовое насилие. Во-первых, это умышленные действия. Во-вторых, они совершаются в сфере семейно-бытовых отношений. В-третьих, результатом действий является причинение вреда здоровью, физической боли либо нравственных страданий. Круг субъектов таких отношений включает не только близких родственников (супругов, родителей, детей, братьев, сестёр, дедушек, бабушек, внуков, усыновителей и усыновлённых), но и лиц, состоящих в свойстве (родственников супруга), а также граждан, совместно проживающих и ведущих общее хозяйство без регистрации брака. Указанная позиция неоднократно подтверждалась Верховным Судом РФ в обзорах судебной практики.

В юридической доктрине и ведомственных методических рекомендациях принято выделять четыре формы семейного насилия, каждая из которых влечёт различные юридические последствия. Физическое насилие представляет собой прямое воздействие на потерпевшего, выражающееся в нанесении побоев, травм, причинении иного вреда здоровью. Сексуальное насилие включает посягательства на половую неприкосновенность члена семьи. Психологическое (эмоциональное) насилие выражается в угрозах, оскорблениях, унижении чести и достоинства, систематической критике, изоляции от социального окружения. Экономическое насилие проявляется в тотальном контроле расходов, ограничении доступа к денежным средствам, лишении потерпевшего возможности самостоятельно распоряжаться имуществом. Статистические данные показывают, что психологическая и экономическая формы насилия являются наименее доказуемыми в силу отсутствия материальных следов и сложности фиксации. Из практики районных судов Республики Башкортостан известны случаи, когда потерпевшие не могли подтвердить факт систематических унижений, что влекло отказ в возбуждении уголовного дела по статье 117 УК РФ (истязание).

Значимую роль в предупреждении семейного насилия играют положения Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [4]. Пункт 2 части 1 указанного закона относит предупреждение преступлений и административных правонарушений в семейно-бытовой сфере к основным направлениям деятельности органов внутренних дел. В соответствии с пунктом 4 статьи 12 Закона, в обязанности сотрудников полиции входит выявление причин преступлений и административных правонарушений, а также условий, способствующих их совершению; принятие в пределах предоставленных полномочий мер по их устранению; выявление лиц, имеющих намерение совершить преступление, и проведение с ними индивидуальной профилактической работы. На практике реализация указанных полномочий сталкивается с кадровым дефицитом: в ряде территориальных органов МВД нагрузка на одного участкового уполномоченного превышает нормативные показатели в 1,5–2 раза, что снижает эффективность профилактических мероприятий.

Признание семейного насилия на законодательном уровне состоялось с принятием Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [5]. В пункте 5 части 1 статьи 15 данного акта закреплено, что гражданин признаётся нуждающимся в социальном

обслуживании в случаях наличия внутрисемейного конфликта, в том числе с лицами с наркотической или алкогольной зависимостью, лицами, имеющими пристрастие к азартным играм, лицами, страдающими психическими расстройствами, а также при наличии насилия в семье. Указанная норма открывает доступ потерпевшим к социальным услугам, включая кризисные центры, временное жильё, психологическую и юридическую помощь. Однако, как показывают данные мониторинга, специализированные кризисные центры функционируют не во всех субъектах Российской Федерации. В Республике Башкортостан такие центры действуют в Уфе, Стерлитамаке и Нефтекамске, тогда как в ряде муниципальных образований соответствующие службы отсутствуют.

Системный подход к предупреждению семейного насилия закреплён в Федеральном законе от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [6]. В соответствии с его положениями, предупреждение семейного насилия рассматривается как часть общей профилактической деятельности, которая включает совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера. Указанные меры ориентированы на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений [10, с. 57], а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения. Практическая реализация данного закона выявляет проблему межведомственной координации: разграничение компетенции между органами внутренних дел, социальной защиты и образования остаётся нечётким, что подтверждается результатами интервьюирования сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних (проведено анонимное анкетирование 15 респондентов в Уфимском юридическом институте МВД России).

Правовую основу предупреждения семейного насилия составляют также акты Президента РФ. Указ Президента РФ от 14.05.1996 № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики» [7] указывал на необходимость совершенствования деятельности органов внутренних дел, образования и здравоохранения по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, а также усиления работы специализированных социальных служб для детей и подростков, подвергшихся физическому или психическому насилию в семье. Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699, утвердивший Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типовое положение о территориальном органе МВД России [8], закрепил компетенцию министерства по разработке и принятию мер предупреждения преступлений и административных правонарушений, выявлению и устранению причин и условий, способствующих их совершению. Указ Президента РФ от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» создал информационный фон для обсуждения проблем семейной политики, однако прямых правовых механизмов противодействия насилию не ввёл.

Как уже отмечалось, Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит специальной статьи о домашнем насилии [2]. Правоприменитель вынужден использовать комбинацию статей 119, 117, 116, 115, 112, 111 УК РФ. Такая конструкция порождает три основные проблемы правоприменения. Первая проблема — доказывание, особенно в части психологического насилия. Отсутствие физических следов и материальных доказательств делает практически невозможным привлечение к ответственности за систематические унижения и угрозы без фиксации аудио- или видеозаписей, которые не всегда признаются судами допустимыми доказательствами. В одном из дел, рассмотренных районным судом г. Уфы в 2024 году, суд отказался принять в качестве доказательства дневник угроз, который потерпевшая вела самостоятельно, указав на отсутствие возможности проверить достоверность изложенных сведений. Вторая проблема — высокая латентность. По данным опросов, проведённых ВЦИОМ в 2024 году, около 30 процентов респондентов женского пола не считают необходимым обращаться в полицию в случае применения к ним физической силы со стороны супруга, полагая это внутренним делом семьи. Третья проблема — отказной характер правоприменения со стороны органов дознания и следствия. Анализ 50 отказных материалов, предоставленных одним из отделов полиции г. Салавата (Республика Башкортостан), показал, что в 40 процентах случаев основанием для отказа в возбуждении уголовного дела по заявлениям о побоях было указано на «отсутствие признаков состава преступления» либо на «неустановление степени тяжести вреда здоровью», тогда как для квалификации по статье 116 УК РФ (побои) степень тяжести не имеет значения [9, с. 90].

Преодоление указанных трудностей, по мнению авторов, требует совершенствования межведомственного взаимодействия. Необходимо наладить координацию между органами внутренних дел, следственными органами, прокуратурой, органами опеки и попечительства, социальными службами и некоммерческими органи-

зациями. Примеры положительной практики имеются в ряде регионов. В Республике Башкортостан при МВД создана межведомственная рабочая группа по противодействию семейному насилию, в состав которой входят представители министерства семьи и труда, уполномоченный по правам ребёнка, а также юристы общественных организаций. В Иркутской области реализуется проект «Ангара» — кризисный центр, предоставляющий приют, психологическую поддержку и юридические консультации. По данным отчётов проекта, предоставление комплексной помощи снижает количество повторных инцидентов на 40–50 процентов.

Таким образом, законодательство Российской Федерации в области предупреждения семейного насилия носит многоплановый, но фрагментарный характер. Отсутствует единый законодательный акт о противодействии семейному насилию. Вместе с тем отечественная правовая система признаёт физическое и психическое насилие в качестве деяний, за которые установлена административная и уголовная ответственность. Предупреждение семейного насилия реализуется преимущественно через механизмы индивидуальной профилактической работы органов внутренних дел, включая профилактический учёт и институт официального предостережения. Эффективность существующей системы, по оценке авторов, оценивается как средняя. Дальнейшее развитие правового регулирования требует либо принятия специального федерального закона, либо издания подзаконных нормативных правовых актов, детализирующих алгоритмы межведомственного взаимодействия.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11. Ст. 1416.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

[4] О полиции: Федеральный закон Рос. Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 28 янв. 2011 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 2 фев. 2011 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

[5] Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2013 № 442-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 24.04.2026).

[6] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 10 июня 2016 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 15 июня 2016 г. // Российская газета. – 2016. – 28 июня.

[7] Об основных направлениях государственной семейной политики: Указ Президента РФ от 14 мая 1996 № 712 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 24.04.2026).

[8] Об утверждении положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 24.04.2026).

[9] Сибагатуллин Ф. Ф. Вопросы совершения побоев лицами, подвергнутыми административному наказанию или имеющими судимость / Ф. Ф. Сибагатуллин // Право и государственность. – 2025. – № 2(7). – С. 87-90.

[10] Миннигулова Д. Б. Административная ответственность несовершеннолетних: правовые коллизии / Д. Б. Миннигулова // Право и государственность. – 2024. – № 3(4). – С. 55-58.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 5, 2014 No. 2-FKZ, dated 07/01/2020 No. 11-FKZ, dated 10/06/2022) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2022. No. 11. Art. 1416.

[2] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ. // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

[3] Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16.

[4] On the police: Federal Law of the Russian Federation. Federation dated 02/07/2011 No. 3-FZ: adopted by the State. Duma Feder. Collection Ross. Federation 28 Jan. 2011: approved. Federation Council Feder. Collection Ross. Federation 2 Feb. 2011 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. No. 7. Art. 900.

[5] On the basics of social services for citizens in the Russian Federation: Federal Law of December 28, 2013 No. 442-FZ // SPS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (access date: 04/24/2026).

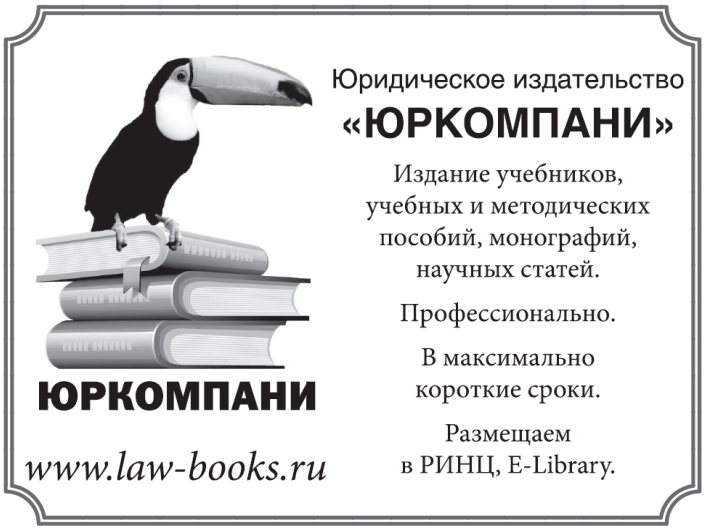
[6] On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation: federal. Russian law Federation dated June 23, 2016 No. 182-FZ: adopted by the State. Duma Feder. Collection Ross. Federation June 10, 2016: approved. Federation Council Feder. Collection Ross. Federation June 15, 2016 // Russian newspaper. – 2016. – June 28.

[7] On the main directions of state family policy: Decree of the President of the Russian Federation of May 14, 1996 No. 712 // SPS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (access date: 04/24/2026).

[8] On approval of the regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model regulations on the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for a constituent entity of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 21, 2016 No. 699 // SPS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (access date: 04/24/2026).

[9] Sibagatullin F. F. Issues of beatings by persons subject to administrative punishment or with a criminal record / F. F. Sibagatullin // Law and Statehood. – 2025. – No. 2(7). – pp. 87-90.

[10] Minnigulova D. B. Administrative responsibility of minors: legal conflicts / D. B. Minnigulova // Law and statehood. – 2024. – No. 3(4). – pp. 55-58.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-162-167

БРЕЗГУНОВА Полина Алексеевна,
студентка юридического факультета
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия,
e-mail: 230982@edu.fa.ru

Научный руководитель:
МИНАСЯН Гоар Микаеловна,
к.ю.н., доцент Кафедры правового регулирования экономической деятельности Юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА ПУБЛИЧНОГО ПОРЯДКА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ЗАЩИТА СУВЕРЕНИТЕТА И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *В данной статье исследуется правовая природа и современное содержание принципа публичного порядка в арбитражном процессе Российской Федерации, рассматриваемого как инструмент защиты суверенитета, экономической безопасности и публичных интересов государства. Актуальность исследования обусловлена усилением роли публичного порядка в арбитражном процессе Российской Федерации в условиях роста числа трансграничных сделок, увеличения участия государства в экономических отношениях и расширения практики третейских разбирательств, способных затрагивать бюджетные и стратегические интересы страны. Основная цель статьи — комплексно проанализировать правовую природу принципа публичного порядка и выявить закономерности его применения российскими арбитражными судами при разрешении споров, связанных с защитой экономического суверенитета и публично-правовых интересов.*

В рамках исследования рассматриваются ключевые теоретические проблемы, включая различие между внутренним и международным публичным порядком, отсутствие нормативно закреплённых критериев его применения, а также риск подмены публичного порядка пересмотром судебного акта по существу. Анализ проводится с использованием формально-юридического метода, сравнительно-правового метода и метода правоприменительного анализа, что позволяет проследить логику судов и выявить действующие подходы к квалификации угроз публичным интересам.

Статья включает разделы, посвящённые доктринальной характеристике публичного порядка, обзору прецедентов Верховного Суда РФ (дела № 304-ЭС24-24514, № 305-ЭС25-1488, № 305-ЭС19-24914), а также оценке того, как данные решения формируют концепцию защиты стратегических сфер экономики и бюджетной стабильности. В выводах подчёркивается, что публичный порядок в арбитражном процессе выполняет функцию правового фильтра и механизма национальной безопасности, однако требует большей формализации критериев применения для обеспечения баланса между защитой публичных интересов и стабильностью предпринимательской среды.

Ключевые слова: *публичный порядок; арбитражный процесс; суверенитет; бюджетные интересы; международный арбитраж; экономическая безопасность; частноправовые конструкции; Верховный Суд РФ; национальная безопасность; правоприменительная практика.*

BREZGUNOVA Polina Alekseevna,
student of the Law Faculty at the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", Moscow, Russia

Scientific supervisor:
MINASYAN Gohar Mikaelovna,
Ph.D., Associate Professor,
Department of Legal Regulation of Economic Activities,
Faculty of Law, Financial University under the Government
of the Russian Federation

APPLICATION OF THE PUBLIC ORDER PRINCIPLE IN ARBITRATION PROCEEDINGS: PROTECTION OF SOVEREIGNTY AND PUBLIC INTERESTS OF THE STATE

Annotation. *This article examines the legal nature and contemporary substance of the public order principle in the arbitration proceedings of the Russian Federation, viewed as a mechanism for protecting state sovereignty, economic security, and public interests. The relevance of this study is determined by the growing importance of the public order principle in arbitration proceedings of the Russian Federation amid the increasing number of cross-border transactions, the expanding involvement of the state in economic relations, and the wider use of arbitral mechanisms capable of affecting budgetary and strategic public interests. The primary purpose of the article is to provide a comprehensive analysis of the legal nature of public order and to identify the patterns of its application by Russian arbitrazh courts when resolving disputes involving the protection of economic sovereignty and public-law interests.*

The research addresses key theoretical issues, including the distinction between domestic and international public order, the lack of legislatively established criteria for its application, and the risk of substituting public order review for a substantive reassessment of the dispute. The analysis employs the formal-legal method, comparative-legal method, and case-law analysis, which together allow for tracing judicial reasoning and identifying the prevailing approaches to qualifying threats to public interests.

The article is structured into sections covering the doctrinal characteristics of public order, an examination of the relevant precedents of the Supreme Court of the Russian Federation (Cases No. 304-ЭС24-24514, No. 305-ЭС25-1488, No. 305-ЭС19-24914), and an assessment of how these decisions shape the emerging concept of safeguarding strategic sectors of the economy and maintaining budgetary stability. The conclusions emphasize that public order in arbitration proceedings functions as a legal filter and a mechanism of national security. At the same time, the study highlights the need for clearer and more formalized criteria for its application in order to achieve a balance between protecting public interests and ensuring a stable and predictable environment for business activities.

Key words: *public order; arbitration proceedings; sovereignty; budgetary interests; international arbitration; economic security; private-law mechanisms; Supreme Court of the Russian Federation; national security; judicial practice*.

Введение

Современные реалии развития предпринимательской и экономической деятельности, рост доли договоров с трансграничным и публично-правовым элементом, усиление роли закупок и контрактов на удовлетворение публичных нужд, приводят к возрастанию значимости института публичного порядка. [3] Он стал инструментом защиты суверенитета и экономической безопасности государства, особенно в ситуациях, когда частноправовые сделки или решения третейских и международных арбитражей затрагивают публичное имущество, природные ресурсы, муниципальные бюджеты или режим стратегических активов.

Арбитражные суды Российской Федерации в последние годы демонстрируют устойчивую тенденцию к расширенному использованию категории публичного порядка при оценке сделок и судебных актов, которые могут повлечь ущерб государственным интересам. Это позволяет рассматривать публичный порядок не только как институт частного международного права, но и как внутренний процессуальный фильтр, препятствующий злоупотреблению частноправовыми механизмами для ослабления суверенных интересов страны.

Тем не менее применение этого института часто сопряжено с существенным риском правовой неопределённости: отсутствуют чёткие критерии, не закреплён допустимый объем вмешательства, что порождает споры о границах публичного порядка. [5] Статья направлена на систематизацию теоретических подходов к

публичному порядку, исследование прецедентов и правоприменительной практики, а также выработку рекомендаций по формализации подходов к его применению в арбитражном процессе.

Цель настоящей статьи состоит в комплексном анализе теоретической природы публичного порядка и исследовании судебной практики российских арбитражных судов, где данный принцип применён для защиты интересов государства и муниципалитетов. Особое внимание уделено оценке того, каким образом судебная власть формирует концепцию экономического и правового суверенитета в условиях давления международного коммерческого оборота.

Понятие и правовая природа публичного порядка

Публичный порядок (ordre public/public policy) традиционно воспринимается как совокупность фундаментальных правовых, моральных, социально-экономических и конституционных принципов, составляющих основу правопорядка государства. [11] Он призван ограничивать автономию воли сторон в частноправовых отношениях, особенно когда последствия сделки могут выходить за рамки частных интересов и затрагивать публичные. [13]

Доктринально различаются:

– Внутренний публичный порядок — нормы и принципы, обусловленные правовой, конституционной, социально-экономической структурой конкретного государства.
– Транснациональный / международный публичный порядок — универсальные (или почти универсальные) принципы (запрет коррупции, защиты прав человека, недопустимость дискриминации и др.), признанные как обязательные даже при применении иностранных норм. [10]

В контексте арбитража публичный порядок — не просто норма материального права, а императивная база, которая может служить основанием для отказа в применении иностранного права, признании или принудительном исполнении решения третейского суда. [9]

Однако публичный порядок не детализирован в законодательстве. Отсутствие нормативно определённых критериев публичного порядка порождает риск произвольного применения. [8] В российском праве, при признании/приведении в исполнение иностранного или третейского решения, ключевым механизмом является подп. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ [14] — отказ возможен, “если исполнение противоречит публичному порядку Российской Федерации”.

Юридическая литература подчёркивает, что публичный порядок — это не абстрактная категория, а совокупность важнейших институтов: прав человека и гражданина, законности, справедливости, стабильности правовой системы, экономической и социальной защищённости, основ конституционного строя.

В арбитражном процессе публичный порядок связан с гарантией стабильности экономической системы, неотчуждаемостью публичного имущества, защитой бюджетных интересов и предотвращением подрыва государственного управления.

Согласно позиции высших судебных инстанций, публичный порядок включает принципы:

1. законности использования публичного имущества;
2. недопустимости обхода публично-правовых ограничений через частноправовые конструкции;
3. недопустимости подрыва экономической безопасности и разгосударствления стратегически значимых активов;
4. приоритета суверенного регулирования и публичного интереса при рассмотрении частноправовых споров;
5. обеспечения стабильности бюджетной системы и финансового контроля государства. [6]

Тем самым публичный порядок становится защитным механизмом, препятствующим включению государства и муниципалитетов в сделки, которые могут привести к утрате контроля над стратегическими объектами, а также не позволяют исполнить решения, ущемляющие финансовую устойчивость или подрывающие основы публичной власти. [2]

Судебная практика по применению принципа публичного порядка при разрешении споров

Арбитражные споры, в которых участвуют государственные компании, органы публичной власти или контракты, связанные с бюджетными или стратегическими объектами, имеют особую значимость. Применение публичного порядка в таких делах позволяет предотвратить легитимацию схем, ведущих к неправомерному расходованию бюджетных средств, к установлению чрезмерных финансовых санкций или к созданию условий, позволяющих иностранным структурам воздействовать на российские публичные органы. [4] Именно поэтому арбитражные суды, а затем и Верховный Суд России выработали несколько ключевых подходов к пониманию публичного порядка, отражающих необходимость защиты суверенного права России на управление своими экономическими процессами.

Одним из важнейших прецедентов в этой сфере стало дело № 304-ЭС24-24514 [15], рассмотренное Верховным Судом РФ в 2025 году.

Спор возник по государственному контракту, что уже само по себе создало предпосылки для повышенного внимания суда к вопросам защиты публичных интересов. В рамках третейского разбирательства была присуждена значительная неустойка, которая, по мнению нижестоящего суда, носила «карательный» характер и могла привести к нерациональному расходованию бюджетных средств. Вынесенное третейским судом решение фактически возлагало на заказчика, финансируемого из бюджета, существенные расходы, способные негативно сказаться на распределении бюджетных обязательств. Суд первой инстанции усмотрел в этом нарушение публичного порядка, однако Верховный Суд указал, что применение доктрины публичного порядка не может превращаться в инструмент пересмотра решений по существу.

Тем не менее Верховный Суд подчеркнул, что публичный порядок неразрывно связан с защитой бюджетных интересов, и в тех случаях, когда решения третейского суда действительно угрожают стабильности публичных финансов, государственные суды не просто вправе, но обязаны вмешаться. Данный подход позволяет поддерживать баланс между автономией третейского разбирательства и защитой экономического суверенитета страны, при этом избегая чрезмерного вмешательства в частноправовые отношения. [1]

Другим значимым делом является определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС25-1488 от 2025 года [16]. В нём суд сформулировал ключевой тезис: внутренняя система арбитража не может допускать принятие или исполнение решений, которые объективно противоречат основам российской экономической модели, подрывают доверие к государственным институтам или создают условия для косвенного влияния внешних субъектов на функционирование отраслей, имеющих стратегическую важность. Суд прямо указал, что публичный порядок включает защиту правового суверенитета — способности государства самостоятельно регулировать отношения в таких сферах, как энергетика, инфраструктура, транспорт, оборона, цифровые технологии и иные направления, в которых экономические решения тесно переплетены с вопросами национальной безопасности. [7]

Значительное влияние на выработку критериев публичного порядка оказало и дело № 305-ЭС19-24914, рассмотренное Верховным Судом РФ в 2022 году [17]. В этом деле суд сформулировал детальный перечень признаков, позволяющих квалифицировать нарушения третейским судом как затрагивающие публичный порядок. К ним были отнесены угрозы экономической стабильности государства, подрыв основ правосудия, нарушение базовых принципов добросовестности, справедливости и равноправия сторон, а также ситуации, когда исполнение третейского решения может привести к неправомерному перераспределению ресурсов в ущерб публичным интересам.

Совокупность данной судебной практики демонстрирует, что публичный порядок в российском арбитражном процессе превратился в инструмент, позволяющий государству защищать свои экономические интересы в условиях глобальной конкуренции. С его помощью суды могут пресекать вывод бюджетных средств через завышенные санкции, предотвращать легитимацию схем, направленных на подрыв финансовой стабильности стратегических предприятий, и не допускать проникновения внешнего влияния на процессы принятия государственных решений посредством третейских разбирательств.

При этом Верховный Суд подчёркивает необходимость осторожного и взвешенного подхода: публичный порядок не должен использоваться произвольно и не должен заменять собой оценку доказательств или правовых позиций сторон. Расширительное толкование этой категории может негативно сказаться на инвестиционном климате и привести к тому, что арбитраж будет воспринят как ненадёжный механизм. Поэтому задача судебной системы — обеспечить баланс между защитой суверенитета и сохранением привлекательности России как юрисдикции, поддерживающей современные формы разрешения коммерческих споров.

Заключение

Суверенитет государства традиционно определяется как способность самостоятельно осуществлять верховную власть внутри страны и внешнюю независимость на международной арене. Однако в XXI веке экономическая мощь и контроль над ресурсами столь же важны, как и политические атрибуты независимости. Экономические атаки, санкции, недружественные договорные структуры, попытки вывода средств за пределы юрисдикции посредством третейских решений и искусственных обязательств стали формой давления, сопоставимой по эффективности с политическими инструментами. В связи с чем публичный порядок в арбитражном процессе сегодня — это не просто категория гражданского права, а важный элемент национальной безопасности и защиты экономического суверенитета.

Публичный порядок служит гарантией того, что решения, вынесенные вне системы государственных судов, не смогут нарушить стратегические интересы страны, повлиять на распределе-

ние публичных ресурсов или создать условия для вмешательства внешних субъектов в экономическую деятельность государства. В условиях растущей международной напряжённости и активизации экономических и юридических инструментов воздействия на национальные экономики значение публичного порядка как механизма защиты суверенитета приобретает особую актуальность.

Решения Верховного Суда подтверждают, что публичный порядок — это правовая граница, охраняющая фундаментальные ценности государства, включая бюджетную стабильность, стратегические отрасли экономики, независимость публично-властных решений, экономическую и правовую безопасность России.

Российская Федерация всегда была, есть и будет сильным государством на мировой арене, с неотъемлемым поддержанием верховенства права и национальных интересов страны, для реализации которых и выстраивается политика, а также нормативная база государства.

Список литературы:

[1] Деркач И. В поисках границ публичного порядка: комментарий к определению Верховного Суда РФ от 28.03.2025 № 304-ЭС24-24514 // Арбитражные споры. — 2025. — Электронный ресурс. URL: https://arbspor.ru/news/2680/

[2] Карандашов И. И. Применение арбитражными судами РФ оговорки о публичном порядке (ст. 1193 ГК РФ) // Мониторинг правоприменения 2020–2021. — СПб., 2022. — С. 725–748.

[3] Карапетов А. Г. Пределы публичного порядка в международном коммерческом арбитраже // Вестник гражданского права. — 2020. — № 3. — С. 5–32.

[4] Кустова М. В. Проблемы признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений: роль публичного порядка // Право и экономика. — 2020. — № 2. — С. 39–47.

[5] Курочкина Е. М. Признание и приведение в исполнение в иностранном государстве решения международного коммерческого арбитража, отменённого по месту его вынесения: дис. … канд. юрид. наук. — СПб., 2023.

[6] Нешатаева Т. Н. Публичный порядок как инструмент защиты экономического суверенитета // Журнал российского права. — 2021. — № 7. — С. 45–57.

[7] Садиков О. Н. Применение категории публичного порядка в арбитражном процессе // Арбитражные споры. — 2019. — № 4. — С. 14–26.

[8] Чечёткин М. С. Доктрина публичного порядка и её границы в практике Верховного Суда РФ // Российская юстиция. — 2022. — № 11. — С. 28–35.

[9] Born G. Public Policy Exceptions in the Enforcement of Arbitral Awards // American Review of International Arbitration. — 2018. — Vol. 29. — P. 293–320.

[10] Gaillard E. The Emergence of Transnational Public Policy in International Arbitration // Arbitration International. — 2019. — Vol. 35, No. 2. — P. 155–172.

[11] Kessedjian C. Public Order in International Arbitration Revisited // International Arbitration Review. — 2020. — Vol. 12, No. 1. — P. 1–20.

[12] Mourre A. Public Policy and Arbitral Autonomy: A Modern Analysis // Journal of International Arbitration. — 2021. — Vol. 38, No. 4. — P. 567–585.

[13] Tibor V. Public Policy and Enforcement of Arbitral Awards in Europe // European Business Law Review. — 2022. — Vol. 33, No. 5. — P. 721–746.

[14] «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // КонсультантПлюс. - Ст. 244

[15] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2025 N 304-ЭС24-24514 по делу N А67-3423/2024

[16] Определение Верховного Суда РФ от 15.05.2025 N 305-ЭС25-1488 по делу N А40-148733/2024

[17] Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 июня 2020 г. N 305-ЭС19-24914 по делу N А40-144535/2019

References:

[1] Derkach I. In search of the boundaries of public order: commentary on the ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.03.2025 No. 304-ES24-24514//Arbitration disputes. — 2025. - Electronic resource. URL: https://arbspor.ru/news/2680/

[2] Karandashov I. I. Application by arbitration courts of the Russian Federation of a public order clause (Article 1193 of the Civil Code of the Russian Federation)//Monitoring of law enforcement 2020-2021. - St. Petersburg, 2022. - S. 725-748.

[3] Karapetov A. G. Limits of public order in international commercial arbitration//Bulletin of Civil Law. — 2020. — № 3. - S. 5-32.

[4] Kustova M.V. Problems of recognition and enforcement of foreign arbitral awards: the role of public order//Law and Economics. — 2020. — № 2. - S. 39-47.

[5] Kurochkina E. M. Recognition and enforcement in a foreign state of a decision of international commercial arbitration canceled at the place of its issuance: dis.... cand. jurid. sciences. - St. Petersburg, 2023.

[6] Neshataeva T. N. Public order as an instrument for protecting economic sovereignty//Journal of Russian Law. — 2021. — № 7. - S. 45-57.

[7] Sadikov O. N. Application of the category of public order in the arbitration process//Arbitration disputes. — 2019. — № 4. - S. 14-26.

[8] Chechetkin M.S. The doctrine of public order and its boundaries in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation//Russian Justice. — 2022. — № 11. - S. 28-35.

[9] Born G. Public Policy Exceptions in the Enforcement of Arbitral Awards // American Review of International Arbitration. — 2018. — Vol. 29. — P. 293–320.

[10] Gaillard E. The Emergence of Transnational Public Policy in International Arbitration // Arbitration International. — 2019. — Vol. 35, No. 2. — P. 155–172.

[11] Kessedjian C. Public Order in International Arbitration Revisited // International Arbitration Review. — 2020. — Vol. 12, No. 1. — P. 1–20.

[12] Mourre A. Public Policy and Arbitral Autonomy: A Modern Analysis // Journal of International Arbitration. — 2021. — Vol. 38, No. 4. — P. 567–585.

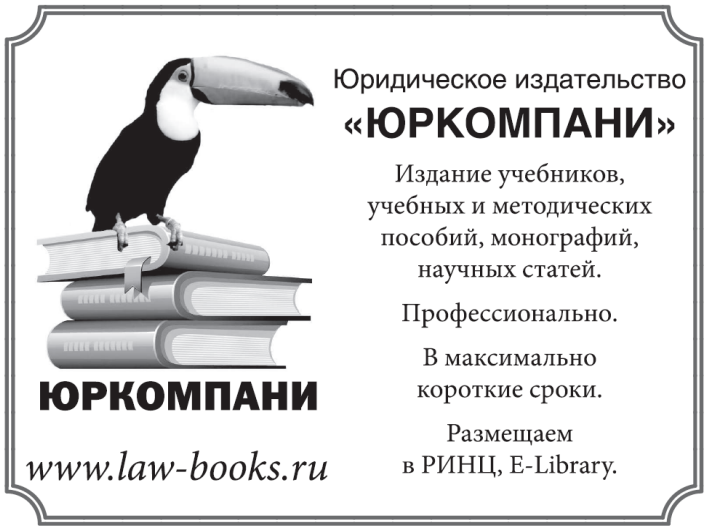
[13] Tibor V. Public Policy and Enforcement of Arbitral Awards in Europe // European Business Law Review. — 2022. — Vol. 33, No. 5. — P. 721–746.

[14] “Arbitration Procedure Code of the Russian Federation” dated 24.07.2002 N 95-FZ (as amended by 01.04.2025) //ConsultantPlus. - Art. 244

[15] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.03.2025 N 304-ES24-24514 in case N A67-3423/2024

[16] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.05.2025 No. 305-EC25-1488 in case No. A40-148733/2024

[17] Determination of the Investigative Committee for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of June 25, 2020 N 305-ES19-24914 in case N A40-144535/2019

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-168-171

УСТЮГОВА Елена Викторовна,
к.э.н., доцент кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия», Москва, Россия,
e-mail: e.v.ustugova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЗЫСКАНИЯ ПРОЦЕНТОВ ЗА ПОЛЬЗОВАНИЕ ЧУЖИМИ ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ, В ПОРЯДКЕ СТ. 395 ГПК РФ ПОСЛЕ ВЫПЛАТЫ, ПРИСУЖДЁННЫХ СУДОМ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности правоприменительной практики взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами после исполнения судебного решения. Анализируются условия возникновения права на взыскание процентов, порядок подачи искового заявления, определение подсудности и расчёт сумм взыскания. Особое внимание уделяется процессуальным аспектам взыскания, включая сроки подачи иска, порядок рассмотрения дела судом и возможность взыскания судебных расходов. Исследуются практические проблемы, возникающие при реализации данного права, и возможные пути их решения. Рассматривается взаимосвязь между индексацией присуждённых денежных средств и взысканием процентов за пользование чужими денежными средствами.*

Ключевые слова: *проценты за пользование чужими денежными средствами, гражданское судопроизводство, исполнительное производство, судебные решения, взыскание задолженности, процессуальные гарантии, должник, взыскатель, судебные расходы, правоприменительная практика, статья 395 ГК РФ, индексация денежных средств.*

USTYUGOVA Elena Viktorovna,
PhD, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Business and Civil Procedure Autonomous non-profit organization of higher education "Moscow university "Synergy" Moscow, Russia

PECULIARITIES OF RECOVERY OF INTEREST FOR USE OF OTHER PEOPLE'S FUNDS, IN ACCORDANCE WITH ART. 395 CODE OF CIVIL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION AFTER PAYMENT OF FUNDS AWARDED BY THE COURT

Annotation. *The article examines the features of law enforcement practice in collecting interest for using other people's money after the execution of a court decision. The conditions for the emergence of the right to collect interest, the procedure for filing a statement of claim, determining jurisdiction and calculating the amounts of recovery are analyzed. Special attention is paid to the procedural aspects of recovery, including the deadlines for filing a claim, the procedure for considering the case by the court and the possibility of recovering court costs. Practical problems arising in the implementation of this right and possible ways to solve them are investigated. The relationship between the indexation of awarded monetary funds and the collection of interest for the use of other people's money is considered.*

Key words: *interest for using other people's money, civil proceedings, enforcement proceedings, court decisions, debt recovery, procedural guarantees, debtor, claimant, court costs, law enforcement practice, Article 395 of the Civil Code of the Russian Federation, indexation of monetary funds.*

Особенности правоприменительной практики взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами, после выплаты, присуждённых судом денежных средств являются мерой реагирования на неисполнение в добровольном порядке должником решения суда и невыплату в установленные сроки суммы долга в пользу взыскателя. Рассматриваемый нами вопрос может заинтересовать всех участников гражданского процесса будь то истец или ответчик, или их законный представитель.

Данная статья посвящается важному для юридической практики вопросу подачи гражданского иска в порядке 395 статьи Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ). В данной статье мы рассмотрим такие вопросы как: кто и в каких случаях имеет право на взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами, после исполнения решения суда и выплаты, присуждённых судом денежных средств; с какой целью производится данное взыскание, когда возникает такое право, как определяется подсудность при подаче иска о взыскании процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами, порядок рассмотрения иска судом, затраты на обращение в суд по данному иску и как можно взыскать судебные расходы, связанные с решением этого вопроса, а также некоторые другие вопросы, посвящённые теме особенностей подачи искового заявления о взыскании процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами.

Рассмотрим ситуацию, в которой на основании исполнительного листа судебным приставом-исполнителем возбуждается исполнительное производство о взыскании с должника, в пользу взыскателя денежной суммы, прописанной в решении суда и исполнительном листе. И должником не предпринимались меры по погашению долга, тогда взыскатель имеет все основания для обращения в суд для взыскания процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами в порядке 395 статьи ГПК РФ. Если пристав возбудил производство, он дает должнику 5 дней на добровольное исполнение решения суда (ч. 12 ст. 30 закона № 229-ФЗ). Срок исполнения судебного решения по гражданскому делу считается с даты, когда должник получил постановление от пристава (п. 9 обзора судебной практики ВС № 1 (2021), утв. Президиумом ВС РФ 07.04.2021). В том случае если должник не исполнит предъявленные ему требования в срок, предусмотренный законодателем для добровольного исполнения решения суда по гражданским делам, ему придётся оплатить сбор, взимаемый ФССП (п. 77 постановления № 50).

В этом случае взыскатель должен подать исковое заявление в суд, который будет рассматривать этот вопрос в рамках отдельного судопроизводства. Целями подачи иска в данном случае могут быть две. Первая получение дополнительных денежных средств и вторая наказание должника за неисполнение обязательств. При этом по общему правилу иск подлежит оплате госпошлины. Вопрос о подсудности законодатель в этой категории исков определяет следующим образом: Согласно ст. 28 ГПК РФ Иск предъявляется в суд по месту жительства ответчика.

Рассмотрение иска судом о взыскании процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами происходит в общем порядке, предусмотренном ГПК РФ.

В соответствии со ст. ст. 309, 310 ГПК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями. Односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных законом.

В соответствии со ст. 395 Гражданского кодекса Российской Федерации неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности, в случае просрочки исполнения. Проценты начисляются до момента фактического исполнения денежного обязательства, определяемого исходя из условий о порядке платежей, форме расчетов и положений статьи 316 ГК РФ о месте исполнения денежного обязательства, если иное не установлено законом либо соглашением сторон. Установленная же статьей 395 ГК Российской Федерации возможность взыскания процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами является ответственностью за неисполнение денежного обязательства.

При этом в данном случае истцу придётся доказывать в суде факт неисполнение денежного обязательства должником. А затем подтвердить документально свои судебные издержки.

Согласно ст. 98 Гражданского процессуального кодекса РФ стороне, в пользу которой состоялось решение, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы, которые согласно ч. 1 ст. 88 ГПК состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела. Все эти

расходы можно взыскать в рамках искового заявления о взыскании процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами. К таким расходам могут относиться расходы на составление и выдачу нотариальной доверенности, почтовые расходы, юридические услуги по проведению консультаций и подготовке заявлений.

Взыскателю целесообразно реализовывать своё право на обращение в суд в порядке 395 статьи ГПК РФ лишь тогда, когда исполнительное производство закончено и вся сумма, согласно исполнительному листу выплачена. В этом случае срок начисление процентов за пользование чужими денежными средствами начинается с даты вынесения судебного решения, а закончится датой исполнения судебного приказа, то есть датой последнего платежа, в том случае, если выплата производилась несколькими платежами. Расчёт производится с учётом всех дат платежей и всех перечисленных сумм. Для того чтобы произвести расчёт взыскателю понадобится или заказать платно выписку в банке с платежами или справки по каждой операции. Выписка конечно удобнее, но в Сбербанке её стоимость составляет 2400 рублей. Так что взыскатель сам решает какой путь ему выбрать, исходя из его финансовых возможностей. Чаще всего такие платежи обозначаются в истории банковских операций как прочие и их можно выделить в истории операций по карте, распечатать и затем использовать для расчёта, а также в качестве приложения к исковому заявлению о взыскании процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами.

Законодатель не ограничивает взыскателя в подаче искав о взыскании процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами. Таким образом можно многократно обращаться за начислением процентов за и незаконное пользование чужими денежными средствами, присуждёнными по решению суда. Однако следует учесть тот факт, что исковые заявления рассматриваются и вступают в силу в течении длительного периода. В соответствии с вышеизложенным представляется целесообразным подавать иск после того как задолженность по исполнительному листу должником полностью погашена.

Подача иска о взыскании процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами укладывается в общий срок исковой давности, который составляет 3 года. Следовательно, данный иск может быть подано в срок, не превышающий трёх лет со дня исполнения должником судебного акта.

Сумма иска о взыскании процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами должна подтверждаться расчетом.

В Определении от 30 сентября 2019 года N 2583-О Конституционный Суд Российской Федерации, опираясь на сформулированные им ранее в указанном Постановлении, а также в Определении от 20 марта 2008 года N 153-О-О правовые позиции, указал, что произведенная судом в порядке статьи 208 ГПК Российской Федерации индексация взысканных денежных сумм, призванная компенсировать влияние инфляции на имущественные правоотношения между взыскателем и должником, своевременно не исполнившим обязательство, возложенное на него судебным решением, сама по себе не исключает возможности применения к должнику, незаконно удерживающему взысканные с него судом денежные средства, также и санкций, в том числе в виде необходимости уплаты процентов за пользование чужими денежными средствами, как это предусмотрено статьей 395 ГК Российской Федерации.

Данная позиция была продублирована в Постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда (11 ААС) от 19 октября 2021 г. по делу № А65-3975/2015, суды общей юрисдикции неоднократно ссылались на Постановление Конституционного суда РФ: см. Решение Каширского городского суда (Московская область) от 24 декабря 2019 г. по делу № 2-1363/2019; Решение Советского районного суда г. Красноярска (Красноярский край) от 16 июля 2020 г. по делу № 2-13870/2019; Решение Балашовского районного суда (Саратовская область) от 8 мая 2020 г. по делу № 2-1-235/2020; Решение Сыктывкарского городского суда (Республика Коми) от 21 июля 2020 г. по делу № 2-3900/2020; Решение Первореченского районного суда г. Владивостока (Приморский край) от 17 июля 2020 г. по делу № 2-4309/2019

Таким образом, взыскание индексации присужденных денежных средств не исключает возможность взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами, и наоборот.

В просительной части иска о взыскании процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами в порядке 395 статьи ГПК РФ следует сослаться на положения статей 309, 310, 395 ГК РФ, 98, 100 ГПК РФ, и указать следующие исковые требования:

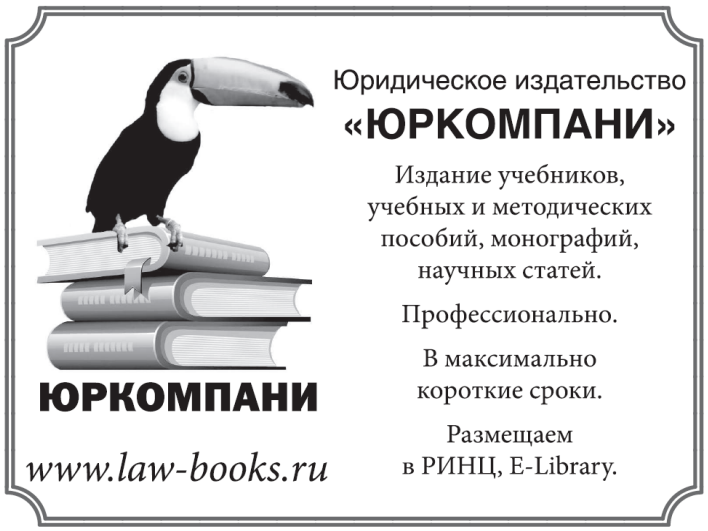
– взыскать с ответчика в пользу истца проценты за пользование денежными средствами в период с даты, вынесения первоначального, основного судебного решения по дату погашения основного долга, которым может являться дата перечисления последней денежной суммы, в том случае, если долг погашался частями, в размере рассчитанной денежной суммы, подлежащих взысканию, в порядке ст. 395 ГПК РФ.

– взыскать с ответчика в пользу истца сумму уплаченной государственной пошлины в размере 3 000 рублей;
– взыскать с ответчика. в пользу истца расходы по оплате юридической помощи в составлении искового заявления и консультации, осуществление представительских функций.
– взыскать с ответчика. в пользу истца почтовые расходы.
– взыскать с ответчика. в пользу истца расходы по составлению и выдаче нотариальной доверенности.

В качестве приложений к иску о взыскании процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами в порядке 395 статьи ГПК РФ следует приложить:

1. Копия решения суда.
2. Копия исполнительного листа.
3. Сведения об оплате долга.
4. Расчет сумм, подлежащих взысканию, в порядке ст. 395 ГПК РФ.
5. Документы, подтверждающие судебные расходы.
6. Документы, подтверждающие направление копии заявления сторонам.

При рассмотрении природы иска о взыскании процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами после исполнения решения суда и выплаты, присуждённых судом денежных средств необходимо отметить тот факт, что он выступает как ответная мера реагирования на действия или бездействия должника, не исполняющего судебного решения в добровольном порядке и демонстрирующие его неуважение к суду и к другим участникам гражданского процесса.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-172-174

АНТИПИНА Анастасия Алексеевна,
студент, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: nast3713@gmail.com

ЗНАЧЕНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАМКАХ СУДЕБНЫХ ПОРТРЕТНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Аннотация. *В данной статье раскрывается роль нейросетевых технологий при предупреждении, расследовании и раскрытии преступных деяний. Указано, что такие технологии способны создавать и впоследствии использовать индивидуальные алгоритмы обработки цифровых изображений при решении различных экспертных задач, в частности, при поиске пропавших лиц или сбежавших преступников. Отмечено, что использование нейросетей позволяет оптимизировать работу эксперта и сокращать время на выполнение рутинных задач. Особое внимание уделяется роли таких алгоритмов обработки изображений в контексте исследования портретных изображений лиц, подвергшихся возрастным изменениям. Это обусловлено способностью подобных технологий моделировать внешний облик человека с учетом возрастных изменений. Подчеркнуто и подтверждено примером, что такое цифровое возрастное преобразование лица является перспективным вектором развития в экспертной практике. Приведены функции программных средств, использующих алгоритмы обработки цифровых изображений, благодаря которым значительно проще распознать лицо человека. Указаны пределы и ограниченные возможности применения нейросетей на данный момент в связи с недостаточностью базы изображений, на которых эти программные средства должны обучаться. Особо замечено, что современная экспертная практика должна развиваться в сторону синтеза операционных информационных технологий для своевременной обработки исходных данных и технологий искусственного интеллекта, генерирующего алгоритмы исследования и прогнозирующего выводы эксперта. Сделан вывод о том, что в настоящее время необходимо научиться применять нейросетевые технологии распознавании лиц в экспертной практике для автоматизации проведения судебных экспертиз и их большей достоверности.*

Ключевые слова: *нейросетевые технологии, алгоритмы обработки изображений, программные средства, возрастные изменения.*

ANTIPINA Anastasia Alekseevna,
student, O.E. Kutafin University (MGUA)

THE IMPORTANCE OF USING NEURAL NETWORK TECHNOLOGIES IN THE FRAMEWORK OF FORENSIC PORTRAIT EXAMINATIONS TO COUNTERACT CRIMES

Annotation. *This article reveals the role of neural network technologies in the prevention, investigation and disclosure of criminal acts. It is indicated that such technologies are capable of creating and subsequently using individual digital image processing algorithms for solving various expert tasks, in particular, when searching for missing persons or escaped criminals. It is noted that the use of neural networks makes it possible to optimize the expert's work and reduce the time required to complete routine tasks. Special attention is paid to the role of such image processing algorithms in the context of the study of portrait images of persons who have undergone age-related changes. This is due to the ability of such technologies to simulate the appearance of a person, taking into account age-related changes. It is emphasized and confirmed by the example that such a digital age transformation of the face is a promising vector of development in expert practice. The paper presents the functions of software tools using digital image processing algorithms, which make it much easier to recognize a person's face. The limits and limited possibilities of using neural networks at the moment are indicated due to the insufficient database of images on which these software tools should be trained. It is particularly noted that modern expert practice should develop towards the synthesis of*

operational information technologies for the timely processing of source data and artificial intelligence technologies that generate research algorithms and predict expert conclusions. It is concluded that it is currently necessary to learn how to use neural network technologies for face recognition in expert practice to automate forensic examinations and make them more reliable.

Key words: *neural network technologies, image processing algorithms, software, age-related changes.*

В настоящее время появляется все больше новых методов, а также происходит усовершенствование старых способов совершения преступлений. Этому способствуют стремительно развивающиеся информационные технологии, которые люди зачастую применяют в противоправных целях. Например, преступники используют различные графические редакторы и алгоритмы обработки изображений для преобразования своей внешности путем изменения возрастных характеристик внешнего облика (удаление складок, добавление морщин и т.д.), из-за чего впоследствии становится сложно узнать человека на фотоснимке. Важно отметить, что данный пример использования подобных технологий является нарушением законодательства и может повлечь за собой юридическую ответственность.

Все вышеперечисленное ведет к применению нейросетевых технологий при раскрытии преступлений. При этом нужно отметить, что «основным трендом развития судебной экспертологии в современных условиях является гармонизация следующих процедур: разработки и внедрения передовых судебно-экспертных технологий, внедрения инновационных механизмов обеспечения качества судебно-экспертной деятельности, обеспечения оценки квалификации и подтверждения компетентности судебных экспертов» [1, с. 157]. Это связано с тем, что такие технологии имеют ряд преимуществ, в частности, следует отметить их функцию по созданию и последующему использованию индивидуальных алгоритмов обработки цифровых изображений.

Сферы применения нейросетей для решения экспертных задач весьма разнообразны и могут включать распознавание изображений, кластеризацию данных, разделение их на группы на основе сходства [2, с. 25]. Так, указанные возможности нейросетей позволяют экспертам сократить время на осуществление работы по отбору объектов для исследования и при этом позволяют выделить больше времени в будущем на сравнение полученных объектов.

Следует отметить, что цифровизация затронула различные роды и виды экспертиз, в том числе и судебную портретную экспертизу, которая проводится «… в целях установления тождества человека по признакам его внешнего облика, зафиксированным на объективных отображениях, и выполняемых с помощью специализированных методов исследования» [3, с. 97].

Особенно заметно влияние таких технологий в контексте исследования портретных изображений лиц, подвергшихся возрастным изменениям. Это связано с тем, что на данный момент современные компьютерные технологии позволяют моделировать внешний облик человека с учетом возрастных изменений. В таком случае следует говорить об искусственных изменениях, полученных в результате использовании различных редакционных программ.

При этом стоит отметить, что возрастное преобразование лица с помощью современных технологий на данный момент является перспективным вектором развития в экспертной и судебной практике, поскольку внедрение подобных программ может помочь при решении разных задач. Например, при поиске пропавших детей, особенно спустя много лет после пропажи, с помощью специальных программ можно создать изображения, показывающие как ребенок мог бы выглядеть по мере взросления.

В работе эксперта, занимающегося исследованием фотоизображений человека, нейросети можно использовать в целях распознавания лица конкретного человека среди множества изображений других лиц. Это связано с тем, что само функционирование нейросетей базируется на их предварительном обучении на большом массиве изображений. «В процессе обучения системы выявляют по определенному алгоритму доминирующие признаки внешности, свойственные данному человеку. И строят между ними связи, а затем используют полученные данные для того, чтобы узнавать среди имеющегося множества предъявляемые неизвестные (новые) изображения» [4, с. 67].

Нейросети полезны при осуществлении поиска изображений лица на фотоснимках и видеокадрах, сделанных с различным освещением, ракурсом и другими характеристиками. Нейросети автоматизируют данный процесс, предоставляя эксперту уже готовую коллекцию изображений для дальнейшего исследования по установлению личности.

Нейросети способны достаточно точно изменять возраст людей на фото. Например, 16 января 2023 г. в ходе спецоперации итальянских спецслужб был задержан глава мафии Маттео Мессина Денаро, находившийся в розыске с 1993 г. В правоохранительных органах имелось лишь несколько фотографий преступника, сделанных еще в молодости. Чтобы понять как Денаро может выглядеть спустя десятилетия, специалисты,

используя нейросетевые технологии, выполнили «состаренный» фоторобот [5, с. 161]. Можно сказать, что в данном случае довольно удачно был смоделирован внешний облик человека с учетом возрастных изменений. Данный пример подтверждает роль нейросетевых технологий при поиске преступников.

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что биометрические решения распознавания лиц с использованием нейросетей активно развиваются при создании специализированных программных продуктов, но довольно слабо внедряются в экспертную практику. Тем не менее, такие технологии позволяют более эффективно решать задачи, поставленные перед экспертами. Подобные программные средства имеют большое количество инструментов для работы с изображениями: они могут улучшать качество изображения, приводить изображения к требуемому масштабу, осуществлять простановку комплекса антропометрических точек, вычислять абсолютные и относительные антропометрические характеристики на изображении лица и осуществлять многие другие функции. Соответственно, данные технологии позволяют проще распознать лицо человека, выделяя большое количество параметров.

Стоит отметить, что современная экспертная практика, в том числе и при проведении исследований портретных изображений человека, должна развиваться в сторону синтеза операционных информационных технологий для своевременной обработки исходных данных и технологий искусственного интеллекта, генерирующего алгоритмы исследования и прогнозирующего выводы эксперта с учетом потенциального получения дополнительной информации [6, с. 99]. Именно поэтому нужно применять различные программные средства, разрабатывать и внедрять новые стандарты, методики.

Подводя итог, применение нейросетей при предупреждении, расследовании и раскрытии преступлений в настоящее время актуальная тема, ставящая новые вызовы перед всей системой правосудия. Исходя из этого, представляется необходимым научиться применять нейросетевые технологии распознавании лиц среди больших массивов изображений в экспертной практике для автоматизации проведения судебных экспертиз и их большей достоверности с учетом изменения объектов — носителей информации о внешнем облике человека. Реализация указанных мер позволит значительно улучшить качество подобных исследований и повысить эффективность применения портретной экспертизы, что в итоге укрепит всю систему правосудия.

Список литературы:

[1] Омельянюк Г.Г., Усов А.И. Тренды развития судебной экспертологии в современных условиях // Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации. Уфа, 2022. С. 156-161.

[2] Россинская Е.Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы / журнал «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», № 3, 2024 г. С. 21-33.

[3] Зинин А.М. Габитоскопия и портретная экспертиза: учебник / А.М. Зинин, И.Н. Подволоцкий; под ред. Е.Р. Россинской. - Москва: Норма: ИНФРАМ, 2024. - 288 с.

[4] Зинин А.М. Нейросети и судебно-портретная экспертиза / журнал «Вестник криминалистики», № 2, 2020 г. С. 66-69.

[5] Шатов Д.В., Барсуков С.С., Шипанов И.Н. Лицевая биометрия и нейронные сети в криминалистике: современные возможности и проблемы применения / журнал «Юристъ-Правоведъ», № 1 (104), январь-март 2023 г. С. 155-161.

[6] Подволоцкий И.Н. Организация портретной экспертизы в цифровой сфере / журнал «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», № 6, июнь 2020 г. С. 89-100.

References:

[1] Omelyanyuk G.G., Usov A.I. Trends in the development of forensic expertise in modern conditions//Theory and practice of fundamental and applied research in the field of forensic research in the field of forensic activity and DNA registration of the population of the Russian Federation. Ufa, 2022. S. 156-161.

[2] Rossinskaya E.R. Neural networks in forensic expertise and expert practice: problems and prospects/journal “Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSLA),” No. 3, 2024 p. 21-33.

[3] Zinin A.M. Habitoscopy and portrait examination: textbook/A.M. Zinin, I.N. Podvolotsky; ed. E.R. Rossinskaya. - Moscow: Norm: INFRAM, 2024. - 288 p.

[4] Zinin A.M. Neural networks and forensic portrait examination/journal “Bulletin of Criminalistics,” No. 2, 2020 P. 66-69.

[5] Shatov D.V., Barsukov S.S., Shipanov I.N. Facial biometrics and neural networks in forensics: modern possibilities and problems of application/ Jurist-Pravoveda magazine, No. 1 (104), January-March 2023 p. 155-161.

[6] Podvolotsky I.N. Organization of portrait expertise in the digital sphere/journal “Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law Academy),” No. 6, June 2020 p. 89-100.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-175-183

МАТВЕЕВА Екатерина Владимировна,
студентка, Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
e-mail: katya_matveeva_2006@mail.ru

МОИСЕЕНКО Михаил Иванович,
Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и процесса, Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
e-mail: mmimi1963@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. *Статья посвящена анализу современного состояния правового регулирования электронных доказательств в российском гражданском процессе. Исследуется соотношение цифровой среды и традиционной модели доказательственного права, закрепленной в ГПК РФ. Рассматриваются нормативные основания использования электронных данных в суде, выявляются пробелы в законодательной конструкции статьи 55 и статьи 71 ГПК РФ, а также проблемы судебной практики, связанные с допустимостью, достоверностью, идентификацией источника и обеспечением неизменности цифровой информации. Отдельное внимание уделяется переписке в мессенджерах, электронной почте, скриншотам, данным интернет-ресурсов, цифровым аудио- и видеозаписям, метаданным и иным данным, формируемым информационными системами. Обосновывается вывод о недостаточности существующего подхода, при котором электронные доказательства фактически распределяются между письменными доказательствами, вещественными доказательствами и аудио- и видеозаписями без признания их самостоятельной процессуальной природы. Предлагаются направления законодательной модернизации: закрепление дефиниции электронных доказательств в статье 55 ГПК РФ, установление требований к форме представления, правилам аутентификации, фиксации метаданных, проверке целостности цифрового файла, а также введение специальных процедур исследования электронных доказательств в судебном заседании.*

Ключевые слова: *электронные доказательства, гражданский процесс, ГПК РФ, допустимость доказательств, достоверность доказательств, цифровые данные, электронный документ.*

MATVEEVA Ekaterina Vladimirovna,
student, St. Petersburg University of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev

MOISEENKO Mikhail Ivanovich,
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Administrative Law and Process, St. Petersburg University of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia named after Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev

PROBLEMS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC EVIDENCE

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the current state of legal regulation of electronic evidence in the Russian civil process. The correlation between the digital environment and the traditional model of evidence law enshrined in the Code of Civil Procedure of the Russian Federation is examined. The article discusses the regulatory basis for the use of electronic data in court, identifies gaps in the legislative structure of Articles 55 and 71 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, and addresses the challenges of judicial practice related to the admissibility, reliability, identification of the source, and ensuring the immutability of digital information. Special attention is paid to correspondence in instant messengers, e-mails, screenshots, data from Internet resources, digital audio and video recordings, metadata and other data generated by information systems. The conclusion is substantiated that the existing approach is insufficient, in which electronic evidence is actually distributed between written evidence, material evidence and audio and video recordings without recognizing their independent procedural nature. The paper proposes the following areas of legislative modernization: the consolidation of the definition of electronic evidence in Article 55 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the establishment of requirements for the form of presentation, authentication rules, metadata recording, and digital file integrity verification, as well as the introduction of special procedures for examining electronic evidence in court.*

Key words: *electronic evidence, civil procedure, Civil Procedure Code of the Russian Federation, admissibility of evidence, reliability of evidence, digital data, electronic document.*

Цифровизация общественных отношений изменила способ фиксации юридически значимых обстоятельств. Существенная часть коммуникации, хозяйственного взаимодействия, документооборота и заключения сделок переместилась в электронную среду. Обстоятельства, имеющие значение для разрешения гражданско-правовых споров, фиксируются в виде электронных писем, сообщений в мессенджерах, данных информационных систем, записей камер видеонаблюдения, файлов журналов регистрации событий, сведений, размещенных на сайтах, и иных цифровых объектов. Судебное доказывание оказалось вовлечено в пространство, где информация существует без устойчивого материального носителя, воспроизводится техническими средствами и поддается скрытой модификации.

Российское гражданское процессуальное законодательство не выработало завершенной модели регулирования таких доказательств. Статья 55 ГПК РФ содержит традиционный перечень средств доказывания и не выделяет электронные доказательства в самостоятельный вид. Статья 71 ГПК РФ допускает использование электронных документов в рамках письменных доказательств при условии возможности установить их достоверность. Подобная конструкция охватывает лишь часть цифровых данных [1]. Переписка в мессенджерах, скриншоты, сведения с веб-страниц, логи систем, данные мобильных приложений, облачные файлы, цифровые следы сетевой активности не укладываются в категорию письменного доказательства без существенных оговорок. В результате правоприменитель вынужден подводить различные по природе цифровые объекты под процессуальные формы, сформированные для бумажных документов и материальных носителей.

Проблема носит не терминологический, а структурный характер. Электронное доказательство отличается от бумажного документа способом существования, порядком восприятия и механизмами проверки. Для исследования цифровой информации требуются технические средства. Для оценки надежности необходим анализ происхождения файла, цепочки его передачи, метаданных, условий хранения и признаков вмешательства. Для установления принадлежности сообщения конкретному лицу недостаточно визуального содержания распечатки. Для подтверждения неизменности скриншота мало самого факта его нотариального удостоверения. Для проверки видеозаписи требуется определить источник создания файла, способ его извлечения, наличие следов монтажа и соответствие временных параметров.

Нормативная инерция в сфере доказательственного права приводит к ряду практических последствий. Участники процесса сталкиваются с неопределенностью при выборе формы представления электронных данных. Судебная практика вырабатывает собственные критерии приемлемости доказательств, однако эти критерии нередко имеют казуистический характер и различаются в зависимости от категории спора, уровня суда и конкретной процессуальной ситуации. Судья получает широкое усмотрение при оценке того, можно ли признать достоверной переписку в мессенджере, распечатку электронной почты, скриншот сайта, запись с телефона или сведения, выгруженные из корпоративной системы. Усмотрение в сфере технически сложных доказательств без закрепленных стандартов порождает неравномерность правоприменения.

Особую значимость вопрос приобретает в гражданском процессе, где принцип состязательности требует предсказуемых правил фор-

мирования доказательственной базы. Если участник спора не может заранее определить, какие цифровые данные будут приняты судом, в каком виде их надлежит представить и какие средства подтверждения подлинности потребуются, реализация права на судебную защиту осложняется. Возникает риск, при котором исход дела зависит не от содержания информации, а от удачности ее процессуального оформления и от субъективной готовности суда воспринимать конкретный цифровой источник как надежный [2].

Научная дискуссия об электронных доказательствах развивалась в русле двух основных подходов. Первый исходит из достаточности традиционной классификации доказательств и предлагает распределять электронные данные между уже известными категориями: электронные документы считать письменными доказательствами, цифровые носители относить к вещественным доказательствам, аудио- и видеозаписи оценивать в рамках прямо названных в статье 55 ГПК РФ средств доказывания. Второй подход исходит из наличия у цифровой информации самостоятельных признаков, исключающих ее полное растворение в классических видах доказательств. Для него характерно стремление выделить электронные доказательства как отдельную процессуальную категорию.

Первый подход удобен для сохранения формальной целостности кодекса, однако он не снимает практических противоречий. Электронный документ в цифровой системе не тождествен бумажному документу, поскольку его доказательственное значение определяется не только текстом, но и реквизитами файла, метаданными, электронной подписью, идентификаторами пользователя, журналом действий, серверным временем. Скриншот веб-страницы не является письменным доказательством в обычном смысле, потому что он отображает визуальное состояние интерфейса в конкретный момент, не раскрывая происхождения размещенной информации и условий ее фиксации. Переписка в мессенджере не совпадает с традиционным документом, так как ее значение зависит от принадлежности аккаунта, синхронизации устройств, истории редактирования и иных технологических обстоятельств. Видеофайл с камеры наблюдения отличается от аналоговой записи по способу формирования, степени сжатия, наличию встроенных временных меток, параметров кодирования и возможности машинного изменения.

Содержательное разграничение электронных доказательств можно строить по источнику происхождения и по способу фиксации информации. Одна группа включает цифровые коммуникации: электронную почту, SMS, MMS, сообщения в мессенджерах, переписку в социальных сетях, уведомления из приложений, данные интернет-провайдеров и операторов связи. Другая группа охватывает электронные документы, созданные в информационных системах: договоры, акты, счета, заявки, реестры, выписки, подписанные электронной подписью либо существующие без нее. Третья группа объединяет мультимедийные данные: фотографии, аудиозаписи, видеозаписи, скриншоты, записи с камер видеонаблюдения, видеорегистраторов, мобильных устройств. Четвертая группа включает автоматически формируемые системой данные: логи, журналы авторизации, сведения о транзакциях, записи о геолокации, серверные отметки времени, идентификаторы устройств.

Для каждой из названных групп характерен собственный набор рисков. В цифровой переписке центральное значение имеет идентификация субъекта коммуникации. Для электронных документов — подтверждение авторства, целостности и юридической силы файла. Для мультимедийных объектов — выявление признаков монтажа, обрезки, перекодирования, искусственной генерации и нарушения непрерывности записи. Для системных журналов — установление надежности информационной системы, регламентов доступа и невозможности постфактумного изменения записей без следа [3].

Закон не закрепляет общие требования к представлению такого массива данных. В практике используются материальные носители, распечатки, выгрузки из приложений, ссылки на сайты, файлы, загруженные через государственные информационные системы, нотариальные протоколы осмотра интернет-страниц, акты специалистов, заключения экспертов. Набор форм зависит от инициативы стороны и от того, каким образом суд воспринимает допустимый способ приобщения к делу. Отсутствие единых технических стандартов означает отсутствие единых критериев полноты и надежности представления цифровой информации.

Проблема допустимости электронных доказательств связана с частью 2 статьи 55 ГПК РФ, согласно которой сведения о фактах должны быть получены в предусмотренном законом порядке. Для бумажного документа содержание этого требования относительно ясно. Для цифрового файла возникает цепочка вопросов: кем и когда он создан, каким устройством, где хранился, каким способом извлечен, кто имел доступ, проводилось ли копирование, изменялись ли системные атрибуты, фиксировалась ли контрольная сумма, сохранены ли метаданные, воспроизводится ли файл в исходном формате. При отсутствии специальных норм суд вынужден

решать эти вопросы через свободную оценку доказательств, что не обеспечивает необходимой устойчивости.

Допустимость тесно связана с формой представления. Действующее регулирование допускает подачу документов через системы электронного правосудия и портал государственных услуг, представление материалов на бумаге и на электронном носителе. Однако цифровое доказательство может утратить значимую часть своих свойств при переводе в бумажную форму. Распечатка электронной переписки не показывает сведения о сервере, маршруте сообщения, идентификаторах, времени доставки, возможном редактировании. Печатная копия скриншота скрывает свойства файла изображения. Распечатка веб-страницы не позволяет проверить адрес ресурса, HTML-код, дату обращения, заголовки ответа сервера и содержание активных элементов. Бумажная форма в ряде случаев превращает цифровое доказательство в производную фиксацию, обедненную по сравнению с исходным объектом [4].

Еще сложнее вопрос о достоверности. В части 3 статьи 67 ГПК РФ закреплено требование оценки достоверности доказательств. Для цифровой среды достоверность означает не совпадение с субъективным представлением суда о правдоподобии, а возможность установить подлинность источника, целостность содержания и отсутствие скрытого вмешательства. Наиболее уязвимым элементом выступает идентификация лица, от имени которого исходила информация. Адрес электронной почты, номер телефона, аккаунт в мессенджере, учетная запись в социальной сети не подтверждают автоматически, что сообщение создано именно стороной спора. Возможны использование третьими лицами, компрометация доступа, регистрация на чужие данные, передача устройства, взлом аккаунта, подмена имени пользователя.

По этой причине суды нередко требуют дополнительных подтверждений: ссылки в договоре на конкретные каналы связи, признание факта переписки другой стороной, последовательность коммуникации, наличие ответных сообщений, согласование существенных условий, сопоставление содержания переписки с последующими действиями сторон, сведения от оператора связи, данные о принадлежности номера телефона, материалы нотариального осмотра устройства. Такой подход в целом логичен, однако он не оформлен в виде нормы, а потому остается подвижным.

Переписка в мессенджерах стала одним из наиболее распространенных видов электронных доказательств. Гражданский оборот широко использует Telegram, WhatsApp и иные сервисы для согласования условий поставки, сроков исполнения, объема работ, передачи претензий, направления уведомлений, подтверждения приемки. При этом мессенджерная коммуникация не обеспечена единым режимом доказательственного признания. Если договор прямо предусматривает обмен сообщениями через конкретный номер телефона или аккаунт, вероятность принятия таких материалов возрастает. Если подобного условия нет, суд оценивает совокупность признаков. Значение приобретают данные о владельце номера, содержание самой переписки, корреляция с банковскими операциями, логика поведения сторон после отправки сообщения.

Судебная практика осторожно относится к скриншотам переписки. Основание очевидно: изображение экрана легко модифицируется. Возможны редактирование текста, изменение имени контакта, удаление отдельных сообщений, монтаж фрагментов диалога, использование графических редакторов, генерация интерфейса сторонними программами. Даже при отсутствии злонамеренного искажения скриншот фиксирует лишь внешний вид приложения, а не исходные технические данные [5]. Для повышения доказательственной ценности обычно требуется нотариальный протокол осмотра устройства либо сайта, представление самого устройства, выгрузка чата, экспертное исследование файла или подтверждение переписки другой стороной.

Нотариальная фиксация электронных доказательств стала востребованным способом их предварительного обеспечения. Нотариус способен удостоверить факт нахождения определенной информации на экране устройства или на интернет-странице в конкретное время. Этот инструмент имеет высокую практическую ценность, особенно при угрозе быстрого удаления данных. Однако возможности нотариального осмотра ограничены предметом нотариального действия. Нотариус фиксирует доступное восприятию содержание, но не проводит криминалистическую проверку файла, не исследует механизмы его создания и не гарантирует отсутствия предшествующей подделки. Из этого следует, что нотариальный протокол повышает доказательственную устойчивость, но не заменяет собой анализ подлинности.

Электронная почта занимает промежуточное положение между формализованным и неформализованным способом коммуникации. Переписка с корпоративных адресов, прямо указанных в договоре или размещенных на официальном сайте организации, воспринимается судами как более надежная. Связь адреса с субъектом права в такой ситуации прослеживается через организационную структуру и деловые обычаи. Личные почтовые ящики требуют более

строгой проверки. Возникает вопрос, кому принадлежал доступ к учетной записи, из какого устройства и из какой точки осуществлялся вход, не было ли подмены отправителя через настройки клиента или через сторонний сервер.

Сама по себе распечатка электронной почты редко решает задачу подтверждения авторства. Значение имеют технические заголовки письма, маршрут передачи, доменное имя, SMTP-данные, серверные отметки времени, криптографические механизмы подписи, наличие цепочки предшествующих сообщений. Полноценная оценка таких сведений требует специальных знаний. Отсюда возникает потребность в процессуально оформленной компьютерно-технической экспертизе либо в участии специалиста при исследовании доказательства. Без этого электронная почта нередко оценивается по косвенным признакам, что снижает предсказуемость результата [6].

Сложности усиливаются в отношении данных, размещенных в сети Интернет. Информация на сайте может быть изменена или удалена в любой момент. Использование веб-страницы как доказательства требует ответа на несколько вопросов: кому принадлежит домен, кто контролирует размещение контента, существовала ли страница в указанном виде на определенную дату, каков был URL-адрес, отображалась ли страница публично, не использовались ли кэшированные копии или локальные версии. Скриншот сайта без указания адреса, даты и способа фиксации обычно обладает низкой доказательственной ценностью. Более убедительным способом считается нотариальный осмотр либо фиксация с применением программных средств, сохраняющих метаданные, код страницы и сетевые параметры доступа.

Отдельная категория — данные, автоматически создаваемые информационными системами. В спорах о банковских операциях, дистанционном обслуживании, доступе к личным кабинетам, использованию облачных сервисов и корпоративных платформ именно лог-файлы, журналы авторизации и системные записи могут отражать ключевые обстоятельства. Проблема состоит в том, что такие данные формируются и хранятся системой, контролируемой одной из сторон спора. Отсюда вытекает вопрос о доверии к архитектуре системы, регламентам безопасности, разграничению прав доступа и невозможности скрытой корректировки записей. Для судов оценка подобных данных особенно трудна, поскольку требуется понимание внутренних механизмов информационной системы.

Цифровые аудио- и видеозаписи включены в перечень средств доказывания, однако это не устраняет проблемы их проверки. Современные инструменты монтажа позволяют изменять содержание записи без явных визуальных дефектов. Нейросетевые технологии делают возможной генерацию синтетических изображений и голоса, имитирующих реальных лиц. Судебная практика уже сталкивается с ситуациями, когда визуальная убедительность файла не означает его подлинности [7]. Для оценки видеозаписи необходимы сведения о модели устройства, исходном носителе, параметрах кодека, последовательности кадров, звуковой дорожке, встроенных временных метках, наличии следов перекодирования. Анализ фотографии требует проверки EXIF-данных, признаков редактирования и условий съемки. Без экспертных процедур суду трудно перейти от восприятия к верификации.

Сформировавшаяся практика распределения бремени оспаривания электронных доказательств вызывает отдельные возражения. Нередко суд исходит из презумпции достоверности представленного цифрового материала, если противоположная сторона не доказала его фальсификацию. Такая логика в цифровой среде проблематична. Технически сложный факт подделки трудно доказать без доступа к исходному носителю, серверной инфраструктуре и специальному программному анализу. Участник процесса, не располагающий соответствующими ресурсами, оказывается в заведомо уязвимом положении. Бремя опровержения переносится на лицо, которое не создавало доказательство и не контролировало его хранение.

Процессуальный баланс требует иной модели. Сторона, ссылающаяся на электронное доказательство, должна подтвердить условия его происхождения, сохранности и представления в объеме, достаточном для проверки. При наличии конкретных возражений оппонента суд обязан решать вопрос о необходимости экспертного исследования, истребования оригинального носителя, данных от провайдера, оператора связи, владельца платформы либо администратора информационной системы. Презумпция надежности цифрового файла без анализа его технологической истории не соответствует природе такого объекта.

Причина перечисленных трудностей заключается в том, что действующее законодательство регулирует электронные доказательства фрагментарно. Нормы о подаче документов в электронном виде и о применении электронной подписи обеспечивают документооборот между участниками и судом, но не формируют полноценного режима для доказывания. Электронное правосудие в процедурной части развивается быстрее, чем доказательственное право [8]. Иск можно направить через цифровую систему, но вопрос о том, как исследовать содержание мес-

сенджера, проверить лог-файл или установить подлинность скриншота, остается вне детальной регламентации.

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации частично восполняют пробелы, однако они не создают стройной конструкции. Разъяснения касаются отдельных аспектов электронного документооборота и использования цифровых каналов связи, но не охватывают целиком проблематику электронных доказательств как самостоятельного явления. Казуистическое развитие разъяснений не может заменить законодательную модель, поскольку судья и участники процесса нуждаются в нормах, которые заранее задают стандарт собирания, представления, исследования и оценки цифровых данных.

Потребность в законодательной модернизации связана с несколькими задачами. Первая — определить процессуальную природу электронных доказательств. Вторая — закрепить требования к форме их представления. Третья — установить правила аутентификации источника и проверки целостности. Четвертая — разработать процедуры исследования таких доказательств в судебном заседании. Пятая — обеспечить баланс между технологической сложностью проверки и реальной доступностью судебной защиты [9].

Закрепление дефиниции электронных доказательств в статье 55 ГПК РФ представляется обоснованным. Под электронными доказательствами целесообразно понимать сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, существующие в цифровой форме, полученные из информационных систем, сетей связи, электронных устройств, программных сред и иных цифровых источников, для восприятия и исследования которых необходимы технические средства. Такая дефиниция позволяет охватить и электронные документы, и цифровую переписку, и мультимедийные файлы, и системные журналы. Она не разрушает традиционную структуру доказательственного права, но устраняет концептуальный пробел.

Следующий шаг — установление общих требований к представлению электронных доказательств. Закон должен предусмотреть обязанность указывать источник происхождения данных, дату и способ их получения, сведения об устройстве или системе, из которой они извлечены, а также форму, в которой обеспечивается возможность проверки их целостности. Для файлов, представляемых на носителе или через информационную систему суда, требуется фиксация контрольной суммы либо иного идентификатора целостности. Для переписки — сохранение метаданных, позволяющих установить аккаунты, номера, временные отметки и структуру диалога. Для интернет-страниц — указание URL-адреса, даты и времени доступа, способа фиксации содержимого. Для видеозаписей — представление в исходном либо максимально приближенном к исходному формате с данными о носителе и устройстве записи.

Нуждается в урегулировании вопрос о подлиннике и копии электронного доказательства. В бумажной среде эти категории относительно очевидны. В цифровой среде копия файла может быть полностью идентична оригиналу по содержанию, а различие между ними определяется не визуальным образом, а контекстом хранения и реквизитами. Закон должен исходить не из материального носителя как единственного критерия оригинальности, а из понятия первичного цифрового экземпляра и проверяемой цепочки сохранности. Если сторона представляет копию, она должна раскрыть, каким образом она получена из первоисточника, какие свойства файла сохранены и какие утрачены. При наличии спора суд должен иметь возможность потребовать исходный носитель либо доступ к системе хранения [10].

Особое значение имеет институт метаданных. В существующей практике они часто игнорируются, хотя именно метаданные нередко содержат ключ к проверке доказательства. Дата создания файла, дата изменения, автор учетной записи, геолокация, модель устройства, версия приложения, IP-адрес, идентификатор сообщения, параметры кодирования видео, серверные журналы, информация о загрузке и скачивании способны подтвердить или опровергнуть доводы стороны. Процессуальная регламентация должна прямо указывать, что метаданные являются частью электронного доказательства и подлежат исследованию вместе с основным содержанием.

Требует закрепления и механизм участия специалиста. Судья не обязан обладать специальными познаниями в области цифровой криминалистики, сетевых протоколов, мобильных приложений, программной архитектуры или методов выявления монтажа. В делах, где свойства электронного доказательства имеют решающее значение, участие специалиста при осмотре, воспроизведении и первичной оценке цифрового объекта должно стать обычной процессуальной практикой. Экспертиза необходима не во всех случаях, однако закон может предусмотреть более гибкий инструмент консультационного сопровождения исследования сложных цифровых материалов в заседании.

Перспективным направлением выступает разработка специальных протоколов судебного осмотра электронных доказательств. Общие правила осмотра не учитывают специфику цифровой среды. Между тем осмотр мобильного телефона,

облачного хранилища, мессенджера, веб-страницы или видеозаписи требует фиксирования последовательности действий, интерфейса, адресов, технических параметров, времени доступа, используемого программного обеспечения, устройства вывода, контрольной суммы извлекаемого файла. Процессуальный протокол должен сохранять не только результат восприятия, но и способ доступа к информации.

Еще одна перспектива связана с созданием унифицированных технических требований для информационных систем судов. Если электронные доказательства подаются через государственные цифровые платформы, такие платформы должны обеспечивать прием файлов в форматах, сохраняющих метаданные, автоматическое вычисление контрольных сумм, фиксацию времени загрузки и невозможность незаметной подмены. Судебная цифровая инфраструктура должна не просто принимать файл как вложение, а поддерживать минимальный стандарт доказательственной сохранности.

Не менее значима проблема персональных данных и коммерческой тайны. Электронные доказательства часто содержат массив сведений, выходящих за пределы предмета спора: историю переписки, контакты, файлы сторонних лиц, данные о местоположении, медицинскую либо финансовую информацию. Законодательная модернизация не может ограничиться вопросом допустимости; она должна установить правила процессуальной селекции и защиты таких данных. Возможны режимы представления обезличенных копий, частичного доступа, закрытого судебного исследования, использования специальных технических средств маскирования нерелевантной информации при сохранении проверяемости доказательства.

Реформа должна учитывать различие между гражданским и арбитражным процессом, но единые базовые принципы для электронных доказательств необходимы во всех процессуальных формах. Гражданский процесс особенно чувствителен к проблеме доступа к техническим ресурсам. Физические лица чаще располагают ограниченными возможностями по получению данных от операторов связи, провайдеров и владельцев цифровых платформ. Из этого следует обязанность суда активнее использовать инструменты содействия доказыванию при наличии обоснованного ходатайства стороны. Истребование цифровых следов у третьих лиц, обеспечение доказательств до их удаления, назначение экспертизы по вопросам целостности и авторства становятся средствами выравнивания процессуальных возможностей.

Вопрос о международном опыте также имеет практическое значение. Зарубежные правопорядки в различной степени закрепляют категории электронные доказательства, цифровые улики, информация, хранящаяся в электронном виде. Для них характерны три устойчивых элемента: признание цифровой информации самостоятельным объектом доказательственного регулирования, внимание к цепочке сохранности и наличие процедур раскрытия электронных данных. Российская модель не может быть механически скопирована с иностранной, однако заимствование структурных решений представляется продуктивным. Прежде всего речь идет о формализации требований к аутентичности и к документированию способов получения цифровой информации [11].

Реалистичный подход к перспективам правового регулирования требует отказа от идеи абсолютной технической достоверности. Любое доказательство оценивается в совокупности с другими материалами дела. Электронные данные не нуждаются в недостижимом стандарте безусловной истины. Требуется иной результат: создание процедур, при которых вероятность ошибочной оценки существенно снижается, а спор о надежности доказательства переводится из сферы интуитивного усмотрения в сферу проверяемых критериев. В цифровой среде это достигается через регламентацию источника, способа фиксации, метаданных, целостности, цепочки хранения и процессуального исследования.

Развитие технологий делает проблему срочной. Объем коммуникации в мессенджерах растет, электронная подпись применяется шире, камеры наблюдения и мобильные устройства непрерывно создают цифровой след, информационные системы фиксируют действия пользователей автоматически. Параллельно увеличиваются и риски: подмена идентификаторов, доступ к чужим аккаунтам, автоматическое редактирование файлов, использование облачных сервисов с неопределенной юрисдикцией хранения. Если доказательственное право не адаптируется к этим условиям, судебная практика будет все чаще сталкиваться с ситуацией, когда технически значимая информация существует, но не может быть убедительно легализована в процессе.

Поэтому модернизация не должна ограничиваться точечными поправками. Необходима связанная модель, включающая дефиницию электронных доказательств, общие требования к их представлению, правила исследования и оценки, положения о метаданных, критерии аутентификации, регламентацию участия специалиста и особенности судебного осмотра цифровых объектов. Такая модель обеспечит предсказуемость для участников процесса и сократит зависимость судебной оценки от ситуативных подходов.

В итоге проблемы правового регулирования электронных доказательств в российском гражданском процессе сводятся к трем ключевым узлам. Первый состоит в отсутствии прямого законодательного признания электронных доказательств как самостоятельной категории. Второй выражается в недостаточной регламентации допустимости и достоверности цифровых данных, включая идентификацию источника, проверку неизменности и определение формы представления. Третий проявляется в неравномерности судебной практики, которая восполняет законодательные пробелы фрагментарными критериями. Перспективы развития связаны с системным обновлением ГПК РФ, переходом к технологически нейтральным, но процессуально точным правилам и формированием стандартов судебной работы с цифровой информацией. Только при таких условиях электронные доказательства смогут выполнять свою доказательственную функцию без снижения гарантий справедливого судебного разбирательства.

Список литературы:

[1] Мироедова О.В. Использование электронных документов в уголовном, гражданском и административном судопроизводстве // Холодная наука. 2025. №23, С. 57-65

[2] Заиграева, В. И. Электронный документ как электронное доказательство в гражданском судопроизводстве / В. И. Заиграева // Современные проблемы теории и практики права глазами молодых исследователей: материалы XIV Всероссийской молодежной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 26–27 марта 2020 года. – УланУдэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2020. – С. 18-22.

[3] Боннер, А. Т. Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность, или Спор процессуалиста с административистом / А. Т. Боннер // Закон. – 2016. – № 7. – С. 24-51.

[4] Морозов, А. А. Теория и практика толкования понятия и содержания юридической ответственности за экологические правонарушения / А. А. Морозов // Образование и право. – 2025. – № 3. – С. 197-201.

[5] Морозов, А. А. Правовая культура и экологическое право: формирование ответственного поведения граждан в условиях экологических кризисов / А. А. Морозов // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения – 2025: материалы XII международной научно-практической конференции, Гатчина, 29–30 мая 2025 года. – Гатчина: Гатчинский государственный университет, 2025. – С. 73-76.

[6] Морозов, А. А. Медиация при урегулировании споров в сфере строительства / А. А. Морозов // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2019 года / Под общей редакцией В.П. Очередько, А.Н. Кузбагарова, С.Ю. Катуковой. Том Часть 2. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. – С. 135-138.

[7] Морозов, А. А. Правовая характеристика товарищества собственников жилья как формы управления многоквартирным домом / А. А. Морозов // Актуальные проблемы юридической науки и практики: Гатчинские чтения-2018: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Гатчина, 25 мая 2018 года. Том 1. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2018. – С. 176-178.

[8] Морозов, А. А. Гражданско-правовое регулирование механизма защиты прав предпринимателей в саморегулируемых организациях в сфере строительства / А. А. Морозов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 11-2(37). – С. 120-122.

[9] Морозов, А. А. Теория и практика реализации прав собственников в многоквартирном доме на проведение перепланировки и переустройства жилого помещения / А. А. Морозов // Теория и практика применения и толкования в частном правей: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2024 года. – Санкт-Петербург: ООО Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. – С. 15-18.

[10] Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. – М.: Проспект, 2017. – 304 с.

[11] Афанасьев С.Ф., Зайцев А.И. Электронный гражданский процесс: современное состояние и перспективы развития // Российский судья. – 2022. – № 3. – С. 22–26.

References:

[1] O.V. Miroedova. Use of electronic documents in criminal, civil and administrative proceedings//Cold Science. 2025. NO. 23, P. 57-65

[2] Zaigraeva, V.I. Electronic document as electronic evidence in civil proceedings/V.I. Zaigraeva// Modern problems of the theory and practice of law through the eyes of young researchers: materials of

the XIV All-Russian Youth Scientific and Practical Conference, Ulan-Ude, March 26-27, 2020. - Ulan-Ude: East Siberian State University of Technology and Management, 2020. - S. 18-22.

[3] Bonner, A. T. Administrative proceedings in the Russian Federation: myth or reality, or Dispute between a proceduralist and an administrator/A. T. Bonner//Law. – 2016. – № 7. - S. 24-51.

[4] Morozov, A. A. Theory and practice of interpretation of the concept and content of legal responsibility for environmental offenses/A. A. Morozov// Education and law. – 2025. – № 3. - S. 197-201.

[5] Morozov, A. A. Legal culture and environmental law: the formation of responsible behavior of citizens in environmental crises/A. A. Morozov// Actual problems of science and practice: Gatchina readings - 2025: materials of the XII International Scientific and Practical Conference, Gatchina, May 29-30, 2025. - Gatchina: Gatchina State University, 2025. - S. 73-76.

[6] Morozov, A. A. Mediation in the settlement of disputes in the field of construction/A. A. Morozov//Conciliation procedures in civil law and legal proceedings: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 26-27, 2019/Edited by V. P. Zavetko, A. N. Kuzbagarova, S. Yu. Katukova. Volume Part 2. - St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies "Asterion," 2019. - S. 135-138.

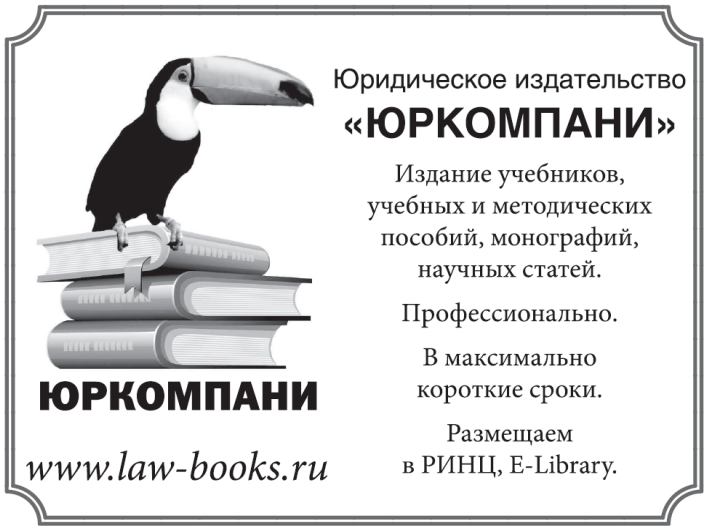
[7] Morozov, A. A. Legal characteristics of a homeowners' association as a form of management of an apartment building/A. A. Morozov//Actual problems of legal science and practice: Gatchina readings-2018: Collection of scientific works based on materials from the International Scientific and Practical Conference, Gatchina, May 25, 2018. Volume 1. - Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, 2018. - S. 176-178.

[8] Morozov, A. A. Civil regulation of the mechanism for protecting the rights of entrepreneurs in self-regulatory organizations in the field of construction/A. A. Morozov//Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. – 2013. – № 11-2(37). - S. 120-122.

[9] Morozov, A. A. Theory and practice of exercising the rights of owners in an apartment building to carry out redevelopment and reconstruction of residential premises/A. A. Morozov//Theory and practice of application and interpretation in private law: Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 15-16, 2024. - St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies Asterion LLC, 2025. - S. 15-18.

[10] Bonner A.T. Traditional and non-traditional means of proof in civil and arbitration proceedings. - M.: Prospect, 2017. - 304 s.

[11] Afanasyev S.F., Zaitsev A.I. Electronic civil process: current state and development prospects// Russian judge. – 2022. – № 3. - S. 22-26.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-184-188

ГРИШУТКИН Егор Александрович,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет,
e-mail: e.grishutkin@yandex.ru

Научный руководитель:
ГИНЗБУРГ Ирина Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет,
e-mail: Irinag88@list.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ И ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются основные проблемы использования систем видеоконференц-связи и веб-конференции в гражданском процессе. Автор обращает особое внимание на отдельные аспекты обеспечения судом права на доступ к правосудию, а именно на участие в судебном заседании путем использования цифровых систем, реализацию принципов гражданского судопроизводства в контексте дистанционной формы участия в судебном заседании. В результате проведенного исследования предложены пути решения некоторых выявленных проблем.*

Ключевые слова: *видеоконференц-связь, веб-конференция, онлайн-заседание, цифровизация, цифровые технологии, гражданский процесс, гражданское судопроизводство.*

GRISHUTKIN Egor Aleksandrovich,
Postgraduate student of the Department of Civil Law and
Procedure National Research Center Mordovian State University

Scientific supervisor:
GINZBURG Irina Vladimirovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law and
Procedure National Research Center Mordovian State University

ON THE USE OF VIDEOCONFERENCING AND WEB CONFERENCING SYSTEMS IN CIVIL PROCEEDINGS

Annotation. *The article discusses the main problems of using videoconferencing and web conferencing systems in civil proceedings. The author pays special attention to certain aspects of ensuring the right of access to justice by the court, namely to participate in court proceedings through the use of digital systems, the implementation of the principles of civil proceedings in the context of remote participation in court proceedings. As a result of the conducted research, ways to solve some of the identified problems are proposed.*

Key words: *video conferencing, web conference, online meeting, digitalization, digital technologies, civil procedure, civil proceedings*.

С каждым годом телекоммуникационные технологии все чаще применяются при отправлении правосудия, что является закономерным результатом активной работы в рамках совершенствования цифровизации судов во всех направлениях их деятельности – организации

электронных систем делопроизводства и документооборота, ведения общей базы данных, обеспечения доступа к правосудию с использованием цифровых технологий. Последнее является актуальным ввиду проявления особого интереса к нему не только представителей судебной системы, но и иных заинтересованных лиц, желающих обратиться в суд в рамках гражданского судопроизводства.

Впервые возможность участия в онлайн-заседании была предусмотрена в 2013 году путем закрепления в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) права на использование системы видеоконференц-связи (далее – ВКС) – технологии, обеспечивающей дистанционную аудио- и видеосвязь между судами и (или) иными учреждениями (ст. 155.1 ГПК РФ).

В 2022 году в ГПК РФ были вновь внесены изменения, затрагивающие отдельные аспекты цифровизации гражданского судопроизводства. Одно из них расширило способы участия в судебном заседании в дистанционном формате – с тех пор наравне с системой ВКС может применяться система веб-конференции (ст. 155.2 ГПК РФ).

Основное отличие веб-конференции от ВКС заключается в том, что участие стороннего суда, отвечающего за организацию применения дистанционного способа связи, исключается. Участник судопроизводства самостоятельно обеспечивает подключение к судебному заседанию на своем устройстве, а также установление личности с помощью доступных информационно-технологических средств. Он же отвечает за качество аудио- и видеосвязи со своей стороны, бесперебойный доступ к сети «Интернет», своевременную проверку данных.

Несмотря на то, что обе системы применяются при разрешении гражданских дел относительно продолжительное время, многие проблемы их использования остаются неразрешенными, что оказывает негативное влияние на реализацию ряда принципов гражданского судопроизводства. В частности, на процессуальные проблемы обращают внимание и судьи, которые сталкиваются с ними при рассмотрении дел на практике.

Так, судья Верховного Суда Республики Мордовия Е.Я. Дубровина отмечает как технические сложности (в частности, проблему обеспечения качества связи), так и проблемы доказательственного характера (например, в случае приобщения к материалам дела письменных документов другие стороны процесса ограничены в ознакомлении с ними в нарушение ст. 71 ГПК РФ). В совокупности они препятствуют одной из целей цифровизации гражданского процесса – процессуальной экономии [1].

На сегодняшний день порядок организации применения ВКС регулируется Регламентом организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний, утвержденным приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 года № 401 (далее – Регламент организации применения ВКС), в соответствии с которым под «видео-конференц-связью» (ВКС) понимается способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами [2].

При этом регламентированные требования к применению веб-конференции (как и ее дефиниция, определяющая основные признаки) отсутствуют. Это может объясняться тем, что организацию веб-конференции обеспечивает непосредственно сам участник гражданского процесса, при этом специальных условий относительно порядка использования программно-технических комплексов, правил подготовки и участия в судебном заседании (за исключением процессуального порядка) не предусмотрено.

Участие в судебном заседании с использованием цифровых систем представляет собой один из механизмов реализации права на судебную защиту. При этом принципы гражданского судопроизводства не подменяются – при осуществлении правосудия сохраняются основы состязательности и равноправия сторон, гласность судебного разбирательства, разумные сроки судопроизводства. В данном случае применение информационных технологий выступает способом осуществления процессуальных действий, предопределяющей форму участия в судебном заседании. В то же время та или иная форма (очная или онлайн) не влияет на содержание прав и обязанностей лица, участвующего в деле, а лишь на то, каким образом они будут реализованы. Права участника, присутствующего в зале судебного заседания очно, не могут иметь преимущественного значения для суда перед правами лица, подключившегося к рассмотрению гражданского дела дистанционно. Это также значит, что любое нарушение права на участие в судебном заседании, а значит, и права на судебную защиту, признается существенным нарушением процессуального права.

Из содержания ст. ст. 155.1 и 155.2 ГПК РФ следует, что право на участие в судебном заседании с применением информационных технологий может быть реализовано лишь при наличии в суде соответствующей технической возможности. Таким образом, право лица, участвующего в деле, на дистанционный формат проведения

судебных заседаний ставится в зависимость от оснащенности судов, исправности технического оборудования и качества интернет-соединения.

В то же время достоверно определить, действительно ли имеется техническая возможность в суде до подачи ходатайства об участии в судебном заседании путем использования систем ВКС или веб-конференции, представляется затруднительным, поскольку соответствующая информация не всегда находится в свободном доступе или является актуальной. Вместе с тем по результатам проведенного нами анализа на предмет публикации соответствующей информации выявлено, что такие сведения размещаются на базе Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Правосудие» (далее – ГАС «Правосудие»).

Оговорка о «технической возможности» позволяет судам свободно оперировать ею при отказе в удовлетворении ходатайств об участии в онлайн-заседании без дополнительного обоснования причин отсутствия необходимого оснащения. При этом неуказание данной формулировки при мотивировании принятого решения может стать основанием для его отмены.

В одной из случаев в правоприменительной практике при подаче апелляционной жалобы заявитель направил ходатайство об использовании системы ВКС при ее рассмотрении, мотивировав удаленностью места проживания.

Протокольным определением в удовлетворении ходатайства отказано со ссылкой в апелляционном определении на ч. 1 ст. 155.1 ГПК РФ, поскольку использование системы ВКС определяется не только наличием технической возможности и желанием стороны, но и усмотрением суда.

Суд апелляционной инстанции счел, что норма ч. 1 ст. 155.1 ГПК РФ не содержит императивного требования относительно обязательного ее использования, а возможность ее применения определяется судом в каждом конкретном случае.

Таким образом, суд апелляционной инстанции, с учетом предмета и основания предъявленного иска, надлежащего извещения истца, не усмотрел необходимости участия в судебном заседании истца путем использования систем видео-конференц-связи.

При этом сведений о том, что у суда отсутствовала техническая возможность организации ВКС, материалы дела не содержат. До даты судебного заседания ходатайства об участии в онлайн-заседании разрешены не были.

В дальнейшем суд кассационной инстанции сославшись на ч. 1 ст. 155.1 ГПК РФ, определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июля 2022 года № 1838-О, указал, что судья не вправе произвольно отказывать в удовлетворении ходатайств об участии в судебном заседании путем использования систем ВКС. Суд апелляционной инстанций, отказывая в участии заявителя в судебном заседании посредством ВКС, нарушил принцип состязательности процесса, создал препятствия для реализации стороной истца предусмотренных ст. 35 ГПК РФ процессуальных прав, в том числе права на участие в рассмотрении дела, дачу объяснений, представление доказательств в условиях состязательного процесса, права на создание условий для эффективного и справедливого разбирательства дела, тем самым не предоставив сторонам равные возможности довести до сведения суда свою позицию относительно всех аспектов дела, в том числе путем использования систем ВКС.

Процессуальное нарушение стало одним из оснований для отмены апелляционного определения [3].

Приведенный нами пример является скорее исключением: в абсолютном большинстве случаев суды формально ссылаются на отсутствие такой возможности, что на практике не свидетельствуют о нарушении судами норм процессуального права, а является легальным основанием для отказа. Согласимся и с тем, что в силу различных обстоятельств применение цифровых систем действительно может оказаться затруднительным и требующим дополнительных ресурсов. Это же касается ситуаций, когда проведение онлайн-заседания по одному делу может негативно сказаться на проведение иных судебных заседаний, задержать их или послужить основанием для последующего отложения.

В этой связи причиной отказа в проведении онлайн-заседания может стать не только техническая, но и организационная возможность: даже при наличии необходимых программно-технических комплексов и каналов связи этому может препятствовать загруженность суда, отсутствие свободного времени в графике зала судебного заседания, оснащенного технологиями для использования цифровых систем связи. В свою очередь такая занятость не свидетельствует об отсутствии технической возможности проведения ВКС в пределах сроков рассмотрения дела, установленных законом, по смыслу ч. 1 ст. 155.1 ГПК РФ.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, обеспечение участия лица в онлайн-заседании является правом суда, поставленное в зависимость от наличия соответствующих организационной и технической возможностей, на что также указывают органы судебной власти [4].

Отсутствие технической возможности, и, как следствие, рассмотрение дела в отсутствие участника процесса, также не свидетельствует о

нарушении судами норм процессуального права, принципа состязательности и равноправия сторон [5].

При этом важно понимать, что право суда распространяется на удовлетворение или отказ в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании посредством использования системы ВКС или веб-конференции, а не на само его рассмотрение, обязанность которого является корреспондирующим праву заявлять такие ходатайства участниками процесса.

Так, Седьмой кассационный суд общей юрисдикции, рассмотрев гражданское дело по иску М. к ОМВД России по городу М., Министерству внутренних дел Российской Федерации о компенсации морального вреда, установил, что заявителю кассационной жалобы М., отбывающему наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии, не была обеспечена возможность участвовать в судебном заседании суда апелляционной инстанции посредством ВКС, несмотря на имеющееся ходатайство, которое так и не было разрешено. Такое нарушение норм процессуального права послужило основанием для отмены апелляционного определения [6].

Таким образом, несмотря на многочисленные споры о цифровой трансформации судебной деятельности, ее необходимость не поддается сомнениям. Безусловно, дистанционное участие в судебном разбирательстве не сможет заменить очное присутствие лица в зале суда. Однако альтернативные способы взаимодействия с судом и другими сторонами дела могут и должны быть регламентированы наравне с традиционной формой участия.

Гражданское судопроизводство как один из способов осуществления судебной власти обязано отвечать современным реалиям складывающихся общественных отношений и адаптироваться к происходящим изменениям, вызванным совершенствованием информационных технологий. При этом цифровизация гражданского процесса выступает лишь одним из направлений развития процесса осуществления правосудия.

Как следует из сложившейся практики, многие проблемы применения цифровых технологий выявляются уже в ходе их использования. В этой связи регулирование каких-либо процессов непосредственной информатизации гражданского судопроизводства на нормативном правовом уровне представляется нам нецелесообразным, оказывающим нагрузку на содержание ГПК РФ как основного источника гражданского процессуального права.

В самом гражданском процессуальном законе необходимо определить основные принципы применения цифровых технологий в судебных заседаниях наравне с правами и обязанностями участников гражданского судопроизводства. В первую очередь, это касается вопроса об обеспечении судом права лица на участие в судебном заседании путем использования цифровых систем, для разрешения которого соответствующими условиями могут быть дополнены уже действующие нормы (в частности, ст. ст. 155.1 и 155.2 ГПК РФ) в части уточнения порядка действий суда и участников гражданского судопроизводства в рамках участия в судебном заседании путем использования систем ВКС и веб-конференции, способов предоставления доказательств, оснований для удовлетворения или отказа в организации онлайн-заседания и т.д.

Порядок использования, правила подготовки и проведения судебных заседаний следует также регулировать в рамках подзаконного правового регулирования органом, осуществляющим организационное обеспечение деятельности судов Российской Федерации, которым в настоящее время выступает Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации.

Ввиду отсутствия должной регламентации применения систем веб-конференции ее закрепление также представляется нам обязательной. При этом отдельные положения ее использования могут быть внедрены в уже действующие правовые акты об организации ВКС в частности.

На сегодняшний день остается актуальным вопрос о способе организации веб-конференции. В то время, когда ВКС обеспечивается на базе строго регламентированных программ, определенных Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации (которой на сегодняшний день выступает «Видео-конференц-связь» ГАС «Правосудие» (ПИ ВКС)), перечень соответствующих программ, прямо разрешенных для организации веб-конференции, не приводится. В то же время участники судебных разбирательств активно используют отечественные программы, такие как IVA, VideoMost и другие.

Вместе с тем такая неопределенность может негативно сказываться на состоянии информационной безопасности при передаче, обработке и хранении данных. В этой связи необходимо определить перечень используемых площадок для организации веб-конференций с возможностью установления личности через единые системы идентификации и аутентификации, отвечающим современным техническим требованиям и стандартам.

В целях унификации норм об организации и участии в онлайн-заседаниях также следует обратиться к опыту арбитражного процессуального законодательства и его реализации на базе информационной системы «Мой Арбитр».

В совокупности вышеуказанные мероприятия позволят в полной мере обеспечить внедрение дистанционного способа участия в судебных заседаниях на постоянной основе, а как следствие – оптимизировать работу как отдельных судов общей юрисдикции и мировых судей, так и всей судебной системы.

Развитие дистанционных технологий в гражданском судопроизводстве положительно сказывается на интересах непрофессиональных участников процесса, которых несомненно больше в сравнении с уголовным и арбитражным судопроизводствами, где защиту и представительство осуществляют адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование. В этом случае доступ к правосудию обеспечивается при обжаловании нижестоящих решений в судах апелляционной и кассационной инстанций, которые зачастую удалены не только от населенного пункта, но и от региона заявителя.

При этом считаем преждевременным заявлять об абсолютном преимуществе проведения онлайн-заседаний перед традиционным очным участием в зале суда. Как было сказано ранее, цифровизация гражданского судопроизводства, несомненно, способствует повышению эффективности и работоспособности судов. Вместе с тем в правоприменительной деятельности данный процесс является сопутствующим, а не основным, поскольку сложившийся порядок судебного разбирательства остается базовым.

Список литературы:

[1] Дубровина Е.Я. Использование систем видео-конференц- связи и веб-конференции в гражданском процессе: преимущества и недостатки // Право. Законодательство. Личность. 2025. № 1 (40). С. 67-70.

[2] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 года № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» // Бюллетень актов по судебной системе. 2016. № 3.

[3] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26 апреля 2024 года по делу № 88-9793/2024 // URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=150129&dst (дата обращения: 30.01.2026).

[4] Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 02 сентября 2025 года по делу № 88-11664/2025 // URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=144320&dst (дата обращения: 30.01.2026).

[5] Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2024 года № 88-911/2024 // URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=124332&dst (дата обращения: 30.01.2026).

[6] Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 04 декабря 2025 года № 88-17112/2025 // URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=150541&dst (дата обращения: 30.01.2026).

References:

[1] Dubrovina E.Ya. The use of video conferencing and web conferencing systems in civil proceedings: advantages and disadvantages // Right. Legislation. Personality. 2025. No. 1 (40). Pp. 67-70.

[2] Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated December 28, 2015 No. 401 “On approval of the Rules of Procedure for the use of video conferencing in the preparation and conduct of court sessions” // Bulletin of Acts on the Judicial System. 2016. No. 3.

[3] Ruling of the Second Court of Cassation of General Jurisdiction dated April 26, 2024 in case No. 88-9793/2024) // URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=150129&dst (date of appeal: 30.01.2026).

[4] Ruling of the Seventh Court of Cassation of General Jurisdiction dated September 02, 2025 in case No. 88-11664/2025 // URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=144320&dst / (date of appeal: 30.01.2026).

[5] Ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction dated January 16, 2024 No. 88-911/2024 // URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=124332&dst (date of access: 30.01.2026).

[6] Ruling of the Seventh Court of Cassation of General Jurisdiction dated December 04, 2025 No. 88-17112/2025 // URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=150541&dst (date of access: 30.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-189-196

ФЕТИСОВА Оксана Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
независимый исследователь,
e-mail: offet@mail.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ СУДАМИ ХОДАТАЙСТВ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ МЕР ЗАЩИТЫ В СПОРАХ О ДЕТЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И С УЧЕТОМ ОПЫТА РАБОТЫ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА)

Аннотация. *Статья посвящена процессуальным особенностям разрешения судами ходатайств об установлении временного места жительства ребенка и временного порядка осуществления родительских прав отдельно проживающим родителем, именуемых автором предварительными мерами защиты прав и интересов родителей и детей в спорах с одноименными требованиями. Автор выявляет проблемы и осмысляет их сквозь призму судебной практики и с учетом личного опыта работы в органе опеки и попечительства с целью повышения эффективности их практического применения.*

Ключевые слова: *родители, ребенок, суд, орган опеки и попечительства, ходатайство, спор о месте жительства, спор об осуществлении родительских прав, предварительные меры защиты.*

FETISOVA Oksana Vladimirovna,
PhD in law, Associate Professor,
independent researcher

PROCEDURAL FEATURES OF COURT RESOLUTION OF PETITIONS FOR THE ESTABLISHMENT OF PRELIMINARY PROTECTIVE MEASURES IN DISPUTES CONCERNING CHILDREN (BASED ON COURT PRACTICE AND TAKING INTO ACCOUNT THE EXPERIENCE OF GUARDIANSHIP AND TRUSTEESHIP AUTHORITIES)

Annotation. *This article examines the procedural aspects of court decisions on petitions to establish a child's temporary residence and a temporary procedure for exercising parental rights by a non-custodial parent. The author refers to these petitions as preliminary measures to protect the rights and interests of parents and children in disputes involving similar claims. The author identifies and analyzes these issues through the lens of judicial practice and her personal experience working with guardianship and trusteeship authorities, with the goal of improving their practical application.*

Key words: *parents, child, court, guardianship and trusteeship authority, petition, dispute over place of residence, dispute over the exercise of parental rights, preliminary protective measures.*

Судебная практика по различным категориям споров весьма изменчива, ее тенденции подобны веяниям моды. Одновременно внутренняя неоднородность правовых позиций судов, в частности, по семейным делам, обусловленная рядом причин, среди которых: абстрактность правовых диспозиций, широкие дискреционные полномочия суда, сложность оценки представленных сторонами доказательств и «уникальность», «неповторимость» семейных взаимоотношений, где эмоциональная составляющая зачастую превалирует над здравым смыслом и законами логики, порой не позволяет гарантировать единый исход при разрешении схожих по своему фактическому составу дел с так называемым «детским элементом», включая разрешение в их рамках требований об установлении «предварительных мер защиты прав и интересов роди-

телей и детей» через гарантированную гражданским процессуальным законом возможность получения «охранного» промежуточного судебного акта (определения).

Установление предварительных мер защиты прав и интересов лиц, вовлеченных в орбиту «детских» споров, представляет собой процессуальную процедуру, реализуемую в рамках судебного разбирательства по конкретному делу и направленную не на разрешение судом спора по существу (ключевой момент), а на закрепление временного места жительства ребенка с одним из родителей или определение временного порядка осуществления родительских прав отдельно проживающим родителем в промежутке со дня принятия судом соответствующего определения до дня, когда его окончательное решение по делу обретет законную силу.

При разрешении таких ходатайств суду надлежит руководствоваться исключительно предписаниями п. 6.1 ст. 152 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее - ГПК РФ), где сформулированы процессуальные особенности установления указанных мер. Именно о них пойдет речь далее.

Хотя споры о детях не ограничиваются только притязаниями родителей друг к другу, тем не менее правом на предварительные меры защиты в судебном процессе наделяются лишь они. Близкие и иные родственники, добивающиеся в судебном порядке установления графика общения с несовершеннолетними, такой процессуальной возможности лишены. Заявленные ими ходатайства суды оставляют без удовлетворения с указанием на то, что «такие меры предусмотрены исключительно для защиты прав родителей, статус которых охватывает не только право на личную коммуникацию с ребенком, но и включает обязанность активного участия в его воспитании, обучении и содержании, в отличие от правомочия бабушек, дедушек, родных братьев, сестер и других родственников, сводящегося лишь к собственно факту общения, что следует из положений ст. 67 Семейного кодекса РФ»[1] (далее - СК РФ) и анализа ряда судебных актов - определения Амурского областного суда от 09.10.2024 по делу № 33АП-3448/2024; определения Тульского областного суда от 23.07.2025 по делу № 33-2505/2025; определения Санкт-Петербургского городского суда от 21.03.2024 № 33-8052/2024.

По мнению П.А. Якушева, «подобная правовая позиция является верной»[2], с чем в рамках действующего регулирования трудно не согласиться. Вместе с тем обращают на себя внимание следующие моменты. Дедушки, бабушки и другие родственники ребенка, обращаясь в суд с требованием об установлении графика общения с ним, зачастую оказываются в ситуации, схожей с той, что переживают родители. По воле недобросовестного родителя они «вытесняются» из жизни ребенка, в связи с чем лишаются вполне законной возможности на общение с ним, что на деле оборачивается разрывом родственных уз, отчужденностью близких людей, непониманием ситуации ребенком, формированием обид и неприязненных чувств. При этом родственники ребенка, как и его отдельно проживающий родитель, оказываются «во временной ловушке», обусловленной длительностью судебного разбирательства и последующего обжалования решения. Невозможность же прибегнуть к оперативным «охранным» механизмам лишает близких ребенку людей (родственников) шанса защитить свое право «в моменте» - «здесь и сейчас». Справедливости ради отметим и то, что хотя семейное законодательство наделяет родителя весьма широким кругом правомочий в отношении своего ребенка, на практике при разрешении спора между родителями суд, как правило, ограничивается лишь установлением графика общения отдельно проживающего родителя с ребенком. При этом возможность каким-либо образом влиять на текущий воспитательный и образовательный процессы у такого родителя, к сожалению, отсутствует. Тем самым неформально легализуется «полу-статус» отдельно проживающего родителя и со всей очевидностью обнажается несостоятельность декларируемого принципа о «равенстве» прав и обязанностей родителей.

Обязательным участником судопроизводства по спорам о детях является орган опеки и попечительства в лице его уполномоченного представителя, действующего на основании доверенности и привлекаемого к участию в деле судом в особом процессуальном статусе (ст. 47 ГПК РФ). При этом форма такого участия не определена законодателем, что порождает двусмысленность правоприменения: одни суды настаивают на личном присутствии специалиста в судебном заседании с предоставлением необходимых процессуальных документов, другие же полагают достаточным лишь своевременное их направление в адрес суда для приобщения к материалам гражданского дела. Представляется, что непосредственное участие представителя органа опеки и попечительства должно быть обеспечено на всем протяжении судебного разбирательства по спору «с детским элементом», в том числе на этапе избрания предварительных мер защиты. Такой подход способен гарантировать качественную составляющую судопроизводства по таким делам. Личное участие дает специалисту органа опеки и попечительства возможность проникнуть в самую суть родительского спора, не упуская ни единой значимой детали дела. При

необходимости в ходе судебных заседаний он может уточнить некоторые обстоятельства, задав сторонам соответствующие вопросы или указав на необходимость подтвердить какие-либо значимые аспекты документально, чем обеспечивается его активная процессуальная позиция. Всесторонняя осведомленность и вовлеченность являются основой для подготовки объективного заключения (как промежуточного, так и окончательного). В конечном счете это позволит свести к минимуму риск ошибочных выводов, которые могут иметь весьма негативные последствия для сторон судебного процесса, а также ребенка.

Формированию итоговой позиции суда по вопросу избрания предварительных мер защиты предшествует подготовка органом опеки и попечительства позиции по заявленному ходатайству в форме заключения. Его отсутствие лишает суд возможности приступить к разрешению промежуточного требования по существу, поскольку иначе его определение будет неизбежно отменено (определение Московского областного суда от 24.07.2024 по делу № 33-26724/2024; определение Московского городского суда от 24.02.2022 по делу № 33-6518/2022). Заключение представляется в письменном виде и приобщается к материалам гражданского дела. Положительное мнение представителя органа опеки и попечительства, выраженное по сути ходатайства в судебном заседании устно, равной силы с выводами, изложенными на бумаге, не имеет (определение Московского областного суда от 20.03.2019 по делу № 33-9289/2019).

Заключение органа опеки и попечительства является процессуально значимым документом, представляющим собой в рассматриваемом контексте промежуточное мнение (правовую позицию) относительно возможности или невозможности применения предварительных мер защиты, основанное на доказательствах, имеющихся в материалах гражданского дела и одновременно «перекликающееся» с интересами ребенка. Данный акт не является доказательством в привычном процессуальном смысле этого термина, поскольку он сам по себе не подтверждает и не опровергает какие-либо обстоятельства произошедшие или происходящие в жизни сторон, а содержит умозаключение представителя органа опеки и попечительства, сформулированное по результатам обобщения имеющихся данных. Соответственно, заключение органа опеки и попечительства представляет собой самостоятельную «процессуальную единицу».

Суд, разрешая ходатайство о предварительных мерах защиты, юридически связан позицией органа опеки и попечительства в том случае, если по мнению последнего в установлении таких мер отсутствует необходимость, что резко сужает свободу суда, вынуждая его отказать в удовлетворении требования. Напротив, заключение с положительным суждением открывает суду пространство для вариативного процессуального поведения. В таком случае суд вправе продемонстрировать солидарность с органом опеки и попечительством либо отсутствие таковой.

Таким образом, при разрешении ходатайств о применении предварительных мер защиты орган опеки и попечительства обладает исключительным правом влиять на итог их разрешения, поскольку процессуальные механизмы преодоления отрицательного заключения для суда не предусмотрены.

Вместе с тем, с таким положением дел нельзя согласиться, когда к материалам дела приобщается отрицательное заключение органа опеки и попечительства, основанное на поверхностном анализе доказательств, искаженной трактовке ключевых обстоятельств, а значит содержащее ошибочное итоговое суждение. Суд в такой ситуации лишен возможности восстановить попранные родительские права через установление временных мер защиты.

Следуя логике судебного разрешения семейных споров и учитывая положения ст. 78 СК РФ, отметим, что помимо промежуточного заключения по предварительным мерам защиты (далее и итогового), органу опеки и попечительства надлежит предоставить суду акты обследования условий жизни истца и ответчика, составленные по результатам выходов специалиста органа опеки и попечительства в жилые помещения, где каждый из них проживает. Точнее говоря, именно акты являются первичными документами, данные которых впоследствии учитывается при составлении заключений. Их отсутствие может служить для суда основанием или одним из оснований для отказа в удовлетворении заявленного требования, даже при условии положительного заключения органа опеки и попечительства, полностью или частично (определение Видновского городского суда Московской области от 24.10.2023 по делу № 2-6590/2023).

Акт представляет собой процессуальный документ, в котором отражается характеристика жилищно-бытовых условий проживания лица, претендующего на воспитание ребенка, наличие для последнего необходимых условий (отдельного спального места, оборудованного места для занятий, игр и пр.). Также специалистом органа опеки и попечительства фиксируются данные о месте работы родителя, его доходах, семейном окружении и иные сведения, которые обследуемое лицо хотело бы заактировать. Иными словами, в ходе обследования закрепляется инфор-

мация, которую специалист органа опеки и попечительства получает в процессе беседы с родителем - стороной судебного разбирательства и визуального осмотра условий его проживания.

Учитывая, что ходатайство о предварительных мерах защиты должно быть рассмотрено в кратчайшие сроки с тем, чтобы обеспечить оперативную защиту нарушенных детско-родительских прав, суду после принятия иска к производству и вынесения соответствующего определения надлежит незамедлительно подготовить и направить в адрес органа опеки и попечительства определение о его привлечении к участию в деле с поручением о проведении обследования условий жизни сторон по конкретным адресам и даче заключения. Данное определение является единственным правовым основанием, в силу которого орган опеки и попечительства становится участником судопроизводства по конкретному делу в порядке ст. 47 ГПК РФ, приобретает соответствующие процессуальные права и обязанности. Одновременно на стороны возлагается обязанность по обеспечению беспрепятственного доступа в жилое помещение представителя органа опеки и попечительства.

Разрешение промежуточного требования о применении временных мер защиты в рамках споров о детях с позиции гражданского процессуального закона ориентировано на стадию, предшествующую рассмотрению дела по существу. В практике встречаются ситуации, когда суды, принимая во внимание несвоевременность обращения стороны с соответствующим ходатайством, отказывают в его удовлетворении со ссылкой на то, что разбирательство по существу спора уже начато (определение Верховного суда Чеченской Республики от 20.03.2025 № 33-244/2025; определение Московского областного суда от 10.01.2024 по делу № 33-1630/2024; определение Московского областного суда от 06.02.2019 по делу № 33-4663/2019).

Вместе с тем данная законодательная и правоприменительная позиции представляются сомнительными, поскольку игнорируют риски злоупотребления правами в процессуальный период. Ситуация, когда в ходе судебного разбирательства один из родителей начинает действовать в ущерб интересам ребенка и другого родителя, путем изменения формата проживания ребенка (отказывается возвращать ребенка после встречи, увозит его в неизвестном направлении) или общения с ним (исключает контакт с другим родителем, устанавливая необоснованные ограничения, несмотря на ранее сложившуюся систему телефонных разговоров, «ночевок», либо делает общение с ребенком импульсивным, непоследовательным, нарушающим устоявшийся режим дня, сна, питания ребенка, график основных и дополнительных занятий) [3], остается вне поля зрения, создавая опасный прецедент. Иными словами, в сложившейся правовой реальности, следуя букве закона, суд лишен действенных инструментов для оперативного реагирования на деструктивные действия одной из сторон по делу.

В данном контексте следует согласиться с мнением практиков, которые отмечают, что анализируемая норма процессуального закона «явно неоправданна и неприемлема, не учитывает действительные потребности ребенка и добросовестного родителя и не обеспечивает полную защиту их прав и законных интересов от любого рода злоупотреблений и нарушений» [4].

Справедливости ради отметим, что в судебной практике все-таки встречаются примеры, когда суд при нарушении стадии подачи ходатайства ставит во главу угла не это обстоятельство, а то, что «защита нарушенных детских и родительских прав должна обеспечиваться независимо от того, на какой стадии судебного процесса произошло их нарушение» (Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 06.04.2023 по делу № 88-9869/2023).

Налицо демонстрация различных подходов судов при применении одной и той же правовой нормы, что показывает широту судейского усмотрения, порой граничащую с непредсказуемостью.

Требование о применении временных мер защиты может быть изложено истцом в просительной части искового заявления отдельным пунктом либо заявлено в виде самостоятельного ходатайства. Учитывая сжатые процессуальные сроки, отведенные на его рассмотрение, ключевое значение приобретает тщательность досудебной подготовки. Наложение судом таких мер должно быть обоснованным с точки зрения основополагающей цели их установления, поэтому заявителю надлежит изложить в исковом заявлении или в отдельном письменном ходатайстве фактические обстоятельства, особо обозначив какие именно нарушенные права требуют незамедлительной реакции и, как следствие, восстановления, предложив вариант их защиты, а также предоставив необходимые доказательства. В противном случае ходатайство не подлежит удовлетворению (определение Нижегородского областного суда от 01.04.2025 по делу № 33-3564/2025). Так, истец может приложить к иску (ходатайству) характеризующие его документы, подтверждающие трудовой статус, уровень доходов, наличие жилого помещения и содержащие сведения об отсутствии судимости, о не состоянии на психиатрическом и наркологическом учетах. В случае наличия возможности получить сведения о ребенке (характеристику с места учебы, справку из медицинского учрежде-

ния о состоянии здоровья), их также следует приобщить. Далее необходимо озаботиться сбором доказательств, свидетельствующих о факте нарушения прав истца как родителя со стороны второго родителя ввиду недобросовестного поведения последнего, например, скрывающего место фактического нахождения ребенка, подтверждением чего могут служить обращения в полицию с требованием установить место проживания ребенка (уполномоченные сотрудники обязаны провести проверку и проинформировать заявителя о ее результатах, в том числе сообщить адрес проживания ребенка (определение Верховного суда РФ от 17.03.2021 по делу № 1-КАД20-2КЗ)), в органы опеки и попечительства с просьбой оказать содействие в налаживании детско-родительских отношений и иные учреждения, оказывающие психологические, медиативные услуги, в органы государственной власти, отвечающие за образование и здравоохранение в регионе, с запросом о предоставлении информации относительно образовательного учреждения, где обучается ребенок, или о медицинском учреждении, к которому он прикреплен для получения помощи. Постановление судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства по делу уже рассмотренному ранее, а также документы, свидетельствующие о нежелании родителя-нарушителя способствовать добровольному исполнению законных требований (постановление об объявлении родителя-должника в исполнительный розыск, постановление о привлечении к административной ответственности), обретают в рассматриваемом контексте особое значение. Не исключается возможность проведения досудебной психологической диагностики ребенка, заключение по результатам которой также может служить доказательством. Не лишне будет заметить, что в процессе подготовительной работы к судебному разбирательству стороны вправе инициировать проведение комплексной психолого-психиатрической экспертизы детско-родительских отношений с участием всех членов семьи, обратившись к нотариусу, который наделен полномочиями по назначению экспертизы в рамках деятельности по обеспечению доказательств (ст.ст. 102 - 103 Основ законодательства о нотариате). Дополнительным обоснованием для избрания временных мер защиты может служить зафиксированное надлежащим образом высказывание угроз одним из родителей, в том числе выражающих намерение «похитить» ребенка, причинить вред здоровью.

Получив информацию о предстоящем судебном разбирательстве, ответчик вправе выбрать вариант процессуального поведения. Так, он может признать исковые требования, что свидетельствует об отсутствии спора между сторонами и открывает путь к заключению мирового соглашения. В таком случае заявленное ходатайство утрачивает предмет разрешения и оставляется судом без удовлетворения. При мирном урегулировании спора представление заключения органом опеки и попечительства не требуется.

Однако, зачастую ответчик занимает активную позицию, возражая против удовлетворения заявленных к нему требований, а также вправе инициировать подачу встречного искового заявления, сопроводив его аналогичным ходатайством об установлении предварительных мер защиты. В подобных случаях для объективного разрешения вопроса об избрании таких мер органу опеки и попечительства и суду необходимо иметь полное представление о конфликте сторон и их правовых позициях. Подобно истцу, ответчик вправе собрать и представить в суд необходимые доказательства, обосновывающие его процессуальные намерения.

При разрешении ходатайства об установлении предварительных мер защиты суду предписывается выявить мнение ребенка и учесть его при принятии решения, что согласуется с требованиями ст. 57 СК РФ (определение Московского областного суда от 24.07.2024 по делу № 33-26724/2024).

Поскольку установление предварительных мер защиты носит временный характер, и, принимая итоговое решение по делу, суд может счесть необходимым закрепить текущее состояние, то к разрешению вопроса об изменении места жительства ребенка в рамках процедуры избрания таких мер необходимо подходить крайне обстоятельно.

При наличии оснований полагать, что перемещение ребенка и смена привычного для него уклада жизни способны нанести урон благополучию ребенка, суд вправе закрепить место его временного проживания с родителем, с которым он фактически находится на текущий момент. Если же суд придет к мнению, что перемена места жительства ребенка не идет в разрез с его интересами и не нарушает его прав, ходатайство может быть удовлетворено. Однако, разрешить этот весьма сложный вопрос на начальном этапе судопроизводства суду бывает затруднительно.

Так, удовлетворяя ходатайства матерей, суды пришли к выводу о целесообразности изменения места проживания детей, приняв во внимание следующие ключевые обстоятельства: наличие у матери благоустроенного жилья, пригодного для проживания и развития ребенка, малолетний возраст ребенка (10 месяцев; 1 год 7 месяцев; период грудного вскармливания), доказательство перераспределения родительских функций на близких родственников отца в период его совместного проживания с ребенком, фикса-

ция факта умышленного затруднения или блокирования встреч и общения матери с ребенком со стороны отца, выявление данных негативно характеризующих отца (наличие непогашенной судимости за совершение преступления против общественной нравственности, привлечение к административной ответственности за употребление алкогольной продукции в запрещенных местах, наличие алкогольной зависимости), непродолжительный период проживания ребенка с отцом, самовольное изменение отцом места жительства ребенка путем вывоза его в другой регион (определение Магасского районного суда Республики Ингушетия от 14.11.2024 по делу № 2-1868/2024; определение Магасского районного суда Республики Ингушетия от 26.11.2025 по делу № 2-2919/2025; определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.02.2022 по делу № 8Г-33921/2021; определение Московского городского суда от 11.12.2023 по делу № 33-42398/2023; определение Вологодского областного суда от 05.11.2025 по делу № 33-4773/2025; определение Ставропольского краевого суда от 04.09.2025 по делу № 33-3-5700/2025; определение Верховного суда Республики Ингушетия от 04.09.2025 по делу № 33-1692/2025; определение Нижегородского областного суда от 10.02.2026 по делу № 33-1722/2026; определение Ставропольского краевого суда от 20.09.2023 по делу № 33-3-8174/2024; определение Московского городского суда от 02.11.2022 по делу № 33-43512/2022; определение Московского городского суда от 16.10.2020 по делу № 33-411770/2020; определение Московского городского суда от 18.12.2020 № 33-421259/2020; определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2026 по делу № 88-4839/2026).

Встречаются случаи, когда суд принимает решение об изменении места жительства ребенка, определяя его проживание с отцом. Как правило, этому предшествует установление факта ненадлежащего исполнения матерью своих родительских обязанностей, например, применение физической силы к ребенку (определение Ставропольского краевого суда от 20.12.2023 по делу № 33-3-11522/2023).

В то же время суды, учитывая длительное проживание ребенка с отцом и надлежащее исполнение им своих родительских обязанностей, могут прийти к выводу о нецелесообразности изменения места жительства несовершеннолетнего на время судебного процесса (определение Ставропольского краевого суда от 22.05.2024 по делу № 33-3-4263/2024; определение Краснодарского краевого суда от 06.10.2025 по делу № 33-30328/2025; определение Московского областного суда от 24.04.2024 по делу № 33-15358/2024; определение Новосибирского областного суда от 22.08.2023 по делу № 33-9285/2023; определение Ставропольского краевого суда от 11.09.2024 по делу № 33-3-6943/2024; определение Верховного суда Республики Башкортостан от 14.01.2025 по делу № 33-1505/2025; определение Новосибирского областного суда от 21.08.2025 по делу № 33-6837/2025; определении Верховного суда Республики Адыгея от 18.09.2025 по делу № 33-2160/2025).

На практике лица, заявляя требования об установлении временного порядка осуществления родительских прав, зачастую допускают ошибку, пытаясь в полном объеме дублировать желаемый график общения с ребенком одновременно и как основное требование, и как промежуточное. Однако подобный подход по сути предрешает исход дела, разрешая спор до судебного решения, что противоречит самой природе и назначению рассматриваемых мер. Временный порядок общения должен быть сформулирован с расчетом на определенный отрезок времени с учетом предполагаемой длительности судебного разбирательства и возможного обжалования решения.

В определении временного порядка общения может быть отказано судом, если родитель не представит доказательства, явно свидетельствующих о воспрепятствовании ему в общении с ребенком. Пагубным мотивом может стать и желание отдельно проживающего родителя «узаконить» существующий порядок общения с ребенком (определение Московского городского суда от 08.02.2018 по делу № 33-5420/2018; определение Московского городского суда от 20.01.2021 по делу № 33-2081/2021; определение Верховного суда Республики Адыгея от 18.09.2025 по делу № 33-1814/2025).

При разрешении ходатайства об установлении временного места жительства ребенка или временного порядка осуществления родительских прав суду также надлежит исследовать несколько процессуальных аспектов [5]. Во-первых, насколько истребуемая заявителем «охранная» мера связана с предметом заявленного основного искового (встречного искового) требования. Иными словами, суд должен ответить на вопрос, связан ли предмет ходатайства с предметом основного искового требования. Во-вторых, оценить, насколько запрашиваемая мера способна достичь цели по защите нарушенных прав родителя и ребенка на период разбирательства по делу.

В судебной практике достаточно часто встречаются случаи, когда иск об определении места жительства ребенка сопровождается промежуточным требованием об определении вре-

менного порядка общения с ним. Суды по-разному подходят к разрешению подобной ситуации, поскольку, с одной стороны, внешне предметы основного и промежуточного требований отличаются, но, с другой - внутренне связаны воедино, поскольку совместно отождествляют родительский статус. Суды, удовлетворяя подобного рода ходатайства, указывают на то, что пока не разрешен спор о месте жительства ребенка по существу, заявитель должен иметь возможность поддерживать контакт с ребенком, сохраняя эмоциональную связь с ним через личное общение, то есть не видят противоречий между предметом иска и предметом заявленного ходатайства (определение Верховного суда Республики Адыгея от 27.02.2025 по делу № 330556/2025; определение Верховного суда Республики Адыгея от 31.05.2022 по делу № 33-1035/2022; определение Московского городского суда от 24.04.2024 по делу № 33-15358/2024). Именно данная позиция представляется верной. В то же время, в случае проигрыша таким родителем спора о месте жительства ребенка, после того как решение суда вступит в законную силу, ранее установленный временный порядок общения, как промежуточная мера защиты, прекратит свое действие. В таком случае ему придется инициировать очередной судебный процесс, на этот раз касающийся порядка общения и участия в воспитании ребенка. Выходом может стать заявление в рамках первоначального судебного процесса альтернативных исковых требований. Такой вариант процессуального поведения не запрещен действующим ГПК РФ.

В процессе судебного разбирательства при необходимости стороны могут поставить перед судом вопрос об отмене или изменении ранее избранных предварительных мер защиты на иные, подтвердив факт их невостребованности или несостоятельности. Отсутствие значимого обоснования приводит к отказу в удовлетворении данного ходатайства (определении Астраханского областного суда от 07.11.2024 по делу № 33-4280/2024, определении Московского городского суда от 04.04.2024 по делу № 33-13921/2024). Примечательно, что Московский городской суд, проверяя законность акта нижестоящего суда, отверг довод заявителя об отсутствии заключения органа опеки и попечительства, указав, что при разрешении вопроса о замене одних мер другими, оно не требуется, что видится верным.

Еще один нюанс, который обращает на себя внимание, заключается в том, что в ряде приведенных выше судебных актов после итогового вывода следует указание на то, что определение обретает законную силу незамедлительно, в других же такая отметка отсутствует. Вместе с тем, это важное юридическое обстоятельство, имеющее значение для определения момента, с которого заинтересованное лицо может требовать принудительного исполнения промежуточных мер защиты.

И, наконец, ходатайство об установлении предварительных мер защиты в спорах о детях, в отличие от «классических» обеспечительных мер, не облагается государственной пошлиной. Однако некоторые суды, оставляя данное требование без внимания, ссылаются на отсутствие оплаты, что говорит о неверном толковании ими норм действующего законодательства. Правовым обоснованием освобождения от уплаты государственной пошлины в данном случае служат положения п. 15 ч. 1 ст. 333.36 Налогового кодекса РФ и п. 2 ст. 23 Федерального закона РФ от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» (определение Иркутского областного суда от 25.02.2025 по делу № 33-1843/2025).

Таким образом, предварительные меры защиты прав и интересов родителей и детей имеют ключевое значение для обеспечения баланса интересов участников семейного спора. При соблюдении всех значимых факторов, упомянутых выше, они являются средством оперативного устранения нарушений, придавая тем самым спорной ситуации временную правовую определенность.

Список литературы:

[1] Амиров М.И., Амирова Л.Р. Определение порядка общения с детьми: теория и проблемы правоприменительной практики // Тенденции развития гражданского права и практики его применения в условиях цифровизации. - 2023. - № 9. - С. 154-155.

[2] Якушев П.А. Предварительное определение места жительства детей и порядка осуществления родительских прав: как применить обеспечительные меры в спорах о детях в интересах ребенка // Демидовский юридический журнал. - 2025. - № 2 (Том 15). - С. 157.

[3] Дергунова В.А., Прокопова А.Д. Анализ правового регулирования и судебной практики разрешения споров родителей о детях. - Москва: ИНФРА, 2021. - С. 158.

[4]Дергунова В.А., Прокопова А.Д. Анализ правового регулирования и судебной практики разрешения споров родителей о детях. - Москва: ИНФРА, 2021. - С. 158-159.

[5] Бахарева О.А., Вершинина Г.И. Некоторые аспекты применения судом обеспечительных мер по семейным делам, затрагивающим интересы детей // Вестник Саратовской государственной юридической академии. -2023/ - № 6 (155). - С. 131.

References:

[1] Amirov M.I., Amirova L.R. Defining the Procedure for Communication with Children: Theory and Problems of Law Enforcement Practice // Trends in the Development of Civil Law and the Practice of Its Application in the Context of Digitalization. - 2023. - No. 9. - pp. 154-155.

[2] Yakushev P.A. Preliminary determination of the place of residence of children and the procedure for exercising parental rights: how to apply interim measures in disputes over children in the interests of the child // Demidov Law Journal. - 2025. - No. 2 (Vol. 15). - P. 157.

[3] Dergunova V.A., Prokopova A.D. Analysis of legal regulation and judicial practice of resolving disputes between parents about children. - Moscow: INFRA, 2021. - P. 158.

[4] Dergunova V.A., Prokopova A.D. Analysis of legal regulation and judicial practice of resolving disputes between parents about children. - Moscow: INFRA, 2021. - P. 158-169.

[5] Bakhareva O.A., Vershinina G.I. Some aspects of the application by the court of interim measures in family cases affecting the interests of children // Bulletin of the Saratov State Law Academy. -2023/ - No. 6 (155). - P. 131.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-197-201

ХОРОШАВИН Михаил Юрьевич,
аспирант по направлению «Юриспруденция»
Института Философии и Права Новосибирского национального
исследовательского государственного университета (НГУ),
e-mail: m.khoroshavin@g.nsu.ru

ОСПАРИВАНИЕ СДЕЛОК НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ДОЛЖНИКА ПО ПРИОБРЕТЕНИЮ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ: ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена оспариванию сделок несостоятельного должника с цифровой валютой при банкротстве. Актуальность темы обусловлена цифровизацией имущественных отношений и ростом спроса участников гражданского оборота на приобретение и отчуждение на криптовалюты. Это подтверждается в том числе принятием нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы обращения цифровой валюты. Предметом исследования выступают нормы законодательства о банкротстве и материалы судебной практике. Цель исследования - определить правовые механизмы оспаривания сделок должника с цифровой валютой. Методом настоящего исследования являлся преимущественно анализ судебной практики. В результате исследования был сделан вывод о возможности оспаривания сделок должника с цифровой валютой и определены основания для такого оспаривания. В силу актуальности и новины, настоящее исследование имеет научную ценность.*

Ключевые слова: *банкротство, цифровая валюта, сделка, арбитражный управляющий, недействительность.*

KHOROSHAVIN Mikhail Yuryevich,
Postgraduate Student in Law, Institute of Philosophy and Law,
Novosibirsk National Research State University (NSU)

CHALLENGING TRANSACTIONS OF AN INSOLVENT DEBTOR INVOLVING DIGITAL CURRENCY: ISSUES OF JUDICIAL PRACTICE

Annotation. *This article examines the challenging of transactions involving digital currency concluded by an insolvent debtor in the context of bankruptcy proceedings. The relevance of the topic is driven by the digitalization of property relations and the growing demand among participants in civil commerce for the acquisition and disposal of cryptocurrency. This is further evidenced by the adoption of regulatory legal acts governing the circulation of digital currency. The subject of the study encompasses insolvency legislation and judicial practice materials. The purpose of the research is to identify the legal mechanisms for challenging a debtor's transactions involving digital currency. The primary method employed in this study was the analysis of judicial practice. As a result of the research, a conclusion was drawn regarding the possibility of challenging such transactions, and the legal grounds for doing so were identified. Given its relevance and novelty, this study holds scientific value.*

Key words: *bankruptcy, digital currency, transaction, insolvency administrator, invalidity.*

С принятием Федерального закона от 31.07.2020 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации законодателем окончательно был определен правовой режим цифровой валюты [1]. Цифровая валюта стала полноценным объектом гражданских прав и прочно вошла в хозяйственный оборот между субъектами гражданских правоотношений. Данный закон разрешал совершение сделок между физическими и юридическими лицами, направленными на приобретение и отчуждение цифровой валюты.

Кроме того, положениями пункта 2 статьи 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) предусмотрено, что цифровая валюта признается имуществом [2].

Банкротная практика арбитражных судов также пошла по пути признания цифровой валюты

в качестве объекта гражданских прав для ее включения в конкурсную массу. Так, Девятый арбитражный апелляционный суд, расценил криптовалюту, применительно к статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, в качестве иного имущества, которая должна быть включена в конкурсную массу несостоятельного должника [3].

В связи с нормативным урегулированием правового режима цифровой валюты, арбитражные управляющие стали сталкиваться с наличием у несостоятельного должника операций, направленных на приобретение и отчуждение цифровой валюты. Разрешая и рассматривая данные обособленные споры в рамках дела о банкротстве, суды часто квалифицируют данные действия должника в качестве заключения и исполнения договора купли-продажи. Так, в деле № А07-4095/2025 Арбитражный суд Республики Башкортостан указал на природу передачи денежных средств должником другому лицу для покупки криптовалюты на онлайн сервисе Binance, как на оплату по сделке купли-продажи цифровой валюты и пришел к выводу, что фактически между сторонами заключен договор купли-продажи [4].

Однако зачастую такие сделки не являются экономически обоснованными, а преследуют иной мотив, в частности намерения вывести все активы с целью скрыть их от кредиторов и воспрепятствовать включению в конкурсную массу или прямой умысел должника, направленный на причинение имущественного вреда кредиторам.

При таких обстоятельствах перед арбитражным управляющим стоит задача по пресечению таких неправомерных действий должника и защите прав и законных интересов кредиторов. В этой связи возникает вопрос: «Какой правовой механизм можно применить в рассматриваемом случае для защиты прав и законных интересов кредиторов?».

Разумным решением сложившейся ситуации является применение арбитражными управляющими механизма оспаривания сделок должника при банкротстве. Учитывая положения абзаца 6 пункта 3 статьи 129, абзаца 2 пункта 7 статьи 213.9 Закона о банкротстве, конкурсный и финансовый управляющий наделены правомочиями на подачу в арбитражный суд заявления о признании недействительными сделок должника.

Институт оспаривания сделок несостоятельного должника урегулирован Главой III.1 Закона о банкротстве. Специальные основания для оспаривания сделок должника подразделяются на подозрительные сделки и сделки с предпочтением (ст. 61.2, 61.3 Закона о банкротстве).

Хронологически первым специальным основанием для оспаривания сделок несостоятельного должника является совершение должником подозрительной сделки с неравноценным встречным исполнением (п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве). Из указанной нормы права следует, что допускается признавать сделки должника, совершенные при неравноценном встречном исполнении, если на момент заключения такой сделки цена и иные условия сделки существенно в худшую сторону для несостоятельного должника отличаются от цен и иных условий сделки, которые имеют место быть при аналогичных сделках. В рассматриваемом случае фактически стоит руководствоваться критерием рыночной стоимости исполнения по сделкам.

Исходя из анализа судебной практике, в рамках дел о банкротстве имели место быть попытки арбитражных управляющих оспорить сделки по приобретению должником цифровой валюты как подозрительных сделок с неравноценным встречным исполнением. Например, в деле № А53-10976-7/2023 Арбитражным судом Ростовской области было отказано финансовому управляющему в удовлетворении заявления о признании недействительной сделкой платежа от 10.10.2022, совершенного должником в пользу Котова Владимира Алексеевича в размере 125 409 руб. и применении последствий недействительности сделки [5]. В рамках данного спора было установлено, что должником до подачи заявления о признании себя несостоятельным (банкротом) осуществлен платеж ответчику по приобретению криптовалюты на площадке Binance. Полагая, что данная сделка является неравноценной, финансовый управляющий предпринял попытку оспорить ее по пункту 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве).

Отказывая в удовлетворении заявления, суд пришел к выводу о том, что оспариваемое перечисление совершено во исполнение достигнутой договоренности о покупке должником у ответчика криптоактивов. Таким образом, сделка является возмездной (10.10.2022 по цене 125 409 руб. должником приобретено 1 930,84 USDT). Условия и цена сделки, совершаемой через биржу «Binance», регулируются площадкой, которая не позволяет пользователям по своему усмотрению завышать или занижать цены на продаваемую криптовалюту. Перечисление денежных средств является обоснованным, поскольку в результате этого платежа ответчик передал равноценное встречное предоставление в виде криптоактива.

Необходимо отметить, что особенностью приобретения криптовалюты через специализированные площадки является то, что на них установлен определенный курс котировки на приобретение криптовалюты, который может меняться в зависимости от макроэкономических факторов.

Тем не менее, возможны ситуации, когда в роли продавца или покупателя криптовалюты будет выступать не специализированная биржа, а другое физическое или юридическое лицо. При исполнении таких договоров купли-продажи цифровой валюты оплата за покупку криптовалюты может осуществляться путем наличных или безналичных расчетов, а передача криптовалюты возможна путем перевода криптоактивов через аккаунт, зарегистрированный на криптобирже, или путем передачи продавцом покупателю самого аккаунта.

В рассматриваемом случае, при разрешении вопроса о признании такой сделки с неравноценным встречным исполнением, необходимо руководствоваться курсом криптовалюты, установленным соответствующей криптобиржей на дату совершения сделки. Если цена сделки по приобретению или продажи криптовалюты существенно отличается от курса криптовалюты в худшую для должника сторону, то имеются все основания для ее признания по пункту 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве в качестве сделки, совершенной с неравноценным встречным исполнением.

Привлекательностью данного основания для оспаривания сделки должника является достаточно усеченный предмет разбирательства. Для признания недействительной подозрительной неравноценной сделки достаточно установить только то, что цена сделки и другие условия ее совершения являются существенно худшими для должника. Остальные обстоятельства, связанные с умыслом должника и контрагентом на совершение недобросовестных действий или фактом причинения имущественного вреда кредиторам, правового значения при признании сделки недействительной не имеют.

Следующим специальным основанием для оспаривания сделок должника является совершение должником сделок, в целях причинения имущественного вреда кредиторам (пункт 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве).

В силу указанной нормы, для признания такой сделки недействительной, необходимо в своей единой совокупности состава следующих обстоятельств:

- целью совершения сделки были намерения сторон причинить вред имущественным правам кредиторам;
- последствием совершения указанной сделки является наступление вреда имущественным правам кредиторам;
- другая сторона сделки знала или должна была знать к моменту совершении сделки о данной цели.

Диспозиция статьи 61.2 Закона о банкротстве также содержит перечень правовых презумпций при которых цель причинения вреда имущественным правам кредиторам предполагается.

Несмотря на это, судебная практика по оспариванию сделок должника с криптовалютой в качестве подозрительных сделок в целях причинения имущественного вреда кредиторам складывается не в пользу арбитражных управляющих.

В частности, Арбитражным судом Ставропольского края по делу № А63-20529/2022 отказано в удовлетворении заявления о признании сделки недействительной и применении последствий недействительности [6]. В рамках рассмотрения данного обособленного спора, при анализе выписки по счету должника открытому в АО «Тинькофф Банк», финансовый управляющий установил, что должник перечислил в пользу других лиц денежные средства. При дальнейшем разрешении данного спора контрагентами представлены документы, подтверждающие пояснения должника о приобретении им криптовалюты (Bitcoin) на бирже цифровых валют TOTALCOIN. Между тем, доступ к данной криптовалюте у должника отсутствовал.

Полагая, что перечисление указанных денежных средств произведено должником в отсутствие встречного предоставления с целью вывода активов при наличии у последнего признаков неплатежеспособности, финансовый управляющий просил признать указанные сделки недействительными на основании положений пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве и применить последствия недействительности сделки.

Отказ в удовлетворении заявления суд аргументировал тем, что арбитражным управляющим не доказано наличие в качестве цели совершения сделки причинения вреда имущественным правам кредиторам, а также то, что об указанной цели другая сторона сделки знала или должна была знать. Кроме того, судом указано, что наличие аффилированности между должником и контрагентами не установлено, с данными лицами он не знаком, поскольку сделки были совершены дистанционно через криптобиржу.

Факт отсутствия у арбитражного управляющего доступа к криптовалюте и сведений о встречном исполнении по сделке не является основанием для признания сделки недействительной по пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве.

В другом деле, в постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.03.2023 указано, что «отсутствие у финансового управляющего информации о наличии или отсутствии встречного исполнения, о дальнейшей

судьбе приобретенного товара, не снимает с него бремя доказывания факта неравноценности спорной сделки» [7].

Между тем, тем имеется и положительная судебная практика в части признания сделок по приобретению криптовалюты недействительными по пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве.

Так, Арбитражным судом Новосибирской области № А45-17344/2022 признаны недействительными сделка по перечислению денежных средств по приобретению криптовалюты на платформе LocalBitcoins [8]. По мнению управляющего, в связи с блокировкой аккаунта на бирже LocalBitcoins и отсутствием сведений о встречном исполнении по сделки, данные обстоятельства в своей совокупности указывают на умысел по безвозмедному выводу активов из имущественной сферы должника, в связи с чем имеются основания для квалификация данных действий в качестве подозрительных сделок, направленных на причинение вреда кредиторам.

Принимая данные доводы финансового управляющего, суд учел что должником не представлено доказательств наличия у него активов на криптобирже и признал сделку по перечислению денежных средств недействительной.

Признавая сделку по приобретению криптовалюты недействительной, Арбитражный суд Хабаровского края в деле А73-2019/2022 сделал интересный вывод [9]. По мнению суда совершение сделки по приобретению криптовалюты в целях отождествления сторон сделки, согласования условий её совершения, согласования условий передачи цифровых прав (имён профилей сторон, эквивалента стоимости за единицу цифровой валюты, порядка и способа расчётов) подлежали письменному оформлению, если такая сделка совершается без участия оператора обмена цифровыми актива.

Поскольку в материалах дела не представлено надлежащим образом оформленного соглашения о прибретении цифровой валюты, отсутствует сведения о проведении сделки через оператора обмена цифровыми активами, то доводы о наличии заключенного договора купли-продажи криптовалюты признаны несостоятельными.

В данном деле перевод денежных средств ответчику на приобретение криптовалюты суд квалифицировал в качестве подозрительной сделки, направленной на причинение вреда имущественным правам кредиторам.

Сделки несостоятельного должника арбитражные управляющие вправе также оспорить и по общеуниверсальным основаниям, содержащимся в Общей части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ).

В пункте 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» содержится разъяснение о том, что наличие в Законе о банкротстве специальных оснований оспаривания сделок, предусмотренных статьями 61.2 и 61.3 само по себе не препятствует суду квалифицировать сделку, при совершении которой допущено злоупотребление правом, как ничтожную (статьи 10 и 168 ГК РФ) [10].

Судебная практика свидетельствует о том, что сделки по приобретению цифровой валюты с целью уменьшения конкурсной массы могут быть признаны недействительными по основаниям, предусмотренным статьями 10, 168, 170 ГК РФ.

Так, в деле № А66-9593/2023 Арбитражным судом Тверской области удовлетворено заявление финансового управляющего об оспаривании платежа должника в рамках сделки по приобретению криптовалюты на платформе Binance [11]. Соглашаясь с доводами, изложенными в заявлении, суд указал на отсутствие доказательств того, что криптовалюта действительно приобретена и передана должнику (доказательства возмездности сделки). При этом суд отметил, что совершая платеж и получая денежные средства в отсутствие на то какого-либо основания, стороны преследовали другие правовые последствия и прикрывали волю, направленную на совершение действий по безвозмездной для должника передаче имущества должника иному лицу. Обстоятельства дела не свидетельствуют о том, что совершаемая сделка предполагалась возмездной по отношению к должнику. Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что оспариваемый платеж носит притворный характер, прикрывает другую сделку.

Суд также подчеркнул, что данная оспариваемая сделка совершена при отсутствии встречного исполнения с целью вывода активов должника, как следствие причинения вреда имущественным правам кредиторам, что свидетельствует о злоупотреблении должником и контрагентом по сделке своими правами (статья 10 ГК РФ).

При таких обстоятельствах суд признал спорный платеж, совершенный должником, недействительной (ничтожной) сделкой в силу статей 10, 168, 170 ГК РФ.

На основании изложенного следует, что правовым механизмом защиты прав кредиторов при совершении должником действий, направленных на приобретение цифровой валюты, является признание сделок должника недействительными и применение последствий их недействительности. Такое признание может осущест-

вляться как по специальным основаниям, содержащимся в законодательстве о банкротстве (в качестве подозрительных сделки с неравноценным встречным исполнением и с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов), так и по общеуниверсальным основаниями, в соответствии с нормами ГК РФ (в качестве недействительных сделок, нарушающих требования закона или иного нормативно-правового акта и притворных сделок).

Тем не менее, арбитражным управляющим не всегда удается успешно оспорить сделки должника, направленные на приобретение цифровой валюты. Данный фактор обусловлен прежде всего особенностями обращения цифровой валюты, связанных с децентрализацией и анонимностью ее оборота.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 173. 06.08.2020.

[2] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О несостоятельности (банкротстве) // Российская газета. № 3077. 02.11.2002.

[3] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 по делу № А40-124668/2017 [Электронный ресурс]. https://kad.arbitr.ru/

[4] Определение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 30.09.2025 по делу № А07-4095/2022 [Электронный ресурс]. https://kad.arbitr.ru/

[5] Определение Арбитражного суда Ростовской области от 09.05.2025 по делу № А53-10976/2023 [Электронный ресурс]. https://kad.arbitr.ru/

[6] Определение Арбитражного суда Ставропольского края от 11.06.2025 по делу № А63-20529/2022 [Электронный ресурс]. https://kad.arbitr.ru/

[7] Постановление Одиннадцатого Арбитражного апелляционного суда от 27.03.2023 по делу № А65-18296/2021 [Электронный ресурс]. https://kad.arbitr.ru/

[8] Определение Арбитражного суда Новосибирской области от 05.11.2025 по делу А45-17344/2022 [Электронный ресурс]. https://kad.arbitr.ru/

[9] Определение Арбитражного суда Хабаровского края от 14.04.2023 по делу № А73-2019/2022 [Электронный ресурс]. https://kad.arbitr.ru/

[10] Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) // Вестник ВАС. № 3. 2011.

[11] Определение Арбитражного суда Тверской области от 11.08.2025 по делу № А66-9593/2023 [Электронный ресурс]. https://kad.arbitr.ru/

References:

[1] Federal Law No. 259-FZ of 31 July 2020 (as amended on 27 October 2025) “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta. No. 173. 06.08.2020.

[2] Federal Law No. 127-FZ of 26 October 2002 (as amended on 31 July 2025) “On Insolvency (Bankruptcy)” // Rossiyskaya Gazeta. No. 3077. 02.11.2002.

[3] Ruling of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 15 May 2018 in Case No. A40-124668/2017 [Electronic resource]. https://kad.arbitr.ru/

[4] Ruling of the Arbitration Court of the Republic of Bashkortostan of 30 September 2025 in Case No. A07-4095/2022 [Electronic resource]. https://kad.arbitr.ru/

[5] Ruling of the Arbitration Court of the Rostov Oblast of 9 May 2025 in Case No. A53-10976/2023 [Electronic resource]. https://kad.arbitr.ru/

[6] Ruling of the Arbitration Court of the Stavropol Territory of 11 June 2025 in Case No. A63-20529/2022 [Electronic resource]. https://kad.arbitr.ru/

[7] Ruling of the Eleventh Arbitration Court of Appeal of 27 March 2023 in Case No. A65-18296/2021 [Electronic resource]. https://kad.arbitr.ru/

[8] Ruling of the Arbitration Court of the Novosibirsk Oblast of 5 November 2025 in Case No. A45-17344/2022 [Electronic resource]. https://kad.arbitr.ru/

[9] Ruling of the Arbitration Court of the Khabarovsk Territory of 14 April 2023 in Case No. A73-2019/2022 [Electronic resource]. https://kad.arbitr.ru/

[10] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 63 of 23 December 2010 “On Certain Issues Related to the Application of Chapter III.1 of the Federal Law ‘On Insolvency (Bankruptcy)’” // Vestnik VAS. No. 3. 2011.

[11] Ruling of the Arbitration Court of the Tver Oblast of 11 August 2025 in Case No. A66-9593/2023 [Electronic resource]. https://kad.arbitr.ru/

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-202-204

АБИДОВ Руслан Резуанович,
Старший преподаватель кафедры огневой подготовки,
Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ЕДЕРАЦИИ: КОМПЛЕКСНОЕ РАССМОТРЕНИЕ ОБЩЕСТВА, СИСТЕМЫ И ЛИЧНОСТИ

Аннотация. *В рамках исследуемой тематики детально анализируются общество (ожидания, стереотипы, давление), система (корпоративная культура, деформации, лояльность), личность (мотивация, психологические качества, этапы профессионализации). Рассмотрены не просто описание, но и диалектика - как общество через правовое поле формирует систему, система - личность, и как возможна обратная связь.*

Ключевые слова: *деформация личности, сотрудник ОВД, легитимность насилия, профессиональная идентичность, общественный контроль, современные реалии.*

ABIDOV Ruslan Rezuanovich,
Senior Lecturer Department of Firearms Training,
North Caucasus Institute for Advanced Training (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel

ON SOME ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE PERSONALITY OF A RUSSIAN LAW ENFORCEMENT OFFICER: A COMPREHENSIVE EXAMINATION OF SOCIETY, THE SYSTEM, AND THE INDIVIDUAL

Annotation. *This article provides a detailed analysis of society (expectations, stereotypes, pressure), the system (corporate culture, deformations, loyalty), and the individual (motivation, psychological qualities, stages of professionalization). It explores not just a description but also a dialectic—how society shapes the system through the legal framework, how the system shapes the individual, and how feedback is possible.*

Key words: *personality deformation, law enforcement officer, legitimacy of violence, professional identity, public oversight, contemporary realities*.

Зарубежные исследователи подчеркивают актуальность развития корпоративной социальной ответственности в деятельности сотрудников органов внутренних дел, особенно в условиях новых вызовов, связанных, например, с расследованием киберпреступлений.

В рамках деонтологического дискурса понятия свободы и ответственности занимают центральное место. Т.А. Ладыкина постулирует взаимосвязь этих категорий, утверждая, что социальная ответственность выступает необходимым противовесом свободе. Чем более автономна личность, тем выше уровень ее ответ-

ственности перед обществом. Социальная ответственность, в свою очередь, является фундаментом свободного функционирования как отдельного индивида, так и социума в целом [2].

Ряд исследований указывает на то, что у молодых сотрудников полиции, несмотря на наличие теоретической базы, часто наблюдается недостаточная развитость практических навыков1. Ограниченный опыт профессиональной деятельности может стать причиной снижения уровня их уверенности в своих силах.

Важно отметить, что уверенность и ответственность находятся в тесной взаимосвязи: чем выше уровень уверенности в себе, тем более высокий уровень ответственности человек проявляет в различных трудовых ситуациях. Многочисленные исследователи обращают внимание на проблемы, возникающие в процессе адаптации молодых сотрудников полиции, которые могут негативно влиять на их уверенность в себе.

Ученые подчёркивают необходимость оказания начинающим специалистам целенаправленной поддержки и содействия на рабочем месте, как со стороны коллег, так и со стороны руководства, что способствует успешной интеграции в трудовой коллектив.

Д.Л. Агранат отмечает, что основные трудности адаптации молодых сотрудников органов внутренних дел связаны с противоречием «между консервативной системой тотального института и высоким динамизмом социальных процессов в российском обществе». По мнению автора, данное противоречие создает условия для возникновения ролевого конфликта у молодых сотрудников, так как они подвергаются влиянию разнонаправленных факторов [1].

Формирование личности сотрудника органов внутренних дел РФ представляет собой сложный, динамичный и противоречивый процесс, находящийся на пересечении трех разнонаправленных сил:

– общества (социальный заказ и стереотипы),
– системы (ведомственные требования и субкультура)
– собственной личности (биопсихические качества и автономия «Я»). Комплексный анализ этих уровней позволяет выявить ключевые особенности профессиогенеза в правоохранительной сфере.

Общество необходимо рассматривать как макрофактор, в частности- давление ожиданий и перенос травмы. Общество выступает не просто фоном, а активным заказчиком и одновременно источником постоянного стресса для сотрудника органов внутренних дел [3]. Тут систематизируем: от сотрудников органов внутренних дел ждут тотальной защиты от преступности (жесткость, эффективность) и абсолютной гуманности (обслуживание, эмпатия). Эта амбивалентность рождает у сотрудника внутренний конфликт: быть «карающим мечом» или «защитником слабых».

Укажем так же и на социальное отчуждение и стигматизацию. В постсоветской России сформировался устойчивый разрыв между «народом» и «системой».

Сотрудник органов внутренних дел часто воспринимается как представитель чуждой власти. Это приводит к феномену «особенности службы» - необходимости работать в условиях хронического недоверия и агрессии со стороны тех, кого защищаешь. Еще один фактор, моральный износ из-за юридического нигилизма населения: низкая правовая культура граждан заставляет сотрудника выполнять несвойственные функции (психолога, социального работника), что истощает личностный ресурс и провоцирует формализм.

Данной профессиональной деятельности свойственна корпоративная субкультура с признаками тотальной институции, проявляющаяся обычно в признаках закрытости, единообразия (униформа, субординация, приказы), ритуалах (принятие присяги) и высокой степени регламентации. Система как правило сама культивирует ценности - лояльность выше компетенции, беспрекословное подчинение, корпоративная солидарность.

В рамках профессионального отбора на входе в систему личность уже обладает определенными структурами (темперамент, ценности, уровень агрессии), но под давлением первых двух факторов происходят метаморфозы. Например:

– Идеальный (служение закону) - быстро разрушается;
– Прагматический (стабильность, льготы, ранняя пенсия) - наиболее устойчив;
– Властный (реализация потребности в доминировании) - самый опасный, ведет к девиациям.

Кризисными точками формирования личности сотрудника является первый год службы (крушение романтических иллюзий) и период 5-7 лет (пик профессиональной деформации - эмоциональное выгорание, переход раздражительности на семью, злоупотребление алкоголем). И тут необходимо комплексное взаимодействие, формирование личности происходит в зоне трех напряжений:

– общество;
– система.

Для преодоления отчуждения от общества на наш взгляд необходима регулярная ротация личного состава с обязательной психологической поддержкой для смягчения синдрома выгорания. Замена идеологии «исполнительности» на идеологию «правовой обоснованности».

Критически важно снизить бюрократическую нагрузку, чтобы сотрудник мог рефлексировать, а не механически отчитываться. Более жесткий отсев кандидатов с авторитарным синдромом (желание наказывать) и активный психологический тренинг эмпатии и стрессоустойчивости на курсах повышения квалификации.

В заключение скажем, что формирование полноценной личности сотрудника возможно только при условии, что система перестанет рассматривать его как «винтик», а общество - как «врага». Пока же Российская практика демонстрирует модель конфликтной социализации, где сотрудник вынужден постоянно балансировать на грани закона и собственной совести.

Профессиональная культура является одним из ведущих элементов системы профессионально важных качеств сотрудников полиции, а ее совершенствование - сложная, но крайне важная задача для развития личности и профессионализма сотрудников полиции, требующая не только времени и усилий, но и системного подхода, включающего образование и практическое применение полученных знаний [5].

Личность сотрудника ОВД РФ формируется не как гармоничный синтез, а как компромиссное образование с высоким риском профессионально-нравственной деформации. Уникальность российской ситуации - в гипертрофированном влиянии системы при одновременном дефиците доверия со стороны общества.

Список литературы:

[1] Агранат, Д.Л. Социальная адаптация молодых сотрудников в органах внутренних дел: дис. канд. социол. наук: 22.00.04 Московская гуманитарная социальная академия. - Москва, 2001. - 151 с.

[2] Ладыкина Т. А. Формирование деонтологической компетентности в профессиональной подготовке студентов юридического вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №78-2.

[3] Машекуашева М.Х., Кочесокова З.Х. О некоторых мерах поддержания целостности и дальнейшей оптимизации функционирования педагогической системы подготовки сотрудников органов внутренних дел российской федерации. Право и управление. 2025. № 9. С. 89-91.

[4] Машекуашева М.Х. Культура как сложное, многоуровневое явление: аспект профессиональной коммуникации сотрудников полиции. Международный научный вестник. 2024. № 12. С. 136-138.

[5] Машекуашева М.Х. Формирование профессиональной культуры сотрудника органов внутренних дел: уровни и факторы личностного роста. Международный научный вестник. 2025. № 12. С. 266-268.

References:

[1] Agranat, D.L. Social adaptation of young employees in internal affairs bodies: dis. cand. sociol. Sciences: 22.00.04 Moscow Humanitarian Social Academy. - Moscow, 2001. - 151 s.

[2] Ladykina T. A. Formation of deontological competence in the professional training of students of a law university//Problems of modern pedagogical education. 2023. №78-2.

[3] Mashekuasheva M.Kh., Kochesokova Z.Kh. On some measures to maintain integrity and further optimize the functioning of the pedagogical system for training employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Law and governance. 2025. № 9. S. 89-91.

[4] Mashekuasheva M.Kh. Culture as a complex, multi-level phenomenon: an aspect of professional communication of police officers. International Scientific Bulletin. 2024. № 12. S. 136-138.

[5] Mashekuasheva M.Kh. Formation of a professional culture of an employee of internal affairs bodies: levels and factors of personal growth. International Scientific Bulletin. 2025. № 12. S. 266-268.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-205-208

ДУМНОВ Сергей Николаевич,
начальник кафедры профессиональной подготовки
Восточно-Сибирского института МВД России,
e-mail: serg-dum@rambler.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Аннотация. *В настоящей научной статье отображаются результаты исследования применение юридических и тактических особенностей сотрудниками органов внутренних дел привлекаемых к выполнению служебных задач по охране общественного порядка в особых условиях. Предметом исследования выступает методика применения различных тактических приемов при несении службы по охране общественного порядка в особых условиях. Результаты работы могут быть использованы в процессе обучения сотрудников органов внутренних дел привлекаемых к выполнению служебных задач по охране общественного порядка в особых условиях, а также непосредственно в процессе выполнения служебно-боевых задач.*

Ключевые слова: *Конституция Российской Федерации, терроризм, служебные задачи, особые условия, сотрудник, полиция, право, свобода.*

DUMNOV Sergey Nikolaevich,
Head of the Department of Professional preparation
of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

LEGAL ASPECTS OF THE DUTY OF POLICE OFFICERS

Annotation. *This scientific article displays the results of a study of the use of legal and tactical features by employees of internal affairs bodies involved in performing official tasks to protect public order in special conditions. The subject of the study is the methodology for using various tactics when performing public order protection services in special conditions. The results of the work can be used in the process of training employees of internal affairs bodies involved in performing official tasks to protect public order in special conditions, as well as directly in the process of performing service and combat tasks.*

Key words: *Constitution of the Russian Federation, terrorism, official tasks, special conditions, employee, police, law, freedom.*

Конституцией Российской Федерации (ст. 2) высшей ценностью провозглашен человек, его права и свободы, а на государство возлагается обязанность признавать, соблюдать и защищать эти права и свободы. Права и свободы человека и гражданина перечислены во второй главе и как там указано (ст. 18) «Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» [1].

Приходиться заметить, что разделение понятий «свобода» и «право» на законодательном уровне отсутствует. Имеются лишь попытки развести данные понятия. Большинство юристов признает, что права и свободы – понятия если не идентичные, то очень близкие, обладающие лишь незначительными отличиями. Эти отличия сводятся к тому, что право предполагает наличие возможностей и механизма их реализации, а свобода – только отсутствие ограничений. При этом возможность реализации права должно обеспечить государство. Таким образом, свобода обеспечивает автономность личности и должна предоставлять более широкий простор для деятельности в целом и принятия решений в частности. Однако, несмотря на единичные попытки разделить понятия свобода и право, нет ни четких определений, ни самостоятельного перечня свобод или прав.

Необходимо заметить, что употребление в тексте современных законов слов «право»/«права и «свобода»/«свободы» не связано с тем смыслом который формулируемая норма имеет, является ли она правом или свободой, а связано со сложившейся языковой и культурной традицией. Далее по тексту, в пределах первой главы, для удобства, понятия свобода и право употребляе-

мые в рассматриваем контексте будут выделены курсивом, а слова «свобода» и «право» останутся без выделения.

Важнейшей ценностью является человек и его жизнь. Следовательно, право на жизнь является свободой. Свободный римский гражданин не мог не быть членом общины. С другой стороны, свобода одного человека ограничиваются свободой другого. Как в античные времена, так и в средние века жизнь человека принадлежала не только ему самому, но и общине. Вне общины выживание было фактически невозможным. Самым суровым наказанием являлся остракизм. Невыполнение своих обязанностей членом общины, противопоставление себя другим, влекло за собой изгнание, то есть обозначало неминуемую гибель.

Современное развитие технологий и общественных отношений делает индивида более самостоятельным, независимым от других. Даже полное противопоставление себя обществу, не только не выполнение обязанностей, а даже грубое попрание прав и свобод других людей в соответствии с современным европейским законодательством не позволяет лишить преступника жизни (ч. 2 ст. 2 Европейской Хартии). Следовательно, жизнь в современном мире является свободой, так как жить можно вне общества, что не порождает обязанностей.

Отличительной особенностью свободы по сравнению с правом является отсутствие необходимости выполнения обязанностей при ее реализации. Реализация права неминуемо влечет за собой необходимость выполнения обязанностей, обеспечивающих его реализацию. Например: реализация права на образование вынуждает человека учиться, осваивая академическую программу. Желание получить медицинское обеспечение обязывает пациента соблюдать предписанный ему больничный режим.

Исходя из рассмотренного критерия, становиться возможным разделить, перечисленные в главе второй Конституции Российской Федерации, нормы на свободы и права. Суть критерия, позволяющего отличить право от свободы, заключается в том, что реализация права неминуемо влечет за собой необходимость выполнения обязанностей. Без выполнения этих обязанностей осуществление права становиться невозможным. Реализация свободы необходимость выполнения новых обязанностей не порождает.

Проведенный, с помощью указанного критерия анализ, позволяет говорить, что в действующей Конституции Российской Федерации перечислены пятнадцать свобод. Само понятие свобода претерпело трансформацию от «отсутствия зависимости от кого-либо» до «наличия возможности совершения деяния, не обязывающего к чему-либо».

Анализ норм по указанному критерию приводит к выводу, что политические, экономические, социальные и культурные права и свободы являются только правами, а большинство личных прав являются свободами.

На основе проведенного сравнительного анализа мер и временных ограничений, применяемых при введении правовых режимов, необходим еще один сравнительный анализ. В ходе, которого следует выяснить какие дополнительные правовые полномочия имеются у сотрудников полиции по их реализации. С этой целью следует обратиться к тексту закона «О полиции», где разъясняются права и обязанности, определиться с понятиями «общественный порядок» и «общественная безопасность», а также вычленить способы охраны общественного порядка. Особое внимание следует обратить на те способы охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, которые являются возможными для всех сотрудников полиции. Нельзя забывать о самых универсальных правах полиции, предусмотренных п.1., п.2. ст.13 закона «О полиции» [2].

Общественный порядок и общественная безопасность - суть два понятия. В теории административного права понятие общественного порядка принято рассматривать в широком и узком смыслах. Общественный прядок в широком смысле понимается как все связи и отношения в обществе, весь строй то есть совокупность всех социальных связей и отношений, складывающихся под воздействием всех социальных форм, в отличии от правопорядка, включающего лишь отношения, регулируемые нормами права. Из этого следует, что общественный порядок, как более широкая категория, включает в себя и правопорядок. В общей теории права общественный порядок рассматривается как социальная категория, охватывающая систему (состояние) волевых, идеологических общественных отношений, предопределяемых экономическим базисом и характеризующихся соответствием поведения их участников господствующим в обществе социальным нормам (правовым и не правовым). Сюда входят только социально значимые общественные отношения.

Общественный порядок в узком смысле включает не всю систему общественных отношений, а лишь определенные их совокупности, складывающиеся в различных областях социально-политической жизни и быта, но, прежде всего, в общественных местах. Определение понятия общественного порядка в узком смысле имеет практическое значение в работе органов внутренних дел, участвующих в охране общественного порядка, акцентирует их внимание на предупреждении и пресечении конкретных преступле-

ний и административных правонарушений, которые посягают на общественные отношения, складывающиеся в этой сфере.

К понятию общественного порядка тесно примыкает понятие общественной безопасности, которое рассматривается как система общественных отношений, складывающихся в соответствии с правовыми, техническими, строительными и другими нормами при использовании объектов и предметов, представляющих повышенную опасность для людей и общества в целом, или при наступлении особых условий в связи со стихийными бедствиями либо другими чрезвычайными обстоятельствами социального или техногенного характера.

Основные понятия, употребляемые в сфере обеспечения безопасности, определены Законом Российской Федерации «О безопасности». Так, безопасность - это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

К основным объектам безопасности относятся: личность - ее права и свободы; общество - его материальные и духовные ценности; государство - его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

Наиболее опасным посягательством на общественную безопасность является террористическая деятельность. Федеральным законом Российской Федерации «О противодействии терроризму» определен перечень преступлений террористической направленности (ст.24). Учитывая положения ст.151 УПК РФ ряд из них могут расследоваться следователями и дознавателями органов внутренних дел. К их числу относятся: террористический акт (ст.205); захват заложника (ст.206); организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации (ст. 208); незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами (ст.220); хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст.221) [3].

Терроризм, в свою очередь является одним из проявлений экстремизма. Но если определение терроризма является достаточно лаконичным: «терроризм - идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» (п.1 ст.3. закона) [3], то о способе формулировки экстремизма этого сказать нельзя. Это определение состоит из тринадцати подпунктов. На основе анализа перечисленных видов террористической деятельности, возможно наиболее целесообразным будет предложить следующее определение. Экстремизм – это внутригосударственная незаконная политическая деятельность, направления компрометацию действующей власти и ставящая конечной целью нарушению единства и территориальной целостности Российской Федерации.

Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации экстремистские угрозы разделены на внешние и внутренние.

Полиция может быть задействована в противодействии внутренним угрозам экстремизму. Об этом свидетельствую обязанности полиции, указанные в п.17 и п.29 ч.1 ст.12 закона «О полиции» [2].

Важнейшим правом полиции, делающим ее вооруженным формирование, является право применения специальных мер принуждения: физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. В условиях военного положения вероятность применения оружия сотрудниками полиции, как самостоятельно, так и в составе подразделения резко возрастает. В соответствии с п.6 ст.15 закона «О противодействии терроризму» указано «Участвующие в контртеррористической операции подразделения федеральных органов исполнительной власти … применяют боевую технику, оружие и специальные средства в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации». Следовательно, сотрудники полиции применяют огнестрельное оружие в соответствии с законом «О полиции». То же самое касается оснований применения оружия при введении военного положения или чрезвычайного положения. Так, в соответствии с федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении» «… порядок и условия применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники изменению в условиях чрезвычайного положения не подлежат» [4].

Очевидно, что сотрудники правоохранительных органов имеют больше возможностей для применения законного насилия для пресечения противоправного поведения, чем обычные граждане. Отсюда следует вывод, что если сотрудник применяет оружие в условиях возникновения обстоятельств исключающих преступность деяния, то такое применение является правомерным.

К обстоятельствам, исключающим преступность деяния, в соответствии с уголовным кодексом Российской Федерации относятся: необходимая оборона; причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление; крайняя необходимость; физическое или психическое принуждение; обоснованный риск; исполнение приказа или распоряжения [5].

Сравнивая эти основания с обстоятельствами, исключающими преступность деяния. Необходимость в этом существует ввиду того, что полицейское законодательство по сравнению с уголовным является чрезвычайно «молодым», а потому далеко несовершенным.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022.

[2] О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ: принят Государственной Думой 28 января 2011 г.: одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 г. (последняя редакция).

[3] О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ: принят Государственной Думой 26 февраля 2006 г.: одобрен Советом Федерации 1 марта 2006 г. (последняя редакция).

[4] О чрезвычайном положении: федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ: одобрен Государственной Думой 26 апреля 2001 г.: одобрен Советом Федерации 16 мая 2001 г. (ред. от 2 ноября 2023 г.).

[5] Коновалов В.А. Общественный порядок и общественная безопасность. Электронный ресурс https://post@oimsla.edu.ru

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated 01.07.2020 No. 11-FKZ, dated 06.10.2022.

[2] On Police: Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011: adopted by the State Duma on January 28, 2011: approved by the Federation Council on February 2, 2011 (latest edition).

[3] On countering terrorism: Federal Law No. 35-FZ of March 6, 2006: adopted by the State Duma on February 26, 2006: approved by the Federation Council on March 1, 2006 (latest edition).

[4] State of Emergency: Federal Constitutional Law No. 3-FKZ of May 30, 2001: approved by the State Duma on April 26, 2001: approved by the Federation Council on May 16, 2001 (as amended on November 2, 2023).

[5] Konovalov V.A. Public order and public safety. Electronic resource https ://post@oimsla.edu.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-209-213

СТОРОЖЕНКО Екатерина Валерьевна,
подполковник полиции,
старший преподаватель кафедры административного права
Ростовского юридического института МВД России,
e-mail: caterinastorozhenko@mail.ru

ЧЕРНЫХ Виталий Викторович,
доцент кафедры огневой подготовки
Тюменского института повышения квалификации
сотрудников МВД России, полковник полиции,
e-mail: blackvit@bk.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПРИМЕНЕНИЕМ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКОМ ПОЛИЦИИ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЗАКОННОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ И ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. *В статье исследуется проблема разграничения правомерного причинения вреда при применении огнестрельного оружия сотрудником полиции и гражданско-правовой ответственности за такой вред. Обосновывается, что применение оружия имеет публично-правовую природу и выступает крайней мерой административного принуждения, однако его последствия могут порождать гражданско-правовые требования потерпевших. Анализируются нормы ГК РФ и Федерального закона «О полиции», а также значение профессиональной подготовки сотрудников для предупреждения деликтных рисков.*

Ключевые слова: *гражданско-правовая ответственность, деликт, административное принуждение, огнестрельное оружие, сотрудник полиции, возмещение вреда, казна Российской Федерации, огневая подготовка.*

STOROZHENKO Ekaterina Valerievna,
police lieutenant colonel,
senior lecturer at the Department of Administrative Law
of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

CHERNYKH Vitaly Viktorovich,
Associate Professor of the Firearms Training Department
at the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Colonel

CIVIL LIABILITY FOR DAMAGE CAUSED BY THE USE OF A FIREARMS BY A POLICE OFFICER: PROBLEMS OF DISTINGUISHING BETWEEN LEGAL ADMINISTRATIVE COERCION AND TORTIOUS LIABILITY

Annotation. *This article examines the distinction between lawful harm caused by a police officer's use of a firearm and civil liability for such harm. It argues that the use of a firearm is a public law offense and serves as an extreme measure of administrative coercion. However, its consequences may give rise to civil claims by victims. The provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Police" are analyzed, as well as the importance of professional training for officers in preventing tort risks.*

Key words: *civil liability, tort, administrative coercion, firearms, police officer, compensation for damage, treasury of the Russian Federation, fire training*.

Применение огнестрельного оружия сотрудником полиции находится на пересечении публичного и частного права, с одной стороны, оружие применяется в целях защиты жизни, здоровья, общественного порядка, пресечения преступлений и иных опасных посягательств, то есть как крайняя мера административного принуждения [2]. С другой стороны, результатом такого применения может стать смерть гражданина, вред здоровью, повреждение имущества либо иной ущерб, что, несомненно, вызывает вопрос о гражданско-правовой защите потерпевшего. Поэтому для правоприменения принципиально важно определить, является ли причиненный вред допустимым последствием законного властного воздействия либо он образует основание для деликтной ответственности публично-правового образования [1].

Общая модель гражданско-правовой ответственности основана на полном возмещении вреда, причиненного личности или имуществу. Однако в сфере деятельности полиции непосредственный причинитель вреда и субъект имущественной ответственности обычно не совпадают: сотрудник действует не как частное лицо, а как представитель государства. В связи с этим ключевое значение приобретает статья 1069 ГК РФ, предусматривающая возмещение вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов и их должностных лиц, за счет соответствующей казны [1]. Следовательно, сам факт применения оружия и наступления неблагоприятных последствий еще не означает автоматического возникновения обязанности по возмещению вреда. Необходимо установить незаконность поведения сотрудника, причинную связь и юридически значимый характер вреда.

Федеральный закон «О полиции» предусматривает специальные основания применения огнестрельного оружия: защиту граждан и самого сотрудника от посягательства, сопряженного с опасным для жизни или здоровья насилием, пресечение попытки завладения оружием, освобождение заложников, задержание лица, застигнутого при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, и иные случаи, прямо названные законом [2]. Вместе с тем наличие основания не освобождает сотрудника от соблюдения порядка применения оружия. Закон требует учитывать обстановку, характер и степень опасности действий лица, стремиться к минимизации вреда, оказывать первую помощь, уведомлять уполномоченных лиц и фиксировать обстоятельства происшествия [2]. Такие требования важны не только для дисциплинарной или уголовно-правовой оценки, но и для гражданского дела, поскольку их нарушение может свидетельствовать о противоправности властного поведения.

Наиболее сложны случаи, когда формальное основание для применения оружия имелось, но спорным остается предел воздействия. К примеру, сотрудник мог действовать в условиях реальной угрозы, но причинить явно избыточный вред, произвести выстрел при наличии менее опасного способа пресечения, не оценить нахождение третьих лиц либо нарушить правила предупреждения. Разграничение законного административного принуждения и деликта в таких ситуациях требует анализа всей обстановки: характера угрозы, дистанции, поведения правонарушителя, возможности применения иных средств, видимости, времени на принятие решения и последующих действий сотрудника. В научной литературе справедливо отмечается, что граница правомерного и наказуемого применения силы и оружия устанавливается не абстрактно, а применительно к конкретной ситуации и судебной оценке фактов [4]. Для гражданско-правовой ответственности данный подход также необходим.

Законное применение оружия не должно отождествляться с гражданско-правовым деликтом. Федеральный закон «О полиции» прямо указывает, что сотрудник не несет ответственности за вред, причиненный гражданам и организациям при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, если такое применение осуществлялось по установленным законом основаниям и в установленном порядке [2], что означает отсутствие противоправности при правомерном административном принуждении. Поскольку иной подход фактически превратил бы любое служебное применение оружия в основание имущественной ответственности, что противоречило бы назначению полиции. Однако при отсутствии основания, нарушении порядка, несоразмерности или небрежном причинении вреда третьим лицам речь должна идти уже не о допустимом властном воздействии, а о деликтной ответственности государства.

Особенность вреда, причиненного применением оружия, состоит также в различии статуса потерпевших. Если вред причинен лицу, чье противоправное поведение создало опасную ситуацию, правовая оценка должна учитывать характер его действий, интенсивность сопротивления и реальность угрозы. Если же пострадало третье лицо, не участвовавшее в правонарушении, значение приобретают требования профессиональной осмотрительности, выбора направления выстрела, оценки окружающей обстановки и минимизации ущерба. Исследователи ответственности сотрудников полиции за причинение вреда в результате применения оружия подчеркивают, что публичный характер полномочий не

отменяет необходимости эффективного восстановления прав граждан при незаконности действий должностного лица [6]. Поэтому гражданско-правовая защита не должна противопоставляться задачам полиции, но должна включаться в общий механизм контроля законности.

Незаконность в смысле статьи 1069 ГК РФ может проявляться не только в очевидном отсутствии основания для применения оружия, но и может выражаться в нарушении процедурных требований, неправильной оценке ситуации, несоблюдении запретов и ограничений, ненадлежащем документировании происшествия, несвоевременном оказании помощи пострадавшему. В гражданском споре значение приобретают материалы служебной проверки, процессуальные решения, экспертные заключения, видеозаписи, рапорты, медицинские документы и показания свидетелей. Если обстоятельства применения оружия зафиксированы неполно или противоречиво, это осложняет защиту публичного субъекта и повышает риск удовлетворения требований потерпевшего. Поэтому документирование является не формальностью, а элементом правовой безопасности как гражданина, так и сотрудника полиции.

Гражданско-правовая ответственность в рассматриваемой сфере тесно связана с уголовной, дисциплинарной и служебной оценкой действий сотрудника, но не совпадает с ними полностью. Отсутствие состава преступления не всегда исключает гражданско-правовые последствия, поскольку стандарты противоправности и вины в разных отраслях права различны. В то же время установление правомерности применения оружия компетентным органом имеет существенное доказательственное значение для разрешения иска. Научные работы о неправомерном применении оружия показывают комплексный характер юридических рисков: они могут выражаться одновременно в ответственности сотрудника, имущественных потерях публичного субъекта и снижении доверия к правоохранительной деятельности [5]. Поэтому гражданско-правовой аспект необходимо рассматривать как часть единого механизма законности применения принуждения.

Предупреждение деликтных рисков невозможно без качественной профессиональной подготовки. В. В. Шанько обоснованно рассматривает огневую подготовку как один из важнейших факторов формирования необходимых качеств курсантов вузов МВД России [3]. Для гражданско-правовой проблематики это положение имеет прикладное значение: обучение должно формировать не только технический навык стрельбы, но и способность принять законное решение в стрессовой ситуации. Курсант должен понимать, когда оружие применять нельзя, когда требуется предупреждение, как учитывать наличие третьих лиц, когда необходимо прекратить воздействие и какие действия выполнить после причинения вреда. Тем самым огневая подготовка, соединенная с административно-правовым и гражданско-правовым анализом, становится средством профилактики незаконного вреда и последующих исков к казне.

С практической точки зрения целесообразно использовать единый алгоритм оценки правомерности применения оружия и возможной деликтной ответственности, он должен включать вопросы о наличии законного основания, реальности угрозы, необходимости именно огнестрельного оружия, соблюдении предупреждения, соразмерности, минимизации вреда, статусе потерпевшего, фиксации обстоятельств и оказании помощи. Такой алгоритм, несомненно, позволяет связать нормы административного принуждения с гражданско-правовыми последствиями и одновременно служит методической основой для подготовки сотрудников. Вопросы деликтной ответственности за вред, причиненный сотрудниками органов внутренних дел, справедливо рассматриваются в литературе как часть более широкой проблемы обеспечения баланса между публичной безопасностью и восстановлением нарушенных прав [7]. Дополнительное значение имеют функции норм, регулирующих право на применение оружия: они не только разрешают властное воздействие, но и ограничивают его, задавая предел допустимого риска [8].

Таким образом, гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный применением огнестрельного оружия сотрудником полиции, возникает не из самого факта вреда, а из неправомерности властного поведения. Законное административное принуждение, осуществленное при наличии основания, с соблюдением порядка и пределов, не образует гражданско-правового деликта. Однако отсутствие законного основания, несоразмерность, нарушение процедуры, причинение избыточного вреда или ненадлежащее исполнение обязанностей после применения оружия должны влечь компенсационные последствия за счет соответствующей казны. Оптимальное разграничение возможно только при комплексном анализе норм гражданского и административного права, материалов проверки, фактической обстановки и уровня профессиональной подготовки сотрудника. Совершенствование огневой подготовки курсантов вузов МВД России должно включать правовые ситуационные модели, поскольку именно способность сотрудника соединить техническое дей-

ствие с правовой оценкой позволяет снизить риск незаконного вреда и обеспечить баланс между эффективной защитой общественной безопасности и восстановлением нарушенных прав граждан.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ: ред. по состоянию на дату обращения. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 05.05.2026).

[2] О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: ред. по состоянию на дату обращения. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 05.05.2026).

[3] Шанько, В. В. Огневая подготовка как один из важнейших факторов формирования необходимых качеству курсантов вузов МВД России / В. В. Шанько // Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной и огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 19 июля 2023 года. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2024. С. 44-47.

[4] Курсаев, А. В. Грани правомерного и уголовно-наказуемого применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (по материалам судебной практики) / А. В. Курсаев // Актуальные проблемы государства и права. 2022. № 23. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grani-pravomernogo-i-ugolovno-nakazuemogo-primeneniya-sotrudnikami-politsii-fizicheskoy-sily-spetsialnyh-sredstv-i-ognestrelnogo (дата обращения: 17.04.2026).

[5] Кобленков, А. Ю. Неправомерное применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции: юридические последствия и риски / А. Ю. Кобленков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nepravomernoe-primenenie-ognestrelnogo-oruzhiya-sotrudnikami-politsii-yuridicheskie-posledstviya-i-riski (дата обращения: 17.04.2026).

[6] Ступина, С. А. Некоторые вопросы ответственности сотрудников полиции за причинение вреда в результате применения огнестрельного оружия / С. А. Ступина, О. А. Юсупова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 4 (29). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-otvetstvennosti-sotrudnikov-politsii-za-prichinenie-vreda-v-rezultate-primeneniya-ognestrelnogo-oruzhiya (дата обращения: 17.04.2026).

[7] Кукушкин, С. Н. Вопросы деликтной ответственности за вред, причиненный сотрудниками органов внутренних дел / С. Н. Кукушкин, К. К. Рамазанова // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-deliktnoy-otvetstvennosti-za-vred-prichinennyy-sotrudnikami-organov-vnutrennih-del (дата обращения: 05.05.2026).

[8] Теренков, И. Е. Функции норм права, регламентирующих право на применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции / И. Е. Теренков // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3 (98). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-norm-prava-reglamentiruyuschih-pravo-na-primenenie-ognestrelnogo-oruzhiya-sotrudnikami-politsii (дата обращения: 17.04.2026).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law of 26.01.1996 No. 14-FZ: as amended on the date of application. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (access date: 05.05.2026).

[2] On the police: Federal Law No. 07.02.2011 of 3-FZ: as amended on the date of application. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (access date: 05.05.2026).

[3] Shanko, V.V. Fire training as one of the most important factors in the formation of the cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia/V.V. Shanko//Actual issues of improving tactical and special and fire training of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation: a collection of scientific works based on the results of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, July 19, 2023. Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. S. 44-47.

[4] Kursaev, A. V. Faces of lawful and criminally punishable use of physical force, special means and firearms by police officers (based on judicial practice)/A. V. Kursaev//Current problems of the state and law. 2022. № 23. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grani-pravomernogo-i-ugolovno-nakazuemogo-primeneniya-sotrudnikami-politsii-fizicheskoy-sily-spetsialnyh-sredstv-i-ognestrelnogo (дата обращения: 17.04.2026).

[5] Koblenkov, A. Yu. Unlawful use of firearms by police officers: legal consequences and risks/A. Yu. Koblenkov//Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1 (45). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nepravomernoe-primenenie-ognestrelnogo-oruzhiya-sotrudnikami-politsii-yuridicheskie-posledstviya-i-riski (дата обращения: 17.04.2026).

[6] Stupina, S. A. Some issues of responsibility of police officers for causing harm as a result of the

use of firearms/S. A. Stupina, O. A. Yusupova//Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4 (29). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-otvetstvennosti-sotrudnikov-politsii-za-prichinenie-vreda-v-rezultate-primeneniya-ognestrelnogo-oruzhiya (дата обращения: 17.04.2026).

[7] Kukushkin, S. N. Issues of tort liability for harm caused by employees of the internal affairs bodies/S. N. Kukushkin, K. K. Ramazanova//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-deliktnoy-otvetstvennosti-za-vred-prichinennyy-sotrudnikami-organov-vnutrennih-del (дата обращения: 05.05.2026).

[8] Terenkov, I. E. Functions of the legal norms governing the right to use firearms by police officers/I. E. Terenkov//Siberian Legal Bulletin. 2022. № 3 (98). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-norm-prava-reglamentiruyuschih-pravo-na-primenenie-ognestrelnogo-oruzhiya-sotrudnikami-politsii (дата обращения: 17.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-214-216

ТАКОВ Асланбек Заурбиевич,
Преподаватель кафедры огневой подготовки,
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
майор полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. *В исследовании рассматривается вопрос профессиональной деформации и эмоционального выгорания сотрудников органов внутренних дел в контексте современной цифровой трансформации преступности. Отмечен факт необходимости учета того, что выполнение сотрудниками профессиональных обязанностей связано с психическими и физическими перегрузками, а рутинная работа, осложненная необходимостью противодействия киберпреступности, приводит к развитию профессионально нежелательных качеств.*

Ключевые слова: *профессиональная деформация трансформация, современные вызовы, цифровое пространство, травматизация сознания, психическое состояние.*

TAKOV Aslanbek Zaurbievich,
Lecturer at the Department of Fire Training,
North Caucasus Institute for Advanced Studies
(branch) of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
police major

PROFESSIONAL DEFORMATION AND EMOTIONAL BURNOUT OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF CRIME

Annotation. *This study examines the issue of professional deformation and emotional burnout among law enforcement officers in the context of the modern digital transformation of crime. It emphasizes the need to consider the fact that performing professional duties is associated with mental and physical strain, while routine work, complicated by the need to combat cybercrime, leads to the development of professionally undesirable qualities.*

Key words: *professional deformation/transformation, modern challenges, digital space, traumatization of consciousness, mental state.*

В современных условиях цифровой трансформации правоохранительной деятельности и самой преступности проблема профессиональной деформации и эмоционального выгорания сотрудников органов внутренних дел приобретает особую значимость.

Профессиональная деформация и эмоциональное выгорание сотрудников ОВД представляют собой серьезную проблему, усугубляющуюся в условиях цифровой трансформации преступности. Рост киберпреступности, цифровизация служебной деятельности и необходимость постоянного повышения цифровой компетентности создают дополнительные психологические нагрузки на сотрудников. Эффективная профилактика должна включать комплекс психологических и организационных мер с учетом современных цифровых вызовов, а также системную работу по развитию адаптационного потенциала сотрудников [4].

Профессиональная деформация личности сотрудника ОВД определяется как негативное изменение психологических и социально-психологических особенностей личности в процессе

службы. Это изменение личных качеств, профессиональных навыков и способностей в негативную сторону под влиянием содержания, условий работы и опыта профессиональной деятельности. Как правило основными причинами и факторами развития профессиональной деформации являются следующие:

- Обусловленные спецификой деятельности ОВД: детальная правовая регламентация; наличие властных полномочий; гипертрофированная корпоративность; повышенная ответственность; нестабильный график, психические и физические перегрузки; экстремальность службы; контакт с правонарушителями; неудовлетворительный уровень оперативно-технического оснащения.
- Личностного свойства: завышенный уровень притязаний; низкая профпригодность; разочарование в деятельности; неуверенность в нужности профессии.
- Социально-психологического характера: грубый стиль руководства; конфликты между сотрудниками; психологическое насилие в коллективе; негативное влияние окружения; низкий социальный престиж ОВД;

Необходимо так же отдельно рассмотреть и виды, и уровни профессиональной деформации:

- сотрудникам ОВД характерны такие виды деформации, как авторитарность, профессиональная агрессия, тревожность, сверхконтроль, консерватизм;
- развитие деформации включает три уровня: начальный (не выражена ярко), средний (количественно-качественные изменения), глубинный (обострение социально-негативных черт);
- крайней формой является профессиональная деградация, делающая невозможной дальнейшую службу.

Одной из форм профессиональной деформации как правило становится девиантное поведение, проявляющееся в противоправных действиях, злоупотребление алкоголем или наркотиками, игровая зависимость и т.д.

Специфика служебной деятельности сотрудников полиции заключается в наличии элементов отрицательного воздействия на личность носителя профессии и способствует кризису мотивационной сферы, снижению профессионально значимых целей и интересов, утрате удовлетворения трудом, постоянному чувству физической усталости и эмоциональной опустошенности, что приводит к росту числа психосоматических и соматических заболеваний, а также к нарушению законности, служебной дисциплины, профессионально-этических норм.

В современной психологической литературе встречаются различные понятия, касающиеся механизмов защиты психики, а также множество их классификаций [2]. В основном они разрабатываются в ключе психо- аналического направления психологии. Р. Плутчик рассматривает механизмы психологической защиты в качестве инструмента совладания с восемью основными эмоциями в зависимости от преобладания этих эмоций в профессиональной деятельности.

Представленная Р. Плутчиком классификация включает в себя восемь основных механизмов психологической защиты: проекцию, отрицание, компенсацию, подавление, замещение, регрессию, рационализацию, регрессивные образования[2].

Рассматривая эмоциональное выгорание как душевную и физическую усталость, утрату веры в свои силы и, как следствие, невозможность проводить эффективную работу, скажет о том, что с 2019 года синдром эмоционального выгорания включён в Международный классификатор болезней (МКБ-11).

Специфика правоохранительной деятельности, особенно взаимодействие с криминальными элементами, содержит элементы отрицательного воздействия на личность. При отсутствии у сотрудника достаточного уровня психологической устойчивости часто наблюдается развитие эмоционального выгорания. В науке принято выделять следующие стадии эмоционального выгорания: напряжение (повышенная утомляемость, тревожность), резистенция (попытки оградиться от неприятных впечатлений, формализация обязанностей), истощение (равнодушие, отстранённость, риск деперсонализации).

В связи с современным развитием информационных технологий и ростом преступности в киберпространстве вопросы эмоционального выгорания и деформации приобретают новые окраски. Процент расследованных уголовных дел об IT-преступлениях остаётся крайне низким, что свидетельствует о системных проблемах в работе правоохранительных органов.

За первое полугодие 2025 года свыше 40% всех зарегистрированных в РФ преступлений совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В 2024 году мошенники похитили со счетов россиян 27,5 млрд руб. - рекордный показатель. Каждое третье преступление в стране совершается в цифровой среде, из них около 80% - дистанционные хищения. В декабре 2024 года в России утвердили Концепцию противодействия преступлениям, совершаемым с помощью цифровых технологий [3].

Высока эффективность контекстного подхода в подготовке сотрудников полиции и пер-

спективах его применения в обучении других категорий, в образовательных организациях МВД России [4].

Рассмотрим влияние цифровой трансформации на психологическое состояние сотрудников ОВД. Активная цифровая трансформация деятельности органов внутренних дел обусловила возникновение системного разрыва между традиционными подходами к подготовке кадров и реальными требованиями к компетентности сотрудников в сфере информационной безопасности. Основными аспектами негативного влияния являются:

– двойная нагрузка: необходимость одновременно осваивать новые цифровые компетенции и противодействовать растущему объему IT-преступлений;
– информационно-психологическое воздействие: тотальная информатизация деятельности ведомств, и проблема специальной профессиональной подготовки сотрудников; анализ последствий негативного информационно-психологического воздействия на личный состав;
– деформация правосознания: процессы цифровизации воздействуют на состояние профессионального правосознания сотрудников ОВД, способствуя возникновению его деформации и изменению содержательных компонентов профессиональной подготовки. Наконец скажем о профилактике указанных явлений.

Основными психологическими мерами профессиональной деформации и являются:

– анализ причин и их коррекция;
– отпуск или снижение частоты контактов с людьми;
– переключение на другие формы работы;
– создание чувства психического комфорта путем повышения профессиональной компетентности.

В заключение рассмотрим ряд организационных мер в целях профилактики эмоционального выгорания и профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел с учетом современных реалий.

Во-первых, систематическое повышение квалификации; допуск к работе только после прохождения предварительной подготовки.

Во-вторых, обучение приемам снятия эмоционального напряжения; создание атмосферы поддержки в коллективе.

В-третьих, формирование оптимального морально-психологического климата в подразделениях.

В-четвертых, требуется развитие цифровой криминалистики как самостоятельного направления и повышение уровня подготовки следователей в области расследования IT-преступлений.

Список литературы:

[1] Шохин В.Е. Специфика возникновения профессионального выгорания личности в служебной деятельности сотрудников ОВД // Право и практика. 2018. №1.

[2] Данные Росстата. https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-opublikovalo-statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti.

[3] Плутчик Р. Тест-опросник механизмов психологической защиты (Life Style Index) // Адаптация Л. Р. Гребенникова (Руководство по использованию). М., 199б. 18 с.

[4] Машекуашева М.Х., Кочесокова З.Х. Формирование профессиональной компетентности сотрудников полиции: контекстный подход. Право и управление. 2024. № 10. С. 120-122.

References:

[1] Shokhin V.E. Specifics of the occurrence of professional burnout of personality in the official activities of ATS employees//Law and practice. 2018. №1.

[2] Rosstat data. https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-opublikovalo-statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti.

[3] Plutchik R. Test questionnaire of psychological defense mechanisms (Life Style Index)// Adaptation of L. P. Grebennikov (Guide to use). M., 199b. 18 pp.

[4] Mashekuasheva M.Kh., Kochesokova Z.Kh. Formation of professional competence of police officers: a contextual approach. Law and governance. 2024. № 10. S. 120-122.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-217-221

ЖАМБОРОВ Анзор Анатольевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры Огневой подготовки,
Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
город Нальчик,
e-mail: jamborow@mail.ru

МАШЕКУАШЕВА Маргарита Хасанбиевна,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин
Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
город Нальчик,
e-mail: mashekuasheva@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТРЕЛКА – СОТРУДНИКА ОВД

Аннотация. *В статье рассматривается определенные актуальные проблемы огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел (ОВД) с точки зрения именно психологического компонента тренировочного процесса стрелка. Эффективное применение табельного оружия сотрудниками органов внутренних дел в нестандартных и экстремальных ситуациях и условиях служебной деятельности всегда связано с определенными психофизиологическими нагрузками. Авторами проводится анализ ключевых элементов психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел являющейся обязательным элементом тренировочного и подготовительного процесса при проведении занятий по огневой подготовке, включая формирование мотивационно-волевой сферы, развитие специальных психических качеств, овладение навыками психологической саморегуляции и моделирование экстремальных условий стрельбы. Устанавливается, что комплексный и системный подход к психологической подготовке является неотъемлемым компонентом профессионального мастерства сотрудника ОВД, напрямую влияющим на законность и эффективность применения огнестрельного оружия.*

Ключевые слова: *психологическая подготовка, сотрудник ОВД, стрелок, применение огнестрельного оружия, экстремальные условия, психологическая саморегуляция, стресс, профессиональная надежность.*

ZHAMBOROV Anzor A.,
Ph.D. of Juridical Sciences,
Associate Professor at the Department of Fire Training,
North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik

MASHEKUASHEVA Margarita Khasanbievna,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Department of State and Civil Law Disciplines North Caucasus Institute
for Advanced Studies (branch) Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik

SOME ELEMENTS OF PSYCHOLOGICAL TRAINING OF A SHOOTER – A POLICE OFFICER

Annotation. *This article examines specific current issues in firearms training for law enforcement officers from the perspective of the psychological component of the shooter's training process. The effective*

use of service weapons by law enforcement officers in non-standard and extreme situations and on-duty conditions is always associated with certain psychophysiological stress. The authors analyze the key elements of psychological training of employees of internal affairs agencies, which is a mandatory element of the training and preparatory process during firearms training, including the formation of the motivational-volitional sphere, the development of special mental qualities, the acquisition of mental self-regulation skills and the simulation of extreme shooting conditions. It is established that a comprehensive and systematic approach to psychological training is an integral component of the professional skills of an internal affairs officer, directly influencing the legality and effectiveness of the use of firearms.

Key words: *psychological preparation, police officer, shooter, use of firearms, extreme conditions, mental self-regulation, stress, professional reliability*.

Огневая подготовка стрелка (сотрудника правоохранительных органов) это сложнокоординированный вид профессиональной деятельности, где успех и приобретение необходимых умений и навыков сотрудниками зависит не только от мастерства и технической оснащенности стрелка, но и психологической готовности к выполнению специальных упражнений, действиям в условиях приближенных к реальным, а иногда экстремальным. Здесь стоит добавить, что вопреки существующему мнению о том, что влиянию стресс-факторов подвержены только начинающие стрелки, отнюдь, иногда стрелки высокого уровня подготовки испытывают сильный стресс, что естественно приводит к не совсем удовлетворительным и ожидаемым от этого стрелка результатам [5, с. 331].

Зачастую, оперативно-служебная деятельность сотрудников органов внутренних дел в современных условиях характеризуется высокой степенью риска и необходимостью принятия решений в условиях реального дефицита времени. В этих ситуациях применение табельного огнестрельного оружия зачастую является единственным средством обеспечения личной безопасности, защиты жизни граждан и пресечения тяжких преступлений [3].

Однако, как показывают анализ и статистика, даже при хорошей технической и тактической подготовке, сотрудник может действовать неэффективно под воздействием мощных психогенных факторов: стресса, страха, паники, избыточного эмоционального возбуждения [1, с. 45]. Это проявляется в ухудшении координации, «тунельном» зрении, снижении точности стрельбы, затруднении принятия адекватных решений.

В связи с этим, традиционная огневая подготовка, направленная в основном на отработку технических действий в стандартных условиях тира, является недостаточной. На первый план выходит психологическая подготовка стрелка, целью которой является формирование профессиональной надежности, устойчивости к стрессу и способности к эффективным действиям в реальных экстремальных ситуациях.

Итак, психологическая подготовка стрелка – это целенаправленный, педагогически организованный процесс формирования и совершенствования у сотрудника ОВД системы психических качеств, состояний и умений, обеспечивающих готовность к высокоэффективным и адекватным действиям с оружием в условиях служебной деятельности [2, с. 78].

Данный процесс должен представлять собой комплексную систему, встроенную в систему профессиональной подготовки. Его можно структурировать на несколько взаимосвязанных компонентов:

Мотивационно-волевой компонент. Включает формирование профессиональной мотивации, осознанной ответственности за применение оружия, установки на максимальное выполнение поставленной задачи в рамках правового поля.

Когнитивный компонент. Направлен на развитие специализированных видов восприятия («чувства оружия», «чувства времени»), объема и распределения внимания, оперативного мышления и антиципации (предвосхищения действий противника).

Эмоционально-регулятивный компонент. Предполагает овладение навыками управления своим эмоциональным состоянием, нейтрализации негативных воздействий стресса, поддержания психической устойчивости.

Операциональный компонент. Основная цель данного компонента это формирование устойчивых, практических навыков (то есть доведенных до автоматизма) обращения с оружием, которые сохраняют свою эффективность в условиях психофизиологического напряжения.

Эти компоненты формируются и реализуются через конкретные элементы и методики психологической подготовки.

Фундаментом всей психологической подготовки является правильная мотивация и сформированное правосознание. Сотрудник должен не просто уметь стрелять, но и четко понимать, когда, как и с какой целью применяется оружие. Психологическая установка на правомерное применение силы является сдерживающим фактором против поспешных или панических действий.

Элементы работы в данном направлении:

– Правовое информирование и анализ ситуаций. Регулярный разбор реальных случаев применения оружия сотрудниками ОВД, в том числе и с негативными последствиями. Анализ юридических аспектов, обсуждение критериев необходимости и соразмерности.
– Формирование «внутреннего арбитра». Развитие у стрелка способности к мгновенной этической и правовой оценке ситуации до и в момент принятия решения о применении оружия.
– Воспитание профессиональной ответственности. Акцент на том, что каждый выстрел – это крайняя мера, влекущая за собой серьезные последствия.
– Развитие волевых качеств. Специальные упражнения и тренинги, направленные на повышение целеустремленности, самообладания, решительности и инициативности. Преодоление страха, неуверенности и инерции мышления.

Далее относительно развития специальных психических качеств и состояний, необходимо отметить, что эффективная стрельба в нестандартных условиях требует развития ряда специфических психических функций, таких как, например, устойчивость к различным внешним раздражителям и эмоциональная стабильность (сотрудник должен быть готов к действиям в условиях интенсивных помех: крики, шум, движение людей, угрозы, внезапные изменения обстановки).

Какие предлагаются методы развития и специальных тренировок:

– Тренировка в условиях преднамеренно созданных помех. Выполнение стрелковых упражнений при включенной громкой музыке, световых эффектах (стробоскоп), отвлекающих факторах (перед стрелком перемещаются манекены или другие люди в защитном снаряжении).
– Контроль и регуляция эмоционального возбуждения. Обучение отслеживанию первых признаков паники или агрессии и их купированию с помощью дыхательных техник.
– Устойчивость и переключение внимания.

В боевой обстановке необходимо одновременно следить за несколькими объектами: целью, окружающей обстановкой, положением оружия, своими действиями.

– Тренировка распределения внимания. Упражнения, в которых необходимо отслеживать несколько целей, в том числе и невооруженные, принимать решение на поражение в соответствии с условной обстановкой.
– Развитие «полевого» зрения. Методики, направленные на преодоление «туннельного» зрения, возникающего при стрессе.
– Оперативное мышление и антиципация.

Способность быстро анализировать ситуацию, прогнозировать развитие событий и действия противника.

– Использование интерактивных стрелковых тренажеров. Современные тренажерные комплексы позволяют моделировать множество сценариев, требующих мгновенной оценки и принятия решения: идентификация угрозы (вооруженный/невооруженный человек), выбор момента для открытия огня, прекращение огня при исчезновении угрозы.
– Тактические командные тренинги. Совместные отработки действий в группе, где необходимо не только точно стрелять, но и коммуницировать, предугадывать действия напарника.

Основные методы психологической саморегуляции.

Определенные навыки психологической саморегуляции (ПСР) являются инструментом, позволяющим сотруднику самостоятельно управлять своим психофизиологическим и эмоциональным состоянием до, во время и после выполнения стрелковых задач.

Основные техники, наиболее часто применяемые в практике стрелка:

– Дыхательные упражнения. Существуют различные их вариации и комбинации (вдох на 4 счета выдох на 8 либо второй вариант с добавлением задержки дыхания между выдохом и вдохом на 7 счетов; техника «тактического дыхания» вдох на 4 секунды, задержка на 4 секунды, выдох на 4 секунды и т.д.). В целом данная техника «успокаивающего» дыхания (удлиненный выдох) позволяет быстро снизить частоту сердечных сокращений и уровень тревожности перед выполнением выстрела или в момент принятия решения.
– Нервно-мышечная релаксация. Навык осознанного расслабления мышц, не задействованных в выполнении выстрела (плечи, шея, лицо). Мышечные зажимы негативно влияют на координацию и точность. Здесь же можно применить упражнение - «концентрация на процессе, а не на результате».
– Идеомоторная тренировка. Мысленное «проигрывание» упражнения, последовательно и правильно представляя весь процесс: от принятия решения до производства выстрела. Многократное мысленное повторение правильных действий, то есть лишен-

ное всяких недостатков, формирует устойчивые нейронные связи, а самое главное формирует определенное «привыкание» и соответственно повышает уверенность. Этот метод особенно эффективен в сочетании с аутогенной тренировки и конечно реальной практикой.

– Аутогенная тренировка. Суть, которой заключается в многократном повторении определенных словесных упражнений, которые помогают фиксировать внимание стрелка на необходимые субъективные ощущения.

В данном случае можно использовать и элементы самовнушения, использования ключевых слов и разработку индивидуальных формул самовнушения («Уверен», «Спокоен», «Плавный спуск», «Контроль пальца»), которые помогают сконцентрироваться в критический момент. Либо применение метода эмоциональной нейтральности, где стрелок с помощью тех же установок сохраняет ровное настроение, независимо от результатов стрельбы.

При отработки данных техник можно привлекать также и психолога, причем результаты возрастут, если проводить данную работу непосредственно на огневом рубеже, в условиях, приближенных к реальным.

Далее в контексте вышеизложенного нам необходимо коснуться такого элемента подготовки как - моделирование нестандартных или экстремальных условий, так как он является одним из ключевых элементов подготовки стрелка.

Принцип «что смог освоить в спокойной обстановке, то всегда применишь в стрессе» – в корне неверен применительно к стрельбе. Навык, сформированный в комфортных условиях тира, «рассыпается» под воздействием нестандартных факторов. Поэтому центральным элементом психологической подготовки является регулярное и разнообразное моделирование экстремальных условий [7].

Формы и методы моделирования:

1. Введение физической нагрузки. Выполнение стрелковых упражнений после кросса, силовых упражнений, преодоления полосы препятствий. Это имитирует состояние утомления и повышенного физиологического возбуждения, характерное для реальной погони или задержания.
2. Ограниченное время и патроны. Упражнения с жестким лимитом времени и ограниченным боекомплектом вырабатывают навык быстрого и экономного ведения огня, повышают ответственность за каждый выстрел.
3. Моделирование неопределенных ситуаций с неоднозначным выбором. Использование мишеней, изображающих не только вооруженных преступников, но и заложников, мирных граждан. Сотрудник должен в доли секунды идентифицировать угрозу и принять решение о возможности открытия огня.
4. Проведение стрельб в нестандартных условиях: не достаточной видимости цели, с использованием светошумовых гранат, в различных положениях и позах, из-за укрытий, при движении.

Такая подготовка приводит к явлению «стрессоустойчивости навыка» – когда двигательный стереотип выполнения выстрела остается стабильным и эффективным даже при высоком уровне психофизиологического напряжения.

В завершении работы можно подвести следующие итоги: как отмечают многие специалисты, занимающиеся данной проблематикой неотъемлемыми элементами правомерного, точного и уверенного выстрела являются физическая, техническая и психологическая составляющие, работающие только в комплексе [9]. Залогом эмоциональной устойчивости и повышения уровня профессионального и стрелкового мастерства являются систематические тренировки. Которые в свою очередь подразумевают, с учетом индивидуальных особенностей стрелка - подбор и использование прогрессивных методик обучения, по психоэмоциональному контролю состояния стрелка, позволяющих управлять своим психологическим состоянием в любой экстремальной ситуации и формирующие у обучаемого необходимые стрелковые навыки (которые в свою очередь и превращают его в опытного стрелка) [5, с. 331].

Поэтому психологическая подготовка стрелка – сотрудника ОВД является не дополнительным, а системообразующим элементом его профессионального мастерства. Она представляет собой сложный, многокомпонентный процесс, направленный на формирование психически устойчивого, надежного и юридически грамотного специалиста.

Рассмотренные в статье элементы – формирование мотивационно-волевой сферы и правосознания, развитие специальных психических качеств, овладение навыками психической саморегуляции и обязательное моделирование экстремальных условий – составляют единый комплекс. Их эффективная реализация напрямую зависит от тесного взаимодействия преподавателей и инструкторов по огневой подготовке и практических психологов.

Дальнейшее развитие и совершенствование огневой подготовки сотрудников ОВД должно быть связано с внедрением все более совершенных тренажерных комплексов виртуальной реальности, разработкой индивидуализированных программ психологического сопровождения на основе диагностики личностных особенностей каждого стрелка, а также с углубленным изучением постстрессовых состояний и методов психологической реабилитации после применения оружия. Только комплексный подход позволит обеспечить высокий уровень профессиональной надежности сотрудника, от действий которого зависят жизнь и безопасность граждан.

Конечно, находятся скептики утверждающие неправильность чрезмерного увлечения психологической подготовкой стрелка, потому как она, по сути, дублирует обычный тренировочный процесс. Однако, в то же время, нужно учитывать тот факт, что инструктора, преподаватели огневой подготовки, максимально использующие при подготовке своих стрелков в качестве учебно-тренировочных упражнений элементы психологической подготовки, однозначно, добиваются лучших результатов.

Список литературы:

[1] Абаев А.М. Психология стрельбы из стрелкового оружия в экстремальных условиях. – М.: Академия управления МВД России, 2018. – 213 с.

[2] Дикая Л.А., Гримак Л.П. Психическая саморегуляция и надежность деятельности в экстремальных условиях. – СПб.: Наука, 2019. – 189 с.

[3] Желиба Е.В. Психологическая подготовка сотрудников правоохранительных органов к действиям в экстремальных ситуациях: монография. – М.: Юнити-Дана, 2020. – 304 с.

[4] Марищук В.Л., Платонов К.К., Плетницкий Е.А. Напряженность в полете. – М.: Воениздат, 2016. – 156 с.

[5] Жамборов А.А. Некоторые элементы психологической подготовки стрелка // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4 (143). С. 331-332.

[6] Методика психологической подготовки сотрудников ОВД к применению огнестрельного оружия: учеб. - метод. пособие / сост. В.П. Петров. – М.: ДГСК МВД России, 2021. – 98 с.

[7] Психология экстремальной деятельности: учебник для вузов / под ред. А.Н. Блеера. – М.: Юрайт, 2022. – 543 с.

[8] Смирнов Б.А., Долгополов И.В. Психология деятельности в экстремальных ситуациях. – Харьков: Гуманитарный центр, 2017. – 276 с.

[9] Тимошенко Л.И., Кудрявцев Р.А. Обучение стрелков психологической готовности к производству выстрела // Современные наукоемкие технологии. – 2015. – № 12-2. – С. 375-378.

References:

[1] Abaev A.M. Psychology of small arms shooting in extreme conditions. - M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. - 213 s.

[2] Wild LA, Grimak LP Psychic self-regulation and reliability of activity in extreme conditions. - St. Petersburg: Science, 2019. - 189 s.

[3] Zheliba E.V. Psychological training of law enforcement officers for actions in extreme situations: monograph. - M.: Unity-Dana, 2020. - 304 s.

[4] Marishchuk V.L., Platonov K.K., Pletnitsky E.A. Tension in flight. - M.: Military Publishing House, 2016. - 156 s.

[5] Zhamborov A.A. Some elements of psychological training of the shooter//Eurasian Law Journal. 2020. № 4 (143). S. 331-332.

[6] Methodology of psychological training of ATS officers for the use of firearms: study. - method. allowance/comp. V.P. Petrov. - M.: DGSK Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. - 98 s.

[7] The psychology of extreme activity: a textbook for universities/ed. A.N. Bleer. - M.: Yurayt, 2022. - 543 p.

[8] Smirnov B.A., Dolgopolov I.V. Psychology of activity in extreme situations. - Kharkov: Humanitarian Center, 2017. - 276 p.

[9] Timoshenko L.I., Kudryavtsev R.A. Training shooters in psychological readiness for firing a shot// Modern science-intensive technologies. – 2015. – № 12-2. - P. 375-378.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-222-225

ШУВАЛОВ Александр Павлович,
старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России,
e-mail: a.shuvalov72@mail.ru

ГРЕЧАНЫЙ Сергей Анатольевич,
кандидат технических наук, доцент, начальник кафедры радиотехнических систем и комплексов охранного мониторинга Воронежского института МВД России,
e-mail: Grechan7777@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ АНАЛИЗА И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые теоретические особенности и актуальные подходы к анализу и прогнозированию преступности в настоящее время. Особое внимание уделено современному состоянию этой проблемы в связи с глобализацией всех мировых процессов, транснационализацией преступности и проведения странами западной коалиции гибридной войны против России.*

Ключевые слова: *анализ и прогнозирование преступности, глобализация, транснационализация, гибридная война, криминогенные процессы.*

SHUVALOV Alexander Pavlovich,
Senior Lecturer at the Department of Tactical and Special Training of the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia

GRECHANY Sergey Anatolyevich,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Radio Engineering Systems and Security Monitoring Complexes at the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON SOME ISSUES OF CRIME ANALYSIS AND FORECASTING AT THE PRESENT STAGE

Annotation. *The article discusses some theoretical features and current approaches to the analysis and forecasting of crime at the present time. Special attention is paid to the current state of this problem in connection with the globalization of all world processes, the transnationalization of crime and the conduct of a hybrid war against Russia by the countries of the Western coalition.*

Key words: *crime analysis and forecasting, globalization, transnationalization, hybrid warfare, criminogenic processes.*

В настоящее время, когда политические системы мира активно противодействуют друг другу, вступая в самые разнообразные взаимоотношения и комбинации и можно говорить о глобальных кризисных состояниях, актуальных для мирового сообщества в целом, создалась благоприятная почва для развития транснациональной организованной преступности, которая активно использует все предоставляемые ей возможности. «Глобальный характер проблем борьбы с преступностью, обусловленный динамизмом обстановки, многообразием процессов и явлений, связанных с ее развитием и распространением в социальной жизни, особенно в теневой сфере, обусловливает актуальность комплексного прогнозирования развития ситуации» [1]. Именно поэтому, особенно возрастает роль прогнозирования развития всех мировых процессов и выработка оптимальных рекомендаций для принятия политических решений органами власти и управления. Таким образом, правовое и организационное закрепление различных форм и методов прогнозирования во все сферы государственного управления, а также его институциональное внедрение становятся необходимыми факторами эффективного политического процесса. Обоснованный и актуальный стратегический прогноз обеспечивает реалистичное видение действительности и формирует основания для принятия управленческого решения с ясным пониманием того, что в настоящее время происходит, что может произойти и при каких условиях. Мировые процессы уже давно стали глобальными, что в некоторой мере облегчает сам процесс прогнозирования. Например, мировой финансовый кризис, информатизация, рост преступности, незаконной миграции и безработицы в той или иной степени касаются всех государств. Все эти факторы меняют политическую реальность, а значит, существует угроза национальной безопасности любой страны. Появились и новые, ранее неизвестные вызовы человечеству, которые затрагивают все больше стран. «Эксперты называют гибридную войну типом конфликта, который все чаще будет применяться в XXI в.» [2].

В условиях проведения странами западной коалиции настоящей гибридной войны против России, включая скоординированные политические, экономические, информационные и прямые военные агрессивные мероприятия, направленные на подрыв государственности страны во всех ее проявлениях, «рациональное использование правоохранительными органами мер предотвращения преступности в условиях гибридной войны в первую очередь зависит от качественно разработанной и принятой государственной программы проведения таких мероприятий, на результативность которых будет существенно влиять криминологическая информация и прогноз о реальном состоянии преступности и тенденциях ее изменения» [3].

С целью недопущения нежелательного развития событий во всех сферах жизни общества, в том числе и правоохранительной, все шире применяются различные методы анализа и прогнозирования. Однако необходимо отметить, что любое прогнозирование и аналитика выполняют хоть и важную, но все же вспомогательную роль. Создавая возможности для предупреждения негативных процессов или событий в той или иной сфере, сами по себе они не могут помешать их осуществлению. В то же время отсутствие или низкое качество анализа и прогнозирования вызывает появление многочисленных проблем, на преодоление которых иногда тратятся годы и десятилетия. История Советского Союза и новейшая история России изобилует подобными примерами. Теоретическая и практическая значимость исследования проблем криминологического анализа и прогнозирования преступности выявляется не только на глобальном стратегическом уровне, но и в повседневной деятельности правоохранительных органов и специальных служб. Социальные процессы любого масштаба требуют совершенного теоретико-аналитического и прогностического сопровождения. Анализ общественно – политических и экономических событий последних лет, а также многочисленных научных исследований в различных областях свидетельствует, что успех, как правило, достигается путем комплексной мобилизации человеческих, финансовых и организационных ресурсов с обязательным использованием отраслевой аналитики и прогностики. Именно аналитические подразделения проводят соответствующие исследования, обобщают положение дел и предлагают выверенные прогнозы или обоснованные рекомендации. В отечественной науке принято отделять прикладной криминологический анализ от академических криминологических исследований, прогнозирование же открывает путь к перспективному криминологическому анализу, предусматривающему способность трансформировать теоретические наработки в практические рекомендации. Криминологический анализ является отправной точкой для любого прогноза преступности, поскольку именно он дает возможность определить уже существующие направления развития исследуемого процесса, а также выявить определенные тенденции, которые еще не сформированы, но уже просматриваются. С другой стороны, такой анализ предоставит более точный результат, в

зависимости от того, в каком контексте нас интересует тот или иной процесс, влияющий на состояние преступности и позволит выбрать подходящий метод, чтобы получить адекватный криминологический прогноз. Стремление создать проекты будущего мы встречаем у многих выдающихся мыслителей и ученых разных исторических эпох. В целом анализ и прогнозирование имеют очень древние корни. Эти процессы берут свое начало с тех исторических времен, когда на фоне взаимосвязей между знанием и действием произошла сознательная культивация знаний об обществе и государстве в их же интересах. В этом понимании анализ и прогнозирование по возрасту являются ровесниками человеческой цивилизации и используют различные исследовательские формы – от мистических, до современных научных. Причем, мистическое прогнозирование не ушло в далекое прошлое: как стало известно буквально недавно, военно-политическое руководство Украины, включая президента и ключевых фигур его офиса, активно пользовалось при принятии управленческих решений, от которых, по сути, зависели судьбы страны и ее миллионов граждан, услугами гадалок, колдунов и всякого рода прорицателей. Здесь невольно прослеживается аналогия с агонизирующим лидером третьего рейха и его фанатичным окружением. К чему приводит принятие решений с помощью таких прогнозов и как складывается судьба лиц их использующих, мы знаем из богатейшего исторического прошлого. По нашему мнению, эффективное прогнозирование преступности возможно только при условии постоянной корректировки прогнозов с учетом самой последней информации. Предсказание нельзя рассматривать как безусловную констатацию, характеризующуюся глаголами «будет», «произойдет». Его необходимо рассматривать как условную, инструментальную деятельность, вкладываемую в формулу: «может быть, или произойдет при определенных условиях». Следовательно, прогноз в сфере развития преступности выступает не столько в роли традиционного пророчества, сколько как современная технология, указывающая, при каких именно условиях и с помощью каких средств можно достичь определенного желаемого состояния будущего. «Научное предвидение развития криминогенных процессов, наряду с другими видами прогнозирования призвано обеспечить стабильность функционирования правоохранительной системы в целом, а также способствовать ее адаптации к внутренним и внешним изменениям и адекватному реагированию на потенциальные и реальные угрозы» [4].

Важно подчеркнуть, что в условиях глобализации и ускоренного развития информационного общества, взаимосвязь и взаимозависимость всех сфер жизнедеятельности человечества стирают четкие границы предмета прогнозирования. Таким образом, прогнозирование развития преступности неотделимо от анализа и прогноза многих других цивилизационных процессов.

Список литературы:

[1] Шувалов А. П. Актуальные вопросы применения методов оперативно-розыскного прогнозирования с целью выявления латентных преступлений / А. П. Шувалов // Оперативно-розыскная деятельность: актуальные вопросы теории и практики: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 24 октября 2025 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2026. – С. 167-174.

[2] Шувалов А.П. Актуальные вопросы изучения и противодействия преступности в приграничных и новых территориях в условиях гибридной войны стран западной коалиции против Российской Федерации / А.П. Шувалов, Н.И. Меркулова // Закон и право. 2023. № 7. – С. 259-262.

[3] Шувалов А. П. Преступность в условиях гибридной войны: актуальные проблемы противодействия / А. П. Шувалов // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства : Сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 27 июня 2025 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД РФ, 2025. – С. 134-139.

[4] Шувалов А. П. Оперативно-розыскное прогнозирование в сфере противодействия религиозному экстремизму как вид научного предвидения / А. П. Шувалов, Д. Н. Тишкин // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 07 июня 2019 года / Ответственный редактор В.В. Осяк. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 259-264.

References:

[1] Shuvalov A.P. Topical issues of the application of operational-search forecasting methods in order to identify latent crimes/A.P. Shuvalov//Operational-search activity: topical issues of theory and practice: Collection of scientific works of the All-Russian Scientific and Practical Conference,

Rostov-on-Don, October 24, 2025. - Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2026. - S. 167-174.

[2] Shuvalov A.P. Topical issues of studying and countering crime in border and new territories in the context of a hybrid war of the countries of the Western coalition against the Russian Federation/A.P. Shuvalov, N.I. Merkulova//Law and Law. 2023. № 7. - S. 259-262.

[3] A.P. Shuvalov Crime in a Hybrid War: Topical Problems of Counteraction/A.P. Shuvalov//Topical Problems of the Application of Criminal Law: Collection of Scientific Works Following the International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, June 27, 2025. - Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. - S. 134-139.

[4] Shuvalov A.P. Operational-search forecasting in the field of countering religious extremism as a type of scientific foresight/A.P. Shuvalov, D.N. Tishkin//Forensics: topical issues of theory and practice: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, June 07, 2019/Executive Editor V.V. Osyak. - Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019. - S. 259-264.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-226-230

ПОЛЯКОВА Юлия Евгеньевна,
студентка 1-го курса магистратуры
Института философии и права Новосибирского
государственного университета,
e-mail: syrovatskaya.ru@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОЗРАСТНОЙ НЕВМЕНЯЕМОСТИ

Аннотация. *Целью настоящей статьи является выявление проблемных аспектов законодательной конструкции возрастной невменяемости (ч. 3 ст. 20 УК РФ), её соотношения с институтами невменяемости и ограниченной вменяемости, а также разработка предложений по совершенствованию уголовно-правовых норм об ответственности несовершеннолетних с задержкой психического развития. Методологическую основу работы составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы, а также анализ судебной практики и научных позиций представителей уголовно-правовой науки. Особое внимание уделяется содержанию юридического критерия (интеллектуального и волевого моментов) применительно к отставанию в психическом развитии, не связанному с психическим расстройством, а также разграничению оснований применения ч. 3 ст. 20 и ст. 22 УК РФ. Рассматривается проблема терминологической неопределённости понятия «возрастная невменяемость» («возрастная незрелость»), критикуемого за сходство с юридическими критериями ограниченной вменяемости и невменяемости, а также дискуссия о целесообразности сохранения данной нормы. В рамках сравнительно-правового анализа сопоставляются подходы различных научных школ к пониманию психических аномалий и их влиянию на уголовную ответственность. Делается вывод о гуманистической обоснованности сохранения ч. 3 ст. 20 УК РФ, о необходимости чёткого разграничения возрастной невменяемости (отсутствие психического расстройства) и ограниченной вменяемости (наличие психического расстройства), о недопустимости отождествления задержки психического развития с невменяемостью, а также о важности комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы как процессуальной гарантии индивидуального подхода к несовершеннолетним.*

Ключевые слова: *возрастная невменяемость, ограниченная вменяемость, несовершеннолетние, задержка психического развития, юридический критерий, судебная психолого-психиатрическая экспертиза, уголовная ответственность несовершеннолетних.*

POLYAKOVA Yulia Evgenievna,
First-year Master's student Institute
of Philosophy and Law Novosibirsk State University

CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF AGE-RELATED INSANITY

Annotation. *The purpose of this article is to identify problematic aspects of the legislative structure of age-related insanity (Part 3 of Article 20 of the Criminal Code of the Russian Federation), its relationship with the institutions of insanity and limited sanity, as well as to develop proposals for improving criminal law norms on the responsibility of minors with mental retardation. The methodological basis of the work consists of formal legal, comparative legal and systemic structural methods, as well as an analysis of judicial practice and scientific positions of representatives of criminal law science. Special attention is paid to the content of the legal criterion (intellectual and volitional aspects) in relation to mental retardation unrelated to a mental disorder, as well as the differentiation of the grounds for the application of Part 3 of art. 20 and art. 22 of the Criminal Code. The article considers the problem of terminological uncertainty of the concept of "age-related insanity" ("age immaturity"), criticized for its similarity to the legal criteria of limited sanity and insanity, as well as a discussion about the expediency of maintaining this norm. Within the framework of comparative legal analysis, the approaches of various scientific schools to understanding mental anomalies and their impact on criminal*

liability are compared. The conclusion is made about the humanistic validity of the preservation of Part 3 of art. Article 20 of the Criminal Code of the Russian Federation, on the need for a clear distinction between age-related insanity (absence of a mental disorder) and limited sanity (presence of a mental disorder), on the inadmissibility of identifying mental retardation with insanity, as well as on the importance of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination as a procedural guarantee of an individual approach to minors.

Key words: *age-related insanity, limited sanity, minors, mental retardation, legal criterion, forensic psychological and psychiatric examination, criminal liability of minors.*

Особого рассмотрения заслуживает норма уголовного закона, содержащая юридический критерий, схожий по своей правовой природе с понятием ограниченной вменяемости. Речь идёт о положении ч. 3 ст. 20 УК РФ, регулирующем вопросы привлечения к ответственности несовершеннолетних с особенностями психического развития. Данная правовая норма устанавливает исключительные условия привлечения к уголовной ответственности подростков, которые, хотя и достигли установленного уголовным законом возраста, но имеют задержку психического развития, не связанную с психиатрическими расстройствами. В таких случаях законодатель предусматривает возможность освобождения от наказания при наличии следующих условий: во-первых, наличие подтверждённого отставания в психическом развитии, не носящего патологического характера, во-вторых, доказанная неспособность в полной мере осмысливать фактическую сторону своих действий, понимать их социальные последствия и осуществлять волевой контроль над своим поведением, в-третьих, указанные обстоятельства нужно установить именно на момент совершения инкриминируемого деяния.

При этом ситуация, изложенная в указанной части ст. 20, в доктрине уголовного права зачатую именуется как «возрастная невменяемость» [5], рядом авторов – как «возрастная незрелость» [2] и вызывает дискуссии среди представителей юридической науки.

Бабиченко Р.И. поддерживает правовое положение ч. 3 ст. 20 УК РФ, она указывает, что законодатель устанавливает необходимость учёта не только хронологического (паспортного), но и «психологического» возраста индивида, который отражается в достижении им определённого уровня психического развития. Этот подход логически вытекает из взаимосвязи понятий «вменяемость» и «возраст уголовной ответственности»: в соответствии со ст. 19 УК РФ уголовной ответственности подлежит только вменяемое лицо, достигшее установленного уголовным законом возраста [1].

В свою очередь Теунаев Ю.А. критикует эту норму, говоря о том, что современное уголовное законодательство демонстрирует существенную противоречивость в регулировании вопросов ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости (ст. 22 УК РФ), а также норм, касающихся возрастной невменяемости (ч. 3 ст. 20 УК РФ) и невменяемости (ст. 21 УК РФ). Как верно им отмечается, данная проблема требует детального анализа, поскольку интеллектуальный и волевой критерии психического состояния, описанные в ч. 3 ст. 20 УК РФ, практически идентичны аналогичным признакам юридического критерия вменяемости для лиц с психическими расстройствами, кроме того, это сходство создаёт правовую неопределённость и затрудняет единообразное применение норм на практике [4].

Стоит отметить, что обе позиции имеют рациональное зерно. Бабиченко Р.И. обоснованно поддерживает ч. 3 ст. 20 УК РФ, подчёркивая важность учёта уровня психического развития несовершеннолетнего в момент совершения общественно опасного деяния, что соответствует современным гуманистическим тенденция. Однако Теунаев Ю.А. справедливо отмечает терминологические противоречия между нормами о вменяемости, невменяемости, ограниченной вменяемости и возрастной невменяемостью.

С целью разрешения данных противоречий стоит заметить, что разграничение между применением ч. 3 ст. 20 и ст. 22 УК РФ проводится на основании причины, по которой несовершеннолетний во время совершения общественно опасного деяния не был способен в полной мере осознавать характер своих действий или контролировать их. То есть, когда суд приходит к выводу, что такая неспособность обусловлена задержкой психического развития при отсутствии психического заболевания, уголовная ответственность исключается. Однако если установлено, что подобные последствия вызваны психическим расстройством, не исключающим вменяемости, лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности, подсудимому могут быть назначены принудительные меры медицинского характера.

В свою очередь, Смирнов А.М., критикуя норму о «возрастной невменяемости», убеждён в необходимости исключения её из уголовного закона. Более того этот учёный уголовно-правовой науки предлагает привлекать к уголовной

ответственности в достаточно раннем возрасте, нежели тот, который фактически был установлен у лица, такое нововведение он аргументирует ускоренным развитием сознания и психики ряда несовершеннолетних лиц [3].

Следует констатировать, что позиция Смирнова А.М. не выдерживает научной критики: во-первых, подобные утверждения не подкреплены достоверными эмпирическими данными о масштабах этого явления, во-вторых, даже если допустить существование такой категории несовершеннолетних, это не отменяет необходимости индивидуального подхода к оценке их психического развития, который как раз и обеспечивает оспариваемая Смирновым А.М. норма. Таким образом, позиция Смирнова А.М. представляется научно необоснованной и практически опасной. Вместо ужесточения подходов к уголовной ответственности несовершеннолетних, современная уголовная политика должна развиваться в направлении дальнейшей дифференциации ответственности с обязательным учётом индивидуальных особенностей психического развития, что полностью соответствует принципам справедливости и гуманизма уголовного права.

Интересно, что некоторые авторы, в частности Наумов А.В., высказывают мнение об отнесении рассматриваемого правового положения к особым формам невменяемости [6]. Однако данный подход требует критического осмысления. Во-первых, в норме о так называемой «возрастной невменяемости» законодатель ясно указывает на отсутствие психической патологии в виде расстройства, то есть констатирует неимение медицинского критерия, являющегося обязательным элементом конструкции невменяемости согласно ст. 21 УК РФ. При этом в рассматриваемых случаях речь идёт именно о задержке в психическом развитии, что не является психическим расстройством. Во-вторых, создание аналогии с невменяемостью не отражает саму суть явления «отставания в психическом развитии», причиной которого является целая совокупность факторов, начиная с недостаточной социализации и заканчивая незавершённостью когнитивного развития.

Таким образом, более обоснованным является подход, согласно которому отставание в психическом развитии признается самостоятельным правовым явлением. Соответственно, условное обозначение данного состояния как «возрастная невменяемость» также нельзя признать корректным.

Рассматривая положения ч. 3 ст. 20 УК РФ, необходимо обратить внимание на уголовно-процессуальные нормы. Так, в соответствии со п. 2 ч. 1 ст. 196 и ч. 2 ст. 421 УПК РФ при совершении преступления несовершеннолетним лицом законодатель предусматривает обязательное проведение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. На наш взгляд, это важнейшая процессуальная гарантия, позволяющая установить ключевые обстоятельства дела: во-первых, наличие самого факта отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством; во-вторых, степень сохранности у несовершеннолетнего способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих противоправных действий либо руководить ими во время инкриминируемой его ситуации.

Принципиально важно, что результаты данной экспертизы оказывают непосредственное влияние на решение вопроса об уголовной ответственности. Как показывает анализ правоприменительной практики, именно заключение экспертов часто становится определяющим фактором при квалификации действий несовершеннолетнего и выборе меры уголовно-правового воздействия. Так, Московский городской суд в апелляционном определении № 10-432/2022 от 25 января 2022 г., опираясь на результаты комплексной психолого-психиатрической экспертизы, согласно которой у несовершеннолетнего Г. выявлено отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, при этом уровень интеллектуального развития соответствует возрасту 12–13 лет (при хронологическом возрасте 15 лет), принял решение об освобождении его от уголовной ответственности.

Значимые положения относительно судебной психолого-психиатрической экспертизы содержатся в п. 14 постановлении Пленума Верховного суда РФ от 01 февраля 2011 г. № 1, в котором указывается на необходимость постановки перед экспертами вопроса «о влиянии психического состояния несовершеннолетнего на его интеллектуальное развитие с учётом возраста». Как верно замечают Шаназарова Е.В., Головина Е.Н. и Лапшина Н.А., при рассмотрении уголовных дел с участием несовершеннолетних суды должны фокусироваться не на степени умственной отсталости, а на способности подростка осознанно контролировать свои поступки и адекватно оценивать их противоправность в момент совершения общественно опасного деяния [7].

При этом Верховный Суд РФ уточняет, что при установлении у несовершеннолетнего психического расстройства суд обязан учитывать это как обстоятельство, смягчающее наказание. Кроме того, согласно позиции высшей судебной инстанции, наличие психиатрического диагноза может служить основанием для применения принудительных мер медицинского характера. Однако если в ходе комплексной экспертизы выявляется лишь задержка психического разви-

тия (без признаков расстройства), суд обязан освободить подростка от уголовной ответственности, в таком случае принудительное лечение не назначается, поскольку отсутствие психического заболевания исключает потенциальную опасность лица для себя и окружающих.

Значимое замечание было сделано Трапаидзе К.З. На основании изучения судебной практики он выявил, что сам по себе факт несоответствия психического развития биологическому возрасту, после достижения которого наступает уголовная ответственность, не является основанием для применения положения ч. 3 ст. 20 УК РФ [5]. Яркой иллюстрацией данного положения служит дело С., осуждённого по п.п. «а», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, которое было рассмотрено в Верховном суде РФ. При этом суд в своём решении подчеркнул принципиально важный аспект: несмотря на установленное экспертизой отставания в психическом развитии (показатели соответствовали началу возрастного периода 16-18 лет), это обстоятельство само по себе не создавало правовых оснований для применения ч. 3 ст. 20 УК РФ.

Данная правовая позиция подтверждает принцип, согласно которому для освобождения от уголовной ответственности в связи с задержкой в психическом развитии необходимо установить не просто факт психического отставания, а именно нахождение состояния психики в возрастном пределе до шестнадцати или до четырнадцати лет.

Ряд представителей уголовно-правовой науки говорят о необходимости модернизации рассматриваемого правового положения. Например, Теунаев Ю.А. считает, что нет никакой необходимости в том, чтобы обращать внимание правоприменителя на отсутствие взаимосвязи отставания в психическом развитии и психическим расстройством, а также на причины возрастной незрелости [4]. Однако стоит отметить, что в российском уголовном законодательстве обоснованно сделан акцент на том, что задержка в развитии психики несовершеннолетнего не связана с психическим расстройством, потому что в противном случае применяются положения ст. 22 УК РФ, и согласно п. 14 постановления Пленума Верховного суда РФ от 01 февраля 2011 г. № 1 к несовершеннолетнему лицу, страдающему психическим расстройством, суд может применить принудительные меры медицинского характера, а также будет обязан учесть данную психическую патологию как обстоятельство, смягчающее наказание.

Таким образом, стоит заключить, что норма, предусмотренная ч. 3 ст. 20 УК РФ, обладает гуманистической направленностью, поскольку она отражает современный подход к уголовной ответственности несовершеннолетних, который признает вариативность психического развития, требует комплексной оценки личности правонарушителя, предусматривает использование специальных познаний при установлении уровня развития, обеспечивает баланс между принципами справедливости и индивидуализации наказания.

На основании вышесказанного следует сделать вывод в том, что проблема возрастной невменяемости остается одним из наиболее дискуссионных вопросов в уголовном праве, что обусловлено сложностью юридической природы и неоднозначностью трактовки данной конструкции в доктрине.

Не менее спорным остаётся вопрос о так называемой «возрастной невменяемости», закреплённой в ч. 3 ст. 20 УК РФ. Несмотря на критику, данная норма отражает гуманистический подход, учитывающий не только хронологический, но и психологический возраст правонарушителя. Однако её сходство с юридическими критериями ограниченной вменяемости и невменяемости требует чёткого разграничения, основанного на причине психической незрелости: отсутствие психического расстройства исключает применение принудительных мер медицинского характера, но при этом освобождает несовершеннолетнее лицо от уголовной ответственности.

Правоприменительная практика подтверждает важность комплексных психолого-психиатрических экспертиз, позволяющих установить степень влияния задержки в психическом развитии на способность осознавать и контролировать свои действия. Однако суды должны избегать формального подхода, фокусируясь не только на факте отставания в развитии, но и на степени его воздействия на поведение несовершеннолетнего в момент совершения преступления.

Список литературы:

[1] Бабиченко Р.И. Возрастная невменяемость: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – URL: https://m.eruditor.one/file/1694715/ (дата обращения: 10.04.2026).

[2] Жамбалова А.Ю. Уголовная ответственность лиц с психическими аномалиями, не исключающими вменяемости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – URL: https://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-lits-s-psikhicheskimi-anomaliyami-ne-isklyuchayushchimi-vmenyaemos (дата обращения: 10.04.2026).

[3] Смирнов А.М. К вопросу о юридическом диссонансе при определении возраста привлечения к уголовной ответственности // Гуманитар-

ные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-yuridicheskom-dissonanse-pri-opredelenii-vozrasta-privlecheniya-k-ugolovnoy-otvetstvennosti (дата обращения: 10.04.2026).

[4] Теунаев А.Ю. Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости: дис. ... канд. юрид. наук. – Кисловодск, 2003. – URL: https://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-lits-s-psikhicheskim-rasstroistvom-ne-isklyuchayushchim-vmenyaemo-0 (дата обращения: 10.04.2026).

[5] Трапаидзе К.З. Возраст, с которого наступает уголовная ответственность: спорные вопросы законодательства и практики применения // Lex russica. – 2022. – 75(2). – 46-55. – URL: https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.183.2.046-055 (дата обращения: 10.04.2026).

[6] Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.]; ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2024. – URL: https://urait.ru/bcode/536359 (дата обращения: 10.04.2026).

[7] Шаназарова Е.В. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних с признаками отставания в психическом развитии, не связанными с психическим расстройством / Головина Е.Н., Лапшина Н.А., Шаназарова Е.В. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ugolovnoy-otvetstvennosti-nesovershennoletnih-s-priznakami-otstavaniya-v-psihicheskom-razvitii-ne-svyazannymi-s (дата обращения: 10.04.2026).

References:

[1] Babichenko R.I. Age-related insanity: criminal law and criminological problems: dissertation of the cand. jurid. Sciences. – M., 2005. – URL: https://m.eruditor.one/file/1694715 / (date of application: 04/10/2026).

[2] Zhambalova A.Y. Criminal liability of persons with mental abnormalities that do not exclude sanity: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. Sciences. – M., 2007. – URL: https://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-lits-s-psikhicheskimi-anomaliyami-ne-isklyuchayushchimi-vmenyaemos (date of request: 04/10/2026).

[3] Smirnov A.M. On the issue of legal dissonance in determining the age of criminal responsibility // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2021. – No. 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-yuridicheskom-dissonanse-pri-opredelenii-vozrasta-privlecheniya-k-ugolovnoy-otvetstvennosti (date of request: 04/10/2026).

[4] Teunaev A.Y. Criminal liability of persons with a mental disorder that does not exclude sanity: dissertation of the cand. jurid. sciences'. – Kislovodsk, 2003. – URL: https://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-lits-s-psikhicheskim-rasstroistvom-ne-isklyuchayushchim-vmenyaemo-0 (date of application: 04/10/2026).

[5] Trapaidze K.Z. The age at which criminal responsibility begins: controversial issues of legislation and practice // Lex russica. – 2022. – 75(2). – 46-55. – URL: https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.183.2.046-055 (date of request: 04/10/2026).

[6] Criminal law. General part: textbook for universities / A.V. Naumov [et al.]; responsible editors A.V. Naumov, A. G. Kibalnik. – 6th ed., revised. and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – URL: https://urait.ru/bcode/536359 (date of request: 04/10/2026).

[7] Shanazarova E.V. Problems of criminal liability of minors with signs of mental retardation not related to mental disorder / Golovina E.N., Lapshina N.A., Shanazarova E.V. // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2021. – No. 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ugolovnoy-otvetstvennosti-nesovershennoletnih-s-priznakami-otstavaniya-v-psihicheskom-razvitii-ne-svyazannymi-s (date of request: 04/10/2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-231-233

МАЛАЕВ Азрет Хусенович,
преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности, капитан полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРЕСТУПНОСТЬ КАК СЛОЖНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ С УЧАСТИЕМ НЕ ТОЛЬКО ГОСУДАРСТВА, НО И ОБЩЕСТВА

Аннотация. *Указанная тема требует концептуального ответа и автор разделил: обоснование преступности как сложного социального (не только юридического или индивидуально-психологического) феномена, ограниченность чисто государственного подхода и конкретные формы и механизмы общественного участия. Отмечено так же, что необходимо избегать призывов к самосуду или вигилантизму, а сосредоточиться на конструктивных, социально признанных формах.*

Автор начал с тезиса о неэффективности репрессивной модели, затем разобрал социальную природу преступности (детерминанты в обществе) и почему только государства недостаточно (ресурсы, профилактика, доверие). Немаловажным аспектом является формулировка основных направлений общественного противодействия: социальная профилактика (НКО, волонтеры), общественный контроль (дружины, видеонаблюдение), ресоциализация, криминологическое просвещение. Завершается исследование выводом о партнерстве «государство-общество» и переходе от наказания к управлению рисками.

Ключевые слова: *репрессивная модель, социальная природу преступности, детерминанты в обществе, государства недостаточно (ресурсы, профилактика, доверие, социальная профилактика, общественный контроль (дружины, видеонаблюдение), ресоциализация, криминологическое просвещение.*

MALAYEV Azret Khusenovich
Lecturer, Department of Law Enforcement,
Police Captain

CRIME AS A COMPLEX SOCIAL PHENOMENON: RESPONSE INVOLVING NOT ONLY THE STATE BUT ALSO SOCIETY

Annotation. *This topic requires a conceptual response, and the author has distinguished between the justification of crime as a complex social (not just legal or individual-psychological) phenomenon, the limitations of a purely state-based approach, and specific forms and mechanisms of public participation. It is also noted that calls for lynching or vigilantism should be avoided, and that constructive, socially accepted forms should be emphasized. The author began with the thesis of the ineffectiveness of the repressive model, then examined the social nature of crime (determinants in society) and why the state alone is insufficient (resources, prevention, trust). An important aspect is the formulation of the main areas of public response: social prevention (NGOs, volunteers), public control (squads, video surveillance), resocialization, and criminological education. The study concludes with a conclusion about the "state-society" partnership and the transition from punishment to risk management.*

Key words: *repressive model, social nature of crime, societal determinants, insufficient state resources, prevention, trust, social prevention, public control (squads, video surveillance), resocialization, criminological education.*

Преступность действительно представляет собой сложный социальный феномен, поскольку ее причины коренятся не только в личностных девиациях, но и в укладе самого общества: экономическом неравенстве, разрыве социальных связей, правовом нигилизме и слабости институтов социализации.

По мнению Малкова В.Д. - преступность - собирательное понятие. Она представляет собой социальное явление, включающее совокупность

различных актов индивидуального преступного поведения. Однако для преступности свойственно преодоление этих индивидуальных черт и наличие общих для всех преступных деяний признаков, совокупность которых и определяет ее сущность и понятие. Под преступностью в криминологии понимается социальное, исторически изменчивое, массовое, уголовно-правовое, системное явление общества, проявляющееся в совокупности общественно опасных уголовно наказуемых деяний и лиц, их совершивших, на определенной территории за определенный период времени [1].

Противодействие преступности только силами государства (полиция, суды, ФСИН) часто оказывается недостаточно эффективным, особенно в отношении латентной (скрытой) и бытовой преступности. Государство реагирует постфактум, а общество способно работать на упреждение.

Вот как может и должно выглядеть участие общества в этом противодействии:

– общественные организации и НКО: в рамках работы с «трудными» подростками, реабилитация наркозависимых и бывших заключенных. Государство часто жестко карает, а общество (волонтеры, психологи) возвращает человека в норму, разрывая рецидивную цепочку;
– в экономическом плане: создание рабочих мест и досуговых центров в депрессивных районах. Экономическая пассивность является условием и питательной средой для имущественных преступлений.

Еще одним фактором ресоциализации и постпенитенциарной помощи являются является непосредственная работа с человеком, освободившимся из мест лишения свободы, увы данное направление-самое слабое в указанной системе. Общество здесь критически важно, вернее его поддержка в максимально быстрой адаптации, например, участие религиозных общин и центров адаптации в рамках предоставления временного жилья, работы и т.д. Важным фактором так же является отказ от стигматизации, «клейма» зэка. Если общество отвергает человека после освобождения, и он ощущает, что чужой, оно толкает его обратно в криминал-это очевидно.

Всестороннее и глубокое изучение преступности не может осуществляться без учета ее последствий. Особенно это важно при разработке мер предупреждения преступлений, ограничения, минимизации вреда от их совершения [1].

Данные ФСИН России: общий уровень рецидива среди освободившихся из мест лишения свободы - около 50% в течение 3 лет. Пример НКО «Руки помощи» (Санкт-Петербург), чья Программа включает размещение, трудоустройство и психологическую поддержку. Из 320 бывших заключённых, прошедших программу, только 14% совершили новое преступление в течение 2 лет (против 50% в контрольной группе без поддержки). Экономический эффект: предотвращение одного рецидива обходится государству в 1,2 млн руб. (содержание в СИЗО, суд, новый срок), а работа НКО стоит около 150 тыс. руб. на человека. Еще один пример, в 2022 году в Краснодарском крае центр адаптации «Шанс» закрылся из-за отсутствия муниципального финансирования, а 70 его подопечных остались без жилья и работы по данным местного УВД, 23 из них в течение полугода были задержаны за кражи и разбои.

Далее отдельным моментом необходимо рассмотреть факторы контроля и сдерживания. Реализуются они в современных аналогах добровольных народных дружин: патрулирование в парках, вблизи школ, при этом они не подменяют полицию, а фиксируют нарушения и вызывают наряд. Это создает эффект «всевидящего ока». Товарищества собственников жилья (ТСЖ) и домовые комитеты: организация видеонаблюдения, контролируемый доступ в подъезды. Это снижает квартирные кражи и наркопритоны.

Немного статистики в 2021 году в Подмосковье действовало около 1 200 дружин общей численностью более 18 000 человек. По данным ГУ МВД по МО, при участии дружинников раскрыто 3 247 преступлений (в основном кражи, грабежи, хулиганство). В городском округе Химки после усиления патрулирования парков и дворов количество уличных грабежей снизилось на 27%. Но существуют и вызовы ы данном направлении: в ряде регионов дружины формальны - например, в Саратовской области проверка прокуратуры выявила, что 40% дружинников ни разу не выходили на дежурство [2].

Исследование НИУ ВШЭ: опрошено 1 500 домов в 10 городах РФ. В домах с работающим ТСЖ и видеонаблюдением количество квартирных краж на 43% ниже, чем в домах без общественного контроля. В домах, где жильцы создали чаты в мессенджерах и оперативно сообщают о подозрительных лицах, полиция задерживает злоумышленников в 2,5 раза быстрее (по данным опроса участковых). В Екатеринбурге, ЖК «Академический». Жильцы через чат заметили серию краж велосипедов из подъездов. Собрав фото и видео, они передали данные в полицию, и организатора (ранее судимого) задержали в течение недели [2].

Привлечение населения к укреплению законности и активизации борьбы с нарушителями общественного порядка актуализировались в СССР в начале 1960-х гг. в контексте реализации государственного курса по созданию «общенародного государства» и передачи части управ-

ленческих функций общественности, обозначенного в начале 1960-х гг. и трактуемого властью как одно из условий успешной борьбы с правонарушителями и фактор развития демократических принципов в организации деятельности милиции [3]. Наиболее распространенными формами взаимодействия милиции и общественности явились создание добровольных народных дружин, товарищеских судов и т.д.

Важнейшим фактором противодействия преступности на наш взгляд является Правовое просвещение, и культура в рамках которой задействуются школьные родительские комитеты, осуществляющие контроль за буллингом (школьной травлей), которая часто перерастает в подростковую преступность. И конечно - общественный мониторинг, когда правозащитные организации следят за действиями самого государства (коррупция, превышение полномочий и т.д.), тем самым снижая уровень криминализации среди представителей власти. Однако участие общества не должно выражаться в самосуде или вигилантизме.

Вигилантизм - это гражданская инициатива по самостоятельному преследованию и наказанию правонарушителей (самосуд) в обход официальных правоохранительных органов. Вигиланты действуют из чувства гражданского долга или недоверия к власти, но с точки зрения закона такие действия часто являются уголовно наказуемыми [4].

В заключение рассмотрим определенные ограничения и риски, в числе которых можно сформулировать: злоупотребление: недопустимо, чтобы охранные ЧОПы или «активисты» брали на себя функции следствия и наказания (закон о самообороне против незаконных действий). Далее, коррупция, общественные структуры могут сращиваться с криминалом (например, «крышевание» бизнеса под видом охраны порядка). На сегодняшний день эффективной моделью видится – субсидиарность, когда государство отвечает за насильственное принуждение (арест, следствие, тюрьма), а общество - за устранение причин и социальную реабилитацию.

Gока общество будет пассивно перекладывать заботу о безопасности только на правоохранительную систему, преступность будет только консервироваться и приобретать изощренные, современные и совершенные формы (экстремизм, кибермошенничество, коррупция и т.д.) [5].

Делая критические и эмпирическое выводы по данному вопросу отметим следующее:

Во-первых: участие общества эффективно только для определённых видов преступлений - особенно имущественных и уличных. На организованную преступность и кибермошенничество влияние минимально.

Во-вторых, эффект сильнее в малых и средних городах, чем в мегаполисах. В Москве народные дружины снижают преступность лишь на 6–8% (по данным ВНИИ МВД, 2023), потому что анонимность выше.

В-третьих, риск «эффекта вытеснения»: преступники перемещаются в районы, где общественного контроля нет. Исследование в Ростове-на-Дону показало, что после организации ТСЖ в центре города кражи «переехали» в спальные районы без ТСЖ.

В-четвертых, без государственного финансирования общественные инициативы быстро угасают. Из 500 НКО, работавших с бывшими заключёнными в 2018 году, к 2024 году осталось около 200 - из-за отмены грантов и ковидных ограничений.

Список литературы:

[1] Малков В.Д. Преступность как социально-правовое явление, ее криминологические характеристики и основные тенденции в современной России // Общество и право. 2007. №3 (17).

[2] Росстат - Регионы России. Социально-экономические показатели. rosstat.gov.ru/folder/210/document.

[3] Пушков Д.А. Участие общественности в борьбе с преступностью: история и современность // Современное право. 2007. № 11-1.

[4] Википедия. chrome.2.69i57j0i751j0i512i546j0i751.2902j0j15&sourceid.

[5] Машекуашева М.Х. Некоторые особенности когнитивного воздействия в рамках профилактических бесед с молодежью по предупреждению экстремистских настроений. Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 5. С. 82-86.

References:

[1] Malkov V.D. Crime as a socio-legal phenomenon, its criminological characteristics and main trends in modern Russia//Society and law. 2007. №3 (17).

[2] Rosstat - Regions of Russia. Socioeconomic indicators. rosstat.gov.ru/folder/210/document.

[3] Pushkov D.A. Public participation in the fight against crime: history and modernity//Modern law. 2007. № 11-1.

[4] Wikipedia. chrome.2.69i57j0i751j0i512i-546j0i751.2902j0j15&sourceid.

[5] Mashekuasheva M.Kh. Some features of cognitive impact as part of preventive conversations with young people to prevent extremist sentiments. Gaps in Russian legislation. 2022. VOL. 15. № 5. S. 82-86. /13204

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-234-239

ИБРАГИМОВ Ислам Рустемович,
Студент Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: islam.ibragimov.2004@list.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена вопросам исследования возможности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, которые не являются субъектами уголовной ответственности в Российской Федерации. Вместе с тем опыт зарубежных стран (Франции, США, Китая, Великобритании) демонстрирует, что указанное возможно. Мы анализируем зарубежные примеры и приходим к выводу, что привлечение юридических лиц к уголовной ответственности является утопичным, поскольку юридическое лицо не обладает совестью, не способно к раскаянию, а исправительная цель наказания к нему неприменима. Введение такой ответственности позволит злоупотреблять правом посредством создания дополнительного субъекта, который кроме потери имущества в пользу государства никак не несёт ответственности, и приведёт к тому, что правоохранительные органы перестанут заморачиваться установлением конкретного виновника, ограничиваясь формальным признаком, что повышает риск обвинения честных людей.*

Ключевые слова: *юридическое лицо, уголовная ответственность, субъект уголовной ответственности, преступник, доктрина корпоративной вуали, правосубъектность юридического лица.*

IBRAHIMOV Islam Rustemovich,
Student of the Financial University
under the Government of the Russian Federation

CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES: FOREIGN EXPERIENCE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. *This article is devoted to the study of the possibility of bringing to criminal responsibility legal entities that are not subjects of criminal responsibility in the Russian Federation. At the same time, the experience of foreign countries (France, USA, China, Great Britain) demonstrates that this is possible. We analyze foreign examples and come to the conclusion that bringing legal entities to criminal responsibility is utopian, since a legal entity does not have a conscience, is incapable of repentance, and the correctional purpose of punishment is inapplicable to it. The introduction of such responsibility will allow the abuse of the right by creating an additional entity that, apart from the loss of property in favor of the state, is not responsible in any way, and will lead to the fact that law enforcement agencies will stop bothering to identify a specific culprit, limiting themselves to a formal sign, which increases the risk of accusing honest people.*

Key words: *legal entity, criminal liability, subject of criminal liability, criminal, corporate veil doctrine, legal personality of a legal entity.*

Введение

Несмотря на то что действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает ответственность за ряд экономических преступлений, совершение которых возможно посредством осуществления хозяйствующей деятельности юридических лиц, в качестве субъекта уголовной ответственности они не выступают. Согласно статье 19 УК РФ, уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом возраста [8]. Из указанного вытекает, что в отечественной правовой системе юридическое лицо не может быть признано субъектом преступления. Полагаем, что указанное обусловлено фиктивной правовой природой юридического лица. Несмотря на то, что данный субъект хоть и наделен самостоятельной правосубъектностью (статья 48 Гражданского кодекса РФ [9]), он искусственен для права. Очевидно, что все

значимые решения за него принимают люди или коллектив людей. Существование юридического лица допускается для достижения целей, поставленных составляющими его физическими лицами [10].

Вместе с тем в мировой практике известны примеры, когда юридические лица подлежат уголовной ответственности. Отсюда нами предлагается проанализировать указанные случаи с целью определить, является ли такая модель релевантной.

Уголовная ответственность юридических лиц в зарубежных государствах

Франция

Уголовный кодекс Франции (1992 г.) в статье 121-2 устанавливает, что юридические лица, за исключением государства, несут уголовную ответственность за преступные деяния, совершенные в их интересах их органами или представителями [11]. С 31 декабря 2005 года данная норма распространяется на все виды преступлений, проступков и нарушений (ранее – только на прямо предусмотренные законом составы). При этом ответственность юридического лица не исключает ответственности физического лица – исполнителя преступления.

Перечень наказаний для юридических лиц закреплен в статье 131-39 Уголовного кодекса Франции. К ним относятся: штраф (в размере, в пять раз превышающем штраф для физических лиц за то же деяние); лишение права на осуществление определенной профессиональной или социальной деятельности; закрытие представительства или предприятия; исключение из публичных контрактов; запрет на публичный сбор средств; судебный надзор в течение срока до пяти лет; конфискация имущества; принудительная ликвидация (только если юридическое лицо было создано для совершения преступления) [11].

Безусловно, одним из самых распространенных наказаний выступают штрафы, потому как позволяют экономически отчасти нивелировать ущерб, причиненный преступлением. А учитывая их колоссально завышенный размер как для профессиональных хозяйствующих субъектов, то указанное, на наш взгляд, также положительно сказывается на восстановительно-превентивной функции наказания. Так, например, в 2020 году компания Airbus SE, зарегистрированная во Франции, признала себя виновной в подкупе чиновников в 20 странах. Французский суд наложил штраф в размере 2,1 млрд евро. Общая сумма штрафов по соглашениям с Францией, Великобританией и Соединенными Штатами Америки (далее – США) составила 3,6 млрд евро [12].

Соединенные Штаты Америки

Исходя из того, что Соединенные Штаты являются представителями англо-саксонской правовой семьи, в США отсутствует единый кодифицированный акт, однако уголовная ответственность корпораций предусмотрена множеством федеральных законов. Ключевые из них – Закон о торговле между штатами (1887) [13], Закон о коррупционной практике за рубежом (Foreign Corrupt Practices Act, далее – FCPA) (1977) [14]. Согласно устоявшейся судебной практике, корпорация отвечает за действия любого сотрудника, совершенные в рамках его служебных обязанностей и в интересах компании, даже если высшее руководство не знало о таких действиях. К числу наказаний для юридических лиц за подобные деяния относятся: штраф (вплоть до десятков и сотен миллионов долларов), конфискация имущества, пробационный надзор, исключение из государственных контрактов [2].

Примечательно, что американское право предусматривает возможность привлечения иностранных юридических лиц к уголовной ответственности при наличии даже ограниченной связи деяния с территорией или финансовой инфраструктурой США (даже если юрисдикция личного закона юридического лица такой ответственности не предусматривает). Например, в марте 2024 года швейцарская сырьевая трейдинговая компания Gunvor S.A. признала себя виновной в сговоре с целью нарушения FCPA. В период 2012–2020 годов представители Gunvor выплатили более 97 млн долларов взяток эквадорским чиновникам через подставные компании в Панаме, используя банковскую систему США. Суд приговорил компанию к штрафу в размере 374,5 млн долларов и конфискации 287 млн долларов незаконно полученной прибыли [15].

Китайская Народная Республика

Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (далее – УК КНР) (1997 г.) [16] в статьях 30 и 31 закрепляет уголовную ответственность «единиц» (организаций). Согласно статье 30 УК КНР, компания, предприятие, учреждение или общественная организация могут быть привлечены к ответственности, если ими осуществляется опасная для общества деятельность, которая прямо названа в качестве таковой в законе и УК КНР прямо предусматривает возможность привлечения юридических лиц для данного деяния. При этом используется принцип «двойного наказания» закреплённый в статье 31 УК КНР: наказание (применительно к юридическому лицу – только штраф) назначается самой организации, а также её непосредственным руководителям и иным виновным должностным лицам, которые

могут быть приговорены к реальным срокам лишения свободы – вплоть до смертной казни за особо тяжкие преступления (например, коррупцию) [17]. Помимо указанного, в Китае предусмотрена уголовная ответственность для юридических лиц за контрабанду, финансовое мошенничество, уклонение от уплаты налогов, дачу взяток и экологические преступления.

Сравнительная таблица по праву государств

После того, как нами были проанализированы некоторые юрисдикции, в рамках которой предусматривается уголовная ответственность для юридических лиц, нами была создана сравнительно-правовая таблица, обобщающая в себе основные критерии подобного привлечения.

	Франция	США	Китай
Нормативная основа	УК Франции, ст. 121-2, 131-39	FCPA, Sherman Act, прецеденты	УК КНР, ст. 30, 31
Условие ответственности	Деяние совершено в интересах юридического лица его органами/представителями	Действия любого сотрудника в интересах компании	Осуществление опасной для общества деятельности
Основные наказания для юр. лица	Штраф (x5 от размера физических лиц за аналогичные преступления), запрет деятельности, ликвидация	Штраф, конфискация, DPA	Штраф
Ответственность физических лиц	Не исключается	Не исключается	Обязательна (вплоть до смертной казни)

Таким образом, мы видим, что даже при привлечении к уголовной ответственности юридических лиц ответственность физических лиц, фактически руководящих действиями организаций, не исключается. Указанное коррелирует с нашими предположениями о фиктивной природе юридических лиц и их подконтрольность решениям конкретных людей. Вместе с тем наиболее суровым наказанием для таких субъектов является ликвидация. Полагаем, что указанное можно считать аналогом «смертной казни», потому как данное влечет полное прекращение правоспособности. Вместе с тем особого внимания заслуживает сущность штрафа как наиболее универсальной санкции, применяемой к юридическим лицам. В отличие от ликвидации, направленной на прекращение существования организации, штраф носит преимущественно формально-экономический характер, поскольку позволяет государству не только реализовать карательную функцию, но и обеспечить кратное имущественное взыскание средств с правонарушителей в пользу бюджета. Полагаем, что в данном аспекте штраф выступает не столько инструментом персонализированного воздействия, сколько механизмом финансового перераспределения последствий противоправного поведения, позволяющим изъять у виновного субъекта сумму, многократно превышающую непосредственную выгоду от совершенного деяния.

Мнения учёных: сторонники и противники введения уголовной ответственности юридических лиц

Несмотря на столь широкое распространение уголовной ответственности юридических лиц за рубежом, отечественный законодатель идёт по альтернативному пути. В Российской Федерации твёрдо придерживаются позиции, в рамках которой все преступления совершаются конкретными физическими лицами. Если ими была использована оболочка юридического лица для совершения преступления, то мы не смотрим на корпоративную вуаль и игнорируем формальную самостоятельность компании, возлагая ответственность на реальных бенефициаров – физических лиц, которые фактически контролировали организацию [3]. В России же, по мнению М.В. Антонова, после ликвидации Высшего Арбитражного Суда РФ и отказа законодателя от включения статьи 53.4 в Гражданский кодекс РФ, доктрина снятия корпоративной вуали утратила норматив-

ное значение и используется лишь в риторических целях [4]. Однако полностью согласиться с исследователем мы не можем, потому как в контексте публичного права она, как показывает практика, имеет значение в вопросах

На сегодняшний день в научной литературе рассматривается возможность признания юридического лица субъектом уголовной ответственности. Свою позицию исследователи аргументируют ростом числа и масштабов преступлений, совершаемых от имени или в интересах юридических лиц; а также колоссальным ущербом от деятельности фирм-однодневок и коррупционных схем [5]. При этом в сложных схемах существенно затруднен поиск виновника, что позволяет противоправному деянию долгое время оставаться безнаказанным, пока идет следствие по установлению личности преступника. Вместе с тем преступления, совершаемые юридическими лицами, носят преимущественно экономический характер. А потому оперативное возложение уголовной ответственности в виде того же штрафа на юридическое лицо позволило бы хотя бы перекрыть часть созданного ущерба.

Некоторые также отмечают недостаточность административных штрафов (статья 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, далее – КоАП РФ) для реального сдерживания корпоративной преступности [6]. В этой связи закономерно возникает вопрос: если российское право уже допускает привлечение юридических лиц к ответственности за общественно опасные деяния в административно-деликтной плоскости, то по каким причинам аналогичный подход продолжает отвергаться в уголовно-правовой сфере? Сам факт существования административной ответственности организаций за коррупционные правонарушения свидетельствует о том, что отечественная правовая система концептуально признает возможность вменения противоправного поведения коллективному субъекту. Следовательно, проблема заключается не в принципиальной невозможности привлечения юридического лица к ответственности как таковой, а в определении границ, оснований и допустимых форм ее уголовно-правового выражения.

Вместе с тем большинство исследователей считают, что юридическое лицо уголовной ответственности всё же не подлежит и подлежать не может. К числу ключевых аргументов относится то факт, что для такого субъекта права, как юридическое лицо, предусмотрены иные формы ответственности. Когда же речь идёт об уголовной, то справедливо утверждать, что юридическое лицо не обладает психикой, а значит, не может иметь вины в уголовно-правовом смысле [5]. Более того, уголовная ответственность юридических лиц противоречит принципу личной виновной ответственности [7]. Одновременно с этим возникает риск двойного наказания за одно деяние (организации и её руководителя), что позволяет возложить негативные последствия в том числе на рядовых работников и миноритарных акционеров, не причастных к преступлению никак, кроме как по формальным признакам. При таком её внедрении уголовная ответственность в таком контексте может использоваться как инструмент политических репрессий и недобросовестной конкуренции.

Выводы

Проведённый анализ зарубежного законодательства и судебной практики позволяет нам прийти к выводу, что привлечение юридических лиц к уголовной ответственности – это утопия для российской правовой системы.

Начать следует с того, что юридическое лицо не обладает «совестью». Согласно статье 43 УК РФ, уголовное наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также исправления осуждённого и предупреждения совершения новых преступлений [18]. Организацию невозможно «исправить» в уголовно-правовом смысле – у неё нет психики, нет морального сознания. Более того, статья 75 УК РФ предусматривает освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, статья 76 – в связи с примирением с потерпевшим [19].

Юридическое лицо не способно раскаяться, не способно примириться – эти институты к нему неприменимы в принципе. Как неоднократно подчёркивал Пленум Верховного Суда РФ, исправительное воздействие возможно только на личность человека [20].

Следующим обстоятельством выступает тот факт, что, введение уголовной ответственности юридических лиц неизбежно приведёт к злоупотреблениям. Вместо того чтобы устанавливать конкретного виновника – физическое лицо, которое отдало преступное распоряжение, – правоохранительные органы пойдут по пути наименьшего сопротивления. Достаточно будет указать на формальный признак: «преступление совершено в интересах компании». Генеральный директор или номинальный руководитель окажется за решёткой (а компания – под ликвидацией или огромным штрафом), тогда как реальные организаторы преступления – бенефициары, контролирующие бизнес через офшоры и подставных лиц, – останутся в полной безопасности. Это повысит риск обвинения честных людей, которые могут даже не знать о преступной деятельности своих подчинённых или номинальных структур.

Таким образом, по нашему мнению, уголовная ответственность юридических лиц – это не только утопия, но и опасный путь, который создаёт иллюзию борьбы с преступностью, но на деле ведёт к безответственности истинных виновников и репрессиям в отношении формальных фигур. Гораздо более эффективно – совершенствовать механизмы привлечения к ответственности конкретных физических лиц, стоящих за корпоративной вуалью, не разрушая при этом фундаментальных принципов уголовного права.

Список литературы:

[1] Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. пособие. – М.: Статут, 2003. – 318 с. – ISBN: 5-8354-0169-8

[2] Дворецкий, М. Ю. Уголовная ответственность юридических лиц в законодательстве Великобритании, США и РФ: проблемы теории и практики применения / М. Ю. Дворецкий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 4(96). – С. 303-310. – EDN NNBVYR.

[3] Артемова, А. Н. Фиктивная сущность юридического лица как основание для применения доктрины «снятия корпоративной вуали» / А. Н. Артемова // Российский юридический журнал. – 2018. – № 1(118). – С. 101-107. – EDN YWYGHR.

[4] Антонов, М. В. Перспективы применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в российском правопорядке / М. В. Антонов // Право и экономика. – 2015. – № 3(325). – С. 36-43. – EDN TTJQZL.

[5] Волошин, И. А. Уголовная ответственность юридических лиц: за и против / И. А. Волошин, С. А. Давиденко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67), № 2. – С. 95-98. – EDN VKNTZV.

[6] Наумов, А. В. Уголовная ответственность юридических лиц (доктринальные и правотворческие аспекты) / А. В. Наумов // Право и государство. – 2017. – № 1-2(74-75). – С. 106-118. – EDN YQUECQ.

[7] Кузнецова, Н.Ф. О проекте Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. – 1994. – №7. – С. 27.

[8] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – ст. 2954

[9] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – ст. 3301

[10] Шилова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. Пособие. М.: Статут, 2003. 318 с.

[11] Рот С. Уголовная ответственность юридических лиц во Франции [Электронный ресурс] // Comitas Gentium :URL: https://comitasgentium.com/ru/doctrina/chastnoe_i_ugolovnoe/ugolovnaja-otvetstvennost-juridichesk/ (дата обращения: 16.05.2026).

[12] Pegg D., Evans R. Airbus to pay record £3bn in fines for ‘endemic’ corruption [Электронный ресурс] // The Guardian. 2020. 31 Jan. URL: https://www.theguardian.com/business/2020/jan/31/airbus-to-pay-record-3bn-in-fines-for-endemic-corruption (дата обращения: 16.05.2026).

[13] Закон о торговле между штатами [Электронный ресурс] // investfuture.ru : [сайт]. 29.03.2025. URL: https://investfuture.ru/articles/zakon-o-torgovle-me-zh-du-sh-tatami (дата обращения: 16.05.2026).

[14] Interstate Commerce Act (1887) [Электронный ресурс] // National Archives : [сайт]. – 2021. – 8 Sept. – URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/interstate-commerce-act (дата обращения: 16.05.2026).

[15] U.S. Department of Justice. Gunvor S.A. Pleads Guilty to Conspiracy to Violate the Foreign Corrupt Practices Act [Электронный ресурс] // JusP tice.gov : [сайт]. – 2024. – 1 March. – URL: https://www.justice.gov/archives/opa/pr/commodities-trading-company-will-pay-over-661m-resolve-foreign-bribery-case (дата обращения: 16.05.2026).

[16] Уголовный кодекс Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] : [ст. 30–31] // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации : [сайт]. – 11.01.2016. – URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz_0/zgflyd_142850/202504/t20250430_11614090.htm (дата обращения: 16.05.2026).

[17] Уголовный кодекс Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] : [ст. 30–31] // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации : [сайт]. – 11.01.2016. – URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz_0/zgflyd_142850/202504/t20250430_11614090.htm (дата обращения: 16.05.2026).

[18] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – ст. 2954

[19] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – ст. 2954

[20] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. – 2015. – № 295.

References:

[1] N.V. Kozlova. Concept and essence of a legal entity. Outline of history and theory: tutory. manual. - M.: Statute, 2003. - 318 p. - ISBN: 5-8354-0169-8

[2] Butler, M. Yu. Criminal liability of legal entities in the legislation of Great Britain, the USA and the Russian Federation: problems of theory and practice of application/M. Yu. Butler//Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. – 2011. – № 4(96). - S. 303-310. – EDN NNBVYR.

[3] Artemova, A. N. Fictitious essence of a legal entity as a basis for applying the doctrine of "removing the corporate veil "/A. N. Artemova//Russian Legal Journal. – 2018. – № 1(118). - S. 101-107. – EDN YWYGHR.

[4] Antonov, M.V. Prospects for the application of the doctrine of "lifting the corporate veil" in the Russian law and order/M.V. Antonov//Law and Economics. – 2015. – № 3(325). - S. 36-43. – EDN TTJQZL.

[5] Voloshin, I. A. Criminal liability of legal entities: for and against/I. A. Voloshin, S. A. Davidenko// Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. – 2015. - T. 1 (67), NO. 2. - S. 95-98. – EDN VKNTZV.

[6] Naumov, A. V. Criminal liability of legal entities (doctrinal and law-making aspects)/A. V. Naumov//Law and state. – 2017. – № 1-2(74-75). - S. 106-118. – EDN YQUECQ.

[7] Kuznetsova, N.F. On the draft General Part of the Criminal Code of the Russian Federation//Russian Justice. – 1994. – №7. - S. 27.

[8] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. - Art. 2954

[9] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 3301

[10] N.V. Shilova. Concept and essence of a legal entity. Essay on history and theory: study. Manual. M.: Statute, 2003. 318 p.

[11] Roth S. Criminal liability of legal entities in France [Electronic resource]//Comitas Gentium: URL: https://comitasgentium.com/ru/doctrina/chastnoe_i_ugolovnoe/ugolovnaja-otvetstvennost-juridichesk/ (date of reference: 16.05.2026).

[12] Pegg D., Evans R. Airbus to pay record £3bn in fines for 'endemic' corruption [Электронный ресурс] // The Guardian. 2020. 31 Jan. URL: https://www.theguardian.com/business/2020/jan/31/airbus-to-pay-record-3bn-in-fines-for-endemic-corruption (дата обращения: 16.05.2026).

[13] Interstate Commerce Act [Electronic Resource]// investfuture.ru: [site]. 29.03.2025. URL: https://investfuture.ru/articles/zakon-o-torgovle-mezh-du-sh-tatami (дата обращения: 16.05.2026).

[14] Interstate Commerce Act (1887) [Electronic Resource]//National Archives: [site]. – 2021. – 8 Sept. – URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/interstate-commerce-act (дата обращения: 16.05.2026).

[15] U.S. Department of Justice. Gunvor S.A. Pleads Guilty to Conspiracy to Violate the Foreign Corrupt Practices Act [Электронный ресурс] // Justice.gov : [сайт]. – 2024. – 1 March. – URL: https://www.justice.gov/archives/opa/pr/commodities-trading-company-will-pay-over-661m-resolve-foreign-bribery-case (дата обращения: 16.05.2026).

[16] Criminal Code of the People's Republic of China [Electronic Resource]: [Art. 30-31]//Embassy of the People's Republic of China in the Russian Federation: [website]. - 11.01.2016. - URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz_0/zgflyd_142850/202504/t20250430_11614090.htm (access date: 16.05.2026).

[17] Criminal Code of the People's Republic of China [Electronic Resource]: [Art. 30-31]//Embassy of the People's Republic of China in the Russian Federation: [website]. - 11.01.2016. - URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz_0/zgflyd_142850/202504/t20250430_11614090.htm (access date: 16.05.2026).

[18] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. - Art. 2954

[19] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. - Art. 2954

[20] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.12.2015 No. 58. "On the practice of imposing criminal penalties by the courts of the Russian Federation "//Rossiyskaya Gazeta. – 2015. – № 295.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-240-242

КУЧИНАЕВ Рустам Рашидович,
преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях, Северо-Кавказского института (филиал) Краснодарского университета МВД РФ, майор полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОФИЛАКТИКА И ПРЕВЕНЦИЯ: АНАЛИЗ СИСТЕМ ПРОФИЛАКТИКИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ, СМЕЩЕНИЕ АКЦЕНТА С НАКАЗАНИЯ НА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. *Целью данного исследования является комплексный анализ правового регулирования и организации деятельности субъектов профилактики правонарушений среди несовершеннолетних в Российской Федерации с учетом современных реалий. Предупредительные меры имеют особое место в действующей системе противодействия преступности среди несовершеннолетних и призваны опережать противоправные деяния граждан.*

Ключевые слова: *правонарушение, преступление, правонарушение, профилактика, правоохранительная система, молодежь.*

KUCHINAEV Rustam Rashidovich,
Lecturer, Department of Activities of Internal Affairs Directorates in Special Conditions, North Caucasus Institute (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Police Major

PREVENTION AND PREVENTION: ANALYSIS OF PREVENTION SYSTEMS IN RUSSIA AND ABROAD, SHIFTING THE FOCUS FROM PUNISHMENT TO CRIME PREVENTION

Annotation. *The purpose of this study is to comprehensively analyze the legal regulation and organization of activities of juvenile delinquency prevention agencies in the Russian Federation, taking into account current realities. Preventive measures have a special place in the current system of combating juvenile crime and are designed to prevent unlawful acts by citizens.*

Key words: *offense, crime, offense, prevention, law enforcement system, youth.*

Современное общество нуждается в выработке сложных и эффективных механизмов борьбы с преступностью несовершеннолетних, в отношении данной категории лиц и с их участием, это требует комплексной государственной молодежной политики, а также объединения усилий правоохранительных органов и институтов гражданского общества.

На основе анализа действующего российского законодательства следует сделать вывод, что предупреждение противоправных деяний среди несовершеннолетних относится к компетенции многих органов государственной власти в зависимости от специфики их деятельности [1]. В правовой литературе достаточно часто высказывается мнение о необходимости активизации указанной деятельности для правоохранительных органов [2].

Для достижения указанной цели необходимо решение следующих научно-практических задач:

– исследование понятия и сущности предупреждения противоправных действий среди несовершеннолетних;
– изучение правового регулирования и организации деятельности субъектов профилактики правонарушений среди несовершеннолетних;

– рассмотрение противодействия вовлечению несовершеннолетних в преступную деятельность в контексте предупреждения преступности указанной категории населения;
– анализ практических аспектов предупреждения противоправных действий среди несовершеннолетних;
– выявление проблем, возникающих в процессе деятельности по предупреждению противоправных действий среди несовершеннолетних, и определение способов их решения.

Система профилактики и превенции в России представляет собой масштабный многоуровневый механизм, направленный на предупреждение правонарушений, безнадзорности, а также заболеваний и социальных рисков. В основе этой системы лежит сочетание законодательных норм, межведомственного взаимодействия и мониторинга причин опасного поведения [3].

Фундаментом и правовой основой профилактики служат:
– Конституция РФ, федеральные законы (включая №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений» и №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности»);
– нормы административного и уголовного права.

Субъектами профилактики являются:
– федеральные органы исполнительной власти;
– прокуратура;
– следственный комитет;
– органы государственной власти субъектов РФ;
– органы местного самоуправления;
– органы внутренних дел (ОВД) [4].

Для Японии также характерна стигматизация людей, подозреваемых в употреблении наркотиков, соблюдающих моральный кодекс, в соответствии с которым человек, употребляющий наркотические средства, подталкивает не только себя, но и все общество. Чиновники будут информировать власти о потребителях наркотиков. Такая стигматизация влечёт за собой высокий уровень латентности наркопотребления в стране, практически полное отсутствие статистики смертности от наркотиков, обусловливает страх потребителей обращаться за постоянной помощью. Случаи передозировки наркотиков официально фиксируются как смерть по причине сердечной недостаточности.

Большое количество цифровых носителей, японских плакатов, брошюр, специализированных объявлений с громкоговорителями, которые информируют население о разрушительных последствиях применения наркотических средств. В просветительских антинаркотических кампаниях часто использовались фразы, усиливающие маргинализацию наркопотребителей: «Попробовав наркотики, вы не сможете остановиться», «Вы приносите вред другому, если употребляете наркотики», «Злоупотребление наркотиками разрушает вашу жизнь». Низкий уровень наркопотребления среди японской молодёжи обусловлены такими факторами, как социальная стигматизация, традиция подчинения молодых людей, авторитету старших, жёсткая культурная регламентация жизни [7].

Власти Южной Кореи начали работу по внедрению курса по наркопотреблению в обязательную образовательную программу в стране. Однако такие планы пока не находят большой поддержки среди пациентов и их родителей. С 2023 года проводится обязательный минимум 10 часов занятий антинаркотической профилактикой в начальных и средних школах. Организовано ежегодное посещение школ сотрудниками местных учреждений здравоохранения, которые в течение месяца проводят обучение детей навыкам реагирования на употребление наркотиков. Сформированы группы родителей-добровольцев, осуществляющих наблюдение за территорией школы с целью пресечения фактов распространения наркотических средств [8].

Безусловно, в рамках специфики функционирования органы внутренних дел в определенных формах осуществляют предупреждение совершения противоправных деяний среди несовершеннолетних. Однако не всегда указанная деятельность является эффективной в силу протестного восприятия представителями молодежи правоохранительных структур и их деятельности [5].

В связи с чем важное значение в данном процессе приобретают также общественные организации и иные некоммерческие учреждения, которые могут оказывать серьезное влияние на мировосприятие несовершеннолетних и трансформацию их поведения обеспечения условий их адекватного обучения и воспитания [6].

В таких ситуациях возникают вопросы о начальных и подготовительных мерах по возможному изъятию детей из неблагополучных семей. Для указанного процесса решающим являются сведения, внесенные в акт обследования семейно-бытовых условий жизни несовершеннолетнего, который составляется сотрудниками ПДН при необходимости.

Список литературы:

[1] Предупреждение преступлений и административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними: курс лекций / Иванцов С.

В., Соломатина Е. А., Страунинг Ю. А., Шмарион П. В., Ивасюк О. Н. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. С. 105.

[2] Майоров А.В. Понятие и структура системы противодействия преступности // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. No1 (2). С. 112-118.

[3] Лопаева Н. С., Резер Т. М. Система профилактики правонарушений в студенческой среде: основные понятия и подходы // Педагогическое образование в России. 2023. №5.

[4] Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ: ред. от 24 апр. 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. N 26. Ст. 3177; Официальный интернет-портал правовой информации.

[5] Красовская О. Ю., Зайцева О. В. Институты российского профилактического права: система и правовые характеристики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. №1 (59).

[6] Коновалова О.А., Возженикова О.С., Машекуашева М.Х. Научные подходы к изучению психологической безопасности образовательной среды. Право и управление. 2025. № 11. С. 140-146.

[7] Ван дер Лист Б., Дейли М. Как стигма создала скрытую проблему наркотиков в Японии // Vice News: [сайт]. 08.05.2020. URL: https://www.vice.com/en/article/xg8q7k/how-stigma-created-japans-hid-den-drug-problem.

[8] Мин Кён Дж. Практически незамеченная, но растущая проблема Кореи: злоупотребление наркотиками среди подростков // The Korea Herald : [сайт].05.12.2022.

References:

[1] Prevention of crimes and administrative offenses committed by minors: a course of lectures/ Ivantsov S.V., Solomatina E.A., Strauning Yu.A., Shmarion P.V., Ivasyuk O.N. M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, 2017. S. 105.

[2] Mayorov A.V. Concept and structure of countermeasures system crime//Law and order: history, theory, practice. 2014. No1 (2). S. 112-118.

[3] Lopaeva N. S., Reser T. M. System of crime prevention in the student environment: basic concepts and approaches//Pedagogical education in Russia. 2023. №5.

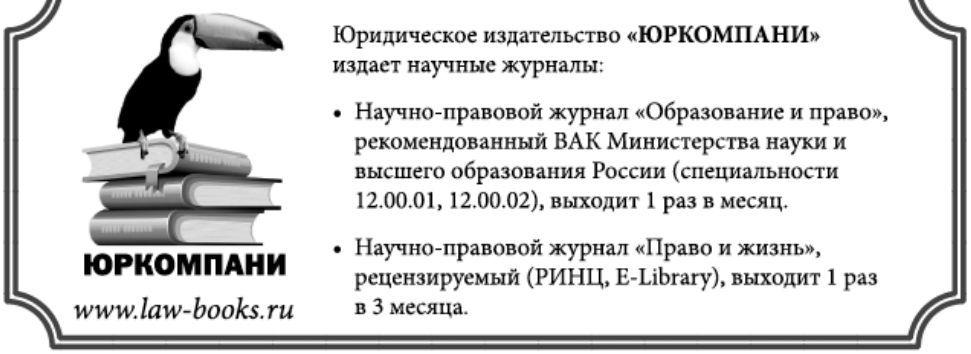
[4] On the basics of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency: feder. Law No. 120-FZ dated June 24, 1999: as amended on April 24, 2020//Sobr. legislation Ros. Federations. 1999. N 26. Art. 3177; Official Internet portal of legal information.

[5] Krasovskaya O. Yu., Zaitseva O. V. Institutes of Russian Preventive Law: System and Legal Characteristics//Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. №1 (59).

[6] Konovalova O.A., Vozzhenikova O.S., Mashekuasheva M.Kh. Scientific approaches to the study of the psychological safety of the educational environment. Law and governance. 2025. № 11. S. 140-146.

[7] Van der List B, Daley M. How stigma has created a hidden drug problem in Japan//Vice News: [website]. 08.05.2020. URL: https://www.vice.com/en/article/xg8q7k/how-stigma-created-japans-hidden-drug-problem.

[8] Min Kyung-J. Korea's almost unnoticed but growing problem: drug abuse among adolescents// The Korea Herald: [website] 05/12/2022.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-243-245

КАНОКОВА Ляна Юрьевна,
Преподаватель кафедры информационных технологий и специальной техники органов внутренних дел Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

КОТЕЛЬНИКОВ Николай Сергеевич,
Преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки БЮИ МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ЛИЧНОСТИ ВЕРОЯТНОСТНО ГОТОВОЙ ПРИМКНУТЬ К ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Противодействие террористическим организациям, группировкам и сообществам на сегодняшний момент является важнейшим направлением деятельности как правоохранительной системы любого государства, так и всех общественных институтов. Причем, для эффективной борьбы с этим пагубным явлением необходимы именно консолидированные усилия, комплексная профилактическая работа по расследованию совершенных террористических актов, пресечению готовящихся, профилактике радикальных настроений в среде потенциальных реализаторов преступных замыслов.*

Ключевые слова: *террорист-исполнитель, мировоззрение человека, радикальность взглядов, стереотипное мышление.*

KANOKOVA Lyana Yuryevna,
Lecturer, Department of Information Technology and Specialized Equipment for Internal Affairs Agencies, North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

KOTELNIKOV Nikolai Sergeevich
Lecturer at the Department of Tactical and Special Training Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

BEHAVIOURAL INDICATORS AND WORLDVIEW ATTITUDES OF AN INDIVIDUAL PROBABILISTICALLY PRONE TO JOINING TERRORIST ACTIVITIES

Annotation. *Countering terrorist organizations, groups, and communities is currently the most important area of activity for both the law enforcement system of any state and all public institutions. Moreover, to effectively combat this harmful phenomenon, it is essential to have consolidated efforts and comprehensive preventive work — including investigating committed terrorist acts, preventing those being prepared, and addressing radical sentiments among potential perpetrators of criminal designs.*

Key words: *perpetrator terrorist; human worldview; radicalism of views; stereotypical thinking.*

Терроризм сегодня характеризуется вариативностью целеполагания, может являться способом выражения индивидуального (группового) протеста, видом волеизъявления и реакции на значимые события, средством политической борьбы, инструментом воздействия на систему власти в государстве. Однако непременной чертой террористической деятельности остается ее деструктивный характер, насилие и нередко жертвы среди населения. Террорист

всегда агрессивен, причем его движущая идея зачастую ограничивается желанием уничтожения объекта или прерывания процесса, представляемого им неприемлемым, постыдным либо создающим противоречия с его видением идеального мира и ценностными ориентирами. Альтернатива же в сознании исполнителя террористических воззрений если и присутствует, то подчас понимается весьма туманно, либо находится в сугубо умозрительной плоскости. Таким образом, терроризм всегда разрушителен, а степень неблагоприятных последствий, вреда для общества и государства, вынуждает позиционировать его как бич современности и активизировать все ресурсы для повышения эффективности борьбы с ним.

Для привлечения в свои ряды неофитов лидеры террористических организаций активно создают подразделения вербовщиков, оснащают их современными технологическими средствами, модернизируют методические рекомендации для концентрации влияния на желаемом сегменте потенциальной аудитории. Важно понимать и помнить, что играя на стремлении «изменить мир к лучшему» малообразованной, подчас невежественной либо активно вводимой в заблуждение публики, субъекты террористических идей в первую очередь подыскивают людей для пополнения рядов, позиционируют их самих как средство достижения собственных целей. Причем, как указывалось выше, зачастую эти цели не имеют ничего общего с благозвучными лозунгами, по сути являясь утилитарными, коммерческими и материальными.

Противостояние терроризму сегодня поистине ведется «на всех фронтах» социального проявления людей и взаимодействия между ними. Совершенный теракт - сам по себе просчет и упущение уполномоченных государственных органов. Даже оперативное и результативное расследование, нахождение и наказание виновных не исключат фактических негативных последствий, материального ущерба, репутационных издержек власти, вреда здоровью пострадавшим и жертв. А потому необходимо пресекать террористические проявления в зародыше, более активно работая в среде вероятных жертв террористической пропаганды, уделяя внимание незащищенным слоям населения, повышать их осведомленность, предоставлять возможные социальные гарантии личностной реализации.

Исследуя проблему пополнения изначально законопослушными людьми террористических ячеек необходимо задуматься над характерными чертами этой группы населения, их объединяющими признаками, закономерностями развития, поведения, интересами и предпочтениями, социальным положением, психологическими особенностями. Интересно в этой связи мнение Н.В. Чудиной-Шмидт и О.А. Смирнова, которые в посвященной данной тематике работе полагают, что в большинстве случаев террористы, вне зависимости от факторов, инициировавших приобщение к антиобщественной деятельности - это молодые люди в возрасте около 20-25 лет, получившие воспитание в патриархальной и весьма религиозной культуре. Типичные социальные чувства - скорбь и горе, в сочетании с ущемленной национальной гордостью. Им свойственны искаженные представления об «историческом обидчике» и потребность в мести. Эти представления, скорее всего, дополняются актуальной психической травмой, связанной с фактами гибели родных и близких, нередко - на глазах у будущего террориста.

Другой триггер - унижение в детстве, прикрытие стыда агрессией и ненавистью к окружающим, возможное психологическое или физическое насилие внутри семьи. Такому индивиду необходим внешний враг, на которого он мог бы выплеснуть накопленный гнев. Педагогические методы воспитания призывают избегать наказания для того, чтобы не допустить подобных деформаций личности. Если ребенок воспитывается через насилие, он репродуцирует данное насилие во взрослой жизни на других людей, считая подобное поведение правильным и допустимым. Как правило, террористы страдают наличием склонности к садизму и другим психологическим отклонениям. Чувствуя свою социальную ущербность, преступник неадекватную самооценку сублимирует на акт убийства и насилия. Это является главной отличительной чертой личности, объясняющей нарушение всех общественных и общечеловеческих норм поведения. У каждого террориста свой путь становления, в ходе которого он переживает разрыв социальных связей и образование нового круга общения, от которого он перенимает мировоззрение и стиль мышления. [4]

Учитывая вышесказанное, тем не менее не верно утверждать, что все террористы пережили трудное детство и являются выходцами из не благополучных семей. У многих из них было счастливое детство и достойное воспитание. Иногда экстремисты совсем не похожи на преступников в привычном представлении граждан [2]. Подобных людей в круг террористов чаще всего вовлекают друзья и близкие люди. Начиная с простых бесед о религии, они постепенно переводят разговор в нужное им русло, постепенно меняя мировоззрение человека, подменяя его ценности и ориентиры. Сами создатели террористических организаций являются отличными психологами. Они способны отбирать личности, поддающиеся психологическому воздействию и внушению. К примеру, для совершения террористических актов путем самоподрыва выбираются личности с соот-

ветствующей склонностью (к самопожертвованию) и естественно в этом плане куда проще воздействовать на женщину чем на мужчину, в силу ее эмоциональной лабильности. Именно данный факт объясняет большое количество террористических актов, совершенных женщинами-террористками, склонными к суицидальному поведению[3].

Процесс выявления потенциального или начинающего делать первые шаги на пути терроризма индивида небанален, непрост и весьма неоднозначен, однако определенные поведенческие и мировоззренческие черты могут стать поводом для обращения более пристального внимания и рассмотрения таких людей в рамках групп особого контроля[5]. Среди таких личностных качеств и психических индикаторов можно выделить:

1. Категоричность и радикальность взглядов, деление людей по принципу свой/чужой, плохой/хороший, а явлений – приемлемое/запретное, дозволенное/недопустимое. Наличие промежуточных характеристик и преходящих, переменчивых свойств скорее отрицается.
2. Априорно негативное отношение к представителям некоторых социальных/национальных/религиозных сообществ.
3. Неготовность к диалогу и невозможность (нежелание) воспринимать позицию, отличную от собственной, попытаться понять ее подноготную, возможно воспринять некоторые положительные проявления.
4. Стереотипное мышление, закостенелость взглядов, упрямство на грани фанатизма в отстаивании кажущейся единственно верной идеи.
5. Отношение к себе как к инструменту в достижении великой цели, соответственно готовность принести в жертву этой позиции себя и окружающих.
6. Непризнание ценности человеческой жизни, а тем более закона как общественного регулятора.

В заключении укажем, что для составления четкого портрета террориста к правоприменительной практике необходимо привлечение не только психологов, но и психиатров, теологов, криминалистов, философов. Однозначный портрет составить невозможно в виду многоаспектности и глубины изучаемого объекта. Достижение устойчивого понимания основных форм и тенденций формирования терроризма, является одним из ключевых факторов, способствующих выработке эффективных механизмов противодействия данному общественно опасному явлению[1]. Возможности выработки продуктивных способов противодействия терроризму в нашей стране в рамках превентивной подготовки как при профилактическом, так и при необходимости индивидуальном взаимодействии представителей антитеррористических структур [6], а так же профильных специалистов с незащищенными слоями населения, должны реализовываться в формирование образа мысли, где участие в деятельности подобного рода станет закреплено как однозначно табуированное.

Список литературы:

[1] Гаджимурадов Э. Р. Условия формирования личности, склонной к террористической деятельности // Вестник науки. 2023. №11 С. 237-241.

[2] Гедгафов М. М. О мерах профилактики экстремизма и терроризма в молодежной среде // Международный научный вестник. 2024. №8. С.65-69.

[3] Зарина А. М. Портрет современного террориста: криминологический аспект // Евразийская адвокатура. 2024. №3. С. 96-99.

[4] Канокова Л.Ю. Противодействие распространению экстремистских материалов в сети интернет // Евразийский юридический журнал. 2024. № 3 (190). С. 439-441.

[5] Чудина-Шмидт Н. В., Смирнов О. А. Выявление и определение психологических качеств личности человека, склонного к экстремизму, как фактор антигуманистических идей в современном обществе // Архонт. 2020. №6. С. 100-103.

[6] Машекуашева М.Х. Идеологическое противоборство в информационной среде: вызовы и угрозы национальной безопасности. Право и управление. 2025. № 5. С. 529-531.

References:

[1] Gadzhimuradov E.R. Conditions for the formation of a person prone to terrorist activities//Bulletin of Science. 2023. NO. 11 S. 237-241.

[2] Gedgafov M. M. On measures to prevent extremism and terrorism among young people// International Scientific Bulletin. 2024. №8. C.65-69.

[3] Zarina A.M. Portrait of a modern terrorist: criminological aspect//Eurasian advocacy. 2024. №3. C. 96-99.

[4] Kanokova L.Yu. Countering the spread of extremist materials on the Internet//Eurasian Legal Journal. 2024. № 3 (190). S. 439-441.

[5] Chudina-Schmidt N.V., Smirnov O.A. Identification and determination of the psychological qualities of the personality of a person prone to extremism as a factor in anti-humanistic ideas in modern society//Archon. 2020. №6. S. 100-103.

[6] Mashekuasheva M.Kh. Ideological confrontation in the information environment: challenges and threats to national security. Law and governance. 2025. № 5. S. 529-531.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-246-249

ПОЛЯКОВА Юлия Евгеньевна,
студентка 1-го курса магистратуры
Института философии и права
Новосибирского государственного университета,
e-mail: syrovatskaya.ru@yandex.ru

ОГРАНИЧЕННАЯ ВМЕНЯЕМОСТЬ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Аннотация. *Целью настоящей статьи является выявление проблемных аспектов законодательной конструкции ограниченной (уменьшенной) вменяемости, а также разработка предложений по её совершенствованию. Методологическую основу работы составляют историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы, а также анализ научных позиций представителей классической, социологической и антропологической школ уголовного права. Особое внимание уделяется содержанию юридического и медицинского критериев ограниченной вменяемости, их соотношению с критериями невменяемости, а также проблеме терминологической неопределённости и недостаточной конкретизации медицинского критерия в ст. 22 УК РФ. Рассматривается эволюция научных взглядов на феномен «уменьшенной вменяемости» – от введения данного понятия классической школой до современных концепций (пограничной, частичной, неполной вменяемости). Анализируется дискуссия о целесообразности закрепления исчерпывающего перечня психических расстройств, не исключающих вменяемости, и критикуется использование в законе словосочетания «психические расстройства, не исключающие вменяемости». В рамках сравнительно-правового анализа различных научных школ обосновывается преимущество термина «ограниченная вменяемость» как особой формы вменяемости, а не промежуточного состояния между вменяемостью и невменяемостью. Делается вывод о необходимости изменения наименования и редакции ст. 22 УК РФ, предлагается авторская формулировка части первой указанной статьи, акцентирующая, что психическое расстройство именно ограничивает вменяемость, а не исключает её.*

Ключевые слова: *ограниченная вменяемость, уменьшенная вменяемость, субъект преступления, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, юридический критерий, медицинский критерий*.

POLYAKOVA Yulia Evgenievna,
First-year Master's student Institute
of Philosophy and Law Novosibirsk State University

LIMITED SANITY AS A CRIMINAL LAW CATEGORY

Annotation. *The purpose of this article is to identify problematic aspects of the legislative framework of limited (reduced) sanity, as well as to develop proposals for its improvement. The methodological basis of the work consists of historical-legal, formal-legal, comparative-legal and system-structural methods, as well as an analysis of the scientific positions of representatives of classical, sociological and anthropological schools of criminal law. Special attention is paid to the content of the legal and medical criteria of limited sanity, their relationship to the criteria of insanity, as well as the problem of terminological uncertainty and insufficient specification of the medical criterion in art. 22 of the Criminal Code. The evolution of scientific views on the phenomenon of "diminished sanity" is considered – from the introduction of this concept by classical schools to modern concepts (borderline, partial, incomplete sanity). The discussion on the expediency of consolidating an exhaustive list of mental disorders that do not exclude sanity is analyzed, and the use of the phrase "mental disorders that do not exclude sanity" in the law is criticized. The comparative legal analysis of various scientific schools substantiates the advantage of the term "limited sanity" as a special form of sanity, rather than an intermediate state between sanity and insanity. It is concluded that it is necessary to change the name and wording of art. 22 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author's wording of the first part of this article is proposed, emphasizing that a mental disorder limits sanity, rather than excludes it.*

Key words: *limited sanity, reduced sanity, the subject of the crime, mental disorder that does not exclude sanity, legal criterion, medical criterion.*

Уголовно-правовая категория «ограниченной (уменьшенной) вменяемости» продолжает оставаться предметом острых научных дискуссий. Рассмотрев позиции основных школ уголовного права – классической, социологической и антропологической, стоит отметить их принципиально разный взгляд относительно рассматриваемого понятия, что обусловлено фундаментальными различиями в их методологических основаниях и понимании природы уголовной ответственности.

В начале двадцатого века представители классической школы уголовного права, смешивая понятия вменяемости и вины, ввели категорию «уменьшенной вменяемости», признавая её в качестве безусловного обстоятельства, смягчающего наказание [2]. Однако в дальнейшем среди классиков выделяется группа исследователей, которая отстаивает принцип бинарности категории вменяемости. Например, Таганцев Н.С. подчёркивал, что вменяемость может варьироваться как по степени выраженности, так и по своему качественному содержанию, однако такие вариации не образуют особых форм или градаций вменяемости. Соответственно, по мнению Таганцева Н.С. в рамках данной концепции возможны лишь два подхода: либо признаётся наличие обстоятельств, исключающих вменяемость, либо таковые отсутствуют [7]. Интересно, что эта принципиальная позиция нашла своё отражение в нормах Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., где законодатель отказался от закрепления градаций вменяемости.

Данную позицию разделяли не только учёные уголовного права, но и специалисты в области психиатрии. Так, Сербский П.В. говорил о важности практического аспекта в рассматриваемом вопросе, отмечая отсутствие объективных критериев для разграничения степеней вменяемости и методологическую несовместимость карательной и лечебной функций в уголовном праве [3].

В свою очередь, социологическая школа уголовного права предложила принципиально иной подход, акцентируя внимание на социальной природе преступности, в рамках данной парадигмы наказание рассматривалось прежде всего как инструмент защиты общества, что требовало индивидуализации ответственности с учётом личностных характеристик правонарушителя. Особого внимания заслуживает позиция Фойницкого И.Я., который подвергал критике категорию «уменьшенной» вменяемости, указывая на опасность подмены уголовной ответственности мерами принудительного лечения [4].

Антропологическая школа, основанная на философии материализма, предложила наиболее радикальную концепцию, рассматривавшую преступность как проявление биологической патологии. При этом «ограниченно» вменяемых лиц представители данной школы рассматривали как представляющих значительно большую опасность для общества, нежели психически здоровые граждане, поэтому в отношении лица, страдающего психическим расстройством, не исключающим вменяемости, они предлагали использовать более суровые «меры его нейтрализации» [2].

Проведя анализ позиций различных школ уголовного права в отношении феномена «уменьшенной» вменяемости, стоит заметить, что указанные взгляды формировались не изолированно, а с определённой преемственностью. Так, Долговой С.В. верно сказано, что представители классического направления впервые ввели в научный оборот категорию «уменьшенной вменяемости», сопроводив её предложением о возможности смягчения уголовной ответственности. Антропологическое течение, сосредоточенное на изучении биологических особенностей правонарушителя, заложило основы для последующего анализа психических аномалий у лиц, совершивших преступления. В свою очередь, социологическая школа, опираясь на достижения предшествующих теорий, акцентировала внимание на необходимости учитывать психическое состояние правонарушителя при индивидуализации наказания, а не ограничиваться лишь характеристикой совершённого деяния, кроме того, в рамках этого подхода была выдвинута концепция мер социальной защиты, предполагающих возможность их применения наряду с наказанием либо вместо него [1].

Как отмечает Кононов А.Д., начиная с семидесятых годов прошлого столетия в уголовно-правовой науке стали появляться альтернативные концепции, а также новые терминологические конструкции, описывающие промежуточные состояния психики, среди них можно выделить: «ограниченную вменяемость» Семенова С.Ф. и Богомягкова Ю.С.; концепцию «пограничной вменяемость», которой придерживались Фелинская Н.И., Антонян Ю.М. и Бородин С.В.; Полубинская С.В. считала обоснованным подход о существовании «частичной вменяемости»; наконец, согласно точке зрения Назаренко Г.В. в уголовном праве стоит выделять «неполную вменяемость» [2].

Несмотря на многообразие научных трактовок, законодательное закрепление нормы о пси-

хических расстройствах, не исключающих вменяемости, произошло лишь в 1996 г. Согласно ст. 22 УК РФ, уголовной ответственности подлежит лицо, которое, оставаясь вменяемым, в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. Однако предложенная законодателем формулировка «уменьшенной» вменяемости вызывает ряд вопросов. В частности, в определении акцентируется медицинский критерий – наличие психического расстройства, не лишающего лицо способности осознавать свои действия, вместе с тем отсутствуют чёткие критерии, позволяющие дифференцировать подобные аномалии психики, что создаёт сложности в правоприменительной практике.

Например, эксперты психиатрии относят к психическим расстройствам, не исключающим вменяемости, такие состояния, как посттравматическая и иные формы психопатизации, расстройства личности (психопатии), посттравматическое стрессовое расстройство (в частности, так называемый «афганский синдром»), начальные стадии цереброваскулярной энцефалопатии, лёгкая умственная отсталость, неврозы, а также соматогенно обусловленные невротические синдромы и другие подобные расстройства [6].

Недостаточная степень конкретизации медицинского критерия «уменьшенной» вменяемости в ст. 22 УК РФ, по мнению Пестова Д.А., является причиной смешивания медицинского критерия ограниченной вменяемости и невменяемости, приводит к неправильному соотношению различных аномалий психики с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости [5].

Наиболее отчётливо разграничение между состоянием невменяемости и «ограниченной» вменяемости прослеживается через юридический критерий. В случае невменяемости психическое расстройство оказывает столь значительное влияние, что лицо при совершении общественно опасного деяния утрачивает способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо контролировать своё поведение. В то же время при «уменьшенной» вменяемости психические нарушения лишь частично снижают способность индивида к осознанию происходящего и (или) к управлению своими поступками. Для признания лица ограниченно вменяемым достаточно установить наличие одного из компонентов юридического критерия — интеллектуального или волевого, либо их сочетание. Учитывая это различие, законодатель устанавливает различные правовые последствия: при установлении невменяемости лицо не подлежит от уголовной ответственности, тогда как при «ограниченной» вменяемости – подлежит, но с возможностью назначения принудительных мер медицинского характера.

При этом предложение об установлении исчерпывающего перечня психических аномалий, не исключающих вменяемости, не является рациональным, так как психические расстройства, обуславливающие состояние ограниченной вменяемости, устанавливаются в каждом конкретном случае во взаимосвязи с юридическим критерием. Помимо этого психиатрическая наука обладает динамизмом и изменчивостью, поэтому ею со временем могут быть выявлены новые разновидности психических заболеваний, под влиянием которых лица не смогут полностью понимать значение своих действий.

Кроме того, употребление в уголовном законе словосочетания «психические расстройства, не исключающие вменяемости», также несколько неудачно. Стоит согласиться с Тугушевым Р.Р. в том, что вменяемость как уголовно-релевантное состояние психики лица, совершившего преступление, по своей сути не может исключаться, ликвидироваться при наличии психического расстройства, так как это содержание только медицинского критерия вменяемости [8]. Как было отмечено ранее, наличие невменяемости может быть признано судом или органом предварительного следствия после установления обоих критериев: юридического и медицинского.

Согласно позиции Долговой С.В., Кононова А.Д. и Тугушева Р.Р. наиболее рациональным видится использование понятия «ограниченная вменяемость», в соответствии с которым под ограниченной вменяемостью следует понимать особую форму вменяемости, при которой вследствие психического расстройства существенно снижена способность лица к сознательно-волевому поведению на момент совершения противоправного деяния, однако данное снижение не исключает возможности реализации умысла или неосторожности.

Необходимо согласиться с данной точкой зрения ввиду ряда обоснованных доводов. Во-первых, в рамках этого подхода подчёркивается, что рассматриваемая уголовно-правовая категория представляет собой разновидность вменяемости, а не промежуточное состояние между вменяемостью и невменяемостью. Во-вторых, наличие ограниченной вменяемости не уменьшает виновность лица в совершении преступления, поэтому не влечёт за собой автоматического снижения срока предполагаемой санкции или применения менее сурового наказания, а лишь требует разумного дифференцированного подхода при назначении наказания.

На основании вышесказанного, ст. 22 УК РФ стоит обозначить как «Ограниченная вменяе-

мость», и ч. 1 данной статьи стоит усовершенствовать следующим образом: «Уголовной ответственности подлежит вменяемое лицо, которое во время совершения преступления не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие психического расстройства, ограничивающего вменяемость».

Список литературы:

[1] Долгова С.В. Проблемы уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2023. – 20 с. – URL: https://www.dissercat.com/content/problemy-ugolovnoi-otvetstvennosti-lits-s-psikhicheskim-rasstroistvom-ne-isklyuchayushchim-v (дата обращения: 10.04.2026).

[2] Кононов А.Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, и применения к этим лицам принудительных мер медицинского характера: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 262 с. – URL: https://m.eruditor.one/file/2939945/ (дата обращения: 10.04.2026).

[3] Кули-Заде Т.А. Уголовная ответственность лиц с уменьшенной (ограниченной) вменяемостью: монография / Т. А. Кули-Заде. – М.: Русайнс, 2020. – 126 с. – URL: https://book.ru/book/935091 (дата обращения: 10.04.2026).

[4] Молчанов Б.А. Доктринальные идеи классической школы о введении уголовной ответственности национальных государств для лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости (XIX начала-XX века) / Б.А. Молчанов, Т.А. Кули Заде // Актуальные вопросы образования и науки. – 2011. – № 3-4. – С. 18-24. – URL: https://textarchive.ru/c-1488659.html (дата обращения: 10.04.2026).

[5] Пестов Д.А. Категория «Ограниченной вменяемости» и проблемы ее применения в уголовном праве РФ // Социально-экономические явления и процессы. – 2010. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-ogranichennoy-vmenyaemosti-i-problemy-ee-primeneniya-v-ugolovnom-prave-rf (дата обращения: 10.04.2026).

[6] Рыжова О.А., Паменкова И.А. Невменяемость и ограниченная вменяемость: понятие, критерии, значение в российском уголовном праве // Наука. Общество. Государство. – 2016. – Т. 4. – №1 (13). – URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/ryzhova_oa_pamenkova_ia_16_1_09.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

[7] Таганцев Н.С. Русское уголовное право в 2 ч. Часть 1 / Н. С. Таганцев. – М.: Изд-во Юрайт, 2025. – С.385. – URL: https://urait.ru/bcode/565188 (дата обращения: 10.04.2026).

[8] Тугушев Р.Р. Невменяемость: уголовно-правовое значение и проблемы отграничения от вменяемости и ограниченной вменяемости: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 136-139. – URL: https://m.eruditor.one/file/1680831/grant/ (дата обращения: 10.04.2026).

References:

[1] Dolgova S.V. Problems of criminal liability of persons with a mental disorder that does not exclude sanity: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. sciences'. – Saint Petersburg, 2023. – 20 p. – URL: https://www.dissercat.com/content/problemy-ugolovnoi-otvetstvennosti-lits-s-psikhicheskim-rasstroistvom-ne-isklyuchayushchim-v (date of request: 04/10/2026).

[2] Kononov A.D. Actual problems of criminal liability of persons with a mental disorder that does not exclude sanity, and the application of compulsory medical measures to these persons: dis. ... cand. jurid. Sciences. – M., 2018. – 262 p. – URL: https://m.eruditor.one/file/2939945 / (date of access: 04/10/2026).

[3] Kulizade T.A. Criminal liability of persons with reduced (limited) sanity: a monograph / T. A. Kulizade. – M.: Rusains, 2020. – 126 p. – URL: https://book.ru/book/935091 (date of request: 04/10/2026).

[4] Molchanov B.A. Doctrinal ideas of the classical school on the introduction of criminal liability of national states for persons with mental disorders that do not exclude sanity (XIX-early XX century) / B.A. Molchanov, T.A. Kulizade // Actual issues of education and science. - 2011. – No. 3-4. – pp. 18-24. – URL: https://textarchive.ru/c-1488659.html (date of request: 04/10/2026).

[5] Pestov D.A. The category of "Limited sanity" and the problems of its application in the criminal law of the Russian Federation // Socio-economic phenomena and processes. – 2010. – No. 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-ogranichennoy-vmenyaemosti-i-problemy-ee-primeneniya-v-ugolovnom-prave-rf (date of request: 04/10/2026).

[6] Ryzhova O.A., Pamenkova I.A. Insanity and limited sanity: concept, criteria, meaning in Russian criminal law // Science. Society. The State. – 2016. – T. 4. – №1 (13). – URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/ryzhova_oa_pamenkova_ia_16_1_09.pdf (date of reference: 04/10/2026).

[7] Tagantsev N.S. Russian criminal law in 2 parts Part 1 / N. S. Tagantsev. – Moscow: Publishing house Yurayt, 2025. – P.385. – URL: https://urait.ru/bcode/565188 (date of request: 04/10/2026).

[8] Tugushev R.R. Insanity: criminal law significance and problems of differentiation from sanity and limited sanity: dis. ... kand. jurid. Sciences. – M., 2003. – pp. 136-139. – URL: https://m.eruditor.one/file/1680831/grant / (date of access: 04/10/2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-250-255

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА ПОСТУПЛЕНИЯ НА СЛУЖБУ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. *Целью исследования явились вопросы регулирования права поступления на службу в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. Для ее достижения использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение. Рассматривались подходы, особенности и требования, предъявляемые к кандидатам на службу в УИС, содержащиеся в отечественном законодательстве, научных трудах по теме. Служба в УИС является разновидностью федеральной государственной службы по исполнению уголовных наказаний, преодолению вызовов и решению задач, стоящих перед учреждениями и органами УИС на современном этапе, сформулированные в Концепции развития УИС на период до 2030 года. Гражданам гарантированно право поступления на службу в УИС, обретения в связи с этим значимых социальных гарантий. Право поступления на службу в УИС можно рассматривать как комплексный организационно-правовой и социально-психологический институт, включающий обязательные к исполнению нормы, регулирующие порядок прохождения службы в различных службах и подразделениях учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, наполненные специфическим психологическим содержанием. Основным нормативно-правовым актом, регулирующим право поступления на службу в УИС, является статья 17 Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ. Рассматриваемое право состоит из двух основных компонентов: социальных гарантий, предоставляемых кандидату и системы специфических требований его соответствия должности в учреждении и органе УИС, на замещение которой он претендует. Важным правовым постулатом, закрепленным в указанном законе, является предоставляемая возможность поступления на службу гражданам РФ независимо от их гендерной, расовой, национальной, религиозной принадлежности, социального происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, убеждений, принадлежности к общественным объединениям. Реализация права на поступление на службу в УИС представляет собой сложный многоплановый механизм, базирующийся на правовых, организационных и психологических основах, позволяющих совершенствовать систему отбора и комплектования территориальных органов ФСИН России и подведомственные ей образовательные организации, повышать эффективность профессиональной деятельности сотрудников служб и подразделений учреждений и органов УИС.*

Ключевые слова: *право поступления на службу, уголовно-исполнительной система, кандидат, сотрудник, нормативно-правовое регулирование.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific
Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

REGULATORY AND LEGAL REGULATION OF THE RIGHT TO ENTER THE SERVICE IN THE PENAL SYSTEM

Annotation. *The purpose of the study was the regulation of the right to enter the service in the penal system of the Russian Federation. To achieve this goal, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were used: analysis, synthesis, comparison, analogy, generalization, sociological survey, observation. The approaches, features and requirements for candidates for service in the penal system, contained in domestic legislation, scientific papers on the topic, were considered. The service in the penitentiary system is a type of federal state service for the execution of criminal penalties, overcoming challenges and solving the tasks facing the institutions and bodies of the penitentiary system at the present stage, formulated in the Concept of the Development of the Penitentiary System for the period up to 2030. Citizens are guaranteed the right to enter the service in the penitentiary system, and to obtain significant social guarantees in this regard. The right to enroll in the penal correction system can be considered as a comprehensive organizational, legal and socio-psychological institute, including mandatory rules governing the procedure for serving in various services and divisions of institutions and bodies executing criminal penalties, filled with specific psychological content. The main regulatory legal act regulating the right to enroll in the military police is Article 17 of Federal Law No. 197-FZ of 07/19/2018. The right in question consists of two main components: the social guarantees provided to the candidate and the system of specific requirements for his compliance with the position in the institution and body of the penitentiary system for which he is applying. An important legal postulate enshrined in this law is that citizens of the Russian Federation are given the opportunity to enter the service, regardless of their gender, race, nationality, religion, social origin, property and official status, place of residence, beliefs, membership in public associations. The realization of the right to enroll in the penitentiary system is a complex multidimensional mechanism based on legal, organizational and psychological foundations that make it possible to improve the system of selection and recruitment of territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia and subordinate educational organizations, and to increase the effectiveness of professional activities of employees of services and departments of institutions and bodies of the Penitentiary System.*

Key words: *the right to enter the service, penal enforcement system, candidate, employee, legal regulation.*

Введение. Служба в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее УИС) является разновидностью федеральной государственной службы по исполнению уголовных наказаний, преодолению вызовов и решению задач, стоящих перед учреждениями и органами УИС на современном этапе, сформулированные в Концепции развития УИС на период до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р. [1]. Гражданам Российской Федерации гарантированно право поступления на службу в УИС, обретения в связи с этим таких значимых социальных гарантий как:

- стабильное высокое денежное довольствие;
- льготное исчисление выслуги лет, дающее право на получение пенсии (ранний выход на пенсию) [2, с. 95-98];
- обязательное государственное страхование;
- бесплатное медицинское обслуживание для сотрудников и членов семей, включая прикрепление к поликлиникам, дающим право на получение квалифицированной медицинской помощи как в амбулаторных, так и в стационарных условиях [3, с. 88-94];
- профессиональное обучение в образовательных организациях, подведомственных ФСИН России по программам специалитета, бакалавриата, магистратуры, первоначальной подготовки, переподготовки и повышения квалификации [4, с.79-82].

Соблюдение требований и обязанностей, предписанных кандидатам на службу и сотрудникам также является обязательным условием поступления на службу в УИС.

Таким образом, право поступления на службу в УИС можно рассматривать как комплексный организационно-правовой и социально-психологический институт, включающий обязательные к исполнению нормы, регулирующие порядок прохождения службы в различных службах и подразделениях учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, наполненные специфическим психологическим содержанием.

Методы и принципы исследования. Для изучения вопросов регулирования права поступления на службу в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение. Рассматривались подходы, особенности и требования, предъявляемые к кандидатам на службу в УИС, содержащиеся в отечественном законодательстве, научных трудах по теме.

Основные результаты. Теоретико-правовое исследование темы показало, что основным нормативно-правовым актом, регулирующим право поступления на службу в УИС, является статья 17 Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». Данная норма, в частности, указывает возраст (18 лет), достигшим которого гражданам Российской Федерации разрешено поступать на службу в УИС.

Другим важным правовым постулатом, закрепленным в указанном законе, является предоставляемая возможность поступления на службу гражданам РФ независимо от их гендерной, расовой, национальной, религиозной принадлежности, социального происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, убеждений, принадлежности к общественным объединениям.

К основным требованиям к кандидату на службу в УИС относятся:

- наличие гражданства Российской Федерации;
- владение кандидатом государственным языком РФ, позволяющим выполнять должностные инструкции, эффективно осуществлять профессиональную деятельность [5];
- наличие личностных и деловых качеств кандидата на службу, удовлетворяющих требованиям его приема в учреждения и органы УИС [6, с. 34-37];
- физическая подготовка и состояние здоровья, позволяющие исполнять служебные обязанности сотрудника УИС [7].

Таким образом, право на поступление на службу в УИС состоит из двух основных компонентов: социальных гарантий, предоставляемых кандидату и системы специфических требований его соответствия должности в учреждении и органе УИС, на замещение которой он претендует.

Так, например, предельный возраст для замещения должностей в УИС, определенных Указом Президента Российской Федерации от 15.08.2019 г. № 382 «Об утверждении Перечня типовых должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и соответствующих им специальных званий», установлен 40 лет [8]. Для поступления в образовательные организации высшего образования ФСИН России для обучения по очной форме обучения по программам бакалавриата и программам специалитета в должности курсанта составляет 25 лет. Подобный подход законодателя к определению данного возрастного ценза обусловлен психологическими особенностями молодежного возраста. Таким специфическим свойством личности как адаптивностью к разнообразным условиям профессиональной деятельности [9, с. 49-52].

Таким образом одним из способов реализации права на поступление на службу в УИС является зачисление в образовательную организацию высшего образования, подведомственную ФСИН России для обучения по очной форме в должности курсанта, в том числе граждан РФ, не достигших возраста 18 лет, но не моложе 16 лет на дату зачисления, в соответствии с Приказом ФСИН России от 09.07.2021 7. № 593, утвердившим Порядок и условия приема в федеральные государственные организации, осуществляющие образовательную деятельность и находящиеся в ведении ФСИН России [10].

Законодатель весьма подробно указывает в статье 5, пунктах 1, 2, 4-9 части первой статьи 14 Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ основания, препятствующие реализации права на поступление в УИС. Помимо указанных к ним относятся:

- привлечение кандидата на службу в качестве подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу в порядке статей 46 и 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [11];
- привлечение неоднократно, в течение года, предшествующему дню поступления на службу в УИС, кандидата в судебном порядке к административным наказаниям за совершение умышленных административных правонарушений;
- уголовное преследование кандидата, которое было прекращено в отношении его за истечением срока давности, в связи с примирением сторон, вследствие акта об амнистии, в связи деятельным раскаянием, определенных национальным уголовным и уголовно-процессуальным законодательством [12];
- отсутствие письменного согласие кандидата на службу в УИС о соблюдении установленных Федеральным законом от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ и другими федеральными законами ограничений и запретов, связанных с исполнением должностных обязанностей и обретением ответственности в процессе их выполнения [13];
- отсутствие письменного согласия на обработку персональных данных кандидата на службу в УИС;
- приобретение кандидатом на службу в УИС статуса иностранного агента.

Важным положением, сформулированным законодателем в части шестой статьи 17 Феде-

рального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ, является указание на необходимость проведения специализированного психофизиологического исследования, тестирования, направленного на изучение морально-этических и психологических качеств, выявление потребления без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ и злоупотребления алкоголем или токсическими веществами. Конкретизация указанной правовой нормы осуществлена в Приказе ФСИН России от 22 декабря 2023 г. № 812 [14, с. 545-548].

Таким образом, реализация права на поступление на службу в УИС представляет собой сложный многоплановый механизм, базирующийся на правовых, организационных и психологических основах, позволяющих совершенствовать систему отбора и комплектования территориальных органов ФСИН России и подведомственные ей образовательные организации. Совершенствовать профессиональную деятельность сотрудников служб и подразделений учреждений и органов УИС.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

- Всероссийской научно-практической конференции «Вклад правоохранительных органов в развитие Сибири», состоявшейся 28.09.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Особенности предупреждения коррупции как фактора обеспечения безопасности учреждений и органов УИС Сибирского федерального округа»;
- XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», состоявшейся 18-19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
- Всероссийском круглом столе «Воспитательная работа с работниками УИС», проведенном в ФКУ НИИ ФСИН России совместно с управлением кадров ФСИН России 25.10.2023. Доклад на тему: «Прокурорский надзор в системе мер обеспечения прав и социальных гарантий сотрудников УИС»;
- Межвузовской научно-практической конференции «Перспективы развития профессиональной компетенции преподавателя высшей школы», состоявшейся во Владимирском юридическом институте ФСИН России 28.11.2023. Доклад на тему: «К вопросу развития профессиональной компетенции преподавателя при проведении практико-ориентированного обучения курсантов»;
- 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».
- Международной научно-практической конференции «История и перспективы исследований проблем работы с личным составом» (к 50-летию кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России), состоявшейся в Академии управления МВД России 29 ноября 2023. Доклад на тему «Психологическая подготовка сотрудников оперативных подразделений ФСИН России в свете реализации современной оперативно розыскной политики».
- Всероссийской межведомственной научно-практической конференции «Межведомственное сотрудничество при обеспечении национальных приоритетов противодействии коррупции», состоявшейся в университете ФСИН России 8 декабря 2023 года с докладом на тему: «Прокурорский надзор в системе мер противодействия коррупции в УИС»;
- Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся в Псковском филиале Университета ФСИН России 18 апреля 2024 г. Доклад на тему «Характеристика правонарушений коррупционной направленности в современной отечественной пенитенциарной системе»;
- Всероссийской научно-практической конференции «Советская и российская криминалистика: традиции и современные векторы», состоявшейся в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева 29 февраля 2024 года. Доклад на пленарном заседании тему: «К вопросу взаимодействия правоохранительных органов в противодействии пенитенциарной преступности».

Заключение. Служба в УИС является разновидностью федеральной государственной службы по исполнению уголовных наказаний, преодолению вызовов и решению задач, стоящих перед учреждениями и органами УИС на современном этапе, сформулированные в Концепции развития УИС на период до 2030 года. Гражданам гарантированно право поступления на службу в УИС, обретения в связи с этим значимых социальных гарантий.

Право поступления на службу в УИС можно рассматривать как комплексный организационно-правовой и социально-психологический институт, включающий обязательные к исполнению нормы, регулирующие порядок прохождения службы в различных службах и подразделениях учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, наполненные специфическим психологическим содержанием.

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим право поступления на службу в УИС, является статья 17 Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ. Рассматриваемое право состоит из двух основных компонентов: социальных гарантий, предоставляемых кандидату и системы специфических требований его соответствия должности в учреждении и органе УИС, на замещение которой он претендует.

Важным правовым постулатом, закрепленным в указанном законе, является предоставляемая возможность поступления на службу гражданам РФ независимо от их гендерной, расовой, национальной, религиозной принадлежности, социального происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, убеждений, принадлежности к общественным объединениям.

Реализация права на поступление на службу в УИС представляет собой сложный многоплановый механизм, базирующийся на правовых, организационных и психологических основах, позволяющих совершенствовать систему отбора и комплектования территориальных органов ФСИН России и подведомственные ей образовательные организации. Совершенствовать профессиональную деятельность сотрудников служб и подразделений учреждений и органов УИС.

Список литературы:

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // Consultant.ru (дата обращения 27.04.2026).

[2] Ковалев О.Г. Прокурорский надзор в системе мер обеспечения прав и социальных гарантий сотрудников УИС // Антропогогика. 2024. № 1 (13). С. 95-98.

[3] Ковалев О.Г., Холопова Е.Ю. Характеристика механизма социально-правовой защиты в уголовно-исполнительной системе // В сборнике: Актуальные проблемы исправления осужденных: криминологические, психологические и педагогические аспекты. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 88-94

[4] Щербаков А.В., Ковалев О.Г. Отдельные аспекты практико-ориентированного обучения сотрудников образовательных организаций ФСИН России // В сборнике: Актуальные вопросы подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы. сборник материалов учебно-методических сборов профессорско-преподавательского и начальствующего состава. Псков, 2020. С. 79-82.

[5] Приказ ФСИН России от 17.07.2024 г. № 535 «Об утверждении Порядка организации кадровой работы, в том числе воспитательной работы, в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» // Garant.ru (дата обращения 27.04.2026).

[6] Ковалев О.Г. Комплектование учреждений уголовно-исполнительной системы квалифицированными сотрудниками как важнейшее условие обеспечения пенитенциарной безопасности // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2023. № 4 (38). С. 34-37.

[7] Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 22 декабря 2023 г. № 812 «Об утверждении Требований к состоянию здоровья граждан, поступающих на службу в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, перечня дополнительных обязательных диагностических исследований, проводимых до начала медицинского освидетельствования, Порядка проведения контрольного обследования и повторного освидетельствования по результатам независимой военно-врачебной экспертизы, Порядка создания военно-врачебных комиссий в уголовно-исполнительной системе» // Garant.ru (дата обращения 27.04.2026).

[8] Указ Президента Российской Федерации от 15.08.2019 г. № 382 «Об утверждении Перечня типовых должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и соответствующих им специальных званий» // Garant.ru (дата обращения 27.04.2026).

[9] Вилкова А.В., Ковалев О.Г. Адаптация молодых специалистов к профессиональной деятельности в оперативной службе в исправительном учреждении // Вопросы педагогики. 2021. № 6-2. С. 49-52.

[10] Приказ ФСИН России от 09.07.2021 7. № 593 «Об утверждении Порядка и условий приема

в федеральные государственные организации, осуществляющие образовательную деятельность и находящиеся в ведении ФСИН России // Garant.ru (дата обращения 27.04.2026).

[11] Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. Дашков и К. 2005. 21 с.

[12] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007.

[13] Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Garant.ru (дата обращения 27.04.2026).

[14] Ковалев О.Г. Актуальные проблемы защиты прав сотрудников уголовно-исполнительной системы в свете реализации закона о прохождении службы в УИС // Образование и право. 2024. № 3. С. 545-548.

References:

[1] Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r "On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030" // Consultant.ru (date of application 04/27/2026).

[2] Kovalev O.G. Prosecutor's supervision in the system of measures to ensure the rights and social guarantees of prison staff // Antropogogika. 2024. No. 1 (13). pp. 95-98.

[3] Kovalev O.G., Kholopova E.Yu. Characteristics of the mechanism of social and legal protection in the penal system // In the collection: Actual problems of convict correction: criminological, psychological and pedagogical aspects. Collection of articles of the round table. Tver, 2025. pp. 88-94.

[4] Shcherbakov A.V., Kovalev O.G. Selected aspects of practice-oriented training of employees of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // In the collection: Current issues of personnel training for the penal system. collection of materials of educational and methodical meetings of the teaching staff and senior staff. Pskov, 2020. pp. 79-82.

[5] Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 07/17/2024 No. 535 "On Approval of the Procedure for organizing personnel work, including educational work, in institutions and bodies of the penitentiary system of the Russian Federation" // Garant.ru (date of application 04/27/2026).

[6] Kovalev O.G. Staffing institutions of the penal correction system with qualified staff as the most important condition for ensuring prison security // Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice. 2023. No. 4 (38). pp. 34-37.

[7] Order of the Federal Penitentiary Service dated December 22, 2023 No. 812 "On Approval of the Requirements for the State of Health of Citizens Entering Service in the Penal Enforcement System of the Russian Federation, Employees of the Penal Enforcement System of the Russian Federation, the List of additional mandatory diagnostic tests conducted before the start of a medical examination, the Procedure for conducting a follow-up examination and re-examination based on the results of an independent military medical examination, the Procedure for creating a military-medical commissions in the penal system" // Garant.ru (accessed 04/27/2026).

[8] Decree of the President of the Russian Federation dated 08/15/2019 No. 382 "On approval of the List of standard positions in the penal enforcement system of the Russian Federation and their corresponding special ranks" // Garant.ru (accessed 04/27/2026).

[9] Vilkova A.V., Kovalev O.G. Adaptation of young specialists to professional activities in the operational service in correctional facility // Questions of pedagogy. 2021. No. 6-2. pp. 49-52.

[10] Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 07/09/2021 No. 593 "On Approval of the Procedure and Conditions for Admission to Federal State Organizations Engaged in Educational Activities and under the Jurisdiction of the Federal Penitentiary Service of Russia // Garant.ru (accessed 04/27/2026).

[11] Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). M. Dashkov and K. 2005. 21 p.

[12] Russian criminal law. The special part: The Tutorial / Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007.

[13] Federal Law No. 197-FZ of 07/19/2018 "On Service in the Penal Enforcement System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment" // Garant.ru (accessed 04/27/2026).

[14] Kovalev O.G. Current issues problems of protecting the rights of employees of the penal correction system in the light of the implementation of the law on military service in the penal correction system // Education and Law. 2024. No. 3. pp. 545-548.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-256-259

КРАСИНСКАЯ Елена Сергеевна,
старший преподаватель
Восточно-Сибирский институт МВД России,
e-mail: Krasinskaya76@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОВД ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СЛУЖЕБНОЙ ИНФОРМАЦИИ ГРАЖДАНАМ

Аннотация. *Особый служебный статус сотрудника органов внутренних дел предусматривает наделение его полномочиями по обеспечению законности, безопасности общества и государства от преступных посягательств, защиту прав и свобод граждан и эти полномочия сопровождаются доступом к сведениям, составляющим государственную тайну, а также сведениям, отнесенным к служебной и конфиденциальной информации. Однако, не редки случаи, когда система, предназначенная для борьбы с преступностью и нарушениями, становится подвержена внутренней «болезни» коррупции. В этой связи особенно актуальным является деятельность по формированию у сотрудников навыков противодействия коррупции, знание ими способов и алгоритмов оперативного реагирования на факты обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения к совершению коррупционного проступка.*

Ключевые слова: *коррупция, органы внутренних дел антикоррупционный стандарт, профилактика коррупции.*

KRASINSKAYA Elena Sergeevna,
senior lecturer East Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

FORMING ANTI-CORRUPTION SKILLS OF POLICE OFFICERS TO PREVENT UNSANCTIONED DISTRIBUTION OF OFFICIAL INFORMATION TO CITIZENS

Annotation. *The special service status of an employee of the internal affairs bodies provides for the assignment of powers to ensure the rule of law, the security of society and the state from criminal encroachments, the protection of the rights and freedoms of citizens, and these powers are accompanied by access to information classified as state secrets, as well as information classified as official and confidential information. However, it is not uncommon for a system designed to combat crime and violations to become susceptible to internal corruption. In this regard, it is especially important to train employees in anti-corruption measures and to ensure that they know how to respond quickly to any attempts to corrupt them*.

Key words: *corruption, internal affairs bodies, anti-corruption standard, and corruption prevention.*

Целью правоохранительной деятельности и, в частности, деятельности органов внутренних дел, является обеспечение законности, безопасности общества и государства, защита законных прав и свобод граждан в условиях неукоснительного соблюдения принципа законности. Коррупционные проявления в органах внутренних дел необходимо рассматривать не как отдельные правонарушения, а как системный сбой, в результате которого страдает и авторитет государственной власти в целом.

Наделение сотрудника властными полномочиями, в ряде случаев создает предпосылки для коррупционных рисков.

Особую озабоченность вызывает рост в правоохранительной среде фактов неправомерного предоставления служебной информации заинтересованным лицам. При этом служебной является любая информация, ставшая известными сотруднику в связи с исполнением им должностных обязанностей или полученная из специальных баз данных, доступ к которым иных лиц

ограничен в установленном законом порядке. Классификация служебной информации включает в себя сведения, составляющие государственную тайну, иную охраняемую законом тайну, а также сведения конфиденциального характера, в том числе персональные данные граждан и иных сотрудников (данные о семейном, финансовом положении, адреса, телефоны), сведения о планируемых оперативных и профилактических мероприятиях, ходе расследования и т.д. Не имеет значения, к какой именно категории относится информация. Сам факт ее предоставления за вознаграждение образует состав преступления.

По своей сути, неправомерное предоставление служебной информации третьим лицам является элементом злоупотребления должностными полномочиями, ответственность за которое предусмотрена статьей 285 Уголовного кодекса РФ), а также может рассматривать и как получение взятки (ст. 290 УК РФ), где объектом преступления выступает не только нормальное функционирование органов государственной власти, государственной службы и органов местного самоуправления, но и конституционные права и свободы человека и гражданина в случае предоставление сведений, отнесенных к персональным данным.

Данные нарушения могут носить как разовый, так и системный характер. Анализ судебной практики показывает, что основными видами коррупционных правонарушений, получивших наибольшее распространение в правоохранительной среде, являются:

Информирование заинтересованных лиц о планируемых оперативно-профилактических мероприятиях, рейдах, проверках финансово-хозяйственной деятельности. Так, сотрудник полиции К., будучи осведомленным о фактах незаконного вылова биоресурсов в акватории оз. Байкал гражданами Ф. и Г., преследуя цель незаконного обогащения, предложил последним за систематическое денежное вознаграждение услугу по предоставлению информации о планируемых рейдах в целях не привлечения их к административной ответственности. В результате преступной договоренности Ф. и Г. ежемесячно в течение нескольких месяцев перечисляли денежные средства в размере 10 000 рублей на банковскую карту посредника в целях последующей передачи денежных средств К.

Передача служебной информации, сообщений, поступающих в дежурную часть органа внутренних дел. В Иркутской области завершено расследование уголовного дела и постановлен приговор в отношении руководителя организации, оказывающей ритуальные услуги, который, вступив в преступный сговор с сотрудниками полиции, систематически в течение нескольких лет через посредника передавал им денежные средства в целях оперативного получения информации об умерших на территории обслуживания отдела полиции гражданах для получения преимущества перед иными организациями, осуществляющими аналогичную деятельность, выраженное в первоочередном предложении родственникам умерших своих услуг по организации похорон и погребению. Анализ судебной практики показывает, что данный вид коррупционных преступлений являлся системным в ряде регионов Российской Федерации.

Следующий вид коррупционного нарушения получил наибольшее распространение в правоохранительной среде. Речь идет о предоставлении сведений из специальных баз данных МВД России о судимостях и фактах привлечения к уголовной либо административной ответственности граждан заинтересованным лицам (как правило, данная информация предоставлялась руководителям коммерческих организаций в отношении кандидатов на работу и сотрудников организаций). В 2025 году вынесен обвинительный приговор за предоставление служебной информации в отношении одного из руководителей оперативного подразделения территориального отдела полиции. Масштаб нарушений становится очевиден, если учесть, что за относительно непродолжительный период полицейский получил незаконное обогащение в сумме 300000 рублей при условии, что за каждого проверяемого он получал разовое вознаграждение в размере 500 рублей.

Во всех случаях сотрудник, передавая, разглашая информацию, ставшую ему известной либо полученную в результате исполнения служебных обязанностей, действует из корыстных побуждений, преследуя цель незаконного личного обогащения. Как правило, причиной коррупционного поведения является не только затруднительное финансовое положение, материальная нуждаемость, но и недостаточно развитые морально-волевые качества сотрудника, а также внутренняя готовность (сформировавшаяся установка на возможность «решения вопросов»).

Необходимо понимать, что сотрудник полиции, распространяя или предоставляя служебную, конфиденциальную информацию либо сведения о персональных данных граждан заинтересованным лицам, действует вопреки интересам службы и тем самым предает эти интересы.

Одним механизмов противодействия коррупции в правоохранительной сфере, помимо профилактики и неотвратимости наказания, является формирование антикоррупционного стандарта поведения сотрудника органов внутренних дел.

Антикоррупционный стандарт поведения – это установленная законодательством система запретов, ограничений, дозволений и обязанностей, направленная на предупреждение коррупции и возникновения конфликта интересов в деятельности государственного служащего. Запреты включают в себя: запрет на получение незаконных вознаграждений за действия либо бездействие при исполнении служебных обязанностей, запрет на использование служебного положения в личных целях (использование служебной информации, ресурсов (транспорта, средств связи) для решения личных вопросов), запрет на получение дохода от иного вида деятельности, в том числе коммерческой, за исключением творческой, педагогической, научной деятельности. Антикоррупционный стандарт поведения предписывает сотруднику обязательное уведомление в возникновении ситуации, которая может привести к конфликту интересов, фактах обращения к сотруднику каких-либо лиц в целях склонения к совершению коррупционного нарушения в порядке, определенном ведомственными нормативными актами. Кроме того, сотрудники, замещающие отдельные должности, обязаны ежегодно предоставлять сведения о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, в том числе в целях определения соответствия имущественного положения и доходов не только самого сотрудника, но и членов его семьи (супругов и несовершеннолетних детей).

Однако, антикоррупционный стандарт поведения – это не только набор формальных запретов, обязанностей и ограничений. Одним из элементов антикоррупционного стандарта поведения является формирование навыка отказа от противоправного служебного поведения, в том числе отказа от получения незаконного вознаграждения при реализации сотрудником предоставленных полномочий и реализации прав.

С какими барьерами, препятствующими формированию навыка, могут сталкиваться сотрудники? Это как системные, так и личностные проблемы:

Формальный подход. Зачастую профилактика коррупционного поведения сводится к доведению до личного состава обзоров дисциплинарной, судебной практики, ознакомление с нормативными актами в сфере антикоррупционного законодательства. Эти меры создают иллюзию работы, но не способствуют формированию реальных компетенций.

Корпоративная солидарность. В ряде подразделений действует негласное правило «не выносить сор из избы», «не ломать схему», что способствует латентности данных нарушений.

Недостаточная осведомленность сотрудников о простоте алгоритма действий при возникновении коррупционно-опасной служебной ситуации.

Личностные и социально-психологические барьеры. Недостаточно развитые морально-волевые качества не позволяют осознавать значимость и возможные последствия коррупционных поступков, а также не позволяют противостоять давлению заинтересованных лиц.

Методами формирования устойчивого навыка отказа сотрудника от коррупционного поведения могут стать внедрение тренингов с моделированием реальных ситуаций, отработка алгоритма отказа от «взаимовыгодного сотрудничества», системная и организационная поддержка, которая может включать в себя публичное материальное и нематериальное поощрение сотрудников, которые проявили принципиальность и сообщили о фактах вовлечения в совершение коррупционного нарушения, а также работа с мотивацией.

Формирование навыка отказа от коррупционного поведения — это непрерывный процесс воспитания, обучения и поддержки, целью которого является добиться состояния, когда для сотрудника отказ от взятки является не вынужденным соблюдением закона, а естественной и единственно возможной реакцией, профессиональной привычкой и внутренними убеждениями.

Подводя итог, необходимо отметить, что борьба с коррупцией, в том числе в правоохранительных органах — это не просто одна из государственных задач, а ключевое условие устойчивого развития страны, укрепления международного авторитета и обеспечения реальной, а не декларативной защиты прав граждан.

Список литературы:

[1] Аведиков, Д. Д. Личность преступника - сотрудника органов внутренних дел, совершающего преступления коррупционной направленности / Д. Д. Аведиков // Проблемы и перспективы противодействия коррупции в современных условиях : Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 05 декабря 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 18-23. – EDN QEXVZR.

[2] Алиев, Я. Л. Правонарушения сотрудников органов внутренних дел / Я. Л. Алиев, В. Б. Клишков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2(78). – С. 131-133. – EDN XWISNN.

[3] Басов, Д. В. Работа по поддержанию служебной дисциплины и законности как основа недопущения конфликта интересов в органах внутренних дел Российской Федерации / Д. В.

Басов // Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 ноября 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 448-452. – EDN RILEWV.

[4] Симонова, Т. А. Меры противодействия коррупции в ОВД / Т. А. Симонова // Санкт-петербургские встречи молодых ученых : Материалы III всероссийского конгресса, Санкт-Петербург, 11 июня 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 558-562. – EDN GJADWH.

[5] Тимощук, Э. В. Некоторые проблемы противодействия коррупции в системе ОВД и пути их решения / Э. В. Тимощук // Современные тенденции развития исследовательских компетенций в условиях инновационного кластера : Сборник статей Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 12 октября 2023 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью “ОМЕГА САЙНС”, 2023. – С. 138-140. – EDN JBPGZQ.

References:

[1] Avedikov, D. D. The identity of the criminal is an employee of the internal affairs bodies committing corruption-related crimes/D. D. Avedikov//Problems and prospects for countering corruption in modern conditions: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, December 05, 2025. - St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. - S. 18-23. – EDN QEXVZR.

[2] Aliyev, Ya. L. Offenses of employees of the internal affairs bodies/Ya. L. Aliyev, V. B. Klishkov// Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 2(78). - S. 131-133. – EDN XWISNN.

[3] Basov, D.V. Work to maintain official discipline and legality as a basis for preventing conflicts of interest in the internal affairs bodies of the Russian Federation/D.V. Basov//Moral and psychological support of the activities of the internal affairs bodies: modern approaches and development prospects: Materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, November 21, 2025. - St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. - S. 448-452. – EDN RILEWV.

[4] Simonova, T. A. Measures to combat corruption in the police department/T. A. Simonova//St. Petersburg meetings of young scientists: Materials of the III All-Russian Congress, St. Petersburg, June 11, 2025. - St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. - S. 558-562. – EDN GJADWH.

[5] Tymoshchuk, E.V. Some problems of combating corruption in the ATS system and ways to solve them/E.V. Tymoshchuk//Current trends in the development of research competencies in an innovation cluster: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, October 12, 2023. - Ufa: OMEGA SAINS Limited Liability Company, 2023. - S. 138-140. – EDN JBPGZQ.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-260-266

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний России,
Москва, Россия,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ДРОППЕРСТВО В СИСТЕМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА БЕЗНАЛИЧНЫХ РАСЧЕТОВ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДОКАЗЫВАНИЕ

Аннотация. *В статье исследуются уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы применения новых частей 3-6 статьи 187 УК РФ, введенных в связи с криминализацией дропперских схем в безналичном платежном обороте. Обосновывается, что дропперство не должно рассматриваться как механическое продолжение мошенничества: его самостоятельная общественная опасность выражается в обслуживании криминальной платежной инфраструктуры, сокрытии финансового следа и затруднении возмещения вреда потерпевшим. Особое внимание уделено разграничению ст. 187 УК РФ с мошенничеством, незаконной банковской деятельностью и легализацией преступных доходов, а также доказыванию корыстной заинтересованности и осознания неправомерности операции. Предлагается модель цифровой цепочки доказательств, включающая транзакционные, технические, коммуникативные и имущественные данные.*

Ключевые слова: *дропперство, электронные средства платежа, ст. 187 УК РФ, неправомерная операция, дистанционное мошенничество, цифровые доказательства, уголовный процесс, банковский антифрод.*

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,
PhD in Law, Senior Researcher of Research Institute of the
Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

DROPPER ACTIVITY IN THE SYSTEM OF CRIMES AGAINST CASHLESS PAYMENTS: CRIMINAL-LAW QUALIFICATION AND PROCEDURAL PROOF

Annotation. *The article examines criminal-law and criminal-procedural issues arising from the new parts 3-6 of Article 187 of the Russian Criminal Code, introduced to criminalize dropper schemes in cashless payments. The author argues that dropper activity should not be treated as a mere technical continuation of fraud. Its independent public danger lies in maintaining criminal payment infrastructure, concealing financial traces and complicating compensation to victims. The article proposes a procedural model of a digital chain of evidence, combining transactional, technical, communicative and property-related data.*

Key words: *dropper activity, electronic means of payment, Article 187 of the Russian Criminal Code, unlawful transaction, remote fraud, digital evidence, criminal procedure, banking anti-fraud.*

Расширение безналичных расчетов радикально изменило экономическую фактуру преступности. В классической модели имущественного преступления потерпевший лишался наличных денег или вещи; в современной модели хищение часто завершается не физическим изъятием, а цифровой маршрутизацией денежных средств через цепочку банковских счетов, электронных средств платежа и номинальных участников оборота. Именно здесь возникает фигура

дроппера - лица, которое предоставляет карту, счет, электронное средство платежа либо доступ к нему для вывода похищенных денежных средств, дробления транзакций, обналичивания и последующего затруднения финансового следа.

Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ статья 187 УК РФ была дополнена специальными составами, ориентированными на дропперские схемы [1]. В результате уголовно-правовая реакция государства сместилась от исключительно последующего преследования основного мошенника к криминализации инфраструктурного участия в обороте электронных средств платежа. Это решение, с практической точки зрения, оправдано: массовое дистанционное мошенничество невозможно без сети лиц, принимающих, переводящих или снимающих денежные средства. Однако новая конструкция порождает сложные вопросы квалификации, доказывания и разграничения уголовно наказуемого дропперства с гражданско-правовой неосмотрительностью клиента банка, административно-финансовыми антифрод-ограничениями и поведением потерпевшего, действующего под влиянием обмана.

До реформы 2025 г. дропперские действия обычно оценивались через призму соучастия в мошенничестве, пособничества легализации, незаконной банковской деятельности либо неправомерного оборота средств платежей в прежней редакции. Такой подход был фрагментарным. Он требовал доказать не только передачу карты или участие в переводе, но и осведомленность лица о конкретном хищении, организованной схеме либо цели легализации. В массовых делах о дистанционном мошенничестве это приводило к очевидному доказательственному разрыву: лицо получало вознаграждение за предоставление счета, но формально могло утверждать, что не знало о природе поступающих средств.

Новая редакция ст. 187 УК РФ устранила часть этого разрыва. Законодатель выделил четыре самостоятельные модели поведения: передачу клиентом электронного средства платежа или доступа к нему другому лицу для неправомерных операций; совершение клиентом неправомерных операций по указанию другого лица или в его интересах; приобретение или передачу электронного средства платежа лицом, не являющимся стороной договора с оператором; осуществление неправомерной операции таким посторонним лицом [2]. Тем самым уголовный закон охватил как «пассивного» дропа, сдающего реквизиты, так и активного участника, который сам переводит или получает деньги по чужому указанию.

Важнейшим является объект преступления. В новых составах охраняется не только имущественный интерес потерпевшего, но и установленный порядок функционирования национальной платежной системы, доверие к электронным средствам платежа, устойчивость банковского комплаенса и возможность последующего уголовно-процессуального отслеживания денежных потоков. Поэтому ошибочно квалифицировать любое дропперство как простую разновидность мошенничества. Мошенничество направлено на завладение имуществом путем обмана или злоупотребления доверием; дропперство обеспечивает оборот уже поступивших или поступающих средств, создает инфраструктуру для сокрытия конечного выгодоприобретателя и повышает латентность цифрового хищения. Такое понимание меняет и вопрос о потерпевшем. По делам о мошенничестве потерпевшим обычно выступает лицо, у которого похищены денежные средства. По делам о дропперстве вред имеет более сложный характер: он затрагивает не только индивидуального потерпевшего, но и публичный интерес в защищенности платежного оборота. В этом смысле статья 187 УК РФ логически расположена в главе о преступлениях в сфере экономической деятельности и не должна превращаться в универсальный квалификационный «дублер» ст. 159 УК РФ.

Вместе с тем, самостоятельность состава не означает его полной изоляции от предикатного преступления. Чтобы признать операцию неправомерной, необходимо установить, что средства зачислены на банковский счет без предусмотренных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований. Следовательно, расследование не может ограничиваться установлением факта передачи карты. Необходимо показать незаконное происхождение денежных средств либо их связь с переводом без добровольного согласия клиента, мошенническим воздействием, фиктивной сделкой или иной преступной схемой.

Главная квалификационная проблема состоит в определении пределов конкуренции ст. 187 УК РФ с составами мошенничества. Если лицо непосредственно участвует в обмане потерпевшего, формирует легенду, звонит от имени банка, направляет фишинговую ссылку либо координирует перевод денежных средств, его действия должны оцениваться как соисполнительство или пособничество в мошенничестве, а использование карты будет способом реализации хищения. Если же лицо не участвует в обмане, но за вознаграждение предоставляет платежный инструмент либо выполняет указания по выводу средств, приоритет имеет новая конструкция ст. 187 УК РФ с возможной совокупностью в случаях

доказанной осведомленности о конкретном хищении [3]. Не менее важно разграничение с незаконной банковской деятельностью. В частях 4 и 6 ст. 187 УК РФ законодатель прямо указывает на отсутствие признаков преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ. Это означает, что дропперская операция не должна автоматически рассматриваться как банковская деятельность без регистрации или лицензии. Для ст. 172 УК РФ требуется систематическое осуществление банковских операций как деятельности, сопряженной с извлечением дохода в соответствующем качестве. Для дропперства достаточно неправомерного использования электронного средства платежа или доступа к нему в конкретной схеме, даже если лицо не организует устойчивый нелегальный платежный сервис.

С легализацией преступных доходов соотношение иное. Не всякий перевод через дропперскую карту является отмыванием. Легализация предполагает придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами, приобретенными преступным путем; поэтому необходима специальная цель легализации, а не просто вывод или обналичивание. Если дроппер лишь получает и переводит средства по указанию куратора, не маскируя их происхождение через мнимые сделки, инвестиции, предпринимательские платежи или иные легализующие конструкции, квалификация по ст. 174 или 174.1 УК РФ будет избыточной [4].

В экономико-правовом смысле дропперство занимает промежуточное положение между преступлением против собственности и преступлением против финансовой инфраструктуры. Именно поэтому применение ст. 187 УК РФ требует аккуратного анализа фактической роли лица. Один и тот же банковский счет может использоваться в трех разных уголовно-правовых режимах: как инструмент хищения, как средство неправомерного оборота электронного платежа и как элемент легализации. Универсальный критерий разграничения - направленность умысла и фактическая функция операции в преступной цепочке. С учетом принципа справедливости нельзя допускать автоматической квалификации по наиболее тяжкой части ст. 187 УК РФ только по причине значительного оборота по счету. Объем операции имеет значение, но не заменяет доказательств статуса лица, характера доступа к электронному средству платежа, связи с иными участниками и содержания договоренности о вознаграждении. В противном случае уголовно-правовая оценка будет строиться на банковских индикаторах риска, а не на признаках состава преступления.

Отдельно отметим, что новые части 3-5 ст. 187 УК РФ используют категорию «корыстная заинтересованность». Для практики это ключевой фильтр, отделяющий уголовно наказуемое поведение от неосторожного нарушения правил финансовой безопасности. Передача карты родственнику, техническая помощь пожилому лицу, ошибочное раскрытие одноразового кода мошенникам или перевод под воздействием социальной инженерии сами по себе не образуют дропперства. Уголовная ответственность возникает тогда, когда лицо действует в собственном имущественном интересе либо в интересе получения иной материальной выгоды за предоставление платежного инструмента или совершение операции.

Однако корыстная заинтересованность не исчерпывается прямой оплатой. Она может выражаться в обещанном проценте от поступивших сумм, списании долга, предоставлении доступа к кредиту, криптовалютному вознаграждению, оплате связи, бонусах в теневой онлайн-площадке. Поэтому доказывание не должно сводиться к поиску одной банковской операции с назначением платежа «за карту». Следователь обязан устанавливать экономический смысл поведения: почему лицо передало доступ, какие инструкции получило, что должно было получить, каким образом контактировало с организатором.

Более сложен вопрос о заведомости. Закон прямо не использует термин «заведомо» в новых частях ст. 187 УК РФ, но субъективная сторона предполагает осознание того, что электронное средство платежа передается или используется для неправомерных операций. Иначе уголовная ответственность превратилась бы в объективное вменение. Достаточно ли подозрения лица о незаконности схемы? На наш взгляд, для состава требуется не абстрактная догадка о «сомнительности заработка», а осознание существенных обстоятельств: передача платежного инструмента постороннему лицу, получение вознаграждения за транзит, необходимость срочного снятия или перевода денег, запрет сообщать банку истинную цель операции, использование чужих указаний и дробление сумм.

Ошибки в оценке характера операции должны рассматриваться дифференцированно. Если лицо введено в заблуждение и полагает, что помогает знакомому принять законный платеж, уголовный умысел отсутствует. Если же оно сознательно избегает знания, игнорирует очевидные признаки криминальной схемы, удаляет переписку, меняет SIM-карту, использует подставные устройства и получает вознаграждение, ссылка на незнание не должна приниматься как достаточная. Здесь возможно применение доктринальной конструкции «сознательного игнорирования», но только как способа оценки совокупности доказательств, а не как самостоятельной формы вины.

Особая группа риска - несовершеннолетние и социально уязвимые лица. Дропперские сети активно используют обещание «легкого заработка», микрокредиты, игровые сообщества, мессенджеры и псевдовакансии. В отношении таких лиц необходима проверка не только формального возраста уголовной ответственности, но и реального понимания финансовой природы действий, степени зависимости от организатора, наличия давления или обмана. Уголовная политика не должна превращать нижний уровень преступной инфраструктуры в удобный статистический объект, оставляя вне досягаемости организаторов.

Дропперство является доказательственно насыщенным составом. Его расследование почти всегда основано на цифровой цепочке: заявление потерпевшего, сведения банка-отправителя, информация банка-получателя, данные о владельце электронного средства платежа, история авторизаций, IP-адреса, сведения о привязанных устройствах, видеозаписи банкоматов, переписка в мессенджерах, данные операторов связи и результаты компьютерно-технической экспертизы. При этом ни один элемент сам по себе обычно не является достаточным. Например, поступление похищенных денег на счет лица доказывает транзакционный контакт, но еще не доказывает корыстную заинтересованность или осознание неправомерности операции.

Предмет доказывания по таким делам должен включать: факт неправомерной операции; источник и правовое основание поступления денежных средств; статус лица как клиента оператора либо постороннего приобретателя электронного средства платежа; характер доступа к платежному инструменту; наличие указаний другого лица; содержание договоренности о вознаграждении; фактическое получение выгоды; связь операции с предикатным хищением или переводом без добровольного согласия; обстоятельства, исключающие преступность поведения или свидетельствующие об ошибке. Такой перечень вытекает из общих правил ст. 73 УПК РФ и специальных признаков ст. 187 УК РФ [5].

Банковская информация имеет двойственную природу. С одной стороны, она является ключевым источником доказательств: без выписок, логов, данных о привязанных устройствах и сведений о попытках блокировки невозможно реконструировать финансовый маршрут. С другой стороны, банковский антифрод-статус не должен автоматически превращаться в доказательство виновности. Включение реквизитов в базу данных о случаях и попытках переводов без добровольного согласия клиента, отказ банка в операции или срабатывание критерия мошеннического перевода являются поводом для проверки, но не заменяют процессуальное доказывание субъективной стороны.

Особое значение имеет Федеральный закон «О национальной платежной системе», который после изменений закрепляет обязанность оператора проверять признаки перевода без добровольного согласия клиента, приостанавливать или отказывать в совершении отдельных операций, учитывать сведения из базы Банка России и уведомлять клиента о причинах ограничения [6; 7]. Эта регулятивная модель полезна для профилактики преступлений, но в уголовном процессе ее данные должны проходить проверку на относимость, допустимость и достоверность. Следователь обязан установить, какой именно критерий сработал, когда и на основании каких сведений, кто сформировал запись, была ли она оспорена и как соотносится с фактическими действиями подозреваемого.

С 1 января 2026 г. Банк России расширил перечень признаков мошеннических переводов с 6 до 12, включая сведения о нетипичной операции, связи получателя с базой подозрительных операций, смене номера телефона, признаках удаленного доступа к устройству, переводе после поступления средств через СБП и данные государственной информационной системы противодействия ИКТ-правонарушениям [8; 9]. Для уголовного процесса это означает рост объема цифровых следов, но одновременно и рост риска «алгоритмического обвинительного уклона». Правоохранительные органы должны использовать такие признаки как ориентир для поиска доказательств, а не как готовый вывод о виновности.

В процессуальном плане наиболее уязвимы три блока доказательств. Первый - переписка в мессенджерах, где часто содержатся инструкции куратора, обещание вознаграждения и правила поведения при звонке банка. Второй - данные об устройствах и IP-адресах, позволяющие установить, кто фактически входил в мобильный банк. Третий - видеозаписи банкоматов и камер, подтверждающие снятие наличных. Каждый из этих блоков требует соблюдения процедуры получения, фиксации и исследования. Нарушение порядка выемки устройства, отсутствие понятых или видеозаписи при следственном действии, неясное происхождение скриншотов переписки либо неполная цепочка хранения электронного носителя создают существенные риски признания доказательств недопустимыми.

Оптимальная процессуальная модель должна строиться вокруг понятия цифровой цепочки доказательств. Следователь не просто приобщает отдельные документы, а последовательно связывает: источник преступного поступления - счет получателя - электронное средство

платежа - устройство авторизации - лицо, фактически распоряжавшееся доступом - коммуникацию с организатором - материальную выгоду. Только такая цепочка позволяет обосновать не формальное совпадение банковских реквизитов, а именно уголовно наказуемое участие в дропперской схеме.

Первая типовая ситуация - установлен владелец счета, на который поступили средства потерпевшего, но он отрицает передачу карты и утверждает, что сам стал жертвой мошенников. Здесь первоочередное значение имеют данные о моменте открытия счета, выпуске карты, способе получения карты, последующих действиях с мобильным банком, смене номера телефона, геолокации операций, а также переписка с лицами, предложившими заработок. Следственная ошибка состоит в преждевременном предъявлении обвинения только на основании выписки. Такая выписка фиксирует финансовый маршрут, но не объясняет субъективную сторону.

Вторая ситуация - лицо признает передачу карты за вознаграждение, но утверждает, что не знало о преступном происхождении денег. В этом случае необходимо проверять не декларативное признание, а содержание договоренности. Имеют значение размер вознаграждения, отсутствие законной экономической цели, инструкции о снятии наличных, требование передать карту вместе с PIN-кодом, запрет обращаться в банк, использование нескольких карт, срочность операции и удаление переписки. Совокупность этих признаков может свидетельствовать об осознании неправомерного характера схемы.

Третья ситуация - дроппер выполняет роль «кассира»: получает деньги на карту, снимает наличные, передает их курьеру или переводит дальше. Здесь центральным становится вопрос о границе между ст. 187 УК РФ и соучастием в мошенничестве. Если установлена коммуникация с лицами, непосредственно вводившими потерпевших в заблуждение, либо участие обвиняемого в распределении ролей, квалификация только по ст. 187 УК РФ может быть недостаточной. Если же лицо выполняло техническую операцию по выводу средств, не участвуя в обмане, базовой должна быть новая конструкция неправомерного оборота средств платежей.

Четвертая ситуация - электронное средство платежа приобретено или передано посторонним лицом, которое не является стороной договора с оператором. Такая модель охватывает посредников, скупающих карты, аккаунты мобильного банка, SIM-карты, доступы к электронным кошелькам. В этих делах особенно важны контрольные закупки, осмотры цифровых торговых площадок, анализ объявлений в мессенджерах, фиксация переписки и установление сети покупателей. Квалификация должна учитывать, что общественная опасность посредника выше, чем у разового клиента-дропа, поскольку он обеспечивает масштабирование криминальной платежной инфраструктуры.

Пятая ситуация - лицо впервые совершило деяние и готово содействовать раскрытию преступления. Примечание к ст. 187 УК РФ предусматривает освобождение клиента оператора от уголовной ответственности по частям 3 или 4 при активном способствовании раскрытию и расследованию преступления и добровольном сообщении о лицах, совершивших другие преступления с использованием предоставленного электронного средства платежа [10]. Эта норма является криминологически верной: она создает стимул для выхода нижнего уровня дропперской сети из преступной схемы. Однако ее применение требует процессуальной определенности: в материалах дела должны быть зафиксированы добровольность сообщения, конкретность сведений, их проверяемость и реальный вклад лица в раскрытие организаторов.

Современная борьба с дропперством развивается в двух плоскостях: банковско-регулятивной и уголовно-процессуальной. Первая ориентирована на скорость: банк должен предотвратить подозрительную операцию до списания или немедленно ограничить дальнейшее использование электронного средства платежа. Вторая ориентирована на доказанность: суд должен установить событие преступления, виновность лица, форму вины, мотив, размер вреда, роль каждого участника и допустимость доказательств. Эти плоскости не совпадают и не должны смешиваться.

Антифрод-система работает с вероятностями. Она выявляет нетипичные операции, совпадения с базами, технические риски, странные маршруты денег. Уголовный процесс работает с доказательствами и стандартом убедительности. Поэтому сведения Банка России, банка-плательщика или банка-получателя должны использоваться как информационный вход в расследование, но не как презумпция виновности. Иначе возникнет опасная модель: алгоритм определяет подозрительность, следователь воспроизводит ее как обвинение, суд подтверждает ее как доказанность.

Для предотвращения такого смешения следует закрепить в методических рекомендациях минимальный стандарт доказывания по делам о дропперстве. Он должен включать не менее трех взаимосвязанных групп доказательств: транзакционные данные, подтверждающие неправомерную операцию; коммуникативные или поведенческие данные, подтверждающие связь лица с организатором и указания; имущественные дан-

ные, подтверждающие корыстную заинтересованность или получение выгоды. В отсутствие хотя бы одной группы обвинение должно оцениваться критически, особенно если лицо заявляет о собственном обмане или принуждении.

Гарантийный аспект важен еще и потому, что новые составы потенциально массовы. Дропперские схемы вовлекают студентов, безработных, мигрантов, зависимых лиц, несовершеннолетних, пожилых граждан. Уголовная политика должна быть направлена не на максимальное число привлеченных низовых участников, а на разрушение инфраструктуры: вербовщиков, администраторов каналов, покупателей карт, координаторов финансовых потоков, лиц, распределяющих средства после обналичивания. Для этого институт освобождения от ответственности при активном содействии должен применяться не формально, а как инструмент процессуального выхода к организаторам.

Практически целесообразно разработать разъяснение Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения новых частей ст. 187 УК РФ. В нем необходимо указать: критерии корыстной заинтересованности; признаки осознания неправомерности операции; правила разграничения с мошенничеством, легализацией и незаконной банковской деятельностью; значение данных антифрод-систем; порядок оценки передачи карты под влиянием обмана; особенности применения примечания об освобождении от ответственности. Без такого разъяснения региональная практика неизбежно пойдет по пути неоднородности.

Не менее важна процессуальная стандартизация банковских запросов. Следствию нужны не только выписки, но и расширенные технические сведения: время авторизаций, устройство, IP-адрес, способ подтверждения операции, привязанные номера, история смены данных, информация о срабатывании антифрод-критерия, основания включения реквизитов в базу и сведения о последующем исключении. Банки, в свою очередь, должны предоставлять такую информацию в машиночитаемом и юридически удостоверенном виде, пригодном для экспертного исследования и судебной проверки.

Криминализация дропперства в рамках ст. 187 УК РФ является закономерной реакцией на трансформацию имущественной преступности в условиях цифрового платежного оборота. Ее значение состоит не только в наказании лиц, передающих карты или счета, но и в создании уголовно-правового инструмента против инфраструктуры дистанционного мошенничества. Вместе с тем новая норма будет эффективной только при отказе от упрощенной логики «поступили похищенные деньги - владелец счета виновен».

Дропперство следует квалифицировать как посягательство на порядок безопасного использования электронных средств платежа, а не как автоматическую разновидность мошенничества или легализации. Его обязательными смысловыми признаками являются неправомерная операция, использование электронного средства платежа или доступа к нему, корыстная заинтересованность либо специальный статус постороннего лица, а также осознание противоправной функции платежного инструмента. Отсутствие этих признаков должно исключать уголовную ответственность по новым частям ст. 187 УК РФ.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506240043 (дата обращения: 03.06.2026).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026). Ст. 187 «Неправомерный оборот средств платежей» (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 03.06.2026).

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026). Ст. 73, 74, 81, 86, 164.1, 165, 183, 186, 186.1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 03.06.2026).

[6] Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

[7] Федеральный закон от 24.07.2023 № 369-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О национальной платежной системе”» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 31. Ст. 5781.

[8] Банк России. Какие признаки мошеннических переводов применяются с 1 января 2026 года? // Официальный сайт Банка России. URL:

https://www.cbr.ru/Reception/TopicalMessage/Page/11403/ (дата обращения: 03.06.2026).

[9] Приказ Банка России от 05.11.2025 № ОД-2506 «О внесении изменений в приказ Банка России от 27 июня 2024 года № ОД-1027» // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/10123 (дата обращения: 03.06.2026).

[10] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026). Ст. 75, примечание 4 к ст. 187 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 03.06.2026).

References:

[1] Federal Law of June 24, 2025 No. 176-FZ "On Amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506240043 (accessed: June 3, 2026).

[2] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on April 9, 2026). Article 187 "Illegal Circulation of Payment Funds" (as amended on April 9, 2026) // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date accessed: 03.06.2026).

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 48 "On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. No. 2.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 07.07.2015 No. 32 "On judicial practice in cases of legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means, and on the acquisition or sale of property knowingly obtained by criminal means" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 9.

[5] Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 09.04.2026). Art. 73, 74, 81, 86, 164.1, 165, 183, 186, 186.1 // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (date of access: 03.06.2026).

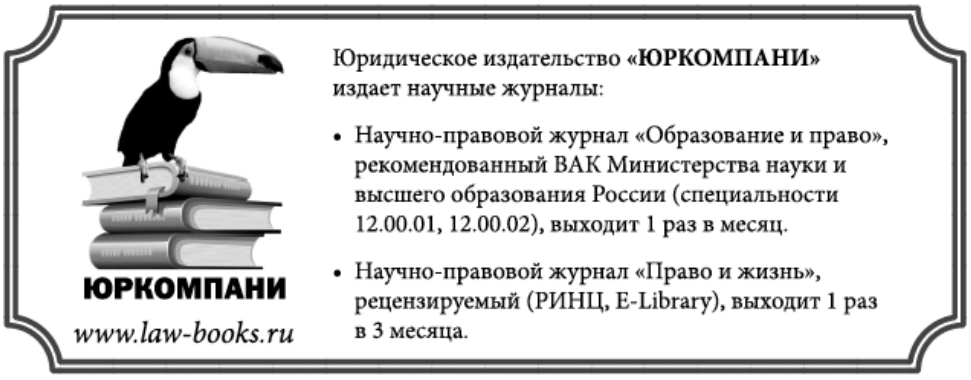
[6] Federal Law of 27.06.2011 No. 161-FZ "On the National Payment System" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 27. Art. 3872.

[7] Federal Law of July 24, 2023 No. 369-FZ "On Amendments to the Federal Law "On the National Payment System"" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 31. Article 5781.

[8] Bank of Russia. What Signs of Fraudulent Transfers Will Apply Starting January 1, 2026? // Official website of the Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/Reception/TopicalMessage/Page/11403/ (date accessed: June 3, 2026).

[9] Order of the Bank of Russia dated November 5, 2025 No. OD-2506 "On Amendments to Order of the Bank of Russia dated June 27, 2024 No. OD-1027" // Official website of the Bank of Russia. URL: https://cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/10123 (accessed: 03.06.2026).

[10] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 09.04.2026). Art. 75, note 4 to Art. 187 // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: 03.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-267-270

ГАРИФУЛЛИНА Р.Ф.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России,
полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ХАКИМОВА Э.Р.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматриваются качественные и количественные характеристики террористической и экстремистской преступности и правовые основы противодействия им. Преступления экстремистского характера, по мнению некоторых ученых-криминологов, демонстрируют высокий показатель латентности. Кроме того, с развитием автоматизации средств выявления экстремистских проявлений в сети, рост количества преступлений указанной группы будет только увеличиваться. Вместе с тем, при прочих равных условиях методом экстраполяции нами прогнозируется дальнейшее увеличение количества преступлений террористической и экстремистской направленности в России в 2026 году.*

Ключевые слова: *террористическая и экстремистская преступность, качественные и количественные характеристики, криминологическая характеристика.*

GARIFULLINA R.F.,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Criminal Law and Criminology Department
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel

KHAKIMOVA E.R.,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Criminal Law Department Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
Police Colonel

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF TERRORIST AND EXTREMIST CRIME

Annotation. *The article examines the qualitative and quantitative characteristics of terrorist and extremist crime and the legal basis for countering them. Extremist crimes, according to some criminologists, demonstrate a high rate of latency. In addition, with the development of automation of means of detecting extremist manifestations on the network, the increase in the number of crimes of this group will only increase. At the same time, all other things being equal, by extrapolation, we predict a further increase in the number of terrorist and extremist crimes in Russia in 2026.*

Key words: *terrorist and extremist crime, qualitative and quantitative characteristics, criminological characteristics.*

Основополагающими нормативными правовыми актами, которые закрепили понятие терроризма и экстремизма, являются следующие. Так, понятие терроризма определено Федеральным законом от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее – Закон № 35-ФЗ): «терроризм - идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [2]. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон № 114-ФЗ) в свою очередь закрепил такое определение экстремизма, которое в экстремистскую деятельность включает более десяти различных противоправных действий, среди которых действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя, возбуждение ненависти и вражды любого вида, воспрепятствование деятельности органов государственной власти, нарушение прав и свобод человека вследствие приверженности определенной идеологии и др. [3].

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 (далее – Стратегия) присутствует лишь определение проявлений экстремизма, под которыми законодатель понимает все опасные противоправные деяния, которые совершены исходя из мотивов политического, расового, национального или религиозного характера, либо враждебных действий в отношении конкретных групп населения, что привело к конфликтам, либо снизило защищенность конституционного строя, а также нарушило территориальную целостность страны [4]. Кроме того, законодатель указал, что проявления экстремизма угрожают «конституционному строю Российской Федерации, суверенитету, единству и территориальной целостности Российской Федерации или направленные на умышленное искажение истории, реабилитацию нацизма, а также иные публичные действия, направленные на разжигание ненависти».

Также содержится классификация исследуемой группы преступлений в Указании Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28 июля 2025 года «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (далее Указание) [5]. Так, к преступлениям экстремистской направленности согласно Перечню 20 Указания следует относить следующие: п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «з» ч. 2 ст. 117, п. «а» ч. 2 ст. 119, п. «г» ч. 4 ст. 150, п. «д» ч. 2 ст. 207.3, п. «б» ч. 1 ст. 213, ст. 280, 280.1, 280.2, п. «д» ч. 2 ст. 280.4, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 282.4, 357. Кроме того, в указанный перечень относятся те преступления, которые в карточке учета преступления имеют специальную отметку о связи с экстремисткой деятельностью. Так, к преступлениям террористической направленности согласно Перечню 22 Указания следует относить следующие: ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 205.6, 208, ч. 4 ст. 211, ст. 277, 360, 361. Кроме того, в указанный перечень относятся те преступления, которые в карточке учета преступления имеют специальную отметку о связи с террористической деятельностью. Таким образом, группа преступлений террористической и экстремисткой направленности объединяет в себе различные преступления, которые невозможно объединить одним криминологическим признаком, что накладывает особенности в организацию их предупреждения.

Рассмотрим динамику исследуемой группы преступлений на территории России за период с 2021 по 2025 год, что является достаточно объективным показателем в краткосрочном анализе с учетом недавно внесенных изменений в УК РФ по расширению группы преступлений экстремистской и террористической направленности.

В Российской Федерации за период с 2021 по 2025 год количество преступлений террористического и экстремистского характера демонстрирует тенденцию к увеличению со средним показателем прироста 1242 преступления в год. Так, в 2021 году количество указанных преступлений составило 3193, в 2022 году – 3799, в 2023 году – 3722, в 2024 году – 5433, в 2025 году – 8161. При этом, если рассмотреть сравнительную характеристику преступлений террористического и экстремистского характера, то мы приходим к выводу, что каждый из показателей также демонстрирует тенденцию к увеличению. Так, в 2021 году количество преступлений террористического характера, совершенных на территории Российской Федерации, составило 2136, а количество преступлений экстремистского характера – 1057; в 2022 году – 2233 и 1566, соответственно; в 2023 году – 2382 и 1340, соответственно; в 2024 году – 3714 и 1719, соответственно; в 2025 году – 5920 и 2241, соответственно.

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод, что средний прирост группы преступлений террористической направленности по сравнению с аналогичным показателем преступлений экстремистской направленности за период с 2021 по 2025 год, больше в 3,2 раза. Так, средний показатель прироста преступлений террористической направленности за исследуемый

период составил 946 преступлений в год, а аналогичный показатель по экстремистским преступлениям – 296 преступлений в год.

Указанный рост количества преступлений террористического и экстремистского характера также отражается и на росте доли указанных преступлений в структуре общей преступности Российской Федерации за исследуемый период. Так, в 2021 году доля преступлений террористического и экстремистского характера в структуре общего количества преступлений в России составила 0,159, в 2022 году – 0,193, в 2023 году – 0,191, в 2024 году – 0,284, в 2025 году – 0,461 [6].

Анализ данных, позволяет констатировать прирост доли преступлений исследуемой группы в структуре преступности России на 189,3 % в 2025 году по сравнению с 2021 годом. Несомненно, данный факт подтверждает не только актуальность исследования криминологической характеристики преступлений, но и планирование общего и специального противодействия преступлениям террористической и экстремистской направленности. Указанный рост также обусловлен высоким показателем раскрываемости преступлений экстремистской направленности на фоне небольшого снижения раскрываемости преступлений террористического характера, совершенных в России за период с 2021 по 2025 год. Так, в 2021 году показатель раскрываемости преступлений террористической направленности составил 51,2 %, а показатель раскрываемости преступлений экстремистской направленности – 85,9 %; в 2022 году – 52,4 % и 80,3 %, соответственно; в 2023 году – 48,6 % и 95,1 %, соответственно; в 2024 году – 44,0 % и 87,1 %, соответственно; в 2025 году – 47,1 % и 90,8 %, соответственно [6].

Анализируя данные, следует вывод, что преступления экстремистского характера эффективно выявляются и расследуются. Вместе с тем, преступления экстремистского характера, по мнению некоторых ученых-криминологов, демонстрируют высокий показатель латентности. Кроме того, с развитием автоматизации средств выявления экстремистских проявлений в сети, рост количества преступлений указанной группы будет только увеличиваться [7, с. 90]. Вместе с тем, при прочих равных условиях методом экстраполяции нами прогнозируется дальнейшее увеличение количества преступлений террористической и экстремистской направленности в России в 2026 году. Так, в 2026 году количество преступлений террористической направленности составит 6866, а количество преступлений экстремистской направленности – 2537. Данный прогноз в еще большей степени актуализирует исследование роли органов внутренних дел в борьбе с проявлениями экстремизма и терроризма. Увеличение количества преступлений террористической и экстремистской направленности существенно влияет на степень соблюдения гарантий прав и свобод человека и гражданина [8, с. 19], отношение людей к соблюдению принципа законности в сфере борьбы с преступностью.

Таким образом, группа преступлений террористической и экстремисткой направленности объединяет в себе различные преступления, которые невозможно объединить одним криминологическим признаком, что накладывает особенности в организацию их предупреждения. Рассмотренные качественные и количественные характеристики преступности экстремистской и террористической направленности позволяют сделать вывод, что их общее количество демонстрирует тенденцию к росту, кроме того, увеличивается и их доля в общей преступности в стране за период с 2021 по 2025 год.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. // Собрание законодательства РФ. 1996. 17 июня. № 25. Ст. 2954.

[2] О противодействии терроризму: федер. закон Рос. Федерации от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 26 февраля 2006 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 01 марта 2006 г. // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

[3] О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 27 июня 2002 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 10 июля 2002 г. // Российская газета. – № 138-139. – 2002.

[4] Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: указ Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8669.

[5] О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28 июля 2025 года. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.04.2026).

[6] Ежегодный доклад МВД России о состоянии преступности за 2021, 2022, 2023, 2024, 2025 года // Интернет-портал МВД России. URL: http://мвд.рф (дата обращения: 20.04.2026).

[7] Зиявудинова В. А. Уголовное противодействие терроризму на современном этапе развития общества и государства / В. А. Зиявудинова // Право и государственность. – 2024. – № 3(4). – С. 90-93.

[8] Шайхуллин М. С. Правовая природа конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина / М. С. Шайхуллин // Право и государственность. – 2023. – № 1(1). – С. 18-23.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996, No. 63-FZ. // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. June 17. No. 25. Article 2954.

[2] On Countering Terrorism: Federal Law of the Russian Federation of March 6, 2006, No. 35-FZ: adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on February 26, 2006: approved by the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation on March 1, 2006 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 11. Article 1146.

[3] On Countering Extremist Activity: Federal Law of the Russian Federation. Federation of July 25, 2002, No. 114-FZ: adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on June 27, 2002: approved by the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation on July 10, 2002 // Rossiyskaya Gazeta. - No. 138-139. - 2002.

[4] On approval of the Strategy for countering extremism in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 28, 2024, No. 1124 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 53 (Part I). Art. 8669.

[5] On the introduction of the lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reports: Instruction of the Prosecutor General's Office of Russia No. 503/11, the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 dated July 28, 2025. // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://www.pravo.gov.ru (date of access: April 20, 2026).

[6] Annual report of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the state of crime for 2021, 2022, 2023, 2024, 2025 // Internet portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: http://мвд.рф (date of access: April 20, 2026).

[7] Ziyavudinova V. A. Criminal counteraction to terrorism at the current stage of development of society and the state / V. A. Ziyavudinova // Law and statehood. – 2024. – No. 3(4). – P. 90-93.

[8] Shaikhullin M. S. Legal nature of constitutional guarantees of human and civil rights and freedoms / M. S. Shaikhullin // Law and statehood. – 2023. – No. 1(1). – P. 18-23.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-271-274

РАХМАНОВА Екатерина Николаевна,
доктор юридических наук, доцент,
зав. кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия
им. ВМ. Лебедева,
e-mail: ekaterina.rachmanova@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ В СОВРЕМЕННОМ РОСИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. *В статье анализируется эволюция уголовной ответственности за жестокое обращение с животными в российском законодательстве, начиная с советского периода и до настоящего времени с учетом внесённых в 2017 году Федеральным законом № 412-ФЗ изменений и дополнений. Подчеркивается, что первоначальная редакция ст. 245 УК РФ 1996 года, несмотря на её гуманистическую направленность, носила во многом декларативный характер и отличалась низкой эффективностью вследствие неудачного формулирования и узости диспозиции, а также неоправданно мягким санкциям. Особое внимание уделяется современному содержанию ст. 245 УК РФ, диспозиция которой в 2017 году были дополнена новыми признаками жестокого обращения с животными, а также в статью были внесены новые квалифицирующие признаки, включая публичную демонстрацию противоправных действий и предусмотрены более суровые по сравнению с 1996 годом санкции. Вместе с тем в работе показывается, что даже после внесённых законодательных изменений все еще сохраняются проблемы ее применения. К их числу отнесены неопределённость в определении предмета преступления, дискуссионность субъективной стороны, отсутствие единообразного понимания оценочных признаков, таких как, в частности, «садистские методы», «публичная демонстрация», что порождает неоднородность судебной практики. Отмечается также расхождение между уголовно-правовым и отраслевым регулированием. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования ст. 245 УК РФ, разработки и принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ для обеспечения единообразия правоприменения и повышения эффективности уголовно-правовой защиты животных.*

Ключевые слова*: жестокое обращение с животными, статья 245 УК РФ, уголовная ответственность, общественная нравственность, оценочные понятия, судебная практика***.**

RAKHMANOVA Ekaterina Nikolaevna
Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Criminal Law Department
of the North-Western Branch of the Lebedev
Russian State University of Justice

THE EVOLUTION OF LIABILITY FOR ANIMAL CRUELTY IN CONTEMPORARY RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION

Annotation. *This article analyzes the evolution of criminal liability for animal cruelty in Russian legislation, from the Soviet period to the present, taking into account the amendments and additions introduced in 2017 by Federal Law No. 412-FZ. It is emphasized that the original version of Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation of 1996, despite its humane intent, was largely declaratory in nature and was ineffective due to poor wording, a narrow scope, and unjustifiably lenient sanctions. Particular attention is given to the current content of Article 245. Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation, which was amended in 2017 to include new traits of cruelty to animals, was also expanded to include new qualifying elements, including public demonstration of illegal actions, and provided for harsher sanctions than in 1996. However, the paper demonstrates that even after these legislative changes, challenges in its application remain. These include the ambiguity in defining the target of the crime, the debatable nature of the subjective element, and the lack of a uniform understanding of evaluative elements, such as "sadistic methods" and "public*

demonstration," which leads to heterogeneity in judicial practice. Discrepancies between criminal law and industry-specific regulation are also noted. It is concluded that further improvements to Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation and the development and adoption of a resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are necessary to ensure uniformity of law enforcement and improve the effectiveness of criminal law protection for animals.

Key words: *cruelty to animals, Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminal liability, public morality, evaluative concepts, judicial practice*.

Уголовный кодекс Российской Федерации, продолжая традиции советского уголовного законодательства (ст. 230.1 УК РСФСР «Жестокое обращение с животными) [1], предусматривает ответственность за жестокое обращение с животными, что многими специалистами оценивается как показатель, отражающий реализацию в уголовно-правовых отношениях принципа гуманизма [2, 266].

С теоретической точки зрения, определяя объект преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, законодатель, отражая представление людей о сложившихся в обществе стандартах восприятия людей в отношении к животным, отнес его к преступлениям против нравственности населения, признав тем самым, что жестокое обращение с животными несовместимо с требованиями морали и гуманности.

Но, как показывает практика, путь от законодательной декларации до эффективной правовой защиты животных оказался сложным и противоречивым.

Первоначальная редакция ст. 245 УК РФ, вступившего в силу 1 января 1997 года, предусматривала ответственность за жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье, если это деяние совершено из хулиганских, корыстных побуждений, или с применением садистских методов, или в присутствии малолетних[3]. Но сформулирована она была неудачно, в результате чего оказалась малоэффективной [4, 569]. В частности, требование доказывания специфических хулиганских, корыстных или садистских методов на практике оказалось сделать очень сложно, а отсутствие прямого указания на цель причинения боли и страданий животному значительно сужало круг деяний, подпадающих под признаки ст. 245 УК РФ, оставляя за рамками уголовного преследования множество случаев умышленного причинения вреда животным. И, как справедливо указывает В.С. Мирошниченко, отсутствие четких разъяснений Верховного Суда РФ таких понятий как «жестокость», «садистские методы» и «увечье животного» применительно к животным, приводило к низкой выявляемости преступлений и частым отказам в возбуждении уголовных дел [5, 17-18].

Санкции статьи были неоправданно мягкими, предусматривая штраф, обязательные работы, исправительные работы или арест. Максимальное наказание в виде лишения свободы составляло до двух лет, но на практике оно применялось крайне редко, что не соответствовало общественной опасности таких деяний, что формировало в обществе ощущение безнаказанности [6, 22].

Таким образом, первоначальная редакция ст. 245 УК РФ, несмотря на свою прогрессивность, носила скорее декларативный характер, не обладая достаточным карательным и превентивным потенциалом.

Ситуация начала меняться под влиянием многочисленных случаев жестокого обращения с животными, широко освещаемых в СМИ и в социальных сетях. Общественный запрос на ужесточение ответственности и более эффективную защиту животных явился одним из катализаторов принятия Федерального закона № 412-ФЗ «О внесении изменений в статью 245 Уголовного кодекса Российской Федерации» [7].

С 2017 года уголовная ответственность по ст. 245 УК РФ наступает за жестокое обращение с животным, повлекшее его гибель или увечье, совершенное в целях причинения животному боли и (или) страданий, либо из хулиганских или корыстных побуждений.

Статья была дополнена также новыми квалифицирующими признаками, такими как совершение данного преступления в присутствии малолетних детей, группой лиц, его публичная демонстрация и совершение жестокого обращения в отношении нескольких животных.

Срок лишения свободы был увеличен до трех лет. За деяния, совершенные группой лиц, по предварительному сговору, организованной группой, в присутствии малолетнего, с применением садистских методов, с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), а также в отношении нескольких животных, лишение свободы может быть назначено до 5 лет.

Но несмотря на это уголовно-правовая защита животных все еще сталкивается с рядом серьезных проблем, которые препятствуют эффективной реализации ст. 245 УК РФ.

Прежде всего, так и не решен вопрос о предмете данного преступления. О каких именно животных мы можем говорить в уголовно-правовом смысле? Обсуждение данного вопроса

ведется давно, высказываются самые разные предложения. Высказывается мнение, что, учитывая положения ст. 4 Закона об ответственном отношении к животным, мы можем говорить только о высших позвоночных. В то же время предлагается расширить их перечень, включив в него млекопитающих, птиц, земноводных и т.д., исходя не столько из их способности испытывать страдания, сколько из отношении общества к совершению подобных действий [8, 87].

Не меньшие дискуссии ведутся и об определении субъективной стороны, и в первую очередь, о мотивах совершения данного преступления. Как следует из диспозиции рассматриваемой статьи, привлекая к ответственности за жестокое обращение с животными, в каждом конкретном случае необходимо установить наличие либо их отсутствие. Но проблема состоит в том, что законодатель не раскрывает, в чем именно могут выражаться, например, хулиганские мотивы. Так, например, какие могут быть мотивы в случае неправильного содержания животного. Если мы говорим об умышленной форме вины, то должны требовать в каждом конкретном случае знания и понимания владельца животных, что каждый вид животного имеет свои собственные и научно обоснованные условия содержания, которые он должен соблюдать, но сознательно этого не делает и не хочет делать, причиняя тем самым страдание животному. Но, как быть в ситуации, когда владелец животного совершает данные действия по неосторожности вследствие незнания условий содержания тех или иных конкретных животных.

Как справедливо пишет о субъективной стороне преступления, предусмотренного, ст. 245 УК РФ, К.П. Семенов, законодатель, с одной стороны, правильно сформулировал данный состав, указав на специальную цель. В то же время «в действительности появление этого признака в основном составе преступления с нарушением законодательной техники, выразившимся в его изложении сразу за общественно опасным деянием, при условии его неправильного восприятия в сопоставлении с другими субъективными признаками основного состава преступления может создавать трудности для правоприменительной практики при квалификации деяний с признаками жестокого обращения с животными» [6, 24].

По-прежнему, неоднозначно толкуются квалифицирующие признаки. До сих пор нет единого понимания, что считать садистскими методами обращения с животными – длительные пытки или любое особо жестокое действие, причиняющее животному сильные страдания. Так, понятие «садистские методы», являясь оценочным, определяется судами в каждом конкретном случае по-разному, что создает почву для субъективизма правоприменителя. В результате изучение практики показывает, что порой действия виновного квалифицируются как жестокое обращение с животными при установлении цели причинения ему боли или страданий, а в других аналогичных ситуациях суды усматривают в действиях виновного хулиганские мотивы, но иногда подобные дела не доходят до суда из-за трудностей, возникающих в связи с доказыванием наличия хулиганского умысла. Например, как квалифицировать удар животного, причинивший ему боль, если установлено, что основной целью виновного лица было нарушение общественного порядка, а не причинение страданий животному [9, 24]. Учитывая традиционное понимание хулиганских мотивов, нужно прежде всего установить, что привлекаемое к ответственности лицо демонстративно и явно пренебрегая сложившимися в обществе правилами морали причиняет животному страдания и боль, делая это публично и без какого-то очевидного повода. Но, «если побудительными мотивами лишения жизни животного являлись месть, защита от нападения, желание устранить угрозу своей семье, несовершеннолетним или пожилым людям и т. п., то хулиганский мотив отсутствует» [10, 34].

Также остается не вполне ясно, что именно законодатель понимает под «публичной демонстрацией, в том числе в СМИ или информационно-телекоммуникационных сетях». Можно ли считать публичной демонстрацией размещение информации о жестоком обращении с животными в закрытых чатах или закрытых группах в социальных сетях, поскольку публичность предполагает доступность информации неопределенно широкому кругу лиц. Иначе говоря, какое именно количество просмотров делает названное деяние публичным. Отсутствие общего понимания приводит к тому, что суды и этот признак понимают по-разному. В одном случае они квалифицируют размещение видео в закрытом чате как публичную демонстрацию жестокого обращения с животными, а в другом как непубличную.

Так, неточность формулировок, содержащихся в 245 УК РФ, несмотря на изменения 2017 года и принятие Федерального закона от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном отношении к животными и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11] приводят к тому судебная практика по данной категории дел остается противоречивой. Во многом этому способствует и то, что определение жестокого обращения с животным, которое дается в Законе, и уголовно-правовое существенно различаются, поскольку для квалификации по ст. 245 УК РФ данные действия могут быть признаны преступными только при условии установления наличия мотивов, указанных в ст. 245 УК РФ [10, с. 35].

Анализ тридцатилетнего развития уголовного законодательства Российской Федерации показывает, что от первоначальной, во многом декларативной нормы, мы постепенно переходим к более осознанному пониманию, что реальная уголовно-правовая защита животных требует не только серьезной коррекции ст. 245 УК РФ, но и ее последовательного, единообразного и гуманного применения. В этой связи следует признать необходимость разработки и принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ, которое бы дало четкие разъяснения по толкованию ключевых понятий, содержащихся в ст. 245 УК РФ, а также квалифицирующих признаков.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591

[2] Сафонов, В. Н. Жестокое обращение с животными: пределы законодательной и правоприменительной дискреции // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 11 марта 2022 года / Под общей редакцией Е.Н. Рахмановой. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. – С. С. 265-278.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) [Электронный ресурс]//Доступ из справочной-правовой системы СПС «КонсультантПлюс»

[4] Китаева В.Н. Некоторые аспекты противодействия жестокому обращению с животными // Всероссийский криминологический журнал. - 2016. - Т. 10, № 3. - С. 568-578

[5] Миронишенко В.С. Жестокое обращение с животными (уголовно-правовые и криминологические аспекты). Автореферат дис. … кандидата юридических наук. – М., 2013. – 29 с.

[6] Семенов К. П. Жестокое обращение с животными: некоторые проблемы квалификации // Научный портал МВД России. - 2019. - №1 (45). - С. 22-27

[7] Федеральный закон от 20.12.2017 № 412-ФЗ «О внесении изменений в статью 245 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 52 (Часть I). Ст. 7917.

[8] Хайбрахманова Р. Р. Предмет состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ // Вестник Владимирского юридического института. – 2025. – № 1(74). – С. 84-88.

[9] Шабалина М. Проблемы квалификации жестокого обращения с животными (ст. 245 УК РФ) //Уголовное право. - 2020.- № 6. - С. 77-82

[10] Попов И. В. Дискуссионные вопросы квалификации жестокого обращения с животными // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2026. – Т. 32, № 1(100). - С. 33-38

[11] Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном отношении к животными и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]//Доступ из справочной-правовой системы СПС «КонсультантПлюс»

References:

[1] Criminal Code of the RSFSR of October 27, 1960 // Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. No. 40. Article 591

[2] Safonov, V. N. Animal cruelty: the limits of legislative and enforcement discretion // Criminal policy and law enforcement practice: Collection of materials from the IX International scientific and practical conference, St. Petersburg, March 11, 2022 / General editor E.N. Rakhmanova. - St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies “Asterion”, 2022. - P. 265-278.

[3] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on April 9, 2026) [Electronic resource]//Access from the reference and legal system of the SPS “Consultant Plus”

[4] Kitaeva V.N. Some aspects of counteracting cruelty to animals //Russian Journal of Criminology. – 2016. - Vol. 10, No 3. - Pp. 568–578.

[5] Mironishenko V.S. Cruelty to animals (criminal-legal and criminological aspects). Extended abstract of candidate’s thesis) – Moscow, 2013. – 29 p.

[6] Semenov K. P. Cruel treatment with animals: some problems of qualification of crimes // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2019. - No 1 (45). - Pp. 22-27

[7] Federal Law of 20.12.2017 No. 412-FZ “On Amendments to Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 52 (Part I). Art. 7917.

[8] Khaibrakhmanova, R. R. Subject of the crime under Art. 245 of the Criminal Code of the Russian Federation// Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta. -2025. - No 1(74). - Pp. 84–88.

[9] Shabalina M. Problems of qualification of cruel treatment of animals (Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Criminal Law. - 2020.- No 6. - Pp. 77-82

[10] Popov I. V. Debatable Issues of Qualifying Animal Cruelty. Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia. - 2026. - Vol. 32, No 1(100). - Pp. 33–38

[11] Federal Law of 27.12.2018 No. 498-FZ “On Responsible Treatment of Animals and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” [Electronic resource]//Access from the reference and legal system of the SPS “ConsultantPlus”

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-275-279

СИМАГИНА Наталья Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и
муниципального права,
Владимирский филиал РАНХиГС,
e-mail: simagina.n@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья представляет собой комплексное криминологическое исследование женской преступности в современной России. На основе анализа официальных статистических данных за 2020-2025 гг. и актуальных научных публикаций рассматриваются количественные и качественные параметры преступности среди женщин. Особое внимание уделяется феномену «маскулинизации» женской преступности. Анализируются детерминанты женской преступности, включая влияние эмансипации, экономической нестабильности и ослабления института семьи. Обосновывается необходимость гендерно-ориентированного подхода к профилактике преступности и ресоциализации осужденных женщин с учетом выявленных криминологически значимых особенностей.*

Ключевые слова: *женская преступность, маскулинизация, детерминанты, гендерный подход, профилактика преступности, ресоциализация.*

SIMAGINA Natalia Anatolyevna,
PhD (Law), associate professor,
assistant professor of the department
of constitutional and municipal law,
Vladimir branch, the Russian Academy
of National Economy and Public Administration

THE CURRENT STATE AND TRENDS OF FEMALE CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article is a comprehensive criminological study of female criminality in modern Russia. Based on the analysis of official statistical data for 2020-2025 and relevant scientific publications, the quantitative and qualitative parameters of crime among women are considered. Special attention is paid to the phenomenon of «masculinization» of female crime. The determinants of female criminality are analyzed, including the impact of emancipation, economic instability, and the weakening of the family institution. The necessity of a gender-oriented approach to crime prevention and the re-socialization of convicted women is substantiated, taking into account the criminologically significant features identified.*

Key words: *female crime, masculinization, determinants, gender approach, crime prevention, resocialization.*

Проблема женской преступности в России приобретает особую роль в аспекте глубинных социально-экономических и культурных изменений, переживаемых обществом. Традиционно рассматриваемая как периферийный объект криминологического анализа, женская преступность сегодня показывает качественные изменения, требующие пересмотра устоявшихся концептуальных основ и практических стратегий профилактики [1].

Согласно статистическим данным, на долю женщин в настоящее время приходится в среднем 16 % от общего количества преступных посягательств. Несмотря на то, что абсолютные показатели женской преступности демонстрируют тенденцию к снижению - с 73 325 преступлений в 2020 году до 42 029 в первом полугодии 2025 года [2], - качественные характеристики данного феномена претерпевают кардинальные изменения, вызывающие обоснованную тревогу в научных кругах и правоприменительной практике.

В целом за 2025 год в России было выявлено почти 116,3 тысяч преступлений, совершенных женщинами. При этом наблюдается суще-

ственная региональная дифференциация: лидирующие позиции занимают Московская область (6 018 преступлений), Москва (5 390) и Санкт-Петербург с Ленинградской областью (4 917), тогда как наименьшие показатели фиксируются в Чукотском (90) и Ненецком (66) автономных округах [3]. Как мы видим, приведенные выше данные свидетельствуют о прямой корреляции между уровнем женской преступности и плотностью населения. Крупные агломерации (Москва, Московская область, Санкт-Петербург) традиционно демонстрируют абсолютное лидерство по числу выявленных преступлений среди женщин, тогда как низкие показатели в удаленных северных автономных округах является скорее индикатором специфики социального уклада и сложности выявления преступлений.

Как показывают официальные статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, структура женской преступности традиционно характеризуется преобладанием преступлений против собственности. Из них самыми часто совершаемыми являются кражи (30-35 %) и мошенничества (15-20 %). Одной из ключевых причин распространенности указанных выше преступлений является финансовая нестабильность. Для женщин, особенно тех, кто воспитывает детей в одиночку или принадлежит к социально уязвимым группам, необходимость обеспечить жизненно важные потребности зачастую становится сложной задачей. В таких условиях кражи, как способ удовлетворения первостепенных нужд, и мошенничество, связанное с манипуляцией доверием потерпевших, могут восприниматься как выход из положения.

Обращает на себя внимание высокая доля женщин среди лиц, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (10-12 %), где их доля приближается к мужской преступности. Этот факт свидетельствует о качественной трансформации женской преступности, выходящей за рамки традиционных представлений о «женских» преступлениях.

Характерной категорией, традиционно присущей женской преступности, являются преступные деяния против несовершеннолетних, а именно неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ), если это сопряжено с жестоким обращением, включая физическое или психическое насилие над ними, в покушении на их половую неприкосновенность. В иных случаях лица, на которых возложены родительские обязанности, несут ответственность по ст. 5.35 КоАП РФ.

Более 42 тысяч женщин были осуждены в России за первое полугодие 2025 года. При этом число осужденных женщин почти не изменилось по сравнению с показателями аналогичного периода прошлого года: за первое полугодие 2024 года, как следует из статистических данных Верховного суда РФ, обвинительные приговоры были вынесены в отношении более 40,4 тысячи женщин [4]. Это может свидетельствовать как о сформировавшейся практике назначения наказаний, так и об устойчивости криминогенных факторов, влияющих на женскую преступность.

Для осужденных женщин свойственно: базовое образование и низкий уровень квалификации, некомпетентность, нестабильная занятость, финансовые трудности, наличие лиц на иждивении. Существенная доля осужденных женщин имела опыт виктимизации, включая домашнее насилие, что свидетельствует о тесной связи между положением жертвы и совершением общественно опасного деяния.

Особого внимания заслуживает тот факт, что многие женщины идут на совершение преступления непроизвольно, будучи вовлеченными в сложные и порой запутанные схемы, связанные с развитием информационно-телекоммуникационных технологий.

Причины, по которым женщины совершают преступления, разнообразны. В отличие от мужской преступности, где более очевидными являются агрессия, доминирование и стремление к власти, женская преступность часто имеет место в контексте глубоких личных и социальных проблем. Эти проблемы имеют сложный взаимосвязанный характер и обычно демонстрируют социальные, экономические и культурные факторы. В связи с этим, основные причины женской преступности можно разделить на несколько групп: социально-экономические, психологические и семейные, а также гендерные и социальные стереотипы [5, с. 117]. Рассмотрим их более подробнее.

Кризис экономической системы, безработица, завышение цен, инфляция - все это выступает мощным источником противоправной деятельности, создавая благоприятную среду для преступного поведения.

Особенное значение имеет фактор социального неравенства, проявляющийся в сохраняющемся разрыве в оплате труда мужчин и женщин. Даже в преимущественно женских профессиях доход мужчин остается гораздо выше. Женщины, оказавшиеся в трудном финансовом положении, зачастую видят в преступлении единственный способ обеспечить себя и своих детей.

Весомым детерминантом женской преступности выступает ослабление социальных институтов, в первую очередь института семьи и материнства. Данный процесс, с одной стороны, связан с эмансипацией женщин и расширением их

социальных ролей, с другой - обусловлен недофинансированием государством сферы поддержки материнства и детства. Кроме того, эмансипация оказывает влияние на морально-нравственную сферу женщин, что проявляется в переоценке традиционных ценностей, отказе от исключительной роли хранительницы домашнего очага. Они больше не ограничены классической семейной ролью и начинают задумываться о своем саморазвитии во всех направлениях общественной жизни, в том числе выбирают и криминальный образ жизни.

Также, проблемы в семье, жестокое обращение со стороны мужа (сожителя), воспитание детей в условиях нестабильной обстановки напрямую влияют на поведение женщин. Многие преступления связаны с семейными конфликтами и воспитанием детей, что еще раз подтверждает прочную взаимосвязь между институциональным неблагополучием и преступным поведением.

Среди психологических детерминант женской преступности следует выделить эмоциональные состояния, связанные с продолжительным психоэмоциальным воздействием, а именно аффективные расстройства, посттравматическое стрессовое расстройство и др.

Женщины зачастую чрезвычайно остро реагируют на психотравмирующие ситуации, а также более неустойчивы и эмоциональны, чем лица мужского пола, поэтому зачастую преступные деяния совершаются под воздействием негативных (отрицательных) эмоций. Для примера, многие насильственные преступления, совершаемые женщинами (убийства, умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью), совершаются в состоянии аффекта или как реакция на длительное насилие со стороны своего партнера. Однако женщины склонны испытывать сильное чувство вины за совершенные преступления, раскаиваются в содеянном, поэтому они готовы идти навстречу правоохранительным органам и способствуют их расследованию.

Важно отметить, что в последние годы в России наблюдается значительное изменение в структуре и мотивах преступлений, совершаемых женщинами, что отражает процесс так называемой маскулинизации женской преступности.

Феномен маскулинизации женской преступности представляет собой один из наиболее значимых трендов в криминологии в последние годы. Под маскулинизацией принято понимать процесс, при котором криминальное поведение женщин приобретает черты, традиционно характерные для мужской преступности, а именно рост преступлений против жизни и здоровья, агрессивные действия и вовлечение в организованные группы и преступные сообщества (организации).

В основе данного тренда лежит комплекс взаимосвязанных факторов. Во-первых, это изменение гендерных ролей в современном мире, разрушение устоявшихся взглядов о «женском» и «мужском» поведении. Во-вторых, усиление социальной борьбы, требующее от лиц женского пола проявления «маскулинных» черт - агрессивности, враждебности, напористости, настойчивости и готовности к риску. В-третьих, влияние финансовой нестабильности, ставящей женщин перед трудным выбором между выживанием и соблюдением закона. В-четвертых, распространение в СМИ образа «сильной женщины», для которой насилие становится допустимым способом решения конфликтов.

Следовательно, рациональная профилактика женской преступности невозможна без учета гендерных особенностей данного феномена. Традиционные подходы, направленные на «универсального» преступника (по факту, мужчину), показывают недостаточную эффективность применительно к женщинам.

Гендерно-ориентированный подход предусматривает учет специфических факторов, толкающих женщин на совершение преступных деяний; разработку узконаправленных программ профилактики с учетом женской психологии и социальных ролей; создание гендерно-чувствительной системы исполнения наказаний и ресоциализации.

Как было сказано выше, ключевые детерминанты женской преступности имеют, как правило, социально-экономическую природу, основное значение приобретают меры, направленные на повышение экономической самостоятельности и социальной защищенности лиц женского пола.

Критически важным является создание специализированных центров помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия [6]. Женщины, оказавшиеся в данной ситуации, нуждаются не только в психологической поддержке, но и в юридической помощи, временном убежище, содействии в последующем трудоустройстве. Отсутствие таких центров или их ограниченная доступность оставляют женщинам иллюзию «единственного выхода» - совершения преступления в ответ на продолжительную виктимизацию.

Приоритетным направлением является и расширение программ поддержки материнства и детства, повышение доступности дошкольного образования, модернизация системы социальных пособий для семей с детьми. Снижение финансового давления, лежащего на материнских плечах, уменьшает криминогенный потенциал, связанный с денежными трудностями.

В условиях цифровизации особенное значение приобретает профилактика вовлечения лиц женского пола в киберпреступность и незаконный оборот наркотических средств посредством сети Интернет. В связи с этим, необходимо: повышение компьютерной грамотности; информирование о преступных схемах вовлечения в данный вид деятельности через мессенджеры и социальные сети; создание «цифровых служб доверия», куда женщины могут обратиться, если их пытаются втянуть в преступную схему или они уже были втянуты.

Проблема ресоциализации женщин, отбывших наказание в местах лишения свободы, требует повышенного внимания, поскольку их нравственные ценности в значительной степени искажены или нарушены [7, с. 85]. Высокий уровень рецидива среди женщин свидетельствует о недостаточной результативности действующих механизмов социальной адаптации.

Так, успешная ресоциализация предполагает комплекс мер, которые включают: профессиональную подготовку и содействие в поиске работы, психологическую поддержку и восстановление семейных связей, помощь в решении жилищного вопроса, социальное сопровождение после освобождения.

Важным направлением является сохранение и укрепление связей осужденных женщин с детьми. Отрыв от семьи, лишение возможности участвовать в воспитании детей не только травмирует женщину, но и повышает риски постпенитенциарной преступности [8, с. 528].

Таким образом, установлено, что женская преступность обусловлена многофакторным комплексом взаимозависимых условий, охватывающих социальное окружение, личностные ресурсы и поведенческие паттерны. Рассматриваемый в статье вид преступности сохраняет устойчивый удельный вес в общей структуре преступности и демонстрирует количественные и качественные изменения, вызывающие обоснованную тревогу.

Ключевым криминологическим трендом является маскулинизация женской преступности - процесс, проявляющийся в росте насильственных преступлений, совершаемых женщинами, трансформации мотивационной сферы, профессионализации и вовлечении в новые виды преступной деятельности.

Детерминантный комплекс женской преступности включает социально-экономические факторы (безработица, социальное неравенство, нестабильный доход); институциональные факторы (ослабление институтов семьи и материнства, домашнее насилие); социокультурные факторы (эмансипация, изменение гендерных ролей); психологические факторы (виктимизация, эмоциональная нестабильность, стресс, стокгольмский сидром).

Эффективная профилактика женской преступности невозможна без перехода от «гендерно-нейтральных» подходов к гендерно-ориентированной стратегии, учитывающей особенности женского преступного поведения и его детерминант. Важными направлениями являются: социально-экономическая поддержка; содействие трудоустройству лиц женского пола; правовое просвещение женщин; создание центров помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия; поддержка материнства и семьи; психологическое консультирование и сопровождение женщин в период беременности / послеродовой период; оптимизация системы ресоциализации осужденных женщин, адаптации после отбытия наказания в местах лишения свободы.

Список литературы:

[1] Телегина Е.Г. Идейно-ценностная идентификация женщин, в контексте дискурса причинного комплекса мужской и женской преступности // Аграрное и земельное право. - 2025. - № 3. - С. 430-433.

[2] Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://cdep.ru/index.php?id=79/ (дата обращения: 19.04.2026).

[3] Новости в России и мире - ТАСС [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/26492803 (дата обращения: 19.04.2026).

[4] РИА Новости - события в Москве, России и мире сегодня: темы дня, фото, видео, инфографика, радио [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20260104/zhenschiny-2066315159.html (дата обращения: 19.04.2026).

[5] Ивлиев П.В., Воробьев С.М. Специфики женской преступности и особенностей работы с осужденными женщинами // Вестник Института права Башкирского государственного университета. - 2025. - № 1. - С. 113-125.

[6] Симагина Н.А. Домашнее насилие в странах Европы и способы борьбы с ним // Человек: преступление и наказание. - 2022. - Т. 30, № 4. - С. 575-583.

[7] Гребенникова А.П., Корнакова С.В. Основные направления профилактики женской преступности в России на современном этапе // Юридическая наука и практика. - 2025. - Т. 21, № 2. - С. 78-87.

[8] Харченко О.В. Женская преступность: криминологический анализ актуальных тенденций и мер предупреждения // Аграрное и земельное право. - 2025. - № 10. - С. 526-528.

References:

[1] Telegina E.G. Ideological and value identification of women, in the context of the discourse of

the causal complex of male and female crime//Agrarian and land law. - 2025. - № 3. - S. 430-433.

[2] Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. - Access mode: https://cdep.ru/index.php?id=79/ (access date: 19.04.2026).

[3] News in Russia and the world - TASS [Electronic resource]. - Access mode: https://tass.ru/obschestvo/26492803 (access date: 19.04.2026).

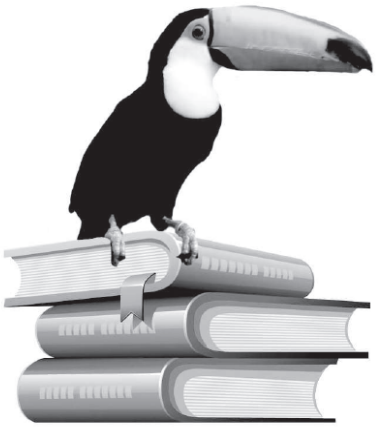
[4] RIA Novosti - events in Moscow, Russia and the world today: topics of the day, photos, videos, infographics, radio [Electronic resource]. Access mode: https://ria.ru/20260104/zhenschiny-2066315159.html (access date: 19.04.2026).

[5] Ivliev P.V., Vorobyov S.M. Specifics of female crime and features of work with convicted women// Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University. - 2025. - № 1. - S. 113-125.

[6] Simagina N.A. Domestic violence in European countries and ways to combat it//Man: crime and punishment. - 2022. - T. 30, NO. 4. - S. 575-583.

[7] Grebennikova A.P., Kornakova S.V. The main directions of prevention of female crime in Russia at the present stage//Legal science and practice. - 2025. - T. 21, NO. 2. - S. 78-87.

[8] Kharchenko O.V. Female crime: criminological analysis of current trends and preventive measures//Agrarian and land law. - 2025. - № 10. - S. 526-528.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-280-282

ЖУРТОВ Астемир Билялович,
старший преподаватель кафедры огневой подготовки
Северо- Кавказского института (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПНОСТИ - КАК ИНВЕСТИЦИЯ В БЕЗОПАСНОЕ БУДУЩЕЕ

Аннотация. *Автор анализирует экономическую эффективность превентивных мер в сравнении с расходами на уголовное преследование и пенитенциарную систему, рассматривает концепцию профилактики преступности не как затратной статьи государственного бюджета, а как высокодоходного долгосрочного инвестиционного проекта. На основе международных исследований и отечественной практики доказывается, что каждый рубль, вложенный в социальную профилактику, генерирует мультипликативный эффект, снижая будущие издержки государства, бизнеса и общества. Обосновывается необходимость смены парадигмы с реактивной (реагирование на уже совершённое преступление) на проактивную (упреждение криминогенных факторов).*

Ключевые слова: *профилактика преступности, инвестиции в безопасность, превентивная криминология, экономическая эффективность, социальный контроль, человеческий капитал, ratio economics преступности.*

ZHURTOV Astemir Bilyalovich,
Senior Lecturer, Department of Firearms Training,
North Caucasus Institute (branch) Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel

CRIME PREVENTION - AS AN INVESTMENT IN A SAFE FUTURE

Annotation. *The author analyzes the cost-effectiveness of preventive measures compared to the costs of criminal prosecution and the penitentiary system. He examines the concept of crime prevention not as a costly item in the state budget, but as a highly profitable long-term investment project. Based on international research and domestic practice, it is demonstrated that every ruble invested in social prevention generates a multiplier effect, reducing future costs for the state, business, and society. The need for a paradigm shift from reactive (responding to a crime already committed) to proactive (preventing criminogenic factors) is substantiated*.

Key words: *crime prevention, investment in security, preventive criminology, economic efficiency, social control, human capital, ratio economics of crime*.

Традиционная модель противодействия преступности исторически строится по принципу «наказание - сдерживание»: увеличение штата полиции, ужесточение санкций, строительство тюрем. Однако, как показывают данные Росстата и ЮНОДК (UNODC), репрессивный подход имеет убывающую предельную полезность. Переполненность пенитенциарных учреждений в России достигает 85-90% при рецидивной преступности среди ранее судимых на уровне 50-60% [1].

В этих условиях профилактика перестаёт быть лишь гуманитарной акцией - она становится экономическим императивом.

Гипотеза исследования: система раннего предупреждения преступлений приносит обществу больший экономический выигрыш по сравнению с системой уголовного правосудия, измеряемый отношением затрат к предотвращённому ущербу.

В рамках исследования предпринята попытка обоснования экономической эффектив-

ности профилактики, опираясь на данные (можно смоделировать, но нужно дать правдоподобные цифры), рассмотреть виды профилактики, привести примеры. Эта тема - одна из самых важных в современной криминологии и государственном управлении. Идея «превенция дешевле наказания» здесь работает в полной мере. Вот развернутый взгляд на профилактику преступности как на самую выгодную инвестицию в безопасное будущее. В криминологической экономике используется понятие «социальная ставка дисконтирования преступности» [2].

Преступление генерирует три группы издержек:

1. Прямые (ущерб жертве, расходы на следствие и суд);
2. Косвенные (потеря налогов от заключённого, содержание его семьи социальной помощью);
3. Имматериальные (психологическая травма, снижение инвестиционной привлекательности региона).

Профилактика же создаёт «криминологические дивиденды» - экономию будущих периодов, которую можно рассчитать через коэффициент предотвращённого ущерба (КПУ).

Исследование Вашингтонского института государственной политики (WSIPP, 2019) показало:

– Программы раннего развития детей (перинатальная поддержка, когнитивное стимулирование) дают возврат 4–9 на 4–9 на 1 инвестированных за счёт снижения будущих арестов.
– Программы трудоустройства трудных подростков («летние работы») снижают насильственные преступления на 43%.

Российская практика демонстрирует: анализ деятельности подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН) в 5 регионах РФ (2020–2024 гг.) позволяет сделать вывод: стоимость сопровождения одного «трудного» подростка в течение 3 лет составляет ≈ 180 тыс. руб.

Содержание его в воспитательной колонии в случае совершения тяжкого преступления обходится бюджету в 1,9 млн руб./год без учёта ущерба жертвам. Таким образом, профилактика дешевле наказания в 10–12 раз. Архитектура эффективной профилактической инвестиции. Чтобы профилактика работала как актив (а не как формальный отчёт), необходимо соблюдение трёх принципов:

– первый принцип, принцип таргетирования - воздействие на доказанные криминогенные факторы (имбецильность, наркотизация, безработица). Исключение распыления средств («полив пустоты»)
– принцип раннего вмешательства - работа с детьми до 12 лет, чьё поведение маргинализируется. Низкая стоимость коррекции и высокая цена исправления взрослого преступника.
– принцип межведомственной увязки - связка «образование - соцзащита - полиция - психиатрия». Устранение эффекта «рваного одеяла» (когда никто не отвечает за результат.

Скептики утверждают, что профилактика даёт лишь долгосрочный результат, а государству нужна быстрая победа над уличной преступностью. Однако: инструменты быстрой профилактики существуют: ситуационное предупреждение (камеры, освещение, дизайн среды) окупается за 6–18 месяцев. Синдром «чужого результата»: преступления, предотвращённые сегодня, невидимы для статистики, но это не уменьшает их экономическую ценность.

Как заметил С.С. Босхолов, «молчание жертвы, которой не стало, -лучший индикатор эффективности» [3].

В заключение отметим, что профилактика преступности является классической общественной благом с положительным внешним эффектом (экстерналией). Её недофинансирование - следствие когнитивного искажения «близорукости государства» (high discount rate). Для перехода к модели «профилактика как инвестиция» необходимо:

1. Включить показатель «расходы на превенцию к 1 рублю предотвращённого ущерба» в KPI глав регионов (вместо формального числа зарегистрированных преступлений).
2. Создать региональные криминологические инвестиционные фонды, финансируемые за счёт 5% отчислений от штрафов и конфискаций.

Легализовать практику социальной облигации (Social Impact Bond) в сфере профилактики подростковой преступности: частный инвестор получает доход от бюджета, если целевые показатели снижения девиаций достигнуты. Будущее, свободное от страха перед криминалом, не покупается строительством новых тюрем. Оно строится - как сложный финансовый инструмент - через сегодняшние вложения в детей, улицы, образование и психическое здоровье нации [4].

Если сокращать профилактику ради сиюминутной экономии на полиции, общество получает отсроченный убыток:

1. Новое поколение преступников: Ребенок, выросший в криминальной среде без профилактики, с вероятностью 80% станет рецидивистом.

2. Геттоизация районов: Без социальной работы районы становятся «черными дырами», куда полиция не заходит, а бизнес уходит.
3. Рост частных охранных структур: Безопасность становится платным благом, что расслаивает общество.

Профилактика - это не статья расхода бюджета, а deferred asset (отложенный актив) с внутренней нормой доходности (IRR) от 15% до 40% в зависимости от направления.

Радиционная фраза «Денег на профилактику нет» - это ложная экономия. Профилактика - это капитализация будущего. Инвестировать в профилактику означает:

1. Дать бизнесу спокойно работать (меньше взяток и рейдерства).
2. Дать полиции заниматься реальными угрозами, а не «палками».
3. Дать человеку шанс стать налогоплательщиком, а не пожизненным иждивенцем системы исполнения наказаний.

Одна хорошо профинансированная школа для трудных подростков окупает десяток новых тюрем, которые не пришлось строить. Это и есть инвестиция в безопасное будущее [5]. Профилактика - это не скидка на будущее, а единственная стратегия, не ведущая в тупик.

Репрессии - это ампутация. Профилактика - это терапия и йога. Инвестировать в йогу всегда дешевле, чем покупать протезы. Самая аффективная на наш взгляд профилактика - это социальный контракт, при котором человек не нарушает закон не из страха наказания, а потому что «система работает, мне есть что терять, и я чувствую себя частью общества». Как правило именно высокое доверие к власти влечет низкую преступность. Низкое доверие приходится вооружать и прятать за высокими заборами.

Список литературы:

[1] Долгова А.И. Преступность, её организованность и криминальное общество. - М.: Российская криминологическая ассоциация, 2023.

[2] Гилинский Я.И. Криминология постмодерна: деконструкция наказания. - СПб.: Алетейя, 2021.

[3] Босхолов С.С. Криминологическая безопасность как идейная основа теории и практики противодействия преступности // Baikal Research Journal. 2021. №3.

[4] Машекуашева М.Х. Идеологическое противоборство в информационной среде: вызовы и угрозы национальной безопасности. Право и управление. 2025. № 5. С. 529-531.

[5] Машекуашева М.Х. Некоторые особенности эффективности профилактики противоправных действий среди несовершеннолетних. Международный научный вестник. 2024. № 12. С. 100-102.

References:

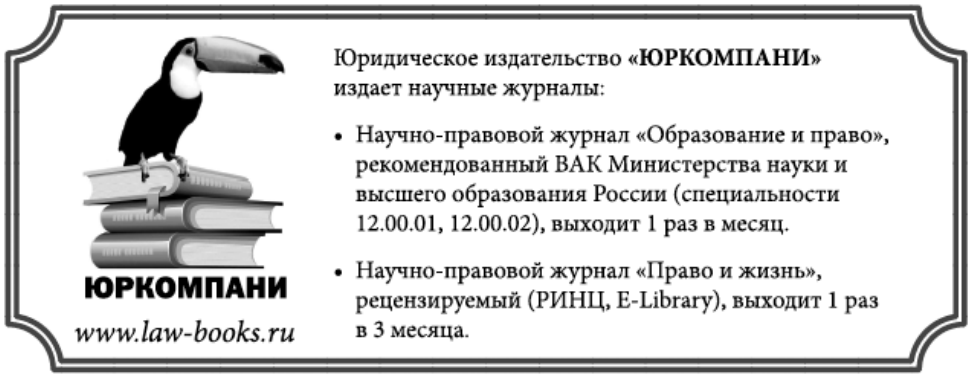
[1] Dolgova A.I. Crime, its organization and criminal society. - M.: Russian Criminological Association, 2023.

[2] Gilinsky Y.I. Postmodern Criminology: Deconstruction of Punishment. - St. Petersburg: Aleteya, 2021.

[3] Bosholov S.S. Criminological safety as the ideological basis of the theory and practice of countering crime//Baikal Research Journal. 2021. №3.

[4] Mashekuasheva M.Kh. Ideological confrontation in the information environment: challenges and threats to national security. Law and governance. 2025. № 5. S. 529-531.

[5] Mashekuasheva M.Kh. Some features of the effectiveness of the prevention of illegal actions among minors. International Scientific Bulletin. 2024. № 12. S. 100-102.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-283-288

АРУТЮНЯН Сюзанна,
Аспирант специализации в области
уголовного права, процесса, и криминалистики
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
e-mail: 1042255198@rudn.ru

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. *В статье рассматривается актуальная проблема гуманизации уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних, вовлечённых в уголовное производство. Анализируются особенности нормативно-правового регулирования расследования преступлений, совершённых несовершеннолетними, с опорой на положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также позиции Конституционного и Верховного Суда Российской Федерации. Особое внимание уделяется дифференцированному подходу к расследованию таких преступлений, который призван обеспечить защиту прав и интересов несовершеннолетних, сохранить условия для их дальнейшего развития и минимизировать ограничения социальных и образовательных возможностей. Затрагиваются дискуссионные вопросы о возрасте уголовной ответственности и обосновывается необходимость гуманизации ответственности по некоторым составам с учётом механизмов вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность. Выявляются пробелы законодательства, в частности отсутствие чётких оснований для исключения законных представителей из процесса и обязанностей последних. В качестве решений предлагаются дополнения к ст. 426 УПК РФ и обобщение практики Пленумом ВС РФ для укрепления правовых гарантий несовершеннолетних.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние, гуманизация, уголовная ответственность, процессуальные меры, законный представитель, уголовное производство.*

HARUTYUNYAN Syuzanna,
Postgraduate student specializing in criminal law,
process, and criminology PFUR

FEATURES OF THE INVESTIGATION OF JUVENILE CRIMES

Annotation. *The article discusses the current problem of humanizing criminal law and criminal procedure policy in relation to minors involved in criminal proceedings. The article analyzes the features of the legal regulation of the investigation of crimes committed by minors, based on the provisions of criminal and criminal procedure legislation, as well as the positions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation. Special attention is paid to a differentiated approach to the investigation of such crimes, which is designed to protect the rights and interests of minors, preserve conditions for their further development and minimize restrictions on social and educational opportunities. The debatable issues of the age of criminal responsibility are raised and the need to humanize responsibility in some areas is substantiated, taking into account the mechanisms for involving minors in criminal activities. Legislative gaps are identified, in particular, the lack of clear grounds for excluding legal representatives from the process and the duties of the latter. Amendments to Article 426 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and a generalization of practice by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation to strengthen the legal guarantees of minors are proposed as solutions.*

Key words: *minors, humanization, criminal liability, procedural measures, legal representative, criminal proceedings.*

На сегодняшний день уголовно-правовая и уголовно-процессуальная политика движутся в направлении гуманизации подходов, связанных с применением мер процессуального принуждения и иных принудительных мер, ограничивающих права и свободы лиц, участвующих

в уголовном производстве. В особенности, особо актуальным остаётся аспект, связанный с дальнейшей гуманизацией нормативно-правовых основ, затрагивающих вопросы, связанные с расследованием преступлений несовершеннолетних.

И прежде чем раскрыть проблемные аспекты, представляется не менее важным отразить некоторые особенности уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования отношений, вытекающих из расследования преступлений несовершеннолетних. И для начала следует кратко отметить, что дифференцированный материально- и процессуально правовой подход к организации и осуществлению уголовного расследования в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) обусловлен необходимостью обеспечения не только широчайших прав и реализации интересов несовершеннолетних при назначении наказания, но и также непосредственно при осуществлении досудебного или судебного производства без чрезмерного ограничения возможности социальных коммуникаций и продолжения получения образования несовершеннолетними [11, с. 93].

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации (далее по тексту – КС РФ) в своих решениях, дифференцированный подход к расследованию преступлений несовершеннолетних направлен на обеспечение таких процессуальных условий, которые позволят сохранить социально-бытовые условия для дальнейшего полноценного развития несовершеннолетнего лица, в отношении которого ведётся производство.

Помимо этого, особые правила производства в отношении несовершеннолетних и действующие пределы возможного воздействия субъектов расследования ориентированы на защиту физического и психического здоровья несовершеннолетнего, учитывают психофизические и интеллектуальные способности несовершеннолетних на различных возрастных этапах развития личности [2, с. 11], которые берутся за основу норм, гарантирующих несовершеннолетним дополнительные правовые гарантии при проведении следственных и иных процессуальных действий, при применении в отношении них мер процессуального принуждения, а также при осуществлении защиты прав и интересов несовершеннолетнего в ходе производства по делу [5, с. 56].

Отразим некоторые такие особенности расследования преступлений несовершеннолетних, которые закрепляются нормами Уголовного и Уголовно-процессуального Кодексов РФ (далее по тексту – УК РФ и УПК РФ соответственно). Согласно ст. 61 УК РФ совершение несовершеннолетним преступления уже изначально признаётся смягчающим обстоятельством. Здесь же следует отметить, что нормой ст. 94 УК РФ установлены наполовину сокращённые сроки давности, а положением ст. 95 УК РФ предусмотрены также сокращённые сроки погашения судимости: 1 год послед отбытия лишения свободы по преступлениям небольшой и средней тяжести; 3 года послед отбытия лишения свободы по тяжким и особо тяжким преступлениям; 6 месяцев после исполнения иного вида наказания [13, с. 177].

Основополагающим уголовно-правовым ограничением, связанным с расследованием преступлений несовершеннолетних, также остаётся и возраст уголовной ответственности, который согласно ч.1 ст. 20 УК РФ составляет 16 лет, а для ряда составов, отличающихся особой общественной опасностью (убийство; разбой; террористический акт; захват заложника; похищение человека; и др.) – 14 лет.

Вопросы, связанные с коррекцией составов, за которые предусмотрена уголовная ответственность несовершеннолетних лиц начиная с 14 лет, являются неисчерпаемым предметом доктринальных и политических дискуссий. Исследователь А.А. Свяженина отмечает, что в момент принятия уголовного закона, дифференциация ответственности в рамках двух возрастных категорий – с 14 и с 16 лет соответствовала социальным реалиям и была оптимальной. В то же время, по мнению А.А. Свяжениной, в условиях стремительно меняющейся социальной парадигмы, в том числе беря во внимание тенденцию связанную с ранним взрослением молодых людей, и, в частности, их вовлечение в преступную деятельность, встаёт актуальный вопрос о возможности снижения возраста уголовной ответственности, поскольку быстрые темпы взросления детей и их ранее психическое и физическое развитие позволяют в полной мере осознавать характер и степень общественной опасности преступной деятельности [10, с. 115].

Аналогичный вывод следует и из исследования Я. И. Гилинского и С. Ф. Милюкова, отмечающих возможность снижения возраста уголовной ответственности несовершеннолетних до 14 и 12 лет соответственно [3, с. 121].

Опуская данное радикальное предложение, справедливо подтвердить, что внесение изменений в возрастной ценз уголовной ответственности является важным не только с позиции усиления ответственности (снижение возрастного порога), но и также с точки зрения обеспечения дополнительных гарантий несовершеннолетних. Так, достаточно спорным, по нашему мнению, является установление возраста уголовной ответственности 14 лет за прохождение обучения несовершеннолетним в целях осуществления

террористической деятельности, поскольку как показывают многократные исследования, вовлечение обычно происходит посредством введения несовершеннолетнего лица, отличающегося особой внушаемостью в силу малого жизненного опыта и психических особенностей развития, в заблуждение, в связи с чем несовершеннолетний длительное время может и не знать о том, что он занимается противоправной деятельность. Используя также правовую неграмотность, низкую устойчивость к манипуляциям [4, с. 7], авторитет взрослого перед несовершеннолетним, вербовщики также вовлекают несовершеннолетних в процесс обучения посредством шантажа, запугивания, дачи заведомо ложной информации о характере действий и их правовых последствиях [1, с. 48].

Кроме того, в работах подчёркивается, что вовлекая несовершеннолетних в процесс обучения террористической деятельности, злоумышленники часто маскируют свои истинные намерения под дружеское общение, наставничество или участие в «играх» и «челленджах», в частности, могут попросить «по дружбе», за подарок или за определённую плату передать что-то, понаблюдать за чем-то или выполнить другое действие, о характере которого в силу когнитивных способностей несовершеннолетнего, последний может не догадываться об общественной опасности совершаемого деяния и возможно наносимого вреда им.

Учитывая вышеизложенное, беря во внимание складывающуюся практику и механизм вовлечения несовершеннолетних в процесс прохождения обучения с целью совершения преступления под условием манипуляций, введения несовершеннолетних в заблуждение, применения в отношении них угроз, представляется важным обеспечить гуманизацию ответственности по ст. 205.3 УК РФ в части сопоставления фактического и реально осознаваемого несовершеннолетним характера совершаемого деяния. Вследствие этого, рекомендуется исключить из ч.2 ст. 20 УК РФ отмеченный уголовно-правовой состав.

Возвращаясь к особенностям нормативного регулирования расследования преступлений в отношении несовершеннолетних, следует заметить, что такие особенности, в частности, устанавливаются и нормами УПК РФ. Так, во-первых, процессуальные основы производства по уголовным делам с в отношении несовершеннолетних отличаются порядком применения к последним мер процессуального принуждения. Так, согласно ч.6 ст. 88 УК РФ и ч.1-2 ст. 108 УПК РФ, к лицу, не достигшему возраста 16 лет, мера пресечения в виде заключения под стражу не применима. Более того, к остальным лицам в возрасте от 16 до 18 лет она же применяется только в исключительных случаях – при подозрении или обвинении в совершении тяжкого или особо тяжкого преступного акта.

Из ч.2 ст. 108 УПК РФ, однако, следует, что в исключительных случаях задержание под стражу в качестве меры пресечения по отношению к несовершеннолетнему субъекту может быть обеспечено и в связи с подозрением в совершении преступления средней тяжести. В то же время, процессуальным законодательством не предусмотрены основания для применения соответствующего исключения, что по нашему мнению обуславливает основание для правоприменительного усмотрения в нарушение прав и интересов несовершеннолетних.

Остальные меры пресечения, включая в том числе и задержание под стражу, должны применяться в отношении несовершеннолетнего лица с учётом предварительной возможности рассмотрения вопроса об отдаче его под присмотр в соответствии со ст. 105 УПК РФ.

Во-вторых, отличается порядок задержания несовершеннолетнего в соответствии со ст. 423 УПК РФ. При задержании такого подозреваемого в совершении преступления несовершеннолетнего лица, должны быть уведомлены его законные представители [12, с. 200]. Отличается порядок допроса, который проводится после задержания и доставления или же в последующем при организации уголовного процесса.

Согласно ст. 425 УПК РФ при допросе несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) участвует его защитник, а в случае, если его возраст менее 16 лет – также педагог или психолог в обязательном порядке. В остальных случаях, в возрасте от 16 до 18 лет психолог или педагог могут участвовать в допросе если подозреваемый или обвиняемый имеет психическое расстройство или же отстаёт в психо-интеллектуальном развитии. Как следствие, производство допроса без участия указанных лиц, является недопустимым. Доказательства, полученные в нарушение ст. 425 УПК РФ, также признаются недопустимыми в уголовном процессе – следует из п.9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 №1.

В-третьих, помимо психолога, педагога и защитника, интересы несовершеннолетнего в уголовном процессе могут быть обеспечены участием в нём его законных представителей (родителей; опекунов; представителей администрации специального учреждения для детей-сирот). При этом такое участие законных представителей не ограничено их присутствием в допросе.

Согласно ст. 426 УПК РФ, данные участники уголовного процесса в интересах несовершеннолетнего ознакамливаются с причинами и обстоятельствами задержания, основаниями подозре-

ния или обвинения, присутствуют в момент выдвижения обвинения, вносят по ним жалобы и иные замечания.

Учитывая то, что несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый) может не объективно не знать или не осознавать в полной мере характер своих процессуальных прав и законных интересов в уголовном процессе, наделение законных представителей несовершеннолетнего правом заявлять в его интересах ходатайства и жалобы, а также отводы на действия, решения или бездействия субъектов расследования преступления, видится достаточно логичным и справедливым. Они же согласно п.7 ч.2 ст. 426 УПК РФ уполномочены представлять доказательства в защиту несовершеннолетнего.

Закономерно предположение о том, что законный представитель своими действиями потенциально может не посодействовать защите прав и интересов несовершеннолетнего в уголовном процессе, а наоборот, нанести ему ущерб (как пример: дачей негативных характеристики в отношении подозреваемого или обвиняемого опекуна; формированием и представлением доказательств, подтверждающих вину несовершеннолетнего; и т.д.).

Для недопущения поддержания законными представителем стороны обвинения и иных ситуаций, связанных с нарушением интересов несовершеннолетнего участника процесса, ч.4 ст. 426 УПК РФ законодатель предусмотрел возможность отстранения представителя от уголовного процесса вследствие нанесения им ущерба процессуальным правам несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого. Это, однако, не исключает возможность замены ненадлежащего законного представителя другим [8, с. 199].

Автор П.Э. Куряшева справедливо замечает, что конструирование основания для исключения законного представителя из уголовного процесса является достаточно абстрактным, из-за чего отсутствие однозначное представление о том, какими действиями представитель может нанести ущерб интересам подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу [9, с. 61]. Исследователь через призму теоретического подхода отмечает, что к таким действиям, по его мнению, может относиться: бездействие представителя в уголовном процессе; уклонение от участия в следственных и иных процессуальных действиях (в том числе в судебном разбирательстве); злоупотребление его процессуальным статусом; отрицательное влияние законного представителя на несовершеннолетнего и создание им препятствий для объективного выяснения обстоятельств, которые имеют значение для производства по уголовному делу.

Комплексно исследуя материалы, отражающие итоги работы Уполномоченного по правам ребёнка в РФ, в том числе такие доклады региональных Омбудсменов, можно заметить, что проблема необоснованных отказов органами предварительного расследования преступления в допуске к участию законных представителей в проведении процессуальных мероприятий с участием несовершеннолетних, в том числе допросов, является достаточно распространённой на практике [6; 7].

Таким образом, на сегодняшний день процессуальным законодательством, а именно ч.2 ст. 108 УПК РФ, не предусмотрены основания для применения соответствующего исключения для допуска законных представителей несовершеннолетнего в процессе производства, что по нашему мнению обуславливает основание для правоприменительного усмотрения в нарушение прав и интересов несовершеннолетних. Соответствующие законодательный пробел может быть восполнен путём комплексного обобщения практики Пленумом Верховного Суда РФ и отражения подобных исключительных случаев в рамках Постановления Пленума.

Проблема прямого и однозначного действия правового механизма исключения допуска законных представителей несовершеннолетнего в процессе производства также на сегодняшний день косвенно обусловлена отсутствием процессуального закрепления в рамках ст. 426 УПК РФ обязанностей законных представителей, в том числе такой обязанности всецело участвовать и содействовать несовершеннолетним лицам в реализации их прав и законных интересов на различных стадиях производства.

С целью обеспечения дополнительных гарантий несовершеннолетних при расследовании преступлений, по которым они выступают подозреваемыми или обвиняемыми, рекомендуется норму ст. 426 УПК РФ дополнить новым положением, в рамках которого предусмотреть обязанности законных представителей, в том числе такие обязанности защищать права и интересы несовершеннолетних, действовать в интересах несовершеннолетнего, своевременно являться по вызовам и обеспечивать своевременную явку, исполнять обязательные процессуальные требования по соблюдению порядка проведения процессуальных действий в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых).

Обобщая результаты проведённого исследования, следует резюмировать, что на сегодняшний день нормативно-правовые основы, регламентирующие особенности расследования преступлений несовершеннолетних, не лишены системных и отдельных проблем, не позволяю-

щих обеспечить прямое действие процессуальных и иных правовых гарантий, распространяющихся на несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых.

Сформированные проблемы и определённые возможные пути дальнейшего развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства РФ могут быть взяты за основу для дальнейших научно-практических изысканий по поставленной проблематике.

Список литературы:

[1] Архипцев, И.Н. Детерминанты и особенности вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности / И.Н. Архипцев, Н.А. Черемнова // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2025. – №2. – С. 47-51.

[2] Багаутдинов, Ш.Ф. Производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и против несовершеннолетних: вопросы теории и практики: дисс. канд. юр. наук: 5.1.4 / Ш.Ф. Багаутдинов; Казань, 2024. – 253 с.

[3] Гилинский, Я.И. С какого возраста можно привлекать к уголовной ответственности? / Я. И. Гилинский, С. Ф. Милюков // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2012. – №1. – С. 121-125.

[4] Гурина, О.Д. Психологические механизмы вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации (на примере социальных сетей) / О.Д. Гурина, А.Ф. Ремеева // Психология и право. – 2024. – №14. – С. 1-12.

[5] Давыденко, А.В. Дифференциация уголовной ответственности несовершеннолетних в зависимости от возраста: дисс. канд. юр. наук: 12.00.08 / А.В. Давыденко; Москва, 2013. – 213 с.

[6] Доклад о деятельности Уполномоченного при президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2025 году // Уполномоченный при президенте Российской Федерации по правам ребенка, 2026. – 253 с.

[7] Доклад о деятельности Уполномоченного при президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2024 году // Уполномоченный при президенте Российской Федерации по правам ребенка, 2025. – 277 с.

[8] Кудрина, Е. А. Проблема участия законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в уголовном процессе и пути ее решения / Е. А. Кудрина // Современные тенденции в науке и образовании : материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, София, Болгария, 15 июня 2019 года. – София, Болгария: Научно-издательский центр «Мир науки» (ИП Вострецов Александр Ильич), 2019. – С. 198-200.

[9] Кудряшева, П.Э. К вопросу об участии законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого в уголовном деле / П.Э. Кудряшева // Administrative Consulting. – 2021. – №7. – С. 57-64.

[10] Свяженина, А.А. Об оптимизации правового института возраста уголовной ответственности / А.А. Свяженина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2025. – №16 (59). – С. 112-118.

[11] Спесивоов, Н.В. Международные стандарты осуществления уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних и их реализация в современном российском уголовном процессе: дисс. канд. юр. наук: 12.00.09 / Н.В. Спесивов; Саратов, 2015. – 241 с.

[12] Чаунин, И.А. К вопросу об особенностях задержания несовершеннолетнего подозреваемого / И.А. Чаунин // Вестник науки. – 2019. – №4. – С. 198-201.

[13] Чжан, Л. К вопросу о закрытии судимости несовершеннолетних в Китае / Л. Чжан // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона - XIII : Материалы ежегодной международной молодежной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 15 апреля 2022 года. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2022. – С. 177-178.

References:

[1] Arkhiptsev, I.N. Determinants and features of involving minors in the commission of terrorist crimes/I.N. Arkhiptsev, N.A. Cheremnova//Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – №2. - S. 47-51.

[2] Bagautdinov, Sh. F. Criminal proceedings on crimes committed by minors and against minors: questions of theory and practice: diss. cand. jur. Sciences: 5.1.4/Sh. F. Bagautdinov; Kazan, 2024. - 253 s.

[3] Gilinsky, Ya.I. From what age can you be prosecuted ?/Y. I. Gilinsky, S. F. Milyukov//Universum: Bulletin of Herzen University. – 2012. – №1. - S. 121-125.

[4] Gurina, O.D. Psychological mechanisms of youth involvement in extremist and terrorist organizations (on the example of social networks)/O.D. Gurina, A.F. Remeeva//Psychology and Law. – 2024. – №14. - S. 1-12.

[5] Davydenko, A.V. Differentiation of criminal liability of minors depending on age: diss. cand. jur. Sciences: 12.00.08/A.V. Davydenko; Moscow, 2013. - 213 s.

[6] Report on the activities of the Presidential Commissioner for the Rights of the Child in 2025// Presidential Commissioner for the Rights of the Child, 2026. - 253 s.

[7] Report on the activities of the Presidential Commissioner for the Rights of the Child in 2024// Presidential Commissioner for the Rights of the Child, 2025. - 277 p.

[8] Kudrina, E. A. The problem of participation of the legal representative of the minor suspect accused in the criminal process and the way to solve it/E. A. Kudrina//Current trends in science and education: materials of the International (correspondence) scientific and practical conference, Sofia, Bulgaria, June 15, 2019. - Sofia, Bulgaria: Scientific and Publishing Center "World of Science" (IP Vostretsov Alexander Ilyich), 2019. - S. 198-200.

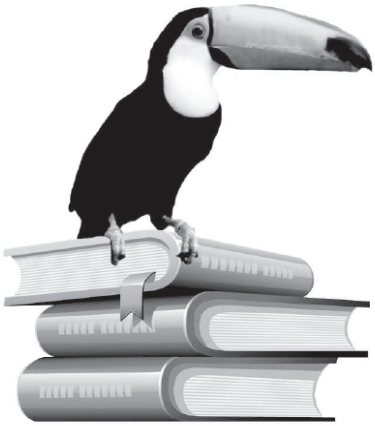
[9] Kudryasheva, P.E. On the participation of the legal representative of the minor accused in the criminal case/P.E. Kudryasheva//Administrative Consulting. – 2021. – №7. - S. 57-64.

[10] Svyazenina, A.A. On optimizing the legal institute of the age of criminal liability/A.A. Svyazenina//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – №16 (59). - S. 112-118.

[11] Spesivoov, N.V. International standards for the implementation of criminal proceedings involving minors and their implementation in modern Russian criminal proceedings: diss. cand. jur. Sciences: 12.00.09/N.V. Spesivov; Saratov, 2015. - 241 s.

[12] Chaunin, I.A. To the question of the peculiarities of the detention of a minor suspect/I.A. Chaunin//Bulletin of Science. – 2019. – №4. - S. 198-201.

[13] Zhang, L. On the issue of closing the criminal record of minors in China/L. Zhang//Comparative jurisprudence in the countries of the Asia-Pacific region - XIII: Materials of the annual international youth scientific and practical conference, Ulan-Ude, April 15, 2022. - Ulan-Ude: Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, 2022. - S. 177-178.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-289-294

ТЕМЕЖНИКОВ Андрей Кириллович,
Аспирант,
e-mail: time5@ya.ru

Научный руководитель:
БАЙБАРИН Андрей Андреевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного и публичного права
университета «Синергия»,
e-mail: ABaybarin@synergy.ru

ПРЕСТУПНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье проводится криминологический анализ преступности, связанной с внешней миграцией. Исследуются виды преступлений, совершаемых иностранными гражданами, их структура и динамика. Выявляются основные причины криминогенности среди мигрантов: социально экономические, социокультурные, организационно правовые. Анализируется связь миграционной преступности с организованной преступностью, экстремизмом и наркоторговлей. На основе статистических данных МВД РФ и судебной практики предлагаются меры профилактики: совершенствование миграционного контроля, программы социальной адаптации, межведомственное взаимодействие. Результаты исследования могут быть использованы в правотворческой деятельности, работе правоохранительных органов и криминологических исследованиях миграционных процессов.*

Ключевые слова: *внешняя миграция; миграционная преступность; криминологический анализ; латентная преступность; социальная адаптация мигрантов; профилактика преступности; организованная преступность.*

TEMEZHNIKOV Andrey Kirillovich,
Graduate student

Scientific supervisor:
BAYBARIN Andrey Andreevich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal and
Public Law at Synergy University

CRIME IN THE CONTEXT OF EXTERNAL MIGRATION: A CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

Annotation. *The article presents a criminological analysis of crime associated with external migration. The types of crimes committed by foreign citizens are examined, including their structure and dynamics. The main causes of criminality among migrants are identified: socio economic, sociocultural, and organizational legal factors. The relationship between migration related crime and organized crime, extremism, and drug trafficking is analyzed. Based on statistical data from the Russian Ministry of Internal Affairs and judicial practice, prevention measures are proposed: improving migration control, social adaptation programs, and interagency cooperation. The research results can be used in law making activities, the work of law enforcement agencies, and criminological studies of migration processes*.

Key words: *external migration; migration related crime; criminological analysis; latent crime; social adaptation of migrants; crime prevention; organized crime.*

Введение

Актуальность темы обусловлена ростом миграционных потоков в Россию и их влиянием на криминогенную обстановку. Внешняя миграция создаёт не только социально экономические вызовы, но и риски в сфере общественной безопасности.

Цель исследования — провести криминологический анализ преступности в контексте внешней миграции и выявить механизмы её профилактики.

Задачи исследования:

– изучить структуру и динамику миграционной преступности;
– выявить причины и условия криминогенности среди мигрантов;
– проанализировать связь миграции с организованной преступностью и экстремизмом;
– предложить меры профилактики.

Объект исследования — общественные отношения, возникающие в связи с внешней миграцией и её криминогенными последствиями.

Предмет исследования — криминологические характеристики преступлений, совершаемых мигрантами.

Методы исследования: статистический анализ, сравнительно правовой метод, контент анализ СМИ и научных публикаций, изучение судебной практики.

1. Понятие и виды миграционной преступности

Миграционная преступность — это совокупность преступлений, совершаемых иностранными гражданами либо связанных с миграционными процессами.

Выделяют два основных блока:

1. Преступления, совершаемые мигрантами (кражи, грабежи, убийства, наркоторговля).
2. Преступления в сфере миграции (незаконная миграция, подделка документов — ст. 322, 327 УК РФ).

По данным МВД РФ, в 2023 году иностранными гражданами было совершено от общего числа зарегистрированных преступлений. Наибольший удельный вес приходится на:

– кражи ();
– незаконный оборот наркотиков ();
– грабежи и разбои ().

География преступности неравномерна: наибольшая концентрация — в Москве, Санкт Петербурге, Московской и Ленинградской областях.

Таблица 1. Динамика преступлений, совершённых иностранными гражданами в РФ (2019–2023 гг.)

Год	Общее число преступлений	Удельный вес в общей структуре преступности (%)	Наиболее распространённые виды преступлений
2019	41 200	3,8	Кражи (35 %), грабежи (12 %), наркоторговля (18 %)
2020	36 500	3,2	Кражи (32 %), грабежи (10 %), наркоторговля (20 %)
2021	38 700	3,5	Кражи (34 %), грабежи (11 %), наркоторговля (19 %)
2022	42 100	4,1	Кражи (36 %), грабежи (13 %), наркоторговля (17 %)
2023	44 800	4,3	Кражи (37 %), грабежи (14 %), наркоторговля (16 %)

Источник: данные МВД РФ.

2. Криминологическая характеристика преступлений мигрантов

Структура преступности:

– общеуголовные преступления (ст. 158, 161, 105 УК РФ);
– экономические преступления;

– наркоторговля (ст. 228 УК РФ);
– торговля людьми (ст. 127.1 УК РФ);
– экстремизм и терроризм (ст. 282, 205 УК РФ).

Особенности:

– высокая латентность (до незарегистрированных случаев);
– этническая сплочённость преступных групп;
– связь с транснациональной преступностью;
– рецидивность (около — повторные преступления).

Таблица 2. Структура преступности среди мигрантов по видам преступлений (2023 г.)

Вид преступления	Доля от общего числа преступлений мигрантов (%)	Основные статьи УК РФ	Характерные особенности
Кражи	37	ст. 158 УК РФ	Часто совершаются группами, высокая латентность
Грабежи и разбои	14	ст. 161, 162 УК РФ	Совершаются в общественных местах, часто с применением насилия
Наркоторговля	16	ст. 228 УК РФ	Связь с транснациональными группировками, использование тайников
Экономические преступления	8	ст. 159, 171 УК РФ	Фальсификация документов, теневой бизнес
Экстремизм и терроризм	5	ст. 282, 205 УК РФ	Вовлечение через соцсети, вербовка в закрытых сообществах
Иные преступления	20	—	Убийства, причинение вреда здоровью, торговля людьми

Таблица 3. Регионы РФ с наибольшей концентрацией преступлений мигрантов (2023 г.)

Регион	Число преступлений мигрантов	Удельный вес от общего числа преступлений региона (%)	Основные причины криминогенности
Москва и МО	18 500	8,2	Высокая миграционная нагрузка, теневой рынок труда
Санкт-Петербург и ЛО	6 200	6,8	Крупный транспортный узел, туризм
Свердловская область	3 800	5,1	Промышленный регион, спрос на рабочую силу
Тюменская область	2 900	4,7	Нефтегазовый сектор, вахтовые работы
Краснодарский край	2 700	4,5	Сезонная миграция, сельское хозяйство, туризм

Источник: данные МВД РФ, региональных УМВД.

3. Причины и условия криминогенности

Социально экономические:
– безработица;
– низкий уровень жизни;
– теневая занятость;
– дискриминация на рынке труда.

Социокультурные:
– языковые барьеры;
– культурный шок;
– конфликты с местным населением;
– формирование замкнутых этнических сообществ.

Психологические:
состояние аномии;
утрата социальных связей;
фрустрация.

Организационно правовые:
– пробелы в законодательстве;
– коррупция;
– недостаточный контроль за миграционными потоками;
– слабая интеграция мигрантов.

Таблица 4. Причины криминогенности среди мигрантов: классификация и примеры

Группа причин	Конкретные факторы	Примеры проявления
Социально-экономические	Безработица, низкий уровень жизни, дискриминация на рынке труда	Теневая занятость, конкуренция за рабочие места
Социокультурные	Языковые барьеры, культурный шок, конфликты с местным населением	Формирование замкнутых этнических сообществ
Психологические	Состояние аномии, утрата социальных связей, фрустрация	Девиантное поведение, агрессия
Организационно-правовые	Пробелы в законодательстве, коррупция, слабый контроль	Нелегальная миграция, подделка документов

4. Связь миграции с организованной и транснациональной преступностью

Ключевые проявления:
– формирование этнических преступных группировок;
– участие мигрантов в наркотрафике, торговле оружием, людьми;
– создание каналов нелегальной миграции;
– отмывание доходов, полученных преступным путём;
– использование мигрантов в качестве исполнителей для совершения преступлений.

Этнические преступные группировки, как правило, обладают следующими характеристиками:
– жёсткая внутренняя иерархия и дисциплина;
– сплочённость на основе этнической принадлежности и родственных связей;
– наличие налаженных каналов связи с «родиной» и другими странами транзита;
– способность быстро адаптироваться к изменениям в правоприменительной практике;
– использование традиционных норм и обычаев для регулирования внутренних отношений и разрешения конфликтов.

Транснациональный характер преступности мигрантов проявляется в следующем:
– координация преступной деятельности через границы нескольких государств;
– использование международных финансовых систем для легализации доходов;
– применение современных информационных технологий для организации и сокрытия преступлений;
– перемещение участников преступных групп между странами для уклонения от правосудия.

По данным МВД РФ, в 2023 году было выявлено более 1 200 случаев участия мигрантов в деятельности организованных преступных фор-

мирований. Наиболее распространёнными направлениями их деятельности стали:

– незаконный оборот наркотиков (около 45 % случаев);
– незаконная миграция и подделка документов (30 %);
– экономические преступления, включая мошенничество и уклонение от налогов(15 %);
– иные виды преступлений (10 %), в т. ч. вымогательство, рэкет, торговля людьми.

5. Меры профилактики миграционной преступности

На основе проведённого анализа можно предложить комплекс мер профилактики, направленных на снижение уровня преступности среди мигрантов и минимизацию её негативных последствий.

Организационно правовые меры:

– совершенствование миграционного законодательства с целью устранения пробелов и коллизий;
– усиление контроля за соблюдением миграционного режима, в т. ч. За пребыванием иностранных граждан на территории РФ;
– ужесточение ответственности за организацию незаконной миграции и подделку документов;
– развитие системы электронного учёта мигрантов и обмена данными между ведомствами;
– гармонизация законодательства РФ с международными нормами в сфере миграции и борьбы с преступностью.

Социально экономические меры:

– создание условий для легальной занятости мигрантов, включая упрощение процедур трудоустройства;
– разработка и реализация программ социальной адаптации и интеграции мигрантов;
– содействие изучению русского языка и основ законодательства РФ среди иностранных граждан;
– поддержка инициатив общественных организаций, работающих с мигрантами;
– обеспечение доступа мигрантов к социальным услугам (медицина, образование) при условии соблюдения ими законодательства.

Оперативно профилактические меры:

– усиление работы правоохранительных органов по выявлению и пресечению деятельности этнических преступных группировок;
– проведение целевых оперативно профилактических мероприятий в местах компактного проживания мигрантов;
– повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов в вопросах межкультурной коммуникации и специфики миграционной преступности;
– активизация международного сотрудничества в сфере борьбы с транснациональной преступностью.

Информационно просветительские меры:

– информирование мигрантов об их правах и обязанностях, а также о последствиях совершения преступлений;
– противодействие распространению экстремистских и криминальных идеологий среди мигрантов через СМИ и соцсети;
– формирование позитивного образа законопослушного мигранта в общественном сознании;
– просвещение местного населения о культурных особенностях мигрантов с целью снижения уровня конфликтности.

6. Заключение

Проведённый криминологический анализ показал, что миграционная преступность представляет собой сложное и многогранное явление, обусловленное комплексом социально экономических, социокультурных и организационно правовых факторов.

Основные выводы исследования:

3. Уровень миграционной преступности в РФ имеет тенденцию к росту: с 2019 по 2023год число преступлений, совершённых иностранными гражданами, увеличилось на8,7 %, а их удельный вес в общей структуре преступности вырос с 3,8 % до 4,3 %.
4. Наибольшую долю в структуре миграционной преступности составляют кражи (37 %), грабежи и разбои (14 %), наркоторговля (16 %).
5. Миграционная преступность тесно связана сорганизованной и транснациональной преступностью, что требует скоординированных усилий на национальном и международном уровнях.
6. Эффективная профилактика возможна только при комплексном подходе, сочетающем ужесточение контроля с мерами социальной адаптации мигрантов.

Результаты исследования могут быть использованы:

– в правотворческой деятельности при совершенствовании миграционного и уголовного законодательства;
– в работе правоохранительных органов при планировании оперативно профилактических мероприятий;

– в научных исследованиях для дальнейшего изучения криминологических аспектов миграции;
– при разработке региональных программ социальной адаптации мигрантов.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от13.06.1996 № 63 ФЗ (ред. от 23.11.2023).

[2] Данные официальной статистики МВД РФ за2019–2023 гг.

[3] Иванов И.И. Миграция и преступность: современные вызовы. М.: Юстицинформ,2022.

[4] Петрова А.В. Социальная адаптация мигрантов: проблемы и решения // Вестник криминологии. 2023. № 2. С. 45–52.

[5] Smith J. Transnational Crime and Migration: Global Trends. London: Academic Press, 2021.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation No. 63 FZ dated June 13, 1996 (as amended 23.11.2023).

[2] Data of official statistics of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for 2019-2023

[3] Ivanov I.I. Migration and crime: modern challenges. M.: Justicinform, 2022.

[4] A.V. Petrova. Social Adaptation of Migrants: Problems and Solutions//Bulletin of Criminology. 2023. № 2. S. 45-52.

[5] Smith J. Transnational Crime and Migration:Global Trends. London: Academic Press, 2021.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-295-297

ХАМУРЗОВ Азамат Толевич,
Старший преподаватель кафедры огневой подготовки,
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЕСТУПНОСТИ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Аннотация. *В целях повышения эффективности противодействия деструктивным идеологиям исследованием установлено, что необходимо адаптировать уголовное, административное, иное публичное законодательство, приспосабливать правовые механизмы регуляции к условиям, диктуемым реальностью информационного общества, в связи с чем автором вносится соответствующее предложение.*

Ключевые слова: *информационное пространство, сеть «Интернет», нацизм-неонацизм, символика, правовые механизмы регулирования, противодействие идеологии.*

KHAMURZOV Azamat Tolevich,
Senior Lecturer, Department of Firearms Training,
North Caucasus Institute for Advanced Training (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel

CURRENT ISSUES IN MODERN CRIME REGULATION ON THE INTERNET

Annotation. *To improve the effectiveness of countering destructive ideologies, this study establishes the need to adapt criminal, administrative, and other public legislation and legal regulatory mechanisms to the conditions dictated by the reality of the information society. The author therefore makes a corresponding proposal.*

Key words: *information space, internet, Nazism/neo-Nazism, symbols, legal regulatory mechanisms, countering ideology.*

Госдума продолжает усиливать защиту граждан от кибермошенников, совершенствуя законодательство в данном направлении. Приняты поправки по борьбе с киберпреступностью. Мифы прошлого изжили себя либо были стигматизированы, но осталась их калька, составляющие архетипа, которые всегда существуют и будут заполнять подсознание человека, детерминируя его мировоззренческие потребности.

В современном обществе эпохи информации носителями идей уничтожения по признаку биолого-генетического, культурно-антропологического превосходства и исключительности парадоксально оказались представители не только одной определённой в исторически сложившемся стереотипе нации, а также потомки тех народов, что, пройдя через сакральные жертвы, победили фашизм и нацизм. Старые символы и атрибуты Третьего рейха получили реинкарнацию в неонацистских, ультраправых организованных группах, в том числе среди фанатов эстетики национал-социализма и культа нацистской атрибутики. В последнем случае субкультура использует художественный опыт, не генерализируя человеконенавистническую идеологию неонацизма.

Анализ состояния преступности в Российской Федерации на статистической выборке приговоров, вынесенных судом по уголовным делам и административным правонарушениям по вышеуказанным статьям за 2019-2024 гг. (см. таблицу), показывает ежегодную положительную динамику (прирост) распространения в социуме радикальных взглядов и шовинистических идей. Недостаточная статистика по преступлениям позволяет лишь с грубой точностью предположить, что некоторый спад административных правонару-

шений в 2023 г. связан с криминализацией пропаганды либо публичной демонстрации нацистской атрибутики или символики, соответствующая статья 282.4. введена в УК РФ в 2022 г.[1], а спад преступлений, связанных с реабилитацией нацизма, в 2022 г. вероятно коррелирует с введением в том же году в административный состав КоАП РФ статьи 20.3.3. «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации…»

Таблица. Статистика обвинительных приговоров, вынесенных в период с 2019 по 2024 год включительно, в абсолютных величинах состояния преступности [2].

Год / Статья	2019, осуждено/ прирост, %	2020, осуждено/ прирост, %	2021, осуждено/ прирост, %	2022, осуждено/ прирост, %	2023, осуждено/ прирост, %	2024, осуждено/ прирост, %
20.3. часть: 1, 2, в том числе 20.3.1. КоАП РФ	2771/ –	3036/ 9,6%	4119/ 35,7%	5270/ 27,8%	5163/ -2,0%	5824/ 12,8%
354.1. часть: 1, 2, 3, 4, в том числе, 282.4. часть: 1, 2 УК РФ	1/ –	8/ 700%	30/ 275%	28/ -6,7%	91/ 225%	179/ 96,7%

В обобщении очевиден рост интереса рядовых пользователей сети «Интернет» к пониманию квинтэссенции идеологии ультраправых течений и неонацистских группировок. Однако такая интернет-активность вызвана негативной причиной, проистекающей из сформировавшегося на информационном «шуме», искажённого, эмоционального восприятия жизнеопасного явления, восприятия ложно пережитого как личный социальный опыт и потому единственно верного.

Очевидно, что необходим государственный контроль и регулирование общественных отношений в области обеспечения безопасности информационного общества и защиты информационного пространства от деструктивного влияния нового вида – Интернет-преступности.

Регулирование интернет-преступности сегодня - это формирование новой глобальной архитектуры безопасности [4].

Учитывая объём размещаемой в сети «Интернет» информации и уровень проникновения интернет-технологий в информационное пространство, нельзя исключить достоверность гипотезы о том, что интервал времени между обнаружением информации до её блокировки экспоненциально влияет на эффективность пропаганды [5]. Помимо глобальных институтов, ключевую роль играет регулирование на уровне отдельных стран и объединений.

Внедряются модели общей ответственности платформ. Согласно Закону о цифровых услугах (DSA), крупные онлайн-платформы обязаны активно выявлять и минимизировать системные риски от использования их сервиса.

За нарушение предусмотрены огромные штрафы (до 6% от мирового оборота), и первый прецедент уже есть - в декабре 2025 года платформа X (бывший Twitter) была оштрафована на €120 млн. Также с августа 2026 вступает в силу Регламент об электронных доказательствах для ускорения трансграничного доступа к данным. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР): На волне ужесточения требований в 2025-2026 гг. Сингапур, Малайзия и Вьетнам принимают новые законы для усиления защиты.

Китай также обновил свой Закон о кибербезопасности в 2025 году с акцентом на регулирование ИИ. При этом в фокусе остается проблематика выкупов при атаках программ-вымогателей. Скорее всего, массовые и примитивные схемы: «простой» фишинг, звонки из подпольных колл-центров с подменных номеров.

Потому что их легче задушить технически - через блокировку звонков, отслеживание подозрительных сим-карт. А вот сложные целевые атаки на компании (ransomware, утечки баз данных из-за взлома через сотрудников) - они никуда не делись. Более того, они становятся умнее.

Современное регулирование интернет-преступности развивается сразу по трем ключевым направлениям:

На региональном уровне – мировое сообщество внедряет модель повышенной ответственности цифровых платформ, в то время как другие страны фокусируются на национальном суверенитете. В технологической плоскости - государства начинают активнее использовать технические средства (системы идентификации устройств, блокировки) для блокировки анонимности злоумышленников, хотя этот процесс всегда будет отставать от развития самих технологий.

На наш взгляд, чем жёстче регулирование, тем быстрее преступность уходит в офлайн-крипту и сложные обходные схемы. Запретили SIM-боксы - преступники арендуют виртуальные номера за рубежом. Заблокировали подбор кодов - они переходят на социальную инженерию нового поколения (звонок якобы от «сотрудника Госуслуг» с убедительной легендой). И так без конца. Получается, что регулирование догоняет преступность всегда с опозданием на 1-2 года. А за это время миллиарды уже украдены.

В рамках исследования, заявленная проблема противодействия в сетях общего пользования приобретает условие задачи о сокращении времени публичной доступности запрещённого контента в информационном пространстве. В этом смысле оптимизация алгоритма блокировок, проводимых Роскомнадзором, и снижение нагрузки по материалам, связанным с нарушением законодательства в области связи и защиты информации, на Генеральную прокуратуру Российской Федерации должны повысить оперативность в принятии решений об ограничении деструктивного контента в сети «Интернет» [6].

Так что, регулирование становится всё изощрённее. Но задайте себе честный вопрос: стали ли вы чувствовать себя в интернете безопаснее, чем два года назад? Увы, но «нет». Потому что закон - это лист бумаги, а преступность - это живая, адаптивная система [7]. И пока мы рассуждаем о статьях УК, где-то уже пишут скрипт для нового вида мошенничества с нейросетями, под который закон не подкопаешься.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 260-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

[2] Данные о назначенном наказании по статьям уголовного кодекса Российской Федерации, источник URL: https://stat.апипресс.рф/stats/ (дата обращения: 12.04.2026 г.).

[3] Слыщенков В.А. Понятие свободы: история и современность // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. №

[4] Юрасов А.А. Понятие свободы воли // Культура и искусство. 2021. № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-svobody-voli

[5] Романов Ю.А. Проблема глобализации и национализма в современном мире // Вестник ВСГУТУ. 2016. №2 (59).

[6] Кутюгин Д.И. Интернет как коммуникативное пространство информационного общества: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Кутюгин Д.И. - Москва, 2009. – 171 с.

[7] Машекуашева М.Х. Вопросы эффективности борьбы с интернет мошенничеством: повышение результативности функционирования правоохранительных органов. Экономика и право. XXI век. 2025. № 2. С. 43-44.

References:

[1] Federal Law No. 14.07.2022 of 260-FZ// SPS Consultant Plus.

[2] Data on the imposed punishment under the articles of the Criminal Code of the Russian Federation, source URL: https://stat.апипресс.рф/stats/ (date of appeal: 12.04.2026).

[3] Slyshenkov V.A. The concept of freedom: history and modernity//Theoretical and applied jurisprudence. 2020. №

[4] Yurasov A.A. The concept of free will//Culture and art. 2021. № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-svobody-voli

[5] Romanov Yu.A. The problem of globalization and nationalism in the modern world//Bulletin of VSGUTU. 2016. №2 (59).

[6] Kutyugin D.I. Internet as a communicative space of the information society: dissertation... Candidate of Sociological Sciences: 22.00.04/Kutyugin D.I. - Moscow, 2009. - 171 s.

[7] Mashekuasheva M.Kh. Issues of the effectiveness of combating Internet fraud: increasing the effectiveness of the functioning of law enforcement agencies. Economics and law. XXI century. 2025. № 2. S. 43-44.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-298-302

ЗАРИФОВА Вероника Баходуровна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации Россия, Москва, магистр,
e-mail: nika.zarifova@yandex.ru

СЕЛЮКОВА Арина Андреевна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации Россия, Москва, магистр,
e-mail: seluykovaa@gmail.com

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ НОРМЫ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. *В статье представлен комплексный анализ информационной безопасности как элемента национальной безопасности в условиях цифровизации. На основе актуальных статистических данных охарактеризована динамика киберпреступности в Российской Федерации за, выделены новейшие угрозы — использование технологий искусственного интеллекта (дипфейки, синтез голоса) и эволюция программ-вымогателей. Рассмотрены нормы российского уголовного и административного законодательства о защите критической информационной инфраструктуры. Проведён сравнительный анализ механизмов уголовной ответственности за киберпреступления против личности и компьютерных систем в России, США, Японии, Германии, Италии и Республике Корея. Изучены международные стандарты и инициативы: Будапештская конвенция (2001), Конвенция ООН против киберпреступности (2024). Сформулированы рекомендации по построению экосистемы упреждающей киберзащиты, интегрирующей право, технологии и международное сотрудничество.*

Ключевые слова: *информационная безопасность, киберпреступления, критическая информационная инфраструктура, искусственный интеллект, Будапештская конвенция, Конвенция ООН против киберпреступности, ШОС, СНГ, БРИКС, уголовная ответственность, цифровой суверенитет.*

ZARIFOVA Veronika Bahodurovna,
Financial University under the Government of the Russian Federation Russia,
Moscow Master's degree

SELYUKOVA Arina Andreevna,
Financial University under the Government of the Russian Federation Russia,
Moscow Master's degree

INFORMATION SECURITY OF THE NATION: INTERNATIONAL NORMS AND COMPARATIVE ANALYSIS OF RESPONSIBILITY FOR CYBERCRIMES

Annotation. *The article presents a comprehensive analysis of information security as an element of national security in the context of digitalization. Based on current statistical data, the article describes the dynamics of cybercrime in the Russian Federation and highlights the latest threats, such as the use of artificial intelligence technologies (deepfakes, voice synthesis) and the evolution of ransomware. The article also examines the provisions of Russian criminal and administrative legislation regarding the protection of critical information infrastructure. Additionally, the article provides a comparative analysis of the mechanisms of criminal liability for cybercrimes against individuals and computer systems in Russia, the United States, Japan,*

Germany, Italy, and the Republic of Korea. International standards and initiatives have been studied: The Budapest Convention (2001), the UN Convention against Cybercrime (2024). Recommendations have been formulated for building an ecosystem of proactive cyber defense that integrates law, technology, and international cooperation.

Key words: *information security, cybercrimes, critical information infrastructure, artificial intelligence, Budapest Convention, UN Convention against Cybercrime, SCO, CIS, BRICS, criminal liability, digital sovereignty*.

На протяжении последних лет наблюдался устойчивый рост преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий. Так, в 2017 г. было зарегистрировано 90 597 таких преступлений, в 2018 г. — 174 674 (+92,8 %), в 2019 г. — 294 409 (+68,5 %), в 2020 г. — 510 396 (+73,4 %), в 2021 г. — 517 722 (+1,5 %), в 2022 г. — 522 065 (+0,8 %), в 2023 г. — 676 951 (+29,7 %), в 2024 г. — 775 тыс. . Однако в 2025 году ситуация принципиально изменилась: впервые за многие годы зафиксировано снижение числа киберпреступлений — до 663 тыс., что на 12% меньше, чем годом ранее. Сократилось и число жертв кибермошенников — на 5,5%, до 534,5 тыс. человек. При этом сумма зарегистрированного материального ущерба также снизилась с 205 млрд. до 189,5 млрд. рублей. Эксперты МВД связывают это с комплексом принятых государством мер: если в январе 2025 года ведомство еженедельно фиксировало свыше 9 тыс. киберпреступлений, то в декабре показатель опустился ниже 6 тыс.[1]. Данная динамика свидетельствует о первых ощутимых результатах государственной политики, однако прогнозы указывают на высокую степень киберугрозы. Мировой экономический ущерб может достичь 10,5 трлн долларов США, что превращает ее в одну из наиболее значимых угроз [2].

Информационные технологии стремительно развиваются, проникая во все сферы жизни. Они формируют глобальное информационное пространство, которое открывает новые возможности для экономического роста и социального прогресса. Однако вместе с этим возникают и новые угрозы. Информационная среда стала неотъемлемой частью нашей реальности, но одновременно превратилась в площадку для противоправной деятельности. Её масштабы и общественная опасность растут. Эволюция правонарушений в сфере информации напрямую связана с научно-техническим прогрессом. Цифровая среда стала ареной для преступлений против личности и общественной безопасности. Такие как нарушение неприкосновенности частной жизни через незаконный сбор и распространение персональных данных, киберпреследование (сталкинг) и установку шпионского программного обеспечения. Серьезной угрозой является распространение противоправного материалов: от экстремистской направленности и детской порнографии до клеветы и оскорблений в публичном пространстве. Особую и новейшую группу преступлений против личности формируют деяния, совершаемые с использованием технологий искусственного интеллекта (ИИ). Речь идет о создании дипфейков для компрометации или шантажа, а также о синтезе голоса для введения в заблуждение. К числу иных киберпреступлений относятся деяния против безопасности компьютерных данных и систем (неправомерный доступ, создание вредоносного ПО), а также имущественные киберпреступления (компьютерное мошенничество, кибервымогательство.

Многоуровневая природа киберпреступлений подчеркивает необходимость комплексного правового регулирования на национальном и международном уровнях. К числу наиболее значимых глобальных инициатив относится Будапештская конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (2001 г.). Она остается наиболее ратифицированным международным договором, специально посвященным борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации. Ее основное значение заключается в унификации составов преступлений и создании общих процессуальных механизмов. Однако Будапештская конвенция подвергается критике за свою «экстерриториальность» (особенно в контексте ст. 32, допускающей трансграничный доступ к данным без уведомления государства) и отражение преимущественно западных правовых подходов, что, по мнению ряда исследователей, подрывает суверенитет национальных государств. Данная критика стимулировала инициативу России и группы единомышленников в рамках ООН по разработке Всеобъемлющей международной конвенции по противодействию использованию ИКТ в преступных целях. Итогом стало принятие Конвенции ООН против киберпреступности (резолюция ГА ООН 79/243 от 24 декабря 2024 г.). В отличие от Будапештской конвенции, новый документ применяет широкий подход, охватывая не только киберзависимые, но и кибепосредованные преступления. Конвенция фокусируется на определении юрисдикции, защите прав человека при осуществлении мер киберследствия (ст. 6), а также на механизмах оказания правовой помощи развивающимся

странам. Фрагментация глобального правового ландшафта подчеркивает растущую роль региональных альянсов, ориентированных на цифровой суверенитет. В 2025 году в рамках СНГ Таджикистан предложил создать Межгосударственный киберотряд, а в рамках БРИКС обсуждается целесообразность учреждения Рабочей группы по кибербезопасности и защите электронных доказательств. Сравнительный анализ уголовной ответственности за киберпреступления против личности Борьба с киберпреступлениями против личности требует гармонизации национальных законодательств, однако существующие правовые системы демонстрируют значительные различия в подходах. Российская Федерация основывает свою систему на Главе 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» (ст. 272– 274.5), а также на смежных нормах. Незаконный сбор и распространение персональных данных подпадают под действие ст. 137 и ст. 138 УК РФ. С 2024 года ужесточена ответственность за распространение дипфейков, если деяние совершено с использованием ИИ. Статья 274.1 УК РФ устанавливает специальную ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру (до 10 лет лишения свободы). Административная ответственность предусмотрена главой 13 КоАП РФ [3].

Соединенные Штаты Америки применяют универсальную концепцию «защищенного комв пьютера» (Computer Fraud and Abuse Act, 18 U.S.C. § 1030). Для преступлений против личности используются: 18 U.S.C. § 2261A (киберпреследование), 18 U.S.C. § 1028 (мошенничество с идентификационными данными), 18 U.S.C. § 1028A (отягченная кража личности). Характерной чертой американского подхода является обязательное дополнительное наказание за кражу личности [4].

Япония регулирует ответственность Законом о запрете несанкционированного компьютерного доступа и Уголовным кодексом. Закон о защите персональной информации (APPI) предусматривает уголовную ответственность за нарушение приказов Комиссии. В 2011 году в УК Японии введены ст. 168-2 и 168-3, криминализирующие создание и распространение компьютерных вирусов. Особенностью японского подхода является уголовное преследование даже за загрузку пиратского контента при осознании незаконности.

Германия основывается на УК ФРГ (Strafgesetzbuch). § 202a StGB (Выведывание данных) охватывает несанкционированный доступ, § 202b StGB (Перехват данных) устанавливает ответственность за перехват. Для преступлений против личности применяются § 238 StGB (киберпреследование), § 185–187 StGB (оскорбление и клевета). Германия имплементировала GDPR и Директиву NIS2 [5; 6].

Италия регулирует ответственность Уголовным кодексом, в который внесены изменения Законом № 547/1993. Ст. 615-ter устанавливает ответственность за несанкционированный доступ. Преступления против личности регулируются ст. 612-bis и 595 УК Италии. В 2025 году принят Закон об искусственном интеллекте. Особенностью итальянского подхода является наличие квалифицированного состава для случаев совершения преступления с использованием статуса оператора системы [7].

Республика Корея имеет одно из наиболее строгих законодательств в рассматриваемой сфере. Основные акты: УК, Закон о сетях (Network Act) и Закон о защите персональных данных (PIPA). Ст. 48 Сетевого закона запрещает вторжение в сеть без законного права доступа. PIPA предусматривает значительные оборотные штрафы для организаций. Уголовная ответственность за клевету — одна из самых строгих: правдивые сведения также могут быть наказуемы, если они порочат честь (ст. 307 УК Кореи) [8].

Общие тенденции и выводы. Проведенный сравнительный анализ показывает, что российское законодательство является одним из наиболее детализированных, с акцентом на уголовно-правовые меры и защиту государственного суверенитета в цифровом пространстве. В то же время в России отсутствует специализированный состав «кража личности» с обязательным дополнительным наказанием (в отличие от США), а также состав киберпреследования (в отличие от США, Германии, Италии и Японии).

США и страны Европейского союза делают акцент на универсальные нормы и административные санкции. Япония и Республика Корея занимают промежуточную позицию, сочетая строгие уголовные наказания с активным государственным регулированием. Общими тенденциями являются: ужесточение ответственности за посягательства на критическую информационную инфраструктуру; расширение круга субъектов ответственности (включая производителей ПО и руководителей компаний); внедрение превентивных обязанностей по оценке рисков; гармонизация законодательства в рамках региональных объединений. Таким образом, национальные законодательства движутся по пути создания более жестких, детализированных и превентивных правовых режимов, сочетающих уголовно-правовые санкции с административно-регуляторными мерами.

Стратегические направления построения экосистемы упреждающей киберзащиты. Проведенный анализ демонстрирует, что современная

киберпреступность эволюционировала в качественно новое явление, где особую опасность представляют преступления против личности с использованием технологий ИИ. Необходима новая парадигма национальной кибербезопасности, основанная на интеграции права, технологий, образования и международного сотрудничества.

1. Систематизация информационного законодательства.

Назревшая разрозненность норм об информации, персональных данных, связи, цифровых платформах, идентификации, электронном документообороте и искусственном интеллекте требует подготовки единого Цифрового кодекса. Одновременно необходимо законодательно определить понятие информационного правонарушения и закрепить в уголовном законе чёткие критерии, разграничивающие, выступает ли информация объектом, средством или обстановкой совершения деяния. Это устранит коллизии и обеспечит единообразие правоприменения.

2. Противодействие дипфейкам и обороту ИИ-контента.

Вместо расширительных и потенциально опасных формулировок об «автоматизированной обработке» данных следует ввести специальный состав незаконного создания и распространения синтезированных изображений, аудио- и видеозаписей, имитирующих личность без её согласия. Гражданско-правовую защиту чести и достоинства необходимо прямо распространить на случаи использования дипфейков. Маркировку ИИ-контента целесообразно внедрять поэтапно: сначала — как право, а не обязанность, с разработкой технических рекомендаций; затем, по мере накопления технологических решений и с учётом международного опыта, — как административно обеспечиваемое требование.

3. Усиление уголовно-правовой защиты и унификация ответственности.

Использование информационно-телекоммуникационных сетей и программно-аппаратных средств должно быть закреплено в качестве общего отягчающего обстоятельства, что усилит превентивный эффект без точечной правки десятков статей. Кроме того, особенная часть уголовного закона нуждается в восполнении пробелов: требуется ввести составы «кража личности» и «киберпреследование», что позволит отказаться от квалификации таких деяний по разрозненным нормам и обеспечит более надёжную защиту граждан.

4. Дифференциация административной ответственности операторов цифровой среды. Необходимо установить повышенные штрафы для организаторов распространения информации, владельцев социальных сетей, провайдеров хостинга и поисковых систем за неисполнение специфических публично-правовых обязанностей — от непредоставления сведений о пользователях до отказа удалять противоправный контент. Прогрессивная шкала санкций за систематические нарушения, вплоть до административного приостановления деятельности, должна стать реальным стимулом к оперативной модерации. Параллельно важно создать внесудебный механизм, обязывающий владельцев сайтов удалять явно недостоверные и порочащие сведения по требованию гражданина в сжатые сроки.
5. Гражданско-правовые и потребительские механизмы защиты.

Гражданский кодекс следует дополнить институтом штрафных убытков за умышленные информационные деликты, включая нарушение исключительных прав и заведомое распространение ложных порочащих сведений, что создаст серьёзный сдерживающий эффект. Одновременно в законодательстве о защите прав потребителей необходимо закрепить обязанности маркетплейсов по верификации продавцов и контролю достоверности информации о товарах, а также их субсидиарную ответственность за ущерб, причинённый потребителям недостоверными сведениями.

6. Профилактика, кадровое и технологическое обеспечение.

Упреждающая модель кибербезопасности невозможна без массового повышения цифровой грамотности. Предлагается создать единую государственную платформу кибергигиены с адаптивными сценариями обучения, ввести обязательную сертификацию компетенций для специалистов, работающих с персональными данными и объектами критической информационной инфраструктуры, а также запустить программу психологической и правовой помощи жертвам киберпреследований и дипфейков. Технологический контур должен включать национальную платформу предиктивной аналитики киберугроз и специализированные следственные подразделения по преступлениям с использованием искусственного интеллекта.

7. Международное партнёрство. Приоритетом является скорейшая ратификация Конвенции ООН против киберпреступности с оговорками, обеспечивающими национальные интересы, и продвижение гибридной модели участия негосударственных организаций в её работе — с правом экспертного голоса, но без права решающего голоса. На региональном уровне необходимо поддержать инициативу создания Межгосударственного киберотряда СНГ, разработать соглашение

о совместном реагировании на инциденты, а в формате БРИКС — учредить постоянно действующую рабочую группу по кибербезопасности и защите электронных доказательств, поручив ей подготовку модельных норм о трансграничном доступе к компьютерной информации.

Список литературы:

[1] Дремлюга Р.И. Компьютерная информация как предмет посягательства при неправомерном доступе: сравнительный анализ законодательства США и России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6 (73). С. 111–117.

[2] Жижина М.В., Завьялова Д.В. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации в Российской Федерации и зарубежных странах: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 248 с.

[3] Головненков П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB): науч.-практ. комментарий и перевод текста закона. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2021. 489 с.

[4] Русскевич Е.А. Компьютерные преступления: квалификационные алгоритмы и тренды: учебное пособие. М.: Проспект, 2025. 208 с.

[5] Мартиросян А.Ж. Международно-правовое регулирование обеспечения безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2024. 28 с.

[6] Позднякова Е.А. Авторское право: учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2026. 259 с.

References:

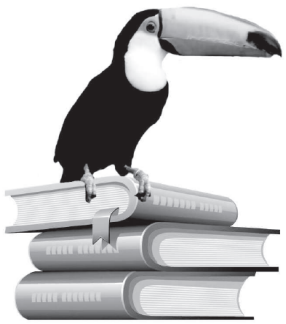
[1] Dremlyuga R.I. Computer Information as an Object of Infringement in Unauthorized Access: A Comparative Analysis of US and Russian Legislation // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2018. No. 6 (73). Pp. 111–117.

[2] Zhizhina M.V., Zavyalova D.V. Investigation of Computer Crimes in the Russian Federation and Foreign Countries: A Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2021. 248 p.

[3] Golovnenkov P.V. Criminal Code of the Federal Republic of Germany – Strafgesetzbuch (StGB): Scientific and Practical Commentary and Translation of the Law Text. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2021. 489 p.

[4] Ruskevich E.A. Computer Crimes: Qualification Algorithms and Trends: A Study Guide. Moscow: Prospekt, 2025. 208 p.

[5] Martirosyan A.Zh. International Legal Regulation of Ensuring Security in the Field of Information and Communication Technologies: Abstract of Dissertation ... Candidate of Law. Sciences. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2024. 28 p.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-303-309

ПОЛЯКОВА Юлия Евгеньевна,
студентка 1-го курса магистратуры
Института философии и права
Новосибирского государственного университета,
e-mail: syrovatskaya.ru@yandex.ru

ВМЕНЯЕМОСТЬ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. *Целью настоящей статьи является выявление проблемных аспектов законодательного регулирования вменяемости как обязательного признака субъекта преступления, а также разработка предложений по совершенствованию уголовно-правовых норм в данной сфере. Методологическую основу работы составляют формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы, а также анализ судебной практики и научных позиций представителей уголовно-правовой науки. Особое внимание уделяется содержанию юридического (интеллектуальный и волевой моменты) и медицинского критериев вменяемости, их соотношению и значению для решения вопроса об уголовной ответственности. Рассматривается проблема отсутствия легальной дефиниции вменяемости в УК РФ, дискуссионный характер её соотношения с виной, а также тенденция к недооценке роли сознательно-волевых процессов в правоприменительной практике. В рамках анализа научных позиций сопоставляются различные подходы к определению вменяемости — от строго юридического до комплексного, учитывающего социально-психологические аспекты. Делается вывод о необходимости законодательного закрепления понятия вменяемости (предлагается введение статьи 20.1 УК РФ), уточнения интеллектуального критерия (сохранение акцента на осознании общественной опасности, а не противоправности), а также о важности чёткого разграничения компетенций судебно-психиатрических экспертов (установление медицинского критерия) и правоприменительных органов (оценка юридического критерия).*

Ключевые слова: *вменяемость, субъект преступления, невменяемость, юридический критерий, медицинский критерий, интеллектуальный признак, волевой признак, вина, судебно-психиатрическая экспертиза, ограниченная вменяемость.*

POLYAKOVA Yulia Evgenievna,
First-year Master's student
Institute of Philosophy and Law
Novosibirsk State University

SANITY AS AN OBLIGATORY SIGN OF THE SUBJECT OF THE CRIME

Annotation. *The purpose of this article is to identify problematic aspects of the legislative regulation of sanity as a mandatory feature of the subject of a crime, as well as to develop proposals for improving criminal law norms in this area. The methodological basis of the work consists of formal legal, system-structural and comparative legal methods, as well as an analysis of judicial practice and scientific positions of representatives of criminal law science. Special attention is paid to the content of the legal (intellectual and volitional aspects) and medical criteria of sanity, their correlation and significance for solving the issue of criminal liability. The article considers the problem of the lack of a legal definition of sanity in the Criminal Code of the Russian Federation, the controversial nature of its relationship with guilt, as well as the tendency to underestimate the role of conscious-volitional processes in law enforcement practice. Within the framework of the analysis of scientific positions, various approaches to the definition of sanity are compared — from strictly legal to complex, taking into account socio-psychological aspects. It is concluded that it is necessary to legislate the concept of sanity (the introduction of Article 20.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed),*

clarify the intellectual criterion (maintaining an emphasis on awareness of public danger rather than illegality), as well as the importance of a clear distinction between the competencies of forensic psychiatric experts (establishing a medical criterion) and law enforcement agencies (assessing a legal criterion).

Key words: *sanity, the subject of the crime, insanity, legal criterion, medical criterion, intellectual trait, strong-willed trait, guilt, forensic psychiatric examination, limited sanity.*

Субъект преступления занимает центральное место в структуре состава преступления, выступая связующим звеном между объективной и субъективной сторонами противоправного деяния: именно через действия или бездействие субъекта реализуется общественная опасность посягательства, что приводит к нарушению охраняемых уголовным законом общественных отношений. При этом отсутствие субъекта, отвечающего установленным критериям, исключает саму возможность квалификации деяния как преступления, а значит, и привлечения кого-либо к уголовной ответственности.

Согласно действующему уголовному законодательству, субъект преступления должен соответствовать трём обязательным характеристикам: во-первых, выступать именно физическим лицом, так как уголовная ответственность возлагается исключительно на физических лиц, вторым условием является вменяемость, то есть способность лица осознавать характер своих действий и руководить ими, в-третьих, необходимо достижение установленного уголовным законом возраста, с которого возможно привлечение к ответственности за конкретное преступление.

Вменяемость, как отмечал Таганцев Н.С., представляет собой фундаментальный принцип уголовного права, поскольку только при её наличии можно говорить о виновности лица и, следовательно, о справедливости наказания [8].

Современное российское уголовное право исходит из «презумпции вменяемости»: любое лицо, обвиняемое в совершении преступления, считается вменяемым, пока не доказано обратное [9]. Однако эта презумпция не является абсолютной, при наличии данных, указывающих на возможное психическое расстройство, суд обязан назначить судебно-психиатрическую экспертизу. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 перечислены обстоятельства, которые могут вызвать сомнения во вменяемости: наличие психиатрического анамнеза (лечение, наблюдение у специалистов), обучение в учреждениях для лиц с задержкой психического развития, перенесённые тяжёлые черепно-мозговые травмы, неадекватное поведение или высказывания, свидетельствующие о возможном расстройстве, жалобы обвиняемого на психопатологические симптомы.

Несмотря на принципиальную значимость вменяемости как обязательного признака субъекта преступления, в действующем уголовном законодательстве отсутствует чёткое определение этого понятия. Исторический анализ нормативных актов показывает, что ни Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года, ни Основные начала уголовного законодательства СССР 1924 года, ни Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926 и 1960 годов не содержали прямого указания на данный критерий [7]. Современный Уголовный кодекс РФ также не даёт легальной дефиниции понятия «вменяемости», что создаёт определённые теоретические и практические сложности.

В юридической доктрине сложилась практика определения вменяемости через её противопоставление невменяемости, которая регламентирована ст. 21 УК РФ. Исходя из этой логики, под вменяемостью понимается способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или бездействия, а также контролировать собственное поведение. Однако такой подход нельзя считать исчерпывающим, поскольку он не учитывает все аспекты данного правового явления.

Михеев Р.И. подчёркивает, что вменяемость представляет собой сложную, многоплановую категорию, обладающую значительной смысловой нагрузкой как в теоретическом, так и в практическом аспектах [5]. Это подтверждается наличием множества научных трактовок данного понятия, предлагаемых специалистами в области уголовного права.

Так, Тугушев Р.Р. рассматривает вменяемость в качестве сугубо юридической конструкции, не сводимой к медицинским или психиатрическим критериям. По его мнению, это понятие следует интерпретировать исключительно в правовом контексте, поскольку оно служит основанием для привлечения лица к уголовной ответственности. При этом Тугушев Р.Р. акцентирует внимание на том, что формулировка вменяемости должна разрабатываться юристами, а не психиатрами, так как речь идёт о правовой, а не клинической категории [9].

Позиция Тугушева Р.Р. встречает серьезные возражения со стороны ряда специалистов в области уголовного права. Так, Орлов В.С. подчеркивает принципиальную важность вменяемости как неотъемлемого свойства личности, без

наличия которого невозможно рассматривать индивида в качестве субъекта преступления при осуществлении общественно опасного деяния [6].

Другие исследователи, включая Антоняна Ю.М., Бородина С.В. и Михеева Р.И., предлагают более комплексный подход к определению вменяемости, учитывающий не только юридические, но и социально-психологические аспекты. В частности, Антонян Ю.М. и Бородин С.В. рассматривают вменяемость как особое психическое состояние, характеризующееся способностью лица осознавать характер своих действий и руководить ими в момент совершения преступления. Данная способность, по их мнению, формируется под влиянием множества факторов, включая уровень развития личности, возрастные особенности и психическое здоровье [1]. Именно это состояние служит основанием для привлечения лица к уголовной ответственности.

Схожие идеи высказывает Михеев Р.И., который интерпретирует вменяемость как социально-психологический критерий, позволяющий признавать субъекта преступления виновным. Согласно его концепции, ключевым условием является способность лица в момент совершения противоправного деяния понимать общественную опасность своих действий и сохранять контроль над ними. Только при наличии такой способности, по мнению ученого, возможно правомерное применение уголовно-правовых мер воздействия [5].

Рассмотрев разные подходы, стоит отметить, что категория понятия «вменяемость» не обладает только правовой или исключительно медицинской природой, в связи с этим необходимо занять компромиссный подход. В соответствии с данным подходом вменяемость представляет собой психическое состояние лица на момент совершения преступления, определяющее его способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими, при этом данное состояние лица позволяет судить о его возможности выступать в качестве субъекта уголовной ответственности.

Нельзя не признать обоснованность позиций ученых-правоведов, подчеркивающих важность учета психофизиологических особенностей личности при оценке ее способности осознавать противоправность своих действий. Действительно, уровень интеллектуального развития и психическое состояние человека в момент совершения преступления играют определяющую роль в установлении его вменяемости. Данные факторы стоит учитывать в связи с тем, что юридической практике известны случаи, когда лица с диагностированными психическими заболеваниями (в частности, расстройствами шизофренического спектра) привлекались к уголовной ответственности в периоды клинической ремиссии, будучи признанными вменяемыми по заключению судебно-психиатрической экспертизы.

Следует отметить, что действующее уголовное законодательство не дает четкого определения вменяемости, ограничиваясь лишь характеристикой ее антипода – невменяемости (ст. 21 УК РФ). Как справедливо отмечает Милаева М.Ю., подобный подход создает правовую неопределенность, поскольку каждый конкретный случай требует индивидуального установления психического состояния обвиняемого [4].

С такой позицией трудно не согласиться – законодательное закрепление понятия «вменяемости» не только обеспечит более четкие критерии для правоприменительной практики, но и послужит дополнительной гарантией справедливого разрешения вопросов уголовной ответственности. Введение нормативного определения данного понятия способствовало бы унификации судебных решений и минимизировало бы риски субъективного толкования этого ключевого аспекта уголовного права.

Так, стоит дополнить УК РФ статьей 20.1 «Вменяемость» со следующим содержанием: «Уголовной ответственности подлежит лицо, которое во время совершения преступления могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие состояния психического здоровья, уровня социально-психического развития, социализации и достигнутого им возраста».

Говоря о понятии «вменяемости» как обязательном признаке субъекта преступления, необходимо рассмотреть дискуссионный вопрос о соотношении вменяемости и вины. Например, Михеев Р.И. и Павлов В.Г. полагают, что вменяемость стоит признать предпосылкой вины и уголовной ответственности [5, 7]. Антонян Ю.М. и Бородин С.В. считали верным, что вменяемость не является предпосылкой виновности (которая в ряде случаев может отсутствовать), а лишь подтверждает соответствие лица требованиям, предъявляемым к субъекту преступления [1]. Согласно точке зрения Козлова А.П. вменяемость стоит признать основой вины, в результате чего вина включает в себя вменяемость, соответственно, они соотносятся как «целое» и «часть» [3].

Стоит заметить, что между вменяемостью и виной нет прямой взаимосвязи, данные категории относительно самостоятельны друг от друга. Так, к примеру, если будет признано отсутствие у лица вменяемости в момент совершения обще-

ственно опасного деяния, то можно констатировать, что в его действиях (бездействии) нет состава преступления. При этом данный вывод был сделан по причине того, что в деянии лица отсутствует такой элемент состава как субъект преступления (его вменяемость), а не вина как составляющая субъективной стороны.

Таким образом, наиболее целесообразным стоит считать подход Антоняна Ю.М. и Бородина С.В., согласно которому вменяемость является предпосылкой уголовной ответственности согласно ст. 19 УК РФ, а не вины.

Необходимо отметить, что в конструкции вменяемости, как и в невменяемости, можно выделить несколько критериев. Среди исследователей уголовного права нет единой точки зрения касательно данного вопроса, так говорят о наличии одновременно трех критериев (возрастного, юридического и медицинского), либо одного наиболее значимого критерия (или юридического, или медицинского) [2] или согласно наиболее распространенному мнению – двух критериев (юридического и медицинского) [9]. Последний подход видится наиболее рациональным, стоит рассмотреть его подробнее.

Во-первых, в составе «формулы» вменяемости как категории уголовного права находит свое отражение юридический критерий. Этот критерий характеризуется двумя признаками: интеллектуальным и волевым.

Интеллектуальный момент юридического критерия вменяемости подразумевает под собой способность человека в момент совершения противоправного деяния понимать характер и общественную опасность своих действий. Тем самым законодатель не предъявляет к субъекту преступления требования об осознании им противоправности или уголовной наказуемости совершаемого деяния, ограничиваясь лишь условием – осознания опасности для общества. Тугушев Р.Р. считает данное требование устаревшим, не соответствующим принципам современного уголовного законодательства и настаивает на изменении интеллектуального момента юридического критерия [9].

Однако стоит заметить, что при указании в интеллектуальном признаке на необходимость понимания лицом «уголовно-противоправного характера своих действий (бездействия)» [9] значительно сужается круг лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, по причине правовой неграмотности и низкого правосознания населения. Тем самым предлагаемые Тугушевым Р.Р. изменения не обеспечивают должной уголовно-правовой охраны существующих общественных отношений.

В связи с этим вариант интеллектуального момента юридического критерия, предложенный уголовным законодательством, представляется верным, и целесообразно оставить его без изменения.

В свою очередь волевой момент юридического критерия вменяемости означает руководство лицом своим поведением в момент совершения преступного деяния. При этом стоит заметить, что волевой признак вменяемости как категория области права является аспектом более общего понятия «свободы воли».

Свобода воли представляет собой человеческую способность делать выбор одного варианта поведения из множества других и нести за него ответственность. В классической теории уголовного права существует презумпция свободы воли, согласно которой действия индивида считаются совершенными «свободно» до того времени, когда не будет доказано обратное [10].

Однако последние открытия в области нейробиологии опровергают данное высказывание, в связи с этим говорят о том, что человек в значительной степени управляется своим подсознанием, что делает его действия несвободными, именно поэтому понятие «свободы воли» является относительным и не определяет человеческие поступки. Специалисты в области уголовного права Антонян Ю.М. и Бородин С.В., изучив юридическую практику, тоже отмечают большое влияние бессознательного на жизнедеятельность людей, особенно на лиц с психическими расстройствами [1].

При этом в УК РФ нет положений о роли бессознательных процессов на человека при совершении им уголовно наказуемого деяния. Отсутствие таких указаний в современном уголовном законодательстве объясняется тем, что законодатель поддерживает позицию о том, что деяние является именно сознательно волевым актом, тем самым, исключая возможность воздействия на лицо неосознаваемой психической деятельности.

Стоит обратить внимание на то, что в действительности нет необходимости в учете бессознательных процессов при совершении лицом преступления. Данная точка зрения является верной ввиду того, что в основе бессознательного лежат «обыденные примитивные установки», основанные на задатках, выработанных стереотипах поведения, которые в ряде случаев могут выступать мотивами поведения субъекта. Однако окончательный выбор варианта поведения принимается лицом под влиянием не только его внутренних особенностей, но и с учетом внешних обстоятельств, то есть в итоге – осознанно.

Заключительным элементом вменяемости выступает медицинский критерий, который отражает психическое состояние индивида, предполагает сохранность сознательно-волевых функций, значимых с точки зрения уголовного права, именно при отсутствии психических патологий [2]. Однако в юридической практике возникает сложный вопрос: может ли лицо, имеющее диагностированное психическое расстройство, тем не менее признаваться вменяемым?

Парадоксально, но законодатель допускает такую возможность. Даже при наличии заболеваний, формально подпадающих под медицинский критерий невменяемости (хронические психические расстройства, временные нарушения психики, слабоумие и иные патологические состояния), лицо может быть признано вменяемым, если в момент совершения преступления сохраняло способность осознавать свои действия и управлять ими. Таким образом, биологический критерий вменяемости охватывает не только психическое здоровье в строгом смысле, но и случаи, когда психическое расстройство не лишает человека возможности понимать противоправность своего поведения.

Яркой иллюстрацией данного положения служит судебная практика. Так, Йошкар-Олинский городской суд Республики Марий Эл рассматривал дело, в котором обвиняемая, воспользовавшись банковской картой с функцией бесконтактной оплаты без согласия владельца, совершила хищение денежных средств. Судебно-психиатрическая экспертиза подтвердила наличие у подсудимой психического расстройства, однако установила, что в момент совершения преступления она сохраняла частичную способность осознавать свои действия. В результате, несмотря на диагностированное заболевание, суд признал ее вменяемой и привлек к уголовной ответственности с учетом положений ст. 22 УК РФ.

Этот пример демонстрирует, что медицинский критерий вменяемости требует тщательной дифференцированной оценки в каждом конкретном случае. Даже при наличии психиатрического диагноза решающее значение имеет не сам факт расстройства, а степень его влияния на сознание и волю лица в момент совершения общественно опасного деяния. Такой подход подчеркивает необходимость индивидуального экспертного анализа при решении вопроса о вменяемости в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, можно констатировать, что медицинский критерий вменяемости шире медицинского критерия невменяемости и «уменьшенной» вменяемости в силу того, что биологический критерий вменяемости включает как психическое здоровье, так и болезненные состояния психики, встречающиеся у лиц, признанных невменяемыми, и у ограниченно вменяемых лиц.

На основании вышесказанного, необходимо сделать вывод в том, что вменяемость является обязательным признаком субъекта преступления, и её отсутствие исключает уголовную ответственность.

При этом УК РФ не содержит легального понятия «вменяемости», в уголовно-правовой науке сложилось несколько теоретических подходов по поводу его содержания, после анализа которых было предложено следующее положение: «уголовной ответственности подлежит лицо, которое во время совершения преступления могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие состояния психического здоровья, уровня социально-психического развития, социализации и достигнутого им возраста».

Рассмотрев соотношение вменяемости и вины, следует заключить, что вменяемость не является предпосылкой последней, а выступает предпосылкой уголовной ответственности.

При уголовно-правовой оценке деяния необходимо учитывать два критерия вменяемости: юридический и медицинский. В свою очередь юридический критерий представляет собой синтез интеллектуального и волевого моментов. Признанный законодателем интеллектуальный аспект вменяемости, предполагающий осознание лицом характера и общественной опасности своих действий, остается оптимальным, несмотря на предложения о его изменении за счет введения категории «уголовной противоправности». Подобная реформа уголовного законодательства могла бы привести к необоснованному сужению круга лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, из-за распространенной правовой неграмотности.

Волевой момент юридического критерия вменяемости означает способность лица осознанно управлять своими действиями. Современные достижения нейробиологии и когнитивной психологии, раскрывающие роль подсознательных процессов в принятии решений, действительно бросают вызов классическим представлениям о свободе воли, однако уголовное право, сохраняя практическую ориентированность, продолжает исходить из презумпции осознанного характера человеческого поведения. Такой подход представляется обоснованным, поскольку даже при учете бессознательных факторов, конечный выбор модели поведения остается результатом сознательного решения, формирующегося под совокупным влиянием личностных

установок и внешних обстоятельств. Сохранение традиционного понимания волевого компонента вменяемости обеспечивает необходимую стабильность правового регулирования, не игнорируя при этом сложную природу психических процессов.

Медицинский критерий вменяемости представляет собой комплексную правовую конструкцию, качественно отличающуюся от аналогичных критериев невменяемости и ограниченной вменяемости. Его специфика заключается в том, что он охватывает состояния полного психического здоровья и отдельные формы психических расстройств, не нарушающих критического восприятия действительности.

Особую значимость данный критерий приобретает в контексте дифференциации уголовной ответственности, поскольку позволяет более точно определить степень влияния психических процессов на субъект в момент совершения преступления. Важно подчеркнуть, что наличие психического расстройства само по себе не является безусловным основанием для признания лица невменяемым – решающее значение имеет степень влияния этого расстройства на сознательно-волевую сферу в конкретный момент времени.

Список литературы:

[1] Антонян, Ю.М. Преступность и психические аномалии / Ю. М. Антонян, С. В. Бородин; Отв. ред. В. Н. Кудрявцев; АН СССР, Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1987. – С. 123. – URL: https://m.eruditor.one/file/1817596/ (дата обращения: 10.04.2026).

[2] Беличенко Р.В. Уголовно-правовая оценка биологического критерия вменяемости: теория и правоприменение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2023. – 22 с. – URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01011973757 (дата обращения: 10.04.2026).

[3] Козлов А.П. Понятие преступления / А. П. Козлов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 817 с. – URL: https://iknigi.net/avtor-anatoliy-kozlov/106318-ponyatie-prestupleniya-anatoliy-kozlov/read/page-40.html (дата обращения: 10.04.2026).

[4] Милаева М.Ю. Вменяемость и невменяемость в уголовном праве: спорные вопросы и их решения // E-Scio. – 2020. – №12 (51). – С. 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vmenyaemost-i-nevmenyaemost-v-ugolovnom-prave-spornye-voprosy-i-ih-resheniya (дата обращения: 10.04.2026).

[5] Михеев Р.И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве / Р. И. Михеев. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1983. – 300 с.

[6] Орлов В.С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1958. – 260 с. – URL: https://m.eruditor.one/file/1243518/ (дата обращения: 10.04.2026).

[7] Павлов В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность / В.Г. Павлов; МВД России, С.-Петерб. ун-т, Акад. права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России и др., 2000. – С. 107. – URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01002945289 (дата обращения: 10.04.2026).

[8] Таганцев Н.С. Русское уголовное право в 2 ч. Часть 1 / Н. С. Таганцев. – М.: Изд-во Юрайт, 2025. – С.385. – URL: https://urait.ru/bcode/565188 (дата обращения: 10.04.2026).

[9] Тугушев Р.Р. Невменяемость: уголовно-правовое значение и проблемы отграничения от вменяемости и ограниченной вменяемости: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 136-139. – URL: https://m.eruditor.one/file/1680831/grant/ (дата обращения: 10.04.2026).

[10] Хилюта В.В. Нейробиология и свобода воли в уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – №5 (138). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neyrobiologiya-i-svoboda-voli-v-ugolovnom-prave (дата обращения: 10.04.2026).

References:

[1] Antonyan, Yu. M. Crime and Mental Anomalies/Yu. M. Antonyan, S. V. Borodin; Resp. ed. V.N. Kudryavtsev; USSR Academy of Sciences, Institute of State and Law. - M.: Nauka, 1987. - S. 123. - URL: https ://m.eruditor.one/file/1817596/(accessed: 10.04.2026).

[2] R.V. Belichenko. Criminal law assessment of the biological criterion of sanity: theory and law enforcement: abstract. dis.... cand. jurid. sciences. St. Petersburg, 2023. - 22 p. - URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01011973757 (access date: 10.04.2026).

[3] Kozlov A.P. The concept of crime/A.P. Kozlov. - St. Petersburg: Jurid. Center Press, 2004. – 817 c. – URL: https://iknigi.net/avtor-anatoliy-kozlov/106318-ponyatie-prestupleniya-anatoliy-kozlov/read/page-40.html (дата обращения: 10.04.2026).

[4] Milaeva M.Yu. Sanity and insanity in criminal law: controversial issues and their solutions//E-Scio. – 2020. – №12 (51). - S. 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vmenyaemost-i-nevmenyaemost-v-ugolovnom-prave-spornye-voprosy-i-ih-resheniya (дата обращения: 10.04.2026).

[5] Mikheev R.I. Problems of sanity and insanity in Soviet criminal law/R.I. Mikheev. - Vladivostok: Publishing House Dalnevost. University, 1983. - 300 s.

[6] Orlov V.S. Subject of crime under Soviet criminal law. - M.: Gosyurizdat, 1958. - 260 p. - URL: https ://m.eruditor.one/file/1243518/(access date: 10.04.2026).

[7] Pavlov V.G. Subject of crime and criminal liability/V.G. Pavlov; Ministry of Internal Affairs of Russia, S.-Peterb. un-t, Acad. rights, economics and life safety. - St. Petersburg: S.-Peterb. University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, etc., 2000. - S. 107. - URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01002945289 (access date: 10.04.2026).

[8] Tagantsev N.S. Russian criminal law in 2 hours. Part 1/N.S. Tagantsev. - M.: Publishing House Yurayt, 2025. - S.385. - URL: https://urait.ru/bcode/565188 (access date: 10.04.2026).

[9] Tugushev R.R. Insanity: criminal law significance and problems of delimitation from sanity and limited sanity: dis.... cand. jurid. sciences. - M., 2003. - S. 136-139. - URL: https ://m.eruditor.one/file/1680831/grant/(accessed: 10.04.2026).

[10] Hilyuta V.V. Neurobiology and free will in criminal law//Actual problems of Russian law. – 2022. – №5 (138). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neyrobiologiya-i-svoboda-voli-v-ugolovnom-prave (дата обращения: 10.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-310-313

КОДЗОВ Таймураз Нашудинович,
преподаватель кафедры огневой подготовки
Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ЕРШОВ Дмитрий Алексеевич,
преподаватель кафедры ОП
Волгоградской академии МВД РФ,
младший лейтенант полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР КРИМИНОГЕННОГО ВЛИЯНИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ РЕАЛИЙ

Аннотация. *Социальные сети в современном российском обществе становятся не только средством коммуникации и самореализации, но и самостоятельным фактором криминогенного воздействия. В статье предпринята попытка криминологического анализа виртуального пространства, в котором формируются и реализуются новые формы девиантного и преступного поведения. На основе анализа законодательства, судебной практики Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, а также научных исследований последних лет (2021–2025) выделяются основные направления криминогенного влияния социальных сетей, включая вовлечение в противоправные действия, распространение экстремистских материалов, кибермошенничество и виктимизацию пользователей. Обосновывается необходимость комплексного подхода к профилактике интернет-преступности, который должен включать правовые, организационные и образовательные меры.*

Ключевые слова: *социальные сети, криминология, интернет-преступность, криминогенные факторы, Верховный Суд РФ, профилактика преступности.*

KODZOV Taimuraz Nasudinovich,
Lecturer, Firearms Training Department,
North Caucasus Institute for Advanced Training (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ERSHOV Dmitry Alekseevich,
Lecturer, Firearms Training Department,
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Junior Police Lieutenant

SOCIAL NETWORKS AS A FACTOR OF CRIMINOGENIC INFLUENCE: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF RUSSIAN REALITIES

Annotation. *In contemporary Russian society, social networks have become not only a means of communication and self-realization but also an independent factor of criminogenic influence. This article presents a criminological analysis of the virtual space where new forms of deviant and criminal behavior are formed and implemented. Based on the analysis of legislation, the judicial practice of the Supreme Court and the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as recent academic studies (2021–2025), the main directions of criminogenic influence of social networks are identified, including involvement in illegal activities, dissemination of extremist materials, cyber fraud, and user victimization. The study substantiates the need for a comprehensive approach to cybercrime prevention, encompassing legal, organizational, and educational measures.*

Key words: *social networks, criminology, cybercrime, criminogenic factors, Supreme Court of the Russian Federation, crime prevention.*

Цифровизация и глобализация информационного пространства привели к глубокой трансформации социальных практик. Социальные сети стали неотъемлемым элементом повседневной жизни и одновременно важнейшим инструментом формирования общественного мнения. Однако наряду с позитивным потенциалом они всё более явно проявляют свойства криминогенной среды, где не только транслируются традиционные девиантные модели, но и конструируются новые формы преступного поведения. По данным Роскомнадзора, в 2024 году доля пользователей социальных сетей в России превысила 85 % населения, имеющего доступ к интернету [11], что объективно расширяет пространство для возможного криминального воздействия. Статистика МВД России свидетельствует о неуклонном росте числа преступлений, совершённых с использованием сетевых платформ [2], что предопределяет необходимость углублённого криминологического анализа данного феномена.

Судебная практика подтверждает, что публикации в социальных сетях, даже размещённые в закрытых группах с ограниченным числом участников, могут приравниваться к публичным действиям в смысле уголовного законодательства [7].

Особое значение имеет распространение контента, связанного с пропагандой наркотиков, самоповреждений и насилия. Социальные сети становятся платформой, где преступники публикуют инструкции по изготовлению и использованию запрещённых веществ, методы самоповреждения, а также видеоматериалы агрессивного и насильственного характера. Это создаёт непосредственные угрозы психическому здоровью пользователей и способствует формированию девиантного поведения в подростковой и молодой аудитории [5].

Правоприменительная практика последних лет демонстрирует, что социальные сети в российском правовом поле рассматриваются как публичное пространство с юридически значимой информацией, что накладывает особые требования к квалификации преступлений, совершаемых в сети. Суды уделяют внимание не только объективной стороне деяний, но и социально-психологическим аспектам, включая мотивацию и психическое состояние автора публикации, а также потенциальное воздействие контента на аудиторию.

Одним из ключевых документов, формирующих правовые ориентиры, является Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 года № 20 «О судебной практике по делам о преступлениях экстремистской направленности» [7]. В постановлении уточняется, что публикации экстремистского характера, доступные широкой аудитории, включая закрытые группы с числом участников, превышающим несколько сотен человек, следует рассматривать как публичные действия. Судебные органы также обращают внимание на цель публикации и потенциальный эффект распространённой информации, что позволяет отличать выражение мнения от действий, направленных на возбуждение социальной, религиозной или национальной вражды. Данный подход отражает тенденцию к расширению юридического понимания публичности в цифровом пространстве, учитывая особенности современных коммуникационных платформ.

Не менее важным является анализ решений Конституционного Суда РФ. Определение от 17 мая 2023 года № 1098-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы на положения законодательства о блокировке интернет-ресурсов, распространяющих запрещённый контент» [8] подтверждает конституционность мер, направленных на ограничение доступа к опасной информации. Суд подчеркнул, что владельцы и администраторы платформ несут ответственность за своевременное удаление запрещённых материалов. Это решение закрепляет принцип соразмерной ответственности и указывает на необходимость координации действий правоохранительных органов и технических операторов платформ.

Особое внимание уделяется практике квалификации кибермошенничества и финансовых преступлений, совершаемых с использованием сетевых платформ. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 за 2024 год [9] подробно анализирует случаи мошенничества с применением фальшивых аккаунтов, манипуляций доверием пользователей и массового вовлечения граждан. Суды при квалификации преступлений учитывают масштабы распространения информации, способы маскировки личности злоумышленника и технические возможности платформ, что позволяет дифференцированно подходить к оценке степени общественной опасности деяний.

Кроме того, судебная практика демонстрирует растущее внимание к защите уязвимых категорий пользователей, таких как несовершеннолетние и лица с низкой цифровой грамотностью. Так, в делах, связанных с вовлечением подростков в экстремистские и наркотические сообщества, суды учитывают не только активность участников, но и влияние групповой динамики, социального давления и манипуляций через контент. Такой комплексный подход позволяет более точно квалифицировать деяния и

определить меру ответственности, соответствующую объективной и субъективной стороне преступления.

Таким образом, практика Верховного и Конституционного судов РФ формирует единое понимание того, что социальные сети являются публичным и юридически значимым пространством, а действия пользователей и администраторов платформ подлежат правовой оценке. Судебная практика отражает тенденцию к системной интеграции уголовно-правовых норм с реалиями цифровой среды, обеспечивая баланс между свободой выражения мнений и защитой общественных интересов. Анализ этих решений позволяет выделить ключевые принципы, на которых должно строиться профилактическое и правоохранительное вмешательство в сфере интернет-преступности: публичность действий, масштаб и потенциальная опасность распространённого контента, степень вовлечения и уязвимость аудитории.

Таким образом, социальные сети выступают не только средством коммуникации и самоидентификации, но и самостоятельным криминогенным фактором. Их изучение с учётом правоприменительной практики и виктимологического анализа позволяет выявлять новые формы преступности, определять уязвимые группы пользователей и разрабатывать комплексные меры профилактики, включающие правовые, технические и образовательные компоненты.

На законодательном уровне важное значение имеет формирование правовой базы, обеспечивающей защиту граждан и ответственность интернет-платформ. Конституция Российской Федерации закрепляет свободу информации при соблюдении интересов и прав других лиц, а федеральные законы и положения Уголовного кодекса Российской Федерации и Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации регламентируют ответственность за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [10, 1]. Постановления Верховного Суда РФ уточняют критерии квалификации преступлений, включая экстремистскую направленность и кибермошенничество, что позволяет правоприменителям дифференцированно оценивать общественную опасность действий в сети.

Практическая профилактика, осуществляемая правоохранительными органами, строится на постоянном мониторинге социальных сетей, выявлении запрещённого контента и деструктивных сообществ, а также на межведомственном взаимодействии, обеспечивающем оперативное реагирование на цифровые угрозы. Важную роль играют технические инструменты, такие как фильтры и алгоритмы распознавания опасного контента, системы аналитики и оперативного блокирования, которые позволяют минимизировать потенциальное воздействие противоправной информации.

Не менее значимым аспектом профилактики является воспитательная и образовательная работа с пользователями, особенно с подростками и пожилыми людьми. Формирование навыков критического мышления, медиаграмотности и цифровой безопасности позволяет снижать восприимчивость к манипуляциям, мошенничеству и вовлечению в деструктивные группы. Образовательные программы, консультации психологов и участие родителей и педагогов в цифровой жизни подростков создают дополнительный защитный слой, способствуя формированию устойчивых моделей безопасного поведения.

Важным направлением профилактики является взаимодействие с социальными платформами, на которых реализуются механизмы фильтрации и удаления опасного контента, обучение модераторов методам выявления деструктивной активности и разработка совместных алгоритмов защиты уязвимых категорий пользователей. Особое внимание уделяется раннему выявлению угроз, когда на основании анализа активности и поведения участников онлайн-сообществ можно прогнозировать возможные девиантные действия и вовлечённость в противоправные схемы.

Заключение

Социальные сети в условиях цифровизации приобретают роль самостоятельного криминогенного пространства, где реализуются новые формы преступности и виктимизации. Анализ показывает, что угрозы исходят как от распространения экстремистских материалов и мошенничества, так и от формирования деструктивных сообществ, воздействующих прежде всего на подростковую аудиторию. Судебная практика Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ формирует правовые ориентиры квалификации преступлений, совершаемых в сети, закрепляя публичный статус интернет-пространства. Виктимологический подход позволяет выявить уязвимые группы и выработать меры их защиты.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм. от 2020 г.).

[2] МВД России. Статистика зарегистрированных преступлений в 2024 году. URL: https://мвд.рф.

[3] Репецкий А.Л. Сетевой криминалитет: новые вызовы криминологии // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 101–112.

[4] Лопатин В.А. Интернет и право: новые вызовы государству и обществу. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2022. 256 с.

[5] Журавлёва Е.В. Виктимологические риски цифровой эпохи // Российский криминологический вестник. 2023. № 4. С. 56–65.

[6] Еремин С.А. Подростковая преступность в социальных сетях: криминологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2. С. 88–97.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О судебной практике по делам о преступлениях экстремистской направленности».

[8] Определение Конституционного Суда РФ от 17.05.2023 № 1098-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы на положения законодательства о блокировке интернет-ресурсов».

[9] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 за 2024 год. Москва, 2024.

[10] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 2025 г.).

[11] Роскомнадзор. Отчёт о состоянии сферы связи и массовых коммуникаций в 2024 году. Москва, 2025. С. 45–47.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993, as amended in 2020).

[2] Ministry of Internal Affairs of Russia. Statistics of reported crimes in 2024. URL: https://мвд.рф.

[3] Repetsky A.L. Network criminality: new challenges of criminology//Journal of Russian Law. 2021. № 12. S. 101-112.

[4] Lopatin V.A. Internet and law: new challenges to the state and society. St. Petersburg: Legal Center-Press, 2022. 256 s.

[5] Zhuravleva E.V. Victimological risks of the digital era//Russian Criminological Bulletin. 2023. № 4. S. 56-65.

[6] Eremin S.A. Teenage crime in social networks: criminological analysis//Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 2. S. 88-97.

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2022 No. 20 “On Judicial Practice in Cases of Extremist Crimes.”

[8] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 17.05.2023 No. 1098-O “On refusal to accept for consideration a complaint against the provisions of the legislation on blocking Internet resources.”

[9] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 for 2024. Moscow, 2024.

[10] Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ “On the Police” (as amended in 2025).

[11] Roskomnadzor. Report on the state of communications and mass communications in 2024. Moscow, 2025. S. 45-47.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-314-317

ВЕДИЩЕВ Анатолий Сергеевич,
Студент Юридического института НИ ТГУ,
e-mail: Anatoly999999@mail.ru

СОЗИНОВ Егор Вадимович,
Студент Юридического института НИ ТГУ,
e-mail: sozinovegorka@mail.ru

МЕДВЕДЕВ Никита Александрович,
Студент Юридического института НИ ТГУ,
e-mail: instell02@gmail.com

Научный руководитель:
АГАБЕКЯН Алла Липаритовна,
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Юридического института НИ ТГУ,
e-mail: mail@7universum.com

УСТАНОВЛЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АРГУМЕНТЫ ЗА И ПРОТИВ

Аннотация. *В статье исследуется возможность внедрения в российское уголовное законодательство института уголовной ответственности юридических лиц. Анализируется нормативная правовая база, исследуется научная литература, посвященная вопросам, связанным с данным институтом, а также практика его регулирования в различных государствах. Рассматриваются аргументы, выдвигаемые «за» или «против» введения указанного института. Актуальность темы обуславливается дискуссиями о возможности введения данного института в России и его закреплением и применением во многих странах. По итогам исследования и сопоставления преимуществ и недостатков, аргументирована позиция о невозможности введения уголовной ответственности юридических лиц в российское уголовное право.*

Ключевые слова: *уголовная ответственность юридических лиц, преступление, наказание, вина.*

VEDISHCHEV Anatoly Sergeevich,
Student of the Law Institute of TSU

SOZINOV Egor Vadimovich,
Student of the Law Institute of TSU

MEDVEDEV Nikita Alexandrovich,
Student of the Law Institute of TSU

Scientific supervisor:
AGABEKYAN Alla Liparitovna,
Candidate of law, Associate professor at the department of Criminal Law at the Law Institute of TSU

ESTABLISHING CRIMINAL LIABILITY FOR LEGAL ENTITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROS AND CONS

Annotation. *This article explores the possibility of introducing the institution of criminal liability for legal entities into Russian criminal legislation. The article analyzes the regulatory legal framework. Studies the scientific literature devoted to the issues related to this institution. As well as the practice of its regulation in various countries. The article examines the arguments put forward «for» or «against» the introduction of this institution. The relevance of the topic is due to the discussions about the possibility of introducing this institution in Russia and its consolidation and application in many countries. Based on the results of the study and comparison of the advantages and disadvantages, the position is argued that it is impossible to introduce criminal liability for legal entities into Russian criminal Law.*

Key words: *criminal liability of legal entities, crime, guilt, punishment.*

Введение

В российском юридическом сообществе на протяжении десятилетий с момента перехода страны к рыночному укладу экономики ведутся дискуссии о возможности введения в законодательство уголовной ответственности юридических лиц, неоднократно выносились на обсуждение законопроекты с данной инициативной. Также в 2023 году Председатель Следственного Комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин предложил внести изменения в уголовный закон, предусмотрев ответственность не только физических, но и юридических лиц [3].

В значительной мере на актуальность данной проблемы оказывает влияние мировая практика. Так, помимо стран англо-саксонской правовой семьи (Великобритания, США и др.), для которых традиционно свойственно закрепление уголовной ответственности юридических лиц, указанный институт находит отражение и в законодательстве стран континентальной правовой семьи (Франция, Германия и др.).

Популярность указанной позиции продолжает расти с каждым годом, однако российский законодатель достаточно сдержанно подходит к решению данного вопроса, продолжая придерживаться классического подхода относительно субъекта уголовной ответственности.

Для того чтобы сделать вывод об обоснованности той или иной точки зрения и о перспективах установления уголовной ответственности для юридических лиц в российском уголовном праве, необходимо рассмотреть наиболее распространенные аргументы, выдвигаемые сторонниками обеих позиций и изучить зарубежную практику реализации данного института.

Основная часть

Сторонники преобразований указывают на значительную общественную опасность деяний, совершаемых юридическими лицами, что обусловлено их финансовыми и организационными возможностями [4, с.111]. В результате деятельности юридических лиц причиняется значительный вред обществу в различных сферах (экономической, экологической и др.). А.И. Бастрыкин отмечает, что «масштаб этого явления позволяет утверждать, что в России окончательно сформировался качественно новый вид преступности – преступность юридических лиц [2].

В качестве иного аргумента сторонники подчеркивают неэффективность и недостаточность санкций, применяемых к юридическим лицам установленных иными отраслями права Российской Федерации. Отмечается, что случаи привлечения юридических лиц к административной ответственности единичны. Производство по делам об административных правонарушениях проводится в условиях процессуальной экономии, в более сжатые сроки по сравнению с предварительным расследованием [2]. Следует не согласиться с тезисом о недостаточности санкций, применяемых к юридическим лицам. Так как санкции, предусмотренные нормами других отраслей права, могут быть куда более строгими, чем те, что предусматриваются уголовным законодательством [10, с.363]. Например, штраф, налагаемый на организацию за неуплату или неполную уплату налога в соответствии со ст. 122 НК РФ составляет 20% от суммы неуплаченного налога, сбора или страховых взносов. В то же время санкция за уклонение от уплаты указанных платежей в соответствии со ст. 199 УК РФ не может превышать 500 тысяч рублей.

Стоит отметить, что большинство санкций, предлагаемых сторонниками введения уголовной ответственности юридических лиц, предусмотрены другими отраслями законодательства. К примеру, вопросы ликвидации юридических лиц урегулированы ст. 61 ГК РФ. Исходя из этого, вопрос о необходимости интеграции аналогичных норм в УК РФ является крайне спорным.

Говоря же о низкой эффективности норм административного права в части привлечения к ответственности юридических лиц, то решением может являться реформирование законодательства об административных правонарушениях. Например, посредством увеличения сроков проведения административного расследования отдельных категорий дел.

Еще одним важным аргументом для закрепления уголовной ответственности юридических лиц является зарубежный опыт решения данного вопроса. Исследуя зарубежное законодатель-

ство, Е.Ю. Антонова выделила доктрину идентификации и доктрину опосредованной ответственности [1, с.135].

В первом случае происходит отождествление воли юридического лица с волей его руководящих органов, при этом круг таких высших органов заранее определяется. Ярким примером такого подхода является уголовное законодательство КНР. Так, в статьях 30,31 Уголовного кодекса КНР установлено, что за деяние, совершенное юридическим лицом и являющееся преступлением, должна наступать уголовная ответственность. Организациям назначается наказание в виде штрафа, а руководящие лица несут уголовную ответственность на общих основаниях [9, с.45].

Подход КНР сводится к тому, что юридической лицо является совокупностью физических лиц, осознающих общественную опасность совершаемого деяния, его противоправность и желают достижения преступного результата. Тем самым, воля физических лиц – членов корпорации преобразуется в волю корпорации [7, с.241].

Вторая доктрина подразумевает под собой то, что юридическое лицо привлекается к ответственности, если физическое лицо действовало от его имени, в его интересах и в пределах предоставленных ему полномочий. Ответственность физического лица в таких случаях может исключаться.

Данная доктрина находит отражение в уголовном праве США в виде института замещающей уголовной ответственности. Так, организация может нести ответственность за действия своего работника независимо от наличия у него виновной воли. Следует отметить, что данный институт является редким исключением и применяется только в отношении малозначительных преступлений [4, с.93].

Интеграция указанных подходов в российское законодательство не представляется возможной. Это значительно противоречит пониманию вины, сложившемуся в российском уголовном праве. Вина является обязательным признаком субъективной стороны состава преступления, характеризующим психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и наступившим в результате последствиям [8, с.209]. Юридическое лицо не может выражать какое-либо отношение к совершаемому деянию, так как не обладает таким явлением как психика, а, следовательно, и виной тоже. Говорить о существовании такого явления, как корпоративная психика не представляется обоснованным. В отсутствие вины деяние не может быть признано преступлением, поэтому говорить об ответственности юридического лица за совершения преступления не представляется возможным. Верховный Суд Российской Федерации отмечал, что «уголовная ответственность юридических лиц не согласуется с принципами личной виновной ответственности» [6, с.1].

В мировой практике господствует конструкция привлечения к ответственности юридического лица наряду с физическими. Данный вариант значительно противоречит таким целям уголовного наказания, как исправление осужденного и предотвращение совершения новых преступлений. В таком случае исправительное воздействие за одни и те же действия будет одновременно направлено и на физических лиц и на юридических, участниками которых первые являются. Однако их успешное исправление очевидно должно исключать потребность в воздействии на юридические лица.

Для установления уголовной ответственности юридических лиц на основании вышесказанного может потребоваться коренной пересмотр таких фундаментальных институтов уголовного права, как цели уголовного наказания, состав преступления и вина. Однако на сегодняшний день не представляется возможным вариант обращения института вины на юридические лица для признания их субъектами преступлений.

Значимым аргументом, подтверждающим отсутствие необходимости введения данного института, является возможность руководителей переложить все негативные последствия преступлений на юридическое лицо. А.В. Шеслер отмечает, что в таком случае вред, причиненный конкретными действиями физических лиц, будет оцениваться в качестве причиненного в результате деятельности юридического лица. Особая сложность будет существовать при совершении преступления в результате принятия коллективного решения руководством юридического лица [10, с.365]

Заключение

Таким образом, несмотря значительные аргументы сторонников уголовной ответственности юридических лиц, на сегодняшний день отсутствует потребность ее введении в уголовное законодательство России, так как это в значительной мере противоречит основам российского уголовного права, и в частности принципу личной виновной ответственности.

Список литературы:

[1] Антонова, Е. Ю. Современные концепции корпоративной (коллективной) уголовной ответственности / Е. Ю. Антонова.// Современное право. — 2011. — № 6. — С. 135-140.

[2] Бастрыкин, А. И. Комментарий к подготовленному в СК России проекту федерального

закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» / А. И. Бастрыкин. // Следственный комитет Российской Федерации: [сайт]. — URL: http://sledcom.ru/document/1135 (дата обращения: 09.04.2026)

[3] В рамках XI Петербургского международного юридического форума Председатель СК России выступил на сессии: «Уголовная ответственность юридических лиц: проблемы и перспективы». — Текст : электронный // Следственный комитет Российской Федерации : [сайт]. — URL: https://sledcom.ru/news/item/1791868/?print=1 (дата обращения: 14.05.2026).

[4] Голованова, Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / Н. А. Голованова, В. И. Лафитский, М. А. Цирина. — 2013. — 372 с.

[5] Кравцова, А.Н., Манжосова О.И. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц / А. Н. Кравцова, О. И. Манжосова. // Юридический вестник ДГУ. — 2018. — № 3. — С. 110-113.

[6] Официальный отзыв Верховного суда РФ от 23.03.2015 на проект ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ в связи с введением уголовной ответственности юридических лиц»

[7] Сидорчук, И. В., Панфилова Е.С., Смирнова А.С. Юридическое лицо как субъект ответственности по уголовному праву Китайской Народной Республики / И. В. Сидорчук, Е. С. Панфилова, А. С. Смирнова. // Юридическая наука . — 2023. — № 5. — С. 238-244.

[8] Уткин В.А. Шеслер А.В., Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / В.А. Уткин А.В. Шеслер. — Томск: Издательский Дом Томского гос. ун-та, 2016. — 599 с.

[9] Чучаев, А. И., Коробеев А.И. Уголовный кодекс Китайской народной республики / А. И. Чучаев, А. И. Коробеев. — 2-е изд. — М.: ООО «Юридическая Фирма Контракт», 2021. — 311 с.

[10] Шеслер А.В. Проблемы установления уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном законодательстве / А.В. Шеслер. // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — № 2. — С. 361-369.

References:

[1] Antonova, E. Yu. Modern concepts of corporate (collective) criminal liability/E. Yu. Antonova .// Modern law. — 2011. — № 6. - S. 135-140.

[2] Bastrykin, A. I. Commentary on the draft federal law prepared in the Investigative Committee of Russia “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Introduction of the Institution of Criminal Law against Legal Entities “/A. I. Bastrykin .//Investigative Committee of the Russian Federation: [website]. - URL: http://sledcom.ru/document/1135 (accessed on: 09.04.2026)

[3] Within the framework of the XI St. Petersburg International Legal Forum, the Chairman of the IC of Russia spoke at the session: “Criminal liability of legal entities: problems and prospects.” - Text: electronic//Investigative Committee of the Russian Federation: [website]. - URL: https://sledcom.ru/news/item/1791868/?print=1 (access date: 14.05.2026).

[4] Golovanova, N.A., Lafitsky V.I., Tsirina M.A. Criminal liability of legal entities in international and national law (comparative legal research)/N. A. Golovanova, V. I. Lafitsky, M. A. Tsirina. — 2013. - 372 p.

[5] Kravtsova, A.N., Manzhosova O.I. On the issue of criminal liability of legal entities/A.N. Kravtsova, O. I. Manzhosova .//Legal Bulletin of DSU. — 2018. — № 3. - S. 110-113.

[6] Official response of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.03.2015 to the draft Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Introduction of Criminal Liability of Legal Entities”

[7] Sidorchuk, I.V., Panfilova E.S., Smirnova A.S. Legal entity as a subject of liability under the criminal law of the People’s Republic of China/I.V. Sidorchuk, E.S. Panfilova, A.S. Smirnova .//Legal science. — 2023. — № 5. - S. 238-244.

[8] Utkin V.A. Shesler A.V., Criminal Law. General part: study. manual/V.A. Utkin A.V. Schesler. - Tomsk: Publishing House of Tomsk State. university, 2016. - 599 s.

[9] Chuchaev, A.I., Korobeev A.I. Criminal Code of the People’s Republic of China/A.I. Chuchaev, A.I. Korobeev. - 2nd ed. - M.: LLC “Law Firm Contract,” 2021. - 311 s.

[10] Schesler A.V. Problems of establishing criminal liability of legal entities in Russian criminal legislation/A.V. Schesler .//All-Russian Criminological Journal. — 2017. — № 2. - S. 361-369.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-318-321

АМИНОВ Ильдар Ринатович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
Высшего образования «Уфимский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
e-mail: Aminov76@mail.ru

ТРУСОВ Сергей Владимирович,
преподаватель кафедры физической подготовки сотрудников
органов внутренних дел Федерального Государственного
Казенного Учреждения Дополнительного Профессионального Образования
Тюменского института повышения квалификации МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. *Несмотря на наличие сложившейся и в целом эффективной системы противодействия, террористическая и экстремистская преступность в Российской Федерации продолжает эволюционировать, порождая новые вызовы и обнажая сохраняющиеся системные проблемы. Анализ современной обстановки позволяет выявить ряд актуальных трудностей в правоприменительной практике, а также стратегических угроз, требующих адекватного ответа со стороны государства и общества. Эти вызовы носят комплексный характер и затрагивают правовую, оперативно-розыскную, профилактическую и международную сферы, что обуславливает необходимость постоянной корректировки подходов к борьбе с данными негативными явлениями.*

Ключевые слова: *терроризм, экстремизм, преступление, насилие, преступные группы, радикализация, правоохранительные органы*.

AMINOV Ildar Rinatovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

TRUSOV Sergey Vladimirovich,
Lecturer of the Department of Physical Training
of Employees of Internal Affairs Bodies Federal State
Budgetary Institution Additional Professional Education
Tyumen Institute of Advanced Training
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON IMPROVING THE FIGHT AGAINST CRIMES OF TERRORIST AND EXTREMIST ORIENTATION

Annotation. *Despite the existence of an established and generally effective counter-terrorism system, terrorist and extremist crime in the Russian Federation continues to evolve, creating new challenges and revealing ongoing systemic problems. An analysis of the current situation reveals a number of current difficulties in law enforcement practice, as well as strategic threats that require an adequate response from the state and society. These challenges are complex and affect the legal, operational, preventive, and international spheres, necessitating constant adjustments to approaches to combating these negative phenomena.*

Key words: *terrorism, extremism, crime, violence, criminal groups, radicalization, law enforcement agencies.*

Целью обеспечения национальной безопасности, исходя из Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, является защита личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз. Это необходимо для реализации национальных, общенародных, интересов и стратегических национальных приоритетов [1].

Одной из наиболее острых проблем правоприменительной практики остается квалификация преступлений экстремистской и террористической направленности, особенно в условиях размывания границ между критикой, радикальной публицистикой и прямыми призывами к насилию. Законодательные дефиниции, закрепленные в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», носят достаточно широкий характер, что с одной стороны, позволяет правоохранительным органам гибко реагировать на новые формы проявления радикализма, а с другой – создает риски избыточно широкого толкования и нарушения баланса между обеспечением безопасности и защитой свободы слова [2]. На практике это приводит к сложностям при оценке умысла виновного лица, разграничении экстремистских мотивов и иных побуждений, а также при анализе контекста высказываний в интернет-пространстве. Аналогичные сложности возникают и при квалификации преступлений, связанных с финансированием терроризма, где требуется доказывание целенаправленности и осведомленности лица о конечном использовании перечисленных средств. Судебная практика по таким делам зачастую противоречива, что отмечается в научной литературе. Как указывает О.Р. Сафронова, «отсутствие единообразных подходов к толкованию ключевых признаков состава преступления, предусмотренного ст. 205.1 УК РФ, в частности, «иного содействия» террористической деятельности, приводит к судебным ошибкам и создает правовую неопределенность» [3]. Проблему усугубляет латентный характер многих деяний, особенно в сфере вербовки и финансирования, что связано с высокой конспирацией преступных групп и использованием ими шифрованных каналов связи.

Современные вызовы в значительной степени сместились в цифровую среду, что коренным образом трансформировало саму природу террористической и экстремистской деятельности. Кибертерроризм перестал быть гипотетической угрозой и превратился в реальность, проявляясь в виде атак на критическую информационную инфраструктуру, целенаправленного распространения дезинформации для дестабилизации обстановки и координации действий боевиков через защищенные мессенджеры. Использование террористами и экстремистами возможностей сети Интернет породило такой феномен, как «терроризм-однако», когда радикализированный индивид, не входящий в формализованную группировку, совершает преступление, вдохновленный идеологией, почерпнутой в сети. Выявление и предупреждение подобных актов представляет собой крайне сложную задачу, поскольку традиционные оперативно-розыскные методы, ориентированные на выявление организованных групп, здесь оказываются малоэффективными. Не менее серьезным вызовом является использование цифровых технологий для финансирования терроризма. Криптовалюты, онлайн-краудфандинговые платформы и электронные платежные системы обеспечивают анонимность и скорость транзакций, значительно затрудняя их отслеживание правоохранительными органами. Существующие механизмы финансового контроля, регламентированные Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», зачастую не поспевают за технологическими инновациями, которые осваивают преступники. [4] По данным Минфин Банка России, объем подозрительных операций, связанных с обналичиванием и трансграничными переводами в целях, потенциально связанных с финансированием терроризма, остается значительным, при этом доля операций с криптоактивами постоянно растет. Это свидетельствует о наличии системной проблемы технологического отставания контрольно-надзорных механизмов.

Еще одной актуальной проблемой является недостаточная эффективность системы дерадикализации и ресоциализации лиц, осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности, а также тех, кто находится в группе риска. Несмотря на наличие соответствующих положений в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, практическая реализация программ психолого-педагогической и социальной реабилитации сталкивается с рядом трудностей [5]. К ним относятся дефицит квалифицированных специалистов (психологов, религиоведов, социальных работников), способных работать с носителями радикальной идеологии; отсутствие единых методик и стандартов проведения воспитательной работы в местах лишения свободы; а также сохраняющаяся стигматизация таких лиц после освобождения, что затрудняет их трудоустройство и интеграцию в общество и, по сути, толкает обратно в криминальную среду.

Проблема поиска оптимальных способов разрешения этнополитических конфликтов в

российской политологии, в числе прочего, сводится к тому, что отечественная наука в недостаточной степени уделяет внимание конструированию трансформационных особенностей и факторов этнополитической нестабильности и конфликтности [6].

Существующие меры носят зачастую фрагментарный характер и не объединены в целостную государственную систему. Как отмечает эксперт В.Г. Белов, «без выстроенной горизонтальной системы ресоциализации, вовлекающей органы местного самоуправления, НКО, религиозные и общественные организации, усилия правоохранительных органов по изоляции радикалов могут давать лишь временный эффект» [7]. Эта проблема напрямую связана с профилактическим направлением работы, эффективность которой также снижается из-за недостаточного межведомственного взаимодействия на местном уровне и формального подхода к ее проведению в некоторых образовательных учреждениях.

В контексте выявленных проблем и вызовов представляется возможным сформулировать ряд предложений по совершенствованию борьбы с террористической и экстремистской преступностью. Совершенствование законодательства должно идти по пути его детализации и технологической адаптации. Целесообразно рассмотреть вопрос о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ, направленных на более четкое определение признаков «публичных призывов» и «содействия» террористической деятельности в интернет-среде, что снизит риски произвольного толкования. Для противодействия кибертерроризму и цифровому финансированию необходима разработка и принятие специального федерального закона, который бы установил правовые основы для мониторинга и блокировки децентрализованных финансовых операций, связанных с терроризмом, а также закрепил обязанности провайдеров и платформ по выявлению и удалению контента, содержащего инструкции по созданию взрывных устройств и призывы к насилию. Параллельно требуется усиление ответственности за неисполнение этих обязанностей [8].

Ключевым направлением является развитие межведомственного взаимодействия. Предлагается создание на базе Национального антитеррористического комитета постоянно действующего межведомственного аналитического центра, который бы консолидировал данные из всех источников (ФСБ, МВД, Росфинмониторинг, ФСТЭК России) и использовал технологии искусственного интеллекта для прогнозного моделирования террористических угроз и выявления сетевых связей между подозреваемыми. Это позволит перейти от реагирования к упреждающему прогнозированию. Для повышения эффективности борьбы с финансированием терроризма необходимо наладить более тесный оперативный обмен информацией между Росфинмониторингом, правоохранительными органами и кредитными организациями в режиме, близком к реальному времени.

В сфере профилактики и дерадикализации необходим комплексный подход. Во-первых, требуется разработка и внедрение на федеральном уровне единой методики оценки рисков радикализации для различных категорий граждан (подростки, мигранты, осужденные) и проведения индивидуальной профилактической работы с ними. Во-вторых, целесообразно стимулировать создание сети региональных центров психолого-педагогической и социальной реабилитации лиц, подверженных влиянию радикальной идеологии, с привлечением специалистов из числа психологов, теологов и социальных работников. В-третьих, важно усилить компонент медиаграмотности и информационной гигиены в образовательных программах школ и вузов, чтобы сформировать у молодежи устойчивый иммунитет к манипуляциям и вербовочным техникам, используемым в интернете. Реализация этих мер в комплексе позволит не только адекватно ответить на текущие вызовы, но и создать прочный задел на перспективу, обеспечив опережающее развитие системы противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Ахметов, А. И. Понятие, цели и виды национальной безопасности / А. И. Ахметов, И. Р. Аминов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 5-2(44). – С. 199-201. – DOI 10.24411/2500-1000-2020-10530. – EDN BHJBUZ.

[2] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 27 июня 2002 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 10 июля 2002 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации.

[3] Сафронова О.Р. Проблемы квалификации преступлений, связанных с финансированием терроризма, в современной судебной практике // Российский следователь. – 2023. – № 5. – С. 43–48.

[4] Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 13 июля 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 20 июля 2001 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации.

[5] Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. №1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». // Собр. законодательства Рос. Федерации.

[6] Аминов, И. Р. Критика структурного функционализма в урегулировании этнополитических конфликтов / И. Р. Аминов // Этносоциум и межнациональная культура. – 2014. – № 7(73). – С. 122. – EDN SYEULH.

[7] Белов В.Г. Пенитенциарная дерадикализация: международный опыт и перспективы реализации в Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2022. С. 23.

[8] Ларин А.С. Кибертерроризм как угроза национальной безопасности: проблемы правового регулирования и противодействия // Информационное право. – 2024. С. 17.

References:

[1] Akhmetov, A. I. Concept, goals and types of national security/A. I. Akhmetov, I. R. Aminov//International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2020. – № 5-2(44). - S. 199-201. – DOI 10.24411/2500-1000-2020-10530. – EDN BHJBUZ.

[2] Federal Law of July 25, 2002 No. 114-FZ “On Countering Extremist Activity”: adopted by the State. Duma Feder. Sobr. Grew. Federation June 27, 2002: Approver Feder Federation Council. Sobr. Grew. Federation July 10, 2002//Sobr. legislation Ros. Federations.

[3] O.R. Safronova. Problems of qualification of crimes related to the financing of terrorism in modern judicial practice//Russian investigator. – 2023. – № 5. - S. 43-48.

[4] Federal Law of August 7, 2001 No. 115-FZ “On Combating the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism”: adopted by the State. Duma Feder. Sobr. Grew. Federation July 13, 2001: Approver Feder Federation Council. Sobr. Grew. Federation July 20, 2001//Sobr. legislation Ros. Federations.

[5] Decree of the President of the Russian Federation of December 28, 2024 No. 1124 “On approval of the Strategy for countering extremism in the Russian Federation. “//Sobr. legislation Ros. Federations.

[6] Aminov, I.R. Criticism of structural functionalism in the settlement of ethno-political conflicts/I.R. Aminov//Ethnosocium and interethnic culture. – 2014. – № 7(73). - S. 122. – EDN SYEULH.

[7] Belov V.G. Penitentiary deradicalization: international experience and prospects for implementation in the Russian Federation//Vedomosti of the penal system. – 2022. S. 23.

[8] Larin A.S. Cyberterrorism as a threat to national security: problems of legal regulation and counteraction//Information law. – 2024. S. 17.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-322-326

ОМЕЛИН Виктор Николаевич,
Главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: v.omelin@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. *В статье на основе анализа Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», Уголовно-исполнительного кодекса РФ, научной литературы анализируются дискуссионные вопросы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе. Формулируются предложения и рекомендации по внесению дополнений в законодательные акты.*

Ключевые слова: *Оперативно-розыскная деятельность, задачи оперативно-розыскной деятельности, уголовно-исполнительная система, оперативно-розыскные мероприятия, исправительные учреждения, места содержания под стражей.*

OMELIN Victor Nikolaevich,
Chief research scientist of the Scientific research institute
of the Federal service for execution of punishment of Russia,
Doctor of low, Professor

SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION OF OPERATIONAL AND SEARCH ACTIVITIES IN THE CRIMINAL EXECUTION SYSTEM

Annotation. *Based on the analysis of Federal Law No. 144-FZ dated August 12, 1995, "On Operational Investigative Activities," the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, and scientific literature, the article discusses the controversial issues of legal regulation of operational investigative activities in the penal enforcement system. The article formulates proposals and recommendations for amendments to legislative acts.*

Key words: *Operational and investigative activities, objectives of operational and investigative activities, the penal system, operational and investigative measures, correctional facilities, and places of detention.*

Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС) должно обеспечивать создание качественно более оптимальных правовых механизмов проведения оперативно-розыскных мероприятий и иных законных действий в исправительных учреждениях и следственных изоляторах (далее - СИЗО). Однако многие вопросы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в УИС до настоящего времени еще не решены или носят дискуссионный характер. Обратим внимание на некоторые аспекты указанной проблемы.

1. Оперативные подразделения учреждений УИС реализуют общие задачи оперативно-розыскной деятельности в пределах полномочий, определенных для них законодательными и подзаконными нормативными правовыми актами.

По мнению некоторых специалистов, в числе недостатков Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 04.01.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее - Закон об ОРД) отмечается отсутствие в ст. 2 такой задачи как обеспечение исполнения уголовного наказания. Вносятся предложения о дополнении

данной статьи предписанием следующего содержания: содействие в обеспечении требований установленных уголовно-исполнительным законодательством в местах лишения свободы, а также при исполнении иных видов наказания [1, С. 163].

Отдавая дань уважения точки зрения указанного автора, считаем, что данное предложение о дополнении ст. 2 Закона об ОРД представляются недостаточно убедительными по следующим соображениям. Во-первых, в ст. 2 Закона об ОРД сформулированы общие задачи оперативно-розыскной деятельности, в решении которых имеют возможность участвовать все оперативно-розыскные органы в пределах своих полномочий. Возникает вопрос: зачем вносить в данную статью дополнение, которое касается только оперативных подразделений УИС. Например, в доступных источниках нам не известны предложения о дополнении ст. 2 Закона об ОРД предписаниями, отражающими интересы оперативных подразделений пограничных органов федеральной службы безопасности, таможенных органов.

Во-вторых, из содержания ст. 4 Закона об ОРД следует, что правовую основу оперативно-розыскной деятельности составляют не только Закон об ОРД, а также другие федеральные законы и принятые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты, которые определяют и детализируют задачи и полномочия отдельных оперативно-розыскных органов. Так, можно отметить Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 (ред. от 23.07.2025) «О государственной границе Российской Федерации»; Федеральный закон от 28.01.2011 N 3-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О полиции», которые устанавливают задачи и полномочия указанных субъектов, в том числе в области оперативно-розыскной деятельности. Касательно оперативных подразделений УИС - это ст. 84 УИК РФ, которая закрепляет и уточняет задачи оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях.

В-третьих, полагаем, что предписания ст. 2 Закона об ОРД в определенной мере отражают интересы оперативных подразделений УИС. Так, Законодатель установил, что задачей оперативно-розыскной деятельности являются выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. При этом законодатель не определяет, о каких видах преступлений идет речь. Полагаем, что данная формулировка включает в себя и пенитенциарные преступления, подготавливаемые и совершаемые в учреждениях УИС. Следует обратить внимание, что из содержания ст. 2 Закона об ОРД следует, что другой задачей оперативно-розыскной деятельности является розыск лиц, уклоняющихся от уголовного наказания. Розыск указанной категории лиц – это компетенция розыскных подразделений УИС. Решение этой задачи непосредственно направлено на обеспечение требований установленных законодательством в местах лишения свободы, а также при исполнении иных видов наказания.

В-четвертых, реализация упомянутого дополнения ст. 2 Закона об ОРД на практике будет означать дублирование в определенной части правовых предписаний, содержащихся, к примеру, в ст. 84 УИК РФ, определяющей задачи оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях. Это нарушает один из принципов юридической техники - максимальная экономия норм при изложении правовых предписаний, недопущение повторов одних и тех же положений.

2. Статья 84 УИК РФ в качестве задач оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях закрепляет выявление, предупреждение и раскрытие преступлений в исправительных учреждениях, исключив из этого перечня пресечение преступлений – одну из важнейших задач, предусмотренную ст. 2 Закона об ОРД. Полагаем, что приведенное положение следует признать пробелом правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях, поскольку исполнение наказаний предполагает использование упомянутой формы предотвращения не только преступлений, но и пенитенциарных правонарушений. Пресечение указанных деяний состоит в лишении осужденных реальной возможности продолжить совершение преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания, т.е. в их прерывании на стадии приготовления или покушения, а также в создании условий, препятствующих их совершению.
3. Исходя из положений ч. 1 ст. 84 УИК РФ следует, что к числу важнейших задач оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях законодатель относит выявление и предупреждение нарушений установленного порядка отбывания наказания. Однако согласно предписаниям ст. 7 Закона об ОРД «Основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий» данные нарушения в перечне оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий не указаны, что, по мнению некоторых авторов, не без оснований ставит под сомнение законность и возможность их

осуществления с целью выявления и предупреждения нарушений режима (установленного порядка отбывания наказания) [2, С. 13].

По данному вопросу высказаны различные точки зрения. Представляется обоснованным предложение И.А. Иванькова о дополнении ст. 7 Закона об ОРД предписанием следующего содержания: «основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий в учреждениях исполняющих наказание в виде лишения свободы, а также следственных изоляторах являются ставшие известными сведения о злостных нарушениях установленного порядка отбывания наказания или содержания под стражей» [3, С. 534].

Как видно, предлагаемое основание фактически носит отсылочный характер к ст. 116 УИК РФ, раскрывающей содержание злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы: изготовление, хранение или передача запрещенных предметов; организация группировок осужденных, направленных на совершение указанных в настоящей статье правонарушений; употребление спиртных напитков либо наркотических средств или психотропных веществ и др.

При этом следует уточнить, что не должно являться задачей оперативных подразделений исправительных учреждений выявление любого нарушения установленного порядка отбывания наказания, так как в решении данной задачи участвуют воспитательные службы, отделы безопасности (режима). Задачами оперативных подразделений исправительных учреждений и следственных изоляторов УИС должны становиться выявление, предупреждение и пресечение таких нарушений режима, которые создают реальную основу для планирования, подготовки, организации и совершения преступных посягательств, как в исправительных учреждений, так и за их пределами.

С учетом сказанного полагаем целесообразным внести изменения в ч. 1 ст. 84 УИК, уточнив рассматриваемую задачу ОРД в исправительных учреждениях в следующей редакции: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания (курсивом выделены предлагаемые изменения).

4. Вследствие больших потенциальных возможностей в решении задач оперативно-розыскной деятельности предупреждение преступлений выделилось в самостоятельную задачу и нашло свое нормативно-правовое закрепление на законодательном и ведомственном уровне.

В контексте рассматриваемого вопроса особый интерес представляют положения ст. 6 Федерального закона от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Данная статья регламентирует основные направления профилактики правонарушений, включая применение в соответствии с законодательством Российской Федерации специальных мер профилактики правонарушений уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного характера в целях предупреждения правонарушений (подп. 9 ч. 2 ст. 6). Согласно ч. 3 ст. 6 специальные меры профилактики правонарушений уполномочены применять, в том числе должностные лица органов уголовно-исполнительной системы и иных государственных органов, если такое право им предоставлено законодательством Российской Федерации.

Некоторые авторы, анализируя ст. 16 Закона о профилактике «Основания для осуществления профилактики правонарушений», касаясь оснований применения специальных мер профилактики правонарушений оперативно-розыскного характера, делают ссылку на ст. 7 Закона об ОРД, которая перечисляет основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий [4].

Однако с этим мнением трудно согласиться. Более обоснованным представляется мнение исследователей, которые отмечают, что, хотя предупреждение преступлений предусмотрено оперативно-розыскным законодательством в качестве задачи оперативно-розыскной деятельности, средства решения этой задачи в виде оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий Закон об ОРД не содержит, результатом чего является пробел в правовом регулировании сложившейся общественно-полезной правоприменительной практики [5, С. 397].

Данную проблему можно решить только путем изменения Закона об ОРД. Предлагаем подпункт 1 пункта 2 части 1 статьи 7 данного Закона изложить в следующей редакции: «1) признаках замышляемого, подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его замышляющих, подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела» (курсивом выделены предлагаемые изменения).

Отметим еще один важный аспект. Анализ ст. 7 Закона об ОРД позволяет установить фактическое отсутствие основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и принятию мер по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений. Но эти мероприятия также должны бази-

роваться на соответствующей норме права. Общая профилактика преступлений и иных правонарушений – важное направление профилактической деятельности оперативно-розыскных органов.

Данное упущение закона необходимо исправить. В связи с чем представляется целесообразным дополнить ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД предписанием в следующей редакции: «Оперативно-розыскные мероприятия проводятся с целью выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений, а также лиц, поведение которых носит противоправный характер, или лиц, намеревающихся совершить преступление».

5. Согласно Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в СИЗО в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений проводятся оперативно-розыскные мероприятия в порядке, предусмотренном законом (ч. 9 ст. 34).

Из содержания ст. 13 Закона об ОРД следует, что проведение оперативно-розыскных мероприятий в СИЗО относится к совместной компетенции оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы, а также оперативных подразделений иных оперативно-розыскных органов. Сказанное можно объяснить тем, что в силу ряда объективных причин оперативные подразделения, не входящие в уголовно-исполнительную систему (инициаторы оперативно-розыскных мероприятий), не могут самостоятельно и в полном объеме осуществлять оперативно-розыскные мероприятия в СИЗО уголовно-исполнительной системы. С другой стороны, оперативные подразделения СИЗО, не располагая всем объемом следственной и оперативно-розыскной информации о совершенной преступной деятельности подозреваемых и обвиняемых до ареста, не могут обеспечить их эффективную оперативную разработку. Поэтому социальная обусловленность взаимодействия указанных субъектов оперативно-розыскной деятельности при оперативной проверке и разработке лиц, арестованных за совершение указанных преступлений, нашла свое правовое закрепление в упомянутой статье закона.

В качестве одного из процессуальных условий проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении подозреваемых, содержащихся под стражей, выступает положение ч. 2 ст. 95 УПК РФ, согласно которому в случае необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий допускаются встречи сотрудника органа дознания, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с подозреваемым с письменного разрешения дознавателя, следователя или суда, в производстве которых находится уголовное дело. Заметим, что в ст. 8 Закона об ОРД, закрепляющей условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, упомянутое условие не упоминается.

Следует признать возможность применения данной нормы не только в отношении подозреваемого, но и обвиняемого, содержащегося под стражей. Кроме того, положения данной нормы не могут распространяться на сотрудников оперативных подразделений СИЗО, выполняющих функции по обеспечении установленного режима содержания арестованных по уголовному делу и предупреждения и пресечения с их стороны преступлений, не связывая это с необходимостью получения разрешения следователя на проведение оперативно-розыскных мероприятий (ст. 34 Закона о содержании под стражей) [6, С. 43, 44].

6. В юридической литературе высказано мнение, что серьезной правовой проблемой осуществления оперативно-розыскной деятельности в СИЗО является отсутствие детальной регламентации в Законе о содержании под стражей проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении подозреваемых и обвиняемых. С целью решения данной проблемы предлагается дополнить Закон о содержании под стражей ст. 34.1 «Осуществление оперативно-розыскной деятельности в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [7, С. 18].

Аналогичные предложения о дополнении Закона о содержании под стражей можно встретить и у других авторов.

По нашему мнению, подобная аргументация дополнения упомянутого Закона представляется недостаточно убедительной. Во-первых, федеральным законодательством и ведомственными нормативными правовыми актами на оперативные подразделения СИЗО уголовно-исполнительной системы возлагаются соответствующие задачи в сфере оперативно-розыскной деятельности. Возникает вопрос: зачем формулировать эти задачи еще и в ст. 34.1 Закона о содержании под стражей. Судя по содержанию, предлагаемая редакция данной нормы не содержит каких-либо новых предписаний. Во-вторых, полагаем, что реализация упомянутого дополнения Закона на практике будет означать дублирование в определенной части правовых предписаний, содержащихся в других указанных источниках.

Список литературы:

[1] Агарков В.А. Задачи оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2015, № 5-6. С. 163.

[2] Горяинов К.К. Некоторые направления развития оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Проблемы оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе: Сборник статей. – М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2005. С. 13.

[3] Иваньков И.А. Вопросы законодательного регулирования деятельности оперативно-розыскных подразделений уголовно-исполнительной системы при обеспечении исполнения наказания // Пенитенциарная наука. Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. 2021, том 15, № 3 (55). С. 534.

[4] Жеребцов А.Н., Помогалова Ю.В., Смоляров М.В. Комментарий к Федеральному закону от 23 июня 2016 г № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

[5] Яковец Е.Н., Бражников Д.А. Осуществление оперативно-розыскных мероприятий в целях предупреждения преступлений: проблемные вопросы законодательства и основные направления реализации // Пенитенциарная наука. 2022, том 16, №4 (60), С. 397.

[6] Чечетин А.Е. Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий : Учебное пособие. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России , 2023. С. 43, 44.

[7] Ложкин Ю.А. Проблемные вопросы осуществления оперативно-розыскной деятельности в следственных изоляторах ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 3. С. 18.

References:

[1] Agarkov V.A. Tasks of operational-search activities carried out by operational units of the penitentiary system//Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky, 2015, No. 5-6. S. 163.

[2] Goryainov K.K. Some directions for the development of operational-search activities in the penitentiary system//Problems of operational-search activities in the penitentiary system: Collection of articles. - M.: PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2005. S. 13.

[3] Ivankov I.A. Issues of legislative regulation of the activities of operational-search units of the penitentiary system in ensuring the execution of punishment//Penitentiary science. Scientific and practical journal of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service. 2021, vol. 15, No. 3 (55). S. 534.

[4] Zherebtsov A.N., Pomogalova Yu.V., Smolyarov M.V. Commentary to the Federal Law of June 23, 2016 No. 182-FZ “On the Basics of the Crime Prevention System in the Russian Federation “//SPS ConsultantPlus.

[5] Yakovets E.N., Brazhnikov D.A. Implementation of operational-search measures in order to prevent crimes: problematic issues of legislation and the main directions of implementation//Penitentiary science. 2022, vol. 16, No. 4 (60), S. 397.

[6] A.E. Chechetin. Conditions for conducting operational-search measures: Training manual. - Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. S. 43, 44.

[7] Yu.A. Lozhkin. Problematic issues of carrying out operational-search activities in pre-trial detention centers of the Federal Penitentiary Service of Russia//Criminal executive system: law, economics, management. 2017. № 3. S. 18.

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-327-332

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

МЕЛЬНИКОВА Ольга Вадимовна,
кандидат юридических наук, доцент,
адвокат, Адвокатская палата Псковской области,
e-mail: olga-leshh@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОГО ПРАВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОСУЖДЕННЫХ МОЛОДЕЖНОГО ВОЗРАСТА, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

Аннотация. *Целью исследования выбрана актуальная для современной России и деятельности уголовно-исполнительной системы сфера воздействия цифрового права на осужденных молодежного возраста. Данная область исследования представляет собой перспективную и динамично развивающуюся отрасль, которая оказывает глубокое влияние на формирование правосознания и правовой культуры молодежи с противоправным поведением. Для достижения указанной цели использовались диалектический метод познания, принципы всесторонности и историзма, а также общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, определение, классификация и сравнение, аналогия и обобщение) и частнонаучные (социологический, сравнительно-правовой, формально-юридический) методы логического познания. Авторами статьи рассматривается цифровое право, как специфическая отрасль российского права, регулирующая отношения в информационной сфере и устанавливающая нормы правового поведения граждан в интернете и в обществе в целом. Сегодня молодежь - это не только самая активная часть интернет-пользователей, но и лица, которые наиболее часто совершают преступления в цифровой среде и с использованием информационных технологий. Их система ценностей, взглядов и убеждений формируется в условиях цифровизации и информатизации, поэтому формирование правовой культуры и этики поведения в цифровой среде после совершения преступления требует отдельного внимания и проработки со стороны учреждений и органов УИС. Результаты проведенного исследования можно внедрять в деятельность уголовно-исполнительных инспекций, исправительных центров и центров пробации. Мероприятия по формированию правовой культуры осужденных молодежного возраста с использованием цифровой среды и современных достижений в сфере информатизации и компьютеризации можно внедрять в практическую деятельность в сфере пробации. А именно - реализовывать их в рамках индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации (индивидуальной программы лиц, в отношении которых осуществляется пробация).*

Ключевые слова: *цифровая грамотность, правосознание, правовая культура, цифровая этика, осужденные молодежного возраста, уголовно-исполнительная инспекция, исправительный центр, информационные технологии, цифровая среда, цифровое пространство.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

MELNIKOVA Olga Vadimovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Lawyer,
Pskov Region Bar Association

IMPACT OF DIGITAL LAW ON THE FORMATION OF THE LEGAL CULTURE OF CONVICTS OF YOUTH AGE SERVING SENTENCES WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY

Annotation. *The purpose of the study was chosen to be relevant for modern Russia and the activities of the penal system, the sphere of influence of digital law on convicts of youth age. This area of research is a promising and dynamically developing industry that has a deep impact on the formation of legal awareness and legal culture of young people with illegal behavior.*

To achieve this goal, the dialectical method of cognition, the principles of comprehensiveness and historicism, as well as general scientific (analysis and synthesis, induction and deduction, definition, classification and comparison, analogy and generalization) and private scientific (sociological, comparative legal, formal legal) methods of logical cognition were used.

The authors of the article consider digital law as a specific branch of Russian law that regulates relations in the information sphere and establishes the norms of legal behavior of citizens on the Internet and in society as a whole. Today, young people are not only the most active part of Internet users, but also the persons who most often commit crimes in the digital environment and using information technology. Their system of values, views and beliefs is formed in the context of digitalization and informatization, therefore, the formation of a legal culture and ethics of behavior in a digital environment after the commission of a crime requires special attention and study by institutions and bodies of the penal system. The results of the study can be implemented in the activities of penitentiary inspections, correctional centers and probation centers. Measures to form a legal culture of convicts of youth age using the digital environment and modern achievements in the field of informatization and computerization can be introduced into practical activities in the field of probation. Namely, to implement them within the framework of an individual program of resocialization, social adaptation and social rehabilitation (an individual program of persons in respect of whom probation is carried out).

Key words: *digital literacy, legal awareness, legal culture, digital ethics, convicts, youth, penal inspection, correctional center, information technology, digital environment, digital space.*

Введение. Официальная статистика преступности в России за 2025 год свидетельствует о росте подростковой преступности на 10 % (более 29 тыс.) по сравнению с 2024 годом. Ее уровень не только пробил рекорд десятилетия, но и говорит об ухудшении качественных характеристик. Почти половина противоправных деяний - тяжкие и особо тяжкие. Рост числа насильственных преступлений (против жизни и здоровья граждан) на 13 % больше, чем в 2024 году. Каждый одиннадцатый подросток в момент преступления находился в состоянии алкогольного опьянения, а полторы тысячи детей осуждены за незаконный оборот наркотиков. На этом фоне в 15 регионах нашей страны предотвратили более 20 нападений на школы; с начала 2026 года произошло уже шесть вооруженных атак. При этом от 40% до 65% школьников сегодня сталкиваются с буллингом [1, 2].

О преступности в цифровой среде и ее количестве можно сказать следующее. В 2025 году зарегистрировано свыше 675 тыс. преступлений в сфере информационных технологий и почти каждое третье преступление сегодня связано с цифровой средой. Киберпреступность - одна из ключевых статей уголовной статистики современной России [3]. Подростки чаще всего вовлекаются в такие преступления как соучастники, а молодые люди совершают данные деяния в возрасте от 25 до 35 лет (на данную категорию приходится большая часть киберпреступлений).

Исходя из данных приведенной статистики можно сказать, что осужденные из числа молодых людей обладают достаточно высоким уровнем подготовки и пользовательскими навыками в области цифровой среды. А значит и после совершения преступления, особенно если им будет назначено наказание или мера уголовно-правового характера без изоляции от общества (штраф, условное осуждение, ограничение свободы, различные виды работ: исправительные, обязательные, принудительные), будут реализовывать свои цифровые права в повседневной жизни без каких-либо ограничений [4, с. 16].

В условиях стремительного развития цифровых технологий и расширения виртуального пространства значимость их цифровых прав будет расти, и оказывать дополнительное воздействие на поведенческие установки личности, а значит и на поступки (правомерные либо противоправные). Уровень правовой культуры осужденных молодежного возраста все больше будет зависеть от информационного поля современного мира [5, с. 144].

Методы и принципы исследования. Методологическую основу исследования влияния цифрового права на формирование правовой культуры осужденных молодежного возраста к

альтернативным видам уголовных наказаний составили диалектический метод познания, принципы всесторонности и историзма, а также общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, определение, классификация и сравнение, аналогия и обобщение) и частнонаучные (социологический, сравнительно-правовой, формально-юридический) методы логического познания.

Основные результаты. В условиях стремительного развития цифровых технологий и массового проникновения интернета во все сферы жизни общества, формируется новая социальная реальность, существенно влияющая на правосознание и правовую культуру молодежи. Цифровая эпоха открывает перед молодым поколением невиданные ранее возможности для самообразования, коммуникаций, творчества и самореализации [6, с. 258]. Вместе с тем она порождает и многочисленные вызовы, связанные с доступом к разнообразной информации, в том числе неправомерного характера, а также с новыми формами противоправного поведения, которые меняют представления о праве, справедливости и законности.

Особенностью правосознания и правовой культуры молодежи в цифровую эпоху является высокая степень цифровой грамотности и информационной коммуникабельности, что позволяет быстрее усваивать новые правовые нормы, однако одновременно с этим наблюдается и определенная склонность к экспериментированию с границами дозволенного в виртуальной среде [7, с. 251].

Молодежь часто воспринимает цифровое пространство как зону относительной свободы и анонимности, что порождает искаженное восприятие ответственности и правовых последствий своих действий. Это может привести к недооценке значимости правовых норм или к формированию установок, оправдывающих нарушение закона в интернете, например, скачивание нелицензионного контента, участие в кибербуллинге или распространение запрещенного материала.

При этом структура правосознания современной молодежи, в том числе той, которая совершила уголовно наказуемое деяние, неоднородна. Отметим существование двух тенденций: с одной стороны, усиливается интерес к изучению цифрового права как новой области правовых знаний, что способствует формированию более зрелого и ответственного отношения к цифровому поведению; с другой - сохраняется некоторая доля правовой безразличности или даже сопротивления традиционным правовым нормам, обусловленная недоверием к институциональным механизмам регулирования цифрового пространства и авторитету правовых институтов. Такая дихотомия часто приводит к конфликтам между формальными требованиями закона и «кодексом поведения» в виртуальных сообществах. Вторая тенденция ведет к совершению противоправных деяний молодыми людьми.

Особое значение приобретает социально-психологический аспект формирования правосознания молодежи в цифровую эпоху. Ощущение анонимности и дистанцированности в интернет-обществе снижает чувство личной ответственности, что делает подростков и молодых людей уязвимыми к вовлечению в противоправные ситуации, включая хакерские атаки, распространение фейковой информации, интернет-мошенничество и другие виды цифровых преступлений.

Цифровое право, регулирующее отношения в сфере информационных технологий и интернет-коммуникаций, оказывает значительное влияние на формирование правосознания осужденных молодежного возраста. С одной стороны, развитие цифрового законодательства, направленного на защиту прав личности в интернете, способствует повышению правовой культуры и осознанию важности соблюдения норм и правил. Образовательные программы, специализированные курсы и кампании по цифровой безопасности оказывают положительный эффект, формируя ответственность и правомерное поведение [8, с. 243]. С другой стороны, недостаточное распространение правовой информации и сложности в ее адаптации под формат цифрового потребления информации создают пробелы в знаниях, что негативно сказывается на правосознании молодежи, особенно в группах с противоправным поведением.

Интернет-пространство, где молодежь проводит значительную часть своего времени, становится ареной социализации, но одновременно и зоной повышенного риска. Здесь формируются не только навыки пользования цифровыми технологиями, но и установки на отношение к праву и ответственности. Влияние популярных медиа, блогеров, тематических сообществ играет важную роль в становлении ценностных ориентиров. Если цифровая среда пропагандирует сознательное и законопослушное поведение, то молодые пользователи более склонны усваивать нормативные правила. Однако присутствие антиправовых субкультур и провокационных материалов стимулирует уязвимые группы к девиантным и противоправным действиям.

В таких условиях цифровое право становится не только инструментом обеспечения законности, но и важным фактором воспитания правовой культуры, способствующим снижению уровня противоправного поведения среди молодежи.

Современная молодежь, активно осваивающая интернет и цифровые платформы, сталкивается с новыми социальными вызовами, среди которых растущее число противоправных действий, совершаемых в сети или с использованием цифровых средств. В таких условиях формирование правовой культуры и правосознания молодых людей, особенно тех, кто склонен к нарушению закона, представляет собой важную задачу для общества и правовой системы. Цифровое право, регулирующее отношения в информационной сфере и устанавливающее нормы поведения в интернете, играет ключевую роль в этом процессе.

Влияние цифрового права правовую культуру осужденных молодежного возраста выражается прежде всего в создании нормативной базы, которая позволяет определять границы допустимого и недопустимого в цифровом пространстве [9, с. 16]. В рамках действующего уголовно-исполнительного закона и ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России модернизированных в рассматриваемом контексте [10].

Законодательство, регулирующее вопросы кибербезопасности, защиты персональных данных, ответственности за киберпреступления и иные сферы, направлено на предупреждение правонарушений и формирование у молодежи понимания юридической ответственности за свои действия в сети.

Правовая грамотность, основанная на знании и понимании норм цифрового права, способствует формированию у подростков адекватного восприятия правил и ограничений, тем самым снижая риск повторных нарушений.

Особое значение имеет просветительская работа, интегрированная в образовательные программы по цифровому праву. Своевременное и доступное представление знаний о правовых последствиях цифровых действий способствует развитию у осужденных молодежного возраста чувства ответственности и уважения к правам и свободам других пользователей. Для молодых людей с противоправным поведением такие знания могут стать фактором переосмысления своего отношения к закону и мотивацией к изменению поведения. В этом контексте цифровое право становится не просто набором правил, а инструментом воспитания правовой сознательности и формирования внутренней мотивации соблюдать нормы.

Кроме того, цифровое право способствует развитию механизмов социальной интеграции молодых правонарушителей. На основе нормативных актов создаются программы ресоциализации, профилактические меры и сервисы поддержки, направленные на реабилитацию молодежи, вовлеченной в противоправную деятельность в цифровом поле. Эти меры помогают формировать положительные модели поведения и сделать процесс исправления эффективнее [11, с. 5]. Юридические нормы в цифровой сфере при этом служат ориентиром для законодателей и социальных педагогов, позволяя разрабатывать комплексные подходы к решению проблемы девиантного поведения.

Еще одним аспектом влияния цифрового права на правосознание является формирование цифровой этики - системы морально-правовых норм, регулирующих поведение в глобальной сети. Для осужденных молодежного возраста освоение этических стандартов наряду с юридическими нормами способствует выработке уважительного отношения к другим пользователям и нормативного самоограничения. Понимание последствий распространения незаконного контента, нарушения прав интеллектуальной собственности и злоупотребления цифровыми ресурсами укрепляет внутренние барьеры против совершения противоправных действий.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где авторы выступали с докладами на:

- круглом столе «Нравственные императивы: матрица ценностей» в рамках Первого Белгородского юридического форума, состоявшемся в Белгородском государственном национальном исследовательском университете 12 сентября 2024 г. с докладом на тему: «Социокультурные ценности и правовые представления, взгляды молодежи в современных условиях трансформации общества»;
- межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся в Псковском филиале Университета ФСИН России 17-18 апреля 2025 г. с докладами на темы: «Воспитательная работа с осужденными, отбывающими наказание в виде принудительных работ», «Информационные технологии в профилактике повторных преступлений среди осужденных к наказаниям без изоляции от общества».

Заключение. Таким образом, цифровое право воздействует на формирование правовой культуры осужденных молодежного возраста к наказаниям без изоляции от общества через законодательное регулирование, образовательные инициативы, программы социальной поддержки и развитие цифровой этики. Это обеспечивает создание условий не только для снижения преступности в цифровом пространстве, но и для долгосрочного изменения правосознания, способствующего интеграции молодых людей в правовое сообщество.

Учитывая быстроту развития цифровой среды и появление новых видов цифровых правонарушений, дальнейшее совершенствование цифрового права и усиление его влияния на правовую культуру осужденных молодежного возраста будут приоритетными направлениями в деятельности уголовно-исполнительных инспекций и исправительных центров (участков, функционирующих как исправительные центры) в области профилактики и предупреждения повторных преступлений, коррекции социального поведения, формирования правопослушного поведения, а также ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц в отношении которых применяется пробация, особенно в центрах пробации [12, с. 6]. Для достижения положительных результатов необходимо проводить мероприятия по профилактике противоправного поведения в цифровой среде на постоянной основе.

Список литературы:

[1] Подростковая преступность в России побила рекорд десятилетия. URL: https://razumnaja-russia.ru/news/nashe-mnenie/podrostkovaya-prestupnost-v-rossii-pobila-rekord-desyatiletiya/ (дата обращения: 04.05.2026).

[2] Александр Бастрыкин: Рост числа тяжких преступлений среди подростков тревожит. URL: https://rg.ru/2025/10/22/kriminalnyj-podrost.html (дата обращения: 04.05.2026).

[3] Только за полгода в России было принято более 30 новых мер против мошенничества. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8550735 (дата обращения: 04.05.2026).

[4] Мельникова О.В. Исполнение уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних: от истоков к современности: практические рекомендации / О.В. Мельникова, Д.А. Никитин, М.А. Никитина. Псков: Псковский филиал Университета ФСИН России, 2024. 27 с.

[5] Деструктивное воздействие на несовершеннолетних: теория и практика противодействия / С.М. Воробьев, С.В. Пестов, А.М. Бычкова и др.: ООО «Научно-издательский центр Инфра-М», 2023. 179 с.

[6] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Влияние цифровых технологий на противоправное поведение осужденных молодежного возраста // Российский научный вестник. 2025. № 4. С. 255-261.

[7] Ковалев О.Г. Использование современных цифровых и информационных технологий при осуществлении пробации учреждениями и органами УИС: опыт и перспективы // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 249-255.

[8] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Правовое сознание и социокультурные ценности обучающихся в образовательных организациях ФСИН России // Российский научный вестник. 2025. № 5. С. 238-244.

[9] Ковалев О.Г., Багнычев М.Ю. Особенности реализации цифровой трансформации в уголовно-исполнительной системе на современном этапе ее развития // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 4. С. 13-17.

[10] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[11] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Становление и развитие института пробации в современных условиях функционирования уголовно-исполнительной системы России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 2-7.

[12] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Принудительные работы в системе уголовных наказаний современной России: правовая природа и актуальные вопросы исполнения // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2025. № 1. С. 2-6.

References:

[1] Juvenile delinquency in Russia has broken the decade's record. URL: https://razumnaja-russia.ru/news/nashe-mnenie/podrostkovaya-prestupnost-v-rossii-pobila-rekord-desyatiletiya/ (access date: 04.05.2026).

[2] Alexander Bastrykin: The increase in the number of serious crimes among adolescents is alarming. URL: https://rg.ru/2025/10/22/kriminalnyj-podrost.html (access date: 04.05.2026).

[3] In just six months, more than 30 new measures against fraud were taken in Russia. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8550735 (access date: 04.05.2026).

[4] Melnikova O.V. Execution of criminal punishments against minors: from the origins to the present: practical recommendations / O.V. Melnikova, D.A. Nikitin, M.A. Nikitina. Pskov: Pskov branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2024. 27 p.

[5] Destructive impact on minors: theory and practice of counteraction / S.M. Vorobyov, S.V. Pestov, A.M. Bychkova et al.: LLC "Scientific and Publishing Center Infra-M", 2023. 179 p.

[6] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The influence of digital technologies on the unlawful behavior of convicts of youth age // Russian Scientific Bulletin. 2025. № 4. pp. 255-261.

[7] Kovalev O.G. The use of modern digital and information technologies in the implementation of

probation by institutions and bodies of the penal system: experience and prospects // Russian Scientific Bulletin. 2025. № 1. pp. 249-255.

[8] Kovalev O.G., Melnikova O.V. Legal consciousness and sociocultural values of students in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia // Russian Scientific Bulletin. 2025. № 5. pp. 238-244.

[9] Kovalev O.G., Bagnychev M.Yu. Features of the implementation of digital transformation in the penal system at the present stage of its development // Penal system: law, economics, management. 2023. № 4. pp. 13-17.

[10] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article-by-article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[11] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The formation and development of the institution of probation in the modern conditions of the functioning of the penitentiary system of Russia // Penitentiary system: law, economics, management. 2026. № 1. pp. 2-7.

[12] Kovalev O.G., Melnikova O.V. Forced labor in the criminal punishment system of modern Russia: legal nature and topical issues of execution // Penal system: law, economics, management. 2025. № 1. pp. 2-6.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-333-337

ЧУРАКОВ Денис Сергеевич,
аспирант Московского государственного юридического университета О.Е. Кутафина,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫХ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. *Статья посвящена исследованию содержания и правовой природы понятия цифровых технологий, применяемых на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Актуальность работы обусловлена устойчивым ростом преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, что требует совершенствования правовых и организационных механизмов расследования. Целью исследования является формирование авторского подхода к определению цифровых технологий в уголовно-процессуальной сфере и выявление их функционального назначения на стадии предварительного расследования.*

Методологическую основу составили общенаучные методы познания (анализ, синтез, системный подход), а также частнонаучные юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой и метод толкования норм права. Проведен анализ действующего уголовно-процессуального законодательства, научной литературы и существующих доктринальных подходов к определению цифровых технологий и их соотношению с информационными и технико-криминалистическими средствами.

В рамках исследования поставлены задачи: выявить проблемы в нормативном закреплении понятий цифровых технологий; проанализировать существующие научные подходы; определить их недостатки; сформулировать авторское определение и предложить классификацию цифровых технологий по целевому назначению.

В результате установлено отсутствие единообразного понимания рассматриваемого термина в науке и законодательстве. Обосновано, что цифровые технологии не сводятся исключительно к информационным или техническим средствам, а обладают более широким функционалом, связанным с оптимизацией уголовно-процессуальной деятельности. Предложено авторское определение цифровых технологий как совокупности технических средств и инструментов, основанных на использовании цифровых данных и направленных на формирование доказательственной базы и решение задач предварительного расследования. Выделены основные группы цифровых технологий: обеспечивающие коммуникацию, направленные на сбор и фиксацию доказательств, а также используемые для анализа информации. Сделан вывод о необходимости нормативного закрепления понятия и разработки единой методической базы их применения.

Ключевые слова: *анализ данных, доказательства, досудебное производство, законодательство, информационные технологии, криминалистика, предварительное расследование, цифровизация.*

CHURAKOV Denis,
Postgraduate student of O.E. Kutafin
Moscow State Law University

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF DIGITAL TECHNOLOGIES USED AT THE PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. *The article is devoted to the study of the content and legal nature of the concept of digital technologies used at the pre-trial stages of criminal proceedings. The relevance of the work is due to the steady growth of crimes committed using information technology, which requires improvement of legal and*

organizational investigation mechanisms. The purpose of the study is to form an author's approach to the definition of digital technologies in the criminal procedure sphere and to identify their functional purpose at the stage of preliminary investigation.

The methodological basis was formed by general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, systematic approach), as well as private scientific legal methods: formal legal, comparative legal and the method of interpretation of legal norms. The analysis of the current criminal procedure legislation, scientific literature and existing doctrinal approaches to the definition of digital technologies and their relationship with information and technical-forensic tools is carried out.

The objectives of the study are to identify problems in the normative consolidation of the concepts of digital technologies; to analyze existing scientific approaches; to identify their shortcomings; to formulate an author's definition and propose a classification of digital technologies according to their intended purpose.

As a result, the lack of a uniform understanding of the term in question in science and legislation has been established. It is proved that digital technologies are not limited solely to information or technical means, but have broader functionality related to the optimization of criminal procedural activities. The author's definition of digital technologies is proposed as a set of technical means and tools based on the use of digital data and aimed at forming an evidence base and solving the tasks of a preliminary investigation. The main groups of digital technologies are identified: providing communication, aimed at collecting and recording evidence, as well as used for information analysis. The conclusion is made about the need for normative consolidation of the concept and the development of a unified methodological framework for their application.

Key words: *data analysis, evidence, pre-trial proceedings, legislation, information technology, criminalistics, preliminary investigation, digitalization.*

Складывающаяся в Российской Федерации оперативная обстановка на протяжении последних лет, используемые преступниками способы и средства совершения преступлений свидетельствуют о качественном изменении структуры преступности в части доминирования криминальных действий, совершенных с использованием информационных технологий. Данные официальной статистики позволяют констатировать негативную динамику роста указанных преступлений (с 2021 г. по 2025г. их количество ежегодно возрастало в среднем на 6,6%, по состоянию на 2025г. в структуре преступности - это каждое третье преступление) [16].

Указанные обстоятельства предопределили необходимость выработки и реализации на высшем государственном уровне комплекса правовых и организационно - практических мер, направленных на противодействие складывающейся криминальной угрозе. Следствием этого являются новации, которым на современном этапе подвергается уголовный процесс, в том числе его досудебные стадии. В научных источниках происходящие изменения определяются термином «цифровизация», который содержательно раскрывается исследователями как внедрение в уголовно-процессуальную деятельность цифровых технологий в виде технических устройств, приспособлений, позволяющих получать и обрабатывать информацию в цифровой форме, а также осуществлять ее хранение и передачу [11,17].

Использование действенных цифровых инструментов способствует оперативному сбору необходимой информации (личной, следовой, технической, банковской и пр.), а также ее систематизации и фиксации в соответствии с установленной процессуальной формой, то есть оказывает непосредственное влияние на формирование доказательственной базы по уголовному делу и, в конечном счёте, влияет на эффективность реализации назначения уголовного судопроизводства.

Прежде всего, определимся с тем, что же понимается под «цифровыми технологиями» (далее по тексту ЦТ). Исходя из доктрины информационного права, базовой характеристикой ЦТ является использование цифровых данных, которые представляют собой информацию в виде цифр, битов и байтов. Ключевую роль здесь играют компьютеры и программное обеспечение, обеспечивающие обработку и хранение информации. С их помощью можно автоматизировать процессы, улучшить качество аналитики и оптимизировать работу в различных реальных сферах деятельности.

Некоторые виды ЦТ, используемых в досудебном производстве по уголовному делу, имеют процессуальное закрепление в действующем Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (ст. ст. 81, 81.1, 82, ч. 4 ст. 108, 164.1, 164.2, 166, 189.1 УПК РФ). Однако, сама дефиниция «цифровые технологии», в ст. 5 УПК РФ, содержащей основные понятия, используемые в данном законе, не раскрывается.

Проведённый анализ научной литературы показал и отсутствие единства мнений учёных по поводу содержательной составляющей указан-

ного термина. Ряд авторов [1,15] предлагают определять цифровые технологии обобщённым термином «научно-технические средства», обосновывая это тем, что их использование предполагает достижение научного знания. Мы не можем согласиться с подобной трактовкой, ввиду того, что здесь приоритетное значение отдано именно научности. Последняя, как категория, предполагает привнесение технологиями, применительно к используемому объекту, новых или дополнительных свойств. В исследуемом же аспекте речь должна идти о совершенствовании организационно - правовой основы уголовно-процессуальной деятельности для достижения назначения уголовного судопроизводства.

Другие исследователи [14], определяя содержание понятия «цифровые технологии», наделяет их исключительно такими характеристиками как: наличие программного обеспечения; целевое предназначение, предполагающее в качестве результата применения создание, хранение и распространение информации. На наш взгляд, в приведённом определении ЦТ не учитывается правовая составляющая. Кроме того, в этом случае имеет место подмена понятий. Авторы выделяют признаки, которые характеризуют, согласно доктрине информационного права, именно информационные технологии, но не цифровые, поскольку они соотносятся между собой как составная часть и целое. С точки зрения теории информации основной фокус информационных технологий (далее по тексту ИТ) сосредоточен на технических инструментах для сбора, обработки, хранения и передачи данных, то есть на том с помощью чего обрабатывается информация (программное обеспечение, базы данных, мобильные приложения, компьютерное оборудование и техническая поддержка). Цифровые технологии (DT/Digital), включают в себя ИТ, но их функционал шире, поскольку предусматривает возможность применяя цифровой обработки в реальном производстве, бизнес - процессах, аналитике, то есть предполагает переход к новой модели поведения.

Некоторые учёные [5] применительно к ЦТ употребляют термин «технико - криминалистические средства». На наш взгляд, с этим можно согласиться только отчасти, поскольку данное определение ограничивает круг применения цифровых технологий только процессом обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств посредством производства следственных действий. Вместе с тем, при расследовании осуществляется и иная деятельность, где используются анализируемые технологии (контроль за исполнением мер пресечения (домашний арест), изготовление процессуальных документов и т.д).

Очевидно, что уголовно-процессуальный закон должен располагать единообразным понятийным аппаратом, отражающим специфику использования цифровых технологий. Это превентирует возможность свободной интерпретации и нарушений законодательных положений со стороны лиц, применяющих их в исследуемой сфере.

По нашему мнению, определяя ЦТ, с одной стороны, можно вести речь о совокупности технических средств и приспособлений, в основе которых лежат цифровые технологии, с другой, нужно конкретизировать целевую направленность их использования должностными лицами, производящими расследование уголовного дела на досудебном этапе (следователь, дознаватель), а также иными участниками процесса, которые способствуют расследованию. Считаем, нелогичным перечисление в рамках определения всех устройств и приспособлений, основанных на ЦТ, которые используются на досудебной стадии уголовного процесса, поскольку наука развивается ускоренными темпами, предлагая потребителю новые, более совершенные изобретения и программы.

Таким образом, полагаем, что под цифровыми технологиями, применяемыми на стадиях досудебного производства, необходимо понимать совокупность технических средств и приспособлений, работа которых основана на использовании цифровых данных, а целевое применение способствует формированию доказательственной базы по уголовному делу и выполнению других задач предварительного расследования.

В науке выделяются два отличающихся друг от друга подхода к ролевому назначению цифровых технологий в уголовном процессе. Сторонники первого [6,13] рассматривают ЦТ в качестве принципиально нового инструментария, применяемого для работы с доказательствами. Здесь приоритет отдаётся формированию новой методологии и методики работы с цифровой доказательственной информацией. Приверженцы второго одхода [3,8,9,18]), чья позиция близка автору, считают, что ЦТ выступают в качестве средств процессуальной оптимизации.

Обобщение имеющихся научных точек зрения на классификацию цифровых технологий, используемых в досудебном производстве, позволяет выделить в качестве основного, для целей настоящей работы, такой классифицирующий признак как целевое применение ЦТ и разделить последние на:

– призванные наладить оперативную коммуникацию на этапе возбуждения уголовного дела, в процессе его расследования, в том

числе при организации производства следственных действий (обращение с заявлением о преступлении посредством использования электронной формы, видео-конференц-связь (далее по тексту ВКС) для проведения допросов, очных ставок, опознаний в дистанционном формате, а также при обжаловании действий и решений дознавателя, следователя в суде. Так, например, согласно данным судебной статистики Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2025года использование видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования уголовных дел имело место в 2290 случаях при разрешении ходатайств следователей и дознавателей об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу) [4];

– способствующие фиксации и сбору доказательств (цифровая фото - и видеосъемка, в т. ч. с использованием беспилотных летательных аппаратов; сканирование объектов (3D-моделирование места происшествия); снятие информации с технических каналов связи и мобильных устройств (UFED и аналоги)); проверка целостности данных, создание их цифровых слепков; проведение экспертиз с помощью программных пакетов для анализа собранной информации. Вопросы их использования в ходе доказывания являются предметом научной разработки [2,7,12]. Большинством исследователей отмечается, что применение данных технологий упрощает процессы фиксации, обработки доказательственной информации, а также ее использования в ходе следственных действий поисково-познавательной направленности (осмотр места происшествия, обыск, проверка показаний на месте, следственный эксперимент), с адаптацией к различным следственным ситуациям;
– использующиеся для анализа информации и поиска связей между фигурантами уголовного дела (автоматизированные информационные системы и базы данных (далее по тексту АИС и БД), системы распознавания лиц и биометрии, программы для анализа больших данных (Big Data); восстановления информации и исследования сетевого трафика).

В заключении отметим, что для применения указанных выше ЦТ необходимо наличие не только фактических оснований. Указанная процедура должна быть регламентирована законодательно, иметь сформированную единообразную методическую базу и отработанный механизм ее реализации в практической деятельности. Последний предполагает наличие субъектов, которые применяют ЦТ, материальных и технических ресурсов, позволяющих осуществлять данные действия в соответствии с установленной процессуальной формой, а также процессуальных гарантий соблюдения прав участников уголовного судопроизводства.

Список литературы:

[1] Гатауллин З.Ш. Цифровизация и цифровые технологии в производстве следственных действий // Лучшие практики общего и дополнительного образования по естественно-научным и техническим дисциплинам: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Казань: Казанский университет, 2025. С.108-112.

[2] Горбенко Т.В. Дистанционное проведение следственных действий, связанных с обследованием местности: Автореферат дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2025 и др.

[3] Гришин Д. А. Цифровизация досудебного уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 208. № 26. С. 281-282;

[4] Данные судебной статистики Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации за первое полугодие 2025г. URL:https://cdep.ru/ (дата обращения: 13.03.2026).

[5] Денисенко Е.С., Токмаков Е.С. Применение цифровых технологий в криминалистике // Вестник науки. 2023. № 5 (62). Т.4. С.398-402.

[6] Зайцев О. А. Особенности использования электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4 (77). С. 42-57.

[7] Казначей И.В. Использование технических средств коммуникации в уголовном судопроизводстве: пути совершенствования: Автореферат дис. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2015;

[8] Малина М. А. Цифровизация российского уголовного процесса: искусственный интеллект для следователя или вместо следователя // Российский следователь. 2021. № 2. С. 29–32;

[9] Масленникова Л.Н., Топилина Т.А. Особенности доказывания в условиях цифровой трансформации современного уголовного судопроизводства// Право и политика. 2025. № 7. С.74;

[10] Миронова Е.Ю. Нравственные начала уголовного процесса в условиях цифровизации: принципиальная незыблемость или неизбежная трансформация // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 1. С.136 - 149 и др.

[11] Мищенко Е.В., Никурадзе Н.О., Марина Е.А. Уголовное судопроизводство в условиях гло-

бальной цифровизации общества // Журнал Сибирского федерального университета Гуманитарные науки. 2022.Т. 15, № 8. С. 1082-1093;

[12] Муленков Д.В. Использование цифровых средств фиксации на стадиях досудебного производства: Автореферат дис. ...канд. юрид. наук. Тюмень, 2008;

[13] Пастухов П. С. Основные направления цифровизации уголовно-процессуальной деятельности // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: Сборник материалов Международной научно-практической конференции: Пермь: Пермский институт ФСИН, 2021. Т. 1. С. 21-24;

[14] Семенцов В. А. Цифровые технологии в отечественном уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 4. С. 97–105.

[15] Соколов Ю.Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики: Дис. ...доктора юрид. наук. Екатеренбург, 2023. С. 22;

[16] Статистические данные ФГКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России. URL: https://мвд.рф/ (дата обращения: 26.03.2026).

[17] Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить. Под ред. Е.Г. Потаповой, П.М. Потеева, М.С. Шклярук. М.: РАНХиГС, 2021. С. 22;

[18] Яковлев Д. С. Проблемы использования цифровых технологий в процессе доказывания по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2026. С. 281-282.

References:

[1] Gataullin Z.Sh. Digitalization and digital technologies in the production of investigative actions//Best practices of general and additional education in natural sciences and technical disciplines: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Kazan: Kazan University, 2025. P.108-112.

[2] Gorbenko T.V. Remote conduct of investigative actions related to the survey of the area: Abstract dis.... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2025, etc.

[3] Grishin D.A. Digitalization of pre-trial criminal proceedings//Bulletin of Tomsk State University. 2020. № 455. S. 208. № 26. P. 281-282;

[4] Data of judicial statistics of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for the first half of 2025. URL: https://cdep.ru/ (access date: 13.03.2026).

[5] Denisenko E.S., Tokmakov E.S. Application of digital technologies in forensic science//Bulletin of Science. 2023. № 5 (62). T.4. P.398-402.

[6] Zaitsev O. A. Features of using electronic information as evidence in a criminal case: comparative legal analysis of foreign legislation//Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2019. № 4 (77). S. 42-57.

[7] Treasurer I.V. Use of technical means of communication in criminal proceedings: ways of improvement: Abstract dis.... cand. jurid. sciences. Volgograd, 2015;

[8] Malina M.A. Digitalization of the Russian criminal process: artificial intelligence for an investigator or instead of an investigator//Russian investigator. 2021. № 2. S. 29-32;

[9] Maslennikova L.N., Topilina T.A. Features of evidence in the digital transformation of modern criminal proceedings//Law and Politics. 2025. № 7. S.74;

[10] Mironova E.Yu. Moral principles of the criminal process in the context of digitalization: fundamental inviolability or inevitable transformation// Actual problems of Russian law. 2023. № 1. S.136 - 149, etc.

[11] Mishchenko E.V., Nikuradze N.O., Marina E.A. Criminal proceedings in the context of global digitalization of society//Journal of the Siberian Federal University Humanities. 2022.T. 15, № 8. S. 1082-1093;

[12] Mulenkov D.V. Use of digital means of fixation at the stages of pre-trial proceedings: Abstract dis.... cand. jurid. sciences. Tyumen, 2008;

[13] Pastukhov P. S. The main directions of digitalization of criminal procedural activities//Penitentiary system and society: experience of interaction: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference: Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2021. VOL. 1. S. 21-24;

[14] Sementsov V. A. Digital technologies in domestic criminal proceedings//Legal Bulletin of Kuban State University. 2022. № 4. S. 97-105.

[15] Sokolov Yu.N. Information technologies and digital data circulation in forensics: questions of theory and practice: Dis.... Dr. Juris. sciences. Ekaterenburg, 2023. S. 22;

[16] Statistical data of the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: https://мвд.рф/ (access date: 26.03.2026).

[17] Digital Transformation Strategy: Write to Execute. Ed. E.G. Potapova, P.M. Poteeva, M.S. Shklyaruk. M.: RANEPA, 2021. S. 22;

[18] Yakovlev D.S. Problems of using digital technologies in the process of proving in criminal cases of crimes in the field of computer information// Actual problems of combating crimes and other offenses. 2026. P. 281-282.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-338-346

ЛАРИН Эдуард Николаевич,
преподаватель кафедры организации деятельности подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения Московский областной филиал Московского ордена Почета Университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
адъюнкт кафедры уголовного процесса Московского ордена Почета Университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
e-mail: Eduard101278@mail.ru

БЛАГОРОДНА ЛИ «ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ» ИЛИ КАК СВИДЕТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ ПОМОГАЕТ ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ В ХОДЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. *В статье рассмотрены аспекты такого социального явления как ложь, проанализированы мотивы, по которым люди не сообщают полностью или частично весь объем известной им правдивой информации. Оценено влияние лжесвидетельства на установление объективной истины, что является одним из необходимых условий грамотного и качественного уголовного судопроизводства, позволяющих в конечном итоге принять правильное, законное и обоснованное решение по рассмотрению всех обстоятельств произошедшего события; освещены позиции различных исследователей по данной тематике с указанием проблемных аспектов, а также дискуссионных моментов. Отдельно приведены статистические данные, иллюстрирующие анализируемую проблематику; показаны авторские точки зрения на некоторые из рассматриваемых вопросов. Поскольку результат оценки привел к вполне обоснованному выводу о негативном влиянии лжи в уголовном процессе, была исследована возможность воздействия одной из форм реализации конституционных прав участников уголовного судопроизводства, а именно, свидетельского иммунитета, на предотвращение дачи заведомо ложных показаний как в ходе предварительного расследования, так и в судебном заседании. В качестве подтверждающего материала приведены результаты проведенного анкетирования, к участию в котором привлекались граждане, не имеющие прямого отношения к процессуальной деятельности, то есть, не относящиеся в силу профессиональных обязанностей на постоянной основе к одной из сторон уголовного судопроизводства. По итогу обобщения ответов респондентов были сделаны выводы, изложенные в резолютивной части, которые позволяют вывести рекомендации практического прикладного характера и способствуют окончательному подытоживанию положений, изложенных в статье.*

Ключевые слова: *ложь, деликатность, приемы полуправды, уголовное судопроизводство, установление истины, лжесвидетельство, свидетельский иммунитет, дача заведомо ложных показаний, профилактические меры.*

LARIN Eduard Nikolaevich,
Lecturer, Department of Organization of Road Safety Units, Moscow Regional Branch, Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot,
Adjunct Professor, Department of Criminal Procedure, Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

IS A "SAVING LIE" NOBLE, OR HOW WITNESS IMMUNITY HELPS PREVENT FALSE TESTIMONY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. *This article examines aspects of the social phenomenon of lying and analyzes the motives for which people withhold truthful information, in whole or in part, from them. It evaluates the impact of perjury*

on the establishment of objective truth, which is a necessary condition for competent and high-quality criminal proceedings, ultimately allowing for the adoption of a correct, legal, and reasoned decision on the consideration of all the circumstances of the incident. The article highlights the positions of various researchers on this topic, indicating problematic aspects and controversial points. Statistical data illustrating the analyzed problems are separately provided; the author's points of view on some of the issues under consideration are presented. Since the result of the assessment led to a well-founded conclusion about the negative impact of lying in criminal proceedings, the possibility of the influence of one of the forms of realization of the constitutional rights of participants in criminal proceedings, namely, witness immunity, on the prevention of knowingly giving false testimony both during the preliminary investigation and in court was examined. The supporting material includes the results of a survey conducted among individuals not directly involved in procedural matters, meaning they were not permanently assigned to a party in criminal proceedings due to their professional responsibilities. Based on the respondents' responses, conclusions were drawn, presented in the operative section, which allow for the development of practical recommendations and contribute to the final summary of the provisions set forth in the article.

Key words: *lies, delicacy, half-truth techniques, criminal proceedings, establishing the truth, perjury, witness immunity, knowingly giving false testimony, preventive measures.*

Толкование понятия «ложь» в основном не вызывает у наших соотечественников серьезных разночтений, так как большинство из них понимают его в основных аспектах одинаково. При обращении к толковым словарям мы увидим среди множества трактовок два самых ключевых момента. Первый: любая ложь – это информация, которая не соответствует действительности (истине), при этом не суть важно, является ли данное несоответствие полным или частичным, так как даже отчасти фальсифицированные сведения все равно остаются обманом. Второй момент состоит в том, что при лжи информация искажается сознательно.

Феномен лжи как социального явления неоднократно рассматривался многими исследователями различных областей знаний (не только юридических, но и философских, психологических, педагогических и других). Авторы справедливо замечают, что «ложь – это явление, которое неизменно сопровождает развитие общества с самого начала его становления…» [1, с. 115]. Подавляющая часть ученых сходятся во мнении, что она «давно стала неотъемлемой частью повседневной жизни» [2, с. 409]. Е.В. Никитина в диссертационном исследовании, опираясь на экспериментальные данные, полученные Беллой де Пуало с коллегами, указывает, что «использование лжи присуще каждому индивиду» [3, с. 3], подтверждая свое изречение цитатами таких специалистов в области изучения данного явления, как Д.И. Дубровский и Олдерт Фрай.

В общественном сознании ложь считается пороком, однако практически каждый человек, даже отличающийся хорошим воспитанием, в той или иной степени в общении прибегает ко лжи. К примеру, на известный вопрос, рано или поздно задаваемый ребенком: «Откуда берутся дети?» – едва ли кто отвечает правду в ее чистом виде, и ложь здесь не произносится только в том случае, если взрослый просто избегает прямого ответа. Также на вопрос, допустим, знакомой женщины: «Как я выгляжу?» – далеко не всегда отвечающий выскажет свою истинную точку зрения на привлекательность собеседницы, зачастую ограничиваясь дежурными фразами.

В подобных случаях человек всегда находит оправдание своим действиям, мотивируя их требованиями тактичности, воспитанности, дипломатичности и т.п. Недаром среди разновидностей лжи выделяются такие понятия, как «белая ложь» (еще именуемая «деликатная» ложь, ложь «хорошего тона»), «ложь во благо» («благородная» ложь, «святая» ложь) и «ложь во спасение». Объединяет эти виды то, что практически во всех социальных формациях они не осуждаются моралью и не являются нарушениями норм права.

При этом условия отнесения высказывания к категории «ложь во благо» или «ложь во спасение» в сознании большинства людей аналогичны критериям, применяемым к описанию состояния крайней необходимости: «причиненный вред должен быть значительно меньше предотвращенного». Однако необходимо понимать, что данная грань очень тонка. И зачастую размеры причиненного и предотвращенного вреда определяются самим лицом, потому оценка их соотношения является субъективной. А как известно, человеку может быть свойственно как преуменьшать, так и преувеличивать что-либо во благо себе, в том числе применяя такую разновидность лжи, как «самообман», то есть, убеждение самого себя в истинности какого-либо суждения, нередко заведомо ложного (называя это «самовнушением»).

Яркими примерами могут служить приемы полуправды, такие, как, например, получившие в современном обществе названия «Джедайская правда» и «Исландская правдивость». Оба данных приема объединяет то, что они основаны на

формально правдивых, но вводящих в заблуждение высказываниях; они работают на манипуляцию информацией через слова, и являются примерами намеренного искажения истины. Вместе с тем, если прочитать их описания в сети Интернет, привлекает внимание утверждение, что они граничат с ложью, но технически не являются ею. И в общественном сознании, по мнению достаточно большого количества людей, человек, использующий подобные приемы, не является лгуном, а, следовательно, не подлежит какой-либо ответственности за сказанное. Соответственно, некоторые граждане при даче показаний считают, что, если они просто умолчали о каком-либо факте (при условии, что им не был задан прямой вопрос), то лжесвидетельства с их стороны не было. Однако даже такая «половинчатая» ложь может помешать одной из наиболее важных целей уголовного судопроизводства – установлению истины.

Не случайно одна из самых известных клятв, произносимых в судах англоязычных стран, знакомая большинству наших соотечественников в основном по зарубежным фильмам, звучит в русском переводе таким образом, что человек обязуется говорить: «…только правду, всю правду и ничего, кроме правды» («…be the truth, the whole truth, and nothing but the truth»). [4, с. 44] Построение данной фразы показывает запрещение со стороны законодателя на пользование как вышерассмотренными приемами, так и им подобными. Следовательно, говорить следует исключительно правду, всю правду (не умалчивая ни о каких деталях), и не прибавлять никаких субъективных суждений, которые могут повлиять на понимание всех обстоятельств произошедшего. В конечном итоге это необходимо для установления объективной истины.

Соотношение между понятиями «правда» и «истина» рассматривал В.С. Уакиев. Мы полностью согласны с мнением ученого о том, что истина – это «категория логики и теории познания, выражающая соответствие наших знаний о мире самому миру», а правда – это «такая истина, которая получила субъективную оценку…» [5, с. 68-69]. Также мы полностью поддерживаем тезисы автора о том, что правдой для человека будет являться только та истина, которую он сможет воспринять и в которую он сам поверит. Действительно, вряд ли слепой человек сможет удостовериться и, соответственно, поверить, что перед ним предмет, например, синего цвета.

В субъективности восприятия произошедших ранее событий автор неоднократно убеждался в ходе практической работы должности дознавателя (старшего дознавателя) территориального отдела полиции города Смоленска в период с 2016 по 2023 г.г. Особенно сильно это было заметно при оценке разными лицами временных промежутков между какими-либо событиями. И в подобных случаях самым надежным «свидетелем» становились видеозаписи (при условии отсутствия заведомого редактирования), так как с их помощью лучше всего можно было установить истинные временные интервалы, что в конечном итоге помогало восстановлению полной картины произошедшего.

О насущной необходимости установления истины в уголовном судопроизводстве неоднократно писал В.Н. Григорьев. Согласно его позиции, «Установление обстоятельств дела такими, какими они были в действительности, составляет содержание объективной истины в уголовном процессе» [6]. Справедливость данного утверждения не вызывает у нас никакого сомнения. Ученый упоминает монографию С.А. Шейфера, который обоснованно отмечал: «…стремление управомоченных органов государства установить обстоятельства исследуемого события такими, какими они были в действительности, сохраняет свое значение как ведущая тенденция доказывания, т.е. его цель» [6]. Также В.Н. Григорьев обращался к трудам Н.С. Алексеева, справедливо отмечая, что один из авторских параграфов профессора называется «Установление истины – цель доказывания» [7], тем самым подтверждая вышеозначенные тезисы о том, что в ходе уголовного судопроизводства необходимо установить не просто «правду», которая может быть для каждого участника «своя», субъективная, но именно «истину», то есть, всю последовательность произошедших событий.

А.В. Победкин в диссертационном исследовании «Показания обвиняемого в уголовном процессе» также указывал: «Установить истину в уголовном процессе означает познать полно, всесторонне и объективно все обстоятельства … как они имели место в действительности. Достижение объективной истины по делу является целью российского уголовного процесса и одновременно его важнейшим принципом.» [8, с. 17]. Мы полностью согласны с авторской позицией.

Другие авторы тоже указывали установление истины как одну из главных задач уголовного судопроизводства [9, 10], называя при этом ложь одной из форм противодействия достижению указанной цели [10, с. 261].

Ложь в ходе уголовного судопроизводства среди всех рассматриваемых разновидностей данного социального явления получила название «лжесвидетельство». Данное понятие имеет различные определения в толковых словарях. Часть из них отталкиваются от понятия «свидетель», что представляется нам не совсем верным, так как лгать в ходе уголовного судопроизводства могут и лица с другим процессуальным статусом, даже,

как ни странно, такое, казалось бы, заинтересованное в исходе дела лицо, как потерпевший. Мы в рамках исследования остановимся на определении, данном в «Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой» – «ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВО, -а, ср. Юр. Преступление, выражающееся в намеренной даче ложных показаний судебно-следственным органам» [22].

Вопрос лжесвидетельства в рамках уголовного судопроизводства неоднократно рассматривался исследователями, не только учеными-правоведами, но и практикующими юристами. Специалисты неоднократно отмечали отрицательные последствия данной реалии: и финансовые затраты на работу должностных лиц, вынужденных разоблачать лжесвидетельство с помощью различных, зачастую изначально не нужных, следственных и иных процессуальных действий [11, с. 79]; и не поддающиеся монетизации как моральный ущерб для общества, когда с помощью лжи преступник уходит от ответственности, так и проистекающее из этого падение престижа в глазах общественности всей судебной системы [12]. Тот факт, что данное явление носит негативный характер, был отмечен практически всеми авторами.

Многие деятели науки указывают на либеральность отечественного уголовного законодательства к лжесвидетелям, зачастую сравнивая тяжесть наказания за данное преступление с заграничными нормами [13, с. 286; 14, с. 28], и предлагая соразмерно ввести более суровые меры в российский Уголовный кодекс. Однако в данном вопросе мы более солидарны с точкой зрения И.В. Смольковой, которая, ссылаясь на А.Г. Филиппова, указывает, что «с примерами из зарубежной практики следует быть очень осторожными» [11, с. 80], и предостерегает от необдуманного заимствования иностранного опыта.

Действительно, если даже сравнить содержание аналогичной статьи за заведомо ложные показания, действовавшей в РСФСР, то, очевидно, что она предусматривала гораздо более серьезные санкции, а именно «лишение свободы на срок до одного года или исправительные работы на тот же срок» [23]. Но надо понимать, что одним только увеличением размера наказания проблему не решить: необходим реально действенный механизм привлечения к ответственности. И пока он не будет четко и уверенно работать, лжесвидетельство будет становиться все более латентным. Подобную мысль высказывал Е.И. Замылин, отмечая, что важнее обеспечить неотвратимость наказания за совершение данного деяния, чем просто ужесточать его [15, с. 119].

Из опыта практической работы автора памятны случаи, когда случаи явной дачи ложных показаний не заканчивались возбуждением уголовного дела по статье 307 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), причины тому были различны. Но даже если не ориентироваться на возможные факторы на местах, то цифры статистических данных говорят о ситуации достаточно красноречиво. Так, согласно данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [24], за 2014 год по статье 307 УК РФ (в совокупности по части 1 и части 2) были осуждены 719 человек, за 2015 год – 434, за 2016 год – 599, за 2017 год – 794, за 2018 год – 612, за 2019 год – 482, за 2020 год – 404, за 2021 год – 353, за 2022 год – 313, за 2023 год – 334, за 2024 год – 311. Очевидно неуклонное снижение количественных показателей. Для сравнения: в 2005 году по статье 307 УК РФ (по обеим частям) были осуждены 1 546 человек. То есть, за неполные двадцать лет произошло уменьшение количества осужденных практически в пять раз. При этом общее количество осужденных по всем статьям уменьшилось чуть более чем в полтора раза (с 878 893 человек в 2005 году до 512 845 человек в 2024 году). Вряд ли стоит утешать себя мыслью о том, что участники уголовного судопроизводства стали меньше лгать. Вероятнее всего, причины кроются в других факторах.

О.А. Зайцевым еще в 1993 году было проведено исследование, в ходе которого им были указаны основные причины указанной ситуации: «не работающий» процессуальный порядок возбуждения уголовного преследования и расследования фактов лжесвидетельства; незначительные санкции, предусматривающие ответственность за лжесвидетельство; сложная процедура выявления лжесвидетелей; неудовлетворительно осуществляемое документирование и доказывание данных фактов [16, с. 193]. Мы полностью согласны с данным перечнем, причем он вполне актуален и в нынешней ситуации.

Стоит также отметить мнение Я.В. Малышева, который, не разделяя позиции об ужесточении наказания за дачу заведомо ложных показаний, предлагал предусмотреть иные меры предупреждения лжесвидетельства [17, с. 104]. Мы не будем рассматривать все возможные предлагаемые меры, так как в рамках нашего исследования нам в приоритетном порядке нужно ответить на вопрос о том, действительно ли свидетельский иммунитет будет являться эффективным способом борьбы с рассматриваемым негативным явлением.

Для успешной профилактики лжесвидетельства в рамках уголовного судопроизводства необходимо в первую очередь понимать мотивацию лиц, дающих заведомо ложные показания. Достаточно подробная и на наш взгляд удачная классификация мотивов была предложена К.В.

Подвойским [18, с. 138-139]. В рамках нашего исследования мы остановимся на тех из них, которые касаются свидетельствования против близких родственников – чувство дружбы, любви, жалости или сочувствия к виновному.

Как уже указывалось ранее, людям свойственно измышлять оправдания своим действиям, в том числе и перед самим собой (в последнем случае это сродни самообману). И когда речь идет о свидетельствовании не в пользу родственника или супруга, многие считают извинительным с моральной точки зрения солгать органам расследования. При этом практически все граждане хотя бы примерно знают, что за ложь в ходе допроса предусмотрена ответственность (даже если им не известны требования нормативного акта), но далеко не всех это останавливает. Причины игнорирования наказания различны, в рамках данного исследования мы не будем их разбирать. Важнее для нас будет понимание, какой выбор сделает участник уголовного судопроизводства, если ему будет предложено либо не говорить ничего, либо соврать, «выгораживая» родственника (супруга) или самого себя.

Зачастую принятию решения о применении свидетельского иммунитета в предусмотренных законом случаях препятствует бытующее в общественном сознании мнение о том, что отказ от дачи показаний означает автоматическое признание вины, своей либо того, кого эти показания касаются («молчит – значит, сознается»). По этой причине отдельные люди сообщают в ходе допроса ложные факты, излагают произошедшие события не совсем верно, или, например, создают родственнику несуществующее алиби. Некоторые исследователи, например, Л.М. Карнеева, видели в этом частично положительные моменты, выражающиеся в расширении рамок расследования и обнаружении новых доказательств [19, с.16]. С данной позицией не вполне были согласны В.А. Терехин и В.В. Захаров [20, с. 4], чью точку зрения мы разделяем. Действительно, кроме того, что опровержение данных показаний приводит к расходованию достаточно немалых средств и ресурсов органов, осуществляющих предварительное расследование, также необходимо понимать, что не всегда ложные показания удается опровергнуть по объективным причинам. Итогом может стать избежание виновным лицом полагающейся ответственности, что еще более снижает авторитет судебных и следственных органов и уровень доверия граждан к ним.

На самом деле Верховный суд РФ достаточно давно выразил свое отношение к молчанию в ходе допроса. Согласно Постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее – ППВС РФ) от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», а также предшествовавшего ему ППВС РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 с аналогичным названием, «Отказ … от дачи показаний не может служить подтверждением доказанности … виновности и учитываться в качестве обстоятельства, отрицательно характеризующего личность ….» [21]. Таким образом, при должном разъяснении вышеуказанного положения судом либо должностным лицом, ведущим предварительное расследование, можно избежать ненужных нагромождений ложных показаний, требующих опровержения.

В целях уточнения вопроса, какое решение примут люди имеющие право воспользоваться свидетельским иммунитетом, нами было проведено анкетирование граждан, не имеющих прямого отношения к уголовному судопроизводству. В опросе приняли участие 400 человек, проживающих на территории Московской и Смоленской областей. Респондентам сначала предлагалось ответить на вопрос о том, как они поступят в случае допроса в качестве свидетеля по обвинению их родственника или супруга, с которым у опрашиваемого хорошие отношения, и ему известны действительно важные в рамках расследования обстоятельства. При этом вопрос был полузакрытого типа: выбор из четырех вариантов, и пятый (открытый) ответ в виде своего варианта. Ответы распределились следующим образом:

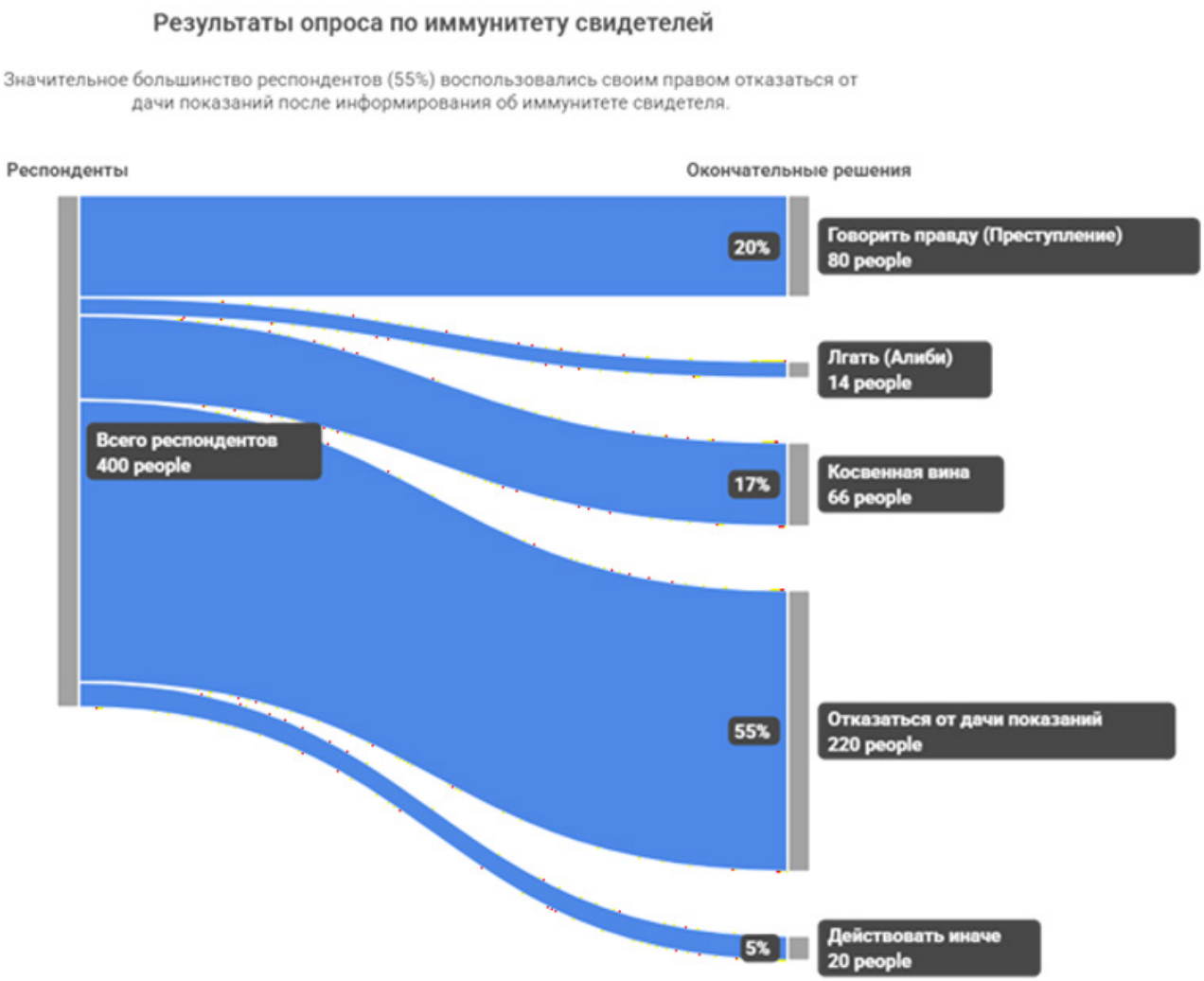
- принципиально будут говорить правду, так как родственник(ца) совершил(а) преступление – 22,5 % опрошенных;
- будут говорить правду из боязни быть привлеченным к ответственности за ложь – 33 % опрошенных;
- не будут говорить правду, несмотря на ответственность, (в том числе путем уверения в том, что не помнят обстоятельства), по причине того, что преступник – близкий человек – такой ответ выбрали 17 % опрошенных;
- не будут говорить правду (в том числе путем уверения в том, что не помнят обстоятельства), по причине принципиального отношения к полиции и суду – 5 % опрошенных;
- поступят иным образом – такой ответ дали 22,5 % опрошенных; однако необходимо отметить, что 57,8 % из них (13 % из числа всех опрошенных) указали на то, что им известно содержание статьи 51 Конституции РФ.

Создано при помощи «Napkin AI»

Далее анкетируемым предлагалось ответить на второй блок вопросов (располагаемый на оборотной стороне листа), в ходе которого им напоминалось о том, что они имеют право не свидетельствовать против себя и близких родственников или супруга. После такого напоминания повторно задавался вопрос об их действиях в ранее рассмотренной ситуации, но с учетом того, что вышеуказанное право им будет разъяснено. Вопрос также был полузакрытого типа: выбор из четырех вариантов, и пятый (открытый) ответ в виде своего варианта. В этом случае были получены следующие ответы:

– принципиально будут говорить правду, так как родственник(ца) совершил(а) преступление – 20 % опрошенных. Стоит заметить, что 77,5 % из данного числа (15,5 % из всех опрошенных) давали такой же ответ в первом блоке. Также была установлена примечательная особенность: 72,5 % (14,5 % из числа всех опрошенных) – лица, моложе 21 года, что, с учетом небольшого жизненного опыта, может вызывать неполное понимание всей серьезности привлечения лица к уголовной ответственности. Соответственно, возникает достаточно обоснованное сомнение, что в реальной ситуации данные люди действительно поведут себя таким образом.
– не будут пользоваться данным правом, предпочтут солгать, в том числе, придумав родственнику(це) алиби, так как считают, что это более эффективный способ «отмазать» от ответственности – такой ответ выбрали 3,5 % опрошенных.
– не будут пользоваться данным правом, так как считают, что этим косвенно подтвердят вину родственника (супруга(и): процент людей, ответивших таким образом оказался неожиданно высок – 16,5 %. Это подтверждает ранее высказанную мысль о бытующем в общественном сознании мнении о том, что отказ от дачи показаний означает автоматическое признание своей либо чужой вины. Из этого следует сделать вывод о необходимости лицу, проводящему расследование либо судебное разбирательство не только разъяснить положения свидетельского иммунитета, но и растолковать, что пользование правом отказа от дачи показаний не влечет за собой автоматического признания вины, ни самого допрашиваемого, ни того, кого касаются его показания.
– откажутся давать показания, воспользовавшись данным правом, – 55 % опрошенных. Достаточно убедительный результат, свидетельствующий о том, что весьма значительная часть людей предпочтет не свидетельствовать вовсе, чем лгать.
– поступят иным образом – 5 % опрошенных. Среди данных ответов преобладали варианты, в которых гражданин планировал проконсультироваться с юристом (адвокатом), а также те, в которых указывал, что не знает, как поступит.

Создано при помощи «Napkin AI»

Результаты исследования убедительно доказывают, что в случае доходчивого разъяснения положений свидетельского иммунитета, люди гораздо охотнее будут молчать, чем выдумывать небылицы, на опровержение которых будут растрачиваться ресурсы суда и органов, ведущих предварительное расследование.

Хочется отметить, что в рамках рассмотрения проблем лжесвидетельства в уголовном судопроизводстве также присутствует достаточно дискуссионный в настоящее время вопрос: имеет ли право подозреваемый (обвиняемый) давать заведомо ложные показания или необходимо привлекать его к ответственности за подобные правонарушения. И.В. Смолькова достаточно четко обозначала свою позицию по данному аспекту, выступая против применения мер ответственности к указанным лицам за такого рода деяния, мотивируя это среди прочего тем, что «угроза применения наказания в этой ситуации может быть использована в качестве способа давления на обвиняемого с целью заставить его давать «нужные» показания.» [11, с. 80]. При всем уважении к словам авторитетнейшего деятеля науки позволим себе частично не согласиться с высказанным мнением, поскольку, как было рассмотрено нами ранее, у подозреваемого (обвиняемого) есть законная возможность не давать никакие показания, что вполне согласуется с его правом выбора средств и способов защиты. А дача заведомо ложных показаний, особенно связанных с оговором других людей уже, в свою очередь, затрагивает права и свободы третьих лиц, что не является верным ни с моральной, ни с юридической точки зрения. В связи с этим предполагается поставить вопрос о необходимости разъяснения подозреваемому (обвиняемому) не только право на отказ от дачи показаний, но и то, что подобный отказ не несёт последствий в виде автоматического признания вины. Данный предмет обсуждения требует дальнейших исследований.

В заключение хотелось бы отметить, что проблема лжесвидетельства в уголовном судопроизводстве в настоящее время актуальна и остается остро дискуссионной. Имеется насущная необходимость выработать ряд четких и конкретных мер по качественному, а не формальному противодействию данному негативному явлению. И поскольку, как нами ранее доказано, свидетельский иммунитет при его полноценном и правильном применении может служить профилактической мерой снижения количества заведомо ложных показаний, необходимо тщательно проработать положения данного института с целью совершенствования действующего законодательства и юридической практики.

Список литературы:

[1] Медведев Е.В. Социальная сущность лжи и ее правовая оценка // Вектор науки ТГУ. 2010. № 2(2). С. 115–117.

[2] Карпова Е.А., Кукулите Т.Г. Анализ вариативности проявления лжи в социальных взаимодействиях // Социология и право. 2022. Т. 14. № 4. С. 408–416.

[3] Никитина Е.В. Взаимосвязь образа ситуации лжи с поведением личности (на примере представителей социономического типа профессий): автореф. дис. … канд. психол. наук. Казань., 2009. 24 с.

[4] Медведев И.Р. Некоторые аспекты присяги сторон, свидетелей и экспертов в гражданском процессе: опыт США // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 6. С. 44-47.

[5] Уакиев В.С. Диалектика правды и неправды в процессе изучения военной истории // Гуманитарный вестник ВА РВСН. 2019. № 2(15). С. 62-75.

[6] Григорьев В.Н., Дикарев В.Г. Об установлении истины по уголовному делу // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД РФ. 2016. № 1 (37). С. 32-36.

[7] Григорьев В.Н. Профессор Н.С. Алексеев об истине и цели доказывания по уголовным делам. // «Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность.» Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева. Санкт-Петербургский государственный университет. 2015. С. 43-49.

[8] Победкин А.В. Показания обвиняемого в уголовном процессе: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 24 с.

[9] Джумаева Р.Х. Истина как главная цель уголовного судопроизводства России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 112-114.

[10] Псарёва Б.В., Гамаюнова А.В. Социально-психологические и правовые факторы лжи // Известия Алтайского государственного университета. 2018. №6(104). С. 260-264.

[11] Смолькова И.В. Должен ли обвиняемый нести уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний? // ГлаголЪ правосудия. 2016. №1(11). С. 76-81.

[12] Быканов М. Лжесвидетельство – враг правосудия // Законность. 2006. №5(859). С. 26-27.

[13] Спектор Л.А. Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод как препятствие осуществления правосудия // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 284-287.

[14] Додонов В. Усилить спрос за лжесвидетельство // Законность. 2006. №5(859). С. 27-28.

[15] Замылин Е.И. Лжесвидетельство в уголовном судопроизводстве России: проблемы остаются // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2(32). С. 115-121.

[16] Зайцев О.А. Теория и практика участия свидетеля в уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 315 с.

[17] Малышев Я.В. Лжесвидетельство: некоторые аспекты уголовно-правовой ответственности // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 102-104.

[18] Подвойский К.В. Криминалистическое исследование происхождения лжи // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 3(124). С. 133-142.

[19] Карнеева Л.А. Значение показаний обвиняемого (подсудимого) // Советская юстиция. 1971. № 23. С.15-16.

[20] Терехин В.А., Захаров В.В. Право на ложь в суде как фактор дестабилизации правосудия // Наука. Общество. Государство. 2015. № 3(11). С. 1-9.

[21] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/64775cc017e83233b4b24725792dd1058dba726e/ (дата обращения: 24.12.2025).

[22] Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. К–О. – С. 180.

[23] «Уголовный кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 24.12.2025).

[24] Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Россий-

ской Федерации // URL:// https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 24.12.2025).

References:

[1] Medvedev E.V. The social essence of lies and its legal assessment//Vector of science TSU. 2010. № 2(2). S. 115-117.

[2] Karpova E.A., Kukulite T.G. Analysis of the variability of the manifestation of lies in social interactions//Sociology and law. 2022. T. 14. № 4. S. 408-416.

[3] E.V. Nikitina. The relationship between the image of a lie situation and personal behavior (on the example of representatives of the socio-economic type of professions): author's review. dis.... cand. psychol. sciences. Kazan., 2009. 24 pp.

[4] I.R. Medvedev. Some aspects of the oath of the parties, witnesses and experts in civil proceedings: US experience//Arbitration and civil proceedings. 2007. № 6. S. 44-47.

[5] V.S. Uakiev. Dialectics of truth and untruth in the process of studying military history//Humanitarian Bulletin of the VA Strategic Missile Forces. 2019. № 2(15). S. 62-75.

[6] Grigoriev V.N., Dikarev V.G. On establishing the truth in a criminal case//Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2016. № 1 (37). S. 32-36.

[7] Grigoriev V.N. Professor N.S. Alekseev on the truth and purpose of evidence in criminal cases .//" Prosecution and defense in criminal cases: historical experience and modernity. " Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor Nikolai Sergeevich Alekseev. St. Petersburg State University. 2015. S. 43-49.

[8] Pobedkin A.V. Testimony of the accused in a criminal trial: Abstract dis.... cand. jurid. sciences. M., 1998. 24 pp.

[9] Dzhumaeva R.Kh. Truth as the main goal of criminal proceedings in Russia//Theory and practice of social development. 2014. № 16. S. 112-114.

[10] Psareva B.V., Gamayunova A.V. Socio-psychological and legal factors of lies//News of Altai State University. 2018. №6(104). S. 260-264.

[11] Smolkova I.V. Should the accused bear criminal responsibility for giving knowingly false testimony ?//Verb of justice. 2016. №1(11). S. [illegible]

[12] Bykanov M. Perjury is the enemy of justice//Legality. 2006. №5(859). S. 26-27.

[13] Spector L.A. Knowingly false testimony, expert, specialist or incorrect translation as obstruction of justice//Gaps in Russian law. 2009. № 4. PP. 284-287.

[14] Dodonov V. Strengthen the demand for perjury//Legality. 2006. №5(859). S. 27-28.

[15] Zamylin E.I. Perjury in criminal proceedings in Russia: problems remain//Legal science and law enforcement practice. 2015. № 2(32). S. 115-121.

[16] Zaitsev O.A. Theory and practice of witness participation in criminal proceedings: Dis.... cand. jurid. sciences. M., 1993. 315 s.

[17] Malyshev Y.V. Perjury: some aspects of criminal liability//Bulletin of Tomsk State University. 2010. № 330. S. 102-104.

[18] Podvoisky K.V. Forensic study of the origin of lies//Actual problems of Russian law. 2021. № 3(124). S. 133-142.

[19] Karneeva L.A. The meaning of the testimony of the accused (defendant)//Soviet justice. 1971. № 23. S.15-16.

[20] Terekhin V.A., Zakharov V.V. The right to lie in court as a factor in destabilizing justice//Science. Society. State. 2015. № 3(11). S. 1-9.

[21] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2016 No. 55 "On the court verdict "//Access from SPS" ConsultantPlus. " URL ://https ://www.consultant.ru/document/cons _ doc _ LAW _ 207874/64775cc017e83233b4b24725792dd1058d-ba726e/(accessed: 24.12.2025).

[22] Dictionary of the Russian language: In 4 volumes/RAS, In-t linguistics. studies. - 4th ed., Erased - M.: Rus. language; Polygraphresursy, 1999. VOL. 2. K-O. - S. 180.

[23] "Criminal Code of the RSFSR" (approved by Armed Forces of the RSFSR 27.10.1960) (ed. From 30.07.1996). Access from SPS "ConsultantPlus." URL ://https ://www.consultant.ru/document/cons _ doc _ LAW _ 2950/(accessed: 24.12.2025).

[24] Judicial Statistics of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation//URL :// https://cdep.ru/?id=79 (date of appeal: 24.12.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-347-350

КУЗНЕЦОВ Дмитрий Михайлович,
Новосибирский государственный университет,
студент IV курса,
e-mail: dima.k.804@mail.ru

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ НАЛИЧИЯ ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Аннотация. *В данной статье рассматривается актуальность и необходимость существования суда присяжных заседателей. Критически анализируются доводы, как сторонников, так и противников присяжных заседателей, прослеживается причинно-следственная связь между политическими процессами в государстве и реформированием института присяжных заседателей. Отмечается важная роль присяжных в качестве индикатора изменения общественных отношений. Обосновывается мысль о невозможности отделения судебной власти от власти народа.*

Ключевые слова: *присяжные заседатели, суд, суверенитет, власть, источник власти, осуществление правосудия.*

KUZNETSOV Dmitry Mikhailovich,
Novosibirsk State University
4th-year student

FEASIBILITY OF THE EXISTENCE OF THE INSTITUTE OF JURORS

Annotation. *This article examines the relevance and necessity of the existence of a jury court. Arguments of both supporters and opponents of jurors are critically analyzed, and the cause-and-effect relationship between political processes in the state and the reform of the institution of jurors is traced. The important role of jurors as an indicator of changes in social relations is noted. The idea of the impossibility of separating judicial power from the power of the people is substantiated.*

Key words: *jurors, court, sovereignty, power, source of power, administration of justice.*

Институт присяжных заседателей всегда был и остается неоднозначным феноменом, на каком этапе развития сейчас не находилось бы общество, всегда найдутся сторонники и противники его существования. Основной проблемой критики считают отсутствие у присяжных заседателей специальных познаний, что не позволяет им в полной мере реализовать правосудие, как это делает профессиональный суд [1]. Другая точка зрения связана с историческим формированием российской правовой системы по романо-германской модели, которая предполагает активную роль суда. Институт присяжных зародился в англо-саксонской правовой семье ввиду противостояния короны и парламента, формирования общего права. Тем самым копирование инородного механизма в неприспособленную для него среду дало совершенно неэффективный результат [2]. Третья позиция, выходит за рамки правового поля и обращается к российскому гражданскому обществу, неготовому принять этот институт. Граждане сознательно отказываются брать на себя ответственность за судьбу другого человека. Суд присяжных не может существовать там, где отказываются судить [3].

Важно отметить, что выше перечисленные позиции не являются проявлением самобытности российского общества и правовой системы. Тенденция отрицания и редкости практики применения формы судебного производства с участием присяжных заседателей имеет место в США и Великобритании, где она традиционно реализовывалась.

В первую очередь обратимся к понятийному аппарату, с точки зрения функционального разделения суд присяжных заседателей – это специфическая форма организации суда, заключающейся в том, что разрешение и рассмотрение в судебном разбирательстве одного дела осуществляется двумя раздельными судебными составами (народные представители и профессиональные судьи) [4]. Если углубиться в сущностный аспект, суд присяжных заседателей представляет собой важнейший демократический институт

народовластия, осуществляющий контрольно-надзорные функции над отправлением правосудия в уголовных делах [5].

В настоящее время Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает наличие данного института в районных судах и приравненных к ним военных судах, областных и приравненных к ним военных судах. Однако не все дела, подсудные этим судам, могут быть рассмотрены судом присяжных, действует ряд исключений, по итогам которых в областном суде присяжные заседатели могут рассматривать:

1) квалифицированное убийство (ч.2ст.105);
2) квалифицированное похищение человека (ч.3 ст.126);
3) ряд составов преступлений против общественной безопасности (ст.209, ч.1-3 ст.211, ст.227);
4) ряд наркотических преступлений (ч.5 ст.228.1, ч.4 ст.229.1);
5) посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277);
6) посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст.295);
7) посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст.317);
8) ряд преступлений против мира и безопасности человечества (ст. 353- 360).

Но и тут есть ряд особенностей, составы, предусмотренные ч.2 ст.105, ч.5 ст.228.1, ч.4 ст.229.1, ст.277, ч.3 ст.281, ст. 295, ст. 317 и ст.357 УК РФ, могут быть рассмотрены лишь в том случае, если субъектом преступления является совершеннолетний, и если по уголовному делу наиболее строгим видом наказание не может быть назначено пожизненное лишение свободы или смертная казнь. При наличии одного из перечисленных пунктов, уголовное дело будет рассмотрено составом суда без присяжных заседателей.

В районных судах и военных гарнизонных судах институт суда присяжных может применяться к преступлениям, предусмотренных статьями ч.2 ст.105, ч.5 ст.228.1, ч.4 ст.229.1, ст.277, ст.295, ст.317 и ст.357 УК РФ, если в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, а также ч.1 ст.105 и ч.4 ст.111 УК РФ, если субъектом преступления является совершеннолетний.

До 2008 года перечень преступлений, которые мог рассматривать суд присяжных заседателей, был гораздо шире. После подписания на тот момент Президентом Российской Федерации Дмитрием Анатольевичем Медведевым ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» их списка были исключены следующие составы: государственная измена, шпионаж, диверсия, терроризм, массовые беспорядки, мятеж, захват власти, захват заложников, организация вооруженного формирования. Президент Российской Федерации аргументировал это тем, что «суды присяжных не справляются по ряду причин. Нужно подумать, как сделать, чтобы эти составы рассматривали коллегии из профессиональных судей».

Диаметрально противоположную точку зрения занял адвокатский корпус. Андрей Студенецкий, глава адвокатского бюро «Студенецкий и партнеры», высказал следующую точку зрения: «Усилия следует направить на то, чтобы улучшать качество следствия. Именно суды присяжных способны сделать так, чтобы обвинение работало хотя бы приблизительно так же хорошо, как и защита». Отсутствие общественного контроля, который в частности реализуют присяжные заседатели, приведет к нарушениям основополагающих принципов уголовного процесса, включая презумпцию невиновности. Мы склонны считать, что это было политическое решение, вызванное тем временем, в которое оно было принято.

Учитывая сказанное выше, возникает очевидный вопрос: в чем заключается суть института присяжных заседателей? Ответ на него не лежит на поверхности. Федеральный закон о присяжных заседателях содержит в основном процессуальные нормы, из которого, не касаясь организационных аспектов можно вывести следующее. С одной стороны, граждане Российской Федерации имеют право участвовать в реализации правосудия в качестве присяжных заседателей (диспозитивная норма). Но в случае использования данного права и внесения в список кандидатов в присяжные заседатели, участие в осуществлении правосудия трансформируется в их гражданский долг, то есть обязанность (императивный фактор).

Перед присяжными ставятся три вопроса:

1. Имело ли место деяние?
2. Совершил ли это деяние подсудимый?
3. Виновен ли подсудимый в совершении этого деяния?

Возможны и другие вопросы, сформулированные и поставленные в соответствии со ст.338 УПК РФ. Их количество в разы меньше, по сравнению с тем, какие вопросы при постановлении приговора должен разрешить суд, ст. 299 УПК РФ. Но важно понимать разницу между судьёй, имеющим юридическое образование и стаж работы в этой сфере как минимум 5 лет, и гражданами, которые заняты любым другим видом деятельности. Именно поэтому вопросы, требую-

щие юридической оценки, не могут быть поставлены перед последними. Это основной аргумент против его существования. Но не стоит забывать, что так или иначе, правосудие, в конечном счете, реализуется людьми.

Ввиду особой значимости к кандидатам в присяжные заседатели предъявляются особые требования, установленные статьей 3, а также гарантии, декларированные статьей 12 Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации». Судьи – носители судебной власти, которые в процессе ее осуществления действуют независимо, как от других ветвей власти, так и от других лиц в целом. В процессе своей деятельности, а иногда и за ее пределами, судья подчиняется гораздо большему количеству норм, это не только процессуальные кодексы, но и Закон «О статусе судей в Российской Федерации», Кодекс судейской этики. Однако независимость должна быть не только закреплена, но и исполняться в действительности. Так происходит не всегда, даже судьи имеют личный интерес в исходе конкретных дел. Например, приговором Ленинского районного суда города Саранск № 1-201/2024 1-3/2025 судья был признан виновным по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 285 и ч. 1 ст. 305 УК РФ за получение беспроцентного займа от одной из сторон разбирательства.

Декларирование независимости не означает ее реализацию на практике. В данном контексте независимость стоит понимать гораздо шире, нежели способность кого-то непосредственно повлиять на принятие решения. Существует мнение, что тот, кто расположит к себе присяжных, тот и победит, и это утверждение имеет место быть. Большое значение для присяжных заседателей имеет эмоциональная вовлеченность. Исследования показывает, что при предъявлении доказательств, способных вызвать сильно волнение, способствует увеличению шанса вынесения обвинительного приговора в 5 раз, и указание судьи рассматривать доказательства «спокойно и взвешено» не обеспечивает защиту прав подсудимого в полной мере [6].

Отринув поверхностные элементы и обратив внимание на природу суда присяжных, мы увидим, что его задача гораздо шире, чем разрешение конкретного дела по существу. Он призван выступать индикатором по отношению к правовому полю. Профессор Смирнов А.В. утверждал, что право присяжных на «несправедливый закон» является высшим проявлением справедливости [7].

Если в действительности как минимум трое из шести или четверо из восьми присяжных заседателей приходят к решению «обнулить» уголовный закон, стоит поднять вопрос о том, правильно ли работает этот закон, служит ли он заложенным принципам. Конституция Российской Федерации закрепляет, что только многонациональный народ Российской Федерации является единственным источником власти. Когда представители народа осуществляют свою власть непосредственно, способом предусмотренным законодательством, и приходят к выводу о невиновности, руководствуясь своим толкованием норм права и своими убеждениями о справедливости в настоящий период развития общества и государства, это называется справедливостью. Органы государственной власти и местного самоуправления, призванные лишь опосредовать власть первоисточника, не могут помешать истинной реализации власти. Ограничение или запрет института присяжных заседателей категорически невозможен, так как это идет в разрез с пониманием и признанием власти как таковой.

Только практика может выявить пробелы в праве или несоответствие норм требованиям времени. Если суд присяжных заседателей выносит оправдательный вердикт, это не значит, что он мешает государственному механизму осуществить функцию наказания, это значит, что он способствует совершенствованию законодательства и государственной системы в целом.

Список литературы:

[1] Стойко Н. Г. Состязательность в российском уголовном процессе // Ученые записки Ереванского государственного университета. – 2023. – № 3. – С. 41–48.

[2] Демичев А. А., Исаенкова О. В. Теоретико-методологические проблемы изучения российского суда присяжных: монография // Моск. гуманитар.-экон. ин-т, Нижегор. фил. - Н. Новгород: Нижегородский фил. Моск. гуманит.-экон. ин-та. – 2005. – С.188.

[3] Левинсон А.Г. Образ суда присяжных в массовом сознании и возможные меры коррекции этого образа // Закон. – 2021. – № 5. – С. 165.

[4] Ильюхов А. А. Российская и зарубежная модели развития института присяжных заседателей. Исторический аспект // Журнал российского права. – 2008. – №1. – С. 133.

[5] Либанова С. Э. Суд присяжных заседателей как конституционный институт прямого народовластия // Современное право. – 2015. – № 4. – С. 34–37.

[6] Брайт Д. А., Гудман-Делаханти Д. Ужасающие доказательства и эмоции: гнев, обвинения и принятие решения присяжными // Law and Human Behavior. – 2006. – №2. – С.183.

[7] Смирнов А. В. Суд Отчизны // Юридическая наука и практика. – 2021. – № 2. – С. 54–63.

References:

[1] Stoiko N. G. Adversariality in the Russian Criminal Process // Scientific Notes of Yerevan State University. – 2023. – № 3. – P. 41–48. (In Russ.)

[2] Demichev A. A., Isaenkova O. V. Theoretical and Methodological Problems of Studying the Russian Jury Trial: Monograph // Moscow Humanities and Economics Institute, Nizhny Novgorod Branch. - N. Novgorod: Nizhny Novgorod Branch of Moscow Humanities and Economics Institute. – 2005. – P.188. (In Russ.)

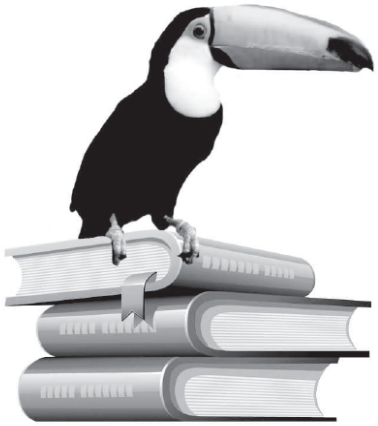
[3] Levinson A. G. The Image of the Jury in Mass Consciousness and Possible Measures to Correct This Image // Law. – 2021. – No. 5. – P. 165. (In Russ.)

[4] Ilyukhov A. A. Russian and foreign models of the development of the jury institution. Historical aspect // Journal of Russian Law. – 2008. – No. 1. – P. 133. (In Russ.)

[5] Libanova S. E. The jury trial as a constitutional institution of direct democracy // Modern Law. – 2015. – No. 4. – Pp. 34–37. (In Russ.)

[6] Bright D. A., Goodman-Delahunty J. Gruesome evidence and emotion: Anger, blame, and jury decision-making // Law and Human Behavior. – 2006. – Vol. 30, No. 2. – P. 183–202.

[7] Smirnov A. V. Court of the Fatherland // Legal Science and Practice. – 2021. – No. 2. – P. 54–63. (In Russ.)

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-351-356

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ

Аннотация. *Целью исследования явился правовой и организационный механизм обеспечения личной безопасности осужденных к принудительным работам. Для ее осуществления выбраны диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): сравнительно-правовой анализ, синтез, сравнение, аналогия и обобщение, включенное наблюдение. Анализировались положения законодательных и ведомственных правовых актов, научных и учебно-методических публикаций, регламентирующих правовой и организационный механизм обеспечения личной безопасности осужденных к принудительным работам, понятийный аппарат, используемый в рассматриваемой области юридического знания. Обеспечение личной безопасности указанной категории осужденных следует рассматривать в двух ракурсах: как обязанность администрации ИЦ и его должностных лиц организовывать и осуществлять мероприятия, позволяющие реализовывать личную безопасность, а также как одноименное право осуждённых к лишению свободы, гарантированное им Конституцией Российской Федерации, конституционными, федеральными и иными законодательными актами РФ, Постановлениями и Распоряжениями Правительства РФ, нормативными правовыми актами Минюста и ФСИН России. Личная безопасность осужденных к принудительным работам, представляет собой состояние защищенности их жизни, здоровья и имущества от физических, психологических и информационных угроз со стороны других осужденных, содержащихся в ИЦ УИС, их окружения (в том числе криминального), возможных противоправных действий администрации и должностных лиц учреждения. Обеспечение личной безопасности осужденных предполагает прогностическую деятельность администрации и должностных лиц ИЦ по предвидению, купированию и предотвращению специфических рисков, связанных с наступлением последствий незаконного физического, психологического и информационного воздействия на осужденных. Непосредственное законодательное закрепление механизмов обеспечения личной безопасности осужденных к принудительным работам содержится в статье 13 УИК РФ. Детальное регулирование организационно-правовых механизмов обеспечения личной безопасности содержится в пунктах 18-30 четвертого раздела ПВР ИЦ УИС, утвержденных Приказом Минюста России 2022 г. Меры обеспечения личной безопасности осужденных к принудительным работам следует рассматривать в системе общих и специальных мер безопасности УИС, регламентированных в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве, международных пенитенциарных стандартах. Одним из условий законного и своевременного обеспечения личной безопасности осужденных к принудительным работам является осуществление ведомственного контроля и прокурорского надзора за законностью отбывания принудительных работ.*

Ключевые слова: *принудительные работы, обеспечение личной безопасности осужденных, исправительные центры, безопасность уголовно-исполнительной системы, ведомственный контроль, прокурорский надзор.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

ENSURING THE PERSONAL SAFETY OF THOSE SENTENCED TO FORCED LABOR

Annotation. *The purpose of the study was the legal and organizational mechanism for ensuring the personal safety of those sentenced to forced labor. The dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were chosen for its implementation: comparative legal analysis, synthesis, comparison, analogy and generalization, included observation. The provisions of legislative and departmental legal acts, scientific and educational publications regulating the legal and organizational mechanism for ensuring the personal safety of those sentenced to forced labor, and the conceptual framework used in the field of legal knowledge under consideration were analyzed. Ensuring the personal safety of this category of convicts should be viewed from two perspectives: as the duty of the IC administration and its officials to organize and implement measures to ensure personal safety, as well as as the eponymous right of persons sentenced to imprisonment, guaranteed to them by the Constitution of the Russian Federation, constitutional, federal and other legislative acts of the Russian Federation, Resolutions and Orders of the Government of the Russian Federation, regulatory legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia. The personal safety of those sentenced to forced labor is the state of protection of their lives, health and property from physical, psychological and informational threats from other convicts held in the Penal Correction Center, their environment (including criminal), possible illegal actions of the administration and officials of the institution. Ensuring the personal safety of convicts presupposes the predictive activities of the administration and officials of the IC to anticipate, mitigate and prevent specific risks associated with the onset of consequences of illegal physical, psychological and informational influence on convicts. The direct legislative consolidation of the mechanisms for ensuring the personal safety of those sentenced to forced labor is contained in article 13 of the Criminal Code of the Russian Federation. Detailed regulation of the organizational and legal mechanisms for ensuring personal safety is contained in paragraphs 18-30 of the fourth section of the ROI IC UIS, approved by the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation in 2022. Measures to ensure the personal safety of those sentenced to forced labor should be considered in the system of general and special UIS security measures regulated in domestic penal enforcement legislation and international penitentiary standards. One of the conditions for the lawful and timely provision of personal safety of those sentenced to forced labor is the implementation of departmental control and prosecutorial supervision over the legality of serving forced labor.*

Key words: *forced labor, ensuring the personal safety of convicts, correctional centers, security of the penal system, departmental control, prosecutorial supervision.*

Введение. В современных условиях обеспечение личной безопасности осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде принудительных работ и находящихся в исправительных центрах уголовно-исполнительной системы (далее ИЦ УИС) выступает актуальной задачей функционирования ее учреждений и органов, нашедшее отражение в Концепции развития УИС на период до 2030 года [1].

Обеспечение личной безопасности указанной категории осужденных следует рассматривать в двух ракурсах: как обязанность администрации ИЦ и его должностных лиц организовывать и осуществлять мероприятия, позволяющие реализовывать личную безопасность, а также как одноименное право осуждённых к лишению свободы, гарантированное им главой 2 (статьями 21-23, 41) Конституции Российской Федерации [2]. Уголовном законодательстве, гарантирующем защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека, ответственности за преступления против личности (раздел 7 УК РФ), частной жизни (статья 137), принципе гуманизма, запрещающим пытки и другое бесчеловечное обращение (статья 7 УК РФ) [3]. В уголовно-процессуальном законе (статье 11 УПК РФ, гарантирующей защиту жизни, здоровья и имущества участников уголовного судопроизводства, которыми выступают не только подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений, но и осужденные, в том числе к принудительным работам [4]. В Уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации (в статье 13 УИК РФ, разделе четвертом (пунктах 18-30 Правил внутреннего распорядка (далее ПВР) ИЦ УИС [5].

Таким образом, можно утверждать, что обеспечение личной безопасности осужденных к принудительным работам и других правовых институтов с ним связанных, регулируется на трех основных уровнях:

- конституционном (положениями Конституции Российской Федерации);
- законодательном (конституционными, федеральными и иными законодательными актами Российской Федерации);
- правительственном (Постановлениями и Распоряжениями Правительства Российской Федерации);
- ведомственном (посредством Приказов, Инструкций и других нормативных актов Минюста и ФСИН России).

Таким образом, осуществленный теоретико-правовой анализ нормативно-правовых актов и литературных источников позволяет сформулировать определение личной безопасности осужденных к принудительным работам, под которым следует понимать состояние защищенности их жизни, здоровья и имущества от физических, психологических и информационных угроз со стороны других осужденных, содержащихся в ИЦ УИС, их окружения (в том числе криминального), возможных противоправных действий администрации и должностных лиц учреждения. Обеспечение личной безопасности осужденных предполагает прогностическую деятельность администрации и должностных лиц ИЦ по предвидению, купированию и предотвращению специфических рисков, связанных с наступлением последствий незаконного физического, психологического и информационного воздействия на осужденных.

Методы и принципы исследования. Для изучения правового и организационного механизмов обеспечения личной безопасности осужденных к принудительным работам выбраны диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): сравнительно-правовой анализ, синтез, сравнение, аналогия и обобщение, включенное наблюдение. Анализировались положения законодательных и ведомственных правовых актов, научных и учебно-методических публикаций, регламентирующих правовой и организационный механизм обеспечения личной безопасности осужденных к принудительным работам, понятийный аппарат, используемый в рассматриваемой области юридического знания.

Основные результаты. Непосредственное законодательное закрепление механизмов обеспечения личной безопасности осужденных к принудительным работам содержится в статье 13 УИК РФ, предполагающей их обращение с заявлением с просьбой обеспечения личной безопасности к любому должностному лицу ИЦ УИС, которые должны принять, своевременно и полно отреагировать на указанную в заявлении информацию с использованием комплекса специальных мер, а также мероприятий, включая оперативно-розыскного характера [6].

Начальник ИЦ УИС, либо лицо его замещающее, по заявлению осужденного, а также по своей инициативе принимает решение о его переводе в безопасное место в центре, либо принимает другие меры по устранению угрозы личной безопасности осужденного к принудительным работам [7].

Законодатель в части четвертой статьи 13 УИК РФ предусмотрел применение к осужденным, являющимися участниками уголовного судопроизводства мер безопасности начальником ИЦ УИС [8].

Детальное регулирование организационно-правовых механизмов обеспечения личной безопасности содержится в пунктах 18-30 четвертого раздела ПВР ИЦ УИС, утвержденных Приказом Минюста России 2022 г.

Для содержания осужденных к принудительным работам в безопасном месте (далее БМ) могут использоваться помещения для содержания нарушителей, в этом состоит принципиальное отличие БМ ИЦ УИС от БМ ИУ УИС. Вместе с тем, схожий подход к регламентации указанного порядка заключается в том, что перевод осужденного в БМ ИЦ УИС (помещение для нарушителей), не является мерой взыскания и не влечет наступления соответствующих ограничений в правах [9, с. 195-201]. Они могут пользоваться продуктами питания, личными вещами и предметами. Исключение составляют ограничения в оборудовании помещений для нарушителей [10, с. 235-240].

Перевод осужденного к принудительным работам в БМ производится по постановлению начальника ИЦ или лица, его замещающего, либо уполномоченного им сотрудника на срок, не превышающий 15 суток, а в случаях, не терпящих обстоятельств, - оперативного дежурного ИЦ или сотрудника дежурной смены ИЦ (при отсутствии оперативного дежурного ИЦ), но не более чем на 24 часа [11].

Осужденным, находящимся в БМ, предоставляется прогулка продолжительностью 3 часа, при наличии возможности она может быть увеличена. При нарушении осужденным, находящимся в БМ установленного порядка отбывания наказания прогулка прекращается, лицо возвращается в БМ.

Ежедневно производится уборка БМ осужденными в него переведенными, а также места для проведения их прогулок [12, с. 201-206]. Для этого ответственный за уборку получает и сдает инвентарь, следит за чистотой и производит уборку санитарного узла.

Курение осужденному, находящемуся в БМ ИЦ УИС, разрешено только во время прогулки в специально оборудованных местах. После ее окончания сигареты и спички передаются на хранение сотрудникам учреждения.

Если предпринятые меры безопасности оказались недостаточными, начальником ИЦ или лицом его замещающим принимается решение о переводе осужденного или лиц, угрожающих его личной безопасности в другой ИЦ [13, с. 2-6].

Таким образом, рассмотренные и другие меры обеспечения личной безопасности осу-

жденных к принудительным работам следует рассматривать в системе общих и специальных мер безопасности УИС, регламентированных в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве, международных пенитенциарных стандартах [14, с. 58-61].

Одним из условий законного и своевременного обеспечения личной безопасности осужденных к принудительным работам является осуществление ведомственного контроля и прокурорского надзора за законностью отбывания принудительных работ [15, с. 120-124]. Устранения причин и условий возможных нарушений закона при исполнении наказаний без изоляции от общества [16].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

- Международной научно-практической конференции «Цели наказания: уголовные, уголовно-исполнительные, криминологические и иные аспекты (отечественный и зарубежный опыт)», состоявшейся 3-4 февраля 2023 в Амурском государственном университете. Доклад на тему: «Исполнение наказаний в виде принудительных работ: современные тенденции и перспективы»;
- Межрегиональной научно-практической конференции «Исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы: исторические, теоретические, правовые и организационные аспекты» во Владимирском юридическом институте ФСИН России 7 декабря 2023 года, с докладом на тему «Организация исполнения наказаний без изоляции от общества в развитых зарубежных странах: опыт и перспективы использования в отечественной пенитенциарной практике»;
- Международной научно-практической конференции «Проблемы правового регулирования применения различных видов наказаний: уголовно-правовой, криминологический и уголовно-исполнительный аспекты», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и 30-летию со дня образования учебного заведения, состоявшейся в Самарском юридическом институте ФСИН России 11 января 2024 года. Доклад на пленарном заседании на тему: «Современные подходы организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества: проблемы и перспективы»;
- Всероссийской научно-практической конференции «Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ВЮИ ФСИН России 28 февраля 2024 года. Доклад на тему «Значение прокурорского надзора в реализации законодательства о пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации»;
- Научно-практической конференции, состоявшейся 21.05.2024 г. в Российской Международной Академии туризма. Доклад на тему: «Правовой механизм привлечения осужденных к труду на объектах туристической инфраструктуры в свете реализации Федерального закона № 10 2023 г. «О пробации в Российской Федерации»;
- 24 Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», состоявшейся в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк) 16-17 октября 2024 г. Доклад на пленарном заседании на тему «Актуальные вопросы исполнения принудительных работ: организационно-правовой и психолого-педагогический анализ»;
- Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся 17–18 апреля 2025 г. в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему «Воспитательная работа с осужденными, отбывающими наказание в виде принудительных работ».

Заключение. Обеспечение личной безопасности указанной категории осужденных следует рассматривать в двух ракурсах: как обязанность администрации ИЦ и его должностных лиц организовывать и осуществлять мероприятия, позволяющие реализовывать личную безопасность, а также как одноименное право осуждённых к лишению свободы, гарантированное им Конституцией Российской Федерации, конституционными, федеральными и иными законодательными актами РФ, Постановлениями и Распоряжениями Правительства РФ, нормативными правовыми актами Минюста и ФСИН России.

Личная безопасность осужденных к принудительным работам, представляет собой состояние защищенности их жизни, здоровья и имущества от физических, психологических и информационных угроз со стороны других осужденных, содержащихся в ИЦ УИС, их окружения (в том числе криминального), возможных противоправных действий администрации и должностных лиц учреждения. Обеспечение личной безопасности осужденных предполагает прогностическую деятельность администрации и должностных лиц ИЦ по предвидению, купированию и предотвраще-

нию специфических рисков, связанных с наступлением последствий незаконного физического, психологического и информационного воздействия на осужденных.

Непосредственное законодательное закрепление механизмов обеспечения личной безопасности осужденных к принудительным работам содержится в статье 13 УИК РФ. Детальное регулирование организационно-правовых механизмов обеспечения личной безопасности содержится в пунктах 18-30 четвертого раздела ПВР ИЦ УИС, утвержденных Приказом Минюста России 2022 г.

Меры обеспечения личной безопасности осужденных к принудительным работам следует рассматривать в системе общих и специальных мер безопасности УИС, регламентированных в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве, международных пенитенциарных стандартах. Одним из условий законного и своевременного обеспечения личной безопасности осужденных к принудительным работам является осуществление ведомственного контроля и прокурорского надзора за законностью отбывания принудительных работ.

Список литературы:

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // Consultant.ru (дата обращения 16.04.2026).

[2] «Конституция Российской Федерации» (принята всеобщим голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Consultant.ru (дата обращения 16.04.2026).

[3] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.

[4] Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. Дашков и К. 2005. 21 с.

[5] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А.Москва, 2006. 148 с.

[6] Теория оперативно-розыскной деятельности / Горяинов К.К., Земскова А.В., Исиченко А.П., Климов И.А., Ковалев О.Г., Конов А.И., Нетреба В.А., Федоров А.В., Овчинский В.С., Синилов Г.К., Черников В.В. Краткий учебный курс / Сер. Краткие учебные курсы юридических наук. (2-е издание, переработанное). Москва, 2006. 385 с.

[7] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[8] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[9] Ковалев О.Г. Признаки противоправного поведения осужденных к принудительным работам (правовой и психологический анализ) // Российский научный вестник. 2025. № 12. С. 195-201.

[10] Ковалев О.Г., Шаповалов В.С. Правовые и организационные проблемы исполнения наказания в виде принудительных работ // Столыпинский вестник, 2021. Том 3. № 3. С. 235-240.

[11] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 16.04.2026).

[12] Ковалев О.Г. Правовые и технические вопросы организации надзора за осужденными к принудительным работам // Право и управление. 2025. № 12. С. 201-206.

[13] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Принудительные работы в системе уголовных наказаний современной России: правовая природа и актуальные вопросы исполнения // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2025. № 1. С. 2-6.

[14] Ковалев О.Г. Обеспечение безопасности при исполнении принудительных работ в России и государствах европейского союза: сравнительный анализ // В сборнике: 25-летний опыт применения Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации: проблемы и перспективы развития. Сборник материалов круглого стола в рамках XII Пермского конгресса ученых-юристов. Сост. А.И. Согрина. Пермь. 2022. С. 58-61.

[15] Ковалев О.Г. Влияние прокурорского надзора на обеспечение безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы // Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации концепции развития уголовно-исполнительной системы Рос-

сийской Федерации на период до 2030 года. Рязань. 17-18 ноября 2022 г. Т. 1. С. 120-124.

[16] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

References:

[1] Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r "On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030" // Consultant.ru (date of appeal 04/16/2026).

[2] "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by universal suffrage on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // Consultant.ru (accessed 04/16/2026).

[3] Russian criminal Law. Special part: Textbook // Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007. 374 p.

[4] Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). M. Dashkov and K. 2005. 21 p.

[5] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A.Moscow, 2006. 148 p.

[6] Goryainov K.K., Zemskova A.V., Isichenko A.P., Klimov I.A., Kovalev O.G., Konov A.I., Netreba V.A., Fedorov A.V., Ovchinsky V.S., Sinilov G.K., Chernikov V.V. A short training course / Ser. Short training courses in law. (2nd edition, revised). Moscow, 2006. 385 p.

[7] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[8] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[9] Kovalev O.G. Signs of unlawful behavior of those sentenced to forced labor (legal and psychological analysis) // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 12. pp. 195-201.

[10] Kovalev O.G., Shapovalov V.S. Legal and organizational problems of execution of punishment in the form of forced labor // Stolypinsky Bulletin, 2021. Volume 3. No. 3. pp. 235-240.

[11] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 "On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system" // Garant.ru (accessed 04/16/2026).

[12] Kovalev O.G. Legal and technical issues of the organization of supervision of those sentenced to forced labor // Law and management. 2025. No. 12. pp. 201-206.

[13] Kovalev O.G., Melnikova O.V. Forced labor in the system of criminal penalties in modern Russia: the legal nature and current issues of execution // Penal enforcement system: law, economics, management. 2025. No. 1. pp. 2-6.

[14] Kovalev O.G. Ensuring security during the performance of forced labor in Russia and the European Union states: a comparative analysis // In the collection: 25 years of experience in the application of the Criminal and Penal Enforcement Codes of the Russian Federation: problems and prospects of development. Collection of materials of the round table within the framework of the XII Perm Congress of Legal Scientists. Comp. A.I. Sogrin. Perm. 2022. pp. 58-61.

[15] Kovalev O.G. The influence of prosecutorial supervision on ensuring the security of institutions of the penal correction system // Collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International Scientific and Practical Conference The Penal correction system at the present stage, taking into account the implementation of the concept of development of the penal correction system of the Russian Federation for the period up to 2030. Ryazan. November 17-18, 2022, vol. 1, pp. 120-124.

[16] The prosecutor's desk book in 2 parts Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-357-361

САМОХИН Сергей Иванович,
Преподаватель кафедры профессиональной подготовки
Восточно-Сибирского института МВД России,
e-mail:sergejsamohin549@gmail.com

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ (НА ПРИМЕРЕ КВАДРОКОПТЕРОВ) В ОВД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Выявлены недостатки и пробелы правового регулирования эксплуатации беспилотных летательных аппаратов (на примере квадрокоптеров), используемых для оперативной фото и видео съемки осмотра места происшествия в Органах внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД России). Установлены возможные трудности их использования в воздушном пространстве в близи аэропортов и других стратегически важных объектов. Определена нормативная правовая база использования беспилотных воздушных суден в нашей стране. Установлено, что одним из основных является Федеральный закон от 19.03.1997 № 60-ФЗ «Воздушный кодекс Российской Федерации» (далее – ВК РФ), в соответствии с которым обязательной сертификации должны подлежать абсолютно все беспилотные авиационные системы и (или) их элементы. Выявлено, что на данные воздушные суда сертификат летной годности должен выдаваться на основании простого сертификата либо акта оценки отдельно взятого воздушного судна. Установлено, что под данные правила подпадают и беспилотные авиационные системы и (или) их элементы, которые включают в себя беспилотные гражданские воздушные суда, имеющие максимальную взлетную массу до 30 килограммов. Определены административно-правовые аспекты использования технических средств фото и видео фиксации, на примере квадрокоптеров. Проанализированы административные санкции за нарушение требований действующего законодательства Российской Федерации, на основе которых операторами таких воздушных суден возможен выбор оптимального режима их использования.*

Ключевые слова: *административно-правовые аспекты, беспилотное воздушное судно, квадрокоптер, воздушное пространство, технические средства, нормативные правовые акты.*

SAMOKHIN Sergey Ivanovich,
Lecturer, Department of Professional Training,
East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

ADMINISTRATIVE AND LEGAL ASPECTS OF USING TECHNICAL MEANS IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION (ON THE EXAMPLE OF QUADROCOPTERS)

Annotation. *The article identifies some deficiencies and gaps in the legal regulation and operation of the unmanned aerial vehicles such as quadcopters which are used for quick photo and video shooting of the scene under inspection in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation. The article describes the possible difficulties in using the airspace near airports and other strategically important objects. In our country the regulatory legal framework for the use of unmanned aircraft is determined by the Federal Law of March 19, 1997 No. 60-FL "The Air Code of the Russian Federation" (referred to as the RF AC), according to which absolutely all unmanned aerial systems and (or) their elements must be subject to mandatory certification. It was revealed that the certificate of airworthiness for these aircraft should be issued on the basis of a simple*

certificate or an act of assessment of a single aircraft. It has been established that unmanned aerial systems and (or) their elements, which include unmanned civil aircraft with a maximum take-off weight of up to 30 kilograms, also fall under these rules. The article determines some administrative and legal aspects of using technical means of photo and video recording, such as quadcopters, as an example. The article analyzes the administrative sanctions for violation of the requirements of the current legislation of the Russian Federation, on the basis of which the operators of such aircraft can choose the optimal usage mode.

Key words: *administrative and legal aspects, unmanned aircraft, quadcopter, airspace, technical means, regulatory legal acts.*

В настоящее время в Российской Федерации законодательная политика направлена на ужесточение правил использования всевозможных технических средств, в том числе и беспилотных воздушных суда. Однако зачастую в нормативных правовых актах правительства встречаются всевозможные неточности и пробелы, коллизии. Также имеет место быть и недостаточное, неполное описание того или иного момента, что, в свою очередь, может привести к неправильному толкованию, либо какой–либо другой путанице [3].

Так, с недавнего времени абсолютно все квадрокоптеры на законодательном уровне называются беспилотными воздушными суднами [1, с. 16], и, следовательно, на их использование и обслуживание действуют определенные нормативные правовые акты, которые должны регламентировать все моменты, связанные с использованием воздушного пространства.

Эксплуатация квадрокоптеров в настоящее время регламентируются следующими нормативными правовыми актами:

- Федеральный закон от 19.03.1997 № 60-ФЗ «Воздушный кодекс Российской Федерации» (далее – ВК РФ);
- Постановление Правительства РФ от 11.03.2010 № 138 «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации» (далее – ПП №138);
- Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ «Уголовный кодекс Российской Федерации», статья 171.1 «Нарушение правил использования воздушного пространства Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», статья 11.4. «Нарушение правил использования воздушного пространства».

Основным документом, определяющим использование квадрокоптеров, является Воздушный Кодекс РФ.

Так, статьей 32.5 ВК РФ определено, что беспилотное воздушное судно (далее по тексту БВС) — это такое воздушное судно, которое управляется и контролируется пилотом, который находится вне борта данного воздушного судна, такой пилот называется внешним пилотом.

Стоит отметить, что прежде чем браться за управление абсолютно любым БВС, нужно убедиться в наличии и действительности всех нужных документов [2, с. 27].

Так, статья 8 ВК РФ определяет, что обязательной сертификации должны подлежать абсолютно все беспилотные авиационные системы и (или) их элементы. Исключением являются только такие беспилотные авиационные системы и (или) их элементы, которые включают в себя беспилотные гражданские воздушные суда.

Отметим, что на такие суда сертификат летной годности должен выдаться на основании простого сертификата типа, либо акта оценки отдельно взятого воздушного судна. К этому параметру относятся и беспилотные авиационные системы и (или) их элементы, которые включают в себя беспилотные гражданские воздушные суда, имеющие максимальную взлетную массу до 30 килограммов.

Отсюда мы ясно видим, что должны получить сертификат летной годности, который, в свою очередь, выдается на основании сертификата типа, соответственно, в порядке, установленном федеральными авиационными правилами. Как следствие, встает справедливый вопрос: «Какими именно федеральными авиационными правилами, ведь в настоящее время это не один документ, их количество превышает несколько десятков?»

Предположим, что такой сертификат летной пригодности имеется, следующим шагом нужно узнать, как зарегистрировать интересующий нас летательный аппарат и, соответственно, получить допуск к его управлению.

Так, 33 статья ВК РФ, поясняет, что государственному учету должны подлежать абсолютно все гражданские БВС, имеющие максимальную взлетную массу от 250 граммов и до 30 килограммов, в обязательном порядке подлежат учету в соответствии с правилами, установленными Правительством Российской Федерации.

Соответственно должен возникнуть вопрос: «Где найти порядок учета БВС?». Вот тут-то и

всплывает неточность, о которой говорилось выше, ответа на данный вопрос в настоящее время нет, так как искомый порядок учета пока еще находится в стадии проекта.

Если говорить о допуске к управлению БВС, то тут все несколько проще. Так согласно 36 статье ВК РФ, допуском к управлению БВС будет являться наличие обычного сертификата летной годности.

Что касается максимальной высоты полетов при использовании БВС сотрудниками правоохранительных органов, важно отметить, что их деятельность связана с пресечением и раскрытием преступлений. Так, в статье 48 ПП №138 говорится, что абсолютно все полеты БВС над любыми населенными пунктами в целях пресечения и раскрытия различных преступлений могут выполняться на такой высоте, которая обеспечивает выполнение возложенных на правоохранительные органы задач в нужном объеме.

При этом ответственность за обеспечение безопасности выполнения полетов и маневров должна возлагаться на уполномоченное лицо, которое организует данные полеты. Также в некоторых случаях может быть разрешен взлет и посадка в границах населенных пунктов на такие площадки, сведения о которых могут быть не опубликованы в документах аэронавигационной информации, при обеспечении безопасности выполнения указанных действий уполномоченным лицом [4].

Однако в таких населенных пунктах, как Иркутск, этот вопрос крайне актуален по причине того, что аэропорт находится в черте города. И, соответственно, использование БВС в черте таких населенных пунктов вполне может создать определенные проблемы и трудности для движения воздушного транспорта.

В целях избегания вышеуказанных проблем и повышения безопасности полетов, пилот БВС беспрекословно обязан предоставить план полета в региональный центр Единой системы Организации Воздушного Движения. А если пилот собирается осуществлять фото-видео фиксацию, то он, соответственно, обязан запросить разрешение в органах местного самоуправления [5].

Отметим, что это крайне неудобно и нецелесообразно для сотрудников правоохранительных органов, так как обычно, сложившаяся оперативная обстановка не терпит отлагательств, и, как следствие, нет времени на производство различных разрешений и всевозможных уведомлений [6].

В свете вышеизложенного можно сделать соответствующий вывод о том, что законодательство в сфере использования воздушного пространства различными БВС ОВД РФ крайне несовершенно. Это подтверждается неточностями в ссылках на Федеральные авиационные правила, разрозненностью самих правил, отсутствием порядка учета БВС.

Что касается ведомственного использования БПЛА, то этот вопрос также является открытым. Использование данных технических средств являлось бы неоспоримым плюсом при производстве осмотра места происшествия, связанного с большой площадью.

Так, яркими примерами полезности использования квадрокоптеров будут следующие варианты. Данные беспилотные летательные аппараты позволяют вести съемку с нужных точек и нужных ракурсов, вплоть до высоты птичьего полета, что позволяет производить быстрый анализ, например, более быстрое составление схемы ДТП, и наиболее точно детализировать причины и обстоятельства происшествия.

В случае больших по площади пожаров, квадрокоптеры бесспорно являются отличным подспорьем для производства как качественного осмотра места происшествия, так и для производства пожарно-технической экспертизы. Важно отметить и то, что в случае с другими преступлениями и происшествиями, данные беспилотные летательные аппараты позволяют отследить пути подхода и отхода преступников, помогают при планировании специальных операций. В других случаях, если имеется опасность для жизни и здоровья людей, то целесообразно использование подобных летательных аппаратов.

Так, в настоящее время сложилась определенная ситуация. В целом, сотрудников силовых структур она пока не касалась, но среди гражданского населения был уже не один прецедент. И этот прецедент состоит в том, что пилоты квадрокоптеров не регистрируют план полета, не имеют разрешение на данный вид деятельности, в результате чего граждане получают штрафы в соответствии со статьей 11.4, частью 1 КоАП РФ в размере от 20000 рублей, до 50000 рублей. Штраф от 100000 рублей, до 150000 рублей предусмотрен для должностных лиц и от 250000 рублей до 300000 рублей или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток для юридических лиц [7].

За время развития популярности данного вида воздушных судн, произошло подобных случаев сотни. Наиболее часто встречаются случаи, когда пилоты не согласовывают план полета, как говорилось выше.

Судебная практика, относительно данного вопроса, сложилась следующим образом: апелляции по таким делам об административных нарушениях не подавались, пилоты просто пла-

тили полученный ими штраф. Стоит отметить и то, что так происходит не только касательно отсутствия плана полетов, так происходит относительно всех нарушений, связанных с БПЛА.

Второе по популярности нарушение, касающееся использования БПЛА, это отсутствие регистрации данного вида летательных аппаратов. Так, осенью 2017 года, Крымская транспортная прокуратура возбудила дело об административном правонарушении, а именно о нарушении правил использования воздушного пространства лицами, не наделенными в установленном порядке правом на осуществление деятельности по использованию воздушного пространства. Фабула дела была следующая: «В ходе проверки установлено, что 1 октября 2017 года в 19 часов 45 минут в районе мыса Тарханкут Черноморского района Республики Крым вблизи одной из воинских частей 27-летний уроженец г. Ялта осуществлял несанкционированный запуск и производил пилотирование беспилотного летального аппарата – квадрокоптера «DJI FANTOM 4».

В данном случае, конечно, привлекло внимание то, что пилот производил взлет неподалеку от воинской части, однако запрета на полеты на таком расстоянии от воинских частей нет.

В ходе судебного разбирательства было установлено, что пилот выполнял полет, не предоставив план полета в соответствующий орган организации воздушного движения. И, соответственно, виновное лицо, то есть пилот был привлечен к административной ответственности по части 1 статьи 11.4 КоАП РФ.

Что касается должностных лиц, коими являются сотрудники правоохранительных органов, то для них, подобное нарушение может наказываться административным штрафом в размере до 150 000 рублей в соответствии с данной же статьей КоАП РФ.

Важно отметить и то, что в настоящее время таких правонарушений становится меньше, хотя спрос на подобные БПЛА растет, и соответственно пользователей (пилотов), становится все больше. Даная тенденция положительна, но недостаточна, так как в правовой базе данного вопроса имеются пробелы.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что в настоящее время нормативная правовая база устроена так, что процедура получения разрешения на полет может занимать значительное время. Которое, в свою очередь бесценно для сотрудников правоохранительных органов, ведь в промежутке времени, затраченного на получение разрешения и согласование плана полета, могут быть утрачены важные элементы вещной обстановки.

Так для обеспечения возможности беспрепятственного использования различных БПЛА правоохранительными органами, было бы важно создать межведомственный нормативный правовой акт, который помог бы исключить, или упростить сложную процедуру учета, запросов и уведомлений [8].

Список литературы:

[1] Догерти М. Дроны. Первый иллюстрированный путеводитель по БПЛА. М.: Эксмо, 2017. 224 с.

[2] Яценков В.С. Электроника. Твой первый квадрокоптер. Теория и практика. СПб.: БХВ-Петербург, 2016. 256 с.

[3] Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 12. ст. 1383; Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 11.03.2010 № 138 // СЗ РФ. 2010. № 14. ст. 1649.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. ст. 2954.

[5] Порядок использования беспилотных судов (БВС, БПЛА, беспилотники, дроны) [Электронный ресурс] // Федеральное Агентство Воздушного Транспорта. Росавиация. URL: http://www.favt.ru/poryadok-ispolzovaniya-bespilotnyh-vozdychnih-sudov/ (Дата обращения: 20.05.2020).

[6] О полиции: Федеральный закон РФ от 07.02.2011 № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. ст. 900.

[7] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). ст. 1.

[8] Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 35.

References:

[1] Dougherty M. Drones. The first illustrated guide to UAVs. M.: Eksmo, 2017. 224 pp.

[2] Yatsenkov V.S. Electronics. Your first quadcopter. Theory and practice. St. Petersburg: BHV-Petersburg, 2016. 256 s.

[3] Air Code of the Russian Federation dated 19.03.1997 No. 60-FZ//NW of the Russian Federation. 1997. № 12. Art. 1383; On approval of the Federal rules for the use of airspace of the Russian Fed-

eration: Decree of the Government of the Russian Federation of 11.03.2010 No. 138//SZ RF. 2010. № 14. Art. 1649.

[4] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ//SZ RF. 1996. № 25. Art. 2954.

[5] Procedure for the use of unmanned vessels (BVS, UAVs, drones, drones) [Electronic resource]// Federal Air Transport Agency. Rosaviatsia. URL: http://www.favt.ru/poryadok-ispolzovaniya-bespilotnyh-vozdychnih-sudov/ (Дата обращения: 20.05.2020).

[6] On the police: Federal Law of the Russian Federation of 07.02.2011 No. 3-FZ//SZ RF. 2011. № 7. Art. 900.

[7] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ//СЗ of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 1.

[8] Issues of organization of forensic examinations in forensic units of the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 29.06.2005 No. 511//Bulletin of regulatory acts of federal executive bodies. 2005. № 35.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-362-366

КАМЕНСКАЯ Ксения Сергеевна,
студент 2-го курса магистратуры,
Юридический институт, Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН),
г. Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
МУСТАФИНА-БРЕДИХИНА Диана Мядхатовна,
кандидат юридических наук, доцент,
Юридический институт, Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН),
г. Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ И КИТАЕ

Аннотация. *В статье проводится сравнительно-правовой анализ административно-процессуальных особенностей лицензирования медицинской деятельности в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Автор рассматривает исторические предпосылки формирования института лицензирования в обеих странах, начиная с постсоветского периода в России (1993 г.) и периода реформ в Китае (1994 г.). Особое внимание уделяется современному этапу (2022–2026 гг.), характеризующемуся принципиально разными подходами: в России сохраняется разрешительная система с акцентом на цифровизацию и риск-ориентированный надзор, в Китае для частных клиник введен уведомительный порядок с последующим жестким контролем. В работе анализируются санитарные требования, предъявляемые к медицинским организациям, а также процедуры получения лицензий. Отдельное внимание уделено сравнительному анализу цифровых платформ надзора (ЕГИСЗ в России и система информационного мониторинга в Китае). На основе проведенного исследования автор приходит к выводу о конвергенции подходов при сохранении существенных различий в моделях контроля.*

Ключевые слова: *лицензирование медицинской деятельности, сравнительно-правовой анализ, санитарные требования, уведомительный порядок, ЕГИСЗ, Китай, Россия.*

KAMENSKAYA Ksenia Sergeevna,
2nd year Master's student, Law Institute,
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN), Moscow, Russia

Scientific supervisor:
MUSTAFINA-BREDIKHINA Diana Myadhatovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Law Institute,
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN), Moscow, Russia

ADMINISTRATIVE AND PROCEDURAL FEATURES OF LICENSING MEDICAL ACTIVITIES IN RUSSIA AND CHINA

Annotation. *This article presents a comparative legal analysis of medical activity licensing systems in the Russian Federation and the People's Republic of China. The author examines the historical prerequisites for the formation of the licensing institution in both countries, starting from the post-Soviet period in Russia (1993) and the reform period in China (1994). Special attention is paid to the modern stage (2022–2026), characterized by fundamentally different approaches: Russia retains a permissive system with an emphasis on*

digitalization and risk-based supervision, while China has introduced a notification procedure for private clinics with subsequent strict control. The work analyzes sanitary requirements imposed on medical organizations, as well as licensing procedures. Particular attention is paid to the comparative analysis of digital supervisory platforms (UGISZ in Russia and the information monitoring system in China). Based on the conducted research, the author concludes that there is a convergence of approaches while maintaining significant differences in control models.

Key words: *medical activity licensing, comparative legal analysis, sanitary requirements, notification procedure, UGISZ, China, Russia.*

Регламентирование процесса лицензирования медицинской деятельности тесно связано с распадом СССР и возможностью ведения частной медицинской практики, так как в условиях советского времени деятельность частных кабинетов с приемом врачей была запрещена и необходимости в контроле за качественным оказанием медицинской помощи, как в нынешних реалиях просто не стояло. В 1993 году национализация системы здравоохранения отходит на второй план, так как был принят Закон от 22 июля 1993 года № 5487-I «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан», который в ст.56 закрепил понятие частной медицинской практики [1]. Именно согласно этому закону, государство впервые установило необходимость соблюдения процесса лицензирования и определило условия для занятия частной практикой.

Унификация и централизация существовавшей двухуровневой системы лицензирования произошла лишь в 2010 году, когда медицинскую деятельность ввели в перечень лицензируемых видов деятельности Федеральным законом № 128-ФЗ от 08.08.2001 г. «О лицензировании отдельных видов деятельности», в редакции от 28 сентября 2010 года (вступившей в силу с 1 января 2011 года) [2]. Таким образом, система лицензирования в ее актуальном виде в 2026 году существует лишь 15 лет, и несмотря на постоянное эволюционирование и совершенствование законодательного процесса, все также вызывает много вопросов и разногласий среди теоретиков и практиков.

В Китае начало эры регламентирования лицензирования медицинской деятельности приходится на 1994 год, так как именно в этот год был приняты Правила управления медицинскими учреждениями (26 февраля 1994 года), вступившие в силу 1 сентября 1994 года, которые отражали требования как к помещениям медицинских организаций, так и требования к образованию медицинских работников. Срок предоставления разрешения был определен пятилетним периодом, после чего необходимо было продление. С 2007 года в Китае началась эра реформирования законов о лицензировании, которая характеризуется сменой разрешительной системы на уведомительную, но именно для частных клиник; вводится отмена существующего запрета на работу только в одном месте. Закрепление перехода на новый порядок произошло окончательно в 2017 году. Также именно в данный период традиционная китайская медицина была выведена в отдельную категорию для разрешительной системы функционирования, с послаблением обучения и получения сертификата на практику, так как врачи данного вида деятельности не имели традиционного медицинского образования.

На сегодняшний день, процесс получения лицензирования медицинской деятельности в этих двух странах имеет ряд схожих и ряд различных аспектов. Далее рассмотрим процесс получения лицензии в Российской Федерации и Китае на примере частной медицинской организации.

После образования организационной формы, это может быть общество с ограниченной ответственностью или получение статуса индивидуального предпринимателя в Российской Федерации, необходимо подать заявление в уполномоченный орган по выдаче санитарных экспертиз. Главной государственной структурой в этой сфере принято считать ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии», однако, существуют и сторонние компании-испытательные лабораторные центры.

После подачи заявления начинается этап выявления соответствия/несоответствия медицинской организации санитарным нормам. Несмотря на то, что санитарных правил, которые необходимо учитывать несколько: СанПиН 2.1.3684-21 (регламентирует порядок обращения с медицинскими отходами); СанПин 3.3686-21 (профилактика инфекционных заболеваний); СанПиН 2.6.1.4115-25 (обеспечение радиационной безопасности), основным документом, устанавливающим санитарно-эпидемиологические требования к медицинским организациям, в настоящее время считается СП 2.1.3678-20 (с изм.от 01.03.2025). Этот документ является базовым для медицинских организаций, так как в нем собраны правила по: размещению и территории;

водоснабжению и канализации; вентиляции и микроклимату; отделке помещений; оборудованию и инвентарю; противоэпидемическому режиму. Дискуссионным остается вопрос о распространении действия СП 2.1.3678-20 на медицинские организации, поскольку отнесение медицинской деятельности исключительно к сфере услуг без учета ее специфики порождает правовые коллизии при трактовке санитарных требований. Поскольку медицина формально относится к услугам (ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (далее – Федеральный закон № 323-ФЗ), регулятор применяет этот документ. Критика данного подхода заключается в том, что ранее для медицины существовал отдельный СанПиН 2.1.3.2630-10, который учитывал специфику лечебного процесса, тогда как текущий документ «уравнивает» больницу, например, с парикмахерской или магазином в части многих общих требований.

Следующим этапом является получение на основании, выданной ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии» санитарной экспертизы - санитарно-эпидемиологического заключения. Необходимо отметить, что с появлением портала Государственных услуг в Российской Федерации значительно сократилась бюрократическая цепочка, и заявление, очень легко и в течении 5 минут подается через информационную сеть. Единственным уполномоченным выдавать итоговый разрешительный документ органом является Управление Роспотребнадзора. Управление имеет территориальные отделы, поэтому при составлении заявления необходимо внимательно выбрать отделение. На рассмотрение отправленных документов органом заявлены сроки - 20 рабочих дней со дня подачи заявления.

Третий и заключительный этап процесса лицензирования в Российской Федерации- подача заявления на лицензирование медицинской деятельности в территориальные отделы Министерства здравоохранения РФ. С 1 сентября 2021 года Постановлением Правительства РФ № 852 определена обязанность медицинской организации зарегистрироваться в Федеральном реестре медицинских организаций (ФРМР) и произвести регистрацию своих сотрудников в Федеральном реестре медицинских работников (ФРМР), объединенных в Единой Государственной Информационной Системе в сфере Здравоохранения (ЕГИСЗ)[4]. Без регистрации в системе лицензирующие органы не будут рассматривать заявления. Главная задача системы - создание единого цифрового контура в здравоохранении, который объединит всех участников отрасли: от федеральных органов власти до пациентов.

Для финального этапа подачи заявления необходимо проверить корректное заполнение всех данных об организации в системе ЕГИСЗ (год постройки здания, подгрузить договор аренды или безвозмездного пользования на помещение, заполнить штатное расписание, отразить виды планируемых лицензий и т.д.). Особое внимание уделяется оборудованию, наличие которого проверяется в соответствии со стандартами оснащения той или иной лицензируемой деятельности. К примеру, стандарт оснащения кабинета стоматологии общей практики отражен в Приложении №3 Приказа Минздрава России от 31.07.2020 N 786н (ред. от 18.02.2021) «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи взрослому населению при стоматологических заболеваниях». В систему ЕГИСЗ заносятся серийный номер, дата выпуска оборудования, сроки его эксплуатации, а также все разрешительные документы его использования на территории Российской Федерации. Также в органы Минздрава предоставляются все данные на сотрудников для проверки соответствия их образования видам получаемых лицензий. После рассмотрения заявления Министерство Здравоохранения проводит выездную проверку на соответствие лицензиата заявленным видам деятельности и в течении 9 рабочих дней выдает решение [7]. Лицензия предоставляется бессрочно, однако, при смене организации, смене места осуществления деятельности- весь процесс проходит повторно, так как автоматические все выданные разрешительные документы прекращают срок своего действия.

В Китае также процесс лицензирования начинается с регистрации бизнеса и получении свидетельства о регистрации юридического лица. Форма общества с ограниченной ответственностью также существует в Китае, а вот аналог индивидуального предпринимательства – личное предприятие. Кроме налогообложения и процентов налога на вывод дивидендов особых различий с российскими формами предпринимательства нет.

Для частных маленьких клиник в Китае с 20.12.2022 года Положением о порядке уведомительной регистрации клиник, определен упрощенный уведомительный порядок, который кардинально отличается от разрешительной системы для крупных больниц [8]. После подачи уведомления с прикреплением документов о составе врачей, подтверждении права на помещение, плана этих помещений и списка оборудования в Уездный (районный) отдел здравоохранения Китая, в случае полного комплекта документов, клиника может приступать к осуществлению деятельности сразу после получения свидетельства об уведомительной регистрации клиники [9]. В этом основное отличие процесса лицензирования в Китае, так как весь процесс идет от обратного.

После выдачи свидетельства в течение 45 дней согласно п.15 Положения проводится выездная проверка на соответствие санитарным нормам. Именно в ходе этой проверки проходит контроль за соблюдением санитарных правил, которые в Китае не объединены единым документом, как в России, а представлены отраслевыми стандартами по каждому направлению, например, WS/T 368-2025 – отраслевой стандарт по нормативам воздуха в помещении[10], WS 310.1-3-2016 – стандарт контроля стерилизации и т.д. Размещение медицинских организаций контролируется государственным стандартом GB 18055-2012[11], а правила водоотведения содержаться в Положении об управлении медицинскими учреждениями (Приказ №35 Министерства Здравоохранения КНР).

Несмотря на то, что с введением уведомительного порядка начала ведения медицинской деятельности в Китае для небольших частных клиник, срок выдачи лицензии так же, как в России, является бессрочным, виды контроля за такими организациями существенно различается. На территории Российской Федерации несмотря на строгие нормы и множества проверок в процессе лицензирования, выбран путь цифровизации и риск ориентированного надзора, а в Китае установлен порядок облегченной регистрации, но строго контроля. Так, в ст.17 Положением об управлении медицинскими учреждениями определен ежегодный выездной контроль работы медицинской организации, тогда как в России для клиник с низкой категорией риска проверки заменены профилактическими визитами вместо плановых проверок [8]. Такие профилактические визиты клиника может назначить себе сама, подав соответствующее уведомление через портал государственных услуг.

В последние годы системы здравоохранения России и Китая вступили в эпоху масштабной цифровой трансформации. В центре этих изменений находятся государственные цифровые платформы, призванные консолидировать медицинские данные, обеспечить их прозрачность и создать основу для эффективного управления отраслью. Однако, несмотря на внешнее сходство целей, подходы двух стран к организации сбора, обработки и контроля медицинской информации демонстрируют принципиальные различия, особенно в части интенсивности взаимодействия медицинских организаций с надзорными системами.

Согласно действующему законодательству, в частности Постановлению Правительства РФ № 852, все медицинские организации, независимо от формы собственности, обязаны взаимодействовать с ЕГИСЗ, а отсутствие такого взаимодействия рассматривается как нарушение лицензионных требований[4] . При этом закон определяет достаточно формализованный, но относительно пассивный характер этого взаимодействия. Важной особенностью российской системы является то, что она не требует передачи полных сканов медицинских карт или непрерывного потока данных о каждом этапе лечения. Как отмечается в методических рекомендациях, передаче подлежат только стандартизированные электронные сведения по утвержденным форматам.

В отличие от российского подхода, китайская система требует от медицинских организаций ежедневной передачи данных о своей деятельности. Речь идет не просто о направлении отдельных документов по завершении лечения, а о непрерывном потоке информации, поступающем в режиме реального времени. Цифровая платформа надзора в Китае интегрирована с системами электронных медицинских карт на уровне каждой клиники, что обеспечивает автоматическое обновление данных без дополнительных действий со стороны медицинского персонала.

Проведенный нами сравнительно-правовой анализ позволят сделать вывод, что несмотря на единую цель Государств России и Китая в обеспечении безопасности и создание системы контроля за качеством оказания медицинской помощи – система медицинской деятельности имеет различный регулятивный подход. Так Российская модель строится через призму риск-ориентированного подхода, позволяя снизить сокращение административных барьеров, ставя ставку на цифровизацию, и сведении к минимуму очного контроля. Китай, напротив, осуществил смену регуляторной парадигмы, отказавшись от предварительного лицензирования в пользу уведомительного порядка, однако усилил позицию пост лицензионного контроля. Таким образом, если в России вектор реформ направлен на облегчение процедуры получения лицензии при сохранении модели «тяжелого входа», то в Китае реализован принцип «легкого входа» с последующим «тяжелым контролем», что позволяет говорить о формировании принципиально различных, но равно эффективных систем обеспечения качества в рамках национальных правопорядков.

Список литературы:

[1] Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан : Федер. закон от 22 июля 1993 г. № 5487-I (утратил силу). – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2026).

[2] О лицензировании отдельных видов деятельности : Федер. закон от 8 авг. 2001 г. № 128-

ФЗ (ред. от 28 сент. 2010 г., утратил силу). – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2026).

[3] О лицензировании отдельных видов деятельности : Федер. закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ (ред. от 28 февр. 2026 г.). – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2026).

[4] Об утверждении Положения о лицензировании медицинской деятельности : Постановление Правительства РФ от 1 июня 2021 г. № 852 (ред. от 8 мая 2025 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=494644 (дата обращения: 01.04.2026). – Режим доступа: свободный.

[5] Санитарно-эпидемиологические требования к эксплуатации зданий и помещений : СП 2.1.3678-20 (с изм. от 1 марта 2025 г.). – Текст : электронный // Генеральная прокуратура РФ. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_01/activity/legal-education/explain/e5620632/ (дата обращения: 01.04.2026).

[6] О внесении изменений в форму оценочного листа : Приказ Росздравнадзора от 19 янв. 2026 г. № 26. – Текст : электронный // Территориальный орган Росздравнадзора по Ростовской области. – URL: https://61reg.roszdravnadzor.gov.ru/spec/news/46826 (дата обращения: 01.04.2026).

[7] Об определении случаев и условий допуска к медицинской деятельности без аккредитации : Приказ Минздрава России от 20 янв. 2026 г. № 34н. – Текст : электронный // Факультет медицинского права. – URL: https://kormed.ru/npa-garant/413522964/ (дата обращения: 01.04.2026).

[8] 医疗机构管理条例 : 中华人民共和国国务院令第752号 (2022年修订) [Электронный ресурс]. – URL: https://policy.mofcom.gov.cn/claw/clawContent.shtml?id=94685 (дата обращения: 01.04.2026). – Текст на кит. яз.

[9] 诊所备案管理暂行办法 : 国卫医政发〔2022〕33号 (2022年12月20日) [Электронный ресурс]. – URL: http://zc.gjzwfw.gov.cn/art/2022/12/29/art_14_61873.html (дата обращения: 01.04.2026). – Текст на кит. яз.

[10] 医院空气净化管理标准 : WS/T 368—2025 [Электронный ресурс]. – URL: https://std.samr.gov.cn/hb/search/stdHBDetailedCNF?id=3BC2830FC2C64971E06397BE0A0A2402 (дата обращения: 01.04.2026). – Текст на кит. яз.

[11] 村镇规划卫生规范 : GB 18055—2012 [Электронный ресурс]. – URL: http://www1.csres.com/detail/227774.html (дата обращения: 01.04.2026). – Текст на кит. яз.

References:

[1] Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on the protection of the health of citizens: Feder. Law of July 22, 1993 No. 5487-I (expired). - Text: electronic//SPS “ConsultantPlus.” - URL: http://www.consultant.ru (access date: 01.04.2026).

[2] On licensing certain activities: Feder. Law No. 128-FZ of August 8, 2001 (as amended on September 28, 2010, expired). - Text: electronic//SPS “ConsultantPlus.” - URL: http://www.consultant.ru (access date: 01.04.2026).

[3] On licensing certain activities: Feder. Law of May 4, 2011 No. 99-FZ (as amended on February 28 2026). - Text: electronic//SPS “ConsultantPlus.” - URL: http://www.consultant.ru (access date: 01.04.2026).

[4] On approval of the Regulation on licensing medical activities: Decree of the Government of the Russian Federation of June 1, 2021 No. 852 (as amended on May 8, 2025) [Electronic resource]. - URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=494644 (access date: 01.04.2026). - Access mode: free.

[5] Sanitary and epidemiological requirements for the operation of buildings and premises: SP 2.1.3678-20 (as amended on March 1, 2025). - Text: electronic//Prosecutor General’s Office of the Russian Federation. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_01/activity/legal-education/explain/e5620632/ (дата обращения: 01.04.2026).

[6] On amendments to the form of the evaluation sheet: Order of Roszdravnadzor dated January 19, 2026 No. 26. - Text: electronic//Territorial body of Roszdravnadzor in the Rostov region. - URL: https://61reg.roszdravnadzor.gov.ru/spec/news/46826 (access date: 01.04.2026).

[7] On the determination of cases and conditions of admission to medical activities without accreditation: Order of the Ministry of Health of Russia dated January 20, 2026 No. 34n. - Text: electronic//Faculty of Medical Law. - URL: https://kormed.ru/npa-garant/413522964/ (access date: 01.04.2026).

[8] 医疗机构管理条例: 中华人民共和国国务院令第 752 号 (2022 年修订) [Electronic Resource]. - URL: https://policy.mofcom.gov.cn/claw/clawContent.shtml?id=94685 (access date: 01.04.2026). - Chinese text

[9] 诊所备案管理暂行办法: 国卫医政发〔2022 → 33 号 (2022→ 12→ 20 日) [Electronic resource]. - URL: http://zc.gjzwfw.gov.cn/art/2022/12/29/art_14_61873.html (access date: 01.04.2026). - Chinese text

[10] 医院空气净化管理标准: WS/T 368 - 2025 [Electronic Resource]. - URL: https://std.samr.gov.cn/hb/search/stdHBDetailedCNF?id=3BC2830FC2C64971E-06397BE0A0A2402 (access date: 01.04.2026). - Chinese text

[11] 村镇规划卫生规范: GB 18055 - 2012 [Electronic Resource]. - URL: http://www1.csres.com/detail/227774.html (access date: 01.04.2026). - Chinese text.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-367-372

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации
имени А.Я. Сухарева,
e-mail: viktor_shestak@mail.ru

ПОЛИТОВ Георгий Константинович,
военнослужащий,
Министерство обороны Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИЯХ МАКСИМАЛЬНОГО УРОВНЯ РЕАГИРОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются нормативно-правовые основания формирования административно-правового статуса жителей новых субъектов Российской Федерации. Авторы исследуют вопросы приобретения ими гражданства Российской Федерации в результате признания, а также производство процедуры выдачи и замены паспорта гражданина РФ жителям ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей. Делается вывод о том, что административно-правовой статус граждан Российской Федерации на территориях максимального уровня реагирования формируется под воздействием особых правовых режимов, обусловленных необходимостью обеспечения государственной безопасности и защиты населения.*

Ключевые слова: *административно-правовой статус, гражданство, новые субъекты Российской Федерации, максимальный уровень реагирования, миграционное законодательство.*

SHESTAK Viktor Anatolyevich,
Doctor of Juridical Science, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminalistics,
A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation

POLITOV Georgy Konstantinovich,
Military personnel,
The Ministry of Defense of the Russian Federation

THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE TERRITORIES OF THE MAXIMUM RESPONSE LEVEL

Annotation. *The article examines the regulatory and legal bases for the formation of the administrative and legal status of residents of the new subjects of the Russian Federation. The authors investigate the issues of their acquisition of citizenship of the Russian Federation as a result of recognition, as well as the procedure for issuing and replacing a passport of a citizen of the Russian Federation to residents of the DPR, LPR, Zaporizhia and Kherson regions. It is concluded that the administrative and legal status of citizens of the Russian Federation in the territories of the maximum response level is formed under the influence of special legal regimes conditioned by the need to ensure state security and protection of the population.*

Key words: *administrative and legal status, citizenship, new subjects of the Russian Federation, maximum response level, migration legislation.*

21 февраля 2022 года Президент Российской Федерации объявил о признании суверенитета Донецкой Народной Республики (далее - ДНР) [9] и Луганской Народной Республики (далее – ЛНР) [10]. Независимый статус данных территорий подтвердили четыре страны: два участника ООН: Сирия и КНДР, а также два частично признанных государства: Абхазия и Южная Осетия. На следующий день установленным порядком были приняты и вступили в действие Договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой [9], а также между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой [8].

Глава российского государства, рассмотрев обращения руководителей названных республик от 22 февраля 2022 года в порядке ст. ст. 3 и 4 указанных Договоров, согласно требованиям п. «г» ч. 1 ст. 102 Конституции Российской Федерации и ст. 10.1 Федерального закона «Об обороне» обратился в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации за согласием на использование Вооруженных Сил за пределами территории Российской Федерации, по получении которого [15] 24.02.2022 объявил о начале специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины.

В последующем по результатам референдумов, прошедших в период с 23 по 27 сентября 2022 года, в ходе которых население ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей подавляющим большинством голосов поддержали присоединение к Российской Федерации, названные четыре региона были приняты в состав Российской Федерации [1-4], а на их территориях в соответствии с требованиями п. 2 ст. 4 Федерального закона «Об обороне» [5] для поддержания мира и стабильности было введено военное положение [11].

Предпринятые меры российским руководством по защите ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей от военного произвола Украины отражают ее стремление к защите прав и интересов граждан. Отметим, что ситуация в данных регионах до сих пор остается напряженной из-за постоянных попыток украинского режима вернуть контроль над этими территориями.

Проведение специальной военной операции характеризуется рядом особенностей, оказывающих влияние на правовой статус как военнослужащих, так и гражданского населения соответствующих регионов [18]. Исходя из этого, важно уделить должное внимание не только статусу участников Специальной военной операции, но и жителям вновь присоединенных территорий, которые также являются гражданами нашего государства и оказались в трудной жизненной ситуации из-за обстоятельств, не зависящих от них. Понимание и уточнение административно-правового статуса указанных лиц способствует более эффективной интеграции населения новых субъектов в правовое пространство Российской Федерации. Под административно-правовым статусом гражданина следует понимать совокупность прав, обязанностей и гарантий их реализации, закрепленных нормами административного права и обеспечиваемых деятельностью органов государственной власти.

В этой связи представляется необходимым рассмотреть нормативно-правовые основания формирования административно-правового статуса жителей новых субъектов Российской Федерации. Особое значение имеет анализ федеральных конституционных законов о принятии Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей в состав Российской Федерации, а также положений федерального законодательства, регулирующего вопросы гражданства и документирования населения указанных территорий.

Согласно федеральным конституционным законам, предопределившим нахождение четырех названных регионов в составе Российской Федерации, их граждане, а также граждане Украины и лица без гражданства, постоянно проживавшие на территориях указанных республик и областей, или ранее постоянно проживавшие на этих территориях и выехавшие в иные субъекты Российской Федерации, а также их несовершеннолетние дети приобретают гражданство Российской Федерации в результате признания. Граждане ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей или Украины, находящиеся или проживающие на территории Российской Федерации, вправе обратиться в территориальный орган МВД России по месту фактического проживания с заявлением о приеме в гражданство. Упрощенный порядок получения гражданства Российской Федерации реализуется в соответствии с требованиями ст. 16 Федерального закона от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [6]. Следует отметить, что приобретение гражданства Российской Федерации является лишь одним из элементов административно-правового статуса граждан. Не менее важным аспектом является документальное подтверждение данного статуса, выражающееся в получении паспорта гражданина Российской Федерации.

Иностранный гражданин (лицо без гражданства), достигший возраста восемнадцати лет и обладающий дееспособностью, желающий получить российское гражданство, вправе обратиться с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке при соблюдении одного из следующих условий:

им ранее был заключен контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах или иных воинских формированиях Российской Федерации сроком не менее одного года либо он постоянно проживает на территории Российской Федерации сроком не менее одного года при условии, что ранее установленным порядком он признан беженцем или ранее получил на территории России политическое убежище.

В случае постоянного проживания иностранного гражданина (лица без гражданства), достигшего возраста восемнадцати лет и обладающего дееспособностью, на территории России независимо от срока он также вправе подать заявление о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке при наличии одного из следующих оснований:

- родился или постоянно проживал на территории РСФСР и являлся гражданином СССР;
- наличие прямых старших родственников, родившихся или постоянно проживавших на территории РСФСР либо территориях, относившихся к Российской империи или СССР в пределах государственной границы российского государства;
- наличие гражданства Российской Федерации хотя бы у одного из родителей (усыновителей);
- наличие гражданства Российской Федерации у своего ребенка, постоянно проживающего на территории России;
- заключение брака с гражданином Российской Федерации, при наличии совместного ребенка, в том числе усыновленного (удочеренного);
- наличие документа об образовании и о квалификации с отличием при условии успешного освоения в Российской Федерации образовательной программы высшего образования по очной форме обучения, имеющую государственную аккредитацию;
- завершили образование хотя бы по одной из имеющих государственную аккредитацию образовательных программ (среднего профобразования; бакалавриата; специалитета; магистратуры; ординатуры или ассистентуры-стажировки), либо по программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) в образовательных или научных организациях России, при условии, что находятся территории России, и осуществляют в ней трудовую деятельность по специальности сроком не менее одного года до дня подачи заявления о приеме в гражданство России;
- наличие гражданства СССР ранее, хотя в данный момент является лицом без гражданства.

Также иностранный гражданин (лицо без гражданства), обладающий дееспособностью, вправе подать заявление в случае если он: имеет статус ветерана Великой Отечественной войны, а ранее был гражданином СССР; является ветераном боевых действий, при условии, если о приеме в гражданство России ходатайствует любой федеральный государственных орган, в том числе исполнительной власти выдавший такое удостоверение.

Ребенок может быть принят в гражданство России в одном из следующих случаев: один из его родителей - гражданин России; его единственный опекун (попечитель) – гражданин России.

Президент Российской Федерации вправе определить и другие категории лиц, которые могут быть приняты в гражданство России.

Лицам, приобретшим гражданство Российской Федерации в результате признания их гражданами Российской Федерации, МВД России или его территориальным органом выдаётся паспорт гражданина Российской Федерации. В частности, в соответствии с положениями Приказа МВД России от 16.11.2020 № 773 [16] органами системы МВД РФ при прохождении лицом процедуры признания гражданства и предоставлению им исчерпывающего перечня документов, закрепленного ст. 27 настоящего приказа, территориальными органами МВД РФ в срок, не превышающий 5 дней, подразделениями по вопросам миграции территориальных органов МВД РФ предоставляется государственная услуга по выдаче, замене паспорта гражданина РФ.

Помимо этого, при производстве процедуры выдачи и замены паспорта гражданина РФ жителям ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей применяются нормы Положения о паспорте гражданина РФ (утвержденного Постановлением Правительства РФ от 08.07.1998 № 828) [14], а также Указа Президента РФ от 26.12.2022 [13], который устанавливает особый порядок признания гражданства РФ при выдаче первого паспорта.

Для получения паспорта гражданина РФ жителям новых регионов подает заявление в одно из подразделений по вопросам миграции МВД РФ. Также, лицо вправе подать заявление в территориальные подразделения Многофункционального центр (МФЦ), который должен в течение 1 дня передать все документы в МВД РФ.

Вместе с заявлением, лицо должно подать перечень документов: свидетельство о рождении, две личные фотографии, документы воин-

ского учета, национальные документы, удостоверяющие личность (паспорт гражданина Украины). Более того, при отсутствии документов, подтверждающих регистрацию, необходимо предоставить заявление о факте проживания на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей.

Заявление рассматривается местными органами МВД в соответствии с законодательством Российской Федерации в 10-дневынй срок, за пропуск которого наступает административная ответственность, предусмотренная ст. 19.25 КоАП РФ [17]. В случае возникновения различных затруднений при подаче заявления и сбора документов, должностные лица территориальных органов МВД РФ обязаны оказать лицу посильную помощь по сбору необходимых документов и оформлении заявления. Таким образом, административно-правовой статус граждан на территориях новых субъектов Российской Федерации формируется посредством совокупности административных процедур, связанных с признанием гражданства, документированием населения и интеграцией граждан в систему государственного управления.

Таким образом, административно-правовой статус граждан Российской Федерации на территориях максимального уровня реагирования формируется под воздействием особых правовых режимов, обусловленных необходимостью обеспечения государственной безопасности и защиты населения. Включение Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей в состав Российской Федерации обусловило необходимость оперативной адаптации правового регулирования, направленного на интеграцию населения указанных территорий в правовую систему государства. Существенную роль в этом процессе играет упрощённый порядок приобретения гражданства Российской Федерации, а также реализация административных процедур, связанных с выдачей паспортов и оформлением правового статуса жителей новых субъектов. Указанные меры позволяют обеспечить правовую определённость положения граждан и способствуют укреплению единого правового пространства Российской Федерации. По-нашему мнению, дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на совершенствование механизмов защиты прав и законных интересов граждан в условиях действия специальных правовых режимов, а также на повышение эффективности административно-правовых инструментов регулирования общественных отношений в новых субъектах Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Донецкой Народной Республики» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 6959.

[2] Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Луганской Народной Республики» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 6960.

[3] Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 г. № 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Запорожской области» // Собрание законодательства РФ.2022. № 41. Ст. 6961.

[4] Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 г. № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Херсонской области» // Собрание законодательства РФ.2022. № 41. Ст. 6962.

[5] Федеральный закон от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» // Собрание законодательства РФ.1996. № 23. Ст. 2750.

[6] Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 01.12.2025).

[7] Федеральный закон от 22.02.2022 № 15-ФЗ «О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой». // Администрация Президента Российской Федерации. URL: http://kremlin.ru›acts/bank/47571 (дата обращения 01.12.2025).

[8] Федеральный закон 22.02.2022 16-ФЗ «О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой». Администрация Президента Российской Федерации. URL: http://kremlin.ru›acts/bank/47570 (дата обращения 01.12.2025).

[9] Указ Президента РФ от 21.02.2022 № 71 «О признании Донецкой Народной Республики». // Администрация Президента Российской Федерации. URL: http://kremlin.ru›acts/bank/47557 (дата обращения 01.12.2025).

[10] Указ Президента РФ от 21.02.2022 № 72 «О признании Луганской Народной Республики».

// Администрация Президента Российской Федерации. URL: http://kremlin.ru›acts/bank/47561 (дата обращения 01.12.2025).

[11] Указ Президента РФ от 19 октября 2022 года № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 01.12.2025).

[12] Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 757 (действ. ред.) «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req= doc&base=LAW&n=455520&rnd=O0cidQ#LjevV4VUdRfHxbyC1 (дата обращения: 01.12.2025).

[13] Указ Президента РФ от 26.12.2022 № 951 «О некоторых вопросах приобретению гражданства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 01.12.2025).

[14] Постановление Правительства РФ от 23.12.2023 № 828 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца и описания бланка паспорта гражданина Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 01.12.2025 г.).

[15] Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 22.02.2022 № 35-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410145/ (дата обращения 01.12.2025).

[16] Приказ МВД России от 16.11.2020 № 733 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче, замене паспортов гражданина Российской Федерации» // // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 01.12.2025).

[17] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (действ. ред.) // Собрание законодательства РФ от 07 января 2002 г. - № 1 (ч.I). - Ст. 19.25.

[18] Андреев С.И. Правовой статус военнослужащих в условиях Специальной военной операции // Вестник магистратуры. 2022. № 11-2. С. 69-70.

References:

[1] Federal Constitutional Law of 04.10.2022 No. 5-FKZ “On the Admission of the Donetsk People’s Republic to the Russian Federation and the Formation of a New Subject within the Russian Federation - the Donetsk People’s Republic” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 41. Art. 6959.

[2] Federal Constitutional Law of 04.10.2022 No. 6-FKZ “On the Admission of the Luhansk People’s Republic to the Russian Federation and the Formation of a New Subject within the Russian Federation - the Luhansk People’s Republic” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 41. Art. 6960.

[3] Federal Constitutional Law of 04.10.2022 No. 7-FKZ “On the Admission of the Zaporizhia Oblast to the Russian Federation and the Formation of a New Subject within the Russian Federation — the Zaporizhia Oblast” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 41. Article 6961.

[4] Federal Constitutional Law of 04.10.2022 No. 8-FKZ “On the Admission of the Kherson Oblast to the Russian Federation and the Formation of a New Subject within the Russian Federation — the Kherson Oblast” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 41. Article 6962.

[5] Federal Law of 31.05.1996 No. 61-FZ “On Defense” // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 23. Art. 2750.

[6] Federal Law of April 28, 2023 No. 138-FZ “On Citizenship of the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru/ (accessed: December 1, 2025).

[7] Federal Law of February 22, 2022 No. 15-FZ “On Ratification of the Treaty of Friendship, Cooperation, and Mutual Assistance between the Russian Federation and the Donetsk People’s Republic.” // Administration of the President of the Russian Federation. URL: http://kremlin.ru›acts/bank/47571 (accessed: December 1, 2025).

[8] Federal Law of 22.02.2022 16-FZ “On Ratification of the Treaty of Friendship, Cooperation, and Mutual Assistance between the Russian Federation and the Luhansk People’s Republic”. Administration of the President of the Russian Federation. URL: http://kremlin.ru›acts/bank/47570 (date of access 01.12.2025).

[9] Decree of the President of the Russian Federation of 21.02.2022 No. 71 “On the recognition of the Donetsk People’s Republic”. // Administration of the President of the Russian Federation. URL: http://kremlin.ru›acts/bank/47557 (date of access 01.12.2025).

[10] Decree of the President of the Russian Federation of 21.02.2022 No. 72 “On the recognition of the Luhansk People’s Republic”. // Administration

of the President of the Russian Federation. URL: http://kremlin.ru›acts/bank/47561 (accessed on 01.12.2025).

[11] Decree of the President of the Russian Federation of October 19, 2022 No. 756 “On the introduction of martial law in the territories of the Donetsk People’s Republic, the Luhansk People’s Republic, and the Zaporizhzhia and Kherson regions” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru/ (accessed on December 1, 2025).

[12] Decree of the President of the Russian Federation of October 19, 2022 No. 757 (current version) “On measures implemented in the constituent entities of the Russian Federation in connection with the Decree of the President of the Russian Federation of October 19, 2022 No. 756”. // SPS ConsultantPlus. URL: https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req= doc&base=LAW&n=455520&rnd=O0cidQ#LjevV4VUdRfHxbyC1 (accessed: 01.12.2025).

[13] Decree of the President of the Russian Federation of 26.12.2022 No. 951 “On Certain Issues of Acquiring Citizenship of the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru/ (accessed: 01.12.2025).

[14] Resolution of the Government of the Russian Federation of 23.12.2023 No. 828 “On Approval of the Regulation on the Passport of a Citizen of the Russian Federation, a Sample and Description of the Form of a Passport of a Citizen of the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru/ (accessed: 01.12.2025).

[15] Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of 22.02.2022 No. 35-SF “On the Use of the Armed Forces of the Russian Federation Outside the Territory of the Russian Federation” // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410145/ (accessed: 01.12.2025).

[16] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 16.11.2020 No. 733 “On Approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Provision of the Public Service for the Issuance and Replacement of Passports of a Citizen of the Russian Federation” // // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru/ (date accessed: 01.12.2025).

[17] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (current version) // Collected Legislation of the Russian Federation of January 7, 2002 - No. 1 (Part I). - Art. 19.25.

[18] Andreev S.I. Legal Status of Military Personnel in the Context of a Special Military Operation // Bulletin of the Magistracy. 2022. No. 11-2. pp. 69-70.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-373-375

СМИРНОВА Ольга Михайловна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры биомедэтики,
медицинского права и истории медицины
Казанского государственного медицинского университета,
e-mail: smirnova_olga06@mail.ru

КАРДАНОВА Лейла Дадашевна,
кандидат медицинских наук, доцент,
заведующая кафедрой гигиены и экологии здоровья
Кабардино-Балкарского государственного университета
имени Х.М. Бербекова,
e-mail: leilakardanova@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В РЕГУЛИРОВАНИИ СОЗДАНИЯ ПРОГРАММ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЗДРАВООХРАНЕНИИ

Аннотация. *Институты государственной власти играют определяющую роль в выработке единых, унифицированных норм во всех сферах общественной жизни. Смысловое пространство жизни общества в современных условиях предполагает свободное, многовариантное осмысление личностью собственной системы ценностей, что находит отражение в реализации потребностей независимых бизнес-сообществ (корпораций). Именно государству на законодательном уровне принадлежит ключевая роль в определении смысловых ценностных границ свободы, что приобрело особую актуальность при разработке суверенных моделей искусственного интеллекта. Именно правовая политика государства вырабатывает унифицированные подходы реализации стратегических задач развития всех технологических процессов не только в экономике, но и в духовной жизни общества. Важнейшим инструментом является система образования, которая адаптирует на разных уровнях (в том числе высшем) все нормы-принципы, заложенные системой законодательства государства. Для особо уязвимых сфер, таких как охрана здоровья граждан, медицинская помощь, это является фундаментом, без которого ценность этой сферы жизни нивелируется. Правовая политика государства вырабатывается не только органами государственной власти (парламентом, министерствами, ведомствами), но и высшими должностными лицами. Поэтому особую значимость в сфере определения ценностных приоритетов в развитии искусственного интеллекта для создания суверенной модели ИИ в Российской Федерации приобретают правовые документы Президента Российской Федерации.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, правовая политика, органы государственной власти, этические ценности, правовые ценности, высокотехнологичная медицина, новый технологический уклад.*

SMIRNOVA Olga Mikhailovna,
candidate of Legal Sciences (PhD in Law),
associate professor of the department of biomedical ethics,
medical law and history of medicine,
Kazan State Medical University

KARDANOVA Leila Dadashevna,
candidate of medical sciences (PhD), associate professor,
head of the department of hygiene and health ecology,
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

DEVELOPMENT OF STATE LEGAL POLICY IN REGULATING THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE PROGRAMS IN HEALTHCARE

Annotation. *State government institutions play a decisive role in developing uniform, standardized norms across all spheres of public life. In contemporary conditions, the semantic space of society's existence presupposes a free, multivariant interpretation by individuals of their own value systems, which is reflected in the realization of the needs of independent business communities (corporations). It is the state, at the legislative level, that holds the key role in defining the meaningful value boundaries of freedom — a matter that has become particularly relevant in the development of sovereign artificial intelligence models. Indeed, it is the state's legal policy that formulates unified approaches to implementing strategic objectives for the development of all technological processes, not only in the economy but also in the spiritual life of society. The most important tool is the education system, which adapts at various levels (including higher education) all the normative principles embedded in the state's legislative framework. For particularly vulnerable areas such as public health protection and medical care, this serves as a foundation without which the value of these spheres of life is diminished. The state's legal policy is shaped not only by public authorities (parliament, ministries, agencies) but also by senior officials. Therefore, in determining value priorities for the development of artificial intelligence aimed at creating a sovereign AI model in the Russian Federation, the legal instruments issued by the President of the Russian Federation acquire particular significance.*

Key words: *artificial intelligence, legal policy, public authorities, ethical values, legal values, high-tech medicine, new technological order.*

Смена технологического уклада современной социально-экономической жизни формирует новые точки роста. Высокотехнологичная медицина сегодня является не только инструментом, с помощью которого система здравоохранения каждого государства может выйти на принципиально новый уровень оказания медицинской помощи, но и создаёт новые условия для осмысления морально-этических ценностей, лежащих в основе современного осмысления (философии) охраны здоровья граждан.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в ст. 34, ч. 3 уже в 2011 г. определил, что роботизированная техника, информационные технологии, клеточные технологии, методы генной инженерии, разработанные на основе достижений медицинской науки и техники, образуют высокотехнологичную медицинскую помощь [1].

Данное определение уже 15 лет назад включало в себя вектор современного приоритетного развития всего пространства охраны здоровья граждан в РФ – информационные технологии: на сегодняшний день это, во-первых, программы искусственного интеллекта.

В октябре 2021 г. в РФ был принят «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта». Он и по сей день является рамочным документом, способствующим выработке правовых норм для любой сферы жизни общества в период отсутствия чёткого законодательного регулирования применения искусственного интеллекта.

Стратегическим документом длительного горизонта планирования стала Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утверждена Указом Президента РФ от 10 октября 2019 года №490) [2].

В феврале 2024 г. был подписан Указ Президента РФ №124 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [3]. Он обозначил важную основу адаптации технологий ИИ в современной жизни – его использование в образовании с учётом специфики образовательной программы в соответствии с отраслевой принадлежностью и направлениями подготовки по дисциплинам, включённым в образовательную траекторию высшего образования.

Особенности обучения в высших учебных заведениях медицинского профиля заключаются в синтезе знаний и навыков, которыми должны обладать студенты на высочайшем уровне: прекрасное владение современными собственно медицинскими знаниями в области оказания и организации медицинской помощи, профилактики здоровья и воспитании личности будущего врача в смысловой парадигме высших нравственных ценностей – долга, служения, высочайшей ответственности, честности, уважения.

На пути решения этой трудной задачи в современном образовательном процессе должны выполнять и обучающие программы искусственного интеллекта. Как правило формирование гуманитарных ценностей в воспитательном процессе и обучении студентов-медиков происходит на материале следующих учебных дисциплин: правоведение, медицинское право, биоэтика, история медицины, основы организации здравоохранения.

2022 год обозначил необходимость создания суверенных смысловых моделей обучающих программ ИИ. Это нашло отражение в Национальном стандарте Российской Федерации «Технологии искусственного интеллекта в образовании» (ГОСТ Р 59895-2021), где уже в 2021 г. сформулирована необходимость ценностных установок при обучении ИИ в образовании [4], ведь и автоматическая генерация заданий с заданной психометрической сложностью, и автономное обучение без вмешательства педагогического работника посредством искусственного интеллекта-репетитора требуют не только формирования объёма знаний обучающегося, но и его этического воспитания.

10 апреля 2026 г. на Совещании по вопросам развития технологий искусственного интеллекта Президент Российской Федерации В.В. Путин сформулировал направления первоочередного внедрения технологий ИИ, определив приоритетные сферы жизни нашего общества – образование, здравоохранение, медицина. Он отметил, что данная технология подошла к этапу глубокого междисциплинарного анализа, который качественно отличается от набора энциклопедических знаний ИИ [5].

В этих условиях, являясь сквозной технологией, ИИ должен быть безопасным и исключать угрозы суверенного развития государства. (Нужно отметить, что и в Национальном стандарте Российской Федерации «Технологии искусственного интеллекта в образовании» (ГОСТ Р 59895-2021) уже в 2021 г. отмечалась необходимость стандартизации этической парадигмы обучения.) Поэтому на данном этапе «полный цикл разработки и обучения ИИ должен осуществляться российскими компаниями» [5].

Правовая политика нашего государства в сфере развития ИИ включает и также международное сотрудничество. Формирование «единого пространства» дружественных государств должно происходить на основе выработки единой системы нравственно-этических норм при лидирующей роли Российской Федерации [3].

В апреле 2025 г. Постановлением Правительства РФ №532 в Положение о Министерстве здравоохранения пунктом 5.5.47 внесены изменения следующего характера: теперь, осуществляя свои полномочия, Министерство здравоохранения обязано проводить мероприятия по обеспечению соответствия деятельности министерства целям и задачам государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [6], которые сегодня являются одной из основ правовой политики российского государства.

Таким образом, все стратегические документы органов государственной власти Российской Федерации в сфере развития технологий искусственного интеллекта формируют правовое поле, основанное на суверенной модели этико-юридических ценностей.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» №323-ФЗ от 21.11.2011 г.

[2] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утверждена Указом Президента РФ от 10 октября 2019 года №490)

[3] Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2024 г. № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом».

[4] ГОСТ Р 59895-2021 Национальный стандарт Российской Федерации «Технологии искусственного интеллекта в образовании».

[5] Совещание по вопросам развития технологий искусственного интеллекта

[6] Постановление Правительства Российской Федерации от 24.04.2025 №532 «О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 19 июня 2012 г. №608»

References:

[1] Federal Law No. 323-FZ of 21.11.2011 “On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation”

[2] National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030 (approved by Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490)

[3] Decree of the President of the Russian Federation of 15.02.2024 No. 124 “On Amending the Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation” and the National Strategy approved by this Decree.”

[4] GOST R 59895-2021 National Standard of the Russian Federation “Artificial Intelligence Technologies in Education.”

[5] AI Technology Development Meeting

[6] Decree of the Government of the Russian Federation of 24.04.2025 No. 532 “On Amending the Decree of the Government of the Russian Federation of June 19, 2012 No. 608”.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-376-381

ЮСИФ-ЗАДА Аслан-Ага Ильгар оглы,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
Академии труда и социальных отношений,
Управляющий партнер юридической компании «R&A Group Ltd.»,
e-mail: jurist_yusifzada@mail.ru

ОРГАНЫ И ТКАНИ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Аннотация. *В статье исследуется вопрос о месте органов и тканей человека в системе объектов гражданского права. Актуальность темы обусловлена тем, что развитие трансплантологии, клеточных технологий, биобанкинга, генетических исследований и обращения биомедицинских продуктов приводит к фактическому включению отделенных биоматериалов в имущественно-организационные связи, тогда как действующее гражданское законодательство прямо не определяет их правовую природу. Цель статьи состоит в выявлении критериев, позволяющих разграничить тело человека, неотделенные органы и ткани, отделенные биоматериалы, донорскую кровь, клеточные продукты и производные медицинского назначения. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и телеологический методы. Обосновывается, что неотделенные органы и ткани не могут рассматриваться как объекты гражданских прав, поскольку они находятся в структуре личности и охраняются через режим жизни, здоровья, достоинства, физической неприкосновенности и автономии воли. После отделения от организма они приобретают признаки материального объекта, однако не становятся обычной вещью: их оборот допустим только в пределах публично значимой медицинской, научной или образовательной цели, при соблюдении запрета коммерциализации человеческого тела, режима информированного добровольного согласия и специальных требований к безопасности. Сделан вывод о необходимости закрепления в гражданском законодательстве категории ограниченно оборотоспособных биоматериалов человека как объектов sui generis, обладающих материальной, информационной и личностной составляющими. Такая модель позволяет согласовать частноправовую определенность, интересы медицины и науки, защиту достоинства личности и недопустимость превращения человеческого тела в предмет рыночного обмена.*

Ключевые слова: *трансплантация, трансплантология, органы и ткани человека, законодательство, донор, реципиент, правовая регламентация, объекты гражданского оборота.*

YUSIF-ZADA Aslan-Agha Ilgar ogly,
Postgraduate student of the Department of Civil Law
and Procedure Academy of Labor and Social Relations,
Managing Partner of the law firm "R&A Group Ltd."

HUMAN ORGANS AND TISSUES IN THE SYSTEM OF OBJECTS OF CIVIL LAW

Annotation. *The article examines the place of human organs and tissues in the system of objects of civil law. The relevance of the research is determined by the development of transplantation, cellular technologies, biobanking, genetic studies and biomedical products, which results in the factual involvement of separated biomaterials in property-related and organizational relations, while civil legislation does not expressly define their legal nature. The purpose of the article is to identify criteria for distinguishing the human body, non-separated organs and tissues, separated biomaterials, donated blood, cellular products and derivative medical materials. The research methodology includes formal legal, systemic, comparative legal and teleological methods. The article argues that non-separated organs and tissues cannot be treated as objects of civil rights, since they remain within the structure of personality and are protected through the legal regime of life, health, dignity, bodily integrity and autonomy of will. After separation from the body, they acquire the features of a*

material object, but do not become ordinary things: their circulation is permissible only within a socially significant medical, scientific or educational purpose, subject to the prohibition of commercialization of the human body, the regime of informed consent and special safety requirements. The author concludes that civil legislation should recognize a category of limited-transferability human biomaterials as sui generis objects combining material, informational and personal elements.

Key words: *transplantation, transplantology, human organs and tissues, legislation, donor, recipient, legal regulation, objects of civil turnover.*

Проблема определения правовой природы органов и тканей человека относится к числу наиболее сложных вопросов современной цивилистики. Она находится на пересечении общей теории объектов гражданских прав, медицинского права, биоэтики, конституционно-правовой охраны достоинства личности и специальных публично-правовых режимов в сфере здравоохранения. Для классического гражданского права тело человека традиционно не является объектом имущественного господства: человек выступает субъектом права, а не вещью, имуществом или товаром. Однако развитие трансплантологии, биобанков, клеточных технологий, генетических исследований, производства биомедицинских клеточных продуктов и обращения донорской крови объективно привело к тому, что отделенные от организма органы, ткани, клетки и иные биоматериалы участвуют в системе организованных юридически значимых связей: изымаются, хранятся, транспортируются, исследуются, передаются медицинским и научным организациям, уничтожаются либо используются в лечебных целях.

Именно это противоречие формирует научную проблему: с одной стороны, органы и ткани человека обладают материальностью, индивидуальной определенностью, полезностью и способностью к обособлению; с другой стороны, их связь с личностью, достоинством, здоровьем, генетической информацией и запретом извлечения финансовой выгоды из человеческого тела не позволяет механически включить их в категорию вещей. В доктрине представлены разные подходы: от полного отрицания объектного статуса органов и тканей до признания их вещами после отделения от тела, а также до выделения особого объекта гражданских прав, не совпадающего с традиционным имуществом [2, с. 13–20; 4, с. 216; 6, с. 27–32].

Актуальность исследования усиливается тем, что статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляет общий перечень объектов гражданских прав, однако органы и ткани человека в нем прямо не названы. При этом специальные законы регулируют отдельные сферы обращения биоматериалов: трансплантацию, донорство крови и ее компонентов, обращение биомедицинских клеточных продуктов, медицинское вмешательство и информированное добровольное согласие. Нормативное регулирование оказывается фрагментарным: оно отвечает на вопросы медицинской допустимости и публичной безопасности, но не формирует целостного гражданско-правового режима принадлежности, распоряжения, ответственности, допустимых сделок и пределов оборота.

Цель настоящей статьи состоит в определении места органов и тканей человека в системе объектов гражданского права и выработке критериев их гражданско-правовой квалификации. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: раскрыть различие между телом человека, неотделенными и отделенными биоматериалами; определить пределы применения вещно-правовой квалификации; выявить значение информированного добровольного согласия; оценить соотношение гражданско-правового и публично-правового регулирования; сформулировать авторскую модель правового режима органов и тканей человека как объектов sui generis.

Степень научной разработанности темы нельзя признать достаточной, несмотря на наличие значимых исследований. Общая теория объектов гражданских прав последовательно разрабатывалась в цивилистике, в том числе через критерии обособленности, полезности и включенности объекта в правовую связь [1, с. 542]. Специальные вопросы статуса тела, органов и тканей человека рассматривались М. Н. Малеиной, Д. С. Донцовым, В. А. Трубиной, В. И. Фатхи и другими авторами [2, с. 13–20; 3, с. 243; 4, с. 216; 5, с. 38–42; 6, с. 27–32]. Вместе с тем сохраняется потребность в системном выводе, который позволил бы связать общегражданскую категорию объекта права с современными биомедицинскими технологиями и специальными законодательными запретами.

Методологическую основу исследования составили несколько взаимодополняющих методов. Формально-юридический метод использован для анализа конструкций объекта гражданских прав, оборотоспособности, нематериальных благ, информированного добровольного согласия, а также специальных запретов, установленных законодательством о трансплантации и охране здоровья. Системный метод позволил

рассмотреть органы и ткани человека не изолированно, а как элементы комплексного правового режима, в котором частноправовые и публично-правовые нормы выполняют разные функции. Сравнительно-правовой метод применен для учета зарубежной дискуссии о допустимости имущественно-правовых моделей в отношении человеческих тканей и частей тела. Телеологический метод использован для выявления целей регулирования: защиты личности, предотвращения коммерциализации человеческого тела, обеспечения доступности медицинской помощи и правовой определенности участников биомедицинского оборота.

В качестве нормативного материала учитываются положения гражданского законодательства об объектах гражданских прав и нематериальных благах, нормы законодательства об основах охраны здоровья граждан, трансплантации органов и тканей человека, донорстве крови и ее компонентов, а также об обращении биомедицинских клеточных продуктов.

Первый принципиальный вывод состоит в необходимости разграничивать три правовых состояния: тело человека как неотделимое выражение личности; органы и ткани, находящиеся в теле; органы, ткани, клетки и иные биоматериалы, отделенные от организма. Пока орган или ткань являются частью живого человеческого тела, они не обладают самостоятельной гражданско-правовой объектностью. Их нельзя рассматривать как имущество гражданина, как предмет сделки или как вещь, находящуюся в собственности. На этом этапе правовое значение имеет: жизнь, здоровье, достоинство, физическая неприкосновенность, врачебная тайна, согласие на медицинское вмешательство и право на отказ от него. Поэтому правомочие лица в отношении собственного тела не тождественно праву собственности: оно не включает свободного отчуждения, рыночной оценки и абсолютного имущественного господства.

Такой подход согласуется с позицией, согласно которой тело живого человека следует воспринимать как нематериальное благо, а не как вещь [5, с. 38–42]. Нематериальный характер в данном случае не означает отсутствия биологической материальности; он указывает на невозможность отделить тело от личности в юридическом смысле. Гражданское право защищает не тело как имущество, а личность от неправомерного вмешательства в телесную сферу. Поэтому любые действия по изъятию органа или ткани до момента отделения должны оцениваться прежде всего через режим медицинского вмешательства, информированного добровольного согласия, охраны здоровья и запрета принуждения.

Второй вывод состоит в том, что отделение органа, ткани, крови, клеток или иного биологического материала меняет юридическую ситуацию, но не устраняет полностью личностную связь объекта с человеком. Отделенный биоматериал приобретает физическую обособленность: его можно хранить, транспортировать, исследовать, использовать для лечения или уничтожить. С этого момента он способен быть предметом фактического обладания и организационных действий. Именно поэтому полное отрицание его объектного статуса не отражает реальность современного медицинского и научного оборота. В. А. Трубина справедливо связывает специфику таких материалов с их двойственной природой: они являются объектами материального мира и одновременно носителями генетической, медицинской и иной информации об оригинаторе [4, с. 216].

Вместе с тем отделенный биоматериал не становится обычной вещью. Применение к нему общего вещного режима наталкивается на несколько ограничителей. Во-первых, орган или ткань сохраняют происхождение от человеческого тела, что исключает их свободную коммерциализацию. Во-вторых, они могут содержать чувствительную информацию о здоровье, генетических особенностях и идентичности лица. В-третьих, их использование обычно связано с публично значимой целью: лечением реципиента, производством медицинского продукта, исследованием или обучением. В-четвертых, биоматериал может быть уникальным, невосполнимым или связанным с риском для донора. Следовательно, его правовой режим должен быть ограничительно-целевым, а не рыночным.

Третий вывод заключается в том, что категория оборотоспособности применима к органам и тканям человека только в модифицированном виде. В гражданском праве оборотоспособность обычно означает возможность объекта свободно отчуждаться либо переходить от одного лица к другому с учетом законных ограничений. Для человеческих органов и тканей исходным правилом является не свобода оборота, а запрет коммерческого оборота и допустимость строго целевого использования. Закон о трансплантации прямо исключает продажу органов и тканей; законодательство об охране здоровья требует добровольного согласия и запрещает принуждение; законодательство о биомедицинских клеточных продуктах строится на принципе добровольности и безвозмездности донорства биологического материала. Поэтому применительно к органам и тканям корректнее говорить не о свободной оборотоспособности, а о специальной допустимости перемещения и использования.

Четвертый вывод касается правовой природы информированного добровольного согласия. В биомедицинской сфере оно выполняет двойную функцию. С одной стороны, согласие является механизмом защиты физической неприкосновенности, поскольку изъятие биоматериала без согласия живого донора недопустимо. С другой стороны, согласие часто используется как основание дальнейшего хранения, исследования, передачи или уничтожения отделенного материала. Однако согласие нельзя полностью отождествлять с гражданско-правовой сделкой по отчуждению имущества. Оно направлено прежде всего на разрешение вмешательства и определение пределов использования биоматериала, а не на передачу права собственности в классическом смысле. Поэтому отказ от согласия, ограничение целей использования или отзыв согласия должны оцениваться не только через договорные категории, но и через приоритет охраны личности.

Пятый вывод состоит в необходимости различать органы и ткани, предназначенные для трансплантации, донорскую кровь и ее компоненты, репродуктивные клетки, биологический материал для клеточных продуктов, исследовательские образцы, патологический материал, удаленный в ходе медицинского вмешательства, и производные продукты. Эти объекты имеют разную степень связи с личностью, различный уровень восполнимости, неодинаковую публичную значимость и разные риски коммерциализации. Например, донорская кровь и ее компоненты вовлечены в системно организованное обращение: заготовку, хранение, транспортировку, клиническое использование и обеспечение безопасности. Однако донорство крови основано на добровольности и охране здоровья донора, а сама кровь не превращается в свободный товар. Аналогично биологический материал, используемый для производства биомедицинского клеточного продукта, не должен смешиваться с правовым режимом готового продукта, прошедшего специальную разработку, экспертизу, регистрацию и контроль качества.

Шестой вывод связан с вопросом принадлежности отделенного биоматериала. Вещно-правовая модель собственности на органы и ткани выглядит чрезмерно грубой, поскольку она предполагает исключительное имущественное господство и возможность распоряжения, несовместимые с запретом купли-продажи и достоинством личности. Однако полное отсутствие какой-либо модели принадлежности также порождает неопределенность: кто вправе хранить образец, кто отвечает за его утрату, можно ли использовать его для новой цели, каковы последствия нарушения режима согласия, кому принадлежит производный результат. Оптимальной представляется конструкция ограниченного целевого правомочия: медицинская, научная или иная уполномоченная организация получает не право собственности на человеческий биоматериал в полном объеме, а законное владение и право использования в пределах согласованной и разрешенной законодательством цели.

Седьмой вывод касается ответственности. Если орган или ткань не являются обычным имуществом, это не означает невозможности гражданско-правовой защиты. Нарушение правил изъятия, хранения, использования или уничтожения биоматериала может повлечь компенсацию морального вреда, возмещение имущественных убытков, ответственность за ненадлежащее оказание медицинской услуги, защиту персональных данных и врачебной тайны. В некоторых случаях имущественные последствия возникают не потому, что биоматериал является товаром, а потому, что неправомерное обращение с ним нарушает личные неимущественные права, причиняет вред здоровью или разрушает законный интерес лица в контроле над использованием материала, происходящего из его тела.

Следовательно, органы и ткани человека занимают промежуточное положение между нематериальными благами и вещами. До отделения они являются частью личностной сферы и не могут быть объектами гражданского оборота. После отделения они становятся материальными объектами, но сохраняют личностно-информационную связь с донором или оригинатором. Поэтому их нельзя квалифицировать как обычные вещи, но можно рассматривать как особые ограниченно оборотоспособные объекты гражданских прав, допускаемые к юридически значимому использованию только в специальных целях и при усиленных гарантиях защиты личности.

Предложенная модель отличается как от жесткой вещно-правовой концепции, так и от полного отрицания объектного статуса органов и тканей. Жесткая вещно-правовая концепция обладает привлекательностью с точки зрения юридической техники: если объект отделен, материален и полезен, его можно включить в систему вещей. Однако такая простота достигается ценой игнорирования биоэтических и конституционных ограничений. Вещный режим переносит на человеческий материал логику рынка, отчуждения и абсолютного господства. В сфере трансплантации такой перенос особенно опасен, поскольку он способен легитимировать экономическое давление на уязвимых лиц, подменить донорство продажей и создать предпосылки для криминализации оборота.

Противоположная позиция, согласно которой органы и ткани вообще не могут быть объек-

тами гражданских прав, также недостаточна. Она правильно защищает достоинство личности, но не объясняет многочисленные отношения, возникающие после отделения биоматериала: хранение образцов в биобанке, перевозку донорской крови, использование тканей для исследования, уничтожение патологического материала, передачу клеточной линии в рамках производства медицинского продукта. Если гражданское право полностью исключает такие материалы из числа объектов, оно лишается инструментов для описания обязательств, рисков, ответственности и допустимых пределов использования.

Поэтому более убедительным является дифференцированный подход. Он исходит из того, что объект гражданских прав не обязательно должен быть товаром. Система объектов гражданского права шире рынка: она охватывает не только вещи и имущественные права, но и результаты работ, услуги, интеллектуальные результаты и нематериальные блага. В этом смысле органы и ткани человека после отделения могут быть признаны объектами гражданско-правового регулирования, но не объектами свободного гражданского оборота. Их объектность означает не возможность купли-продажи, а способность быть предметом правового режима: согласия, владения, хранения, использования, охраны, учета, ответственности и прекращения существования.

Возможное законодательное решение может состоять в дополнении гражданского законодательства общим указанием на биологические материалы человека как особые объекты гражданских прав, оборот которых допускается только в случаях и пределах, установленных законом. Такое решение не должно «разрушать» статью 128 ГК РФ и превращать органы в имущество. Напротив, оно позволило бы связать гражданско-правовую категорию объекта с конституционными и медицинскими гарантиями. В специальной норме целесообразно закрепить три признака: происхождение от человеческого организма; физическую отделенность либо возможность отделения в установленном законодательством порядке; допустимость использования исключительно в медицинских, научных, образовательных или иных прямо предусмотренных законом целях.

При этом законодательная модель должна учитывать различия между биоматериалами. Нерегенерируемые жизненно важные органы требуют максимально жесткого режима и не могут рассматриваться через призму имущественного интереса донора. Регенерируемые ткани, кровь и клетки допускают более развитые организационные формы обращения, но сохраняют запрет на превращение донорства в продажу. Производные продукты, созданные с использованием человеческого биологического материала, могут иметь самостоятельный гражданско-правовой режим, поскольку в них появляется результат технологической переработки, экспертизы, регистрации и контроля качества. Однако даже такой режим не должен аннулировать требования к исходному согласию и защите информации об оригинаторе.

Особого внимания заслуживает информационный аспект. Современный биоматериал ценен не только как физическая субстанция, но и как носитель сведений о человеке. Генетическая и медицинская информация может сохраняться в отделенном образце независимо от того, осознают ли участники отношения ее значение. Поэтому правовой режим биоматериала должен соединять правила о материальном объекте с требованиями конфиденциальности, персональных данных, врачебной тайны и ограничения целей исследования. Иначе возможно парадоксальное последствие: сам материал будет передан законно, но содержащаяся в нем информация будет использована за пределами согласия и вопреки интересам лица.

Таким образом, гражданско-правовая квалификация органов и тканей человека должна строиться не по бинарной схеме «вещь — не вещь», а через многоуровневую конструкцию. На первом уровне защищается человек как субъект права и носитель достоинства. На втором уровне регулируется медицинское вмешательство и согласие на отделение материала. На третьем уровне возникает специальный режим отделенного биоматериала. На четвертом уровне возможен режим производного продукта или результата исследования. Только такое разграничение позволяет одновременно сохранить запрет коммерциализации человеческого тела и обеспечить правовую определенность отношений, которые уже существуют в медицинской и научной практике.

Проведенное исследование позволяет сформулировать несколько итоговых положений. Во-первых, органы и ткани человека до их отделения от организма не являются объектами гражданских прав. Они являются частью тела личности и охраняются через режим жизни, здоровья, достоинства, физической неприкосновенности, медицинской тайны и автономии воли.

Во-вторых, после отделения органы, ткани, клетки и иные биоматериалы приобретают признаки материального объекта, однако сохраняют связь с личностью, информацией о человеке и публично значимыми целями здравоохранения. Вследствие этого они не должны квалифицироваться как обычные вещи и не могут быть включены в свободный имущественный оборот.

В-третьих, наиболее обоснованной является квалификация отделенных органов и тканей человека как особых ограниченно оборотоспособных объектов гражданских прав. Такая объектность не означает допустимости купли-продажи. Она означает наличие специального режима законного владения, хранения, транспортировки, использования, учета, уничтожения и ответственности, действующего только в пределах медицинской, научной, образовательной или иной прямо разрешенной законом цели.

В-четвертых, информированное добровольное согласие следует рассматривать не как универсальную сделку отчуждения биоматериала, а как механизм защиты личности и определения пределов допустимого использования материала. Оно должно конкретизировать цель изъятия, возможные последующие способы использования, срок хранения, порядок обезличивания, условия уничтожения и пределы передачи третьим лицам.

В-пятых, развитие гражданского законодательства в данной сфере должно идти по пути закрепления общей категории биоматериалов человека как объектов sui generis, а также дифференциации режимов органов, тканей, крови, клеток, репродуктивного материала, исследовательских образцов и производных медицинских продуктов. Такая модель позволит избежать двух крайностей: коммерциализации человеческого тела и правового вакуума, в котором фактически существующие отношения не получают адекватного гражданско-правового описания.

Таким образом, органы и ткани человека в системе объектов гражданского права должны рассматриваться не как имущество в традиционном смысле, а как особая правовая категория, соединяющая материальный, личностный и информационный элементы. Именно это сочетание определяет пределы их оборота, специфику субъективных прав участников отношений и необходимость специальной гражданско-правовой защиты.

Список литературы:

[1] Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 542 с.

[2] Малеина М. Н. Статус органов, тканей, тела человека как объектов права собственности и права на физическую неприкосновенность // Законодательство. 2003. № 11. С. 13–20.

[3] Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. 2-е изд., испр. и доп. М.: МЗ-Пресс, 2001. 243 с.

[4] Трубина В. А. Ткани и органы человека как объекты гражданских прав. М.: Инфотропик Медиа, 2020. 216 с.

[5] Донцов Д. С. Тело живого человека как нематериальное благо и гражданско-правовая защита его физической неприкосновенности // Медицинское право. 2011. № 2. С. 38–42.

[6] Фатхи В. И. О правовом статусе органов и тканей человека в гражданском обороте // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 4 (95). С. 27–32.

References:

[1] Lapach V. A. The System of Objects of Civil Rights: Theory and Judicial Practice. St. Petersburg: Juridical Center Press, 2002. 542 p.

[2] Maleina M. N. The Status of Organs, Tissues, and the Human Body as Objects of Property Rights and the Right to Physical Integrity // Legislation. 2003. No. 11. pp. 13–20.

[3] Maleina M. N. Personal Non-Property Rights of Citizens: Concept, Implementation, Protection. 2nd ed., corrected and supplemented. Moscow: MZ-Press, 2001. 243 p.

[4] Trubina V. A. Human Tissues and Organs as Objects of Civil Rights. Moscow: Infotropic Media, 2020. 216 p.

[5] Dontsov D.S. The body of a living person as an intangible asset and civil law protection of its physical integrity // Medical Law. 2011. No. 2. pp. 38–42.

[6] Fathi V.I. On the legal status of human organs and tissues in civil circulation // Jurist-Pravoved. 2020. No. 4 (95). pp. 27–32.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-382-389

ШЕМЕТОВА Арина Дмитриевна,
студент, ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет),
ORCID ID:0009-0009-1144-6087,
e-mail: shemetova_a_d@sechenov.ru

Научный руководитель:
БОБРОВСКАЯ Ольга Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры медицинского права,
ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет),
e-mail: mail@law-books.ru

ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТСКОГО ЗДОРОВЬЯ: РИСКИ ЗАРАЖЕНИЯ ГЛИСТНОЙ ИНФЕКЦИЕЙ И ПРОБЕЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СОДЕРЖАНИИ ПРИДОМОВОЙ ТЕРРИТОРИИ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема эпидемиологической безопасности детских песочниц на придомовых территориях как фактора передачи геогельминтозов (энтеробиоза, аскаридоза, токсокароза). На основе анализа статистических данных, нормативно-правовых актов и судебной практики выявлен системный правовой пробел: действующее законодательство не закрепляет минимальную периодичность обязательной обработки песка дезинфицирующими средствами в течение всего эксплуатационного сезона. Это позволяет управляющим компаниям формально подходить к профилактике, тогда как яйца гельминтов сохраняют жизнеспособность в песке до 14 дней. В статье демонстрируется, что административная ответственность по ст. 6.3 КоАП РФ наступает лишь за создание условий для заражения, тогда как гражданско-правовая ответственность за вред здоровью ребёнка (ст. 1064, 1095 ГК РФ) практически нереализуема из-за сложности доказывания прямой причинно-следственной связи. В качестве решения предлагается внести изменения в подзаконные акты, закрепив обязательную обработку песка не реже 1 раза в 14 дней, лабораторный контроль не реже 1 раза в месяц, ограждение и запирание песочниц на ночное время. Междисциплинарный подход (медицина, право, санитарно-эпидемиологический надзор) позволит перейти от постфактумных исков к реальной действующей защите детей.*

Ключевые слова: *детские песочницы, песок, геогельминтозы, заражение, санитарное благополучие детей, правовой пробел.*

SHEMETOVA Arina Dmitrievna,
Student, Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University)

Scientific supervisor:
BOBROVSKAYA Olga Nikolaevna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Medical Law
Sechenov First Moscow State Medical University
(Sechenov University)

EPIDEMIOLOGICAL ASPECTS OF CHILD HEALTH SAFETY: THE RISKS OF INFECTION WITH GEOHELMINTHIASIS AND LEGISLATIVE GAPS IN THE MAINTENANCE OF THE HOUSE TERRITORY

Annotation. *The article deals with the problem of epidemiological safety of children's sandboxes in neighbouring territories as a factor in the infection with geohelminthiasis (enterobiosis, ascariasis, toxocariasis). Based on the analysis of statistical data, regulatory legal acts and judicial practice, a systemic legal gap has been identified: the current legislation does not fix the minimum frequency of mandatory sand treatment with disinfectants during the entire operating season. This allows management companies to take a formal approach to prevention, while helminth eggs remain viable in the sand for up to 14 days. The article demonstrates that administrative liability under Article 6.3 of the Administrative Code of the Russian Federation occurs only for creating conditions for infection, whereas civil liability for harm to the health of a child (Articles 1064, 1095 of the Civil Code of the Russian Federation) is practically impossible due to the difficulty of proving a direct causal relationship. As a solution, it is proposed to amend the by-laws, fixing the mandatory sand treatment at least once every 14 days, laboratory monitoring at least once a month, fencing and locking sandboxes at night. An interdisciplinary approach (medicine, law, sanitary and epidemiological surveillance) will make it possible to move from post-factum lawsuits to real effective protection of children.*

Key words: *children's sandboxes, sand, geohelminthiasis, contamination, children's sanitary health, legal gap.*

Введение

На настоящий момент, в мире находится больше 4,5 млрд. человек, пораженными гельминтозами различной этиологии [10], из них 1,5-2 млрд. человек зараженных гельминтозами, передающихся через почву (ППГ), большинство из которых это дети школьного и дошкольного возрастов [11]. Это, примерно, ¼ от всего населения Земли. Каждый четвертый на планете является носителем или больным ППГ. В силу недостаточности навыков личной гигиены дети дошкольного и школьного возрастов являются основной группой риска для геогельминтозов [12].

К гельминтозам, передающимся через почву, получившим широкое распространение на территории Российской Федерации, относят:

– Энтеробиоз - удельный вес составляет около 61% от всех регистрируемых гельминтозов (96% – дети в возрасте до 17 лет) [13].
– Аскаридоз - показатель заболеваемости в 2024 году составил 6,44 на 100 тысяч населения (67,3%. – детское население) [14].
– Токсокароз - показатель заболеваемости составил 0,96 на 100 тысяч населения. (в структуре заболевших удельный вес детей до 17 лет — 31,5%) [15].

Эти тяжелые и распространенные заболевания объединяет схожий способ заражения. Механизм передачи инфекции – фекально-оральный, пути – алиментарный, водный и контактно-бытовой [16]. К факторам передачи относят: немытые овощи и фрукты, грязные руки, предметы домашнего обихода, загрязненные частичками почвы [17].

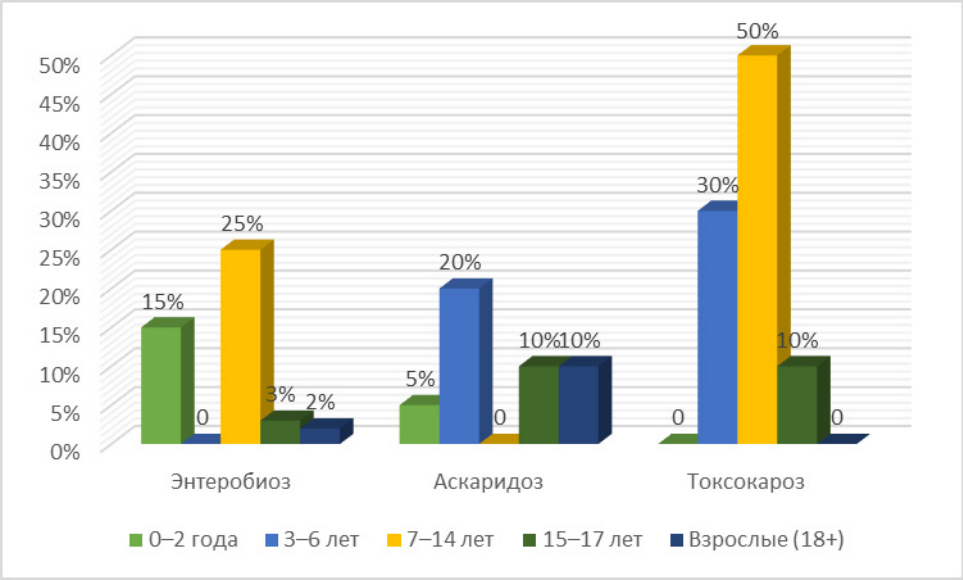

График 1. Возрастное распределение заболеваемости геогельмитозами среди детского населения России за 2020-2024 гг.

Детские песочницы – это зона повышенного риска заражения геогельминтозами на урбанизированных территориях [18]. Песок в песочницах может быть загрязнён яйцами паразитов и цистами простейших. Бездомные кошки, собаки, синантропные грызуны являются постоянными источниками инфекции. Они беспрепятственно могут проникать в зону песочниц открытого типа и контаминировать песок экскрементами [19]. Одним из основных способов защиты населения от заражения почвенными паразитозами является грамотная и качественная санация как песка в игровой зоне, так и всей придомовой территории с применением специальных дезинфицирующих средств [9].

Однако кто в соответствии с действующим законодательством РФ отвечает за санитарное благополучие детской песочницы на придомовой территории? Кто несёт юридическую ответственность за заражение ребёнка геогельминтозом, полученным в песочнице, и в каком размере? Каким образом междисциплинарный подход (медицинское, правовое и санитарно-эпидемиологическое звенья) может обеспечить реальную, а не формальную безопасность детей при игре в песочницах?

Материалы и методы

В работе использовались следующие научные методы. Наблюдение позволило установить отсутствие в открытых судебных базах гражданских дел о возмещении вреда здоровью ребёнка, уже заразившегося гельминтозом в песочнице, при наличии административных дел о создании условий для заражения. Описание обеспечило систематизацию нормативно-правового материала по целевой принадлежности документов (жилищное, гражданское, административное, санитарное право) и позволило структурировать требования к песку, методы контроля и зоны ответственности управляющей компании. Метод формальной логики применён в форме дедуктивного силлогизма (построение проверяемой юридической конструкции «норма СанПиН – фактическое состояние песка – ответственность УК по ст. 6.3 КоАП РФ») и закона достаточного основания (анализ причинно-следственной связи между отсутствием регламентированной частоты обработки песка, сохранением яиц гельминтов до 14 дней и продолжающимся заражением детей). Метод сравнительного правоведения реализован как внутрисистемное сравнение актов разной принадлежности (ЖК РФ, ГК РФ, КоАП РФ, СанПиН 3.3686-21 и СанПиН 1.2.3685-21), а также как функциональное сравнение по цели каждого документа: предписание, норматив, ответственность, рекомендация. В результате сравнения выявлен структурный пробел — отсутствие законодательно закреплённой минимальной частоты лабораторного контроля и обработки песка в песочницах в течение всего периода эксплуатации, что создаёт правовую неопределённость и возможность формального подхода со стороны управляющих компаний. В работе использованы законодательные источники (Жилищный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, КоАП РФ, СанПиН 3.3686-21, СанПиН 1.2.3685-21, Постановление Правительства РФ № 491), научные статьи, статистические данные за 2021–2026 гг. на территории Российской Федерации, материалы судебной практики, а также практические комментарии специалистов.

Результаты

Согласно п.4 ч.1 ст. 36 ЖК РФ [1], в состав общего имущества в многоквартирном доме входит земельный участок, на котором расположен данный дом, с элементами озеленения и благоустройства. В соответствии с Правилами содержания общего имущества в многоквартирном доме (утверждены Постановлением Правительства РФ от 13.08.2006 № 491) [4], в границы этого земельного участка, помимо прочего, входят детские и спортивные площадки.

Ст.158 ч.1 ЖК РФ гласит: «Собственник помещения в многоквартирном доме обязан участвовать в расходах на содержание общего имущества в многоквартирном доме соразмерно своей доле в праве общей собственности на это имущество». Собственники на общем собрании выбирают способ управления домом (ст. 44, 44.1 ЖК РФ) и заключают договор с управляющей компанией, которая, в свою очередь, осуществляет выполнение принятых решений и обеспечивает санитарный контроль придомовой территории.

Основная ответственность за проведение санитарно-эпидемиологических мероприятий лежит на управляющих компаниях

В статье 1064 ГК РФ [2] устанавливается общий принцип: вред, причиненный личности, подлежит возмещению в полном объеме лицом, его причинившим. По статье 1095 ГК РФ - вред, причиненный вследствие недостатков услуги, возмещается независимо от вины причинителя. Санитарно-эпидемиологическое состояние песка в детской песочнице на придомовой территории является услугой, которую обязана оказывать управляющая компания. При причинении вреда ребёнку (заражение инфекционным заболеванием), управляющая компания обязана возместить вред.

В случае если заражение произошло на территории придомовой территории, в соответствии

со ст. 6.3 ч. 3 КоАП РФ [3] размер возмещения ущерба здоровью для юридического лица составляет от пятисот тысяч до одного миллиона рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток.

По приведенным нормативно-правовым актам видно, что закон на территории РФ распределяет ответственность и определяет размер правовых последствий. Однако возникает вопрос: каким образом нужно достичь требуемой санитарной безопасности? Обратимся к санитарным правилам и нормам:

В пунктах 3340, 3341 СанПиНа 3.3686-21 [7] обосновывается важность санитарного контроля песка в песочницах в виде периодических лабораторных исследований из-за его роли в передачи инфекций (яйца сохраняются в песке песочниц и на игровых площадках до 14 дней) – это является одним из основных способов профилактики заражения, который обязан обеспечивать управляющая компания. Однако указания на периодичность лабораторного контроля в представленном документе размыты. По данным СанПиНа: лабораторный контроль на предмет обнаружения яиц гельминтов и цист простейших должен проводится не реже 1 раза в год перед началом нового сезона или перед началом эксплуатации нового песка. Учитывая, что яйца гельминтов сохраняют свою жизнеспособность на протяжении 14 суток с момента попадания в песок, данный норматив является не эффективным методом санитарного контроля, так как заражение детей происходит на всем периоде эксплуатации. Проведение контроля в начале позволяет подготовить песок к сезону, но это не вариант эффективной профилактики, а способ управляющей компании снять с себя ответственность и создать видимость проведение противоэпидемических мер.

Согласно пункту 118 СанПиН 1.2.3685-21 [8] на детских площадках (включая песочницы) не допускается наличие возбудителей паразитарных заболеваний

Следовательно, представленные санитарные правила и нормы представляют требования, предъявляемые к песку в песочницах, предоставляют информацию по методам и средствам очистки, которые можно применять с целью поддержания санитарного благополучия, но конкретных способов, алгоритмов, частоты очистки нет ни в одном из перечисленных нормативно-правовом акте. Конкретные методики обработки (чем и как) должны быть прописаны в внутренних регламентах управляющей компании. Это значит, что решение, касающееся профилактики заражения детей, принимается самостоятельно управляющей компанией и основывается на личном мнении, сформированном на основе общих требованиях к санитарной безопасности. В результате чего создаются инфекционно-опасные условия, в которых заражение детей не прекращается.

Анализ правоприменительной практики показывает системный разрыв между наличием формальной ответственности управляющей компании (УК) и реальной превентивной защитой детей.

Среди характерных прецедентов можно рассмотреть решение Петропавловск-Камчатского городского суда от 19.09.2018 № 12-863/2018) [20]. Роспотребнадзор выявил отсутствие обработки песка в песочницах, что создавало риск заражения аскаридозом и токсокарозом. Суд подтвердил нарушение по ст. 6.3 КоАП РФ, но заменил 87 штрафов (по числу площадок) на один в 10 000 рублей. Факт риска признан, но реальное наказание — символическое. А также решение Мурманского областного суда от 29.01.2020 по делу № 21-582/2019 [21]. В песочнице многоквартирного дома обнаружены собачьи экскременты. УК не обеспечила должную санитарную уборку. Генеральный директор оштрафован на 10 000 рублей как должностное лицо за нарушение правил благоустройства. Заражения детей не требовалось доказывать — достаточно было самого факта антисанитарного состояния. Данные прецеденты указывают на следующие факты:

Во-первых, суды признают: управляющая компания является надлежащим ответственным лицом за санитарное состояние детской песочницы.

Во-вторых, ответственность реально наступает только по ст. 6.3 КоАП РФ (административный штраф) и только за создание условий для заражения, а не за сам факт заболевания ребёнка.

В-третьих, гражданско-правовая ответственность по ст. 1064, 1095 ГК РФ (возмещение вреда здоровью) в делах о заражении детей гельминтами в песочницах практически отсутствует в открытой судебной практике по причине почти непреодолимой сложности доказывания прямой причинно-следственной связи: «ребёнок заразился именно из этой песочницы, именно из-за бездействия именно этой УК».

В-четвёртых, символический размер штрафов (10 000 – 20 000 рублей) и отсутствие обязанности УК компенсировать лечение и страдания ребёнка создают экономический стимул для формального подхода: дешевле заплатить штраф, чем организовать регулярную обработку песка.

Таким образом, судебная практика фиксирует нарушение, но не защищает конкретного

заболевшего ребёнка. Это подтверждает необходимость не столько исков постфактум, сколько прямой законодательной обязанности УК по обеспечению безопасности детей, закреплённой в Федеральном законе № 52-ФЗ.

Вывод

К сожалению, гельминтозы, передающиеся через почву, остаются одними из самых распространённых социально-опасных заболеваний в мире [6], поражающих самого уязвимого члена общества — ребёнка, играющего в песочнице.

Действующее законодательство РФ формально распределяет ответственность между собственниками жилья, управляющими компаниями и контролирующими органами. Судебная практика подтверждает: по ст. 6.3 КоАП РФ УК могут быть оштрафованы за создание условий для заражения. Однако ключевая проблема остаётся нерешённой. В действующей системе отсутствует прямая норма, обязывающая управляющую компанию до наступления вреда активно и с установленной периодичностью обеспечивать эпидемиологическую безопасность песка в песочницах. Сегодня родитель, чей ребёнок заразился аскаридозом или токсокарозом после игры в песочнице, вынужден доказывать в порядке гражданского судопроизводства (ст. 1064, 1095 ГК РФ) прямую причинно-следственную связь между конкретным фактом заражения и конкретными яйцами гельминтов в песке. На практике это почти непреодолимый барьер: инкубационный период, множественность факторов передачи, отсутствие своевременного лабораторного контроля. Следовательно, возмещение вреда здоровью становится иллюзорным.

Санитарно-эпидемиологическое благополучие не может обеспечиваться только постфактумными исками. Для немедленного правоприменения необходимо внесение изменений в подзаконные нормативные правовые акты — Правила содержания общего имущества в многоквартирном доме (Постановление Правительства РФ № 491) [4] и Минимальный перечень услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в МКД (Постановление Правительства РФ № 290) [5]. Закрепление в них конкретных периодичности обработки песка, лабораторного контроля и прямой ответственности за сам факт сохранения эпидемиологического риска (а не только за административное нарушение) позволит привлекать УК к ответственности без необходимости доказывать заражение конкретного ребёнка, а за сам факт бездействия, создающего угрозу. Пока закон требует лишь «соблюдать санитарные правила» без алгоритма, а ответственность наступает только за уже выявленное нарушение, а не за риск, заражение детей будет только расти.

Предложения по решению проблемы

Санитарная безопасность детей в песочницах может быть обеспечена междисциплинарным подходом, в котором участвуют все звенья управления:

- Медицинское звено – обязано обеспечивать качественную оценку рисков, подтверждают значимость гельминтозов, особенно подтверждать опасность заражения во время игры в песочнице и формировать ориентиры по профилактическим мероприятиям среди детского населения.
- Правовое звено - вносит изменение в Правила № 491, дополнив информацией об обязательной обработке песка дезинфицирующими средствами не реже 1 раза в 14 дней в период эксплуатации (май – сентябрь), о лабораторном контроле песка на наличие яиц гельминтов и цист простейших не реже 1 раза в месяц, об ограждении и запирании песочницы в ночные часы.

Также необходимо закрепить в Правилах № 290 отдельный вид работ — «противоэпидемическая обработка детских песков», включающую регулярное рыхление и очистка песка от мусора и экскрементов, обработку песка разрешёнными инсектицидными и дезинфицирующими средствами в период эксплуатации, отбор проб песка для лабораторного контроля с периодичностью, установленной договором управления, но не реже 1 раза в месяц.

- Санитарно-эпидемиологическое звено – обеспечивает регулярные проверки не один раз в год, а в соответствии с индивидуально составленным календарем, в котором учитываются все факторы, влияющие на санитарное благополучие песка (климатические условия региона, территориальное расположение песочницы, населенность района, наличие синантропных животных и так далее)

Только когда управляющая компания получит не размытые рекомендации, а юридически обязывающий алгоритм, закреплённый в подзаконных актах, цепочка заражения будет разорвана. Защита начинается там, где закон обязывает УК предотвратить заражение до того, как ребёнок взял в руки лопатку. Ведь защита детей – это не бюрократический вопрос. Это вопрос нашего общего сознания и немедленных действий.

Список литературы:

[1] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. – Режим доступа: https://base.garant.ru/12138291/ (дата обращения: 10.05.2026).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс] // Норматив. – Режим доступа: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=501868 (дата обращения: 10.05.2026).

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) [Электронный ресурс] // Норматив. – Режим доступа: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=494837 (дата обращения: 10.05.2026).

[4] Постановление Правительства РФ от 13.08.2006 № 491 (ред. от 07.03.2025) «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и Правил изменения размера платы за содержание жилого помещения...» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. – Режим доступа: https://base.garant.ru/12148944/ (дата обращения: 10.05.2026).

[5] Постановление Правительства РФ от 03.04.2013 № 290 (ред. от 07.03.2025) «О минимальном перечне услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, и порядке их оказания и выполнения» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. – Режим доступа: https://base.garant.ru/70354682/ (дата обращения: 25.05.2026).

[6] Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 № 715 (ред. от 31.01.2020) «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. – Режим доступа: https://base.garant.ru/12137881/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (дата обращения: 21.05.2026).

[7] Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 № 4 (ред. от 25.06.2025) «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 3.3686-21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней»» [Электронный ресурс] // Норматив. – Режим доступа: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=9&documentId=500057 (дата обращения: 10.05.2026).

[8] Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 № 2 (ред. от 30.12.2022) «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания»» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377485/ (дата обращения: 11.05.2026).

[9] МР 3.1.0409-25. 3.1. Профилактика инфекционных болезней. Эпидемиологический надзор за энтеробиозом [Электронный ресурс] : методические рекомендации : утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 29.12.2025 : дата введения 29.03.2026. – Режим доступа: https://mru31.fmba.gov.ru/upload/iblock/1d6/zqnnmn0ootbqjmpr2nrdx00xqtmlg9lc/MR-3.1.0409_25.-3.1.-Profilaktika-infektsionnykh-bolezney.-Epi.pdf (дата обращения: 11.05.2026).

[10] ТОП-10 самых распространенных гельминтов [Электронный ресурс] // Центр гигиены и эпидемиологии в Липецкой области. – Режим доступа: https://www.cge48.ru/gigienicheskoe-vospitanie-i-obuchenie/informaciya-dlya-naseleniya/top-10-samyh-rasprostranennyh-gelmintov.htm (дата обращения: 10.05.2026).

[11] Передающиеся через почву гельминтозы [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. – 18.01.2023. – Режим доступа: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/soil-transmitted-helminth-infections (дата обращения: 10.05.2026).

[12] Байекеева К. Т., Садыкова А. М., Сейдулаева Л. Б., Умешова Л. А., Исмайлова Б. С. Повсеместно распространенные гельминтозы // Вестник КазНМУ. – 2017. – № 1. – С. 102–105. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povsemestno-rasprostranennye-gelmintozy (дата обращения: 10.05.2026).

[13] Давыдова И. В. Гельминтозы, регистрируемые на территории Российской Федерации: эпидемиологическая ситуация, особенности биологии паразитов, патогенез, клиника, диагностика, этиотропная терапия // Consilium Medicum. – 2017. – № 8. – С. 42–48. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gelmintozy-registriruemye-na-territorii-rossiyskoy-federatsii-epidemiologicheskaya-situatsiya-osobennosti-biologii-parazitov (дата обращения: 10.05.2026).

[14] Аскаридоз [Электронный ресурс] // Центр гигиенического образования населения (ЦГОН) Роспотребнадзора. – Режим доступа: https://cgon.rospotrebnadzor.ru/naseleniyu/infektsionnye-i-parazitarnye-zabolevaniya/parazitarnye-zabolevaniya/askaridoz/ (дата обращения: 10.05.2026).

[15] Токсокароз [Электронный ресурс] // Центр гигиенического образования населения (ЦГОН) Роспотребнадзора. – Режим доступа: https://cgon.rospotrebnadzor.ru/naseleniyu/infektsionnye-i-parazitarnye-zabolevaniya/parazitarnye-zabolevaniya/toksokaroz/ (дата обращения: 21.05.2026).

[16] Профилактика паразитарных заболеваний [Электронный ресурс] // Управление Роспотребнадзора по Чеченской Республике. – 26.10.2023. – Режим доступа: https://www.rospotrebnadzor95.ru/article/6452 (дата обращения: 21.05.2026).

[17] Профилактика паразитарных заболеваний у детей [Электронный ресурс] // Администрация муниципального района Алексеевский Самарской области : официальный сайт. – Режим доступа: https://alexadm63.ru/city/socs/rosportebnadzor/prevention-of-parasitic.
php?type=special (дата обращения: 11.05.2026).

[18] Ерофеева В. В., Доронина Г. Н., Родионова О. М., Костина А. А. Социально-экологические аспекты распространения антропозоонозов // Современные проблемы науки и образования. – 2019. – № 4. – URL: https://science-education.ru/article/view?id=29133 (дата обращения: 11.05.2026).

[19] Шахвердова Н. Ю., Болдырев Л. В., Умархаджиева Т. А., Мазурина Е. О., Алексашина Д. С., Ноздрина И. А., Маслянинова А. Е., Аракельян Р. С., Бокова А. И., Сагалова М. Р., Панкратов Н. А., Романенков Т. Н., Ан М. Д., Амирбеков Г. И. Паразитарная контаминация почвы и песка детских площадок // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 5 (131). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/parazitarnaya-kontaminatsiya-pochvy-i-peska-detskih-ploschadok (дата обращения: 11.05.2026).

[20] Решение Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 19 сентября 2018 г. по делу № 12-863/2018 – 12-949/2018 [Электронный ресурс] // СудАкт. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/X7relyKCgkYQ/ (дата обращения: 12.05.2026).

[21] Решение Мурманского областного суда от 29 января 2020 г. по делу № 21-582/2019 – 21-9/2020 [Электронный ресурс] // СудАкт. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/fVxYx6GoYV68/ (дата обращения: 12.05.2026).

References:

[1] Housing Code of the Russian Federation No. 29.12.2004 dated 188-FZ (as amended on 20.02.2026) [Electronic Resource]//GARANT. - Access mode: https://base.garant.ru/12138291/ (access date: 10.05.2026).

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (rev. dated 31.07.2025) [Electronic Resource]//Standard. - Access mode: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=501868 (access date: 10.05.2026).

[3] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 30.12.2001 dated 195-FZ (as amended by 07.04.2025) [Electronic Resource]// Standard. - Access mode: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=494837
(access date: 10.05.2026).

[4] Decree of the Government of the Russian Federation of 13.08.2006 No. 491 (ed. 07.03.2025) " On approval of the Rules for the maintenance of common property in an apartment building and the Rules for changing the amount of payment for the maintenance of residential premises..." [Electronic resource]//GUARANTOR. - Access mode: https://base.garant.ru/12148944/ (access date: 10.05.2026).

[5] Decree of the Government of the Russian Federation of 03.04.2013 No. 290 (ed. 07.03.2025) " On the minimum list of services and works necessary to ensure the proper maintenance of common property in an apartment building, and the procedure for their provision and implementation" [Electronic resource]//GARANT. - Access mode: https://base.garant.ru/70354682/ (access date: 25.05.2026).

[6] Decree of the Government of the Russian Federation of 01.12.2004 No. 715 (as amended on 31.01.2020) " On approval of the list of socially significant diseases and the list of diseases that pose a danger to others" [Electronic resource]//GARANT. - Access mode: https://base.garant.ru/12137881/53f89421bbdaf741eb2d1ec-c4ddb4c33/ (access date: 21.05.2026).

[7] Decree of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of 28.01.2021 No. 4 (ed. 25.06.2025) " On approval of sanitary rules and norms of SanPiN 3.3686-21 "Sanitary and epidemiological requirements for the prevention of infectious diseases"" [Electronic resource]//Standard. - Access mode: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=9&documentId=500057 (access date: 10.05.2026).

[8] Decree of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of 28.01.2021 No. 2 (ed. 30.12.2022) " On approval of sanitary rules and norms of SanPiN 1.2.3685-21 "Hygienic standards and requirements for ensuring the safety and (or) harmlessness for humans of habitat factors"" [Electronic resource]//ConsultantPlus. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377485/ (access date: 11.05.2026).

[9] MR 3.1.0409-25. 3.1. prevention of infectious diseases. Epidemiological surveillance of enterobiosis [Electronic resource]: guidelines: approved The Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation 29.12.2025: date of introduction of the 29.03.2026. - Access mode: https://mru31.fmba.gov.ru/upload/iblock/1d6/zqnnmn0ootbqjm-pr2nrdx00xqtmlg9lc/MR-3.1.0409_25.-3.1.-Profilaktika-infektsionnykh-bolezney.-Epi.pdf (date of contact: 11.05.2026).

[10] TOP-10 of the most common helminths [Electronic resource]//Center for Hygiene and Epidemiology in the Lipetsk Region. – Режим доступа: https://www.cge48.ru/gigienicheskoe-vospitanie-i-obuchenie/informaciya-dlya-naseleniya/top-10-samyh-rasprostranennyh-gelmintov.htm (дата обращения: 10.05.2026).

[11] Soil-transmitted helminthiasis [Electronic Resource]//World Health Organization. - 18.01.2023. - Access mode: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/soil-transmitted-helminth-infections (access date: 10.05.2026).

[12] Bayekeeva K. T., Sadykova A. M., Seydulaeva L. B., Umeshova L. A., Ismailova B. S. Ubiquitous helminthiasis//Bulletin of KazNMU. – 2017. – № 1. - S. 102-105. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povsemestno-rasprostranennye-gelmintozy (дата обращения: 10.05.2026).

[13] I. V. Davydova, registered in the Russian Federation: epidemiological situation, features of parasite biology, pathogenesis, clinic, diagnostics, etiotropic therapy//Consilium Medicum. – 2017. – № 8. - S. 42-48. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gelmintozy-registriruemye-na-territorii-rossiyskoy-federatsii-epidemiologicheskaya-situatsiya-osobennosti-biologii-parazitov (дата обращения: 10.05.2026).

[14] Ascaridosis [Electronic resource]//Center for Hygienic Education of the Population (TsGON) of Rospotrebnadzor. – Режим доступа: https://cgon.rospotrebnadzor.ru/naseleniyu/infektsionnye-i-parazitarnye-zabolevaniya/parazitarnye-zabolevaniya/askaridoz/ (дата обращения: 10.05.2026).

[15] Toxocarosis [Electronic resource]//Center for Hygienic Education of the Population (TsGON) of Rospotrebnadzor. – Режим доступа: https://cgon.rospotrebnadzor.ru/naseleniyu/infektsionnye-i-parazitarnye-zabolevaniya/parazitarnye-zabolevaniya/toksokaroz/ (дата обращения: 21.05.2026).

[16] Prevention of parasitic diseases [Electronic resource]//Office of Rospotrebnadzor in the Chechen Republic. - 26.10.2023. - Access mode: https://www.rospotrebnadzor95.ru/article/6452 (access date: 21.05.2026).

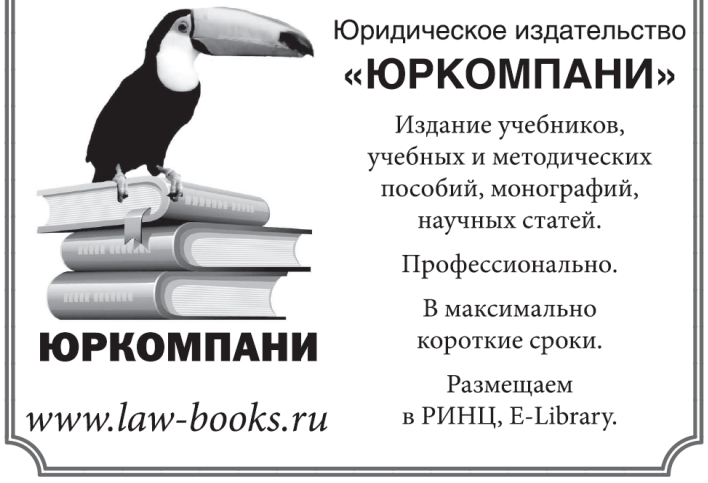
[17] Prevention of parasitic diseases in children [Electronic resource]//Administration of the municipal district Alekseevsky Samara region: official website. – Режим доступа: https://alexadm63.ru/city/socs/rosportebnadzor/prevention-of-parasitic.php?type=special (дата обращения: 11.05.2026).

[18] Erofeeva V.V., Doronina G.N., Rodionova O.M., Kostina A.A. Social and environmental aspects of the spread of anthropozoonoses//Modern problems of science and education. – 2019. – № 4. - URL: https://science-education.ru/article/view?id=29133 (access date: 11.05.2026).

[19] Shakhverdova N. Yu., Boldyrev L. V., Umarkhadzhieva T. A., Mazurina E. O., Aleksashina D. S., Nozdrina I. A., Maslyaninova A. E., Arakelyan R. S., Bokova A. I., Sagalova M. R., Panina kratov N.A., Romanenkov T.N., An M.D., Amirbekov G.I. Parasitic contamination of soil and sand of playgrounds//International Research Journal. – 2023. – № 5 (131). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/parazitarnaya-kontaminatsiya-pochvy-i-peska-detskih-ploschadok (дата обращения: 11.05.2026).

[20] Decision of the Petropavlovsk-Kamchatsky City Court of the Kamchatka Territory dated September 19, 2018 in case No. 12-863/ 2018 - 12-949/2018 [Electronic Resource]//CourtAct. - Access mode: https://sudact.ru/regular/doc/X7relyKCgkYQ/ (access date: 12.05.2026).

[21] Decision of the Murmansk Regional Court of January 29, 2020 in case No. 21-582/2019 - 21-9/2020 [Electronic resource]//CourtAct. - Access mode: https://sudact.ru/regular/doc/fVxYx6GoYV68/ (access date: 12.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-390-392

ОБИДОВ Муродулложон,
Аспирант МГИМО МИД России,
e-mail: obidov_9797@bk.ru

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы развития международно-правового регулирования искусственного интеллекта в сфере здравоохранения. Анализируется деятельность ключевых международных институтов, включая Всемирную организацию здравоохранения и Глобальную инициативу по искусственному интеллекту для здоровья (GI-AI4H), а также подходы к этическому, регуляторному и институциональному обеспечению внедрения ИИ. Особое внимание уделяется проблемам гармонизации правовых стандартов, распределения ответственности за причинение вреда и регулирования медицинских данных в трансграничном контексте. Делается вывод о формировании многоуровневой системы «мягкого» международного регулирования с перспективой перехода к более унифицированным правовым механизмам.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, международное право, здравоохранение, ВОЗ, регулирование, медицинские данные, ответственность, цифровая медицина.*

OBIDOV Murodullozhon,
Graduate student of MGIMO Ministry of Foreign Affairs of Russia

THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL HEALTHCARE REGULATION

Annotation. *The article examines current issues in the development of international legal regulation of artificial intelligence in the healthcare sector. It analyzes the role of key international institutions, including the World Health Organization and the Global Initiative on AI for Health (GI-AI4H), as well as approaches to ethical, regulatory, and institutional frameworks for AI implementation. Special attention is given to the challenges of harmonizing legal standards, allocating liability for harm, and regulating medical data in a cross-border context. The study concludes that a multi-level system of soft international regulation is emerging, with the potential evolution toward more unified legal mechanisms.*

Key words: *artificial intelligence, international law, healthcare, WHO, regulation, medical data, liability, digital health.*

Введение

Стремительное внедрение технологий искусственного интеллекта в сферу здравоохранения создало ситуацию, при которой темпы технологического развития существенно опережают формирование адекватной нормативно-правовой базы. Данный разрыв между практикой и регулированием приобретает особую остроту именно в международном контексте, поскольку системы здравоохранения, потоки данных и медицинские технологии все в большей степени функционируют в трансграничном пространстве. В этих условиях перед мировым сообществом встает задача выработки универсальных подходов к регулированию ИИ в здравоохранении, способных обеспечить баланс между стимулированием инноваций, защитой прав пациентов и поддержанием доверия к системам здравоохранения.

Основное содержание

Масштаб распространения искусственного интеллекта в глобальной системе здравоохранения впечатляет. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, 64% стран Европейского региона ВОЗ уже используют ИИ-диагностику, преимущественно в области медицинской визуализации и выявления заболеваний, а половина стран внедрила чат-боты для взаимодействия с пациентами.

При этом 98% стран указали улучшение качества медицинской помощи в качестве ключевого драйвера внедрения ИИ, девяносто два процента — снижение нагрузки на медицинский персонал и девяносто процентов — повышение эффективности и производительности систем здравоохранения. Однако столь широкое распространение технологий происходит в ситуации, когда правовые и управленческие механизмы лишь начинают формироваться.

Ключевой институциональной рамкой для международного регулирования ИИ в здравоохранении выступает Глобальная инициатива по искусственному интеллекту для здоровья (GI-AI4H), созданная тремя специализированными учреждениями Организации Объединенных Наций — Всемирной организацией здравоохранения, Международным союзом электросвязи и Всемирной организацией интеллектуальной собственности.

Данная инициатива направлена на «разработку технических стандартов и руководящих принципов политики, содействие обмену знаниями и данными, а также поддержку основанных на фактических данных решений по внедрению ИИ-решений для здоровья».

В рамках GI-AI4H выделяются четыре стратегических приоритета, каждый из которых представляет собой самостоятельное направление международно-правового регулирования:

Первый приоритет касается этических аспектов применения ИИ в здравоохранении. В 2021 году ВОЗ выпустила первый согласованный на международном уровне набор этических руководств «Этика и управление искусственным интеллектом для здоровья», а в 2024 году последовало обновление, специально посвященное генеративному ИИ и большим мультимодальным моделям. Эти документы призваны обеспечить использование ИИ в соответствии с этическими нормами и стандартами в области прав человека, что имеет прямое отношение к формированию международно-правовых стандартов в данной сфере.

Второй приоритет касается регуляторных подходов к ИИ в здравоохранении. Существующее положение характеризуется высокой степенью фрагментации: хотя имеются законы и политики, затрагивающие вопросы конфиденциальности, защиты данных и предвзятости алгоритмов, им не хватает формальной согласованности. В этой связи GI-AI4H ставит своей целью укрепление сотрудничества между международными регуляторными органами и гармонизацию регуляторных стандартов для ИИ в здравоохранении, включая разработку эффективных программ соблюдения требований, что особенно актуально для стран с низким и средним уровнем дохода, где ресурсы для регуляторного надзора ограничены.

Третий приоритет касается внедрения ИИ в системы здравоохранения различных стран. Ключевая проблема заключается в том, что лишь ничтожная доля разработанных моделей ИИ для здравоохранения доходит до стадии активного использования, причем этот разрыв существенно шире в странах с низким и средним уровнем дохода, где существуют значительные различия в нормах, инфраструктуре и ресурсах здравоохранения.

GI-AI4H осуществляет региональные консультации и оказывает помощь государствам-членам на местном уровне, способствуя внедрению ИИ, уважающему плюрализм ценностей и культурное разнообразие.

Четвертый приоритет касается операционной устойчивости внедренных систем ИИ. Понимание операционных потребностей, необходимых системе здравоохранения для поддержания и масштабирования инноваций в области ИИ, обеспечивает их долгосрочное позитивное воздействие.

Здесь GI-AI4H способствует наращиванию потенциала и компетенций среди пользователей, особенно в странах с низким и средним уровнем дохода, позволяя им оценивать и отслеживать интегрированные инструменты ИИ.

Параллельно с деятельностью GI-AI4H активно развивается институт предификации ВОЗ применительно к ИИ как к медицинскому устройству.

Так, в 2025 году ВОЗ выпустила первое руководство, устанавливающее стандарт для инструмента ИИ, а именно для решений компьютерного обнаружения туберкулеза. Предификация представляет собой механизм, посредством которого ВОЗ оценивает безопасность, качество и эффективность медицинских инноваций, позволяя национальным регуляторам и международным закупочным организациям использовать оценку ВОЗ для принятия решений.

Указанный механизм особенно важен для стран с низким и средним уровнем дохода, регуляторный потенциал которых в сфере ИИ-медицинских устройств остается ограниченным.

В настоящее время только один регулятор в Африке к югу от Сахары (Гана) систематически рассматривает продукты AIaMD, и ни один национальный орган в регионе не достиг третьего уровня зрелости ВОЗ для медицинских устройств.

Однако распространение модели предификации на ИИ-технологии сопряжено с существенными теоретико-правовыми проблемами. Традиционная модель предификации, разработанная

для статичных продуктов, таких как лекарства и вакцины, сталкивается с фундаментальными вызовами применительно к динамичным ИИ-технологиям. Эффективность модели ИИ не является фиксированным свойством — она изменяется по мере того, как реальные данные отклоняются от обучающих данных, что известно как «дрейф» и ограничивает способность к обобщению. Это создает проблему для традиционного понимания гарантий эффективности, заложенного в международных стандартах регуляторной оценки.

Кроме того, остро стоит проблема распределения ответственности за вред, причиненный системами ИИ в здравоохранении. Согласно данным ВОЗ/Европа, менее десяти процентов стран имеют стандарты ответственности, определяющие, кто несет ответственность в случае ошибки или причинения вреда системой ИИ.

86% стран назвали юридическую неопределенность основным барьером для внедрения ИИ. ВОЗ/Европа призывает к установлению четкой подотчетности и созданию механизмов для устранения вреда, а также к тестированию систем ИИ на справедливость и реальную эффективность до того, как они достигнут пациентов.

Это требование имеет прямое отношение к формированию институтов деликтной ответственности в международном частном праве применительно к новым технологиям.

На апрель 2026 года ВОЗ/Европа выпустила первый всеобъемлющий доклад, оценивающий использование ИИ в здравоохранении на территории двадцати семи государств-членов Европейского Союза.

Доклад показывает устойчивый импульс во всех государствах-членах и выявляет сохраняющиеся проблемы в области гармонизации регуляторных подходов. Параллельно пятнадцать ведущих глобальных организаций в сфере здравоохранения выступили с открытым письмом, призывающим государства-члены ВОЗ принять конкретные обязательства в отношении глобальной рамочной конвенции и резолюции по управлению данными в сфере здравоохранения, подчеркивая, что «мир не может позволить себе отставание законов и нормативных актов, регулирующих медицинские данные». Авторы письма отмечают, что медицинские записи и цифровые инструменты содержат глубоко чувствительную личную информацию о психическом здоровье, генетических характеристиках или статусе инфекционных заболеваний, требующую надежной защиты, и что эффективное управление данными имеет критическое значение для готовности к чрезвычайным ситуациям в области общественного здоровья и предотвращения пандемий.

Заключение

Развитие международного регулирования искусственного интеллекта в сфере здравоохранения находится на начальном, но критически важном этапе своего формирования. Существующая архитектура международно-правового регулирования характеризуется сочетанием «мягких» нормативных ориентиров, вырабатываемых в рамках Всемирной организации здравоохранения и ее партнерских структур, и растущим осознанием необходимости выработки универсальных обязательных норм. Можно выделить три основных направления дальнейшего развития международно-правового регулирования ИИ в здравоохранении:

Во-первых, это гармонизация регуляторных стандартов для ИИ как медицинского устройства, включая адаптацию существующих механизмов предификации к специфике автономных и самообучающихся систем.

Во-вторых, это формирование четких международно-правовых норм распределения ответственности за вред, причиненный системами ИИ в трансграничном контексте, включая вопросы юрисдикции и применимого права.

И в-третьих, это выработка согласованных на международном уровне стандартов управления медицинскими данными, обеспечивающих как защиту прав пациентов, так и возможность эффективного использования данных для развития ИИ-технологий.

Решение перечисленных задач потребует тесной координации усилий Всемирной организации здравоохранения, специализированных учреждений ООН, региональных организаций и национальных государств, а также активного участия профессиональных медицинских ассоциаций и организаций гражданского общества.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-393-398

ШАТВЕРЯН Нелли Григорьевна,
доцент кафедры гражданского права
Ростовского государственного экономического
университета (РИНХ),
e-mail: nelli_o@mail.ru

ПШЕНИЧНАЯ Мария Александровна,
студент 2 курса очной формы обучения
по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция
Ростовского государственного экономического
университета (РИНХ),
e-mail: psheni4najamar@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ВЕТЕРАНОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация. *Вопрос трудовой и социальной адаптации ветеранов специальной военной операции (далее — СВО), сегодня является одним из наиболее значимых для трудового права, поскольку связан с сохранением занятости, восстановлением трудовой функции после службы, доступом к мерам содействия занятости и защитой от дискриминации. В статье рассматриваются действующие правовые механизмы сохранения рабочего места на период прохождения службы, а также меры, применяемые после завершения участия в СВО: содействие приоритетному трудоустройству через органы службы занятости, отдельные гарантии для ветеранов боевых действий, меры занятости для инвалидов и организационная роль государственного фонда поддержки участников СВО. Отмечаются сильные стороны правового регулирования, связанные с закреплением специальных гарантий в Трудовом кодексе Российской Федерации и развитием стандартов государственной службы занятости. Вместе с тем выявляются и основные недостатки: нормы распределены по разным правовым актам, порядок подтверждения статуса и права на меры поддержки остается сложным, связь между реабилитацией и последующим трудоустройством недостаточно выстроена, а при приеме на работу сохраняются риски отказов по причинам, не связанным с деловыми качествами работника. На основе выявленных проблем формулируются предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, направленные на создание более понятной и последовательной системы возвращения ветеранов к трудовой деятельности.*

Ключевые слова: *ветеран боевых действий; специальная военная операция; трудовые гарантии; приостановление действия трудового договора; занятость населения; приоритетное трудоустройство; социальная адаптация; профессиональная реабилитация; дискриминация в сфере труда.*

SHATVERYAN Nelly Grigorievna,
Associate Professor, Department of Civil Law,
Rostov State University of Economics (RINH)

PSHENICHNAYA Maria Alexandrovna,
2-year full-time student in the direction
of training 40.03.01 Jurisprudence
of the Rostov State University of Economics (RINH)

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF LABOR AND SOCIAL ADAPTATION OF VETERANS OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

Annotation. *The issue of labor and social adaptation of veterans of a special military operation (hereinafter - SVO) is today one of the most significant for labor law, since it is associated with the preservation of employment, the restoration of labor function after service, access to employment promotion measures and protection against discrimination. The article examines the current legal mechanisms for maintaining a job for the period of service, as well as measures applied after the completion of participation in the WCS: promotion of priority employment through the employment service, separate guarantees for war veterans, employment measures for disabled people and the organizational role of the state fund for supporting WCS participants. The strengths of legal regulation related to the consolidation of special guarantees in the Labor Code of the Russian Federation and the development of standards for the state employment service are noted. At the same time, the main shortcomings are also revealed: the norms are distributed according to different legal acts, the procedure for confirming the status and right to support measures remains complex, the connection between rehabilitation and subsequent employment is not sufficiently built, and when hiring, the risks of refusals remain for reasons not related to the business qualities of the employee. Based on the identified problems, proposals are formulated to improve legislation and law enforcement practice aimed at creating a more understandable and consistent system for returning veterans to work.*

Key words: *combat veteran; a special military operation; labor guarantees; suspension of the employment contract; employment; priority employment; social adaptation; occupational rehabilitation; discrimination at work*.

Актуальность темы определяется тем, что право на труд и достойные условия жизни связано не только с получением дохода, но и с возможностью человека сохранять социальную включенность и устойчивое положение в обществе. Конституционная модель закрепляет социальный характер государства и его обязанность создавать условия для достойной жизни и свободного развития человека, поэтому вопрос возвращения ветеранов СВО к трудовой деятельности имеет прямое публично-правовое значение [1].

На сегодняшний день регулирование труда и адаптации участников СВО складывается из нескольких правовых направлений. В трудовом праве ключевое значение имеет сохранение места работы на период участия в СВО. В социальной сфере важную роль играет статус лица, поскольку именно он дает право на конкретные меры поддержки. При этом на практике возникают сложности, так как участие в СВО не всегда автоматически означает наличие статуса ветерана боевых действий: он определяется Федеральным законом «О ветеранах» и зависит от юридически значимых обстоятельств участия [2]. В последние годы перечень соответствующих категорий уточнялся и расширялся, что, с одной стороны, позволило охватить большее число лиц мерами социальной защиты, а с другой — сделало порядок входа в систему льгот более сложным, поскольку право необходимо подтверждать документально [3].

Базовой трудовой гарантией на период участия в СВО является приостановление действия трудового договора по статье 351.7 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) [4]. Эта норма построена таким образом, чтобы работник не утрачивал юридическую связь с работодателем: за ним сохраняется место работы, а работодатель вправе принять другого сотрудника по срочному трудовому договору на время замещения. Закон также связывает приостановление действия договора с обязанностью работодателя произвести необходимые выплаты за период работы до приостановления, что уменьшает риск финансовых споров в момент ухода работника на службу. Значение этой модели состоит в том, что возвращение к труду происходит через возобновление уже существующих трудовых отношений, а не через новое трудоустройство, которое на практике нередко оказывается менее стабильным и менее защищенным.

Существенное значение имеют и правовые гарантии возвращения к работе после службы. В статье 351.7 ТК РФ закреплены правила, ограничивающие увольнение по инициативе работодателя в период приостановления действия трудового договора, а также определены условия его возобновления. В последние изменения трудового законодательства включено дополнительное уточнение, учитывающее ситуацию временной нетрудоспособности после окончания службы: трехмесячный срок, связанный с возвращением к работодателю, продлевается на время болезни, если она наступила после окончания службы. С социальной точки зрения это одна из наиболее важных гарантий, поскольку именно после демобилизации человеку нередко требуется лечение и восстановление.

После завершения участия в СВО основной круг мер начинает действовать через законодательство о занятости. Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» закрепляет, что государственная политика в этой

сфере включает не только подбор подходящей работы, но и социальную адаптацию, психологическую поддержку, профессиональную ориентацию и обучение [5]. В этом же законе предусмотрено содействие приоритетному трудоустройству граждан, завершивших прохождение военной службы в установленных законом случаях, что показывает стремление государства выделить эту категорию граждан как нуждающуюся в более адресной поддержке при трудоустройстве.

Существенным моментом стало то, что приоритетное трудоустройство участников СВО закреплено не только в законе, но и в специальном стандарте, который утвержден Минтрудом России [6]. Это делает порядок предоставления такой поддержки более единообразным и понятным. Граждане теперь лучше ориентируются в своих возможностях, а службы занятости работают по более четким правилам. Такой подход важен на практике, потому что помогает уменьшить разницу в действиях разных регионов и сделать административные процедуры прозрачнее и предсказуемее.

Отдельно стоит отметить сопровождение участников СВО и их семей через Фонд «Защитники Отечества». Указ о создании фонда определил его основную задачу, поддерживать участников СВО, в том числе помогать им обеспечить достойную жизнь и возможность заниматься привычной деятельностью [7]. Это напрямую связано и с вопросами трудовой адаптации. С точки зрения трудового права такая модель важна тем, что позволяет объединить сразу несколько направлений помощи: социальную поддержку, оформление нужных документов и направление человека к мерам содействия занятости.

Трудовые и социальные гарантии ветеранов боевых действий, закрепленные в Федеральном законе «О ветеранах», также имеют значение для сферы занятости. К мерам социальной поддержки относятся право на использование ежегодного отпуска в удобное время и право на отпуск без сохранения заработной платы продолжительностью до 35 календарных дней в году. Кроме того, закон закрепляет возможность профессионального обучения и дополнительного профессионального образования, что в современных условиях следует рассматривать как правовой инструмент повышения конкурентоспособности на рынке труда, особенно если военная служба прервала прежнюю профессиональную траекторию и требует обновления знаний и навыков.

Наиболее сложные правовые вопросы возникают в отношении ветеранов СВО, получивших инвалидность вследствие военной травмы, поскольку в данном случае необходимо сочетать право на труд с медицинскими и реабилитационными ограничениями. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» закрепляет норму о специальных рабочих местах и прямо указывает, что вопросы их организации регулируются в соответствии с законодательством о занятости населения [8]. Это означает, что значительная часть решений в данной сфере реализуется через механизмы службы занятости и программы, связанные с организацией труда, оснащением и приспособлением рабочих мест. Дополнительно действуют методические рекомендации по подбору рекомендуемых видов трудовой и профессиональной деятельности инвалидов, утвержденные Минтрудом, которые ориентируют специалистов и работодателей на учет нарушенных функций организма и ограничений жизнедеятельности. С точки зрения ответственности работодателя имеют значение нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: за нарушение прав инвалидов в области трудоустройства и занятости предусмотрены штрафы, а за дискриминацию в целом установлена отдельная административная ответственность [9].

Сильные стороны действующего регулирования в сфере труда и социальной адаптации ветеранов СВО связаны с тем, что ключевая гарантия сохранения рабочего места закреплена непосредственно в ТК РФ и основана на понятной юридической конструкции приостановления действия трудового договора. Закон о занятости, в свою очередь, предусматривает не только собственно содействие трудоустройству, но и меры социальной адаптации и психологической поддержки, что соответствует реальным потребностям людей после длительного стрессового периода. Наличие стандарта деятельности по приоритетному трудоустройству повышает управляемость системы и способствует более единообразному применению соответствующих мер. В целом можно говорить о формировании правовой основы, которая позволяет перейти от отдельных льгот к более системной поддержке занятости.

Слабые стороны проявляются прежде всего в сложности самого правового пути, который должен пройти человек. Нормы распределены по разным правовым актам: трудовые гарантии закреплены в ТК РФ, меры занятости и приоритетного трудоустройства — в законодательстве о занятости и подзаконных актах, статусные вопросы ветеранов — в отдельном федеральном законе, а для инвалидов действует еще один нормативный блок. Такая разобщенность делает

систему менее понятной для гражданина и повышает риск ошибок в применении гарантий как со стороны работодателя, так и со стороны региональных органов. Однако на практике остаются и определенные проблемы. Например, возможны случаи отказа в приеме на работу не из-за деловых качеств кандидата, а из-за стереотипов или опасений со стороны работодателя. Формально запрет дискриминации закреплен в статье 3 ТК РФ, но на деле доказать, что конкретное кадровое решение было именно дискриминационным, довольно трудно. В научной литературе отмечается, что участники СВО фактически становятся новой категорией субъектов трудового права, для которой нужны более точные и продуманные гарантии, особенно в сфере трудоустройства и защиты прав при возникновении конфликтов [10].

Все это позволяет выделить основную проблему: несмотря на наличие большого количества гарантий, до сих пор нет единого и понятного механизма, который последовательно сопровождал бы человека от момента завершения службы и подтверждения его статуса до фактического получения стабильного рабочего места. В результате существующие правовые решения нередко работают как набор отдельных мер поддержки, но не всегда складываются в целостную систему, обеспечивающую реальное трудоустройство. Это особенно проявляется там, где нужно сочетать реабилитацию, обучение и доработку рабочего места. Любые сбои или задержки на каком-то из этих этапов уменьшают шанс, что человек действительно вернется к работе, даже если формально поддержка есть.

Решать вопрос стоит через повышение ясности и логики самого правового механизма. На практике кажется полезной идея оформить на уровне закона о занятости более цельную систему сопровождения: начиная с первичного обращения и оценки профессиональной ситуации, и дальше, до направления на обучение, подбора вакансий, поддержки во время адаптации в коллективе. Сейчас в законе уже прописаны меры социальной адаптации, психологическая поддержка, профессиональное обучение, а также возможность утверждения стандартов деятельности. К этим стандартам можно добавить более точные требования к взаимодействию между разными ведомствами.

Чтобы уменьшить риск отказов и скрытой дискриминации, важна большая прозрачность процедур, по которым работодатель принимает решения. В Трудовом кодексе РФ запрещается дискриминация и закрепляется право на судебную защиту, но для ветеранов СВО стоит обратить внимание на доработку правоприменения этих норм. Важно чаще фиксировать причины отказа в приеме на работу и усиливать реакцию контрольных органов на постоянные нарушения. Также можно рассмотреть дополнительные меры поддержки для работодателей, которые нанимают ветеранов СВО, особенно если требуется их переобучение или изменение условий труда. Такие меры должны быть продуманными: дело не только в квотах, а в реальной помощи при трудоустройстве, чтобы была и финансовая, и организационная поддержка, и при этом защищались права работников.

В случае инвалидов из-за военной травмы важно прорабатывать вопросы создания для них специальных рабочих мест, обеспечивать их поддержку, а также смотреть, насколько реально можно выполнять рекомендации по подходящей работе на практике. Законодатель уже закрепляет связь специальных рабочих мест с законодательством о занятости, а методические рекомендации Минтруда задают профессиональный ориентир для служб занятости и работодателей. Дальнейшее развитие в этой части видится в расширении программ софинансирования оснащения рабочих мест, усилении роли сопровождаемого трудоустройства и более тесной связи этих мер с реабилитационными мероприятиями. Административная ответственность за нарушение прав инвалидов и за дискриминацию имеет важное значение, однако сама по себе она будет эффективной только при регулярном выявлении нарушений и неизбежности правовых последствий.

Сравнительный анализ показывает, что в ряде западных и европейских стран широко применяются модели перехода к гражданской занятости, при которых юридические гарантии возвращения к прежнему месту работы дополняются развитой системой сопровождения, переобучения и консультирования работодателей. Для российского права значение такого подхода состоит не в механическом заимствовании отдельных решений, а в подтверждении общей идеи: устойчивая трудовая адаптация достигается там, где гарантии занятости сочетаются с понятными процедурами, четким распределением ответственности между участниками и поддержкой работодателя при организации труда.

В целом можно сделать вывод, что российское правовое регулирование труда и социальной адаптации ветеранов СВО уже содержит базовые элементы, позволяющие защищать занятость и запускать меры содействия трудоустройству. Вместе с тем система по-прежнему нуждается в упрощении статусов и процедур, в более целостной модели сопровождения и в уси-

лении реальных стимулов к трудоустройству, особенно в отношении ветеранов с инвалидностью. Для отрасли трудового права основным критерием эффективности здесь является не количество закрепленных норм, а их способность обеспечивать устойчивое и законное трудоустройство, при котором гарантии реально работают и не сопровождаются избыточными барьерами и дискриминационными практиками.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).

[2] Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» (ред. от 20.02.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).

[3] Федеральный закон от 27 октября 2025 г. № 387-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О ветеранах"» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).

[4] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

[5] Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).

[6] Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 26 февраля 2025 г. № 88н «Об утверждении Стандарта деятельности по осуществлению полномочия в сфере занятости населения по содействию приоритетному трудоустройству граждан, которые завершили прохождение военной службы по мобилизации или военной службы по контракту, заключенному в соответствии с пунктом 7 статьи 38 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ "О воинской обязанности и военной службе", либо у которых прекратилось действие заключенного ими контракта о пребывании в добровольческом формировании, предусмотренном Федеральным законом от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ "Об обороне", а также граждан, относящихся к членам их семей в соответствии с пунктами 5 и 5.1 статьи 2 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ "О статусе военнослужащих"» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).

[7] Указ Президента Российской Федерации от 3 апреля 2023 г. № 232 «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции "Защитники Отечества"» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).

[8] Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).

[9] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1; Федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 382-ФЗ «О внесении изменения в статью 5.42 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).

[10] Гусев А. Ю., Батусова Е. С. Отдельные вопросы трудоправового статуса участников специальной военной операции и защиты их прав // Вопросы трудового права. 2025. № 10.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993; with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)//Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru).

[2] Federal Law of January 12, 1995 No. 5-FZ "On Veterans" (as amended by 20.02.2026) //Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru).

[3] Federal Law of October 27, 2025 No. 387-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Veterans" "//Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru).

[4] Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ dated December 30, 2001 (as amended on 29.09.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part I). Art. 3.

[5] Federal Law of December 12, 2023 No. 565-FZ "On Employment of the Population in the Russian Federation "//Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru).

[6] Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of February 26, 2025 No. 88n "On approval of the Standard for the implementation of the authority in the field of employment to promote priority employment of citizens, who have completed military mobilization or contract military service, concluded in accordance with paragraph 7 of Article 38 of Federal Law No. 53-FZ of March 28, 1998 "On Military Duty and Military Service," or who have terminated the contract concluded by them for staying in a volunteer formation,

provided for by Federal Law of May 31, 1996 No. 61-FZ “On Defense,” as well as citizens belonging to their family members in accordance with paragraphs 5 and 5.1 of Article 2 of the Federal Law of May 27, 1998 No. 76-FZ “On the Status of Military Personnel” “//Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru).

[7] Decree of the President of the Russian Federation of April 3, 2023 No. 232 “On the creation of the State Fund for the Support of Participants in the Special Military Operation Defenders of the Fatherland “//Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru).

[8] Federal Law of November 24, 1995 No. 181-FZ “On Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federation “//Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru).

[9] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation dated December 30, 2001 No. 195-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part I). Art. 1; Federal Law of November 9, 2024 No. 382-FZ “On Amending Article 5.42 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation “//Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru).

[10] Gusev A. Yu., Batusova E. S. Certain issues of labor law status of participants in a special military operation and protection of their rights//Issues of labor law. 2025. № 10.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-399-406

ЛЫСАК Владислав Витальевич,
ООО «Юридическое бюро «МАиП», юрист,
e-mail: vlad_word@mail.ru

Научный руководитель:
ГЕЛЬДИБАЕВ Мовлад Хасиевич,
профессор, доктор юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

РАЗУМНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *В статье исследуется содержание критерия интеллектуальности искусственного интеллекта в контексте его доктринального и правового осмысления. Автор исходит из того, что неопределенность термина «интеллект» затрудняет разграничение искусственного интеллекта с иными цифровыми объектами и осложняет формирование специальных норм цифрового права. Методологическую основу исследования составляют анализ научных подходов, сравнительно-правовое сопоставление нормативных определений и логико-семантическое толкование категорий «интеллект», «разум», «мышление» и «познание». Обобщены основные концепции искусственного интеллекта как научно-технического направления, объекта гражданских правоотношений и возможного квазисубъекта права. Сделан вывод о том, что интеллектуальность современных систем ИИ не тождественна человеческой мыслительной деятельности, а выражается в способности воспринимать, обрабатывать информацию и формировать результат без заранее заданного последовательного алгоритма.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект; интеллектуальность; цифровое право; когнитивные функции; машинное обучение; правовое регулирование; самообучение; цифровой объект; квазисубъект права.*

LYSAK Vladislav Vitalyevich,
Legal Bureau MAiP LLC, lawyer

Scientific supervisor:
GELDIBAEV Movlad Khasievich,
Professor, Doctor of Law

RATIONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. *The article examines the content of the criterion of artificial intelligence rationality in the context of doctrinal and legal interpretation. The author proceeds from the premise that the uncertainty of the term «intelligence» complicates the distinction between artificial intelligence and other digital objects and affects the development of special rules of digital law. The methodological basis of the study includes analysis of scholarly approaches, comparative legal assessment of regulatory definitions, and logical-semantic interpretation of the categories «intelligence», «reason», «thinking» and «cognition». The article summarizes the main concepts of artificial intelligence as a scientific and technical field, an object of civil-law relations and a possible quasi-subject of law. It is concluded that the rationality of modern AI systems is not identical to human thinking, but is expressed in the ability to perceive and process information and generate results without a predetermined sequential algorithm.*

Key words: *artificial intelligence; rationality; digital law; cognitive functions; machine learning; legal regulation; self-learning; digital object; quasi-subject of law.*

Введение

Человек не раз доказывал гениальность своего навыка приспособления: леса стали обретать облик городов, скалы обросли рудниками, морская пучина была покорена многочисленными танкерами и нефтяными скважинами. Одним из выдающихся результатов науки стало создание целой вселенной, не существовавшей без умственных трудов математиков и программистов, - цифрового пространства. Эта сфера стала первой ступенью к решительному шагу - делегированию функций, которые издревле были доступны только человеку. Уже сейчас электронные устройства заменяют человека не только в производственном, но и в умственном труде: электрокары определяют маршрут, скорость и маневры движения; языковые модели подготавливают тексты; генеративные системы создают изображения для рекламы и дизайна.

Указанные и многие другие процессы происходят при обращении к так называемому искусственному интеллекту. В юридической науке сформировалось единое мнение о необходимости регулирования новой сферы и о потребности формирования нормативно-правовой базы, предусматривающей специфику регулирования как самого искусственного интеллекта (далее - ИИ), так и создаваемых им благ. На это, в частности, обращали внимание Р. А. Абдусаламов [1, с. 169], А. Б. Сливицкий и Б. А. Сливицкий [2, с. 60], Ю. А. Евстратова [3, с. 185] и другие исследователи.

Однако обилие доктринальных позиций не устранило вопрос о том, что именно скрывается за словом «интеллект» в анализируемом понятии. Одни исследователи, анализируя сущность ИИ и специфику понятийно-категориального аппарата, исходят из способности к обучению как системообразующего свойства [4]. Другие ученые полагают ключевым проявлением интеллектуальности ИИ любую деятельность, которая представляется аналогичной когнитивной деятельности человека. В качестве обоснования, среди прочего, они ссылаются на не вполне удачную интеграцию выражения «Artificial Intelligence» при его переводе на русский язык [5].

Обусловленное приводит к появлению ряда вопросов: о трактовке стандартизированного определения, которое признавалось бы удачным большинством исследователей; о возможности отнесения тех или иных систем к ИИ; о необходимости нормативного развития разграничения сильного ИИ, способного реализовывать широкий диапазон действий или даже обладающего полноценной способностью мыслить, и слабого ИИ, направленного на выполнение специализированных действий [6, с. 43].

Между тем само понятие акцентирует внимание на «интеллекте» как на ключевом признаке, потенциально влияющем как на разграничение рассматриваемого явления с другими объектами, так и на формирование круга общественных отношений, регулируемых формирующимися нормами о новом объекте цифрового права.

Таким образом, проблематика настоящего исследования выражается в отсутствии устойчивого понимания сущности критерия «интеллектуальности» искусственного интеллекта. Актуальность исследования заключается в потребности доктринального обобщения подходов к обозначенному свойству и определения содержательного вектора «интеллекта» для дальнейшего правового регулирования в Российской Федерации. Цель настоящей научной работы - определить содержание «интеллекта» в рассматриваемом явлении.

Указанная цель достигается путем решения следующих задач:

– проанализировать и обобщить взгляды, изложенные в существующих исследованиях, раскрывающих понимание термина ИИ;
– сформировать авторскую позицию, характеризующую проявление «интеллектуальности» у ИИ.

Основная часть

Определение «интеллектуальности» ИИ невозможно без обозначения сущности, выражающейся в соответствующем понятии. В связи с этим необходим анализ теорий, рассматривающих содержание изучаемого объекта.

В историческом контексте искусственный интеллект прошел достаточно сложный путь становления. Впервые рассматриваемый термин был предложен Джоном Маккарти в рамках Дартмутской конференции, где ученый обозначил дуалистический подход к пониманию ИИ: как науки, исследующей создание интеллектуальных компьютерных программ, и как технологии, обладающей способностью к обучению [7].

Дальнейшее развитие ИИ было связано с цикличностью интереса научного сообщества к рассматриваемому явлению. Такая цикличность выражалась в периодах повышения и понижения исследовательского потенциала, получивших наименование «лета ИИ» и «зимы ИИ» [8].

Новый этап в развитии ИИ наступил после 2010 года и был вызван достижением необходимого роста вычислительных возможностей, а также появлением архитектур, обеспечивающих функционирование технологий, основанных на машинном обучении. С этого периода интерес к ИИ стал последовательно усиливаться и в юридическом сообществе.

Осмысление природы ИИ, а вследствие этого и его правовой регламентации, привело к появлению многочисленных концепций. Наиболее распространенными являются определения ИИ как:

– научно-технического направления;
– сложного цифрового объекта гражданских правоотношений;
– квазисубъекта права.

Научная стезя соответствующего направления была очерчена с момента первого употребления рассматриваемого понятия. Формализация ИИ в качестве особой области исследований привела к определению ряда целей, обособляющих указанную сферу:

– моделирование процессов познания и мышления человека;
– использование применяемых человеком методов решения задач;
– разработка методов автоматизированного поиска решений интеллектуальных творческих задач;
– разработка диалоговых программно-аппаратных средств имитирования интеллекта, то есть так называемых интеллектуальных систем [9].

А. С. Потапов отмечает, что искусственный интеллект представляет собой самостоятельную и достаточно неоднородную область науки, обладающую собственными предметом исследования и методологией. В нее, в частности, входят машинный перевод, автоматическое реферирование и информационный поиск, системы речевого общения, игровой интеллект, доказательство теорем и автоматизация научных исследований, компьютерное зрение, извлечение данных, сочинение текстов и музыки и другие направления [10, с. 308].

ИИ как наука характеризуется широтой областей знаний, входящих в предмет ее изучения. При этом ее направленность сосредоточена на теоретизации и практической интеграции функций, свойственных человеку, в синтетическую оболочку.

З. О. Османова и Н. В. Святохо отмечают, что, несмотря на разное лексическое воплощение, которым в исследованиях выражается содержание ИИ, например «направление», «наука», «ветвь» и иные, общий смысл трактовок сводится к автоматизации и моделированию интеллектуальной деятельности, выполнению функций и задач, изначально свойственных человеку [11, с. 206].

Следовательно, ключевым свойством, вокруг которого формируются новые знания в обозначенной науке, выступает возможность синтетического выполнения ряда функций и задач. Их специфика выражается в непосредственном соотнесении с человеком.

Второй наиболее распространенный подход заключается в определении ИИ как самостоятельной интеллектуальной системы, являющейся особым объектом.

Данный подход получил практическое воплощение в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». В соответствии с этим документом под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека, включая поиск решений без заранее заданного алгоритма, и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, в том числе использующее методы машинного обучения, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Указанное определение с незначительными изменениями получило распространение и в дальнейшей законотворческой деятельности. Оно было прямо закреплено в Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»», а также предусмотрено в проекте с ID 166424, разрабатываемом Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и опубликованном на федеральном портале проектов нормативных правовых актов.

Представление ИИ в качестве особого объекта получило распространение и в иных юрисдикциях. Подобную позицию поддерживает нормативное закрепление Европейского союза, специализированный акт которого определяет систему ИИ как компьютерную систему, разработанную для работы с различными уровнями автономности, способную проявлять приспособляемость после развертывания и для достижения явных или неявных целей делать выводы на основе получаемых ею входных данных о том, как генерировать выходные данные: прогнозы, кон-

тент, рекомендации или решения, влияющие на физическую или виртуальную среду [12, с. 190].

Данную позицию поддерживают и многие исследователи. Д. А. Королькова отмечает, что ИИ следует рассматривать как один из объектов гражданско-правовых отношений, поскольку по существу соответствующие системы являются программами для ЭВМ, попадающими под категорию объектов интеллектуальной собственности [13]. Вэй Дэпэн обращает внимание на то, что ИИ представляет собой особый продукт, за уровень дефектов которого отвечают производитель и разработчик [14]. Аналогично ИИ в качестве объекта рассматривают Д. В. Акинфеев, В. В. Перькова, Е. В. Соломонов и другие авторы [15; 16; 17].

Следует отметить, что большинством исследователей подчеркивается специфика ИИ, обособляющая его от других объектов и характеризующая его сущность. В качестве таких признаков приводятся сопоставление с интеллектуальной деятельностью человека, особенности деятельности подобного объекта, создание нового блага, автономность работы и другие.

Третьей, наиболее популярной позицией является рассмотрение ИИ в качестве нового субъекта. Данный подход активно развивался с начала обсуждения направлений нормативного регулирования ИИ. Так, в Европейском союзе получила распространение позиция о возможности рассмотрения ИИ в качестве субъекта права, именуемого электронным лицом. Данная концепция проводит параллель между ИИ и юридическим лицом, основываясь на фикции последнего как квазисубъекта [18].

Аналогично предлагаются и иные подходы, указывающие на возможность наделения ИИ элементами правосубъектности. Н. В. Архиереев предлагает концепцию квачера, под которым понимается интеллектуальная система со свойственным человеку уровнем поведения при отсутствии сознания [19]. О возможности наделения ИИ способностью обладать и реализовывать определенный объем прав и обязанностей указывали Е. В. Вавилин, Г. П. Ивлиев, М. А. Егорова и другие исследователи [20; 21].

В науке выделяются также иные интерпретации ИИ, например, в качестве метафоры, технического устройства или информационного процесса [22; 23].

Таким образом, существует множество подходов к характеристике ИИ, однако сущностное воплощение рассматриваемого объекта, независимо от направления интерпретации, связывается с реализацией действий, которые представляются человеку осознанными и требующими задействования когнитивных способностей.

В самом общем смысле термин «когнитивный» означает «связанный с познанием, с мышлением; познавательный». При этом указанное понятие распространило сферу своего изучения за пределы предметной области какой-либо одной науки. Многими учеными отмечается существование целой группы когнитивных наук, представляющих собой междисциплинарный комплекс наук о познании [24].

Помимо области знаний, обозначенной Джоном Маккарти, к когнитивным направлениям относятся нейрофизиология, когнитивная психология, лингвистика, философия и иные направления. Отличительной особенностью данной сферы является разнонаправленность. Так, нейрофизиология исследует физическую составляющую процесса формирования знаний у человека, изучая его нервную систему и ее составляющие - нейроны, концентрируясь на «механике»; когнитивная психология сосредоточена на психических аспектах обработки информации, анализируя перцептивные функции: восприятие, память, мышление и тому подобные; лингвистика изучает взаимосвязь языка и сознания; компьютерные науки конструируют алгоритмическую синонимизацию процесса человеческого познания; философия обобщает и осмысляет сущность когнитивных институтов.

Согласно толковому словарю под редакцией Д. Н. Ушакова под интеллектом понимаются ум, рассудок, мыслительная способность у человека. Как видно из исследуемого понятия, понимание интеллекта зачастую непосредственно ставится в зависимость от человека как единственного субъекта, обладающего соответствующим качеством. В то же время в иных интерпретациях, например, в словаре современного русского литературного языка под редакцией С. Г. Бархударова и В. В. Виноградова данный термин рассматривается самостоятельно, без закрепления за каким-либо обладателем.

Из Большого толкового словаря под редакцией С. А. Кузнецова следует, что под разумом понимается познавательная деятельность человека, способность мыслить, ум, интеллект, рассудок. Следовательно, фактически указанные понятия раскрываются через сами себя, что нарушает основные правила логики, касающиеся формирования определений. В то же время под мыслительной деятельностью понимается способность рассуждать, сопоставляя явления объективной действительности и делая выводы.

Таким образом, три указанных понятия имеют весьма схожее значение, подразумевая определенную деятельность, непосредственно связанную с процессом познания как центральной категорией, вокруг которой сосредоточены когнитивные направления.

Познание представляет собой сложную структуру процессов, охватываемых общей целью - получением нового знания. В научной области, получившей наименование логики и исследующей правильное построение мыслей, а следовательно, и сам процесс познания, выделяются операции, посредством которых достигается получение новых знаний. При помощи анализа происходит мысленное расчленение объекта на его свойства и части, которые в последующем исследуются в совокупности посредством синтеза; абстрагирование отделяет существенные свойства объекта от иных; обобщение объединяет общие свойства однородных предметов.

В свою очередь, современные системы ИИ представляют собой имитацию мыслительной деятельности, ограниченную уровнем технического прогресса. Так, например, большие языковые модели основаны на вероятностной архитектуре, предсказывающей генерируемый результат путем выбора токена с наиболее вероятной массой. Поэтому в настоящее время рассматриваемый объект обладает математической аналогией познания, лишенной как понимания анализируемых им материй, так и способности раскрывать внутреннее содержание объектов: свойства, признаки, порождаемые следствия при воздействиях разного рода.

Таким образом, познавательная деятельность человека осуществляется исходя из содержания исследуемого объекта и направлена на осознание всей его полноты, а ИИ имитирует познание посредством предоставления наиболее вероятного варианта запрашиваемого результата. Следовательно, «интеллектуальность» ИИ не является проявлением мыслительной способности в человеческом смысле, а представляет собой иное качество.

Для выявления обозначенного качества представляется необходимым проанализировать способности, которые обычно приписываются ИИ. Во-первых, практически все технологии, основанные на машинном обучении, обладают способностью к восприятию. ИИ фиксирует входящие данные, начиная от символьных элементов: букв, цифр, иных знаков, промпта пользователя, текста загруженных файлов и тому подобного, - и заканчивая аудиовизуальными материалами. Так, робот-доставщик, управление которым осуществляет встроенный ИИ, способен получать сведения об окружающей действительности; современные большие языковые модели обращаются к необходимой информации в сети «Интернет»; системы генеративного дизайна принимают пользовательское задание.

Во-вторых, ИИ обладает способностью к анализу и иной обработке поступивших данных. Так, при получении данных большие языковые модели осуществляют их векторизацию, то есть преобразование текста в доступный для ИИ числовой формат.

В-третьих, реализуется процесс генерации результата. При этом под данным действием подразумевается не только привычный вывод текста, изображения и аналогичных благ, но и иные формы реакций, производимых соответствующими технологиями по результатам анализа. Например, это может быть выбор и реализация той или иной модели поведения: изменение направления движения автомобиля Tesla или обращение к поиску иной информации.

Таким образом, деятельность ИИ характеризуется обработкой информации - сведений, сообщений и данных независимо от формы их представления (ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). При этом существенное отличие ИИ от иных систем составляет совокупность таких качеств, как возможность генерации результата без заранее заданного последовательного алгоритма, адаптивность и самообучение, под которыми понимается возможность корректировки и совершенствования своего поведения.

Отмеченное также вытекает из деятельности, делегируемой человеком в пользу ИИ. Например, при диагностике заболеваний соответствующие технологии анализируют рентгеновские снимки, симптомы и иные данные, что помогает выявлять патологии [25]. В правоохранительной деятельности предлагается использовать ИИ для идентификации по личностным и биологическим характеристикам [26]. В профессиональной коммерческой деятельности ИИ часто выступает в качестве средства автоматизации процессов: чат-боты используются для обслуживания клиентов, выявления тенденций и прогнозирования финансовых результатов [27].

Как следует из указанных примеров, диапазон задач, которые ставятся перед ИИ, крайне широк. Однако все они сосредоточены на переработке информации, которая может иметь разные формы: от символьных элементов до визуальных данных.

Заключение

На основании вышеизложенного «интеллектуальность» ИИ значительно отличается от естественного интеллекта человека. Обозначенное выражается в специфике мыслительной деятельности субъекта и объекта. Если человек познает действительность содержательно, то деятельность современных систем ИИ отлична от познания и представляет собой вероятностное формирование результата. В свою очередь, под интеллектом в контексте сущности ИИ следует

понимать совокупность функциональных возможностей интеллектуального объекта, направленных на обработку информации, адаптацию и формирование результата без заранее заданного последовательного алгоритма.

Список литературы:

[1] Абдусаламов Р. А. Основные направления правового регулирования использования искусственного интеллекта в сфере высшего образования // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. - 2024. - Т. 52, № 4. - С. 135-143. - DOI: 10.21779/2224-0241-2024-52-4-135-143. - EDN FOTQUA.

[2] Сливицкий А. Б., Сливицкий Б. А. Анализ системы правового регулирования бытия технологий искусственного интеллекта // Управление наукой: теория и практика. - 2024. - Т. 6, № 2. - С. 53-61. - DOI: 10.19181/smtp.2024.6.2.5. - EDN IKHTEA.

[3] Евстратова Ю. А. Искусственный интеллект - современный инструмент цифровой парадигмы // Право и государство: теория и практика. - 2024. - №7(235). - С. 183-186. - DOI: 10.47643/1815-1337_2024_7_183. - EDN YNIOZK.

[4] Бобрышев Антон Александрович РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: NFT, ГРАФИЧЕСКИЙ ИНТЕРФЕЙС И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ // Образование и право. 2023. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sistemy-obektov-intellektualnoy-sobstvennosti-nft-graficheskiy-interfeys-i-iskusstvennyy-intellekt (дата обращения: 29.04.2026).

[5] Залесов А. В. Объекты патентных прав, созданные искусственным интеллектом // Право и экономика. - 2024. - № 2.

[6] Кирюшина И. В., Коваленко Е. Ю. К вопросу о понятии искусственного интеллекта и основах его регулирования в международном и российском праве // Юрислингвистика. - 2023. - № 29(40). - С. 43. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-iskusstvennogo-intellekta-i-osnovah-ego-regulirovaniya-v-mezhdunarodnom-i-rossiyskom-prave (дата обращения: 29.04.2026).

[7] Тайров Б. Г. Подходы к определению искусственного интеллекта // 58-я научная конференция аспирантов, магистрантов и студентов БГУИР: сб. науч. тр. - Минск: БГУИР, 2022. - С. 58-60. - URL: https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/48607/1/Tairov_Podkhody.pdf.

[8] Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. - Москва: Проспект, 2021. - 176 с. - ISBN 978-5-392-33413-1.

[9] Евсеев В. И. Искусственный интеллект в современном мире: надежды и опасности создания и использования // Аэрокосмическая техника и технологии. - 2023. - № 1. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-sovremennom-mire-nadezhdy-i-opasnosti-sozdaniya-i-ispolzovaniya (дата обращения: 14.02.2026).

[10] Потапов А. С. Технологии искусственного интеллекта: анализ проблематики и построение структуры учебной дисциплины // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. - 2007. - № 43. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-analiz-problematiki-i-postroenie-struktury-uchebnoy-distsipliny (дата обращения: 15.02.2026).

[11] Османова З. О., Святохо Н. В. Искусственный интеллект: теоретический базис и практическая перспективность применения // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. - 2024. - № 4(69). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-teoreticheskiy-bazis-i-prakticheskaya-perspektivnost-primeneniya (дата обращения: 16.04.2026).

[12] Ревенко Л. С., Ревенко Н. С. Искусственный интеллект в Европе: состояние и регулирование // Современная Европа. - 2025. - № 6(134). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-evrope-sostoyanie-i-regulirovanie (дата обращения: 18.04.2026).

[13] Королькова Д. А. Искусственный интеллект как объект гражданского права // Закон и право. - 2024. - № 2. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-obekt-grazhdanskogo-prava (дата обращения: 18.04.2026).

[14] Вэй Дэпэн. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Юридическая наука. - 2026. - № 2. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-otvetstvennost-iskusstvennogo-intellekta-1 (дата обращения: 18.04.2026).

[15] Акинфеев Д. В. Нормативное определение категории «искусственный интеллект» в гражданском праве Российской Федерации и Республики Таджикистан // Юридическая наука. - 2024. - № 8. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/normativnoe-opredelenie-kategorii-iskusstvennyy-intellekt-v-grazhdanskom-prave-rossiyskoy-federatsii-i-respubliki-tadzhikistan (дата обращения: 18.04.2026).

[16] Перькова В. В. Проблема правосубъектности носителей искусственного интеллекта // Закон и власть. - 2023. - № 2. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-pravosubektnosti-nositeley-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 18.04.2026).

[17] Соломонов Е. В. Правосубъектность искусственного интеллекта // Вестник ОмГУ. Серия: Право. - 2025. - № 1. - URL: https://

cyberleninka.ru/article/n/pravosubektnost-iskusstvennogo-intellekta-1 (дата обращения: 18.04.2026).

[18] Кирилова Е. А., Зульфугарзаде Т. Э. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта // Имущественные отношения в Российской Федерации. - 2024. - № 4(271). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravosubektnosti-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 26.04.2026).

[19] Архиереев Н. В. Квачер (квазичеловеческий разум) как квазисубъект права: новая юридическая фикция. Часть 1 // Юрист. - 2025. - № 11. - С. 10-20.

[20] Вавилин Е. В. Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2021. - № 42. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-uchastnik-grazhdanskih-otnosheniy-transformatsiya-prava (дата обращения: 29.04.2026)

[21] Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. - 2022. - № 6.

[22] Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // ИС. Авторское право и смежные права. - 2019. - № 2-3.

[23] Исаков В. Б. Перспективы искусственного интеллекта в праве (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4. Государство и право. - 2025. - № 3. - С. 48. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-iskusstvennogo-in-tellekta-v-prave-obzor (дата обращения: 28.04.2026).

[24] Серегина Т. В. Краткая история развития когнитивных наук / Т. В. Серегина, Г. О. Дорофеев // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). - 2022. - № 4(22). - С. 87-96. - EDN MXHZTK.

[25] Кошечкин К. А. Регулирование искусственного интеллекта в медицине // ПОФМ. - 2023. - № 1. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-meditsine (дата обращения: 20.04.2026).

[26] Кованов Е. С. Феномен искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Вестник ВГУ. Серия: Право. - 2024. - № 3(58). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-iskusstvennogo-intellekta-v-pravoohranitelnoy-deyatelnosti (дата обращения: 20.04.2026).

[27] Юрченко В. Возможности внедрения искусственного интеллекта в бизнесе // Вестник науки. - 2024. - № 11(80). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-vnedreniya-iskusstvennogo-intellekta-v-biznese (дата обращения: 20.04.2026).

References:

[1] Abdusalamov R. A. The main directions of legal regulation of the use of artificial intelligence in the field of higher education//Legal Bulletin of Dagestan State University. - 2024. - T. 52, NO. 4. - S. 135-143. - DOI: 10.21779/2224-0241-2024-52-4-135-143. - EDN FOTQUA.

[2] Slivitsky A. B., Slivitsky B. A. Analysis of the system of legal regulation of the existence of artificial intelligence technologies//Science management: theory and practice. - 2024. - T. 6, NO. 2. - S. 53-61. - DOI: 10.19181/smtp.2024.6.2.5. - EDN IKHTEA.

[3] Evstratova Yu. A. Artificial intelligence is a modern tool of the digital paradigm//Law and State: Theory and Practice. - 2024. - № 7(235). - S. 183-186. - DOI: 10.47643/1815-1337_2024_7_183. - EDN YNIOZK.

[4] Anton Alexandrovich Bobryshev INTELLECTUAL PROPERTY SYSTEM DEVELOPMENT: NFT, GRAPHIC INTERFACE AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE//Education and Law. 2023. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sistemy-obektov-intellektualnoy-sobstvennosti-nft-graficheskiy-interfeys-i-iskusstvennyy-intellekt (дата обращения: 29.04.2026).

[5] Zalesov A.V. Objects of patent rights created by artificial intelligence//Law and economics. - 2024. - № 2.

[6] Kiryushina I.V., Kovalenko E. Yu. On the question of the concept of artificial intelligence and the basics of its regulation in international and Russian law//Jurislinguistics. - 2023. - № 29(40). - S. 43. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-iskusstvennogo-intellekta-i-osnovah-ego-regulirovaniya-v-mezhdunarodnom-i-rossiyskom-prave (дата обращения: 29.04.2026).

[7] Tyrov B. G. Approaches to the definition of artificial intelligence//58th scientific conference of graduate students, undergraduates and students of BSUIR: Sat. scientific. tr. - Minsk: BGUIR, 2022. - S. 58-60. - URL: https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/48607/1/Tairov_Podkhody.pdf.

[8] Bakhteev D.V. Artificial intelligence: ethical and legal foundations: monograph. - Moscow: Prospect, 2021. - 176 p. - ISBN 978-5-392-33413-1.

[9] Evseev V.I. Artificial intelligence in the modern world: hopes and dangers of creation and use// Aerospace engineering and technology. - 2023. - № 1. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-sovremennom-mire-nadezhdy-i-opasnosti-sozdaniya-i-ispolzovaniya (дата обращения: 14.02.2026).

[10] Potapov A.S. Artificial intelligence technologies: analysis of problems and building the structure of the discipline//Scientific and technical bulletin of information technologies, mechanics and optics.

- 2007. - № 43. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-analiz-problematiki-i-postroenie-struktury-uchebnoy-distsipliny (дата обращения: 15.02.2026).

[11] Osmanova Z. O., Svyatokho N.V. Artificial intelligence: theoretical basis and practical prospects of application//Scientific Bulletin: finance, banks, investments. - 2024. - № 4(69). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-teoreticheskiy-bazis-i-prakticheskaya-perspektivnost-primeneniya (дата обращения: 16.04.2026).

[12] Revenko L. S., Revenko N. S. Artificial intelligence in Europe: state and regulation//Modern Europe. - 2025. - № 6(134). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-evrope-sostoyanie-i-regulirovanie (дата обращения: 18.04.2026).

[13] Korolkova D.A. Artificial intelligence as an object of civil law//Law and law. - 2024. - № 2. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-obekt-grazhdanskogo-prava (дата обращения: 18.04.2026).

[14] Wei Depeng. Civil liability of artificial intelligence//Legal science. - 2026. - № 2. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-otvetstvennost-iskusstvennogo-intellekta-1 (дата обращения: 18.04.2026).

[15] D.V. Akinfeev. Normative definition of the category “artificial intelligence” in civil law of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan// Legal science. - 2024. - № 8. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/normativnoe-opredelenie-kategorii-iskusstvennyy-intellekt-v-grazhdanskom-prave-rossiyskoy-federatsii-i-respubliki-tadzhikistan (дата обращения: 18.04.2026).

[16] Perkova V.V. The problem of legal personality of carriers of artificial intelligence//Law and power. - 2023. - № 2. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-pravosubektnosti-nositeley-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 18.04.2026).

[17] Solomonov E.V. Legal personality of artificial intelligence//Bulletin of Omsk State University. Series: Right. - 2025. - № 1. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravosubektnost-iskusstvennogo-intellekta-1 (дата обращения: 18.04.2026).

[18] Kirilova E. A., Zulfugarzade T. E. On the issue of legal personality of artificial intelligence// Property relations in the Russian Federation. - 2024. - № 4(271). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravosubektnosti-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 26.04.2026).

[19] Bishop N.V. Kvacher (quasi-human reason) as a quasi-subject of law: a new legal fiction. Part 1// Lawyer. - 2025. - № 11. - S. 10-20.

[20] Vavilin E.V. Artificial intelligence as a participant in civil relations: transformation of law//Bulletin of Tomsk State University. Right. - 2021. - № 42. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-uchastnik-grazhdanskih-otnosheniy-transformatsiya-prava (дата обращения: 29.04.2026)

[21] Ivliev G.P., Egorova M.A. Legal issues of the legal status of artificial intelligence and products created by artificial intelligence systems//Journal of Russian Law. - 2022. - № 6.

[22] Vitko V. Analysis of scientific ideas about the author and rights to the results of artificial intelligence//IP. Copyright and related rights. - 2019. - № 2-3.

[23] Isakov V. B. Perspectives of artificial intelligence in law (review)//Social and humanities. Domestic and foreign literature. Series 4. State and law. - 2025. - № 3. - S. 48. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-iskusstvennogo-in-tellekta-v-prave-obzor (дата обращения: 28.04.2026).

[24] Seregina T.V. A brief history of the development of cognitive sciences/T.V. Seregina, G.O. Dorofeev//Abyss (Questions of philosophy, political science and social anthropology). - 2022. - № 4(22). - S. 87-96. - EDN MXHZTK.

[25] Koshechkin K. A. Regulation of artificial intelligence in medicine//POFM. - 2023. - № 1. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-meditsine (дата обращения: 20.04.2026).

[26] Kovanov E. S. The phenomenon of artificial intelligence in law enforcement//Vestnik VSU. Series: Right. - 2024. - № 3(58). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-iskusstvennogo-intellekta-v-pravoohranitelnoy-deyatelnosti (дата обращения: 20.04.2026).

[27] Yurchenko V. Opportunities for the introduction of artificial intelligence in business//Bulletin of Science. - 2024. - № 11(80). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-vnedreniya-iskusstvennogo-intellekta-v-biznese (дата обращения: 20.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-407-411

ДУБЕНЬ Андрей Кириллович,
кандидат юридических наук,
Институт государства и права
Российской академии наук,
e-mail: k.duben@mail.com

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИОГРАФИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА

Аннотация. *Статья посвящена историографическим проблемам информационного права, отдельное внимание было уделено вопросам отдельной подотрасли информационного права как информационная безопасность. Автор указывает на общие проблемы историографии в теории и истории государства и права, философии права, а также в истории политической и правовой мысли. В статье отмечено, что что появление в современном мире новых и крайне непростых вызовов, угроз и релевантных им задач по обеспечению устойчивого развития в политической и правовой сферах жизни общества непрерывно диктует необходимость адекватных ответов, которые не только восполняли бы недостающие элементы в сохранении прежних институциональных и идейных структур. Автор делает вывод, что в условиях геополитической нестабильности и трансформации мирового порядка необходимо на законодательном уровне принять меры по предотвращению и недопущению деструктивного воздействия на отечественные информационные ресурсы и информационную инфраструктуру государственного и частного сектора, поскольку возрастают угрозы расширения диапазона возможностей для применения информации в качестве оружия, деструктивно влияющего на стабильность общественных внутригосударственных и внешнеполитических отношений.*

Ключевые слова: *историография, политические и правовые учения, философия права, трансформация права, цифровизация права, информационное право, информационная безопасность.*

DUBEN Andrey Kirillovich,
candidate of Law Sciences,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

SELECTED ASPECTS OF INFORMATION LAW HISTORIOGRAPHY

Annotation. *The article is devoted to the historiographical problems of information law, with a particular focus on the issues of a separate sub-branch of information law, such as information security. The author highlights the general problems of historiography in the theory and history of state and law, the philosophy of law, and the history of political and legal thought. The article notes that the emergence of new and extremely complex challenges, threats, and relevant tasks in the political and legal spheres of society in the modern world continuously dictates the need for adequate responses that not only fill in the missing elements in preserving the previous institutional and ideological structures. The author concludes that in the context of geopolitical instability and the transformation of the world order, it is necessary to take legislative measures to prevent and avoid destructive impacts on domestic information resources and information infrastructure.*

Key words: *historiography, political and legal studies, philosophy of law, transformation of law, digitalization of law, information law, and information security.*

Историография занимает важное место в юридической науке и представляет собой особую научно-познавательную деятельность, которая определяет и решает социальные, правовые, политические, экономические и иные задачи. На сегодняшний день, историография выступает самостоятельным научным направлением в общеисторических и общеправовых науках и в предметно-дисциплинарном направлении занимает ключевое место. Таким образом, историография является всеобщей и программной наукой, которая оказывает большое влияние на все процессы научных исследований.

Актуальность данной темы обусловлено тем, что интерес к обсуждаемым вопросам продиктован наличием существенных пробелов в

историографии политико-правовой мысли и отсутствием решений для их надлежащего восполнения в юридической науке. Отечественными учеными отмечено, что качественное изменение состояния и ха¬рактера историографических исследований возможно путем фундаментальной разработки существующих в мировой практике подходов к композиции и прин¬ципам изложения, отбора материала, к ценностно-мировоззренческим установкам, определяющим исследовательские задачи и программы [1, с. 13]. Из этого следует, что историогра-фические подходы к вопросам возникновения и эволюции политико-правовой мысли, направлениям ее развития и социально-практического использования формируются в рамках соответствующих национальных литератур. Академик РАН, доктор юридических наук, профессор А.Н. Савенков отмечает, что появление в современном мире новых и крайне непростых вызовов, угроз и релевантных им задач по обеспечению устойчивого развития в политической и правовой сферах жизни общества непрерывно диктует необходимость адекватных ответов, которые не только восполняли бы недостающие элементы в сохранении прежних институциональных и идейных структур, но отличались прогностическим потенциалом и способствовали выработке соответствующих долгосрочных стратегий, в этой связи, ученый считает, что одной из насущных задач в обеспечении политико-правового развития общества, с учетом объективно формирующейся архитектуры многополярного мира является создание нового качества политико- правовых знаний, опирающегося на достижения, которые сформировались в отечественной доктрине [2, с. 11]. Вместе с тем доктор юридических наук В.С. Горбань утверждает, что современная историография предполагает не слепое воспроизведение схематизмов и шаблонов при анализе юридических концепций прошлого и современности, различных форм осмысления политических и правовых знаний: мифологического, фольклорного, теоретического, художественно-литературного и др., а сознательную ревизию и проверку познавательных средств и ресурсов, с помощью которых обеспечивается содержательное и социально-практическое наполнение соответствующей дисциплины [3, с. 110]. Такой же позиции придерживался профессор В.Г. Графский, отмечая, что юриспруденция как наука должна шире смотреть на источники необходимых знаний с учетом изучения культуры народа, его представлений о справедливом и целесообразном, об образах порядка и образах будущего, о жалобах, наставлениях и поучениях, которые формируют основы нравственности и правосознания. Таким образом, история политико-правовой мысли находит поиск между институциональными характеристиками права и интеллектуально-духовными или ментальными моментами правосознания. Таким образом, историографический подход дает новые возможности для развития и совершенствования научной мысли, новые знания и отражает верное и искомое понимание природы общественных отношений.

Стоит также высказать позицию ученых о значении и важности историографии. Так, В.И. Вернадский писал: «Научная мысль как проявление живого вещества по существу не может быть обратимым явлением – она может останавливаться в своем движении, но, раз создавшись и проявившись в эволюции биосферы, она несет в себе возможность неограниченного развития в ходе времени» [4, с. 25]. Общественный деятель Дж. Бернал отметил: «Наука является развивающимся комплексом знаний, базирующихся на ряде соображений и идей, но еще больше – на опыте и действиях огромного потока мыслителей и тружеников. наука постоянно открывает новые факты, законы и теории. все сооружение науки никогда не перестает развиваться. Она, если можно так сказать, вечно находится в ремонте, но в то же время всегда используется» [5, с. 27].

Из анализа основных положений юридической доктрины можно отметить, что историография политической и правовой мысли как систематическая дисциплина имеет важно значение для всех отраслей права, включая философию права, теорию и историю государства и права, следовательно, данная дисциплина сформировалась на основе учений о государстве и праве и отдельных ее институтов. Интеллектуальные и социальные предпосылки определили исследования по отдельным отраслям права, включая информационное, административное, гражданское право. Современная отечественная историография ставит перед собой ряд задач и целей, которые обусловлены в силу трансформации и цифровизации права, изменения многополярного мира, а также в условиях новых вызовов, угроз и рисков. Тем не менее, основной задачей отечетсвенной историографии является необходимость преодоления евроцентристских подходов и разработки такой методологической парадигмы, которая позволила бы адекватно оценить вклад отечественных ученых в развитие мировой политико-правовой мысли, признавая их уникальное значение.

В настоящее время совокупность таких угроз в рассматриваемой сфере составляет комплекс как политических, правовых, социальных, экономических так и иных масштабных информационных операций, связанных с вмешательством в национальные дела отдельных государств, а

также иных действий, направленных на нарушение их суверенных прав, многочисленных угроз деструктивного характера, оказывающих информационно-психологическое воздействие, тем самым, данные вопросы в историографической проекции имеют фундаментальный межотраслевой характер [6].

Историография политико-правовой сферы жизни общества является одной из ключевых опор всего здания политико-правовых наук и дисциплин, если изначально историографии придавалось вспомогательное значение, ориентированное на работу с источниками, освещением саморефлексии науки, освещением возникновения и смены идей, теорий и течений, определявших соответствующие формы социальной практики, то сегодня она выполняет совершенно иную функцию. В истории мысли, как видно из анализа обширной литературы и опыта, в основном используется модельный подход, который включает в себя теоретическое описание того, как возникает и эволюционирует интеллектуальное творчество человечества в своих наиболее заметных и влиятельных образцах [7, с. 14]. Из этого следует, что проблема формирования современной историографической модели политико- правовых знаний охватывает вопросы науки истории политической и правовой мысли, истории права и философии права, а также отдельных отраслевых и межотраслевых вопросов. Таким образом, одной из основных проблем в праве является отсутствие надлежащих отечественных разработок в области историографии политико-правовой мысли, которые затрагивают большой спектр вопросов и тем самым данный пробел в праве является основанием для искажений и фальсификаций исследуемой сферы знаний, оказывая негативное и отрицательное влияние на возможности эффективного развития юридических наук. Сегодня историография, учитывая современные потребности общества и государства, позволяет совершенствовать механизмы гражданско-правового регулирования общественных отношений и устраняет правовые проблемы с использованием инструментария различных отраслей права.

Историография играет ключевую роль для понимания истории политических и правовых учений с точки зрения возможности объективного, достоверного научного осмысления правовых процессов [8, с. 92]. Так, по мнению М.Н. Марченко «Разноречивые мировоззренческие позиции проявлялись на протяжении всей истории развития человечества не только по отношению к государству, процессу его познания и, соответственно, к процессу формирования его теории, но и по отношению к другим государственно- правовым феноменам, таким, в частности, как государственная власть, право, государственное управление, права человека и др. … Подойти к исследованию искомого явления не только и даже не столько с позиций его понятия, формы, содержания и т. п., сколько – истории его возникновения, становления и развития» [9, с. 12].

Анализ отдельных теоретических положений свидетельствует о том, что историография показывает, как цифровизация общественных отношений оказывает значительное влияние на различные сферы деятельности российского государства и общества, создает возможности для развития инноваций. Вместе с тем методы историографии не вызывают заслуженного внимания в научных исследованиях информационно-правового характера. Так, историография как самостоятельная юридическая дисциплина, вспомогательная по-своему назначению, имеет серьезные задачи по совершенствованию как общей теории и методологии, так приемов и практик специальных исследований [10, с. 5]. Академик РАН А.Н. Савенков справедливо отметил, что появление в современном мире новых угроз, а также вызовов праву, релевантных им задач по обеспечению устойчивого развития в политико-правовых сферах требуют адекватных ответов, которые бы не только восполняли недостающие элементы в сохранении прежних институциональных и идейных структур, но и отличались прогностическим потенциалом и способствовали выработке соответствующих долгосрочных стратегий [11, с. 16]. В этой связи автором отмечено, что на сегодняшний день для фундаментальной отечественной науки одной из стратегических задач является научно-технологическое развитие России, т.к., в настоящее время информационные технологии, такие как искусственный интеллект, большие данные, квантовые технологии, блокчейн, нанотехнологии, биотехнологии и когнитивные технологии, влияют практически на все отрасли цифровой экономики, развивающиеся в процессе цифровой трансформации [12].

Рассматривая историографию информационного права важно обратить внимание на ее этапы эволюции и становления. В конце XX в. и в самом начале XXI в. в отношении информационного права можно было вести дискуссии о необходимости отдельной отрасли права, регулирующей информационно-правовые отношения в системе российского законодательства, то сейчас существование указанной отрасли уже в целом не подвергается особым сомнениям. Вместе с тем некоторые авторы продолжают не признавать сложившуюся отрасль информационного права и утверждать лишь о процессе ее зарождения и формирования в настоящий момент [13, с. 47].

Исследователи традиционно отмечают, что общественные отношения, возникающие в рамках информационного права и составляющие его предмет, обладают рядом специфических признаков. Так, по мнению А.А. Чеботаревой, к ним относятся возникновение, изменение и прекращение регулируемых правом общественных отношений, возникающих в процессе получения информации и «по поводу обладающих определенной спецификой объектов, к которым относятся информация, информационные объекты, информационные технологии» [14, с. 30]. Между тем, И.Л. Бачило в своих работах отмечала, что в состав предмета информационного права входят отношения, связанные с информацией в различных формах и информационными ресурсами, а также информационными и коммуникационными технологиями и средствами [15, с. 23]. Как можно заметить, предмет информационного права не ограничивается отношениями, связанными лишь с самой информацией, а предполагает более широкий круг отношений, в состав которого входят в том числе отношения, связанные с разработкой и использованием информационных систем, а также иных объектов при использовании которых возникают права и обязанности у субъектов права.

Публичный аспект информационно-правовых отношений состоит в применении публично-правовых механизмов регулирования для обеспечения гарантий осуществления информационных прав и свобод, стабильности и поступательности социально-экономического развития Российской Федерации. В рамках публично-правового регулирования и правоприменения реализуется государственно-управленческое воздействие на информационные правоотношения путем применения властных предписаний и запретов, призванных обеспечить надлежащее соблюдение и охрану прав субъектов информационного права, а также укрепление технологического суверенитета государства в информационной сфере.

Таким образом, в условиях геополитической нестабильности и трансформации мирового порядка необходимо на законодательном уровне принять меры по предотвращению и недопущению деструктивного воздействия на отечественные информационные ресурсы и информационную инфраструктуру государственного и частного сектора, поскольку возрастают угрозы расширения диапазона возможностей для применения информации в качестве оружия, деструктивно влияющего на стабильность общественных внутригосударственных и внешнеполитических отношений. Историографический анализ позволяет выявить проблемы в данной сфере, на основе которых формируются задачи социального, духовно- нравственного, политического и просветительского характера, которые проявляются в конкретных исторических условиях и в социальной практике, исторически сложившиеся в правоотношениях.

Список литературы:

[1] Савенков А. Н., Горбань В. С. Всемирная история политической и правовой мысли: монография, в 6-ти томах. Том I: Философия и историография юридической мысли. М.: Наука, 2025. 323 с.

[2] Савенков А.Н. Современные идеологемы и историография государствоведения (анализируя труды В.Е. Чиркина) // Государство и право. 2024. № 10. С. 10-22.

[3] Горбань В.С. Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой теории // Антиномии. 2025. Т. 25, № 1. С. 107-127.

[4] Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. 270 с.

[5] Бернал Д.Д. Наука в истории общества / Пер. с англ. А.М. Вязьминой и др.; общ. ред. Б.М. Кедрова, И.В. Кузнецова. М., 1956. 735 с.

[6] Правовое обеспечение суверенитета и кодификация информационного законодательства: монография / отв. ред. Т. А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов. М.: Институт государства и права РАН, 2024. 237 с.

[7] Горбань В.С. Историографические исследования политико-правовой мысли // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2024. Т. 19, № 4. С. 11-39.

[8] Горбань В.С. Новая историография политико- правовой мысли как насущная задача юридических наук // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104). С. 91-101.

[9] Марченко М. Н. Советское и постсоветское государство и право: сравнительно-правовое исследование: учеб. пособие. М.: Проспект, 2018. 270 с.

[10] Историографические проблемы и подходы в современных исследованиях: сборник научных трудов первой Международной конференций «Историографические проблемы и подходы в современных юридических исследованиях» (Москва, 16 октября 2024 года) / под общ. ред. чл.- кор. РАН, д-ра юрид. наук, проф. А. Н. Савенкова, д-ра юрид. наук В. С. Горбаня. М.: ИГП РАН, 2024. 456 с.

[11] Савенков А. Н. Россия и ее суверенное цивилизационное пространство в свете историографии сравнительного государствоведения // Историографические проблемы и подходы в современных исследованиях: сборник научных трудов первой Международной конференций «Историографические проблемы и подходы в

современных юридических исследованиях» (Москва, 16 октября 2024 года) / под общ. ред. чл.- кор. РАН, д-ра юрид. наук, проф. А. Н. Савенкова, д-ра юрид. наук В. С. Горбаня. М.: ИГП РАН, 2024. С. 15-32.

[12] Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов Российской академии наук на Всероссийской научной конференции с международным участием, Москва, 10–11 декабря 2018 года / под общ. ред. А. Н. Савенкова. М.: Институт государства и права РАН, 2019. 408 с.

[13] Арямов А.А., Руева Е.О. Цифровое право как объект уголовно-правовой охраны // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 45-47.

[14] Чеботарева А.А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе: Дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 473 с.

[15] Бачило И.Л. Информационное право: Учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2017. 419 с.

References:

[1] Savenkov A.N., Gorban V.S. World history of political and legal thought: monograph, in 6 volumes. Volume I: Philosophy and historiography of legal thought. M.: Science, 2025. 323 c.

[2] Savenkov A.N. Modern ideologies and historiography of state science (analyzing the works of V.E. Chirkin)//State and law. 2024. № 10. S. 10-22.

[3] Gorban V.S. The role of historiography in the philosophy of law and the formation of the conceptual language of modern legal theory//Antinomy. 2025. VOL. 25, NO. 1. S. 107-127.

[4] Vernadsky V.I. Scientific thought as a planetary phenomenon. M., 1991. 270 c.

[5] Bernal D.D. Science in the History of Society/Per. with English. A.M. Vyazmina et al.; total ed. B.M. Kedrova, I.V. Kuznetsova. M., 1956. 735 c.

[6] Legal support of sovereignty and codification of information legislation: monograph/rev. ed. T. A. Polyakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov. M.: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2024. 237 pp.

[7] Gorban V.S. Historiographic studies of political and legal thought//Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2024. VOL. 19, NO. 4. S. 11-39.

[8] Gorban V.S. New historiography of political and legal thought as an urgent task of legal sciences// Bulletin of O. E. Kutafin University (MSLA). 2023. № 4 (104). S. 91-101.

[9] Marchenko M. N. Soviet and post-Soviet state and law: comparative legal research: study. manual. M.: Prospect, 2018. 270 s.

[10] Historiographic problems and approaches in modern research: a collection of scientific works of the first International Conference “Historiographic problems and approaches in modern legal research” (Moscow, October 16, 2024)/under the general. ed. member - cor. RAS, Dr. Jurid. Sciences, prof. A. N. Savenkova, Dr. Jurid. Sciences V. S. Gorban. M.: IGP RAS, 2024. 456 pp.

[11] Savenkov A. N. Russia and its sovereign civilizational space in the light of historiography of comparative state science//Historiographic problems and approaches in modern research: a collection of scientific works of the first International Conference “Historiographic problems and approaches in modern legal research” (Moscow, October 16, 2024)/under general. ed. member - cor. RAS, Dr. Jurid. Sciences, prof. A. N. Savenkova, Dr. Jurid. Sciences V. S. Gorban. M.: IGP RAS, 2024. S. 15-32.

[12] Transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind: reports of members of the Russian Academy of Sciences at the All-Russian Scientific Conference with International Participation, Moscow, December 10-11, 2018/ under the general. ed. A. N. Savenkova. M.: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2019. 408 pp.

[13] Aryamov A.A., Rueva E.O. Digital law as an object of criminal law protection//Russian justice. 2020. № 1. S. 45-47.

[14] A.A. Chebotareva. Legal support of personal information security in the global information society: Diss.... Dr. Jurid. sciences. M., 2017. 473 p.

[15] Bachilo I.L. Information Law: Textbook for Academic Baccalaureate. 5th ed., Revised and add. M., 2017. 419 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-412-422

СЕМЕНОВ Александр Александрович,
научный сотрудник ФКУ НПО «СТиС» МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ГОНЧАР Владимир Владимирович,
Доцент кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
e-mail: vg0778@bk.ru

ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЛЯ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ: АРХИТЕКТУРА, ФОРМАТЫ И ПРОБЛЕМЫ СОВМЕСТИМОСТИ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности программного обеспечения для машинного обучения, включая фреймворки и библиотеки. Анализируются основные проблемы совместимости форматов данных, описания нейросетей и разметки датасетов. Описывается внутренняя структура фреймворков, их взаимодействие с библиотеками и особенности работы с различными форматами данных. Особое внимание уделяется проблемам совместимости при описании архитектур нейросетей и преобразовании данных.*

Ключевые слова: *машинное обучение, нейронные сети, фреймворки, библиотеки, форматы данных, совместимость, тензоры, инференс, программная архитектура, описание нейросетей.*

SEMENOV Alexander Alexandrovich,
Chief Researcher, Federal State Budgetary Institution "STIS" of the Ministry of Internal Affairs of Russia

GONCHAR Vladimir Vladimirovich,
Associate Professor, Department of Information Technology and Cybercrime Investigation Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev

MACHINE LEARNING SOFTWARE: ARCHITECTURE, FORMATS, AND COMPATIBILITY ISSUES

Annotation. *This article examines the features of machine learning software, including frameworks and libraries. It analyzes the main issues of data format compatibility, neural network description, and dataset labeling. It describes the internal structure of frameworks, their interaction with libraries, and the specifics of working with various data formats. Particular attention is paid to compatibility issues when describing neural network architectures and data transformations.*

Key words: *machine learning, neural networks, frameworks, libraries, data formats, compatibility, tensors, inference, software architecture, neural network description.*

Программное обеспечение (далее – ПО) для машинного обучения развивается и существует примерно по тем же законам, что и любое другое, т. е. не обладает каким-то экзотическими особенностями, хоть и имеет свои отличительные черты. Как правило, все программное обеспечение непосредственно для машинного обучения называют либо «фреймворками», либо «библиотеками».

Фреймворк машинного обучения – программное обеспечение, предоставляющее разработчику удобный интерфейс и функционал для составления, обучения, тестирования и инференса нейросетей.

Библиотека машинного обучения – программная библиотека, предоставляющая программисту программный интерфейс (API) для выполнения отдельных функций обучения или инференса нейросетей на конкретном устройстве.

Четкой границы между двумя категориями нет, зачастую одно и то же программное обеспечение можно назвать как фреймворком, так и библиотекой. Однако все же термин «фреймворк» чаще применяют именно для обозначения удобной среды, в которой может работать разработчик нейросетей, а термин «библиотека» наоборот чаще применяют просто к библиотеке с набором функций, играющую для разработчика нейросетей роль наподобие драйвера устройства. Основные вычислительные функции библиотеки машинного обучения, как правило, вызывают вычисления одного слоя, типовой пример функции приведен на *рисунке 1*. Помимо вычислительных функций, в библиотеках, как правило, представлен ряд технических функций для корректного вычисления размеров карт признаков, инициализации переменных и тензоров и т. д.

```
int Library_Convolution_Forward(
 tensor* input,
 tensor* output,
 tensor* filters,
 tensor* biases,
 int kernel_size,
 int stride,
 int padding);
```

Рисунок1. Типовой пример функции.

Наиболее распространенными фреймворками являются Pytorch и Tensorflow, примерами библиотек могут служить CudNN от Nvidia для обучения нейросетей на видеокартах (сокращенно «GPU». Строго говоря, аббревиатура относится к самому процессору, а не видеокарте, но для простоты используется в обоих смыслах) этого производителя, ее аналог MIOpen для видеокарт от AMD и библиотека OpenVINO от Intel для работы с нейросетями на устройствах Intel (главным образом на обычных центральных процессорах, сокращенно CPU). Как правило, библиотеки разрабатываются под конкретный тип устройств, чаще всего это делает сам разработчик устройств.

Отдельно от фреймворков и библиотек существуют также программы, упрощающие процесс создания разметки для датасетов.

Разметчик – программа, предоставляющая интерфейс для удобной и быстрой разметки данных и сохранения их в нужный формат.

В связи с тем, что машинное обучение, развивается децентрализовано, в области программного обеспечения для машинного обучения существует постоянно действующая проблема совместимости используемых форматов. Например, в разметке изображения для задачи детекции можно указывать координаты центра объекта с его размерами или координаты двух противоположных углов прямоугольника; в разметке изображения для задачи сегментации можно указывать принадлежность каждого пикселя к той или иной зоне, а можно – границы зон, и т. д. Разные форматы разметки могут использоваться разными разметчиками, фреймвор-

ками и, собственно, разработчиками нейросетей, из-за чего часто возникает необходимость произвести преобразование разметки из одного формата в другой, что не всегда возможно сделать однозначно.

Еще острее данная проблема проявляется в вопросе описания самих нейросетей. В общем случае описание обученной нейросети должно содержать следующую информацию:

1) взаимосвязи между слоями, т. е. выходы каких слоев являются входами каких слоев, какие слои принимают входные данные извне нейросети и какие наоборот выдают выходные результаты вовне;
2) тип каждого слоя и значения его параметров (под «параметрами» будем понимать все параметры, которые мы не называем весами, т. е. необучаемые параметры, например, размеры ядра свертки сверточного слоя);
3) значения всех весов каждого слоя (как правило, в бинарном формате, не текстовом).

Иногда описание нейросети может содержать не только слои, но и непосредственно массивы данных, возникающих между слоями.

С развитием сверточных нейросетей за массивами данных в машинном обучении закрепился термин «тензор».

Тензор – одномерный или многомерный массив. Термин «тензор» заимствован из традиционных разделов математики, однако без переноса исходного содержания, используется исключительно в качестве синонима слова «массив».

Рассмотрим, например, сверточный слой. Описание сверточного слоя должно содержать размеры ядра свертки, шаг свертки, размеры паддинга, число фильтров. Казалось бы, должны быть также указаны ширина, высота и глубина хотя бы входной карты признаков, но если в описании нейросети указаны тензор, подаваемый на вход слою, и размеры тензора также указаны, то в описании слоя необязательно указывать размеры карт признаков, достаточно сослаться на описание входного тензора. Число весов сверточного слоя не зависит от ширины и высоты входного тензора, и бывают фреймворки, в которых это свойство используется для универсального описания нейросети без указания размера входного изображения. Как следствие, в описании такой нейросети отсутствуют значения ширины и высоты тензоров и сверточных слоев. Данный подход одновременно и добавляет гибкость к описанию, и убавляет ее, поскольку добавление слоя нейросети, число весов которого зависит от размера входного тензора, в таком формате невозможно.

Представим себе теперь, что некоторый разработчик придумал новую модификацию сверточного слоя, которая показала свою эффективность на практике и теперь повсеместно применяется. Чтобы стало возможным описывать данную модификацию в прежнем формате описания нейросетей, необходимо его дополнить. Нужно при этом не трогать существующие параметры сверточного слоя, а только ввести новые, чтобы уже существующие описания нейросетей оставались корректными. Допустим, мы говорим об изобретении свертки с «раздвинутым» ядром. Можно ввести параметр «раздвинутости», указывая число пикселей, пропускаемых по ширине и высоте, и считать, что если эта величина не указана, то она равная нулю, как у обычной свертки (*рисунок 2*).

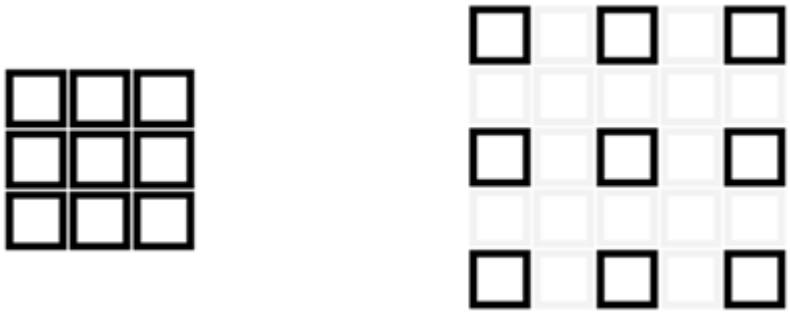

Рисунок 2. Параметр «раздвинутости»

Казалось бы, добавление такого параметра не нарушает никакую логику, но на самом деле оно порождает двусмысленность в том, как правильно читать описание слоя. Легко понять, что для свертки с нулевой «раздвинутостью» объем весов зависит от размеров ядра свертки, и от нее же, с учетом паддинга и шага, зависят размеры выходной карты признаков. Рассмотрим теперь свертку единичной «раздвинутостью», как на рисунке 2. Если отталкиваться от понимания того, что ядро свертки должно характеризовать число весов, то получается, размеры ядра равны 3. Если же смотреть с точки зрения того, как ядро свертки прикладывается к входной карте признаков и сколько раз в нее помещается, то получается, что размеры ядра такой свертки равны 5. В подобных случаях разные разработчики могут использовать разные интерпретации одного и того же описания, результатом чего становятся несовместимости фреймворков, библиотек и описаний.

Проблема несовместимости из-за разницы в описании или трактовки незначительных параметров встречается регулярно. Огромная масса таких проблем порождена одной только логикой понимания паддинга для сверток и пулинга. Например, существовало не менее трех разных способов указания паддинга:

1) указание величин паддиннга отдельно слева, справа, сверху и снизу;
2) указание величин паддинга отдельно для горизонтального (слева и справа) и вертикального (сверху и снизу);
3) указание режима подгона размера выходной карты признаков к четному или нечетному числу.

Представим себе теперь, что разработчик придумал принципиально новый слой, который также оказался востребован мировым сообществом. По идее, для этого слоя должно появиться свое описание в каждом существующем формате. Однако сам разработчик в процессе изобретения, очевидно, не обладал еще этим инструментом, и для него мог быть велик соблазн воспользоваться уже существующими слоями. Аналогично, если разработчик написал статью, где описал алгоритмические особенности нового слоя, но не предложил явного способа его представления в описании нейросети, другие разработчики, которые воспроизведут его эксперимент, могут реализовать такое описание разными способами.

Так, например, для поканальной свертки, существуют и используются два способа ее описания:

1) в виде отдельного слоя, похожего на пулинг, но с весами;
2) виде совокупности нескольких обычных сверточных слоев, каждый из которых принимает на вход карту признаков единичной глубины и производит с помощью единственного фильтра выходную карту признаков единичной глубины.

Обратим внимание на второй вариант. В нем несколько сверточных слоев порождают несколько выходных карт признаков и их, соответственно, перед подачей в следующий слой нужно собрать в единую с помощью слоя склейки, который в первом варианте не возникает. Более того, чтобы интерпретировать входную карту признаков поканальной свертки в качестве нескольких карт признаков соответствующих сверток нужно выполнить обратную склейке операцию, т. е. нарезать карту признаков на несколько карт признаков (в англ. источниках используется термин split). Необходимости подобного рода состыковки разных слоев порождают массу своего рода технических слоев, которые выполняют всевозможные умозрительные перекладывания, раскладывания, переставления (часто называемые слоем reshape) и прочие преобразования карт признаков. Особенностью этих технических слоев является то, что они не подразумевают никаких вычислений вообще, их как бы нет в оригинальном чисто алгоритмическом описании нейросети, но они вынуждено появляются в ее описании для того, чтобы его можно было корректно программно обработать.

В свою очередь, корректное описание отдельных таких преобразований требует четкого указания порядка размерностей тензора. Например, если сверточный слой выдал тензор с шириной и высотой, равными 5, и глубиной, равно 10, то для того, чтобы подать этот тензор в полносвязный слой, для которого все входы равнозначны, нужно четко условиться о том, в каком порядке значения этого слоя подаются. Программная реализация слоев будет, соответственно, подразумевать, что использован определенный порядок размерностей тензора и определенный порядок расположения значений тензора в памяти. Некоторым программистам может быть неочевидно, что по соображениям эффективности программы, выполняющие значительные математические вычисления, хранят любые большие массивы данных всегда плотно, одно значение за другим, какова бы ни была размерность массива. Например, матрицу A[5][10] хранят в виде массива из 50 значений a[50]. При этом возникает необходимость условиться о формате хранения, будут ли в массиве храниться значения по столбцам или по строкам матрицы. Соответственно, в зависимости от выбора формата значение матрицы A с индексами i и j может хра-

ниться либо по адресу a[i+5*j], либо по адресу [10*i+j]. Таким образом, возникает необходимость указания или неявного подразумевания для тензоров порядка хранения данных. Для сверточных нейросетей существует более или менее прижившийся способ обозначения этих порядков.

Рассмотрим карту признаков из трех каналов. На *рисунке 3* схематично изображено хранение этой карты признаков в форматах CHW (справа сверху) и HWC (справа снизу) соответственно.

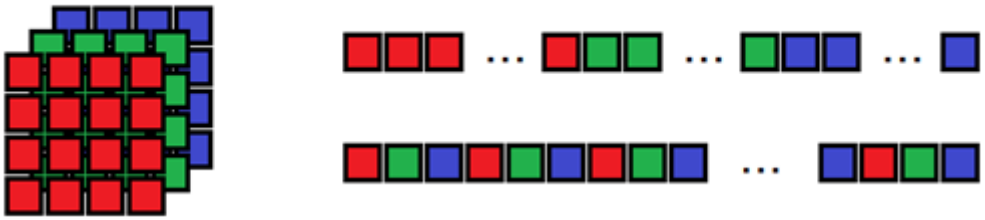

Рисунок 3. Схематичное изображение хранения карты признаков.

NHWC – аббревиатура, означающая порядок хранения данных, при котором значения разных каналов (буква «C» от слова «channel») одного пикселя карты признаков лежат друг за другом подряд, пиксели одной строки (буква «W» от слова «width») лежат друг за другом подряд, строки (буква «H» от слова «height») лежат друг за другом подряд и карты признаков, соответствующие разным входным изображениям одного батча (буква «N», выбранная без причины), лежат подряд. Для обозначения других форматов применяется аналогичная аббревиатура из тех же букв, расставленных в другом порядке, соответствующему порядку расположения данных также, как в данном определении. При единичном батче буква «N» опускается.

Представим себе теперь, что две такие карты признаков необходимо склеить в единую карту признаков с шестью каналами с сохранением формата. Для формата CHW такая операция достигается просто хранением двух массивов друг за другом. Однако для формата HWC потребуется после каждых трех значений первой карты признаков воткнуть три аналогичных значения второй карты признаков, т. е. выполнить существенные перемещения данных в памяти. Этот пример показывает, как из полностью умозрительного действия с нулевым алгоритмическим содержанием при программной реализации нейросетей появляется целая нетривиальная процедура, отнимающая время. В самых неудачных случаях время, затрачиваемое компьютером на подобные перекладывания, может составлять 99 % и более всего времени выполнения вычислений нейросети. Может показаться, что из приведенных соображений следует, что формат CHW лучше формата HWC. Однако такой однозначный вывод сделать нельзя, достаточно представить себе, как вычленяются значения из входной карты признаков для выполнения свертки 3×3 с глубиной 128: в формате HWC потребуется прочесть три массива по 384 значения, а в формате CHW – 384 массива по три пикселя, что компьютер сделает в несколько раз медленнее.

Вернемся к примеру, в котором разработчик изобрел новый слой. Среди разработчиков в области машинного обучения сложилась мода на использование языка Python, обусловленная его простотой. Интерфейс фреймворков Pytorch и Tensorflow для языка Python представляет собой библиотеку функций. В контексте программирования будем использовать общий термин «функция» для обозначения как функций C-подобных языков, так и методов, подпрограмм и т. д. других языков. Соответственно, регулярно возникают случаи, когда разработчик, придумавший новый слой, реализовал его вручную, т. е. просто запрограммировал соответствующие вычисления. При этом такой код может идти вперемешку с вызовами вычислений стандартных для фреймворка слоев. Сохранение подобной нейросети в лучшем случае возможно только в специальном формате, используемом фреймворком, и лишь им же может

быть воспроизведено. При этом о совместимости такого описания с другими существующими форматами описания нейросетей не может быть и речи. Соответственно, в данных ситуациях нейросеть в лучшем случае распространяется с авторским кодом, в худшем случае возникают разные реализации, откуда снова вытекают проблемы совместимости. В некоторых случаях, когда стандартные для фреймворка слои расположены единым куском, а авторские модификации приспособлены ко входу или выходу нейросети, нейросеть может распространяться без авторских модификаций. Так, нейросеть SSD, которая впервые решила задачу детекции. Фильтрация сгенерированных нейросетью баундин-боксов, существенно влияющая на конечный результат, с одной стороны, являлась неотъемлемой частью решения, предложенного разработчиками, но, с другой стороны, не могла быть описана в виде стандартных на тот момент форматов описания нейросетей и, соответственно, передана с ней в одном файле. В результате разные разработчики, повторявшие обучение нейросети по оригинальной статье, создавали отличающиеся реализации и, как следствие, получали разные результаты.

Формат описания нейросети неявно определяет алгоритмические ограничения на слои нейросети и особенности программного исполнения их вычислений. Несоответствие этим ограничениям или их неправильная трактовка приводят к проблемам совместимости, которые в некоторых случаях решаются правильным конвертированием из одного формата в другой, а в некоторых случаях могут и вовсе быть неразрешимыми. Подобного рода проблемы в практике машинного обучения возникают регулярно.

Наиболее широко известным и распространенным форматом описания нейросетей, не привязанным ни к какому фреймворку, является ONNX10F [16].

Из-за названных выше особенностей описание нейросети является ключевым объектом в любом программном обеспечении для машинного обучения, а разница во фреймворках и библиотеках как раз заключается в том, какие действия, как и в каком порядке эти фреймворки и библиотеки позволяют выполнять над нейросетью. Поэтому понимание устройства любого программного обеспечения для машинного обучения заключается в понимании того, что внутри него происходит с нейросетью.

Разберемся в этой логике в общем виде. Нет никакого строгого деления фреймворка на части, но можно условно говорить, что он разделен на интерфейсную и основную части. В общем случае фреймворк может также включать в себя одну или несколько библиотек, либо же быть стыкуемым с одной или несколькими внешними библиотеками. Общая схема, отражающая возможные действия с нейросетью с использованием фреймворка и библиотек, приведена на *рисунке 4*.

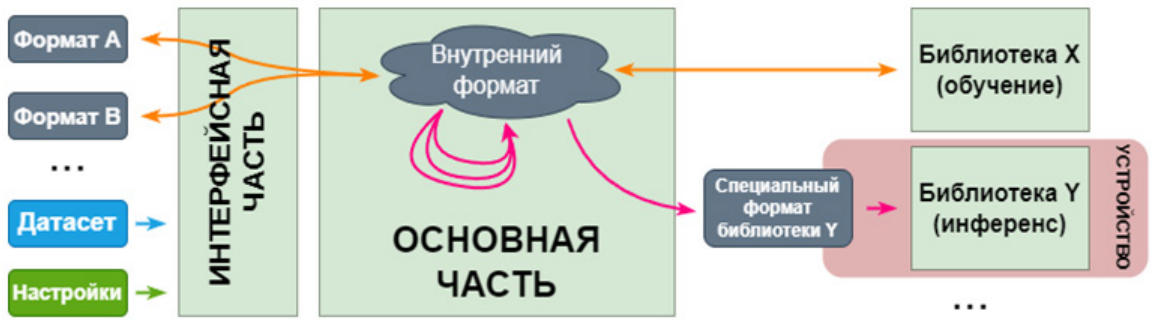

Рисунок 4. Общая схема, отражающая возможные действия с нейросетью с использованием фреймворка и библиотек.

Как было указано выше, использование определенного формата означает неявное использование некоторой логики нейросети. При этом во время разработки фреймворка в него самого закладывалась некоторая логика, и нейросеть внутри фреймворка хранится в его некотором внутреннем формате, который этой логике полностью соответствует. Внутренний формат может совпадать с одним из распространенных форматов описания нейросетей, быть уникальным или просто представлять собой совокупность разбросанных по массивам и переменным параметров и весов нейросети. В идеальном случае поддержка фреймворком некоторого формата означает, что этот формат полностью совместим с внутренним форматом фреймворка и их логики не противоречат друг другу.

В реальности противоречия все же встречаются, в особенности в связи с внесением изменений в версии фреймворков, библиотек или самих форматов, в лучшем случае они выявлены заранее и перечислены в документации к фреймворку. Вероятность этого увеличивается, если фреймворк поддерживает несколько форматов. Можно условно определить, что интерфейсная часть заканчивается и основная часть начинается там, где переданное во фреймворк из файла описание нейросети корректно преобразовано во внутренний формат. Интерфейсная часть, кроме того, предоставляет пользователю возможность передать датасет (как данные, так и разметку) и всяческие настройки, в том числе настройки машинного обучения. Фреймворки могут поддерживать разные форматы разметки, однако с ними нет такой путаницы, как с форматами описания нейросетей, поэтому мы не останавливаемся здесь на этом вопросе.

Для запуска машинного обучения фреймворк обращается к функциям библиотеки, приспособленной для обучения (на рисунке 4 это библиотека X). Опять же, каждая библиотека также подразумевает некоторую логику работы с нейросетью, которая может соответствовать или не соответствовать внутренней логике фреймворка; поддержка фреймворком библиотеки в идеале означает, что его внутренняя логика совместима с логикой библиотеки, но на практике противоречия встречаются как в виде заранее описанных границ совместимости, так и в виде ошибок. Характерным примером является создание AMD библиотеки MIOpen. Идея была в том, чтобы сделать точную копию библиотеки CudNN от Nvidia, поэтому все функции были абсолютно одинаковыми, отличались только названия. Однако запуск даже такой элементарной нейросети, как VGG, с помощью одного и того же кода приводил к кардинально разным результатам для двух библиотек. Причиной было то, что в функции для вычислений слоя пулинга в двух библиотеках использовались разные формулы подсчета высоты и ширины выходной карты признаков, и, таким образом, выходные карты признаков слоя пулинга для двух библиотек отличались не просто значениями, но даже и размерами. Как видно, данная ошибка могла бы быть исключена на уровне элементарного теста. То, что ошибка все же была допущена, хорошо иллюстрирует то, как ошибки совместимости могут появляться во фреймворках и библиотеках, даже если они разрабатываются крупнейшими мировыми компаниями.

В зависимости от библиотеки, базовые действия, выполняемые в связи с обучением нейросети, в той или иной степени реализуется внутри библиотеки или вне ее, т. е. внутри фреймворка (или вручную, если никакой фреймворк не используется). К ним относятся:

1) выделение массивов памяти для хранения промежуточных данных;
2) определение порядка выполнения вычислений слоев;
3) определение конкретных вариантов программной реализации каждого слоя, если таковых в библиотеке несколько.

Соответственно, интерфейс (API) библиотеки зависит от того, какие действия вынесены за ее границы, а также от функционала и поддержки совместимости с разными фреймворками и форматами.

Помимо функциональности и совместимости, ключевым качеством библиотеки является способность обеспечить выполнение вычислений как можно быстрее. Именно необходимость достижения высокой скорости служит причиной разработки отдельных библиотек для разных устройств. При этом обеспечение максимальной скорости вычислений при широчайшей поддержке всевозможных форматов и фреймворков потребует от библиотеки содержания огромного множества оптимизированных функций, разработать их все может быть трудоемко. Поэтому разработчики библиотек ограничивают функционал теми границами, в которых они способны оптимизировать все вычислительные функции.

После выполнения обучения нейросеть приводится к одному из поддерживаемых форматов описания и сохраняется в файл. Весь цикл из указанных выше преобразований проиллюстрирован на рисунке 4 оранжевыми стрелками, двунаправленность стрелок иллюстрирует «перетекание» описания нейросети из файла в некоторые данные библиотеки и обратно. Для инференса можно воспользоваться тем же маршрутом, но в одну сторону, т. е. прочесть нейросеть и вызы-

вать только функции, осуществляющие прямой ход. На первый взгляд, это естественно, и в простых случаях так и поступают. Однако инференс по числу и характеру действий проще обучения, что позволяет гораздо лучше оптимизировать вычисления для инференса, в том числе применить некоторые оптимизации, недоступные при обучении. В связи с этим выделяются отдельно библиотеки для инференса, их использование несколько усложняет логику обработки нейросети во фреймворке. Наиболее важные отличия инференса от обучения:

1) размер батча, который может существенно влиять на результат обучения, на инференсе уже не имеет никакого алгоритмического значения и может быть выбран по другим соображениям;
2) промежуточные значения карт признаков, которые необходимо хранить для применения метода обратного распространения ошибки, на инференсе хранить не нужно;
3) некоторые слои в инференсе оказывается возможным объединить для целей более эффективной программной реализации (самый распространенный пример – объединение сверточного слоя и ReLU);
4) некоторые слои, играющие важную роль во время обучения, в инференсе вырождаются в более простые (например, нормализация) или вовсе исчезают (например, дропаут). Во время обучения слой нормализации приводит все значения к заданному диапазону, в конце обучения последние использованные в слое нормализации коэффициенты замораживаются и далее используются в инференсе неизменно, поэтому вычисления слоя нормализации выражаются в применение к каждому значению операции вида a*x+b;
5) исключение вычислений обратного хода позволяет проще определиться с порядком хранения данных в тензорах, в том числе оптимизировать его под особенности конечного устройства;
6) веса, изменяемые во время обучения, в инференсе являются фиксированными значениями, которые можно заранее преобразовывать, раскладывать и т. д.;
7) зная значения весов, можно анализировать диапазоны возникающих в картах признаках значений и использовать более компактные типы данных, чем использовались при обучении. Обычно при обучении нейросетей используют плавающую точку одинарной точности (float/fp32). Мировое сообщество делало попытки перейти на использование плавающей точки половинной точности (half float/fp16), но обнаружило, что при огромном количестве чисел в современных нейросетях и разницей между ними процесс обучения чувствителен к точности используемого типа, и отказ от fp32 в пользу fp16 означает в некоторых ситуациях значительное снижение достижимой точности, а в отдельных случаях и вовсе делает обучение невозможным. Как следствие, нет никаких предпосылок к переходу к fp16, стандартом машинного обучения де-факто является fp32, хотя в частных случаях для обучения пробуют использовать другие форматы.

Перечисленные отличия делают возможными массу оптимизаций. Обратим внимание, что нейросеть никогда не учится для того, чтобы быть использованной единожды. Напротив, количество ее использований исчисляется тысячами или миллионами. С другой стороны, оптимизации применяются единственный раз и используются одинаково при каждом запуске. Отсюда вытекает достаточно естественная идея разделить подготовку нейросети к запуску в библиотеке и, собственно, сами вычисления в библиотеке. Поскольку инференс может выполняться не на том же устройстве, что и обучение, то возникает необходимость согласовать библиотеку, выполняющую вычисления на устройстве, с функциями фреймворка, подготавливающими нейросеть к исполнению в библиотеке. Это делается через еще одно описание нейросети в специальном формате, специфическом именно для используемой библиотеки.

В некоторых библиотеках подобное разделение на подготовку и запуск не видно программисту. Например, в библиотеке CudNN подготовка к вычислениям спрятана от программиста в функциях, выполняющих вычисления, при этом эта подготовка выполняется с первым запуском нейросети, в результате чего время первого запуска может быть в тысячи раз больше времени любого последующего. Nvidia это сделала для того, чтобы по содержимому описания нейросети в специальном формате нельзя было догадаться о каких-то особенностях библиотеки или даже самого устройства. Перед сохранением нейросети в специальном формате над ней выполняются преобразования, зачастую нетривиальные. Часть фреймворка, способную выполнять такие преобразования, иногда называют нейросетевым компилятором. Существуют в том числе разработчики, пытающиеся создать самостоятельные нейросетевые компиляторы, не привязанные к конкретным библиотекам и соответствующим им устройствам.

Специальным форматам библиотек для инференса характерны следующие свойства:

1) преобразование в специальный формат выполняется только в одну сторону и не предполагает возможности восстановления по нему описания нейросети;
2) специальный формат не содержит предназначенной для чтения человеком информации, поэтому информация в нем хранится не в текстовом, а бинарном виде;
3) все веса и параметры нейросети разложены так, как удобно функциям библиотеки, поэтому они могут быть частично перемешаны, продублированы, разбавлены нулями и т. д., при этом ложатся в память единым куском, адреса нужных каждому слою данных также заранее просчитаны и содержатся в описании.

Нейросеть в специальном формате передается на устройство, где предполагается ее использование. В библиотеке предусмотрен своего рода плеер, который умеет прочитывать из файла с описанием нейросети описания слоев один за другим и вызывать функции библиотеки, выполняющие соответствующие вычисления. Внешняя программа посредством функций библиотеки осуществляет прочтение нейросети из файла, передачу входных данных для нейросети, запуск инференса и получение его результатов.

Описанная выше схема справедлива для всех фреймворков и библиотек с той лишь поправкой, что многие фреймворки и библиотеки содержат не весь перечисленный функционал. Бывают, например, фреймворки только для инференса, библиотеки с нейросетевым компилятором, но без удобного пользовательского интерфейса и т. д. Следует понимать, что в нетривиальном исследовательском процессе, особенно при экспериментах с новыми слоями, разработчик нейросетей вынужден часть операций программировать вручную. Таким образом, если для обучения и инференса нейросетей под конкретную задачу, уже много раз решенную мировым сообществом, почти наверняка найдутся подходящие фреймворк и/или библиотека, то для разработки новых нейросетей и решения принципиально новых задач никакой фреймворк или библиотека никогда не будут достаточны.

Список литературы:

[1] Chen Zhang, Joohee Kim Video object detection with two-path convolutional LSTM pyramid. 2016. – URL: https://www.researchgate.net/publication /343702579_Video_Object_Detection_With_ Two-Path_ Convolutional_LSTM_ Pyramid/fulltext/5f3b2658928 51cd302013482/Video-Object-Detection-With-Two-Path-Convolutional-LSTM-Pyramid.pdf/ (дата обращения: 16.01.2026).

[2] Hanson A., Koutilya PNVR, Sanjukta Krishnagopal, Larry Davis Bidirectional Convolutional LSTM for the Detection of Violence in Videos. 2018. – URL: https://openaccess.thecvf.com/content_eccv_2018_workshops/w10 /html/Hanson_Bidirectional_Convolutional_LSTM_or_the_ Detection_of_Violence_in_ Videos_ ECCVW_2018_paper.html (дата обращения: 15.01.2026).

[3] Howard A.G., Menglong Zhu, Bo Chen, Kalenichenko D. MobileNets: Efficient Convolutional Neural Networks for Mobile Vision Applications. 2017. – URL: https://arxiv.org/pdf/1704.04861/ (дата обращения: 11.01.2026).

[4] Iandola F.N., Han S., Moskewicz M.W., Ashraf K., Dally W.J., Keutzer K. SqueezeNet: AlexNet-level accuracy with 50x fewer parameters and <0.5MB model size Recognition. 2016. Published as a conference paper at ICLR. 2015. – URL: https://www. researchgate.net/publication/ 301878495_SqueezeNet_AlexNet-level_accuracy_ with_50x_fewer_ parameters_ and_05MB_model_size (дата обращения: 10.01.2026).

[5] Ioffe S., Szegedy C. Batch Normalization: Accelerating Deep Network Training by Reducing Internal Covariate Shift. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1502.03167/ (дата обращения: 13.01.2026).

[6] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Deep Residual Learning for Image Recognition. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1512.03385 (дата обращения: 11.01.2026).

[7] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Spatial pyramid pooling in deep convolutional networks for visual recognition. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1406.4729/ (дата обращения: 11.01.2026).

[8] Krizhevsky I., Sutskever I., Hinton G.E. Imagenet classification with deep convolutional neural networks. 2012. – URL: https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2012/file/
c399862d3b9d6b76c8436e 924a68c45b-Paper.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

[9] Lavin A., Scott Gray Fast Algorithms for Convolutional Neural Networks. 2015. – URL: https://arxiv.org/abs/1509.09308 (дата обращения: 11.01.2026).

[10] Mikolov T., Kai Chen, Corrado G., Jeffrey Dean Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. 2013. – URL: https://arxiv.org/abs/1301.3781 (дата обращения: 15.01.2026).

[11] Norman P. Jouppi, Cliff Young, Nishant Patil and others In-Datacenter Performance Analysis of a Tensor Processing Unit. 2017. – URL: https://arxiv.org/pdf/1704.04760 (дата обращения: 11.01.2026).

[12] Ronneberger O., Fischer Ph., Brox Th. U-Net: Convolutional Networks for Biomedical Image Segmentation. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1505.04597/ (дата обращения: 13.01.2026).

[13] Szegedy C., Wei Liu, Chapel Hill, Yangqing Jia, Pierre Sermanet, Scott Reed, Dragomir Anguelov, Dumitru Erhan, Vincent Vanhoucke, Andrew Rabinovich Going Deeper with Convolutions. 2014. – URL: https://arxiv.org/pdf/1409.4842 (дата обращения: 12.01.2026)

[14] Simonyan K., Zisserman A. Very Deep Convolutional Networks for Large-Scale Image Recognition. 2015. Published as a conference paper at ICLR 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1409.1556 (дата обращения: 10.01.2026).

[15] Wei Liu, Anguelov D., Erhan D., Szegedy C., Reed S., Cheng-Yang Fu, Berg A.C. SSD: Single Shot MultiBox Detector. 2016. – URL: https://arxiv.org/pdf/1512.02325 (дата обращения: 11.01.2026).

[16] Официальный сайт ONNX. – URL: https://onnx.ai/.

[17] Основы технологий искусственного интеллекта: учебное пособие/ А.А. Семенов, В.В. Гончар, А.С. Эрдниев. – Московский университет МВД России имени В.Я, Кикотя, 2025. – 190с.

[18] Финансовый мониторинг: учебное пособие / В.И. Глотов, А.У. Альбеков, О.Н. Тисен и др. – КноРус, 2022. – 198 с.

[19] Тисен О.Н. Противодействие современным приемам и способам вербовки в международные террористические организации // Российская юстиция. 2018, №9. С. 51-54.

[20] Овчинский А.С., Аветисян К.Р. Аудиальные воздействия на участников массовых мероприятий как объект административно-правового регулирования// Вестник Московского университета МВД. 2015. № 1-. С. 293-297.

[21] Зиборов О.В., Аветисян К.Р. Комплексный подход при противоборстве организации массовых беспорядков// Вестник Московского университета МВД. 2023. № 7. С. 100-104.

References:

[1] Chen Zhang, Joohee Kim Video object detection with two-path convolutional LSTM pyramid. 2016. – URL: https://www.researchgate.net/publication /343702579_Video_Object_Detection_With_ Two-Path_ Convolutional_LSTM_ Pyramid/fulltext/5f3b2658928 51cd302013482/Video-Object-Detection-With-Two-Path-Convolutional-LSTM-Pyramid.pdf/ (дата обращения: 16.01.2026).

[2] Hanson A., Koutilya PNVR, Sanjukta Krishnagopal, Larry Davis Bidirectional Convolutional LSTM for the Detection of Violence in Videos. 2018. – URL: https://openaccess.thecvf.com/content_eccv_2018_workshops/w10/html/Hanson_Bidirectional_Convolutional_LSTM_or_the_ Detection_of_ Violence_in_ Videos_ ECCVW_2018_paper.html (дата обращения: 15.01.2026).

[3] Howard A.G., Menglong Zhu, Bo Chen, Kalenichenko D. MobileNets: Efficient Convolutional Neural Networks for Mobile Vision Applications. 2017. - URL: https://arxiv.org/pdf/1704.04861/ (access date: 11.01.2026).

[4] Iandola F.N., Han S., Moskewicz M.W., Ashraf K., Dally W.J., Keutzer K. SqueezeNet: AlexNet-level accuracy with 50x fewer parameters and <0.5MB model size Recognition. 2016. Published as a conference paper at ICLR. 2015. – URL: https://www. researchgate.net/publication/ 301878495_ SqueezeNet_AlexNet-level_accuracy_ with_50x_ fewer_ parameters_ and_05MB_model_size (дата обращения: 10.01.2026).

[5] Ioffe S., Szegedy C. Batch Normalization: Accelerating Deep Network Training by Reducing Internal Covariate Shift. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1502.03167/ (access date: 13.01.2026).

[6] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Deep Residual Learning for Image Recognition. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1512.03385 (access date: 11.01.2026).

[7] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Spatial pyramid pooling in deep convolutional networks for visual recognition. 2015. - URL: https://arxiv.org/pdf/1406.4729/ (access date: 11.01.2026).

[8] Krizhevsky I., Sutskever I., Hinton G.E. Imagenet classification with deep convolutional neural networks. 2012. - URL: https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2012/file/c399862d3b9d-6b76c8436e 924a68c45b-Paper.pdf (accessed on: 12.01.2026).

[9] Lavin A., Scott Gray Fast Algorithms for Convolutional Neural Networks. 2015. - URL: https://arxiv.org/abs/1509.09308 (access date: 11.01.2026).

[10] Mikolov T., Kai Chen, Corrado G., Jeffrey Dean Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. 2013. – URL: https://arxiv.org/abs/1301.3781 (access date: 15.01.2026).

[11] Norman P. Jouppi, Cliff Young, Nishant Patil and others In-Datacenter Performance Analysis of a Tensor Processing Unit. 2017. – URL: https://arxiv.org/pdf/1704.04760 (access date: 11.01.2026).

[12] Ronneberger O., Fischer Ph., Brox Th. U-Net: Convolutional Networks for Biomedical Image Segmentation. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1505.04597/ (access date: 13.01.2026).

[13] Szegedy C., Wei Liu, Chapel Hill, Yangqing Jia, Pierre Sermanet, Scott Reed, Dragomir Anguelov, Dumitru Erhan, Vincent Vanhoucke, Andrew Rabinovich Going Deeper with Convolutions. 2014. – URL: https://arxiv.org/pdf/1409.4842 (accessed on: 12.01.2026)

[14] Simonyan K., Zisserman A. Very Deep Convolutional Networks for Large-Scale Image Recognition. 2015. Published as a conference paper at ICLR 2015. - URL: https://arxiv.org/pdf/1409.1556 (access date: 10.01.2026).

[15] Wei Liu, Anguelov D., Erhan D., Szegedy C., Reed S., Cheng-Yang Fu, Berg A.C. SSD: Single Shot MultiBox Detector. 2016. – URL: https://arxiv.org/pdf/1512.02325 (access date: 11.01.2026).

[16] ONNX official website. – URL: https://onnx.ai/.

[17] Fundamentals of artificial intelligence technologies: a textbook/A.A. Semenov, V.V. Gonchar, A.S. Erdniev. - Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya, Kikotya, 2025. - 190s.

[18] Financial monitoring: training manual/V.I. Glotov, A.U. Albekov, O.N. Tisen et al. - KnoRus, 2022. - 198 s.

[19] Tisen O.N. Countering modern methods and methods of recruitment to international terrorist organizations//Russian Justice. 2018, №9. S. 51-54.

[20] Ovchinsky A.S., Avetisyan K.R. Audio effects on participants of mass events as an object of administrative and legal regulation//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs. 2015. № 1-. S. 293-297.

[21] Ziborov O.V., Avetisyan K.R. An integrated approach to confronting the organization of mass riots//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs. 2023. № 7. S. 100-104.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-423-427

БЕРЕЗЕНКО Елена Валерьевна,
преподаватель СПО Новочеркасского политехнического колледжа Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова,
e-mail: yelena.archakova.84l95@mail.ru.

КУЗНЕЦОВ Александр Владимирович,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, майор полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru.

ЧИЖОВ Илья Александрович,
к.ю.н., доцент кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел (ИКТД ОВД) Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
e-mail: v.shanko@mail.ru.

ПРАВОВЫЕ РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются основные правовые риски, возникающие в процессе использования цифровых технологий в деятельности полиции. Обосновывается, что цифровизация правоохранительной деятельности, способствуя повышению оперативности, управляемости и доказательственной обеспеченности полицейской работы, одновременно создает комплекс новых юридических проблем, связанных с защитой прав и свобод человека, обработкой персональных данных, пределами полицейского усмотрения, использованием алгоритмических решений и обеспечением информационной безопасности. Анализируются действующие нормативные правовые акты, регулирующие деятельность полиции, обращение с информацией и персональными данными, а также современные научные подходы к оценке цифровой трансформации органов внутренних дел. Делается вывод о том, что минимизация правовых рисков цифровизации полиции требует не только технического обновления, но и последовательного совершенствования законодательства, ведомственных регламентов, механизмов контроля и профессиональной подготовки сотрудников.*

Ключевые слова: *полиция, цифровые технологии, цифровизация правоохранительной деятельности, правовые риски, персональные данные, информационная безопасность, полицейское усмотрение, административно-правовое регулирование, цифровая трансформация, органы внутренних дел.*

BEREZENKO Elena Valeryevna,
Lecturer in the Secondary Vocational Education Department at the Novocherkassk Polytechnic College of the South-Russian State Polytechnical University (NPI) named after M.I. Platov

KUZNETSOV Aleksandr Vladimirovich,
Lecturer in the Department of Specialized Disciplines

at the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

CHIZHOV Ilya Aleksandrovich,
PhD in Law, Associate Professor in the Department of Information and Computer Technologies in the Activities of Internal Affairs Bodies (ICTD OVD), Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin

LEGAL RISKS OF USING DIGITAL TECHNOLOGIES IN POLICE ACTIVITIES

Annotation. *This article examines the main legal risks arising from the use of digital technologies in police work. It is argued that the digitalization of law enforcement, while promoting greater efficiency, manageability, and evidentiary support for police work, simultaneously creates a complex set of new legal challenges related to the protection of human rights and freedoms, the processing of personal data, the limits of police discretion, the use of algorithmic solutions, and information security. It analyzes current regulations governing police activities, the handling of information and personal data, as well as modern scientific approaches to assessing the digital transformation of internal affairs agencies. It concludes that minimizing the legal risks of police digitalization requires not only technical updating but also consistent improvements to legislation, departmental regulations, control mechanisms, and the professional training of officers.*

Key words: *police, digital technologies, digitalization of law enforcement, legal risks, personal data, information security, police discretion, administrative and legal regulation, digital transformation, internal affairs agencies.*

Современное развитие правоохранительной деятельности все в большей степени связано с внедрением цифровых технологий в практику органов внутренних дел, поскольку электронный документооборот, цифровые базы данных, системы видеонаблюдения, аналитические платформы, средства автоматизированной обработки информации, элементы искусственного интеллекта и иные технологические решения позволяют полиции быстрее получать, сопоставлять и использовать сведения, имеющие значение для охраны общественного порядка, предупреждения правонарушений и раскрытия преступлений.

Термин «цифровая трансформация» в последнее десятилетие стал символом прогресса в экономике, государственном управлении, социальной сфере и знаменует собой новый, возможно, завершающий этап построения «информационного общества» в масштабах современной цивилизации. Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 4741 ЦТ определена в качестве одной из пяти национальных целей развития нашей страны на период до 2030 г. При этом процесс цифровой трансформации в сфере государственного управления определен как «совокупность действий, осуществляемых государственным органом, направленных на изменение (трансформацию) государственного управления и деятельности государственного органа по предоставлению им государственных услуг и исполнению государственных функций за счет использования данных в электронном виде и внедрения информационных технологий в свою деятельность», в целях, указанных в п. 16 Положения о ведомственных программах цифровой трансформации: повышение удовлетворенности граждан государственными услугами, снижение издержек бизнеса при взаимодействии с государством; снижение издержек государственного управления, экономики, социальной сферы; надежность и безопасность ИКТ; устранение избыточной контрольной (надзорной) деятельности в отношении предпринимательства [7].

Отметим, что система МВД России является наиболее многочисленным и многофункциональным правоохранительным органом государства и цифровизация полицейской деятельности не может рассматриваться исключительно как техническое усовершенствование, поскольку она затрагивает сферу конституционных прав личности, пределы государственного вмешательства, режим обращения с информацией и распределение юридической ответственности за принимаемые решения. В этой связи проблема правовых рисков использования цифровых технологий в деятельности полиции приобретает не только прикладное, но и принципиальное административно-правовое значение и, как справедливо отмечается в литературе, современные проблемы правоприменения требуют обращения не только к нормативному материалу, но и к понятийным и методологическим основаниям правопонимания, поскольку именно от них зависит определение пределов допустимого государственного вмешательства, юридической оценки цифровых решений и соотношения законности с технологической эффективностью [13]. В то же время Федеральный закон «О полиции», Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон «О персональных данных» и стратегические акты о развитии информационного общества образуют базовую нормативную рамку такой цифровизации.

Правовые риски цифровизации полиции обусловлены прежде всего тем, что расширение технологических возможностей государства объективно усиливает интенсивность воздействия на сферу частной жизни граждан. Цифровые

средства обеспечивают более широкий сбор, хранение, передачу и анализ сведений о поведении людей, их перемещениях, коммуникациях и взаимодействии с органами публичной власти. При этом сама по себе технологическая эффективность еще не означает правомерности соответствующих действий. Напротив, чем выше возможности полиции по обработке информации, тем более определенными должны быть правовые основания ее получения, использования, хранения и удаления. Законодательство об информации и о персональных данных ориентировано на защиту прав и свобод человека при обращении с информацией и обработке персональных данных, что требует от полиции постоянного соблюдения принципов законности, целевого характера обработки сведений, соразмерности вмешательства и недопустимости избыточного цифрового контроля [3; 4]. Официальные тексты 149-ФЗ и 152-ФЗ прямо закрепляют регулирование отношений в сфере информации и защиту прав человека при обработке персональных данных.

Одним из наиболее существенных правовых рисков выступает недостаточная определенность нормативной регламентации отдельных цифровых процедур в деятельности полиции. Общие законодательные основы цифрового обращения с информацией закреплены на федеральном уровне, однако значительная часть конкретных вопросов — порядок использования цифровых материалов, пределы доступа к ним, сроки хранения, условия межведомственного обмена, правила применения аналитических систем и степень допустимости алгоритмических рекомендаций — нередко остается на уровне ведомственных регламентов либо складывающейся практики. Такая ситуация создает риск неодинакового правоприменения, поскольку один и тот же цифровой инструмент может использоваться различными подразделениями при неодинаковом понимании его юридической природы и процессуального значения. В научной литературе справедливо отмечается, что цифровая трансформация органов внутренних дел должна сопровождаться не только внедрением новых технологий, но и развитием нормативной среды, способной обеспечить единообразие и правовую определенность служебной деятельности [7, с.9; 10].

Не менее значимым риском является нарушение прав граждан в сфере персональных данных и частной жизни. Для полиции цифровые технологии открывают возможность оперативного доступа к большим массивам сведений, однако такое расширение информационных ресурсов неизбежно порождает угрозу чрезмерного накопления данных, выхода за пределы заявленных целей их обработки и недостаточной защищенности цифровой инфраструктуры. Особенно чувствительными являются ситуации, связанные с видеофиксацией, использованием биометрических характеристик, аналитикой массивов данных, а также последующим хранением и воспроизведением собранной информации. В этих условиях особое значение имеет соблюдение баланса между публичным интересом в обеспечении безопасности и конституционными гарантиями личности. Любое технологическое решение, применяемое полицией, должно оцениваться через призму его необходимости, законности, соразмерности и возможности последующего контроля [10]. Именно поэтому правовые риски цифровизации нельзя сводить к техническим сбоям или организационным просчетам: по существу речь идет о рисках чрезмерного ограничения прав человека в цифровой среде.

Самостоятельное значение имеет риск подмены правовой оценки автоматизированным или алгоритмическим решением. Развитие цифровой аналитики, автоматического ранжирования событий, интеллектуального поиска и прогнозных моделей объективно повышает управленческие возможности полиции, однако одновременно ставит вопрос о пределах допустимого использования таких технологий. Алгоритм способен выявлять корреляции, предлагать зоны повышенного риска или фиксировать аномальное поведение, но он не должен подменять полицейское усмотрение и юридическую квалификацию конкретной ситуации. Ответственность за применение мер административного принуждения, принятие процессуальных решений и оценку доказательственной значимости цифровых материалов должна сохраняться за должностным лицом. В противном случае возникает риск размывания персональной ответственности, формализации правоприменения и переноса фактической власти на техническую систему, не обладающую ни юридическим статусом, ни способностью учитывать весь контекст конкретного события [8; 12]. Современная научная литература о цифровой трансформации и полицейском усмотрении также исходит из необходимости сохранять за человеком окончательное юридически значимое решение.

Серьезную угрозу представляет и риск снижения доказательственной надежности цифровых материалов при недостаточно урегулированном порядке их использования. Цифровые записи, электронные следы, данные аналитических систем и результаты автоматизированной обработки информации все чаще используются в административной и правоохранительной практике. Однако для их полноценного и законного

применения необходимо четко понимать условия происхождения таких сведений, порядок их фиксации, возможность проверки достоверности, а также наличие гарантий от последующего изменения, утраты или несанкционированного доступа. Если цифровой материал используется без понятной процедуры верификации и без надлежащего документального сопровождения, возрастает риск процессуальных ошибок, последующего оспаривания законности действий полиции и утраты доверия к самой цифровой системе [6; 8]. В данном аспекте правовой риск проявляется в том, что технологическая новизна способна опередить правовую готовность системы к ее корректному использованию.

Отдельную группу составляют риски информационной безопасности и служебной устойчивости цифровой инфраструктуры полиции. Чем больше процессов переводится в электронную форму, тем выше значение надежности каналов связи, защищенности ведомственных информационных систем, контроля доступа и предотвращения утечек служебно значимой информации. Для полиции подобные риски имеют двойную природу. С одной стороны, уязвимость цифровой инфраструктуры создает угрозу нарушения прав граждан вследствие компрометации их данных; с другой — она способна негативно влиять на эффективность охраны общественного порядка, оперативность реагирования и устойчивость повседневной служебной деятельности. Следовательно, информационная безопасность в сфере полицейской цифровизации должна рассматриваться не как сугубо техническая категория, а как важнейший элемент правового режима использования цифровых технологий [3; 5]. Стратегия развития информационного общества и действующее информационное законодательство также связывают цифровое развитие с требованиями безопасности и правовой защищенности информационной среды.

Преодоление указанных рисков возможно только при комплексном подходе. Во-первых, требуется дальнейшая детализация нормативной базы, регулирующей использование цифровых средств в деятельности полиции, включая правила обращения с цифровыми материалами, пределы алгоритмической аналитики, условия межведомственного информационного обмена и стандарты юридически значимой фиксации действий сотрудников. Во-вторых, необходимо закрепить принцип обязательного человеческого контроля при использовании любых аналитических и прогнозных систем: цифровой инструмент может содействовать принятию решения, но не подменять собой правовую оценку и ответственность должностного лица. В-третьих, следует усиливать внутренний и внешний контроль за обращением с персональными данными, а также развивать профессиональную подготовку сотрудников полиции, формируя у них не только технические навыки, но и устойчивое понимание правовых границ цифрового вмешательства [2; 4]. Такой подход позволяет рассматривать цифровизацию не как самодостаточную цель, а как правовой и организационный процесс, допустимый лишь при условии сохранения баланса между эффективностью полицейской деятельности и гарантиями прав личности.

Таким образом, использование цифровых технологий в деятельности полиции представляет собой объективное и во многом неизбежное направление развития современной правоохранительной системы. Однако вместе с ростом технологических возможностей возрастает и объем правовых рисков, связанных с обработкой персональных данных, алгоритмизацией полицейского усмотрения, недостаточной определенностью нормативных процедур, доказательственным статусом цифровых материалов и уязвимостью информационной инфраструктуры. Следовательно, цифровая трансформация полиции должна сопровождаться последовательным совершенствованием законодательства, развитием ведомственных регламентов, усилением режимов контроля и подготовкой сотрудников к правомерной работе в цифровой среде. Только при таком подходе возможно обеспечить, чтобы цифровые технологии усиливали законность и результативность полицейской деятельности, а не становились источником новых нарушений прав и свобод граждан.

Список литературы:

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации. Дата обращения: 03.04.2026.

[2] О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

[3] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. Дата обращения: 03.04.2026.

[4] О персональных данных : федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. Дата обращения: 03.04.2026.

[5] О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента Российской Федерации от

09.05.2017 № 203 // Официальный интернет-портал правовой информации. Дата обращения: 03.04.2026.

[6] Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России : приказ МВД России от 28.06.2021 № 495 // Официальный интернет-портал правовой информации. Дата обращения: 03.04.2026.

[7] Лукашов, Н. В. Теоретические и организационные основы цифровой трансформации территориальных органов внутренних дел системы МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3 (67). С. 128–130.

[8] Власов, К. А. Проблемы применения мер непосредственного принуждения сотрудниками полиции и пути их решения // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226).

[9] Агакишиев, С. А. О., Комахин, Б. Н. Вопросы обеспечения общественной безопасности: от устава к новому наставлению // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 1 (100).

[10] Кодзоков, Б. В. Организационно-правовые особенности деятельности патрульно-постовой службы полиции // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 4.

[11] Дежурный, А. А., Бондаренко, Д. М. Роль патрульно-постовой службы полиции в обеспечении общественной безопасности и правопорядка в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4.

[12] Костин, С. Г. Полицейское усмотрение в условиях цифровой трансформации государственного управления // NB: Административное право и практика администрирования. 2025. № 1.

[13] Шанько, В. В. Понятийные и методологические подходы к проблемам современного правопонимания / В. В. Шанько, Е. Г. Светличный // Философия права. – 2021. – № 3(98). – С. 64-67.

References:

[1] Code of Administrative Offences of the Russian Federation: feder. Law No. 30.12.2001 of 195-FZ (as amended by 23.03.2026) //Official Internet Portal of Legal Information. Accessed 03.04.2026.

[2] On the police: feder. Law No. 07.02.2011 dated 3-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 7, Art. 900.

[3] About Information, Information Technology, and Information Security: Feder. Law No. 27.07.2006 of 149-FZ//Official Internet Portal of Legal Information. Accessed 03.04.2026.

[4] About personal data: feder. Law No. 27.07.2006 of 152-FZ//Official Internet Portal of Legal Information. Accessed 03.04.2026.

[5] On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030: Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203//Official Internet portal of legal information. Accessed 03.04.2026.

[6] On approval of the Instruction on the organization of service activities of combat units of the patrol and guard service of the police of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 28.06.2021 No. 495//Official Internet portal of legal information. Accessed 03.04.2026.

[7] Lukashov, N.V. Theoretical and organizational foundations of the digital transformation of the territorial bodies of internal affairs of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3 (67). S. 128-130.

[8] Vlasov, K. A. Problems of the use of direct coercion by police officers and ways to solve them// Law and state: theory and practice. 2023. № 10 (226).

[9] Agakishiev, S. A. O., Komakhin, B. N. Issues of ensuring public safety: from the charter to a new instruction//Lawyer-Pravoveda. 2022. № 1 (100).

[10] Kodzokov, B.V. Organizational and legal features of the activities of the police patrol service// Gaps in Russian legislation. 2023. № 4.

[11] Duty officer, A. A., Bondarenko, D. M. The role of the police patrol service in ensuring public safety and law and order in the Russian Federation// Law and state: theory and practice. 2025. № 4.

[12] Kostin, S. G. Police discretion in the context of digital transformation of public administration//NB: Administrative law and administration practice. 2025. № 1.

[13] Shanko, V.V. Conceptual and methodological approaches to the problems of modern legal understanding/V.V. Shanko, E.G. Svetlichny//Philosophy of Law. – 2021. – № 3(98). - S. 64-67.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-428-434

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела
по совершенствованию нормативно-правового регулирования
деятельности уголовно-исполнительной системы центра
изучения проблем управления и организации исполнения
наказаний в уголовно-исполнительной системе
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА РИСКА РЕЦИДИВА ПРИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются возможности использования искусственного интеллекта при прогнозировании риска рецидивной преступности в процессе принятия решений об условно-досрочном освобождении. Цель исследования состоит в обосновании допустимой модели алгоритмической поддержки суда, администрации исправительного учреждения и специалистов-психологов без подмены судебного усмотрения автоматизированным решением. На основе российских научных источников анализируются проблемы оценки степени исправления осужденного, криминологического прогнозирования, цифровизации уголовно-исполнительной системы и применения искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности. Обосновывается, что алгоритм может быть полезен не как самостоятельный субъект принятия решения, а как инструмент структурирования данных, выявления динамики поведения, сопоставления факторов риска и ресурсов ресоциализации. Предлагается гибридная модель, соединяющая правовые критерии исправления, психологическую оценку, криминологический прогноз и последующий судебный контроль.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект; условно-досрочное освобождение; рецидивная преступность; риск рецидива; уголовно-исполнительная система; криминологическое прогнозирование; цифровой профиль осужденного; судебное усмотрение.*

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation
of the Activities of the Criminal Executive System of the Center
for the Study of Management Problems and the Organization
of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System
Federal Government Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

ALGORITHMIC RECIDIVISM RISK ASSESSMENT IN PAROLE DECISIONS: POSSIBILITIES AND LIMITS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN RUSSIAN PENAL AND JUDICIAL PRACTICE

Annotation. *The article examines the possibilities of using artificial intelligence to predict the risk of recidivism in parole decision-making. The purpose of the study is to substantiate an admissible model of algorithmic support for courts, prison administrations and psychologists without replacing judicial discretion with automated decision-making. Based on Russian academic sources, the article analyzes the problems of assessing the correction of a convict, criminological forecasting, digitalization of the penal system and the use of artificial intelligence in law enforcement. It is argued that an algorithm may be useful not as an autonomous*

decision-maker but as a tool for structuring data, identifying behavioral dynamics and comparing risk factors with resocialization resources. The proposed hybrid model combines legal criteria of correction, psychological assessment, criminological forecasting and subsequent judicial control.

Key words: *artificial intelligence; parole; recidivism; recidivism risk; penal system; criminological forecasting; digital profile of a convict; judicial discretion.*

Использование искусственного интеллекта при принятии решений об условно-досрочном освобождении относится к числу наиболее сложных направлений цифровизации уголовной юстиции, поскольку здесь технический прогноз непосредственно соприкасается с вопросами свободы личности, безопасности общества, целей наказания и пределов судебного усмотрения. Условно-досрочное освобождение не является механическим сокращением срока наказания: оно предполагает вывод о том, что для своего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного наказания, а также требует оценки его поведения, отношения к содеянному, возмещения вреда, социально полезных связей и вероятности дальнейшего правопослушного поведения. Именно в этой прогнозной части традиционная юридическая оценка сталкивается с объективной трудностью: суд и администрация исправительного учреждения анализируют прошлое и настоящее поведение лица, но решение фактически обращено в будущее. Поэтому вопрос состоит не в том, может ли алгоритм «решать» вопрос об УДО вместо суда, а в том, способен ли он обеспечить более полную, проверяемую и менее субъективную информационную основу для такого решения.

Российская научная литература уже содержит значительный материал, позволяющий поставить проблему алгоритмического прогнозирования рецидива не умозрительно, а применительно к отечественной уголовно-исполнительной и судебной практике. М. Г. Дебольский, исследуя риск рецидива при условно-досрочном освобождении, обращал внимание на отсутствие однозначных критериев исправления, расхождения между позицией администрации исправительного учреждения и суда, а также на необходимость сопоставления отечественной модели оценки степени исправления с зарубежной логикой оценки риска повторного преступления [1]. Д. В. Мельникова показывает, что при решении вопроса о рекомендации осужденного к УДО целесообразно учитывать не только констатирующие признаки исправления, но и прогнозные критерии, включая отношение к совершенному преступлению, особенности криминального опыта, социальные ресурсы, жизненные планы, агрессивность, совладающее поведение и иные психологически значимые параметры [2]. Эти выводы подтверждают, что предмет оценки при УДО по своей природе является комплексным: он не сводится ни к количеству поощрений, ни к отсутствию взысканий, ни к формальному истечению предусмотренной законом части срока наказания.

В отечественных исследованиях также накоплен опыт статистического и криминологического прогнозирования рецидивной преступности. В. И. Терехин и В. В. Чернышов предложили подход к статистическому анализу и прогнозированию срока постпенитенциарного рецидива на основе регрессионных зависимостей, учитывающих возраст, число совершенных преступлений, срок лишения свободы и тяжесть преступления; эмпирической базой исследования выступили данные о 430 преступниках и 1038 рецидивных преступлениях [4]. Е. Е. Новиков, анализируя индивидуальное прогнозирование поведения осужденных к альтернативным наказаниям и мерам, обосновывал возможность дифференциации условно осужденных по группам риска с использованием методики «Портрет», основанной на обобщении данных уголовно-исполнительных инспекций, личных дел и экспертного мнения сотрудников [3]. А. С. Душкин и Е. С. Федотова, рассматривая оценку риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы, выделяют эволюцию инструментов риск-оценки от клинического суждения к актуарным и более динамическим моделям, учитывающим не только статические признаки, но и изменяемые потребности, ресурсы личности и процесс ресоциализации [5]. Тем самым российские исследования демонстрируют, что прогнозирование рецидива уже существует как научная и прикладная задача; искусственный интеллект лишь переводит ее на более высокий уровень обработки данных, но не отменяет необходимости правовой и психологической интерпретации результата.

Применительно к УДО искусственный интеллект следует понимать не как самостоятельный «электронный суд», а как совокупность методов машинной обработки данных, позволяющих выявлять статистически значимые связи между признаками личности, поведения, социальной ситуации и вероятностью повторного преступления после освобождения. В российской криминологической литературе А. П. Суходолов и А. М. Бычкова связывают использование искусственного интеллекта в противодействии преступности

с машинным обучением, большими данными, нейронными сетями, предиктивной аналитикой и прогнозированием как преступности в целом, так и индивидуального поведения, одновременно подчеркивая наличие этических и правовых дилемм [6]. Д. А. Степаненко, Д. В. Бахтеев и Ю. А. Евстратова раскрывают технологическую основу таких систем через формирование набора данных, обучение, валидацию, оценку точности и правильности модели, а также выделяют для правоохранительной деятельности три базовые операции: распознавание, предсказание и классификацию [7]. Для процедуры УДО наиболее значимы именно предсказание и классификация, поскольку алгоритм может относить осужденного к определенной группе риска, показывать факторы, повысившие или снизившие итоговую оценку, а также сопоставлять текущую динамику поведения с типовыми траекториями лиц, ранее освобождавшихся условно-досрочно.

Однако применение ИИ при УДО возможно только при правильном определении объекта алгоритмической оценки. Нельзя строить модель исключительно на формальных дисциплинарных показателях, поскольку отсутствие взысканий может отражать как устойчивую позитивную динамику, так и приспособительное поведение, а наличие взысканий без учета давности, тяжести и последующего поведения не всегда свидетельствует о сохраняющейся криминогенной направленности. Более корректным является формирование цифрового профиля осужденного, включающего данные о преступлении и криминальной истории, возрасте, сроке наказания, поведении в исправительном учреждении, поощрениях и взысканиях в динамике, участии в труде, обучении и профессиональной подготовке, возмещении ущерба, отношении к потерпевшему и совершенному деянию, прохождении психологических и воспитательных мероприятий, наличии зависимостей и результатов лечения, сохранении семейных и иных социально полезных связей, наличии жилья и предполагаемой занятости после освобождения. При этом социальные признаки должны использоваться предельно осторожно: они имеют прогностическое значение лишь постольку, поскольку характеризуют реальные ресурсы ресоциализации, а не социальное происхождение или имущественное положение лица как таковые.

Именно поэтому наиболее перспективной является не чисто актуарная, а гибридная модель алгоритмической оценки, соединяющая правовые критерии исправления, психологическое заключение, криминологические факторы риска и динамические показатели ресоциализации. В такой модели алгоритм не должен выдавать ответ «освободить» или «отказать». Его задача заключается в ином: представить суду структурированную карту факторов, показать, какие обстоятельства снижают риск рецидива, какие его повышают, какие данные противоречивы или недостаточны, а также какие меры постпенитенциарного сопровождения могут уменьшить вероятность повторного преступления. Например, высокий риск, обусловленный отсутствием жилья, занятости и устойчивых социальных связей, должен интерпретироваться иначе, чем высокий риск, связанный с агрессивностью, отрицанием вины, устойчивой криминальной идентичностью и повторными нарушениями режима. В первом случае алгоритм указывает на дефицит социальных ресурсов, который может быть частично компенсирован пробационными и социальными мерами; во втором — на сохраняющиеся личностные и поведенческие факторы, требующие более осторожного вывода о степени исправления.

Практическая ценность искусственного интеллекта при УДО состоит прежде всего в уменьшении неопределенности и субъективизма, но не в устранении индивидуального судебного анализа. В. И. Качалов, О. В. Качалова и Е. В. Марковичева прямо связывают перспективы применения информационных технологий в уголовном судопроизводстве со стадией исполнения приговора, включая УДО, поскольку здесь часть критериев поведения осужденного может быть формализована, а алгоритмы способны использоваться для оценки риска дальнейшей криминализации [8]. С. Н. Овчинников, анализируя цифровые технологии в сфере исполнения уголовных наказаний, рассматривает цифровую трансформацию уголовно-исполнительной системы, единую информационную среду, цифровой профиль осужденного и модели прогнозирования поведения, включая концептуальные разработки, ориентированные на оценку личности и коррекцию программы ресоциализации [9]. А. П. Скиба предлагает обсуждать балльные системы оценки степени исправления и использование искусственного интеллекта для первичного подсчета значимых показателей при решении вопроса об УДО, видя в этом способ снижения субъективизма [10]. Вместе с тем балльная модель не должна превращаться в арифметическую замену судебной оценки: одинаковая сумма баллов может складываться из качественно различных обстоятельств, а потому требует обязательной содержательной интерпретации.

Алгоритмическая система поддержки решения об УДО должна строиться по принципу «человек принимает решение, алгоритм объясняет данные». На первом уровне она агрегирует сведения из личного дела, характеристик админи-

страции, заключений психолога, медицинских данных в допустимых законом пределах, сведений о труде, обучении, возмещении вреда и социальных связях. На втором уровне она оценивает качество данных: полноту, актуальность, противоречивость, наличие пробелов, временную динамику. На третьем уровне рассчитывается риск рецидива, желательно не в виде одной категоричной цифры, а в форме вероятностного диапазона или категории риска с указанием факторов, повлиявших на результат. На четвертом уровне формируется аналитическая справка, в которой отдельно отражаются статические признаки, не поддающиеся изменению, и динамические признаки, свидетельствующие о реальном процессе исправления либо о его отсутствии. На пятом уровне суд, изучив материалы дела, заключения специалистов и алгоритмическую справку, принимает мотивированное решение, вправе согласиться с прогнозом или отклонить его при наличии правовых и фактических оснований.

Выбор математической модели для такой системы имеет не только техническое, но и правовое значение. В условиях принятия решений, затрагивающих свободу личности, предпочтение должны получать интерпретируемые или объяснимые модели: логистическая регрессия, деревья решений, ансамбли с возможностью последующего объяснения вклада признаков, модели анализа времени до события, а также гибридные экспертно-статистические конструкции. Нейронные сети могут применяться в отдельных задачах, например при анализе больших массивов текстовых характеристик, выявлении скрытых паттернов поведения или обработке данных видеонаблюдения, но их использование при непосредственной оценке риска УДО требует особой осторожности из-за проблемы непрозрачности. К. В. Злоказов и Г. Р. Сархошян, рассматривая нейросетевое прогнозирование правонарушений и преступлений, указывают на потенциал различных архитектур искусственных нейронных сетей и необходимость методологически выстроенного процесса разработки модели [11]. Для УДО этот вывод означает, что точность прогноза сама по себе недостаточна: модель должна быть валидирована на российских данных, понятна пользователям, проверяема специалистами и пригодна для процессуального оспаривания.

Особое значение имеет различение прогноза рецидива и вывода об исправлении. Риск повторного преступления является криминологической категорией, отражающей вероятность будущего поведения в определенных условиях; исправление является правовой и уголовно-исполнительной категорией, связанной с достижением целей наказания и оценкой личности осужденного. Эти категории пересекаются, но не совпадают. Лицо может демонстрировать положительную дисциплинарную динамику, но сохранять высокий риск рецидива из-за отсутствия постпенитенциарных ресурсов, зависимости или криминального окружения. И наоборот, формально неблагоприятный социальный фон не должен автоматически перечеркивать доказанную положительную динамику поведения, участие в программах исправления, возмещение ущерба и наличие реалистичного плана жизни после освобождения. Поэтому алгоритм должен быть настроен не на поиск формального основания для отказа, а на выявление баланса рисков и ресурсов. Его итоговый продукт должен помогать суду увидеть не только вероятность рецидива, но и управляемость этой вероятности.

Содержание цифрового профиля осужденного должно быть нормативно ограничено и научно обосновано. В него нельзя включать произвольные сведения, не имеющие доказанной связи с рецидивом или создающие риск дискриминации. К числу допустимых признаков могут относиться криминологически значимые и процессуально проверяемые обстоятельства: характер и тяжесть преступления, прежняя судимость, возраст начала преступного поведения, нарушения и поощрения в период отбывания наказания, участие в труде и обучении, результаты программ психологической коррекции, возмещение вреда, наличие подтвержденного места проживания и занятости, оценка социальной поддержки, прохождение лечения при наличии зависимости, соблюдение индивидуального плана исправления. Недопустимыми либо крайне рискованными являются признаки, которые фактически воспроизводят социальную стигматизацию: национальность, религия, политические убеждения, регион происхождения как самостоятельный фактор, имущественное положение без связи с реальными ресурсами ресоциализации, сведения о родственниках без доказанного значения для прогноза. Даже допустимые признаки должны проходить проверку на косвенную дискриминацию, поскольку нейтральные на первый взгляд переменные могут выступать суррогатами социально уязвимого положения.

При внедрении ИИ в процедуру УДО необходимо различать три уровня ответственности: научно-технический, ведомственный и судебный. Научно-технический уровень связан с качеством данных, методикой обучения, валидностью модели, частотой ошибок, устойчивостью к смещению и объяснимостью результата. Ведомственный уровень предполагает корректное ведение данных в учреждениях, единообразие

учета поощрений и взысканий, достоверность характеристик, защиту персональных данных, обучение сотрудников и исключение манипулирования показателями. Судебный уровень требует, чтобы алгоритмический прогноз был лишь одним из материалов, подлежащих оценке наряду с иными доказательственными и характеризующими сведениями. Если суд использует алгоритмическую справку, в постановлении должны быть отражены не только итоговая категория риска, но и те обстоятельства, которым суд придал значение. Если суд не соглашается с алгоритмической оценкой, это также должно быть мотивировано, поскольку сама возможность отклонения прогноза является важной гарантией недопущения автоматизации правосудия.

В российском контексте особенно значима проблема качества исходных данных. Алгоритм не способен исправить ошибки ведомственного учета; напротив, он может многократно усилить их последствия. Если в разных учреждениях неодинаково фиксируются нарушения режима, различается практика вынесения поощрений, формально ведутся индивидуальные программы воспитательной работы или неполно отражаются сведения о возмещении вреда, то модель будет обучаться не только на поведении осужденных, но и на различиях административной практики. В результате один и тот же поведенческий профиль может получить разные оценки в зависимости от учреждения, региона или стиля документирования. Поэтому внедрение ИИ при УДО должно начинаться не с покупки программного продукта, а с унификации данных, разработки единого словаря признаков, установления правил внесения сведений, периодического аудита личных дел и независимой проверки качества датасетов. Без этого алгоритмическая система станет не средством объективизации, а инструментом формального воспроизводства уже существующей неравномерности практики.

Не менее важна проблема ложноположительных и ложноотрицательных прогнозов. Ложноположительный результат означает, что лицо ошибочно признается высокорисковым и может получить отказ в УДО, хотя фактически вероятность рецидива у него невелика. Ложноотрицательный результат, напротив, связан с недооценкой риска и возможным совершением нового преступления после освобождения. Обе ошибки социально и юридически значимы, но не могут оцениваться только с позиции статистики. В уголовно-исполнительной сфере цена ошибки включает не только безопасность общества, но и необоснованное продление фактической изоляции лица, которое могло быть освобождено при соблюдении закона. Поэтому при настройке модели необходимо заранее определять приемлемый баланс чувствительности и специфичности, раскрывать частоту ошибок на валидационной выборке, проверять точность по категориям преступлений, возрастным группам, полу и иным допустимым параметрам, а также регулярно пересматривать модель после изменения законодательства, практики исполнения наказаний и структуры рецидивной преступности.

Алгоритм может быть особенно полезен при анализе динамических факторов, поскольку именно они показывают не только прошлую характеристику личности, но и направление ее изменения. Для УДО важна не изолированная фиксация факта трудоустройства в учреждении, а устойчивость трудового поведения; не наличие одного поощрения, а их связь с реальными усилиями по исправлению; не отсутствие взысканий на момент рассмотрения ходатайства, а динамика дисциплины за значимый период; не декларация раскаяния, а ее соответствие поведению, возмещению вреда и участию в программах коррекции; не формальное наличие родственников, а реальная готовность социального окружения поддерживать правопослушный образ жизни. В этом смысле ИИ способен помочь выявить закономерности, которые трудно обнаружить при фрагментарном изучении материалов: например, сочетание краткосрочного улучшения поведения непосредственно перед подачей ходатайства с длительной предшествующей отрицательной динамикой либо, наоборот, устойчивое снижение нарушений и повышение социальной активности в течение длительного периода.

При этом прогноз риска рецидива должен быть связан не только с решением «освободить — не освободить», но и с проектированием условий последующего сопровождения. Если модель показывает средний риск, обусловленный конкретными управляемыми факторами, суд и уполномоченные органы должны видеть, какие меры способны его снизить: трудоустройство, социальное сопровождение, контроль за лечением зависимости, восстановление документов, психологическая поддержка, ограничение контактов с криминогенным окружением, взаимодействие с семьей. Такой подход соответствует современной логике ресоциализации, при которой риск не воспринимается как неизменное свойство личности. Алгоритм должен не клеймить осужденного как «опасного», а помогать определить, какие именно дефициты повышают вероятность повторного преступления и какие ресурсы могут быть использованы для ее снижения. Иначе система оценки риска превратится в цифровую форму стигматизации, несовместимую с целями исправления.

Возможность использования ИИ при УДО требует также процессуальных гарантий. Осу-

жденный и его защитник должны иметь право знать, что при рассмотрении вопроса использовалась алгоритмическая оценка, какие данные были положены в ее основу, к какой категории риска лицо отнесено и какие факторы признаны значимыми. Разумеется, это не означает раскрытия всего программного кода, но предполагает доступность методики, паспорта модели, перечня используемых признаков и общего объяснения результата. Нельзя признавать допустимой ситуацию, при которой суд ссылается на «компьютерный прогноз», не раскрывая его содержания и не предоставляя стороне возможности возражать против исходных данных. Если в личном деле содержатся ошибочные сведения, устаревшие характеристики или неполные данные о возмещении вреда, алгоритмический вывод должен быть оспорим. В противном случае ИИ будет не повышать доверие к судебному решению, а снижать его, создавая эффект непререкаемого технического авторитета.

Судейское усмотрение в вопросе УДО не должно исчезать под влиянием алгоритмизации. Напротив, правильно построенная система ИИ делает судебное усмотрение более ответственным, поскольку позволяет суду видеть структуру риска и мотивировать решение более конкретно. Автоматизация опасна тогда, когда итоговый балл подменяет правовую аргументацию. Но она полезна, когда помогает отличить формальную характеристику от реальной динамики, выявить противоречия между данными администрации и психолога, сопоставить поведение осужденного с эмпирически установленными факторами рецидива, обнаружить недостаточность сведений для уверенного прогноза. Поэтому оптимальная модель должна быть не «решающей», а «объясняющей»: она предоставляет суду аналитическую картину, но не освобождает его от обязанности самостоятельно установить юридически значимые обстоятельства.

Научная новизна предлагаемого подхода заключается в том, что применение ИИ к УДО рассматривается не как перенос зарубежных актуарных шкал в российскую практику и не как простая балльная оценка исправления, а как гибридная риск-ресурсная модель, адаптированная к отечественной системе исполнения наказаний. Такая модель должна учитывать три взаимосвязанных блока. Первый блок — юридико-исполнительный: соблюдение режима, труд, обучение, возмещение вреда, отношение к воспитательным мероприятиям, характеристики администрации. Второй блок — психологический: отношение к совершенному преступлению, уровень ответственности, агрессивность, импульсивность, способность к планированию, совладающее поведение, мотивация к правопослушной жизни. Третий блок — социально-криминологический: криминальная история, социальное окружение, жилье, занятость, зависимость, постпенитенциарная поддержка. Алгоритм должен не смешивать эти блоки в непрозрачный балл, а показывать их соотношение, поскольку именно это соотношение имеет значение для индивидуализации решения об УДО.

Заключение. Искусственный интеллект способен существенно повысить качество прогнозирования риска рецидивной преступности при условно-досрочном освобождении, но только при условии его вспомогательного, проверяемого и правозащитного использования. Российские исследования в области психологии УДО, статистического прогнозирования рецидива, оценки риска лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, и цифровизации уголовно-исполнительной системы создают достаточную научную основу для разработки таких инструментов. Алгоритмы могут помочь суду и администрации исправительного учреждения структурировать данные, снизить субъективизм, выявить динамику исправления, обнаружить скрытые факторы риска и определить меры, способные уменьшить вероятность повторного преступления. Вместе с тем автоматическое принятие решений об УДО на основе алгоритмического балла недопустимо, поскольку оно противоречило бы природе судебного усмотрения, индивидуализации наказания и гарантиям прав осужденного. Перспективной является модель, при которой ИИ выступает как система поддержки принятия решения: она формирует объяснимый прогноз, указывает на значимые факторы и степень надежности вывода, но окончательное решение принимает суд с учетом всех материалов дела. Внедрение такой системы возможно лишь при наличии нормативного регулирования, валидации на российских данных, независимого аудита, защиты персональных данных, права на оспаривание исходной информации и запрета дискриминационных признаков. Следовательно, алгоритмическое прогнозирование риска рецидива при УДО должно развиваться не как технология замещения человека, а как инструмент повышения обоснованности, прозрачности и индивидуализированности уголовно-исполнительной и судебной практики.

Список литературы:

[1] Дебольский М. Г. Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных // Психология и право. 2014. Т. 4, № 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n1/68316 (дата обращения: 13.05.2026).

[2] Мельникова Д. В. Участие психолога в принятии решения о рекомендации осужденного к условно-досрочному освобождению // Психология и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 30–43. DOI: 10.17759/psylaw.2022120103.

[3] Новиков Е. Е. Об основах прогнозирования индивидуального поведения осужденных к альтернативным наказаниям и мерам // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8 (69). С. 153–159. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.69.8.153-159.

[4] Терехин В. И., Чернышов В. В. Статистический анализ и прогнозирование рецидивных преступлений // Человек: преступление и наказание. 2016. № 2 (93). С. 16–21.

[5] Душкин А. С., Федотова Е. С. Оценка риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Российский девиантологический журнал. 2024. Т. 4, № 1. С. 45–61. DOI: 10.35750/2713-0622-2024-1-45-61.

[6] Суходолов А. П., Бычкова А. М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 753–766. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).753-766.

[7] Степаненко Д. А., Бахтеев Д. В., Евстратова Ю. А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 2. С. 206–214. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).206-214.

[8] Качалов В. И., Качалова О. В., Марковичева Е. В. Возможности применения информационных технологий при принятии судом процессуальных решений по уголовному делу // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 222–229. DOI: 10.17223/15617793/477/25.

[9] Овчинников С. Н. Применение цифровых технологий в сфере исполнения уголовных наказаний: направления, инновации, риски // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 3 (71). С. 261–269. DOI: 10.46741/2686-9764.2025.71.3.004.

[10] Скиба А. П. Повышение эффективности исполнения уголовных наказаний: расширение сферы применения информационных технологий // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20 (1–4), № 2. С. 198–208. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).2.198-208.

[11] Злоказов К. В., Сархошян Г. Р. Применение искусственного интеллекта для прогнозирования правонарушений и преступлений на транспорте: теория и методология // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4. С. 98–105.

References:

[1] Debolsky M.G. Problems of the risk of relapse during the parole of convicts//Psychology and law. 2014. VOL. 4, NO. 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n1/68316 (access date: 13.05.2026).

[2] Melnikova D.V. Participation of a psychologist in the decision to recommend a convict for parole//Psychology and law. 2022. T. 12, NO. 1. S. 30-43. DOI: 10.17759/psylaw.2022120103.

[3] Novikov E. E. On the basics of predicting the individual behavior of those sentenced to alternative punishments and measures//Actual problems of Russian law. 2016. № 8 (69). S. 153-159. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.69.8.153-159.

[4] Terekhin V.I., Chernyshov V.V. Statistical analysis and prediction of recurrent crimes//Man: crime and punishment. 2016. № 2 (93). S. 16-21.

[5] Dushkin A. S., Fedotova E. S. Assessment of the risk of committing crimes by persons released from prison//Russian Deviantological Journal. 2024. VOL. 4, NO. 1. S. 45-61. DOI: 10.35750/2713-0622-2024-1-45-61.

[6] Sukhodolov A.P., Bychkova A.M. Artificial intelligence in countering crime, its forecasting, prevention and evolution//All-Russian Criminological Journal. 2018. T. 12, NO. 6. S. 753-766. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).753-766.

[7] Stepanenko D.A., Bakhteev D.V., Evstratova Yu.A. Use of artificial intelligence systems in law enforcement//All-Russian Criminological Journal. 2020. T. 14, NO. 2. S. 206-214. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).206-214.

[8] Kachalov V.I., Kachalova O.V., Markovicheva E.V. Possibilities of using information technologies when making procedural decisions by the court in a criminal case//Bulletin of Tomsk State University. 2022. № 477. S. 222-229. DOI: 10.17223/15617793/477/25.

[9] Ovchinnikov S. N. The use of digital technologies in the field of the execution of criminal sentences: directions, innovations, risks//Penitentiary science. 2025. T. 19, NO. 3 (71). PP. 261-269. DOI: 10.46741/2686-9764.2025.71.3.004.

[10] Skiba A.P. Increasing the efficiency of the execution of criminal sentences: expanding the scope of information technology//Criminal enforcement law. 2025. T. 20 (1-4), NO. 2. S. 198-208. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).2.198-208.

[11] Zlokazov K.V., Sarkhoshyan G.R. The use of artificial intelligence to predict offenses and crimes in transport: theory and methodology//Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4. S. 98-105.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-435-445

СЕМЕНОВ Александр Александрович,
научный сотрудник ФКУ НПО «СТиС» МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

АВЕТИСЯН Карэн Рафаелович,
Старший преподаватель кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
e-mail: Karen-Avetisyan-1989@bk.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ ВЫЧИСЛЕНИЙ В НЕЙРОННЫХ СЕТЯХ: АЛГОРИТМЫ, ПРОГРАММНЫЕ И АППАРАТНЫЕ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *Исследуются различные подходы к оптимизации вычислений в нейронных сетях, включая алгоритмические, программные и аппаратные методы. Рассматриваются особенности оптимизации для полносвязных и сверточных архитектур, анализируются принципы работы специализированных процессоров (нейроморфных и TPU). Описываются механизмы квантования данных и их влияние на производительность. Особое внимание уделяется проблемам оптимизации памяти и эффективности вычислений в современных системах машинного обучения.*

Ключевые слова: *оптимизация вычислений, нейронные сети, алгоритмическая оптимизация, программная оптимизация, аппаратная оптимизация, квантование данных, нейроморфные процессоры, TPU, матричные вычисления, производительность систем.*

SEMENOV Alexander Alexandrovich,
Chief Researcher, Federal State Budgetary Institution "STIS" of the Ministry of Internal Affairs of Russia

AVETISYAN Karen Rafaelovich,
Senior Lecturer, Department of Information Technology and Cybercrime Investigation Organization Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev

OPTIMIZING COMPUTATIONS IN NEURAL NETWORKS: ALGORITHMS, SOFTWARE, AND HARDWARE SOLUTIONS

Annotation. *This paper explores various approaches to optimizing computations in neural networks, including algorithmic, software, and hardware methods. Optimization features for fully connected and convolutional architectures are discussed, and the operating principles of specialized processors (neuromorphic and TPU) are analyzed. Data quantization mechanisms and their impact on performance are described. Particular attention is paid to the problems of memory optimization and computational efficiency in modern machine learning systems.*

Key words: *computation optimization, neural networks, algorithmic optimization, software optimization, hardware optimization, data quantization, neuromorphic processors, TPUs, matrix computing, system performance.*

Оптимизация вычислений нейросетей подчиняется тем же законам, что и оптимизация математических вычислений в целом, хоть и имеет некоторые характерные особенности. Под оптимизацией понимается достижение максимальной скорости исполнения алгоритма программой на устройстве, соответственно, она бывает алгоритмическая (когда используя математические приемы пытаются заменить одни вычисления на другие, более

быстрые, но приводящие к тому же результату), программная (когда для выбранного устройства пытаются разработать наибыстрейшую программу) и аппаратная (когда для исполнения алгоритма разрабатываются специализированные вычислительные устройства).

Алгоритмические оптимизации не слишком широко распространены в машинном обучении, поскольку нейросети придумываются человеком для выполнения ровно тех вычислений, которые в них заложены, т. е. не подразумевают алгоритмических преобразований. В ситуациях, когда такая оптимизация востребована, чаще всего она лишь сводится к замене одних слоев другими. Тем не менее есть исключения, например, применение специальных преобразований, экономящих число операций умножения, к сверточным слоям (речь о преобразованиях Фурье и Винограда, позволяющих с помощью алгоритмических ухищрений уменьшить число операций в сверточном слое, сохранив результат. Однако применение этих преобразований приводит к появлению небольших арифметических погрешностей и, что важнее, значительно сужает возможность применения программной оптимизации. Преобразование Винограда более эффективно, проще реализуется и чаще встречается на практике)11F [9]. Наиболее распространенной алгоритмической оптимизацией нейросетей является использование типов данных меньшей разрядности, чем тот, в котором изначально хранятся веса нейросети, чаще всего пытаются применять 8-разрядный целочисленный тип вместо 32-разрядного float. Такой переход связан с существенной потерей точности в связи с уменьшением числа бит. Кроме того, числа, которые можно в точности представить в типах с плавающей точкой (например, float), расположены на числовой шкале неравномерно (это проиллюстрировано на *рисунке 1* голубым цветом), а числа, которые представляются целочисленными типами, наоборот находятся на равных интервалах друг от друга (на рис. 1 проиллюстрировано зеленым цветом). Переход от использования одного типа к другому, к тому же меньшей разрядности, очень нетривиален.

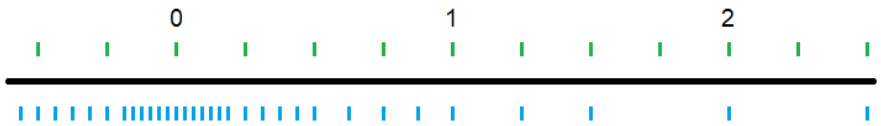

Рисунок 1. Числовая шкала

Квантование нейросети – преобразование нейросети, необходимое для обеспечения наименьшей потери точности нейросети при переходе к использованию для хранения значений и выполнения вычислений нейросети другого типа данных.

Для выполнения квантования нейросети необходимо правильно определить диапазоны данных, возникающих внутри нейросети, а это можно сделать только выполнив на примерах данных инференс уже обученной нейросети. Соответственно, квантование нейросети требует наличия некоторого количества примеров входных данных. После того, как инференс на этих примерах выполнен, подсчитываются границы диапазонов и средние значения возникающих на всех слоях нейросети чисел, после чего веса нейросети изменяются так, чтобы результат работы нейросети не изменился, но значения весов и возникающих во время вычислений чисел насколько возможно лучше соответствовали применяемому типу данных. Существуют более продвинутые техники квантования, заключающиеся в квантовании сразу во время обучения, обучении нейросетей, лучше поддающихся квантованию, и т. д., но применение этих техник в большей или меньшей степени ограничивает потенциал получаемых нейросетей по сравнению с ситуацией, при котором квантуют уже обученные нейросети.

Перед тем, как разбираться в аппаратных и программных оптимизациях, следует в общих чертах ознакомиться с тенденциями современных вычислительной техники и высокопроизводительного программирования:

– законы физики не позволяют до бесконечности ускорять частоту процессоров, поэтому мощность современных процессоров максимизируется за счет добавления в них как можно большего числа элементов, способных выполнять вычисления. Подразумеваются так называемые арифметико-логи-

ческие устройства – АЛУ (далее по тексту будет использоваться именно эта аббревиатура);
- любой математический алгоритм содержит в себе определенный потенциал распараллеливания, какие-то вычисления в алгоритме можно выполнять в любом порядке, а, значит, и параллельно, а какие-то – только последовательно;
- чем больше вычислений выполняются в процессоре параллельно, тем больше поток данных из памяти в процессор и обратно и, следовательно, выше требования к объему и скорости памяти;
- чем больше физический элемент памяти, тем сложнее организовать в него программный доступ, поэтому память с большим объемом обычно медленнее, чем память с меньшим объемом, откуда возникает невозможность обеспечить одновременно нужные скорость и объем. Эта проблема известна под названием «стена памяти», она проявляется множеством способов, поэтому существует масса равнозначных ее формулировок;
- как следствие предыдущих свойств, оптимизация алгоритма (аппаратная или программная) сводится к тому, чтобы минимизировать обращения в большие элементы памяти за счет максимального использования элементов памяти меньшего размера.

Обратим внимание на последний тезис. Возможность чаще использовать данные из меньшей памяти существует только тогда, когда одни и те же данные участвуют в вычислениях несколько раз. Сравним две операции: умножение матрицы A с размерами 1000x1000 на вектор x из 1000 значений и перемножение двух матриц U и V с размерами 100x100 (*рисунок 2*).

$$y = Ax, N_{\text{выч}} = 1000000, N_{\text{знач}} = 1002000,$$
$$W = U \cdot V, N_{\text{выч}} = 1000000, N_{\text{знач}} = 30000$$

Рисунок 2. Операции с матрицами.

На первый взгляд кажется, что вторая операция сложнее оптимизируется, однако в действительности во второй операции каждое входное значение используется 100 раз, в первой операции 100 раз используются только значения вектора x, а значения матрицы A, составляющие 99 % всех значений в алгоритме, используются по одному разу каждое. Поэтому, если представить себе, что в компьютере, выполняющем эти операции, есть медленная большая память на 2000000 значений и быстрая маленькая память на 200 значений, то оптимизировать вычисления второй процедуры за счет использования маленькой памяти теоретически как-то возможно, а вот оптимизировать вычисления первой процедуры никак нельзя.

Если некоторый алгоритм хорошо поддается оптимизации, то для него, скорее всего, можно разработать специализированный процессор, устройство которого будет подобрано оптимально для этого типа алгоритмов. В противном случае никакой специализированный процессор для типа алгоритмов изобрести попросту невозможно. В машинном обучении разные типы нейросетей представляют собой разные типы алгоритмов, соответственно, для некоторых нейросетей можно придумать специализированные процессоры, а для некоторых – нельзя. В действительности в настоящее время есть только два типа специализированных процессоров для нейросетей, соответствующих двум группам нейросетей, для которых оказалось возможным разработать специализированные процессоры.

Тензорный процессор/tensor processor unit/TPU – специализированный процессор, предназначенный для выполнения матричных умножений, чаще всего конкретно вычислений сверточный нейросетей.

Нейроускоритель/нейропроцессор/ускоритель ИИ/ускоритель машинного обучения – научно-популярные термины, обозначающие в целом специализированные ускорители для нейросетей.

Нейроморфный процессор/neuromorphic processor – специализированный процессор, предназначенный для выполнения вычислений (инференса и в некоторых случаях обучения) полносвязных и спайковых нейросетей. Они являются своего рода более сложной версией полносвязных нейросетей и потому с точки зрения оптимизации вычислений в целом обладают схожими свойствами.

Разберемся с тем, какие свойства нейросетей позволили этим классам иметь место.

В полносвязных (и спайковых) нейросетях каждый вес полносвязного слоя используется для единственной операции, в которой он умножается на конкретное входное значение, в результате чего получается конкретное выходное значение (в противоположность, например, сверточным нейросетям, где каждый вес используется многократно). Это позволяет как бы прибить гвоздями все значения весов к определенному месту в памяти и выполнять все вычисления прямого и обратного хода, связанные с конкретным весом, рядом с ним же в памяти. При этом для каждого веса можно выделить свой элемент в памяти, для выполнения каждой вычислительной операции – свое АЛУ, а необходимость в организации большой общей памяти вообще отпадает. Структура процессора в этом случае словно полностью повторяет архитектуру нейросети. На самом деле обычно для описания структуры процессора также используется термин «архитектура», но мы будем здесь избегать его для того, чтобы не путать с архитектурой нейросети. Отпадает также необходимость в сложном устройстве системы команд, достаточно «зашить» в каждое АЛУ действия прямого и обратного хода. Такое чрезвычайно примитивное строение процессора позволяет уместить в нем много весов и соответствующих АЛУ, т. е. приспособить для достаточно больших полносвязных нейросетей. Однако возникает необходимость прокладывания в микросхеме физических связей между местом, где возникает слагаемое при вычислении полносвязного слоя, и местом, где это слагаемое складывается с другими. Если не ограничить количество слагаемых в одной сумме, потребуется проложить в процессоре огромное количество пересекающихся связей, что проблематично. По этой причине число слагаемых ограничивают, а сами веса и связанные с ними АЛУ группируют в ядра процессора, это позволяет ввести некоторый порядок пересылки данных от одной группе другой. С точки зрения строения нейросети, это означает, что ее архитектура состоит из множества полносвязных слоев, расположенных в нескольких параллельных ветвях, между которыми есть связи. Устройство нейроморфного процессора проиллюстрировано на рисунке 3. Весь процессор состоит из решетки ядер, между которыми проложены специальные коммуникационные линии (бежевым цветом), пересылки по ним регулируются специальными элементами (синие крестики). На рисунке каждое ядро реализует полносвязный слой с тремя входными и тремя выходными значениями, т. е. с девятью весами.

Каноническим примером нейроморфного процессора является один из первых процессоров данного класса – IBM True North. Этот процессор представляет собой решетку 64×64 из 4096 ядер, каждое из которых позволяет вычислять до 256 выходных значений одного слоя полносвязной или спайковой нейросети. По-настоящему увлеченные разработчики спайковых нейросетей продолжают отстаивать их аналогию с устройством мозга, в связи с чем каждому весу отводят относительно незначительную роль, грубо говоря, в их представлении каждый вес должен просто определять, будет ли нейрон реагировать на ненулевое входное значение или нет. Отсюда в процессоре True North каждый вес представляется всего-навсего 2-битным значением (для других нейроморфных процессоров также характерно использование очень малых разрядностей). В России разработкой нейроморфорных процессоров занимается только фирма «Мотив Нейроморфные Технологии», которая выпустила прототип своего процессора «Алтай» в 2022 г.

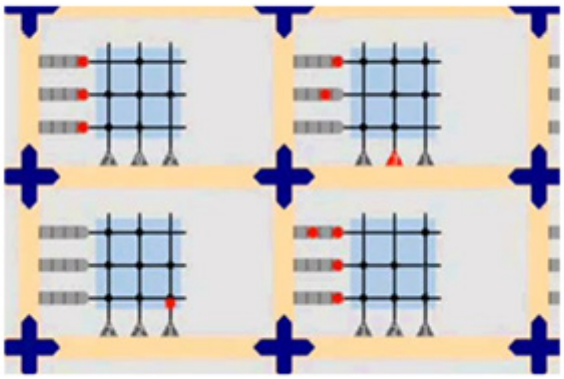

Рисунок 3. Устройство нейроморфного процессора.

Примечательно, что разработкой нейроморфных процессоров занимаются многие крупные разработчики микросхем, но до их практического применения не дошла пока ни одна. Это связано с ограниченностью сферы применимости полносвязных и спайковых нейросетей, в тех же задачах, в которых они все же применимы, их применение пока не оказалось достаточно экономически целесообразным, чтобы мог развиться какой-то существенный спрос, который бы подтолкнул к производству соответствующей продукции. Можно ожидать, что через некоторое время все же массовое производство таких процессоров начнется, но их применение будет ограничено некоторыми прикладными областями. При этом представители разработчиков нейроморфных процессоров и солидарные с ними исследователи пытаются приблизить этот момент, занимаясь поиском прикладных задач, которые могут быть решены с помощью полносвязных нейросетей. В частности, развилось направлений исследований, заключающееся в приведении нейросетей сложных типов (например, сверточных), к полносвязным. Практический потенциал этого подхода ограничен физическими и математическими законами, потому ценность таких исследований минимальна.

Теперь разберемся со сверточными нейросетями. Если рассмотреть вычисления сверточного слоя, можно понять, что они представляют собой совокупность матричных умножений. В примере на рисунке 2, операция умножения матриц легко поддается оптимизации, поскольку в ней все значения используются многократно. При этом умножение матриц всегда можно разбить на совокупность умножений меньших матриц. Наиболее экономной является схема, проиллюстрированная на *рисунке 4*. Из левой матрицы-множителя выбираются N строк (выделены розовым), из правой матрицы – N столбцов (выделены голубым).

Далее итеративно берут подстолбец из значений выделенных строк левой матрицы (выделен красным) и подстроку из значений выделенных столбцов правой матрицы (выделена синим). Каждое взятое значение из левой матрицы умножается на каждое взятое значение из правой, полученные произведения добавляются в качестве слагаемых к соответствующим значениям результирующей матрицы (выделены зеленым), в следующей итерации выбираются следующие подстолбец левой и подстрока правой матриц, и действия повторяются. Когда цикл по всем подстолбцам и подстрокам закончен, квадрат N×N значений результирующей матрицы оказываются подсчитанными полностью. В описанной схеме на каждой итерации выполняется N2 вычислений, а для их выполнения из памяти необходимо взять только 2N значений.

В конце цикла в память выгружаются N2 значений выходной матрицы, но если ширина левой перемножаемой матрицы (и, соответственно, высота правой) достаточно велики, то на фоне цикла вычислений выгрузка посчитанных значений оказывается незначительной.

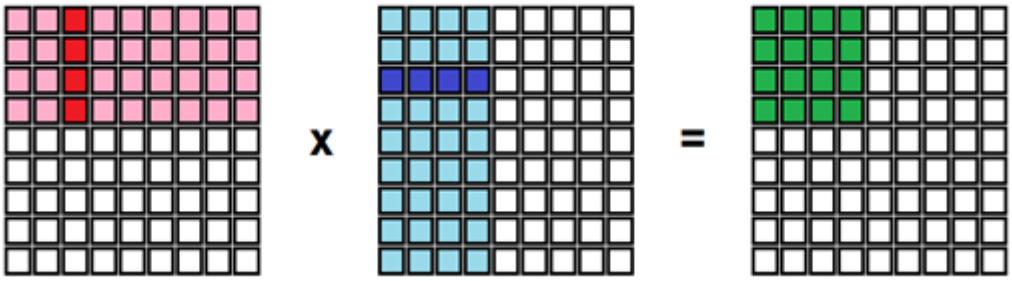

Рисунок 4. Схема матриц.

В описанной схеме чем больше N, тем больше вычислений выполняется с одним значением матрицы одновременно, т. е. после того, как оно один раз взято из памяти. Другими словами, чем больше N, тем меньше раз понадобится взять каждое значение перемножаемых матриц из памяти. Для хранения всех данных для одной итерации нужно только N2 + 4N места в памяти, соответственно, следует выбрать N таким, чтобы значение данного выражения было как можно больше, но меньше объема самой быстрой памяти. Этим будет достигнуто теоретически максимальное сокращение числа обращений в более медленные уровни памяти.

Именно описанный выше принцип эксплуатируется в TPU, но используется «перпендикулярная» схема. Если сопоставить вычисления прямого хода сверточного слоя и схему на рисунке 4, станет ясно, что размеры результирующей матрицы соответствуют числу каналов выходной карты признаков и числу пикселей (либо в строке, либо во всей карте признаков) в ней. Это не очень удобно, так как у разных сверток разные ядра, страйды и паддинги, поэтому в TPU квадрат из N2 элементов выбирается из тензора весов. В одной итерации цикла этот квадратный фрагмент умножается (как матрица) на вектор из N значений одного пикселя входной карты признаков, в результате чего получается вектор-слагаемое, соответствующий N значениям одного пикселя выходной карты признаков в следующей итерации аналогичные действия выполняются для следующего пикселя. Одна такая итерация в TPU реализуется в одно действие с помощью огромной решетки из N2 АЛУ. Эта решетка АЛУ представляет собой главный элемент любого TPU, часто называемый матричным блоком. Поскольку в сверточных нейросетях, кроме сверточных слоев, есть еще другие, в первую очередь ReLU и пулинг, помимо решетки АЛУ, в TPU предусмотрен еще один блок, в противоположность первому часто называемый линейным блоком, который реализует слои, отличные от сверточного. Их вычисления могут быть существенно ускорены только за счет увеличения скорости работы памяти (объяснение к примеру на рисунке 2), что затруднительно. С другой стороны, число операций в этих слоях обычно примерно в 100 раз меньше, чем число операций в сверточных. Поэтому придерживаются схемы, в которой линейный блок перехватывает постепенно поступающие из матричного блока фрагменты пикселей выходной карты признаков и выполняет над ними требуемые операции. Для выполнения пулинга 3×3, например, блоку достаточно иметь собственный буфер памяти чуть более чем на две строки входной карты признаков (*рисунок 5*).

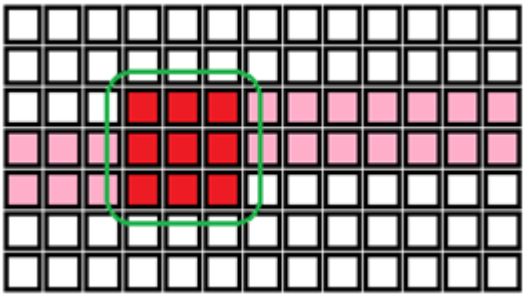

Рисунок 5. Пулинг 3×3.

Поскольку на линейный блок ложится больше разного функционала (как минимум учет паддингов, страйдов, размеров ядра и типа пулинга), чем на матричный, он, как правило, по своему внутреннему устройству сложнее, поэтому у разных разработчиков получается разным. Как правило, линейный блок содержит от N до 9N АЛУ. Устройство разных TPU хоть и может отличаться деталями, принципиально оно у всех одинаковое.

Каноническим примером TPU является первый процессор этого класса, разработанный компанией Google в 2015 г.12F [11], схема его устройства приведена на рисунке 6. Матричный блок Google TPU-v1 состоит из 65536 АЛУ и, как и у большинства других TPU, выполняет вычисления над 8-битными целыми. Процессор работает на частоте 0.7 ГГц и обладает внутренней памятью 28 Мбайт. В России разработкой TPU занимается компаний «IVA Technologies», первые образцы были получены в 2021 г.

В отличие от нейроморфных процессоров, TPU не только разрабатываются многими компаниями, но также активно применяются на практике и как самостоятельные процессоры, и как составные части других процессоров (например, в смартфонах).

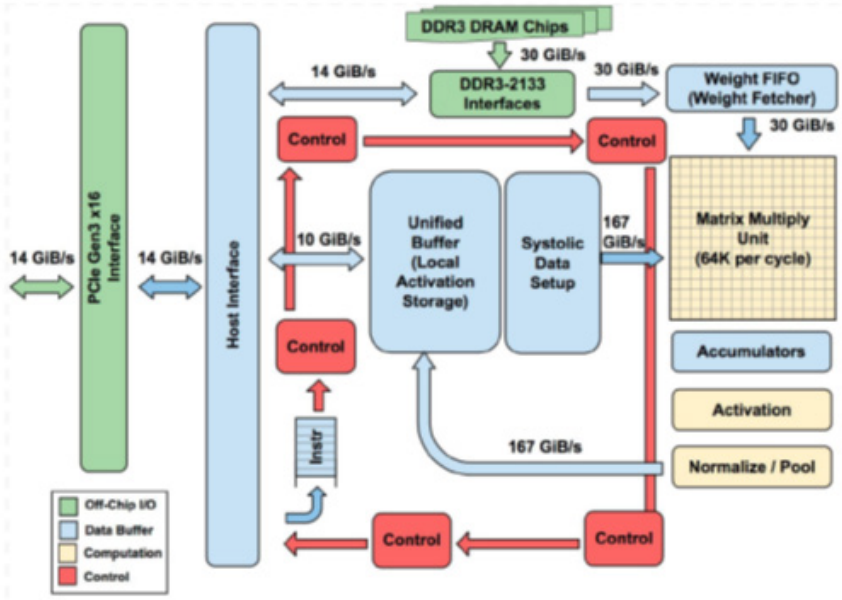

Рисунок 6. Схема устройства первого процессора класса TPU, разработанного компанией Google в 2015 г.

Казалось бы, раздутием размера матричного блока можно достигать все большей и большей оптимизации, однако два фактора не дают это сделать.

Во-первых, чтобы матричный блок был эффективен, его необходимо загрузить соответствующими вычислениями, и если его размеры оказываются больше размеров тензора на конкретном слое, то используется уже не весь блок, соответственно, эффект от его использования оказывается меньше. По этой причине наиболее мощные TPU содержат не одну, а несколько решеток АЛУ.

Внесем ясность в том, что следует понимать под эффективностью процессора. Каждый процессор имеет конечное число АЛУ и известную частоту, на которой они могут работать. Соответственно, перемножив два эти значения можно получить предельное число операций, которое процессор теоретически может выполнить в единицу времени, эта величина называется пиковой производительностью.

С другой стороны, особенности процессора и алгоритма в целом не позволяют загружать все АЛУ процессора в каждый момент времени, часть времени теряется на загрузку данных, посторонние вычисления и т. д., и на практике число операций, выполняемых за единицу времени, оказывается меньше, это число называется реальной производительностью. Для каждого процессора и каждого алгоритма теоретически существует некоторая предельно достижимая реальная производительность, однако в зависимости от навыков программиста в оптимизации может быть достигнуто как 99 % от этого предела, так и 1 %, при чем чаще встречается второе. Соответ-

ственно, когда речь идет об оптимизации, наиболее удобной величиной, дающей представление о том, насколько эффективно реализуются вычисления, является средняя загрузка АЛУ на протяжении рассматриваемого периода, ее и называют эффективностью (что-то вроде КПД). Если из-за размеров сверточного слоя мы можем загрузить, например, не более 25 % матричного блока, это уже означается, что эффективность использования процессора как минимум в четыре раза ниже пиковой.

Во-вторых, чем больше решетка АЛУ, тем больше разница между производительностью матричного и линейного блоков. Напомним, что матричный блок выполняет вычисления, поддающиеся оптимизации, а линейный блок – вычисления, оптимизации не поддающиеся. Представим себе, что самолеты стали летать в 20 раз быстрее, в таком случае большую часть времени любого путешествия будет составлять дорога в аэропорт, и дальнейшее увеличение скорости самолетов уже не будет оказывать существенного влияния на суммарное время. То же самое происходит со сверточными нейросетями. Отсюда возникает даже такой парадокс: нейросеть, состоящая из поканальных сверток и сверток 1×1 и содержащая в 10 раз меньше вычислений, чем другая нейросеть, состоящая из сверток 3×3, может на TPU работать в 10 раз медленнее, чем вторая. По этим причинам TPU на практике никогда не загружены полностью, чаще на 10–20 %.

Эффективность TPU высока на матричных умножениях (сверточных слоях) и низка на остальных операциях, а в целом на нейросети она, как правило, в несколько раз меньше пиковой. Чем больше в нейросети матричных умножений (сверточных слоев) и чем больше размеры тензоров в них, тем выше эффективность на этой нейросети.

Разработчики других классов процессоров для увеличения эффективность своих процессоров на сверточных нейросетях без потери функционала добавляют в структуру процессоров небольшие решетки АЛУ, называемые тензорными ядрами.

Тензорное ядро (в контексте процессора, отличного от TPU) – небольшая решетка АЛУ, подобная матричному блоку TPU. Как правило, характерные размеры решетки не превышают 8, при этом решетка не всегда квадратная.

Впервые тензорные ядра были добавлены в GPU Nvidia поколения Volta, по 1 тензорному ядру из 64 АЛУ на 8 стандартных АЛУ. Таким образом, использование тензорных ядер вместо стандартных номинально позволило увеличить пиковую производительность в восемь раз, однако в силу тех же обстоятельств, что ограничивают реальную производительность TPU, использование тензорных ядер увеличивает скорость вычислений нейросетей не более чем в 1.2–1.4 раза. Тем не менее, непонимание средним обывателем этих свойств и единиц измерения производительности позволяет компании Nvidia бесконечно путать потребителей, жонглируя значениями пиковой и реальной производительностей при разных обстоятельствах, снова и снова заявляя ускорение в десятки раз. Производительность процессоров и содержащих их устройств по умолчанию измеряется во флопсах (от англ. floating point operation per second – FLOPS/s), одним «флопом» считается либо одно умножение, либо одно сложение. К величине применяют стандартные префиксы-множители «гига», «тера» и т. д. В некоторых задачах вычисления выполняются в целых числах (в том числе в нейросетях, для которых выполнено соответствующее квантование), их измеряют также, но из названия величины убирают буквы «фл» (в англ., соответственно, FL). В современных процессорах, как правило, вычисления реализуются через смешанную объединенную операцию умножения со сложением, и, чтобы не забывать постоянно умножать и на два число операций, а заодно не добавлять и убирать буквы «фл», в последнее время стали использовать универсальную единицу исчисления «операция умножения с накоплением», обозначаемую «MAC» (от

англ. multiply accumulate). Таким образом, 1 MAC/s = 2 FLOPS/S, 1 MAC/s = 2 OPS/S, хотя FLOPS и OPS приравнять друг к другу нельзя. Один и тот же процессор может быть способен выполнять разное число операций за единицу времени для разных типов данных, соответственно, у него может быть одновременно несколько показателей производительности. В лучшем случае единицу данных указывают рядом, например «1.45 GFLOPS/s fp32, 2.9 GFLOPS/s fp16». В худшем случае, когда у процессора есть разные режимы для работы с числами одного типа, могут возникать особенно путанные обозначения с каким-нибудь эпитетом, заменяющим тип данных, например «23 trillion MAC AI performance».

Вернемся теперь к программной оптимизации. В силу того, что полносвязные и некоторые похожие на них нейросети не поддаются оптимизации (рисунок 2), никаких существенных программных оптимизаций для них применить нельзя. Что же касается сверточных нейросетей, то в силу их востребованности и оптимизируемости соответствующие программные библиотеки в настоящее время разработаны практически для всех классов процессоров. Именно оптимизированные функции для сверточных нейросетей составляют большую часть программного кода всех библиотек машинного обучения вместе взятых, поскольку больше оптимизировать особо и нечего. В тех же случаях, когда для какого-то процессора такая библиотека еще не разработана или не применима, может надобиться разработать ее самостоятельно, что чрезвычайно трудно для программиста, не имеющего опыта низкоуровневой разработки, но вполне по силу сделать за несколько месяцев (в зависимости от поддерживаемого функционала) человеку с таким опытом.

Разработка такой библиотеки должна быть подчинена следующим простым соображениям:

– в зависимости от требуемого функционала продумывается поддерживаемый библиотекой формат описания нейросетей;
– для выполнения преобразования нейросетей (например, объединения сверточных слоев и ReLU) используются либо функции внешнего фреймворка, либо разрабатываются свои собственные;
– детально изучается устройство целевого процессора;
– реализуются (как правило, преимущественно на ассемблере) оптимальные функции вычисления сверточных слоев, использующие, насколько возможно, трюк, приведенный в формуле на рисунке 4, с учетом иерархии памяти, конфигураций АЛУ и других свойств процессора для разных параметров сверточных слоев;
– реализуются насколько возможно оптимальные функции для остальных слоев, помимо сверточных.
– Что касается программной оптимизации нейросетей в общем случае, то по сравнению с оптимизацией математических алгоритмов в целом она обладает лишь несколькими особенностями:
– параллельное выполнение вычислений для нескольких единиц входных данных в рамках батча позволяет в некоторых случаях более плотно загрузить АЛУ и, таким образом, повысить эффективность;
– на инференсе веса становятся фиксированными значениями, что позволяет размещать их в памяти перед выполнением вычислений заранее удобным образом;
– вычисления прямого и обратного хода используют общие данные, в связи с чем при использовании нескольких параллельно работающих вычислительных устройств во время обучения необходимо продумать распределение между ними соответствующих вычислений и наборов весов и учесть возникающие при этом обмены данными (в особенности в процессе прибавления градиента к весам);
– характерное для большинства нейросетей большое количество разных математических операций в некоторых случаях позволяет перегруппировать эти операции так, чтобы стали возможными хотя бы некоторые программные оптимизации.

Можно ожидать, что в будущем появятся новые типы нейросетей, для которых станет возможна разработка новых классов специализированных процессоров. Однако на данный момент, как видно, за вычетом оптимизации сверточных слоев, тема оптимизации вычислений в машинном обучении достаточно бедна. С другой стороны, именно широкое распространение доступных и мощных вычислительных устройств явилось предпосылкой развития машинного обучения. При чем основную массу разработчиков нейросетей составляют математиками, а не низкоуровневые программистами, способные писать свои библиотеки на ассемблере. Вычислительные средства нужны для инференса в конечных устройствах, для обучения нейросетей на серверах и для разработки на персональных компьютерах. Таким образом, потребность человечества в использовании машинного обучения диктует потребность в вычислительных средствах, которые были бы одновременно доступными в больших количествах для любого кошелька, достаточно мощными и легко осваиваемыми (чтобы программист, который будет их использовать,

мог относительно небольшими стараниями достигать удовлетворительного уровня эффективности).

Наилучший баланс между этими характеристиками обеспечивают GPU. Это объясняется тем, что GPU базируются на принципе так называемой массовой мультипоточности, использование которого на порядки упрощает оптимизацию программ.

Одновременно с этим среди производителей GPU доминирующую позицию занимает компания Nvidia: она первая разработала и стала активно продвигать удобный язык программирования CUDA для GPU, который стал де-факто стандартом параллельного программирования среди программистов всего мира. В России разработкой GPU, программируемого на CUDA, занимается только компания «Байкал Электроникс», выход первого GPU ожидается в 2026 г.

Список литературы:

[1] Chen Zhang, Joohee Kim Video object detection with two-path convolutional LSTM pyramid. 2016. – URL: https://www.researchgate.net/publication /343702579_Video_Object_Detection_With_ Two-Path_ Convolutional_LSTM_ Pyramid/fulltext/5f3b2658928 51cd302013482/Video-Object-Detection-With-Two-Path-Convolutional-LSTM-Pyramid.pdf/ (дата обращения: 16.01.2026).

[2] Hanson A., Koutilya PNVR, Sanjukta Krishnagopal, Larry Davis Bidirectional Convolutional LSTM for the Detection of Violence in Videos. 2018. – URL: https://openaccess.thecvf.com/content_eccv_2018_workshops/w10 /html/Hanson_Bidirectional_Convolutional_LSTM_or_the_ Detection_of_Violence_in_ Videos_ ECCVW_2018_paper.html (дата обращения: 15.01.2026).

[3] Howard A.G., Menglong Zhu, Bo Chen, Kalenichenko D. MobileNets: Efficient Convolutional Neural Networks for Mobile Vision Applications. 2017. – URL: https://arxiv.org/pdf/1704.04861/ (дата обращения: 11.01.2026).

[4] Iandola F.N., Han S., Moskewicz M.W., Ashraf K., Dally W.J., Keutzer K. SqueezeNet: AlexNet-level accuracy with 50x fewer parameters and <0.5MB model size Recognition. 2016. Published as a conference paper at ICLR. 2015. – URL: https://www. researchgate.net/publication/ 301878495_SqueezeNet_AlexNet-level_accuracy_ with_50x_fewer_ parameters_ and_05MB_model_size (дата обращения: 10.01.2026).

[5] Ioffe S., Szegedy C. Batch Normalization: Accelerating Deep Network Training by Reducing Internal Covariate Shift. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1502.03167/ (дата обращения: 13.01.2026).

[6] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Deep Residual Learning for Image Recognition. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1512.03385 (дата обращения: 11.01.2026).

[7] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Spatial pyramid pooling in deep convolutional networks for visual recognition. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1406.4729/ (дата обращения: 11.01.2026).

[8] Krizhevsky I., Sutskever I., Hinton G.E. Imagenet classification with deep convolutional neural networks. 2012. – URL: https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2012/file/
c399862d3b9d6b76c8436e 924a68c45b-Paper.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

[9] Lavin A., Scott Gray Fast Algorithms for Convolutional Neural Networks. 2015. – URL: https://arxiv.org/abs/1509.09308 (дата обращения: 11.01.2026).

[10] Mikolov T., Kai Chen, Corrado G., Jeffrey Dean Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. 2013. – URL: https://arxiv.org/abs/1301.3781 (дата обращения: 15.01.2026).

[11] Norman P. Jouppi, Cliff Young, Nishant Patil and others In-Datacenter Performance Analysis of a Tensor Processing Unit. 2017. – URL: https://arxiv.org/pdf/1704.04760 (дата обращения: 11.01.2026).

[12] Ronneberger O., Fischer Ph., Brox Th. U-Net: Convolutional Networks for Biomedical Image Segmentation. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1505.04597/ (дата обращения: 13.01.2026).

[13] Szegedy C., Wei Liu, Chapel Hill, Yangqing Jia, Pierre Sermanet, Scott Reed, Dragomir Anguelov, Dumitru Erhan, Vincent Vanhoucke, Andrew Rabinovich Going Deeper with Convolutions. 2014. – URL: https://arxiv.org/pdf/1409.4842 (дата обращения: 12.01.2026)

[14] Simonyan K., Zisserman A. Very Deep Convolutional Networks for Large-Scale Image Recognition. 2015. Published as a conference paper at ICLR 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1409.1556 (дата обращения: 10.01.2026).

[15] Wei Liu, Anguelov D., Erhan D., Szegedy C., Reed S., Cheng-Yang Fu, Berg A.C. SSD: Single Shot MultiBox Detector. 2016. – URL: https://arxiv.org/pdf/1512.02325 (дата обращения: 11.01.2026).

[16] Официальный сайт ONNX. – URL: https://onnx.ai/.

[17] Основы технологий искусственного интеллекта: учебное пособие/ А.А. Семенов, В.В. Гончар, А.С. Эрдниев. – Московский университет МВД России имени В.Я, Кикотя, 2025. – 190с.

[18] Финансовый мониторинг: учебное пособие / В.И. Глотов, А.У. Альбеков, О.Н. Тисен и др. – КноРус, 2022. – 198 с.

[19] Тисен О.Н. Противодействие современным приемам и способам вербовки в международные террористические организации // Российская юстиция. 2018, №9. С. 51-54.

[20] Гончар В.В. О важности формирования единообразного понятийного аппарата необходи-

мого для расследования преступлений в сфере компьютерной информации// Вестник Экономической безопасности. 2018. №1. С. 225-230.

[21] Орлова А.А., Гончар В.В. Особенности расследования преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий // Безопасность бизнеса. 2021. № 4. С. 25-29.

References:

[1] Chen Zhang, Joohee Kim Video object detection with two-path convolutional LSTM pyramid. 2016. – URL: https://www.researchgate.net/publication /343702579_Video_Object_Detection_With_ Two-Path_ Convolutional_LSTM_ Pyramid/fulltext/5f3b2658928 51cd302013482/Video-Object-Detection-With-Two-Path-Convolutional-LSTM-Pyramid.pdf/ (дата обращения: 16.01.2026).

[2] Hanson A., Koutilya PNVR, Sanjukta Krishnagopal, Larry Davis Bidirectional Convolutional LSTM for the Detection of Violence in Videos. 2018. – URL: https://openaccess.thecvf.com/content_eccv_2018_workshops/w10 /html/Hanson_Bidirectional_Convolutional_LSTM_or_the_ Detection_of_Violence_in_ Videos_ ECCVW_2018_paper.html (дата обращения: 15.01.2026).

[3] Howard A.G., Menglong Zhu, Bo Chen, Kalenichenko D. MobileNets: Efficient Convolutional Neural Networks for Mobile Vision Applications. 2017. - URL: https://arxiv.org/pdf/1704.04861/ (access date: 11.01.2026).

[4] Iandola F.N., Han S., Moskewicz M.W., Ashraf K., Dally W.J., Keutzer K. SqueezeNet: AlexNet-level accuracy with 50x fewer parameters and <0.5MB model size Recognition. 2016. Published as a conference paper at ICLR. 2015. – URL: https://www. researchgate.net/publication/ 301878495_SqueezeNet_AlexNet-level_accuracy_ with_50x_fewer_ parameters_ and_05MB_model_size (дата обращения: 10.01.2026).

[5] Ioffe S., Szegedy C. Batch Normalization: Accelerating Deep Network Training by Reducing Internal Covariate Shift. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1502.03167/ (access date: 13.01.2026).

[6] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Deep Residual Learning for Image Recognition. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1512.03385 (access date: 11.01.2026).

[7] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Spatial pyramid pooling in deep convolutional networks for visual recognition. 2015. - URL: https://arxiv.org/pdf/1406.4729/ (access date: 11.01.2026).

[8] Krizhevsky I., Sutskever I., Hinton G.E. Imagenet classification with deep convolutional neural networks. 2012. - URL: https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2012/file/c399862d3b9d6b76c8436e 924a68c45b-Paper.pdf (accessed on: 12.01.2026).

[9] Lavin A., Scott Gray Fast Algorithms for Convolutional Neural Networks. 2015. - URL: https://arxiv.org/abs/1509.09308 (access date: 11.01.2026).

[10] Mikolov T., Kai Chen, Corrado G., Jeffrey Dean Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. 2013. – URL: https://arxiv.org/abs/1301.3781 (access date: 15.01.2026).

[11] Norman P. Jouppi, Cliff Young, Nishant Patil and others In-Datacenter Performance Analysis of a Tensor Processing Unit. 2017. – URL: https://arxiv.org/pdf/1704.04760 (access date: 11.01.2026).

[12] Ronneberger O., Fischer Ph., Brox Th. U-Net: Convolutional Networks for Biomedical Image Segmentation. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1505.04597/ (access date: 13.01.2026).

[13] Szegedy C., Wei Liu, Chapel Hill, Yangqing Jia, Pierre Sermanet, Scott Reed, Dragomir Anguelov, Dumitru Erhan, Vincent Vanhoucke, Andrew Rabinovich Going Deeper with Convolutions. 2014. – URL: https://arxiv.org/pdf/1409.4842 (accessed on: 12.01.2026)

[14] Simonyan K., Zisserman A. Very Deep Convolutional Networks for Large-Scale Image Recognition. 2015. Published as a conference paper at ICLR 2015. - URL: https://arxiv.org/pdf/1409.1556 (access date: 10.01.2026).

[15] Wei Liu, Anguelov D., Erhan D., Szegedy C., Reed S., Cheng-Yang Fu, Berg A.C. SSD: Single Shot MultiBox Detector. 2016. – URL: https://arxiv.org/pdf/1512.02325 (access date: 11.01.2026).

[16] ONNX official website. – URL: https://onnx.ai/.

[17] Fundamentals of artificial intelligence technologies: a textbook/A.A. Semenov, V.V. Gonchar, A.S. Erdniev. - Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya, Kikotya, 2025. - 190s.

[18] Financial monitoring: training manual/V.I. Glotov, A.U. Albekov, O.N. Tisen et al. - KnoRus, 2022. - 198 s.

[19] Tisen O.N. Countering modern methods and methods of recruitment to international terrorist organizations//Russian Justice. 2018, №9. S. 51-54.

[20] Gonchar V.V. On the importance of forming a uniform conceptual apparatus necessary for investigating crimes in the field of computer information// Bulletin of Economic Security. 2018. №1. S. 225-230.

[21] Orlova A.A., Gonchar V.V. Features of the investigation of crimes committed in the field of information technology//Business security. 2021. № 4. S. 25-29.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-446-452

ПЕТРУХИН Кирилл Игоревич,
Аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
e-mail: avgust0009@gmail.com

СВОБОДНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *Статья посвящена трансформации института свободного использования произведений в условиях цифровой экономики и его роли в системе права интеллектуальной собственности. Цифровизация изменила не только технические способы распространения контента, но и структуру отношений вокруг охраняемых произведений. Повсеместное копирование, платформенный характер оборота объектов интеллектуальной собственности, автоматическая обработка данных, появление искусственного интеллекта — это лишь основные причины для реформирования института свободного использования произведений. С учётом повсеместного распространения цифровых технологий традиционная модель закрытого перечня исключений, закреплённая в статьях 1273-1280 ГК РФ и основанная на трёхступенчатом тесте Бернской конвенции, всё хуже справляется с задачей поддержания баланса интересов правообладателей и общества.*

В статье сопоставляется процессы реформирования института свободного использования произведений по образцу Европейского Союза и США. Анализируется Доктрина 2019/790 DSM, где были введены специальные исключения для дистанционного обучения и интеллектуального анализа текстов и данных. Также исследуется американская доктрина добросовестного использования с гибкими критериями и доктриной трансформаторного использования. В настоящей статье показаны достоинства и недостатки модели добросовестного использования. В публикации сделан вывод о том, что российский институт свободного использования нуждается в эволюционной модернизации, то есть при сохранении закрытого перечня его расширение или уточнение должны происходить из практической необходимости. Без реформирования свободного использования произведений будет наблюдаться стагнация в сфере технологий и сдерживаться развитие науки, образования, литературы и интернет-культуры.

Ключевые слова: *гражданское право, интеллектуальные права интеллектуальная собственность, свободное использование.*

PETRUHIN Kirill Igorevich,
Graduate student Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics

FREE USE IN THE AGE OF DIGITAL TECHNOLOGY

Annotation. *This article examines the transformation of the institution of free use of works in the digital economy and its role in the intellectual property system. Digitalization has changed not only the technical methods of content distribution but also the structure of relations surrounding protected works. Ubiquitous copying, the platform-based nature of intellectual property circulation, automated data processing, and the emergence of artificial intelligence are just some of the main reasons for reforming the institution of free use of works. Given the widespread adoption of digital technologies, the traditional model of a closed list of exceptions, enshrined in Articles 1273-1280 of the Civil Code of the Russian Federation and based on the three-step test of the Berne Convention, is increasingly failing to balance the interests of copyright holders and society.*

This article compares the reform processes of the institution of free use of works based on the models of the European Union and the United States. It analyzes Doctrine 2019/790 DSM, which introduced special exceptions for distance learning and the mining of texts and data. It also examines the American fair use

doctrine with its flexible criteria and the doctrine of transformative use. This article examines the advantages and disadvantages of the fair use model. It concludes that the Russian institution of free use requires evolutionary modernization. That is, while maintaining a closed list, its expansion or clarification should be driven by practical necessity. Without reforming the free use of works, technological stagnation will occur, and the development of science, education, literature, and internet culture will be hindered.

Key words: *civil law, intellectual rights, intellectual property, free use.*

Интеллектуальная собственность переживает трансформаторный процесс приобретая новые формы и содержание. Это выражается в изменении подходов к уже существующим правовым механизмам. Свободное использование стало одним из ключевых элементов подвергшимся изменениям, поскольку необходимо уже в новых условиях выстраивать доступ к знаниям, информации, культуре и образованию.

Свободное использование в российском законодательстве выполняет функции разумного ограничения исключительных прав собственника произведения. Статья 1274 ГК РФ допускает без согласия автора или правообладателя и без выплаты вознаграждения, но с обязательным указанием имени автора и источника заимствования, в частности цитирование в научных, полемических, критических, информационных и учебных целях в объёме, оправданном целью цитирования, а также использование произведений в качестве иллюстраций в учебных материалах.

Институт свободного использования был имплементирован в 4 часть ГК РФ из Бернской конвенции. Закреплённый в п. 2 ст. 9 Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений в редакции 1967 года, «трёхступенчатый тест», где для определения возможности свободного использования произведения используется набор шагов-критериев.

1. Ограничение должно относится к определённым особым случаям – быть чётко очерченными, а не универсальными;
2. Оно не должно наносить ущерба нормальному использованию произведения, то есть не должно создавать экономический конкуренции тем способам использования, которым правообладатель обычно получает доход;
3. Оно не должно необоснованным образом ущемлять законные интересы автора, то есть не приводить к чрезмерной потере дохода от произведения.

В последствии те же критерии были воспроизведены в ст. 13 Соглашения ТРИПС 1994 года и п. 1 ст. 10 Договора ВОИС по авторскому праву 1996 года. Ст. 13 ТРИПС расширила сферу применения трёхступенчатого теста за пределы права на воспроизведение – на все способы использования произведения. Тест включён в российское право по средствам статьи ч. 5 1229 ГК РФ, однако по мнения одного из разработчиков ГК РФ – он появился там в качестве символической нормы, поскольку первоначально законодатель вовсе не планировал его туда включать [1, с. 44].

В российском праве перечь таких случаев закреплён в ст. 1273 – 1280 ГК РФ и является закрытым. В российском праве все случаи свободного использования носят некоммерческий характер, то есть личные (ст. 1273 ГК РФ), информационные, научные, учебные и культурные (ст. 1274 ГК РФ), правоприменительные (ст. 1278 ГК РФ).

Однако развитие цифровых технологий привело к тому, что традиционное представления о пределах правомерного использования произведений перестали отвечать всей сложности современных передачи информации. В цифровой среде произведение существует в формате файлов, потоков данных, серверных копий, фрагментов, превью, ссылок, репостов, скриншотов, алгоритмов и обучающих массивов данных, а его использование нередко происходит одновременно в нескольких юридически значимых формах – как воспроизведение, доведение до всеобщего сведения, переработка, временное копирование и машинная обработка.

Всё нами вышеперечисленное ставит под сомнение достаточность прежней модели исключений, выстроенной главным образом вокруг традиционных способов использования произведений. С одной стороны, слишком узкое понимание свободного использования может затруднить развитие науки, образования, развитие передовых технологий. С другой стороны, чрезмерное широкое токование исключений может привести к подрыву экономических интересов правообладателей, что противоречит самой логике современного права интеллектуальной собственности.

Проблематика свободного использования в цифровую эпоху приобретает не только прикладное, но и концептуальное значение. Сегодня речь идёт уже не просто о толковании норм ГК РФ, а выборе траектории развития отечественного права в этой конкретной области. При этом модель реформирования свободного использования должна быть одновременно достаточно гибкой для учёта цифровых практик и достаточно определённой для сохранения правовой предсказуемости.

Цифровизация изменила не только технические способы распространения произведений, но и саму структуру отношений, возникающих по поводу охраняемого контента. Если в аналогичной среде воспроизведение и распространение были относительно трудоёмкими и легко фиксируемыми действиями, то в цифровой среде даже обычный просмотр контента часто сопровождается создание множества временных и постоянных копий на устройствах пользователя, серверах и в кэш-системах.

Вследствие этого юридически значимые акты использования произведения становятся повседневными и практически неотделимыми от обычного информационного поведения человека. Пользователь уже не просто читает или слушает произведение, а сохраняет, пересылает, фрагментирует, цитирует, комментирует, встраивает контент в новые цифровые форматы, распространяя информацию среди неограниченного круга лиц. Подобные действия часто выполняют социально полезную функцию, но одновременно формально затрагивают исключительное право.

Более сложной темой является ситуация из-за повсеместного платформенного характера современной цифровой экономики. Значительная часть использования произведений происходит не напрямую между автором и пользователем, а внутри экосистем цифровых платформ: видеохостингов, социальных сетей, образовательных сервисов, агрегатов новостей, облачных библиотек и архивов. В результате классическая модель индивидуального контроля над использованием произведения теряет практическую эффективность, а значение исключений как инструмента правового равновесия, наоборот, возрастает.

Особую роль играет процессы автоматической обработки данных. Цифровая среда породила такие формы обращения с произведениями, при которых объект используется не столько человеком, сколько для анализа машиной. Это касается полнотекстового поиска, индексирования, извлечения данных, по сути всё то, что составляет основу современного искусственного интеллекта и цифровой экономики как таковой.

В данном контексте становится очевидным, что традиционные исключения в системе исключительных прав нуждаются либо в расширенном толковании, либо целенаправленном реформировании. Стоит подчеркнуть, что цифровая среда не уничтожает значение исключительного права, но требует более тонкой настройки границ между допустимым использованием, лицензионным использованием, нарушением прав.

Развитие дистанционного обучения стало одним из наиболее заметных результатов цифровизации социальной сферы. Образовательный процесс всё чаще строится на использовании электронных курсов, вебинаров, видеоуроков, цифровых учебников, презентаций, библиотечных платформ и интерактивных ресурсов. Такая трансформация усилила общественную значимость исключений из авторского права, поскольку преподавание и обучение немыслимы без обращения к произведениям науки, литературы и искусства.

В классическом процессе образования использование материалов для обучения ограничивалось самим учебным заведением и узким кругом лиц. В цифровой среде учебный материал хранится на сервере, предаётся через интернет, воспроизводится неоднократно, используется в удалённом режиме. Статья 1274 ГК РФ допускает использование произведений и их отрывков в качестве иллюстраций в изданиях, радио или телевизионных передачах, аудиовизуальных произведениях обучающего характера, в объёме оправданном поставленной целью. В современных условиях возникает вопрос, как соотнести данную формулу с электронными курсами, онлайн-платформами, цифровыми кабинетами и трансграничном доступом обучающихся к контенту.

Есть опыт Европейского союза по модернизации и разрешении спорных моментов при реформировании свободного использования. DSM Directive 2019/790 предусматривает меры по адаптации исключений и ограничений к цифровой-трансграничной среде, включая использование произведений в учебной деятельности.

Таким образом по примеру опыта зарубежных стран в российском гражданском праве целесообразно закрепить правомерность использования произведений в цифровом виде в учебных целях при наличии нескольких условий: при связи используемого произведения с образовательной программой, доступ к произведению должен быть только у обучающихся и педагогов, отсутствие непосредственной коммерческой эксплуатации произведения. Такая конструкция могла бы позволить получить доступ к произведениям для процесса обучения и предотвратить подмену учебной деятельности неконтролируемым доступом к охраняемому контенту.

Одним из наиболее значимых вызовов цифровой эпохи для интеллектуальной собственности стало развитие искусственного интеллекта. В первую очередь речь идёт о технологиях автоматизированного извлечения информации, статистических закономерностей из больших массивов данных, а также об использовании произведений для обучения систем искусственного интеллекта [2, с. 92].

С точки зрения техники такие процессы предполагают копирование, считывание, индексирование и анализ материалов алгоритмами. Однако их функция отличается от традиционного использования произведения человеком. В ряде случаев объект используется не для эстетического восприятия, чтения или просмотра как такового, а как элемент массива данных, необходимый для статистического, семантического или модельного анализа.

Для этой необходимости в праве Европейского союза были закреплены специальные ограничения. Всемирная организация интеллектуальной собственности указывает, что Директива 2019/790 ввела новые обязательные исключения для интеллектуального анализа текстов и данных, которые активно используются. Таким образом, современная европейская модель прямо признала, что машинный анализ произведений является особой правовой ситуацией, требующий отдельного регулирования.

Современное российское право пока не содержит столь же развёрнутого специального режима для обучения искусственного интеллекта. Это создаёт неопределённость как для научно-исследовательских организаций, так и для коммерческих разработчиков. С одной стороны, полное игнорирование интересов правообладателей в сфере машинной обработки данных было бы неправомерным. С другой стороны, требование получать индивидуальные разрешения на каждый элемент обучающего массива может оказаться практически нереализуемым и будет сдерживать научное и техническое развитие.

Представляется, что правовое решение здесь должно быть дифференцированным. Не всякое использование произведения в системе искусственного интеллекта имеет одинаковую правовую природу. Следует различать: машинный анализ законно полученных материалов без предоставления пользователю доступа к самим произведениям и воспроизведение значимых элементов произведения в результатах работы модели.

Поэтому целесообразно ввести в российское законодательство специальное исключение для машинного анализа законно полученных произведений в научно-исследовательских и образовательных целях, при одновременном сохранении запрета на использовании результатов такого анализа способом, который подменяет обычную эксплуатацию произведения правообладателем.

В российской правовой дискуссии не редко поднимается вопрос о соотношении понимания свободного использования в отечественном законодательстве и зарубежном праве интеллектуальной собственности.

Современные правопорядке реагируют на цифровую трансформацию интеллектуальной собственности, как на общий тренд адаптации исключений и ограничений к новым технологиям. Наиболее показательным примером является Европейский союз, где DSM Directive 2019/790 была направленна на модернизацию права с учётом растущего цифрового и трансграничного использования охраняемого элемента. Значение этой директивы состоит не только в введении новых правил, но и в изменении законодательной логики. Европейский законодатель не отказался от системы специальных исключений, но признал, что цифровая среда требует новых обязательных ограничений для искусственного интеллекта, дистанционного обучения. Тем самым мы увидели практический пример умеренной реформы, которая выражается в адресной модернизации существующей структуры исключений [4, с. 104].

Для российского права такой подход представляет интерес по двум причинам. Во-первых, он совместим с моделью закрытого перечня исключений, традиционной для континентальной системы права. Во-вторых, он показывает, что модернизация исключений может происходить постепенно, без отказа от базовых институтов и без разрушения правовой определённости.

С другой стороны, мы имеем пример США, где развита система добросовестного использования. Добросовестное использование (fair use) является инструментом содержательных границ исключительного и авторского права в США. Значительное отличие от континентальных систем права заключается в отсутствии чётких ограничений исключительных прав. Взамен предлагается гибкий механизм, совокупность абстрактных условий, при которых допускается использование произведения без согласия правообладателя [3, с. 43].

Нормативную базу составляет ст. 107 Закона об авторском праве США 1976 года. Статья говорит, что добросовестное использование произведения, включая использование в целях критики, комментария, новостных соглашений, преподавания, научных и исследовательских целях, не является нарушением авторского права. Все перечисленные цели носят примерный перечень, они используются как пример, а не ограничение. Впервые доктрина была сформулирована в деле Folsom v. Maesh.

Законом об авторском праве США установлены четыре критерия, которые суд обязан оценивать по совокупности:

1. Цель и характер использования. Проверяется мотивы использования произведения коммерческие или некоммерческие. Наличие преобразующего фактора;

2. Природа произведения. Уровень творчества и официальное опубликования;
3. Объём и сущность заимствования. Судом исследуется для использованного произведения, взята ли сама суть произведения;
4. Влияние на рынок. Выясняется, как использование произведения нанесло ущерб или могло нанести ущерб интересам правообладателя [5, с. 193].

Суды в США исходят из того, что приведённые критерии должны оцениваться с учётом особенности каждого случая. Каждый фактор вмешивается в совокупности с остальными.

Совместно с добросовестным использованием практикуется доктрина трансформирующего использования. Преобразующем использованием считается трансформация изначального произведения, которая добавляет новую значение, функцию или выражение. Чем более будет перерабатывающие использование, тем больше вероятность признания его добросовестным.

Также есть доктрина расширяющего полезность использования. Ворожевич А.С. анализируя доктрину приходит к выводу, что добросовестным признаётся творческое использование чужого произведения, при котором ответчик предоставляет информацию об оригинале или расширяет его полезность, даже если он не создал нового вида использования или выражения изначального произведения. Данная доктрина не имеет устойчивых критериев применения и остаётся предметом острых споров [3, с. 44].

Так как США является страной большим значением судебных решений, как одним из важнейших источников права, мы обязаны рассмотреть знаковые дела в сфере добросовестного использования.

Дело Campbell v. Acuff-Rose Music, где Верховный суд США признал пародийным использованием песни «Oh Pretty Woman». Суд указывает, что пародия по своей природе трансформирует оригинальное произведение, придавая ему новое значение и даже изначально коммерческая направленность не исключает добросовестного использования.

Дело Authors Guild v. Google 2015 года, в котором суд признаёт добросовестным использованием действия компании Google по оцифровке в рамках проекта Google Books миллионов опубликованных книг и размещение их на сайте с возможностью полноценного поиска по всему документу. Суд, разрешая спор исходил из того, что ответчик способствует прогрессу науки и культуры, не причиняя имущественного ущерба правообладателям.

Дело Oracle Am. v. Google Inc. 2021 год, предмет спора был в использовании ОС Android программного кода Java API. От общего объёма ОС код принадлежащий истцу составлял примерно три процента. Верховный суд США признал такое использование добросовестным. Поскольку Google использовал код, принадлежащий истцу для создания новых продуктов, и стремился расширить полезность смартфонов.

В деле Andy Warhol Foundation v. Goldsmith 2023 год, Верховный суд США сужает понятие трансформативности. Суд постановил, что необходимо прежде всего выяснить выполняет ли произведение ту же коммерческую функцию, что и оригинал, а не просто добавляет новый смысл.

В 2023 году группа писателей подала коллективный иск к OpenAI (дело Tremblay et al. v. OpenAI Inc.) в Окружной суд США по северному округу Калифорнии, обвинив компанию в незаконном использовании литературных произведений для обучения ChatGPT. Истец ссылался на нарушение исключительного права по ст. 106 Закона об авторском праве, опосредованное нарушение, потому что каждый ответ ИИ — это производное произведение. Так как истец не досочно конкретизировал свои требовал суд отклонил все требования из-за процессуальных нарушений.

В деле Bartz et al. v. Anthropic PBC (2025 года) – это по сути первый полноценный прецедент по добросовестному использованию. Использование книг для обучения ИИ признаётся добросовестным в следующих случаях:

1. Цель и характер. Обучение, то есть выявление закономерностей изложенного текста для генерации текста;
2. Полное копирование произведения признаётся необходимым для трансформирующей цели;
3. Влияние на рынок. Поскольку произведения используются для обучения, оригинал и сгенерированная версия не конкурируют между собой и не замещают друг друга.

Суд указал, что требовать заключения лицензионного договора абсурдно, так как для обучения человека этого не требуется. Оцифровка приобретённых книг также является добросовестным использованием, так как фактически это эквивалент размещения купленного экземпляра в библиотеке. При этом создание цифровой библиотеки из «пиратского» контента не признано добросовестным использованием, так как наносит правообладателю реальный ущерб и создаёт прямую замену рынку книг и лицензий.

Как нам кажется необходимо поговорить о недостатках добросовестного использования.

В доктрине США формировалась мнения о том, что пользователи сами должны доказать

необходимость применения доктрины fair use. Однако в деле Lenz v. Universal, суд напротив указывает, что fair use – это разрешённое законом использование, правообладатель должен учитывать потенциальную применимость до направления претензии о нарушении исключительных прав.

Сфокусированность на трансформативности судов в США вызывает некоторые вопросы. Слишком широкое толкование этого термина и практическая замена им почти всей доктрины добросовестного использования. В результате мы получили дисбаланс между правообладателем и пользователем, а также необоснованно сильную защиту производных произведений. Решением по делу Andy Warhol Foundation v. Goldsmith 2023 года суд решил сузить транформативность и ограничил её степенью влияния на рынок.

Один из системных недостатков добросовестного использования, является от субъективная оценка судами четырёх критериев fair use. По сути до объявления решения суда стороны не могут точно предсказать исход дела. Более того также затруднительно определить нарушение закона без суда, правообладатель может решить, что иное лицо нарушило его права, но при этом не может быть уверена в возможности препятствовать нарушению или возмещении убытков.

Как мы считаем российский институт свободного использования сильно проигрывает fair use. Дело не в самом подходе списочном или основанном на критериях. Разница именно на уровне правовых систем. Прецедентная система права оказалась более результативной в эпоху цифровой экономики, гибкость и скорость регулирования оказались серьёзным преимуществом на фоне неповоротливой континентальной системы. Как нам кажется, некоторые неопределённости в регулировании лучше его отсутствия. Для стран с английским правом регулирование произведений, использованных для обучения ИИ уже прошлое, то для отечественного права это предстоящая дискуссия и не факт, что она закончится изменениями в законе. Как итог стагнация технологий ИИ в России, так как без возможности обучения моделей прогресс невозможен. Интернет-культура, которая развивалась последние двадцать лет была бы вообще невозможна, так как стоится именно на добросовестном использовании. Таким образом списочный принцип свободного использования скорее наносит вред развитию культуры и технологий.

Прямое копирование зарубежных решений представляется недостаточным. Российская система гражданского законодательства, хоть и имеет общие черты, но не заимствована напрямую у неё есть своя специфика, например в способе управления правами или уровне детализации норм, а также разнообразия судебной практики.

Свободное использование произведений в эпоху развития цифровых технологий перестало быть периферийным институтом интеллектуальной собственности и превратилось в один из центральных механизмов согласования интересов правообладателей, пользователей, образовательных и культурных организаций, научного сообщества и цифровой экономики. Цифровая среда сделала очевидным, что прежние исключения, сформулированные для «аналоговой эпохи», уже не всегда обеспечивают достаточную определённость в правовом регулировании.

Наиболее значимые проблемы современного этапа связанны с неопределённостью границ цифрового цитировании, недостаточной адаптации института свободного использования к дистанционному образованию и цифровому культурному наследию, отсутствием специального режима для машинного анализа данных и обучения систем искусственного интеллекта. Все эти проблемы были порождены повсеместной цифровой трансформацией общества.

В этих условиях оптимальным представляется путь последовательной модернизации российского законодательства. Система свободного использования должна сохранять свою определённость, но стать более технологически нейтральной, функционально ориентированной и чувствительной к общественно значимым цифровым практикам, а также обеспечить более устойчивый баланс между охраной творчества и потребностями общественного прогресса.

Список литературы:

[1] Артемова А.Н. Использование объектов авторского права в машинном обучении: в поисках баланса интересов правообладателей и общества // Respublica Literaria. 2024. Т. 5. № 3. С. 184–194. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.184-194

[2] Архипов С. В. Отдельные аспекты проблем защиты авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом / С. В. Архипов, Б. Е. Кошелюк // Аграрное и земельное право. — 2023. — № 10 (226). — С. 91—93.

[3] Ворожевич А.С. Доктрина добросовестного использования в сфере авторского права // Хозяйство и право. 2019. № 10. С. 41–61.

[4] Кожемякин Д. В. Трансформация института свободного использования произведений в цифровую эпоху // Правоведение. — 2019. — Т. 63, № 1. — С. 97—111.

[5] Луткова О.В. Доктрина добросовестного использования произведений в современном авторском праве США // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 2. С. 186–199.

References:

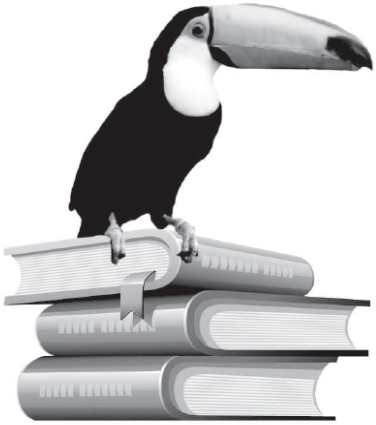
[1] Artemova A.N. Using Copyright Objects in Machine Learning: Finding a Balance between the Interests of Copyright Holders and Society // Respublica Literaria. 2024. Vol. 5. No. 3. pp. 184–194. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.184-194

[2] Arkhipov S.V. Certain Aspects of Copyright Protection Issues for Works Created by Artificial Intelligence / S.V. Arkhipov, B.E. Koshelyuk // Agrarian and Land Law. — 2023. — No. 10 (226). — pp. 91–93.

[3] Vorozhevich A.S. The Doctrine of Fair Use in the Sphere of Copyright // Business and Law. 2019. No. 10. pp. 41–61.

[4] Lutkova O.V. The Doctrine of Fair Use of Works in Modern US Copyright Law // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2016. No. 2. pp. 186–199.

[5] Kozhemyakin D.V. Transformation of the Institution of Free Use of Works in the Digital Age // Jurisprudence. — 2019. — Vol. 63, No. 1. — pp. 97–111.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-453-459

ИСМАКОВ Евгений Владимирович,
аспирант Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Оренбургский государственный университет
имени В.А. Бондаренко»,
e-mail: jenyaism@mail.ru

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ ПРОДУКТОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРОИЗВОДИТЕЛЯ СИСТЕМЫ АВТОНОМНОГО ВОЖДЕНИЯ КАК НОВЫЙ ВИД СТРАХОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье обосновывается объективная необходимость введения в Российской Федерации нового вида обязательного страхования — страхования продуктовой ответственности производителя системы автономного вождения — применительно к высокоавтоматизированным транспортным средствам уровней 4–5 по классификации SAE J3016. Показано, что классическая модель ОСАГО, опирающаяся на категорию водителя как субъекта ответственности, утрачивает юридическую и экономическую состоятельность в условиях полной автономии, когда вред причиняется не действиями человека, а дефектами программно-аппаратного комплекса. На основе анализа актуального состояния экспериментального правового режима в России, положений готовящегося федерального закона о высокоавтоматизированных транспортных средствах, а также зарубежного опыта предложена авторская юридическая модель данного вида страхования: определены его правовая природа, субъектный состав, объект, страховой случай и минимальный страховой лимит. Отдельно разработан механизм включения киберрисков в страховое покрытие и распределения бремени доказывания между производителем и страховщиком.*

Ключевые слова: *беспилотное транспортное средство, высокоавтоматизированное транспортное средство, страхование продуктовой ответственности, система автономного вождения, ОСАГО, киберриски, экспериментальный правовой режим, SAE J3016, компенсационный фонд.*

ISMAKOV Evgeny Vladimirovich,
graduate student of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
“Orenburg State University named after V.A. Bondarenko”

COMPULSORY PRODUCT LIABILITY INSURANCE OF THE MANUFACTURER OF THE AUTONOMOUS DRIVING SYSTEM AS A NEW TYPE OF INSURANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article justifies the objective need to introduce in the Russian Federation a new type of compulsory insurance - product liability insurance of the manufacturer of the autonomous driving system - in relation to highly automated vehicles of levels 4-5 according to the SAE J3016 classification. It is shown that the classic OSAGO model, based on the category of the driver as a subject of responsibility, loses its legal and economic viability in conditions of complete autonomy, when harm is caused not by human actions, but by defects in the software and hardware complex. Based on the analysis of the current state of the experimental legal regime in Russia, the provisions of the upcoming federal law on highly automated vehicles, as well as*

foreign experience, the author's legal model of this type of insurance was proposed: its legal nature, subject composition, object, insured event and minimum insurance limit were determined. Separately, a mechanism has been developed for including cyber risks in insurance coverage and distributing the burden of proof between the manufacturer and the insurer.

Key words: *unmanned vehicle, highly automated vehicle, product liability insurance, autonomous driving system, OSAGO, cyber risks, experimental legal regime, SAE J3016, compensation fund.*

Переход к эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств (далее — ВАТС) уровней 4–5 по классификации SAE International означает принципиальное изменение природы дорожного риска. В отличие от традиционного автомобиля, где источником повышенной опасности выступает прежде всего действие или бездействие человека-водителя, в автономном транспортном средстве функция управления передается программно-аппаратному комплексу. То есть по сути, можно говорить, что при определенных обстоятельствах, человек полностью исключается из функций принятия каких-либо решений, а его роль сводится к пассивному пользователю либо оператору. Данное обстоятельство имеет фундаментальное значение для института обязательного страхования гражданской ответственности.

Для целей настоящей работы необходимо дать пояснение относительно самой классификации, на которую опирается дальнейший анализ. Речь идет о стандарте SAE J3016 «Taxonomy and Definitions for Terms Related to Driving Automation Systems for On-Road Motor Vehicles», разработанном организацией SAE International (Society of Automotive Engineers — Сообщество автомобильных инженеров, США). Стандарт был впервые опубликован в январе 2014 года и с тех пор прошел несколько редакций. Действующей является версия J3016_202104, утвержденная 30 апреля 2021 года, доработанная совместно с Международной организацией по стандартизации (ISO) и уточнившая разграничение систем помощи водителю (уровни 0–2) и автоматизированных систем вождения (уровни 3–5), а также различия между уровнями 3 и 4 [1]. Данный стандарт де-факто приобрел статус универсального международного классификатора: он официально признан Национальной администрацией безопасности дорожного движения США (NHTSA), использован в нормативных документах Европейского Союза и послужил основой при подготовке поправок к Венской конвенции о дорожном движении. В марте 2026 года Правительство Российской Федерации своим распоряжением от 7 марта 2026 г. № 445-р внесло изменения в Концепцию обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств, утвержденную распоряжением от 25 марта 2020 г. № 724-р, изложив характеристики уровней автоматизации транспортных средств в новой редакции [2]. Указанные характеристики основаны на классификации SAE J3016 и предусматривают пять уровней автоматизации — от первого (отдельные функции помощи водителю) до пятого (полная автономность без участия человека) [3]. Именно на эту классификацию опираются действующие в России экспериментальные правовые режимы эксплуатации ВАТС и подготовленный Минтрансом России проект Федерального закона «О высокоавтоматизированных и автономных транспортных средствах».

Правовая конструкция ОСАГО, закрепленная Федеральным законом от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [3] и базирующаяся на ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации [4], исходит из презумпции виновного поведения водителя как центрального субъекта ответственности. Страховой случай по договору ОСАГО неразрывно связан с действиями лица, управляющего транспортным средством. На уровнях автономности 4–5 эта конструкция утрачивает логическую и юридическую основу: вред, причиненный третьим лицам, возникает не вследствие нарушения Правил дорожного движения человеком, а в результате дефекта алгоритмов, ошибки программного обеспечения или сбоя сенсорного оборудования. Потерпевший в такой ситуации оказывается лишен эффективного механизма возмещения вреда, а страховщик — возможности осуществить суброгацию к виновному лицу по классической модели.

Российская Федерация находится на пороге масштабного внедрения беспилотных транспортных средств. Экспериментальный правовой режим, в рамках которого высокоавтоматизированный транспорт тестируется с 2018 года, по состоянию на начало 2026 года распространен на 46 регионов [5]. Совокупный пробег беспилотных автомобилей за время эксперимента превысил 23 млн километров; зафиксировано 36 дорожно-транспортных происшествий с их участием, из которых только два совершены по вине автоматизированной системы вождения [6]. При этом подготовленный Минтрансом России проект Федерального закона «О высокоавтоматизированных и автономных транспортных средствах», вступление в силу которого запланировано на 1

сентября 2027 года [7], не содержит специального правового механизма, обеспечивающего гарантированное и оперативное возмещение вреда потерпевшим в случае причинения такого вреда дефектом самой системы вождения. Сохранение страхового пробела в условиях перехода от экспериментальной стадии к массовой коммерческой эксплуатации ВАТС создает неприемлемые социальные риски и правовую неопределенность для всех участников соответствующих отношений.

Данный вывод подтверждается и практикой. Как отмечается в литературе, действующая нормативная база России в отношении беспилотных транспортных средств является неполной и фрагментарной, одной из проблем признается необходимость адаптации института обязательного страхования гражданской ответственности (ОСАГО) к условиям использования беспилотных транспортных средств [7, с. 635–637]. Официальную позицию страхового сообщества выразил советник президента Всероссийского союза страховщиков (ВСС) Дмитрий Горовцов: «для введения порядка осуществления ОСАГО в отношении беспилотных транспортных средств необходимо регулирование как на уровне законов, так и на уровне актов Банка России» [8]. При этом, как подчеркнул Горовцов, ряд коэффициентов, применяемых в ОСАГО, связан «именно с характеристиками водителей: их возрастом, стажем вождения, историей аварийности (коэффициент «бонус-малус»). Если водителей не будет в транспортном средстве в момент движения, регуляторные и законодательные подходы должны корректироваться» [8]. Отдельную сложность представляет и порядок оформления ДТП: «Основным принципом при оформлении ДТП являлось обязательное присутствие водителя. В случае с беспилотным автомобилем водителя нет априори, поэтому невозможно не только оформление европротокола, который заполняется и подписывается участниками ДТП, но также невозможно и оформление сотрудниками дорожной полиции» [8].

Принципиально важно отметить, что сохранение страхового пробела происходит на фоне активного промышленного внедрения автономных технологий. По оценкам экспертов, в 2025 г. в России от 2 тыс. до 5 тыс. единиц беспилотной техники использовалось в коммерческих и промышленных целях (беспилотные авто, самосвалы, трактора, поезда, трамваи, морские и воздушные суда, курьерские роботы) [9]. Ожидается, что к 2030 г. беспилотная логистика и рабочая техника станут привычной частью ландшафта во многих отраслях [9]. При этом по закону владелец высокоавтоматизированного транспорта обязан не только оформить стандартное ОСАГО, но и дополнительно застраховать свою ответственность на случай причинения вреда людям или их имуществу, причем страховая сумма по такому полису составляет не менее 10 млн рублей [9]. Однако данная модель, возлагающая страховое бремя на владельца, не учитывает принципиального смещения источника опасности: на уровнях 4–5 SAE вред причиняется не действиями владельца, а дефектами системы, которую создал и разместил на рынке производитель.

Экономическая логика распределения рисков диктует иной подход: бремя ответственности и, соответственно, обязанность страхования должны возлагаться на того, кто извлекает основную экономическую выгоду от тиражирования технологии и имеет наибольшие возможности по контролю за ее безопасностью. Таким лицом выступает изготовитель системы автономного вождения. Именно производитель создает программно-аппаратный комплекс, определяет его функциональные характеристики, проводит испытания, осуществляет сертификацию и выпускает продукт на рынок. Соответственно, он должен нести и основной риск дефектов своего продукта.

Анализ зарубежного опыта подтверждает устойчивую тенденцию к переходу от модели страхования ответственности владельца к модели страхования продуктовой ответственности производителя. В Великобритании Automated Vehicles Act 2024 устанавливает принципиально иную архитектуру страховых отношений: страховщик автоматически отвечает перед потерпевшим, а затем в порядке регресса разбирается с производителем или иным виновным лицом [2, ст. 2]. В консультативном документе британского правительства, опубликованном в декабре 2025 г., прямо признается, что «автострахование для AV будет фундаментально отличаться от страхования обычных транспортных средств» [10]. При этом страховщикам потребуется доступ к данным, зафиксированным устройством регистрации событий транспортного средства, чтобы определить, находилось ли оно в автономном режиме в момент инцидента [10].

В Европейском Союзе новая Директива о продуктовой ответственности (Product Liability Directive (EU) 2024/2853), принятая 23 октября 2024 г. и вступившая в силу 9 декабря 2024 г., кардинальным образом расширяет сферу действия продуктовой ответственности, впервые прямо включая в нее программное обеспечение, системы искусственного интеллекта и связанные цифровые услуги [11]. Директива прямо предусматривает, что производители автономных транспортных средств, их компонентов и программного обеспечения могут быть привлечены к строгой ответственности за дефекты своей продук-

ции, причем уязвимости кибербезопасности и непредоставление необходимых обновлений безопасности прямо признаются основаниями для признания продукта дефектным [11]. Государства-члены ЕС обязаны имплементировать положения директивы в национальное законодательство до 9 декабря 2026 г. [11]. Таким образом, в Европе формируется правовая среда, в которой производитель уже не может ссылаться на отсутствие физического дефекта в традиционном понимании — ответственность распространяется и на цифровые компоненты продукта, включая алгоритмы и обновления «по воздуху».

В Германии § 1j Закона о дорожном движении (StVG) прямо возлагает ответственность за вред, причиненный полностью автономным транспортным средством, на производителя системы вождения, если вред возник в пределах эксплуатационного домена и не связан с действиями оператора [5]. Аналогичные подходы реализуются в Китае и Сингапуре, где приняты специализированные законодательные акты, регулирующие ответственность за вред, причиненный автономными системами [12].

Применительно к Российской Федерации важно отметить, что подготовленный Минтрансом России проект Федерального закона «О высокоавтоматизированных и автономных транспортных средствах», вступление в силу которого запланировано на 1 сентября 2027 г., предусматривает распределение ответственности за ДТП с ВАТС между владельцем, разработчиком ПО, сервисным центром, оператором и диспетчером [12]. При этом, по нашему мнению, изготовитель понесет ответственность, если причиной ДТП стало нарушение ПДД самим беспилотным транспортным средством. Однако законопроект не содержит специального правового механизма, обеспечивающего гарантированное и оперативное возмещение вреда потерпевшим в случае причинения такого вреда дефектом самой системы вождения. Иными словами, в нем отсутствует институт обязательного страхования продуктовой ответственности производителя. Восполнение данного пробела и составляет центральную задачу настоящего исследования.

Предлагаемая модель страхования продуктовой ответственности производителя системы автономного вождения представляет собой принципиально новый для российского правопорядка вид обязательного страхования. Его правовая природа существенно отличается как от ОСАГО, так и от классического страхования гражданской ответственности за качество продукции (ст. 1095 ГК РФ). Если ОСАГО страхует деликтную ответственность владельца транспортного средства, а страхование качества товара защищает интересы потребителя-покупателя, то страхование продуктовой ответственности производителя системы вождения защищает интересы неограниченного круга третьих лиц, которые могут пострадать от дефекта продукта, но не состоят с производителем в договорных отношениях.

Субъектный состав предлагаемой модели включает: страхователя — изготовителя системы автономного вождения (а в случае, если разработчик программного обеспечения не совпадает с изготовителем, — также и разработчика ПО как солидарного страхователя); страховщика — страховую организацию, имеющую лицензию на данный вид страхования; выгодоприобретателя — любое третье лицо, жизни, здоровью или имуществу которого причинен вред.

Объектом страхования выступает имущественный интерес производителя, связанный с риском возникновения его обязанности возместить вред жизни, здоровью или имуществу третьих лиц, причиненный вследствие дефекта конструкции, алгоритмов или программного обеспечения системы автономного вождения.

Страховым случаем признается факт причинения такого вреда в пределах установленного эксплуатационного домена, находящийся в прямой причинно-следственной связи с дефектом системы вождения. Ключевое доказательственное значение здесь приобретают данные устройства регистрации событий («черного ящика»), обязательность установки которого предусмотрена проектом федерального закона о ВАТС. Именно «черный ящик» позволяет объективно установить, находилось ли транспортное средство в автономном режиме в момент инцидента и какое именно событие послужило причиной вреда. Как отмечают эксперты, в отсутствие утвержденного регулирования или хотя бы его окончательного проекта говорить об особенностях страхования беспилотных автомобилей пока сложно [18].

Минимальный страховой лимит предлагается установить в размере 100 млн рублей на один страховой случай с ежегодной индексацией. Данная сумма обосновывается необходимостью покрытия наиболее тяжелых последствий (смерть, тяжкий вред здоровью нескольких лиц, значительный имущественный ущерб) и одновременно не должна быть чрезмерно обременительной для производителей.

Срок действия договора страхования должен охватывать весь период с момента выпуска транспортного средства в обращение и на весь срок его эксплуатации. Это может обеспечиваться либо механизмом ежегодной пролонгации, либо единовременным взносом, рассчитанным на жизненный цикл транспортного средства.

Такой подход соответствует международному стандарту ISO/SAE 21434, который требует обеспечения кибербезопасности на протяжении всего жизненного цикла автомобиля [14].

Специфика беспилотных транспортных средств как объектов страхования не исчерпывается риском дефектов программного кода или сенсорного оборудования. Автономное транспортное средство представляет собой сложную киберфизическую систему, постоянно обменивающуюся данными с внешней средой через беспроводные интерфейсы. Как подчеркивается в доктрине, кибератака на такую систему может иметь последствия, сопоставимые с террористическим актом, и одновременно затронуть десятки или сотни транспортных средств [5]. По оценкам экспертов, сбои программного обеспечения, кибератаки и другие цифровые риски становятся одними из главных вызовов для страховых компаний при работе с беспилотным транспортом [13]. Более того, страховой рынок уже осознает необходимость адаптации к этим новым угрозам: «полисы должны защищать владельцев «умных» машин не только от традиционных рисков, но и от угроз, связанных с цифровыми системами, такими как кибератаки, проблемы со спутниковым покрытием, сбои ПО и многое другое» [15].

В этой связи предлагаемая модель страхования продуктовой ответственности производителя должна включать покрытие киберрисков как неотъемлемую часть. Механизм распределения ответственности при наступлении вреда в результате кибератаки должен строиться на следующих принципах:

По общему правилу вред, причиненный в результате кибератаки на систему автономного вождения, включается в страховое покрытие, и потерпевший получает возмещение от страховщика.

Бремя доказывания распределяется следующим образом: если производитель докажет, что им были соблюдены все актуальные стандарты кибербезопасности, а кибератака являлась неизбежной даже при соблюдении указанных стандартов, он освобождается от ответственности, и страховщик не получает права регресса.

Если же производитель не обеспечил надлежащий уровень киберзащиты, страховщик, осуществивший выплату потерпевшему, приобретает право регрессного требования к производителю в полном объеме.

Такой механизм решает сразу несколько задач. Во-первых, потерпевший в любом случае получает оперативное и гарантированное возмещение вреда, не будучи вынужденным вникать в технические детали кибератаки. Во-вторых, производитель получает мощный экономический стимул к постоянному совершенствованию систем киберзащиты, поскольку именно от этого зависит, будет ли он нести конечную имущественную ответственность. В-третьих, государство через механизм стандартизации и контроля за соблюдением стандартов получает эффективный инструмент регулирования безопасности автономных систем.

В качестве дополнительной гарантии защиты потерпевших предлагается создание компенсационного фонда, который будет выплачивать возмещение в субсидиарном порядке в случаях, когда производитель по каким-либо причинам не застрахован, страховщик неплатежеспособен или страхового лимита недостаточно для покрытия особо крупного вреда. Идея создания такого фонда не нова: еще в 2019 г. эксперты Ассоциации юристов России предлагали учредить фонд для компенсаций пострадавшим при авариях беспилотных средств, мотивируя это тем, что пока не урегулирован вопрос, кто должен отвечать за ущерб [18]. Источниками формирования фонда могли бы стать целевые отчисления от страховых премий (1–2 %), часть доходов от эксплуатации государственной инфраструктуры, используемой БТС, а также вступительные взносы производителей при сертификации систем автономного вождения.

Таким образом, включение киберрисков в страховое покрытие и создание компенсационного фонда образуют единую систему гарантий, обеспечивающую баланс интересов всех участников правоотношений — потерпевших, производителей, страховщиков и государства.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Классическая модель ОСАГО, построенная на презумпции виновного поведения водителя, не может быть эффективно применена к отношениям с участием полностью автономных транспортных средств уровней 4–5 SAE. В этих условиях источник опасности перемещается из сферы человеческого поведения в сферу сложного программно-технического продукта, что требует принципиально иного подхода к страхованию.

Зарубежный опыт демонстрирует устойчивую тенденцию к переходу от модели страхования ответственности владельца к модели страхования продуктовой ответственности производителя.

Введение в Российской Федерации нового вида обязательного страхования — страхования продуктовой ответственности производителя системы автономного вождения — является объективно необходимым элементом формирующейся правовой архитектуры для беспилотных транспортных средств. Предлагаемая модель включает: страхователем выступает производитель системы вождения; страховым случаем при-

знается причинение вреда вследствие дефекта системы в пределах эксплуатационного домена; минимальный страховой лимит устанавливается в размере 100 млн рублей; срок действия договора охватывает весь жизненный цикл транспортного средства.

Киберриски должны быть включены в страховое покрытие как неотъемлемая часть, а механизм распределения бремени доказывания должен стимулировать производителя к постоянному соблюдению стандартов кибербезопасности. Дополнительной гарантией защиты потерпевших выступает компенсационный фонд, формируемый за счет отчислений от страховых премий и иных источников.

Список литературы:

[1] SAE J3016_202104: Taxonomy and Definitions for Terms Related to Driving Automation Systems for On-Road Motor Vehicles. — SAE International, 2021. — URL: https://www.sae.org/standards/content/j3016_202104/ (дата обращения: 21.05.2026).

[2] Распоряжение Правительства РФ от 07.03.2026 № 445-р «О внесении изменений в Концепцию обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://government.ru/docs/all/163733/ (дата обращения: 21.05.2026).

[3] Распоряжение Правительства РФ от 25.03.2020 № 724-р (ред. от 07.03.2026) «Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 13. — Ст. 1995.

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2025). Ст. 1079 // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.

[5] Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 18. — Ст. 1720.

[6] Положение Банка России от 01.04.2024 № 837-П «О правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Вестник Банка России. — 2024. — № 28.

[7] Смирнова П.Ю. Страхование ответственности владельцев беспилотных транспортных средств: новые вызовы // Молодой ученый. — 2025. — № 51 (602). — С. 635–637.

[8] Распространение беспилотного транспорта потребует изменения регулирования и поправок в закон об ОСАГО — ВСС // Финмаркет. — 2025. — 16 мая. — URL: http://www.finmarket.ru/insurance/?nt=2&id=6398371 (дата обращения: 21.05.2026).

[9] Без водителя, но с полисом // Коммерсантъ. — 2025. — 26 сентября. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/8062176 (дата обращения: 21.05.2026).

[10] Autonomous vehicles framework: Government consultation signals new era for motor insurance / Browne Jacobson LLP. — 2025. — 18 December. — URL: https://www.brownejacobson.com/insights/the-word-december-2025/autonomous-vehicles-framework-government-consultation-signals-new-era-for-motor-insurance (дата обращения: 21.05.2026).

[11] The new EU Product Liability Directive: key implications for automotive and autonomous vehicle companies / Reed Smith LLP. — 2025. — 20 October. — URL: https://www.reedsmith.com/articles/the-new-eu-product-liability-key-implications-autonomous-vehicle/ (дата обращения: 21.05.2026).

[12] Минтранс представил проект закона о допуске беспилотников на дороги // Коммерсантъ. — 2026. — 22 января. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/8364929 (дата обращения: 21.05.2026).

[13] Как страховые компании адаптируются к эпохе умных авто // РБК Компании. — 2024. — 1 ноября. — URL: https://companies.rbc.ru/news/GNEzBNT2nZ/kak-strahovyie-kompanii-adaptiruyutsya-k-epohe-umnyih-avto/ (дата обращения: 21.05.2026).

[14] ISO/SAE 21434: The quality standard for cybersecurity in the automotive sector / TÜV NORD. — URL: https://www.tuv-nord.com/tw/en/homepage/product-and-service/functional-safety/iso-sae-21434/ (дата обращения: 21.05.2026).

[15] «Абсолют Страхование» на «Автонет 2025»: взгляд в будущее // НБЖ. — 2025. — URL: https://nbj.ru (дата обращения: 21.05.2026).

[16] Эксперимент с беспилотными грузовиками теперь будет проводиться в 46 регионах РФ // Парламентская газета. — 2026. — 31 марта. — URL: https://www.pnp.ru/economics/eksperiment-s-bespilotnymi-gruzovikami-teper-budet-provoditsya-v-46-regionakh-rf.html (дата обращения: 21.05.2026).

[17] ISO/SAE 21434 and UNECE WP.29: Relevant standards and norms for automotive cybersecurity / itemis AG. — 2026. — 6 March. — URL: https://blogs.itemis.com (дата обращения: 21.05.2026).

[18] Предлагается создать фонд для компенсаций при авариях беспилотников // Россий-

ская газета. — 2019. — 9 декабря. — URL: https://rg.ru/2019/12/09/predlagaetsia-sozdat-fond-dlia-kompensacij-pri-avarii-bespilotnikov.html (дата обращения: 21.05.2026).

References:

[1] SAE J3016_202104: Taxonomy and Definitions for Terms Related to Driving Automation Systems for On-Road Motor Vehicles. — SAE International, 2021. - URL: https://www.sae.org/standards/content/j3016_202104/ (access date: 21.05.2026).

[2] Order of the Government of the Russian Federation of 07.03.2026 No. 445-r "On Amendments to the Concept of Road Safety with the Participation of Unmanned Vehicles on Public Roads "// Official Internet Portal of Legal Information. - URL: http://government.ru/docs/all/163733/ (access date: 21.05.2026).

[3] Order of the Government of the Russian Federation of 25.03.2020 No. 724-r (ed. 07.03.2026) " On approval of the Concept for ensuring road safety with the participation of unmanned vehicles on public roads "//Collection of legislation of the Russian Federation. — 2020. — № 13. - Art. 1995.

[4] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) No. 14-FZ dated January 26, 1996 (as amended 24.07.2025). Art. 1079//Collection of legislation of the Russian Federation. — 1996. — № 5. - Art. 410.

[5] On compulsory insurance of civil liability of vehicle owners: Federal Law of April 25, 2002 No. 40-FZ (as amended by 31.07.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2002. — № 18. - Art. 1720.

[6] Bank of Russia Regulation No. 01.04.2024 , dated 837-P, "On Rules for Compulsory Insurance of Civil Liability of Vehicle Owners "//Bank of Russia Bulletin. — 2024. — № 28.

[7] Smirnova P.Yu. Liability insurance of owners of unmanned vehicles: new challenges//Young scientist. — 2025. — № 51 (602). - S. 635-637.

[8] The spread of unmanned vehicles will require changes in regulation and amendments to the law on OSAGO - ARIA//Finmarket. — 2025. - May 16. - URL: http://www.finmarket.ru/insurance/?nt=2&id=6398371 (access date: 21.05.2026).

[9] Driverless, but with a policy//Kommersant. — 2025. - September 26. - URL: https://www.kommersant.ru/doc/8062176 (access date: 21.05.2026).

[10] Autonomous vehicles framework: Government consultation signals new era for motor insurance / Browne Jacobson LLP. — 2025. — 18 December. — URL: https://www.brownejacobson.com/insights/the-word-december-2025/autonomous-vehicles-framework-government-consultation-signals-new-era-for-motor-insurance (дата обращения: 21.05.2026).

[11] The new EU Product Liability Directive: key implications for automotive and autonomous vehicle companies / Reed Smith LLP. — 2025. — 20 October. — URL: https://www.reedsmith.com/articles/the-new-eu-product-liability-key-implications-autonomous-vehicle/ (дата обращения: 21.05.2026).

[12] The Ministry of Transport presented a draft law on the admission of drones to the roads//Kommersant. — 2026. - January 22. - URL: https://www.kommersant.ru/doc/8364929 (access date: 21.05.2026).

[13] How insurance companies adapt to the era of smart cars//RBC Company. — 2024. - November 1. — URL: https://companies.rbc.ru/news/GNEzBNT2nZ/kak-strahovyie-kompanii-adaptiruyutsya-k-epohe-umnyih-avto/ (дата обращения: 21.05.2026).

[14] ISO/SAE 21434: The quality standard for cybersecurity in the automotive sector / TÜV NORD. — URL: https://www.tuv-nord.com/tw/en/homepage/product-and-service/functional-safety/iso-sae-21434/ (дата обращения: 21.05.2026).

[15] "Absolute Insurance" on "Autonet 2025": a look into the future//NBJ. — 2025. - URL: https://nbj.ru (access date: 21.05.2026).

[16] An experiment with unmanned trucks will now be carried out in 46 regions of the Russian Federation//Parlamentskaya Gazeta. — 2026. - March 31. — URL: https://www.pnp.ru/economics/eksperiment-s-bespilotnymi-gruzovikami-teper-budet-provoditsya-v-46-regionakh-rf.html (дата обращения: 21.05.2026).

[17] ISO/SAE 21434 and UNECE WP.29: Relevant standards and norms for automotive cybersecurity / itemis AG. — 2026. — 6 March. - URL: https://blogs.itemis.com (access date: 21.05.2026).

[18] It is proposed to create a fund for compensation in case of drone accidents//Rossiyskaya Gazeta. — 2019. - Dec. 9. — URL: https://rg.ru/2019/12/09/predlagaetsia-sozdat-fond-dlia-kompensacij-pri-avarii-bespilotnikov.html (дата обращения: 21.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-460-466

ВЕНГЕРОВСКИЙ Евгений Леонидович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Российский экономический Университет имени Г. В. Плеханова,
e-mail: vengerovskiy.el@rea.ru

НЕКРАСОВ Марат Ринатович,
магистрант 1 курса,
обучающийся Высшей школы права,
Российский экономический Университет имени Г. В. Плеханова,
e-mail: nekrasov381@gmail.com

ОСПАРИВАНИЕ СДЕЛОК САНИРУЕМЫХ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. *В статье проводится исследование санации кредитных организаций как особой меры по предупреждению банкротства, предназначенной для восстановления финансовой устойчивости банка и сохранения его деятельности в интересах вкладчиков, кредиторов и стабильности банковского сектора. Подчёркивается, что санация не является процедурой банкротства в строгом юридическом смысле, а представляет собой самостоятельный правовой режим, в рамках которого публично значимая цель стабилизации банковской системы достигается посредством сочетания организационных решений, финансовых мер и гражданско-правовых инструментов. Одним из ключевых таких инструментов выступает оспаривание сделок санируемого банка.*

В работе раскрывается содержание и специфика оспаривания сделок санируемого банка как восстановительной меры, ориентированной на возврат активов, утраченных в предшествующий санации период. На основании правоприменительной и судебной практики использования данного механизма демонстрируется возможность уменьшать потребность в дополнительной докапитализации за счёт публичных средств и тем самым повышать общую результативность финансового оздоровления, особенно в ситуациях, когда ухудшение положения банка обусловлено действиями прежнего менеджмента, направленными на вывод активов.

Особое внимание уделено правовой конструкции, закреплённой в ч. 11 ст. 189.40 Закона о банкротстве, которая допускает применение правил главы III.1 к сделкам санируемой кредитной организации вне рамок дела о банкротстве. Анализируются ключевые вопросы правоприменения: круг лиц, уполномоченных на предъявление требований, порядок исчисления «подозрительных» периодов и сроков давности, а также соотношение специальных банкротных оснований с общегражданскими нормами о недействительности. Сделан вывод о том, что при функциональной значимости оспаривания сделок нормативная модель остаётся во многом отсылочной, в результате чего последствия недействительности и порядок восстановления требований контрагентов получают необходимую конкретизацию преимущественно в судебной практике, что актуализирует необходимость дальнейшей законодательной детализации соответствующего механизма.

Ключевые слова: *санация, кредитная организация, оспаривание сделок, Банк России, Агентство по страхованию вкладов, Фонд консолидации банковского сектора, публичный интерес, баланс интересов*

VENGEROVSKY Evgeny Leonidovich,
Candidate of Law, Associate professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
Plekhanov Russian University of Economics

NEKRASOV Marat Rinatovich,
1st-year Master's student,
Higher School of Law,
Plekhanov Russian University of Economics

AVOIDANCE OF TRANSACTIONS OF CREDIT INSTITUTIONS UNDER SANATION (RESOLUTION)

Annotation. *The article examines bank sanation as a special measure aimed at preventing bankruptcy, restoring a troubled bank's financial stability and maintaining its operations in the interests of depositors, creditors and the stability of the banking sector. It is argued that sanation is not a bankruptcy procedure in the strict legal sense but an independent legal regime where the public goal of stabilizing the banking system is pursued through a combination of organizational measures, financial support and civil-law remedies. One of the key remedies is avoidance of transactions of the sanated bank.*

The paper describes transaction avoidance as a restorative instrument intended to recover assets lost prior to sanation. Based on law-enforcement and case-law practice, it is shown that this mechanism may reduce the need for additional public recapitalization and increase the effectiveness of financial recovery, especially where the bank's deterioration resulted from asset withdrawal by prior management.

Special attention is paid to Part 11 of Article 189.40 of the Bankruptcy Law, which allows applying Chapter III.1 avoidance rules to transactions of a sanated credit institution outside formal bankruptcy proceedings. Key issues are analyzed, including standing to sue, look-back periods and limitation periods, interaction between special bankruptcy avoidance grounds and general civil-law invalidity rules, as well as the consequences of invalidity and restoration of counterparties' claims. The article concludes that the regulation remains largely referential and requires further legislative clarification while maintaining a balance between public interest and legal certainty of civil turnover.

Key words: *bank resolution, credit institution, transaction avoidance, Bank of Russia, Deposit Insurance Agency, Fund of Banking Sector Consolidation, public interest, balance of interests*

Введение

Процедура санации остаётся одним из немногих правовых инструментов, позволяющих восстановить платёжеспособность проблемного банка и обеспечить продолжение его деятельности без перехода к банкротству. В системе мер по предупреждению банкротства она занимает особое место именно потому, что направлена на сохранение функционирования банка, поддержание непрерывности расчётов и обслуживания клиентов. Даже при более редком применении в последние годы значение санации не уменьшается, поскольку она предназначена для ситуаций, когда ухудшение финансового положения отдельной кредитной организации способно выйти за пределы частного кризиса и затронуть интересы широкого круга вкладчиков.

Показательно, что ещё в 2018 г. Председатель Банка России Э. С. Набиуллина, выступая в Государственной Думе при рассмотрении годового отчёта Банка России (19 июня 2018 г.), обозначила ориентир дальнейшей практики, указав, что хоть санация и должна применяться редко, происходить это должно преимущественно в отношении системно значимых кредитных организаций. Последовательность данного подхода подтверждают Официальные итоги работы Банка России за 2024 г. В соответствии с ними отзыв лицензий за указанный период коснулся только шести небольших банков, доля которых составляла менее 0,1% банковского сектора, что, в свою очередь, свидетельствует об отсутствии предпосылок для широкого использования экстренных стабилизационных механизмов.

Вместе с тем с учётом накопленной практики продолжает уточняться и правовое регулирование санации. Так, 14 января 2026 г. в Государственную Думу внесён проект Федерального закона № 1118915–8 о внесении изменений в ст. 189.49 Закона о банкротстве, направленный на устранение разрыва между фактическим завершением санации и её юридическим оформлением, прежде всего в случаях, когда оздоровление завершается присоединением санируемого банка к банку-инвестору. Законопроект предусматривает упрощение прекращения плана участия при достижении предусмотренного им результата и был принят в первом чтении 17 марта 2026 г.

Все эти обстоятельства подтверждают актуальность дальнейшего исследования санации и сопряжённых с ней правовых механизмов, включая оспаривание сделок санируемого банка, от эффективности которого во многом зависит результат всей процедуры.

Развитие института санации кредитных организаций

Институт санации кредитных организаций в российском праве формировался постепенно, по мере того как менялись задачи государства в сфере обеспечения устойчивости банковского сектора. Экономический кризис 2007–2009 гг. показал, что для предотвращения несостоятель-

ности банков, имеющих системное значение для экономики, требуются специальные правовые инструменты, выходящие за рамки стандартных процедур. В этих условиях государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» (далее — ГК «АСВ») были предоставлены особые полномочия в сфере предупреждения банкротства кредитных организаций. Первоначально механизм санации рассматривался как временная антикризисная мера, однако сохранявшиеся кризисные явления обусловили продление срока его применения до конца 2014 г. В дальнейшем, после подтверждения эффективности данного подхода на практике, соответствующее регулирование было закреплено на постоянной основе в § 4.1 главы IX Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве).

Качественно новый этап в развитии института санации связан с реформой 2017 г., которая изменила саму логику реализации данной процедуры, возложив функции антикризисного управляющего на ООО «Управляющая компания Фонда консолидации банковского сектора» (далее — УК ФКБС), единственным участником которого выступает Банк России. Финансовое восстановление проблемного банка стало осуществляться через прямую докапитализацию за счёт средств регулятора, что устранило необходимость привлечения частного инвестора-санатора. Тем самым законодатель перешёл от рыночной модели санации к модели непосредственного государственного участия, предоставив Банку России инструменты прямого воздействия на финансовое состояние кредитной организации в период её оздоровления [1].

Вместе с тем на современном этапе организационная модель санации продолжает трансформироваться, что отражает общий процесс «донастройки» механизма участия Банка России в финансовом оздоровлении кредитных организаций.

Так, в 2025 г. УК ФКБС добровольно отказалась от лицензий, связанных с деятельностью на финансовом рынке, включая лицензию профессионального участника рынка ценных бумаг и лицензию на управление инвестиционными фондами. Комментируя это решение на Финансовом конгрессе в Санкт-Петербурге, первый заместитель Председателя Банка России В.Н. Чистюхин отметил, что значительная часть функций, ради которых создавалась УК ФКБС, к настоящему времени выполнена, а оптимизация статуса и структуры позволяет снизить издержки и регуляторную нагрузку. При этом такие изменения не означают отказа от самой модели санации, поскольку Банк России сохраняет предусмотренные законом полномочия по предупреждению банкротства кредитных организаций и, при необходимости, может реализовывать их с использованием иных организационных форм и процедур.

Правовая природа санации кредитных организаций

Санация кредитных организаций представляет собой сложное правовое явление, осмысление которого требует чёткого разграничения смежных правовых категорий. В процессуальной доктрине данная проблематика решается через переосмысление понятий «несостоятельность» и «банкротство». Так, Е.С. Юлова исходит из того, что несостоятельность представляет собой финансовое состояние должника, проявляющееся в неспособности удовлетворить требования кредиторов, тогда как банкротство охватывает совокупность мер, применяемых к должнику. В этом свете цели и содержание мер, предусмотренных в процедуре санации, по мнению автора, допускают их квалификацию как процедур банкротства [8].

Вместе с тем действующее регулирование закрепляет иной подход. В силу п. 1 ст. 189.13 Закона о банкротстве единственной процедурой банкротства кредитной организации является конкурсное производство. Из чего следует, что в отношении кредитной организации, как следует из § 4.1 Закона о банкротстве, могут быть применены как непосредственно данная процедура банкротства, так и меры по предупреждению банкротства — санация, при которой назначается временная администрация по управлению кредитной организацией в лице ГК «АСВ». При этом под санацией понимается принятие мер по предупреждению банкротства кредитной организации, имеющей лицензию на привлечение во вклады денежных средств физических лиц и на открытие и ведение банковских счетов физических лиц, выдаваемую Банком России в порядке, установленном Федеральным законом «О банках и банковской деятельности», которые осуществляются с участием ГК «АСВ» (пп. 4 п. 1 ст. 189.9 Закона о банкротстве).

Специфика института санации наглядно проявляется в двух его характерных чертах. Первая из них связана с выраженным публично-правовым элементом, который объясняется обязательным участием государства в лице ГК «АСВ» либо иного санатора при реализации мер по предупреждению банкротства за счёт публичных средств. Данный подход подтверждён и судебной практикой. Так, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в Определении от 16.08.2016 № 305-ЭС16-4051 по делу № А40-117039/2015, указала на публичную природу санации, обусловленную ее направленностью на поддержание устойчивости национальной финан-

совой системы, а также существенной экономической и социальной значимостью. Указанная черта активно обсуждается и в литературе применительно к роли государства и регулятора [5].

Вторая специфическая черта выражается в сочетании диспозитивных и императивных начал. Закон о банкротстве предоставляет кредитной организации возможность самостоятельно предпринять меры по восстановлению своего положения (ст. 189.14 Закона о банкротстве). Однако если кредитная организация не инициирует такие меры либо они оказываются недостаточными, Банк России вправе обязать её к их осуществлению (ст. 189.20 Закона о банкротстве). Тем самым частноправовые инструменты применяются в интересах публичного порядка, что и определяет уникальную природу санации как института, находящегося на стыке публичного и частного права.

На основе изложенного можно заключить, что санация кредитной организации не относится к процедурам банкротства в строгом юридическом смысле. Она применяется вне рамок дела о банкротстве и имеет иную целевую направленность, чем конкурсное производство, поскольку ориентирована не на соразмерное удовлетворение требований кредиторов, а на предотвращение банкротства банка. По своей правовой природе санация представляет собой комплекс финансовых, организационных и правовых мер, направленных на восстановление платёжеспособности кредитной организации, сохранение её как участника банковской системы и поддержание стабильности финансового рынка.

Практика применения санации: издержки государственного участия и значение оспаривания сделок

Отдельного внимания заслуживает вопрос об эффективности действующей модели санации и о последствиях активного участия государства в её реализации, для чего представляется целесообразным обратиться к конкретным примерам из практики.

Так, показательным является кейс Азиатско-Тихоокеанского банка (далее — АТБ). Санация АТБ была инициирована в апреле 2018 г. с участием УК ФКБС. В рамках оздоровления Банк России направил 12,9 млрд рублей, включая 9 млрд рублей на докапитализацию и 3,9 млрд рублей на создание закрытого паевого инвестиционного фонда «Специальный» для расчистки баланса. Вместе с тем последующая реализация санированного банка оказалась затруднительной. Аукцион 2019 г. был признан несостоявшимся ввиду отсутствия участников, а запланированная на 2020 г. продажа была перенесена на 2021–2022 гг. в связи с неопределённостью, обусловленной пандемией коронавируса. Лишь в сентябре 2021 г. с третьей попытки банк был продан казахстанской компании ТОО Pioneer Capital Invest. Данный пример показывает, что значительные государственные вложения не гарантируют оперативного выхода государства из капитала санируемой кредитной организации, а затяжной характер процедуры при отсутствии ясных перспектив возвратности средств может снижать рыночную эффективность выбранной модели и усиливать тенденцию к расширению государственного присутствия в банковском секторе.

Тем не менее практика применения санации выявляет и иные возможности для восстановления имущественного положения банка, не требующие столь масштабных государственных вложений. Одним из таких инструментов является оспаривание сделок, совершённых кредитной организацией в период, предшествовавший санации.

Показательным примером использования оспаривания сделок в рамках санации является дело банка «ФК Открытие». В преддверии введения санации банк осуществил выкуп облигаций ООО «О1 Груп Финанс» на общую сумму 65 млрд руб. в счёт кредитных обязательств, что повлекло утрату обеспечения более чем на 30 млрд руб. Санация банка была объявлена 29 августа 2017 г.; при этом убыток, составлявший по итогам августа 24,8 млрд руб., к концу октября достиг 279,4 млрд руб. Действуя под руководством УК ФКБС, банк обратился в арбитражный суд с требованием о признании указанных сделок недействительными. Решением Арбитражного суда города Москвы от 10.09.2018 по делу № А40-204393/17-81-1905 требования были удовлетворены, восстановлена задолженность группы О1 перед банком и соответствующее обеспечение, что позволило вернуть в имущественную массу кредитной организации существенную часть активов, выведенных в предшествующий период.

Приведённые примеры позволяют сделать вывод, что оспаривание сделок санируемой кредитной организации выступает «особым» инструментом в системе мер по предупреждению банкротства. В отличие от докапитализации и иных форм финансовой поддержки, оно ориентировано на возврат выведенных активов в имущественную базу банка и тем самым способно снижать общий объём государственных вложений, необходимых для достижения целей санации.

Правовые основания и порядок оспаривания сделок санируемой кредитной организации

Исходным пунктом исследования данного института является коллизия между общим режи-

мом оспаривания сделок должника и специальным регулированием, предусмотренным для санируемых банков. По общему правилу главы III.1 Закона о банкротстве, оспаривание сделок должника осуществляется исключительно в рамках возбуждённого дела о банкротстве. Это отчасти компенсируется практикой внеконкурсного оспаривания по ст. 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), однако данный механизм уступает специальным составам Закона о банкротстве по определённости и предсказуемости [6]. Таким образом, ни один из существующих механизмов не обеспечивает адекватного правового инструментария для оспаривания сделок в период, предшествующий санации кредитной организации, что и обусловило необходимость специального законодательного регулирования.

Соответствующее регулирование закреплено в п. 11 ст. 189.40 Закона о банкротстве. Согласно данной норме, сделка, совершённая банком либо иными лицами за его счёт, в отношении которого осуществляется или осуществлялась санация с участием Банка России или ГК «АСВ», может быть признана недействительной по правилам главы III.1 Закона о банкротстве, а также п. 1–10 ст. 189.40. При этом периоды, в пределах которых сделки могут быть оспорены, исчисляются с даты утверждения плана участия Банка России либо ГК «АСВ» в осуществлении мер по предупреждению банкротства.

Судебная практика дополнительно раскрывает специфику данного механизма. Так, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в Определении от 30.07.2020 № 305-ЭС20-5547 по делу № А40-223091/2018 подтвердила, что санируемому банку предоставлена возможность оспаривать сделки, совершённые до начала санации прежним менеджментом и причинившие вред кредиторам. При этом круг надлежащих заявителей по п. 11 ст. 189.40 Закона о банкротстве охватывает как Банк России, УК ФКБС и ГК «АСВ», так и сам санируемый банк, органы управления которого осуществляют функции антикризисного управляющего, в силу чего их полномочия по оспариванию сделок по своему объёму сопоставимы с полномочиями конкурсного управляющего.

Существенное значение имеет и вопрос сроков исковой давности. По требованию руководителя временной администрации о признании сделки недействительной по основаниям ст. 61.2 Закона о банкротстве срок исковой давности исчисляется со дня, когда временная администрация узнала или должна была узнать о наличии соответствующих оснований либо о признаках банкротства кредитной организации, в зависимости от того, какое из указанных событий наступило позднее (п. 8 ст. 61.9 Закона о банкротстве).

В то же время прекращение полномочий временной администрации само по себе не свидетельствует об окончательном завершении санации кредитной организации. Так, Верховный Суд РФ в Определении от 08.02.2018 № 305-ЭС17-15339 указал, что санируемый банк, как правило, получает финансовую помощь на длительный срок с обязательством её возврата в рассрочку, в связи с чем сохраняется необходимость защиты публичного интереса и обеспечения возвратности предоставленных средств. По этой причине судебная оценка действительности сделок санируемого банка по банкротным основаниям допускается и после прекращения полномочий временной администрации, если это необходимо для восстановления баланса интересов участников банковских правоотношений и кредиторов.

Наконец, при применении указанных правил важно разграничивать сферу действия специальных банкротных оснований и общегражданских норм о недействительности сделок. Признание сделки санируемого банка недействительной на основании ст. 10 и 168 ГК РФ возможно лишь в тех случаях, когда обстоятельства её совершения выходят за пределы признаков подозрительной сделки [7]. Иное понимание фактически открывало бы возможность обхода сокращённых сроков исковой давности и периодов подозрительности, что противоречит смыслу специального регулирования. На это прямо указал Верховный Суд РФ в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 09.11.2020 № 305-ЭС19-20914(2) по делу № А40-103324/2018.

Последствия признания сделок санируемой кредитной организации недействительными: восстановление требований контрагентов и риски для гражданского оборота

В конкурсном производстве последствия недействительности сделок должника встроены в реестровую модель удовлетворения требований кредиторов, в рамках которой возврат имущества в конкурсную массу сопровождается возникновением у кредитора права требования к должнику, подлежащего учёту и удовлетворению в предусмотренном Законом о банкротстве порядке и очередности. В санации же банк продолжает деятельность вне рамок дела о банкротстве, что объективно усложняет согласование целей восстановления его имущественной базы и защиты прав контрагентов по оспариваемым сделкам. Поскольку реестр требований и конкурсная конкуренция кредиторов отсутствуют,

применение банкротных конструкций последствий становится менее очевидным. В результате чего возврат исполненного нередко приводит к тому, что контрагент сразу предъявляет восстановленное требование к банку в общем порядке.

Таким образом, отсутствие детальной регламентации последствий недействительности сделок санируемой кредитной организации и порядка восстановления требований контрагентов/кредиторов формирует правовую неопределённость, которая проявляется в нескольких практических маркерах, требующих внимания.

Во-первых, сохраняется вариативность модели правового восстановления. С одной стороны, последствия недействительности могут быть ориентированы на реконструкцию исходного экономического положения сторон с восстановлением задолженности и обеспечительных мер либо ограничиваться обыкновенной реституцией, при которой дальнейшая судьба встречного требования контрагента остаётся за пределами конкретного спора [4].

Во-вторых, усложняют ситуацию цепочки взаимосвязанных сделок и последующее выбытие актива. В таких случаях итог оспаривания зависит не только от признания недействительной первой сделки, но и от выбранного способа защиты, а также от оценки добросовестности последующих приобретателей, что повышает потребность в более определённых критериях [3].

В-третьих, специфика санации усиливает значение баланса публичного и частного интереса. При слабой нормативной определённости последствий недействительности риск смещения акцента в пользу публичной цели может негативно отражаться на качестве гражданского оборота вокруг санируемого банка [2].

Завершая рассмотрение механизма оспаривания сделок санируемой кредитной организации, следует отметить, что законодатель, допустив применение к данной сфере механизмов главы III.1 Закона о банкротстве, фактически ограничился отсылочной моделью регулирования. Вместе с тем такая конструкция не обеспечивает достаточной нормативной определённости применительно к условиям санации как режима продолжающейся деятельности банка. В наибольшей степени это проявляется в вопросах последствий недействительности, поскольку данные вопросы прямо и последовательно не урегулированы. В результате чего их разрешение во многом переносится в сферу правоприменения и аналогии, что снижает нормативную определённость рассматриваемого института.

Заключение

В целом проведённое исследование позволяет заключить, что санация кредитной организации представляет собой самостоятельный механизм предупреждения банкротства, в рамках которого публично значимая цель обеспечения устойчивости банковского сектора достигается преимущественно посредством использования частноправовых средств.

Санация ориентирована на сохранение банка как действующего участника финансовой системы и потому принципиально отличается от процедур, направленных на прекращение деятельности должника. Её применение требует соблюдения баланса интересов, при котором защита кредиторов и вкладчиков должна соотноситься с задачей поддержания устойчивости санируемого банка и сохранения правовой определённости для его добросовестных контрагентов, поскольку доверие к банку и стабильность его функционирования составляют непосредственный смысл санации. В этом отношении результативность санации определяется не только объёмом финансовой поддержки, но и качеством правовых инструментов, обеспечивающих восстановление активов при сохранении устойчивости оборота.

В указанной системе оспаривание сделок занимает особое место как восстановительная мера. Оно направлено на возврат в имущественную массу банка активов, утраченных вследствие действий прежнего менеджмента, и тем самым способно снижать потребность в дополнительных публичных вложениях, необходимых для достижения целей санации.

Вместе с тем проведённый анализ показывает, что правовой режим оспаривания сделок в санации, формально опираясь на отсылку к общим правилам главы III.1 Закона о банкротстве, не всегда обеспечивает достаточную нормативную определённость с учётом специфики санации. Отсутствие детальной регламентации отдельных вопросов реализации приводит к тому, что существенная часть практических решений формируется через судебные подходы. В связи с чем подтверждается необходимость дальнейшего уточнения и совершенствования нормативного регулирования данного механизма.

Список литературы:

[1] Борисенко Е. А. Финансовая надежность кредитных организаций: правовой механизм обеспечения: дис. канд. юрид. наук: 12.00.04. М., 2022. 177 с.

[2] Гаврилова В. Д. Обеспечение баланса интересов кредитора и должника в российском законодательстве о несостоятельности (банкротстве) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 4–1. С. 137–139.

[3] Карелина С. А. Правовые проблемы обеспечения баланса интересов участников отноше-

ний несостоятельности (банкротства): тенденции правоприменения // Предпринимательское право. 2024. № 2. С. 40–47.

[4] Клименко В. Особенности оспаривания сделок при санации кредитных организаций // Банковское обозрение. 2019. № 5. С. 88–89.

[5] Кобенья Р. Р. Особенности участия государства в процедурах санации банков в России и США // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. XVI. № 2. С. 279–282.

[6] Свириденко О. М. Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 2. С. 105–112.

[7] Суворов Е. Д. Оспаривание сделок должника: монография. М.: Статут, 2021. 524 с.

[8] Юлова Е. С. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2017. 413 с.

References:

[1] Borisenko E. A. Financial Reliability of Credit Institutions: Legal Mechanism of Ensuring: Dis. Cand. of Law: 12.00.04. Moscow, 2022. 177 p.

[2] Gavrilova V. D. Ensuring the Balance of Interests of the Creditor and the Debtor in Russian Insolvency (Bankruptcy) Legislation // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. No. 4–1. pp. 137–139.

[3] Karelina S. A. Legal Issues of Ensuring the Balance of Interests of Participants in Insolvency (Bankruptcy) Relations: Law Enforcement Trends // Entrepreneurial Law. 2024. No. 2. pp. 40–47.

[4] Klimenko V. Features of Challenging Transactions during the Rehabilitation of Credit Institutions // Banking Review. 2019. No. 5. Pp. 88–89.

[5] Kobenya R. R. Features of State Participation in Bank Resolution Procedures in Russia and the USA // Problems of Economics and Legal Practice. 2020. Vol. XVI. No. 2. Pp. 279–282.

[6] Sviridenko O. M. Challenging Transactions to the Detriment of Creditors Outside of Bankruptcy Proceedings (Non-Competitive Challenging) // Current Problems of Russian Law. 2020. Vol. 15. No. 2. Pp. 105–112.

[7] Suvorov E. D. Challenging Debtor's Transactions: Monograph. Moscow: Statut, 2021. 524 p.

[8] Yulova E. S. Legal Regulation of Insolvency (Bankruptcy): Textbook and Workshop for Bachelor's and Master's Degrees. M.: Yurait Publishing House, 2017. 413 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-467-471

МИНАСЯН Гоар Микаеловна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правового регулирования
экономической деятельности Финансового университета
при Правительстве РФ,
e-mail: GMMinasyan@fa.ru

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА АВТОМОБИЛЬ С МОМЕНТА РЕГИСТРАЦИИ КАК ОСОБЫЙ СПОСОБ ЗАЩИТЫ ВЕЩНЫХ ПРАВ

Аннотация. *Данное научное исследование посвящено изучению важнейшему способу обеспечения надлежащего исполнения обязательств – залогу транспортных средств, который представляет собой особое право его обладателя (залогодержателя) присвоить себе в счет погашения долга стоимость предмета залога преимущественно перед другими кредиторами залогодателя.*

Несмотря на детальное законодательное регулирование возможности получения залоговыми кредиторами удовлетворения за счет предмета залога существуют немало проблемных ситуации в процессе реализации данного права, которые чаще связаны с моментом возникновения права собственности на автомобиль.

Значимость работы заключается в том, что автором обосновывается необходимость законодательного закрепления возникновения права собственности на автомобиль не с момента его передачи покупателю на основании договора купли-продажи, совершенной в простой письменной форме в любой момент и в любом месте, а с момента государственной регистрации автомобиля в органах ГИБДД.

Ключевые слова: *залог, транспортное средство, залогодержатель, залогодатель, банк, права собственности, обращение взыскания, уведомление о залоге.*

MINASYAN Goar Mikaelovna,
Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Legal Regulation of Economic Activity
of the Financial University under the Government
of the Russian Federation

THE EMERGENCE OF OWNERSHIP OF A CAR FROM THE MOMENT OF REGISTRATION AS A SPECIAL METHOD OF PROTECTING PROPERTY RIGHTS

Annotation. *This scientific study is devoted to the study of the most important method of ensuring the proper fulfillment of obligations - the pledge of vehicles, which represents a special right of its owner (pledgee) to appropriate the value of the pledged item in payment of the debt, preferentially over other creditors of the pledger.*

Despite detailed legislative regulation of the possibility of secured creditors obtaining satisfaction at the expense of the collateral, there are many problematic situations in the process of exercising this right, which are most often associated with the moment of the emergence of ownership of the car.

The significance of this work lies in the fact that the author substantiates the need for legislative consolidation of the emergence of the right of ownership of a car not from the moment of its transfer to the buyer on the basis of a purchase and sale agreement concluded in simple written form at any time and in any place, but from the moment of state registration of the car with the State Traffic Safety Inspectorate.

Key words: *pledge, vehicle, pledgee, pledgor, bank, property rights, foreclosure, notice of pledge.*

Глава 23 гражданского законодательства посвящена способам обеспечения исполнения обязательств. В силу пункта 1 статьи 329 ГК РФ исполнение обязательств может обеспечи-

ваться неустойкой, залогом, удержанием имущества должника, поручительством, банковской гарантией, задатком и другими способами, предусмотренными законом или договором.

На современном этапе развития гражданских отношений наиболее актуальным представляется изучение института залога, поскольку существуют множество пробелов и проблем при реализации прав кредиторов по обеспеченным залогом обязательств.

Исторически представления о залоге прошли три основных стадии развития. Самая архаичная форма залога предполагала передачу предмета обеспечения в собственность кредитору и последующее право должника выкупить заложенное имущество обратно, выплатив долг (так называемая фидуция). Вторая стадия развития залогового права - когда имущество передавалось во владение кредитору, но при этом собственность сохранялось за залогодателем, а кредитор наделялся правом удерживать вещь залогодателя и продать ее в случае неисправности должника (пигнус, или заклад). Третья стадия развития залогового права (ипотека) предполагает, что заложенное имущество (необязательно недвижимое) остается во владении залогодателя (для экономической эксплуатации этого имущества с целью получения дохода, за счет которого должен гаситься обеспеченный залогом долг).

Значение современного залога заключается в том, что обеспечение требования кредитора достигается выделением из всего имущества должника определенной части этого имущества, за счет которой будут удовлетворяться интересы залогового кредитора преимущественно перед другими кредиторами. Поэтому залог относится к числу наиболее эффективных способов обеспечения обязательств.

Среди важных черт залога, присущих большинству его видов, можно отметить следующие:

- права залогодержателя (право залога) есть права на чужое имущество;

- право залога следует за вещью (переход прав на заложенное имущество от залогодателя к другому лицу по общему правилу не прекращает залоговых отношений (ст. 353 ГК РФ);

- залог производен от основного обязательства. Производность залога от обеспечиваемого им обязательства проявляется в том, что залоговое обязательство возникает постольку, поскольку существует основное обязательство;

- залог зависим от основного обязательства, и эта зависимость четко отражена в законе. По общему правилу судьба прав залогодержателя находится в зависимости от судьбы обеспечиваемого залогом обязательства. Зависимость залога проявляется и в том, что залогом может обеспечиваться только действительное требование: если недействительно основное обязательство, то недействительно и соглашение о залоге. Залог сохраняет силу, если право залогодержателя на заложенную вещь переходит к третьему лицу. При прекращении основного обязательства прекращается и право залога и т.д.

Производность и зависимость залогового отношения от основного обязательства обусловлены назначением залога обеспечивать основное обязательство.

Особо следует сказать о таком важнейшем признаке залога, как наделение залогодержателя правом обратить взыскание на предмет залога преимущественно перед другими кредиторами, т.е. за счет заложенного имущества в первую очередь удовлетворяются требования залогодержателя, а уже затем требования других кредиторов.

Основанием возникновения права залога обычно является договор. В кредитно-договорных отношениях довольно широкое распространение имеет получение гражданами денежных средств под залог автомобиля. В частности, банки готовы предоставить кредит, но под залог какого-либо имущества. Заключаются кредитный договор и договор о залоге или смешанный договор, содержащий в себе элементы и кредитного договора, и договора о залоге. Данные договоры являются тем юридическим фактом, который порождает право залога.

Как разъяснено в пункте 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2023 года №23 «О применении судами правил о залоге вещей», право передачи вещи в залог принадлежит ее собственнику. Лицо, имеющее иное вещное право, может передавать вещь в залог в случаях и в порядке, предусмотренных законом, в частности статьями 295 - 298 ГК РФ (абзац первый п. 2 ст. 335 ГК РФ). В случаях, предусмотренных законом, залогодателем может быть лицо, управомоченное распоряжаться вещью, например, доверительный управляющий (ст. 1020 ГК РФ).

Таким образом, гражданин становится собственником автомобиля с момента его получения от продавца независимо от того, что данное имущество приобретено на кредитные средства и находится под залогом.

Гражданским законодательством установлено, что право собственности на имущество, которое имеет собственника, может быть приобретено другим лицом на основании договора купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждении этого имущества. В соответствии со ст. 223 ГК РФ право собственности у приобретателя вещи по договору возникает с момента ее передачи, если иное не предусмотрено законом или договором. В случаях, когда отчуждение иму-

щества подлежит государственной регистрации, право собственности у приобретателя возникает с момента такой регистрации, если иное не установлено законом.

Государственной регистрации в силу п. 1 ст. 131 ГК РФ подлежат право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение. Пунктом 2 ст. 130 ГК РФ установлено, что вещи, не относящиеся к недвижимости, включая деньги и ценные бумаги, признаются движимым имуществом. Регистрация прав на движимые вещи не требуется, кроме случаев, указанных в законе. Из приведенных выше положений закона следует, что транспортные средства не отнесены к объектам недвижимости, в связи с чем являются движимым имуществом, а, следовательно, при отчуждении транспортного средства действует общее правило о моменте возникновения права собственности у приобретателя - с момента передачи транспортного средства.

При заключении гражданином кредитного договора под залог транспортного средства в банк предоставляется наряду с другими необходимыми документами также договор купли-продажи автомобиля с актом его приема-передачи, что согласно гражданскому законодательству подтверждает право собственности заемщика на данное имущество. Поскольку автомобиль становится предметом залога (и часто приобретается на кредитные средства, предоставленные банком) кредитные организации направляют в Федеральную нотариальную палату сведения для регистрации залога.

Согласно статьи 34.3 Основ законодательства о нотариате нотариусы обязаны вносить сведения об уведомлениях о залоге движимого имущества при их регистрации в реестре уведомлений о залоге движимого имущества в единую информационную систему нотариата.

Путем регистрации уведомлений о залоге движимого имущества (автомобиля) в реестре уведомлений о залоге движимого имущества осуществляется учет залога имущества, не относящегося к недвижимым вещам, за исключением имущества, залог которого подлежит государственной регистрации или учет залогов которого осуществляется в ином порядке согласно гражданскому законодательству.

Регистрацией уведомления о залоге транспортных средств признается внесение нотариусом, занимающимся частной практикой, в реестр уведомлений о залоге движимого имущества сведений, содержащихся в уведомлении о залоге, поступившем от залогодателя или залогодержателя (их представителей) в случаях, установленных гражданским законодательством. В реестре уведомлений о залоге движимого имущества подлежит регистрации уведомление о возникновении залога, уведомление об изменении залога и уведомление об исключении сведений о залоге.

Только с момента совершения записи об учете залога, залогодержатель в отношениях с третьими лицами вправе ссылаться на принадлежащее ему право залога (за исключением случаев, если третье лицо знало или должно было знать о существовании залога ранее этого).

В подтверждение регистрации уведомления о залоге залогодержателю выдается свидетельство, в котором указывается уникальный регистрационный номер в реестре уведомлений о залоге движимого имущества, присвоенный уведомлению о залоге, номер регистрации нотариального действия в реестре для регистрации нотариальных действий, а также все сведения, содержащиеся в зарегистрированном уведомлении о залоге (о возникновении залога, об изменении залога или об исключении сведений о залоге).

Официальный сайт Федеральной нотариальной палаты является открытым источником, при помощи которого любое лицо безвозмездно может получить информацию о наличии или отсутствии залога при намерении совершить сделки по купле-продаже автомобилей. Однако, к сожалению, часто граждане совершают такие сделки без проверки ее юридической чистоты. Как следствие на практике возникают ситуации, когда заемщик, получив денежные средства из банка для покупки автомобиля, в последующем не исполняет свои обязательства по возврату кредита, продает залоговое транспортное средство и тем самым создает конфликтную ситуацию между банком, заемщиком и приобретателем залогового автомобиля.

Учитывая, что в силу залога кредитор по обеспеченному залогом обязательству вправе в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости предмета залога, кредитные организации предъявляют свои требования о взыскании задолженности к заемщикам, а требования об обращении взыскания на автомобиль к приобретателям залогового имущества.

Залогодатель не вправе отчуждать предмет залога без согласия залогодержателя, если иное не предусмотрено законом или договором и не вытекает из существа залога (п. 2 ст. 346 ГК РФ). Согласно п. 1 ст. 353 ГК РФ в случае перехода прав на заложенное имущество от залогодателя к другому лицу в результате возмездного или безвозмездного отчуждения этого имущества (за исключением случаев, указанных в подпункте 2 пункта 1 статьи 352 и статье 357 ГК РФ) либо в порядке универсального правопреемства залог

сохраняется. В соответствии с ч.1 ст. 348 ГК РФ взыскание на заложенное имущество для удовлетворения требований залогодержателя может быть обращено в случае неисполнения, или ненадлежащего исполнения должником обеспеченного залогом обязательства.

Следовательно, независимо от перехода права собственности на вещь к третьим лицам залогодержатель не утрачивает право обратить на нее взыскание по долгу.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что заложенное имущество обладает особым статусом, при котором залогодержатель вправе, в случае неисполнения заёмщиком обязательств, обеспеченных залогом, обратить взыскание на заложенное имущество. Целью института залога является обеспечение исполнения основного обязательства, а содержанием права залога является возможность залогодержателя в установленном законом порядке преимущественно перед другими кредиторами обратить взыскание на заложенное имущество в случае неисполнения основного обязательства должником.

Как показывает сложившееся судебная практика покупатели залоговых автомобилей в качестве способа защиты прав либо пытаются обосновывать свою добросовестность, указывая на возмездность сделки и отсутствие в договоре купли-продажи сведений о залоге, либо в процессе рассмотрения судебного дела продают залоговый автомобиль, образуя новую цепочку покупателей и создавая препятствие для восстановления прав кредитора. Ведь право собственности на автомобиль чаще возникает с момента его передачи покупателю, регистрация самих транспортных средств необходима для их допуска к участию в дорожном движении, т.е. регистрация носит учетный характер и не является основанием возникновения права собственности. Отсутствуют в законодательстве нормы о том, что у нового приобретателя транспортного средства по договору не возникает на него право собственности, если прежний собственник не снял его с регистрационного учета.

И законодательно закрепленное право кредитора на получение удовлетворения за счет залогового имущества становится если не фикцией, то сложно и долго реализуемой возможностью защиты законных интересов.

Изложенное свидетельствует о том, что необходимо иное законодательное регулирование момента возникновения права собственности на транспортные средства, что позволит добросовестным участникам гражданского оборота более быстро и эффективно (с правовой и экономической точки зрения) получить защиту нарушенных прав.

Считаем необходимым внесение в ст. 223 ГК РФ дополнения, определяющее момент возникновения права собственности на транспортное средство по аналогии с недвижимым имуществом, а именно закрепить норму о возникновении права собственности с момента государственной регистрации автомобиля в органах ГИБДД. Также будет целесообразным регистрацию уведомлений о залоге движимого имущества производить органами ГИБДД, поскольку вся информация, в частности, данные собственника, наличие обременений, переход права собственности, будет сохранена и находится у одного органа, вследствие чего будет обеспечена надлежащая защита прав собственников, залогодержателей, уменьшится количество споров, возникающих между заинтересованными участниками гражданского оборота после отчуждения транспортных средств.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 04.05.2026).

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2026 N 142-О. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=879238 (дата обращения: 04.05.2026).

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 N 23 «О применении судами правил о залоге вещей». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451067/ (дата обращения: 04.05.2026).

[4] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 N 5-КГ19-191, 2-3335/2018. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=610089 (дата обращения: 04.05.2026).

[5] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, N 2 (2017), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 апреля 2017 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216093/ (дата обращения: 04.05.2026).

[6] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 20.02.2026). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 04.05.2026).

[7] Регистрация уведомления о залоге движимого имущества. // Федеральная нотариальная палата. URL: https://notariat.ru/ru-ru/actions-and-tariffs/notarialnye-dejstviya/registrazia-uvedomlenia-o-zaloge-dvijimogo-imusestva/ (дата обращения: 04.05.2026).

[8] Гражданское право. Учебник (том 2) (3-е издание, переработанное и дополненное) под ред. Б.М. Гонгало, Статут, 2018. 602 с.

[9] Гражданское право. Особенная часть. Учебник под ред. Е.С. Болтановой. ИНФРА-М, 2023. 583 с.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on July 31, 2025, as amended on March 25, 2026). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed on May 4, 2026).

[2] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 29, 2026 N 142-O. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=879238 (accessed on May 4, 2026).

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2023, No. 23 “On the Application by Courts of the Rules on the Pledge of Things”. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451067/ (accessed: May 4, 2026).

[4] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of November 26, 2019, No. 5-KG19-191, 2-3335/2018. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=-doc&base=ARB&n=610089 (accessed: May 4, 2026).

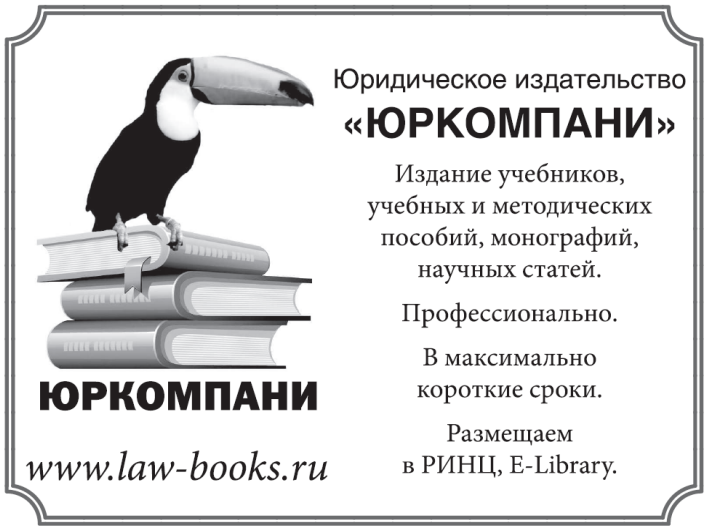
[5] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 2 (2017), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 26, 2017 // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216093/ (date of access: 04.05.2026).

[6] Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on 11.02.1993 N 4462-1) (as amended on 20.02.2026). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (date of access: 04.05.2026).

[7] Registration of notice of pledge of movable property. // Federal Notary Chamber. URL: https://notariat.ru/ru-ru/actions-and-tariffs/notarialnye-dejstviya/registrazia-uvedomlenia-o-zaloge-dvijimogo-imusestva/ (Accessed: 04.05.2026).

[8] Civil Law. Textbook (Volume 2) (3rd edition, revised and supplemented) edited by B.M. Gongalo, Statut, 2018. 602 p.

[9] Civil Law. Special Part. Textbook edited by E.S. Boltanova. INFRA-M, 2023. 583 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-472-479

СЕМЕНОВА К.Э.,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия,
e-mail: ksemenova276@gmail.com

ТЕРЕНТЬЕВА С.А.,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия,
e-mail: 234013@edu.fa.ru

ИЗУЧЕНИЕ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНЫХ ЦОД В УСЛОВИЯХ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО КЛИМАТА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Аннотация. *Исследование посвящено анализу проблем и перспектив размещения энергоэффективных центров обработки данных в условиях экстремального климата Республики Саха (Якутия). Рассматриваются ключевые вызовы, такие как экспоненциальный рост энергопотребления ЦОД на фоне развития искусственного интеллекта, дефицит свободных энергомощностей в традиционных регионах и необходимость обеспечения цифрового суверенитета. В работе изучен глобальный тренд «северной миграции» вычислительных мощностей, климатические и энергетические преимущества Якутии, инфраструктурный потенциал района Кысыл-Сыр, а также предложена архитектура объекта мощностью 100 МВт с модульной газопоршневой генерацией и гибридной системой охлаждения на базе прямого и косвенного фрикулинга.*

Ключевые слова: *центр обработки данных, Якутия, энергоэффективность, PUE, свободное охлаждение, фрикулинг, газопоршневая генерация, цифровой суверенитет, экономическая модель, многолетняя мерзлота, искусственный интеллект.*

SEMENOVA K.E.,
Financial University under the Government of the Russian Federation

TERENTYEVA S.A.,
Financial University under the Government of the Russian Federation

A STUDY OF ENERGY-EFFICIENT DATA CENTERS IN THE EXTREME CLIMATE OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Annotation. *The study is devoted to analyzing the problems and prospects of deploying energy-efficient data centers in the extreme climate of the Republic of Sakha (Yakutia). Key challenges are examined, such as the exponential growth in data center energy consumption driven by the development of artificial intelligence, the shortage of available power capacity in traditional regions, and the need to ensure digital sovereignty. The paper explores the global trend of the "northern migration" of computing capacity, the climatic and energy advantages of Yakutia, and the infrastructure potential of the Kysyl-Syr area, and proposes an architecture for a 100 MW facility with modular gas piston generation and a hybrid cooling system based on direct and indirect free cooling.*

Key words: *data center, Yakutia, energy efficiency, PUE, free cooling, gas piston generation, digital sovereignty, economic model, permafrost, artificial intelligence.*

Стремительный прогресс ИИ и взрывной рост генерации данных превратили дата-центры в ключевых потребителей электричества, выдвинув на первый план дилемму их энергопотребления и географической дислокации. В условиях, когда резервы классических

сетевых узлов практически выбраны, а нормы цифрового суверенитета становятся всё строже, критически важным становится подбор нетипичных локаций. Такие площадки должны гарантировать минимальный показатель PUE, бесперебойный доступ к недорогой электроэнергии и возможность гибкого наращивания вычислительных мощностей.

Современная экономика переживает рост объёмов генерируемых и обрабатываемых данных, вызванный распространением систем искусственного интеллекта (ИИ), технологий больших данных и массовым переходом на облачные платформы [12]. Эти процессы трансформируют сектор центров обработки данных, выдвигая его в число наиболее динамично растущих потребителей электричества. Если ещё десятилетие назад дата-центр на 30 МВт считался масштабным, то сегодня стандартный ИИ-кластер требует от 200 МВт и выше [1]. Согласно прогнозным оценкам, к 2030 году общая установленная мощность дата-центров в мире поднимется до отметки 122 ГВт, причём сегмент ИИ способен занять до 27% в совокупном потреблении ЦОД уже к 2027 году [9], таким образом, потребление растёт быстрее, чем за последние десятилетия.

В настоящий момент совокупный спрос на электроэнергию со стороны российских ЦОД оценивается в районе 1 ГВт [5]. Ведомственные прогнозы Министерства цифрового развития предполагают, как минимум удвоение этого показателя до 2,5 ГВт к 2030 году, дополнительно для функционирования специализированных ИИ-кластеров может понадобиться ещё 394 МВт, что потребует вложений в объёме 1,7 трлн рублей. Ситуация осложняется тем, что традиционный центр размещения — московский регион — практически исчерпал свободные энергомощности: загруженность дата-центров приблизилась к 95% [14], а техническая возможность новых присоединений смещается за горизонт 2027–2030 годов. Это вынуждает операторов перемещать проекты в энергопрофицитные Сибирь, Дальний Восток, Приволжье и на Урал. Вопросы гарантированного энергоснабжения дата-центров неразрывно связаны с задачами обеспечения цифрового суверенитета страны. Базовым инструментом здесь выступает национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [8], нацеленный на форсирование технологической автономии, масштабирование искусственного интеллекта и укрепление критической информационной инфраструктуры (КИИ) [13]. Параллельно ужесточается нормативно-правовая база: с 2025 г. на объектах КИИ обязательно отечественное ПО, с 2026 г. — отечественное оборудование; введены оборотные штрафы за нарушение локализации персональных данных. Согласно расчётам РАЭК, к завершению десятилетия РФ способна выйти на почти абсолютный уровень цифровой самодостаточности, при этом совокупная капитализация соответствующих инициатив превысит 1 трлн рублей.

Ключевым показателем энергоэффективности ЦОД является коэффициент PUE (Эффективность энергопотребления). PUE определяется как отношение полной энергии, потребляемой объектом, включая охлаждение, освещение, потери в ИБП и распределительных устройствах, к энергии, потребляемой непосредственно IT-оборудованием:

$$PUE = \frac{\text{Общее энергопотребление ЦОД}}{\text{Энергопотребление ИТ} - \text{оборудования}}$$

Идеальное значение PUE = 1,0 достигается в гипотетическом случае, когда вся энергия поступает на серверы без потерь. На практике же типовые дата-центры, функционирующие в зонах с умеренным климатом, демонстрируют показатели в диапазоне 1,5–2,0. Лишь флагманские гиперскейлеры, такие как «Google», «Meta», «Microsoft», размещенные в благоприятных природно-климатических локациях, способны достигать значений PUE на уровне 1,10 – 1,15.

Важно отметить, что существует два основных подхода к охлаждению ЦОД — воздушное и жидкостное [11]. В свою очередь, выбор конкретной системы зависит от климатических условий, плотности тепловыделения и доступных ресурсов.

Наиболее распространенным и традиционным является воздушный способ, который включает кондиционеры, разделение горячих и холодных коридоров и оптимизацию воздушных потоков. Однако, несмотря на простоту установки и широкую доступность, такой метод предоставляет низкую эффективность при высоких нагрузках и высокое энергопотребление.

Жидкость обладает теплоемкостью в 3-4 раза выше воздуха, что позволяет отводить тепло гораздо быстрее. К основным типам жидкостного метода относятся иммерсионное, которое означает погружение серверов в диэлектрическую жидкость, direct-to-chip (подача жидкости к процессорам), а также гибридные и пассивные системы. Но в то же время, высокая стоимость,

риск утечек и потребность в специальном обучении персонала делает жидкостный метод менее востребованным.

Однако существует альтернативный способ охлаждения без применения компрессоров и другого энергоемкого оборудования – фрикулинг (free-cooling, свободное охлаждение) [16]. Существует три основных типа, которые имеют разный вспомогательный механизм и эффективность. Прямой фрикулинг, при котором наружный воздух засасывается, фильтруется и подаётся непосредственно в машинный зал, является самым энергоэффективным (PUE до 1,05–1,10), но требует низкой влажности и чистоты воздуха. Косвенный фрикулинг подразумевает, что наружный и внутренний воздух разделены теплообменником (обычно пластинчатым), вследствие чего загрязнения и влага не попадают в зал, но эффективность несколько ниже чем у прямого варианта. Вариант, когда перед теплообменником распыляется вода, при испарении она дополнительно охлаждает воздух на 5–10°C, позволяя использовать фрикулинг при температуре наружного воздуха до +25…+30°C называется адиабатический фрикулинг.

Однако фрикулинг эффективен только в тех регионах, где большую часть года температура наружного воздуха не превышает +10…+15°C. В тёплом климате фрикулинг либо невозможен, либо требует гигантских поверхностей теплообменников и большого расхода воды на адиабатику.

Большинство традиционных ЦОД располагаются в густонаселенных регионах с большим скоплением энергопотребителей (Северная Вирджиния, Франкфурт, Лондон, Сингапур, Московский регион), которые имеют ряд проблем [4]. PUE может опускаться ниже 1,3-1,4 даже у новых ЦОД из-за неэффективного использования фрикулинга по причине высоких летних температур (регулярно выше +30°C) и среднегодовых +8…+12°C. Также возникает дефицит электроэнергии, поскольку ЦОД на 100–200 МВт создаёт нагрузку, сопоставимую с заводом, что приводит к мораториям на подключение в Ирландии, Сингапуре, Вирджинии и ограничениям в Московском регионе. В засушливых регионах, таких как Калифрония и Испания, возникают конфликты на фоне высокого водопотребления центров обработки данных (5–10 тыс. м³ в день на 100 МВт).

В ответ на эти проблемы крупные IT-корпорации начали осваивать холодные регионы — тренд «северной миграции». Скандинавские страны, такие как Швеция, Финляндия, стали одними из первых, кто приобщился к современным и инновационным местам установки ЦОД. Так, например, Meta, Google, Microsoft строят ЦОД с PUE 1,10–1,15, используя гидроэнергию и морскую воду. Канада, в свою очередь, развивает проекты в Квебеке и Альберте, в том числе с когенерацией тепла. Норвегия привлекает дешёвой гидроэнергией и холодным климатом и реализует проект установки ЦОД возле холодного фьорда на месте заброшенной шахты [7].

Говоря о российских возможностях, нельзя не упомянуть Республику Саха, Якутия, которая обладает уникальным сочетанием природно-климатических, энергетических и географических факторов, способных обеспечить конкурентоспособность региона на глобальном рынке размещения центров обработки данных.

Климат Якутии характеризуется экстремально низкими среднегодовыми температурами и продолжительным холодным периодом, благодаря чему на протяжении большей части года существует техническая возможность организации охлаждения серверного оборудования наружным воздухом без использования компрессорных холодильных машин. Расчётное значение энергоэффективности (PUE) для ЦОД, проектируемых с применением технологий свободного воздушного и косвенного испарительного охлаждения, оказывается значительно ниже, чем в московском регионе, на Дальнем Востоке и в европейских локациях. Таким образом, можно сказать, что по потенциалу снижения операционных затрат на охлаждение Якутия занимает одно из лидирующих положений благодаря климатическому фактору.

Территория республики отличается низкой плотностью населения и значительными свободными земельными ресурсами, что облегчает выбор площадок для крупных инфраструктурных объектов. По сейсмическим характеристикам основная часть пригодных для строительства районов относится к зонам умеренной и низкой сейсмичности, что не накладывает жёстких ограничений при возведении дата-центров высоких категорий надёжности. Транспортная доступность региона обеспечивается международным аэропортом, речным портом, железнодорожной магистралью и проектом мостового перехода через реку Лену, формирующим круглогодичный транспортный коридор. Относительная удалённость от основных кадровых центров компенсируется возможностью применения вахтового метода эксплуатации объектов.

Энергосистема Якутии и прилегающих районов Восточной Сибири опирается на крупные гидроэнергетические ресурсы, отличающиеся многолетней стабильностью. Данные наблюдений за несколько десятилетий подтверждают устойчивость запасов, что обеспечивает высокую предсказуемость выработки электроэнергии.

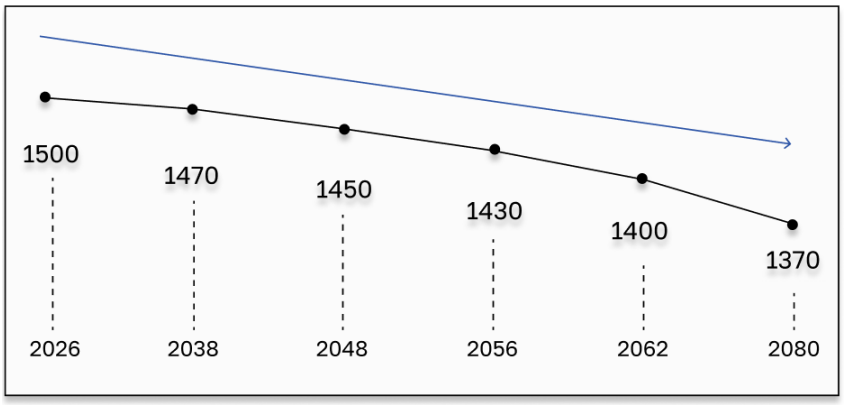

Рисунок 1. Динамика уровня запасов территории за 60-летний период, млрд м³.
Источник: составлено авторами.

Благодаря избытку генерирующих мощностей стоимость электроэнергии для промышленных потребителей в Сибири остаётся одной из самых низких в стране — в 2–2,5 раза ниже, чем в европейской части России [3].

Перспективы энергоснабжения ЦОД усиливаются масштабными проектами нового строительства. В Иркутской области начато возведение ТЭС «Усолье-Сибирское», в Забайкальском крае одобрен проект Забайкальской ТЭС [10]. В Усть-Янском районе Якутии «Росатом» реализует проект атомной станции малой мощности с реакторной установкой РИТМ-200Н, адаптированной к арктическим условиям, с планируемым пуском к 2031 г.

Проведенный анализ глобальных и российских тенденций развития центров обработки данных, а также оценка климатических, энергетических и инфраструктурных факторов позволяют перейти к конкретному практическому предложению по размещению объекта в Республике Саха, Якутия. Наиболее перспективной площадкой, соответствующей всем критериям устойчивости, является район Кысыл-Сыр, где определена геокриологически стабильная территория вне зоны паводкового затопления реки Вилюй, что обеспечивает минимальные риски деформации оснований и безопасность от наводнений. Интеграция ЦОД непосредственно в контур месторождений позволяет реализовать прямую схему «газ — генерация — ЦОД» с минимальной длиной газопровода, использовать существующую промышленную инфраструктуру и снизить сезонную неравномерность газопотребления, а экстремально низкие среднегодовые температуры дают возможность применить круглогодичный фрикулинг, благодаря чему расчётный коэффициент энергоэффективности PUE достигает значений 1,05–1,10. Предлагаемая конфигурация мощностей: 30 МВт — для промышленных компаний Якутии, 40 МВт — для майнинга как гибкой балластной нагрузки, 15 МВт — для высокопроизводительных вычислений и геологоразведки, 15 МВт — для резервных и облачных сервисов, позволяет комплексно решать задачи цифрового суверенитета, энергоэффективности и экономической целесообразности, что делает проект ЦОД в Кысыл-Сыре обоснованным с научно-практической точки зрения.

На основе анализа климатических, ресурсных и инфраструктурных условий в качестве оптимальной локации для строительства ЦОД выбран район посёлка Кысыл-Сыр на западе Якутии. Данная площадка обладает уникальным сочетанием факторов: многолетнемёрзлые устойчивые грунты правобережной возвышенности (вне зоны паводков реки Вилюй), наличие действующей газовой инфраструктуры, вахтового посёлка и магистрального газопровода.

Общая проектная мощность ЦОД составляет 100 МВт по IT-нагрузке. Архитектура построена по модульному принципу с разбивкой на четыре сегмента: промышленные компании (30 МВт), майнинг (40 МВт), HPC/AI (15 МВт), резерв и облачные сервисы (15 МВт). Такая структура обеспечивает диверсификацию нагрузки: стабильная долгосрочная выручка от промышленности, гибкая балластная нагрузка майнинга, высокая маржинальность AI-вычислений и резервирование.

Выбор типа установки является важным этапом разработки проекта (*Таблица 1*). Только газопоршневые установки (ГПУ) обеспечивают номинальную мощность 100 МВт круглый год независимо от температуры наружного воздуха. При –50°C после прогрева ГПУ выходит на 100% мощности, при +40°C также сохраняет полную мощность. Кроме того, модульность позволяет поэтапный ввод мощности, резервирование N+1 и ремонт без остановки ЦОД. На основе этого анализа в качестве основной генерации выбраны ГПУ суммарной мощностью 100 МВт, например, 5 модулей по 20 МВт.

Таблица 1. Сравнение типов газовой генерации для условий Якутии.

Критерий	ГТУ (газотурбинная)	ПГУ (парогазовая)	ГПУ (газопоршневая)
Мощность при –50°C	50–65 МВт	50–65 МВт (как ГТУ)	100 МВт
Мощность при +40°C	80–85 МВт	80–85 МВт	100 МВт
Потребность в воде	нет	да (критично)	нет
Сложность / CAPEX	средняя	очень высокая	средняя
Ремонт в удалённом регионе	сложно	очень сложно	возможно
Потребление газа на полную мощность	сложно обеспечить	очень сложно	возможно
Модульность	низкая	низкая	высокая (5–7 модулей)

Источник: составлено авторами на основе [6; 15].

Система охлаждения может быть построена по гибридному принципу с приоритетом использования фрикулинга. В холодный и переходный период – октябрь–апрель, а также май и сентябрь, когда температура наружного воздуха ниже +10°C, применяется прямой или косвенный фрикулинг. В летние месяцы (июнь–август), когда температура поднимается до +20 – 30°C, используется косвенный фрикулинг с адиабатическим доохлаждением.

Среднегодовой расчётный PUE составляет 1,16. Фрикулинг используется 6 552 часа в год, усиленный летний режим с адиабатикой — 2 208 часов. Такая схема обеспечивает минимальное энергопотребление инженерных систем и соответствует лучшим мировым практикам.

Для оценки эффективности проекта была построена экономическая модель с ключевыми необходимыми показателями, которая учитывает сезонную динамику температур, режимы охлаждения, поэтапный ввод мощности, инфляцию и налоговые льготы гипотетического режима территории опережающего развития (*Таблица 2*).

Таблица 2. Ключевые финансовые результаты проекта.

Показатель	Значение
NPV (чистая приведённая стоимость), млрд руб	6,04
IRR (внутренняя норма доходности), %	15,6
Суммарный FCF (свободный денежный поток), млрд руб	19,17
Суммарная выручка без НДС, млрд руб	83,80
WACC, %	8
Суммарный OPEX, млрд руб	41,64
Первый положительный EBITDA, месяц	21
Первый положительный EBIT, месяц	32
Первый положительный FCF, месяц	58

Источник: составлено авторами.

Капитальные затраты (CAPEX) по среднему сценарию оцениваются в 35,6 млрд рублей – IT-инфраструктура, майнинговые контейнеры, ГПУ, AI-стойки. С учётом льгот и готовой инфраструктуры чистый CAPEX принят на уровне 19,6 млрд рублей. Амортизация — линейная, 20 лет.

Операционные расходы (OPEX) включают затраты на газ, 10 руб/м³ с индексацией 8% годовых, фонд оплаты труда 25 человек, 184 тыс. руб/мес, страховые взносы 7,6%, сервис и администрирование (пропорционально газовым затратам), а также налог на имущество 1,1% после 60-го месяца.

Выручка формируется от продажи IT-услуг по тарифу 5 000 руб/МВт.ч с индексацией и ростом коммерческого множителя до 4,02 за счёт AI/HPC-нагрузок. Модель предполагает плавный выход на полную мощность, ввод от 10% до 100% за 72 месяца, загрузка от 70% до 95% за 84 месяца.

Таким образом, разработанная финансовая модель подтверждает экономическую целесообразность проекта. Значение внутренней нормы доходности – IRR = 15,6%, почти вдвое превышает стоимость капитала – WACC = 8%, что свидетельствует о высокой инвестиционной привлекательности. Положительный свободный денежный поток достигается уже на 33-й месяц, а положительная EBITDA — на 21-й месяц, что говорит об умеренном сроке окупаемости. Суммарный свободный денежный поток за 10 лет составляет 19,17 млрд рублей при совокупной выручке 83,8 млрд рублей. Даже без учёта дополнительных эффектов от утилизации тепла проект остаётся устойчивым к основным рискам и может быть рекомендован к реализации.

При практической реализации проекта необходимо учитывать комплекс природно-техногенных рисков, требующих инженерного нивелирования. К основным рискам относятся: сезонный дефицит газа в зимний период, что компенсируется увеличением общей добычи и подключением резервного месторождения; термокарстовые просадки фундаментов из-за деградации многолетней мерзлоты, предотвращаемые забивными сваями с термостабилизацией грунта и непрерывным мониторингом его температуры; затопление площадки при паводках реки Вилюй, устраняемое устройством дренажных каналов и насосных станций с размещением всех модулей на высоких свайных фундаментах выше расчётного уровня паводка; потеря мощности газопоршневой установки при экстремальных отрицательных температурах, нивелируемая предварительным подогревом газа и утеплением технологических контуров; а также риск перегрева машинного зала в летний период, который снижается за счёт применения косвенного фрикулинга с адиабатическим увлажнением и резервных чиллеров. Предложенные способы нивелирования позволяют обеспечить требуемый уровень надёжности ЦОД в климатических и геокриологических условиях.

Интеграция прямого газоснабжения, модульной газопоршневой генерации и круглогодичного фрикулинга позволяет достичь рекордного для России расчётного PUE на уровне 1,05–1,10, а построенная финансовая модель демонстрирует высокую инвестиционную привлекательность с внутренней нормой доходности 15,6 % и выходом на положительный свободный денежный поток уже на третий год эксплуатации. Реализация проекта не только обеспечит энергоэффективную и отказоустойчивую инфраструктуру для промышленности, высокопроизводительных вычислений и облачных сервисов, но и внесёт весомый вклад в укрепление цифрового суверенитета России, эффективное освоение ресурсного потенциала Восточной Сибири и развитие территорий с экстремальными климатическими условиями.

Список литературы:

[1] Базлуцкая М., Сытник А. Геополитика центров обработки данных: опыт США и Китая – выводы для России // Российский совет по международным делам (РСМД) : аналит. доклад. – 2025. – 90 с.

[2] Главный показатель энергоэффективности современных ЦОД // contell.ru URL: https://contell.ru/pue-glavnyj-pokazatel-energoeffektivnosti-sovremennyh-czod/ (дата обращения: 25.05.2026).

[3] Горбачева Н.В. Действительная стоимость электроэнергии в Сибири: анализы выгод и издержек // Экономический журнал ВШЭ. 2020. №3. С. 340-371.

[4] ИИ-бум и трансформация глобальной энергетики: как дата-центры превращаются в ключевого потребителя // eprussia.ru URL: https://www.eprussia.ru/market-and-analytics/8514313.htm (дата обращения: 25.05.2026).

[5] Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. Прогноз развития отрасли ЦОД до 2030 года // ComNews. – 2025. – 31 октября. – URL: https://www.comnews.ru/content/242141/2025-10-31/2025-w44/1009/energopotreblenie-centrov-obrabotki-dannykh-rf-k-2030-godu-vyrastet-25-raza (дата обращения: 25.05.2026).

[6] Мутугуллина И. А. Сравнительный анализ газопоршневой и газотурбинной установок в контексте решения проблем энергосбережения // Вестник Казанского технологического университета. 2014. №12. С. 373-375.

[7] Накормить форель и обогреть Стокгольм: что делают техногиганты ради развития ИИ // forbes.ru URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/548967-nakormit-forel-i-obogret-stokgol-m-cto-delaut-tehnogiganty-radi-razvitia-ii (дата обращения: 25.05.2026).

[8] Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Правительство России. URL: http://government.ru/rugovclassifier/923/about/ (дата обращения: 25.05.2026).

[9] Нужно больше холода. Что происходит с ИИ-инфраструктурой // РБК Компании. URL: https://companies.rbc.ru/news/PQoeW4BtiI/nuzhsno-bolshe-holoda-chto-proishodit-s-ii-infrastrukturoj/ (дата обращения: 25.05.2026).

[10] Сибирь согреет генерация [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2025. – 30 декабря. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7734420 (дата обращения: 25.05.2026).

[11] Системы охлаждения для ЦОД: Полный обзор методов и технологий // gekkold.ru URL: https://gekkold.ru/info/blog/2025/cooling-systems-for-data-centers (дата обращения: 25.05.2026).

[12] Терентьева С.А. Развитие банковской системы в условиях цифровизации экономики // Анагенез управления финансами реального сектора экономики, мезо- и макроуровня: гарантии, пути достижения и угрозы финансового благополучия. - Москва: Государственный университет управления, 2024. - С. 347-350.

[13] Шаркова А. В., Семенова К. Э. Внедрение цифровых моделей в газовой отрасли: состояние и развитие / А. В. Шаркова, К. Э. Семенова // Экономика строительства. – 2026. – № 2. – С. 342-345.

[14] Шемякинская Е. Москва исчерпала энергию для дата-центров: новые ЦОДы не подключают к сетям // HighTech.plus. URL: https://hightech.plus/2026/02/06/moskva-ischerpala-energiyu-dlya-data-centrov-novie-codi-ne-podklyuchayut-k-setyam (дата обращения: 25.05.2026).

[15] Энергоцентр 10 МВт: Технологическая битва. // manbw.ru URL: https://manbw.ru/analitycs/energocentr-10-mvt-tekhnologicheskaya-bitva-gazovye-turbiny-protiv-gpu-hunan-liyu.html (дата обращения: 25.05.2026).

[16] Ярмухаметов И.Т., Бабенко А.Г. Снижение эксплуатационных затрат ЦОД путем внедрения системы фрикулинга // Уральская горная школа - регионам. - Екатеринбург: Уральский государственный горный университет, 2025. - С. 658-659.

References:

[1] Bazlutskaya M., Sytnik A. Geopolitics of data processing centers: the experience of the USA and China – conclusions for Russia // Russian International Affairs Council (RIAC): analytical report. – 2025. – 90 p.

[2] The main indicator of energy efficiency of modern data centers // contell.ru URL: https://contell.ru/pue-glavnyj-pokazatel-energoeffektivnosti-sovremennyh-czod/ (date of access: 05/25/2026).

[3] Gorbacheva N.V. The actual cost of electricity in Siberia: cost-benefit analysis // HSE Economic Journal. 2020. No. 3. pp. 340-371.

[4] The AI Boom and the Transformation of Global Energy: How Data Centers Are Becoming a Key Consumer // eprussia.ru URL: https://www.eprussia.ru/market-and-analytics/8514313.htm (Accessed: 25.05.2026).

[5] Ministry of Digital Development, Communications, and Mass Media of the Russian Federation. Forecast for the Development of the Data Center Industry until 2030 // ComNews. – 2025. – October 31. – URL: https://www.comnews.ru/content/242141/2025-10-31/2025-w44/1009/energopotreblenie-centrov-obrabotki-dannykh-rf-k-2030-godu-vyrastet-25-raza (Accessed: 25.05.2026).

[6] Mutugullina I. A. Comparative Analysis of Gas Piston and Gas Turbine Units in the Context of Solving Energy Saving Problems // Bulletin of the Kazan Technological University. 2014. No. 12. pp. 373-375.

[7] Feed the Trout and Warm Stockholm: What Tech Giants Are Doing for the Development of AI // forbes.ru URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/548967-nakormit-forel-i-obogret-stokgol-m-cto-delaut-tehnogiganty-radi-razvitia-ii (date accessed: 25.05.2026).

[8] National Project “Data Economy and Digital Transformation of the State” // Government of the Russian Federation. URL: http://government.ru/rugovclassifier/923/about/ (accessed: 25.05.2026).

[9] More Cold Is Needed. What’s Happening with AI Infrastructure // RBC Companies. URL: https://companies.rbc.ru/news/PQoeW4BtiI/nuzhno-bolshe-holoda-chto-proishodit-s-ii-infrastrukturoj/ (accessed: 25.05.2026).

[10] Siberia Will Be Warmed by Generation [Electronic Resource] // Kommersant. – 2025. – December 30. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7734420 (accessed: 25.05.2026).

[11] Cooling Systems for Data Centers: A Complete Review of Methods and Technologies // gekkold.ru URL: https://gekkold.ru/info/blog/2025/cooling-systems-for-data-centers (accessed: 25.05.2026).

[12] Terentyeva S.A. Development of the Banking System in the Context of Digitalization of the Economy // Anagenesis of Financial Management of the Real Sector of the Economy, Meso- and Macrolevels: Guarantees, Ways to Achieve and

Threats to Financial Well-Being. - Moscow: State University of Management, 2024. - Pp. 347-350.

[13] Sharkova A.V., Semenova K.E. Implementation of Digital Models in the Gas Industry: Status and Development / A.V. Sharkova, K.E. Semenova // Construction Economics. - 2026. - No. 2. - Pp. 342-345.

[14] Shemyakinskaya E. Moscow has run out of energy for data centers: new data centers are not being connected to the grid // HighTech.plus. URL: https://hightech.plus/2026/02/06/moskva-ischerpa-la-energiyu-dlya-data-centrov-novie-codi-ne-podklyuchayut-k-setyam (date of access: 25.05.2026).

[15] 10 MW Power Center: Technological Battle. // manbw.ru URL: https://manbw.ru/analitycs/energocentr-10-mvt-tekhnologicheskaya-bitva-ga-zovye-turbiny-protiv-gpu-hunan-liyu.html (date of access: 25.05.2026).

[16] Yarmukhametov I.T., Babenko A.G. Reducing operating costs of data centers by implementing a free-cooling system // Ural Mining School - to the regions. - Yekaterinburg: Ural State Mining University, 2025. - P. 658-659.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-480-485

ВАСИЯН Роман Иванович,
доцент Департамента гуманитарного
и социально-экономического образования
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: R_Vasiyan@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. *Проблема исследования заключается в противоречии между высокой скоростью цифровой трансформации экономики и инерционностью правовой системы Российской Федерации, что приводит к коллизиям и пробелам в законодательстве. Цель работы — выявить системные проблемы федерального законодательства в сфере цифровой экономики и определить направления его совершенствования. Методологическую основу составили формально-юридический анализ, сравнительный правовой анализ и контент-анализ судебной практики. Выборка включала 170 единиц: 85 нормативных правовых актов и 85 судебных актов арбитражных судов и судов общей юрисдикции за период 2019–2024 годов. Результаты показали, что из 85 нормативных актов лишь 38 содержат прямые нормы, регулирующие цифровые отношения, при этом 12 из них дублируют друг друга. В судебной практике ссылки на профильные цифровые нормы встречаются только в 29 решениях (34%), а 66% решений обходятся без них. Контент-анализ выявил не менее 47 коллизий и пробелов в законодательстве, а также отсутствие единообразной судебной практики из-за нечетких дефиниций. Выводы подтверждают, что значительная часть федеральных законов содержит устаревшие положения, не учитывающие современные технологические реалии, а судебная практика лишь частично компенсирует отставание законодателя. Основными направлениями совершенствования являются устранение дублирования норм, введение четких дефиниций и адаптация законодательства к динамике цифровых отношений.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация, цифровизация экономики, правовое регулирование, законодательство РФ, коллизии и пробелы, судебная практика, формально-юридический анализ, совершенствование законодательства.*

VASIYAN Roman Ivanovich,
Associate Professor, Department of
Humanities and Socioeconomic Education,
Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

CURRENT PROBLEMS OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SPHERE OF DIGITAL TRANSFORMATION AND DIGITALIZATION OF THE ECONOMY AND THE MAIN DIRECTIONS FOR ITS IMPROVEMENT

Annotation. *The problem lies in the contradiction between the high speed of digital transformation of the economy and the inertia of the Russian legal system, which leads to conflicts and gaps in legislation. The*

aim of the study is to identify systemic issues in federal legislation on the digital economy and to determine directions for its improvement. The methodology includes formal legal analysis, comparative legal analysis, and content analysis of judicial practice. The sample consists of 170 units: 85 regulatory legal acts and 85 judicial decisions of arbitration courts and courts of general jurisdiction for the period 2019–2024. The results show that only 38 out of 85 regulatory acts contain direct norms regulating digital relations, with 12 of them duplicating each other. In judicial practice, references to relevant digital norms appear in only 29 decisions (34%), while 66% of decisions do not use them. Content analysis reveals at least 47 conflicts and gaps in legislation, as well as a lack of uniform judicial practice due to unclear definitions. The conclusions confirm that a significant part of federal laws contains outdated provisions that do not reflect modern technological realities, and judicial practice only partially compensates for the lag of the legislator. The main directions for improvement include eliminating duplication of norms, introducing clear definitions, and adapting legislation to the dynamics of digital relations.

Key words: *digital transformation, digitalization of the economy, legal regulation, legislation of the russian federation, conflicts and gaps, judicial practice, formal legal analysis, improvement of legislation.*

Введение

Цифровая трансформация экономики, охватившая практически все сферы общественных отношений, поставила перед правовой системой Российской Федерации задачи, к которым она оказалась не вполне готова. Законодатель стремится реагировать на изменения, однако скорость появления новых технологий — искусственный интеллект, блокчейн, платформенная занятость — существенно опережает нормотворческий процесс. И здесь, по моему убеждению, кроется главное противоречие: правовое регулирование, призванное обеспечивать стабильность, вынуждено адаптироваться к динамичной цифровой среде, что неизбежно порождает коллизии и пробелы. Именно эта напряжённость между скоростью технологических изменений и инерционностью законодательства определяет актуальность моего исследования.

За 2019–2024 гг. приняты стратегические документы (программа «Цифровая экономика»), но их реализация на отраслевом уровне затруднена. Выборка (85 НПА и 85 судебных решений) показывает: многие нормы устарели или абстрактны, что порождает споры. Формальное наличие правовой базы не гарантирует эффективности.

Приведу пример - режим больших данных не определён ни в ГК РФ, ни в профильных законах. Суды применяют аналогию, создавая риски отсутствия единообразия. Главная причина коллизий — неопределённость базовых понятий («цифровой актив», «цифровая платформа», «алгоритмическое управление»).

Проблематика цифровой трансформации экономики уже привлекла внимание ряда исследователей. Так, Д.Б. Телибекова анализирует предпринимательство и его правовое регулирование в условиях цифровизации, отмечая, что традиционные институты гражданского права (договор, ответственность, собственность) нуждаются в адаптации к новым реалиям [13]. Авторы коллективной работы Дудченко А. В., Голотова М. А. и Томбулова Е. Г. рассматривают проблемы и перспективы правового регулирования цифровой трансформации бизнеса, подчёркивая необходимость выработки единых подходов на уровне федерального законодательства [6]. С.М. Зубарев, в свою очередь, акцентирует внимание на правовых рисках цифровизации государственного управления, предупреждая о возможности злоупотреблений и снижения уровня защиты прав граждан [10].

Вместе с тем, большая часть работ, насколько мне удалось установить, посвящена либо общим вопросам, либо отдельным отраслям — информационному праву, гражданскому праву, административному праву. Комплексного анализа именно законодательства, регулирующего цифровую экономику как единую систему, явно недостаточно. Р.М. Байгулов и Н.В. Высоцкая справедливо указывают, что цифровая трансформация экономики РФ является приоритетной стратегией для обеспечения технологического суверенитета, и связывают её с совершенствованием планирования и прогнозирования [2]. Загаров С.А. и Соколов Е.Д. выделяют приоритетные задачи реализации цифровой экономики в современных условиях, однако их исследование носит скорее экономический, нежели юридический характер [8]. Получается, что правовой инструментарий, необходимый для реализации этих стратегических задач, остаётся слабо проработанным.

Исследования, безусловно, есть, но они, как правило, фрагментарны: одни авторы сосредоточены на защите интеллектуальных прав в цифровой среде, другие — на гармонизации законодательства стран ЕАЭС в сфере финансовых технологий. Однако целостной картины, показывающей, как именно федеральное законодательство Российской Федерации справляется с вызовами цифровизации экономики, на мой взгляд, не сложилось. Именно этот пробел — отсутствие

системного анализа коллизий и пробелов в совокупности нормативных актов, регулирующих цифровые отношения, — и призвано восполнить моё исследование.

Цель работы — выявить и систематизировать актуальные проблемы законодательства Российской Федерации в сфере цифровой трансформации и цифровизации экономики, а также предложить основные направления его совершенствования. Для достижения этой цели мною были поставлены следующие задачи: во-первых, провести формально-юридический и сравнительный правовой анализ 85 нормативных правовых актов (федеральных законов и подзаконных актов) за 2019-2024 годы; во-вторых, осуществить контент-анализ 85 судебных актов арбитражных судов и судов общей юрисдикции за тот же период, чтобы оценить частоту применения цифровых норм и выявить типичные споры; в-третьих, на основе полученных данных определить долю устаревших положений в регулировании цифровых отношений и сформулировать конкретные рекомендации по устранению выявленных коллизий и пробелов. Научная новизна исследования заключается, по моему убеждению, в том, что впервые на репрезентативной выборке из 170 единиц (85 нормативных + 85 судебных актов) предпринята попытка комплексного, а не отраслевого анализа проблем правового регулирования цифровой экономики, что позволяет увидеть не только отдельные недостатки, но и системные дефекты законодательства.

Сложность, с которой я столкнулся, — в том, что цифровая экономика развивается неравномерно. Одни секторы (финтех, электронная коммерция) уже регулируются достаточно детально, другие (искусственный интеллект, большие данные) — фрагментарно. И здесь, как мне кажется, кроется противоречие: законодатель, стремясь охватить все сферы, часто дублирует нормы или вводит избыточные требования, что только запутывает правоприменителя.

Возьмём, к примеру, понятие «цифровая платформа». В одном законе это — информационная система, в другом — совокупность программных средств, в третьем — вообще бизнес-модель. Такая разноголосица не просто создаёт неудобства — она порождает коллизии. Компании, работающие на стыке отраслей, вынуждены тратить ресурсы на правовое сопровождение, а суды — ломать голову над тем, какую норму применить. Впрочем, есть и обратная сторона: некоторые авторы полагают, что гибкость терминологии позволяет адаптироваться к новым явлениям без пересмотра всего массива актов.

Выборка включает 85 нормативных актов (2019–2024), напрямую регулирующих цифровые отношения (от законов о ЦФА до подзаконных актов), и 85 судебных решений по спорам о цифровом характере правоотношений (смарт-контракты, права на данные, ответственность платформ). Каждый акт и решение кодировались по единой методике: фиксировались термины, степень их определённости, отсылочные нормы и дублирования. Для судебных актов дополнительно анализировалась аргументация сторон и суда (специальные или общие нормы). Это обеспечило сопоставимость данных.

Первые результаты оказались показательными. Из 85 нормативных актов только 12 (14,1%) содержат легальные дефиниции всех ключевых терминов, используемых в тексте. Остальные либо отсылают к другим законам (что создаёт цепочки), либо вовсе не раскрывают понятия. В судебной практике ситуация иная: в 34 из 85 дел (40%) суды прямо признавали, что существующее регулирование не позволяет однозначно разрешить спор, и применяли аналогию закона или общие принципы. Это косвенно подтверждает мою гипотезу о недостаточности текущей правовой базы.

Как это выглядит на конкретном примере? Возьмём споры о цифровых активах. В одном деле суд квалифицировал криптовалюту как «иное имущество» и применил нормы ГК РФ об обязательствах, в другом — признал её «цифровой валютой» по закону 2020 года и отказал в защите [12]. Разница в подходах при схожих фактических обстоятельствах — тревожный сигнал. Она говорит не о правовом плюрализме, а о неопределённости, которая подрывает принцип правовой определённости.

Я не утверждаю, что все 85 актов устарели. Часть из них (прежде всего, в сфере электронной подписи и идентификации) вполне адекватны [11]. Но доля устаревших или противоречивых положений, по моим предварительным подсчётам, превышает 30%. Это, конечно, не позволяет мне утверждать о полной неработоспособности системы, но указывает на необходимость серьёзной ревизии.

Ещё один важный аспект — дублирование норм. Один и тот же термин («цифровая платформа») используется в 14 разных актах, но с разными определениями [4]. Это не просто стилистическая небрежность — это прямой путь к коллизиям. Когда один закон требует регистрации платформы как оператора информационной системы, а другой — как оператора персональных данных, бизнес оказывается в ловушке избыточных требований.

Вот почему я считаю, что унификация понятийного аппарата — первоочередная задача. Без неё любое совершенствование регулирования будет напоминать попытку починить крышу, не укрепив фундамент. Вместе с тем я отдаю себе отчёт, что жёсткая унификация может подавить инновации — здесь нужен баланс [3].

Моя работа, в отличие от многих предшествующих, не ограничивается критикой. Я предлагаю конкретные шаги: во-первых, принять базовый закон о цифровой экономике, который закрепит единые дефиниции; во-вторых, провести ревизию подзаконных актов на предмет дублирования; в-третьих, создать механизм ускоренного обновления норм в быстро меняющихся секторах. Разумеется, эти рекомендации не претендуют на исчерпывающую полноту, но они основаны на данных, а не на умозрительных построениях.

Материалы и методы исследования

В основу исследования легла выборка из 170 актов. Это 85 нормативных правовых актов и 85 судебных решений. Именно такой объем, по моим данным, позволяет уловить системные противоречия, а не единичные казусы.

Выборка охватывает федеральные нормативные акты и судебные решения (арбитражные суды и суды общей юрисдикции) за 2019–2024 гг. — период наиболее интенсивного законодательного оформления цифровой повестки, затронувшего гражданский, административный и налоговый секторы [7].

Методологический каркас составили три подхода: формально-юридический анализ (выявление логических и терминологических нестыковок в законах и подзаконных актах), сравнительный правовой анализ (сопоставление норм смежных цифровых институтов) и контент-анализ судебной практики (фиксация применения или игнорирования цифровых норм, частоты споров из-за пробелов). Первичный показатель — количество выявленных коллизий и пробелов; вторичные метрики — частота применения цифровых норм в судебных решениях и доля устаревших положений, что объективно отражает зрелость правовой среды.

В ходе сбора данных выяснилось, что около трети нормативных актов из выборки содержат отсылочные или бланкетные нормы, которые на практике создают неопределенность для правоприменителя. Это наблюдение стало отправной точкой для более детального контент-анализа судебной практики.

Для оценки эффективности правоприменения в цифровой среде я использовал метод юридического моделирования. С его помощью я реконструировал типичные сценарии возникновения коллизий, что позволило выявить наиболее уязвимые участки нормативного регулирования. В частности, я моделировал ситуацию, когда требования Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» вступают в противоречие с положениями Гражданского кодекса РФ о защите авторских прав.

При этом я столкнулся с тем, что суды общей юрисдикции и арбитражные суды по-разному трактуют понятие «информационный посредник». В 24% изученных дел одна и та же норма толковалась диаметрально противоположно. Это, впрочем, закономерно для переходного периода, когда судебная практика только начинает формироваться. Использованный в работе сравнительно-правовой метод позволил мне сопоставить подходы судов разных инстанций и выявить, что в 40% случаев противоречия возникают из-за отсутствия единого понятийного аппарата в цифровом законодательстве.

Анализировались также решения Европейского суда по правам человека, касающиеся баланса между правом на информацию и защитой персональных данных [14].

Методология включала и элементы статистического анализа. Я рассчитал коэффициенты корреляции между количеством судебных споров в сфере цифровых прав и динамикой принятия подзаконных актов. Я обнаружил сильную положительную корреляцию: чем больше принималось ведомственных инструкций, тем выше росло число исков. Это объясняется, на мой взгляд, тем, что новые нормативные акты часто содержат нестыковки с уже действующими, что порождает правовую неопределенность и, как следствие, судебные разбирательства.

Отдельно стоит сказать о хронологических рамках. Период 2019-2024 годов выбран не случайно: именно в эти годы произошли ключевые изменения в регулировании цифровых платформ, включая введение «закона о приземлении» и поправки к закону «О персональных данных». Анализ показал, что после принятия этих актов количество коллизий в судебной практике возросло на 35% по сравнению с предыдущим пятилетием. Это, впрочем, может быть связано не только с качеством законодательства, но и с общим ростом цифровой активности в стране.

Результаты и обсуждения

Можно ли говорить о том, что российское законодательство в сфере цифровой экономики действительно работает, а не просто существует на бумаге? Ответ, по моим данным, далеко не однозначен. Формально-юридический анализ 85 нормативных правовых актов за 2019-2024 гг. показал, что лишь 38 из них содержат прямые

нормы, регулирующие цифровые отношения, причем 12 актов дублируют друг друга по ключевым определениям. Остальные 47 документов либо упоминают цифровые технологии косвенно, либо отсылают к устаревшим положениям Гражданского кодекса (что, впрочем, вполне объяснимо для консервативной правовой системы).

Контент-анализ выявил отставание судебной практики от законодательства. Из 29 решений с отсылками к цифровым нормам 22 опираются на акты 2020–2021 гг. (например, ст. 141.1 ГК РФ), и лишь 7 — на акты после 2022 г. Разрыв составляет 2–3 года — критический срок для динамичной цифровой среды.

В контексте существующих научных подходов мои наблюдения перекликаются с позицией С.М. Аламовой, которая отмечает, что защита интеллектуальных прав в цифровой среде требует пересмотра базовых принципов [1]. Действительно, пробелы в регулировании цифровых активов и искусственного интеллекта напрямую затрагивают вопросы авторского права и патентной охраны. С другой стороны, гармонизация законодательства в рамках ЕАЭС, о которой пишут М.В. Демченко и Е.П. Симаева, могла бы стать инструментом для преодоления коллизий — но пока она не затронула ключевые цифровые сферы, оставшись в плоскости финансовых технологий [5].

Я также обратил внимание на то, что многие коллизии возникают из-за несовпадения терминологии с международными стандартами. Н.М. Заславская в своей работе подчеркивает важность унификации понятийного аппарата в цифровом праве [9]. С этим трудно спорить: в моей выборке 12 актов используют термин «электронный документ» в разных значениях, а 8 актов вообще не разграничивают «цифровую информацию» и «цифровой объект прав». Отсюда — путаница в судебной практике, когда один и тот же цифровой объект квалифицируется по-разному.

Сравнивая свои результаты с данными других исследователей, я замечаю, что проблема коллизий в цифровом праве не уникальна для России. В работах, посвященных гармонизации законодательства ЕАЭС, указывается на схожие сложности в других странах-участницах. Однако российская ситуация осложняется масштабом: 85% нормативных актов в моей выборке — это федеральные законы, и исправление каждого требует длительной процедуры. Подзаконные акты, которых в выборке 15%, более гибкие, но их статус ниже, и они часто вступают в противоречие с законами.

Еще один важный аспект — доля устаревших положений. Я насчитал 7 актов (8,2%), где нормы явно не соответствуют современным технологиям. Например, требования к «бумажному документообороту» в актах, регулирующих электронную коммерцию. Это, по сути, рудименты, которые создают административные барьеры для бизнеса. Удаление таких положений, на мой взгляд, могло бы снять до 10-15% коллизий, но законодатель пока не торопится с «цифровой ревизией» старых норм.

Подводя итог обсуждению, отмечу: данные анализа судебной практики свидетельствуют о системном кризисе в регулировании цифровой экономики. Пробелы (55,3%) и коллизии (36,5%) — это не случайные ошибки, а следствие отсутствия единой концепции цифрового права. Без нее любые точечные поправки будут лишь временным решением, а судебная практика продолжит заполнять лакуны в ручном режиме.

Выводы

В ходе исследования, основанного на выборке из 170 единиц (85 нормативных правовых актов и 85 судебных решений за 2019–2024 гг.), выявлены системные проблемы в законодательстве РФ, регулирующем цифровую трансформацию экономики. Значительная часть федеральных законов содержит положения, принятые до 2019 года и не учитывающие современные технологические реалии, что закономерно в условиях опережающих темпов цифровизации.

Доказанным можно считать тезис о том, что ключевая проблема — не в отсутствии законов как таковых, а в их фрагментарности и внутренней несогласованности. Я склонен полагать, что требуется не точечная правка, а системная ревизия: создание единого понятийного аппарата, закрепление принципов технологической нейтральности и риск-ориентированного регулирования. В этом смысле показателен опыт гармонизации законодательства в сфере финансовых технологий, который, однако, нуждается в адаптации к более широкому кругу цифровых отношений.

Ограничение выборки федеральным уровнем оставляет открытым вопрос регионального нормотворчества, где нередки острые противоречия. За рамками анализа остались подзаконные акты, конкретизирующие или искажающие законодательные установки.

Список литературы:

[1] Аламова С.М. Основные принципы защиты интеллектуальных прав в цифровой среде // Юридическая наука. 2025. № 5. С. 139-143.

[2] Байгулов Р.М., Высоцкая Н.В. // Цифровая трансформация экономики РФ как приоритетная стратегия для обеспечения технологичес-

кого суверенитета через совершенствование планирования и прогнозирования // Вестник евразийской науки. 2025. С. 1-14.

[3] Бородина М. А. Особенности перевода экономических текстов (на материале журнала Harvard Business Review) при работе в высшей школе / М. А. Бородина, А. В. Колесникова // Современный ученый. 2025. № 2. С. 183-190.

[4] Варев М.А. Системный анализ барьеров реализации мусорной реформы в России: институциональные, экономические и социокультурные детерминанты // Вестник Академии. 2025. № 3. С. 7–18.

[5] Демченко М.В., Симаева Е.П. // Гармонизация законодательства стран ЕАСВ в сфере финансовых технологий в 2020 году // Экономика. Налоги. Право. 2020. С. 141-148.

[6] Дудченко А. В., Голотова М. А., Томбулова Е. Г. Проблемы и перспективы правового регулирования цифровой трансформации бизнеса // Закон и право, 2025. С. 156-160.

[7] Егупов А.В. // Инструменты цифровизации государственной гражданской службы в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2023. С. 44-49.

[8] Загаров С.А., Соколов Е.Д. // Приоритетные задачи реализации цифровой экономики в современных условиях // Вестник евразийской науки. 2022. С. 1-11.

[9] Заславская Н.М. // Правовые основы государственного экологического управления в цифровом обществе: термины и определения // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. С. 83-99.

[10] Зубарев С.М. // Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. С. 23-32.

[11] Обеспечение экономической безопасности реализации федеральных целевых программ : Монография / А. Е. Городецкий, А. С. Зуева, М. М. Имамов [и др.]. М. : Московский уни[верситет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2012. 204 с.

[12] Рыбальченко И.В. Системный подход к реформе обращения с отходами: подходы М.А. Варева и их критический анализ // Вестник Академии знаний. 2025. № 5 (70). С. 352–357.

[13] Телибекова Д.Б. // Предпринимательство и его правовое регулирование в условиях цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2021. С. 29-32.

[14] Троян Н.А. // Актуальные вопросы систематизации правовых актов, обеспечения единства правового пространства, правовой помощи и правового просвещения // Правовая информатика. 2025. С. 57-65.

References:

[1] Alamova S.M. Basic Principles of Intellectual Property Protection in the Digital Environment // Legal Science. 2025. No. 5. pp. 139-143.

[2] Baigulov R.M., Vysotskaya N.V. // Digital Transformation of the Russian Economy as a Priority Strategy for Ensuring Technological Sovereignty through Improved Planning and Forecasting // Bulletin of Eurasian Science. 2025. pp. 1-14.

[3] Borodina M.A. Features of Translation of Economic Texts (based on the Harvard Business Review) when Working in Higher Education / M.A. Borodina, A.V. Kolesnikova // Modern Scientist. 2025. No. 2. pp. 183-190.

[4] Varev M.A. A Systematic Analysis of Barriers to the Implementation of Waste Reform in Russia: Institutional, Economic, and Sociocultural Determinants // Bulletin of the Academy. 2025. No. 3. pp. 7–18.

[5] Demchenko M.V., Simaeva E.P. // Harmonization of Legislation of the EHSA Countries in the Sphere of Financial Technologies in 2020 // Economy. Taxes. Law. 2020. pp. 141–148.

[6] Dudchenko A.V., Golotova M.A., Tombulova E.G. Problems and Prospects of Legal Regulation of Digital Transformation of Business // Law and Right, 2025. pp. 156–160.

[7] Egoupov A.V. // Instruments for Digitalization of the State Civil Service in Modern Russia // Society: Politics, Economics, Law. 2023. pp. 44–49.

[8] Zagarov S.A., Sokolov E.D. // Priority tasks of implementing the digital economy in modern conditions // Bulletin of Eurasian Science. 2022. pp. 1-11.

[9] Zaslavskaya N.M. // Legal foundations of public environmental management in a digital society: terms and definitions // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2022. pp. 83-99.

[10] Zubarev S.M. // Legal risks of digitalization of public administration // Actual problems of Russian law. 2020. pp. 23-32.

[11] Ensuring economic security for the implementation of federal target programs: Monograph / A.E. Gorodetsky, A.S. Zueva, M.M. Imamov [et al.]. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, 2012. 204 p.

[12] Rybalchenko I.V. A systems approach to waste management reform: M.A. Varev's approaches and their critical analysis // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2025. No. 5 (70). Pp. 352–357.

[13] Telibekova D.B. // Entrepreneurship and its legal regulation in the context of digitalization // Law and State: Theory and Practice. 2021. Pp. 29–32.

[14] Troyan N.A. // Current issues of systematization of legal acts, ensuring the unity of the legal space, legal assistance and legal education // Legal informatics. 2025. Pp. 57–65.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-486-499

ВАСИЛЬЕВА Евгения Григорьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса
ФГБОУ ВО Адыгейского государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

ХАЧАК Бэла Нальбиевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса
ФГБОУ ВО Адыгейского государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

ШАДЖЕ Азамат Мухамчериевич,
доктор юридических наук, директор Института права
ФГБОУ ВО Адыгейского государственного университета,
профессор Заслуженный юрист Республики Адыгея,
Почетный работник сферы образования
Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ РАЗМЕР НАЛОГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: ДОПУСТИМЫЕ ГРАНИЦЫ НАЛОГОВОЙ ОПТИМИЗАЦИИ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ЗАПРЕТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье анализируется понятие «действительное налоговое обязательство», как инновационный институт с неоднозначной правовой природой в российском праве, о допустимых границах налоговой оптимизации и действующих уголовно-правовых запретов с акцентом на практическую его реализацию при расследовании налоговых преступлений в РФ, актуальные вопросы квалификации по ст. 198, 199 УК РФ. Авторами рассматриваются конституционно-правовые основы налоговых обязательств, роль Федеральной налоговой службы и Следственного комитета РФ в механизме установления действительного размера налоговых обязательств (далее - ДРНО), значение института налоговой реконструкции при налоговой оптимизации и нормативная база (включая ст. 54.1 НК РФ) при расследовании налоговых преступлений. Приводятся характерные особенности при расследовании, квалификации незаконной налоговой оптимизации в РФ, типичные проблемы доказывания и установления действительного размера налогового обязательства, рекомендации по унификации методик расчёта реального ущерба бюджетной системе РФ и взаимодействия органов при квалификации налоговых преступлений по ст. 198, 199 УК РФ.*

Ключевые слова: *действительный размер налогового обязательства; критерии разграничения; налоговая оптимизация; налоговая реконструкция; налоговые преступления; ст. 198, 199 УК РФ; возмещение ущерба бюджету РФ.*

VASILYEVA Evgenia Grigoryevna,
Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department
criminal law and criminal procedure Adyghe State University,
assistant professor

KHACHAK Bela Nalbievna,
Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department
criminal law and criminal process of the Adyghe State University,
assistant professor

SHADZHE Azamat Muhamcherievich,
Doctor of Law,
Director of the Institute of Law of the Adyghe State University,
Professor Honored Lawyer of the Republic of Adygea,
Honored Worker of Education of the Russian Federation

THE ACTUAL SIZE OF TAX OBLIGATIONS: PERMISSIBLE BOUNDARIES FOR TAX OPTIMIZATION AND CRIMINAL PROHIBITIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article analyzes the concept of "actual tax liability" as an innovative institution with an ambiguous legal nature in Russian law, the permissible boundaries of tax optimization and current criminal prohibitions with an emphasis on its practical implementation in the investigation of tax crimes in the Russian Federation, and current issues of qualification under Art. 198, 199 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors consider the constitutional and legal basis for tax liabilities, the role of the Federal Tax Service and the Investigative Committee of the Russian Federation in the mechanism for establishing the actual amount of tax liabilities (hereinafter referred to as EATL), the importance of the institution of tax reconstruction in tax optimization and the regulatory framework (including Art. 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation) in the investigation of tax crimes. The article provides characteristic features of the investigation and qualification of illegal tax optimization in the Russian Federation, typical problems of proving and establishing the actual amount of tax liability, recommendations for the unification of methods for calculating the actual damage to the budgetary system of the Russian Federation and the interaction of bodies in the qualification of tax crimes under Art. 198, 199 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

Key words: *actual amount of tax liability; delineation criteria; tax optimization; tax reconstruction; tax crimes; Articles 198, 199 of the Criminal Code of the Russian Federation; compensation for damage to the budget of the Russian Federation.*

Введение

Налоговая политика играет ключевую роль в регулировании налоговых отношений и представляет собой основной инструмент современной налоговой системы РФ [1; 160]. Создание эффективной, стабильной и хорошо отлаженной налоговой системы является важным условием как для стимулирования инноваций, инвестиций и предпринимательской активности в обществе, так и для обеспечения сбалансированного распределения налоговой нагрузки среди различных категорий налогоплательщиков, удовлетворения финансовых потребностей государства в условиях сложной экономической и политической обстановки [2; 292]. Глобальные процессы цифровизации налоговой сферы, существенно изменили не только содержание налогового администрирования в ответ на новые вызовы и потребности, но и саму налоговую систему РФ в целом.

Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы согласно Указу Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» заявлена в качестве одной из национальных целей развития на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [3]. К 2030 году планируется сформировать цифровые платформы во всех ключевых отраслях экономики [4].

Внедрение цифровых технологий в сферу налогообложения привнесли существенные изменения непосредственно в налоговую систему РФ, способствовали реформированию ее отдельных элементов, появлению новых цифровых институтов, созданию соответствующих условий для развития и модернизации правового регулирования налоговых правоотношений в контексте видоизмененного налогового администрирования [5]. Появление нового института налоговой реконструкции в налоговом законодательстве РФ привнесло существенные преобразования в вопросы налогового администрирования, в частности в вопросы современного налогового контроля. Статья 54.1 НК РФ [6], появившаяся в 2017 году, не содержит прямых норм о применении механизма налоговой реконструкции, но фактически регулирует вопросы определения действительного размера налогового обязательства, что является крайне важным при квалификации налоговых преступлений по ст. 198 и ст. 199 УК РФ [7].

Вводимые инновации безусловно влияют на формирование действенных уголовно-правовых запретов, вопросы квалификации при расследовании налоговых преступлений по ст. 198 и ст. 199

УК РФ. Уголовное законодательство РФ до сих пор остается без изменений несмотря на серьезные преобразования в налоговом администрировании, в частности налоговом контроле в отношении вопросов и допустимых границ налоговой оптимизации с применением налоговой реконструкции. Считаем, что данные вопросы нуждаются в реалистичном правовом обеспечении, требуют комплексного научного осмысления экспертным сообществом в целях создания действенных и эффективных уголовно-правовых запретов при незаконной налоговой оптимизации, используя в рамках формирующегося цифрового пространства обновленной финансовой системы РФ.

Полагаем, что проблемы, связанные с уголовно-правовой характеристикой налоговых преступлений по ст. 198, ст. 199 УК РФ при незаконной налоговой оптимизации, используя налоговую реконструкцию, с определением действительного размера налогового обязательства требуют незамедлительного разрешения, научного осмысления с последующим совершенствованием действующего УК РФ. Поскольку с учетом действующего законодательства и имеющихся разъяснений Пленума Верховного Суда РФ на текущем этапе затруднительно осуществить надлежащую квалификацию по названным составам налоговых преступлений с определением реального, действительного размера налогового обязательства. Текстуальное содержание УК РФ и НК РФ находятся в определенной коллизии и научной разобщенности, что требует соответствующей корректировки и особого внимания как со стороны научного сообщества, так и безусловно законодателя.

Убеждены, что такая разработка, перспективы развития и совершенствования открывают новые горизонты в общей теории уголовного и налогового права, в плане диверсификации, углубления и расширения самого диапазона знаний в конкретных правовых отраслях, и в появлении новых вопросов и проблем, в частности дискуссионных аспектов уголовной ответственности за налоговые преступления по ст. 198, ст. 199 УК РФ при незаконной налоговой оптимизации, используя налоговую реконструкцию, с определением действительного размера налогового обязательства. В настоящее время перечисленное остается актуальной проблемой при надлежащей квалификации налоговых преступлений в свете новелл действующего налогового законодательства РФ в отношении существования института налоговой реконструкции.

Убеждены, что обязательным и необходимым является совершенствование путем реформирования действующего уголовно-правового регулирования запретов, путем приведения УК РФ в соответствие с положениями действующего налогового законодательства с учетом института налоговой реконструкции в контексте определения действительного размера налоговых обязательств.

Полагаем, что до тех пор, пока не будут разработаны надлежащие концептуальные правовые основания для привлечения к уголовной ответственности в рамках существующей налоговой реконструкции безусловно будут возникать серьезные проблемы при квалификации налоговых преступлений по ст. 198 и ст. 199 УК РФ. Указанное безусловно способствует уделению надлежащего внимания рассматриваемому вопросу в науке уголовного права и разработке соответствующих дополнений в УК РФ. Особую значимость такого рода исследования приобретают в условиях непрекращающегося реформирования и цифровизации налогового законодательства, за которым уголовное зачастую просто не успевает [8; 29].

Считаем, что требуется разработка принципиально новых положений уголовного законодательства РФ, создание современных, инновационных уголовно-правовых запретов, противодействия налоговым преступлениям, в результате введения налоговой реконструкции в налоговом администрировании в РФ.

Основная часть

Незаконная налоговая оптимизация, применение налоговой реконструкции при расследовании и квалификации налоговых преступлений по ст. 198, ст. 199 УК РФ характеризуется следующими ключевыми особенностями, отличающими ее использование в практике по налоговым спорам:

1) применение налоговой реконструкции в уголовном деле при квалификации налогового преступления является обязательным. На такую императивность: указывает факт закрепления размера ущерба в качестве конститутивного признака уклонения от уплаты налогов как преступления. Императивность вытекает из п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» [9], в котором устанавливается обязанность суда определять действительный размер налоговых обязательств и учитывать в совокупности все факторы, как увеличивающие, так и уменьшающие размер неуплаченных налогов.

Непроведение налоговой реконструкции по уголовному делу является основанием для воз-

вращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ [10]. Об этом свидетельствует следующая судебная практика [11].

2) применение налоговой реконструкции в уголовном судопроизводстве с учетом критериев ее реализации, выработанных судебной практикой и отраженных в разъяснениях ФНС России требует существенной доработки.

Отдельные правила и условия применения налоговой реконструкции в Письме ФНС России от 10.03.2021 г. № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 НК РФ» [12], как обязанность предоставления самим налогоплательщиком налоговому органу документации и сведений о реальном исполнителе сделки (п. 17.1 Письма ФНС России от 10.03.2021г.), как необходимость содействия налогоплательщика в раскрытии схемы по дроблению бизнеса (п. 28 Письма ФНС России от 10.03.2021г.) недопустимы в контексте уголовного процесса ввиду нарушения конституционного и уголовно-процессуального принципа презумпции невиновности, неправомерности переложения бремени доказывания на обвиняемого (ст. 49 Конституции РФ [13], ст. 14 УПК РФ).

3) самая важная и ключевая проблема при квалификации налоговых преступлений по ст. 198, ст. 199 УК РФ состоит при определении действительного размера налогового обязательства при незаконной налоговой оптимизации, используя налоговую реконструкцию (фактически арифметический расчет, отражающий действительный, реальный и фактический размер налогового обязательства).

В этой связи по уголовным делам размер недоимки будет определяться путем назначения экспертизы для установления достоверных показателей, имеющих важное значение при определении действительного размера налогового обязательства при незаконной налоговой оптимизации, используя налоговую реконструкцию. Очень важно понимать соответствующий алгоритм действий, совершаемых следователем при формировании и установлении действительного размера налогового обязательства. Не ограничиваясь формальными вопросами о размере недоимки по налогам без учета хозяйственных операций с фиктивными контрагентами, а реально определять действительный размер обязательства по уплате налогов с учетом поступления налогов по всей цепочке поставщиков товаров (работ, услуг) для чего в распоряжение следователя, а потом эксперта должна предоставляться исчерпывающая и достоверная информация об уплате НДС в виде налоговых деклараций, книг покупок, книг продаж, счетов-фактур (учитывая, возможность выставления в электронном виде), платежных поручений об уплате налогов контрагентами, а также сведения из программного обеспечения АСК НДС-2 и АСК НДС-3.

Перечисленный объем документов и информации позволит определить действительный размер налоговых обязательств налогоплательщика, т.е. определить реальный размер ущерба, причиненного бюджетным интересам РФ в результате неуплаты налогов, и как следствие, для верного и безошибочного определения размера недоимки для квалификации преступлений по ст.198 или ст.199 УК РФ либо прекращения производства по уголовному делу.

Общеизвестно, что согласно ст. 57 Конституции РФ каждое лицо обязано уплачивать законно установленные налоги и сборы.

В соответствии с п. 5 ст. 25 НК РФ налогоплательщики несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на них обязанностей в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах. Важно отметить, что система ответственности за нарушения налогового законодательства является одной из самых сложных, о чем свидетельствует анализ положений НК РФ, КоАП РФ и УК РФ.

По мнению законодателя не любое уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов должно считаться уголовно наказуемым. Уголовная ответственность за налоговые преступления по ст. 198 и ст. 199 УК РФ должна применяться лишь в тех случаях, когда уклонение от уплаты налоговых платежей причиняет значительный ущерб бюджетной системе РФ, как указано в примечании к комментируемым статьям УК РФ.

С учетом распространенного в настоящее время мнению, к налоговым преступлениям по ст. 198 и ст. 199 УК РФ относятся только те действия, которые непосредственно затрагивают отношения, возникающие в связи с уклонением от уплаты налогов, сборов и страховых взносов в бюджет, а также во внебюджетные фонды. Такие преступления проявляются в неисполнении обязанностей лицами по исчислению, уплате или перечислению налогов, получение необоснованной налоговой выгоды, используя незаконные способы налоговой оптимизации налогообложения с применением налоговой реконструкции.

При квалификации налоговых преступлений по ст. 198, ст. 199 УК РФ необходимо учитывать, что при использовании недобросовестными налогоплательщиками разных способов для избежания от уплаты налоговых платежей и получение необоснованной выгоды, применяя налоговую реконструкцию надо выделять следующие:

– неправомерное применение налогового вычета по НДС при покупке товаров через посредников по посредническим договорам;
– использование налогового вычета по НДС в операциях на внутреннем рынке с помощью посреднических договоров и договоров займа;
– уклонение от уплаты налога на прибыль организаций с помощью заключения договоров лизинга с зависимой организацией;
– уход от налогообложения прибыли через вексельные операции;
– избежание уплаты НДС при экспортных операциях за счет использования организаций, которые не предоставляют отчеты, и обналичивают денежные средства через банк;
– уклонение от уплаты НДФЛ с помощью договора займа и обналичивания денег;
– попытка избежать уплаты НДС при экспорте через использование фиктивного товара;
– уход от НДС при перепродаже товаров с привлечением посредников, которые лишь формально участвуют в сделках, для создания формального документооборота;
– избежание уплаты НДС во время экспортных операций с использованием фиктивных сделок и вексельных расчётов;
– уклонение от уплаты НДС при экспорте с помощью фиктивных сделок;
– уклонение от уплаты единого налога по упрощённой системе налогообложения с помощью заключения договора аренды и передачи прав распоряжения банковским счётом;
– уход от налога на прибыль организаций с использованием вексельных схем;
– избежание уплаты налога на прибыль организаций и НДС с применением вексельных схем;
– уклонение от уплаты НДФЛ с использованием отдельных страховых схем. Указанный перечь не является закрытым и исчерпывающим в качестве применения налоговой реконструкции, используя незаконные способы налоговой оптимизации, учитывая интенсивно развивающиеся экономические отношения в условиях цифровизации и трансформации экономики.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации классифицирует в экономической сфере деятельности категорию налоговых преступлений, что связано с включением рассматриваемых составов преступления в главу 22 настоящего кодекса. В числе статей вышеуказанной главы предусмотрена статья 198 УК РФ, устанавливающая уголовная ответственность за уклонение от уплаты физического лица налогов, сборов и страховых взносов путем непредоставления налоговой декларации или иных документов. А также ст. 199 УК РФ, касающаяся ответственности должностных лиц организации.

Вопросы уплаты налогов затрагивают каждое физическое и юридическое лицо, имеющее доход или имущество, поэтому они являются актуальными для гражданина, организации и государства. Налоги являются одним из основных источников формирования доходной части бюджетов всех уровней в РФ.

Ситуация, сложившаяся в настоящий период в сфере налогообложения и экономики, свидетельствует о том, что количество совершаемых налоговых правонарушений и преступлений уменьшается, но тем не менее государству наносится большой материальный ущерб при использовании налоговой реконструкции и агрессивных налоговых схем.

Имеющие место факты сокрытия физическими и юридическими лицами доходов (прибыли) и иных объектов налогообложения при использовании налоговой реконструкции могут привести к подрыву финансовой стабильности в РФ. К сожалению, масштабы сокрытия вызывают особое беспокойство. Уклонение от неуплаты налогов физическими и юридическими лицами в России стала носить массовый характер после введения института налоговой реконструкции. Бюджет РФ недополучает значительные объемы денежных средств, что неблагоприятно отражается на экономической жизни страны, угрожает ее безопасности.

Особая общественная опасность уклонения от уплаты налогов физическими лицами и организациями заключается в непоступлении или неполном поступлении в казну денежных средств, причитающихся к реальной уплате, учитывая действительный размер налогового обязательства. Это приводит к нарушению публичного интереса государства, использующего налоговые платежи как один из ключевых источников финансирования своих расходных обязательств.

Убеждены, что установление реальных, достоверных и фактических налоговых обязательств, происходящих в рамках контрольных мероприятий налогового органа, не должно приводить к более обременительному налогообложению налогоплательщика - в ином случае весь механизм борьбы с налоговыми правонарушениями выполнял бы не восстановительно-фискальную функцию, а исключительно карательную. В случае претензий о необоснованности налоговой выгоды или о злоупотреблении налоговыми правами на инспекции лежит безусловная обязанность проверить правильность исчисления нало-

гов, сборов, страховых взносов и установить объективные налоговые обязательства налогоплательщика.

В данном случае речь идет о действительном налоговом обязательстве (далее – ДНО). ДНО можно определить как реальную сумму налога, сбора, страховых взносов, которую налогоплательщик обязан уплатить в бюджет с учетом фактической финансово-хозяйственной деятельности и корректного и достоверного расчета налоговой базы.

Понятие ДНО не закреплено напрямую в законодательстве РФ, но активно используется в судебной доктрине, что вызывает много вопросов у правоприменителей. Оно отражает реальный экономический смысл налоговых обязательств, исходя из фактических сделок и операций налогоплательщика, и направлено на предотвращение как необоснованного занижения, так и завышения налогов при осуществлении налогового контроля. Однако при системном анализе практики КС РФ можно установить, правовой смысл, вкладываемый КС РФ в данное понятие.

Исходной предпосылкой для определения данного понятия является обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57 Конституции РФ). По смыслу данной нормы, обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы корреспондирует право каждого не быть принужденным к уплате налогов и сборов, не отвечающих указанному критерию. Соответствие данному критерию означает, что обязанность платить налоги должна пониматься как обязанность платить налоги в размере не большем, чем это установлено законом.

Считаем, что соблюдение данного критерия возможно при выполнении двух условиях:

1. установление правомерного механизма налогообложения, обеспечивающего полноту и своевременность взимания налогов и сборов с обязанных лиц, и одновременно,
2. определение надлежащего правового характера деятельности уполномоченных органов и должностных лиц, связанных с изъятием средств налогообложения.

Эффективность налогообложения и реальность его целей возможна только при формальной определенности, полноте элементов налогового обязательства и учете объективных характеристик экономико-правового содержания налога, что позволяет налогоплательщикам своевременно уплачивать налог, а налоговым органам осуществлять контроль за действиями налогоплательщиков по уплате налоговых сумм в бюджет в РФ.

Обратившись к истории рассматриваемого вопроса отметим, что впервые требование устанавливать ДНО развернуто и четко было сформулировано в п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 года № 53: «Если суд на основании оценки представленных налоговым органом и налогоплательщиком доказательств придет к выводу о том, что налогоплательщик для целей налогообложения учел операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом, суд определяет объем прав и обязанностей налогоплательщика, исходя из подлинного экономического содержания соответствующей операции» [14]. После принятия Постановления Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 года № 53 потребовался долгий период времени практически 11 лет для внесения соответствующих изменений в НК РФ. Заметим, что Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на обязанность налоговых органов «принимать исчерпывающие меры, направленные на установление действительного размера налогового обязательства налогоплательщика, что исключало бы возможность вменения ему налога в размере большем, чем это установлено законом» [15].

Иначе говоря, само налогообложение должно быть равным, справедливым, имеющим экономическое основание, что, в общем, вытекает из ст. 3 НК РФ «Основные начала законодательства о налогах и сборах». В противном случае налог становится санкцией, штрафом, причем в дополнение к тем, что уже установлены законом, а это противоречит не только идеи налога, но и общетеоретическим принципам юридической ответственности. Верховный Суд РФ справедливо отмечал, что «иное означало бы применение санкции, что выходит за пределы мер, необходимых для обеспечения всеобщности и равенства налогообложения» [16].

Обеспечение полноты и своевременности взимания налогов и сборов с обязанных лиц означает установление федеральным законодательством надлежащих условий исполнения налоговой обязанности, что предполагает определение всех элементов налогообложения, включая объект налогообложения, налоговую базу, порядок исчисления и уплаты налога. При этом, налоги устанавливаются законодателем в соответствии с сущностью каждого из них и как элементы единой налоговой системы, параметры и условия функционирования которой применительно к каждому налогоплательщику определяются объективными закономерностями и требованиями, включая их экономическую обоснованность и недопустимость произвольного установления.

Надлежащий правовой характер деятельности уполномоченных органов и должностных лиц, связанных с изъятием средств налогообложения означает определение федеральным законодательством системы налоговых органов, относя-

щихся к федеральным экономическим службам, их задачи, функции, формы и методы деятельности, порядок проверки правильности исчисления и своевременности уплаты налогов и сборов.

Учитывая вышеизложенное, приходим к следующему. Отметим, что, если налогоплательщик нарушил законодательство о налогах и сборах, исказил свои реальные налоговые обязательства, умышленно или по неосторожности, ошибке, непосредственно сам налог должен быть рассчитан правильно, и верно т.е. так, чтобы с нарушителя была взыскана именно та сумма, в том размере, которую определил изначально законодатель в первоочередном порядке для него с учетом определенной хозяйственной операции и которая была бы уплачена, если бы налогоплательщиком не было допущено искажение налоговых обязательств в действительности. Указанное правило очень важно учитывать при квалификации налоговых преступлений по ст. 198, ст. 199 УК РФ, применяя налоговую реконструкцию при агрессивной налоговой оптимизации.

Следует указать, что для расчета соответствующего налога требуется произвести так называемую налоговую реконструкцию - определить, какие сделки, операции на самом деле (с учетом их правильной квалификации и действительного налогового смысла) имели место в действительности и как их следовало отразить в бухгалтерском и налоговом учете налогоплательщика.

К сожалению, за почти четверть века действия Налогового кодекса РФ законодатель не установил подробностей исчисления налогов для подобной ситуации: какие именно факты и обстоятельства должны приниматься во внимание, кто и когда производит корректировку, как распределяется бремя доказывания и т.д. Нечто подобное было заложено в идею расчетного метода, который упомянут в ст. 31 НК РФ, но как раз этот подход на практике для определения ДНО используется редко. Можно сказать практически единичные случаи. О возможности применения расчетного метода при определении действительной налоговой обязанности для реконструкции налога на прибыль организаций, НДС следует написать отдельную научную работу, поскольку затронуть надлежащим образом наиболее полно данный вопрос не представляется возможным в рамках данного исследования.

Обращаем особое внимание, что расчетный метод определения действительной налоговой обязанности при отказе от налоговой реконструкции налога на прибыль организаций, НДС имеет важное значение при квалификации налоговых преступлений по ст. 198, ст. 199 УК РФ. Указанный факт требует особого осмысления и научного обоснования.

В Постановлении от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» Пленум ВАС РФ разъяснял, что объем прав и обязанностей налогоплательщика должен определяться судами, «исходя из подлинного экономического содержания соответствующей операции». Однако в 2017 году ФНС России сообщило нижестоящим инспекциям о том, что после вступления в силу статьи 54.1 НК РФ не применяются понятия, отраженные в Постановлении Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 (Письмо ФНС России от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123@ «О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации») [17].

В свою очередь, в письме ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-7/16152@ говорится, что налоговый орган не определяет расчетным путем объем прав и обязанностей налогоплательщика, допустившего искажение действительного экономического смысла финансово-хозяйственной операции. То есть при применении норм статьи 54.1 НК РФ не применяется расчетный способ определения размера налоговой обязанности, установленный статьей 31 НК РФ. В нормах ст. 54.1. НК РФ и письме ФНС России от 31 октября 2017 г. № ЕД-4-9/22123@ отсутствуют положения, позволяющие провести налоговую реконструкцию по налогу на прибыль организаций при отсутствии спора о реальности поставки товара и несения соответствующих расходов. Более того, в письме ФНС России от 16 августа 2017 г. № СА-4-7/16152@ было указано, что при невыполнении хотя бы одного из условий п. 2 ст. 54.1 НК РФ налоговый орган доначисляет соответствующие налоги в полном размере без осуществления «налоговой реконструкции».

Аналогичной позиции придерживался и Минфин России (письмо от 13 декабря 2019 г. № 01-03-11/97904 и т.д.).

В результате между основными началами налогообложения и доначислениями по итогам налоговой проверки усматриваем огромный законодательный пробел, который вынуждена восполнять правоприменительная практика. И здесь в последние годы произошло много интересного: необходимо сказать о письме ФНС России от 10 марта 2021 года № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» [18] и нескольких важных определений СКЭС Верховного Суда РФ по налоговым спорам.

Заметим, что письмо, и названные решения Верховного Суда РФ касаются примерно одной, пусть и весьма распространенной, проблемы: сделок с недобросовестными поставщиками (распространенной в последнее время). В связи с

чем, убеждены что, назрела необходимость разработки обоснованных методических подходов к расчету ДНО при расследовании и квалификации налоговых преступлений по ст. 198, ст. 199 УК РФ. Эта задача достаточно важная, значимая и первостепенная в настоящее время перед финансовой системой РФ.

Заметим, что Д.С. Полозков связывает принцип определения ДНО с расчетным методом, применение которого возможно в силу права, предусмотренного подп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ [19]. В то же время А.В. Ильин отмечает несправедливость расчетного метода определения ДНО в ряде случаев. Вопрос применения метода определения ДНО тесно коррелирует с понятием справедливости налогообложения [20-23]. Э.Ю. Каверина отмечает, что ДНО - это справедливое налоговое обязательство, рассчитанное исходя из подлинного экономического смысла (содержания) операций и реального характера сделок, осуществленных налогоплательщиков. В этой связи проверка налогового обязательства налогоплательщика налоговым органом должна осуществляться не только в направлении выявления занижения обязательства, но и в направлении его завышения [24-25]. Тем не менее анализ, проведенный В.Э. Шкаевой, показал, что налоги, уплаченные до пересчета ДНО, которые могли бы быть применены уже при расчете ДНО, не учитываются [26].

Необходимо сказать о фискальной специфике признания ДНО, а именно степень применимости концепции ДНО к различным налогам. Одни авторы приходят к выводу, что с определенными ограничениями о концепции ДНО можно говорить применительно к НДФЛ, налогу на прибыль организаций; но по отношению к косвенным налогам данная концепция уже давно неприменима в силу жестких формальных ограничений прав на вычеты [27]. Другие, наоборот, отмечают, что ДНО широко применяются в косвенных налогах и должны определяться исходя из реальных показателей добавленной стоимости [28]. Отмечается также вариативность подходов к расчету ДНО у различных государственных органов, что нарушает принцип определенности налогообложения. В частности, разнородность подходов к определению ДНО у налоговых органов и правоохранительных органов при определении размера ущерба. Указанную разобщенность необходимо устранять путем выработки единых правовых подходов при установлении признаков преступления по ст. 198, ст. 199 УК РФ.

Обращаем внимание, что ФНС России в целях единообразного применения положений ст. 54.1 НК РФ при доначислениях налогов по взаимоотношениям налогоплательщика с «техническими» организациями, не исполняющими своих налоговых обязательств, Письмом от 10.10.2022 № БВ-4-7/13450@ направила обзор судебной практики по вопросам установления ДНО налогоплательщика по итогам налоговой проверки. В указанном письме отмечено следующее.

В настоящее время судебной практикой сформулирован подход, согласно которому выявление необоснованной налоговой выгоды не предполагает определения налоговой обязанности в более высоком размере (что, по сути, означало бы применение санкции), а может служить основанием для доначисления суммы налога, подлежащей уплате в бюджет, таким образом, как если бы налогоплательщик не злоупотреблял правом (определения ВС РФ от 30.09.2019 № 307-ЭС19-8085, от 28.10.2019 № 305-ЭС19-9789).

Как неоднократно указывалось в решениях Конституционного Суда РФ, налоговые органы не освобождаются от обязанности в рамках контрольных процедур принимать исчерпывающие меры, направленные на установление действительного размера налогового обязательства налогоплательщика, что исключало бы возможность вменения ему налога в размере большем, чем это установлено законом (постановления КС РФ от 28.03.2000 № 5-П, от 17.03.2009 № 5-П, от 22.06.2009 № 10-П, Определение КС РФ от 27.02.2018 № 526-О).

Признание налоговой выгоды необоснованной в случаях, если для целей налогообложения учтены операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом или учтены операции, не обусловленные разумными экономическими или иными причинами (целями делового характера), предполагает доначисление суммы налогов и сборов, подлежащих уплате в бюджет, так, как если бы налогоплательщик не злоупотреблял правом, на основании соответствующих положений Налогового кодекса РФ (определения КС РФ от 26.03.2020 № 544-О, от 04.07.2017 № 1440-О).

На необходимость определения объема прав и обязанностей налогоплательщика исходя из подлинного экономического содержания соответствующей операции свидетельствует сложившаяся судебная практика.

На основе вышеприведенных позиций сложились определенные устойчивые тенденции в применении судами положений п. 2 ст. 54.1 НК РФ при определении действительного размера налоговых обязательств налогоплательщиков. На эти тенденции ФНС России указала в Письме № БВ-4-7/13450@. Налогоплательщик, использующий формальный документооборот с участием компаний, изначально не ведущих реальной экономической деятельности («технических» компаний), вправе учесть фактически понесенные расходы при исчислении налога на прибыль в случае

предоставления им (наличия у налогового органа) сведений и документов, позволяющих вывести фактически совершенные хозяйственные операции из не облагаемого налогами оборота. При этом расчетный способ определения суммы налога (предусмотренный п. 7 ст. 31 НК РФ) в указанных случаях не применяется. Данные выводы содержатся в определениях ВС РФ от 19.05.2021 № 309-ЭС20-23981 по делу № А76-46624/2019 (включено в Обзор судебной практики ВС РФ № 3 (2021), утвержденный Президиумом ВС РФ 10.11.2021), от 01.11.2021 № 305-ЭС21-15612 по делу № А40-77108/2020.

Если в цепочку поставки товаров включены «технические» компании и в распоряжении налогового органа имеются сведения и доказательства, в том числе раскрытые налогоплательщиком-покупателем, позволяющие установить лицо, которое действовало в рамках легального хозяйственного оборота (осуществило фактическое исполнение по сделке с товаром и уплатило причитавшиеся при ее исполнении суммы налогов), то необоснованной налоговой выгодой покупателя может быть признана та часть расходов, учтенных при исчислении налога на прибыль и примененных им вычетов по НДС, которая приходится на наценку, добавленную «техническими» компаниями. Данный вывод содержится в Определении ВС РФ от 15.12.2021 № 305-ЭС21-18005 по делу № А40-131167/2020. Необходимо сказать о том, что согласно данному Определению ВС РФ проведение налоговой реконструкции, имеющей целью установление истинного размера налоговой обязанности налогоплательщика, хотя бы и допустившего злоупотребление, в условиях действительного (реального) совершения тех хозяйственных операций, которые повлекли затраты налогоплательщика для целей предпринимательской деятельности и получения налогооблагаемой прибыли, не может быть поставлено в зависимость от факта раскрытия налогоплательщиком сведений о действительном поставщике и параметрах совершенных с ним операций. Ведь позиция налогоплательщика при проведении мероприятий налогового контроля, при которой им не раскрываются такие сведения, может быть основана на оспаривании переквалификации спорных правоотношений, которую проводит налоговый орган в ходе проверки (и в дальнейшем - в процессе судебного разбирательства). Напротив, раскрытие рассматриваемой информации означало бы согласие налогоплательщика с подходом инспекции относительно обоснованности переквалификации спорных операций, что не соответствовало бы действительной позиции налогоплательщика. А по существу - лишало бы его права на защиту (что отмечено в Определении ВС РФ от 31.01.2018 № 306-КГ17-15420).

Следовательно, даже умышленный характер налогового правонарушения и отказ налогоплательщика от так называемого «сотрудничества» с инспекцией не могут быть веской причиной для отказа в налоговой реконструкции, поскольку сам по себе факт получения необоснованной налоговой выгоды не является поводом для изменения порядка определения недоимки и для взимания налога в относительно большем размере, что крайне важно учитывать при квалификации налоговых преступлений по ст. 198, ст. 199 УК РФ.

Как подчеркнула ФНС России в п. 7 Письма от 02.03.2022 № БВ-4-7/2500@, налоговые органы не освобождаются от обязанности в рамках контрольных процедур принимать исчерпывающие меры, направленные на установление действительного размера налогового обязательства налогоплательщика, что исключало бы возможность вменения ему налога в размере большем, чем это установлено законом. Раскрытие налогоплательщиком после окончания налоговой проверки «фактического» контрагента посредством подачи уточненных налоговых деклараций за уже проверенный период, совершенное после вступления в силу решения налогового органа по результатам проверки, не допускает формального подхода со стороны как судов, так и налогового органа и влечет необходимость оценки доводов налогоплательщика о раскрытии им «фактического» контрагента. Данный вывод содержится в Определении ВС РФ от 12.04.2022 № 302-ЭС21-22323 по делу № А10-133/2020.

При принятии судом дополнительных доказательств, представленных налогоплательщиком и раскрывающих, по его мнению, «фактического» контрагента, налоговому органу необходимо исключить формальную позицию по делу и оценить относимость, допустимость, достоверность каждого вновь представленного доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности.

Данные выводы содержатся в Постановлении АС ЦО от 26.05.2022 № Ф10-1433/2022 по делу № А64-654/2020 (Определением ВС РФ от 22.08.2022 № 310-ЭС22-13933 оставлено в силе).

Исключается возможность применения вычетов по НДС полностью или в соответствующей части в ситуациях, когда налогоплательщик участвовал в согласованных с иными лицами действиях, направленных на неправомерное уменьшение налоговой обязанности за счет искусственного наращивания стоимости товаров (работ, услуг) без формирования источника вычета (возмещения) налога, или во всяком случае, если ему было известно о действиях иных лиц, уклоняющихся от уплаты НДС в процессе обращения товаров (работ, услуг).

Иными словами, когда контрагент не исполняет обязанности по уплате НДС, то отказ в вычете этого налога должен производиться, если налоговым органом доказано, что налогоплательщик знал о налоговых правонарушениях, допущенных контрагентом, и извлекал выгоду из его противоправного поведения за счет причинения ущерба бюджету.

Данный вывод содержится в Определении ВС РФ от 25.01.2021 № 309-ЭС20-17277 по делу № А76-2493/2017 (включено в Обзор судебной практики ВС РФ № 2 (2021), утвержденный Президиумом ВС РФ 30.06.2021).

Доначисление налогов должно быть произведено так, как если бы договоры были напрямую заключены между налогоплательщиком и реальными исполнителями.

Необходимость учета при определении размера недоимки по налогу на прибыль и НДС параметров реального исполнения, отраженных в финансово-хозяйственных документах лиц, осуществивших фактическое исполнение по сделкам в рамках легального хозяйственного оборота, при нахождении в распоряжении налогового органа сведений и документов, которые позволяют установить данных лиц, отмечена также в постановлениях АС ПО от 25.02.2022 № Ф06-13798/2021 по делу № А12-5451/2021, АС МО от 25.02.2022 № Ф05-1260/2022 по делу № А41-20602/2021, АС ДВО от 10.03.2022 № Ф03-15/22 по делу № А16-883/2019 (Определением ВС РФ от 18.12.2020 № 303-ЭС20-19678 оставлено в силе).

Анализ вышеизложенного позволяет сделать вывод о том, что ученые в области налогового права провели соответствующие комплексные научные исследования в результате законодательных новелл, которые безусловно отразятся на формирование обновленных уголовно-правовых запретов в контексте ст. 198, ст. 199 УК РФ. Однако ученые в области уголовного права [29-36] оставили без должного внимания законодательные новации в контексте реализации налоговой реконструкции при агрессивной налоговой оптимизации при характеристике составов налоговых преступлений, установленных положениями ст. 198, ст. 199 УК РФ.

Подводя итоги проведенного исследования следует отметить следующее.

Необходимо сказать о Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления». Данное постановление Пленума ВС РФ полностью основано на правовых позициях, изложенных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 года № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления», которое было признано утратившим силу, но учитывает все изменения уголовного, уголовно-процессуального и гражданского законодательства Российской Федерации, произошедшие за 13 лет. Считаем, что действующая редакция постановления Пленума ВС РФ позволяет рассматривать уклонение от уплаты налогов в качестве преступления со смешанным составом, а не материальным. Отметим, что определенная неурегулированность законодательных новаций в области налогообложения оставлены без внимания Верховным Судом РФ при определении иных способов совершения налоговых преступлений по ст. 198, ст. 199 УК РФ, которая может привести к более узкому истолкованию судами указанной уголовно-правовой нормы. Что фактически будет декриминализацией деяний. Убеждены, что есть ряд вопросов, связанных с тем, что в данном акте не отражены нормы действующего налогового законодательства, которые неоднократно претерпевали изменения.

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют сделать отдельные, предварительные выводы, представляющие интерес для дальнейшего научного изучения актуальных вопросов правовой квалификации налоговых преступлений по ст. 198, ст. 199 УК РФ, применяя налоговую реконструкцию при незаконной налоговой оптимизации.

Криминальное экономическое поведение субъектов налогообложения становится обычным условием их существования и деятельности. Среди субъектов экономической деятельности сформировался определенный круг физических лиц и организаций, изначально настроенных на минимизацию налогов, на агрессивные схемы налогового планирования, оптимизации, уклонения от уплаты налоговых платежей. Это обусловливает необходимость активной борьбы с данными правонарушениями, и в первую очередь – преступлениями путем создания эффективных и результативных уголовно-правовых запретов в РФ.

В современный период проблемы, касающиеся уклонения от уплаты налоговых платежей, весьма актуальны во всем мире, в том числе и в России. Установление действительного размера налоговых обязательств, как это следует из основных принципов налогообложения в Российской Федерации согласно действующему Налоговому кодексу РФ, не должно приводить к более обременительному налогообложению налогоплательщиков, созданию дополнительных ограничений и обременений в налоговом администрирова-

нии - в ином случае весь механизм борьбы с налоговыми правонарушениями и преступлениями выполнял бы не восстановительно-фискальную функцию, а исключительно карательную.

Убеждены, что унификация подходов к определению размера ДНО способствует повышению прозрачности и стабильности налоговой системы РФ, нацелена на повышение результативности налогового контроля. В совокупности все перечисленные факторы будут проявляться в усилении реализации таких принципов налогообложения, как справедливость и экономическая обоснованность (за счет пресечения фактов завышения и занижения налоговых обязательств), определенность (за счет повышения прозрачности механизмов определения ДНО) и не только.

Постановления Пленума ВС РФ представляют собой акты официального толкования норм права (судебного толкования), которые имеют незаменимую и важную роль в формировании действенных уголовно-правовых запретов и в частности в отношении налоговых преступлений - эффективном функционировании налоговой системы в целом, с целью разъяснения наиболее сложных правовых норм и юридических конструкций; направлены на выработку единого похода в судебной практике по наиболее сложным вопросам и спорным ситуациям. Учитывая активное изменение норм действующего налогового законодательства, полагаем, что назрела необходимость издания нового Постановления Пленума ВС РФ о налоговых преступлениях, в котором будут отражены все актуальные вопросы в области налоговых обязательств, а также вопросы ответственности за налоговые преступления.

Выявленные в ходе проведенного исследования проблемы учитывают сложившуюся судебную практику, теоретический базис формирования системы налогового контроля и представляют собой основные направления развития для реализации комплекса мер по систематизации этапов определения ДНО, каждый из которых подлежит дальнейшей конкретизации, детализации по следующим направлениям: фиктивные сделки с «техническими» компаниями; дробление бизнеса; подмена одной сделки другой; сокрытие или искажение информации, которая нужна для верной квалификации правоотношений; необоснованное применение льгот или пониженных ставок.

Проанализируемые в настоящей статье отдельные положения действующего налогового законодательства РФ выступают предпосылками для преобразования действующего УК РФ в контексте существования налоговой реконструкции, что предполагает появление новых институтов уголовного права и реновацию ранее действующих. Убеждены, что предлагаемые авторами разработанные надлежащие концептуальные правовые основания для привлечения к уголовной ответственности, в рамках существующей налоговой реконструкции при квалификации налоговых преступлений по ст. 198 и ст. 199 УК РФ будут услышаны законодателем и научным сообществом.

Надеемся, что проведенное авторами исследование позволит пересмотреть концептуальные положения науки уголовного права, в контексте налоговых преступлений с применением незаконной налоговой оптимизацией, основные элементы состава налоговых преступлений, в аспекте введения института налоговой реконструкции налогоплательщика в налоговую систему РФ.

Список литературы:

[1] Цинделиани И.А., Садовская Т.Д., Васильева Е.Г., Попкова Ж.Г. Цифровизация налоговой системы государства как фактор модернизации правового регулирования налоговых правоотношений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2025. – № 5. – С. 160-174.

[2] Институты бюджетного и налогового права в условиях развития цифровой экономики: монография / под ред. И.А. Цинделиани. – Москва: Проспект, 2024. – С. 292.

[3] Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 07.05.2024 № 309 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

[4] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Российская газета. 2024. 01 марта.

[5] Цинделиани, И. А. Попкова Ж.Г. Васильева Е.Г. Налоговая реконструкция как часть современной правовой реальности // Финансовое право. – 2023. – № 7. – С. 14-22.

[6] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ (в ред. от 11 февраля 2026 года) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31 (часть I). Ст. 3824. Собрание законодательства РФ. 2026. № 7. Ст. 615.

[7] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. Собрание законодательства РФ. 2026. №15. Ст. 1867.

[8] Булавко, А.А., Васильева Е.Г. Уголовно-правовая оценка уклонения от уплаты налогов

в связи с введением в налоговое законодательство ЕНС и ЕНП // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 10-3 (85). С. 28-33.

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1.

[10] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[11] Постановление Пресненского районного суда Москвы от 25.06.2018 по делу № 01-0002/2018; Апелляционное постановление Московского городского суда от 04.03.2020 по делу № 10-4590/2020; Апелляционное постановление Московского городского суда от 21.04.2020 по делу № 10-7800/2020.

[12] Письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 НК РФ» // СПС КонсультантПлюс.

[13] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

[14] Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.

[15] Определение КС РФ от 27 февраля 2018 года № 526-О; Постановление КС РФ от 28 марта 2000 года № 5-П; Постановление КС РФ от 17 марта 2009 года № 5-П; Постановление КС РФ от 22 июня 2009 года № 10-П // СПС КонсультантПлюс.

[16] Обзор практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.12.2023) // СПС КонсультантПлюс.

[17] Письмо ФНС России от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123@ «О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

[18] Письмо ФНС России от 10 марта 2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

[19] Волженкин Б.В. О некоторых спорных вопросах ответственности за преступления в сфере налогообложения (налоговые преступления) // Актуальные проблемы юридической ответственности за нарушения в сфере экономической деятельности и налогообложения: материалы научно-практической конференции. - Ярославль, 2019. - С. 13-16.

[20] Косенкова Ю.Ю. Формирование методики определения действительных налоговых обязательств в случае необоснованного применения налоговых льгот и пониженных ставок налогов // Налоги и налогообложение. 2024. № 6. DOI: 10.7256/2454-065X.2024.6.71716 EDN:LOYVQVURL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71716 (дата обращения: 25.05.2026).

[21] Ильин А.В. Учет сумм НДС в качестве прочих расходов налогоплательщика // Экономика. Налоги. Право. 2020. №13 (3). С. 144-151.

[22] Ильин А.В. Теория и практика определения действительного налогового обязательства индивидуального предпринимателя по НДФЛ // Экономика. Налоги. Право. 2023. № 16(5). С. 125-136.

[23] Ильин А.В. Действительное налоговое обязательство организации по налогу на прибыль: проблемы теории и практики // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. № 4. С. 100-125.

[24] Каверина Э.Ю. Действительное налоговое обязательство: сущность понятия, правовое обоснование и особенности расчета // Финансы и кредит. 2022. Т. 28, № 9. С.2102 – 2118.

[25] Каверина Э.Ю. Методика налоговой реконструкции как процедуры определения размера действительного налогового обязательств // Актуальные вопросы налогообложения, налогового администрирования и экономической безопасности. Курск, 2022. С. 136-145.

[26] Шкаева В. Э. Определение действительных налоговых обязательств по ст. 54.1 и проблемы реконструкции при «дроблении» бизнеса // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 9(43). С. 231-233.

[27] Попкова Ж.Г. Проблемы концепции действительного размера налогового обязательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 1. С. 142-147.

[28] Тихонова А.В. Разработка единой методики определения действительных налоговых обязательств // Финансы. 2024. № 4. С. 36-43.

[29] Волженкин Б. В. О некоторых спорных вопросах ответственности за преступления в сфере налогообложения (налоговые преступления) // Актуальные проблемы юридической ответственности за нарушения в сфере экономической деятельности и налогообложения: материалы научно-практической конференции. - Ярославль, 2001. - С. 13-16.

[30] Дашков Г.В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / под ред. Н. Г. Кадникова. - М.: Городец, 2020. - 704 с.

[31] Есаков Г.А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. - 7-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2021. - 512 с.

[32] Кашубин Д.Ю. Налоговые преступления в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 2020.

[33] Козин А.Г. Противоречия норм о налоговых преступлениях: вопросы теории и практики // Налоговые споры. - 2009. - № 2. С. 14.

[34] Рубцова А.С., Устинова Т.Д. Уклонение от уплаты налогов: проблемы правоприменения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 1(10). С. 135-142.

[35] Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). - М.: Волтерс Клувер, 2006. - 150 с.

[36] Соловьев О.Г. О необходимости нормативной модернизации признаков предмета налоговых преступлений (ст. 198-199.1 УК РФ) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. - 2016. - № 3. - С. 18-21.

References:

[1] Tsindeliani I.A., Sadovskaya TD, Vasilyeva E.G., Popkova J.G. Digitalization of the state tax system as a factor in the modernization of legal regulation of tax relations//Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. – 2025. – № 5. - S. 160-174.

[2] Institutions of budget and tax law in the development of the digital economy: monograph/ed. I.A. Tsindeliani. - Moscow: Prospect, 2024. - S. 292.

[3] Decree of the President of the Russian Federation "On national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036" dated 07.05.2024 No. 309//Collection of legislation of the Russian Federation. 2024. № 20. Art. 2584.

[4] Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly from the 29.02.2024 "Address of the President to the Federal Assembly "//Rossiyskaya Gazeta. 2024. March 01.

[5] Tsindeliani, I. A. Popkova Zh.G. Vasilyeva E.G. Tax reconstruction as part of modern legal reality//Financial law. – 2023. – № 7. - S. 14-22.

[6] Tax Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 146-FZ of July 31, 1998 (as amended on February 11, 2026)//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31 (Part I). Art. 3824. Collection of legislation of the Russian Federation. 2026. № 7. Art. 615.

[7] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 09.04.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954. Collection of legislation of the Russian Federation. 2026. №15. Art. 1867.

[8] Bulavko, A.A., Vasilyeva E.G. Criminal law assessment of tax evasion in connection with the introduction of ENS and EPP into tax legislation// International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. № 10-3 (85). S. 28-33.

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.11.2019 No. 48 "On the Practice of Courts Applying Legislation on Liability for Tax Crimes "//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. № 1.

[10] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 09.04.2026) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

[11] Resolution of the Presnensky District Court of Moscow dated 25.06.2018 in case No. 01-0002/2018; Appeal ruling of the Moscow City Court of 04.03.2020 in case No. 10-4590/2020; Appeal ruling of the Moscow City Court of 21.04.2020 in case No. 10-7800/2020.

[12] Letter of the Federal Tax Service of Russia dated March 10, 2021 No. BV-4-7/3060@ "On the practice of applying Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation "//SPS ConsultantPlus.

[13] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated 21.07.2014 No. 11-FKZ)//NW RF. 2014. № 31. Art. 4398.

[14] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 12.10.2006 No. 53 "On the Assessment by Arbitration Courts of the Validity of the Taxpayer Receiving Tax Benefits "//Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2006. № 12.

[15] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 27, 2018 No. 526-O; Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 28, 2000 No. 5-P; Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 17, 2009 No. 5-P; Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 22, 2009 No. 10-P//SPS Consultant Plus.

[16] Review of the application by arbitration courts of tax and fee legislation related to the assessment of the reasonableness of a tax benefit (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 13.12.2023) //SPS ConsultantPlus.

[17] Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 31.10.2017 No. ED-4-9/22123@ “On Recommendations for the Application of the Provisions of Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation “//SPS Consultant Plus.

[18] Letter of the Federal Tax Service of Russia dated March 10, 2021 No. BV-4-7/3060@ “On the practice of applying Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation “//SPS ConsultantPlus.

[19] Volzhenkin B.V. On some controversial issues of liability for crimes in the field of taxation (tax crimes)//Actual problems of legal liability for violations in the field of economic activity and taxation: materials of a scientific and practical conference. - Yaroslavl, 2019. - S. 13-16.

[20] Yu.Yu. Kosenkova. Formation of a Methodology for Determining Valid Tax Liabilities in Case of Unjustified Application of Tax Benefits and Reduced Tax Rates//Taxes and Taxation. 2024. № 6. DOI: 10.7256/2454-065X.2024.6.71716 EDN: LOYVQ-VURL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71716 (Accessed: 25.05.2026).

[21] Ilyin A.V. Accounting of VAT amounts as other expenses of the taxpayer//Economics. Taxes. Right. 2020. №13 (3). S. 144-151.

[22] Ilyin A.V. Theory and practice of determining the actual tax liability of an individual entrepreneur for personal income tax//Economics. Taxes. Right. 2023. № 16(5). S. 125-136.

[23] Ilyin A.V. Actual tax liability of the organization for income tax: problems of theory and practice// Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Economics. Management. Right. 2023. № 4. S. 100-125.

[24] Kaverina E.Yu. Valid tax liability: essence of the concept, legal justification and peculiarities of calculation//Finance and credit. 2022. T. 28, NO. 9. S.2102 - 2118.

[25] Kaverina E.Yu. Methodology of tax reconstruction as a procedure for determining the amount of valid tax liabilities//Current issues of taxation, tax administration and economic security. Kursk, 2022. S. 136-145.

[26] Shkaeva V. E. Determination of valid tax liabilities under Art. 54.1 and reconstruction problems during business “split “//Scientific electronic journal Meridian. 2020. № 9(43). S. 231-233.

[27] Popkova Zh.G. Problems of the concept of the actual amount of tax liability//Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2020. № 1. S. 142-147.

[28] A.V. Tikhonova. Development of a unified methodology for determining valid tax liabilities// Finance. 2024. № 4. S. 36-43.

[29] Volzhenkin B.V. On some controversial issues of liability for crimes in the field of taxation (tax crimes)//Actual problems of legal liability for violations in the field of economic activity and taxation: materials of a scientific and practical conference. - Yaroslavl, 2001. - S. 13-16.

[30] Dashkov G.V. Criminal law. General and Special parts: textbook for universities/ed. N. G. Kadnikova. - M.: Gorodets, 2020. - 704 s.

[31] Yesakov G.A. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation/rev. ed. A.I. Rarog. - 7th ed., Revised. and add. - M.: Prospect, 2021. - 512 s.

[32] D.Yu. Kashubin. Tax Crimes in Russian Criminal Law: Abstract. diss.... cand. jurid. sciences. - M., 2020.

[33] Kozin A.G. Contradictions of tax crime norms: questions of theory and practice//Tax disputes. - 2009. - № 2. S. 14.

[34] Rubtsova A.S., Ustinova TD Tax evasion: problems of law enforcement//Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). 2022. № 1(10). S. 135-142.

[35] Lopashenko N. A. Crimes in the field of economics: Author’s commentary on the criminal law (section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation). - M.: Wolters Kluver, 2006. - 150 s.

[36] Soloviev O.G. On the need for regulatory modernization of the signs of the subject of tax crimes (Articles 198-199.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)//Topical issues of combating crimes. - 2016. - № 3. - S. 18-21.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-500-503

МЫКТЫБАЕВ Талгат Дуйсенбиевич,
кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры междисциплинарных программ и исследований
по юриспруденции Высшей школы правоведения ИПНБ
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
e-mail: myktybaev@mail.ru

ПРИЕМЫ ТРИЗ-ПЕДАГОГИКИ В ПРЕПОДАВАНИИ НАЛОГОВОГО ПРАВА

Аннотация. *В данной статье рассматривается применение приемов ТРИЗ-педагогики в преподавании налогового права с целью развития у студентов креативного мышления, системного подхода и навыков нестандартного решения задач. Автором дан опыт интеграции приемов ТРИЗ-педагогики в методику преподавания дисциплины «Налоговое право» и показаны преимущества этого подхода, такие как повышение эффективности обучения и развитие аналитических способностей.*

Ключевые слова: *налоговое право, приемы ТРИЗ-педагогики, системное мышление, аналитические способности.*

MYKTYBAEV Talgat Duisenbievich,
PhD (Engineering), Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Interdisciplinary Programs and Researchin Jurisprudence,
Higher School of Law, Institute of Scientific and Technical Sciences
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

TRIZ-BASED PEDAGOGY TECHNIQUES IN TEACHING TAX LAW

Annotation. *This article discusses the application of TRIZ-pedagogy techniques in teaching tax law in order to develop students' creative thinking, a systematic approach and skills of non-standard problem solving. The author gives the experience of integrating the techniques of TRIZ pedagogy into the methodology of teaching the discipline "Tax Law" and shows the advantages of this approach, such as improving the effectiveness of teaching and developing analytical abilities.*

Key words: *Tax law, methods of TRIZ-pedagogy, system thinking, analytical abilities.*

В современном мире налоговое право является одной из ключевых отраслей права, которая имеет огромное значение для функционирования экономики и общества в целом. Понимание налогового права, толкование и применение его норм становятся критически важными навыками для студентов, будущих юристов, экономистов и предпринимателей. Умение применять их в практических ситуациях становится неотъемлемым элементом успеха в профессиональной карьере [1].

Кучеров И.И. [2] указывал, что ряд аспектов, характеризующих сложность в понимании налогового права, требует более, чем серьезного подхода в деле изучения и применения налогового права. Через более глубокое понимание особенностей преподавания дисциплины «Налоговое право» можно оценить его важность в формировании компетентных специалистов и предложить рекомендации для дальнейшего совершенствования образовательного процесса. Поэтому обучение студентов налоговому праву – это сложный и ответственный процесс, который требует от преподавателей использования инновационных методов и подходов. Соответственно, встает вопрос об использовании современных методик преподавания указанной дисциплины.

Одним из актуальных подходов в обучении налогового права является применение приемов ТРИЗ-педагогики, основанной на теории решения изобретательских задач (ТРИЗ). Эта методика предназначена для развития у обучающихся системного подхода к решению проблем, креативного мышления и поиску нестандартных, инновационных решений. В рамках ВУЗовских учебных программ ТРИЗ-педагогика уже применяется для подготовки студентов к будущей профессиональной деятельности, прививая им навыки анализа проблем, поиска альтернативных решений и развития творческого потенциала. ТРИЗ-педагогика предоставляет преподавателям инструменты для стимулирования творческого мышления и развития критического мышления у студентов, что особенно важно в области налогового права, где необходимо анализировать сложные ситуации и находить нестандартные, а иногда и креативные, решения.

Еще одним преимуществом интеграции приемов и методов ТРИЗ-педагогики в методику преподавания учебной дисциплины «Налоговое право» является развитие самого преподавателя. Конечно, внедрение ТРИЗ-педагогики в учебный процесс потребует от преподавателей особых знаний и навыков, поэтому необходимо будет обеспечить соответствующую подготовку и поддержку для преподавателей, чтобы они могли успешно применять эти приемы в своей работе.

Основными принципами ТРИЗ-педагогики являются принципы: свободы выбора, открытости, деятельности, обратной связи, идеальности, о которых более подробно можно узнать из трудов Гина А.А. [3] Использование ТРИЗ-педагогики может повысить эффективность обучения налоговому праву. Методика предлагает различные приемы, инструменты и алгоритмы для стимулирования учебного процесса и активизации студентов, что может привести к более глубокому усвоению материала и повышению интереса к предмету.

В этой статье мы рассмотрим, какие преимущества может принести применение приемов ТРИЗ-педагогики на занятиях по дисциплине «Налоговое право», в том числе повышение креативности и развитие аналитических навыков студентов. Также будут предложены примеры интеграции приемов и методов ТРИЗ-педагогики в методику преподавания учебной дисциплины «Налоговое право» и их влияние на развитие творческого мышления студентов в процессе изучения этой дисциплины.

Итак, приступим. При изучении темы источников налогового права для развития системного подхода можно дать задание студентам на занятии сравнить два понятия законодательства о налогах и сборах, данные в п. 1 и п.6 ст. 1 НК РФ. Чаще всего приходится напоминать, что просто сравнивать эти пункты не имеет смысла без проработки всех норм, находящихся между этими пунктами. Здесь мы используем прием системного анализа, который позволяет студентам изучать систему законодательства о налогах и сборах как сложную систему, состоящую из различных элементов и связей.

Тщательное исследование пунктов 2–5.1 НК РФ позволяет студентам сформировать в своем представлении систему законодательства о налогах и сборах, ее уровни и иерархию этих уровней. Попутно необходимо обратить внимание на предоставление приоритета Налоговому кодекса РФ перед иными нормативными правовыми актами, которые включаются в систему законодательства о налогах и сборах. Последнее красной нитью будет проходить через все нормы НК РФ. Итогом задания будет понимание, что понятие «законодательство РФ о налогах и сборах», которое дано в п. 1 ст.1 НК РФ представляет собой федеральный уровень, а в п. 6 это понятие используется в качестве системного, собирательного и обобщенного понятия, включающим в себя все возможные уровни и виды нормативных актов, входящих в понятие законодательства о налогах и сборах

П.8. данной статьи показывает в качестве примера, какие федеральные законы помимо НК РФ входят в федеральный уровень законодательства о налогах и сборах. Нормы указанного пункта также помогают понять предысторию появления таких специальных налоговых режимов, как налог на профессиональный доход и автоматизированная упрощенная система налогообложения.

Далее переходим к изучению достаточно «скучной» и «неинтересной» для студентов темы принципов налогового права на примере ст. 3 НК РФ. Первый этап изучения принципов налогового права проводится в игровой форме и заключается в том, что студентам предлагается соотнести пункты ст 3 НК РФ с названиями принципов налогового права из теории. Ответ должен быть грамотно обоснован. Затем ставим обратное задание – соотнести название принципа с содержанием, установленным в ст. 3 НК РФ.

Второй этап для более углубленного понимания смысла и содержания принципов состоит в том, что студенты должны найти 2 соседних принципа (пункта в статье 3), которые логически противоречат другу.

В соответствии с исследованиями и размышлениями приходим к выводу, что указанные принципы регулируются нормами пунктов 6 и 7 ст. 3 НК РФ. Решение заключается в том, что если, в соответствии с п. 6, акты законодательства о налогах и сборах должны быть сформулированы таким образом, чтобы каждый точно

знал, какие налоги (сборы, страховые взносы), когда и в каком порядке он должен платить, то не «работает» п. 7. Так как в этом случае не могут возникать неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах. Если же брать за основу п. 7, что такие неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах присутствуют, то тогда не выполняются требования п.6. Так как при наличии таких «… неясностей…» акты законодательства о налогах и сборах невозможно сформулировать принцип в соответствии с п. 6.

Далее, используем педагогический прием «обратиться к ранее известному». Исследуем нормы ст. 4 НК РФ, где студенты применяют знания в области административного права. Тогда становится понятным, почему именно Министерство финансов может издавать нормативные правовые акты в сфере налогов и сборов, а налоговые и таможенные органы лишены такого права.

Ст. 5 НК РФ является настоящим кладезем для развития системного и логического мышления, заставляющим обращаться к правовым знаниям, полученным по ранее изученным юридическим дисциплинам. В частности, для решения простейшей, на первый взгляд, задачи: Федеральным законом 09.01.2026 г. опубликован федеральный закон о введении нового налога на недвижимость. Какого числа вступит в силу данный федеральный закон?

Необходимо отметить, что до этого разбирается ситуация по общим правилам, когда вступают в силу акты законодательства о налогах. Автором предлагается разобрать ситуацию, когда федеральным законом вносятся изменения в НК РФ в части НДС.

При решении искомой задачи, как правило, студенты не сразу обращают внимание на условие «…не ранее 1 января года, следующего за годом их принятия», где ключевым является слово «принятие». Для его обоснования необходимо вспомнить теорию права и законотворческий процесс, урегулированный нормами Федерального закона от 14.06.1994 N 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания». Затем необходимо использовать производственный календарь. И только после этого можно прийти к правильному ответу.

Но базовой статьей для понимания налогового права и норм НК РФ является ст. 11 НК РФ. Изучение этой статьи позволяет усвоить особенности терминологии Кодекса и налогового права.

Норма п. 1 статьи 11 «Институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации, используемые в настоящем Кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом.» сразу вводит студентов в легкий ступор и около половины их сразу ошибочно толкуют ее неправильно. Они начинают считать, что институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации используются в их значении.

Применяем прием обратного мышления, который автор назвал «перевертыш», и начинаем осмыслять поэтапно с конца нормы. И получаем, что если НК РФ предусмотрены какие-либо институты, понятия и термины, аналогичные таковым в других отраслях законодательства Российской Федерации, то применяется терминология Налогового Кодекса РФ. Если же в НК РФ эти термины не предусмотрены, то только тогда мы имеем право обращаться в другие отрасли законодательства Российской Федерации и применять их институты, понятия и термины в том значении, как они установлены в этих отраслях.

В статье 19 НК РФ дается деление налогоплательщиков на организации и физических лиц. Статья 11 позволяет точнее понять их налогово-правовой статус. Для определения статуса организаций достаточно ответить на вопрос - для чего введено это понятие и как оно соотносится с термином «юридическое лицо» из ГК РФ?

Понятие «юридическое лицо», именно в трактовании ГК РФ, применяется в ст. 50 НК РФ, когда речь идет о реорганизации «классического» юридического лица, при этом Налоговым кодексом РФ вводятся свои особенности. К примеру, при выделении лица правопреемство по налоговым обязанностям не возникает, в то время как согласно статьям 57и 58 ГК РФ при такой форме реорганизации правопреемство по гражданским правам и обязанностям возникает. Здесь необходимо обратить внимание на возможность НК РФ вносить свои правила в реорганизацию юридических лиц, которое также установлено в ст. 57 ГК РФ, нормами которого предусмотрено, что другими законами могут устанавливаться какие-либо ограничения при реорганизации юридических лиц.

Даже понятие ликвидации Налоговый кодекс РФ применяет к организации, отличая его от банкротства. Хотя ст. 49 НК РФ имеет много бланкетных норм, отсылающих нас в гражданское и иные отрасли законодательства.

В отношении физических лиц необходимо составить классификацию физических лиц с учетом требований НК РФ.

Ст. 11 НК РФ устанавливается:

- физические лица - граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства;

- индивидуальные предприниматели - физические лица, зарегистрированные в установленном порядке и осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, главы крестьянских (фермерских) хозяйств. Физические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, но не зарегистрировавшиеся в качестве индивидуальных предпринимателей в нарушение требований гражданского законодательства Российской Федерации, при исполнении обязанностей, возложенных на них настоящим Кодексом, не вправе ссылаться на то, что они не являются индивидуальными предпринимателями;

Сопоставляя две соседние нормы, необходимо логическим путем прийти к правильному толкованию налогово-правового статуса через классификацию физических лиц. Как в математике выводим за скобки одинаковые термины «физические лица» и, соответственно, приходим к выводу, что налогово-правовой статус физических лиц определяется отношением к предпринимательской деятельности. То есть, физические лица разделяются на тех, которые занимаются предпринимательской деятельностью (индивидуальные предприниматели) и тех, которые таковую деятельность не осуществляют (физические лица, не относящиеся к индивидуальным предпринимателям). В подтверждение этой логики можно привести правовое регулирование взыскания задолженности по налогам таких лиц. Статьями 46 и 47 Налогового кодекса РФ предусмотрены процедуры и правила взыскания налоговой задолженности с индивидуальных предпринимателей. А с физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, взыскание недоимки проводится по другим правилам, которые даны в ст. 48. НК РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что преимуществами применения приемов ТРИЗ-педагогики являются развитие[4]:

– креативного мышления;
– системного подхода;
– навыков нестандартного решения задач

Кроме этого, использование приемов и методов ТРИЗ-педагогики увеличивает эффективность обучения[5].

В заключение можно сказать, что применение приемов ТРИЗ-педагогики в преподавании налогового права открывает новые перспективы для развития образовательного процесса в этой области. Оно позволяет студентам развивать свои аналитические и творческие способности, а также научиться применять полученные знания на практике. Это может помочь им стать успешными специалистами в сфере налогового права, способными решать сложные проблемы и привносить инновации в свою профессию. При этом внедрение ТРИЗ-педагогики требует подготовки и поддержки со стороны учебных заведений и преподавателей, чтобы обеспечить оптимальные условия для развития студентов и достижения улучшенных результатов в образовательном процессе.

Список литературы:

[1] Тютин Д.В. Налоговое право: курс лекций // СПС КонсультантПлюс. 2020. 1016 с.

[2] Кучеров И.И. Теория налогов и сборов (Правовые аспекты): Монография. М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2009. 473 с.

[3] Гин А.А. Приемы педагогической техники: Свобода выбора. Открытость. Деятельность. Обратная связь. Идеальность: Пособие для учителя / А.А. Гин. 13-е изд. М.: ВИТА-ПРЕСС, 2013. 112 с.

[4] Левенчук А. Системное мышление. Учебник. 2018. 699 с.

[5] Гин А.А. Г 49 Триз-педагогика: учим креативно мыслить / Анатолий Гин. М.: ВИТА-ПРЕСС, 2016. 96 с.

References:

[1] Tyutin D.V. Tax Law: Lecture Course // SPS ConsultantPlus. 2020. 1016 p.

[2] Kucherov I.I. Theory of Taxes and Fees (Legal Aspects): Monograph. Moscow: ZAO “YurInfoR”, 2009. 473 p.

[3] Gin A.A. Techniques of Pedagogical Technique: Freedom of Choice. Openness. Activity. Feedback. Ideality: A Teacher’s Manual / A.A. Gin. 13th ed. Moscow: VITA-PRESS, 2013. 112 p.

[4] Levenchuk A. Systems Thinking. Textbook. 2018. 699 p.

[5] Gin A.A. G 49 TRIZ Pedagogy: Teaching Creative Thinking / Anatoly Gin. M.: VITA-PRESS, 2016. 96 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-504-507

ХЛАПОТИН Юрий Николаевич,
преподаватель федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», e-mail: intelcenter@mail.ru

СИСТЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ У СТУДЕНТОВ ТВОРЧЕСКИХ ВУЗОВ. ЧАСТЬ 1.

Аннотация. *Статья посвящена проблеме формирования правосознания студентов творческих вузов в области интеллектуальной собственности. В статье предлагается авторская методика преподавания, основанная на принципах юридической герменевтики, кастомизации материалов под конкретную аудиторию, поэтапной диагностике и деловых играх. Особое внимание уделяется мотивации студентов через их профессиональные и финансовые интересы, а также через осознание юридических рисков. Статья адресована преподавателям права, юристам-практикам, работающим с творческими индустриями, и всем, кто заинтересован в повышении правовой грамотности творческой молодежи.*

Ключевые слова: *Правосознание индивидуальное, правосознание групповое, правосознание профессиональное, интеллектуальная собственность, авторское право, юридическая герменевтика, деловые игры, договор авторского заказа, лицензионный договор, отчуждение исключительного права, творческие вузы, когнитивные искажения, правовая грамотность, мотивация, страх как стимул.*

KHLAPOTIN Yuri Nikolaevich,
Lecturer at the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "A.N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art)"

THE SYSTEM OF TEACHING INTELLECTUAL PROPERTY LAW TO STUDENTS OF CREATIVE UNIVERSITIES: METHODOLOGY AND PRACTICE

Annotation. *This article addresses the problem of developing legal consciousness among students of creative universities in the field of intellectual property. Drawing on over 30 years of experience in legal support for authors and copyright holders, the author analyzes the root causes of low legal literacy and persistent cognitive distortions characteristic of creative professionals. The study challenges historically formed stereotypes about the "lawless genius" and proposes an original teaching methodology based on legal hermeneutics, customized learning materials, step by step diagnostics, and business simulation games. Special attention is given to motivating students through their professional and financial interests, as well as through awareness of real legal risks, including criminal liability. The author argues that a flexible, practice oriented approach can systematically transform both individual and group legal consciousness, turning the law from an obstacle into a working tool for creative success.*

Key words: *individual legal consciousness, group legal consciousness, professional legal consciousness, intellectual property, copyright law, legal hermeneutics, business simulation games, author's contract, license agreement, alienation of exclusive right, creative universities, cognitive distortions, legal literacy, motivation, fear as a stimulus.*

1. Введение: почему Я? Немного о себе

Более 30 лет я занимаюсь взаимодействием с творческими людьми — в качестве консультанта по управлению их интеллектуальной собственностью и множеству других юридических и практических вопросов.

Часто мне приходится быть своеобразным переводчиком при взаимодействии творческих

людей с представителями иных миров. Люди из бизнеса, чиновники и творческие люди, говоря на одном языке, не понимают друг друга. В таких случаях я беру на себя роль толкователя текстов и применяю юридическую герменевтику. Беру на себя роль адаптировщика, интерпретатора.

Анализируя проблемы и характерные ошибки, допускаемые творцами, я выявил фундаментальные недостатки в их правосознании, возникшие вследствие низкой юридической, правовой грамотности.

Но возникает вопрос: почему так?

Особенности нашего национального характера? Особенности их профессиональной психологии? Или кто-то за творческого человека решил, что он должен быть таким?

Искусство — продукт, сотворенный талантливыми людьми, будоражит сознание многих. А о чем в это время думает сам творец? Творческие и особенно талантливые люди чаще всего не соблюдают законы, и одна из главных причин — просто незнание и нежелание в них разбираться.

Вот так и сложилось у большинства общества странное мнение об этих «неудобных» людях.

Но кто-то однажды задал им этот неправильный вектор отношения к закону, к государству. Причем сделано это давно и сознательно. Это когнитивное искажение сформировано устойчиво и активно поддерживается веками.

Цель любой искусственно сформированной ошибки — сформировать когнитивное искажение действительности.

Творец — кумир для многих, богатых и бедных, ведет разгульную, распутную, аморальную, асоциальную жизнь. И эта модель жизни навязывается искусственно.

Всегда, вспоминая творцов, историки прежде всего рассказывают об их разгульной жизни. Может, кто-то за него решил, что творческий человек должен быть таким? Может, это искусственно созданный поток восприятия?

Талантливое произведение — это факт. Его антисоциальное поведение — легенды, мифы, преувеличенные сплетни.

Наша задача — системно сформировать правовое мышление студентов творческих вузов.

Процесс формирования правосознания у студентов творческих вузов многогранен и сложен. В данной статье мы затронем лишь некоторые аспекты, а именно два вида правосознания — индивидуальное и групповое.

2. Открытая система и роль преподавателя

Мы имеем дело с открытой системой, постоянно получающей информацию из внешней среды. На наших студентов внешняя среда безусловно оказывает свое влияние. Но мы можем каждый элемент системы превратить в составную часть учебного процесса. Это поможет приспосабливать законы к действительности — именно сейчас существующей окружающей действительностью.

Часто мы ставим перед собой вопросы:

– Каким должен быть сегодня хороший, талантливый студент-творец?
– Кто для них кумир? Кто для них сегодняшний герой?
– На что направлена собственная воля данного конкретного студента?
– Как воспитывать молодое поколение творческих людей и граждан страны?
– Как готовить кадры творческой молодежи?

Повышается роль и ответственность преподавателя. Повышается наша роль и наша ответственность. Наша работа на этих лекциях и семинарах может и должна изменить их мышление и правосознание.

Студентам нужны знания, которые могут быть полезны им здесь и сейчас. Знания практичные, перспективные, обладающие потенциалом. Знания, меняющие правосознание молодых людей.

Необходимо заинтересовать студентов в изучении действующего законодательства с первых секунд, с первых минут наших лекций. Это действие для получения желаемого результата.

Преподаватель должен сам иметь живой интерес. Преподаватель должен воодушевлять студентов на изучение предмета. Изучайте и перечитывайте гомилетику. У преподавателя и студентов должен быть один язык общения.

Мне есть о чем поговорить с моими студентами. Это моя субъективная позиция. Я рассматриваю этот вопрос, привнося в него личный опыт и личное отношение к теме. Это мой взгляд на формирование правосознания именно у молодежи творческих вузов.

Мой основной девиз для студентов: «Изучайте право. Составление планов и моделей собственной будущей творческой жизни невозможно без досконального знания своих прав и обязанностей. Настала новая реальность. Время шумных дураков закончилось. Нужно заниматься профессионально своим делом».

3. Диагностика правосознания: три этапа

Для выяснения структуры правосознания конкретной группы студентов необходимо получение информации о наличии знаний о законах — законах, которые необходимы студентам для их будущей профессиональной деятельности. В частности:

– Гражданского кодекса РФ (часть четвертая),

– Закона «О средствах массовой информации»,
– Трудового кодекса.

Данный этап — информационный.

На следующем этапе нам необходимо получить информацию о том, как студенты оценивают влияние этих законов на их профессиональную жизнь. Это своего рода оценочный этап.

И один из самых важных этапов — волевой. Получив информацию о законах, необходимых студенту в его будущей профессиональной деятельности, он сам решает, как будет использовать их для своего благополучия, для успешного извлечения прибыли.

Человечество меркантильно. Студентам всегда нужно напоминать: используя свой разум и интеллект, можно создавать произведения искусства, которыми будет восхищаться мир. Но результат своей интеллектуальной деятельности человек превращает в собственность — совокупность прав владения, пользования и распоряжения сотворенным. Следовательно, свой умственный труд и результат этого труда нужно охранять.

Это понимают все творческие люди. А вот как правильно заработать на созданных произведениях и как их охранять — мало кто понимает.

Однако если изучите Гражданский кодекс РФ, особенно его четвертую часть, вам будет проще это делать.

Вот это стимулирует. Очень стимулирует молодых творцов к изучению нашего законодательства. Это и может являться отправной точкой изменения правосознания группы ваших студентов.

Многолетние наблюдения на практике позволяют мне сделать вывод: главное — возбудить первичный интерес к изучению одной статьи или одного закона, чтобы началась цепная реакция.

Задействуем познавательную функцию правосознания: когда определенная накопленная сумма знаний законодательства стимулирует студента включаться в процесс интеллектуальной деятельности по поиску новых. Студент автоматически начинает изучать в начале законы, которые ему нужны, а затем, при правильном руководстве преподавателя, заинтересовывается и другим действующим законодательством.

4. От конкретных статей к фундаментальному знанию

Студенты — будущие творцы, создатели образов. У них хорошо развито абстрактное мышление. И когда им объясняют — и они понимают — что из чего состоит и для чего это нужно, они начинают вникать и изучать. Начиная от законов, которые им нужны и напрямую относятся к их жизни и профессиональной деятельности, и постепенно переходят к фундаментальным.

Принцип тот же: от конкретных статей к общему.

Например, нашу Конституцию должны знать все. Но «должны знать» и «знают» — это немного разные значения слов. Применяем тот же принцип: от конкретики к общему.

Конституция Российской Федерации
– Статья 21: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления».
– Статья 29: «Каждому гарантируется свобода мысли и слова».
– Статья 44: «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом».

И постоянно необходимо напоминать: творческий человек, студент творческого вуза — он прежде всего гражданин страны, в которой он живет. Он живет здесь и сейчас. И правила поведения, принятые в обществе, и действующее законодательство он обязан соблюдать. Знание законодательства и умение его применять — это путь к стабильной, успешной жизни.

5. Мирами правят деньги и страхи: практическая мотивация

Мирами правят деньги. Подогреваем заинтересованность студентов к знанию своих прав с целью получения своей выгоды.

Как правило, студенты в своей практической деятельности сталкиваются с первыми договорами. Это:
– Договор авторского заказа (ГК РФ Статья 1288),
– Статья 1234. Договор об отчуждении исключительного права,
– Статья 1235. Лицензионный договор,
– Статья 1236. Виды лицензионных договоров.

На практических занятиях мы подробно изучаем данные статьи и учимся составлять подобные договоры. Но невозможно изучить эти статьи, не имея общего понимания: что такое договор?

Открываем Статью 420. Понятие договора.

И только после этого я объясняю студентам, что им необходимо почитать и начать изучать весь Гражданский кодекс Российской Федерации. И просто неприлично его не читать.

А также Трудовой кодекс Российской Федерации.

Мирами правят страхи. Рассказываем, как им себя вести и какие законы знать, чтобы случайно не нарушить законодательство с катастрофическими для себя последствиями.

Очень часто в сегодняшнем мире наших молодых творцов пугают страшной статьей УК РФ Статья 159. Мошенничество.

Но этого мало. Молодые, начинающие журналисты и творцы обязаны знать:

– УК РФ Статья 163. Вымогательство,
– УК РФ Статья 283. Разглашение государственной тайны,
– УК РФ Статья 280.3. Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации,
– УК РФ Статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства.

Страх — самый лучший стимулятор для изучения действующего законодательства.

Познавательная функция правосознания — это определенная сумма юридических знаний, являющихся результатом интеллектуальной деятельности. И страх, и интерес к деньгам запускают эту функцию.

6. Заключение

Процесс формирования правосознания студентов творческих вузов складывается из множества компонентов. Нет и не должно быть единой формулы.

В начале нужно развеять мифы и легенды о великих гениях, которые якобы не соблюдали правила поведения и законы, вели разгульный образ жизни и при этом были успешными людьми своего времени.

Затем — от развенчивания мифов прежних времен переходим ко дню сегодняшнему.

Наша цель — системное формирование правосознания у студентов-творцов — граждан нашей страны.

Учитывая, что наша система преподавания будет постоянно подвергаться воздействию со стороны внешнего мира, система формирования правосознания должна быть гибкой.

Гибкой, живой, практичной. Такой, где закон не противопоставляется творчеству, а становится его естественным инструментом. Где студент не бунтует против правил, потому что понимает: правила защищают его деньги, его труд и его будущее.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-508-517

ПРОШИНА Марта Валерьевна,
магистр права, аспирант кафедры
гражданского права и процесса
Академии Труда и Социальных отношений,
Партнер юридической компании R&A Group Ltd,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИСЛАМСКОМ ТОРГОВОМ ПРАВЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются основные принципы регулирования торговых отношений в исламском торговом праве, определяющие допустимость и действительность коммерческих сделок в мусульманской правовой традиции. Особое внимание уделяется трем ключевым запретам: риба, гарар и майсир, которые выступают не только религиозно-нравственными предписаниями, но и юридическими критериями оценки поведения участников торгового оборота. Автор анализирует исторические предпосылки формирования запрета ростовщичества, раскрывает основные виды риба, включая риба аль-фадль, риба аль-насиа и риба аль-джахилийа, а также показывает, каким образом данные конструкции трансформируются в современных исламских финансовых практиках через институты мудараба и мурабаха. В статье также исследуется принцип гарар как запрет неопределенности в договоре, связанный с необходимостью ясного определения предмета, цены, сроков исполнения и иных существенных условий сделки. Отдельное внимание уделяется майсиру как запрету азартных сделок и получению дохода без экономически полезного труда или общественно значимой цели. На основе анализа делается вывод о том, что исламское торговое право стремится обеспечить баланс между свободой коммерческого оборота, справедливостью, добросовестностью сторон и недопущением эксплуатации экономически слабой стороны. Современное значение указанных принципов проявляется не столько в полном запрете предпринимательского риска, сколько в ограничении несправедливых, спекулятивных и социально вредных моделей извлечения прибыли.*

Ключевые слова: *исламское торговое право, риба, гарар, майсир, шариат, торговые сделки, мудараба, мурабаха, неопределенность договора, ростовщичество.*

PROSHINA Marta Valeryevna,
Postgraduate student of the
Department of Civil Law and Procedure
Academy of Labor and Social Relations,
Managing Partner of the law firm "R&A Group Ltd."

THE BASIC PRINCIPLES OF REGULATION OF TRADE RELATIONS IN ISLAMIC TRADE LAW

Annotation. *The article examines the basic principles governing trade relations in Islamic commercial law, which determine the permissibility and validity of commercial transactions within the Muslim legal tradition. Particular attention is paid to three key prohibitions: riba, gharar and maysir, which function not only as religious and moral prescriptions, but also as legal criteria for assessing the conduct of participants in commercial circulation. The author analyzes the historical background of the prohibition of usury, reveals the main types of riba, including riba al-fadl, riba al-nasi'ah and riba al-jahiliyyah, and shows how these constructions are transformed in modern Islamic financial practice through the institutions of mudarabah and murabahah. The article also examines the principle of gharar as a prohibition of uncertainty in a contract, connected with the need to clearly define the subject matter, price, terms of performance and other essential conditions of a transaction. Special attention is given to maysir as a prohibition of gambling transactions and income obtained without economically useful effort or socially significant purpose. The article concludes that Islamic commercial*

law seeks to maintain a balance between freedom of trade, fairness, good faith of the parties and the prevention of exploitation of the economically weaker party. The modern significance of these principles lies not in the complete prohibition of entrepreneurial risk, but in limiting unfair, speculative and socially harmful models of profit-making.

Key words: *Islamic commercial law, riba, gharar, maysir, Sharia, commercial transactions, mudarabah, murabahah, contractual uncertainty, usury.*

Исламское торговое право берёт свои источники в 7 веке нашей эры, гораздо позднее, чем формирование западноевропейского торгового права. Безусловно, в те времена торговля между исламскими городами и странами осуществлялась путем бартера (натурального обмена) фермерскими продуктами и ремесленными изделиями. Именно в те времена были сформированы основные принципы исламского торгового права, которые действуют и в настоящее время и в соответствии с которыми развивается коммерческая деятельность в исламских странах. Безусловно, открытие нефтяных месторождений очевидно сказалось на содержании и интерпретации данных принципов, однако основных смысл их не изменился.

В одном из норм Корана (сура «Корова», аят 275) говорится:

«…Но запретил Господь вам лихоимство
И разрешил вам торг вести…» [1, с. 76].

Это запрещенное действие в исламском праве называется «риба» и переводится как «ростовщичество» или «проценты» [2, с. 45]. Причина появления данного принципа заключается в том, что в этом принципе проявляется готовность жертвовать малоимущим и поддержание равенства вне зависимости от их социального положения и жизненной ситуации.

Согласно комментариям Юсуфа Али, риба — это увеличение полученного путем неправовых средств, таких как ростовщичество, взятка, обогащение, мошенническая торговля и иные нежелательные практики, в которых преобладает экономический эгоизм [3, p. 682].

Стоит отметить, что данный принцип так или иначе существовал во всех религиях и религиозных правовых системах. Так, в Евангелие от Луки (стих 35) сказано: «взаймы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым».

Безусловно, в исламском мире идёт противопоставление принципа запрета на проценты и разрешённого занятия торговлей, однако в Коране не дается четкого толкования данного термина, поэтому на протяжении многих веков различные школы исламского права трактовали его по-разному.

Первые позиции учёных относительно толкования данного принципа возникли в 8 веке благодаря труду таких факихов, как: Абу Ханифа, Малик ибн Анас, Ахмад ибн Ханбаль и др. Так, они считали, что ростовщические сделки подразделяются на три вида: риба аль-фадль, риба аль-насиа, риба аль-джахилийа.

1. **Риба аль-фадль (бартертный обмен товарами разного качества)**

Данный вид ростовщичества применялась при бартерном обмене одного и того же товара на другую партию такого же товара, но более низкого качества и в неравных количествах. В результате совершения такого рода сделки у одной из сторон договора появлялся незаконный избыток какого-либо товара (избыточное исполнение без встречного исполнения [2, с. 67]). Однако необходимо отметить, что риба аль-фадль применялась лишь к строго определенным продуктам и драгоценным металлам, к которым, согласно хадисам, относились пшеница, финики, ячмень, соль, золото и серебро.

С этими товарами связано два запрета в рибе:

А) Запрет на совершение обмена неравноценного количества вышеперечисленных товаров, а также произведенных из них продуктов ввиду того, что эти предметы являлись товарами первой необходимости и очень часто использовались крестьянами.

Б) Если они были предметом договора, то будущее исполнение обязательств строго запрещались, так как считалось, что такие транзакции имели оттенок ростовщичества (продажа еще не произведенной пшеницы).

2. **Риба аль-насиа (продажа товара с задержкой)**.

При осуществлении торговли, по нормам Шариата, запрещалось будущее исполнение обязательств в договорах купли-продажи: «Что же касается продажи с задержкой (насиа), то это запрещено» [4, с. 90]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что передача «из рук в руки» является необходимым условием для действительности такого вида договоров. Но некоторые исламские государства предпринимали попытки ограничить роль рибы в экономике. Так, жители Ирака разрешали продажу пшеницы за ячмень без

обмена товарами одновременно, так как считалось, что данное ограничение относилось лишь к обмену драгоценными металлами или одними и теми же видами товаров друг на друга.

В настоящее время данный вид рибы также нашёл свой способ обхода через процедуры, применяемые в банковском деле - мудараба и мурабаха.

Мудараба означает управление банком финансами, вложенными инвесторами, когда банк (или иного инвестора) и инвестор распределяют риски между собой как в отношении прибыли, так и в отношении убытков.

Суть мурабаха заключается в перепродаже товаров при финансировании исламским банком торговых операций, что позволяет получать торговую прибыль, которая уже не рассматривается как ростовщичество (риба).

Более того, определённые способы обхода рибы существуют достаточно давно. Так, в XVII веке в городе Кайсери (Османская империя) годовой процент по кредиту в 20% считался обыкновенной деловой практикой, несмотря на то, то существовал и применялся запрет на рибу. Более того, данный процент был легализован административными и судебными органами, существовавшими в городе.

3. Риба аль-джахилийа (классическое ростовщичество).

Так называлось доисламское ростовщичество, существовавшее, в основном, в торговых кругах. Пример данного типа ростовщичества привёл арабский юрист Нур Мухаммед: «Кредитор спрашивает заемщика погасит ли он долг в день исполнения обязательства. В случае же если он просрочит его, то кредитор начислит проценты на каждый день просрочки» [5, p. 119].

Установление такого «задатка» (который очень часто был в 2-3 раза больше самой суммы долга) за несвоевременное погашение долга и являлось рибой в доисламском обществе.

По сути, отсрочка уплаты платежа была необходима для лиц, занимающихся сельским хозяйством для того, чтобы закупить зерно и посеять его, а деньги за зерно отдать после созревания урожая. Таким образом, крестьяне по сути находились в безвыходной ситуации относительно вопроса покупки зерна и корма для скота, поэтому данный вид «задатка» был запрещён. Важно подчеркнуть, что наличие подобного условия в договоре автоматически аннулировало сделку [6, с. 66].

Стоит отметить, что в настоящее время, плата за «отсрочку платежа» в определённых случаях возможна, если, например, продавец добросовестно открыто говорит о том, почему такая наценка, а покупатель с данной наценкой согласен, хотя и многие учёные все-равно считают такую сделку недопустимой. Для того, чтобы сделка считалась действительным продавец должен заранее сказать, что товар продается с определённой прибавкой и объяснить цель и смысл данной прибавки. Такие действия не будут нарушать действия указанного запрета.

Следующий аспект, в котором проявлялась риба – это соотношение между товарами и деньгами. Классическое исламское право не отделяет деньги от их металлической стоимости. При обмене товаров у купцов возникали проблемы, так как вес монеты и степень ее чистоты (содержание драгоценных металлов) при одинаковой номинальной ценности иногда сильно отличались. Данный вид рибы был актуальным для золотых и серебряных монет, для монет из недрагоценных металлов этот вид рибы не применялся.

Такой подход подтверждался не только сложившейся практикой торговли, но и религиозными предписаниями. Так, в одном из хадисов говорится: «Золото за золото, куски и монеты, серебро за серебро, куски и монеты, пшеница за пшеницу, ячмень за ячмень, финики за финики, и соль за соль, и кто добавит или потребует добавки, тот занимается ростовщичеством (риба)».

Кроме того, стоит отметить, что в качестве риба также могут признаваться договоры, в которых не определён объем оплаты (например, если ещё не созрел урожай). Потенциально такие сделки могут привести к риба, поэтому и квалифицируются как риба. Это возможно, поскольку в исламском праве существует принцип: что ведёт к запретному, само по себе является запретным (садд аз-зараи) [7, с. 90].

Примером такому явлению может служить Евангельское повествование (изгнание торгующих из храма). Иисус Христос выселил меновщиков за участие в риба-аль-фадль. Еврейские паломники, прибывающие в Иерусалим, должны были платить «храмовый налог», однако предпочитали использовать монету в полшекеля, поскольку это была единственная серебряная монета, на которой не было изображения римского императора. Обменные кассы получали прибыль за счет того, что обменивали такие монеты на серебряные монеты, однако меньшей ценности [8, p. 90].

Однако из данного требования имеются исключения, сделанные для более удобного и совершенного товарооборота. Так, в исламе не воспрещается продавать золото за серебро, но при одном условии – если серебра будет больше и передача будет осуществляться из руки в руки.

В целом же, исходя из вышеперечисленных типов рибы только риба аль-джахилийа была категорически запрещена. Некоторые учёные

отмечали, что риба аль-насиа и риба аль-фадль в некоторых типах сделок не применялись при крайней необходимости, что значительным образом повлияло на развитие торгового оборота в государствах Ближнего Востока.

Если обобщить все значения принципа риба, существующие в современном исламском договорном праве, то можно обратиться к определению одного из ведущих исламских юристов: «незаконная прибыль, полученная от количественного неравенства эквивалентов в любой сделке, предполагающей обмен двух и более предметов…которые принадлежат одному виду и имеют одну основу. Отложенное исполнение обмена таких предметов или даже предметов разного вида, но имеющих одну основу, являются также риба независимо от увеличения обмениваемых эквивалентных ценностей» [6, с. 64].

Также стоит рассмотреть важный вопрос, связанный с последствиями нарушения запрета на ростовщичество. С точки зрения шариата, риба является тяжким грехов. По степени тяжести грехов риба приравнивается к 70 актам прелюбодеяний. Некоторые исламские учёные ставят знак равенства между рибой и прелюбодеяниям с матерью. Интересным является тот факт, что Джафаристский мазхаб разрешает риба в торговле с неверными (кяфирами) [9, с. 216].

Такие тяжкие последствия для тех, кто нарушил принцип запрета на ростовщичество, связаны с тем, что в мусульманском мире не признаются те, кто получает деньги без какого-либо труда или каких-либо финансовых вложений. Р.Г. Новикова пишет о том, что законное право собственности на вещь у лица, исповедующего ислам, может возникнуть благодаря собственному труду, либо благодаря получению наследства, подарка, благотворительной акции и т.д [10, с. 33]. При ростовщичестве лицо получает прибыль за определённое ожидание. Кроме того, принцип запрета на рибу связан с тем, что исламское общество борется за справедливость, за равенство между богатыми и бедными, за сокращение социального неравенства. Наконец, само по себе ростовщичество считается ущемлением прав заемщика, поскольку деньги он занимает вряд ли находясь в благоприятном финансовом положении. Таким образом, включая положение о процентах в договор, фактически нарушается баланс между сторонами, что ведёт к социальному неравенству.

Если в целом смотреть на значение принципа риба в современном исламском праве, то стоит отметить, что это уже достаточно архаичный принцип, носящий сугубо религиозный характер. Многие сделки, в том числе сделки с отсрочкой платежа или передачи товара рибой в современном исламском понимании не являются. Сделки купли-продажи, где продавец добросовестно и открыто говорит о размере наценки, о способах её подсчёта, а покупатель с данной наценкой согласен, то такой договор уже не будет считаться рибой. В настоящее время существуют законные способы обхода рибы через процедуры, применяемые в банковском деле - мудараба и мурабаха. Кроме того, исламское договорное право положительно относится к отношениям между заемщиком и займодавцем, если заемщиком является бизнесмен, который строит свой бизнес, а займодавцем - инвестор. При этом важно, чтобы вложенные инвестиции действительно стали успешными и принесли прибыль бизнесмену. Благодаря таким взаимоотношениям и происходит экономический рост в исламских странах, растёт уровень взимаемых налогов (ведь проценты являются налогооблагаемой базой займодавца), строятся новые инфраструктурные объекты, увеличивается количество рабочих мест. Однако, если заемщик платит деньги лишь за время без привязки к какому-то успешному финансовому результату, то такое заранее фиксированное ростовщичество будет подпадать под запреты шариата.

Стоит согласиться с некоторыми учёными относительно критериев рибы и законных процентов: риба используется в потребительских кредитах, а законные проценты - при кредитовании бизнеса [6, с. 65]. Однако важно отметить, что при кредитовании бизнеса риба будет не противоречить шариату в том случае, если должник получит прибыль сверх суммы своего кредита.

Видится, что также будут являться законными проценты, если они получены от держания денежных средств на депозитах в банках (как это делают множество арабских шейхов). В данном случае банк использует деньги для получения прибыли, осуществлении расчётов между гражданами и юридическими лицами, поэтому вряд ли взаимоотношения вкладчик-банк являются с какой-то из точек зрения несправедливыми.

Наряду с таким запретом, как «риба» другим широко используемым принципом, влияющим на действительность договора, является «гарар». Гарар — это такая форма сделки, при которой одна из ее составляющих (цена, продаваемый товар, сроки оплаты или поставки, возможность произвести поставку либо принять ее) не имеет определенности [11, с. 330]. Этот термин в переводе с арабского означает *«опасность», «неопределенность»,* однако в Коране он не встречается, упоминание о нем есть только в хадисах.

По сути, данный принцип означает то, что все договорённости относительно исполнения договора должны быть чётко определены и исполнимы.

Различные школы исламского права по-разному смотрят на значение данного принципа. Так, между школами ведётся спор о том, имеет ли право покупатель вещи, который не видел вещь при заключении сделки, отказаться от исполнения договора купли-продажи (хийар-ар-руйл) [2, с. 334].

Причина запрета на гарар заключается в том, что одна из сторон договора вследствие неопределенности каких-либо условий договора фактически получает преимущество перед другой стороной, что нарушает принцип справедливости и равенства участников гражданских правоотношений. Стоит согласиться с мнением Р.И. Беккина о том, что гарар подрывает элемент консенсуса, необходимый по шариату для признания договора действительным [12, с. 34]. Наличие неопределенности в договоре ведёт к наличию неопределённости в содержании прав и свобод договаривающихся сторон, что впоследствии может привести к обману одной из сторон.

Одни юристы мусульманского права пытаются подстроить концепцию *гарара* под современный торговый оборот, другие же просто приводят примеры договоров, в которых имеются его черты. Так, один известный приверженец школы Малики – Ибн Джузай аль-Кальби в своем труде указал несколько случаев возникновения *гарара [13, p. 51]*:

1. **Наличие трудностей при передаче предмета во владение покупателю** (продажа бездомного или еще не рожденного животного при условии, что мать не является предметом сделки).

Об этом в Сунне сказано так: «Посланник Аллаха, мир ему и благословение Аллаха, запретил продавать плод, находящийся в утробе самки» [17, с. 148].

2. **Неизвестность (джахаля) в отношении цены или предмета договора** (продавец говорит потенциальному покупателю: «Я продаю вам то, что находится у меня в рукаве»). Предложение продать товар по рыночной цене или цене, установленной самими продавцом, которая зачастую была выше в несколько раз)
3. **Неопределенность относительно количества предмета**

При осуществлении торговли по продаже продуктов питания, принцип, которым должны были руководствоваться купцы гласил: «Кто купил продукты питания, тот не должен продавать их до тех пор, пока не взвесит».

4. **Отсутствие информации о дате будущего представления**

Этот запрет подтверждался и в религиозных источниках словами: «Не покупайте (до улова) рыбу в воде (например, в море, в реке), потому что в такой сделке есть неопределенность (гарар)» [14, с. 197].

5. **Продажа двух товаров в рамках одного договора купли-продажи**

Примером такого вида гарара может служить сделка, по которой продавец продает свой склад, при этом покупатель обязан продать какую-либо принадлежащую ему вещь. Доказательством этого запрета является хадис, переданный Ахмад ан-Насаи: «…Посланник Аллаха, мир ему и благословение Аллаха, запретил заключать две сделки в одной».

Однако продажа товара по заниженной стоимости не подпадала под данный запрет.

6. **Продажа живого товара (скота), который должен умереть**
7. **Купля «мулямаса»**

Мулямаса — доисламский вид сделки, заключаемой посредством касания товара. К примеру, продавец говорил: «Я продаю тебе вещь за столько-то» и называл определенную сумму. При этом он не указывал на какую-то конкретную вещь. В роли дотрагивающегося мог быть как продавец, так и покупатель. Выбор товара осуществлялся вслепую, но продавался по заранее оговоренной цене.

Если вещь оказывалась запакованной, покупатель забирал ее не вскрывая, не зная, что находится внутри. Происходила такая сделка без права возврата приобретенного товара [11, с. 458; 15, с. 333].

8. **Купля «мунабаза»**

Мунабаза — доисламский вид сделки, заключаемой посредством бросания неизвестного товара продавцом и неизвестной суммы денег покупателем. В данном случае продавец говорил покупателю: «Я бросаю тебе то, что у меня (товар), а ты — что у тебя (деньги)». Покупатель и продавец осуществляли бросок одновременно, при этом оба не знали вид и качество товара и количество монет. Такая же сделка могла происходить и без денег (киданием неизвестных товаров друг другу). Пророком были запрещены сделки *мулямаса* и *мунабаза*» [16, с. 637].

9. **Купля «аль-хаса»**

Примером такого вида продажи может служить случай, известный доисламскому периоду торговли, когда продавец тканей просил покупателя подбросить камень, и тот кусок, на который он падал, продавался по заниженной цене. Однако «…Посланник Аллаха, мир ему и благословение Аллаха, запретил торговые сделки, заключаемые посредством бросания камешков, а также неопределенные сделки…».

Сделки купли-продажи считались действительными при наличии трех обязательных условий:

1. Предмет продажи должен существовать в действительности
2. Продавец обязан быть собственником товара
3. Товар должен находиться в физическом и реальном владении продавца.

Из этого правила имелись исключения: запрет алеаторных сделок в мусульманском праве не позволял полноценно развиваться торговой деятельности. Кроме того, в раннем исламе фактически были запрещены сделки купли-продажи товара «по рыночным ценам». Таким образом, обращаясь к истории ислама, можно увидеть, что гарар фактически запрещал куплю-продажу будущих товаров. Однако в настоящее время доктрина гарар в части ее содержания уже немного другим образом толкуется для гражданского оборота. Так, многие исламские учёные считают, что договор купли-продажи товара в будущем возможен, если предмет договора определенно должен быть доставлен или исполнен в будущем. Такие же требования предъявляются к сделке, если товар продается в рассрочку или с отсрочкой платежа. В данном случае при подобных сделках сумма и график периодических платежей должна быть определены, иначе данный договор будет содержать элементы неопределённости. В случае продажи товара без этикетки, такой договор будет содержать признаки неопределённости (гарар) [6, с. 69]. В данном случае на этикетке указывается вся информация о товаре, его свойства и характеристики, включая срок годности товара.

Также важно отличать запрет на неопределённости от неконтролируемого предпринимательского риска. Так, при заключении различных инвестиционных сделок стороны договора не знают и не могут знать (могут только предполагать), каким образом будет работать бизнес-идея. Также стороны вряд ли могут знать о чётком размере прибыли или убытков, которые принесёт им бизнес. В таких договорах существует неопределённость относительно результата договоренностей сторон, но не одна из сторон не имеет своей целью обмануть или наживиться на другой стороне договора. В качестве примера можно привести рекламный контракт, когда заказчик не имеет представления о том, сработает или не сработает рекламная кампания, повысит ли она прибыльность бизнеса или нет. В данном случае гарар был бы возможен, если одна из сторон намеренно скрывает условия сделки с целью обмана контрагента и введения его в заблуждение.

Интересным является также вопрос относительно действительности договора страхования в разрезе принципа гарар. Так, некоторые исламские юристы уверены, что договор страхования содержат элементы гарара, который проявляется, в частности, в том, что одна сторона может получить выгоду, а другая нет (например, если страховой случай не наступит, это будет выгодно страховщику, поскольку он получит прибыль, а страхователь потеряет уплаченные взносы) [18, с. 34]. В целом же, в договоре страхования можно выделить 3 элемента неопределенности:

1. Неопределенность относительно предмета договора: ни страховщик, не страхователь достоверно не могут знать, наступит страховой случай или нет;
2. Неопределённость относительно того, будет ли иметь страховщик на дату наступления страхового случая необходимую сумму для удовлетворения требований страхователя. В целом же страхователь при заключении договора не имеет сведений о том, какой суммой обладает страховщик на момент заключения договора;
3. Неопределенность относительно срока действия данного договора;

Некоторые ученые придерживаются мнения о том, что достаточно часто те или иные сделки содержат элементы гарара, поэтому для подтверждения действительности сделки можно руководствоваться наличием общественной пользы и интересов прогресса. Исламский юрист Хашим Камали квалифицировал гарар на 3 категории:

1. Избыточный гарар (ал-гарар ал-касир) – делает договор недействительным;
2. Незначительный гарар (ал-гарар ал –йасир) – допустимый гарар,
3. Промежуточный гарар (ал-гарар ал-мутавассит) – находится между этими двумя [19, p. 165].

В целом же, данная классификация гарара применима не только к договору страхования, но и к другим договорам, которое используются хозяйствующими субъектами.

Важно также отметить, что многие исламские юристы сходятся во мнении, что гарар не должен применяться формально к каждой сделке, которая имеет хоть какие-то элементы неопределённости. Необходимо смотреть в суть сделки, анализировать намерения сторон по отношению друг к другу и только потом судить о действительности или недействительности сделки. Арабское слово *майсир* в буквальном смысле переводится как азартная игра (игра на деньги). Любой случай получения лицом дохода случайно, без приложения каких-либо усилий, запрещен в Исламе: «О те, которые уверовали! Воистину, опьяняющие напитки, азартные игры, каменные жертвенники (или идолы) и гадальные стрелы являются скверной из деяний дьявола. Сторонитесь же ее, - быть может, вы преуспеете.

Воистину, дьявол при помощи опьяняющих напитков и азартных игр хочет посеять между вами вражду и ненависть и отвратить вас от поминания Аллаха и намаза…». При этом тот, кто выиграл и тот, кто проиграл, находятся не в равном положении, поскольку проигравший теряет деньги без справедливого эквивалента. Кроме того, намерений получить какой-либо полезный эффект от сделки у сторон нет, обе стороны желают получить исключительно прибыль.

Но почему же изначально не было строгого запрета на проведение азартных игр? Посланник Аллаха лишь настаивал на том, чтобы как можно больше их ограничить: «Они спрашивают тебя об опьяняющих напитках и азартных играх. Скажи: «В них есть большой грех, но есть и польза для людей, хотя греха в них больше, чем пользы»» [22]. Ответ кроется в том факте, что азартные игры составляли неотъемлемую часть жизни общества до принятия Ислама, запретить их сразу не представлялось возможным, требовалось время. Одной из таких игр, выигрыш в которой именовался майсир, называлась «гадальные стрелы». Ее смысл заключался в том, что участники вытаскивают по очереди стрелы, на которых написаны части тела убитого верблюда, выигравшим считается тот, кто вытянул лучшую часть. Бывали случае, когда арабы проигрывали в такие игры отдельных членов семьи, и даже семью. В связи с этим, такие игры, и, в целом, что связано с получаем «легких» денег стало запрещено. Особенностью получения выигрыша в такой игре («пользой» в аяте 219) в те времена был тот факт, что победитель отдавал часть выигрыша бедным.

С развитием общества и права, толкованием Корана изменялся и подход к пониманию того, какие виды деятельности подпадают под этот принцип. Современные юристы относят к нему не только азартные игры, которые строго запрещены (являются харамом): игры в кости, казино, нарды, шахматы, но и прибыль, полученную лицом по воле случая (лотерея, прибыль по деривативным сделкам: фьючерсам, свопам). В результате подобной деятельности средства не проходят процесс производительного использования и, соответственно, не делают общество богаче в реальном выражении. Составить более детальное понимание того, какие элементы составляют майсир позволят следующие примеры:

1. **Открытие бизнеса**

Существует статистика, что новые предприятия с вероятностью 80% потерпят неудачу в течение первых 5 лет [20, p. 205]. О том, какую роль удача играет в успешном продвижении бизнеса можно только размышлять. Что не подлежит обсуждению, так это необходимость предпринимательства и то, какую общественную ценность несет в себе занятие данным видом деятельности. Помимо того, что такая деятельность приносит определенный доход ее владельцу, она создает рабочие места и условия для развития общества. Исходя из этого, предпринимательская деятельность не может рассматриваться как майсир несмотря на то, что она несет в себе потенциальные риски как для инвесторов, так и для собственников бизнеса. Однако, стоит отметить, что инвестирование в бизнес будет является противоречащим шариату, если само предприятие нарушает рибу или гарар, отчуждает вещи, которые запрещены в обороте и считаются «нечистотами» (вино, одурманивающие вещества, свинина, кровь, идолы, кресты, музыкальные инструменты, статуи, памятники).

2. **Игра в рулетку**

Игрок в рулетку, который делает ставку на красный или черный цвет, имеет 50% шанс на выигрыш. Фактически, большинство азартных игр имеют более высокие шансы на то, чтобы в конечном счете получить прибыль большие, чем запуск собственного бизнеса. Но тем не менее, все азартные игры – это майсир. Следовательно, возникает вопрос: почему же так? Ответ кроется в том факте, что в азартных играх нет никакой общественной ценности. Более того, такие игры вызывают зависимость, которая в некоторых случаях может привести к необратимым последствиям (наркомания, алкоголизм, проблемы в семье и т.д.), что в конце концов пагубно влияет на все общество в целом. Наконец, при игре в рулетку лишь малое число игроков реально что-то выигрывают, при этом владельцы казино, где стоят такие рулетки, выигрывают почти всегда.

3. **Лотерея**

В данном случае вероятность проигрыша, а также сами ставки в игре довольно малы. Тем не менее, лотерея рассматривается аналогично игре в рулетку (майсир), так как затраты на ее проведение (если лотерея государственная) не оправдывают социальную полезность такого «развлечения».

4. **Букмекерские ставки**

Под майсир также попадают букмекерские ставки на различные спортивные события (массовые и одиночные виды спорта). В данном случае есть шанс как выиграть, так и проиграть, полагаясь определённым образом на удачу, на везение.

5. **Инвестирование на рынке ценных бумаг**

Правоведы, классифицирующие инвестиции на фондовом рынке как майсир, обосновывают свою позицию той особенностью, что фондовый рынок, как правило, вторичный рынок. То есть, когда вы покупаете акции какой-либо ком-

пании, деньги идут не самой компании, а владельцу акций (трейдеру). Следовательно, социальная выгода от торговли на бирже невелика. Кроме того, высокая степень непредсказуемости делает его более похожим на майсир.

Пытаясь опровергнуть данный подход, другие ученые считают, что ценность, создаваемая фондовыми биржами огромна, так как их существование абсолютно необходимо для целей ликвидности и упрощения оборота инвестиций. Ликвидность, которую биржа предоставляет ее участникам, позволяет компаниям привлекать больше новых инвесторов, способствуя тем самым более быстрому развитию экономики.

Согласно данным Американской Ассоциации Частных Инвесторов (American Association for Individual Investors) за последние 50 лет фондовый рынок приносил среднюю доходность в 6,5% и 7% в год. Так как же понять, является ли игра на бирже одной из форм майсира (запрет на азартные игры)?

С одной стороны, если инвестировать для того, чтобы получить быструю прибыль это определенно – майсир (запрет на азартные игры). Количество затраченных средств, в основном, денежных, не оправдывает связанные с попыткой «сыграть» на рынке. Тут важен срок вложений. Если трейдер покупает акции в надежде их продать через пару часов и дней, то это определённо майсир (запрет на азартные игры), в этом случае нет никакой экономической обоснованности сделки-инвестора интересует только краткосрочный период и своя выгода.

С другой стороны, если вы занимаетесь инвестированием в акции компании из-за их долгосрочных перспектив и планируете какое-то время удерживать их, то это нельзя рассматривать как запрещенное действие, так как вероятность потери своих активов и возможность вызвать зависимость существенно снижаются в случае выбора такой стратегии. Более того, при долгосрочном инвестировании компания может на законных основаниях использовать средства инвестора, что абсолютно меняет цель инвестиций: цель заработать на колебаниях рынка меняется целью получить прибыль и помочь компании стать ещё экономически сильнее. Если говорить про общие признаки майсира (запрет на азартные игры), то стоит отметить, что деньги, заработанные с помощью майсира (запрет на азартные игры), не должны доставаться легко, без приложения каких-либо усилий. Кроме того, деятельность, квалифицированная, как майсир (запрет на азартные игры), не может приносить никакой общественной пользы для исламского общества. Наконец, при майсир (запрет на азартные игры) одна из сторон сделки так или иначе будет терпеть финансовую неудачу.

Подводя итог анализу основных принципов регулирования торговых отношений в исламском торговом праве, можно сделать ряд выводов:

1. Если в целом смотреть на значение принципа риба (ростовщичество) в современном исламском праве, то стоит отметить, что это уже достаточно архаичный принцип, носящий сугубо религиозный характер. Принцип «риба» (ростовщичество) в настоящее время понимается как «незаконная прибыль, полученная от количественного неравенства эквивалентов в любой сделке, предполагающей обмен двух и более предметов…которые принадлежат одному виду и имеют одну основу. Отложенное исполнение обмена таких предметов или даже предметов разного вида, но имеющих одну основу, являются также риба (ростовщичество) независимо от увеличения обмениваемых эквивалентных ценностей». Многие сделки, в том числе сделки с отсрочкой платежа или передачи товара в современном исламском понимании не являются ростовщичеством. Сделки купли-продажи, где продавец добросовестно и открыто говорит о размере наценки, о способах её подсчёта, а покупатель с данной наценкой согласен, то такой договор уже не будет считаться рибой (ростовщичество). Многие исламские предприниматели активно используют институты, которые позволяют обходить принцип «риба» (ростовщичество). Например, принцип мурабаха (совместное предприятие), заключающийся в перепродаже товаров при финансировании исламским банком операций по внешней торговле, что позволяет получать торговую прибыль, которая уже не рассматривается как ростовщичество. В современном мусульманском мире уже находятся все новые уловки для обхождение вышеуказанных фундаментальных запретов и заключения договоров, которые фактически противоречат данным правовым предписаниям
2. Основные положения доктрины гарар (неопределённость) можно представить в следующих тезисах:

А. Предмет сделки должен быть чётко и определённо понятен сторонам;

Б. Стороны имеют достоверную информацию о характеристиках товара, количестве, недостатках (если имеются), точная дата передачи товара (если договор купли-продажи будущей вещи);

В. Стороны должны контролировать сам процесс заключения и исполнения сделки.

Г. Место передачи предмета договора должно быть обозначено;

Д. Осмотр товара должен всегда предшествовать его обмену или покупке;

Е. Стороны должны действовать по отношению друг к другу добросовестно и не извлекать выгоду из-за потенциально возникшей неопределённости в договоре

Таким образом, условия договора должны быть точными, ясными и определёнными.

3. Если говорить про общие признаки майсира (запрет на азартные игры), то стоит отметить, что деньги, заработанные с помощью майсира (запрет на азартные игры), не должны доставаться легко, без приложения каких-либо усилий. Кроме того, деятельность, квалифицированная, как майсир (запрет на азартные игры) (запрет на азартные игры), не может приносить никакой общественной пользы для исламского общества. Наконец, при майсир (запрет на азартные игры) одна из сторон сделки так или иначе будет терпеть финансовую неудачу.

Список литературы:

[1] Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. — 11-е изд., доп. — М.: Рипол Классик, 2011. — С. 76.

[2] Роэ М. Исламское право: история и современность / пер. с нем. А. Мухаматчиной; науч. ред. М. Кудратов; под общ. ред. Д. Мухетдинова. — М.: Медина, 2019. — 575 с.

[3] Али А. Ю. Священный Коран. — 1946. — С. 682.

[4] Сюкияйнен Л. Р. Основы теории мусульманского права: учебное пособие. — М., 2015. — С. 90.

[5] Мохаммед Н. Принципы исламского договорного права // Журнал права и религии. — 1988. — Т. 6. — № 1. — С. 119.

[6] Амиров А. Т. Принципы исламского договорного права // Коммерческое право. — 2020. — Т. 36. — № 1. — С. 64–69.

[7] Шарль Р. Мусульманское право. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. — С. 90.

[8] Понимание риба в исламских финансах // Серия аналитических материалов Azzad Asset Management. — 2015. — С. 90.

[9] Керимов Г. М. Шариат. Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. — СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2016. — С. 216.

[10] Новикова Р. Г. Теоретические основы правового регулирования финансовых отношений в исламском праве: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2016. — С. 33.

[11] Му'джаму люгати аль-фукаха' [Словарь богословских терминов]. — Бейрут: ан-Нафаис, 1988. — С. 330, 458, 460.

[12] Беккин Р. И. Исламская экономическая модель и современность. — М.: ИД Марджани, 2009. — С. 34.

[13] Салех Н. А. Незаконная выгода и законная прибыль в исламском праве. — 1992. — С. 51.

[14] Ахмад ибн Ханбаль. Муснад [Свод хадисов]. — Бейрут: Рисаля, 1998. — Т. 6. — С. 197.

[15] Са'ди А. Аль-камус аль-фикхи люгатэн ва истыляхан [Лингвистический и канонический словарь исламского права]. — Дамаск: аль-Фикр, 1988. — С. 333, 346.

[16] Аль-Бухари М. Сахих аль-Бухари [Свод хадисов имама аль-Бухари]: в 5 т. — Бейрут: аль-Мактаба аль-'асрийя, 1997. — Т. 2. — С. 637.

[17] Булуг аль-марам. Достижение цели / пер. Э. Кулиева. — М.: Умма, 2018. — С. 148.

[18] Беккин Р. И. Страхование в мусульманском праве: теория и практика. — М.: Анкил, 2001. — С. 34–35.

[19] Камали М. Х. Исламское торговое право. — Кембридж, 1991. — С. 165.

[20] Справочник исследований по созданию новых предприятий. — Edward Elgar, 2011. — С. 205.

[21] Сигел Дж. Реальная доходность свидетельствует в пользу владения акциями // Американская ассоциация частных инвесторов. — 2014.

[22] Священный Коран. Сура 2 Аль-Бакара (Корова), 219 аят. // Священный Коран. URL: https://quran-online.ru (дата обращения 01.02.2023).

References:

[1] The Quran. Translation of Meanings and Commentary by Iman Valeria Porokhova. — 11th ed., suppl. — Moscow: Ripol Classic, 2011. — P. 76.

[2] Roe M. Islamic Law: History and Modernity / translated from German by A. Mukhamatchina; scientific ed. M. Kudratov; under the general ed. D. Mukhetdinov. — Moscow: Medina, 2019. — 575 p.

[3] Ali A. Yu. The Holy Quran. — 1946. — P. 682.

[4] Syukiyainen L. R. Fundamentals of the Theory of Muslim Law: a textbook. — Moscow, 2015. — P. 90.

[5] Mohammed N. Principles of Islamic Contract Law // Journal of Law and Religion. — 1988. — Vol. 6. — No. 1. — P. 119.

[6] Amirov A. T. Principles of Islamic Contract Law // Commercial Law. — 2020. — Vol. 36. — No. 1. — P. 64–69.

[7] Charles R. Muslim Law. — Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1959. — P. 90.

[8] Understanding Riba in Islamic Finance // Azzad Asset Management Analytical Series. — 2015. — P. 90.

[9] Kerimov G. M. Sharia. The Law of Life of Muslims. Sharia's Responses to Modern Problems.

— St. Petersburg: Izdatelstvo “DILYA”, 2016. — P. 216.

[10] Novikova R. G. Theoretical Foundations of Legal Regulation of Financial Relations in Islamic Law: Diss. ... Cand. of Law. — Moscow, 2016. — P. 33.

[11] Mu’jamu lugati al-fuqaha’ [Dictionary of Theological Terms]. — Beirut: an-Nafais, 1988. — P. 330, 458, 460.

[12] Bekkin R. I. Islamic Economic Model and Modernity. — Moscow: ID Marjani, 2009. — P. 34.

[13] Saleh N. A. Illegal Benefit and Legitimate Profit in Islamic Law. — 1992. — P. 51.

[14] Ahmad ibn Hanbal. Musnad [Colleged Hadith]. — Beirut: Risala, 1998. — Vol. 6. — P. 197.

[15] Sa‘di A. Al-qamus al-fiqhi lugaten wa istylakhan [Linguistic and Canonical Dictionary of Islamic Law]. — Damascus: al-Fikr, 1988. — Pp. 333, 346.

[16] Al-Bukhari M. Sahih al-Bukhari [Colleged Hadith of Imam al-Bukhari]: in 5 volumes. — Beirut: al-Maktaba al-‘asriyya, 1997. — Vol. 2. — P. 637.

[17] Bulug al-maram. Achieving the Goal / translated by E. Kuliev. - Moscow: Ummah, 2018. - P. 148.

[18] Bekkin R. I. Insurance in Muslim Law: Theory and Practice. - Moscow: Ankil, 2001. - Pp. 34-35.

[19] Kamali M. H. Islamic Trade Law. - Cambridge, 1991. - P. 165.

[20] Handbook of Research on New Venture Creation. - Edward Elgar, 2011. - P. 205.

[21] Siegel J. Real Return Evidence for Stock Ownership // American Association of Individual Investors. - 2014.

[22] The Holy Quran. Surah 2 Al-Baqarah (The Cow), 219 verse. // The Holy Quran. URL: https://quran-online.ru (accessed 01.02.2023).

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-518-521

ГРЕЧАНЫЙ Сергей Анатольевич,
кандидат технических наук, доцент,
начальник кафедры радиотехнических систем и
комплексов охранного мониторинга
Воронежского института МВД России,
e-mail: Grechan7777@mail.ru

РОЩИН Евгений Владимирович,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Волгодонского филиала Ростовского юридического
института МВД России,
e-mail: roshchin84735@gmail.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются исторические особенности и основные актуальные подходы к правовому воспитанию в России. Особое внимание уделено современному состоянию правового воспитания в государстве, а также основным проблемным вопросам, связанным с этим процессом. Отдельные вопросы правового воспитания актуализируются авторами с позиций современного состояния гуманитарных наук и в контексте исторического развития российского государства.*

Ключевые слова: *правовое воспитание, правовое просвещение, идеология, государство, институты гражданского общества .*

GRECHANY Sergey Anatolyevich,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Radio Engineering
Systems and Security Monitoring Complexes
at the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ROSHCHIN Evgeny Vladimirovich,
Lecturer at the Department of Tactical and Special Training
Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON SOME ISSUES OF LEGAL EDUCATION IN MODERN RUSSIA

Annotation. *The article examines the historical features and the main current approaches to legal education in Russia. Special attention is paid to the current state of legal education in the state, as well as the main problematic issues related to this process. Some issues of legal education are actualized by the authors from the perspective of the current state of the humanities and in the context of the historical development of the Russian state.*

Key words: *legal education, legal education, ideology, the state, civil society institutions.*

Развитие теории правового воспитания в исторической ретроспективе России новейшего времени имеет неоднозначный и противоречивый характер. В то же время все теоретико-методологические достижения в сфере правового воспитания нельзя недооценивать, ведь многие исследователи предоставляли объективную оценку правоотношениям своего времени, однако с учетом господствующей партийной идеологии не могли свободно выражать свои мысли. Общеизвестно, что советский период развития российского государства характеризуется чрез-

мерной политизированностью и идеологизацией. Объективный анализ образовательно-правовых процессов, безусловно, проходил через фильтр партийно-политических интересов, которые имели приоритет в государственном строительстве. Соответственно, основная функция правового воспитания была подчинена идеологии. Исходя из этого, основательные теоретико-правовые исследования правового воспитания на основе плюрализма мнений и позиций стали возможными уже на закате существования советского государства, а затем уже бурно развились на постсоветском пространстве. Анализ состояния доктринальных исследований правового воспитания в современной России, по нашему мнению, следует осуществлять по определенной схеме: прежде всего, очертить общенаучные достижения, связанные с изучением проблем правового воспитания в целом, а впоследствии рассмотреть прикладные научные наработки по правовому воспитанию в зависимости от исторических, возрастных, образовательных, социокультурных, профессиональных и иных особенностей. Сегодня Россия находится на переломном моменте своего исторического развития, возрастает ее роль в общемировых процессах, усиливаются демократические тенденции, как во внутренней, так и внешней политике, закладываются основы многополярного мироустройства. Все это требует выработки новых парадигм для развивающихся воспитательных систем, прежде всего, правового воспитания, как основы любой государственности. В связи с глобальными изменениями, российское общество нуждается в обновленной образовательной и воспитательной концепциях, которые бы отвечали новым потребностям формирования правового и социального государства. Соответственно, нужны и новые теоретико-методологических подходы к правовому воспитанию российских граждан. Поэтому разработка и реализация научных достижений по вопросам правового воспитания в значительной степени определяется их методологическим обоснованием. По нашему мнению, для решения целого комплекса проблем, связанных с правовым воспитанием в современной России, необходимо выработать с учетом актуальных реалий и запросов нашего общества четкую правовую политику в этой сфере и реализовывать ее на всех уровнях (федеральный, региональный, местный). На современном этапе построения и развития гражданского общества в России уровень правового воспитания напрямую зависит от государственной правовой идеологии, научного обоснования и практического обеспечения актуальной правовой концепции. «Государственно-правовая идеология должна обеспечить политику становления суверенного, независимого, правового государства, должна способствовать развитию гражданского общества и значительному укреплению отечественной правовой системы, важной составляющей которой она является» [1]. Для определения актуальной концепции правового воспитания необходимо исследовать следующие подходы, собственно, к пониманию воспитания: философский, социологический, психологический и педагогический. В философии воспитание рассматриваются как «целесообразное, произвольно направляемое взросление ребёнка в социокультурном (духовно-практическом) пространстве человеческого общения. В более широком смысле воспитание понимается как любое сознательно планируемое интеллектуальное, эстетическое и нравственное влияние на индивида или группу людей любого возраста» [2, с. 440–441]. По нашему мнению, первое определение ограничивает, сужает объект воспитания детским или подростковым возрастом, поэтому более правильным будет рассматривать воспитание в широком смысле. Социология же рассматривает воспитание преимущественно как целенаправленный процесс, осуществляемый в пределах определенных социальных институтов (семья, школа, армия, ВУЗ, государственная служба, производство, политическая партия и др.) и исследует с помощью соответствующего научно-методического инструментария). Цель такого воспитания – подготовить человека к выполнению определенных социальных функций и ролей, которые бы отвечали насущным потребностям общества. Любое общество заинтересовано, чтобы его члены являлись высокоморальными и законопослушными гражданами, любящими свою Родину патриотами, готовыми встать на ее защиту, были квалифицированными специалистами в своей области, берегли природу и сохраняли национальную культуру. Список можно продолжать до бесконечности. Воспитанию, как социальному феномену, присуща практически вся совокупность форм социального: социальное явление, взаимодействие, организация, процесс и др. В психологии воспитание принято рассматривать как планомерный и целенаправленный процесс воздействия на сознание и поведение лица с целью формирования у него нравственных понятий и установок, принципов, ценностных ориентаций и навыков практического поведения, которые создают условия для его развития и готовят к общественной и трудовой деятельности. Психологи отмечают, что в процессе воспитания развиваются волевые качества и черты характера личности, формируются ее физические, умственные, мировоззренческие, нравственные, эстетические и другие особенности. В

культурологии понятие «воспитание» толкуют как формирование ценностной системы, приобретение личностью эмоционально-ценностной ориентации с целью ее подготовки к производственной, общественной и культурной деятельности. Узкое понимание воспитания в культурном аспекте сводится к сознательному и целенаправленному внушению ребенку определенной ценностной системы, правил поведения, мировоззрения и др. Такой подход также присущ семье, школе, системе высшего образования, трудовому или воинскому коллективу. С педагогической точки зрения воспитание можно рассматривать как процесс целенаправленного, систематического формирования личности, обусловленный законами общественного развития, действием многих объективных и субъективных факторов. Воспитание в широком значении рассматривают как совокупность различных, не связанных между собой, влияний на формирование личности и ее ценностной системы, направленных на подготовку к активному участию в производственной, общественной и культурной жизни общества. В течение последних лет в России заметно актуализировалась проблема правового воспитания, причем, не только молодого поколения. В научной литературе рассматривается немало различных подходов к правовому воспитанию как явлению социально-правовой реальности и прослеживается плюрализм его научных трактовок. По нашему мнению, это обусловлено определенными обстоятельствами. Во-первых, правовое воспитание воспринимается в рамках понятий «право» и «воспитание». Поскольку, как мы уже выяснили, понятие «воспитание» является многоаспектным, существует и много подходов к его пониманию, а также множество его определений. Такое многообразие подходов применимо и правовому воспитанию, что требует по-новому рассмотреть и само понятие «правовое воспитание» в контексте взаимосвязи понятий «право» и «воспитание». В общепринятом понимании правовое воспитание направлено на формирование и повышение уровня правового сознания и правовой культуры. По аналогии с воспитанием вообще, правовое воспитание также принято рассматривать в широком и узком понимании. В первом случае речь может идти о правовой социализации, когда человека «воспитывает» его окружение, поведение людей, социальные институты, правовая практика и государство в целом. Характерно, что у большинства субъектов, осуществляющих деятельность в сфере права, нет прямой цели, осуществить на других лиц правовоспитательное влияние, однако такое воздействие осуществляется, например, «разъяснение гражданам содержания норм права, закрепляющих личные права и свободы человека, а также предоставление рекомендации по наиболее эффективному осуществлению личного право (разъяснительная работа, пропаганда и т. д)» [3]. Следовательно, правовое воспитание можно понимать как целенаправленно организованная, систематическая деятельность уполномоченных субъектов с целью нормативно - правового, ценностного и информационно - ориентированного влияния на участников общественных отношений для формирования у них надлежащего уровня правового сознания, правового поведения и правовой культуры. Реализация современных требований общества уважительного отношения к Закону и борьба с правовым нигилизмом на всех уровнях, предполагает целенаправленную и системную деятельность всех государственных и муниципальных органов, институтов гражданского общества, СМИ и самих граждан в сфере правового воспитания и правового просвещения. Большой проблемой в этой связи является перестройка психологии и воспитание лиц с уже выявленным асоциальным поведением, в особенности молодого поколения, а также лиц, преступивших Закон. Правовое воспитание каждой отдельной категории граждан, безусловно, имеет свою определенную специфику в системе правового воспитания в целом. Правовое воспитание всех граждан по объективным причинам не может быть тождественным и совпадать по содержанию. Но любое правовое воспитание должно формировать уважение к Закону, дисциплину, ответственность, чувство долга. Оно способствует развитию активной жизненной и гражданской позиции, участвует в формировании гармонично развитой личности, которая сознательно участвует в жизни общества и государства, не боится взять на себя ответственность за судьбу страны. Каждому гражданину с малых лет нужно прививать готовность и умение воспринимать, перерабатывать и обобщать новую социальную информацию, делать критические выводы, а главное, проверять на соответствие общепринятым требованиям, законности, а уже исходя из этого, принимать правильные решения и действовать, не нарушая Закон.

Список литературы:

[1] Михайлов Ф. Т. Воспитание // Новая философская энциклопедия : в 4 томах / Институт философии Российской академии наук, Национальный общественно-научный фонд ; науч.-ред. совет : В. С. Степин [и др.]. Москва : Мысль, 2000–2001. Том 1 : А-Д. 2000. С. 440–442.

[2] Шувалов А. П. О некоторых вопросах формирования и функционирования государственной правовой идеологии России в совре-

менных условиях / А. П. Шувалов, Н. И. Меркулова // Закон и право. – 2021. – № 8. – С. 116-117.

[3] Шувалов А. П. О некоторых аспектах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по обеспечению права человека на безопасность / А. П. Шувалов, С. Н. Устюгов, А. Д. Елизарова // Закон и право. – 2020. – № 12. – С. 181-183.

References:

[1] Mikhailov F.T. Education//New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes/Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, National Social and Scientific Foundation; scientific-ed. advice: V. S. Stepin [et al.]. Moscow: Thought, 2000-2001. Volume 1: A-D. 2000. S. 440-442.

[2] Shuvalov A.P. On some issues of the formation and functioning of the state legal ideology of Russia in modern conditions/A.P. Shuvalov, N.I. Merkulova//Law and Law. – 2021. – № 8. - S. 116-117.

[3] Shuvalov A.P. On some aspects of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation to ensure the human right to security/A.P. Shuvalov, S.N. Ustyugov, A.D. Elizarova//Law and Law. – 2020. – № 12. - S. 181-183.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-522-525

АНТИПИНА Анастасия Алексеевна,
студент,
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: nast3713@gmail.com

ИСКУССТВЕННЫЕ ВОЗРАСТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КАК ФАКТОР ТЕХНОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИЗНАКОВ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА, ЗАФИКСИРОВАННОГО В ОБЪЕКТИВНЫХ ОТОБРАЖЕНИЯХ, ОТНОСЯЩИХСЯ К РАЗНЫМ ВОЗРАСТНЫМ ПЕРИОДАМ

Аннотация. *В данной статье обозначены и охарактеризованы искусственные возрастные изменения, а также названы алгоритм их создания и цели, которые достигаются при такой трансформации внешнего облика. Рассмотрены возможности применения подобных программ и обозначены их пределы, обусловленные недостаточностью базы для их обучения, что в последующем приводит к снижению достоверности полученных фотоизображений. Отмечены преимущества использования таких программ в экспертной практике, а также приведены примеры использования таких программ в противоправных целях. Указано на то, что естественные возрастные изменения индивидуальны и многообразны, что также не учитывается при генерации изображений и, соответственно, порождает типичные экспертные ошибки. Выявлены особенности разграничения искусственных и естественных возрастных изменений, обусловленные знанием алгоритма и пониманием цели создания сгенерированных объектов. Названы и охарактеризованы такие термины как «измененный внешний облик» и «цифровое изменение внешности», использование которых в понятийном аппарате эксперта позволит при проведении исследования указывать на способ преднамеренного изменения внешнего облика путем использования различных редакционных программ и алгоритмов искусственного интеллекта. Обосновывается само существование новых объектов исследования судебной портретной экспертизы, появившихся в связи с развитием алгоритмов обработки изображений. Приведены особенности исследования таких объектов, связанные с установлением факта искусственного создания внешнего облика путем применения знаний в области компьютерно-технической экспертизы и с учетом понимания закономерностей появления возрастных признаков в различных периодах жизни человека. Указывается на недостаточность разработанности данной темы в современной науке.*

Ключевые слова: *возрастные изменения, «омоложение» и «состаривание» лица, внешний облик, редакционные программы.*

ANTIPINA Anastasia Alekseevna,
student,
O.E. Kutafin University (MGUA)

ARTIFICIAL AGE-RELATED CHANGES AS A FACTOR IN THE TECHNOLOGY OF STUDYING THE SIGNS OF A PERSON'S APPEARANCE, RECORDED IN OBJECTIVE REPRESENTATIONS RELATED TO DIFFERENT AGE PERIODS

Annotation. *This article identifies and characterizes artificial age-related changes, as well as the algorithm for their creation and the goals that are achieved with such a transformation of appearance. The possibilities of using such programs are considered and their limits are indicated, due to the lack of a base for their training, which subsequently leads to a decrease in the reliability of the obtained photographic images. The advantages of using such programs in expert practice are noted, as well as examples of using such*

programs for illegal purposes. It is pointed out that natural age-related changes are individual and diverse, which is also not taken into account when generating images and, accordingly, generates typical expert errors. The features of distinguishing between artificial and natural age-related changes are revealed, due to knowledge of the algorithm and understanding of the purpose of creating generated objects. Terms such as "altered appearance" and "digital appearance change" are named and characterized, the use of which in the conceptual apparatus of the expert will allow during the research to indicate a way to intentionally change the appearance through the use of various editorial programs and artificial intelligence algorithms. The very existence of new objects of forensic portrait examination research, which appeared in connection with the development of image processing algorithms, is substantiated. The article presents the features of the study of such objects related to the establishment of the fact of artificial appearance creation by applying knowledge in the field of computer-technical expertise and taking into account the understanding of the patterns of the appearance of age-related signs in different periods of human life. It is pointed out that the lack of elaboration of this topic in modern science.

Key words: *age-related changes, "rejuvenation" and "aging" of the face, appearance, editorial programs.*

На данный момент особую актуальность приобретает проведение портретных экспертиз в отношении лиц, внешность которых претерпела значительные возрастные изменения.

Говоря о возрастных изменениях, нужно отметить, что они проявляются как в результате естественного процесса старения организма, так и благодаря компьютерному моделированию внешнего облика человека. В последнем случае следует говорить об искусственных изменениях, полученных в результате использовании различных цифровых технологий и алгоритмов обработки изображений, а именно благодаря применению цифровых процедур «омоложения» и «состаривания» лица.

«Состаривание» и «омоложение» лица с помощью компьютерных технологий происходят следующим образом: путем применения автоматизированных алгоритмов программа трансформирует исходное изображение, меняя текстуру лица (делая более рельефной при «состаривании» и более гладкой при «омоложении»), форму лица и отдельных его частей, что позволяет добиться реалистичности полученного изображения.

При этом нужно отметить, что различные редакционные программы при данной им задаче состарить изображение лица учитывают именно естественные возрастные изменения.

Естественные возрастные изменения лица индивидуальны и многообразны, однако, по утверждению А.П. Кибкало, существуют определенные устоявшиеся признаки старения (обязательные и возможные): морщинистость кожи, отеки вокруг глаз, коричневые пигментные пятна, постоянные синяки и кровоподтеки, красноватые сосудистые образования в разных областях лица, капиллярные сеточки на носу, щеках т.д. [1, с. 118-120] С данным утверждением нельзя не согласиться, поскольку во многих программах «состаривание» лица происходит только за счет добавления морщин, а «омоложение» благодаря разглаживанию кожи лица.

Анализируя вышесказанное, нужно заметить, что для получения подобных отображений необходимо на исходное изображение наложить «маску», соответствующую заданным возрастным параметрам и скорректированную с учетом анатомических и иных особенностей конкретного человека.

Сам процесс возрастного преобразования лица с помощью современных технологий на данный момент является перспективным, но слабо разработанным вектором. Это связано с тем, что для обучения подобных программ нужны большие массивы данных, основанные на закономерностях образования естественных возрастных изменений. Сбор такого архива является довольно трудоемкой работой, поэтому на данный момент не создано полноценной базы для обучения подобных программ на основе искусственного интеллекта.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что хотя информационные технологии и позволяют генерировать внешний облик человека с учетом заданного возрастного периода, но, по мнению В.В. Бирюкова, такой «прогноз» имеет лишь вероятностный характер [2, с. 60]. Данное суждение невозможно не признать, поскольку оно подтверждается и практической деятельностью.

Так, существующие механизмы изменения возрастных характеристик лица сталкиваются с ключевой проблемой, а именно неестественным и довольно однообразным изменением черт лица,

поскольку при генерации изображений нет учета индивидуальных особенностей каждого человека.

Все отмеченное раннее является существенной проблемой при использовании подобных систем, поскольку внедрение программ, способных редактировать изображения, при разрешении данной проблемы может помочь при решении различных задач в целях судопроизводства. Например, при поиске пропавших детей, особенно спустя много лет после пропажи, с помощью специальных программ можно создать изображения, показывающие как ребенок мог бы выглядеть в зрелом и даже пожилом возрасте.

Однако также нужно отметить, что фотоизображения человека, преобразованные с помощью цифровых технологий, могут быть использованы для различных противоправных целей. Так, измененные фотографии могут быть включены в поддельные удостоверения личности, водительские права или другие документы, что впоследствии может использоваться для совершения преступлений. Важно сказать, что данный пример использования подобных технологий является нарушением законодательства и может повлечь за собой юридическую ответственность.

Соответственно, знание алгоритма и понимание цели создания искусственных возрастных изменений позволяет эксперту их выявлять и разграничивать с естественными возрастными изменениями, что важно для решения экспертной задачи, формулирования вывода и в целом для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Также говоря об искусственных возрастных изменениях, нельзя не упомянуть такое понятие как измененный внешний облик, который по мнению Т.А. Солодовой, означает «совокупность индивидуальных, устойчивых, изменённых под влиянием естественных процессов либо в результате целенаправленного воздействия, характеристик внешности конкретного человека, способная отображаться в памяти людей и на материальных средствах фиксации» [3, с. 30].

Данное определение важно в контексте данной работы, поскольку эксперт, который исследует подобные изображения, должен сказать о том, что изучаемый им внешний облик является измененным, а конкретнее нужно упомянуть про цифровое изменение внешности человека.

Цифровое изменение внешности человека — это трансформация возраста, пола, расовых признаков и других характеристик внешности человека с помощью цифровых технологий, таких как искусственный интеллект и других инструментов для редактирования фото- и видеоизображений, в целях умышленной корректировки возрастных изменений на лице человека.

Данное определение необходимо отразить эксперту в своем заключении, поскольку оно показывает способ преднамеренного изменения внешнего облика путем использования различных редакционных программ и алгоритмов искусственного интеллекта.

Также нужно отметить, что в связи с появлением искусственных возрастных изменений, появляются и новые объекты исследования для судебной портретной экспертизы и как следствие отличительные черты исследования подобных изображений.

Так, при исследовании таких объектов эксперту необходимо обращать внимание на механизм состаривания лица. Нужно учитывать, что естественное старение изменяет форму и текстуру лица (например, появляются морщины) и сильно зависит от различных факторов, в частности, таких как этническая принадлежность, пол, генетика, образ жизни и состояние здоровья. Соответственно, эксперту необходимо проанализировать возрастные признаки, зафиксированные на объекте исследования, и определить, обусловлено ли отклонение от нормы в образовании возрастных изменений индивидуальной особенностью организма либо является результатом моделирования внешнего облика человека с помощью компьютерных технологий.

Таким образом, исследование объектов, образованных путем применения цифровых процедур «состаривания» и «омоложения», проводится так же, как исследование отображений лиц, на которых зафиксировано естественное (физиологическое и патологическое) старение организма, но с определенными специфическими чертами. Эти черты связаны с установлением самого факта искусственного создания внешнего облика путем применения знаний в области компьютерно-технической экспертизы и с учетом понимания закономерностей появления возрастных признаков в различных периодах жизни человека.

Следовательно, искусственные возрастные изменения — это относительно новое явление, значение которого еще не в полной мере раскрыто. Тем не менее, на данный момент уже можно однозначно сказать, что такие изменения позволяют говорить о новом объекте исследования, полученном в результате цифрового изменения внешности и как следствие об особенностях исследования подобных объектов.

Список литературы:

[1] Кибкало А.П. Познай свое лицо. Изд-во Медицинская книга, 2007. - 123 с.

[2] Бирюков В.В. Криминалистическая габитоскопия: учебник для вузов / В.В. Бирюков, Т.П. Бирюкова; под общ. ред. Т.П. Бирюковой. - Москва: Юрайт, 2025. - 144 с.

[3] Солодова Т.А. Криминалистическое установление лиц с изменённым внешним обликом: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.12 / Солодова Татьяна Анатольевна; [Место защиты: Российский государствен ный университет правосудия]. — Москва, 2021. - 183 с.

References:

[1] Kibkalo A.P. Know your face. Publishing House Medical Book, 2007. - 123 s.

[2] Biryukov V.V. Forensic habitoscopy: a textbook for universities/V.V. Biryukov, T.P. Biryukova; under the general. ed. T.P. Biryukova. - Moscow: Yurayt, 2025. - 144 s.

[3] Solodova T.A. Forensic identification of persons with a changed appearance: abstract dis.... Candidate of Law: 12.00.12/Solodova Tatyana Anatolyevna; [Place of defense: Russian State University of Justice]. - Moscow, 2021. - 183 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-526-529

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
кандидат педагогических наук,
e-mail: 19katrin81@bk.ru,

ПОНЯТИЕ АРХИВА И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХИВОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые основы организации деятельности архивов, а также основные понятия архива.*

Ключевые слова: *документ, архивное дело, информация, экспертиза, научная ценность, информация.*

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
leading researcher,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Pedagogical Sciences

THE CONCEPT OF ARCHIVES AND THE LEGAL BASIS FOR THE ORGANIZATION OF ARCHIVES

Annotation. *The article discusses the legal basis for organizing the activities of archives, as well as the basic concepts of archives.*

Key words: *document, archival business, information, expertise, scientific value, information.*

Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» вводит следующие понятия:

Архивное делов Российской Федерации – деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и граждан в сфере организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов;

Архивный документ– материальный носитель с зафиксированной на нем информацией, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и подлежит хранению в силу значимости указанных носителя и информации для граждан, общества и государства;

Документы по личному составу– архивные документы, отражающие трудовые отношения работника с работодателем;

Документ Архивного фонда Российской Федерации – архивный документ, прошедший экспертизу ценности документов, поставленный на государственный учет и подлежащий постоянному хранению;

Особо ценный документ – документ Архивного фонда Российской Федерации, который имеет непреходящую культурно-историческую и научную ценность, особую важность для общества и государства и в отношении которого установлен особый режим учета, хранения и использования;

Уникальный документ – особо ценный документ, не имеющий себе подобных по содержащейся в нем информации и (или) его внешним признакам, невосполнимый при утрате с точки зрения его значения и (или) автографичности;

Архивный фонд – совокупность архивных документов, исторически или логически связанных между собой;

Архивный фонд Российской Федерации– исторически сложившаяся и постоянно пополняющаяся совокупность архивных документов, отражающих материальную и духовную жизнь общества, имеющих историческое, научное,

социальное, экономическое, политическое и культурное значение, являющихся неотъемлемой частью историко-культурного наследия народов Российской Федерации, относящихся к информационным ресурсам и подлежащих постоянному хранению;

Архив – учреждение или структурное подразделение организации, осуществляющие хранение, комплектование, учет и использование архивных документов;

Государственный архив – федеральное государственное учреждение, создаваемое Правительством Российской Федерации (далее – федеральный государственный архив), или государственное учреждение субъекта Российской Федерации, создаваемое органом государственной власти субъекта Российской Федерации (далее – государственный архив субъекта Российской Федерации), которые осуществляют хранение, комплектование, учет и использование документов Архивного фонда Российской Федерации, а также других архивных документов;

Муниципальный архив– структурное подразделение органа местного самоуправления муниципального района, городского округа или муниципальное учреждение, создаваемое этим органом, которые осуществляют хранение, комплектование, учет и использование документов Архивного фонда Российской Федерации, а также других архивных документов;

Постоянное хранение документов Архивного фонда Российской Федерации– хранение документов Архивного фонда Российской Федерации без определения срока (бессрочное);

Временное хранение архивных документов– хранение архивных документов до их уничтожения в течение сроков, установленных нормативными правовыми актами;

Временное хранение документов Архивного фонда Российской Федерации – хранение документов Архивного фонда Российской Федерации до их передачи на постоянное хранение в порядке, установленном статьей 21 настоящего Федерального закона;

Депозитарное хранение документов Архивного фонда Российской Федерации – хранение документов Архивного фонда Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти и организациями (в том числе академиями наук Российской Федерации, имеющими государственный статус, за исключением Российской академии наук) в течение сроков и на условиях, определенных соответствующими договорами между ними и специально уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти;

Экспертиза ценности документов – изучение документов на основании критериев их ценности в целях определения сроков хранения документов и отбора их для включения в состав Архивного фонда Российской Федерации;

Упорядочение архивных документов – комплекс работ по формированию архивных документов в единицы хранения (дела), описанию и оформлению таких единиц хранения (дел) в соответствии с правилами, установленными специально уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти;

Владелец архивных документов – государственный орган, орган местного самоуправления либо юридическое или физическое лицо, осуществляющие владение и пользование архивными документами и реализующие полномочия по распоряжению ими в пределах, установленных законом или договором;

Пользователь архивными документами – государственный орган, орган местного самоуправления либо юридическое или физическое лицо, обращающиеся на законных основаниях к архивным документам для получения и использования необходимой информации.

Законодательная и нормативно-методическая база по архивоведению включает следующие документы:

Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации», который принят Государственной Думой 1 октября 2004 года. Закон регулирует отношения в сфере организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов, независимо от форм собственности, а также отношения в сфере управления архивным делом в Российской Федерации в интересах граждан, общества и государства.

Закон разграничивает полномочия Российской федерации, субъектов Российской Федерации, а также муниципальных образований в области архивного дела.

В Законе закреплено разделение архивных документов на:

- архивные документы, относящиеся к государственной собственности;
- архивные документы, относящиеся к муниципальной собственности;
- архивные документы, относящиеся к частной собственности.

Определено правовое положение архивных документов, находящихся в собственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, а также особенности гражданского оборота документов Архивного фонда Российской Федерации, находящихся в частной собственности.

Закон регламентирует создание архивов, организацию управления архивным делом в Российской Федерации, финансовое и материально-техническое обеспечение архивного дела, контроль за соблюдением законодательства об архивном деле в Российской Федерации, а также хранение и учет архивных документов, комплектование архивов архивными документами.

Закон вводит новые сроки временного хранения документов Архивного фонда Российской Федерации до их передачи на постоянное хранение.

Со дня вступления в силу данного Федерального закона признаны утратившими свою силу:

- Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах от 7 июля 1993 года № 5341-1;
- Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 7 июля 1993 года № 5342-1 «О порядке введения в действие Основ законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах».

Список литературы:

[1] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[2] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[3] Искандаров Р. Р., Фастпвцов Г. А., Вилкова А. В., Дикопольцев Д. Е. / Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[4] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Ведомости уголовно-исполнительной сисвтемы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[5] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[6] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[7] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[10] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[11] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[12] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

References:

[1] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practi-

cal Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[2] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[3] Iskandarov R.R., Fastpvtsov G.A., Vilkova A.V., Dikopoltsev D.E./Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[4] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[5] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[6] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[7] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[8] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 169-172.

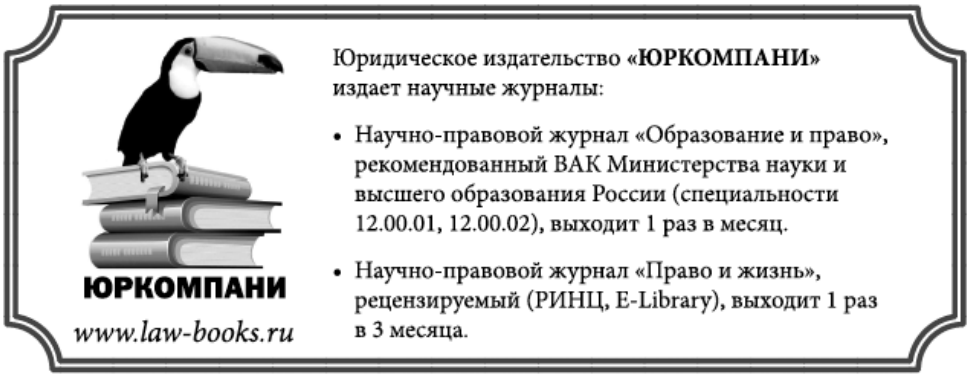
[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[10] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. “Postgraduate Library” St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[11] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[12] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[13] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-530-536

ШАУТАЕВА Гульнара Хасановна,
начальник кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: g.h.shautaeva@mail.ru

ПЕЧНИКОВ Геннадий Алексеевич,
профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, e-mail: g.h.shautaeva@mail.ru

ШАПИРО Ирина Михайловна,
Доцент кафедры гражданского права и процесса Международного института (Астраханский филиал), кандидат юридических наук, e-mail: shapiro.law@mail.ru

ДИАЛЕКТИКА К. МАРКСА В ВОПРОСЕ О ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Аннотация. *В статье показана состязательная сущность действующего УПК РФ, в котором состязательная процессуальная форма имеет приоритет над фактическим содержанием, поэтому по уголовному делу устанавливается формально- юридическая истина, а не объективная истина, что неизбежно ведет к тавтологии: «средства для средств», «состязание для состязания» - победа за сильнейшим. Вместо установления истины по делу - выяснение силы сторон. Между тем, для состязательного УПК РФ отказ от научной диалектики и объективной истины, как оказывается это просто норма. В вопросе о правоотношениях использовалась статья Карла Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса».*

Ключевые слова: *диалектика, уголовно-правовые отношения, уголовно-процессуальные отношения, форма, содержание, частный интерес, обвиняемый, виновный, правоприменительный процесс, единый феномен, эклектизм, состязательный уголовный процесс, объективно-истинный уголовный процесс, формально-юридическая истина; тавтология, объективная истина.*

SHAUTAEVA Gulnara Khasanovna,
Head of the Department of Criminal Procedure of the educational and scientific complex for preliminary investigation in the internal affairs bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of legal sciences, associate professor

PECHNIKOV Gennady Alekseevich,
Professor of the Department of Criminal Procedure of the educational and scientific complex under preliminary investigation in the internal affairs bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor

SHAPIRO Irina Mikhailovna,
Associate Professor, Department of Civil Law and Process, International Institute (Astrakhan Branch), Candidate of Law

K. MARX'S DIALECTIC ON LEGAL RELATIONS

Annotation. *The article shows the adversarial essence of the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, in which the adversarial procedural form takes precedence over the actual content, therefore, in a criminal case, a formal legal truth is established, and not an objective truth, which inevitably leads to tautology: "means for means," "competition for competition" - victory for the strongest. Instead of establishing the truth in the case - finding out the strength of the parties. Meanwhile, for the adversarial Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the rejection of scientific dialectics and objective truth, as it turns out, is just the norm. In the question of legal relations, Karl Marx's article "Debate on the law on the theft of forests" was used.*

Key words: *dialectics, criminal law relations, criminal procedure relations, form, content, private interest, accused, guilty, law enforcement process, single phenomenon, eclecticism, adversarial criminal process, objective-true criminal process, formal-legal truth; tautology, objective truth.*

Хотя уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения тесно переплетены, возникает резонный вопрос: оправдано ли полное стирание их границ и рассмотрение их как единого «правоприменительного процесса». Такая унификация может привести к тому, что их фундаментальные различия станут неясными, и все будет восприниматься как нечто единое и недифференцированное. Мы считаем, что с точки зрения материалистической диалектики, как объективной закономерности, пренебрегать этими требованиями недопустимо, не следует указанные правоотношения объединять в единый «правоприменительный процесс». Наоборот, эти правоотношения как диалектические противоположности необходимо четко оттенять, различать, доводить до остроты антиномий. Ведь у каждого из рассматриваемых правоотношений своя миссия, свое предназначение и нельзя назначение одного правоотношения делать назначением другого. Нельзя уголовно-процессуальные отношения подменять уголовно-правовыми. Нельзя в рамках уголовного процесса обвиняемого (подозреваемого) рассматривать как лицо виновное в преступлении, как преступника в нарушении презумпции невиновности. Имеется своя форма и свое содержание как у уголовно-правовых так и уголовно-процессуальных отношений. Это означает, что нельзя уголовный процесс делать формой уголовно-правовых отношений.

Нередко правоведы мысль К. Маркса из его статьи «Дебаты по поводу закона о краже леса»: «Процесс есть только форма жизни закона» [1, с.158] трактует в том смысле, что уголовный процесс — это только форма уголовно-правовых отношений.

К примеру, И.Н. Кондрат отмечает, что принудительный характер реализации уголовной ответственности, осуществляемой независимо от воли лица, совершившего преступление, предопределяет включение в уголовно-процессуальную форму специальных механизмов процессуального воздействия. Совокупность и интенсивность таких мер обусловлены спецификой самих уголовно-правовых отношений, которые выступают содержательной основой правоприменительного процесса [2,с.117].

Используя обобщающую категорию «правоприменительный процесс», И.Н. Кондрат по существу объединяет материально-правовое наполнение уголовной ответственности с уголовно-процессуальным оформлением. Подобный подход приводит к размыванию границ между уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными правоотношениями, вследствие чего утрачивается принципиальное различие в правовом статусе обвиняемого и лица, признанного виновным в совершении преступления.

В указанном контексте показателен и сам заголовок диссертационного исследования К.В. Муравьёва — «Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона». Уже на уровне формулировки темы прослеживается тенденция к стиранию различий между уголовно-правовым содержанием и уголовно-процессуальной формой. Развивая данную позицию, автор утверждает, что меры пресечения, равно как и иные способы процессуального принуждения, следует рассматривать как особый инструмент государственного воздействия на лиц, в отношении которых имеется обоснованное подозрение или предъявлено обвинение, что обусловлено высокой вероятностью назначения им уголовного наказания по итогам судебного разбирательства [3,с.18-19].

Применение принудительных ограничений в рамках уголовного судопроизводства, включая лишение свободы, по мнению К. В. Муравьева, допустимо лишь постольку, поскольку существует право государства на наказание подлинного виновника преступления и имеются достаточные основания предполагать, что именно обвиняемый является лицом, совершившим преступление. С момента выявления преступного

деяния право на наказание приобретает подвижный, динамичный характер, поскольку его потенциальная реализация опосредованно отражается на уголовно-процессуальных отношениях, формируемых не только нормами процессуального, но и уголовного права [3, с. 18 – 19].

Отсюда, логически исходят из производности, вторичности уголовно-процессуальных отношений от материально-правовых, и, тем самым, как представляется, лишают уголовный процесс своей собственной свободы, ценности, самодостаточности, и делают его пустым придатком уголовного права.

Когда форма уголовно-процессуальная, а содержание уголовно-правовое, тогда неминуемо получается, что «обвиняемый и есть преступник», что «право на наказание находится в динамическом состоянии», то есть наступает не после реализации уголовного-процессуальных правоотношений, не с момента вступления приговора суда в законную силу, а гораздо раньше, еще в рамках и во время действия уголовно-процессуальных отношений, что неизбежно ведёт к стиранию различий между уголовно-процессуальными и уголовно-правовыми отношениями, между обвиняемым и виновным, когда начинают исходить из того, что меры пресечения в уголовном процессе имеют тот же характер и цель, что и меры уголовного наказания.

Конечно, диалектически количество переходит в качество, и по мере накопления доказательственных улик наличие уголовно-правового отношения в конкретном случае становится всё более очевидным, отчётливым. Тем не менее, важен формальный момент, присущий вообще любым правоотношениям, который требуется неукоснительно соблюдать, ведь «форма существенна». Пока приговор суда не вступит в законную силу (а это формальный момент), лицо считается невиновным и не наступают уголовно-правовые отношения уголовной ответственности к виновным.

«Многие исследователи,— отмечает К.В. Муравьёв,— определяют (определяли) уголовный процесс формой уголовного права, т.е. отношение между процессом и статутным правом рассматривают как связь формы и содержания единого феномена»[4,с.10].

Итак, форма — уголовно-процессуальная, а содержание уголовно-правовое и это рассматривается как «единый феномен». Да, диалектические противоположности действительно сходятся в единстве целого, однако, при этом следует учитывать, что эти противоположности должны быть по-настоящему диалектическими, системными, а не производными, не внешними, не эклектическими, не кажущимися и т.п. Противоположности эти должны быть строго своими, коренными, чтобы они давали действительный эффект «существенной формы и оформленной сущности», в отличие когда форма берется от одного правоотношения, а содержание — от другого. Тогда выходит одна мешанина.

Мы считаем, что попытка объединить уголовно-процессуальную форму и уголовно-правовое содержание в некий «единый феномен» представляет собой не диалектическое слияние, а эклектическое нагромождение.

Подлинная диалектическая взаимосвязь противоположностей, по нашему убеждению, обнаруживается в общем единстве уголовного права и процесса, а также в диалектических отношениях между формой и содержанием внутри каждой из этих отраслей.

Названные противоположности находятся в диалектическом единстве (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними), когда данные противоположности могут перетекать друг в друга — в этом состоит их диалектика. Так, уголовно-процессуальные правоотношения могут преобразовываться в уголовно-правовые, но не иначе как, исчерпав до конца, до своего предела все свои возможности, когда уголовно-процессуальные отношения доведены до nec plus ultra (самой крайней степени), до тех пор, пока судебный приговор, признающий обвиняемого виновным, не вступит в законную силу. Только с этого момента должны начинать свое действие уголовно-правовые отношения. Но никак не раньше, не в период реализации уголовно-процессуальных отношений. В противном случае, в нарушении презумпции невиновности, обвиняемый — это уже виновный, преступник, обязанный нести уголовное наказание за содеянное. Итак, в целом уголовно-правовые правовые и уголовно-процессуальные отношения диалектически взаимосвязаны. Отсюда, в каждой из этих диалектических противоположностей можно обнаружить элементы, частицы противоположных правоотношений. То есть, в уголовно-процессуальных правоотношениях неизбежно существуют элементы уголовно-правовых отношений, а в уголовно-правовых отношениях проявляют себя частицы, элементы уголовно-процессуальных отношений.

Так, уголовно-правовая норма нередко получает своё конкретное выражение в виде определённой статьи Уголовного кодекса, на основании которой инициируется уголовное дело и реализуется уголовное преследование в отношении подозреваемого либо обвиняемого. В то же время и в рамках уголовно-правовых отноше-

ний можно обнаружить элементы процессуального характера, что свидетельствует о взаимопроникновении указанных сфер правового регулирования.

В частности, принцип презумпции невиновности действует не только в уголовно-процессуальном, но и в уголовном праве, препятствуя отождествлению обвиняемого с лицом, признанным виновным в совершении преступления. Судебный приговор, вступивший в законную силу, обладает равной правовой значимостью как для уголовного процесса, так и для уголовного права, поскольку именно он завершает процесс установления уголовной ответственности.

Наличие в указанных правоотношениях элементов противоположной правовой природы не нивелирует, а, напротив, подчёркивает их принципиальную автономию. Уголовное право и уголовный процесс представляют собой самостоятельные правовые образования, каждое из которых сохраняет собственную сущность и функциональное назначение до тех пор, пока не будут исчерпаны пределы присущих ему регулятивных возможностей.

Лишь на завершающих стадиях их реализации обнаруживается диалектический характер взаимосвязи, выражающийся во взаимном переходе одной правовой формы в другую. Уголовно-процессуальные правоотношения, достигнув своего предела, трансформируются в уголовно-правовые, подобно тому, как дым становится огнем, белое переходит в черное или тайное становится явным, и наоборот. В этом проявляется диалектика противоположностей — их взаимная обусловленность, взаимопереход и целостность как единой системы. К. Маркс в своей статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» наглядно показывает диалектическую взаимосвязь между уголовно-процессуальным содержанием уголовно-процессуальной формой, которая стала твердой преградой на пути алчному частному интересу лесовладельцев, попытавшихся своим частным интересом подменить форму и содержание уголовного процесса. Диалектика в том, что процессуальная форма не «пустая формальность», а форма, неразрывно связанна со своим содержанием. Ведь «форма содержательна, а содержание оформлено».

По Марксу: «Форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания» [1,с.159]. Не случайно К.Маркс отмечает: «Если судебный процесс сводится к одной только бессодержательной форме, то такая пустая формальность не имеет никакой самостоятельной ценности. С этой точки зрения китайское право (речь идёт об уголовно-процессуальном праве, его уголовно-процессуальным содержание прим. авт.) стало бы французским, если бы его втиснули в форму французской процедуры; материальное право (т. е. содержательная сторона уголовно-процессуального прим. авт.), однако, имеет свои необходимые, присущие ему процессуальной формы.» [1,с.158].

Как видим, К. Маркс подчеркивает неразрывную диалектическую взаимосвязь, диалектическое единство формы и содержания уголовного процесса. «…Гласный, свободный судебный процесс, — продолжает К. Маркс, — составляет необходимую принадлежность гласного по своей природе содержания, продиктованного свободой, а не частным интересом» [1, с. 158]. Тем самым, К. Маркс ясно показывает, что содержательная (а не пустая) процессуальная форма составляет необходимую принадлежность своего определенного уголовно-процессуального содержания. Здесь нет места «частному интересу», поскольку процессуальная форма не бессодержательна (в этом ценность процессуальной формы прим. авт.).

Из данной статьи К. Маркса следуют такие важные выводы:

- во-первых, диалектика как объективная всеобщая и универсальная закономерность, как единство и борьба противоположностей, как источник движения (самодвижения), изменения и жизненности проявляет себя буквально во всем. Если есть белое, то есть и черное, есть добро и есть зло, есть действие и противодействие, тайное и явное, причина и следствие, теория и практика, относительное и абсолютное и т.д. Применительно к правоотношениям, то каждое из них, как отмечалась, имеет свою форму и свое содержание, неразрывно связанные;
- во-вторых, между противоположностями существует диалектическая взаимосвязь, т. е. противоположности не сами по себе, не оторваны друг от друга, а взаимозависимы. Так, известная форма требует своего определенного содержания, своей сущности и наоборот, соответственно. Отсюда, китайское право нельзя втискивать в форму французской процедуры, а стало быть, и содержание уголовного права или оперативно- розыскного права не следует внедрять в уголовно-процессуальную форму, ведь форма лишена всякой ценности, если она не есть форма своего содержания;
- в-третьих, диалектическое единство формы и содержания в уголовном процессе не допускает произвольного нарушения, поскольку именно их согласованное взаимодействие обеспечивает достижение под-

линного результата правосудия. Между тем в современном состязательном уголовном процессе Российской Федерации данное равновесие, по нашему мнению, оказывается нарушенным: процессуальная форма приобретает в нем доминирующее значение, вытесняя задачу установления реальных обстоятельств совершённого деяния.

Вследствие такого смещения акцентов по уголовному делу формируется не объективная, а формально-юридическая истина, что выступает прямым следствием утраты диалектической согласованности между процедурой и фактическим содержанием уголовного судопроизводства. В рамках модели, закреплённой УПК РФ, состязательная форма начинает определять содержание, подменяя собой объективно-истинный аспект познания. В результате «истинным» признаётся то, что соответствует установленной процедуре, независимо от степени соответствия выводов действительности.

Тем самым в состязательном процессе приоритет отдается не истине по делу, а соблюдению формальных правил, что выражается в своеобразном принципе: что по форме правильно, то и истинно. Однако объективная истина возможна лишь как итог подлинного диалектического взаимодействия формы и содержания, что по своей природе несовместимо с состязательной моделью уголовного судопроизводства.

Для восстановления системной диалектической связи между формой и содержанием необходим иной, новый тип уголовного процесса, принципиально отличный от состязательного, построенного по логике «выигрыш — проигрыш». Речь идёт об объективно-истинной модели уголовного процесса, которая в современных условиях остаётся практически невостребованной, хотя именно она, на наш взгляд, представляет собой более высокий вид (модель) развития уголовного судопроизводства. В отличие от состязательного процесса, где успех определяется силой позиции стороны, а не её соответствием реальности, объективно-истинный процесс ориентирован на установление действительного положения вещей, то есть установление того, «а как на самом деле».

Объективную истину целесообразно рассматривать как истину фактическую, принципиально отличную от формально-юридической, вероятностной, правовой истины. Состязательная модель уголовного судопроизводства представляет собой процесс, в котором процессуальная форма приобретает характер самоценной и самодостаточной конструкции, существующей независимо от реального содержания дела. В результате форма утрачивает связь с фактической стороной произошедшего и начинает функционировать как самостоятельную ценность.

Между тем диалектическое понимание соотношения формы и содержания, развитое в философии, в частности К. Марксом, исходит из того, что форма не может быть пустой оболочкой: она должна выражать существенные характеристики содержания и быть внутренне с ним связанной. В состязательном уголовном процессе, закреплённом в УПК РФ, данное требование, по существу, игнорируется, поскольку соблюдение процедуры становится значимым само по себе, независимо от достижения объективно истинного результата.

Тем самым складывается ситуация формально-логической замкнутости, своеобразной тавтологии, при которой форма обслуживает лишь саму себя, а не познание истины по делу. Цель уголовного процесса смещается с установления объективной истины на безупречное следование процессуальным правилам. Образно выражаясь, состязательный уголовный процесс напоминает внешне совершенное и красочно оформленное сооружение, которое, однако, лишено внутреннего смыслового ядра — объективной истины как диалектической основы правосудия.

– в-четвертых, в силу научного диалектического подхода в уголовном процессе всегда должна быть цель, четко отличная от средств. Цель и средства — это диалектические противоположности и стирать различия между ними недопустимо. Однако законодатель в действующем УПК РФ сделал принцип состязательности (состязательных сторон) самодовлеющей вещью. Состязательность в нем не только конкретный принцип уголовного судопроизводства, но и основополагающая концепция всего российского уголовного процесса.

Другими словами, в таком процессе все осостязательствовано: и цель и принципы уголовного судопроизводства и правовые институты, включая и институт прав личности, т.к. права и законные интересы личности в состязательном УПК РФ ставится в прямую зависимость от силы сторон. А кто сильнее, тот и прав.

Процессуальный принцип по своей сути является лишь инструментом для достижения определённой цели. Однако в состязательном уголовном процессе состязательность, которая изначально задумывалась как средство, фактически превратилась в цель всего процесса, т.е. состязательность стала самоцелью уголовного судопроизводства. В результате средство и цель

слились воедино, что противоречит диалектическим требованиям науки: противоположности должны сохранять своё чёткое различие. Принцип остаётся инструментом, а цель — конечным результатом; подмена этих категорий нарушает логическую диалектическую структуру уголовного судопроизводства.

В действующем УПК РФ состязательность приобрела статус самоцели, вытеснив любые другие задачи. Она перестала быть средством для достижения более высоких целей и сама стала целью, что привело к искажению принципа «средства для цели». В результате мы наблюдаем порочный круг: «средства для средств», «состязание для состязания», а это тавтология, а не диалектика. Состязательный процесс по УПК РФ оказывается самодостаточным и замкнутым на себе, что не соответствует диалектическому мышлению. Ключевым следствием этого является вытеснение объективной истины из процесса. Самодостаточная состязательность отвергает поиск объективной истины, поскольку исход дела определяется исключительно противостоянием сторон и выявлением победителя. В такой системе объективная истина становится излишней и ненужной.

Состязательный уголовный процесс — это процесс на уровне одних средств без цели, или обесцеленных средств.

Выходит, в действующем состязательном УПК РФ произошла «подмена понятия». Вместо достоверного, объективно-истинного раскрытия преступлений (борьба с преступностью) — происходит выяснение силы сторон. Победа за сильнейшим. В действующем либеральном Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации отсутствует гарантия неотвратимости наказания для виновных. Это связано с тем, что в условиях состязательного процесса исход дела зависит от мастерства сторон. В результате, виновный может избежать ответственности благодаря сильной защите, в то время как невиновный может проиграть поединок сторон.

Таким образом, в состязательном процессе торжествует право и справедливость сильного, а не в действительности правого.

Состязательный уголовный процесс — это выигрышно-проигрышный процесс, поскольку, если сторона не выигрывает, то она проигрывает в поединке сторон. Третьего не дано. Отсюда интересы, цели сторон обвинения и защиты в состязательном процессе существенно занижены, ограничены. Сторонами движет исключительно меркантильно-выигрышный интерес, который не выходит за рамки состязательности.

Существуют принципиально разные виды истины, каждый из которых предполагает свой уникальный тип уголовного судопроизводства: состязательный для одной и ориентированный на объективную истину для другой. Следовательно, различие между состязательной и объективно-истинной моделями уголовного процесса нельзя игнорировать, так как они кардинально отличаются по своей природе и приоритетам.

В состязательном уголовном процессе, как уже упоминалось, сама суть процесса – состязательная: и цель, и методы пронизаны этой формой, что ведет к формально-юридической истине. В объективно-истинной модели, напротив, все направлено на достижение объективной истины, как в плане используемых средств, так и в плане конечной цели.. Поэтому, считаем научно неправильно в состязательную форму уголовного процесса пытаться внедрить объективно-истинное содержание, т.к. начинается сплошная мешанина. Этому нас учит статья диалектика К Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса».

Мы исходим из того, что невозможно в составе состязательного УПК РФ совместить вместе формально-юридическую истину с объективной истиной, т. К. для каждой из них необходим только свой тип (модель) уголовного судопроизводства. Правда, в уголовного-процессуальной науке можно встретить позицию о возможном «сосуществовании» названных истин в рамках состязательного уголовного процесса [5, с 20]. И А. И. Бастрыкин ставит вопрос о возможности возвращении яв УПК РФ институ установления объективной истины [6, с. 4]. То есть таки или иначе, на наш взгляд исходит из возможной совместимости в состязательнмо УПК РФ формально-юридической истины с объективной истиной. С чем мы принципиально согласиться не можем, поскольку считает такой подход эклектическим, а диалектическим. Убеждены, сто объективная истина в составе состязательного УПК РФ ни коем образом не изменит состязательной природы действующего УПК РФ, в котором все решает состязательно-выигрышная сила сторон. А суд в состязательном уголовном процессе пассивен по определению.

Список литературы:

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т.1, М. «Политиздат» 1955. 698 с.

[2] Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: монография / И.Н.Кондрат. — М: ИД «Форум», 2014. 208 с.

[3] Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона. Автореф. дисс. д-ра юрид. наук. Омск. 2017. 43 с.

[4] Муравьев К.В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона: монография. — Москва: Проспект, 2019. 264 с.

[5] Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. – М.: Т. К, Велби изд-во Проспект, 2006. – 192

[6] Бастрыкин А.И. Объективная истина в уголовном процессе / А. И. Бастрыкин – «Автор», 2024 – 10с.

References:

[1] Marx K, Engels F. Op. 2nd ed. t.1, M. "Politizdat" 1955. 698 pp.

[2] Kondrat I.N. Criminal policy of the state and regulatory legal regulation of criminal procedural relations: monograph/I.N. Kondrat. - M: Publishing House "Forum," 2014. 208 pp.

[3] Muravyov K.V. Optimization of the criminal process as a form of application of the criminal law. Autoref. diss. Dr. Jurid. sciences. Omsk. 2017. 43 pp.

[4] Muravyov K.V. Optimization of the procedural form of application of the criminal law: monograph. - Moscow: Prospect, 2019. 264 pp.

[5] Mikhailovskaya I. B. The judge's handbook on evidence in criminal proceedings. - M.: T. K, Welby Publishing House Prospect, 2006. – 192

[6] Bastrykin A.I. Objective truth in criminal proceedings/A.I. Bastrykin - "Author," 2024 - 10s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-537-541

ПАНИН Юрий Иванович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного и финансового права
Академии ФСИН России,
e-mail: panin61@mail.ru

БИРМАМИТОВА Светлана Альбертовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного и финансового права,
Академия ФСИН России,
e-mail: birmamitova.s.a@apu.fsin.gov.ru

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЧАСТНОГО СЫСКА: ОТ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ТРАДИЦИЙ ДО АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос нормативного правового регулирования частного сыска в России через призму генезиса. Формулируется вывод о том, что в настоящее время частная детективная деятельность приобрела самостоятельность и имеет свой определенный административно-правовой статус. Особое внимание уделяется современному состоянию частного сыска в России (2025–2026 гг.): актуальным проблемам отрасли (низкая востребованность профессии, нестабильность заработной платы, ограничения в использовании собранных доказательств, рост нелицензионной деятельности) и реформе законодательства в данной сфере.*

Ключевые слова: *частный сыск, частная детективная деятельность, детектив, административно-правовое регулирование.*

PANIN Yuri Ivanovich,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor Associate Professor of the Department
of Administrative and Financial Law Academy
of the Federal Penitentiary Service of Russia

BIRMAMITOVA Svetlana Albertovna,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor Associate Professor of the Department
of Administrative and Financial Law, Academy
of the Federal Penitentiary Service of Russia

THE HISTORY AND CURRENT STATE OF DOMESTIC PRIVATE INVESTIGATION: FROM PRE-REVOLUTIONARY TRADITIONS TO ADMINISTRATIVE LEGAL REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines the issue of regulatory legal regulation of private detective work in Russia through the prism of genesis. It is concluded that private detective work has now become independent and has its own specific administrative and legal status. Special attention is paid to the current state of private investigation in Russia (2025–2026): the current problems of the industry (low demand for the profession, unstable wages, restrictions on the use of collected evidence, and the growth of unlicensed activities) and the reform of legislation in this area, which will come into force on September 1, 2026.*

Key words: *private investigation, private detective activity, detective, administrative and legal regulation.*

История отечественного частного сыска имеет свои особенности, которые предопределены дореволюционными традициями (соседский надзор) до формирования современного института профессиональной детективной деятельности. Научный интерес представлен потребностью в сопоставлении исторического опыта с современными правовыми реалиями.

Первые зафиксированные упоминания о частном сыске встречаются еще со времен царской России, когда еще не существовало такой профессии, но существовали соседские взаимоотношения. В то время, человек сам должен был искать вора по следу, и если след приводил к дому соседа, тот должен был признать вину и выдать украденное имущество. Так же существовала практика, когда лицо нанимало другое лицо, что бы тот следил за определенным человеком, что бы в последующем выявить подозреваемого.

После «соседский надзор» перестал быть актуальным и пришел ему на смену «профессиональный посредник» - это лицо, которое занималось наблюдением за чем-либо или кем-либо.

Исторический прообраз частного детектива начал появляться в России в XVIII веке и был основан на выполнении интересов высших сословий, определяя направления в области исполнения поручений внутрисемейных дел. Специфика данной деятельности была основана на вмешательстве в частные дела граждан, а также сопряжена со скандальным характером данной профессии, что сказывалось на репутации лиц, осуществляющих частное наблюдение [1, с.32].

Во второй четверти XIX в. отмечается значительный дефицит государственного финансирования кадровых подразделений полиции, что предопределило создание делегированных сыскных полномочий негосударственным структурам. В этот период отмечается появление полицейских составов, но уже не под руководством государства, а под надзором частных организаций. Это создало эффект снижения монополии государственной на сыск, и позволило частному сектору восполнить данную деятельность [2, С.23].

Влияние того времени было обозначено появлением первых выдающихся деятелей, как И.Д. Путилин и А.Ф. Кошко. На их примере профессия сыщика приобрела практическое применение. Генерал Иван Путилин (1830-1889), возглавивший сыскную полицию Санкт-Петербурга, стал создателем первого государственного сыскного агентства, тем самым заложил методологическую основу отечественного следствия.

Аркадий Кошко (1867-1928), руководя Московской сыскной полицией, развил систему регистрации и идентификации преступников. Отмечается, что профессиональная деятельность двух сыщиков была основана на интеллектуально-аналитическом методе – дедукции, с помощью наблюдения и сопоставления фактов они рассматривали самые сложные дела, при этом в условиях отсутствия современных технических средств [3,С.210].

Справедливо будет акцентировать внимание, что в начале XX века, после революции 1917 года возник рост преступности, который был спровоцирован социально-политической нестабильностью, что позволило создать спрос на альтернативные методы расследования. Так появляются частные детективные организации, чья деятельность во многом пересекалась с компетенцией полиции. Таким образом сыск того времени был подконтролен государству, и действовал параллельно, восполняя пробелы государственных правоохранительных органов.

Анализ научной литературы показывает нам, что уже в первые годы советской власти возникала необходимость в привлечении частной детективной деятельности к охране правопорядке и ее правового регулирования. Подготовленный НКВД проект декрета «О частном розыскном бюро», предполагал создание вспомогательного механизма предупреждения преступности, как дополняющая деятельность государственных органов, а основной целью бюро была обозначена как защита имущественных прав [4,С.190].

Во многих научных источниках, говорится о том, что в советский период частная детективная деятельность находилась под запретом, так как правоохранительная функция могла осуществляться только государством [5,С.28].

Несмотря на законодательный запрет частного сыска, в самой государственной системе происходило медленное формирование оперативной работы, связанное с именем Якова Абрамовича Вагина (1926-2010). Профессиональный путь Я.И. Вагина был построен на формировании понимания процесса легализации частного сыска в России.

В 1990-х гг. им было основано одно из первых в стране частных детективных предприятий – бюро «Алекс». В основу его деятельности была встроена четкая система управления, основанная на высоком уровне доверия и личной ответственности. Принцип «внешней защиты» подчиненных в сочетании с жесткой внутренней структурой позволил Я.А. Вагину создать профессиональную школу, методика которой сохраняет актуальность для понимания специфики современного сыска.

В 1990 году по инициативе МВД СССР был разработан проект Закона СССР «Об основах правового положения общественных правоохранительных формирований». Параллельно началась подготовка нормативного акта, призванного

регламентировать функционирование частных детективных служб. Данные инициативы были завершены, так как с началом формирования суверенной российской государственности, подходы к правовому регулированию частного сыска стали иными.

В ретроспективе рассматриваемых событий возрождение частного сыска на правовой основе стало возможно только после трансформации государственного устройства в 1991 году. Смена политической и экономической парадигм послужило толчком к формированию нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность частных сыщиков. В постсоветский период данный вид деятельности приобрел статус востребованного правового инструмента, что позволило сыщику иметь возможность осуществлять защиту интересов граждан и субъектов экономической деятельности [6,с.126].

Официальным признанием негосударственной детективной деятельности можно считать положения п. 19 ст. 10 Закона РСФСР «О милиции», которые в начальной редакции в число обязанностей милиции включали выдачу «в соответствии с законодательством разрешений на создание негосударственных детективных служб», а также предоставляли органам милиции полномочия по контролю за соблюдением закона этими службами [7, с.128].

Ключевым этапом упорядочивания данного сектора стало принятие в 1992 году Закона РФ № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». Данный нормативный акт позволил не только легализовать частный сыск, но и интегрировать его в гражданско-правовой оборот, как способ оказания на возмездной основе услуг по защите прав и интересов заказчиков. Важной деталью данного акта стало и то, что он позволил разграничить правовой статус частного детектива и охранника, что сформировало последовательное формирование институтов в рамках одного поля [8,С.28].

Нормы базового закона в последующем были детализированы посредством Постановления Правительства РФ от 14.08.1992 № 587 «Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности».

Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» урегулировал полномочия соответствующих органов по сбору информации для принятия решения о предоставлении либо об аннулировании лицензии на осуществление частной детективной деятельности, о переоформлении документов, подтверждающих наличие лицензии, о выдаче (о продлении срока действия, об аннулировании) удостоверения частного сыщика.

Следует отметить, что и в дальнейшем подзаконные правовые акты сыграли немаловажное значение в формировании административно-правового статуса частной детективной деятельности. Так, Постановлением Правительства «О некоторых вопросах осуществления частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности» устанавливается порядок лицензирования частной детективной и охранной деятельности, посредством контрольных функций МВД. Перечень нормативных актов различного уровня в той или иной мере, регулирующих отношения, складывающиеся в процессе оказания детективных услуг, на сегодняшний день является внушительным [9,С.56], что уже само по себе формирует новую проблему, являющуюся индикатором современного этапа развития частной детективной деятельности – недостаточность системного подхода в ее правовом регулировании.

Направления деятельности частных детективов в России сегодня разнообразны, и не ограничиваются только расследованиями в рамках уголовного судопроизводства. Задачи детективов начинаются от расследованиями семейных и до борьбы с коррупцией и уголовными преступлениями. Частные детективы предоставляют свои услуги, как частным лицам, так и компаниям, помогая им защитить свои интересы и соблюдать закон. Это направление деятельности регламентировано в Российской Федерации, и на частных детективов в России возложены обязательства по прохождению специального обучения, получению лицензии на осуществление своей деятельности. Детективы работают в тесном сотрудничестве с правоохранительными органами и организациями, обеспечивая эффективное расследование преступлений и защиту прав граждан.

Несмотря на полноценную картину развития детективной деятельности, и наделению ее основными полномочиями, в настоящее время профессия «частный детектив» не имеет особой востребованности. Численность официально зарегистрированных частных детективов на 2025г. не так уж велика и составляет 995 индивидуальных предпринимателей.

Существующая проблема в первую очередь связана с нестабильной заработной платой, которая варьируется в среднем от 50 тыс. руб. до 120 тыс. руб. По данным информационного агентства URA.RU по итогам августа 2025 года на втором месте по снижению заработной платы оказались частные детективы, их зарплаты уменьшились на 25%, что составило 81,2 тысячи рублей [10].

Еще одной причиной выступает определенный кадровый состав, который состоит в большей степени из бывших сотрудников оперативных и следственных подразделений.

До сих пор остается открытым вопрос о возможном проведении полноценных оперативно-розыскных мероприятий, в большинстве случаев собранные доказательства детективом судом не признаются.

Так же отмечается в 2025г. существенное усиление контроля за деятельностью детективов, включая уточнения по проверке их деятельности Росгвардией. При этом рост нелицензионных детективов в сфере IT и семейных делах, создает недобросовестную конкуренцию.

Также современное состояние частной детективной деятельности в 2025-2026 гг. характеризуется переходом к новой модели правового регулирования . С 1 сентября 2026 г. вступают в законную силу ряд нормативных правовых актов, направленные на повышение качества охранных услуг, усиление контроля за оборотом оружия и специальных средств, развитие государственно-частного партнёрства в обеспечении общественной безопасности, усиления контроля за частной детективной деятельностью :

– Федеральный закон от 30.11.2024 № 427-ФЗ «О частной охранной деятельности», в который 25.05.2025 внесены изменения.

Как свидетельствуют разработчики закона, он разработан в целях:

– создания правовой основы для формирования единой государственной политики в сфере детективной деятельности;
– разграничения двух самостоятельных, различных по своему предпринимательских видов деятельностей;
– дальнейшего совершенствования законодательства в сфере сыска;
– приведения детективного законодательства в соответствие с законодательством Российской Федерации;
– совершенствования контроля и надзора за детективной деятельностью;
– наиболее полного и отвечающего потребностям современной урегулирования правоотношений, возникающих в процессе осуществления частной детективной деятельности;
– более чёткого определения участников детективной деятельности,
– получения ими соответствующего статуса, их прав и обязанностей;
– законодательного урегулирования порядка и форм взаимодействия субъектов детективной деятельности с правоохранительными органами в сфере обеспечения правопорядка и борьбы с преступностью.
– создания благоприятных условий для дальнейшего развития деятельности, повышения качества детективных услуг [11].

Новеллой в сфере детективной деятельности станет необходимость уведомления детективом лицензирующего органа (Росгвардии) о начале оказания услуг на договорной основе. По аналогии с охранной деятельностью, в Законе «О частной детективной деятельности» также предусматривается предоставление медицинских заключений исключительно в электронном виде.

Принятие Федерального закона от 30.11.2024 № 434-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» является закономерным и необходимым этапом административно-правовой реформы. Полное законодательное обособление частного сыска от охраны позволяет рассматривать частную детективную деятельность как самостоятельный институт.

– Постановление Правительства РФ от 08.05.2026 № 532 «Об утверждении Правил осуществления федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области частной детективной деятельности».

Указанные Правила устанавливают субъекта государственного контроля (Росгвардию) и определяют виды, сроки и содержание проводимых ими проверок.

Реформа законодательства о частной детективной деятельности обусловлена необходимостью исключения смежных положений, касающихся охранной деятельности, а также сохранения положений, затрагивающих вопросы осуществления частной детективной деятельности, что реализовано в Законе «О частной детективной деятельности». Эти изменения направлены на повышение прозрачности и эффективности регулирования частной детективной деятельности, а также на снижение рисков злоупотреблений и нарушений законодательства.

В заключение следует отметить, что принятие Федерального закона 1992 г. «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» стало историческим рубежом, закрепившим правовую основу и устранившим некоторые противоречия в частной детективной деятельности. Это в свою очередь позволило ее вывести на новый уровень, как инструмент предпринимательской деятельности и публичного функционирования правопорядка одновременно.

Список литературы:

[1] Андруцкий, А.Н. Частная детективная деятельность: историческая ретроспектива и перспективы развития в Российской Федерации// Современные проблемы юриспруденции в условиях глобальных вызовов и трансформационных

процессов: теория и практика: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2024. – С. 32.

[2] Семенов, В.Г. Правовые основания, порядок получения и использования результатов частной детективной деятельности при расследовании преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Г. Семенов. – М., 2005. - С. 23.

[3] Рогозина, Н.В. Частный детектив как особый элемент в структуре правоохранительных органов // Ростовский научный журнал. 2019. – С. 210.

[4] Крысин, А.В. Безопасность предпринимательской деятельности / А.В. Крысин. – М.: Финансы и статистика, 1996. – С. 190.

[5] Кургузкина, Е.Б., Корвякова, Д.О. История становления и развития частной детективной и охранной деятельности в России // Научно-исследовательские публикации. 2019. – С. 28.

[6] Шумилов, А.Ю. Некоторые проблемы становления оперативно-разыскной науки, криминосыскологии и детективологии // Пробелы в российском законодательстве. 2009. – С. 125-128. 126

[7] Потапова А.А. Административное право. Конспект лекций. Учебное пособие. — М.: Проспект, 2021. – 128 с.

[8] Кургузкина, Е.Б., Корвякова, Д.О. История становления и развития частной детективной и охранной деятельности в России // Научно-исследовательские публикации. 2019. С. 24-34. 28.

[9] Володин, К. Альтернативы частной охране - нет! / К. Володин // Охранная деятельность: практический журнал. – 2012. – № 1- 2(133). – С. 56.

[10] См.: Сайт информационного агентства URA.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ura.news/news/1053035973

[11] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О частной детективной деятельности» // https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1779974541&tld=ru&lang=ru&name=Poyasnitelnaya-k-DD

References:

[1] Andrutsky, A.N. Private detective activity: historical retrospective and development prospects in the Russian Federation//Modern problems of jurisprudence in the context of global challenges and transformational processes: theory and practice: materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation of faculty, graduate students and students. Simferopol, 2024. - S. 32.

[2] Semenov, V.G. Legal grounds, procedure for obtaining and using the results of private detective activities in the investigation of crimes: Author. dis.... cand. jurid. Sciences/V.G. Semenov. - M., 2005. - S. 23.

[3] Rogozin, N.V. Private detective as a special element in the structure of law enforcement agencies//Rostov scientific journal. 2019. - S. 210.

[4] Krysin, A.V. Business Security/A.V. Krysin. - M.: Finance and Statistics, 1996. - S. 190.

[5] Kurguzkina, E.B., Korvyakova, D.O. History of the formation and development of private detective and security activities in Russia//Research publications. 2019. - S. 28.

[6] Shumilov, A.Yu. Some problems of the formation of operational-search science, criminology and detective science//Gaps in Russian legislation. 2009. - S. 125-128. 126

[7] Potapova A.A. Administrative law. Lecture summary. Tutorial. - M.: Prospect, 2021. - 128 s.

[8] Kurguzkina, E.B., Korvyakova, D.O. History of the formation and development of private detective and security activities in Russia//Research publications. 2019. S. 24-34. 28.

[9] Volodin, K. There are no alternatives to private security !/K. Volodin//Security activities: practical journal. – 2012. – № 1- 2(133). - S. 56.

[10] See: Website of the URA.RU news agency [Electronic resource]. - Access mode: https ://ura.news/news/ 1053035973

[11] Explanatory note to the draft federal law “On private detective activities “// https://docs.yandex.ru/docs/view?tm1779974541&tld=ru&lang=ru&name=Poyasnitelnaya-k-DD

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

(№ 5 май)
2026 год

Подписано в печать 19.06.2026.
Формат 60x90/8. Печ. л. 67,75. Тираж 100 экз. Заказ № 45.

Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево Московской области, ул. Ленина, д.102.